

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

Я Н В А Р Ъ

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

Я Н В А Р Ъ.

1882 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київ, 20-го лютого 1882 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Январь, 1882 г.

I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., Вл. Антоновича	1
II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. О. Левицкаго	49
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), А. Лазаревскаго	101
IV. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЩІМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ В. А.	126
V. АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА, С. Пономарева	152
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губ. 1855 г.), сообщ. П. Л-въ	174
VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при Харьковскомъ Университетѣ, П. Ефименко	193
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библиографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кievскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й. — б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. М. Н. Александровича. — в) Памятная книжка кубанской области, Е. Д. Фелицына. — г) Гальшка книжня Острожска, оповѣдане историчне д-ра Из. Шараневича	193
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля, — б) Властная гетманша, — в) Петръ 1-й въ Русской Равѣ въ 1698 г., — г) Осиротѣлые колокола, — д) Скоромная водка, — е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междоуметіяхъ, — ж) Забавная родословная (рисунки и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго	212
ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.) ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старинны.“ Кievъ, Бульваръ № 36-й.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

- I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича**. 1
- II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI—XVII В. **О. Левицкаго** 49
- III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), **А. Лазаревскаго**. 101
- IV. ДВЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА (въ извлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В. А.** 126
- V. АЛЬБОМЪ **М. А. Максимовича, С. Пономарева**. 152
- VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ **О. Антонія Ковальскаго** (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ**. 174
- VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГІИ при харьковскомъ университетѣ, **М. Ефименно**. 193
- VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библиографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кievскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й.—б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. **М. Н. Александровича**.—в) Памятная книжка кубанской области, **Е. Д. Фелицына**.—г) Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне д-ра **Из. Шараневича** 199
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи **Кромвеля**.—б) Властная гетманша.—г) **Петръ 1-й** въ русской Равѣ въ 1698 г.—г) Осиротѣлые колокола.—д) Скоромная водка.—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междоуметіяхъ.—ж) Забавная родословная (рисунокъ и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212
- ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.).

Февраль.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городского самоуправления въ Киевѣ въ XIV—XVII ст., Вл. Антоновича	233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ	262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). Л. Мацѣвича	301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова	313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЦИМА, съ предисловіемъ В. А. (Продолженіе)	366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губ. 1855 г.), сообщ. П. Л-въ. (Окончаніе)	386
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. (<i>Окончаніе</i>). 2) Библиографическія замѣтки: а) Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Попко . Выпускъ первый—гребенское войско. В. А. —б) Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго . Д. Б. —в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Я. Грота .—г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ . В. И.	397
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кievскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его униатская летопись (къ исторіи сатавовскаго монастыря подольской епархіи).—в) Компанейскія иголки.—г) Покрытка. Ст. фовъ-Носъ .—д) Илія Човпила , бѣсама въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій).—е) <i>Gaudeamus igitur</i> кievской академіи.—ж) Запорожское расщепленіе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли.—з) Объясненіе приложенія	413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кievская академія и ея студенты (1697—1702 г.).	

Мартъ.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КIEВА	I—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ, въ періодъ ея раздѣловъ (<i>Окончаніе</i>). Е. Крыжановскаго	441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Мялорадовичи), Ал. Лазаревскаго	479
IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КIEВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ Л. М.	499

V. ОПИСАНИЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГНАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году	520
VI. СКАЗАНИЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ.	530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. П. Ефименно	538
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи.—б) Описаніе рукописей виленской публичной бібліотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г.	560
IX. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора-лѣтописца въ 1881 г.—б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ - Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи. — г) Одинъ изъ протестовавшихъ. — д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году.	581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.	

Царъ Иванъ IV
Грозный

Кіевъ, его судьба и значеніе

съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569).

При изученіи исторіи Кіева и всей юго западной Руси мы находимъ въ дошедшихъ до насъ источникахъ значительный пробѣлъ. Съ того времени, какъ кончились свѣдѣнія южныхъ лѣтописей въ исходѣ XIII столѣтія и до появленія новаго цикла лѣтописныхъ и архивныхъ извѣстій во второй половинѣ XVI вѣка, исторію южной Руси мы привыкли или обходить молчаніемъ, или, что гораздо хуже для исторической истины, очерчивать судьбы ея нѣсколькими штрихами, состоящими изъ общихъ мѣстъ и догадокъ, выдаваемыхъ за историческую характеристику, основанную будто бы на фактическихъ данныхъ.

Одно изъ такихъ общихъ мѣстъ, установившихся съ конца XVI столѣтія и, вслѣдствіе частаго повторенія, сдѣлавшихся общепринятымъ историческимъ убѣжденіемъ, составляетъ то мнѣніе, будто послѣ Батыева нашествія Кіевъ былъ превращенъ въ развалины, кіевская область совершенно опустѣла и перестала принимать какое-бы то ни было участіе въ политической и культурной жизни Руси. Опираясь на это общее положеніе и желая объяснить себѣ происхожденіе населенія, существовавшего въ краѣ, по свидѣтельству историческихъ источниковъ конца XVI столѣтія, многіе историки пытались объяснить дѣло гипотезами болѣе или менѣе тенденціозными, не лишеными смѣлости, но къ несчастью не основанными ни на какихъ фактическихъ данныхъ. Такъ съ одной стороны Погодинъ предположилъ, что населеніе южной Руси будто поголовно убѣжало отъ татарскаго нашествія на сѣверъ, (замѣтимъ, гораздо болѣе юга пострадавшій отъ монголовъ) и мѣ-

сто его заняло новое племя, спустившееся съ Карпатъ на днѣпровскія равнины, причемъ переселеніе цѣлыхъ народныхъ массъ произошло будто ни для кого незамѣтно и не оставило никакого слѣда въ бытописаніи. Съ другой стороны пробѣломъ историческихъ свѣдѣній воспользовались польскіе писатели: Грабовскій, Шайноха и другіе и, настаивая на мысли мнимаго заупустѣнія края, колонизовали его польскими выходцами, забывая при томъ пояснить, почему эти выходцы, пришедшіе будто-бы съ береговъ Вислы, представляютъ въ XVI вѣкѣ сплошную массу съ характеромъ русской, а не польской народности. Туманъ историческій, сгущаясь все болѣе и болѣе отъ частаго повторенія вымысловъ и фантастическихъ прикрасъ, сталъ сбивать съ пути и такихъ писателей, которые должны были-бы отличать въ данномъ случаѣ тенденціозность польскихъ писателей и нѣсколько болѣе критически относиться къ прошлому своей родины. Въ этомъ отношеніи, полагаю, достаточно указать, какъ на образецъ увлеченія чуждою исторической истины теоріею, на введеніе въ „исторію возсоединенной Руси“ г. Кулиша.

Между тѣмъ, взглядывшись безъ предубѣжденія въ тѣ немногія, но точныя историческія свѣдѣнія, какія дошли до насъ о судьбѣ южной Руси съ XIII по XVI столѣтіе, мы не можемъ не признать, что общепринятое мнѣніе о заупустѣніи ея въ это время есть не болѣе какъ историческій миражъ. Батыево разореніе есть послѣднее постигшее Кіевъ бѣдствіе, записанное древними русскими лѣтописями; затѣмъ, послѣ долгаго перерыва, въ XVI столѣтіи, путешественники, посѣщавшіе Кіевъ или писавшіе о немъ: Герберштейнъ, Гваньини, Ляссота, Гейденштейнъ и пр., описываютъ развалины, загромоздившія нагорную часть Кіева, и сожальютъ объ упадкѣ величія этого, нѣкогда знаменитаго, города. Уже съ исхода XVI вѣка мы замѣчаемъ у лѣтописцевъ стремленіе связать и сопоставить оба факта, какъ причину и послѣдствіе. Стремленіе это выражается у составителей лѣтописныхъ сводовъ дополненіями и приставками совершенно произвольныхъ подробностей къ исторіи Батыева погрома. Въ древнѣйшемъ извѣстіи о взятіи Кіева Батыемъ, записанномъ въ ипатской лѣтописи, указано только разрушеніе десятинной церкви, своды которой обрушились подъ тяжестью столпившагося на нихъ народа; затѣмъ о разрушеніи города нѣтъ вовсе упоминаній; говорится лишь, что изъ Кіева Батый прошелъ по Вольтыни, разрушилъ нѣсколько городовъ, другіе миновалъ или не успѣлъ взять и, по совѣту плѣннаго боярина Дмитрія, не оста-

навливаясь на пути, поспѣшили ворваться въ Венгрію, чтобы захватить эту страну въ расплохъ, а въ обратномъ пути его указываются грабежи, причиненные татарами въ сѣверной части волынскаго Подѣсья. Несомнѣнно, страна, лежавшая на западъ отъ Днѣпра, пострадала отъ орды въ весьма слабой степени, сравнительно, на примѣръ, съ разореніемъ земель ростовской или рязанской; между тѣмъ никому изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и историковъ не приходитъ въ голову утверждать, что земли эти заустѣли вслѣдствіе Батыева погрома; происходитъ же это лишь потому, что о послѣдующей судьбѣ тѣхъ земель позднѣйшіе составители лѣтописныхъ сводовъ и историкки находили цѣлый рядъ послѣдовательныхъ сказаній въ дошедшихъ до нихъ лѣтописяхъ, между тѣмъ какъ свѣдѣній такихъ о кіевской землѣ не имѣли и позднѣйшее заустѣніе города пытались объяснить послѣднимъ, извѣстнымъ имъ, бѣдственнымъ событіемъ. Такъ въ лаврентіевскомъ лѣтописномъ спискѣ, дошедшемъ до насъ въ редакціи конца XIV столѣтія, въ той части его, которая составлена уже не въ кіевской землѣ, а въ ростовской, вмѣсто обстоятельнаго и исполненнаго подробностей разсказа ипатской лѣтописи, помѣщена краткая только замѣтка, но къ ней прибавлено нѣсколько фразъ объ ограбленіи церкви и поголовномъ истребленіи жителей Кіева. Составитель густинскаго списка, не смотря на то, что пользовался при составленіи своего свода ипатскимъ спискомъ, не ограничился его извѣстіями, но прибавилъ къ нимъ нѣсколько фразъ о разореніи города: „татаре изсѣкше людей безъ числа, а прочихъ связанныхъ въ плѣнъ поведоша, а градъ Кіевъ огнемъ и монастырьъ всѣ запалиша“. Воскресенскій сводъ дополняетъ эту картину разоренія еще болѣе печальными подробностями; по его словамъ: „иные (жители) бѣжаша въ дальныя страны, иные-же кряхуся въ пещерахъ земныхъ и въ горахъ и въ лѣсахъ“. Наконецъ Кіевскій Синописецъ, сводя разсѣянные въ лѣтописяхъ легендарные наросты, изображаетъ слѣдующую картину: „татаре всея Россіи стольный и во всей подсолнечной славный царственный градъ Кіевъ взяша, церкви божественныя разориша, городъ и мѣсто огнемъ сожегоша, людей иныхъ посѣвоша, а иныхъ плѣниша и все государство кіевское ни во что обратиша“. Затѣмъ слѣдуетъ подробный разсказъ о разореніи окончателѣнномъ кіево-печерскаго монастыря и храма. Такимъ образомъ, посредствомъ постоянныхъ наростовъ и украшеній, къ концу XVII столѣтія составила полная картина разоренія Кіева

и запустѣнія кіевской области, освобождавшая писателей отъ дальнѣйшаго разказа о ея судьбѣ, что было-бы для нихъ весьма затруднительно за отсутствіемъ источниковъ. Успокоившись на томъ, что объ исторіи пустыни писать нечего, лѣтописцы и историки свободно переходили изъ Кіева къ исторіи великаго княженія владимірскаго и московскаго и продолжали разказъ, пользуясь источниками лѣтописными, уцѣлѣвшими въ сѣверо-восточной Руси. По разъ проложенному пути пошли дальнѣйшіе историки и установилось мнѣніе, что въ теченіи трехъ столѣтій о южной Руси, запустѣвшей и какъ бы исчезнувшей, слѣдуетъ умалчивать, такъ какъ полагать должно, что все это время она не могла оправиться отъ погрома.

Къ счастью, однако, составители лѣтописныхъ сводовъ были слишкомъ добродушны и владѣли слишкомъ слабыми критическими приѣмами для того, чтобы тенденціозно провести придуманную гипотезу. Пользуясь краткими, доходившими до нихъ замѣтками о кіевской землѣ, они добросовѣстно вносили ихъ въ свои своды, не замѣчая противурѣчія, въ которомъ замѣтки эти находились съ сказаніемъ о Батыевомъ разореніи. Постараемся свести хотя нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ съ половины XIII по конецъ XIV столѣтія, чтобы убѣдиться, насколько картина запустѣнія Кіева и его области не подтверждается даже тѣми источниками, которые подали поводъ къ ея возникновенію.

Исторія всей второй половины XIII столѣтія пространно описана въ концѣ ипатской лѣтописи: мы не только не усматриваемъ въ разказѣ этой лѣтописи признаковъ запустѣнія юго-западной Руси, но, напротивъ того, можемъ прослѣдить постепенный ростъ могущества галицко-волинскаго княжества подъ управленіемъ Данила Романовича и его ближайшихъ наслѣдниковъ. Но сверхъ исторіи этого княжества, ипатская лѣтопись сообщаетъ въ данное время весьма интересныя извѣстія о земляхъ: подольской, болоховской, потетеревской, звягельской (двѣ послѣднія входили въ составъ кіевской области) и т. д., добровольно подчинившихся монголамъ и состоявшимъ въ зависимости отъ хановъ на весьма льготныхъ условіяхъ. Собственно о кіевской области лѣтопись говоритъ мало, такъ какъ область эта не входитъ въ районъ, избранный лѣтописцемъ, но по нѣсколькимъ намекамъ видно, что Кіевъ не былъ превращенъ въ пустыню. Подъ 1250 г. разказано пребываніе Данила Романовича на пути въ орду въ выдубецкомъ монастырѣ, а подъ 1257-мъ упоминается о намѣ-

реніи Даниіла завоевать съ помощью литовцевъ Звягель и Кіевъ. Изъ помѣтокъ занесенныхъ въ густинскій сводъ, мы видимъ, что съ 1243—1249 г. Кіевъ находился подъ властью Ярослава Всеволодовича на основаніи ярлыка, полученнаго имъ отъ хана; затѣмъ на томъ-же основаніи владѣли Кіевомъ Александръ Ярославичъ (1249—1263) и Ярославъ Ярославичъ (1263—1271). Въ XIV столѣтіи таже лѣтопись называетъ кіевскихъ князей: Θεодора (1331—1362), Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргайла Ольгердовича (1392—1396) и Іоанна Борисовича (1396—1399).

Относительно состоянія города и украшавшихъ его церквей въ данное время мы находимъ весьма точныя свѣдѣнія. Кіево-печерскій монастырь и церковь его продолжали существовать въ XIII и XIV столѣтіяхъ: такъ подъ 1274 годомъ густинская и воскресенская лѣтописи занесли фактъ посвященія архимандрита кіево-печерскаго Серапіона въ епископы во Владимірь. Подъ 1289 годомъ, при описаніи похоронъ волынскаго князя Владиміра Васильковича, упоминается другой архимандритъ кіево-печерскій—Агапитъ. Третій архимандритъ того-же монастыря, Давидъ, извѣстенъ какъ духовникъ второй жены Ольгерда. Въ концѣ XIV столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія о погребеніи въ кіево-печерскомъ монастырѣ многихъ знатныхъ лицъ: нареченнаго митрополита Діонисія (1385 г.), князя Іоанна (Скиргайла) Ольгердовича (1396 г.) и князя Владиміра Ольгердовича. Въ 1399 году кіево-печерскій монастырь, откупаясь отъ орды Темиръ-Кутлука, напавшей на Кіевъ, далъ татарамъ „окупу 30 рублевъ“. Такия-же данныя можно привести и о сохранности кіево-софійскаго храма: въ 1280 году въ соборѣ кіевскомъ погребенъ былъ митрополитъ Кириллъ, скончавшійся въ Переяславѣ суздальскомъ. Въ 1288—1289 годахъ митрополитъ Максимъ рукополагалъ „въ святѣй Софїи въ Кіевѣ“ Іакова въ епископы владимірскіе и Тарасія—въ ростовскіе. Замѣтимъ притомъ, что послѣдній изъ нихъ до рукоположенія своего былъ игуменомъ въ кіевскомъ богословскомъ монастырѣ. Съ 1375 по 1380 г. и потомъ съ 1382 по 1390 г. въ Кіевѣ, на митрополичьемъ дворѣ, у св. Софїи, жилъ непризнанный въ Москвѣ Дмитріемъ Ивановичемъ митрополитъ Кипріянь. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ никоновская лѣтопись описываетъ его второй прїездъ въ Кіевъ: „пришедъ въ Кіевъ на свое мѣсто митропольское въ соборной церкви кіевской, матери всѣмъ церквамъ русскимъ. И прїять былъ митрополитъ отъ всѣхъ со многою честью и сретоша его далече отъ града со кресты и князи, и бояре, и вель-

можи и народы мнози съ радостью.... и пребываше Кипріянь митрополить въ кievскихъ странахъ.... и вси послушаху и чествоваху его". Въ 1396 году, за нѣсколько дней до своей кончины, кievскій князь Свиргайло пировалъ „на митрополичьемъ дворѣ, у святой Софьи“, у намѣстника Θомы. Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы устранить положеніе о совершенномъ запустѣніи края и города.

Но если мы обратимъ вниманіе на степень развитія политическаго могущества и значенія Кіева въ XIII столѣтіи, то мы должны признать несомнѣнный политическій упадокъ кievской области. Упадокъ этотъ былъ результатомъ событій, предшествовавшихъ монгольскому нашествію; причины его заключались въ той продолжительной борьбѣ, которую вели упорно въ теченіи XII столѣтія разныя вѣтви русскаго княжескаго рода за обладаніе кievскимъ столомъ, съ которымъ связано было представленіе о старшинствѣ и гегемоніи на Руси. Ни одна изъ княжескихъ вѣтвей не успѣла упрочиться въ кievской области, постоянныя же ихъ распри не дозволили самой землѣ выработать сколько нибудь правильный общественный строй. Убѣдившись въ невозможности прочно овладѣть Кіевомъ и основать на этомъ владѣніи свое главенство, князья вступаютъ на новый политическій путь: они стремятся унижить Кіевъ и перенести понятіе о старшинствѣ въ русскую землѣ въ другіе, новые центры. Мало по малу около новыхъ средоточій государственной силы и дѣятельности группируются разрозненныя земли, нѣкогда подвластныя великимъ князьямъ кievскимъ. Между ними первое мѣсто по могуществу занимаютъ: Владиміръ на Клязьмѣ и прикарпатскій Галичь; затѣмъ—на второмъ планѣ: Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Рязань. Каждый изъ этихъ городовъ притягиваетъ къ себѣ болѣе или менѣе обширную территорію, къ Кіеву же тянетъ только его коренная незначительная область—„русская земля“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Это древнее достояніе первыхъ кievскихъ князей заключалось въ тѣсныхъ границахъ, опредѣлявшихся теченіемъ рѣкъ Случи, Припяти, Днѣпра и Роси. Между тѣмъ какъ сѣззилась территорія области и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падало ея политическое значеніе, князья старались ускорить это паденіе, нанося древнему политическому центру Руси все болѣе и болѣе тяжелые удары. Въ раздраженіи борьбы они не щадятъ ни спорной области, ни ея стольнаго города. Среди княжескихъ междоусобій Кіевъ подвергся два раза разоревію го-

раздо болѣе тяжелому, по словамъ современныхъ лѣтописей, чѣмъ позднѣйшее разореніе Батыево. Такъ въ 1169 году Мстиславъ Андреевичъ, во главѣ многочисленной рати, посланной Андреемъ Боголюбскимъ и его союзниками, овладѣлъ Кіевомъ и предалъ его разграбленію; три дня суздальцы и черниговцы грабили и жгли церкви и дома и хватали жителей въ полонъ. Въ 1203 году князь Рюрикъ Ростиславичъ, оспаривавшій кіевскую область у Романа галицкаго, раздраженный предпочтеніемъ, оказаннымъ кіевлянами его сопернику, овладѣлъ Кіевомъ съ помощью половцевъ и отдалъ городъ и церкви на разграбленіе, а жителей въ полонъ своимъ союзникамъ. Конечно, послѣ этихъ ударовъ, должно было оскудѣть богатство Кіева и быстро понизилось его политическое значеніе.

Въ этомъ состояніи политическаго безсилія кіевская область прожила XIII-е и большую половину XIV-го столѣтій. Она не только потеряла значеніе первенствующаго, старшаго княженія, но, среди раздробившихся русскихъ областей, занимала мѣсто второстепенное, незамѣтное. Но въ XIV столѣтіи въ судьбѣ Руси случился новый историческій поворотъ, начертанный и для Кіева новую политическую роль на новомъ поприщѣ. Въ это время разъединенныя, ослабѣвшія русскія земли начинаютъ вновь объединяться въ болѣе крупныя и прочно связанныя политическія организмы. Стремленіе это происходитъ одновременно на двухъ закраинахъ русскаго міра: между тѣмъ какъ въ сѣверо-восточной Руси, благодаря настойчивой и предусмотрительной политикѣ владимірскихъ и московскихъ великихъ князей, возникаетъ новое сильное русское государство, юго-западныя русскія земли находятъ точку опоры въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1362 году, вслѣдствіе побѣды, одержанной Ольгердомъ Гедиминовичемъ надъ тремя татарскими темниками, Кіевъ вмѣстѣ съ подольскою землею переходитъ безъ сопротивленія со стороны мѣстнаго населенія подъ власть великихъ князей литовскихъ, успѣвшихъ уже до того времени объединить подъ своею державою княжества: полоцкое, туровское, брянское, черниговско-сѣверское и волынское, и вскорѣ послѣ занятія Кіева овладѣвшихъ Смоленскомъ. Такимъ образомъ многочисленныя русскія земли оказались вновь соединенными въ предѣлахъ быстро развившагося русско-литовскаго государства. Государство это состояло изъ двухъ элементовъ, разнородныхъ въ этнографическомъ, религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Инородческое племя,

положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжескую династію, оказалось, послѣ объединенія западно русскихъ земель этою династіею, слабѣйшимъ и въ количественномъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Занимая менѣе $\frac{1}{10}$ доли всей территоріи великаго княжества литовскаго, литовцы не обладали ни развитою культурою, ни письменностью, ни выработанными формами общественнаго быта, ни историческою государственною традиціею. Между тѣмъ, вошедшія въ составъ литовскаго государства, русскія земли, составлявшія болѣе $\frac{9}{10}$ всего его пространства, принесли съ собою старую общественную культуру, выработанную продолжительною историческою жизнью и почерпавшую постоянно новыя силы въ христіанствѣ, единственномъ тогда проводникѣ высшихъ формъ развитія. При взаимномъ воздѣйствіи обоихъ національныхъ началъ, несомнѣнно—литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его цивилизацію и занять въ общемъ государствѣ второстепенное мѣсто. Дѣйствительно въ XIV столѣтіи, подъ руководствомъ Гедимина и Ольгерда, жизнь великаго княжества литовскаго и слагается въ этомъ направленіи. Русскія области получили, благодаря объединенію, гарантіи для спокойнаго развитія своей внутренней жизни. Литовскіе князья не только не стѣсняють этого развитія, но съ удивительнымъ политическимъ тактомъ и безпристрастіемъ поддерживаютъ его и постепенно подчиняются его культурному вліянію, сознавая, что государство ихъ можетъ развиваться, опираясь лишь на русское народное начало. Уже во второмъ поколѣніи русское вліяніе охватываетъ княжескую семью: многочисленные сыновья Гедимина принимаютъ крещеніе по православному обряду, вступаютъ въ родственныя связи съ русскими князьями, живутъ въ русскихъ областяхъ, гдѣ усваиваютъ себѣ языкъ, бытъ, понятія, традиціи и письменность русскаго населенія. Гедиминовичи считаютъ свой родъ вступившимъ во все права русскаго княжескаго рода и примѣняютъ къ себѣ все понятія о княжеской власти и ея отношеніяхъ къ землѣ, выработанныя потомками Владиміра Святаго; русскій языкъ становится языкомъ разговорнымъ и официальнымъ при ихъ дворѣ; на немъ пишутъ грамоты и производятъ судъ не только въ русскихъ, но и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ. Православіе распространяется мирнымъ путемъ, незамѣтно, среди литовцевъ; еще при Гедиминѣ въ новооснованной имъ столицѣ—Вильнѣ возникаютъ православныя церкви. Ольгерда окружаетъ православная семья и духовенство и

онъ основываетъ и надѣляетъ помѣстьями православныя церкви. Такимъ образомъ западная Русь, окрѣпнувъ въ политическомъ отношеніи при починѣ литовской народности, приобщала послѣднюю къ своей цивилизаціи путемъ мирнаго распространенія своей культуры. Къ несчастію, этотъ естественный ходъ развитія славявшагося западно-русскаго государства встрѣтилъ неожиданную преграду вслѣдствіе вышней, политической комбинаціи. Сынъ и наслѣдникъ Ольгерда, великій князь Ягайло, вступивъ въ бракъ съ наслѣдницею польскаго престола, Ядвигаю, сталъ королемъ польскимъ. Новое государство отвлекло его вниманіе отъ Литвы и вскорѣ этотъ слабохарактерный потомокъ Гедимина подчинился всецѣло вліянію окружившей его новой среды. Находясь подъ ея давленіемъ, онъ видоизмѣнилъ свои отношенія къ литовскимъ своимъ подданнымъ и намѣтилъ по отношенію къ нимъ то направленіе внутренней политики, котораго потомъ держались всѣ его потомки. Направленіе это состояло въ стремленіи передѣлать государственныя строю и убѣжденія жителей великаго княжества литовскаго на подобіе того строя, который выработала польская историческая жизнь. Ягайло считаетъ своею задачею водвореніе въ Литвѣ католичества, польскаго общественнаго порядка, основаннаго на сословной дворянской исключительности, польскихъ юридическихъ установленій, и, наконецъ, приобщенія къ польской народности жителей великаго княжества литовскаго. Конечно задача эта была невозможна и неисполнима, но подъ вліяніемъ грубаго фанатизма Ягайло рѣшилъ связать съ ея выполненіемъ призваніе своей династіи; всѣ усилія его потомковъ не могли конечно сдѣлать невозможнаго—измѣнить національныя черты многочисленной и культурной народной группы, но они затормозили ея естественное развитіе, извратили нормальный ростъ и заставили истратить на самозащиту въ внутренней борьбѣ всѣ лучшія силы народнаго духа. Первыя усилія Ягайло обратилъ на области населенныя литовскимъ племенемъ и составлявшія его вотчинное непосредственное владѣніе; не ожидая постепеннаго перехода ихъ въ христіанство при мирномъ вліяніи православія, онъ поспѣшилъ крестить литовскихъ язычниковъ по обряду римскому и назначилъ католическую іерархію въ литовскія епархіи; затѣмъ привилегією 1400 года онъ объявилъ, что земли эти онъ присоединяетъ навсегда къ польской коронѣ и дворянамъ литовскихъ областей жалуетъ права дворянъ польскихъ подъ условіемъ, что пожалованіе его будетъ относиться лишь къ лицамъ, принявшимъ

католичество. Въ пользу дворянъ католиковъ онъ отказывался отъ своего верховнаго права на находившуюся въ ихъ пользованіи поземельную собственность и снималъ съ нихъ всѣ феодалныя обязательства, вытекавшія изъ литовскаго строя, огориваясь формально, что льготы эти не будутъ отнестись къ послѣдователямъ восточнаго обряда. Затѣмъ, переходя къ русскимъ областямъ великаго княжества литовскаго, онъ потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присяги на вѣрность себѣ и коронѣ польской послѣ кончины великаго князя Витовта, котораго онъ вынужденъ былъ признать правителемъ Литвы, и сталъ дѣлить русскія области на католическія епархіи и назначать въ нихъ католическихъ епископовъ, въ надеждѣ, что жители, привлекаемые льготами и сословнымъ интересомъ, вскорѣ обратятся къ римской церкви.

Руси литовской такимъ образомъ стала угрожать опасность со стороны собственнаго правительства, поавшаго теперь подъ вліяніе чуждаго народнаго начала и рѣшившагося проводить свои воззрѣнія безъ всякаго вниманія на національныя, историческія и бытовыя особенности народонаселенія. Русскія области, сознавая наступавшую опасность, стараются отстоять свои національныя начала, отклоняя по возможности стремленія правительства къ объединенію ихъ съ Польшею и отстаивая свои бытовыя особенности. Во главѣ русской реакціи становятся обрусѣвшіе князья Гедимивова рода и, опираясь на сочувствіе своихъ областей, отстаиваютъ самостоятельность литовско-русскаго государства и отклоняютъ введеніе въ немъ польскаго общественнаго строя. Между тѣмъ какъ усилія Ягайла и его наслѣдниковъ опираются на Вильно, весьма рано сдѣлавшееся средоточіемъ административно-полонизаторской дѣятельности правительства, русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ и находитъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія кіевской области прочную поддержку своимъ стремленіямъ. Представители русской партіи особенно дорожатъ кіевскимъ удѣломъ, и кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности. Значеніе это въ борьбѣ съ польско-латинскимъ вліяніемъ она занимаетъ въ исходѣ XIV столѣтія и удерживаетъ за собою до окончательнаго рѣшенія въ южной Руси спорнаго вопроса въ пользу русской народности въ половинѣ XVII ст. Главная задача борьбы остается постоянно неизмѣнною, но мѣняются ея средства и составъ общественныхъ элементовъ, выступавшихъ на защиту своей народности, согласно съ понятіями и условіями

времени. Борьбу начинаютъ обрусѣвшіе князья литовско-русскаго происхожденія, продолжаютъ ее представители церкви и завершаютъ народныя массы, сгруппировавшіяся подъ знаменемъ козачества. Во всѣхъ трехъ фазисахъ борьбы Кіевъ и его область составляютъ надежную точку опоры для поборниковъ русскаго народнаго начала.

Мы попытаемся, насколько позволяютъ скудные источники, сгруппировать факты, относящіеся къ первому періоду этого народнаго призванія нашего города, такъ какъ два другіе момента борьбы гораздо болѣе изслѣдованы и для уясненія ихъ существуетъ значительное количество цѣльныхъ и давно приведенныхъ въ извѣстность источниковъ.

Первымъ кіевскимъ удѣльнымъ княземъ послѣ присоединенія его къ великому княжеству литовскому былъ одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, Владиміръ. Князь этотъ былъ родоначальникомъ извѣстнаго своею преданностью русскою народности и православіемъ рода Олельковичей. О тридцатилѣтнемъ княженіи въ Кіевѣ самаго Владиміра до насъ дошло весьма мало свѣдѣній, что впрочемъ естественно, такъ какъ болѣе продолжительная, первая половина его княженія относится къ тому еще времени, когда русская народность не подвергалась опасности со стороны правительства великихъ князей литовскихъ. Владиміръ Ольгердовичъ не принималъ участія въ распряхъ, волновавшихъ Гедиминовичей въ другихъ областяхъ великаго княжества, и очевидно преданъ былъ исключительно интересамъ своей земли. Изъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что онъ заботился весьма ревностно о судьбѣ православной церкви; кромѣ дарственныхъ и подтвердительныхъ грамотъ въ пользу разныхъ церквей, находившихся въ предѣлахъ кіевской области, онъ извѣстенъ вмѣшательствомъ въ дѣло объ устройствѣ русскою митрополіи. Желая возстановить митрополичью кафедру въ Кіевѣ, Владиміръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ митрополита Кипріяна, не признаваго Дмитріемъ Ивановичемъ въ Москвѣ, и такимъ образомъ первый споспѣшествовалъ реальному возстановленію кіевской митрополіи; во время смутнаго періода, случившагося послѣ смерти московскаго митрополита Алексія, когда за русскую митрополію спорило нѣсколько лицъ, рукоположенныхъ патріархомъ, кіевскій князь постоянно признавалъ митрополичій санъ за Кипріяномъ, жившимъ въ Кіевѣ, и устранилъ одного изъ

претендентовъ — Діовисія, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался.

Послѣ возведенія на польскій престолъ Ягайла, послѣдній, желая примѣнить къ Руси задуманные имъ планы, обращаетъ особенное вниманіе на Кіевъ и старается заручиться согласіемъ брата, книжившаго здѣсь; въ теченіи трехъ лѣтъ (1387—1389) онъ три раза присылалъ кіевскому князю для подписи грамоты, заключавшія въ себѣ обязательство вѣрности „regi, reginae et regno Poloniae“. Но очевидно подписи этихъ грамотъ мало обезпечивали вѣрность кіевской земли, потому, что уже три года спустя правитель Литвы — Витовтъ пошелъ войною на кіевского князя, выставляя какъ причину похода то обстоятельство, что Владиміръ, „бывши въ Кіевѣ, не всхоте покору учинити и челомъ ударити“. Въ 1392 году Витовтъ занялъ кіевскіе пригороды: Овручъ и Житомиръ, отклонилъ предложеніе мира, сдѣланное ему Владиміромъ, и перевелъ его въ ничтожный и отдаленный копыльскій удѣлъ, передавъ кіевское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу. Владиміръ Ольгердовичъ уступилъ Кіевъ не безъ борьбы, онъ отправился искать помощи въ другомъ центрѣ русскаго міра — у Василя Дмитріевича московскаго. Но современныя политическія отношенія не позволяли послѣднему принять подъ свою защиту кіевского князя и Владиміръ долженъ былъ смириться; онъ дожилъ вѣкъ въ Копылѣ и только останки его возвратились въ городъ, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ при жизни, — онъ былъ похороненъ въ кіево-печерской лаврѣ. Впрочемъ эта первая попытка искать поддержки для кіевской Руси въ Руси московской глубоко запала въ память Ягайлы и его потомковъ и сдѣлала въ глазахъ ихъ подозрительными родъ Владиміра Ольгердовича: шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда его внуки Симеонъ и Михаилъ Олельковичи обратились къ великому князю Казимиру Ягайловичу съ требованіемъ раздѣла между ними кіевской земли, на правахъ вотчины, Казимиръ отказалъ имъ въ этомъ. Онъ заявилъ, что Олельковичи потеряли вотчинное право на Кіевъ, ибо „дѣдъ вашъ, князь Володимеръ, бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчизну свою Кіевъ“.

Преемникомъ Владиміра Ольгердовича на кіевскомъ столѣ былъ родной братъ Ягайлы — Скиргайло Ольгердовичъ, въ крещеніи по православному обряду носившій имя Іоанна. Князь этотъ связанъ былъ съ Ягайломъ тѣснѣйшею личною дружбою и оказалъ ему много услугъ на военномъ и дипломатическомъ попри-

щахъ; владѣя обширнымъ удѣломъ въ кривичской землѣ: Полоцкомъ, Минскомъ и т. д., Скиргайло былъ по убѣжденіямъ, привычкамъ и симпатіямъ всецѣло преданъ русскому народонаселенію, которое и признавало его своимъ представителемъ. О преданности ему русскихъ жителей великаго княжества свидѣтельствуютъ всѣ источники: Длугошъ говоритъ, что „русскіе въ высшей степени преданы Скиргайлу, какъ своему единовѣрцу“, Стрыйковскій замѣчаетъ, что князь этотъ „болѣе старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели объ распространеніи вѣры католической, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ“. Польскіе и нѣмецкіе источники упоминаютъ имя его съ эпитетомъ „Schismaticus“, между тѣмъ какъ русская лѣтопись называетъ его „чюдный, добрый князь Скиргайло“.

Послѣ вступленія на польскій престолъ, Ягайло, предвидя сопротивленіе своимъ планамъ въ русскихъ областяхъ и рассчитывая какъ на личную преданность себѣ Скиргайла, такъ и на популярность его на Руси, рѣшился употребить его орудіемъ своей политики и въ 1388 году, не безъ долгаго колебанія, назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Событія не позволяютъ намъ судить, насколько Скиргайло оправдалъ-бы расчетъ короля; во всякомъ случаѣ, въ теченіи четырехлѣтняго управленія его литовскимъ княжествомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного факта, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы онъ измѣнилъ свои отношенія къ русской народности и популярность его на Руси нисколько не уменьшается. Вскорѣ впрочемъ свой постъ намѣстника Скиргайло долженъ былъ уступить болѣе сильному сопернику. Двоюродный братъ его Витовтъ Кейстутовичъ заявилъ свои притязанія на великое княженіе литовское. Витовтъ имѣлъ въ виду совершенно самостоятельный образъ дѣйствія, не согласный ни съ видами короля Ягайла, ни съ направленіемъ представителей русской партіи. Если съ одной стороны онъ стремился къ обособленію великаго княжества литовскаго отъ Польши и свисканію ему полной политической самостоятельности, то съ другой онъ считалъ необходимымъ прекращеніе раздробленія государства на удѣлы и замѣну ихъ управленіемъ старостъ и намѣстниковъ, назначаемыхъ великимъ княземъ и зависимыхъ отъ него непосредственно. Послѣднее направленіе нарушало сложившіяся на Руси привычки и тѣ стремленія отдѣльныхъ русскихъ земель къ областной автономіи, которыя нахо-

дили для себя удовлетвореніе въ удѣльной обособленности. Послѣ долгихъ усилій Витовтъ, опираясь на сочувствіе коренныхъ литовскихъ земель, на помощь ордена крестоносцевъ, для которыхъ выгодно было разьединеніе Литвы и Польши, и болѣе всего на личныя выдающіяся дарованія, успѣлъ одолѣть Скиргайла, дѣйствія котораго были въ значительной степени парализированы подозрительностью короля, изъывшаго изъ-подъ его управленія многія области и города и отдавашаго ихъ въ управленіе польскимъ воеводамъ. Но Витовтъ сознавалъ, что онъ можетъ утвердиться на великомъ княженіи литовскомъ лишь въ томъ случаѣ, если уступками успѣетъ снискать симпатію или по меньшей мѣрѣ нейтралитетъ русской части населенія; потому, побѣдивъ Скиргайла, онъ заключилъ съ нимъ договоръ, по условіямъ котораго, въ вознагражденіе за уступку великаго княженія, онъ передалъ ему въ удѣлъ кievскую область, въ обладаніи которою русская партія видѣла достаточную гарантію для своихъ интересовъ. Дѣйствительно около Скиргайла въ Кіевѣ стала сосредоточиваться вся западная Русь; области и города присылали ему грамоты съ изъявленіемъ преданности и вѣрности. Кіевъ сдѣлался центромъ Руси, съ которымъ великій князь литовскій долженъ былъ считаться и принимать во вниманіе его интересы при установленіи общаго направленія своей политики. Впрочемъ княженіе Скиргайла въ Кіевѣ продолжалось не долго; въ 1396 г. онъ, послѣ пира у митрополичьяго намѣстника, отправился на охоту за Днѣпръ, заболѣвъ, вѣроятно отъ простуды, и скончался на канунѣ Рождества Христова. Молва приписывала его смерть отравѣ. Съ большимъ торжествомъ и горемъ похоронили его кievляне въ кievо-печерской лаврѣ, у гроба преподобнаго Феодосія.

Послѣ смерти Скиргайла Витовтъ не дозволилъ никому изъ русско-литовскихъ князей утвердиться въ кievскомъ удѣлѣ и рѣшился управлять имъ непосредственно черезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кievскимъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ и довѣренныхъ сподвижниковъ Витовта, Іоаннъ Альгимунтовичъ князь Гольшанскій. Объ управленіи первыхъ кievскихъ воеводъ и объ отношеніяхъ, въ какихъ они стали къ мѣстному населенію, не сохранилось извѣстій. Очевидно, что подъ зоркимъ надзоромъ Витовта и его намѣстниковъ, кievская область теряетъ на время значеніе средоточія русской партіи и, замѣстившій Скиргайла, представитель этой партіи, младшій изъ Ольгердовичей, Свидригайло, долженъ былъ

передвинуть ея центръ въ другія русскія области, которыми онъ владѣлъ поочередно. Сопротивленіе Руси Витовту, во главѣ котораго стоялъ Свидригайло, попеременно опирается на земли съверскую, волынскую и наконецъ сосредоточивается въ вотчинныхъ удѣлахъ Свидригайла: Витебскѣ и Полоцкѣ. Историческіе источники молчатъ о Кіевѣ до самой кончины Витовта, случившейся въ 1430 году, послѣ которой, вмѣстѣ съ преобладаніемъ русской партіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ, возвращается и политическая роль старѣйшему изъ русскихъ городовъ.

Послѣдніе годы Витовтъ провелъ въ упорной борьбѣ и съ престарѣлымъ польскимъ королемъ Ягайломъ за обособленіе Литвы въ качествѣ самостоятельнаго независимаго королевства, и съ представителемъ русскаго начала, Свидригайломъ, стремившимся занять великокняжескій столъ и доставить господство въ государствѣ русскому удѣльному строю. Лишь только онъ скончался, Ягайло передалъ должность намѣстника въ великомъ княжествѣ литовскомъ Свидригайлу, разсчитывая, что постоянный антагонистъ Витовта не пойдетъ по пути своего предшественника и будетъ служить покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Ягайла для утвержденія въ Литвѣ его политическихъ стремленій. Одновременно съ назначеніемъ Свидригайла поляки заняли землю подольскую и потребовали уступки Волыни; но оказалось, что, ведя многолѣтній споръ съ Витовтомъ, Свидригайло не имѣлъ въ виду потери самостоятельности своего отечества и уступокъ въ пользу Польши. Онъ еще рѣзче, чѣмъ его предшественникъ, сталъ стремиться къ разрыву съ Польшею: посылалъ посольства и вступалъ въ сношенія съ иностранными государствами отъ имени великаго княжества литовскаго, заключалъ договоры отъ своего имени, исключая отъ участія въ нихъ Ягайла, и рѣшительно воспротивился уступкѣ областей требуемыхъ поляками. Когда пришло въ Вильно извѣстіе, о томъ, что поляки измѣною овладѣли Каменцемъ и заняли подольскую землю, Свидригайло пришелъ въ неописанную ярость, арестовалъ короля Ягайла, находившагося тогда въ Вильнѣ, вмѣстѣ съ его совѣтниками, и отпустилъ ихъ только тогда, когда сдѣланы были распоряженія о возвратѣ Подолія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправился на Волынь защищать ее отъ посягательствъ поляковъ и, послѣ продолжительной кампаніи, заставилъ короля снять осаду Луцка и отступить въ Польшу. Въ походѣ этомъ приняли участіе многіе князья, савонники и контингенты русскихъ земель. Въ числѣ ихъ мы встрѣ-

чаемъ и кіевскаго воеводу Юршу, который затворился въ луцкомъ замкѣ и стойкостью защиты болѣе всего повліялъ на удачный исходъ кампаніи.

Поведеніе Свидригайла конечно раздражило въ высокой степени польскихъ совѣтниковъ Ягайлы; не будучи въ состояніи смѣнить его при томъ сочувствіи, какимъ пользовался литовскій князь въ западной Руси, они постарались отдѣлаться отъ него путемъ заговора. Въ 1432 году отправлено было въ Литву посольство для заключенія договора съ Свидригайломъ, но, въ сущности, оно имѣло другія, тайныя инструкціи. Польскіе послы вступили въ переговоры съ дворянами литовскими, принявшими католичество и получившими за то многія льготы отъ короля польскаго. Во главѣ организованнаго ими заговора стали: родственникъ жены короля, князь Семень Гольшанскій и братъ Витовта, Сигизмундъ Кейстutowичъ, князь стародубскій, внушавшій довѣріе полякамъ какъ ревностный католикъ. Заговорщики напали неожиданно въ городъ Ошмянъ на Свидригайла, полонили его семью и дворъ и провозгласили отъ имени Ягайла великимъ княземъ Сигизмунда Кейстutowича. Самъ Свидригайло спасся бѣгствомъ въ Полоцкъ и призвалъ на помощь русскихъ князей. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ великое княжество литовское распадается на двѣ части, согласно племенному составу своихъ жителей: коренныя литовскія земли признаютъ власть Сигизмунда, всѣ русскіе князья и области стоятъ подъ знаменемъ Свидригайла. Оба великіе князья вступаютъ въ упорную борьбу; но Свидригайло, располагавшій безъ сравненія большими силами, лишенъ былъ и политическаго такта и военныхъ способностей, въ слѣдствіе этого онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и, наконецъ, въ рѣшительной битвѣ у Вилькомира былъ разбитъ на голову. Болѣе 10 удѣльныхъ князей русскихъ пало на полѣ сраженія или попало въ плѣнъ; русскія области и города: Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ сдались побѣдителю и литовско-польская католическая партія, казалось, окончательно восторжествовала. Въ эту тяжелую минуту Свидригайло и остатки его партіи нашли убѣжище въ Кіевѣ, который вмѣстѣ съ Волынью и остались вѣрны до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладѣть Кіевомъ была успѣшно отражена кіевлянами и ихъ воеводою Юршею и обѣ земли въ теченіи пяти лѣтъ не признавали надъ собою власти этого великаго князя литовскаго. Это неопредѣленное положеніе прекратилось въ 1440 году смертью Сигизмунда Кейсту-

товича, погибшаго вслѣдствіе заговора, составленнаго волынскими князьями Чарторыйскими, кievляниномъ Скобейкомъ и нѣкоторыми изъ литовскихъ вельможъ. Послѣ смерти Сигизмунда призванъ былъ на великокняжескій престолъ малолѣтній Казимиръ Ягайловичъ. Управлявшій отъ имени послѣдняго, виленьскій воевода Янъ Гаштольд счелъ необходимымъ упрочить власть новаго великаго князя широкими уступками въ пользу русской партіи въ великомъ княжествѣ. Среди уступокъ этихъ на первомъ планѣ положено было возстановить кievскій удѣлъ подъ управленіемъ князя, вполне преданнаго русской народности. Въ 1440 году кievское княженіе получилъ въ удѣлъ Олелько (Александръ), сынъ смѣщеннаго нѣкогда Витовтомъ Владиміра Ольгердовича. Князь этотъ, остававшійся понинѣ на незначительномъ копильскомъ удѣлѣ, былъ тѣмъ не менѣе самымъ виднымъ представителемъ русской партіи какъ по происхожденію, такъ и по личному вліянію. Женатъ онъ былъ на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго, Василя Дмитріевича и, происходя изъ одной изъ старшихъ линій Ольгердовичей, могъ оспаривать по династическимъ счетамъ права на великокняжескій столъ у потомковъ Ягайлы. Дѣйствительно, послѣ смерти Витовта многіе русскіе князья предлагали избрать его великимъ княземъ литовскимъ. Этотъ несостоявшійся выборъ навлекъ на Олельку Владиміровича сильное гоненіе: послѣ вилькомірской битвы Сигизмундъ Кейстutowичъ, зорко слѣдившій за всѣми русскими князьями, приказалъ схватить его и заточилъ въ темницу вмѣстѣ съ женою и двумя сыновьями, гдѣ онъ и томился въ заключеніи, въ теченіи пяти лѣтъ, до смерти Сигизмунда; освободившись изъ плѣна, онъ вслѣдъ за тѣмъ получилъ свой вотчинный кievскій удѣлъ. По свидѣтельству современниковъ, князь этотъ отличался выдающимся умомъ, стойкостью и храбростью и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Во время княженія въ Кіевѣ онъ оказалъ огромную услугу русской церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи. Въ 1441 году, митрополитъ Исидоръ, возвращаясь изъ флорентскаго собора, заѣхалъ въ Кіевъ съ цѣлью провозгласить здѣсь унію; но кievляне, увидѣвъ его „въ кардинальской одеждѣ, оттуда изгнаша его“. Какъ извѣстно, такая-же участь постигла Исидора и въ Москвѣ, и Казимиръ Ягайловичъ, уступая представленіямъ князя Олелька, призналъ власть новопоставленнаго въ Москвѣ митрополита Іоны надъ русскими епархіями, находившимися въ предѣлахъ ~~великаго~~ княжества ли-

товскаго. Заботы Олелька о кіевской митрополіи видны изъ единственной грамоты его, дошедшей до насъ; въ ней онъ обезпечиваетъ неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождаетъ отъ княжескаго суда жителей митрополичьихъ помѣстій.

Въ 1455 г. скончался Олелько Владиміровичъ, „князь и наслѣдственный панъ кіевской земли“, принявши предъ смертью монашество, какъ гласила надгробная надпись на памятникѣ, воздвигнутомъ надъ его гробомъ въ кіево-печерской лаврѣ. Но этой именно наслѣдственности въ кіевской области за родомъ Олелька не желали признать потомки Ягайла. Когда два сына Олелька: Симеонъ и Михаилъ, обратились къ великому князю съ заявленіемъ желанія раздѣлить между собою кіевскую вотчину, то Казимиръ Ягайловичъ воспротивился этому; онъ не призвалъ Кіева вотчиною Омельковичей и далъ его лишь въ пожизненный ленъ старшему изъ братьевъ, Симеону, предоставляя Михаилу на правахъ вотчины Копыль и Слуцкъ.

Симеонъ Омельковичъ отличался, подобно предкамъ своимъ, преданностью православію и русской народности; притомъ, обладая военными дарованіями и храбростью, онъ оказалъ важныя услуги кіевскому княжеству, отражая съ большимъ успѣхомъ нападенія крымской орды, наносившей въ XV столѣтіи самыя тяжелыя удары кіевской области и разорившей въ нѣсколько пріемовъ столичный ея городъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ великаго княжества литовскаго Симеонъ Омельковичъ занимаетъ то положеніе, которое возлагали на него и семейныя его традиціи, и занимаемый имъ постъ кіевскаго удѣльнаго князя,—онъ является постояннымъ поборникомъ и представителемъ русскихъ народныхъ интересовъ. Современникъ его, великій князь Казимиръ Ягайловичъ, отличался совершенною безхарактерностью: вступивъ на польскій престолъ, онъ находился постоянно подъ вліяніемъ двухъ противоположныхъ теченій и поддавался всегда тому изъ нихъ, которое непосредственно его окружало: въ Литвѣ онъ приносилъ присягу въ томъ, что сохранить неприкосновенно территорію великаго княжества и не будетъ принуждать его жителей къ уніи съ Польшею; вслѣдъ затѣмъ, переѣзжая въ Польшу, онъ давалъ совершенно противоположныя обязательства и подтверждалъ ихъ также клятвами и грамотами. Литовцамъ онъ обѣщалъ возвратитъ Подоліе, захваченное поляками; полякамъ клялся присоеди-

нить къ коронѣ Волинь и Подляхію. Конечно, ни того ни другого обѣщанія онъ не исполнилъ и, легкомысленно поддерживая взаимныя претензіи, пререканія и раздраженіе обѣихъ сторонъ, усиливаль въ напряженное состояніе въ обоихъ государствахъ, которыя готовы были ежеминутно прибѣгнуть къ оружію для возстановленія своихъ правъ. Такъ какъ Казимиръ большую часть времени проживаль въ Польшѣ, то положеніе Литвы было обыкновенно болѣе тревожное; русскіе князья и вельможи опасались постоянно, чтобы ихъ великій князь не сдѣлалъ подѣ въліяніемъ поляковъ такихъ уступокъ, которыя будутъ грозить опасностью самобытности русскихъ областей. Желая выйти изъ неопредѣленнаго положенія, они рѣшились настоять на томъ, чтобы Казимиръ или безотлучно жилъ въ Литвѣ, или поручилъ управленіе великимъ княжествомъ намѣстнику. Два раза отправляются къ Казимиру посольства изъ Литвы (1456—1461 г.) и оба раза, заявляя указанное требованіе, предлагаютъ въ качествѣ намѣстника кievскаго князя Симеона Олельковича; оба раза Казимиръ отклонилъ предложеніе, но значеніе Олельковича смутило его; онъ постановилъ принять мѣры для того, чтобы унижить этотъ родъ, стоявшій уже въ лицѣ трехъ поколѣній во главѣ русскаго движенія, и съ этою цѣлью рѣшился отнять у него главную его спору—кievское княжевіе, для чего выжидалъ лишь удобнаго случая.

Между тѣмъ Симеонъ Олельковичъ, охраняя свою область отъ татаръ, заботился не менѣе о народной святынѣ, какъ и о безопасности страны. Еще съ 1416 года кievо-печерская лавра лежала въ развалинахъ; въ этомъ году Эдигей съ крымскими татарами взялъ и разрушилъ Кіевъ; въ числѣ другихъ зданій, татары пожгли и печерскій монастырь и ограбили и разорили въ немъ успенскую церковь; храмъ этотъ пришелъ въ запустѣніе. Симеонъ Олельковичъ, сознавая значеніе этой древнѣйшей кievской святыни для всего русскаго міра, озаботился ея возстановленіемъ; онъ обновилъ успенскую церковь „едва не отъ основанія воздвигши“, „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ золотомъ, и серебромъ, и сосуды церковными“. Это былъ послѣдній подвигъ послѣдняго русскаго удѣльнаго князя кievской области. Въ 1370 году, кончена была постройка успенской церкви, а въ 1371 г. подѣ сводами ея почилъ „умершій по христіански Симеонъ Александровичъ Олельковичъ, наслѣдственный панъ земли кievской“, какъ значилось на надгробной надписи, вырѣзанной на его гробницѣ.

Смертью Симеона воспользовался Казимиръ Ягайловичъ для того, чтобы устранить Олельковичей изъ Кіева: онъ не передалъ княженія ни брату его Михаилу, ни сыну Василю, но рѣшилъ, что впредь Кіевъ будетъ состоять подъ управленіемъ воеводъ, назначаемыхъ великимъ княземъ; въ качествѣ перваго воеводы и посланъ былъ Мартынъ Яновичъ Гаштольдъ, сынъ бывшаго опекуна Казимира. Извѣстіе о новомъ порядкѣ ихъ земли привело кіевлянъ въ крайнее смущеніе; они не впустили въ городъ новаго воеводу, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ“. Затѣмъ кіевляне отправили посольство къ королю, проси назначить правителемъ Кіева Михаила Олельковича, или другого князя православной вѣры, заявляя, что они готовы скорѣе всѣ умереть, или искать другого государя, чѣмъ повиноваться литвину римской вѣры. Король, находившійся тогда въ Вильнѣ, подъ вліяніемъ пановъ литовской католической партіи, остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Гаштольдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. Кіевляне, „принуждены бывша“ оружіемъ корслевскаго войска, должны были подчиниться присланному воеводѣ.

Впрочемъ удаленіемъ Олельковичей изъ Кіева не была ни подавлена окончательно русская княжеская партія, ни устранено значеніе Кіева, какъ главной поддержки этой партіи. Еще два раза городъ этотъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ послѣднихъ попытокъ русскихъ князей къ возстановленію правъ народнаго начала, все болѣе и болѣе отстраняемаго польско-литовскимъ правительствомъ.

Первая попытка относится къ 1482 году и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея является князь Михаилъ Олельковичъ. Во время смерти брата Симеона, князь этотъ находился въ Великомъ Новгородѣ, въ качествѣ намѣстника Казимира, куда вызванъ былъ партією Борецкихъ, для противудѣйствія политикѣ Іоанна III. Узнавъ о смерти брата, онъ посѣшилъ разстаться съ Новгородомъ и отправился въ Кіевъ; но прибылъ сюда слишкомъ поздно: Гаштольдъ владѣлъ уже кіевскимъ замкомъ и управлялъ областью. Скрѣпя сердце, князь Михаилъ направился въ свой копыльскій удѣлъ, но сознаніе обиды, нанесенной его роду, глубоко запало въ его сердце; между тѣмъ все теченіе дѣлъ въ великомъ княжествѣ возбуждало общее недовольство русскихъ князей, результатомъ котораго былъ обширный заговоръ, со-

ставленный въ ихъ средѣ. Руководителями заговора источники называютъ двухъ внуковъ Владиміра Ольгердовича кievскаго, князей Федора Ивановича Бѣльскаго и Михаила Олельковича копылскаго, а также родственника королевскаго по матери, одного изъ князей Гольшанскихъ. Цѣль заговора не вполне согласно обозначена въ источникахъ: русская лѣтопись утверждаетъ, что князья имѣли намѣреніе отторгнуть отъ Литвы значительную часть русскихъ земель, прилегавшихъ къ восточной границѣ великаго княжества, и подчинить ихъ великому князю московскому, другіе источники приписываютъ заговорщикамъ намѣреніе посягнуть на жизнь Казимира, третіе предполагаютъ, что по видимому составляетъ самую правдоподобную догадку, что князья имѣли въ виду овладѣть особою Казимира, заставить его отказаться отъ велико-княжескаго стола и возвести на его мѣсто Михаила Олельковича. Въ 1481 году заговоръ предположено было привести въ исполненіе: князь Федоръ Бѣльскій, празднуя свою свадьбу, пригласилъ на празднество Казимира; здѣсь, во время пира, заговорщики должны были овладѣть его особою. Случайно, за нѣсколько дней до осуществленія, заговоръ былъ открытъ, слуги Бѣльскаго арестованы и подъ пытку дали показанія, компрометировавшія князей. Узнавъ объ арестѣ своихъ слугъ, князь Федоръ Бѣльскій вскочилъ ночью съ постели и, полуодѣтый, бросился на коня и ускакалъ за московскій рубежъ. Менѣе счастливы были другіе заговорщики: князья Гольшанскій и Михаилъ Олельковичъ были арестованы и заключены въ темницу въ кievскомъ замкѣ; надъ ними произведенъ судъ, вѣроятно въ глубокой тайнѣ, потому что ни одного документа, относящагося къ процессу, не сохранилось ни въ подлинникъ, ни въ копіи. По приговору суда, утвержденному великимъ княземъ, оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, которая и приведена была въ исполненіе. Въ Кіевѣ, на лобномъ мѣстѣ, передъ воротами кievскаго литовскаго замка, 30 августа 1482 года, кievляне увидѣли обезглавленный трупъ одного изъ представителей излюбленнаго ими княжескаго рода, котораго нѣкогда они призывали, какъ своего отчича, на княжескій столъ своей земли.

Послѣдняя попытка реакціи русскихъ князей противъ польско-литовскаго направленія вспыхнула въ 1508 году подъ руководствомъ князя Михаила Львовича Глинскаго. Этотъ князь происходилъ изъ знатнаго татарскаго рода, переселившагося въ Русь и принявшаго крещеніе еще при великомъ князѣ Витовтѣ. Имѣ-

нія, пожалованныя князьямъ Глинскимъ и выслуженныя ими въ теченіи цѣлаго столѣтія у господарей литовскихъ, были весьма обширны и богаты; большая часть ихъ расположена была въ княжествѣ кіевскомъ и въ земляхъ, тянувшихъ къ кіевской области, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, сверхъ того многія волости Глинскихъ лежали въ бассейнѣ Припяти и далѣе за Припятью въ Бѣлой и Черной Руси. Въ XV столѣтіи родъ Глинскихъ распадался уже на нѣсколько вѣтвей и многіе его представители занимали важныя областныя должности намѣстниковъ или старостъ, по большей части въ земляхъ кіевской и сѣверской. Такъ документы того времени упоминаютъ князей Глинскихъ: Богдана Федоровича, намѣстника путивльскаго, Ивана Борисовича, намѣстника черниговскаго, Григорія Борисовича, намѣстника овручскаго, Михаила Ивановича и его 5 братьевъ, господарскихъ дворянъ въ волковыскомъ повѣтѣ и т. д. Но, среди всѣхъ вѣтвей княжескаго рода Глинскихъ, знатностью и богатствомъ наибольше отличались три брата Львовичи: Василій, Иванъ и Михайло; послѣднему и суждено было занять видную роль въ исторіи своей родины. По способностямъ и образованію, князь Михайлъ превосходилъ далеко современное ему общество: всю молодость онъ провелъ за границею, вначалѣ занимаясь науками, потомъ состоя на службѣ у разныхъ иноземныхъ государей. Поочередно онъ перебивалъ въ Саксоніи, при дворѣ германскаго императора Максимилиана, въ Испаніи и Италіи. За границею онъ приобрѣлъ репутацію даровитаго военнаго человѣка, участвуя въ кампаніяхъ: италіанской, на службѣ у императора, и фрисландской, на службѣ у саксонскаго курфирста Альбрехта. На родину князь Михайлъ возвратился уже человѣкомъ не молодымъ и сразу занялъ видное положеніе въ средѣ литовско-русскихъ вельможъ; по родственнымъ связямъ, симпатіямъ, вѣрѣ и происхожденію онъ примкнулъ къ русской княжеской группѣ и на службу русскому дѣлу рѣшился посвятить свои дарованія и вліяніе. Первый разъ мы его встрѣчаемъ во главѣ многочисленной группы русскихъ князей: Олельковичей, Гольшанскихъ, Мстиславскихъ и т. д. Послѣ смерти Казимира Ягайловича, при выборѣ его преемника, русскіе князья, желая предупредить сліяніе вновь въ одномъ лицѣ управленія польскою короною и великимъ княжествомъ литовскимъ и зная, что въ Польшѣ будетъ избранъ Іоанъ Альбрехтъ Казимировичъ, поспѣшили возвести на великокняжескій столъ его младшаго брата, Александра, и такимъ образомъ добились обособленія Литвы отъ Польши. Этотъ

искусный политическій шагъ, равно какъ и способности и обра-зованіе Глинскаго сразу сблизили его съ новоизбраннымъ великимъ княземъ. Александръ пожаловалъ князя Михаила въ званіе дворнаго маршала и сталъ постоянно пользоваться во всѣхъ дѣлахъ его совѣтомъ и слѣдовать его взглядамъ. Вліяніе свое Глинскій направилъ къ укрѣпленію русской партіи и членамъ ея сталъ доставлять значеніе, должности, помѣстья и вліяніе. Литовская католическая партія, привыкшая при Казимирѣ искать опоры и находить ее въ Польшѣ, смотрѣла съ неудовольствіемъ на то, какъ русскіе мало по малу оттискали ее изъ литовской рады, овладѣвали должностями и землями въ великомъ княжествѣ; сторонники ея пытались протестовать противъ новаго теченія, требуя несмѣняемости административныхъ чиновниковъ, но протестъ ихъ оказал-ся безплоднымъ; тогда они обратили все свое раздраженіе на Глинскаго и стали его заподозрѣвать и обвинять въ измѣнѣ. Они упрекали его то въ желаніи постепенно захватить власть въ великомъ княжествѣ и потомъ, усилившись, присвоить себѣ великокняжескій столъ, то указывали на его связи въ кievской землѣ, на преданность ему жителей этой области и утверждали, что онъ стремится къ воз-становленію въ свою пользу самостоятельнаго кievскаго княжества, независимаго отъ Литвы, то наконецъ подозрѣвали, что Глинскій имѣетъ намѣреніе передать всю литовскую Русь во власть великаго князя московскаго. Но, пока живъ былъ Александръ, ропотъ про-тивъ Глинскаго раздавался лишь сдержанно или, въ случаѣ болѣе рѣз-кихъ обвиненій, подвергалъ обвинителей немилости великаго кня-зя. Такъ, когда въ 1506 году, послѣ смерти кievскаго воеводы, князи Дмитрія Путьятича, должность эта передана была, по совѣту Михаила Глинскаго, его брату князю Ивану Львовичу, то самый упорный изъ противниковъ Михаила, троцкій воевода Янъ Забе-резинскій, обвинилъ его въ явной подготовкѣ къ обособленію русскихъ земель. Основать впрочемъ своего предположенія на точныхъ доказательствахъ обвинитель не могъ и самъ былъ ли-шенъ троцкаго воеводства, которое передано было одному изъ друзей Глинскаго. Но въ 1507 году обстоятельства внезапно и круто измѣнились; великій князь Александръ тяжело заболѣлъ и Глинскій, возвратившись изъ похода, въ которомъ одержалъ бли-стательную побѣду надъ татарами, засталъ его при смерти. Не-медленно послѣ кончины Александра на престолъ литовскій всту-пилъ его младшій братъ Сигизмундъ, воспитанный и проведенный всю молодость въ Польшѣ; онъ конечно сблизился съ партіею

враждебною Глинскому и сталъ дѣйствовать въ направленіи противуположномъ своему предшественнику: русскіе люди должны были уступить мѣста и вліяніе литовцамъ-католикамъ, и, въ случаѣ ихъ жалобъ, имъ отвѣчали подозрѣніями въ измѣнѣ и въ неблагонадежности. Такъ въ 1507 году князь Иванъ Глинскій былъ лишенъ безъ вины кіевскаго воеводства въ пользу литвина Юрія Монтовтовича и на жалобу князя Михаила Заберезинскій отвѣтилъ обвиненіемъ его въ государственной измѣнѣ. Глинскій потребовалъ суда, но никакими средствами не могъ его добиться у великаго князя, знавшаго, что Заберезинскій не имѣетъ доказательствъ въ подтвержденіе своего обвиненія. Тогда только Глинскій созналъ, что путемъ законнымъ русскіе не успѣютъ добиться не только причитающейся имъ доли вліянія въ великомъ княжествѣ, но и обыкновенной справедливости суда, и рѣшился прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Василиемъ Ивановичемъ московскимъ и, заручившись его помощью, рѣшился отторгнуть отъ Литвы ея русскія области. Весною 1508 года онъ поднялся съ братьями и небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ въ окрестности Гродна, захватилъ и приказалъ казнить своего главнаго врага, Заберезинскаго, и направился, медленно подвигаясь къ востоку, на встрѣчу московской рати, зазывая на помощь все русское населеніе края и предлагая ему отложиться отъ Литвы; въ тоже время онъ отправилъ брата Василія съ такими-же предложеніями въ Кіевъ. Жители кіевскаго княжества встрѣтили Василія Глинскаго радушно. Узнавъ, что попытка Глинскихъ клонится къ возстановленію самостоятельнаго русскаго княжества, города отворяли ему ворота, земляне являлись въ его лагерь и приносили присягу. Знаменитый староста черкасскій и каневскій, Остафій Дашкевичъ, соединился съ нимъ во главѣ ополченія своихъ повѣтовъ. Кіевляне полагали, что пришло время, когда городъ ихъ опять станетъ главою обширнаго русскаго княжества. Къ несчастью, обаяніе это продолжалось не долго; другія русскія земли отнеслись далеко не съ такимъ сочувствіемъ къ попыткѣ возстановить народное дѣло. Въ сѣверозападной Руси Михаилъ Глинскій встрѣтилъ или равнодушіе, или враждебное настроеніе: въ земляхъ этихъ преобладало сословіе землянъ (т. е. мелкихъ дворянъ, обязанныхъ государству военною службою), которое давно уже свыклось съ мыслью о всевозможныхъ сословныхъ благахъ, которыя низольются на него при развитіи въ Литвѣ польскаго

права. Земляне сѣверозападнаго края не были воодушевлены, подобно кievскимъ, національнымъ стремленіемъ и предпочли сословныя выгоды отъ ожидавшейся уніи съ Польшею возстановленію народной политической самобытности; они остались глухи къ призыву Глинскаго или отнеслись къ нему враждебно, а между тѣмъ, по тогдашней организаціи государства, они составляли главную военную силу края. Князья, сочувствовавшіе Глинскому и нѣкогда поддерживавшіе его стремленія, оказались изолированными, многіе скрылись, другіе рѣзко повернули на сторону правительства; только немногіе второстепенные князья: Друцкіе и Лигвеновичи-Мстиславскіе, имѣли достаточно мужества, чтобы стать на сторону предпріятія, успѣхъ котораго становился весьма сомнительнымъ. Между тѣмъ московская помощь медлила приходомъ, а съ другой стороны приближался Сигизмундъ съ сильною польскою арміею. Глинскій послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ переходовъ, увидѣлъ, что дѣло его проиграно; вмѣстѣ съ братьями и болѣе скомпрометированными сторонниками, онъ отступилъ въ предѣлы великаго княжества московскаго.

Такъ кончилась послѣдняя попытка княжеской Руси, предпринятая въ защиту своего народнаго дѣла. Очевидно, княжеское сословіе было безсильно въ этой борьбѣ; его сословныя понятія, удѣльно-федеративные идеалы были въ то время уже анахронизмомъ, они не обнимали интересовъ всего населенія и не могли его подвинуть на борьбу за общее народное дѣло. Княжеская партія сталкивалась съ интересами или съ равнодушіемъ другихъ сословныхъ группъ и оказалась для своего времени немошною. Первый актъ борьбы западной Руси съ польскимъ вліяніемъ, веденный подъ стягомъ русско-литовскихъ князей, былъ проигранъ. Но въ нѣдрахъ кievской области, стойко поддерживавшей до конца этотъ стягъ, скрывались зародыши новыхъ общественныхъ силъ, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ большимъ успѣхомъ въ послѣдующую эпоху.

Разсмотримъ составъ и отношенія разныхъ общественныхъ группъ въ кievской области въ разсматриваемое нами время, укажемъ на характеръ и условія самой территоріи и мы найдемъ въ этихъ данныхъ объясненіе дальнѣйшаго политическаго значенія Кіева и его области.

Послѣ присоединенія къ Литвѣ кievскаго княжества, предѣлы его нѣсколько видоизмѣнились и раздвинулись, частью вслѣдствіе присоединенія къ Кіевщинѣ порубежныхъ округовъ сосѣднихъ княжествъ, частью вслѣдствіе колонизаціи южныхъ степей,

двигавшейся медленно, но упорно внизъ по Днѣпру. Съ конца XIV до половины XVI столѣтія границы кievскаго княжества могутъ быть приблизительно очерчены въ трехъ направленіяхъ. На западѣ оно отдѣлялось отъ земли брацлавской, т. е. отъ той части Подолія, которая осталась подъ властью великихъ князей литовскихъ, „Чернымъ Шляхомъ“. Такъ назывался путь, пролегалшій по водораздѣльной линіи между бассейнами южнаго Буга съ одной стороны, Роси и Припяти съ другой; по этому пути обыкновенно врывались въ юго-западную Русь татары, избиравшіе эту дорогу во избѣжаніе переправъ и болотъ. Отъ „Чернаго шляха“ граница переходила на русло рѣки Случи въ окрестности города Любара и совпадала съ ея теченіемъ вплоть до ея впаденія въ Припять, отдѣляя кievскую землю отъ волынской. Далѣе отъ устья Случи сѣверная граница кievскаго княжества на нѣкоторомъ пространствѣ шла по теченію Припяти и затѣмъ переходила на сѣверный берегъ этой рѣки, захватывая здѣсь обширный мозырскій повѣтъ, и опять возвращалась къ Припяти не вдалекѣ отъ ея впаденія въ Днѣпръ. Отъ устья Припяти Днѣпръ составлялъ восточную границу Кіевщины на небольшомъ только пространствѣ: она переходила на лѣвую его сторону и охватывала въ низовьяхъ Десны и вдоль по теченію ея притока Остра—повѣтъ остерскій.—Съ южной стороны границы кievской области постоянно колебались и потому не могутъ быть установлены даже приблизительно. Когда въ началѣ XV столѣтія Витовтъ осилилъ на время татаръ, предѣлы Кіевщины быстро раздвинулись и достигли береговъ Чернаго моря. Витовтъ немедленно оградилъ эти новыя южныя границы рядомъ крѣпостей и поселеній: вдоль по Днѣпру онъ возстановилъ и укрѣпилъ Каневъ, основалъ Черкасы, Кременчугъ, Мишуринъ Рогъ, таможеню на островѣ Тавани. Затѣмъ на берегу моря была построена крѣпость Дашовъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоянкѣ Хаджи-бей (на мѣстѣ нынѣшней Одессы). При устьѣ Днѣстра, противъ ганцузской крѣпости Монкастро (Анкермана), воздвигнуть былъ новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру построена крѣпость Тягинь (Бендеры). Сверхъ того въ степи упоминаются крѣпости и замки: Караулъ, Гербедеевъ, Упскъ, слѣдовъ и мѣстоположенія которыхъ невозможно опредѣлить.—Но эти широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, исчезли чрезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды. Основатель ея могущества, ханъ Менгли-Гирей, воспользовав-

пись вѣлостью и нерадѣніемъ Казимира Ягайловича, разрушилъ дѣло Витовта; онъ овладѣлъ возникшими крѣпостями и, уничтоживъ ихъ, опустошилъ страшными набѣгами всю кievскую область, на сѣверныхъ же берегахъ Чернаго моря онъ расположилъ кочевья подвѣстной ему ногайской орды. Между этими кочевьями и заселенною частью кievскаго княжества образовалось обширное, почти пустынное пространство, пролежавшее отъ береговъ Роси до пороговъ и средняго теченія Ингула; на этомъ пространствѣ велась постоянная партизанская война между удалцами татарскими и русскими и подъ прикрытіемъ послѣднихъ медленно и постепенно выдвигалась въ степь южнорусская колонизація изъ кievской области.

Къ сѣверу отъ Роси страна, не смотря на татарскіе набѣги, была заселена и правильно устроена. Подъ властью кievскаго удѣльнаго князя, кромѣ стольнаго города его земли, находились многочисленныя кievскіе пригороды: Овручъ, Житомиръ, Звенигородъ, Переяславль, Каневъ, Черкасы, Остеръ, Чернобыль, Мозырь. Большинство названныхъ пригородовъ возникли еще до XIII столѣтія и вмѣстѣ съ Кіевомъ достались Литвѣ, другіе, какъ Мозырь, Остеръ и Переяславль присоединены были къ кievскому княженію отъ сопредѣльныхъ русскихъ княжествъ уже послѣ литовскаго завоеванія; нѣкоторыя, какъ Черкасы и Чернобыль, возникли по инициативѣ литовскихъ князей.—Пригороды эти, въ разсматриваемый періодъ времени, носятъ названіе „замковъ господарскихъ“ и получаютъ важное административное значеніе; удѣльный кievскій князь назначалъ въ нихъ правителей, носившихъ названіе намѣстниковъ, державцевъ или старостъ. Намѣстникъ княжескій управлялъ не только городомъ, въ которомъ находился господарскій замокъ, но и обширнымъ территоріальнымъ округомъ, который тянулъ къ замку. Округи, на которые распалось кievское княженіе, носили названіе „повѣтовъ“¹⁾. Всѣ жители повѣта, къ какой-бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику въ военномъ, судебномъ и

¹⁾ Терминъ „повѣтъ“ возникъ вѣроятно отъ того, что намѣстникъ созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались официально. Для разсылки „вѣстей“ староста располагалъ особыми „замковыми слугами“ или такъ называемыми „путными боярами“, кторые по его приказанію „ѣздили въ путь“ развозили „вѣсти“.

административномъ отношеніяхъ, несли по его распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани. Удѣльный князь оставлялъ за собою верховную власть, выражавшуюся въ подчиненіи ему намѣстниковъ, въ правѣ верховнаго предводительства на войнѣ контингентами всѣхъ повѣтовъ, въ правѣ апелляціи къ нему отъ суда намѣстниковъ и, наконецъ, въ исключительномъ правѣ раздачи въ пользованіе поземельной собственности. Когда кіевское княжество было переименовано въ воеводство и удѣльныхъ князей замѣнили кіевскіе воеводы, то вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушено было административное единство кіевской земли. Великій князь вошелъ во всѣ права бывшаго князя удѣльнаго и самъ сталъ назначать старостъ въ замки кіевского княжества; старосты замковъ господарскихъ оказались въ прямой зависимости отъ особы великаго князя, который ихъ назначалъ и смѣнялъ, судилъ и контролировалъ; такимъ образомъ связь пригородовъ съ главнымъ городомъ области исчезла и каждый повѣтъ сталъ независимо отъ Кіева единицею областнаго управленія. Кіевскій воевода оказался, съ другимъ только титуломъ, равноправнымъ съ намѣстниками пригородовъ, административнымъ чиновникомъ, и отличался отъ нихъ только тѣмъ, что подъ властью его находился болѣе богатый городъ съ его непосредственнымъ округомъ и что, по причинамъ, не разгаданнымъ для насъ, два сѣверные повѣта: мозырскій и чернобыльскій, остались въ зависимости отъ него въ военномъ отношеніи; жители этихъ повѣтовъ обязаны были ходить на войну не подъ начальствомъ своего старосты, а „при воеводѣ кіевскомъ, якъ ихъ обошлетъ“.—Такимъ образомъ при замѣнѣ князей воеводами кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей, но понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства. Еще Витовтъ, упраздняя кіевское княженіе, выдалъ его жителямъ „право добровольное христіанское“, т. е. уставную грамоту, обезпечивавшую ихъ права и опредѣлявшую отношеніе къ нимъ великокняжеской власти. Права эти и отношенія были одинаковы для всѣхъ повѣтовъ кіевского княжества и въ числѣ ихъ было обязательство со стороны великаго князя—раздавать намѣстничества въ кіевскихъ пригородахъ и поземельную собственность въ предѣлахъ кіевского княжества исключительно только уроженцамъ этой

области¹⁾. Уставная грамота Витовта подтверждалась потомъ много разъ его наслѣдниками: Казимиромъ, Александромъ, Сигизмундомъ и послужила основаніемъ, объединившимъ жителей кievской земли, послѣ того, какъ разрушена была внѣшняя связь отдѣльныхъ ея частей.

Изъ текста этой грамоты, данной всей землѣ кievской, равно какъ изъ грамотъ болѣе частныхъ Витовта и его преемниковъ, опредѣляются и взаимныя отношенія жителей страны между собою, и распредѣленіе ихъ на общественныя группы.—Послѣ установленія новаго литовскаго распорядка въ кievской землѣ общественный строй ея значительно измѣнился, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ былъ при удѣльныхъ русскихъ князьяхъ: основнымъ принципомъ новаго порядка вещей служило то положеніе, что вся земля принадлежитъ государству и состоитъ въ распоряженіи князя, который раздаетъ ее въ пользованіе частнымъ лицамъ, въ видѣ временнаго условнаго владѣнія, подъ условіемъ исполненія извѣстной государственной службы. Такъ какъ государство прежде всего заботилось о томъ, чтобы обезпечить и организовать свои военныя силы, то исполненіе военной повинности составляло первое и важнѣйшее условіе землевладѣнія. Земельная собственность была раздѣлена на опредѣленные участки, такъ называемыя „службы“; каждая служба заключала 10 литовскихъ волокъ (199 десятинъ) и то лице, которое получало землю въ пользованіе, обязано было, по каждому призыву князя или его намѣстника, доставлять съ каждой „службы“ одного вооруженнаго воина. Лица, получавшія на такихъ условіяхъ землю, назывались „земянами“ и составляли классъ землевладѣльческой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, военное сословіе края. Земяне могли владѣть землею лично, во все время, пока исполняли возложенную на нихъ повинность, но, если они оказывали важныя услуги и снискивали расположеніе князя, имъ давалось право передачи своей земли по наслѣдству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ сами ею владѣли; въ такомъ случаѣ служба ихъ называлась „выслугою“ или „отчиною“. Впрочемъ „выслуга“ могла быть передана только прямымъ наслѣдникамъ земянина или же постороннимъ лицамъ по завѣщанію, но отчуждать ее при жизни, мѣнять, дѣлить, отказывать въ пользу церкви и т. п. выслужившій ее земянинъ не могъ безъ разрѣшенія князя.

¹⁾ „А волости кievскія—Кіаномъ держати, а иному нікому. А городка кievскіе, въ нашої волі: Кіаномъ будемъ давати, кому ся будетъ годити“.

Уже съ XIV столѣтія слагается такимъ образомъ въ кievской землѣ классъ землевладѣльцевъ; въ XV и XVI столѣтіяхъ количество раздаваемыхъ князьями выслугъ все болѣе и болѣе умножается и образуется многочисленное военное сословіе, связанное съ областью и происхожденіемъ, (такъ какъ, по уставной грамотѣ Витовта, князья обязаны были службы и выслуги въ кievской землѣ раздавать исключительно уроженцамъ этой земли), и землевладѣніемъ, и мѣстомъ постояннаго жительства. Классъ этотъ впрочемъ былъ неравномѣрно распредѣленъ на территоріи кievскаго княжества: въ сѣверной, лѣсной его полосѣ земляне были весьма многочисленны и отчины въ этой мѣстности были разобраны весьма рано; всѣ болѣе древніе и богатые роды землянскіе помѣщались въ этой территоріи; жалованныя грамоты на свои земли они выслужили „на великихъ князьяхъ“: Витовтѣ, Казимирѣ и Александрѣ, или получили ихъ отъ кievскихъ князей Олельковичей. Такъ въ повѣтахъ: мозырскомъ, овручскомъ, черныбыльскомъ, въ сѣверныхъ частяхъ кievскаго и житомирскаго мы встрѣчаемъ въ теченіи многихъ поколѣній представителей всѣхъ знатныхъ и богатыхъ землянскихъ родовъ кievской земли¹⁾. Совершенно другое отношеніе встрѣчаемъ въ южныхъ, черноземныхъ и степныхъ повѣтахъ: въ черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кievскаго и житомирскаго; здѣсь земляне или вовсе не берутъ службъ и выслугъ, или берутъ ихъ весьма неохотно; только въ началѣ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ въ каневскомъ повѣтѣ нѣсколько выслугъ землянскихъ, и то онѣ принадлежатъ землянамъ, имѣвшимъ главныя отчины и постоянно жившимъ въ кievскомъ Полѣсьи, и едва можемъ назвать 2—3 рода землянъ, поселившіеся во всей степной полосѣ княжества²⁾.—Наконецъ, въ двухъ самыхъ южныхъ повѣтахъ: звенигородскомъ и переяславскомъ землянъ вовсе не было; правда, оба эти повѣта были

¹⁾ Вотъ перечень болѣе выдающихся землянскихъ родовъ въ Кіевщинѣ: въ мозырскомъ повѣтѣ: Обухи, Балакиры, Еськовичи, Лозки, Косцюшковици, Леньковичи, Служки; въ черныбыльскомъ и кievскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурины, Заморенки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Волчюковичи, Демеша; въ овручскомъ и житомирскомъ: Немировичи, Дедовичи, Ельцы, князья Сенскіе, Халецкіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбели, Вороны, Претковскіе, Корчевскіе и т. д.

²⁾ Въ описаніи господарскихъ замковъ 1552 года въ каневскомъ повѣтѣ названо только нѣсколько землянскихъ отчинъ, принадлежавшихъ: Дашковичамъ, Служкамъ, Балакирамъ, Ельцамъ, князьямъ: Капустамъ, Глинскимъ и Корецкимъ; въ черкасскомъ же повѣтѣ были только два землянскіе роды: Морозовичи и князья Домонты-Чергашенины.

въ XV столѣтїи совершенно опустошены татарами, замки разорены и князья перестали даже посылать намѣстниковъ въ эти опустѣвшїя области. Причина неравномѣрнаго распредѣленїя земель заключалась какъ въ самыхъ условїяхъ землевладѣнїя, такъ и въ современномъ экономическомъ положенїи края. Южные поветы, подверженные постояннымъ татарскимъ набѣгамъ не могли представить удобной почвы для прочнаго установленїя хозяйства, а между тѣмъ военная служба съ земли была гораздо тягостнѣе, земляне должны были проводить большую половину времени то въ походахъ, въ погонѣ за татарами, то въ караулахъ или такъ называемой „полевой сторожѣ“ на стоянкахъ, устроенныхъ украинными старостами въ степи, для предъупрежденїя набѣговъ.

Съ другой стороны степныя черноземныя пространства, представлявшїя одну изъ лучшихъ мѣстностей для земледѣлїя, при тогдашнихъ экономическихъ условїяхъ не обѣщали богатаго дохода; хлѣбъ не составлялъ предмета вывозной торговли и хлѣбопашествомъ занимались только въ размѣрахъ необходимыхъ для собственнаго прокормленїя; напротивъ, хозяйство въ лѣсныхъ округахъ изобиловало всѣми продуктами вывозной торговли. Пересматривая дошедшія до насъ описи имѣній, составленныя даже въ XVI столѣтїи, мы видимъ, что главными статьями поземельнаго дохода признавались „борти“ и вообще продукты пчеловодства, „бобровыя гоны“ и вообще мѣха, затѣмъ рыбная ловля и продукты лѣснаго хозяйства. Не удивительно потому, что земляне позаботились главнымъ образомъ занять земли въ Полѣсьи, относительно безопасныя отъ татарскихъ набѣговъ и дававшїя болѣе цѣнные въ то время предметы для сбыта.

Кромѣ сословія земель въ кїевской землѣ находимъ еще другое сословіе, обязанное также нести военную службу. Сословіе это носило названїе „боярь“ и составляло какъ-бы переходъ отъ земель къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому; бояре по всему вѣроятїю были потомки бывшихъ княжескихъ дружинниковъ. Въ концѣ удѣльнаго періода на Руси дружинники стремятся поселиться въ мѣстахъ своего пребыванїя и не переходить вслѣдъ за каждымъ княземъ изъ области въ область; они предпочитаютъ, оставаясь въ данномъ княжествѣ, поступать на службу къ тому князю, который овладѣетъ областью. Такимъ образомъ дружина привязывается къ землѣ, а не къ лицу, т. е. становится „земскою“. Въ литовское время за земскими дружинниками сохраняется названїе „боярь“; они приписаны къ госпо-

дарскимъ замкамъ, въ районѣ которыхъ владѣютъ поземельною собственностью, по большей части весьма не значительною, и обязаны нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости и отбывать разнаго рода повинности, какъ въ пользу государства, такъ и въ пользу намѣстника. Они отличались отъ землянъ тѣмъ, что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію. Съ конца XV вѣка, когда окончательно утвердилось землянское сословіе, оно мало по малу не только превзошло бояръ знатностью и богатствомъ, но и подчинило ихъ себѣ въ значительной степени; подчиненіе это выразилось въ томъ, что въ случаѣ, если земельные участки, принадлежавшіе боярамъ, находились въ селахъ розданныхъ землянамъ, то князя и ихъ намѣстники уступали въ пользу послѣднихъ свою военную, а въ послѣдствіи и судебную власть надъ боярами, или, какъ тогда выражались, бояре обязаны были „служити и послушными быти“ землянину, а, въ случаѣ неповиновенія, должны были оставить свою землю и съѣхать прочь, сохраняя за собою лишь движимое имущество.

Вся остальная масса сельскихъ жителей составляла категорию крестьянъ или „людей“, какъ ихъ тогда называли, и если они жили на земляхъ „замковыхъ“, т. е. государственныхъ, то назывались „людьми служилыми“, а если земли, обрабатываемыя ими, розданы были землянамъ, то они и сами опредѣлялись терминомъ „люди панскіе и землянскіе“. Какъ тѣ, такъ и другіе лично были свободны и имѣли право перехода съ мѣста на мѣсто; поселяясь на данной землѣ, они обязаны были нести известную долю натуральныхъ повинностей и давать опредѣленные дани деньгами и натурою въ пользу владѣльца земли, сообразно съ договоромъ и установившимся обычаемъ; многіе изъ нихъ притомъ владѣли собственно землею, составляя категорию такъ называемыхъ „данниковъ“, и обязаны были давать государству съ земли своей дань, въ качествѣ подати. Дань эту, взимавшуюся по большей части натурою, правительство уступало въ пользу землянъ, обязанныхъ, въ такомъ случаѣ, сообразно съ количествомъ дохода отъ данниковъ, усиливать контингенты, доставляемые ими на войну. Во всякомъ случаѣ большинство крестьянъ сидѣло не на своей землѣ и пользовалось лишь свободою перехода. Эта свобода въ Кіевщинѣ была весьма заманчива; между тѣмъ, какъ въ населен-

ной части княженія умножалось народонаселеніе и постепенно тяжелѣе становились условія пользованія землею, въ южной полосѣ много было незанятой земли и она, за рѣдкими исключеніями, не была даже *de jure* роздана въ частное владѣніе; крестьянину слѣдовало только подняться съ мѣста, перейти за Рось и поселиться на пустоши, чтобы пользоваться землею безусловно и безконтрольно и развести богатое хозяйство. Современные документы свидѣтельствуютъ, что такіе переселенцы дѣйствительно пользовались своимъ положеніемъ: „пашуть, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ“, говорить описаніе одного замка; „установичне въ каневскихъ уходахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытять тамъ себе медъ яко дома“, свидѣтельствуетъ другой такой-же документъ.—Благоденствіе это впрочемъ доставалось не безъ риска: крестьяне, разводившіе въ степи хозяйство, находились подъ постояннымъ страхомъ татарскаго набѣга и, очевидно, должны были думать о защитѣ и организовать ее, если хотѣли обезпечить свой трудъ и свое пребываніе въ степи. Въ этомъ отношеніи они нашли опору, поддержку и руководство въ представителяхъ мѣстнаго управления—въ старостахъ украинскихъ замковъ какъ Кіевщины, такъ и сопредѣльной съ нею Брацлавщины. Старосты хмѣльницькіе, брацлавскіе, винницькіе и особенно каневскіе и черкасскіе берутъ на себя инициативу въ дѣлѣ организаціи крѣпкой военной силы изъ народонаселенія, поставленнаго, изъ-за экономическихъ своихъ выгодъ, въ необходимость самозащиты. Старосты эти относятся къ пришлому и все болѣе и болѣе умножающемуся народонаселенію, какъ къ единственному средству защитити свои повѣты, охрарити свои замки и возстановити русскую колонизацію въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ. Почти при полномъ отсутствіи землянъ въ этихъ округахъ, малочисленные бояре и мѣщане рѣдкихъ городовъ конечно не могли составить сколько нибудь значительнаго военнаго ополченія; недостатокъ этотъ пополняли стремившіеся въ плодородныя степи „люди“. Уже съ конца XV столѣтія въ источникахъ появляется упоминаніе объ образованіи изъ этихъ „людей“ новаго сословія въ южныхъ степяхъ Кіевщины;—появляется новый терминъ, заимствованный у татаръ—„козаки“. Подъ нимъ не разумѣются ни мѣщане, ни бояре; это сословіе состоитъ изъ людей свободныхъ, но въ большинствѣ бездомныхъ, ищущихъ занятія и осѣдлости. Встрѣчаются козаки въ городахъ въ услуженіи у бояръ и мѣщанъ, упоминаются и такіе, которые имѣли

уже свои дома; одни изъ нихъ ходятъ на низъ Днѣпра на звѣриный и рыбный промыселъ и ведутъ торговлю продуктами этихъ промысловъ, другіе занимаются хлѣбопашествомъ и разводятъ пасѣвы, третіе промышляютъ угономъ лошадей и захватомъ добычи у татаръ. Старосты не только не противудѣйствуютъ переходу населенія въ южные повѣты, но, напротивъ, поощряютъ его, облагая лишь самыми льготными пошлинами всѣ козацкія промыслы и занятія. Такъ, жившіе въ Черкасахъ козаки не несутъ никакихъ повинностей, а только за право пользованія рыбною и звѣриною ловлею или другимъ промысломъ на всемъ пространствѣ обширнаго староства (въ низъ по Днѣпру до пороговъ, а также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясьмину и обоихъ Ингулахъ) платятъ „колядки“ по 6 грошей въ годъ и косятъ 2 дня въ годъ сѣно—„толокою, за стравомъ и за медомъ“ старосты.— Въ Каневѣ старосты признавали собственностью козаковъ всякую добычу, захваченную ими въ татарской землѣ, подъ условіемъ, что незначительная часть ея должна быть отдана въ подарокъ старостѣ и т. п. При такихъ отношеніяхъ болѣе энергическіе и предприимчивые сельскіе люди изъ сѣверной Кіевщины стремились постоянно въ степь и въ каневскомъ и черкасскомъ староствахъ быстро формировались свободныя, воинственныя, козацкія „околицы“, доставлявшія вооруженныя „роты“ для походовъ на татаръ. Съ начала XVI столѣтія предприимчивые старосты украинскіе: Остафій Дашковичъ, Михайлъ и Дмитрій Вишневецкіе, Лявцѣвскій, кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій, находятъ возможнымъ, опираясь на козацкія ополченія, перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ татаръ. Въ степной Кіевщинѣ, подъ охраною сформировавшихся козацкихъ ополченій, колонизація становится смѣлѣе; новые выходцы изъ кіевского Полѣсья не ограничиваются уже староствами каневскимъ и черкаскимъ, а занимаютъ новыя мѣста; съ одной стороны вновь заселяется подднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества и приобщается къ козачеству, съ другой народонаселеніе двигается въ опустѣлый въ XV столѣтіи повѣтъ звенигородскій и образуетъ поселенія въ никому не подвѣдомственныхъ и никѣмъ управляемыхъ пустыряхъ между Тясьминомъ, Синюхою и Росью; заселяются обширныя пространства, такъ называемыя „грунты уманскій и звенигородскій“, въ которыхъ только въ концѣ XVI столѣтія правительство официально признаетъ существованіе поселеній и лишь въ началѣ XVII назначаетъ комиссію для

осмотра края и опредѣленія его пространства.—Такимъ образомъ съ конца XV столѣтія въ Кіевщинѣ зарождается новое военное и землевладѣльческое сословіе, сформировавшееся на основаніяхъ равноправности между его членами и внесшее въ свой бытъ старые принципы вѣчеваго строя. Сословію этому предназначено было въ скоромъ времени вступить за національныя права Кіевской Руси, упорно за нихъ бороться и выиграть дѣло, проигранное раньше привилегированными сословіями страны.

Кромѣ перечисленныхъ сословій: землянъ, бояръ, крестьянъ и, выдѣлявшихся изъ среды послѣднихъ, козаковъ, въ Кіевщинѣ было еще сословіе мѣщанское. Какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и во всѣхъ пригородахъ кіевской земли, жители ихъ составляли особенныя городскія общины, отличавшіяся правами, повинностями и устройствомъ своимъ отъ другихъ жителей края. Но не вездѣ община городская пользовалась въ равной степени независимостью и обязанности, лежавшія на ней, не вездѣ были одинаковы; въ большинствѣ пригородовъ община городская была въ полной зависимости отъ старостъ, находилась подъ ихъ „присудомъ“ и обложена была довольно тяжелыми повинностями: на мѣщанъ возлагалась обязанность нести военную службу какъ полевую, такъ и гарнизонную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они обложены были многочисленными податями и данями въ пользу правительства и намѣстниковъ. — Другое положеніе было мѣщанской общины въ самомъ городѣ Кіевѣ: еще великій князь Витовтъ обезпечилъ ей права особою грамотою, которая, къ несчастію, не дошла до насъ и вѣроятно погибла во время разоренія кіевского замка Менгли—Гиреемъ. Въ 1494 году, двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ этого разоренія, ее возобновилъ великій князь Александръ Казимировичъ, а въ 1499 онъ пожаловалъ городу Кіеву новую грамоту, обезпечивавшую самоуправленіе жителей по магдебургскому праву, которымъ разрѣшалось имъ пользоваться въ полномъ его объемѣ, безъ всякихъ исключеній, наравнѣ съ жителями стольнаго города Вильна. Въ силу этой грамоты, кіевскіе мѣщане становились независимыми и неподсудными мѣстному воеводѣ; городомъ управляли двѣ выборныя коллегіи подъ предсѣдательствомъ выборнаго-же войта; городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренной и точно опредѣленною въ грамотѣ податью въ пользу государства и воеводы; сверхъ того кіевскіе мѣщане получили право безошлинной торговли во всѣхъ зем-

ляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на общину состояли въ томъ, что мѣщане должны были по призыву воеводы ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ и „отправовати оборону и сторожу“ въ кievскомъ замкѣ.

Подъ охраною названныхъ привилегій городская община быстро развилась, пріобрѣла значительныя богатства и силу. Съ незапамятныхъ временъ, благодаря своему удобному географическому положенію, Кіевъ служилъ центромъ обширной торговли: складочнымъ мѣстомъ продуктовъ вывоза со всего днѣпровскаго бассейна съ одной стороны, и предметовъ припоза торговли царьградской и восточной съ другой ¹⁾). Это значеніе торговаго центра Кіевъ удерживаетъ въ описываемое время. Въ Кіевъ направлялись многочисленныя караваны сухимъ путемъ и водою изъ крымской орды и изъ Царьграда; первые переправлялись черезъ Днѣпръ у Тавани, слѣдовали по большей части сухимъ путемъ вдоль Днѣпра до Черкасъ или Канева, здѣсь перегружались на „комяги“ и достигали такимъ образомъ Кіева. Царьградскіе товары отправлялись изъ Хаджибея, а послѣ разрушенія его Менгли-Гиреемъ въ 1490 году, изъ генуезскаго Монкастра (Аккермана) и, слѣдуя по степи черезъ мосты, построенныя на Бугѣ Витовтомъ, доставлялись въ Кіевъ. Благодаря указаніямъ современныхъ актовъ, мы можемъ указать хотя нѣкоторые товары, привозимые этими караванами; это были—шелковыя и парчевыя восточныя ткани, „камка александрійская на золоте“, восточныя ковры, шелкъ, восточныя издѣлія изъ кожи: «сафьянъ, тижмы и тебенки» и восточныя приности: перецъ, „дзиндзверъ“ шафранъ и т. п. Тѣми-же путями изъ Кіева отправлялись караваны на востокъ; они везли мѣха бобровъ, лисиць, горностаевъ, куницъ, бѣлокъ и т. п., готовыя шубы, „шлыки“ и колпаки; затѣмъ издѣлія кievскихъ оружейныхъ мастеровъ: луки, стрѣлы, сагайдаки, сѣдла и т. п. Сверхъ того черезъ Кіевъ прохо-

¹⁾ Не говоря о многочисленныхъ указаніяхъ на обширную торговлю Кіева съ Царьградомъ и дальнимъ востокомъ въ удѣльное время, укажемъ только на свидѣтельства о районѣ кievской торговли, въ гораздо болѣе древнее время, доставляемыя намъ монетными владами, находимыми въ Кіевѣ и его области. Въ этомъ отношеніи довольно указать на большой владъ римскихъ монетъ времени Антониновъ, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чернобылѣ, на такой-же владъ монетъ, чеканенныхъ въ Антиохіи, III—IV ст., открытый въ 1875 году въ самомъ Кіевѣ, и на нѣсколько кievскихъ владовъ съ монетами Саманидскими IX—X столѣтій.

дили караваны съ „коштовными“ товарами изъ Москвы въ Турцію и Крымъ и обратно. Въ предѣлахъ кievской земли купеческіе караваны пользовались покровительствомъ и охраною властей: старосты остерскіе, черкасскіе и каневскіе и воеводы кievскіе снабжали ихъ вооруженнымъ конвоемъ, оберегавшимъ купцевъ отъ нападеній татаръ въ степи, и получали за то отъ каравана опредѣленные обычаемъ и грамотами подарки. Кромѣ этой обширной виѣшной торговли, склады которой находились въ Кіевѣ, въ силу особой на то привилегіи, пожалованной городу в. к. Александромъ, Кіевъ представлялъ богатый рынокъ и для внутренней торговли: здѣсь находились склады соли, привозимой изъ береговъ Чернаго моря и расходившейся потомъ по всему великому княжеству литовскому, рыбы, доставлявшейся съ „низу“ и „съ верху“ Двѣпра, воску, меду, хлѣба и т. п. Торговая дѣятельность Кіева привлекала въ этотъ городъ многочисленныхъ ивоземцевъ; уже въ XV столѣтіи въ Кіевѣ существовала многолюдная армянская колонія, члены которой владѣли домами и лавками въ городѣ и землями въ кievскихъ повѣтахъ; сверхъ того въ XV-же вѣкѣ въ Кіевѣ имѣли торговый дворъ генуезцы и проживали многочисленные торговцы: турецкіе, татарскіе, московскіе, греческіе, молдаванскіе и польскіе.

Торговля не составляла впрочемъ единственнаго занятія кievскихъ горожанъ; разнообразныя ремесла развиты были среди городского населенія. Въ XV уже столѣтіи документы указываютъ на многочисленные цехи, состоявшіе подъ присудомъ кievскаго магистрата, въ числѣ ихъ поименованы слѣдующіе: „кравцы, кушнеры, шевцы, постригачи, золотари, лучники, стрѣльщики, сѣдельники, ковали, конвисары, винники, хлѣбницы, перекушники, рыболовы, плотники, цырульники“. Между ними особенно славились золотари, металлическія издѣлія которыхъ находили обширный сбытъ во всей Руси и Литвѣ, и стрѣльщики, стрѣлы которыхъ, кованные изъ желѣза и обдѣланные въ древка съ орлиными перьями, составляли одинъ изъ предметовъ сбыта въ Крымъ; Михалонъ Литвинъ сохранилъ извѣстіе, что за 10 такихъ стрѣлъ татары давали обыкновенно въ обмѣнъ возъ соли.

Вслѣдствіе богатой торговли и производительности рано чувствуется потребность въ постоянныхъ знакахъ цѣнности. Уже съ XIV столѣтія въ Кіевѣ находился монетный дворъ; до насъ дошли монеты кievскаго чекана, носящія имена князей: Владиміра Ольгердовича, Витовта и Казимира; деньги эти чеканились, какъ кажется, по образцу генуезскихъ монетъ города Кафы и очевидно

возникли изъ-за потребности облегчить торговля сношенія съ Крымомъ; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ на лицевой сторонѣ изображенія и надписи христіанскія, на оборотѣ же тамги и надписи татарскія.

Самостоятельность, обеспеченность и богатство кievской городской общины доставляютъ ей первенствующее значеніе въ землѣ. Кіевскіе воеводы относятся съ уваженіемъ къ ея правамъ и привилегіямъ и, въ случаѣ попытки нарушить ихъ, получаютъ строгіе выговоры и напоминанія отъ великихъ князей; земляне кievской области тяготѣютъ къ городу, пріобрѣтаютъ въ его чертѣ дома, рождаются съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане пріобрѣтаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и „службы“ и становятся въ ряды землянъ; встрѣчаются такіе роды, какъ Крикуновичи, Криницкіе, Шавулы, Мелешкевичи, которые появляются поочередно то въ качествѣ землянъ, то въ рядахъ кievскаго мѣщанства. Въ началѣ XVI столѣтія, когда польскія понятія объ исключительности дворянскаго сословія проникаютъ въ среду русскихъ землянъ и когда появляется у нихъ желаніе установить внѣшніе признаки своего родового достоинства, земляне кievской земли находятся въ весьма затруднительномъ положеніи: они не владѣютъ потомственными гербами, подобно польскому дворянству, и употребляютъ лишь печати съ начальными буквами своихъ именъ и прозвищъ; оказывается зато, что единственное сословіе края (кромѣ княжескихъ родовъ), владѣвшее выработанными геральдическими знаками, было кievское мѣщанство; ихъ фамильныя клейма и печати и послужили матеріаломъ для установленія дворянской туземной геральдики въ южной Руси послѣ люблинской уніи 1569 года.

Вообще, обозрѣвая сословія, на которыя распадалось народонаселеніе кievской области въ данную эпоху, мы не можемъ не замѣтить общей черты въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: сословія не отдѣляются рѣзко другъ отъ друга, сливаются и смѣшиваются между собою на всѣхъ пунктахъ; понятія о потомственности и неизблемой наслѣдственности правъ и сословныхъ преимуществъ не существуетъ; старыя вѣчевыя преданія о равноправности всѣхъ жителей земли продолжаютъ господствовать среди всѣхъ слоевъ населенія и довольно свободно укладываются въ литовскій распорядокъ, который открываетъ самый широкій

просторъ для личныхъ дарованій и личныхъ заслугъ. Такъ земляне, хотя и представляютъ сословіе землевладѣльческое, стремящееся установить потомственно свои права на землю, но оно далеко еще не упрочилось въ этомъ направленіи: землянинъ, не исполнявшій службы, привязанной къ землѣ, находившейся въ его пользованіи, терялъ эту землю, хотя бы она и составляла выслугу его предковъ; онъ обязанъ былъ переуступить ее другому лицу, способному исполнять службу; пріобрѣтателемъ являлось нерѣдко лицо, принадлежавшее до того времени къ другому сословію ¹⁾ и становилось послѣ пріобрѣтенія въ ряды землянъ. Уступки эти совершались вполне, законно съ разрѣшенія князя или его намѣстника. Землянинъ, оставившій свою землю и службу, свободно переходилъ въ сословіе мѣщанское или боярское, или отправлялся искать счастья въ козачествѣ. Мѣщане точно также, по смыслу княжескихъ грамотъ, могли во всякое время оставить свою общину, переселиться въ другой городъ или перейти въ другое сословіе. Мы уже указали на то, что переходъ въ козачество крестьянъ былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, но такой переходъ былъ не единственнымъ возможнымъ выходомъ изъ крестьянскаго сословія: въ грамотѣ, данной великимъ княземъ Александромъ на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, послѣднему предписано, чтобы онъ не воспрещалъ магистрату зачислять въ мѣщане всѣхъ тѣхъ людей „митрополичихъ, воеводиныхъ, панскихъ и землянскихъ“, которые, проживая въ Кіевѣ и въ селахъ кіевскаго повѣта, занимаются торговлею или ремесломъ. Такимъ образомъ кіевская городская община, притягивая въ свой составъ и знатныхъ землянъ, и промышленниковъ изъ крестьянскаго сословія, являлась центромъ, въ которомъ сливались всѣ сословныя категоріи кіевской земли и фактически устанавливалась между ними земская равноправность.

Постараемся теперь собрать разрозненныя черты для того, чтобы составить себѣ понятіе о фізіономіи самого города въ описываемое время.

Въ разные періоды своего историческаго существованія центръ города Кіева передвигался въ различныя мѣстности, сооб-

¹⁾ Такъ напримѣръ бояринъ Зубрикъ пріобрѣтаетъ у путивльскаго князя земли въ черкасскомъ повѣтѣ и становится черкаскимъ земляниномъ; такъ кіевскій мѣщанинъ Ходыня-Криницкій пріобрѣтаетъ громадную поземельную собственность въ перемиславскомъ повѣтѣ и занимаетъ самое видное мѣсто среди его землянъ; такъ „козакъ звимо-городецъ“ Дмитрій Базановскій, владѣеть селами въ грунтѣ звенигородскомъ и т. д.

разно съ историческими условіями его быта. Въ древнѣйшее время извѣстнаго намъ существованія города, еще вѣроятно въ до-княжескую эпоху, центръ городской жизни помѣщался правдоподобно на вынѣшней Оболони и на окаймляющихъ ее взгорьяхъ; въ этой по крайней мѣрѣ мѣстности найдены понынѣ древнѣйшіе монетные клады и языческія кладбища. Послѣ того, какъ Кіевъ сдѣлался центромъ обширнаго государства, князья устроили крѣпость на вершинѣ горъ, господствующихъ надъ Подоломъ. Княжескій дворецъ, лучшія церкви и частные дома расположены были на такъ называемой „Горѣ“, у подошвы которой разстился торговый городъ „Подолье“. Великій князь Ярославъ раздвинулъ предѣлы верхняго города, включивъ въ его составъ загородное поле; онъ „осыпа“ этотъ „великій Кіевъ—великимъ валомъ“ и устроилъ въѣзжія Золотыя Ворота. Послѣ Ярослава нагорная часть Кіева не расширялась дальше намѣченныхъ имъ предѣловъ и вѣроятно оскудѣла среди княжескихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ, не разъ обрушивавшихся на старый княжескій столичный городъ. Литовскіе князья, овладѣвъ Кіевомъ, устроили центръ своего управленія на новомъ мѣстѣ; они выбрали для своего жительствова одну изъ горъ, стоящихъ отдѣльно отъ всего нагорнаго кряжа, и потому болѣе безопасную отъ нападеній; гора эта, названная впоследствии Киселевкою, по имени послѣдняго польскаго воеводы, обитавшаго на ней, Адама Киселя, находилась между старымъ нагорнымъ городомъ и торговымъ Подоломъ. Здѣсь былъ построенъ „литовскій замокъ“, въ которомъ жили Одельковичи и гдѣ, въ 1374 году, кіевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ принималъ венеціанскаго посла, Амвросія Кантарини. Изъ словъ послѣдняго мы знаемъ, что замокъ этотъ былъ срубленъ изъ дерева и что внутри его ограды находился домъ воеводы, но подробнаго описанія его мы не имѣемъ. Замокъ этотъ въ 1482 году былъ взятъ Менгли-Гиреемъ и совершенно разрушенъ, а жившій въ немъ въ то время кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ уведенъ въ плѣнъ, въ которомъ и скончался. Новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго только въ первомъ десятилѣтіи XVI вѣка; для постройки его вызваны были „добродеревцы зъ верху“, т. е. жители кіевскаго Полѣсся, слывшіе хорошими плотниками. Замокъ этотъ занималъ всю вершину горы Киселевки, стѣны его были срублены изъ прочнаго дерева и укрѣплены столбами; распадался онъ на 133 участка или „городни“, каждую городню городили земле или жители извѣстныхъ

волостей, и каждая волость или отдѣльное лице, строившее городню, имѣло право къ внутренней сторонѣ ея примкнуть постройку для храненія своихъ пожитковъ и для собственнаго помѣщенія во время осады. На стѣнахъ выдавались 15 башенъ—башни были шестиугольныя, каждая въ 3 этажа, и каждый этажъ снабженъ былъ бойницами; въ двухъ башняхъ помѣщались въѣзжія ворота: одни были обращены на сѣверъ, противъ горы Щекавицы, и назывались „Воеводиною брамою“, другія на югъ, противъ горы Клинецкой и носили названіе „брамы Драбской“. Небольшая площадка передъ этими воротами, находившаяся внѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертныя приговоры. На одной изъ башенъ замка помѣщались большіе городскіе часы, которыми кіевляне очень дорожили. Для наблюденія надъ ними и для ихъ починки назначено было особое жалованье, довольно значительное для того времени (15 копъ грошей и 5 локтей французскаго сукна); жалованье это получалъ обыкновенно одинъ изъ замковыхъ пушкарей (артиллеристовъ), умѣвшій обращаться съ механизмомъ часовъ. На внутренней площади замка тѣснились многочисленныя постройки: здѣсь былъ домъ воеводы, ротмистра, командовавшаго гарнизономъ, 30 домовъ, въ которыхъ помѣщались солдаты; затѣмъ здѣсь-же находился „шпихлеръ“, въ которомъ сберегали порохъ, ядра, пули, свинець и т. п., и „шопа“, въ которой хранилась крѣпостная артилерія, состоявшая (въ 1545 г.) изъ 17 пушекъ и около 100 гаковницъ. Кромѣ этихъ зданій въ замкѣ находилось 3 православныя церкви, въ томъ числѣ важнѣйшая, по преимуществу „замковая церковь св. Николая“, и одна католическая каплица, имѣвшая вѣроятно значеніе домовою церкви воеводы, если послѣдній былъ католикомъ. Сверхъ того болѣе знатныя лица изъ числа земянъ и мѣщанъ добивались постоянно возможности имѣть свои дома въ замкѣ: здѣсь мы встрѣчаемъ домъ пана войта, домъ пана Горностая, пана Ходьки и т. п. У подножія замка простирался Подоль, застроенный неровными и тѣсными улицами, въ которыхъ кипѣла торговая и промышленная жизнь горожанъ. Всѣ дома были деревянные, невзрачныя и плохіе, по свидѣтельству Кантарини¹⁾; принадлежали они мѣщанамъ, земянамъ, духовенству и служилымъ людямъ. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ съ

¹⁾ Pan Martin fece mi dare un alloggiamento, assai cattivo, secondo il paese. (Библи. иностр. писат. о Россіи,—изд. Семеновъ, стр. 135).

своею церковью и генуезскій торговый дворъ. Старый городъ въ концѣ XV столѣтія пришелъ въ запускъ. Два раза въ теченіи этого столѣтія онъ подвергался татарскому разоренію: въ 1416 сподручникъ Тамерлана, Эдигей, овладѣвъ городомъ, ограбилъ его и сжегъ; не успѣлъ еще городъ оправиться подъ управленіемъ Олельковичей, какъ въ 1482 году „переконскій царь Менгли-Гирей „Кіевъ взя и огнемъ сожже“. Послѣ этого удара старый городъ не подымался уже изъ развалинъ до половины XVII столѣтія. Еще въ концѣ XVI вѣка кіевскій воевода, князь Константинъ Острожскій, вкопалъ около церкви св. Софіи, „на горѣ, межѣ валы“, столбъ и зазывалъ на слободу „на оное мѣсто, здавна пустое, людей вшелякого стану вѣры христіанское“; среди опустѣвшаго, нѣкогда великокняжескаго города, по словамъ Герберштейна, Гвагнини и Гейденштейна, видѣлись лишь „слѣды церквей и опустѣвшихъ монастырей и здавій“. Лясота, видѣвшій Кіевъ въ 1594 году, нашелъ въ верхнемъ городѣ тоже запускъ; среди развалинъ уцѣлѣли лишь церкви св. Софіи и св. Михаила и небольшая церковь на Золотыхъ Воротахъ. Видъ этихъ развалинъ, возбуждая въ путешественникахъ соболѣзнованіе о паденіи нѣкогда великолѣпнаго города, и подалъ поводъ къ утрированнымъ рассказамъ о кіевскомъ разореніи. Такъ Лясота невольно, подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія, рисуетъ слѣдующую картину: „Кіевъ былъ очень укрѣпленъ на обширномъ пространствѣ и украшенъ великолѣпными церквями и здавіями, какъ можно судить объ этомъ по древнимъ развалинамъ, равно и по валу, охватывавшему городъ, и простиравшемуся, какъ говорятъ, на *девять миль (?)* въ окружности“. Конечно такія преувеличенныя картины, дававшія впоследствии тему для рассказовъ о мнимомъ запускѣ Кіева послѣ Батыева погрома, относились только къ нагорной части Кіева и свидѣтельствовали лишь о бѣдствіи, постигшемъ городъ въ 1482 году, и о томъ, что центръ городской жизни и дѣятельности передвинулся теперь въ другую часть города.

Кромѣ указанныхъ нами сторонъ общественной и народной жизни Кіева въ разсматриваемую нами эпоху, мы должны въ заключеніе обратить вниманіе на религіозное значеніе Кіева, которое не только не ослабѣло, но было въ значительной степени восстановлено въ теченіи указаннаго времени.

Въ половинѣ XIII столѣтія религіозное значеніе Кіева нѣсколько поколебалось по причинѣ политическаго его упадка. Ми-

трополиты кievскіе, вслѣдствіе развитія болѣе могущественной государственной жизни въ сѣверо-восточной Руси, равно какъ и вслѣдствіе возникновенія многихъ новыхъ епископскихъ каедръ на сѣверѣ, должны были обратить на этотъ край особенное вниманіе; они значительную часть времени жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, а въ началѣ XIV столѣтія и вовсе туда переселились, изрѣдка только посѣщая свою митрополичью столицу и управляя кievскою церковью посредствомъ намѣстниковъ. Послѣ присоединенія кievской области къ Литвѣ, какъ литовскіе великіе князья, такъ и удѣльные князья кievскіе стремятся къ возстановленію митрополіи на прежнемъ мѣстѣ. Уже Владиміръ Ольгердовичъ успѣлъ на время достигнуть этой цѣли, пригласивъ въ Кіевъ митрополита Кипріяна, непринятаго въ Москвѣ; послѣ его смерти великій князь Витовтъ рѣшился возстановить самобытность кievской митрополіи и подчинить ей православныя епархіи въ великомъ княжествѣ литовскомъ; онъ не призналъ жившаго въ Москвѣ митрополита Фотія и, созвавъ въ 1414 году девять православныхъ епископовъ западной Руси на помѣстный соборъ въ Новгородокъ-Литовскій, предложилъ имъ избрать отдѣльнаго кievскаго митрополита ¹⁾. Выборъ этотъ состоялся и на кievскую митрополичью каедру вступилъ Григорій Цимвлакъ. Впрочемъ возстановленіе митрополіи утвердилось не сразу; въ теченіи пятидесяти лѣтъ послѣ выбора Цимвлака замѣчаемъ колебаніе: кievская митрополіа то объединяется съ московскою, то управляется отдѣльнымъ іерархомъ. Причина этого колебанія заключается въ опасеніи православныхъ жителей западной Руси, чтобы отдѣльные кievскіе митрополиты, находясь подъ давленіемъ своего правительства, не приняли церковной уніи съ Римомъ и не подчинились папѣ, такъ какъ къ тому именно времени относилась первая попытка уніи, провозглашенная на флорентинскомъ соборѣ;

¹⁾ Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Витовтъ мотивировалъ свое предложеніе собору въ грамотѣ, изданной имъ къ православнымъ жителямъ великаго княжества литовскаго: „изыщамъ всѣхъ русскихъ, состоящихъ въ послушаніи кievской митрополіи, что мы издавна усмотрѣли, что митрополіа эта управляется не въ должномъ порядкѣ, но съ дня на день все болѣе и болѣе ослабѣваетъ и скудѣетъ; уже въ наше правленіе нѣкоторые митрополиты управляли ею не такъ, какъ слѣдовало по старинѣ; они собирали церковные доходы и увозили ихъ за границу; ризницы, казну и св. мощи изъ здѣшнихъ церквей они отнимали и увозили въ чужую страну (перечисляются мощи и церковные предметы); да и кто можетъ перечислить, сколь многочисленныя сборы золота и серебра они нагромодили и сколь значительныя убытки причинили кievской церкви.“

Тѣ-же мотивы приводитъ и густынская лѣтопись (стр. 353).

въ силу этого опасенія кіевскіе князья Олельковичи, дорожившіе болѣе всего возстановленіемъ кіевской митрополіи, оставляють свое стремленіе и заботятся о признаніи власти московскаго митрополита. Не смотря на ихъ сопротивленіе, въ 1458 году рукоположенъ былъ уніатскимъ константинопольскимъ патріархомъ Исидоромъ его ученикъ, болгаринъ Григорій, въ кіевскіе митрополиты и явился въ Литву съ намѣреніемъ, подъ покровительствомъ Казимира Ягайловича, принять въ управленіе митрополію; но нерасположеніе православныхъ жителей в. к. литовскаго къ уніи было столь сильно, что правительство не было въ силахъ установить власть новаго митрополита. Источники не сохранили свѣдѣній о дѣятельности Григорія: правдоподобно онъ проживалъ при княжескомъ дворѣ и не вступалъ въ управленіе митрополіею. Въ Кіевѣ имя этого митрополита умалчивали; такъ напримѣръ, помѣчая фактъ обновленія кіево-печерской лавры въ 1470 году, еще при жизни Григорія, и лѣтопись, и надгробная надпись Симеона Олельковича упоминають, что событіе это случилось „при королѣ Казимирѣ и при архимандритѣ Іоаннѣ“, но имени митрополита не упоминають. Въ 1472 году Григорій умеръ въ Новогродкѣ-Литовскомъ и избранный на его мѣсто въ 1474 году смоленскій епископъ Михаилъ возстановилъ оковчательно кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонилъ попытки ввести унію, испросивъ посвященіе у константинопольскаго патріарха. За Михаиломъ слѣдуетъ уже непрерывный рядъ кіевскихъ митрополитовъ до конца XVI вѣка, управлявшихъ православною западно-русскою церковью и признававшихъ себя въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Великіе князья литовскіе: Казимиръ, Александръ и Сигизмундъ не стѣсняють независимости ихъ духовной власти; напротивъ того, дѣльмъ рядомъ грамотъ подтверждаютъ полную свободу церковнаго управленія, гарантируютъ и точно опредѣляютъ независимость митрополичьяго суда въ дѣлахъ, касавшихся религіознаго ученія и правильнаго устройства семейныхъ отношеній, а также неприкосновенность поземельной собственности митрополичьей и церковной. Представители православной церкви по собственной инициативѣ безпрепятственно собирають помѣстные соборы, производятъ выборы высшихъ духовныхъ сановниковъ и т. д. Кіевъ становится вновь центромъ религіозной жизни западной полосы Россіи и сообщаетъ церковному устройству свойственныя древней христіанской церкви черты чисто соборнаго управленія: ми-

ряне получаютъ право голоса въ выборѣ епископовъ и право участія въ засѣданіяхъ соборовъ; образуются церковныя братства для охраненія чистоты православнаго ученія и наблюденія за нравственною жизнью какъ мірянъ, такъ и духовныхъ лицъ, не исключая епископовъ. Чувствуя себя живыми членами церкви, православные жители западной Руси проникнуты глубокою къ ней любовью и искреннимъ религіознымъ чувствомъ; черты эти явственно видны въ исторіи всѣхъ кіевскихъ церквей и духовныхъ учрежденій. Татарское разореніе, два раза въ теченіи XIV столѣтія обратившее въ развалины Кіевъ и большинство кіевскихъ церквей, не уничтожило святыни, находившей прочную поддержку послѣ каждаго удара въ готовности всего народонаселенія нести всевозможныя жертвы въ пользу ея возстановленія. Такъ кіевская печерская обитель, возобновленная Симеономъ Олельковичемъ послѣ погрома 1416 года и вновь разрушенная въ 1482, весьма скоро возстановляется усиліями духовенства и содѣйствіемъ всѣхъ кіевлянъ. Уже въ 1522 году архимандритъ Игнатій получилъ грамоту отъ великаго князя Сигизмунда, въ которой подтверждались древнія права монастырской общины; великій князь освобождаетъ ее вполне отъ всякой зависимости отъ кіевскихъ воеводъ и признаетъ право на управленіе общиною исключительно за архимандритомъ; послѣдняго должны выбирать „старцы, совмѣстно съ князьями, панами и землянами кіевской земли“, великій же князь даетъ обязательство не утверждать другого архимандрита, кромѣ кандидата представленнаго ему избирателями. Обитель кіево-печерская быстро оправляется отъ претерпѣннаго ею разоренія; вслѣдствіе отказовъ, получаемыхъ постоянно путемъ дарственныхъ записей и духовныхъ завѣщаній, поземельныя владѣнія общины достигаютъ громадныхъ размѣровъ: во всѣхъ повѣтахъ кіевского княженія кіево-печерскій монастырь владѣетъ многочисленными землями и угодьями, въ остерскомъ же повѣтѣ большая часть земли составляетъ его собственность. Вскорѣ владѣнія этой обители, пользовавшейся громаднымъ уваженіемъ въ западной Руси, простираются далеко за предѣлы кіевской области, монастырь получаетъ въ даръ земли и имѣнія на сѣверномъ берегу Припяти: въ Бѣлой Руси и Литвѣ, въ повѣтахъ: слуцкомъ, логойскомъ, глускомъ, бобруйскомъ, могилевскомъ и виленскомъ, и становится однимъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ великаго княжества литовскаго.

Усердіе православныхъ къ благосостоянію церкви не ограничивается кіево печерскою обителью,—дарственные записи и отказы имущества распредѣляются и между другими кіевскими церквами и монастырями. Между ними первое мѣсто занимаетъ кіевскій пустынно-ніколаевскій монастырь. Объ обители этой мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній до начала XV столѣтія и не знаемъ, кѣмъ и когда она была основава; но съ 1411 года, когда мы встрѣчаемъ первое о ней точное извѣстіе, она быстро возрастаетъ и пользуется особенною любовью князей, воеводъ и землянъ кіевской земли. И великіе князья Казимиръ и Александръ, и кіевскіе православные воеводы Юрій Монтовтовичъ и Андрей Немировичъ, и всѣ почти знатные землянскіе роды кіевской земли: князья Глинскіе, Дашковичи, Тышковичи, Полозовичи, Горностаи, Лозки и т. д. наперерывъ отказываютъ въ пользу этого монастыря имѣнія, земли, угодія, села и разнаго рода имущество. Онъ владѣетъ помѣстьями во всѣхъ повѣтахъ кіевского княжества и занимаетъ послѣ кіево-печерской обители первое мѣсто какъ по богатству, такъ и по уваженію къ нему кіевлянъ. Религіозное настроеніе жителей кіевской области въ XV столѣтіи выразилось не только въ заботахъ объ устройствѣ церковной іерархіи, о церковностроительствѣ и обезпеченіи церковнаго достоянія; оно глубоко проникло въ убѣжденія, руководило поступками какъ общественной, такъ и повседневной, частной жизни кіевлянъ. Всѣ грамоты, записи, документы носятъ въ слогѣ и выраженіяхъ признаки неподдѣльнаго глубокаго религіознаго чувства. Настроеніе это выразилось въ XV столѣтіи еще тѣмъ важнымъ для характеристики общества признакомъ, что два новыя лица были причтены къ лику святыхъ, вслѣдствіе сложившагося о ихъ дѣятельности народнаго убѣжденія въ современномъ обществѣ.

Первый изъ нихъ принадлежалъ къ знатному княжескому роду—это былъ князь Ѳеодоръ Даниловичъ Острожскій. Жизнь этого князя протекла среди военныхъ подвиговъ какъ въ отечествѣ, такъ и ввѣ его предѣловъ. Первое упоминаніе о немъ относится къ 1386 году, когда великій князь Витовтъ и король Ягайло утвердили въ его владѣніи княжества: острожское, заславское и корецкое на Волыни. Затѣмъ въ первой четверти XV столѣтія князь Ѳеодоръ Острожскій появляется въ числѣ сподвижниковъ Сигизмунда Корибутовича, ходившаго по порученію Витовта съ сильнымъ русскимъ ополченіемъ въ Чехію на подмогу

гусситами. Въ теченіи восьми лѣтъ (1422—1430) онъ принималъ весьма дѣятельное и видное участіе въ геройской борьбѣ чеховъ со всѣми силами германской имперіи; ¹⁾ но въ 1430 году онъ долженъ былъ возвратиться на родину, вслѣдствіе важныхъ событій, происходившихъ тогда въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ этомъ году скончался Витовтъ и возгорѣлась борьба между Ягайломъ, желавшимъ присоединить къ Польшѣ спорныя русскія области, и Свидригайломъ, отстаивавшимъ достояніе литовскаго княжества. Въ борьбѣ этой князь Ѳеодоръ Острожскій принялъ самое дѣятельное участіе; на долю его пришлось защищать или скорѣе возвратитъ занятую уже поляками подольскую землю. Несмотря на превосходство польскихъ силъ, благодаря энергіи и дѣятельности князя Ѳеодора, цѣль эта была въ значительной степени достигнута: онъ успѣлъ отстоять все южное Подоліе до Буга и Мураховы, образовавшее впоследствии такъ называемую Брацлавщину, и даже временно овладѣлъ Каменцемъ. Длительнымъ его успѣхамъ помѣшала подозрительность Свидригайла, отозвавшего его изъ Подолія. Тѣмъ не менѣе, три года спустя, князь Ѳеодоръ является опять въ числѣ многихъ другихъ русскихъ князей на защиту Свидригайла въ его борьбѣ съ Сигизмундомъ Кейстutowичемъ. Но когда русскіе князья потерпѣли рѣшительное пораженіе у Вилькомира, престарѣлый князь Ѳеодоръ Острожскій почувствовалъ, что энергія его сокрушена вмѣстѣ съ тѣмъ народнымъ русскимъ дѣломъ, которому онъ служилъ всю жизнь и которому теперь, какъ казалось, нанесенъ былъ окончательный ударъ. Онъ рѣшился удалиться отъ міра и искать успокоенія въ тиши монастыря. Прибывъ въ Кіевъ въ печерскую обитель, князь Ѳеодоръ Даниловичъ, „оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себя святое иночество, и такъ подвизався крѣпко, угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою всяко украшаючи, Господеви въ руцѣ отдалъ“. Онъ „сподобился

¹⁾ Пребыванію князя Ѳеодора Даниловича въ Чехіи военное искусство въ южной Руси обязано было весьма важнымъ нововведеніемъ: княземъ этимъ усвоенъ былъ изобрѣтенный чешскими таборитами новый военный строй, названный по ихъ имени „таборомъ“. Строй этотъ состоялъ въ томъ, что войско двигалось во время похода какъ бы въ подвижной крѣпости, составленной изъ нѣсколькихъ рядовъ повозокъ: благодаря изобрѣтенію этого строя предводитель таборитовъ, славный Янъ Жижка, одержалъ много блистательныхъ побѣдъ надъ нѣмцами. Перенесенный въ южную Русь Ѳеодоромъ Острожскимъ „таборъ“ былъ впоследствии усвоенъ казаками, которымъ онъ доставилъ не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

стать превыше въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ“, гдѣ по нынѣ почиваютъ его нетлѣвныя мощи.

Другой святитель, причтенный къ лику святыхъ, былъ кievскій митрополитъ Макарій. Въ 1495 году избранный въ митрополиты изъ архимандритовъ виленскаго троицкаго монастыря, св. Макарій, получивъ благословеніе константинопольскаго патріарха, отправился въ 1497 году въ Кіевъ, чтобы принять въ управленіе свою кафедру. Онъ уже достигъ предѣловъ кievской земли, проѣхалъ Мозырь и направился оттуда къ Кіеву, но на переправѣ черезъ Припять у села Скриголова его застигъ загонъ татарской орды, ворвавшейся тогда въ кievское Полѣсье, и митрополитъ былъ убитъ хищниками. Тѣло его перевезено въ Кіевъ, гдѣ мощи его почиваютъ по нынѣ въ кievо-софійскомъ соборѣ.

Вотъ тѣ черты быта кievской области, какія можно было собрать въ весьма скудныхъ историческихъ источникахъ даннаго времени. Конечно, по дошедшимъ до насъ источникамъ составить подробной и полной картины не возможно, но историческій матеріаль, по нашему мнѣнію, достаточенъ для того, чтобы признать, что въ описываемую эпоху Кіевъ съ своею областью не представлялъ полнаго запустѣнія, ожидавшаго иноземныхъ колонистовъ, но, напротивъ, принималъ дѣятельное участіе въ исторической жизни западной половины Россіи, по большей части руководилъ развитіемъ этой жизни и, во всякомъ случаѣ, занималъ въ ея теченіи весьма почетное мѣсто.

В. Антоновичъ.

Южно-русскіе архіереи

въ XVI—XVII в. *).

Извѣстно, что конецъ XVI вѣка въ исторіи южно-русской церкви, т. е. время непосредственно предшествовавшее введенію уніи, характеризуется поразительнымъ упадкомъ чистоты нравовъ въ средѣ высшаго южно-русскаго духовенства. Между пред-

*) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ предлагаемой статьи располагаетъ представить на страницахъ нашего изданія рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни южно-русскаго высшаго духовенства въ XVI и XVII ст. Съ помощью такихъ очерковъ намъ яснѣе представится тогдашнее неестественное положеніе южно-русской церкви и рѣзче очеркнется значеніе уніи, какъ очистительнаго клапана или какъ болѣзненнаго нарыва, открывшаго истокъ для скопившихся вѣками нечистыхъ соковъ въ церковно-общественномъ организмѣ. Путемъ долгихъ и тяжелыхъ страданій южно-русскій народъ выработывалъ потомъ въ себѣ сознаніе неестественности союза, къ которому онъ приведенъ былъ силою исторической судьбы, и необходимости слотиться въ одно цѣлое съ другою, давно оторванною и не менѣе его страдавшею частію обще-русскаго организма. Глядя съ этой точки зрѣнія на событія избираемой авторомъ эпохи и сферы, намъ нечего случаться предъ густотою самыхъ темныхъ красокъ, каковыми судебные акты и извѣстія частныхъ лицъ рисуютъ намъ явленія того времени въ такой сферѣ, которую мы при вымыслѣ считаемъ высшею и болѣе свободною отъ недостатковъ, а разсматривая эти явленія въ общемъ тогдашнемъ государственномъ и общественномъ строѣ, во многихъ изъ нихъ мы усмотримъ скорѣе проявленія общаго недуга, нежели личной слабости и порока. Такими въ особенности представляются намъ эти непрерывные „гвалтовные наѣзды“ и страсть къ самоуправству, отъ которой, по словамъ автора, не свободны были и лучшіе изъ православныхъ южно-русскихъ іерарховъ. Въ тѣ времена всеобщаго безправія, полнаго безсилія королевской власти, такъ рѣзко обозначившагося въ правленіи Сигизмунда III, отсутствія власти административной, слабости власти общественной, самому правому и спокойному человѣку что оставалось дѣлать, какъ не прибѣгать къ помощи вѣвшей силы для огражденія своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ? Тѣмъ болѣе позволительнымъ казался такой способъ въ тѣхъ случаяхъ, когда похираемы

ставителями тогдашней православной іерархіи можно указать не мало лицъ, обладавшихъ блестящимъ образованіемъ и разносторонней ученостью, но весьма трудно найти между ними людей, нравственныя качества которыхъ строго соотвѣтствовали бы высотѣ ихъ пастырскаго служенія. Обыкновенно это явленіе объясняютъ тогдашней системой замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей въ православной іерархіи. Древній обычай свободнаго избранія клиромъ и народомъ лицъ, достойныхъ занятія высшихъ церковныхъ должностей, къ началу XVI в. почти совсѣмъ вышелъ изъ практики и былъ замѣненъ простой рекомендаціей претендента со стороны особенно-знатныхъ духовныхъ или свѣтскихъ сановниковъ. Польскіе же короли, унаслѣдовавъ отъ литовскихъ великихъ князей право утвержденія избранныхъ кандидатовъ, съ теченіемъ времени распространили это право до того, что, не прибѣгая къ избранію, сами назначали на высшія іерархическія мѣста въ южно-русской церкви, кого хотѣли. Послѣ короли Сигизмунда-Августа, особенно сильно злоупотреблялъ этимъ правомъ Стефанъ Баторій, назначившій однажды (правда, по ошибкѣ) архимандритомъ минскаго православнаго монастыря явнаго католика ¹⁾). Его преемникъ Сигизмундъ III, именуя себя „верховнымъ подавцею столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ“, также неограниченно пользовался правомъ раздачи по своему усмотрѣнію православныхъ епископій и монастырей лицамъ шляхетскаго сословія, оказавшимъ какія-нибудь услуги республикѣ ²⁾), или же иногда просто внесившимъ за это въ ко-

были права церкви и ни во что ставились королевскія и сеймовыя опредѣленія. Такимъ способомъ и въ такихъ обстоятельствахъ, при величайшемъ изъ кievскихъ іерарховъ Петръ Могилѣ, игуменъ Антоній Мужилловскій съ 500 вооруженныхъ „подгорнулъ“ подъ его власть св. Софію, отбивши замки, лѣта цароженія Божого 1633 іюля 12^а. Во всякомъ случаѣ въ самоуправствѣ отдѣльнаго лица трудно разобраться между печальною необходимостью и личнымъ стремленіемъ, между порокомъ общимъ и частнымъ. Тоже должно сказать и объѣтихъ непрерывныхъ „позвахъ“, которые обнаруживаютъ, по видимому, въ тогдашнемъ духовенствѣ одну лишь страсть къ судачничеству. Ихъ вызывали непрерывныя правонарушенія въ самой безобразной и насильственной формѣ, а усиливали и поддерживали судебныя „волокины“, тянувшіяся, какъ показываетъ одинъ изъ процессовъ львовскаго ставропигіальнаго братства, по 150 и болѣе лѣтъ. Ред.

¹⁾ Акты Зап. Россіи, т. III, № 110.

²⁾ Такъ, напр., изъ актовъ въ Литовской Метрике (Зап. кн. 77, л. 111) видно, что по кончинѣ полоцкаго архіепископа Аѳанасія Терлецкаго король Сигизмундъ, грамотою своею отъ 16 февраля 1592 г., предоставилъ полоцкому епархію *ротмистру* Богдану Селицкому въ награду за *военные его подвиги*. Вступивъ въ монашество, онъ принялъ имя Пааванана и былъ послѣднимъ православнымъ владыкою на полоцкой кафедрѣ.

ролевскую казну извѣстную денежную сумму; подобная же система, какъ извѣстно, употреблялась польскимъ правительствомъ при раздачѣ староствъ, королевскихъ имѣній и другихъ бенефицій. Такъ какъ православныя епархіи въ южной Руси и большинство монастырей обладали значительными имѣніями, пожалованными имъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими благочестивыми лицами, то отсюда понятно стремленіе шляхтичей, часто изъ знатныхъ русскихъ фамилій, всякими путями приобрѣтать королевскія пожалованныя грамоты на извѣстныя епископіи или архимандритства, причемъ приобрѣтшіи могъ передать свое право другому лицу за извѣстное вознагражденіе ¹⁾. Конечно, при такомъ способѣ замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей почти вовсе не было обращено вниманіе на нравственныя качества претендента, на его призваніе и подготовку къ пастырскому служенію; отчего нерѣдко случалось, что въ составъ южно-русской іерархіи, вопреки каноническимъ постановленіямъ, попадали, напр., второженцы, какъ Онисифоръ Дѣвочка, митрополитъ кievскій, и даже лица, совершившіе убійства и другія уголовныя преступленія, какъ Тимоѳей Злоба, архимандритъ супрасльскій, и др. Получивъ королевскую грамоту, шляхтичи не особенно спѣшили принимать посвященіе въ церковный санъ: иногда они по нѣскольку лѣтъ управляли пожалованными имъ епархіями или монастырями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи и нося титулъ *нареченныхъ* владыкъ или архимандритовъ, и часто нужны были со стороны митрополита чрезвычайныя понудительныя мѣры, въ родѣ неблагословенной грамоты или жалобы королю, чтобы заставить подобныхъ своевольцевъ принять посвященіе ²⁾. Нѣкоторые вступали въ управ-

¹⁾ См. напр., такую переуступочную запись Станислава Жолковскаго, намѣстника староства беззскаго, владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу въ 1580 году, въ которой Жолковскій заявляетъ, что, получивъ отъ короля Стефана Баторія пожалованную грамоту на епископію владимірскую, онъ уступилъ свое право Мелетію Хребтовичу, который за эту уступку „ему *досить учинилъ*“. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. 1, № 24.

²⁾ Для примѣра уважемъ на шляхтича Марка Жоравницкаго, который съ 1561 по 1567 годъ, т. е. до самой своей смерти, управлялъ луцкой епархіей, оставаясь въ мірскомъ состояніи, а также на его преемника Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, который лишь на четвертомъ году своего управленія епархіей, да и то вынужденный крайними мѣрами митрополита, принялъ посвященіе подъ именемъ Іоны. Ibidem, стр. XXV—XXVI.

леніе епархіями и монастырями, имѣя живыхъ женъ, и посвятившихся не разводились съ ними, но продолжали вести прежнюю семейную жизнь; такъ въ 1585 году галицко-русскіе православные дворяне упрекали митрополита Онисифора Дѣвочку въ томъ, что, благодаря его небреженію о порядкахъ церковныхъ, на епископскихъ кафедрахъ сидятъ такія лица, которые „съ жонами своими кромъ всякаго стыда живутъ и дѣтки плодятъ, а въ монастырехъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ жонами и дѣтками живутъ и церквами святыми владѣютъ и рядятъ: съ крестовъ великихъ малые чинятъ и собѣ поесы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справуютъ, изъ ризъ—саяны, съ петрохилевъ брамы“ ¹⁾. Въ другой разъ, въ 1592 году, львовское братство доносило патріарху константинопольскому Іереміи, что епископы—холмскій Діонисій Збируйскій и пинскій Леонтій Пельчицкій „со женами живутъ, еще же и перемышльскій владыка (Михаилъ Копыстенскій) со женою на епископство възведенъ“ ²⁾.

Нечего и говорить, что, выросшіе и воспитанные въ нравахъ и привычкахъ тогдашней дворянской среды, южно-русскіе владыки, вопреки ивоческимъ своимъ обътамъ, и въ новомъ званіи нисколько не измѣнили прежняго образа жизни; напротивъ, привлеченные въ большинствѣ случаевъ въ духовному сану богатствами церковныхъ имѣній, они въ своемъ частномъ быту старались во всемъ походить на знатныхъ пановъ и подобно имъ вели праздную, роскошную и веселую жизнь, ничѣмъ въ своихъ поступкахъ не отличаясь отъ богатыхъ мірянъ. А нравы тогдашняго шляхетно-русскаго общества были таковы, что самый снисходительный моралистъ не могъ бы отнестись къ нимъ иначе, какъ съ строгимъ порицаніемъ. Извѣстно, что XVI вѣкъ вообще характеризуется рѣзкимъ переломомъ въ общественномъ быту литовско-русскаго государства. То было время, когда Литва, благодаря начавшемуся еще раньше сближенію съ западной Европой, сдѣлала блестящіе успѣхи въ развитіи своей гражданственности, выразившіеся въ расширеніи промысловъ и торговли, умноженіи и укрѣпленіи городскихъ общинъ, улучшеніи благосостоянія частныхъ лицъ, распространеніи образованности и проч. Естественнo, что всѣ эти культурныя перемѣны въ социальномъ строѣ произвели сильныя измѣненія въ понятіяхъ, нравахъ и

¹⁾ Акты зап. Россіи. т. III, № 146.

²⁾ Ibidem, т. IV, № 33.

обычаяхъ если не всего западно-русскаго общества, то по крайней мѣрѣ въ средѣ высшихъ его сословій. Рядомъ съ усвоеніемъ новыхъ понятій и формъ европейской цивилизованной жизни, въ обществѣ западно-русскихъ дворянъ быстро исчезала простота и патриархальность старыхъ предковскихъ обычаевъ и соединенная съ нею строгость и чистота нравовъ. Въ этомъ отношеніи гибельнѣе всего вліяло на общественные нравы юго-западной Руси сближеніе съ Польшей, гдѣ въ средѣ высшей шляхты, а особенно при дворѣ тогдашнихъ польскихъ королей, нравственная распущенность достигла высшаго развитія. Литовско-русскіе писатели XVI в. единогласно жалуются на упадокъ нравовъ въ современномъ имъ обществѣ, а въ позднѣйшихъ редакціяхъ литовскаго Статута замѣчается все большее усиленіе строгости по отношенію къ цѣлому ряду преступленій, о коихъ въ первой редакціи Статута совсѣмъ не упоминается. Наиболѣе распространенными пороками тогдашняго общества были: пьянство, разнаго рода противосемейныя преступленія, тайныя убійства при помощи ядовъ и отравы ¹⁾, поединки и особенно склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ отнятій собственности, буйствахъ и убійствахъ. Общая нравственная распущенность коснулась и высшаго католическаго духовенства, которое въ то время въ Литвѣ и Польшѣ, какъ и во всей западной Европѣ, необузданно предавалось страсти къ обогащенію, заботилось лишь о суетѣ мірской и утопало въ разнаго рода пресыщеніяхъ и откритомъ развратѣ, что и способствовало болѣе всего быстрому распространенію здѣсь реформаціи. По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ актовъ виленской капитулы, развратъ въ средѣ столичнаго литовско-католическаго духовенства дошелъ до такой степени, что загородныя дачи и фольварки виленскихъ канониковъ и даже прелатовъ сдѣлались чуть не публичными домами, а въ 1629 г. виленская капитула, стараясь хоть чѣмъ-нибудь удержать отъ распутства своевольное духовенство, вынуждена была изгнать изъ предѣловъ епархіи всѣхъ развратныхъ женщинъ ²⁾. Въ то же время, когда реформаціонное движеніе появилось въ Литвѣ и Польшѣ, оно наглядно обнаружило нравственную несостоятельность католическаго духовенства и отсутствіе въ немъ искренности вѣры и твердости убѣжденій. Извѣстно, что въ первое

¹⁾ По свидѣтельству современныхъ польско-литовскихъ писателей, король этотъ былъ занесенъ въ Польшу и Литву королевой Боной, италіанкой, и ея дворомъ.

²⁾ Jaroszewicz, *Obraz Litwy*, III, 10 и 161.

время духовенство оказалось безсильнымъ для борьбы съ новымъ движеніемъ и само подчинилось ему. Не говоря о низшемъ клирѣ, члены котораго охотно женились и переходили въ протестантизмъ, извѣстны случаи, когда прелаты и бискупы (какъ, напр., кіевскій бискупъ Паць) легко измѣняли своему долгу и становились вѣроотступниками. Съ другой стороны, тѣ изъ лицъ высшаго католическаго духовенства, которые выступали на борьбу съ реформаціей, почти всегда обнаруживали грубое безразличіе въ выборѣ къ тому средствъ и приемовъ, сплошь и рядомъ прибѣгали къ возмутительнымъ насиліямъ и при случаѣ не гнушались тайными убійствами своихъ противниковъ.

Тѣ-же пороки и въ тѣхъ же формахъ мы встрѣчаемъ и въ жизни представителей высшаго православнаго духовенства того времени. Современникъ, постриженецъ Аэона, Іоаннъ Вишенскій не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, когда обличаетъ современныхъ ему владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ въ любостыжательствѣ, сребролюбіи, корыстолюбіи, въ пьянствѣ, чревоугодіи и другихъ пресыщеніяхъ; тѣ-же обличенія повторяются почти всѣми южно-русскими писателями того времени. Развратъ среди высшаго южно-русскаго духовенства, правда, не доходилъ до такой степени или, по крайней мѣрѣ, не совершался такъ открыто, какъ то бывало у католическихъ канониковъ и прелатовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилось нѣсколько судебныхъ актовъ XVI—XVII в., изъ которыхъ видно, что и южно-русскіе пастыри были не совсѣмъ чужды этому грѣху. Такъ, въ 1594 году луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій формально на судѣ былъ обвиняемъ въ изнасилованіи нѣкоей „дѣвки“ Палажки (о чемъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), а въ одной актовой луцкой книгѣ мы находимъ декретъ духовнаго митрополичьяго суда по дѣлу объ архимандритѣ жидичинскаго монастыря Никодимѣ Мокосіи Шибинскомъ, обвиненномъ въ убійствѣ, растратѣ монастырскихъ имѣній и наконецъ въ томъ, что онъ, разогнавъ братію, „в монастыре своемъ валожницъ ховалъ и съ ними справу Богу и людемъ добрымъ мерзкую мевалъ“¹⁾). Говорить-ли о слабости вѣры у тогдашнихъ православныхъ архіереевъ, о шаткости и непостоянствѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій, о слабомъ развитіи сознанія ими пастырскаго долга, когда исторія введенія въ южной Руси церковной уніи представляетъ живую картину легкомысленнаго

¹⁾ Книга градская Луцкая 1627 года, л. 350.

равнодушія большей части тогдашнихъ южно-русскихъ іерарховъ къ вопросу объ истинности того или другаго христіанскаго исповѣданія и преступной рѣшимости ихъ „для лакомства несчастнаго“ и ради „дочасныхъ пожитковъ сегосвѣтныхъ“ предать самыя заветныя вѣрованія своей паствы! А затѣмъ, когда введеніе уніи встрѣтило извѣстное противодѣйствіе со стороны православныхъ, то уніатскіе владыки, подражая своимъ католическимъ собратьямъ, выказали такое же возмутительное безразличіе въ выборѣ средствъ для борьбы и съ тѣмъ же безсердечіемъ и жестокостью пускали въ ходъ и ложные доводы, и открытое насиліе, и покушенія на жизнь противниковъ посредствомъ отравы, и тайныя убійства. И благо, еслибы еще этотъ бездушный фанатизмъ могъ быть оправданъ искренностью убѣжденія въ правотѣ своего дѣла, такъ вѣдь о большинствѣ ревнителей уніи и этого нельзя сказать.

Но самыми распространенными среди высшаго южнорусскаго духовенства пороками нужно признать тѣ, которые были наиболѣе господствующими и въ современномъ имъ обществѣ: то были—склонность къ самоуправству, выражавшаяся въ безпрестанныхъ наѣздахъ на имѣнія сосѣдей и сопряженныхъ съ этимъ безчинствахъ, буйствахъ и грабежахъ, и—страсть къ нескончаемымъ тяжбамъ. Отъ перваго изъ этихъ пороковъ рѣшительно не были свободны даже лучшіе изъ православныхъ іерарховъ XVI—XVII в. Владѣя громадными средствами, получаемыми изъ церковныхъ имѣній, южнорусскіе владыки содержали многочисленныя отряды слугъ, гайдуковъ и ратныхъ людей, вооружали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, даже пушками, и часто лично предводительствовали ими въ наѣздахъ, разбояхъ, грабежахъ, штурмомъ брали и отнимали чужія имѣнія, мѣстечки и села, и въ свою очередь часто выдерживали въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ и монастыряхъ правильныя осады со стороны такихъ же самоуправцевъ. Случалось, что они отказывались иногда подчиняться невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ правительства и въ такихъ случаяхъ, при помощи своихъ людей, силой отражали посылаемыя противъ нихъ по приказу короля повѣтвыя ополченія ¹⁾). А въ промежутки между этого рода военными занятіями владыки разъѣзжали по городамъ и трибуналамъ, заносили въ судовыя книги свои протестаціи, манифестаціи, позвы

¹⁾ См. Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. 1, т. 1, стр. XXIII.

и апелляціи, требовали возныхъ, являлись на „рочки“¹⁾, подвергались „банниціямъ“, сносили ихъ и снова являлись новыя и т. д. Такииъ образомъ знаменитый Іоаннъ Вишенскій былъ совершенно правъ, когда обличалъ современныиъ ему владыкъ въ томъ, что они, „въмето правила, книжного чтенія и изученія закона Господня, день и ночь надъ Статутомъ и лжею (т. е. сочиненіемъ апелляціи и репротестаціи) весь вѣкъ свой упражняются“²⁾. Свидѣтельство Вишенскаго вполне подтверждается судебными документами того времени. Всякій, напримѣръ, кому случалось знакомиться съ автовыми книгами, хранящимся въ кievскомъ центральномъ архивѣ, безъ сомнѣнія былъ поражаемъ обиліемъ судебныхъ процессовъ, которые велись тогдашними русскими духовными сановниками; иной разъ кажется, будто городскіе и земскіе суды того времени ничѣмъ другимъ и не занимались, какъ исключительно процессами православнаго духовенства. И нельзя не замѣтить, что въ веденіи большей части этихъ процессовъ видна знающая и искусная рука, навывкшая къ юридической практикѣ и при случаѣ не чуждая казуистическихъ фортелей. Оно и понятно, если вспомнить, что нѣкоторые изъ православныхъ владыкъ въ предшествовавшей, мірской періодъ своей жизни занимались про-

¹⁾ *Рочки* назывались сессіи тогдашнихъ судовъ, а суды тогда были двухъ родовъ: *городскіе* въ городахъ, открытыя для всѣхъ въ теченіи всего года, и *земскіе*, открывавшія свои засѣданія въ повѣтахъ три раза въ годъ, по тогдашнему *рокъ*, откуда и названіе *рочки*. *Банницію* называлось опредѣленіе суда городскаго или земскаго, которымъ извѣстное лице объявлялось лишеннымъ покровительства законовъ. При отсутствіи въ то время административной или иной власти, которая могла бы заставить подсудимаго явиться въ судъ или выполнить его рѣшеніе, банниціи употреблялись какъ единственное побудительное для сего средство, а не какъ мѣра наказанія за извѣстное преступленіе. По тогдашнимъ порядкамъ и правамъ подвергшійся банниціи рисковалъ своею безопасностію и даже имуществомъ и жизнью, такъ какъ всякій, изъ побужденій корысти, мести или просто своеволюства, могъ произвести надъ нимъ какое угодно насиліе, даже просто убить его, не подвергаясь за то преслѣдованію суда и наказанію. Впрочемъ банниціи скоро утратили свое значеніе и какъ мало ихъ пугались, лучшимъ примѣромъ можетъ служить извѣстный въ польской исторіи коронный стражникъ первой половины XVII ст. Самуилъ Лащъ, который, по свидѣтельству Ерича, получивъ 236 банниціи и 37 ифамій, спилъ изъ нихъ или подшилъ *ферицію* и въ такомъ костюмѣ явился въ королевскій дворецъ, возбудивъ тѣмъ лишь удивленіе короля такой находчивости и не подвергшись наказанію за такое наругательство надъ закономъ. Правда, впоследствии король, Владиславъ IV лишилъ Лаща за новыя его буйства и насилія должностей, староствъ и имѣній, но для приведенія въ исполненіе королевскаго декрета понадобилось объявить поголовное ополченіе и кievскій воевода Тшшбевичъ во главѣ 12,000 ополченцевъ шелъ выселить Лаща изъ его имѣнія Масарова.

²⁾ Акты Ю. и З. Р. т. 2, стр. 226.

фессионально адвокатурой; такъ о холмскомъ епископѣ Діонисіи Збируйскомъ упомянутый выше Іоаннъ Вишенскій свидѣтельствуеъ, что онъ, до вступленія въ духовное званіе, „когда въ Луцку жилъ, Саксономъ и Майдебургскимъ правомъ свое череве кормилъ.“¹⁾ Поэтому многіе изъ упомянутыхъ процессовъ между одними и тѣми-же лицами тянулись по нѣскольку лѣтъ, восходили по апелляціи на рѣшеніе трибунала и часто прекращались лишь за смертью одного изъ тяжущихся. Нечего и говорить о томъ, какой богатый матеріалъ для исторіи южнорусской церкви вообще и для характеристики нравовъ высшаго духовенства XVI и XVII в. въ частности представляютъ судебные акты того времени, относящіеся къ означеннымъ процессамъ и сохранившіеся въ огромномъ количествѣ въ книгахъ кіевского центрального архива. Достаточно намѣтить извѣстное іерархическое лице того времени и выбрать изъ актовыхъ книгъ все касающіяся его жалобы, протестаціи, судебныя рѣшенія, чтобы въ результатъ получилась рельефная картина нравовъ и быта высшихъ церковныхъ сановниковъ данной эпохи. А матеріаловъ такъ много, что невольно затрудняешься ихъ выборомъ. Для означенной цѣли можно было-бы съ одинаковымъ удобствомъ воспользоваться, на примѣръ, судебными процессами Θεодозія Лозовскаго, епископа холмскаго, взявшаго штурмомъ епископскій замокъ и соборную церковь въ г. Владимірѣ и впоследствии утвердившагося на этой кафедрѣ; Марка Жоравницкаго, нареченнаго владыки луцкаго, или его преемника Іоны Красенскаго, умершаго баннитомъ, и многихъ другихъ. Но изъ цѣлаго ряда личностей этого типа я останавливаю свой выборъ на судебныхъ актахъ, относящихся къ біографіи человека, получившаго впоследствии печальную извѣстность по дѣятельному участию въ проведеніи брестской уніи, — разумѣю Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и острожскаго, въ жизни котораго всего рельефнѣе обрисовываются типическіе пороки владыкъ того времени. Я не имѣю, впрочемъ, въ виду представить здѣсь полную біографію этого въ своемъ родѣ замѣчательнаго человека, хотя, замѣчу мимоходомъ, подобный трудъ былъ-бы весьма желателенъ, а при богатствѣ изданныхъ по настоящее время историческихъ документовъ онъ къ тому-же легко выполнимъ. Біографическій элементъ войдетъ въ мой очеркъ лишь настолько, насколько дадутъ матеріаловъ избранные мною источники и насколько это окажется нужнымъ

¹⁾ Тамъ-же стр. 231.

для указанной частной задачи. Такъ, дѣятельности Терлецкаго по проведенію церковной уніи я совсѣмъ не намѣренъ касаться, а буду обращать преимущественное вниманіе на его частныя дѣла и отношенія, насколько указанія о нихъ сохранились въ актовыхъ книгахъ, при чемъ съ большею относительно подробностью изложу тѣ судебные процессы, которые представляютъ особенно важный интересъ для моей цѣли.

I.

Кирилль Семёновичъ Терлецкій происходилъ изъ обѣднѣвшей отрасли нѣкогда знатнаго русско-шляхетскаго рода, имѣвшаго свои помѣстья въ перемышльскомъ повѣтѣ. Правдоподобно родиной его можно считать пинскую область въ Полѣсьѣ, гдѣ онъ въ г. Пинскѣ былъ первоначально священникомъ замковой церкви св. Дмитрія, при чемъ, по свидѣтельству І. Вишенскаго, былъ такъ небогатъ, что въ качествѣ слуги „только дячка за собою волочилъ, которому кермашами пирожными заплату чинилъ.“ Въ 1576 г., по смерти пинскаго епископа Макарія Евлашевскаго, Кирилль Терлецкій, по жалованной грамотѣ короля Стефана Баторія, „яко человекъ цнотливый, во всякихъ справахъ духовныхъ статечный и въ писмѣ наученый,“ былъ возведенъ въ санъ епископа пинскаго и туронскаго,¹⁾ откуда въ 1585 г. былъ переведенъ на епископію луцкую и острожскую. О болѣе раннемъ періодѣ жизни Терлецкаго, главное же о его образованіи, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, хотя, судя по его послѣдующей дѣятельности, необходимо заключить, что онъ обладалъ кое-какимъ богословскимъ²⁾ и юридическимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ, какъ кажется, путемъ начитанности, чему много помогали его блестящія способности, восполнявшія недостаточность его школьнаго образованія.³⁾ Обращаясь къ нравственной характеристикѣ личности Терлецкаго, нужно отмѣтить прежде всего, какъ наиболѣе выдающіяся черты его характера, хитрость,

¹⁾ Акты Западн. Р. т. III, № 65.

²⁾ Въ жалованной королевской грамотѣ Терлецкому упоминается, что Кіевскій митрополитъ Іона рекомендовалъ его королю какъ человека „в писмѣ святомъ добръ наученого“.

³⁾ О „значительномъ“ образованіи, какое приписываетъ Терлецкому авторъ „Литовской Церк. Уніи“ г. Коляловичъ, не можетъ быть рѣчи уже по тому одному, что, какъ достоверно извѣстно, Терлецкій не былъ знакомъ съ латинскимъ языкомъ, исключительнымъ органомъ тогдашняго школьнаго образованія.

изворотливость и склонность къ проискамъ; не даромъ одинъ изъ современниковъ Кирилла охарактеризовалъ его мѣткимъ прозвищемъ „райскаго змя“ и коварной лисицы.“¹⁾ Далѣе, это былъ человѣкъ безмѣрно честолюбивый, раздражительный и мстительный до жестокости. Въ своей частной жизни онъ рѣшительно не отличался свойственными его сану добродѣтелями и, какъ увидимъ ниже, ему были вполнѣ присущи всѣ пороки того вѣка. Современные южно-русскіе лѣтописцы и историки заклеили память этого человѣка рядомъ позорнѣйшихъ преступлений. Такъ неизвѣстный авторъ „Перестороги“, а за нимъ составители „Книги о единой вѣрѣ“, густынской лѣтописи и другіе единогласно свидѣтельствуютъ о сребролюбіи Терлецкаго, о его невоздержаніи, чужеложствѣ, убійствахъ и „иныхъ симъ подобныхъ выступкахъ“, о коихъ „мало не весь свѣтъ вѣдалъ“; въ частности же обвиняютъ его въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра и попа Стефана, въ преступной связи съ невѣсткой, женой брата, въ дружбѣ съ ворами и дѣланіи фальшивой монеты и проч. Нѣсколько раньше порочность Терлецкаго вызвала противъ себя обличенія даже изъ отдаленнаго востока, со стороны южно-русскаго монаха аеонской горы, Іоанна Вишенскаго. Вотъ тѣ обвиненія, которыя бросилъ ему открыто, предъ лицомъ всей Руси, этотъ знаменитый современникъ его и строгій ревнитель чистоты нравовъ въ своемъ окружномъ посланіи къ высшему южно-русскому духовенству: „пощупайся только въ лысую голову, всенже бискупе луцкій, колко еси за своего священства живыхъ мертво къ Богу послалъ: однихъ—сѣканою, другихъ—водотоплевою, третьихъ—огнепалною смертію отъ сея жизни изгналъ. Такъ разумѣю, ижъ (что) помятаешъ, вапа милость, всѣхъ тыхъ, если схочешъ покаятелное исповѣди правду отругнути. Вспомяни и Филиппа маляра многопѣняжного: камо тые румяные золотые по его невольномъ отходѣ остались и въ чіемъ нынѣ везеню седать²⁾“?

Подобныя же обвиненія часто повторялись и послѣдующими историками и, казалось, репутацію Терлецкаго можно было считать прочно установившеюся въ исторіи. Но въ послѣднее время,

¹⁾ Въ 1595 г. митрополитъ Мих. Рагоза въ одно изъ своихъ писемъ къ князю Острожскому, такъ выразился о Терлецкомъ: „наиболѣе же благоволите в. м. беречься того райскаго змя и коварной лисицы, о которомъ я говорилъ вашей милости.“ Апокрисисъ, стр. 25—26. и Опис. Кіево-Соф. Собора м. Евгенія, приложение № 14, ст. 63.

²⁾ Агты Ю. и З. Р. т. II, стр. 230.

и притомъ въ одномъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сочиненій по исторіи южнорусской церкви, сдѣлана была попытка обѣлить этотъ печальный образъ одного изъ виновниковъ уніи и представить его „достойнѣйшимъ между западнорусскими епископами того времени“: попытка эта была сдѣлана г. Кояловичемъ въ его книгѣ „Литовская церковная унія“. „Провѣряя, говоритъ онъ, безпристрастною историческою критикою всѣ общепринятія извѣстія о порочности Кирилла, мы никогда не признавали ихъ вѣрными. Преувеличенія и ненависть въ нихъ слишкомъ явны и не подтверждаются никакими официальными памятниками того времени“¹⁾ Исходя изъ этого соображенія, г. Кояловичъ весьма рѣшительно отвергаетъ всѣ неблагопріятныя для памяти Терлецкаго извѣстія его современниковъ, объясняя ихъ злобой его недоброжелателей или, по отношенію къ позднѣйшимъ историкамъ, ошибочнымъ перенесеніемъ на него дѣяній, совершенныхъ его предшественникомъ, Іоной Красенскимъ. Не будемъ входить въ споръ съ почтеннымъ историкомъ. Задача нашего изслѣдованія иная и приемы, какъ увидятъ читатель, другіе. Положительныхъ доказательствъ въ пользу Терлецкаго г. Кояловичъ не представляетъ, а факты говорятъ противное его умозаключеніямъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ приписываемыхъ Терлецкому преступленій (какъ напр., дѣланіе фальшивой монеты, кровосмѣшеніе) введены на него и незаслуженно, подъ вліяніемъ злобы за его измѣну православію; но на немъ тяготѣетъ такая масса обвиненій, что однимъ этимъ предположеніемъ никакъ нельзя обѣлить его, а тѣмъ болѣе поставить его въ рядъ „достойнѣйшихъ“ іерарховъ того времени. Не одинъ Терлецкій измѣнилъ тогда православію, однако ни о комъ изъ подобныхъ ренегатовъ современники не передаютъ такихъ позорящихъ извѣстій, хотя сподвижникъ Терлецкаго, Ипатій Потѣй, несравненно энергичнѣе его преслѣдовалъ православныхъ и занималъ болѣе видное мѣсто въ уніатской партіи. Притомъ же, такъ называемые г. Кояловичемъ „официальные памятники“, если таковыми считать судебные акты того времени, не только въ главныхъ чертахъ подтверждаютъ извѣстія современниковъ о порочной жизни Терлецкаго, но, какъ увидимъ ниже, свидѣлствуютъ сверхъ того о цѣломъ рядѣ другихъ, еще болѣе тяжкихъ, его преступленій. Конечно, не всегда обвиненія и на судѣ бываютъ вполне добросовѣстны. Но судеб-

¹⁾ Кояловичъ, т. I, стр. 269.

ные акты того времени тѣмъ и драгоценны, что въ нихъ съ равнымъ безпристрастіемъ заносились какъ данныя обвиненія, такъ равно и доказательства защиты; поэтому, при изложеніи болѣе важныхъ процессовъ Терлецкаго, я постараюсь передавать и сущность судебныхъ преній, если онѣ сохранились, и такимъ образомъ читатель самъ будетъ поставленъ какъ бы въ положеніе судьи давняго дѣла.

Луцкая епархія, править которою былъ призванъ Кирилль Терлецкій, была одною изъ самыхъ богатыхъ въ юго-западной Руси. Ей принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія, изъ коихъ нѣкоторыя мѣстечки имѣли укрѣпленные замки съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Вступивъ въ управленіе всѣмъ этимъ богатствомъ, владыка зажилъ по обычаю магнатовъ того времени: его окружала многочисленная толпа бояръ и слугъ, въ числѣ которыхъ находился и молодой князь Флоріанъ Гедройтъ, потомокъ нѣкогда знаменитаго литовскаго рода; сундуки въ его „коморахъ“ были переполнены „шатами златоглавыми, сукнами фалендышевыми, аксамитами и едбабами, мѣхами куньими и собольими“¹⁾; въ его кладовыхъ постоянно хранился неистощимый запасъ, цѣлыми бочками, мальвази, рейнскаго и другихъ винитковъ²⁾, а въ луцкомъ замкѣ всегда былъ наготовѣ многочисленный и хорошо вооруженный отрядъ гайдуковъ, услугами которыхъ владыка пользовался довольно часто и притомъ не противъ однихъ только татаръ. Сверхъ того Терлецкій окружилъ себя многочисленной родней, которую онъ тотчасъ же вызвалъ изъ Польши и Подгорья въ помощь себѣ по управленію церковными имѣніями. Такъ при немъ жила его родная дочь Ганна, выданная имъ впоследствии замужъ за Ивана Велитицкаго, писаря земскаго пинскаго. Одинъ изъ его родственниковъ, Иванъ Терлецкій, былъ урядникомъ въ с. Терем-

¹⁾ См. въ I т. Актовъ Ю. и З. Россіи (№ 128) опись части имущества Терлецкаго, отданной имъ на храненіе пинскому мѣщанину Гр. Крупѣ, съ обозначеніемъ стоимости каждаго предмета. Если перевести тогдашнюю монету на нынѣшнюю, то окажется, что общаѣ цѣнности всей этой части его имущества, выѣстъ съ долговыми расписками разныхъ лицъ, простиралась на сумму свыше 22,000 рубл. Любопытно, что въ числѣ должниковъ Терлецкаго мы встрѣчаемъ здѣсь и такихъ магнатовъ, какъ князь Острожскій, воевода кievскій и др.

²⁾ См. осмотръ возмимъ кладовыхъ Терлецкаго въ Луцкѣ. Архивъ Юго-зап. Р., ч. 1, т. I, № 76.

номъ, принадлежавшемъ епископіи луцкой; другой—Прокопъ управлялъ м. Фалимичами. Въ такой же должности, какъ кажется, состоялъ и двоюродный братъ владыки, Василій Григорьевичъ Терлецкій, владѣлецъ нѣсколькихъ селъ въ повѣтъ перемышльскомъ. Но самымъ довѣреннымъ лицомъ владыки, такъ сказать его правой рукой, былъ родной его братъ Ярошъ Терлецкій, котораго онъ держалъ при себѣ неотлучно въ замкѣ луцкомъ и всегда посвящалъ его въ самыя сокровенныя свои намѣренія. У этого же Яроша была жена Марина Богухваловна Туровна, о которой тогда злые языки говорили, будто бы владыка съ нею „въ чужоложствѣ мѣшкаеть“¹⁾.

Не прошло и года по вступленіи Терлецкаго въ управленіе новой епархіей, какъ въ судебныхъ актахъ того времени встрѣчаются уже жалобы разныхъ лицъ на слишкомъ рѣшительныя его дѣйствія. Дѣло въ томъ, что новый владыка нашель свою епископію въ самомъ жалкомъ видѣ: одни изъ церковныхъ имѣній были совершенно опустошены, другія присвоены разными лицами, крестьяне отовсюду разогнаны и пр. Одно изъ такихъ имѣній, именно м. Жабче, оказалось въ незаконномъ пользованіи старостича луцкаго, Марва Жоравницкаго. вмѣсто того, чтобы возстановить нарушенное право владѣнія при помощи суда, Терлецкій поступилъ проще: онъ послалъ отрядъ своихъ гайдуковъ, которые, изгнавъ незаконныхъ владѣльцевъ, овладѣли имѣніемъ и силою подчинили его власти епископа. Подробности этого наѣзда, изложенныя въ жалобѣ Жоравницкаго, по ихъ грубости поразительны даже для того вѣка. Отрядъ Терлецкаго, по своей численности, простирался свыше 1000 человекъ; въ составъ его входили, кромѣ архіерейскихъ слугъ, гайдуковъ и крестьянъ, множество татаръ, венгровъ, сербовъ и волоховъ, съ пушками, гаковницами, полгаками²⁾, ружьями и топорами. Отрядомъ предводительствовалъ братъ владыки, Ярошъ Терлецкій, а помощниками его были клирошане капитулы луцкой. Нападеніе сдѣлано было ночью, „праве на свѣтаню“. Такъ какъ м. Жабче имѣло укрѣпленный замокъ, то нападавшіе осадили его со всѣхъ сторонъ и, устроивъ шанцы, открыли стрѣльбу и вообще принялись штурмовать его по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Самого Жоравницкаго въ то время не было въ имѣніи, но здѣсь гостили его сестры, которыя, услышавъ пальбу, укрылись

¹⁾ Акты зап. Россіи т. 4, стр. 210.

²⁾ Особый видъ ружья.

со страху въ отдаленную комнату дома, окруживъ себя женской прислугой. Между тѣмъ осаждавшіе ворвались въ замокъ и потомъ во дворъ, гдѣ началась дикая оргія убійствъ и грабежа. Нѣкоторые вломились въ домъ, ограбили его, раздѣлили до нага перепуганныхъ женщинъ и многихъ изнасиловали. Къ счастью, сестры жалобщика успѣли къ тому времени тайно уйти изъ замка и укрылись въ сосѣднемъ имѣніи ¹⁾. Жоравницкіе два раза подавали въ судъ жалобу объ этомъ насилии, но король Стефанъ Баторій принялъ епископа подъ свое покровительство, оправдалъ его и самыя жалобы въ актовыхъ книгахъ приказалъ уничтожить ²⁾.

Не менѣе строго поступилъ Терлецкій и съ подчиненнымъ своимъ, Саввой, священникомъ Фалицкимъ, который, будучи урядникомъ въ одномъ изъ церковныхъ имѣній, причинилъ владыкѣ какіе-то убытки и выпустилъ изъ подъ ареста убійцу Ивана Малышка, который умертвилъ слугу епископскаго Морочка. За это владыка приказалъ схватить нераспорядительнаго священника вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ и морилъ ихъ голодомъ и холодомъ болѣе шестнадцати недѣль, имущество же ихъ велѣлъ отобрать въ свою пользу ³⁾. Тестъ священника, шляхтичъ Вишовскій, позвалъ было за это Терлецкаго къ суду; но, два года спустя, Савва помирился съ владыкой и представилъ въ судъ подписку о прекращеніи дѣла.

Скоро, однако, времена перемѣнились. Покровитель Терлецкаго, король Стефанъ Баторій умеръ и на польскій престолъ вступилъ Сигизмундъ III, покровитель будущей уни. Наступило время, когда Терлецкій не только опасался нападать на другихъ, но ему самому приходилось постоянно защищаться отъ преслѣдованій и оскорбленій, коимъ съ того времени все чаще стали подвергаться лица православнаго духовенства со стороны королевскихъ сановниковъ католическаго исповѣданія. Такъ въ 1590 г. дворянинъ и королевскій секретарь Броневскій сдѣлалъ воору-

¹⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, №№ 51 и 52.

²⁾ Кромѣ этого дѣла, въ актахъ Люблинскаго трибунала мы находимъ еще жалобу, относящуюся къ 1586 г., шляхтича Александра Ворони-Бороньскаго на Кирилла Терлецкаго объ отнятіи у него грунта, урочища Завальнаго, и „о позбыванье паробковъ его дворныхъ и о порубанье плуговъ его“ (Кн. Трибунала 1591 г. справа 45). Трибунальскій судъ предославилъ Воронѣ-Бороньскому позвать владыку къ духовному суду, рѣшеніе котораго намъ неизвѣстно.

³⁾ Агх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 56.

женный наѣздъ на принадлежавшее луцкой епископіи и, Филиппи и заграбилъ находившееся тамъ церковное и архіерейское имущество ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ Терлецкому пришлось вынести уворную вражду со стороны луцкаго старосты Алексеандра Семашка, потомка древней русской фамиліи, незадолго предъ тѣмъ перешедшаго въ католичество и потому со всею яростью ренегата преслѣдовавшаго православнаго епископа. Такъ какъ луцкая соборная церковь Іоанна Богослова и епископскій дворъ находились въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, состоявшемъ въ завѣдываніи старосты, то Семашко имѣлъ возможность дѣлать на каждомъ шагѣ притѣсненія Терлецкому и его клиру. Такъ въ одно время онъ у входа въ замокъ поставилъ отрядъ гайдуковъ, приказавъ имъ брать мыто за право входа въ церковь съ духовенства и народа, а въ праздникъ пасхи 1591 года и совсѣмъ не пустилъ въ замокъ никого изъ духовенства, кромѣ одного епископа, вслѣдствіе чего въ соборной церкви въ тотъ день не было совершено богослуженіе; самъ же староста, будучи навеселѣ, проводилъ время въ притворахъ церковныхъ, гдѣ заводилъ танцы и игры, а гайдукамъ приказалъ для развлечения стрѣлять въ куполь и крестъ церкви ²⁾. Въ другой разъ онъ не пропустилъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ Терлецкимъ для починки церкви; а вслѣдъ затѣмъ возбудилъ лично противъ епископа судебное преслѣдованіе, какъ противъ нарушителя общественнаго спокойствія, за то, что будто бы тотъ во время судебныхъ засѣданій входилъ въ замокъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, что было строго запрещено закономъ ³⁾. Сверхъ того староста постоянно вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа и бралъ подъ свою защиту духовныхъ лицъ, подвергаемыхъ имъ наказанію, при чемъ однажды, во время разбора жалобы одного священника, когда Терлецкій, отстаивая свое право юрисдикціи надъ подвластнымъ ему духовенствомъ, упрекалъ жаловавшагося священника въ порочной жизни, то староста въ присутствіи суда, публично заявилъ, что онъ знаетъ немало грѣховъ и за самимъ епископомъ, при чемъ, обратившись къ адвокату священника, шепнулъ: „ска-

¹⁾ Архивъ Югоз. Россіи, ч. I, т. I, № 67. Жалоба объ этомъ Терлецкаго 1590 г., октября 4.

²⁾ См. жалобу объ этомъ Терлецкаго — тамъ же № 70.

³⁾ Тамъ-же, № 73.

жи, что къ владыкъ приводили развратную женщину“¹⁾). Нѣсколько лѣтъ продолжались эти преслѣдованія епископа со стороны старосты. Терлецкій не разъ обращался съ жалобами въ суды гродскій и трибунальскій, которые иногда постановляли рѣшенія въ его пользу; но это нисколько не останавливало своевольнаго старосту, дѣйствовавшаго, какъ кажется, въ данномъ случаѣ не безъ воли польскаго правительства, рассчитывавшаго быть можетъ посредствомъ подобныхъ преслѣдованій поколебать въ Терлецкомъ вѣрность его православно-пастырскому долгу и приготовить въ его лицѣ покорное орудіе для замышляемаго тогда церковнаго переворота. И точно, честолюбивый владыка не былъ способенъ долѣе переносить тѣхъ униженій, какимъ иногда подвергалъ его самоуправный староста. Онъ обратился къ князю Константину Острожскому и браславскому воеводѣ князю Яну Збаражскому съ просьбой примирить его съ Семашкомъ, и тѣ взяли на себя заботу уладить всѣ возникшія между противниками несогласія. Въ іюнь 1592 года Терлецкій и Семашко явились въ гродскій владимірскій судъ и подали заявленіе о томъ, что они навсегда уничтожаютъ возникшія между ними тяжбы и взаимныя обвиненія²⁾). Съ этихъ поръ староста дѣйствительно прекратилъ прежнія преслѣдованія епископа, за то послѣдній становится открытымъ другомъ и поборникомъ уни.

Примирившись со старостой и заручившись снова расположеніемъ польскаго правительства, Кирилль Терлецкій не имѣлъ болѣе побужденій сдерживать буйные порывы своей широкой натуры, и съ этого времени въ актовыхъ книгахъ безпрестанно встрѣчаются самыя разнообразныя жалобы на своеволие епископа.

Прежде всего Терлецкій задумалъ отобрать церковное имѣніе м. Фалимичи, которое присвоилъ было королевскій секретарь Мартинъ Броневскій въ то время, когда епископъ былъ занятъ тяжбой съ луцкимъ старостой. Онъ вооружилъ своихъ слугъ и, поручивъ начальство надъ ними своему зятю Ивану Велятицкому, ночью 27 ноября 1592 послалъ ихъ въ Фалимичи. Здѣсь въ то время проживалъ пріятель Броневскаго, шляхтичъ воеводства люблинскаго, Петръ Гижовскій. Во время штурма онъ былъ тяжело раненъ пулей и ему отрубили кисть правой руки. Когда его, истекавшаго кровью, привели къ Терлецкому, послѣдній не

¹⁾ Тамъ же, № 75.

²⁾ Тамъ же, № 79.

только воспретилъ допустить къ нему фельдшера для подачи необходимой помощи, но еще приказалъ посадить несчастнаго шляхтича въ тюрьму, гдѣ голодомъ и холодомъ морилъ его въ теченіи 12-ти недѣль, приказывая по временамъ истязать его въ своемъ присутствіи. Когда Гижовскій получилъ свободу, онъ позвалъ епископа къ суду. Защитительная рѣчь повѣреннаго Терлецкаго, произнесенная во время судебныхъ преній по этому дѣлу, можетъ служить прекраснымъ образцомъ діалектическихъ ухищреній южно-русскихъ софистовъ XVI вѣка. Терлецкому хотѣлось всячески уклониться отъ подсудности по этому дѣлу свѣтскому суду, и вотъ его адвокатъ, при помощи смысловъ и на конституціи польскихъ королей, и на правила св. отецъ, силился доказать, что епископъ, какъ особа духовная, можетъ подлежать только духовному суду, при чемъ некомпетентность свѣтскаго суда въ рѣшеніи уголовныхъ проступковъ духовныхъ лицъ онъ доказывалъ слѣдующимъ софизмомъ: кара, опредѣленная закономъ за уголовныя преступленія, можетъ быть приведена въ исполненіе надъ духовнымъ лицомъ не прежде, какъ по снятіи съ него духовнаго сана, а это послѣднее дѣйствіе принадлежитъ всецѣло духовной власти; слѣдовательно, свѣтскій судъ, произнося надъ духовнымъ лицомъ приговоръ по уголовному дѣлу, тѣмъ самымъ вторгается какъ-бы въ предѣлы юрисдикціи духовнаго суда. Гродскій судъ, однако, не согласился съ доводами софиста-адвоката и призналъ дѣло Гижовскаго съ Терлецкимъ себѣ подсуднымъ; но по аппеляціи обвиняемаго оно было перенесено въ трибуналь и дальнѣйшая судьба его не извѣстна ¹⁾).

Дѣло Гижовскаго не было еще окончено, какъ противъ Кирілла Терлецкаго возбуждено было обвиненіе, представляющее по своей чрезвычайности, быть можетъ, единственный примѣръ въ лѣтописяхъ уголовныхъ проступковъ высшаго православнаго духовенства. Нѣкто Адамъ Закревскій, слуга шляхтича Циминскаго, явился 2 го февраля 1594 г. въ гродскій владимірскій судъ и занесъ слѣдующую жалобу на Терлецкаго. Посылалъ-де его наканунѣ панъ Циминскій въ с. Копыловъ къ пану Подорецкому за полученіемъ долга на большую сумму. Возвращаясь назадъ, Закревскій взялъ съ собою „швачку“ своей госпожи, дѣвку Палажку, которую пани Погорецкая „позычала на потребу свою“. Такъ какъ въ пути ихъ застигла ночь, то они заѣхали въ м.

¹⁾ Жалоба Гижовскаго и судебное разбирательство ея находятся въ гродскихъ владимірскихъ кнѣгахъ 1592 и 1594 г., л. 404 и 56.

Фалимича, церковное имѣніе лудскою епископію, гдѣ и остановились ночевать у одного крестьянина Ювка Петрашенята. Поздно ночью, когда уже всѣ спали, сюда неожиданно явился въ пьяномъ видѣ и съ большимъ числомъ слугъ самъ его милость владыка лудскій, проживавшій въ то время въ любимомъ имъ фалимичскомъ замкѣ. Онъ началъ бранить за что-то Закревскаго, отобралъ у него „торбу“ съ деньгами, лошадь, возъ съ упряжью и разнымъ имуществомъ и приказалъ отправить все это въ свой дворъ; затѣмъ онъ взялъ съ собою дѣвку Палажку, привелъ ее къ себѣ въ замокъ и, запершись съ нею „въ коморѣ“, изнасиловалъ ее, послѣ чего приказалъ слугамъ посадить ее въ погребъ, откуда она, улучивъ удобную минуту, въ ту же ночь убѣжала во Владиміръ, гдѣ и встрѣтилась съ Закревскимъ.—Въ виду чрезвычайности жалобы, судъ въ тотъ же день отрядилъ для провѣрки ея возныхъ, которые подвергли Палажку допросу и она лично подтвердила все вышесказанное, представивъ имъ на то свои вещественныя доказательства; когда же возные выразили подозрѣніе, не была-ли то „прирожная кровь“, то Палажка подъ присягой подтвердила, что это подлинныя знаки насилія, совершеннаго надъ ней его милостью владыкой лудскимъ¹⁾.

На другой день въ тотъ же гродскій владимірскій судъ явился и Кириллъ Терлецкій и занесъ въ книги свой протестъ противъ обвиненія, взведеннаго паномъ Циминскимъ чрезъ посредство своихъ слугъ, называя его жалобу наглою клеветой, разсчитанной на то, чтобы лишить его, владыку, добраго имени. 14-го марта того же года обѣ стороны были позваны въ судъ для производства слѣдствія. Такъ какъ по закону Палажка, какъ особа нешляхетскаго званія, не могла быть обвинительницей шляхтича, то на судѣ въ роли обвинителя долженъ былъ явиться ея помѣщикъ Циминскій. Терлецкій прибылъ на судъ съ своимъ повѣреннымъ Андреемъ Дахновичемъ, лучшимъ изъ тогдашнихъ адвокатовъ лудскихъ, тѣмъ самымъ, который защищалъ его по дѣлу съ Гижовскимъ. Такъ какъ въ актовыхъ книгахъ, къ счастью, сохранился подлинный протоколъ судебныхъ преній по настоящему дѣлу, то въ виду особой важности процесса мы приведемъ важнѣйшіе доводы, представленные сторонами за и противъ обвиненія.

Предварительно обѣ стороны, по требованію суда, лично дали присягу въ томъ, что не подкупали и не нанмали свидѣте-

¹⁾ Архивъ Юго Зап. Р. ч. 1, т. 1, № 94 и 95.

лей по настоящему дѣлу. За тѣмъ повѣренный Циминскаго потребовалъ, чтобы и Палажка, какъ обвинительница, была допущена къ такой же присягѣ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи. Тогда повѣренный Терлецкаго заявилъ, что владыка, прежде чѣмъ приступить къ доказательствамъ своей невинности, требуетъ, чтобы Циминскій, какъ не имѣющій въ мѣстномъ повѣтѣ земельной собственности, представилъ за себя, согласно статуту, надежнаго поручителя, такъ какъ обвиняемый не удовлетворится однимъ оправданіемъ со стороны суда, въ которомъ онъ заранѣе увѣренъ, но сверхъ того намѣренъ привлечь Циминскаго къ отвѣтственности за безчестіе и клевету. Противъ этого Циминскій возразилъ, что онъ находитъ неумѣстнымъ требованіе противной стороны относительно поручительства, потому что обвиненіе возбуждено не имъ, а его служанкой, отъ имени которой онъ, въ качествѣ ея господина, обязанъ по закону искать на судъ удовлетворенія, такъ какъ она, будучи простаго званія, лишена права сама сдѣлать это; притомъ же всѣмъ извѣстно, что онъ владѣетъ родовымъ имѣніемъ с. Шкленемъ, на что и представилъ суду надлежащіе документы. На это повѣренный обвиняемаго замѣтилъ, что владыка считаетъ себя оклеветаннымъ не со стороны Палажки, противъ обвиненія которой, какъ лица простаго званія, онъ, будучи знатнымъ шляхтичемъ, по закону не обязанъ оправдываться, а со стороны Циминскаго; ибо, допустивъ даже справедливость обвиненія, трудно предположить, чтобы потерпѣвшая, простая служанка, могла, никѣмъ не руководимая, являться въ суды, заносить протестаціи, требовать возныхъ и исполнять другія законныя формальности. Ясно, что она дѣйствовала при помощи и по подговору своего господина. Что же касается вопроса объ осѣдлости, то обвинитель напрасно указываетъ на яко-бы принадлежащее ему с. Шклень, такъ какъ, во первыхъ, это имѣніе записано имъ своей женой, а во вторыхъ— оно находится въ другомъ повѣтѣ, луцкомъ. Судъ объявилъ, что онъ признаетъ достаточными доказательства Циминскаго относительно его осѣдлости въ воеводствѣ волынскомъ, и, удаливъ стороны, приступилъ къ допросу представленныхъ ими свидѣтелей.

На другой день, въ присутствіи многочисленной публики, судъ возобновилъ засѣданіе по тому же дѣлу, причемъ Циминскій, въ дополненіе къ даннымъ произведеннаго уже слѣдствія, представилъ копии жалобъ и заявленій, своевременно учиненныхъ потерпѣвшей Палажкой въ судахъ: гродскомъ, бурмистровскомъ и

войтовскомъ, и сверхъ того присяжныя показанія двухъ „вѣрныхъ“, производившихъ по порученію войтовскаго суда дознаніе и видѣвшихъ знаки насилія „на кошули у тое-то Палажки“. Послѣ этого судъ приказалъ сторонамъ приступить къ преніямъ по существу дѣла. Тогда повѣренный владыки, возражая противъ дѣйствительности самого предмета обвиненія, представилъ слѣдующія соображенія: а) нельзя предположить, чтобы Циминскій могъ довѣрить полученіе значительной суммы долга отъ п. Подорецкаго своему шинкарю Закревскому; б) невѣроятно, чтобы Закревскій, имѣя при себѣ большія деньги, рѣшился выѣхать въ путь противъ ночи и остановиться для ночлега въ имѣніи владыки, зная о непріязненныхъ отношеніяхъ послѣдняго къ его пану, тѣмъ болѣе, что по пути ему раньше встрѣчалось с. Хоболтово, гдѣ онъ съ большею безопасностью могъ бы переночевать; в) допустивъ, что все случилось подлинно такъ, какъ рассказано въ жалобѣ, спрашивается: какая была нужда владыкѣ, лицу столь почтенному, собственной особой вторгаться ночью въ домъ своего подданнаго? развѣ онъ не могъ-бы приказать слугамъ отправиться туда и привести къ нему Палажку? г) какимъ образомъ могло случиться, что Палажка, убѣжавъ будто-бы изъ погреба владыки, ушла не домой, а въ г. Владиміръ, гдѣ въ это время находился уже и Закревскій? Наконецъ повѣренный обвиняемаго представилъ въ судъ трехъ свидѣтелей: п. Томаша Шимковича Шкленскаго, живущаго въ одномъ селѣ съ Циминскимъ, его боярина Ивана Лазкевича и п. Евфима Ощовскаго, которые по совѣсти показали, что Палажка—вовсе не дѣвка, а что она около трехъ лѣтъ уже находится въ замужествѣ и дѣтей имѣетъ, причемъ Лазкевичъ заявилъ, что онъ эту Палажку изъ своего дома и замужъ выдалъ за крестьянина п. Циминскаго. На основаніи этихъ данныхъ повѣренный Терлецкаго просилъ судъ признать настоящее обвиненіе клеветой, посредствомъ которой Циминскій хотѣлъ отомстить владыкѣ за то, что послѣдній неоднократно заставлялъ его, путемъ судебныхъ декретовъ, возвращать захваченныя имъ церковныя земли, причемъ Циминскому приходилось уплачивать значительныя штрафы; что онъ и раньше неоднократно пробовалъ обвинять владыку въ вымышленныхъ преступленіяхъ: въ укрывательствѣ воровъ-цыганъ ¹⁾, въ грабежѣ 500 золотыхъ и

¹⁾ Кстати, не зготъ-ли случай послужилъ поводомъ къ тому, что современники Терлецкаго обвинили его „в обцованіи съ злодѣями, которыя воли до кухни его вожи-вали“? Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ слѣдовъ этого дѣла.

проч., но затѣмъ самъ отказывался отъ своихъ обвиненій. Въ заключеніе адвокатъ Терлецкаго обратилъ вниманіе суда на отсутствіе въ обвиненіи Циминскаго прямыхъ и ясныхъ доказательствъ, а всѣ сомнительные случаи судъ обязанъ по закону истолковать въ пользу обвиняемаго.

На эти возраженія повѣренный обвинителя представилъ слѣдующія объясненія: а) фактъ посылки Закревскаго за долгомъ къ п. Подорецкому Циминскій доказываетъ представленіемъ суду подлиннаго письма Подорецкаго, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ его о посылкѣ денегъ чрезъ Закревскаго; б) Закревскій не оставился ночевать въ Хоболтовѣ, а заѣхалъ въ Филимичи—во первыхъ, потому что Фалимичи лежатъ на самой дорогѣ, а Хоболтовъ въ подмилѣ отъ нея; во вторыхъ, имѣя при себѣ большія деньги и ѣдучи съ дѣвушкой, онъ опасался остаться ночевать въ Хоболтовѣ, гдѣ въ корчмахъ собираются по ночамъ и пьянствуютъ подозрительные люди; в) относительно возраженія: какая была нужда владыкѣ лично врывать въ домъ своего подданнаго и самому позищать Палажку?—обвинитель напомнилъ, что владыка былъ въ то время очень пьянъ и, вѣроятно, плохо сознавалъ, что дѣлалъ; г) что касается встрѣчи Палажки съ Закревскимъ на другой день во Владимірѣ, то она естественно объясняется тѣмъ, что Закревскій, послѣ того какъ былъ ограбленъ владыкой въ Фалимичахъ, въ ту-же ночь отправился въ городъ, чтобы занести въ судъ жалобу, куда утромъ для той же цѣли явилась и Палажка, убѣжавъ изъ заключенія. Относительно замужества Палажки, Циминскій, отвергая показанія свидѣтелей противной стороны, какъ имѣвшихъ противъ него личныя неудовольствія, сослался на свидѣтельство самой Палажки, которая, будучи спрошена судомъ, лично показала, что она Лазковича, выдавшаго будто бы ее замужъ, никогда не знала, мужа никогда не имѣла и оставалась дѣвицей до того дня, когда владыка обезчестилъ ее, что она готова подтвердить и присягой. Возражая далѣе на замѣчаніе противной стороны, будто защита владыки болѣе доказательна, чѣмъ обвиненіе его противника, повѣренный Циминскаго замѣтилъ, что такъ какъ владыка несомнѣнно богаче и знатнѣе его повѣрителя, то поэтому ему „все дей не трудно и все snadne (легко) приходитъ“. При томъ же весьма трудное дѣло доказывать на судѣ псдлинность подобныхъ настоящему преступленій, которыя всегда совершаются скрытно и тайно, тѣмъ болѣе что данный проступокъ совершенъ владыкой въ своемъ имѣніи: не могутъ же свидѣтельство-

вать противъ противъ него собственные его слуги и подданные, а если бы и согласились, то по закону ихъ показанія не могутъ имѣть никакой силы. По его мнѣнію, главный свидѣтель въ настоящемъ дѣлѣ — это сама потерпѣвшая, которую судъ и обязанъ допустить къ присягѣ и показанію. А что владыка ссылается на постановленіе статута, по которому онъ будто бы не обязанъ оправдываться противъ обвиненія со стороны лица простаго званія, то это постановленіе относится лишь къ тѣмъ случаямъ, когда нѣтъ вещественныхъ уликъ совершеннаго преступленія, а въ настоящемъ дѣлѣ значеніе такихъ уликъ имѣютъ кровавые знаки насилія. Поэтому онъ настаиваетъ, чтобы потерпѣвшая была спрошена на судѣ, оставляя за собой право въ другомъ мѣстѣ и въ другое время доказать, что „его милости пану владыкѣ не есть новина такіе и тымъ подобные выступки пополнять (совершать).“

Обмѣнявшись еще нѣсколькими неважными замѣчаніями, стороны прекратили пренія, послѣ чего судъ объявилъ слѣдующее рѣшеніе: имѣя въ виду, что его милость владыка луцкій свидѣтельствомъ лицъ извѣстныхъ и вѣры годныхъ и другими способами явно доказалъ свою невинность, а панъ Циминскій не представилъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу своего обвиненія, ссылаясь главнымъ образомъ на показаніе своей служанки, со стороны которой голословный оговоръ особы знатной, духовной и шляхетскаго званія по закону не можетъ имѣть никакой силы, судъ объявляетъ владыку вполне оправданнымъ отъ взведеннаго противъ него обвиненія. — Циминскій заявилъ недовольство этимъ рѣшеніемъ и потребовалъ аппеляціи въ трибуналъ, а Терлецкій въ свою очередь заявилъ, что онъ намѣренъ преслѣдовать судомъ Циминскаго за безчестіе и клевету; вслѣдствіе чего судъ назначилъ обѣимъ сторонамъ срокъ для перенесенія ихъ дѣла въ трибуналъ. ¹⁾

Чтобы не нарушать порядка предметнаго въ изложеніи, я позволю себѣ забѣгать нѣсколько впередъ. Дѣло это почему-то тянулось еще девять лѣтъ и лишь въ маѣ 1603 года, когда потерпѣвшей Палажки не было уже въ живыхъ, состоялось наконецъ трибунальское опредѣленіе, которымъ декретъ владимірскаго гродскаго суда относительно Терлецкаго былъ

¹⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. і. т. I. №№ 98—100

утвержденъ, но въ искѣ его къ Циминскому за безчестье было отказано. ¹⁾

Таковы сущность и рѣшеніе изложеннаго процесса. Было ли въ дѣйствительности совершено Терлецкимъ приписываемое ему преступленіе, или же онъ въ этомъ случаѣ явился лишь жертвой низкой интриги—для меня это вопросъ второстепенный и потому я вполне предоставляю его рѣшеніе усмотрѣнію читателя, для характеристики же вѣка совершенно достаточно уже того, что одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей церковной іерархіи нѣсколько лѣтъ публично выступаетъ въ столь унижительномъ процессѣ и это нисколько не смущаетъ его самого, не колеблетъ его служебнаго и общественнаго положенія, не лишаетъ благосклонности короля, не нарушаетъ его личныхъ отношеній. Но еслибы кто-либо, отрицая виновность Терлецкаго, сталъ объяснять дѣйствія его обвинителей побужденіями религіозной мести и злобы на епископа за его измѣну православію, тому, въ интересахъ исторической правды, я долженъ противопоставить, что а) изъ судебныхъ актовъ не видно, чтобы обвинитель Терлецкаго шляхтичъ Янъ Циминскій былъ лицомъ православнымъ, и въ такомъ случаѣ самъ Терлецкій въ своей защитѣ, вѣроятно, не преминулъ-бы указать на религіозные мотивы, руководившіе обвинителемъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ сослался лишь на ссоры и тяжбы съ Циминскимъ за церковныя имѣнія; б) не нужно забывать, что въ февралѣ 1594 года, когда началось это дѣло, всѣ продолжали еще считать Терлецкаго лицомъ православнымъ; по крайней мѣрѣ спустя полгода послѣ этого, 27 іюля того-же года, онъ еще участвовалъ въ сокальскомъ съѣздѣ православныхъ епископовъ и на него здѣсь было возложено порученіе отправиться къ королю съ просьбой о защитѣ православія отъ притѣсненія католиковъ, ²⁾ известная же поѣздка Терлецкаго въ Римъ къ папѣ относится къ концу слѣдующаго 1595 года; в) нужно знать, что Циминскій, вчиная настоящее дѣло, подвергалъ себя очень серьезной опасности: по литовскому Статуту лице, возбудившее противъ кого-либо ложное обвиненіе, само подлежало той карѣ, какая опредѣлялась закономъ за преступленіе, служившее предметомъ обви-

¹⁾ Кн. Главнаго Трибунана Люблинскаго, воеводства Волынскаго, 1603 г., справа 555.

²⁾ Архивъ Югозап. Россія, ч. I, т. I, № 109.

ненія, т. е. въ давномъ случаѣ лишенію жизни. — Покойный проф. Иваншевъ, также отвергавшій дѣйствительность приписываемаго Терлецкому преступленія, ссылаясь на оправдательное рѣшеніе суда по этому дѣлу. Но я полагаю, что, послѣ изложенныхъ мною подробностей процесса, ссылка на оправдательное рѣшеніе суда не можетъ имѣть никакой доказательной силы, такъ какъ для всякаго ясно, что при тогдашнемъ порядкѣ судопроизводства, когда въ дѣлахъ, касавшихся шляхтичей, показанія лицъ недворянскаго званія не могли быть принимаемы судомъ, Терлецкій, или всякій другой шляхтичъ на его мѣстѣ, несомнѣнно былъ-бы оправданъ и въ томъ случаѣ, когда-бы дѣйствительно совершилъ подобное преступленіе. Весьма знаменательно, что люблинскій трибуналъ не согласился подвергнуть Циминскаго наказанію за клевету, какъ того добивался Терлецкій, тогда какъ это было-бы лучшимъ средствомъ окончательно смыть позоръ, нанесенный репутаціи владыки обвиненіемъ Циминскаго. А не нужно забывать, что въ то время, когда трибуналъ постановлялъ свое рѣшеніе по этому дѣлу, т. е. въ 1603 году, само правительство польское не могло не быть заинтересовано возстановленіемъ добраго имени Терлецкаго, какъ одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей униатской партіи.

Дѣло о Палажкѣ не было еще окончено, когда въ томъ же 1594 г. на Терлецкаго была подана со стороны шляхтича Якима Обуховича жалоба о томъ, что епископъ, воспользовавшись смертью жены Обуховича и отсутствіемъ въ то время его самого, неизвѣстно по какому праву забралъ все движимое имущество жалобщика и даже присвоилъ его домъ въ Луцкѣ. ¹⁾ Оксчаніе этого дѣла, тянувшася многіе годы, намъ не извѣстно. Въ томъ же году сосѣдка Терлецкаго по имѣнію, шляхтянка Смыковская жаловалась, что владыка, самъ своею особой, съ отрядомъ до 200 человекъ своихъ пріятелей, слугъ, бояръ и другихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, съ гаковницами, полгаками и другимъ оружіемъ, напалъ на ея земли въ с. Смыковѣ, выгналъ законныхъ владѣльцевъ, послѣ чего, согнавъ до ста плуговъ своихъ крестьянъ, приказалъ перепахать прежнія межи и присоединилъ отнятыя земли къ своимъ имѣніямъ. ²⁾ Каковы были по-

¹⁾ Книга Луц. земская 1597. г., л. 625.

²⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. I т. I, № 103.

слѣдствіи этой жалобы, на это въ автовыхъ книгахъ указаній не находится. Весьма вѣроятно, что судъ, по волѣ правительства польскаго, не далъ хода этой жалобѣ, такъ какъ Терлецкій былъ занятъ въ то время приготовленіями къ важному государственному дѣлу, именно къ отъѣзду въ Римъ къ папѣ; по крайней мѣрѣ въ іюль слѣдующаго 1595 г. послѣдовало открытое распоряженіе короля Сигизмунда III о томъ, что всѣ судебныя дѣла, касающіяся епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, отправленныхъ къ папѣ по государственному дѣлу, должны быть приостановлены. ¹⁾

Едва успѣвъ Терлецкій возвратиться изъ Рима, какъ у него начался процессъ съ архимандритомъ жидичинскаго николаевскаго монастыря Григоріемъ (въ монашествѣ Гедеономъ) Балабаномъ, продолжавшійся до самой смерти владыки луцкаго. Главной причиной непріязненныхъ отношеній между ними служило давнее стремленіе Терлецкаго получить въ свою власть жидичинскій монастырь съ его значительными имѣніями. Нужно замѣтить, что богатства этого монастыря и раньше не разъ служили яблокомъ раздора между православными владыками. Такъ въ 1570 г. жидичинскимъ монастыремъ завладѣлъ Іона Красенскій, епископъ луцкій, который въ теченіе десятилѣтняго управленія имъ успѣлъ такъ сильно раззорить его казну и имѣнія, что король Стефанъ Баторій въ 1580 г. приказалъ князю Константину Острожскому отобрать у Іоны монастырь и передать въ управленіе Теофану Греку, епископу меглинскому. Но Іона рѣшился воспротивиться королевской волѣ и однажды, собравъ отрядъ вооруженныхъ людей, выгналъ Теофана и снова овладѣлъ монастыремъ. Тогда король приказалъ старостѣ луцкому, князю Александру Пронскому, вторично водворить Теофана въ жидичинскомъ монастырѣ, изгнавъ узурпатора. Первое нападеніе князя Пронскаго Красенскій успѣлъ отразить силою, встрѣтивъ его отрядъ ружейными выстрѣлами; но когда Пронскій вторично подступилъ подъ монастырь съ увеличеннымъ отрядомъ и съ пушками, Іонѣ пришлось бѣжать, послѣ чего король объявилъ его бавнитомъ ²⁾. Но и Теофанъ не долго управлялъ жидичинскимъ монастыремъ: въ слѣдующемъ 1585 г. монастырь этотъ силою былъ отнятъ у него львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, успѣвшимъ потомъ выхлопотать

¹⁾ Тамъ-же, № 110.

²⁾ Арх. Югозап. Россіи, ч. I, т. I, стр. XXVІІ—XXVІІІ.

себѣ и королевскія привилегіи на архимандрію жидичинскую. Самъ Гедеонъ, впрочемъ, не долго пользовался своимъ правомъ и въ 1589 г. уступилъ его своему племяннику Григорію Балабану, бывшему прежде королевскимъ коморникомъ, каковая передача была утверждена грамотой Сигизмунда III. Что за личность былъ этотъ Григорій, можно видѣть отчасти изъ слѣдующаго случая: однажды въ имѣніи жидичинскомъ сгорѣло монастырское гумно съ хлѣбомъ. Подозрѣвая въ поджогѣ Теофана Грека, епископа Меглинскаго, Григорій Балабанъ искалъ случая отомстить ему, и когда однажды Теофанъ, отправляясь съ письмами патріарха Іереміи къ владимірскому епископу Мелетію Хребтовичу, остановился ночевать въ м. Чернеховѣ, имѣніи кіевскаго судьи Іосіафа Немирича, сюда неожиданно прибылъ съ толпой слугъ Григорій Балабанъ, схватилъ нечаявнаго бѣды епископа, жестоко избилъ его, отнялъ бывшія при немъ деньги и имущество, затѣмъ отвелъ его въ дворъ Немирича и просилъ посадить его въ тюрьму, какъ поджигателя. Теофанъ началъ было дѣло въ судѣ по этому поводу, но скоро прекратилъ его, получивъ отъ львовскаго епископа Гедеона въ удовлетвореніе за побои, нанесенные его буйнымъ племянникомъ, полтораста червонныхъ золотыхъ ¹⁾).

Такой то человекъ теперь оказался ближайшимъ сосѣдомъ Терлецкаго, такъ какъ жидичинскій монастырь находился почти въ самомъ предмѣстьи Луцка. Какъ извѣстно, ссоры между львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ и луцкимъ владыкой, и главнымъ образомъ за жидичинскій монастырь, начались задолго до этого времени. Еще въ 1589 г. ихъ судилъ по этому дѣлу патріархъ константинопольскій Іереміи, ставшій на сторону Терлецкаго ²⁾. Послѣ того, какъ Гедеонъ Балабанъ въ іюль 1595 года торжественно разоблачилъ продѣлку Терлецкаго съ бланками, врученными ему православными епископами на сокальскомъ съѣздѣ, и громко протестовалъ противъ замышляемой тогда униі, — отношенія къ нему Терлецкаго сдѣлались еще враждебнѣе. Ненависть къ своему врагу Терлецкій, какъ видно, перенесъ и на его племянника, тѣмъ болѣе что Григорій Балабанъ, находясь въ близкомъ сосѣдствѣ, имѣлъ возможность слѣдить за

1) Тамъ же, № 65. Мирова я сдѣлка Теофана съ Гедеономъ, при посредничествѣ митрополита и другихъ епископовъ.

2) Агты Зап. Россіи, т. IV, № 21.

каждымъ шагомъ Терлецкаго и доносить обо всемъ своему родственнику. Отсюда легко могло зародиться въ Терлецкомъ стремленіе всякими средствами освободиться отъ непріятнаго сосѣда и при этомъ кстати подчинить себѣ жидичинскій монастырь съ его богатствами. И вотъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ жалобу Григорія Балабана о двукратномъ покушеніи на его жизнь со стороны владыки луцкаго.

Первое покушеніе совершилось такимъ образомъ. Въ мартѣ 1595 г. Григорію Балабану было доставлено однимъ изъ священниковъ капитулы луцкой письмо, присланное изъ Рима Терлецкимъ и Потѣмъ и адресованное на имя львовскаго владыки, Гедеона. Григорій Балабанъ долго не рѣшался принять это письмо, а тѣмъ болѣе отказывался вскрыть его; но посланецъ Терлецкаго съумѣлъ возбудить его любопытство, намекнувъ, что письмо безъ сомнѣнія должно заключать въ себѣ интересныя новости изъ Рима,—и Балабанъ рѣшился, наконецъ, распечатать его. Едва онъ поднесъ письмо къ свѣчѣ, чтобы разобрать подпись, какъ его вдругъ обдало какою-то пылью („порохомъ“) и онъ внезапно впалъ въ обморокъ. Къ счастью, при немъ случился его братъ, который бывалъ въ чужихъ земляхъ и зналъ, что тамъ подобные ядовитые порошки часто посылаются въ письмахъ и даются инымъ способомъ, причемъ ему извѣстны были нѣкоторыя противоядія, при помощи которыхъ и удалось спасти Григорія отъ явной смерти. А затѣмъ случайно прѣхалъ на богомолье въ монастырь князь Константинъ Острожскій и, найдя Балабана больнымъ, помогъ ему своими лѣкарствами ¹⁾.

Не успѣлъ Балабанъ оправиться послѣ этого случая, какъ совершена была вторичная попытка отравить его. 23-го апрѣля того же года, въ то время, когда Балабанъ сидѣлъ съ гостями во своемъ домѣ въ монастырѣ жидичинскомъ, къ нему пришли слуги Терлецкаго, не задолго предъ тѣмъ возвратившіеся изъ Рима: портной Василій Коростель и пѣвчій Павелъ. Войдя въ комнату и прокричавъ громко привѣтствіе: „вашей милости наша служба!“—они подошли къ Балабану и протянули ему руки.

¹⁾ Книга гродск. Владимірская 1595 г., л. 106 (Документъ напечатанъ въ Архивѣ Югозап. Россіи, ч. I, т. I, № 116). Кстати, благодаря лишь этому случаю, для насъ сохранилось и самое письмо Терлецкаго и Потѣя объ ихъ пребываніи въ Римѣ, такъ какъ Балабанъ, при своей жалобѣ, занесъ въ актовыя книги и это письмо, послужившее орудіемъ для его отравленія.

Наученный горькимъ опытомъ, осторожный Балабанъ не сразу подалъ имъ свою руку, а распросивъ, кто они и зачѣмъ пришли, сказалъ: „вы были въ Италіи и потому хорошо знаете италіанскіе обычаи: такъ подѣлуйте же прежде свои руки, а потомъ уже я буду здороваться съ вами“. Слуги Терлецака махнули руками мимо своихъ устъ, послѣ чего Балабанъ довѣрчиво поздоровался съ ними пожатіемъ рукъ и сталъ подчивать ихъ медомъ. Выпивъ и самъ, Балабанъ вытеръ ротъ рукою. „Тотчасъ, жаловался онъ, я обомлѣлъ и почувствовалъ необыкновенную слабость: ядъ и отравы изъ руки вошли въ уста и распространились во мнѣ; я измѣнился въ лицѣ, сталъ блѣденъ, а по тѣлу у меня появились желтыя пятна“. Его полумертвымъ вынесли изъ комнаты; слуги Терлецака тотчасъ бѣжали. На другой день больного осматривалъ возный и донесъ уряду, что нашелъ его едва живымъ, а на тѣлѣ его видѣлъ желтыя пятна величиною съ талырь; возный свидѣтельствовалъ также слюну больного, которая была столь густа, что тянулась непрерывной нитью длиннѣе человѣческаго роста ¹⁾.—Балабанъ долго болѣлъ послѣ этого случая, а выздоровѣвъ, позвалъ на судъ Кирилла Терлецака, обвиняя его въ двукратномъ покушеніи на его жизнь. Дѣло это разсматривалось въ луцкомъ гродскомъ судѣ почему-то лишь три года спустя послѣ совершенія преступленія, причемъ судъ съ явнымъ пристрастіемъ и вопреки справедливости принялъ сторону Терлецака, отказавшись, согласно настоянію послѣдняго, приступить къ разспросу свидѣтелей подъ тѣмъ предлогомъ, что истецъ и отвѣтчикъ, будучи лицами духовными, должны подлежать духовному, а не свѣтскому суду. Недовольный этимъ рѣшеніемъ, Балабанъ апеллировалъ въ трибуналъ, но его дѣло и тамъ не было рѣшено ²⁾.

Послѣ этого Терлецкій открыто и настойчиво началъ преслѣдовать Григорія Балабана. Не успѣвъ отравить, онъ задумалъ выгнать его изъ жидичинскаго монастыря, воспользовавшись, какъ предлогомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что Балабанъ все еще продолжалъ оставаться лицомъ свѣтскимъ. Съ этой цѣлью Терлецкій въ августѣ того-же 1596 года посылалъ своему про-

¹⁾ Жалоба Балабана и осмотръ его вознымъ—Архивъ Югослав. Россіи, ч. I, т. I, № 117.

²⁾ Судебное преніе по жалобѣ Балабана на Терлецака объ отравленіи—книга гродск. Луцкая 1599 г., л. 422.

тивнику офенціальнымъ порядкомъ, т. е. чрезъ вознаго, „наломнальнй листъ“, въ которомъ требовалъ, чтобы Балабанъ, какъ человекъ свѣтскій, не смѣлъ долѣе оставаться въ жидичинскомъ монастырѣ и управлять монастырскими имѣніями, или, въ крайнемъ случаѣ, чтобы онъ поспѣшилъ явиться въ нему, какъ своему владыкѣ, для принятія установленнаго посвященія въ санъ духовный ¹⁾. Хотя Балабанъ, получивши этотъ листъ, велѣлъ возному передать, что-де владыкѣ нѣтъ до него никакого дѣла, но, желая, однако, отнять у Терлецкаго предлогъ къ дальнѣйшему вмѣшательству въ его управленіе монастыремъ, онъ рѣшился принять посвященіе, тѣмъ болѣе, что и митрополитъ кievскій Рагоза не разъ напоминалъ ему о томъ-же. Для этого Балабанъ немедленно отправился къ своему дядѣ, львовскому епископу Гедеоу, и принялъ отъ него рукоположеніе въ санъ архимандрита подъ именемъ Гедеова же, послѣ чего владыка львовскій, желая укрѣпить права своего влемянника на жидичинскій монастырь, явился въ гродскій владимірскій судъ и лично внесъ въ актовыя книги новую переуступочную запись на означенный монастырь, въ коей отрекся навсегда въ пользу своего родственника даже отъ титула архимандрита жидичицкаго ²⁾.

Но это мало упрочило положеніе молодаго Балабана. Два мѣсяца спустя, въ октябрѣ 1596 г. происходило засѣданіе извѣстнаго брестскаго собора по дѣлу объ уніи. На этомъ соборѣ партіей уніатскихъ епископовъ, съ митрополитомъ Рагозой во главѣ, торжественно провозглашено было отлученіе тѣмъ изъ членовъ высшаго православнаго духовенства, которые не согласились на принятіе уніи, причемъ эти лица были объявлены лишенными духовнаго сана. Въ частности, такому отлученію въ числѣ прочихъ подверглись и оба Балабаны. Это было какъ нельзя болѣе на руку Терлецкому. Воспользовавшись соборнымъ опредѣленіемъ, онъ побудилъ митрополита немедленно обратиться къ королю съ ходатайствомъ о приведеніи въ исполненіе стариннаго постановленія Сигизмунда Августа, по которому лица, преданныя церковному отлученію, лишались права владѣть церковными имѣніями, причемъ прежде всего обратилъ вниманіе короля на жидичинскій монастырь. Слѣдствіемъ этого былъ королевскій универсалъ отъ 24 декабря того же года на имя луцкаго ста-

1) Кн. гродск. Луцкая 1596 г. л. 585 на обор.

2) Кн. гродск. Владимірск. 1596 г., л. 336.

рости Александра Семашка, въ коемъ король, ссылаясь на постановленіе брестскаго собора касательно церковнаго отлученія обоихъ Балабановъ, приказывалъ старостѣ немедленно отобрать отъ Григорія Балабана жидичинскій монастырь со веѣми его землями и имуществомъ и присоединить его, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, къ замку луцкому. Любопытно, что въ этомъ универсалѣ Григорій Балабанъ постоянно именуется „свѣтскимъ человѣкомъ“, причемъ указывается, что онъ и церковному отлученію подвергся главнымъ образомъ будто бы за то, что, не смотря на частыя напоминанія со стороны своихъ старшихъ, „взять на себе посвященія не хочетъ, аде, свѣтскимъ будучи, отъколько лѣтъ въ томъ монастыру мешкаетъ“¹⁾. Очевидно, что Терлецкій и Рагоза, а чрезъ нихъ и правительство польское, не хотѣли признавать законнымъ посвященіе, которое Григорій Балабанъ несомнѣнно принялъ въ августѣ того же года отъ рукъ своего дяди, владыки львовскаго.

Получивъ королевскій универсалъ, Семашко чрезъ вознаго немедленно увѣдомилъ объ этомъ Балабана, приказавъ ему въ теченіе 12-ти недѣль оставить монастырь и вывезти оттуда свое частное имущество. Срокъ этотъ приходилъ къ концу, а Балабанъ и не думалъ исполнять приказанія старосты. Между тѣмъ нужно замѣтить, что отношенія къ нему старосты издавна были враждебны. Такъ еще въ 1591 г. Балабанъ жаловался въ судъ на Семашку о насильственномъ вторженіи въ жидичинскій монастырь, о присвоеніи монастырскихъ доходовъ, о побояхъ и грабежѣ;²⁾ въ другой разъ мы находимъ жалобу Балабана о томъ, что староста, питая къ нему давнюю злобу за недопущеніе присвоить монастырскія земли, чинилъ противъ него угрозы, обѣщая лишить его жизни и проч.³⁾ Подобныя преслѣдованія продолжались до тѣхъ поръ, пока Балабанъ не выхлопоталъ себѣ въ 1593 г. заручный королевскій листъ, въ коемъ предписывалось Семашку оставить Балабана въ покоѣ, подъ закладомъ 2000 копъ грошей литовскихъ, въ случаѣ нарушенія имъ этого предписанія. Понятно послѣ этого, съ какою готовностью Семашко вступилъ въ союзъ съ Терлецкимъ для борьбы противъ ихъ общаго врага, архимандрита жидичинскаго. Потерявъ на-

¹⁾ Книга гродск. Луцкая 1595—1597 г., л. 86.

²⁾ Архивъ Югозап. Россіи ч. I, т. I. № 71.

³⁾ Книга земск. Луцкая 1597 г., л. 550.

дежду вытѣснить его изъ монастыря законнымъ путемъ, союзники прибѣгли къ обыкновенному въ то время средству—насилію. Для этого они собрали многочисленный отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ бояръ, слугъ и гайдуковъ старосты, а равно изъ слугъ и подданныхъ владыки, вооружили его надлежащимъ образомъ и, подъ предводительствомъ урядниковъ града лудскаго и нѣкоторыхъ своихъ пріятелей, послали его въ жидичинскій монастырь. Это было въ ночь съ 20 на 21 августа 1597 года. Подѣхавъ къ монастырю и окруживъ его со всѣхъ сторонъ, отрядъ по данному сигналу разомъ открылъ ружейную пальбу и съ крикомъ бросился на монастырскія стѣны. Проломавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ частоколъ и отбивши ворота, хищники толпой ринулись во дворъ, гдѣ немедленно обступили архимандричій домъ и открыли частую стрѣльбу по немъ, другіе же начали отбивать двери и окна. Балабанъ и нѣсколько человѣкъ вочевавшихъ у него гостей спали въ то время. Разбуженные необычайнымъ шумомъ, всѣ они въ испугѣ выбѣжали чернымъ ходомъ на дворъ, чтобы узнать, что случилось. Увидя, что весь дворъ наполненъ вооруженными людьми и понявъ всю опасность своего положенія, Балабанъ, пользуясь темнотою ночи, бросился по лѣстницѣ на крышу главной монастырской церкви; его примѣру послѣдовали растерявшіеся со страху гости и нѣсколько человѣкъ слугъ. Нападавшіе не сразу замѣтили, куда дѣвался архимандритъ. Онъ былъ уже высоко на церкви, когда въ толпѣ вдругъ раздалось: „онъ Балабанъ! бѣй. забей!“—и ему въ слѣдъ пущено было нѣсколько выстрѣловъ. Пуля одного изъ нихъ ранила его въ ногу, а его слугу въ руку. Наконецъ, подъ градомъ выстрѣловъ, бѣглецы достигли шеи церковнаго купола („бани“) и тамъ укрылись.

Не вида возможности лично схватить Балабана, нападавшіе принялись грабить и уничтожать все, что попадалось имъ подъ руки. Прежде всего они отбили двери церковныя и, забравшись въ церковь, пограбили все, что нашли: деньги, серебро, золото, иконы съ ризами, свѣчи, облаченія и проч. Отсюда бросились въ домъ архимандрита, гдѣ похитили: шкатулку съ деньгами и документами, книги, посуду, оружіе и дорогія сѣдла, платье, бѣлье и проч. Не перечисляя всего заграбленнаго имущества Балабана, я назову лишь такіе предметы, присутствіе которыхъ сколько нибудь рисуесть домашній бытъ южно-русскаго духовенства того времени; такъ, въ числѣ прочихъ вещей, въ домѣ архимандрита

были похищены: „мережа одна, неводовъ два, заячихъ сѣтей три, тетерячихъ двѣ, куропатвенныхъ чотыри“; кромѣ того: „котель броварный одинъ, бань двѣ, котловъ горѣлчаныхъ два“¹⁾. Затѣмъ были разграблены монастырскія кладовыя, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, было взято: „меду присного колодь шесть, солоду пшеницкаго мартоваго маць дванадцать, а житного и зъ ячменемъ солодовъ—шесть, солонины полтевь сорокъ, сала—тридцать, вядыхъ осетровъ десять и рыбъ сухихъ полтораستا, и ившихъ рыбъ немало; пива пшеницкаго у пивници бочокъ пять, меду пять бочокъ, росходного пива бочокъ дванадцать, вина поль-куфы, горилки бочка“ и пр. Такому же грабежу подверглись скотный и птичій дворы, откуда было уведено штукъ до 80-ти рога-таго скота, лошади и разная домашняя птица, въ числѣ которой упоминаются „журавливъ осмь выхованныхъ, заправленыхъ, зъ пирьми бѣлыми“,—указаніе, что южно-русскіе монахи и въ то время, какъ и теперь, любили вскармливать эту птицу. Затѣмъ грабители забрались въ монастырскій садъ, гдѣ разорили пасѣку, а также „щещы грушевыя и яблоневыя добрыя о килька-десять поломилы, попсовали, а въ виногради все вино выламали, вито-тали, овощи—груши, яблука потрясли и попсовали; рыбу изъ сажавокъ одну зловили, а другую безводя поморили“ и проч. Цѣлыхъ пять дней продолжался открытый грабежъ монастырскаго имущества, причемъ даже хлѣбъ съ монастырскихъ полей былъ свезенъ на гумна старосты и его помощниковъ²⁾.

Между тѣмъ въ теченіи всего этого Балабанъ съ своими людьми сидѣлъ на церкви, окруженный внизу толпой гайдуковъ, которые, принявъ лѣстницы, день и ночь стерегли плѣнниковъ и для развлечения время отъ времени стрѣляли въ куполъ церковный. Не разъ пріѣзжали сюда возные и урядники гродскіе и требовали отъ имени старосты, чтобы Балабанъ, не сопротивляясь королевской волѣ, сошелъ внизъ и уступилъ имъ монастырь, грозя, въ случаѣ дальнѣйшаго его упорства, взорвать порохомъ

¹⁾ *Баня*—снарядъ для перегоняя воды. Читая это, невольно вспоминаешь то мѣсто изъ посланія І. Вишенскаго, гдѣ онъ обличая тогдашнее высшее духовенство въ роскошной и сластолюбивой жизни, говоритъ: „горѣлца пропущаные курите, пиво троа кое превыборное варите и въ пропасть несмытнаго чрева вливааете, сами я съ гостьми-своими просыцааетесь“ и пр.

²⁾ Жалоба Гедеона Балабана—книга гродск. *Владимірская* 1597 г., л. 602. Книга Луцкая земск. того же года. л. 187, 206, 208, 219.

церковь, на которой онъ укрывался. Но Балабанъ настаивалъ лишь, чтобы они вывели изъ монастыря толпу своевольцевъ, и рѣшительно отказывался уступить кому бы то ни было монастырь, ссылаясь на то, что онъ управляетъ имъ на основаніи „королевскаго привилегія“ и по уполномочію своего дяди и потому считаетъ послѣднее королевское распоряженіе основаннымъ на недоразумѣніи, въ которое очевидно король былъ введенъ старостой и владыкой луцкими. Наконецъ, потерявъ надежду сломить упорство архимандрита, урядники обратились къ монастырской братіи съ требованіемъ сдать монастырь на имя старосты, что послѣдними безпрекословно было исполнено. Трудно сказать, какъ долго Балабанъ просидѣлъ бы еще на церкви, еслибы не вмѣшался въ это дѣло его братъ Феодоръ. Онъ пригласилъ изъ другого повѣта возныхъ и пріѣхалъ съ ними въ жидичинскій монастырь, гдѣ они и составили протоколъ о томъ разореніи, какое нашли здѣсь, послѣ чего толпа грабителей удалилась и влосчастный архимандритъ могъ, наконецъ, спуститься изъ своего страннаго заключенія, просидѣвъ въ немъ почти пять сутокъ. Монастырь, однако, остался въ рукахъ урядниковъ старосты.

Торжество Семашка и Терлецкаго было непродолжительно: спустя двѣ недѣли послѣ того, Балабанъ, при помощи брата, въ свою очередь собралъ вооруженный отрядъ, неожиданно напалъ съ нимъ на жидичинскій монастырь и овладѣлъ имъ вооруженною рукою, изгнавъ оттуда старостинскаго урядника ¹⁾). А вслѣдъ за тѣмъ онъ занесъ въ земскій луцкій судъ жалобу на Александра Семашка и его помощниковъ—Кирилла Терлецкаго и многихъ другихъ, принимавшихъ участіе въ наездѣ и ограбленіи жидичинскаго монастыря, причемъ, въ подтвержденіе своей жалобы, представилъ донесенія возныхъ, видѣвшихъ слѣды монастырскаго разоренія и свидѣтельствовавшихъ раны, нанесенныя архимандриту въ то время, когда онъ уходилъ на церковь. 10-го октября 1597 г. происходило судебное разбирательство по жалобѣ Балабана. Главныя возраженія обвиняемыхъ заключались въ слѣдующемъ: они указывали, что Балабанъ, какъ лице преданное церковному проклятію на брестскомъ соборѣ, долженъ считаться, наравнѣ съ банчитами, лишеннымъ покровительства законовъ; что онъ, будучи свѣтскимъ, самовольно и самозванно присвоилъ санъ архимандрита, не бывъ никѣмъ по-

¹⁾ Кн. гродск. Луцк. 1597 г. л. 695.

священъ въ тотъ санъ, а потому не имѣеть права вести искъ о монастырскомъ имуществѣ, и что, наконецъ, никакого наѣзда на жидичинскій монастырь никѣмъ не было совершено, а было лишь со стороны старосты отобраніе этого монастыря, согласно королевскому распоряженію, причемъ Балабанъ, сопротивляясь волѣ короля, спрятался съ своими слугами на церкви, предварительно заготовивъ тамъ для себя продовольствіе, а также оружіе и веревки. Судъ не принялъ, однако, во вниманіе этихъ возраженій и приказалъ сторонамъ перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ по существу обвиненія. Обвиняемые продолжали настаивать на прежнихъ своихъ заявленіяхъ и потребовали перенесенія ихъ дѣла въ надворный королевскій судъ или въ трибуналъ. Но тутъ въ самомъ составѣ суда произошелъ разладъ: судья и подсудокъ разошлись въ оцѣнкѣ законности этого требованія, и дѣло на этотъ разъ не было окончено ¹⁾. Тогда Балабанъ возобновилъ свою жалобу въ городскомъ луцкомъ судѣ, гдѣ въ іюнь 1599 г. происходило ея разбирательство. Но и здѣсь повторилась та-же исторія: обвиваемые протестовали противъ подсудности дѣла городскому суду и требовали апелляціи въ трибуналъ; судъ уважилъ ихъ требованіе и передалъ это дѣло на рѣшеніе люблинскаго трибунала ²⁾.

Между тѣмъ въ сентябрѣ 1599 г. Балабанъ привезъ въ луцкій городскій судъ новую жалобу на Терлецкаго, въ коей, перечисляя всѣ прежнія свои обиды и притѣвленія со стороны послѣдняго, жаловался, что онъ не имѣеть покоя вслѣдствіе безпрестанныхъ угрозъ Терлецкаго лишить его здоровья и имущества; что не задолго предъ тѣмъ, когда онъ однажды находился въ полѣ при своихъ жнецахъ, его замѣтилъ пробѣжавшій мимо владыка, остановился и послалъ къ нему своихъ слугъ, которые, подѣхавъ ближе, бранили его „соромными и ущипливыми словами“ и между прочимъ сказали: „счастливъ ты, что теперь на полѣ людей много, а то заснулъ бы ты здѣсь на вѣки, какъ Гулевичи недавно позасыпали! ³⁾“. Однако знай, что рано или поздно тебя постигнетъ такая же участь; не только ты самъ, но

¹⁾ Кн. земск. Луцкая 1597 г., л. 389, 399, 407, 416 и др.

²⁾ Кн. городск. Луцк. 1599 г., л. 537, 585, 587, 624, 640 и др.

³⁾ Намекъ на случившееся нездолго предъ тѣмъ возмутительное убійство трибунальскаго депутата Демьяна Гулевича и его родственниковъ изъ побужденій личной мести.

и все имущество твое въ рукахъ пана нашего будетъ“ ¹⁾. Узнавъ объ этомъ, Терлецкій немедленно внесъ въ градскія книги свой протестъ, объявляя жалобу противника клеветой, измышленной съ цѣлью лишить его добраго имени, и жалуясь, что напротивъ Балабанъ постоянно злоумышляетъ на его жизнь и здоровье ²⁾.

Въ то же время Терлецкій съ успѣхомъ пользовался и другимъ средствомъ для борьбы съ своимъ противникомъ: онъ постоянно жаловался на него королю, въ чемъ ему охотно содѣйствовалъ его пріятель, староста, съ своей стороны доносившій на Балабана. Результатомъ этого было то, что король въ декабрь 1597 г. выдалъ Терлецкому жалованную грамоту на жидичинскій монастырь, приказавъ старостѣ немедленно ввести его во владѣніе новой бенефиціей. Получивъ же донесеніе о вторичномъ захватѣ Балабаномъ монастыря, король особымъ универсаломъ обратился ко всѣмъ обывателямъ волынскаго воеводства, приказавъ имъ содѣйствовать старостѣ въ отобраніи у Балабана жидичинскаго монастыря и передачѣ его Терлецкому. Скоро послѣ того Александръ Семашко умеръ. Его преемникъ не разъ пытался исполнить королевское повелѣніе, но не имѣлъ успѣха: Балабанъ рѣшительно отказывался оставить монастырь, соглашаясь явиться по этому дѣлу въ задворный королевскій судъ. Напрасно также Сигизмундъ III угрожалъ ему инфаміей (лишевіемъ чести) и штрафомъ въ 10,000 копъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства: Балабанъ оставался непреклоненъ. Тогда въ іюнь 1599 г. послѣдовалъ королевскій декретъ, по коему Балабанъ былъ объявленъ бавнитомъ, т. е. лишеннымъ покровительства законовъ; но и это не заставило его покориться. Наконецъ въ августѣ 1600 г. король осудилъ его на изгнаніе изъ отечества, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ почему то отмѣнилъ свой декретъ или, вѣрнѣе, отсрочилъ его исполненіе, позвавъ Балабана въ свой королевскій судъ въ ближайшее засѣданіе сейма. Состоялся ли этотъ судъ и какое послѣдовало на немъ рѣшеніе, объ этомъ я не нашелъ указаній въ актовыхъ книгахъ. Достоверно лишь извѣстно одно, что Терлецкому до самой смерти не удалось получить въ свои руки жидичинскій монастырь и изгнать оттуда своего противника. Балабанъ до конца своей жизни оставался жидичинскимъ архимандритомъ, признаваемый въ этомъ званіи

¹⁾ Кн. гр. Луцкая 1599 г., л. 663.

²⁾ Тамъ же, л. 714.

и польскимъ правительствомъ¹⁾. Мало того, ему удалось даже возмѣстить убытки, понесенныя имъ во время наѣзда въ 1597 г. на монастырь бывшаго старосты, когда Балабану пришлось спастись на церкви,—такъ какъ люблинскій трибуналь рѣшилъ, наконецъ, это дѣло и притомъ въ его пользу. Рѣшеніе это послѣдовало лишь въ іюнь 1608 года: ни Александра Семашка, ни самого Терлецкаго, ни большинства участниковъ наѣзда не было уже въ живыхъ; изъ числа 22-хъ лицъ, поименованныхъ въ жалобѣ Балабана, на трибунальскій судъ въ качествѣ отвѣтчиковъ были позваны всего два лица: вмѣсто умершаго владыки, его братъ Ярошъ Терлецкій и нѣкто шляхтичъ Ѳеодоръ Свищовскій. Перваго, какъ не участвовавшаго въ наѣздѣ, судъ призвалъ свободнымъ отъ отвѣтственности, но предоставилъ Балабану право требовать съ имущества умершаго владыки Кирилла Терлецкаго удовлетвореніе за причиненныя ему послѣднимъ убытки; что же касается Свищовскаго, отказавшагося явиться къ разбирательству дѣла, то судъ за неявку объявилъ его пожизненнымъ баннитомъ, а за грабежъ монастыря присудилъ взыскать съ имущества осужденнаго въ пользу жалобщика крупную сумму 6,120 золотыхъ польскихъ.

Въ то время, когда Кирилль Терлецкій велъ упорную борьбу съ архимандритомъ жидичинскимъ и измышлялъ всевозможныя средства къ тому, чтобы вытѣснить его изъ монастыря, противъ него самого было возбуждено новое позорное обвиненіе. Въ январѣ 1597 года шляхтичъ Ѳеодоръ Шемковичъ-Шелияскій занесъ жалобу о томъ, что владыка, получивъ отъ него денежный долгъ и выдавъ надлежащую квитанцію, удержалъ у себя именной бланкъ долговой записи Шимковича подъ предлогомъ, будто онъ сгорѣлъ или былъ украденъ слугою, а впослѣдствіи продалъ этотъ бланкъ врагу Шимковича, гродскому владимірскому писарю Станиславу Кандыбѣ, который, подложно написавъ въ немъ вымышленное долговое обязательство на сумму 200 копъ грошей литовскихъ, представилъ его въ судъ и взы-

1) Это обстоятельство, равно какъ и явно благосклонное отношеніе къ нему короля, даетъ основаніе предполагать, что Балабанъ, приблизительно около 1600 г., принялъ унию. По крайней мѣрѣ его преемникъ по архимандріи жидичинской, Ниводимъ Шибисскій, былъ несомнѣнно униатомъ.

связъ съ жалобщика означенную сумму ¹⁾. Дальнѣйшій ходъ этого процесса, къ сожалѣнію, не извѣстенъ.

Спусти полгода послѣ того, своевольному владыкѣ неожиданно самому пришлось стать жертвою насилія со стороны своевольцевъ, въ числѣ которыхъ находились самыя близкія ему лица. Въ сентябрѣ 1597 года, когда Терлецкій, отпавъ незадолго предъ тѣмъ у Балабана жидичинскій монастырь, побѣхалъ въ Варшаву хлопотать о выдачѣ жалованной грамоты на жидичинскую архимандрію, противъ него былъ составленъ заговоръ со стороны его сосѣдей и давнихъ враговъ, землянъ Костюшковичей-Хоболтовскихъ и Яковицкихъ, къ которымъ присоединился зять Терлецкаго, извѣстный уже намъ Иванъ Велятицкій, вмѣстѣ съ своей женой Ганной Кирилловной. Этотъ буйный шляхтичъ и равьше не разъ ссорился съ своимъ тестемъ, отнималъ у него имѣнія, присвоилъ однажды 12 барокъ съ хлѣбомъ, отправленныхъ Терлецкимъ въ Гданскъ для продажи. Теперь онъ открыто перешелъ на сторону его враговъ, готовый на самыя рѣшительныя противъ него дѣйствія. Прежде всего Костюшковици и Яковицкіе, вооруживъ своихъ людей, напали на епископское имѣніе м. Фалимичи, овладѣли тамошнимъ замкомъ, забрали находившіяся тамъ пушки и военные припасы и все найденное здѣсь имущество перевезли въ свои имѣнія. Зная, что владыка долженъ былъ самъ скоро пріѣхать въ Фалимичи, заговорщики задумали напасть на него и, если окажется возможнымъ, лишить его жизни. Для этого они разставили по дорогамъ развѣдчиковъ для наблюденія за проѣздомъ Терлецкаго, а сами устроили засаду у плотины; при въѣздѣ въ Фалимичи, и спрятавъ здѣсь вооруженныхъ людей, стали ждать своего врага. На другой день, лишь только архіерейскій экипажъ въѣхалъ на плотину, заговорщики высочили изъ-за засады и встрѣтили его градомъ ружейныхъ выстрѣловъ, при чемъ самого Терлецкаго опасно ранили въ ногу и убили подъ нимъ лошадь. Слугамъ архіерейскимъ съ трудомъ удалось защитить своего владыку отъ дальнѣйшей опасности и, повернувъ назадъ, они увезли его пзъ-подъ выстрѣловъ и укрылись съ нимъ въ ближайшемъ крестьянскомъ дворѣ. Но заговорщики не хотѣли оставить въ покоѣ свою жертву и, окруживъ дворъ, принялись обстрѣливать его со всѣхъ

¹⁾ Кн. Земск. Летка 1597 г., л. 44.

сторонѣ. Раненный и истекавшій кровью владыка принужденъ былъ искать болѣе надежнаго убѣжища въ другомъ мѣстѣ пока слуги его, при помощи подоспѣвшихъ на мѣсто происшествія сосѣднихъ крестьянъ, успѣли прогнать своевольную толпу. На другой день раненнаго владыку осматривалъ возный и нащелъ его лежавшимъ въ крестьянской хатѣ въ Фалимичахъ; платѣ на немъ было во многихъ мѣстахъ прострѣлено, а на лѣвой ногѣ зіяла свѣжая „кривавая“ рана; многіе изъ архіерейскихъ слугъ также оказались ранеными.

Выздоровѣвъ, Терлецкій позвалъ къ суду своихъ зложелателей и въ томъ числѣ—зятя и родную свою дочь, обвиня ихъ въ посягательствѣ на его жизнь съ цѣлью овладѣть его маестностями ¹⁾.

Помимо того, Терлецкій уничтожилъ написанное имъ еще въ 1595 году духовное завѣщаніе и взамѣнъ его составилъ новое, по которому устранилъ ихъ отъ участія въ наслѣдствѣ по его смерти. „Вѣдаютъ, писалъ онъ въ завѣщаніи, почтивые люди, што ся мнѣ дѣяло отъ нихъ (зятя и дочери) и дѣветъ, якъ добродѣйство мое мнѣ отдали и заплатили: на горло мое стояли, кровь мою разливалъ панъ зять мой, стреляючи самъ зъ ручницы на мене,—нехай онымъ Богъ заплатитъ!“ ²⁾. Чѣмъ кончилось начатое Терлецкимъ судебное дѣло о покушеніи на его жизнь—не извѣстно; но спустя нѣсколько лѣтъ онъ примирился съ своими бывшими врагами и возвратилъ зятю и дочери отнятое было у нихъ право на участіе въ наслѣдствѣ по его смерти.

Въ 1598 году, въ самый разгаръ тяжбы Терлецкаго съ жидичинскимъ архимандритомъ, противъ него было возбуждено новое тяжкое обвиненіе, о которомъ неоднократно упоминаетъ авторъ „Пересторон“,—въ убійствѣ и утопленіи священника Стефана Добринскаго. Обстоятельства этого неслыханнаго между христіанскими пастырями злодѣянія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Стефанъ Добринскій былъ священникомъ въ спасскомъ черничкомъ монастырѣ, находившемся въ самомъ предмѣстьѣ Луцка, Черниччахъ, имѣнн князя Константина Острожскаго. Это былъ весьма популярный человекъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ

¹⁾ Кн. гродск. Луцк. 1597 г., л. 577, и такая же книга 1599 г., л. 550.

²⁾ Археограф. Сборникъ, т. I, стр. 218.

народѣ. Онъ присутствовалъ на брестскомъ соборѣ 1596 года и его имя мы встрѣчаемъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ соборный актъ и давшихъ здѣсь торжественный обѣтъ стоять крѣпко за вѣру православную и всѣми силами противодѣйствовать распространенію уніи ¹⁾. За это онъ, въ числѣ другихъ ревнителей православія, былъ преданъ проклятію со стороны уніатскаго синода и объявленъ лишеннымъ священническаго сана ²⁾. Живя въ черничкомъ монастырѣ, подъ защитой могущественнаго князя Острожскаго, Стефанъ Добринскій смѣло и открыто боролся противъ уніи и, пользуясь огромнымъ вліяніемъ среди православнаго населенія, оказывалъ сильное противодѣйствіе замысламъ уніатской партіи. Когда Кириллъ Терлецкій принялся въ Луцкѣ обращать православныя церкви въ уніатскія, то луцкіе горожане, лишенные своихъ православныхъ пастырей, всѣ, по словамъ автора „Перестороги“, „обернулись“ къ черничкому священнику „и тамъ у него набоженства заживати почали“. Этого не могъ простить о. Стефану владыка луцкій и, со свойственною ему неразборчивостью въ средствахъ къ достиженію задуманной цѣли, готовился прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, чтобы только избавиться отъ вреднаго сосѣда.

Однажды, въ началѣ декабря 1597 года, Стефанъ Добринскій былъ по дѣламъ въ Луцкѣ, гдѣ, между прочимъ договорилъ какого то кузнеца Павла подковать ему лошадь. Многіе видѣли какъ о. Стефанъ, въ сопровожденіи кузнеца, поздно вечеромъ 13-го декабря отправился пѣшкомъ въ свой монастырь, но потомъ оказалось, что онъ не возвращался домой и вообще съ той поры какъ его самого, такъ равно и бывшаго съ нимъ Павла кузнеца и слѣдъ простылъ. Когда слухъ о таинственномъ исчезновеніи о. Стефана распространился въ Луцкѣ, то многіе—сначала шепотомъ, а далѣе все громче—стали называть виновникомъ его гибели Кирилла Терлецкаго: говорили, что священникъ былъ убитъ слугами владыки и тѣло его утоплено въ рѣкѣ; но толки эти были довольно неопредѣленны и дѣло о гибели Добринскаго грозило уже быть преданнымъ вѣчному забвенію. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но весной, когда рѣка Стырь вскрылась, случайно были найдены тѣла погибшихъ: сначала Павла кузнеца подъ Луцкомъ, а въ апрѣлѣ всплыло тѣло и самого о. Стефана въ нѣсколькихъ верстахъ ниже, подъ с. Маловшами.

¹⁾ Архивъ Юго-Зап. Р. ч. I. т. I, стр. 529.

²⁾ Акты Зап. Россіи, т. IV, стр. 149.

Случай этотъ разомъ возбудилъ полузабытые толки народа о виновникѣ гибели священника. Нашлись лица, которыя открыто обвиняли въ этомъ дѣлѣ владыку луцкаго, называли по именамъ слугъ Терлецкаго, совершившихъ убійство священника, передавали подробности преступленія. Тогда братъ погибшаго священника шляхтичъ Николай Добринскій, собравъ ходившіе въ народѣ слухи и основываясь на показаніяхъ крестьянъ черническаго монастыря, занесъ въ судъ жалобу на владыку луцкаго, обвиняя его въ убійствѣ и утопленіи своего брата Стефана. Но въ рукахъ обвинителя долгое время небыло достаточныхъ уликъ противъ Терлецкаго, какъ виновника преступленія, такъ какъ единственными свидѣтелями убійства священника могли быть только слуги епископа, которые не имѣли побужденій или боялись его выдать. Многіе, возмущенные совершеннымъ злодѣяніемъ, всѣми мѣрами старались содѣйствовать открытію его виновниковъ. Въ числѣ такихъ лицъ были слуги и урядники князя Острожскаго, дѣйствовавшіе въ этомъ случаѣ, вѣроятно, не безъ воли своего патрона. Съ помощію хитрости и даже насилія, имъ удалось однажды увезти изъ города нѣкоторыхъ слугъ Терлецкаго, на которыхъ молва указывала, какъ на свидѣтелей преступленія, и передать ихъ въ руки обвинителя, который не замедлилъ представить ихъ въ судъ, какъ очевидцевъ и участниковъ убійства и утопленія его брата. Показанія этихъ лицъ сразу пролили яркій лучъ свѣта на это темное дѣло. Вотъ, для примѣра, показаніе архіерейскаго дьяка Демяна, которое дышетъ такой живостью и непосредственностію, что не можетъ быть передано иначе, какъ подлинными его словами: „милъ (имѣлъ) давній вазвъ (ненависть) владыка луцкий на попа черническаго и заказовалъ, абы жаденъ (никто) у него не бывалъ и сакраменту не приймавалъ, и мене неразъ посылалъ, которыи тамъ хожували, абымъ я описывалъ. И часу одного в декабру, в року прошлымъ, здамися (кажется) дня осмого, на свято Микола руского, панъ владыка луцкий в пятницу, поздно, не вимъ отъкуль до Луцка приехалъ, и назавтре в суботу сказано ему, же (что) тутъ попъ спаский черницкий есть в месте (въ городѣ). Онъ заразъ послалъ мене и другого хлопца Мартинка, абысьмы того попа вышпекговали (выслѣдили). И мы его вышпекговавши, бо на тотъ часъ до коваля до Луцка приходилъ, и скоро есмо пану владыце дали знаты, заразъ послалъ Войтеха кухара, Василя Коростеля, Вижгу венгрина и мы з Мартинкомъ хлопцемъ

шли есмо за ними. Тамъ же, договивши того попа с ковалемъ противно церкви Воскресенія Христова, мовили есмо попови, абы до владыки шолъ. А было то година въ ночь. Тотъ попъ пьяный былъ и не хотивъ ити; оны его, яко пьяного, узали и вели берегомъ Глушца, мимо двора пана воеводы Киевского, на гору, дирею, до замку. Тамъ же кгда (когда) его привели, отдали его до рукъ владыце, на покой до него. Тамъ же намъ тылко двомъ хлопятамъ до избы ити не казано, одно они, што его привели, zostались и избу замкнули, а намъ никому поведати казали (т. е. приказали никому не рассказывать). А потомъ не вимъ, што се з нимъ дияло. Тылко жъ назаутрее, в недилю, кгда руморъ (молва) межи людьми почаль быти, же попъ згинулъ, и ему самому сказано у етолу (за обѣдомъ), владыка реклъ: „ото проклятво Берестейское и молитвы наши его побили!“ а потомъ самъ реклъ: „ахъте мни! ахъте мни! Люди змовятъ, же (что) владыка попа втопивъ!“¹⁾

Въ октябрѣ 1598 года Кирилль Терлецкій былъ позванъ въ луцкій городскій судъ для участія въ производствѣ судебного разслѣдованія по дѣлу объ убійствѣ священника Добринскаго. Самъ владыка не явился въ судъ, а прислалъ вмѣсто себя повѣреннаго, славившагося тогда въ Луцкѣ адвоката Войтеха Станишевскаго. Не приступая къ производству слѣдствія, повѣренный Терлецкаго заявилъ, что его кліентъ не намѣренъ оправдываться по возбужденному противъ него обвиненію передъ свѣтскимъ судомъ, такъ какъ не признаетъ его компетентности въ настоящемъ дѣлѣ, а что онъ, какъ особа духовная, считаетъ себя подсуднымъ единственно суду духовному, предъ которымъ готовъ будетъ представить доказательства своей невинности. Тогда между сторонами возгорѣлся жаркій споръ о „форумъ“, т. е. о подсудности дачнаго дѣла городскому суду. Адвокатъ Терлецкаго, основываясь на тѣхъ соображеніяхъ, что въ данномъ случаѣ особа духовная обвиняется въ убійствѣ особы, принадлежавшей къ тому же сословію, что установленная закономъ кара за убійство не можетъ быть исполнена надъ духовнымъ лицомъ прежде, чѣмъ оно подвергнется со стороны духовныхъ властей лишенію церковнаго сана,—доказывалъ, что свѣтскій судъ не только не компетентенъ въ рѣшеніи настоящаго дѣла, но даже не долженъ производить разслѣдованіе о немъ, въ подкрѣпленіе чего защитникъ ссылался на браковскій статутъ короля Сигизмунда

¹⁾ Книга городск. Луцк. 1598 г., л. 415.

I. Противъ этого обвинитель Добринскій возразилъ, что въ данномъ случаѣ какъ судъ, такъ и стороны должны руководствоваться не правами и статутами „коронными“ т. е. собственной Польши, а правомъ Волынскимъ, которое учить, что всё сословія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, отъ князей и до лицъ низшаго стана, должны быть судимы однимъ правомъ, по силѣ котораго всё уголовныя проступки подлежатъ юрисдикціи суда городскаго или земскаго; что церковному суду духовныя лица должны подлежать лишь по такимъ преступленіямъ, которыя касаются области вѣры, т. е. нарушенія ими церковныхъ законовъ или обязанностей пастырскаго сана, а въ данномъ случаѣ владыка обвиняется въ преступномъ дѣяніи, которое должно быть отнесено къ рязряду общихъ, а никакъ не церковныхъ проступковъ; что наконецъ, задача настоящаго суда состоитъ пока не въ разрѣшеніи самаго существа даннаго дѣла, а лишь въ производствѣ судебного слѣдствія, которое одинаково необходимо, будетъ ли дѣло рѣшаться въ свѣтскомъ, или въ духовномъ судѣ. Выслушавъ эти „контроверсіи“, судъ объявилъ, что онъ присоединяется къ доводамъ обвинителя, и приказалъ сторонамъ приступить къ производству самаго слѣдствія. Защитникъ обвиняемаго не хотѣлъ подчиниться этому рѣшенію и потребовалъ перенесенія дѣла въ трибуналъ, но судъ отказалъ ему въ этомъ требованіи, какъ незаконномъ. Тогда повѣренный Терлецкаго торжественно протестовалъ „о правахъ“, т. е. что его кліентъ терпитъ якобы насиліе въ своихъ правахъ, и затѣмъ оставилъ мѣсто судебного засѣданія. Судъ напелъ возможнымъ и безъ его присутствія приступить къ производству слѣдствія. Тогда обвинитель Добринскій принесъ обычную присягу въ томъ, что онъ не навималъ и не подкупалъ представленныхъ имъ свидѣтелей, послѣ чего эти послѣдніе были допрошены въ присутствіи суда. Къ сожалѣнію, мы лишены возможности знать ихъ показанія, такъ какъ по обычаямъ тогдашняго судопроизводства свидѣтельскія показанія не были вносимы въ судебныя протоколы, а записывались отдѣльно и затѣмъ въ запечатанныхъ конвертахъ вручались сторонамъ для представленія въ тотъ судъ, на рѣшеніе котораго восходило самое дѣло.¹⁾

Дальнѣйшій ходъ этого любопытнаго процесса не исполнѣ извѣстенъ. Восходилъ ли онъ обычнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе высшей судебной инстанціи, т. е. люблинскаго трибунала, или

¹⁾ Книга городск. Луцк. 1598 г. л. 265.

былъ переданъ на рѣшеніе духовнаго суда, объ этомъ въ судебныхъ актахъ кievскаго архива не имѣется свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ ни тамъ, ни здѣсь онъ не получилъ окончательнаго рѣшенія, такъ какъ спустя два года дѣло объ убійствѣ черничкаго священника было перенесено Добринскимъ на рѣшеніе варшавскаго сейма, происходившаго въ началѣ 1600 года. Въ то же самое время православные обыватели рѣчи-посполитой позвали на сеймовый судъ Терлецкаго и его сподвижника по введенію уніи Ипатія Потѣя, обвиняя ихъ въ вѣроотступничествѣ и въ самовольномъ подчиненіи южнорусской православной церкви папѣ римскому, а также въ томъ, что, не взирая на опредѣленіе брестскаго православнаго собора о низложеніи и церковномъ отлученіи обоихъ названныхъ владыкъ, они продолжаютъ оставаться въ епископскомъ санѣ и вопреки всѣмъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ, пользуются церковными имѣніями. ¹⁾

О томъ, что происходило на варшавскомъ сеймѣ, мы находимъ свѣдѣнія въ извѣстной „Пересторогѣ“, историко-полемическомъ сочиненіи начала XVII вѣка. По словамъ автора „Перестороги“, дѣло Добринскаго было назначено еще къ разсмотрѣнію предшествовавшаго сейма 1598 года, но „за зволокою“ не было тогда рассмотрѣно и вмѣстѣ съ другими церковными „справами“ отложено до слѣдующаго сейма. Въ виду этого Николай Добринскій обратился къ православнымъ депутатамъ отъ воеводства волынскаго, отправлявшимся на сеймъ, съ просьбой настоять, чтобы дѣло объ убійствѣ Терлецкимъ его брата было наконецъ рассмотрѣно сеймомъ и чтобы король „обачилъ sprawy того, который уявію чинить и зводитъ.“ Дѣйствительно, при самомъ почти закрытіи своихъ засѣданій сеймъ приступилъ къ разсмотрѣнію жалобы Добринскаго совмѣстно съ дѣломъ по обвиненію Терлецкаго и Потѣя относительно уніи. По словамъ „Перестороги“, уніатскіе архіереи съ видомъ угнетенной невинности „удались“ подъ защиту своего всегдашняго покровителя, короля Сигизмунда III, съ представленіемъ, что вотъ-декатъ, милостивый государь, совершается „новая и неслыханая рѣчь: овечки на пастырей жалуются и насъ за пастырей своихъ не признавають, а мы почувалися, же-смо ничего такого не учинили, для чога вяды и достоинства наши духовные маемо тратити“ и т. под. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ депутатовъ, членъ православнаго братства

¹⁾ Позовы Терлецкаго и Потѣя на сеймовый судъ—вн. гродск. Луцк. 1599—1600 г., л. 411 и 412.

львовскаго, произнесъ длинную обвинительную рѣчь, въ которой между прочимъ укорялъ униатскихъ архіереевъ, что они жесто- ченно преслѣдуютъ ревнителѣй православія, проливаютъ кровь, совершаютъ убійства, „о чомъ свѣдѣства полныя книги в су- дѣхъ найдешь,“ и этимъ такъ успѣли устрашить многихъ, что тѣ боятся открыто ратовать за свою вѣру, справедливо опасаясь, что бы ихъ „не поткала бѣда, якъ Стефана попа, котораго в Луц- кой рѣцѣ утоплено за тое, ижъ противъ васъ (униатовъ) стояти обѣцался и оповѣдался. И мѣщаномъ львовскимъ и вилевскимъ, церковному братству, и тежъ берестейскимъ мѣщаномъ дали еще ся знати: вѣдаетъ то ихъ хребеть и мѣшокъ, и попъ ихъ Павло в Берестью, якъ есте в темницѣ смродливой его мордовали, и иишимъ побожнымъ священникомъ головы и бороды есте пообго- лѣвали. И самого отца Никифора, великого протосингела, в зато- ченіе отпровадивши, уморили; и Стефана Зизанія, дидаскала школьного и казнодѣю (проповѣдника), обезчестили есте и на его здорovie такъ есте ся важили, ажъ черезъ коминъ (печная ды- мовая труба) вытиснувшись, утекъ в Вилна.“¹⁾ Въ общемъ ин- тересъ возбужденнаго противъ Терлецкаго и Потѣя обвиненія ка- сательно униі былъ такъ великъ, что, можно думать, совершенно заслонилъ вниманіе сейма отъ другаго, сравнительно меньшей важности дѣла — объ убійствѣ священника. Не извѣстно даже, состоялось-ли какое либо сеймовое рѣшеніе по этому дѣлу. Можно предполагать, что польское правительство всѣми мѣрами постара- лось замять это дѣло, столь сильно компрометировавшее одного изъ главныхъ дѣятелей униатской партіи; по крайней мѣрѣ въ королевской грамотѣ отъ 16 марта 1600 г., выданной въ подтверж- деніе сеймоваго декрета по жалобѣ православныхъ на униатскихъ архіереевъ, ничего не упоминается о дѣлѣ Добринскаго.

Насколько доказательнымъ представляется обвиненіе Терлец- каго въ убійствѣ черничскаго священника, объ этомъ пусть су- дить самъ читатель. Съ своей же стороны напомнимъ, что это убійство составляетъ не единственное преступленіе подобнаго рода, приписываемое луцкому епископу: современники обвиняли его сверхъ того въ убійствѣ какого-то Филиппа маляра „мно- гѣняжнаго“ съ цѣлью присвоенія его „румяныхъ золотыхъ“, въ чемъ будто-бы Терлецкій формально былъ уличенъ предъ лицомъ

1) Акты Зап. Россіи, т. IV, л. 221—225.

князя Константина Острожскаго ¹⁾, а знаменитый Іоаннъ Вишенскій, какъ мы видѣли, обличалъ дурнаго владыку, что онъ кромѣ того и вводилъ другихъ „живыхъ мертво къ Богу послалъ: однихъ сѣканною, другихъ—водотоплевою, третьихъ—огнепалною смертию“.

Въ началѣ 1600 года Кириллъ Терлецкій ѣздилъ въ Пинскъ хоронить свою тетку, жену какого-то Андрея Терлецкаго, и пробылъ тамъ съ мѣсяць. Когда онъ возвратился домой, его ожидала здѣсь новая неприятность и при томъ со стороны одного изъ многочисленныхъ его родственниковъ, которыхъ онъ пріютилъ возлѣ себя, раздавъ имъ въ управленіе церковныя имѣнія. Въ его отсутствіе шляхтичъ Иванъ Терлецкій, какъ кажется, двоюродный братъ епископа, подалъ на него въ гродскій судъ жалобу слѣдующаго содержанія: скоро послѣ занятія епископской кathedры, луцкій владыка вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ярошемъ, „частыми и густыми“ просьбами и выгодными обѣщаніями склонили его, Ивана Терлецкаго, къ тому, что онъ, продавъ свою маетность въ перемышльскомъ повѣтѣ, пріѣхалъ съ семействомъ въ Луцкъ и вмѣстѣ съ сыномъ Яномъ поступилъ на службу къ Кириллу Терлецкому, выговоривъ за то плату: 60 золотыхъ польскихихъ, платье изъ фалендышоваго сукна и лисій мѣхъ на шубу—ежегодно. Владыка сдѣлалъ его управляющимъ въ церковномъ имѣніи с. Теремномъ, и Иванъ Терлецкій въ теченіе семи лѣтъ усердно исполнялъ свою должность. Но однажды, въ маѣ 1597 г., Кириллъ Терлецкій, разсердившись за что-то, приказалъ отобрать у него все движимое имущество и прогналъ съ должности. Въ другой разъ владыка пришелъ въ столь ужасную ярость, что, забывъ страхъ Божій и свой санъ духовный, поносилъ его, стараго человѣка, бранными „неучтивыми“ словами, собственной рукой вырвалъ ему бороду, сбилъ съ ногъ и безчеловѣчно билъ его ногами въ грудь, „съ котораго ударенія (жаловался потерпѣвшій) заразъ кишки по-за шкурою надогъ пошли и теперъ межѣ удомъ на ноге висятъ, съ чого и хромота на ногу левую сталася“. Избитаго и окровавленнаго Ивана Терлецкаго въ свое время свидѣтельствовакъ возный и официалъно удостовѣрилъ передъ урядомъ, что дѣйствительно видѣлъ у него бороду вырванную, рану въ пахѣ лѣвой ноги, „съ которое кишки надогъ пошли“, и дру-

¹⁾ Акты Зап. Россіи т. IV, стр. 210.

гихъ ранъ „синихъ, битыхъ“ не мало; хромота же у него осталась потомъ навсегда. Объ этихъ побояхъ Иванъ Терлецкій хотѣлъ было жаловаться на епископа, но послѣдній „перепросилъ“ его и снова принялъ къ себѣ на службу. А затѣмъ въ январѣ 1600 года владыка, „взявши передъ себе якийсь злый умыселъ, безъ давня причины слушное“, снова прогналъ жалобщика, не заплативъ за пять лѣтъ условленнаго жалованья и вообще не разсчитавшись съ нимъ такъ, „якъ ся доброду и бачному пану належало и годило“; когда же Иванъ Терлецкій сталъ требовать удержанную плату, то владыка, вмѣсто „нагороды“, „золжилъ его и злаялъ словами неучтивыми, стану его духовному непристойными“ ¹⁾.

Лишь только Кириллъ Терлецкій узналъ объ этой жалобѣ, какъ тотчасъ внесъ въ гродскія книги свою „репротестацію“, въ которой писалъ, что родственникъ его Иванъ Терлецкій, пропивъ свою родовую маетность въ перемышльской землѣ, пѣшо и голо прибрелъ на Волынъ и впросился къ нему на службу, но продолжалъ и здѣсь пьянствовать и вслѣдствіе этого дурно исполнялъ порученную ему обязанность. За это владыка не разъ лишалъ его службы и даже хотѣлъ однажды предать суду за растрату церковнаго добра, но, свисходя къ его просьбамъ и объщаніямъ исправиться, снова принялъ къ себѣ, помогалъ воспитывать его дѣтей и всѣми мѣрами старался удерживать его отъ пьянства и распутной жизни. Вмѣсто благодарности за всѣ эти милости и благодѣянія, Иванъ Терлецкій, вступивъ въ товарищество съ врагами епископа, взвелъ на него позорную клевету, будто владыка нанесъ ему какіе то побои и удержалъ жалованье. Возмущенный такимъ поступкомъ своего родственника, Кириллъ Терлецкій заявлялъ въ своей репротестаціи, что онъ не хочетъ оставить безъ наказанія столь дерзкое посягательство на его честь и доброе имя и намѣренъ позвать на судъ какъ самого Ивана Терлецкаго, такъ равно и его подустителей ²⁾.

Дѣло не дошло, однако, до суда. Спусти полгода Иванъ Терлецкій примирился съ владыкою и внесъ въ гродскія книги „ревокаціонную“ записъ объ уничтоженіи прежней своей жалобы, объясняя, что онъ тогда написалъ ее „съ подущеня злыхъ людей“, враговъ епископа, увѣрившихъ его, будто владыка, бывши

1) Книга гродск. Луць. 1599 и 1600 г., л. 399 и 400.

2) Тамъ-же, л. 421.

въ Римѣ, отрекся тамъ отъ православной вѣры и потому-де его родственники обязаны разорвать всякія связи съ нимъ, какъ съ вѣроотступникомъ; что владыка жаловался на него общимъ ихъ родственникамъ, живущимъ на Подгорьи, въ перемышльской землѣ, и тѣ не одобрили поступка Ивана Терлецкаго и убѣждали его извиниться передъ невинно оскорбленнымъ владыкою, „яко старшимъ въ ихъ дому“; что онъ и самъ теперь сожалеетъ о своемъ „необачномъ и нерозсудномъ“ поступкѣ, и не желая, чтобы его „никчемная“ жалоба въ глазахъ стороннихъ людей, особливо же непріятелей владыки, въ чемъ либо „дотыкала доброй славы его милости“, онъ торжественно „касуетъ и уморяетъ“ ее и предоставляетъ владыкѣ право исхлопотать надлежащее разрѣшеніе на то, чтобы она была даже вычеркнута изъ судебныхъ книгъ. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1601 году Кирилль Терлецкій выпросилъ у короля специальную грамоту, въ которой повелѣвалось старостѣ луцкому „вымазать“ въ судебныхъ книгахъ жалобу Ивана Терлецкаго, чтобы о ней на будущее время не осталось никакого помину ¹⁾).

Послѣдніе годы жизни Кирилла Терлецкаго прошли въ ссорахъ и тяжбахъ съ луцкимъ старостой Николаемъ Семашкомъ, отецъ котораго Александръ, также староста луцкій, былъ сначала злымъ врагомъ Терлецкаго, а впоследствии, примирившись, сталъ его пріятелемъ и вмѣстѣ съ нимъ предпринималъ походы противъ архимандрита жидичинскаго. Что послужило поводомъ этой ссоры—не извѣстно, но только съ конца 1602 года Николай Семашко начинаетъ систематически притѣснять епископа и его клиръ, и эти притѣсненія во многомъ напоминаютъ тѣ, какимъ подвергался Терлецкій раньше со стороны его отца. Сначала Семешко отнялъ одно за другимъ епископскія имѣнія с. Ставокъ и Трощину и самоуправно продалъ ихъ въ чужія руки. Когда владыка и луцкое соборное духовенство обратились съ жалобой по этому поводу къ королю, Семешко сталъ притѣснять ихъ въ самомъ епископскомъ дворѣ, который вмѣстѣ съ соборной церковью Іоанна Богослова находился, какъ извѣстно, въ верхнемъ замкѣ луцкомъ, гдѣ старостѣ принадлежали права и власть комманданта крѣпости. Прежде всего онъ приказалъ разобрать и обратить на дрова „цвнтарь“ или заборъ, которымъ былъ ограж-

¹⁾ Книга гродск. Луцкаа 1598—1600 г., л. 300. Такая же книга 1602—1603 г., л. 24.

день церковный дворъ, затѣмъ велѣлъ отбить замки у „светлицъ“ архіерейскихъ, забрать оттуда всѣ столы и „лавы“ и употребить ихъ на постройку моста черезъ крѣпостной ровъ при вѣздѣ въ замокъ, а самыя свѣтлицы обратить въ конюшни для своихъ лошадей. Все это (жаловался владыка) было сдѣлано старостой не для чего иного, какъ только „ку взгардѣ (уничжиженію) и соромѣ моей“. Терлецкій заготовилъ было для починки церкви лѣсные матеріалы и сложилъ ихъ въ своемъ дворѣ, а староста приказалъ употребить ихъ на дрова для своей кухни; съ тою-же цѣлью онъ приказалъ разобрать капитальную постройку надъ входомъ въ „склепы“ архіерейскіе, гдѣ хоронились тѣла умершихъ епископовъ. ¹⁾ Нѣсколько разъ Терлецкій жаловался лично королю на эти опустошенія и только въ мартѣ 1605 года ему удалось выхлопотать королевскій листъ, которымъ предписывалось старостѣ: возвратитъ отнятыя имъ церковныя имѣнія, на свой счетъ возобновитъ раззоренный епископскій дворъ, вознаградитъ владыку и соборное духовенство за причиненныя имъ убытки и потери и впредь не дѣлать имъ никакихъ притѣсненій. ²⁾ Послушался-ли Семешко королевскаго приказанія — не извѣстно, но только съ тѣхъ поръ Терлецкій не жаловался на него больше.

Испытавъ столько огорченій, старый владыка хотѣлъ какъ-нибудь поразвлечься и, вѣроятно, съ этой цѣлью въ 1604 году предпринялъ одну изъ тѣхъ отважныхъ экспедицій, какія онъ съ такой смѣлостью и постоянной удачей совершалъ въ болѣе былые годы. Въ іюль того-же года сосѣдъ Терлецкаго по имѣнію, шляхтичъ Гойскій, жаловался, что владыка издавна чинилъ ему „шкody и кривды великіе“: отнималъ земли, нарушалъ межи, выпасывалъ его поля и т. под. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, онъ учинилъ еще слѣдующее: въ одинъ воскресный іюльскій день, когда Гойскаго не было дома, а его крестьяне с. Угринова были въ церкви, владыка, „не маючи поваги на день святий недилный, яко особа духовная, который повиненъ зъ себе прикладъ давати,“ собралъ вооруженную толпу своихъ слугъ и крестьянъ, часть ихъ оставилъ въ засадѣ за валомъ, надъ ставомъ с. Угринова, а другой части приказалъ согнать изъ своихъ имѣній нѣсколько сотъ головъ скота и умышленно нагнать ихъ на поля угриновскія, гдѣ дозрѣвали хлѣба Гойскаго и его крестьянъ. Лишь только увидѣли это угри-

¹⁾ Кн. Гр. Владим. 1604. г. л. 356

²⁾ Книга Гр. Владимірск. 1605 г. л. 138.

новскіе крестьяне, они тотчасъ оставили церковную службу и бросились толпой защищать свои поля. Но въ это время скрытые въ засадѣ вооруженные слуги Терлецкаго ударили имъ въ тылъ и быстрымъ натискомъ развѣяли врага, причинивъ ему немалую потерю въ раненыхъ и избитыхъ, а сами безпрепятственно принялись до конца истреблять посѣвы. Три дня спустя эта военная эволюція была повторена въ той же формѣ, но на этотъ разъ подъ личнымъ предводительствомъ самого владыки. При этомъ повторительномъ нашествіи, бѣдные угриновскіе крестьяне даже и не пытались защищать свои трудовыя нивы. ¹⁾

Это былъ послѣдній подвигъ Терлецкаго въ этомъ родѣ. Владыка переживалъ старческій періодъ своей жизни и часто болѣлъ, а спустя три года (въ маѣ 1607 г.) онъ умеръ, пробывъ въ санѣ епископа 30 съ небольшимъ лѣтъ. Если предположить, что Терлецкій вступилъ на епископскую кафедру по крайней мѣрѣ въ сороколѣтнемъ возрастѣ, то продолжительность всей его жизни нужно принять въ 70 съ лишнимъ лѣтъ.

Мѣсяца за полтора до своей смерти Терлецкій написалъ свой „тестamentъ“ или духовное завѣщаніе. Готовясь къ послѣднему расчету и мысленно обзрѣвая свою мятежную жизнь, старый грѣшникъ не могъ не испытывать душевной тревоги и ужаса предъ наступавшей для него вѣчностью и вотъ что писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи: „рахуючи в зуполности смысла реестра сумненя (совѣсти) своего, а споминаючи тяжкие грѣхи мои, которыми Творца и Збавителя моего завжды ображалъ есмь, прошу Его святое Божское милости, абы, не паметаючи злостей моихъ, не входилъ зо мною въ судъ и не выконывалъ надо мною грозного и страшного справедливого декрету своего, але по невымовному милосердію своему святому, въ которомъ я надѣю (надежду) мою покладаю, былъ милостивъ души моей грѣшной“ ²⁾.

Въ томъ же завѣщаніи Терлецкій распредѣлилъ остававшееся послѣ него богатое наслѣдство между своими родственниками. Брату своему Ярошу онъ завѣщалъ недвижимую собственность, имѣнія въ брестскомъ и пинскомъ повѣтахъ: с. Дубую, Корсуни, Гридковичи съ приселками, Тевковичи, Мотолы и Рѣчицу; въ послѣднемъ, какъ наиболѣе близкомъ къ Луцку, былъ устроенъ

¹⁾ Жалоба Гойскаго и свидѣтельство вознаго— книга гр. Лупл. 1604 г., л. 261.

²⁾ Книга гр. луцкая 1608 г., л. 481. То-же дух. завѣщаніе Терлецкаго, съ большими ошибками, было напечатано въ I т. „Археографич. Сборника“.

„коштовный“ дворець и здѣсь чаще всего проживалъ владыка. Относительно зятя и дочери Терлецкій писалъ въ своемъ завѣщаніи, что хотя раньше и лишилъ было ихъ права на наслѣдство, но впоследствии, смягченный ихъ покорностью и уступая ходатайству „зацныхъ людей“, овъ, какъ отецъ, „отпустилъ сердцемъ то все, чемъ оны его были образили“ и отписалъ имъ всю свою богатую движимость: „готовыхъ грошей немалые суммы, золото, серебро, клейноты (драгоценности), перла (жемчугъ), шаты и футра соболіе, рысіе и иные, ковры и килимы“, мѣдную и оловяную посуду, лошади, экипажи, „стрѣльбу“, т. е. ружья и пушки, и проч. Сверхъ того Велятицкимъ достались векселя на большія денежныя суммы, которыя были „вицни“ епископу многіе мѣщаны, купцы—христіане и евреи и знатные шляхтичи, изъ числа коихъ, напр., долгъ жмудскаго каштеляна Нарушевича простирался на крупную сумму 14,000 червонцевъ. Всѣ эти долги были обезпечены залогами соотвѣтственной стоимости: землями, имѣніями или цѣнными вещами. Кромѣ названныхъ наслѣдниковъ, ни о комъ изъ остальныхъ членовъ многочисленной родни Терлецкаго въ его завѣщаніи не упоминается.

Кириллъ Терлецкій завѣщалъ похоронить себя „учтиво, соборомъ, звычайемъ закону греческаго хованья тѣлъ епископскихъ“, въ соборной луцкой церкви Іоанна Богослова, при гробахъ его предмѣстниковъ, владыкъ луцкихъ. На сорокоусть и для раздачи бѣднымъ онъ назначилъ 200 золотыхъ, „абы убогіе помочными были своими молитвами до Господа Бога о отпущеніи грѣховъ“ его; сверхъ того онъ завѣщалъ 150 золотыхъ на постройку церкви въ луцкомъ успенскомъ женскомъ монастырѣ. Этимъ и ограничились его пожертвованія на дѣла благотворительности и нужды церковныя, тогда какъ всѣ другіе уніатскіе архіереи (напр. Ипатій Потѣй) обыкновенно записывали въ своихъ „тестаментяхъ“ крупныя суммы на этотъ предметъ.

Заканчивая этимъ настоящій очеркъ, напомнимъ читателю то, что сказали въ началѣ. Мы не имѣли въ виду писать обстоятельной біографіи Кирилла Терлецкаго, какъ историческаго дѣятеля. Наша задача состояла въ томъ, чтобы, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, въ большей части не бывшихъ доселѣ извѣстными, представить по возможности въ живомъ, конкретномъ видѣ черты быта и нравовъ высшаго южнорусскаго духовенства избранной нами эпохи. Для этого намъ казалось удоб-

нѣ всего воспользоваться біографическими матеріалами, относящимися къ дѣятельности Терлецкаго, такъ какъ въ жизни этого человѣка всего рельефнѣе обрисовываются типическія черты быта и нравовъ владыкъ того времени. Можно, конечно, допустить извѣстную долю преувеличенія въ тѣхъ многочисленныхъ и тяжелыхъ судебныхъ обвиненіяхъ, каковымъ подвергался Терлецкій въ свое время, но нѣтъ основаній подвергать сомнѣнію ихъ относительную достовѣрность. Притомъ же, намъ хотѣлось показать, что порочность Терлецкаго не должна быть разсматриваема исключительно какъ выраженіе испорченности его воли и необузданности его мятежной натуры, но что въ значительной части порочность эта обуславливалась всѣмъ строемъ современнаго ему общества. Особенность положенія тогдашнихъ южно-русскихъ архіереевъ въ томъ именно и состояла, что они, внѣ круга своихъ спеціально-церковныхъ обязанностей, ничѣмъ не выдѣлялись изъ рядовъ того сословія, изъ среды котораго прямо и непосредственно восходили на епископскія кафедры: подобно всѣмъ шляхтичамъ, они владѣли имѣніями, покупали, продавали, брали и сами отдавали ихъ въ залогъ, отправляли всѣ земскія и общественныя обязанности, участвовали въ сеймахъ, трибуналахъ и „посполитыхъ рушеніяхъ“,—однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ были и считались такими же шляхтичами, какъ и остальные ихъ братья, только „духовного стану“. Весьма естественно, поэтому, что и въ своемъ частномъ быту южнорусскіе архіереи ничѣмъ не отличались отъ своихъ пасомыхъ, такъ что къ нимъ вполне можетъ быть приложима извѣстная пословица, только въ переиначенномъ видѣ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“.—Безспорно, что, для избѣжанія упрековъ въ нѣкоторой односторонности настоящаго очерка, намъ слѣдовало бы, рядомъ съ біографическими чертами, рисующими частную жизнь Кирилла Терлецкаго, представить такія же черты изъ жизни и дѣятельности другихъ южнорусскихъ архіереевъ избранной эпохи, благо актовыя книги даютъ вполне достаточные для того матеріалы; но это можетъ послужить предметомъ будущихъ нашихъ работъ подобнаго же рода.

Орестъ Левицкій.

Люди Старой Малороссіи *).

І. ЛИЗОГУБЫ

Лизогубы были уроженцы переяславскаго мѣстечка Глемязова ¹⁾. Тамъ жилъ козакъ Кондрать Ивановичъ Лизогубъ, котораго два сына—Иванъ и Яковъ, вступивъ въ ряды козачьяго войска, приняли живое участіе въ гетманскихъ междоусобицахъ, начавшихся въ Малороссіи вслѣдъ за смертью Богдана Хмельницкаго. Способности обоихъ братьевъ скоро выдвинули ихъ изъ рядоваго козачества въ старшину: Иванъ Лизогубъ уже въ 1661 г. былъ уманскимъ полковникомъ ²⁾, а Яковъ—поставленъ былъ отъ Сомка каневскимъ полковникомъ въ 1662 году ³⁾. Яковъ Лизогубъ оставался каневскимъ полковникомъ и при Брюховецкомъ, отъ котораго ѣздилъ въ 1667 г. посланцомъ въ Москву ⁴⁾. Послѣ смерти Брюховецкаго, младшій Лизогубъ сталъ сторонникомъ Дорошенка, отъ котораго посланъ былъ на лѣвый берегъ Днѣпра, уговаривать народъ—приставать къ Дорошенку ⁵⁾ Въ 1674 г. Дорошенко,

*) Начало настоящихъ очерковъ было напечатано въ Русск. Архивѣ 1875 и 1876 гг. и въ Историческ. Вѣстн. 1880 г.

¹⁾ Акты Ю. и З. Россіи, XI, 162 и духовное завѣщаніе Якова Лизогуба 1698 г.

²⁾ Акты Ю. З. Р., VII, 333. Въ этомъ же году Иванъ Лизогубъ былъ „нобилитованъ“, какъ видно изъ грамоты Яна Казимира, приложенной къ дѣлу о родѣ Лизогубовъ (Арх. Черниг. Двор. Депут. Собран.) Нобилитация дана была за то, что Иванъ Л—бъ „показывалъ неустрашимый духъ свой мужественный, защищая при всякомъ разѣ собственной грудью, цѣлость республики во время возмущенія козаковъ, съ великою славою на перерывъ предъ другими, храброю рукою оныхъ поражая, устилалъ поле сраженія ихъ трупами, служа полковникомъ....“

³⁾ Лѣтоп. Самовидца изд. 1878 г., 68. Акты Ю. З. Р., V, 125.

⁴⁾ Т. Ж., V, 159. Въ эту поѣздку Яковъ Л—бъ былъ пожалованъ отъ цари—дворянствомъ „за многія службы“.

⁵⁾ Т. Ж., IX, 161 и 181.

убоявшись той популярности, которую Лизогубъ заслужилъ межъ козаками праваго берега Днѣпра, лишилъ его вліятельнаго полковничьяго уряда, назначивъ генеральнымъ есауломъ. Можетъ быть поэтому, а можетъ и вслѣдствіе того, что Лизогубъ сталъ убѣждаться въ неспособности Дорошенка стать во главѣ гетманщины, низложенный полковникъ рѣшилъ перейти на сторону Самойловича. Рѣшеніе это было поддержано тогдашнимъ переяславскимъ полковникомъ Дмитріемъ Райчемъ, который незадолго передъ тѣмъ тоже покинулъ Дорошенка. Еще въ началѣ 1673 г. Райчъ послалъ къ Лизогубу одного грека переговорить, что нужно переходить на сторону Самойловича. Лизогубъ райчеву посланцу отвѣчалъ: „приходятъ де на ихъ сторону лихіе времена; разволокутъ ихъ турскіе люди всѣхъ!—И онъ де Яковъ со всѣмъ городомъ Каневомъ, желаетъ—какъ бы ему отъ Дорошенка отлучиться и быть подъ его царскаго величества рукою“¹⁾.—Но Лизогубу хотѣлось перейти подъ царскую руку именно съ городомъ Каневомъ, чтобы сохранить при себѣ полковничій урядъ. Поэтому и Самойловичу Лизогубъ переказывалъ, что передаться къ нему онъ хочетъ вмѣстѣ съ Каневомъ, а это можно сдѣлать—лишь въ виду царскаго войска, которое могло бы въ случаѣ нужды, защитить его, Л—ба, отъ Дорошенка.—„Если де ему съ городомъ Каневымъ отъ Дорошенка отлучиться“, говорилъ Лизогубъ, „а помочи имъ не будетъ—и Дорошенко всѣми силами его, Якова, достигнуть и мученію паче всѣхъ человѣкъ предасть и домъ разорить, потому что въ свойствѣ (онъ, Л—бъ, съ Дорошенкомъ). Радъ бы онъ, Яковъ, совсѣмъ своимъ домомъ и пожитки на сторону царскаго величества, за Днѣпръ перейти, да—славу свою утерять: тутъ де онъ—начальнымъ знатнымъ человѣкомъ и всѣ тое стороны люди его слушаютъ“²⁾. Черезъ годъ послѣ этихъ переговоровъ Самойловичъ пришелъ въ Каневъ съ царскимъ войскомъ и—Яковъ Лизогубъ передался на сторону правобережнаго гетмана и на вѣрное подданство царю крестъ цѣловалъ³⁾.

Но у Самойловича не было силы вернуть Лизогубу каневское полковничество; поэтому онъ могъ предложить новому своему стороннику лишь переселеніе на правый берегъ Днѣпра, съ правомъ поселиться гдѣ захочетъ. Въ это же время оставилъ Доро-

¹⁾ Тамъ-же, XI, 158.

²⁾ Тамъ-же, 165.

³⁾ Тамъ-же, 371—374.

шенка и другой его полковникъ—Федоръ Кандиба, изъ Корсуня. Лизогубъ и Кандиба вмѣстѣ оставили правый берегъ и направились со всѣми своими пожитками и стадами, въ Конотопъ, гдѣ и стали заводить себѣ новыя хозяйства, на „вольныхъ“ и „пустовскихъ“ земляхъ. По разсказу старожиловъ нач. XVIII в., Лизогубъ „не мѣючи гдѣ подѣться съ товаромъ“ (рогатымъ скотомъ) сталъ искать свободныхъ земель—между селами Сосновкою и Мал. Самборомъ. Старожилы послѣдняго разсказывали въ 1723 г., что село ихъ за Хмельницкаго было—большое, имѣвшее и земель много, „а якъ настали чигиринскія войны (1674—76 г.) то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей подѣ Чигиривъ, а другое—за оскуднѣнемъ дровъ, люди—изъ того села на трактѣ великомъ лежачого—поросходились и осталось въ М. Самборѣ только семнадцать хатъ и—грунтъ ихъ того часу запустили“. Вотъ на эти то „пустовскія поля“ и обратилъ свое вниманіе Яковъ Лизогубъ, „ибо въ то время пустовскія поля помежнымъ жильцамъ занимать было кому хотя вольно“, какъ разсказывали тѣ-же старожилы. Столѣтній старецъ конотопскаго села Поповки Грицько Вертѣй разсказывалъ въ 1730 г., что лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, пахалъ онъ разъ ниву свою за Сосновкою и—подѣхалъ къ нему верхомъ покойный Яковъ Лизогубъ, требуя показать „вольный гдѣ пляцъ незайманный, для займы себѣ сѣножати“. И онъ, Вертѣй указалъ ему на пустыя земли въ урочищѣ Перелазкѣ, которыя Лизогубъ тогда же занялъ и плугами оборалъ. Перегнавши сюда стада свои, Лизогубъ сталъ тамъ и поля распахивать. Другой старожилъ добавилъ, что Лизогубъ часто и самъ наѣзжалъ на новыя свои земли, ставилъ на могилахъ свой „наметъ“ (палатку), и распоряжалъ на мѣстѣ свое хозяйство; а могила, гдѣ ставился наметъ, съ тѣхъ поръ и зовется—лизогубиною могилой, пояснили другіе старожилы ¹⁾. Степное хозяйство нуждалось въ лѣсахъ и водяныхъ мельницахъ; тѣ и другія Лизогубъ тогда же сталъ скупать по берегамъ Сейма, около Конотопа ²⁾. Занявъ часть малосамборскихъ земель, Лизогубъ скоро приобрѣлъ себѣ здѣсь и сосѣда—старога своего товарища по службѣ у Дорошенка и будущаго гетмана—Мазепу. Извѣстно, что Мазепа былъ у Дорошенка ротмистромъ его „надворной корогвы“ (тѣлохранителей). Въ 1773 г. Дорошенко послалъ Мазепу въ Крымъ—отвезти Хану въ подарокъ

¹⁾ Рукоп. нашей б--ки.

²⁾ Обзор. Румянцовск. Описи, 230 и друг.

нѣсколько плѣнныхъ запорожцевъ; на дорогѣ, Мазепа былъ захваченъ запорожскимъ отрядомъ и приведенъ въ Сѣчь; здѣсь запорожцы хотѣли было его убить, но по заступничеству тогдашняго кошеваго Сѣрка, смерть замѣнена была заключеніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Мазепа выкупленъ былъ у запорожцевъ Самойловичемъ и принятъ былъ въ число гетманскихъ „дворянъ“. Скоро за тѣмъ Самойловичъ надѣлилъ новаго своего дворянина и маетностью, давъ ему село Мал. Самборъ, гдѣ и сталъ Мазепа заводить свое хозяйство. Достатки будущаго гетмана въ это время были настолько малы, что по словамъ его сосѣдей,—у него не было и четырехъ паръ воловъ, чтобы запретъ самому свой плугъ, и онъ, „пока не ожилъ“, велѣлъ своему старостѣ „спрягаться“ съ Иваномъ Охрѣменкомъ, малосамборскимъ козакомъ, и—распахалъ вмѣстѣ съ нимъ, четыре „лана“ около земель, занятыхъ передъ тѣмъ Лизогубомъ. У Мазепы нестало иногда сѣна и тогда онъ покупалъ его у сосѣда своего Лизогуба. Прежняя совмѣстная служба у Дорошенка и новое сосѣдство по малосамборскимъ землямъ очень пригодились Лизогубу впослѣдствіи.

Въ Конотопѣ Лизогубъ оставался до 1687 года; въ этомъ году онъ пошелъ съ Самойловичемъ, въ числѣ прочихъ войсковыхъ товарищей, въ крымскій походъ. Какъ извѣстно, на этомъ походѣ—у Коломака Самойловичъ былъ низложенъ; въ низложеніи этомъ и Лизогубъ принималъ, повидимому, не малое участіе, потому что вслѣдъ за избраніемъ Мазепы Лизогубъ тутъ же на походѣ, получилъ черниговское полковничество, ставшее вакантнымъ послѣ Григорія Самойловича, лишеннаго уряда вмѣстѣ съ отцомъ. Мазепа видѣлъ въ Лизогубѣ человека уже опытнаго не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ тѣхъ интригахъ, безъ которыхъ новому гетману нельзя было обойтись, утверждая за собою такъ неожиданно полученную булаву.—На возвратномъ пути изъ-подъ Коломана, Лизогубъ выпросилъ себѣ у новаго гетмана село Сосновку, около котораго онъ занялъ раньше „пустовскія земли“ въ урочищѣ Перелазкѣ¹⁾. Желая привлечь стараго полковника въ число своихъ сторонниковъ, Мазепа далъ въ 1688г. единственному сыну Якова Лизогуба, Ефиму, сначала урядъ генеральнаго хорунжаго, а потомъ—и три села: Погребки, Хижки и Крапивную. Въ 1689 г. Лизогубъ ходилъ съ гетманомъ въ чи-

¹⁾ Универсалъ Лизогубу на Сосновку, подписанъ Мазепою 17 августа 1687 г., въ Ромнѣ.

слѣ прочихъ полковниковъ, во второй крымскій походъ, по возвращеніи изъ котораго Мазепа раздалъ старшинѣ множество маетностей, такъ какъ козаки были недовольны этимъ неудавшимся походомъ (собственно за то, что неокончена была осада Перекопа и козакамъ не удалось пожить въ немъ добычею) и гетману необходимо было приласкать старшину. Щедрѣе другихъ надѣленъ былъ при этомъ Лизогубъ, получившій два большихъ села, Слабинъ и Бѣгачъ, и шесть приселковъ: Шестовицу, Зопотинку, Козороги, Андреевку, Гвинушу и Соколовку.—Въ томъ же 1689 г. Мазепа ѣздилъ въ Москву, куда бралъ съ собою и Лизогуба, въ числѣ четырехъ старѣйшихъ полковниковъ.

На урядѣ черниговскаго полковника Яковъ Лизогубъ особенно отличился въ 1696 г., при взятіи Азова, гдѣ онъ былъ наказнымъ гетманомъ. Служба козаковъ при осадѣ Азова подробно описана Гордономъ въ его дневникѣ; при этомъ Гордонъ хвалить и расторопность Лизогуба. Но интересно, что малороссійскія лѣтописи взятіе Азова приписываютъ прямо одному Лизогубу; такъ черниговская лѣтопись говоритъ объ этомъ: „Петръ Алексѣевичъ, царь московскій, ходилъ подъ Азовъ другій разъ и взялъ его, за поводомъ и отвагою Якова Лизогуба полковника черниговскаго, который то Лизогубъ казалъ козакамъ своимъ засыпати фосу ровно зъ валомъ и—взялъ его“¹⁾. Впрочемъ и самъ Петръ В. оцѣнилъ заслуги Лизогуба по осадѣ Азова: извѣщая патриарха о взятіи этого города, царь хвалилъ и Лизогуба, „мужа искуснаго въ добродѣтели и въ военныхъ трудахъ“²⁾.

Взятіемъ Азова Лизогубъ кончилъ военную свою службу, будучи въ то время уже глубокимъ старикомъ. Послѣдніе два года жизни Лизогубъ прожилъ на покоѣ, въ полковомъ своемъ городѣ Черниговѣ. Здѣсь, лѣтомъ 1698 г., написалъ онъ свое завѣщаніе. Начинается оно такъ: „Яко всему христіанскому народу есть вѣдомъ праведный вырокъ (слово) Божій, ижъ хто колвекъ родится на сей временный свѣтъ, мусить (долженъ) умѣрати, такъ и я, его царского пресвѣтл. величества войска запорожскаго черниговскій полковникъ Яковъ Кондратовичъ Лизогубъ, о томъ досконале и завше (всегда) на мыслѣ моей, иле (тѣмъ

¹⁾ Черниг. лѣтоп. по списку нашей б—ки.

²⁾ Устряловъ, Истор. Петра В., II, 288.

болѣе) въ нынѣшнихъ лѣтахъ шендивыхъ (преклонныхъ) маючи подходящій терминъ смертельный, отъ котораго нѣхто есть вольнымъ, овшемъ подлугъ его святого праведного вырокъ бозекого, подлвгати мусить оной, теди умислиемъ теперь, еще при здорову, моемъ, добра (имѣнїя) мой працею (трудомъ) набутіе такъ рухоме (движимыя) яко и лежачіе (недвижимыя) за живота своего распорядити и дѣтей моихъ, дочокъ и внуковъ, хто чого зъ нихъ годець есть, слушне (надлежаще) оными добрами подѣлити и уонтентовати порядкомъ⁴. Черниговскїя свои имѣнїя: Слабинъ, Шестовицу, Золотинку, Козороги, Гнилушу, Андреевкѹ, и рыбныя ловли Лизогубъ завѣщаль сыну Ефиму, съ условїемъ чтобы онъ „при женѣ моей, а своей матцѣ единокупно жилъ, абы ей, матки своей, ни въ чомъ, ховой Воже, не раздражалъ и не квилячи, повольность сыновскую противъ ней оказовалъ такъ властне, якъ надлежитъ, тоестъ жебы оную чтивъ, шановавъ и поважавъ и во всемъ слухалъ“. При этомъ старый полковникъ совѣтовалъ сыну—подѣлити въ свое время, внуковъ такимъ образомъ, чтобы старшему—Андрею достались конотопскїя и кролевецкїя имѣнїя, а младшимъ Якову и Семену,—черниговскїя. Болѣе всего заботился Яковъ Лизогубъ о своемъ внуцѣ Яковѣ, какъ видно своемъ любимцѣ, напоминая сыну, чтобы тотъ какъ нибудь „не задѣлилъ Якова внука подстаршаго“. Самъ дѣдъ завѣщаль этому внуку особо с. Бѣгачъ и разные небольшїе „груята“, но съ тѣмъ, чтобы надъ этимъ имѣнїемъ жена его, полковника, была „головою“, а „онъ, Яковъ внукъ, вѣдая то, что будетъ хозяиномъ этихъ имѣнїй, старался бы заслужить милость и ласку своей бабы, которую бы чтилъ, шановалъ и поважалъ какъ мать и даже больше того“....

Дочерямъ своимъ, „сколько ихъ есть“, Лизогубъ оставлялъ по 500 золотыхъ (золотой=20 коп.), а остальные деньги поручалъ женѣ, чтобы она сама уже подѣлила ихъ межъ дѣтьми, когда и какъ захочетъ. Исключенїе было сдѣлано для одной только дочери Марьи: „дочкѣ моей старшей Марїи съ мужемъ ея Степаномъ Бутовичемъ, нынѣшнимъ седневскимъ сотникомъ, за ихъ ко мнѣ упреймую зычливість (искреннюю прїязнь) а особенно за устройство моего хозяйства, отписываю два сельца—Солоновку и Боромыки, если на то будетъ милость ясневельможнаго п. гетмана“¹⁾. Серебро свое въ вещахъ Лизогубъ завѣщаль—подѣлити на всѣхъ дѣтей,

¹⁾ Солоновка и Боромыки принадлежали къ числу польскихъ маестностей и, завѣщая ихъ дочери своей, Лизогубъ надѣялся, что гетманъ подтвердитъ волю завѣщателя—особымъ своимъ универсаломъ.

добавивъ только, что „роструханъ милостиваго царскаго жалованья еще за живота моего, Якововому сыну, а моему правнуковѣ, далемъ на память собѣ. Корабликъ вѣсомъ въ шесть гривенъ и еще роструханъ какой добрый или коновку, отписую ясневельможному его милости п. гетману, милостивому моему добродѣви“. Не забылъ подковникъ и дальнихъ своихъ родичей: сродниковъ моихъ, живущихъ въ бѣдности въ м. Глемязовѣ, поручаю женѣ моей—надѣлать ихъ скотомъ рогатымъ, давъ каждому по три и по четыре годовы, чтобы помнили меня. „За душу свою, для отправленія сорокоустовъ и для вписанія имени своего въ суботники“, Лизогубъ назначилъ въ церкви кievскія—печерскую и софійскую и въ черниговскую борисоглѣбскую—по сто червонцевъ, въ елецкiй монастырь, гдѣ завѣщалъ похоронить себя—тысячу золотыхъ (т. е. 200 р.) и затѣмъ на разные другіе монастыри и церкви: по 20 р. на монастыри и по 10 талеровъ (6 р.) на церкви; да бѣднымъ завѣщалъ раздать—200 рублей. Въ заключеніе Лизогубъ проситъ жену—точно исполнить послѣднюю его волю относительно распределенія „худобы“, которую онъ собралъ за долговременную свою службу Войску Запорожскому, причемъ „не разъ приходилось ему и кровь свою проливать“.

Исполнителями посмертной своей воли, кромѣ жены, Лизогубъ назначилъ—генеральнаго обознаго Василя Борковскаго и генеральнаго бунчужнаго Ивана Скоропадскаго, „которыхъ устне о томъ просилося, такъ и теперь симъ моимъ тестаментомъ прошу и злецаю (поручаю) ихъ милостемъ, чтобы они высокими своими разсмотрѣніемъ сіе мое распоряженіе поправили и чѣго бы не потрафилъ—якъ леговати (завѣщать) съ добръ моихъ, то чтобы ихъ милости яко выскій розумъ маючіе, ведлугъ уваги своей (по своему усмотрѣнію) дѣтей моихъ какъ надлежитъ поименованными добрами подѣлили, а они, дѣти мои, должны исполнить волю ихъ милостей. Тутъ же прошу ихъ милостей, чтобы они по смерти моей, какъ жену, такъ и дѣтей имѣли въ особливомъ своемъ прирѣніи“.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ завѣщанія, Лизогубъ, предоставляя Борковскому и Скоропадскому—измѣнить его завѣщаніе по ихъ усмотрѣнію, былъ конечно увѣренъ, что душеприказчики не станутъ перемѣнять его воли, но за то довѣріе, которое оказывалъ имъ старый ихъ товарищъ, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ отнесутся къ сиротѣлой семьѣ. Вниманіе это главнымъ образомъ должно было выразиться въ предствательствѣ Борковскаго и Ско-

ропадскаго у гетмана за остававшагося сына и трехъ внуковъ, за ихъ дальнѣйшую судьбу, за предоставленіе имъ хорошихъ урядовъ въ войскѣ... Написавъ завѣщаніе лѣтомъ 1698 г., Яковъ Лизогубъ въ томъ же году и умеръ. Сынъ его Ефимъ вмѣстѣ съ отцовскими имѣніями унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ: вслѣдъ за смертью стараго Лизогуба, Мазепа поставилъ черниговскимъ полковникомъ Ефима Лизогуба, который до этого времени сохранялъ урядъ хорунжаго.

Ефимъ Лизогубъ извѣстенъ лишь тѣмъ, что женатъ былъ на дочери Петра Дорошенка. Интересный разсказъ объ этой женитьбѣ переданъ самимъ Яковомъ Лизогубомъ, который говоритъ, что онъ хотѣлъ женить сына на падчерицѣ бездѣтнаго Дмитрія Раича, славившагося своимъ богатствомъ, и что на эту женитьбу согласенъ былъ и Раичъ. Но въ старой Малороссіи былъ такой обычай, что высшая старшина женила своихъ сыновей не иначе какъ съ вѣдома гетмана; поэтому Яковъ Лизогубъ, сговорившись съ Раичемъ, заявилъ о своемъ намѣреніи Дорошенку. Послѣднему сватовство это не понравилось: онъ нашель, что какъ только Лизогубъ женить сына на падчерицѣ Раича, то онъ и самъ перейдетъ на правый берегъ Днѣпра, гдѣ жилъ Раичъ, и съ нимъ „многіе люди въ соединеніи будутъ и оттого будетъ смятеніе“. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ Тукальскимъ, Дорошенко отвѣчалъ Лизогубу: „напрасно де онъ съ Дмитрашкомъ (Раичемъ) о свойствѣ ссылку чинить; они (Раичи) де люди богатые и будутъ имъ (Лизогубомъ) гордить и въ свойствѣ ему съ нимъ быть не пристойно; знатно (должно быть) де онъ (Лизогубъ) его, Дорошенка, не смѣетъ (просить выдать его дочь за своего сына) потому что (онъ, Дорошенко) гетманъ, и онъ де Дорошенко имъ, Яковомъ, и сыномъ гордить не будетъ и у него Дорошенка, дочь есть. И взявъ его, Якова, за руку, говорилъ: пусть де онъ Яковъ будетъ сватомъ Дорошенку, а не Дмитрашку. И велѣлъ ему, Якову, сына своего прислать и дочь его Дорошенкову имать въ скорыхъ часѣхъ. И онъ, Яковъ убоясь его Дорошенка, не отговариваясь ничѣмъ, сына своего на его Дорошенковой дочери женилъ“¹⁾.

Ефимъ Лизогубъ оставался черниговскимъ полковникомъ, какъ и отецъ, тоже до смерти, кажется въ 1705 г. О немъ мы знаемъ очень мало; общественная дѣятельность Ефима Л—ба не

¹⁾ Азты Ю. З. Р. XI, 163.

оставила ровно никакихъ слѣдовъ. Какъ видно, онъ исключительно занятъ былъ своими маетностями, которыя, сколько могъ, приумножалъ, пользуясь своею полковничьей властью ¹⁾.

Ефимъ оставилъ трехъ сыновей: Андрея, Якова и Семена, которые всѣ три были настолько замѣтными людьми въ малороссійскомъ обществѣ первой половины XVIII в., что о каждомъ изъ нихъ можно сказать особо.

Старшій изъ нихъ—Андрей Ефимовичъ Л—бъ получилъ въ наслѣдство маетности конотопскія и кролевецкія, т. е. Сосновку, Крапивную, Хижки, Погребки и всѣ тѣ лѣса и мельницы, которые пріобрѣтены были между Конотопомъ и Сеймомъ, еще дѣдомъ его. Женитьбою на дочери стародубскаго полковника Миклашевскаго, Андрей пріобрѣлъ еще раньше, при жизни отца, особыя маетности. Уже въ универсалѣ 1694 г. читаемъ, что Мазепа „респектомъ знатныхъ услугъ полковника стародубскаго Мик. Миклашевскаго и хорунжаго генеральнаго Ефима Лизогуба, надалъ зятю перваго, а послѣдняго сыну—Андрею Лизогубу, село Старое Почепище“. Получивъ эту маетность, Андрей Л—бъ туда и переехалъ, чтобы подъ защитою вліятельнаго тестя, начать устройство собственнаго хозяйства, пока дойдетъ чередъ до наслѣдства.—Стародубскій полкъ въ это время заселенъ былъ еще не густо и пріобрѣтеніе въ немъ земель не особенно было затруднительно, особенно для полковничьяго зятя. Поэтому Лизогубъ, недовольствуясь Почепищемъ, сталъ скупать тамъ земли, на которыхъ поселилъ слободу Лизогубовку и хуторъ Дадеровскій.

Въ стародубскомъ полку Лизогубъ пріобрѣталъ земли пока живы были отецъ и тесть. А когда умеръ сначала отецъ, а потомъ убитъ былъ тесть, Мазепа немедленно измѣнилъ отношенія свои къ Андрею Л—бу: Миклашевскій былъ убитъ весною 1706 г., а осенью того же года Мазепа отнялъ у Андрея—с. Ст. Почепъ, объясняя въ своемъ универсалѣ, что „за время управленія стародубскимъ полкомъ Миклашевскаго, всѣ села, какія принадлежали къ ратушѣ города Почепа, розданы державцамъ; оставалось едва ли не послѣднее село Ст. Почепъ, но и то отдано было Андрею Л—бу, по настоятельнымъ просьбамъ его тестя, и что, вслѣдствіе такой раздачи ратушныхъ селъ, населеніе г. Почепа окончательно обнищало“. Поэтому гетманъ нашелъ нужнымъ с. Ст. Почепъ возвратити почепской ратушѣ, чтобы „почепскіе жители

¹⁾ Обзорніе Румянц. Описи, 36.

на своих одержалиса осѣдлостяхъ и свои недостатки привели до полности“; а универсалъ, данныйъ передъ симъ Андрею Л—бу на с. Ст. Почепъ, гетманъ „касуетъ“, приказывая, чтобы Лизогубъ уступилъ то село безъ всякаго возраженія ¹⁾. Такъ Мазепа дѣлалъ очень часто: пока отецъ и тестъ Андрея Л—ба были живы, онъ находилъ возможнымъ награждать его не смотря на то, что за Андреемъ никакихъ службъ не было; какъ только нужные Мазепѣ люди умирали, онъ немедленно отбиралъ у ихъ родичей то, что давалъ прежде. Старое Почепище возвращено было впрочемъ Андрею Л—бу Скоропадскимъ, вслѣдъ за измѣною Мазепы, въ ноябрѣ 1708 г., но не надолго: 9 іюля 1709 г. Скоропадскій подарилъ почепскую сотню Меншикову, который тогда все отнял у Лизогуба; а Почепище, и поселенныя имъ слободы ²⁾.

Потерявъ почепскія имѣнія, Андрей Лизогубъ переселился въ Конотопъ. Отсюда онъ и управлялъ своими маестностями (Погребками, Хижками, Сосновкою и Крапивною), которыя достались ему по смерти его отца. Управление заключалось главнымъ образомъ въ увеличеніи земель посредствомъ разныхъ насилій. При этомъ наиболѣе страдали козаки, у которыхъ Лизогубъ сначала отнималъ земли, а потомъ и хозяевъ ихъ „версталъ“ въ крестьяне. Дѣлалось это такимъ образомъ: козакъ бралъ въ долгъ у Лизогуба деньги, на какуюнибудь крайнюю нужду, или „напивалъ“ въ долгъ въ шинкѣ его, а въ обезпеченіе долга отдавалъ въ залогъ свою землю; если долгъ въ срокъ не уплачивался, то должникъ выдавалъ волей неволей Лизогубу на заложенную землю купчую запись. Козакъ с. Погребковъ Григорій Шкуренко рассказываетъ, что какъ задолжалъ онъ Лизогубу 50 золотыхъ (10 р.) то послѣдній говорилъ ему: дай мнѣ „въ арештъ“ грунта свои, а я буду ждать долга, пока спрможешься съ деньгами.—Я и отдалъ, продолжаетъ Шкуренко, Лизогубу свой грунтикъ, но „не во владѣніе, а въ заставову“ (въ залогъ); а какъ насталъ срокъ платежа уплаты, сталъ я просить Лизогуба подождать—пока продамъ свой скотъ, который нарочно выготовилъ для продажи. А Лизогубъ—задержалъ меня въ своемъ дворѣ и держалъ двѣ недѣли, требуя отдачи долга.—Со слезами просилъ я Лизогуба—отпустить меня домой, такъ какъ жена моя въ то время лежала „на смертной постелѣ“, обѣщая скоро и долгъ уплатить.

¹⁾ Черниг. Губ. Вѣд. 1853 г., № 34.

²⁾ Т. Ж.

Но Лизогубъ тогда же вмѣстѣ съ своимъ „господаремъ“ оцѣвиль мой грунтикъ и насильно послалъ меня къ конотопскому соборному попу, говоря: иди къ попу и какъ попъ будетъ писать—будь при томъ!—Попъ написалъ купчую, но безъ свидѣтелей съ моей стороны и безъ объявленія купчей въ ратушѣ. Тогда Лизогубъ отпустилъ меня домой, а вслѣдъ за мною прислалъ слугу своего, чтобъ я выходилъ изъ своего двора.—Такъ п. Лизогубъ и завладѣлъ моимъ грунтомъ, хотя я ему и деньги потомъ носилъ.....

Обезземеливъ такимъ образомъ козака, Лизогубъ уже безъ труда „версталъ“ его затѣмъ въ крестьяне: сначала онъ принималъ такого козака къ себѣ—подсосѣдкомъ, поселяя его въ томъ же дворѣ, который передъ тѣмъ у него же отнималъ; а потомъ—принуждалъ подсосѣдка отбывать повинности наравнѣ съ крестьянами, угрожая въ противномъ случаѣ—выгнать изъ двора. Если у козака была семья, ему трудно было подниматься съ нею, чтобы идти куда-нибудь „на слободу“; онъ и оставался съ обязательствомъ уже—отбывать „панцину“. При этомъ козакъ зналъ еще и то, что ставъ „подданнымъ“, онъ уже не будетъ ходить въ походы, да, кромѣ того, будетъ избавленъ и отъ многихъ другихъ общественныхъ повинностей, отъ которыхъ будетъ его отстаивать новый панъ, защищая свою рабочую силу.

Такимъ образомъ переводилъ Лизогубъ въ крестьянъ и козаковъ с. Сосновки, гдѣ земель у него было много, а рабочихъ—мало. Но здѣсь онъ встрѣтилъ сначала отпоръ со стороны сосновскаго атамана Ивана Величка, который донесъ гетману, что Лизогубъ производитъ убыль въ его козакахъ „верстаніемъ“ ихъ въ крестьяне. Скоропадскій написалъ Лизогубу—не трогать козаковъ. Приказъ гетмана имѣлъ значеніе въ этихъ случаяхъ, лишь на первое время, пока возвращенные изъ крестьянъ козакки не становились снова въ то положеніе, когда ихъ опять можно было обратить въ подсосѣдковъ... Но Лизогубъ былъ обиженъ дерзостью сосновскаго атамана и рѣшился ему отмстить. У Величка земля была—купленная у сосновскаго козака Дениса Шостаценка. Купилъ Величко у Шостаценка усадьбу и пахатное поле въ 1702 г. и владѣлъ ими лѣтъ десять спокойно. Но сошелся онъ какъ то въ „арендѣ“ (корчмѣ) съ сыномъ Дениса Шостаценка, и тотъ сталъ доказывать, что купля Величка была неправильная и онъ долженъ возвратить землю ему, Шостаценку, сыну продавца. Возникъ споръ, за разрѣшеніемъ котораго обѣ сто-

ровы обратились къ конотопскому сотнику. Но пока состоялся судъ, Шостаченко отправился къ Лизогубу и выдалъ ему купчую на спорную землю, зная, что это будетъ лучший способъ отнять у Величка продажу своего отца. Получивъ купчую на землю, которою Величко владѣлъ болѣе десяти лѣтъ уже, Лизогубу нужно было прогнать Величка, такъ какъ послѣдній не хотѣлъ уступать землю добровольно. Лизогубъ употребилъ силу: „не терпѣлъ я такой муки“, пишетъ въ своей жалобѣ Величко, „и будучи на турецкой каторгѣ въ плѣну, какую пришлось терпѣть отъ него, п. Лизогуба!—приковалъ онъ меня за шею къ дымовой трубѣ („до комена грубного“) и душилъ („пурилъ“) дымомъ недѣль семь, да еще въ самую рабочую пору... Хвалился и застрѣлить меня... А потомъ забралъ дворъ и пашню мою, а я принужденъ былъ—уходить и скитаться въ полтавскомъ полку лѣтъ тринадцать...“ Въ этихъ скитаніяхъ Величко прослышалъ наконецъ, что вмѣсто гетмана, стала въ Глуховѣ править дѣлами коллегія, которая будто бы не только принимаетъ жалобы на павовъ, но и разрѣшаетъ эти жалобы справедливо... Величко вернулся въ Сосновку и прямо отправился въ свою хату; но Лизогубъ прислалъ своего старосту и—Величко изъ хаты былъ удаленъ. Величко обратился къ своему полковнику (нѣжинскому), но такъ какъ Лизогубъ былъ бунчуковымъ товарищемъ, то судить его могъ только гетманъ; а такъ какъ гетмана въ это время не существовало, то жалоба Величка была передана тогдашнимъ „правителямъ“ генеральной канцеляріи. По жалобѣ Величка поручено было произвести слѣдствіе одному изъ канцеляристовъ, который долженъ былъ рѣшить—чья купчая на земли Шостаченка крѣпче, Величка или Лизогуба?—Лизогубъ сталъ доказывать, что купчая Величка составлена подложно и что объясненіе Величка, что купчую эту писалъ умершій сосновскій дьякъ Василій—не справедливо, причемъ сослался на учениковъ умершаго дьяка—сосновскаго священника и новаго дьяка, которые учились писать у Василія и „на его руку“. Для сличенія почерковъ, найдено было у одного козака, писанное умершимъ дьякомъ завѣщаніе, съ которымъ и сличена была купчая Величка, „по лѣтерахъ, силлябахъ, дикціяхъ и строфахъ, чи сходны лѣтери зъ лѣтерами?—Теди, не мало слова зъ словами не были сходны, поневажъ того старого дьяка на духовницѣ—старый и характеръ, а купчая Величкова здается не давно писана, хочай давній годъ (1702) въ ней написанъ“. Такимъ образомъ купчая

Величка признана была подложною. Величко долженъ былъ навсегда отказаться отъ тѣхъ земель, которыя несомнѣнно проданы были ему Шостаченкомъ, потому что послѣ этой продажи, Величко болѣе десяти лѣтъ прожилъ на этихъ земляхъ безъ всякихъ возраженій со стороны сына продавца. Трудно было селянамъ бороться съ Лизогубомъ, который, хорошо понимая безсиліе тогдашней власти, зналъ, что насилія его останутся безнаказанными.—Въ мѣстностяхъ Лизогуба ни козакъ, ни крестьянинъ не смѣли продавать своихъ земель кому нибудь другому, какъ только ему, Лизогубу. Такъ водилось вообще въ маетностяхъ сильныхъ пановъ; но Лизогубъ умѣлъ этотъ обычай усилить еще прямымъ запрещеніемъ для своихъ сосѣдей покупать земли въ его маетностяхъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили очень интересный документъ 1707 г., по которому извѣстный Кочубей, бывший тогда генеральнымъ судьей, запрещаетъ козакамъ и крестьянамъ глуховскаго села своего Ярославца брать въ залогъ земли у жителей с. Погребковъ, принадлежавшаго Лизогубу ¹⁾. Вотъ этотъ документъ. „Вамъ, якъ козакамъ, такъ и посполитымъ людямъ села моего Ярославца, даю приказъ симъ моимъ писаніемъ, кто бы колвекъ вамъ мѣлъ зъ людей погребскихъ якій колвекъ грунтъ, либо поле або гай (лѣсъ) въ заставу пускать, потребуячи себѣ у васъ грошей, абысте потай (безъ вѣдома) тамошнего старшого (разумѣется старшій—поставленный отъ Лизогуба) яко то старостиного дозволеня и освѣдченя, албо войтового, не въ кого ниякого грунта не важилися пріймовати и грошей своихъ позичати (давать въ долгъ), але за дозволенемъ и освѣдченемъ старшого тое чините, яко въ каждомъ городѣ и селѣ такій звичай есть для своего пожиткованя; бо донесено мнѣ, же (что) нѣкоторіи назвишь (выше названные, т. е. жители с. Погребковъ) гроши забравши, отъ своего заставовленного грунту, прочь уходятъ, зачимъ ежели потай отъ сего часу такую заставу хто прійметъ, не ознаймившись старшимъ, то гроши его пропадутъ“ ²⁾.

Кромѣ „скупли“ козачьихъ земель, Лизогубъ богатѣлъ еще зависяаясь и торговлею; торговалъ онъ преимущественно быками,

¹⁾ Большинство своихъ земельныхъ отчужденій козаки и крестьяне производили такимъ образомъ, что сначала земли эти отдавали въ залогъ, а потомъ, не имѣя средствъ выкупить эти земли, выдавали уже на нихъ купчія.

²⁾ Частн. архивъ.

которыхъ сначала выпасывалъ на крапивянскихъ своихъ степяхъ, а потомъ гонялъ ихъ въ Данцигъ, гдѣ былъ главный тогдашній рынокъ этого товара. Впрочемъ данцигскіе торговцы и сами прѣзжали за быками въ Малороссію, которая и тогда славилась своимъ „украинскимъ“ скотомъ ¹⁾.

Конотопскія свои богатства Лизогубъ увеличилъ преимущественно за время своего сотничества въ Конотопѣ. Пробывъ около пяти лѣтъ (1714—19) конотопскимъ сотникомъ, Лизогубъ до того тѣснилъ своихъ сотнянь разными вымогательствами и поборами, что, не смотря на поддержку брата своего Якова, бывшаго въ то время генеральнымъ бунчучнымъ, былъ отставленъ отъ уряда ²⁾. Остальное время своей жизни Лизогубъ прожилъ въ Конотопѣ, гдѣ онъ построилъ каменную церковь рождества Богородицы—теперешній соборъ.

Умеръ Андрей Лизогубъ въ 1737 г., оставивъ четырехъ дочерей, мужа которыхъ долго спорили между собою, пока не подѣлились тестевскими богатствами. Болѣе всѣхъ задерживалъ дѣло раздѣла Валькевичъ, пользуясь своимъ вліяніемъ въ глуховскихъ канцеляріяхъ. Остальные наследники пожаловались въ сенатъ, откуда въ концѣ 1746 г. полученъ былъ указъ „о высылкѣ въ самой скорости въ Петербургъ генер. есаула Петра Валькевича по дѣлу съ Журавковою о духовной Андрея Лизогуба и о посылкѣ туда всего дѣла, въ генеральной и судовой канце-

¹⁾ Вотъ одинъ изъ документовъ, знакомящій съ этою торговлею. „Року 1708, мѣс. июля 13 дня. Мы Якубъ Шолца и Матіашъ Дембровскій, житель, купецъ и резники Кдаискіе, чинимо вѣдомо симъ нашимъ облѣкомъ, ижесмо взяли у его мил. п. Андрея Лизогуба, значного товарища войскового, жителя конотопскаго, торгома въ боргъ (въ долгъ) воловъ тридцать, цѣною каждый волъ по десять таларей безъ золотого (5 р. 80 к.). А до тихъ же воловъ взялисмо еще на мыто грошей таларей 60 зполна, якіе то гроши, должніе за воли и позиченіе на мыто, всѣ—потому будутъ червоніе уво Гданску, тою цѣною маемо сеей зимы знову на Украину и въ Конотопъ пригостивши (прѣхавши) сами всю туу сумму ему, п. Лизогубовѣ, червоними отдати конечне“.

²⁾ Поводомъ къ удаленію Л—ба отъ уряда была, какъ кажется, растрата „покуховнаго сбора“; въ универсалѣ 1719 г. Скоропадскій пишетъ: „по розыску п. Григорія Яснопольскаго и п. Леонтія Лашинскаго показалося, что бывший сотникъ конотопскій п. Андрей Лизогубъ въ покуховныхъ грошахъ, тамъ въ г. Конотопѣ до скарбу войскового збираючиися, не далъ слушного вывода, куда оніе и на що рострачены, а доводне тое являлося, же шафарѣ (сборщикъ) всегда по его сотничкому велѣнію, помянутіе гроши на росходи выдавали, которимъ бывало оны, п. сотникъ бувшій, отказуетъ (отвѣчаетъ) же некто нишій за рострачене тихъ грошей, але оны самъ мѣвъ отвѣтовати“.

ляріяхъ находящагося¹⁾). Сенать назначилъ особую комисію для раздѣла лизогубовскихъ имѣній, которая наконецъ и кончила это дѣло въ 1748 г. При этомъ почепскія имѣнія (Лизогубу они были возвращены послѣ паденія Меншикова) достались Ивану и Антону Тимофеевичамъ Журавкамъ и Алексію Покорскому, зятю Якимъ Кулябки, а конотопскія и кролевецкія—тому же Покорскому и остальнымъ наслѣдникамъ: Кулябкамъ, Кулаковскимъ, Будлянскимъ и Требинскимъ.

Второй сынъ Ефима—Яковъ былъ замѣтнѣе другихъ братьевъ своею болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнею войсковою службою. Службу эту онъ началъ еще при дѣдѣ, у котораго былъ любимѣйшимъ внукомъ и который вѣроятно рекомендовалъ его гетману; есть извѣстіе, что Мазепа въ 1694 г. посылалъ Якова Ефимовича Лизогуба въ Москву, съ какимъ-то порученіемъ къ царю. Въ это время онъ только что окончилъ ученіе въ кievской академіи²⁾ и былъ еще не женатъ, что не мало заботило дѣда, который по этому поводу въ ноябрѣ 1694 г. писалъ сыну: „милый сыну мой, пане хорунжий генеральный! какъ только установится саннай путь и милый вашъ сынъ, а мой внукъ Яковъ отправится въ Москву, по указу рейментарскому, тѣмъ временемъ начни высматривать по людяхъ такую семью, съ которой могли бы мы соединиться истинною пріязнью по законному супружеству внука нашего. Старайся такъ, чтобы по возвращеніи внука изъ Москвы дѣло это можно было немедленно начать и кончить. Я и самъ душевно радъ бы помогти этому дѣлу и, не смотря на старость, готовъ искать „панну“ въ какомъ знатномъ домѣ для милаго пріятеля; но самъ знаешь, что тутъ (т. е. около Чернигова) не могу и ничего успѣть, потому что и людей нѣтъ и нѣтъ такой панны, чтобы подходила и подѣ мысль внука и подѣ нашу достоинство. Поэтому старайся ты самъ поставить сына „въ станъ малженскій“; а дастъ Богъ, что дѣло это свершится „актомъ весельнымъ“, то я не оставлю внука своего дѣдовскою ласкою и ручаюсь, что у него не будетъ недостатковъ и будетъ на чемъ жить, только бы внукъ былъ разуменъ да не лѣнился около хозяйства заняться. Да не только Яковъ не бу-

1) Записки Марковича II, 239.

2) Говоримъ объ ученіи Якова Еф.—ча Л.—ба въ кievской академіи на томъ основаніи, что въ своихъ писмахъ онъ часто пріичивалъ латинскія слова и выраженія, чѣмъ щеголяли только кievскіе акад. мисты.

дети лишены моей ласки, въ чемъ свидѣтельствуюсь своимъ дѣдовскимъ словомъ, но и Семену, меньшему, наготовлено уже „пожитье, только бы возрастилъ его Богъ“¹⁾).

Въ жены Якову Лизогубу выбрана была дочь переяславскаго полковника Мировича, который по свойству съ Мазепою щедро былъ надѣленъ маестностями, а потому и дочь его была не изъ послѣднихъ невѣстъ въ Малороссіи.—Женившись, Яковъ Л—бъ проживалъ въ доставшемся ему Седневѣ, пока не попалъ въ число генеральной старшины, по выбору Скоропадскаго въ 1717 г. На этомъ урядѣ Лизогубъ оставался незамѣтнымъ лицомъ до смерти Скоропадскаго; а когда послѣдній умеръ и „правленіе дѣлъ“ въ Малороссіи поручено было генеральной старшиной подъ главенствомъ Полуботка. Лизогубъ сталъ однимъ изъ „правителей“. Впрочемъ, въ борьбѣ съ Вельяминовымъ Лизогубъ принималъ только пассивное участіе, стараясь по возможности держаться въ сторонѣ. Но когда Полуботокъ съ Савичемъ и Чарнышемъ вызваны были въ Петербургъ, Лизогубу пришлось по необходимости стать во главѣ правленія вмѣстѣ съ Жураковскимъ. Положеніе его въ это время было довольно трудное: Жураковскій принадлежалъ къ числу сторонниковъ Полуботка и, за отбытіемъ послѣдняго въ Петербургъ, старался елико возможно дѣйствовать въ направленіи своего патрона. Очень нерѣдко Лизогубу приходилось выслушивать отъ Жураковскаго упреки за излишнюю осторожность, ради которой Л—бъ часто уклонялся отъ участія въ тѣхъ дѣлахъ, которыя по мнѣнію его могли возбудить неудовольствіе Вельяминова. Однако же, когда осенью 1723 г. назначенъ былъ Румянцевъ для повѣрки на мѣстѣ жалобъ старшины на Вельяминова, Лизогубъ дѣйствовалъ за одно съ Жураковскимъ во всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, которыми старшина хотѣла скрыть отъ Румянцева разъединеніе свое съ народомъ. Приѣхавъ въ Малороссію въ концѣ ноября, Румянцевъ нашелъ нужнымъ удалить отъ „правленія дѣлъ“ какъ Жураковскаго, такъ и Лизогуба; оба они отвезены были на судъ къ царю въ Петербургъ, за единомысліе съ Полуботкомъ. Судъ этотъ кончился, какъ извѣстно, указомъ 8 февраля 1725 г., причемъ большинство обвиненныхъ въ протестъ противъ учрежденія малороссійской колле-

¹⁾ Изъ архива Н. А. Маревича. Архивъ этотъ вошелъ теперь въ составъ Румянцевскаго Музея.

гійа поселено было въ Петербургѣ („жить имъ безвыѣздно въ С.-Петербурѣ“). Въ числѣ поселенныхъ былъ и Лизогубъ. Жилъ онъ въ Петербургѣ пять лѣтъ (1724—28), пока не возстановлено было въ Малороссіи гетманство. Поставленный въ гетманы Апостолъ пріѣхалъ въ Москву въ февралѣ 1728 г. и прожилъ до октября, предъавляя правительству разные ходатайства по возстановленію въ Малороссіи прежнихъ порядковъ; хлопоталъ при этомъ новый гетманъ и о томъ, чтобы правительство утвердило ту генеральную старшину, которую выбрали въ Глуховѣ полковники вслѣдъ за поставленіемъ Апостола въ гетманы. Но верховный совѣтъ не утвердилъ глуховскихъ выборовъ и назначилъ персоналъ генеральной старшины по своему усмотрѣнію ¹⁾, при чемъ генеральнымъ обознымъ, вмѣсто избраннаго въ Глуховѣ Галагана, назначенъ былъ Яковъ Лизогубъ. Очень вѣроятно, что Головкинъ, распорядившійся всѣмъ этимъ дѣломъ, сдѣлалъ этотъ выборъ на основаніи личнаго знакомства своего съ Лизогубомъ за время поселенія его въ Петербургѣ, причемъ могъ убѣдиться, что этотъ человекъ будетъ безпрекословнымъ исполнителемъ распоряженій правительства.

Двадцать лѣтъ оставался Лизогубъ на урядѣ генеральнаго обознаго, не оставивъ, повидимому, никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, кромѣ того, что за все это время хорошо уживался съ цѣлымъ рядомъ правителей, которые вѣдали дѣлами Малороссіи отъ смерти Апостола до избранія Разумовскаго.

Во время путешествія императрицы Елизаветы въ Кіевъ, между старшиной возникла мысль о возстановленіи гетманства, которую поддержалъ Алексѣй Разумовскій. Повидимому послѣдній далъ указанія въ Глуховѣ о присылкѣ ко двору депутатовъ для ходатайства по этому дѣлу, причемъ назвалъ и лицъ, которыя должны были ѣхать депутатами. Въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ Ханенка и Гудовича, былъ указанъ и Яковъ Лизогубъ ²⁾. Осенью 1745 г. депутаты были уже въ Петербургѣ и жили тамъ почти два года, пока данъ былъ указъ сенату о дозволеніи быть въ Малороссіи гетману; но депутатовъ не отпустили домой и послѣ этого указа и продержали ихъ въ Петербургѣ до конца 1749 г. ³⁾.

¹⁾ Записки Марковича, I, 246 и 304.

²⁾ Тамъ-же, II, 225

³⁾ Подробности четырехлѣтняго пребыванія Лизогуба съ товарищами въ Петербургѣ см. у Васильчикова, семейство Газумовскихъ I, 67--99.

Только что стали депутаты собираться домой, какъ Лизогубъ заболѣлъ: 20 декабря онъ „былъ посвященъ параличною болѣзнию“. Ожидать выздоровленія товарища—депутатамъ было некогда и они, оставивъ около больного трехъ человекъ изъ своей свиты, отправились въ Москву. При Лизогубѣ оставлены были: „швагеръ“ (братъ жены) обознаго—Дмитрій Миновичъ, сотникъ Степанъ Лукомскій и экономъ генеральной артиллеріи Кирилъ Бѣлоровскій, причѣмъ имъ дана была отъ депутатовъ подробная инструкція, что дѣлать на случай выздоровленія или смерти обознаго. Въ инструкціи между прочимъ было сказано: „ежели-бы (чего Боже еще не дай) пришло ему г. обозному животъ свой окончити здѣсь въ С.-Петербургѣ, то какъ самъ онъ, будучи сперва при крайней слабости, намъ объявилъ свою волю—погребсти его тутъ же съ пристойнымъ персонѣ его обрядомъ и на помяновеніе его по нѣкоторымъ церквамъ, раздать по нѣсколько денегъ, какъ здѣсь водится. То же все чинить вамъ съ повелѣнія г. вицеадмирала Александра Ивановича Головина, яко свойственнаго ему г. обозному, п съ совѣту г. маіора при адмиралтейской коллегіи Василя Ивановича Войникова, за которымъ въ замужествѣ родная его г. обознаго племянница Тетяна Андреева дочь Лизогубовна, которые обладажи насъ, что всякое вамъ наставленіе чинить позволятъ“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Ханенка и Гудовича въ Москву, Миновичъ съ товарищами 8 января писали имъ о ходѣ болѣзни Лизогуба: „Божескою помощію его вельможность началъ сбмогаться, а именно: совершенно и здравымъ языкомъ разговариваетъ, а при разговорѣ ежедневно объявляетъ свою скуку, что въ Москву не ѣдетъ скоро, а желаетъ, получа ослабу, какъ скорѣе возможно отъѣхать. Лѣвою ногою всею чувствуетъ и мало наступаетъ; и егда сидитъ на ложку (кровати) либо на креслѣ, на которомъ по комнатѣ его возимъ, бываетъ—лѣвую ногу самъ согнбаетъ и держитъ; а лѣвою рукою всего отъ позавчерашнего дня началъ чувствовать—точію самъ собою ежели его не подоймутъ и не опустятъ, ни ложиться, ни встать, ни двинуться еще не можетъ. Егдаже въ лѣвой кулши (бедрѣ) объявилъ боль, то по наставленію доктора г. Синопеа (Синопеуса) сухою припаркою получаетъ облегченіе; ранки двѣ были на лѣвомъ стегнѣ величиною какъ противъ колѣйки сребраной и тѣ ранки толко мало еще не загоены; горячесть извнутри хотя еще не вовся, таѣмо по болшой части выведена; апетиту и ествію въ него еще мало и нынѣ; только въ томъ жалится и обявляетъ, что лѣвій бокъ

весь болитъ не безъ прикрости; однакожь тотъ боль г. докторъ признаваетъ добрымъ знакомъ ко оздравленію и ничимъ того болу неусмраетъ, которой г. докторъ съ лѣкаремъ прилѣжно его смотрятъ по своей профессіи и ежедневно бывають“. Но черезъ двѣ недѣли положеніе больного сильно измѣнилось къ худшему; 23 января Миновичъ съ товарищами извѣщали Ханенка и Гудовича, что здоровье обознаго стало совсѣмъ плохо: „нынѣ его вельможность сталъ слабъ, что въ силу великую можна, егда станетъ что говорить, рѣчей дослышаться; только жъ все чувствуетъ и разсужденія доброго. Повторно исповѣдъ и причастіе таятъ божественныхъ привялъ; потомъ же и маслосвятіе соборомъ отправлено, на исходъ души канонъ читанъ и отъ него со всякимъ внятїемъ слышанъ. И тое все отправлено съ его добраго званія и волѣ. Докторскихъ лѣкарствъ никакихъ (дней будетъ сѣмъ) не принимаетъ и ежели водою натуралною пожелаетъ закропиться (освѣжиться) то съ великою трудностію проколтнуть можетъ; а нынѣ уже и не можетъ. И по всему видно, что жизнь его зѣло близка къ смерти. А якое письмо до его высокорейхсъ графскаго сіятелства Алексѣя Григорьевича (Разумовскаго) отъ его вельможности написано и его рукою закрѣпленное, его вельможность просилъ, дабы тое написанное въ конвертѣ письмо его сіятелству сами ваши высокородіи вручить изволили“.—На другой день послѣ этого письма Яковъ Лизогубъ умеръ и похороненъ въ певской лаврѣ. Въ письмѣ своемъ Алексѣю Разумовскому, писанному за два дня до смерти, обознай просилъ заступничества дѣтямъ: нашего высокорейхсъ графскаго сіятелства чрезъ сіе нижайше прошу—оставшихся по моемъ отъ сея жизни отшествїи, наслѣдниковъ моихъ Григорія и Илію и унука Якова Лизогубовъ, яко вѣрныхъ подданныхъ ея импер. величества въ службѣ ея жи дѣйствительно обрѣтающихся, въ высокой содержать милости, какъ и мене надъ заслуги мои содержать изволили; и въ якихъ своихъ нуждахъ вашему сіятелству они свое нижайшее поднесутъ прошеніе, яко милостивій отецъ высокомилостиво за оными ходатайствовать и предстательствовать соблагоизволите“.

Изъ дѣтей Якова Лизогуба ни одинъ не выдѣлился изъ массы тѣхъ богатыхъ наслѣдниковъ, которые, получивъ обширныя маетности, поселялись въ нихъ и затѣмъ не искали уже никакихъ доходныхъ урядовъ. Поэтому и извѣстій объ этихъ людяхъ осталось очень мало, такъ какъ они не принимали почти участія

въ общественной жизни, мирно пользуясь достатками, нажитыми дѣдами и отцами.

Средній сынъ Якова Л--ба—Илья дослужился до полковничьяго чина русской службы, но остался такъ-же неизвѣстнымъ, какъ и другіе его братья. Замѣтенъ онъ былъ одною только своею женитьбою, такъ какъ первую жену онъ выбралъ не изъ мѣстнаго общества, а изъ „смоленской шляхты.“ Малороссійскіе паны познакомились съ смоленскою шляхтою посредствомъ браковъ, еще съ конца XVII в., такъ какъ младшій сынъ гетмана Самойловича—Яковъ былъ женатъ на смоленской шляхтянкѣ—Аннѣ Швейковской. Изъ смоленской шляхты—изъ фамилій Корсаковъ, Храповицкихъ и Энгельгардтовъ—выбрали себѣ женъ и всѣ три сына гетмана Апостола. Невѣсты изъ смоленской шляхты имѣли ту особенность передъ мѣстными невѣстами, что малороссійскіе женихи получали за смолянками въ приданое — „крѣпостныхъ“ крестьянъ, которыми малороссійское шляхетство очень дорожило, пока не получило возможности имѣть своихъ крѣпостныхъ. Илья Лизогубъ первымъ бракомъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Рачинской, за которою въ приданое также получилъ крѣпостныхъ крестьянъ, какъ видно изъ слѣдующей „заручной челобитной“ 1748 г. „Въетъ челомъ вдова Федора Иванова дочь стольника и ротмистра Ивановская жена Ильина сына Рачинскаго, обще съ дѣтьми своими смоленскою шляхтою, мы Самойло, Николай и Денисъ Ивановы дѣти Рачинскіе—въ прошломъ 1744 г. мы Федора—дочь свою, а мы Самойла, Николай и Денисъ—сестру свою родную Татьяву Иванову дочь Рачинсковну—выдали замужъ малороссійскихъ войскъ за бунчука товарища за Илью Лизогуба Яковлева сына, а въ приданое за нею въ то время кромѣ платья, указной части людей и крестьянъ не дано. А нынѣ мы по общему согласію—дали ей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ей въ вѣчное владѣніе, въ приданое бѣльскаго уѣзда юрьевской волости крѣпостныхъ своихъ крестьянъ на вывозъ изъ земли и изъ деревни Брагина Константина Федорова, изъ деревни Мартынова—Павла Терентѣева и т. д. (всего дано было мужчинъ—5 и женщинъ 7) и вышеписанныхъ вывозныхъ крестьянъ обоего полу ей, сестрѣ нашей, содержать на своихъ собственныхъ земляхъ и владѣть ими вѣчно—и дабы повелѣно было сіе наше челобитье въ полковую черниговскую канцелярію принять и записать въ книгу для вѣдома и владѣнія ей, сестрѣ нашей Татьянѣ Лизогубовой и дѣтямъ ея.“

Повидимому приданое въ 12 крестьянъ было не настолько значительно, чтобы искать его путемъ брака; однакожъ мы имѣемъ свѣдѣнія, что малороссійскіе богачи, владѣя сотнями дворовъ „посполитыхъ крестьянъ“, очень охотно покупали по два, по три человѣка крестьянъ „крѣпостныхъ“. Такъ охотно ихъ покупалъ напр. графъ Гаврила Рагузинскій, у котораго посполитыхъ крестьянъ было болѣе 1000 дворовъ. Покупали крестьянъ рѣдко у русскихъ помѣщиковъ, а больше—у той же смоленской шляхты, которая, не имѣя иногда средствъ чѣмъ и самой прокормиться, не говоря уже о крестьянахъ, сбывала послѣднихъ въ Малороссию—и семействами, и по одиночкѣ. чтобы затѣмъ на вырученные деньги купить хлѣба. Такъ въ 1735 г. мелкіе смоленскіе шляхтичи привезли на продажу въ Стародубъ нѣсколько семействъ своихъ крестьянъ, чтобы имѣть за что—купить хлѣба; крестьянъ этихъ купилъ гр. Гаврила Рагузинскій и заплатилъ за »бабу съ двумя дѣтьми«—13 рублей, за »двухъ хлопцовъ«—11 р., за »двухъ крестьянъ да жонку одну«—25 р.

Третій сынъ Ефима Яковлевича—Семень Лизогубъ былъ женатъ на Иринѣ Скоропадской, дочери гетмана отъ перваго его брака съ дочерью черниговскаго полковаго обознаго Никифора Каленикова. Не смотря на такую близость къ гетману, и этотъ сынъ генеральнаго обознаго—цѣлую жизнь остался бунчуковымъ товарищемъ. Причиною такого равнодушія со стороны Скоропадскаго къ зятю, была повидимому вторая жена гетмана—извѣстная Настасья Марковна, которая могла выхлопотать полковничьи уряды—брату Андрею и зятю Чарнышу (женатому на ея дочери отъ перваго брака съ Голубомъ), но препятствовала Скоропадскому удѣлить какой нибудь урядъ для мужа своей падчерицы.—Настасья Марковна видѣла въ Семенѣ Лизогубѣ опаснаго претендента на наслѣдство стараго гетмана и по возможности старалась оттѣснить и падчерицу, и мужа ея—отъ своей семьи. По смерти Скоропадскаго, споръ за его наслѣдство—между гетманшей и Семеномъ Лизогубомъ—сейчасъ же и возникъ; Настасья Марковна старалась затянуть дѣло о дѣлѣхъ наслѣдства и тянула его безпрепятственно пять лѣтъ.—Когда въ 1727 г. разрѣшено было выбрать преемника Скоропадскому, то поэтому случаю отправлены были въ Москву депутаты „съ благодарственными челобитными“. Въ число депутатовъ выбранъ былъ и Семень Лизогубъ. Узнавъ объ этомъ и боясь, что Лизогубъ станетъ въ Москвѣ жаловаться, вдова Скоропадскаго по-

спѣшила послать къ нему племянника Марковича съ предложениемъ мировой; при этомъ она предлагала Лизогубу только третью часть недвижимыхъ имѣній умершаго гетмана, да и то не прежде своей смерти. Лизогубъ требовалъ половину маетностей и 10 т. червонцевъ ¹⁾. Дѣло не сладилось. Лизогубъ обратился было къ новоизбранному гетману Апостолу за помощью въ раздѣлъ тестовскаго имѣнія, надѣясь, что по своей враждѣ къ Марковичамъ, гетманъ охотно возмется за это дѣло; но трудно было спорить съ ловкой Настасьей Марковной, которая, сама поѣхавъ въ Москву въ 1728 г., задарила тамъ вліятельныхъ людей и всѣми мужиными имѣніями пользовалась до своей смерти. Когда же Скоропадская умерла, Лизогубъ обратился къ дочери ея Ульянѣ Толстой и потребовалъ всѣхъ маетностей, находившихся въ черниговскомъ полку и 20 т. рублей деньгами. Но въ это дѣло опять вмѣшался Яковъ Марковичъ и помирилъ наследниковъ на томъ, что Лизогубъ согласился получить черниговскія маетности и часть одежды, болѣе дорогой, а отъ денегъ отказался. Поэтому раздѣлу Лизогубъ получилъ села Буровку, Выхвостовъ, Дроздовицу, Ваганичи и разные хутора, всего около 600 дворовъ ²⁾. Вмѣстѣ съ отцовскимъ наследствомъ у Семена образовалось богатство, мало чѣмъ уступавшее богатству его современниковъ—Андрея и Якова Полуботковъ, богаче которыхъ въ то время не было пановъ въ Малороссіи. Не долго только пришлось Лизогубу пользоваться этими богатствами; черезъ четыре года послѣ полученія тестовскихъ имѣній, онъ умеръ въ польскомъ походѣ въ 1734 г., въ Гродно, гдѣ былъ и погребенъ „въ Кляшторѣ Базиліановѣ, при пушечной и дробной стрѣльбѣ, съ церемоніей“.

Семень Лизогубъ оставилъ четырехъ сыновей, которые казалось могли бы удовольствоваться отцовскими богатствами. Но богатствъ этихъ казалось все еще мало и козакъ лизогубовскихъ маетностей сильно терпѣли отъ насилій этихъ самихъ Лизогубовъ. Два козакъ с. Буровки—Мужука и Лозовой жаловались въ 1742 г., что отцовъ ихъ взялъ къ себѣ въ услуженіе еще гетманъ Скоропадскій, а по смерти гетмана, и наследники его стали требовать „послушанія“ отъ нихъ уже, жалобщиковъ. Когда умеръ Семень Лизогубъ, Мужука и Лозовой, пользуясь тѣмъ случаемъ,

¹⁾ Записки Марковича I, 234.

²⁾ Т. Ж., I, 345 и 318.

что въ 1737 г., въ виду войны, русское правительство распорядилось—пополнить козацкіе полки посполитыми крестьянами,—выбились изъ лизогубовскаго подданства и стали по прежнему служить козацкую службу. Для полной безопасности отъ притязаній Семена лизогуба, получившаго на свою часть Буровку, Мужука и Лозовой выхлопотали себѣ въ Глуховѣ и указъ Румянцева о своемъ дѣйствительномъ козачествѣ. Но Семену Семеновичу Лизогубу жаль было выпускать изъ рукъ эти двѣ семьи, которыя уже были почти совсѣмъ заполнены въ крестьянство, а теперь ускользали изъ „подданства“. Лизогубъ поспѣшилъ захватить все имущество Мужуки и Лозоваго въ свои руки, а матерей ихъ „посади въ колодки, мучилъ съ пристрастіемъ“. Мужука и Лозовой поѣхали жаловаться въ сенатъ, по распоряженіи котораго произведено было слѣдствіе „о козачествѣ“ жалобщиковъ. Изъ Глухова слѣдствіе поручили произвести капитану Аристову и черниговскому судѣ Тимофею Сенютѣ, но послѣдніе „друзья и норвы Лизогубу, дозволили ему забрать, писали Мужука и Лозовой, и достальное наше имѣніе, а крѣпости на купленные земли и реестры что онъ Лизогубъ у насъ позабиралъ—пожитковъ лошадей, скота и грунтовъ,—взяли къ себѣ слѣдователи и по означенному нашему челобитью никакой резолюціи не учинили и крѣпость не возвратили. А прошлаго 1741 г. октября 15, онъ же, Лизогубъ, по еогласію показаннаго судьи Сенюты, продолжаетъ одинъ изъ жалобщиковъ, меня Мойсея Лозоваго, взялъ изъ козачьяго нашего двора къ себѣ насильно, въ домъ свой, привлекая въ подданство и понынѣ держитъ у себя въ домѣ, скованнаго въ кандалахъ и въ работѣ мучитъ, требуя, чтобъ я на все свое имѣніе и грунты далъ ему Лизогубу крѣпость“.

Въ заключеніе приводимъ родословный списокъ Лизогубовъ, хотя вѣроятно во многомъ не полный, но тѣмъ не менѣе достаточно уясняющій фамилыя отношенія этого стариннаго малороссійскаго рода къ таковымъ же другимъ.

1. *Кондрать Ивановичъ Лизогубъ*, козакъ м. Глемязова.
2. *Иванъ*, полковникъ Уманскій 1661. 1
3. *Яковъ*, полковникъ Каневскій 1662—74; эсаулъ генер. Дорошенка 1674; полковникъ Черниговскій 1687—1698. . . 1
4. *Целалея. М. Иванъ Гладкій*, сотникъ Децляевскій 1673 . . . 2

5. *Ефимъ*, хорунжій генер. 1688—98; полковникъ черниговскій 1698—1705. Ж. *Любовь Петровна Дорошенко* . . . 3
6. *Марья*. М. *Степанъ Бутовичъ*, эсаулъ генеральный. . . 3
7. *Домникія*. М. *Андрей Федоровичъ Кандиба*, судья генеральн. . . 3
8. *Дочь*. М. *Степанъ Томара*, полковникъ переяславскій. . . 3
9. *Андрей*, сотникъ конотопскій 1715—19; бунчуковый товар. 1737. Ж. *Прасковья Михайловна Миклашевская* . . . 5
- 10 *Яковъ*, бунчучный генер. 1717—29; обозный генер. 1729—49; † 24 января 1749. Ж. *Федора Ивановна Мировичъ* . . . 5
11. *Семень*, бунчук. товарищъ 1715—34. Ж. *Ирина Ивановна Скоропадская* 5
12. *Антонъ*, бунчук. товарищъ † 1725 9
13. *Евдокія*. М. 1, *Якимъ Кулябка*, бунчук. товар. 1725; 2, *Григорій Стороженко*, сотникъ ичѣнскій 9
14. *Марья*. М. *Петръ Валькевичъ*, эсаулъ генер. 9
15. *Елена*. М. 1, *Иванъ Пиковецъ*, сотникъ лукомскій 1750; 2, *Славуи Требинскій*, сербъ 9
16. *Татьяна*. М. 1, *Тимофей Лукьяновичъ Журавка*; 2, *Балтазаръ Ланкау*, капитанъ; 3, *Василій Ивановичъ Войниковъ*, майоръ 1748 9
17. *Иванъ*. Ж. *Анна Михайловна Корсакъ* 10
18. *Григорій*, бунчук. товар. 1751 10
19. *Илья*, бунчук. товар. 1744 полковникъ. Ж. 1, *Татьяна Ивановна Рачинская*; 2, *Катерина Яковлевна Якубовичъ*. Жилъ въ жевивомъ с. Липовомъ, роменск. у. Имѣнія: Липовое—71, Ясеновка—26, Березовка—26, Олава—10, х. Боровицкій—6, Коренецкая—6, Кр. Колядинъ—2, Пѣсковъ—112, Скугары—17, Велички—20, Рудня Гуковская—112, Мысы—23, Козлы—12, Седневъ—15 и проч. Всего 561 кр. м. и ж. 10
20. *Дочь*. М. *Михаилъ Сергѣевичъ Солонина*, сотникъ остерскій 1729 10
21. *Марья*. М. *Лаврентій Владиміровичъ Бороздна*, бунчук. товар. 1720—54. 10
22. *Елена*. М. *Иванъ Демьяновичъ Бутовичъ*, бунч. товар. . . 10
23. *Константинъ*, бунчук. товар. 1746—72. Ж. *Алафья Ивановна Новицкая*. Имѣнія: Полуботки, Пѣвцы, Ивашковка, Дроздовица, Ст. Гута и д. Александровская 11
24. *Василій*. Имѣнія: Слабинъ, Шестовица, Друцкіе, Яновка, Ладинка, Золотинка, Козороги, Гнилуша, Жеведь, Ан-

- дреевка, Велички, Тарасовичевскіе и Процковскіе, Гута, Антоновичи, Шибириповка 11
25. Семень, бунчук. товар. Ж. Анна Антоновна Танская. Имѣнія: Буровка, Выхвостовъ, Невкля, Ловинь. 11
26. Иванъ, бунчук. товар. Имѣнія: Семаки, Пересажъ, Петрики, Высокинъ, Осерѣйки, Зубахи, Каменское 11
27. Яковъ, бунчук. товарищъ 17
28. Иванъ, р. 1762, коллежскій ассесоръ 1805. Ж. Анна Васильевна Дунина-Борковская. Имѣнія: Седневъ, Куликовка, Займище, Невкля, Буровка (Сосницк. у.) Дуниновка (Золотон. у.) 27

Ал. Лазаревскій.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи)

1643—1651 г.

Въ рукописномъ отдѣленіи института имени Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 224 хранится рукопись, заключающая въ себѣ, въ числѣ другихъ историческихъ матеріаловъ, дневникъ, составленный въ половинѣ XVII столѣтія польскимъ дворяниномъ, Станиславомъ Освѣцимомъ; дневникъ этотъ по количеству, обстоятельности и подробности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній можетъ быть причисленъ къ важнѣйшимъ источникамъ для исторіи козацко польскихъ столкновеній, случившихся въ половинѣ XVII столѣтія. Польскіе историческіе писатели, составлявшіе монографіи объ этомъ событіи (Шайноха, Кубала и др.), пользовались извѣстіями Освѣцима, заимствуя изъ его дневника многіе факты и характеристики, но самый текстъ рукописи понынѣ не былъ изданъ. Желая восполнить этотъ пробѣлъ въ исторіографіи южно-русскаго края, мы предлагаемъ въ возможно точномъ переводѣ всѣ тѣ отрывки изъ записокъ Освѣцима, которые относятся къ исторіи юго-западной Руси, оставляя въ сторонѣ всѣ извѣстія дневника, относящіяся къ дѣламъ исключительно польскимъ, къ событіямъ, происходившимъ въ западной Европѣ и къ личнымъ и семейнымъ отношеніямъ автора. Не будемъ обременять изданія слишкомъ объемистымъ матеріаломъ, не имѣющимъ непосредственной связи съ исторіею южно-русскаго края. Для характеристики предлагаемаго матеріала мы считаемъ необходимымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о біографіи автора записокъ, на основаніи данныхъ, находящихся въ самомъ же дневникѣ, а также предпослать краткое описаніе рукописи, изъ которой извлечены предлагаемые отрывки.

Составитель дневника, Станиславъ Освѣцимъ, происходилъ изъ зажиточнаго дворянскаго семейства, владѣвшаго нѣсколькими помѣстьями въ краковскомъ воеводствѣ и въ Червоной Руси. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ походахъ, затѣмъ вышелъ въ отставку и проводилъ время то въ путешествіяхъ за границу, въ теченіи которыхъ онъ посѣтилъ въ нѣсколько пріемовъ: Турцію, Германію, Голландію, Францію и Италію, то на службѣ при дворѣ короля, Владислава IV. Онъ исполнялъ самыя многоразличныя функціи, по преимуществу же, пользуясь репутаціею опытнаго и ученаго педагога, онъ занималъ должность воспитателя молодыхъ магнатовъ (Конечпольскихъ); обязанность эту онъ исполнялъ вѣроятно съ большимъ успѣхомъ, судя потому, что король Владиславъ IV назначилъ его въ 1646 году будущимъ воспитателемъ своего сына; но судьба не дозволила Освѣциму занять эту должность, такъ какъ будущій его питомецъ скончался, не достигнувъ возраста, въ которомъ онъ долженъ былъ поступить подъ руководство педагога. Находясь на службѣ при дворахъ магнатовъ: Конечпольскихъ и Любомирскихъ, Освѣцимъ не ограничивался исключительно педагогическими занятіями; по временамъ онъ исполнялъ должности секретаря, начальника двора и просто придворнаго, приглашаемаго для сопровожденія мецената въ путешествіи и для его „компаніи“.—Изъ числа лицъ, у которыхъ принималъ службу Освѣцимъ, онъ особенно былъ близокъ съ великимъ гетманомъ короннымъ, Станиславомъ Конечпольскимъ, котораго дружбою, уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ онъ постоянно пользовался, и при которомъ онъ долго занималъ должности начальника его двора и интимнаго секретаря. Гетманъ Конечпольскій проживалъ постоянно, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, на границахъ Украины, отражая набѣги татаръ и наблюдая надъ поведеніемъ козаковъ, частыя возстанія которыхъ заставляли польское правительство и въ особенности гетмановъ зорко слѣдить за ними. Въ резиденціяхъ Конечпольскаго, въ Бродахъ и въ Барѣ, проживалъ съ нимъ вмѣстѣ и Освѣцимъ. Онъ составлялъ вмѣстѣ съ Конечпольскимъ проекты по дѣламъ внѣшней и внутренней политики для представленія королю; сопровождалъ его въ поѣздкахъ, предпринимаемыхъ по служебнымъ и частнымъ дѣламъ, и велъ его обширную корреспонденцію.—Служебныя занятія Освѣцима не мѣшали ему принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ въ качествѣ дворянина:

онъ посѣщаль сеймы и сеймики и отправлялся въ военные походы вмѣстѣ съ дворянами своего воеводства въ тѣхъ случаяхъ, когда призывалось на войну поголовное шляхетское ополченіе.

Среди своей многосторонней дѣятельности, Освѣцимъ почти ежедневно заносилъ въ свой дневникъ всё сколько нибудь выдававшіеся факты общественной жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ или которые доходили до его свѣдѣнія путемъ обширной переписки, веденной какъ лично имъ, такъ и тѣми лицами, при которыхъ онъ исполнялъ обязанности секретаря; уцѣлѣвшая, къ несчастью далеко не въ полномъ видѣ, часть этого дневника сохранилась въ рукописи, изъ которой мы извлекаемъ предлагаемые отрывки.

Фолиантъ, въ составъ котораго вошла рукопись Освѣцима, представляетъ большой томъ въ 1251 нумерованныхъ страницъ, но первыхъ 180 страницъ въ немъ недостаетъ. Рукопись эта представляетъ сборникъ отрывковъ, соединенныхъ въ одну книгу неизвѣстнымъ лицомъ, повидимому въ концѣ XVII столѣтія; въ составъ его вошли записки и замѣтки нѣсколькихъ лицъ, писанныя разными почерками XVII столѣтія частью на польскомъ, частью на латинскомъ языкахъ. Въ началѣ сборника однимъ почеркомъ записаны два дневника о дѣйствіяхъ двухъ польскихъ посланниковъ, отправлявшихся въ Турцію: Красинскаго въ 1636 году (стр. 181—208) и Мысковскаго въ 1640 г. (стр. 281—378); чистые листы, остававшіеся между обоими дневниками, частью (стр. 209—253) были исписаны въ концѣ XVII столѣтія (1691—1696) другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ; неизвѣстный собственникъ фолианта наполнилъ эти страницы всевозможными летучими замѣтками, сеймовыми и надгробными рѣчами, стихами и т. п., остальные страницы (254—282) остались чистыми.

Только съ 383 страницы начинается дневникъ Освѣцима, который и продолжается до конца рукописи. Дневникъ этотъ писанъ двумя различными почерками, отличными отъ почерковъ первой половины рукописи и чередующимися между собою соответственно самому содержанію рукописи: однимъ почеркомъ, принадлежащимъ, по всему вѣроятію, самому Освѣциму, записаны на польскомъ языкѣ всё извѣстія, относящіяся какъ къ его частной жизни, такъ и къ событіямъ общественнымъ и политическимъ, происходившимъ въ предѣлахъ речи посполитой; другимъ почеркомъ внесены на латинскомъ языкѣ многочисленныя извѣстія, почерпнутыя изъ корреспонденцій о событіяхъ, происходившихъ

за границами польскаго государства, а также подлинныя акты и письма, которые составитель счелъ нужнымъ переписать для своихъ записокъ въ качествѣ оправдательныхъ документовъ; этотъ второй почеркъ принадлежитъ вѣроятно писцу, которому Освѣцимъ поручалъ списывать копии съ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи.

Къ несчастью, дневникъ Освѣцима раньше, чѣмъ поступилъ во владѣніе лица, сохранившаго его въ составленномъ имъ сборникѣ, подвергся значительнымъ изъянамъ и многія части его были утеряны прежними владѣльцами: въ немъ недостаетъ ни начала, ни конца, въ серединѣ также утеряны значительныя отдѣлы. Въ дневникѣ уцѣлѣли только слѣдующіе годы: 1643, 1644, 1645. 1646, 1647, часть 1650 (январь, февраль и мартъ) и весь 1651; этотъ небольшой промежутокъ времени занялъ 868 страницъ *in folio*, записанныхъ сжатымъ почеркомъ.

Извлекая изъ дневника Освѣцима только тѣ извѣстія, которыя относятся къ южной Руси, мы сохранимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они расположены въ самой рукописи, причемъ, только въ видѣ краткаго перечня, укажемъ содержаніе опускаемыхъ нами отрывковъ текста.

В. А.

1643 г.

Въ началѣ помѣщены многочисленныя извѣстія, полученныя отъ корреспондентовъ гетмана Конецпольскаго, у котораго Освѣщимъ находился въ то время на службѣ; замѣтки о личныхъ дѣлахъ автора, и копіи рапортовъ, полученныхъ гетманомъ отъ его подчиненныхъ; въ числѣ послѣднихъ, списана копія изъ слѣдующаго письма ¹⁾).

Копія письма отъ его милости пана Николая Зацвилюховскаго, комиссара войска его королевской милости запорожскаго къ его милости, пану кастеллану краковскому, писаннаго изъ Трехтымирова 16 августа 1643 года ²⁾).

Сегодня я возвратился въ Трехтымировъ отъ князя его милости ³⁾), куда я ѣздилъ, какъ о томъ я уже доносилъ вашей милости, по причинѣ вторженія орды въ наши границы; появившисъ неожиданно, орда произвела большія опустошенія какъ въ имѣніяхъ князя, такъ и въ помѣстьяхъ вашей милости, въ области между Хороломъ и Сулюю. Не сомнѣваюсь, что объ убыткахъ, причиненныхъ вашей милости, панъ Гульчевскій не замедлитъ представить отчетъ. Орда появилась въ числѣ 4000 человекъ, подъ предводительствомъ Умерли-аги и двухъ его сыновей. Князь его милость, какъ я докладывалъ уже въ предыдущемъ письмѣ, имѣлъ уже свой отрядъ наготовѣ; онъ присоединилъ къ нему слугъ и

¹⁾ Стр. рукописи 422—423.

²⁾ Николай Зацвилюховскій носитъ титулъ „комиссара войска запорожскаго“; должность эту учредилъ Конецпольскій послѣ усмиренія имъ козацкаго возстанія, вспыхнуваша въ 1638 году подъ предводительствомъ Остриянина. Комиссаръ, назначаемый гетманомъ изъ польской шляхты, долженъ былъ управлять козаками вмѣсто выборнаго козацкаго гетмана (или „старшаго“, какъ его именовало польское правительство). Первымъ комиссаромъ назначенъ былъ Петръ Комаровскій, котораго смѣнилъ Зацвилюховскій. Письмо адресовано Конецпольскому, соединившему, по установившемуся обычаю, должности: великаго короннаго гетмана и кастеллана краковскаго.

³⁾ Это извѣстный впоследствии князь Еремія Михайловичъ Вишневецкій, жившій въ то время въ Лохвицѣ.

людей вашей милости и регестровыхъ козаковъ переяславскаго полка и успѣшно съ ними подвизался между Ревцемъ (sic) и Псломъ, за Сулою. Татары, узнавъ, что противъ нихъ двигается войско, хотя оно находилось еще въ двухъ миляхъ отъ нихъ, отправили впередъ свой кошъ съ ясыромъ и добычею и оставили позади „заставу“ въ 700 лошадей подъ начальствомъ Байранъ-Кази, старшаго сына Умерли-аги. Этотъ Байранъ-Кази по приказанію своего отца управлялъ всѣмъ войскомъ, потому что отецъ, хотя и находился при отрядѣ, но былъ уже очень старъ и слѣпъ. Князь его милость быстро стянулъ часть своего войска и разгромилъ татарскую заставу. Байранъ-Кази, раненный выстрѣломъ, попалъ въ плѣнъ и много отборныхъ татарскихъ воиновъ легло въ этомъ сраженіи; затѣмъ пошли въ погоню за уходившимъ кошемъ и гнались за нимъ на разстояніи двухъ миль. Татары, убѣгая, обезглавили многихъ плѣнниковъ, остальныхъ-же принуждены были бросить; нѣсколько десятковъ татаръ захвачены въ плѣнъ. Четыре дня спустя послѣ этого погрома Байранъ-Кази умеръ въ Дохвицѣ отъ раны. Отправляясь послѣ сраженія въ обратный путь, князь оставилъ отрядъ въ 200 человекъ для погребенія погибшихъ въ бою и для захвата въ плѣнъ отстававшихъ отъ коша татаръ; они привели съ собою трехъ плѣнниковъ, со словъ которыхъ явствуетъ, что въ погоню за остатками бѣжавшей орды отправился изъ-за московскаго рубежа отрядъ въ 3,000 человекъ, который принялся разыскивать бѣглецовъ въ лѣсахъ и болотахъ. Словомъ, по благословенію Господа, враги не только не успѣли угнать плѣнныхъ и увезти добычи, но и сами едва-ли возвратятся домой изъ похода. Врага этого разгромили счастливо съ Божьею помощію августа 6-го дня.

Въ рукописи слѣдуетъ извѣстіе объ отправкѣ въ Турцію посланника Бѣгановскаго и списаны копіи данныхъ ему грамотъ и инструкцій. Затѣмъ Освѣщимъ помѣстилъ дневникъ своего путешествія съ гетманомъ Конещольскямъ изъ Бара въ Гадячъ и обратно. Дневникъ этотъ ¹⁾ выписываемъ цѣликомъ, какъ богатый матеріалъ для исторической топографіи края, не лишенный по временамъ и цѣнныхъ историческихъ извѣстій, пропуская лишь многочисленныя извѣстія объ иностранныхъ событіяхъ, которыя Освѣщимъ вписывалъ изъ получаемыхъ корреспонденцій, во время остановокъ, случавшихся на пути.

Сентября 21. Вслѣдствіе рѣшенія его милости папа краковскаго, желавшаго посѣтить и обревизовать свои украинныя по-

¹⁾ Стр. рукописи 433—460.

мѣстья, мы выѣхали изъ Бара. Ночевали въ трехъ миляхъ, въ мѣстечкѣ Межировѣ, принадлежащемъ къ барскому староству.

22. Проѣхавъ 4 мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Красномъ, принадлежащемъ его милости пану старостѣ калусскому.

23. Проѣхавъ 2 мили, отдыхали въ селѣ Торкахъ. Въ двухъ миляхъ оттуда ночевали въ мѣстечкѣ Тульчинѣ.

24. Ночевали въ Александровѣ, мѣстечкѣ, принадлежащемъ его милости (Концепольскому).

25. Выѣхавъ изъ Александрова, мы, въ 1½ мили остановились отдыхать, въ мѣстечкѣ его милости (Концепольскаго)—Новгородъ. Здѣсь получено было извѣстiе отъ лазутчика нашего, Стефка, о томъ, что буджацкая орда стоитъ въ степи, готовясь выступить въ походъ. Получивъ это донесенiе, его милость отправилъ немедленно гонца къ е. м. пану старостѣ винницкому съ распоряженiемъ, чтобы онъ придвинулся къ нему съ тѣмъ войскомъ, которое находилось въ лагерѣ у села Плоскаго. Самъ его милость панъ гетманъ выѣхалъ утромъ слѣдующаго дня изъ Новгорода; проѣхавъ добрую милю, онъ отдохнулъ въ своемъ мѣстечкѣ Жабокричѣ, и, пообедавъ въ немъ, отправился въ дальнѣйшiй путь; проѣхавъ, не останавливаясь въ своей слободѣ на урочищѣ Крикливомъ, онъ прибылъ къ ночи въ свое мѣстечко Марковку, отстоящее въ 2 миляхъ отъ Жабокричъ и въ одно отъ Крикливаго.

27. Двинувшись изъ Марковки послѣ ранняго обѣда, мы расположились лагеремъ въ разстоянiи большой мили отъ нея, у мѣстечка и слободы Вербки, принадлежащихъ его милости; сюда собрались по приказанiю гетмана въ количествѣ болѣе 1000 всадниковъ тѣ люди, которые поселены въ украинскихъ городахъ, принадлежащихъ его милости, для охраны ихъ отъ татарскихъ набѣговъ; того же числа поздно вечеромъ прибылъ къ намъ и его милость панъ староста винницкiй съ своею конницею, оставивъ обозъ въ лагерѣ у Плоскаго.

30. Лазутчики, которыхъ гетманъ отправилъ было въ разныя стороны для собранiя точныхъ свѣдѣнiй, возвратились съ вѣстью, что враги, освѣдомившись о нашей дѣятельности и готовности дать отпоръ, отказались отъ своего намѣренiя произвести набѣгъ на королевскiя владѣнiя. Потому его милость отдалъ приказанiе войску возвратиться въ лагеръ у Плоскаго, самъ же отправился въ предпринятую поѣздку; онъ остановился ночевать въ мили отъ лагеря, въ своемъ мѣстечкѣ, Чечельникѣ.

Октября 1. Выѣхавъ рано изъ Чечельника, мы проѣхали 3 мили и ночевали въ Новогродѣ, гдѣ и прожили затѣмъ нѣсколь- ко дней.

5. Мы отправились изъ Новгорода въ дальнѣйшій путь въ Украину, по дорогѣ проѣзжали слѣдующія мѣстечка: въ разстоя- нии одной мили Тростянецъ, въ одной мили дальше—Четверти- новка, въ одной мили отъ нея—Ладыжинъ, гдѣ мы и ночевали. Мѣстечко это многолюдно, расположено надъ рѣкою Бугомъ.

6. Въ одной мили отъ Ладыжина—Рубиновка; проѣхавъ отъ нея полъ мили, мы обѣдали въ Айсына у его милости пана стар- осты винницкаго, у котораго мы прогостили весь слѣдующій день.

8. Въ полъ мили отъ Айсына мѣстечко Кислякъ, полъ мили дальше Гинча, въ одной мили оттуда—Рахвы—затѣмъ въ одной мили Грудокъ.

9. Въ трехъ миляхъ дальше—Оратовка, затѣмъ въ одной ми- ли Животовъ, гдѣ мы остановились для отдыха и ночлега.

10. Въ одной мили—село Войтовцы, три мили дальше мѣс- течко Тетіевъ, гдѣ мы отдыхали и ночевали.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Тетіева мѣстечко Ставище, тамъ устроенъ былъ отдыхъ и ночлеги.

12. Въ двухъ миляхъ отъ Ставищъ урочище Колодежа, на- зываемое иначе Налевайкова Крыница; въ двухъ миляхъ отсюда мѣстечко Косовата—здѣсь мы остановились на отдыхъ и ночлеги.

13. Въ четырехъ миляхъ отъ ночлега—мѣстечко Стеблевъ на рѣкѣ Роси, оно принадлежитъ къ курсунскому староству; мы остановились для отдыха и ночлега.

14. Отправившись послѣ обѣда изъ Стеблева, мы, проѣхавъ одну милю, достигли къ ночи города Курсуна, староства, при- надлежащаго его милости пану хорунжему коронному; здѣсь мы прожили нѣсколько дней. Во время этой остановки запорожскіе козаки чигиринскаго полка принесли жалобу его милости пану гетману на своего полковника ¹⁾, пана Закржовскаго, о томъ, что они терпятъ отъ него большія обиды и притѣсненія, которыми нарушаются права ихъ рыцарскаго сословія. Когда дѣло это разъяснилось передъ судомъ гетмана и передъ всѣми нами, пол- ковникъ былъ отставленъ отъ должности, но не подвергся болѣе

¹⁾ По распоряженію Конецпольскаго съ 1638 года всѣ козацкіе поля состояли подъ управленіемъ полковниковъ не выборныхъ, а назначаемыхъ гетманомъ изъ числа польскихъ шляхтичей.

тяжелому наказанію изъ вниманія къ великимъ заслугамъ, которыми онъ раньше отличился. На его мѣсто его милость назначилъ чигиринскимъ полковникомъ пана Кречовскаго.

18. Пріѣхалъ посолъ отъ силистрійскаго паши по нѣкоторымъ дѣламъ къ его милости; на слѣдующій день ему назначена была аудіенція и онъ былъ отправленъ; того-же числа и мы выѣхали изъ Корсуни; проѣхавъ двѣ мили, ночевали въ Осетровѣ, называемомъ иначе Сахновкою; поседеніе это расположено на берегу Роси у Сахнова моста.

20. Въ одной мили отъ ночлега мы отдыхали въ мѣстечкѣ Березковцахъ, называемомъ также Вольскаго Воля, лежащемъ на рѣкѣ Роси; корсунскій полковникъ, панъ Забокрицкій, котораго резиденція здѣсь находится, угощалъ насъ весьма радушно. Мы почевали въ двухъ миляхъ дальше, въ мѣстечкѣ Мліевѣ, гдѣ мы провели и весь слѣдующій день.

22. Мы проѣхали мѣстечко Орловець, лежащее въ двухъ миляхъ отъ ночлега, затѣмъ, проѣхавъ еще двѣ мили, мы отдыхали въ мѣстечкѣ, называемомъ Баклуй. Послѣ обѣда мы проѣзжали лежащее въ двухъ миляхъ отъ Баклуя, на рѣкѣ Серебрянкѣ, мѣстечко-слободу Константиновъ и въ одной мили отъ него мы остановились на ночлегъ въ мѣстечкѣ Тасьминѣ, которое недавно основалъ на рѣкѣ того-же имени, въ качествѣ слободы, его милость (Конецпольскій); здѣсь устроенъ громадныхъ размѣровъ прудъ, разливающийся на пространствѣ двухъ миль.

23. Проѣхавъ три большія мили по татарскому шляху среди дикой и пустынной мѣстности, мы достигли мѣстечка Жаботына, расположеннаго на рѣчкѣ Жаботинкѣ; здѣсь остановились для отдыха и ночлега.

24. Проѣхавъ двѣ большія мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Медвѣдовкѣ, послѣдней слободѣ, принадлежащей его милости въ этой области.

27. Въ полу мили отъ ночлега мы проѣзжали длинныя мосты, построенныя на болотахъ, которыя на весьма большомъ пространствѣ простираются здѣсь рядомъ съ русломъ рѣки Тасьмина; проѣзжавъ въ этотъ день пять миль, мы ночевали въ мѣстечкѣ Черкасахъ, расположенномъ на берегу Днѣпра. Здѣсь живетъ козацкій черкасскій полковникъ.

28. Переправившись послѣ обѣда черезъ Днѣпръ и проѣхавъ три мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ, называемомъ Арклуй, при-

надлежащемъ къ черкасскому староству; здѣсь ночью выпалъ первый снѣгъ весьма обильный.

29. Въ пяти миляхъ оттуда мы ночевали въ мѣстечкѣ Горошинѣ, лежащемъ на берегу рѣки Сулы, владѣннiи его милости князя Еремiи Вишневецкаго. Его милость панъ гетманъ, по причинѣ глубокаго снѣга и холоднаго вѣтра, остановился на ночлегъ въ трехъ миляхъ отъ Арклыя въ мѣстечкѣ князя Вишневецкаго — Боромлѣ.

30. Проѣхавъ большихъ шесть миль по дикимъ полямъ, мы ночевали въ городѣ Хоролѣ, владѣннiи князя Вишневецкаго, расположенномъ на рѣкѣ Хоролѣ.

31. Проѣхавъ четыре большiя мили, мы поспѣли къ обѣду въ городъ Миргородъ, лежащiй на рѣкѣ Хоролѣ и состоящiй въ державѣ ¹⁾ его милости (Концнопольскаго). Здѣсь мы прожили 12 дней.

Ноября 13. Выѣхавъ послѣ обѣда изъ Миргорода, мы ночевали въ четырехъ миляхъ отъ него въ мѣстечкѣ Рашавкѣ, на рѣкѣ Пслѣ, владѣннiи его милости (Концнопольскаго).

14. Въ двухъ миляхъ дальше мы ночевали въ Гадячѣ, состоящемъ въ державѣ и подъ управленiемъ его милости. Здѣсь мы провели и слѣдующiй день.

16. Проѣхавъ двѣ мили, мы миновали село Березовую Луку на рѣкѣ Хоролѣ, и въ двухъ миляхъ отъ него остановились для отдыха и ночлега въ мѣстечкѣ Бискахъ.

17. Проѣхавъ двѣ мили, мы прiѣхали къ обѣду въ городъ Лохвицу, расположенный между рѣками Лохвицею и Сулою, въ которомъ въ то время находилась резиденцiя его милости князя Вишневецкаго; онъ выѣхалъ на встрѣчу пану гетману и пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Мы прогостили у него слѣдующiй день.

19. Въ трехъ миляхъ отъ Лохвицы, мы ночевали въ мѣстечкѣ Чернухахъ, въ домѣ пана Мяковскаго.

20. Ночевали въ четырехъ миляхъ отъ Чернухъ въ мѣстечкѣ Пирятинѣ.

21. Въ полумили отъ Пирятина мы переправились черезъ рѣку Оржицу и, проѣхавъ еще 2¹/₂ мили, ночевали въ мѣстечкѣ Чумхакѣ, принадлежащемъ его милости (Концнопольскому).

¹⁾ „Державою“ называлось государственное имѣнiе, отданное частному лицу въ пожизненное владѣнiе, съ обязанностью уплачивать въ казну отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ дохода.

22. Въ двухъ миляхъ отъ Чумхака мы отдыхали въ селѣ Ташани и затѣмъ проѣхавъ еще 4 мили, мы прибыли въ городъ Переяславль, староство его милости, гдѣ прожили болѣе недѣли по причинѣ дѣла его милости.

Декабря 3. Послѣ того какъ его милость покончилъ дѣла, ради которыхъ пріѣхалъ въ Переяславль, мы двинулись въ дальнѣйшій путь и, проѣхавъ одну милю ночевали въ Трехтымировѣ. Нѣкогда здѣсь было мѣстечко, но оно разрушено нашими войсками во время войны съ своевольными козаками, возставшими многократно противъ рѣчи посполитой, такъ какъ во время бунтовъ Трехтымировъ составлялъ центръ для ихъ сборищъ. Теперь здѣсь осталось лишь небольшое сельце, расположенное вдоль самаго берега Днѣпра и крѣпостца, обнесенная полисадями, въ которой живетъ комисаръ рѣчи посполитой, назначенный, послѣ усмиренія козацкаго своеволія, начальникомъ реестровыхъ козаковъ, оставшихся въ послушаніи рѣчи посполитой; обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы сдерживать реестровыхъ козаковъ военною дисциплиною, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко слѣдить за тѣми, которые покушались бы вчинять какія либо своеволія и бунты. Здѣсь мы провели слѣдующій день.

5. Проѣхавъ пять большихъ миль по великой степи, мы ночевали въ мѣстечкѣ Каралыкѣ, расположенномъ на рѣкѣ того же имени.

6. Въ трехъ миляхъ отъ Каралыка мы отдыхали въ мѣстечкѣ Ольшанкѣ и ночевали въ одной миле дальше въ Рокитной.

7. Изъ Рокитной четыре мили до города и староства, Бѣлой Церкви, гдѣ мы ночевали. Такъ какъ здѣсь тогда квартировала хоругвь его милости пана краковскаго ¹⁾, то всѣ товарищи съ челядью выѣхали на встрѣчу его милости. Мы провели здѣсь слѣдующій день.

¹⁾ Пана краковскій есть тотъ же Конецпольскій, соединявшій должности: гетмана и кастеляна краковскаго; по установленному обыкновенію, въ титулѣ слово „кастелянъ“ обыкновенно опускалось въ неофициальной рѣчи. Хоругвью назывался отрядъ конницы, состоявшій изъ 20—25 „товарищей“, т. е. дворянъ, записавшихся на службу и получавшихъ жалованіе, въ счетъ котораго товарищи обязаны были содержать каждый 3 солдата, не дворянъ, такъ называемыхъ „шереговыхъ“ или „челядь“, которые входили вмѣстѣ съ товарищами въ строй хоругви. Если хоругвь получала жалованье не отъ правительства, а отъ частнаго лица, то носила имя этого лица, какъ и въ данномъ случаѣ.

9. Мы проѣхали три мили въ мѣстечко Ружинъ и затѣмъ еще двѣ мили въ Билиловку.

10. Въ трехъ миляхъ отъ Билиловки мы проѣзжали мѣстечка Губинъ и Збаражъ, расположенныя на двухъ противоположныхъ берегахъ одного пруда; затѣмъ, проѣхавъ еще три мили, мы ночевали въ городѣ Прилуку.

11. Въ трехъ миляхъ отъ Прилуки мы отдыхали въ городѣ и староствѣ Винницѣ.

12. Проѣхавъ три мили, встрѣтили мѣстечко Браиловъ, а затѣмъ еще въ одной мили—мѣстечко Межировъ, въ которомъ ночевали.

13. Отсюда, проѣхавъ три мили, мы къ обѣду достигли Бара; въ путешествіи этомъ мы провели цѣлыхъ 12 недѣль.

1644 г.

Начало года занято подробнымъ описаніемъ похода Женецпольскаго противъ Татаръ и отчетомъ о сраженіи съ ними у Охматова.—Эту часть дневника выпишемъ цѣликомъ ¹⁾).

Января 17. Его милость панъ краковскій давно уже получалъ многочисленныя предостереженія и достовѣрныя извѣстія какъ отъ господаря волошкаго, такъ и отъ своихъ лазутчиковъ о томъ, что татарскій ханъ готовится ворваться изъ Крыма въ государство короля его милости; потому онъ разослалъ привазанія хоругвямъ, квартировавшимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они передвинулись въ Украину на указанныя мѣста. Самъ гетманъ двинулся изъ Бара въ сопровожденіи своего двора и тѣхъ ихъ милостей, которыхъ полученныя извѣстія заставили вооружиться на службу рѣчи посполитой. Ночевалъ гетманъ въ Межировѣ.

18. Мы ночевали въ Винницѣ, куда пріѣхалъ панъ Кутновскій, драгоманъ и интимный секретарь господаря волошкаго; онъ въ 24 часа совершилъ путь изъ Яссы, чтобы сообщить вновь предостереженіе о томъ, что враги совершенно готовы къ походу.

19. Мы ночевали въ Комаровѣ у паніи Кропивницкой, жены брацлавскаго подсудка.

20. Проѣхавъ четыре большія, украинскія мили, мы nocte-

¹⁾ Стр. рукописи 485—523.

вали въ мѣстечкѣ Илинцахъ у князя Корецкаго, гдѣ насъ очень радушно принималъ его слуга, панъ Стоковскій.

21. Также радушно угощаль насъ въ Кальникѣ (въ 2 миляхъ отъ Илицеца) панъ Сосинскій. Здѣсь мы промедлили два дня, ожидая болѣе точныхъ извѣстій.

23. Въ двухъ миляхъ отъ Кальника мы прошли мѣстечко Балабановку и въ одной мили отъ него остановились въ мѣстечкѣ Княжа Крыница, принадлежащемъ князю Федору Четвертинскому. Не успѣли мы еще распложиться, какъ получено было извѣстіе (впрочемъ не достовѣрное) о приближеніи непріятеля; потому, не медля, мы двинулись впередъ и, пройдя двѣ мили, миновали мѣстечко Ваховую Греблю и полъ мили дальше мѣстечко Жубриху, лежащее на рѣкѣ Тыкичѣ; затѣмъ, пройдя еще полъ мили, мы ночевали въ мѣстечкѣ Бузовкѣ, имѣни его милости князя Доминика (Заславскаго).

24. Въ Бузовкѣ панъ краковскій прожилъ нѣсколько дней, расположивъ вблизи все войско. Панъ Голдаковскій, одинъ изъ управляющихъ украинными помѣстьями, прислалъ въ лагерь двухъ крымскихъ татаръ. Одинъ изъ нихъ—Мегметъ-Скирту, родомъ изъ окрестностей Перекопа, уже три года тому назадъ вышелъ изъ Крыма и находился на службѣ въ Очаковѣ у Муштафы-Кіия; другой Кулай, родомъ изъ села Мангута, оставилъ Крымъ пять лѣтъ тому назадъ и служилъ также въ Очаковѣ у Шабанъ-аги. Они показали, что они пойманы на рѣкѣ Телигулѣ, куда ходили добывать дрова. Они слышали, будто большой отрядъ крымскихъ татаръ выступилъ изъ Крыма подъ начальствомъ перекопскаго бей, который разгнѣванъ сильно тѣмъ, что у него угнали 4,000 лошадей; но они будто возвратились назадъ. Они сообщили также, что татарамъ бѣлгородскимъ и очаковскимъ запрещено подъ угрозю смертной казни выходить въ походъ и потому они вовсе и не собираются. Относительно буджацкихъ татаръ они ничего не знали: ни объ ихъ числѣ, ни о томъ, переправилась ли часть ихъ на нашу сторону (Днѣстра).

Того же дня панъ комисаръ войска запорожскаго прислалъ въ лагерь также пойманнаго татарина—Мехомета, родомъ изъ Сулнака, котораго поймали на Ирклеѣ; четыре недѣли тому назадъ онъ поступилъ на службу къ повару султана Нуредина; по словамъ его, онъ ходилъ съ товарищемъ добывать дрова въ близи своего отряда; отрядъ Нуредина состоялъ только изъ 150 всадниковъ, все-же остальное войско отправилось въ Польшу;

онъ не знаетъ количества татаръ, вышедшихъ изъ Крыма, но утверждаетъ, что они увезли съ собою всѣхъ лучшихъ лошадей и кобылицъ въ походъ, ибо получили приказъ выступать поголовно. Начальниками похода состоятъ: Тугай-мурза—бей перекопскій и Темиръ-ага, казначей султана Нуредина; калаузомъ всего войска (т. е. проводникомъ) назначенъ Гумерь-ага, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ мѣстностью этой страны. Войско отправилось по приказанію хана; Перекопскій бей имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ, если Днѣпръ покрытъ льдомъ, переправиться на сю сторону, въ противномъ же случаѣ сдѣлать набѣгъ на той сторонѣ.

26. Во вторникъ панъ краковскій получилъ извѣстіе въ Бузовкѣ о приближеніи татаръ; для предостереженія войска онъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки; но такъ какъ извѣстіе не было исполнѣе достоверно, то войско въ этотъ день не тронулось изъ своихъ квартиръ; оно выступило въ походъ только ночью съ вторника на среду. Пройдя четыре мили по страшному холоду, мы на разсвѣтѣ остановились въ мѣстечкѣ Ставицахъ, ожидая болѣе точныхъ извѣстій. О полученіи таковыхъ, равно какъ и о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ будетъ сообщено ниже подробно, при описаніи сраженія съ татарами.

30. Послѣ долгаго ожиданія, наконецъ мы дождались прихода татаръ и съ Божьею помощью одержали надъ ними побѣду. Подробности ея изложены въ слѣдующей запискѣ:

Подминная записка о побѣдѣ, одержанной кастелляномъ краковскимъ, летманомъ великимъ короннымъ 30 января подъ Ахматовымъ и Вороннымъ надъ войскомъ татарскимъ, бывшимъ подъ начальствомъ Тугай-бея перекопскаго и Муфтаза-аги.

Гетманъ получилъ увѣдомленіе отъ своего слуги, котораго онъ посылалъ къ хану требовать удовлетворенія за набѣгъ татарскій, совершенный на заднѣпровіи въ прошломъ году, о томъ, что ханъ имѣетъ враждебныя намѣренія противъ державы его королевской милости и что онъ собирается двинуться въ походъ лично, не выжидая обычнаго времени года и не обращая вниманія на строгій запретъ, полученный изъ Царьграда, немедленно послѣ бейрама, который приходился 8 декабря. Гетманъ отправилъ изъ лагеря къ Днѣпру часть войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, поручивъ ему зорко слѣдить за движеніями непріятеля на обоихъ берегахъ Днѣпра. Другую часть войска, расположенную въ брацлавскомъ воеводствѣ, онъ поручилъ, по

причинѣ болѣзни воеводы брацлавскаго, гетмана польнаго короннаго, пану старостѣ вивницкому, поручивъ ему наблюденіе надъ шляхами: Кучманомъ и Чорнымъ. Затѣмъ гетманъ довелъ до свѣдѣнія короля о предстоящей опасности и оповѣстилъ все войско приказомъ, чтобы оно было на готовѣ къ походу и чтобы товарищи не отлучались отъ своихъ хоругвей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ публиковалъ универсалы въ гродскихъ урядахъ, предостерегая жителей объ опасности и совѣтуя имъ вести себя предъусмотрительно и осторожно; затѣмъ отправлены были письма къ тѣмъ панамъ, которые обыкновенно доставляли свои милиціи въ помощь королевскому войску, приглашая ихъ принять участіе въ предстоящей кампаніи. Когда стали приходять новыя извѣстія какъ отъ лазутчиковъ, такъ и изъ Запорожьи отъ бѣглыхъ плѣнныхъ о томъ, что татарскія войска уже двинулись въ походъ, отправлено было приказаніе къ хоругвямъ расположеннымъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, чтобы они къ 27 числу декабря прибыли въ Винницу. Пока собирались отряды войска и отдыхали послѣ поспѣшнаго перехода, 13 января лазутчики принесли извѣстіе о томъ, что ни ханъ, ни султанъ (Калга) не пойдутъ лично, но что они отправили въ походъ всю крымскую силу и даже ханскій дворъ (вовсе не оставивъ въ Крыму гарнизона), подъ начальствомъ Тугай-бей перекопскаго, Мустаза-Аги и Умерли-Аги, пользовавшихся въ Крыму репутаціею самыхъ храбрыхъ и дѣльныхъ воиновъ. Они уже 3 января заняли переправу черезъ Днѣпръ у Тавани. Ханъ уклонился отъ похода потому, какъ онъ утверждалъ, что онъ не могъ притянуть къ нему ногайцевъ и Большой орды, прикочевавшей отъ Астрахани, и Малой; ногайцы отказались отъ похода, утверждая, что они опасаются нападенія калмыковъ на свои кочевья и, по приказанію турецкаго султана, должны оберегать Азовъ; притомъ ханъ не желалъ отправляться въ походъ, чтобы явно не дѣйствовать вопреки запрету турецкаго султана, передъ которымъ онъ отправку войска представилъ въ такомъ видѣ, будто оно послано не для войны съ Польшею, а лишь для возврата стада, угнанныхъ козаками; кажется впрочемъ, что самая важная причина, заставившая хана и султана (Калгу) воздержаться отъ похода, заключалась въ томъ, что они не довѣряли себѣ и не желали подвергаться риску попасть въ безславіе и немилость турецкаго султана и предпочли поручить дѣло тѣмъ лицамъ, которыхъ почитали болѣе себя мужественными и распорядительными.

Итакъ татарскіе предводители направились, какъ выше было сказано, къ переправѣ у Тавани, но не нашли здѣсь возможности перейти на другой берегъ Днѣпра, ибо середина рѣки не замерзла, а ледъ держался широкою полосою только у береговъ. Они пытались однако переплыть рѣку, но дѣло кончилось лишь тѣмъ, что они искалѣчили множество лошадей, ибо, переплывъ русло, они не могли взобраться на ледъ, окаймлявшій противуположный берегъ.

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ гонецъ отъ чигиривскаго полковника, находившагося въ то время вмѣстѣ съ полкомъ своимъ на Запорожьи, и присланы два плѣнные татара, захваченные Забускимъ, отправленнымъ для развѣдокъ изъ Запорожья. Всѣ они согласно показывали, что орда, не успѣвши переправиться въ Тавани, пыталась также тщетно искать переправы у Каиры и на Носаковскомъ перевозѣ и, наконецъ, двинулась вверхъ по Днѣпру къ Кучкасову.

Еще раньше полученія этихъ извѣстій, панъ гетманъ двинулся изъ Бара 17 января, въ сопровожденіи пана подчашія короннаго, начальниковъ артиллеріи: Арцишевскаго и Гродзицкаго, пановъ: Свраковскаго, Хсинскаго и многихъ другихъ, по большей части молодежи, возвратившейся недавно изъ службы военной за границею, и охотно предложившей свое участіе въ кампаніи для услуги его королевской милости. Узнавъ отъ лазутчиковъ, что непріятель намѣренъ ворваться Чернымъ шляхомъ, гетманъ назначилъ сборный пунктъ для войска у мѣстечекъ, расположенныхъ близко другъ отъ друга: Бузовки, Жубрихи, Зеленаго Рога и Вороннаго; собравшись въ этой мѣстности 23 января, войско съ нетерпѣніемъ ожидало появленія врага.—Другая часть войска, стоявшая у Днѣпра, подъ начальствомъ князя Вишневецкаго, сосредоточилась, по приказанію гетмана, въ имѣніи того-же князя—мѣстечкѣ Мошнахъ, откуда наблюдали оба берега Днѣпра; туда прибылъ панъ кастелянъ кіевскій (Александръ Пясечинскій) съ хоругвями, квартировавшими въ черниговскомъ воеводствѣ, и стянулъ свои полки панъ комиссаръ войска запорожскаго. Получивъ извѣстіе о томъ, что орду видѣли между лѣсомъ Болтысомъ и Лебединомъ, и полагая, что татары пойдутъ по той дорогѣ, по которой ворвался было четыре года назадъ султанъ Калга подъ Корсунъ, князь Вишневецкій передвинулся изъ Мошенъ въ Корсунъ. Панъ гетманъ придвинулся также въ ту сторону, желая преградить путь татарамъ, и 27 янва-

ря, на разсвѣтѣ, пришелъ въ Ставища. Здѣсь получено было извѣстіе отъ князя Вишневецкаго и отъ пана комиссара войска запорожскаго о томъ, что къ нимъ пріѣхалъ сотникъ чигиринскаго полка, отправленный изъ Запорожья съ извѣстіемъ, что орда, выждавъ два дня въ Кучкасовѣ, пока ледъ не окрѣпъ, переправилась черезъ Днѣпръ; сотникъ на пути своемъ наткнулся на нее у верховьевъ Саксагани и на Ингульцѣ и чуть было не попалъ въ плѣнъ; онъ утверждалъ, что 23 января онъ видѣлъ лично, какъ орда направилась къ Ингулу. Гетманъ повѣлъ это движеніе, такъ какъ онъ хорошо знакомъ съ топографіею той мѣстности, и остановился въ Ставищахъ, ожидая дальнѣйшихъ вѣстей о движеніи непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ получено извѣстіе отъ корсунскаго подстаросты, что орду видѣли за Лебединомъ на берегу рѣки Выси; сообщеніе это обрадовало всѣхъ насъ, выждавшихъ съ нетерпѣніемъ непріятеля и опасавшихся, чтобы онъ не возвратился за Днѣпръ и не пошелъ по Муравской дорогѣ.

Въ теченіи двухъ дней разъѣзды наши ничего новаго не сообщали. Гетманъ послалъ приказъ князю Вишневецкому, чтобы онъ съ своимъ войскомъ шелъ по направленію къ Бояркѣ, затѣмъ 29 января онъ отправилъ для рекогносцировки королевскаго ротмистра, пана Шемберка, съ нѣсколькими десятками всадниковъ: волоховъ и (польскихъ) татаръ; съ ними отправился по приказанію черниговскаго воеводы (Мартина Калиновскаго) его слуга, панъ Суловскій, отлично знающій ту мѣстность и всѣ ея урочища. Отрядъ этотъ на Царскомъ Бродѣ, на рѣкѣ Тыкичѣ, встрѣтилъ бѣгущую стражу, которая сообщила о наступленіи орды. Панъ Шемберкъ послалъ извѣстіе объ этомъ гетману, но самъ остался въ полѣ, желая добиться болѣе точнаго указанія и, если возможно, возвратиться съ языкомъ¹⁾; дѣйствительно ожиданіе его не обмануло: ему удалось ночью подойти къ татарамъ и вблизи самого ихъ коша захватить двухъ языковъ; уже за полночь онъ доставилъ ихъ въ Ставища. Изъ разспросовъ языковъ мы получили достовѣрныя свѣдѣнія какъ о числѣ ихъ войска, такъ и о его пачальникахъ, совершенно согласныя съ прежними извѣстіями. Гетманъ немедленно приказалъ готовиться войску, отправилъ два подѣзда слѣдить за непріятелемъ, извѣ-

¹⁾ „Языкомъ“ называли перехваченнаго изъ непріятельскаго войска солдата, у котораго спрашивали о числѣ и движеніяхъ враговъ.

стиль князя Вишневецкаго о томъ, чтобы онъ шелъ къ Ахматову, и самъ туда-же поспѣшно направился.

30 января, въ субботу, на разсвѣтѣ мы двинулись со Ставищъ; день былъ теплый, погода ясная и веселая смѣнила бывшіе до того сильные вѣтры и морозы, что сочтено было нашими хорошимъ предзнаменованіемъ. Войско выступило съ большою охотою, благодаря которой, среди поспѣшности похода, произвело смятеніе. Панъ гетманъ, давъ распоряженіе о порядкѣ распределенія войска и табора и поручивъ наблюденіе полковникамъ, самъ съ пріятелями и дворомъ своимъ отправился къ передовому отряду; на пути онъ послалъ слугу своего, пана Хмелецкаго, къ пану старостѣ винницкому (Одрживольскому), который, въ качествѣ старшаго полковника, управлялъ таборомъ, съ порученіемъ наблюдать за порядкомъ табора и построить въ боевой порядокъ охранявшія его хоругви, слишкомъ растянувшіяся по дорогѣ; исполняя это распоряженіе, винницкій староста приказалъ хоругвямъ стать въ строй впереди табора, но онъ, предполагая, что непріятель уже показался, увлекаемая излишнею охотою къ битвѣ и не появивъ приказанія и намѣреній гетмана, а также не ожидая окончательной команды, бросились впередъ съ большимъ крикомъ, сами не зная на кого. Гетманъ, находившійся въ передовомъ отрядѣ, услышавъ шумъ, остановился, стараясь разгадать его причину; когда мы увидѣли хоругви, мчавшіяся съ большимъ крикомъ, всѣ мы съ гетманомъ бросились къ нимъ, полагая, что враги напали съ боку. Узнавъ, что вся тревога произошла по ошибкѣ, гетманъ выразилъ порицаніе войску за его легкомысліе, но, не желая смущать солдатъ въ виду предстоящаго сраженія, похвалилъ ихъ отвагу, хотя и неумѣстную, и напомнилъ имъ, что впредь они должны вести себя осторожнѣе и не бросаться безъ гетманскаго приказанія. Затѣмъ онъ лично вновь построилъ войско и мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Когда мы прошли уже половину дороги въ Ахматовъ, прибѣжалъ гонецъ отъ пана Олдаковскаго, шедшаго впереди съ отрядомъ гетманскихъ людей, съ извѣстіемъ, что онъ уже имѣлъ стычку съ татарами и что орда подступаетъ къ Ахматову; вскорѣ потомъ п. Олдаковскій прислалъ татарскаго языка; который подтвердилъ это извѣстіе; онъ притомъ сообщилъ: что бей перекопскій также захватилъ языка, у котораго спрашивалъ о гетманѣ и его войскѣ; плѣнникъ сказалъ, что гетманъ располагаетъ двумя

войсками, услышавъ это, бей повѣсилъ носъ. но когда плѣвникъ сказалъ, что оба наши войска вмѣстѣ менѣе трети татарскаго, онъ развеселился; затѣмъ бей рѣшилъ остановиться на мѣстѣ, отдохнуть, хорошо покормить лошадей и на слѣдующій день на разсвѣтѣ ударить на насъ. Войско тѣмъ охотнѣе продолжало путь, но, когда мы уже подошли къ Ахматову, внезапно опустился густой туманъ, покрывшій насъ почти мракомъ ночнымъ; враги однако увидѣли наше войско, построенное въ таборѣ, и оно показалось имъ очень большимъ и грознымъ; впрочемъ этотъ таборъ столько-же смутилъ непріятеля, сколько и намъ причинилъ затрудненія, ибо когда войско прошло мѣстечко, частью въ обходъ полемъ, частью по льду и по крутизнамъ, таборъ и артиллерія должны были переправляться по плохой плотинѣ въ мѣстечкѣ, что заняло очень много времени. Наконецъ войско наше расположилось у Ахматова; въ тоже время кошъ татарскій расположился у Ворянаго, по ту сторону рѣчки Тыкича. По причинѣ тумана и трудной переправы нельзя было тотчасъ атаковать непріятеля, но пока артиллерія и таборъ переправлялись, всадники герцомъ (т. е. въ разсыпную, по одиночкѣ) сражались съ татарами, при чемъ много ихъ было убито и много взято въ плѣнъ.

Между тѣмъ гетманъ построилъ войско въ боевой порядокъ: чело онъ сдалъ въ управленіе пану старостѣ винницкому, на правомъ крылѣ помѣстилъ людей пана воеводы краковскаго (Станислава Любомирскаго), на лѣвомъ пана воеводы черниговскаго и князя Корецкаго, въ центрѣ расположилъ главный корпусъ арміи: свой полкъ гетманскій подъ начальствомъ хорунжіа короннаго, полкъ польнаго гетмана (Николая Потоцкаго) подъ начальствомъ воеводича брацлавскаго (Казановскаго), и отряды: старосты каменецкаго и старосты снятинскаго; всѣ они добивались мѣста впереди, въ чемъ и не получили-бы отказа, если бы не предстояла необходимость образовать резервъ, къ которому присоединены были также отряды: князя конюшіа короннаго, старосты калускаго и пановъ Немиричей. Часть артилеріи, подъ начальствомъ пана Гродзицкаго поставлена на правомъ крылѣ, впереди ея пѣхота подъ начальствомъ королевскаго капитана Кохана, а позади половина табора подъ начальствомъ п. Волинскаго; бокъ табора прикрывалъ полкъ драгунъ, подъ начальствомъ Денгоффа; на лѣвомъ крылѣ точно также расположена была артиллерія, пѣхота и другая половина табора, подъ начальствомъ п. Бржухан-

скаго, прикрывали-же ее отряды п. Гродзицкаго и другихъ. Наконецъ сзади строй былъ замкнутъ 500 гетманскихъ драгунъ и четырьмя сотнями козаковъ, съ пушками на краяхъ линіи.

Между тѣмъ непріятели, горя нетерпѣніемъ узнать наше расположеніе, переправились черезъ рѣчку и напали на охотниковъ, которые, не смотря на запретъ, выскакивали къ нимъ изъ рядовъ; они должны были отступить передъ татарами; на выручку имъ гетманъ послалъ свой полкъ подъ начальствомъ старосты винницкаго, который быстро прогналъ татаръ съ большимъ урономъ; за послѣдними ихъ отрядами ротмистры королевскіе Ковальскій и Вѣтровскій, съ своими хоругвями, гнались до самаго коша и безъ значительной потери возвратились назадъ.

Въ это время сталъ подыматься закрывавшій насъ туманъ, какъ-бы по Божьему изволенію; рѣшено было двинуть все войско въ атаку; но въ ту минуту прибѣжалъ къ гетману королевскій ротмистръ п. Маркъ Гдешинскій, посланный отъ кастеляна кіевскаго, князя Вишневецкаго, и отъ комиссара войска запорожскаго, съ просьбою подождать ихъ прибытія и назначить мѣсто въ строю для ихъ отрядовъ. Когда туманъ нѣсколько разсѣялся, они увидѣли нашъ таборъ, но не узнали его, и, полагая, что наткнулись на непріятельское войско, обнажили оружіе и съ большимъ крикомъ бросились къ табору. Услышавъ крикъ и полагая въ свою очередь, что приближаются татары, обогнувъ наше войско и очутившись позади его, мы стали обращать хоругви назадъ, и начальникъ артиллеріи, панъ Гродзицкій, приказалъ на нихъ направить пушки. Только приблизившись къ табору, они узнали насъ, и наши также, услышавъ звукъ трубъ и бубновъ, сообразили, что приближается другая половина нашего-же войска подъ начальствомъ князя Вишневецкаго; гетманъ, не имѣя времени подробно заняться распредѣленіемъ вновь прибывшихъ отрядовъ, помѣстилъ всѣ на лѣвомъ крылѣ. Въ то-же время прибыли также съ противоположной стороны гетманскіе люди изъ Мліева и другой отрядъ, подъ начальствомъ пана Калискаго, съ береговъ Давѣстра.

Послѣ привѣтствій, гетманъ, не желая долго оттягивать сраженія, двинулъ войско къ переправѣ; заставши здѣсь часть непріятельской конницы, онъ приказалъ немедленно атаковать ее пану Чарнецкому, поручику хоругви краковскаго воеводы, пославъ подъ его командою нѣсколько хоругвей гусаръ безъ копій;

они напали на татаръ съ такимъ азартомъ, что разсѣяли ихъ, не дозволивъ даже опомниться.

Не менѣе храбро двинулись на лѣвомъ крылѣ кievскій ка-стеллянь и князь Вишневецкій; но такъ какъ переправа была тѣсна, то первоначальный строй они должны были видоизмѣнить и павъ воевода черниговскій перешелъ съ лѣваго крыла на правое. Лишь только переправились, они двинулись столь стремительно на врага, что онъ не устоялъ; собственно сражались только тѣ изъ нашихъ, которые имѣли болѣе быстрыхъ коней. Задніе отряды бѣжали быстро въ слѣдъ за передними, оставивъ позади таборъ, двигавшійся въ больпомъ порядкѣ, къ которому примкнулъ также таборъ козацкій; они съ завистью взирали на участіе переднихъ рядовъ въ сраженіи. Непріятель оказалъ весьма слабое сопротивленіе и почти сразу обратился въ бѣгство; войско наше преслѣдовало его на протяженіи нѣсколькихъ миль, устилая трупами поле и угоняя многихъ въ плѣнъ; многіе татаре, побросавъ все, даже лошадей, бѣжали пѣшкомъ въ лѣсъ; остальные спаслись, благодаря только темнотѣ наступившей ночи.

Съ перваго взгляда видно было, что главная причина слабости татаръ состояла въ томъ, что лошади ихъ были крайне изнурены; плѣнники рассказывали, что они шли въ теченіи 45 дней по выгорѣвшей степи и притомъ во время сильнѣйшихъ морозовъ; лошади ихъ до того ослабѣли, что, если-бы оставалось еще хотя два часа дня, ни одинъ человекъ не спасся-бы бѣгствомъ. Въ погоню за разбитыми врагами отправленъ павъ комиссаръ войска запорожскаго съ отрядомъ въ 5,000 человекъ, чтобы преслѣдовать и уничтожить остатки орды по мѣрѣ возможности. Но татаре переправились черезъ Синюю Воду (здѣсь множество ихъ погибло, ибо ледъ обломался подъ передними рядами, которые потонули; задніе-же переправились по ихъ трупамъ какъ по плотинѣ) и въ степи раздѣлились на три отряда: одинъ направился къ Днѣпру, другой къ Очакову, третій въ буджацкія степи; наши, утомивши своихъ лошадей, не могли гнаться за ними, такъ какъ они не знали, который отрядъ нужно было преслѣдовать.

Трудно расчитать, сколько татаръ убито было въ битвѣ; тѣхъ, которые пали въ началѣ сраженія, сами татаре снесли въ мельницу и въ нѣсколько домовъ и сожгли; тѣхъ-же, которые погибли во время погони, считать было затруднительно. Плѣнныхъ

было множество какъ у гетмана, такъ и у всѣхъ павовъ, имѣвшихъ свои отряды; ихъ ни у кого не отымали. Гетманъ могъ-бы уничтожить всю орду, если-бы дозволилъ ей пройти далѣе внутрь страны и распустить загоны; въ такомъ случаѣ онъ могъ легко уничтожить кошъ и затѣмъ по одиночкѣ истреблять загоны, но онъ предпочелъ охранить гражданъ отъ разоренія и прогнать врага отъ самаго рубежа государства, чѣмъ приготовить для него худшую гибель. Впрочемъ и постигшее ихъ поражение достаточно чувствительно, за что воздадимъ хвалу Господу, оказавшему покровительство нашему оружію. Не оправдалась польская поговорка, что трудно поразить татарина у входа въ государство—легко-же у выхода, когда онъ обремененъ добычею; теперь случилось наоборотъ: побѣда была одержана, по милости Божьей, храбростью королевскаго войска не внутри государства, а на самомъ его порогѣ.

Татары плѣнные на допросахъ показали слѣдующія подробности. Самъ ханъ и султанъ Калга имѣли первоначально намѣреніе отправиться въ походъ, но потомъ, изъ опасенія турецкаго султана, остались въ Крыму; они призвали къ оружію всѣхъ татаръ, которые собирались въ походъ весьма охотно; такъ какъ въ то время года лошади ихъ не находились дома, а въ стадахъ, то они должны были первоначально отправиться плѣшкомъ къ стадамъ, везя съ собою сѣдла на возахъ. Состояли татары подъ начальствомъ лучшихъ крымскихъ вождей: Тугай бея черекопскаго, Муртазы-аги и Гумерь-аги, который служилъ калаузомъ (проводникомъ) всего войска, какъ человекъ, знающій отлично географическое расположеніе нашихъ областей. Когда орда достигла Жолтыхъ Водъ, начальники пересмотрѣли войско, и всѣхъ тѣхъ, у кого не было хорошихъ лошадей и вооруженія, отправили обратно въ Крымъ, оставивши лишь 20,000 отборной конницы. Начальники татарскіе имѣли слѣдующія инструкціи отъ хана: 1) не подходить къ Бѣлгороду (Аккерману), изъ опасенія, чтобы многіе татары не сбѣжали въ ту область изъ нежеланія возвращаться въ Крымъ; гдѣ тогда свирѣпствовалъ голодъ; 2) избѣгать сраженія съ польскимъ войскомъ и ограничиться лишь такимъ количествомъ добычи, которая могла-бы вознаграждать татаръ за тѣ стада, которыя недавно угнали у нихъ запорожскіе козаки, и, получивъ это удовлетвореніе, немедленно возвращаться домой. Въ походъ принимали участіе многіе мурзы и другія знатныя лица, а именно: Ахметъ-мурза, командовавшій

отрядомъ въ 2000 людей, Темиръ-Ага, казначей султана Нуредина Ибасъ-Азуликъ, братъ хана, Ширинъ-мурза и пять его братьевъ Инджуйтъ-мурза и семь его братьевъ, 10 родныхъ братьевъ Джантимиръ-бега, братъ Мехметъ-аги—Шаколы-мурза съ шестью родственниками, Челъзуйтъ-мурза съ семью братьями и много другихъ мурзъ, наконецъ, весь дворъ хана.—Изъ малой ногайской орды было 800 человекъ; это тѣ ногайцы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжали подъ предводительствомъ одного мурзы въ крымскіе предѣлы, въ то время, когда ихъ орда подчинилась московскому правительству. Изъ буджацкой орды было 300 человекъ, которые пришли позже всѣхъ.

Тѣ же плѣнные татары рассказали, что, послѣ выхода изъ Крыма, они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ находились въ походѣ, и бейрамъ праздновали на пути; черезъ Днѣпръ они переправились въ Кучкасовъ. За сутки до сраженія они знали о приближеніи нашего гетмана съ войскомъ, но рѣшились дать битву и не отступать, не испробовавши силъ; потому они и не отпускали въ сторону загоновъ. Однако въ самый день сраженія они его не ожидали, но имѣли намѣреніе этотъ день посвятить отдыху, и только на слѣдующее утро атаковать нашу армію, вопреки вышеприведенной ханской инструкціи. Наконецъ они показали, что въ первой стычкѣ съ герцовниками участвовало только 500 татаръ, но во второй стычкѣ, у мельницы, сражался отрядъ въ 6000 человекъ.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ подробный перечень польскаго войска и приводятся цифры солдатъ, бывшихъ въ каждомъ отрядѣ, и имена знатныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ битвѣ. Сумма всего польскаго войска достигала цифры 19,130 человекъ при 22 лущкахъ; въ томъ числѣ „войска запорожскаго“ 4,000 человекъ и польской стражи при комиссарѣ и полковникахъ козацкихъ 650 человекъ. Изъ числа контингентовъ, доставленныхъ частными лицами, самый многочисленный—3,000 человекъ принадлежалъ князю Еремѣю Вишневецкому.

Февраля 6. Одержавъ вышеописанную счастливую побѣду надъ татарами, мы возвратились въ Баръ.

Остальная часть дневника за 1644 годъ посвящена Освѣщимъ описанію его поѣздокъ съ гетманомъ изъ Бара въ Броды, изъ Бродовъ въ Краковъ, по случаю церемоніи погребенія королевы, и въ отпускъ домой, въ краковское воеводство по личнымъ дѣламъ.

1645 годъ занятъ описаніемъ поѣздки вмѣстѣ съ Конецпольскимъ на сеймъ въ Варшаву и, затѣмъ, поѣздки въ Парижъ, куда Освѣдимъ ѣздилъ съ порученіями отъ короля, по случаю сватовства и вторичнаго королевскаго брака.

1646 г.

Января 20 ¹⁾). Въ это время татары, собравшіеся въ походъ еще въ концѣ осени, не находя возможности ворваться въ предѣлы нашего государства, вслѣдствіе готовности къ отпору нашего войска, направились во владѣнія московскія, гдѣ произвели значительныя опустошенія. Гетманъ польный, воевода брацлавскій (Николай Потоцкій), опасаясь, чтобы они на обратномъ пути не опустошили заднѣпровской Украины, расположилъ коронное войско на перепутьи, на муравской дорогѣ; но намѣреніе его не увѣнчалось успѣхомъ по причинѣ сильныхъ морозовъ, вслѣдствіе которыхъ войско его понесло чувствительныя потери, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма, писаннаго имъ къ краковскому кастеляну (гетману Конецпольскому) изъ Ахтырки 19 января.

„Я доносилъ вашей милости нѣсколько разъ въ теченіи моего похода объ извѣстіяхъ, которыя я получалъ о движеніи непріятелей, теперь же вкратцѣ сообщу о результатѣ нашихъ трудовъ. Лишь только небо дозволило мнѣ переправиться черезъ Днѣпръ, я сталъ наблюдать за движеніями врага, угрожавшаго въ равной мѣрѣ какъ московскимъ, такъ и нашимъ границамъ, и ускорилъ свой походъ, сообразуясь съ полученными извѣстіями и желая вмѣстѣ и охранить границы государства, и пріобрѣсти добрую славу, пользуясь воодушевленіемъ войска и тѣхъ ихъ милостей, которыя въ большомъ количествѣ послѣшили на службу Рѣчи Посполитой. На пути я получилъ извѣстіе, что враги ворвались въ московскіе предѣлы и уже въ теченіи трехъ недѣль опустошаютъ окрестности Путивля, Бѣльска (Бѣлгорода?), Курска и комаринскую волость. Опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи въ московскомъ государствѣ, они не вздумали поживиться на нашъ счетъ, я направился на муравскую дорогу и сталъ зорко наблюдать, ожидая обратнаго ихъ шествія. Когда московскія власти извѣстили меня объ отступленіи татаръ, я двинулся изъ Ахтырки на Мерлу, желая перехватить ихъ у Рогозянки; но, когда я сталъ помышлять о движеніи изъ Мерла на муравскую дорогу, случился столь сильный морозъ и пошли такіе холода, что не было никакой возможности тронуться съ мѣста; между тѣмъ татары прошли мимо нашей стоянки въ 2½ миляхъ. Множество людей и лошадей погибло отъ мороза, такъ что всѣ почти наши люди пострадали

¹⁾ Стр. рукописи 825—828.

отъ неблагопріятнаго климата. Испытавъ такое нерасположеніе неба, я долженъ былъ съ большимъ горемъ, простоявъ безъ воды два дня на Мерлѣ, отступить назадъ и распредѣлить войска на зимнія квартиры, принявъ мѣры, чтобы отряды шли въ порядкѣ, не притѣсняя жителей. На сколько могу сообразить, бѣдствіе, постигшее московскія области, было предназначено свыше, ибо Господь и ихъ лишилъ храбрости, вслѣдствіе чего они не сразились съ врагомъ, хотя хвалились многочисленнымъ войскомъ, и намъ не дозволилъ оказать имъ помощи; когда ко мнѣ пріѣзжали ихъ гонцы съ извѣщеніями, я спрашивалъ ихъ, почему они не отражаютъ татаръ; они указывали, какъ на единственную причину, на отсутствіе распорядительности. Орда вышла изъ московскихъ предѣловъ обремененная добычею; полагаю однако, что мало ею воспользуется, ибо лошади ихъ сильно падали, и много плѣнниковъ погибло отъ морозовъ; татаре угоняли въ плѣнъ людей, скота-же вовсе не трогали, и его слѣдовъ не замѣчено было на пути, куда они проходили. Захваченные татарскіе языки передавали, что они вовсе не ожидали непріязненныхъ дѣйствій со стороны нашего войска, ибо ханъ, отправляя ихъ въ походъ, обезпечилъ ихъ въ этомъ отношеніи, называя короля своимъ братомъ и воспретивъ имъ касаться малѣйше нашихъ границъ. По словамъ того-же языка, татаръ было въ походѣ 30,000. Наше войско было очень храбро настроено и многочисленно, какъ это видно изъ справки, которую прилагаю при семъ для свѣдѣнія вашей милости, съ поименованіемъ лицъ, по охотѣ присоединившихся къ войску. Что-же дѣлать, если Господу не угодно было предать въ наши руки враговъ! Въ числѣ другихъ отличился готовностью къ военной службѣ панъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій, сынъ гетмана), принявшій охотно на себя значительную долю моихъ трудовъ среди столь тяжелой стужи; надѣюсь что онъ будетъ и впредь процвѣтать на славу своего рода и въ утѣшеніе вашей милости. Описавъ чистосердечно наши бѣдствія, утѣшаюсь лишь тѣмъ, что враги не причинили никакого вреда государству короля его милости и уразумѣли, что королевское войско всегда готово отразить ихъ нападеніе; они будутъ помнить храбрость нашего войска, находившагося въ пустынѣ и, если прежде опасались испытаннаго королевскаго счастья и извѣстной распорядительности вашей милости, то впредь еще больше будутъ бояться, увѣрившись, что королевское войско оберегаетъ границы даже на муравской дорогѣ.—Кромѣ языковъ, о которыхъ я сообщилъ, во-

лохи князя Вишневецкаго поймали одного черкеса и 10 татаръ, посланныхъ съ грамотою султана Нуредина къ царю московскому; содержаніе грамоты состоитъ въ томъ, что султанъ требуетъ дани за 10 лѣтъ и угрожаетъ, въ случаѣ неполученія ея, вновь предпринять набѣгъ черезъ 40 дней, когда лошади его отдохнутъ.“

Затѣмъ слѣдуетъ справка о числѣ войска, участвовавшаго въ походѣ въ колычевѣ 14,500 человекъ, съ распредѣленіемъ его на отряды, и перечень лицъ, доставившихъ свои континенты; въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ князь Еремія Вишневецкій, явившійся во главѣ отряда въ 4000 человекъ.

Остальная часть дневника за 1646 годъ заключаетъ слѣдующія свѣдѣнія: приведенъ текстъ пасквиля, напечатаннаго іезуитами противъ извѣстнаго историческаго писателя, каменецкаго епископа, Павла Пясецкаго, и отвѣтъ послѣдняго на этотъ пасквиль. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе торжества при бракосочетаніи короля. 11 марта записано извѣстіе о смерти гетмана Конецпольскаго, описаны его похороны и внесены надгробныя рѣчи, сказанныя разными лицами; затѣмъ Освѣцимъ передаетъ содержаніе политическихъ плановъ, составленныхъ Конецпольскимъ относительно завоеванія Крыма и устройства козаковъ, и цѣликомъ приводитъ секретную записку, посланную гетманомъ королю по этому поводу. Дальше сообщено о назначеніи великимъ короннымъ гетманомъ Николая Потоцкаго, при чемъ приводится составленный на него пасквиль; затѣмъ описана коронація королевы и за сѣданія собравшагося сейма, заставившаго короля отказаться отъ задуманной имъ войны съ Турціею.

Изъ извѣстій, записанныхъ подъ 1647 годомъ, болѣе подробно разсказано дѣло о сочиненіи аріанна Шляхтинга, въ которомъ авторъ оспаривалъ догматы Св. Троицы; за изданіе этой книги онъ былъ заочно приговоренъ къ смертной казни, лишенію чести и конфискаціи имущества, всѣмъ-же аріанамъ приказано закрыть школы и училища и истребить типографіи. Потомъ слѣдуетъ дѣло князя Януша Радзивилла, обвинявшагося въ томъ, будто онъ приказалъ опрокинуть крестъ, стоявшій на его землѣ. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о смерти королевича и о предзнаменованіяхъ, предвѣщавшихъ ее.

1648 и 1649 года не сохранились въ рукописи; 1650-го года уцѣлѣла только частіца, за то весь 1651 посвященъ весьма подробному описанію войны съ Хмельницкимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБОМЪ М. А. МАКСИМОВИЧА.

„Что-бъ за жизнь была безъ пѣсень,
Безъ поэзіи святой!“

М. Максимовичъ.

Въ нашей журналистикѣ верѣдко встрѣчались и встрѣчаются жалобы на невниманіе наше къ извѣстнымъ дѣятелямъ литературы. Съ другой стороны—объ этихъ дѣятеляхъ иногда появляются такія мелочи во многихъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, что, читая ихъ, невольно подумаешь: „ну, это для затычки свободной страницы.“ Намъ не хотѣлось-бы впадать ни въ ту, ни въ другую крайность. Удѣляя самое живое вниманіе характернымъ подробностямъ о жизни нашихъ писателей, мы постараемся группировать ихъ въ нѣчто связанное и цѣльное.

Въ настоящій разъ мы хотимъ остановить вниманіе читателя на альбомѣ М. А. Максимовича (1804—1873). Не знаемъ, были-ли подобные альбомы у его товарищей по университету, но самъ онъ, добродушный, романтикъ по натурѣ и по времени, не могъ обойтись безъ альбома. Онъ даже придавалъ ему большое значеніе; это видно, во 1-хъ, изъ того, что онъ далеко не всѣмъ своимъ знакомцамъ удѣлялъ мѣсто въ немъ („*dedié à l'amitié*“—сказано въ немъ на заглавномъ листкѣ), а, во 2-хъ, изъ того, что Максимовичъ, начавъ его въ 1824 году, не разставался съ нимъ почти до самой смерти своей.

Два слова о вѣншности альбома. Это небольшая книжка въ 68 разноцвѣтныхъ листковъ, въ 16 долю, въ родѣ альманаховъ 20-хъ годовъ, но слишкомъ обрѣзанная и глядящая какой-то „*курзузой*“, по выраженію одного изъ вкладчиковъ ея. Переплетенная въ сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ, вся уже сильно изветшавшая, она самимъ видомъ своимъ показываетъ, что владѣлецъ ея часто

носилъ ее въ своемъ карманѣ. Листки альбома украшены 15-ю рисунками, которые несомнѣнно имѣли въ свое время многозначное значеніе—историческое, символическое, сердечное; между рисунками встрѣчаются и портреты, къ сожалѣнію, не подписанные.

Составъ альбома—стихи, проза, оригинальные и переводные, выписки, подписи, даже рецепты. Вкладчики избирали себѣ въ немъ мѣсто по произволу. Мы, конечно, не станемъ передавать всего содержанія альбома во всей его прихотливой беспорядочности, а остановимся только на пьесахъ наиболѣе интересныхъ и имѣющихъ *историко-литературное* значеніе; при этомъ мы будемъ приводить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми поясненіями; въ такомъ видѣ статья наша можетъ получить значеніе матеріаловъ для біографіи достойнаго писателя и человѣка.

Альбомъ начинается въ 1824 году. Въ это время мы видимъ Максимовича въ Москвѣ; онъ уже кандидатъ физико-математическаго факультета, но добровольно записывается еще въ медицинское отдѣленіе и въ то-же время издаетъ „*зоологію*“, по Окену. Книга эта обратила на него вниманіе ученаго міра, доставила ему дружбу кн. Одоевскаго (1803—1869) и профессора М. Г. Павлова (1793—1840). Кн. Одоевскій написалъ на книгу Максимовича лестную рецензію, самъ отыскалъ его въ кандидатскихъ нумерахъ стараго зданія московскаго университета и ввелъ его въ литературный кружокъ свой. Соотвѣтственно характеру книги Максимовича, князь первый написалъ ему въ альбомъ пьесу слѣдующаго содержанія:

„ОДИССЕЕВЪ КОНЬ“.

„Вы, вѣрно, знаете, друзья мои, милаго, простодушнаго Каллинова. Знаете, какимъ слабоуміемъ, истинно-завиднымъ въ наше время, одарила его природа. Вы, вѣрно, помните, что сдѣлалъ онъ, захотѣвши предаться Морфею: какъ положилъ подъ голову глиняный сосудъ; какъ сосудъ показался ему жесткимъ; какъ, чтобы сдѣлать свое изголовье годнымъ къ употребленію, онъ вздумалъ набить его соломой.“

„Про этого самаго Каллинова я нашелъ странное сказаніе въ одной древней рукописи; ученые комментаторы увѣряютъ, что она подложная, но чего они не выдумаютъ! Рукопись, вопреки всѣмъ этимъ господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ тѣхъ воиновъ, которые были засажены старикомъ Одисеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.“

„Отяготѣвъ отъ даровъ Вакховыхъ, Каллинонъ безопасно потягивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и темно теперь на свѣтѣ!“ говоритъ онъ своему товарищу.

— Не вѣкъ здѣсь бытъ!—отвѣчалъ ему воинъ—придетъ время, и мы выйдемъ отсюда; приготовляй оружіе...

„Выйдемъ? Куда?“

— На свѣтѣ! въ Трою!

„И—кто тебѣ сказалъ объ этомъ!“—возразилъ Каллинонъ, засмѣявшись; „я давно уже смотрѣлъ во всѣ стороны и теперь твердо увѣрился, что и Греція, и Троя, и цѣлый свѣтъ, все здѣсь, въ этомъ желудкѣ; и больше ничего не существуетъ и существовать не можетъ“....

„Вы, смѣтаетесь, друзья мои, рѣчи простодушнаго Каллинона, но берегитесь! Смотрите, какъ смѣхъ вашъ распевелилъ Каллиноновъ нашего времени, какъ грозно выглядываютъ они на васъ изъ своихъ желудковъ, въ которые спрятались съ головой и съ ногами.“

Не имѣя подъ рукою журналовъ двадцатыхъ годовъ, мы не можемъ опредѣлить, на какія литературныя лица намекаетъ эта бойкая пьеска кн. Одоевскаго Въ собраніи его сочиненій (Спб. 1844) мы ея не встрѣчаемъ. По привычкѣ ли, или въ знакъ особой дружбы къ Максимовичу, кн. Одоевскій вписалъ свою притчу въ альбомъ красными чернилами.

Въ то-же самое время, рядомъ съ пьеской кн. Одоевскаго, тѣми-же красными чернилами, вписаны слѣдующіе три отрывка, которые мы относимъ, по внимательномъ сличеніи почерка, профессору М. Г. Павлову:

„Ничто, ничто не утопаетъ

Въ рѣкѣ катящихся вѣковъ:

Душа героевъ вылетаетъ

Изъ позабытыхъ ихъ гробовъ

И наполняетъ бардовъ струны

И на тирановъ шлетъ народные перуны“.

(Греческая пѣснь, 4-я строфа).

„Все во вселенной—и цѣль, и къ лучшему высшему средство“ (Θεοδιцея).

„Volenti nil difficile (мой девизъ)“.

Къ литературному кружку кн. Одоевскаго принадлежалъ В. П. Титовъ (бывшій потомъ посломъ въ Константинополь); онъ въ томъ же году помѣстилъ въ альбомѣ переводъ девятой оды

Горація, съ подписью: „дек. 30, 1824, Лондонъ № 12 (конечно—гостиница московская). Максимовичъ въ это время лежалъ больной, возвратившись изъ своей ботанической экскурсіи по московской губерніи.

„КЪ ТАЛІОРХУ“.

(Изъ Горація: „Vides ut alta“... etc.).

Смотри: бѣлѣтъ вдалекѣ
 Соракѣ, свѣгами покровенный,
 Лѣса, подѣ игомѣ ихъ согбенны;
 И воды мразѣ сковалѣ въ рѣкѣ.
 Умѣримѣ хладѣ! мы дровѣ разложимѣ груды.
 Четырехлѣтнее вино, о царѣ пировѣ,
 Лей изѣ сабинскаго сосуда!
 Оставимѣ прочее на произволѣ боговѣ.
 Рекутѣ—и бурный вѣтрѣ мгновенно
 На морѣ стихнетѣ разъяренный:
 Не заколышетѣ ни дубѣ, ни кипарисѣ.
 Заутра будетѣ что съ тобою,
 Извѣдывать страшишь.
 Какимѣ ни будешь днемѣ ты награжденѣ судьбою,
 День новый прибылью считай!
 О, юноша! не презирай
 Ни иѣжныя любви, ни пѣсней; наслаждайся,
 Доколѣ свѣжѣ цвѣтѣ жизни твоей
 И старость далека съ угрюмой сѣдиной.
 На полѣ марсовомѣ, въ ристалищахѣ являйся;
 Вдали ташцейся молодой красы внимай
 Шептанье тихое, въ полдочный часѣ условной;
 Прислушивай ея измѣнникѣ—смѣхѣ... срывай,
 Въ залогѣ любви, кольцо съ руки легко упорной!“

(Напомнимъ читателямъ, что позднѣйшіи переводы этой же оды Горація они могутъ встрѣтить въ книгѣ А. Фета „Оды Горація“ (Спб. 1856, стр. 10); а по сличеніи съ подлинникомъ могутъ убѣдиться въ относительномъ достоинствѣ переводовъ).

Около той-же поры познакомился съ Максимовичемъ И. В. Кирѣевскій и ввелъ его въ домъ матери своей, А. П. Елагиной (1789—1877). Максимовичъ до конца жизни своей вспоминалъ съ величайшимъ наслажденіемъ объ этомъ домѣ—

„Республикѣ привольной
У красныхъ у воротъ“,

объ этой женщинѣ, такъ радушно и достойно согрѣвавшей молчаливаго дарованія во всѣхъ видахъ искусства и науки. Скоро Максимовичъ тамъ „пришелся ко двору“, и А. П. Елагина постоянно считала его однимъ изъ ближайшихъ друзей своихъ.

Въ февралѣ 1825 года, предъ новой поѣздкой Максимовича по московской губерніи, А. П. Елагина вписала ему на память, на первой страницѣ альбома, стихотвореніе Жуковскаго:

„Друзья! прости—словцо святое“!

Оно тогда еще не было напечатано и было новинкой для Максимовича и радостнымъ знакомъ теплаго чувства. Мы не приводимъ его здѣсь, такъ какъ оно было уже напечатано въ 1859 г. въ „Русской Бесѣдѣ“ и вошло въ позднѣйшія собранія стихотвореній Жуковскаго (въ изд. 1878 г., т. 1, стр. 221).

Съ легкой руки А. П. Елагиной, московскія дамы явились самыми усердными вкладчицами въ альбомъ Максимовича и до конца жизни его они остались искренними его почитательницами. Успѣхъ Максимовича въ дамскомъ обществѣ понятенъ всѣмъ, кто зналъ его лично; для другихъ-же скажемъ, что онъ, при доброй, любящей душѣ своей, былъ „соловей рѣчи и соловей неумолкаемый“. Любили его и товарищи, и чуть ли не всѣ знавшіе его, особенно такіе впечатлительные, восторгавшіеся люди, какимъ былъ, напр., С. Е. Раичъ (1792—1855), родной братъ кievскаго митрополита Филарета (скон. 1857 г.) и наставникъ въ русской словесности многихъ извѣстныхъ писателей (въ томъ числѣ А. Н. Муравьева). Раичъ въ 1825 г. написалъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее стихотвореніе:

АМЕЛА (Viseum album)

Есть растение на землѣ,
Но земля въ роскошномъ лонѣ
Отреклась его питать,
И—бездомное—на клѣнѣ,
Иль на дубѣ въковомъ
Приютясь, цвѣтетъ и зрѣетъ
И пернатымъ сладкій плодъ
На вѣтвяхъ своихъ лелѣетъ.

* *
*

Есть созданья на землѣ—
 Чада высшаго рожденья,—
 Часто имъ пріюту нѣтъ
 У дѣтей роскошныхъ тлѣнья;
 Всѣмъ просторно на земли;
 Лучшимъ въ мірѣ—въ мірѣ тѣсно...
 Чада Божьи, не роптать!
 Домъ вашъ тамъ—въ дали небесной!“

Пьеска Раича намекала на судьбу самого Максимовича, который два года по окончаніи курса не получалъ никакого мѣста, да и потомъ читалъ лекціи за *ректора* Двигубскаго *безмездно*. Четыре послѣдніе стиха пьесы Раича Максимовичъ повторялъ очень часто, особенно въ послѣдніе годы своей горькой жизни.

1825-й годъ является самымъ обильнымъ въ альбомѣ по стихамъ и рисункамъ. Наиболѣе усердной вкладчицей явилась нѣкая А.....ра Ш.....ва (Шаликова?): она вписала нѣсколько пьесъ, въ стихахъ и въ прозѣ, нарисовала цвѣты и вышила шелками на бумагѣ вѣтку клубники; къ этой работѣ прибавила и стихи:

„Вотъ вышита клубника вамъ
 И—неискусною рукою.
 Природѣ трудно подражать
 И тó изображать иглою,
 Что на увлажненной землѣ
 Согрѣто солнца теплотою,
 Росло и зрѣло на стеблѣ
 И украсило лугъ собою.
 Но здѣсь она не для красы,
 Здѣсь вышита съ желаньемъ,
 Чтобы въ свободные часы
 Служила вамъ воспоминаьемъ“.

Къ ея рисунку (Розы) Надеждинъ приписалъ слѣдующіе прекрасные четыре стиха, которыми постоянно восхищался Максимовичъ, какъ ботаникъ и поэтъ:

„Цвѣты, поэзія луговъ,
 Поэзія, цвѣты пустынной дебри нашей,
 Вы изо всѣхъ земныхъ даровъ
 Свѣжей, роскошнѣе и краше“.

Извѣстныя писательницы той поры, сестры Г..... (Готовцевы) тогда-же внесли въ альбомъ по стихотворенію. Наталія Г. писала:

„Лучь ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
 Но тьма подь сяннемъ и холодъ въ волнахъ,
 Младья лавиты румянцемъ горять;
 Но червыя думы духъ юный мрачатъ.

*
 * *

Есть думы о прежнемъ,—ихъ ядъ роковой
 Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;
 Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
 Не радуеть радость, печаль не крушитъ.

*
 * *

На срубленной вѣтвѣ такъ вянетъ листокъ,
 Напрасно въ дубровѣ шумитъ вѣтерокъ
 И красное солнце леть радостный цвѣтъ.—
 Листокъ зеленѣеть, а жизни въ немъ нѣтъ!“—

Пьеса, какъ видите, отзывается излишней субъективностію, въ духѣ той поры, когда любили распѣвать о грусти сердца, о разочарованіи жизнью и проч. Богѣ кстати для альбома и съ болѣшимъ поэтическимъ чувствомъ писала другая Г., Марія:

„Какъ поздней осенью послѣдніе цвѣты
 Задумчивой душѣ весну напоминають;
 Какъ пурпурной зари живыя красоты
 Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;
 Какъ древней надписи нестертыя черты
 Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:
 Такъ книги памятной священные листы
 Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяють
 И блага лучшія и лучшія мечты
 Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскрешають“.

Кромѣ писателей и ученыхъ, у Максимовича много было искреннихъ друзей въ ряду безвѣстныхъ его знакомыхъ или товарищей, съ которыми сходилъ онъ по душевному сродству и съ которыми долго поддерживалъ занимательную и теплую переписку. Изъ нихъ нѣкто Ясновскій написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки, характеризующія самого Максимовича:

„И я, другъ мой, великость челоуѣка полагаю въ обыкновенной жизни, не удаленной отъ вѣчнаго направленія всего частнаго. Дай руку, пойдемъ въ общій путь жизни и расходясь будемъ всегда вмѣстѣ“.

Но Максимовичъ умѣлъ внушать уваженіе и дружбу не только постороннимъ лицамъ, но и роднымъ своимъ, обыкновенно всегда требовательнымъ и почти всегда неблагодарнымъ. Въ этомъ смыслѣ для характеристики Максимовича любопытны строки матери его, которую посѣтилъ онъ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ:

„Пишу, мой другъ, тебѣ въ альбомъ сердечное мое желаніе, чтобы ты былъ всегда здоровъ и доволенъ собой самимъ, людьми и своею судьбою, и думалъ, что счастье свое найдешь не въ столицѣ, но на своей родинѣ, въ кругу семейства и въ присутствіи матери твоей, которая полагаетъ въ тебѣ *все свое утѣшеніе и сердечную отраду*. Вотъ, милой мой Мишель, все, чего я желаю тебѣ и о чемъ прошу Бога“.

Позднѣе—приписалъ отецъ Максимовича на той-же страницѣ:

„Всѣхъ благъ и счастья въ мірѣ желаетъ доброму сыну нѣжно любящій отецъ А. М—чъ“.

Въ 1826 г. А. Бюргеръ (издатель впослѣдствіи журнала „Радуга“) вписалъ въ альбомъ переводъ свой изъ Клопштока, а А. Г. Ротчевъ (ум. 1873)—переводъ съ арабскаго; опускаемъ первый, какъ совершенно слабый, и приводимъ второй, какъ болѣе любопытный:

„СЪ АРАВСКАГО“.—

Клянусь коня волнистой гривой
И брызгомъ искръ его копытъ:
Что голосъ Бога справедливой
Надъ міромъ скоро прогремить.

*
* *

Клянусь вечернею зарею
И утра блескомъ золотымъ:
Онъ семь небесъ своей рукою
Одно воздвигнулъ надъ другимъ!

*
* *

Не Онъ-ли яркими огнями
Зажегъ сей безпредѣльный сводъ?
И Онъ-же легкими крылами
Парящихъ птицъ хранить полетъ!

*
* *

Когда-же пламенной струею
Сверкають гордо небеса:
Надъ озаренною землею
Не Бога-ли блеснить краса?

*
* *

Безъ вѣры въ Бога—мимо, мимо
Промчится радость бытія!
Пошлетъ-ли Онъ огонь безъ дыма
И дымъ пошлетъ-ли безъ огня?!

Въ 1827 г. Максимовичу посчастливилось открыть и поддерживать дарованіе сестеръ Тепловыхъ; онъ печаталъ ихъ стихи въ журналахъ, въ своихъ изданіяхъ и былъ ихъ опорой во всѣхъ невзгодахъ жизни. Молодые дарованія не остались непризнательными своему другу-покровителю, постоянно и благодарно къ нему писали и нѣсколько пьесокъ внесли въ альбомъ его. Вотъ стихотвореніе Серафимы Тепловой, относящееся къ 1829 году:

„EX UNGUE LEONEM“.

„На память отъ меня цвѣтокъ
Примите *Нютокъ*.
Онъ не краса поры весенней
И не любимый гость земли;
Но въ пору, какъ падеть послѣдній листъ осенній,
На югъ взовьются журавли,
Когда и розы здѣсь не станеть,
Когда и лилія увянетъ,
Онъ на землѣ еще цвѣтетъ
Подъ теплымъ солнцемъ, одинокой....
И самой осенью глубокой
Онъ вамъ меня напоминаетъ“.

Чувство благодарности долгой, сердечной, выраженное такъ кротко и скромно, доказываетъ добрую душу и поэтическое чутье Максимовича.

Въ томъ-же году встрѣчаемъ въ альбомѣ стихи Шевырева (1806—1864), съ которымъ Максимовичъ сошелся въ домѣ Елагинной. Въ наше время всѣ согласны, что у Шевырева не было поэтического таланта, но ему удавались нѣкоторыя стихотворенія, которыя нравились Баратынскому и Пушкину. Слѣдующая пьеса его также одно изъ лучшихъ его произведеній:

„МЫСЛЬ“.

„Падеть въ нашъ умъ чуть видное зерно
 И зрѣть въ немъ, питаюсь жизни сокомъ;
 Но придетъ часъ—и выростеть оно
 Въ созданіи иль подвигѣ высокомъ,
 И разовьетъ красу своихъ раменъ,
 Какъ пышный кедръ на высотахъ Ливана:
 Не подточить его червямъ времянь,
 Не смыть корней порывамъ океана,
 Не потрясти и бурямъ вѣковымъ
 Его главы, увѣчанной звѣздами,
 И не стереть потокамъ дождевымъ
 Его коры, исписанной лѣтами.
 Подъ нимъ идутъ неслышною столой
 Полки вѣковъ—и падаютъ державы,
 И племена смѣняются чредой
 Въ тѣни его благословенной славы;
 И трупы царствъ подъ нимъ лежатъ безъ силъ,
 И новыя растутъ для новыхъ цѣлей,
 И миллионъ оплаканныхъ могилъ,
 И миллионъ веселыхъ колыбелей.
 Подъ нимъ и тотъ уже давно истлѣлъ,
 Во чьей главѣ зерно то сокрывалось,
 Отколь тотъ кедръ родился и созрѣлъ,
 Подъ тѣнью чьей потомство воспиталось“...

Къ концу 1829 г., собираясь издать альманахъ свой »Девницу«, Максимовичъ усердно приглашалъ къ сотрудничеству въ ней, между прочими, братьевъ Кирѣевскихъ. Младшій изъ нихъ, Петръ, отправлялся въ это время за границу и не могъ сотрудничать, а въ альбомѣ Максимовича написалъ, какъ любитель пѣсенъ народныхъ, четыре строчки въ подражаніе малороссійской пѣсни и подписался: *Петрусь Кир...*

„Свиснувъ козакъ на коня:
 Зоставайтеся, господа!
 Я пріѣду, якъ не згину
 Черезъ три года“.

Брата его, Ивана Васильевича, тогда 23 лѣтняго юношу, Максимовичъ убѣдилъ написать для »Девницы« обзорѣніе рус-

ской словесности за 1829 годъ, и такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ призналъ силу мысли въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Статья Кирѣвскаго возбудила шумъ и толки; Пушкинъ находилъ ее „краснорѣчивою и полною мыслей“. Но въ альбомѣ Максимовича мы встрѣчаемъ только скромный слѣдъ И. В. Кирѣвскаго:

„Есть двѣ надежды: одна якорь, другая—парусъ; ищите послѣднюю, забудьте о первой“.

И въ альманахѣ, и въ альбомѣ находимъ новую пьеску Серафимы Тепловой; скромная пьеска эта навлекла однако бурю на Максимовича, на Теплову и на цензора С. Н. Глинку, потому только, что кому-то вздумалось увидѣть въ ней обращеніе къ повѣшённому Рылѣву:

„Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена,—
О, вѣрь, о, вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

—
О, вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ;
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Сестра Тепловой, Надежда, встрѣчая въ 1831 г. день рожденія Максимовича, вписала въ альбомѣ свой привѣтъ:

„Немногіе изъ нашихъ дней
Имѣютъ свѣтлыя значенья:
Веселый свадьбы юбилей,
День именинъ, но всѣхъ милѣй
День нашего *рожденья*.“

—
Вамъ каждый вашъ означенъ годъ:
Вы мыслили, вы жили;
Пусть *этотъ* годъ вамъ привесеть,
Что вамъ мечты сулили:
Зеленый миртовый вѣнокъ,
И лавръ благоуханный,
И вами пламенно-желанный
Покоя свѣжій уголокъ“.

Въ томъ-же году Языковъ помѣстилъ въ альбомѣ пьеску, которая высказываетъ взглядъ его на собственную музу (она не вошла въ собраніе его стихотвореній, 1858 г., но—помнится—была напечатана Максимовичемъ въ „Парусъ“ 1859 года):

„Свобода странно воспитала
Мою поэзію: она
Ее пристрастно поливала
Струями славнаго вина;
Сама, нетрезвыми руками,
Ее прамила—и порой
Благоуханными устами
Съ нея сдувала прахъ земной:
Я благодаренъ горделиво
Ей за радушные труды—
И самъ я вижу—и не диво—
Что пьяны вызрѣли плоды“.

Если не больше поэзіи, то гораздо больше сердечности въ отношеніяхъ къ Максимовичу встрѣчаемъ въ слѣдующихъ строкахъ женскаго сердца, написанныхъ въ 1832 году, на той страницѣ, гдѣ помѣщены строки матери и отца Максимовича:

„Я избрала листокъ, освященный рукою родителей вашихъ; желакъ исполненія ихъ желаній. И если, по словамъ ихъ, вы должны искать и найдете счастье *только на родинѣ*, то пусть *хотя листокъ этотъ* будетъ напоминать о дняхъ, проведенныхъ вами на чужбинѣ. Марія“.

Трудно придумать болѣе нѣжное и скромное сердечное признаніе. Самый выборъ мѣста и подчеркнутыя слова говорятъ о глубокости чувства. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный мотивъ для трогательнаго стихотворенія.

Счастье служебное улыбнулось однако Максимовичу и въ Москвѣ: въ августѣ 1833 года онъ былъ избранъ въ ordinарные профессора московскаго университета, не смотря на нѣкоторыя интриги. Посѣтившіе его по этому поводу М. Г. Павловъ и Н. И. Надеждинъ, не заставъ его дома, написали ему въ альбомѣ, первый:

„Съ профессорствомъ радушно поздравляемъ
И вмѣстѣ съ симъ здоровымъ быть желаемъ“.

А второй представилъ въ стихахъ почти исторію избранія, которую мы можемъ объяснить только наполовину:

23 АВГУСТА 1833 г.

Пріятную несемъ тебѣ молву:
 Въ душло сову,
 Въ конюшню рыжака загнали!
 Теперь забудь свои печали,
 Будь бодръ и оживись!
 Той—перья ощипали.
 А съ этого посбили рысь“.

Здѣсь подъ *совою* разумѣется Двигубскій, уволенный тогда отъ службы, подъ *рыжакомъ* И. И. Давыдовъ.

Мы уже говорили о сердечности отношеній многихъ пріятелей Максимовича; вотъ въ доказательство еще строки одного изъ ближайшихъ друзей его, Андрея Велинскаго; онѣ написаны въ то время, когда Максимовичъ былъ назначенъ къ переводу изъ Москвы въ Кіевъ, профессоромъ и ректоромъ новооткрываемаго университета:

„Два друга подобны двумъ созвѣздіямъ: когда одно является въ пучинѣ небесъ, другое спѣшитъ сопровождать. Имя твое да будетъ всегда спутникомъ моего“.

Тогда-же Надежда Теплова, поднося цвѣты ему на дорогу, написала въ альбомѣ:

„Цвѣты прелестные Эдема
 Поминка неба на земли;
 Примите ихъ, они эмблема
 Невинности, святой любви,
 Сердечнаго воспоминанья;
 Взгляните, какъ цвѣтутъ они,
 Какъ ароматно ихъ дыханье!
 Мое желанье и мольба:
 Непостоянная судьба
 Да не разлучитъ васъ съ мечтами;
 Пусть съ вами радости живутъ
 И съ сими милыми цвѣтами
 Неувядаемо цвѣтутъ
 Въ долинѣ жизни передъ вами“.

Въ Кіевѣ Максимовича посѣтилъ въ октябрѣ 1835 г. Надеждинъ, возвращенный изъ ссылки. Надеждинъ только теперь узналъ, что любимая имъ особа, за которой онъ такъ тосковалъ въ ссылкѣ,

вышла за-мужъ. На память этого, Надеждинъ оставилъ въ альбомѣ Максимовича слѣдующее недоконченное четырехстишіе:

„Все прекрасно, я сказалъ—
И домой свой путь направилъ!
Тамъ меня мой ангелъ ждалъ,
Тамъ !“

Подъ 1835 годомъ встрѣчаемъ стихотвореніе, написанное неизвѣстной намъ женской рукою:

„Счастливъ, кто отъ хлада лѣтъ
Сердце сохранилъ,
Кто безъ ненависти свѣтъ
Бросилъ и забылъ,
Кто дѣлитъ съ душой родной
Втайнѣ отъ людей
То, что презрѣно толпой,
Или чуждо ей“.

Лѣтомъ 1836 года Максимовичъ путешествовалъ въ Крыму; здѣсь онъ съѣхался съ знаменитымъ Иннокентіемъ, съ которымъ былъ сердечно друженъ и велъ частую переписку; Иннокентій оставилъ слѣдъ и въ альбомѣ, впрочемъ весьма скромный:

„Южный берегъ Крыма. Ялта. Іюня 18, 1836. А. И.“

Тогда-же, въ Керчи, Д. В. Давыдовъ (?) написалъ:

„Двѣ стороны моего характера: получеркесъ, полурыцарь. Я любилъ природу и свободу, какъ азіатецъ нагорный, а женщину—какъ паладинъ; не достааетъ надписи ободка, она: (и при этомъ въ альбомѣ сдѣланы сургучемъ двѣ стороны его печати, которыя уже до того истерлись, что ничего нельзя разобрать).“

Отъ 1837 г. сохранилась въ альбомѣ строка:

„Жуковский. Кіевъ 1837, 8 октября“.

Жуковский въ это время сопровождалъ цесаревича (нынѣ почившаго Царя-Освободителя) въ его путешествіи по Россіи. Съ Максимовичемъ онъ былъ знакомъ еще раньше, содѣйствовалъ его переводу въ Кіевъ и потомъ сотрудничалъ въ его „Кіевлянинѣ“.

Поэзія слова чередовалась въ альбомѣ съ поэзіей сердца; вотъ что было написано въ 1838 г. неизвѣстнымъ намъ лицомъ:

„Любезный Михаилъ Александровичъ, не забывайте ту Лизу, которую вы такъ ласкали“.

И вслѣдъ за тѣмъ другой рукою прибавлено:

„И ту Соню, которую такъ часто въ центръ губъ цѣловали“.

Подобныя нѣжныя, добрыя отношенія возбуждалъ къ себѣ Максимовичъ не только въ милыхъ представительницахъ прекраснаго пола, но почти во всякомъ, кто съ нимъ близко сходился. Лѣтомъ 1839 г. познакомился съ нимъ въ Кіевѣ Бенедиктовъ и встѣ какое свѣтлое впечатлѣніе вынесъ онъ изъ этого краткаго свиданія:

„Благословляя съ вами встрѣчу,
 Благодарю и славлю рокъ,
 И съ вами прожитый часокъ
 Я въ сердцѣ золотомъ отмѣчу!
 Когда мнѣ долгъ твердить: „спѣши“,
 Я долженъ въ даль мой путь направить,
 Но я на память вамъ оставилъ
 Готовъ, повѣрьте, полъ-души.
 Что-бъ ни назначила судьбина
 Потомъ въ удѣлъ душѣ моей—
 Я знаю: эта половина
 Была-бъ довольнѣй и свѣтлѣй!“

Затѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, вовсе не было вкладовъ въ альбомъ: въ эти годы Максимовичъ былъ тяжело боленъ, такъ что въ 1840 г. подалъ въ отставку и поселился въ своей уединенной усадьбѣ, на Михайловой Горѣ, въ золотовошскомъ уѣздѣ, надъ Днѣпромъ. Въ сентябрѣ 1842 года пріѣздъ Надеждина въ Кіевъ вызвалъ сюда и Максимовича для свиданія съ другомъ. Въ эту пору встрѣчаемъ въ альбомѣ строки А. П. Хвостовой, долго жившей и скончавшейся въ Кіевѣ; о ней желатель-но бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ какія существуютъ въ нашей литературѣ. Мы знаемъ только, что она была урожденная Хераскова (род. 1767), племянница поэта М. М. Хераскова, въ замужествѣ была за Дм. Сем. Хвостовымъ, скончалась въ 1853 году. Въ литературѣ она извѣстна особенно своею книгою „Каминъ и Ручеекъ“ (СПб. 1796), которая достигла трехъ изданій, была переведена три раза на французскій, и по разу на нѣмецкій и англійскій языки ¹⁾). Одинъ изъ почитателей Хвостовой, кн. Бѣлосельскій, написалъ громкую надпись къ ея портрету, въ которой между прочимъ читаемъ:

„Grâces! Vous n'êtes plus trois seules...
 Et vous, Muses, vous voilà dix“.

¹⁾ О другихъ ея сочиненіяхъ см. Варш. Дневникъ. 1881, № 179.

Вигель нѣсколько разъ говоритъ о ней въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и эти отзывы желчнаго Вигеля весьма замѣчательны по своему почтительному тону. Отсылая любопытныхъ къ книгѣ Вигеля, обращаемся къ альбомнымъ строкамъ А. П. Хвостовой:

„Мнѣ 80 лѣтъ. Время затоптало всѣ разумныя способности мои, и жизнь, какъ перегорѣлый уголекъ, едва тлѣется въ разрушающемся бытіи моемъ; но я чувствую еще, что я жива, потому что могу любить и помнить. Не забывайте и вы старуху Хвостову“.

Гораздо затѣйливѣе и курьезнѣе выдался въ томъ же году Юрій Бартевевъ, писавшій въ альбомѣ такъ:

„Братъ Максимовичъ! На кого потратишь сердце, къ тому какъ то душа особенно стремиться; Пожалуй, Любезной, повернись ко мнѣ всемъ отверженіемъ любящихъ твоихъ способностей, удовлетвори моему вожделѣванію, я хочу тебя, тебя всего, тебя до выгрыбу; словомъ: хочу дружбы твоей, единенія тѣснаго, о которомъ чистое, оплатонизованное разумнѣе твое совершенно знаетъ; вотъ чего я хочу, вотъ о чѣмъ и пишу въ кургузомъ альбомѣ твоемъ. Dixi“.

Этотъ латинистъ, занимавшій нѣкогда видное мѣсто при кн. А. Н. Голицынѣ, не вполне однако владѣлъ русскою грамотою, какъ видитъ читатель изъ приведенныхъ немногихъ строкъ.

Въ 1843 г. прекраснымъ тонкимъ почеркомъ писало лицо, которое долго считалось невѣстой Максимовича (Ольга Зайцова, скоро потомъ умершая):

„Съ душою, исполненною святости, взялась я за перо, чтобы вписать вамъ на памятномъ листкѣ пару словъ. Чувство преданности къ вамъ такъ глубоко во мнѣ, что невольно въ памяти вкоренился милый образъ вашъ. Я не выражаю всѣхъ ощущеній, но скажу, что они превышаютъ многое. „Гдѣ много чувствъ, тамъ мало словъ“— вотъ девизъ всего прекраснаго, всего высокаго въ душѣ! Питаюсь отрадною мечтою, что, перелистывая альбомъ, вы прочтете эти строки и хотя на мигъ вспомните обо мнѣ. Ольга З..... Кіевъ 1843, окт. 22“.

И вслѣдъ затѣмъ тою же рукою, но только шпилькой, слегка проведено: „12 час. помочь“.

Максимовичъ въ это время опять читалъ лекціи въ университетѣ, по найму, и готовъ былъ снова поступить на службу, но ему назначили преешника, и онъ долженъ былъ снова уда-

литься въ свою убогую усадьбу, и вѣроятно по этой причинѣ семейное счастье его не состоялось тогда-же.

Въ 1844 году, дядя Максимовича, Е. О. Тимковскій (впослѣдствіи членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, сконч. 1875), уѣзжая въ Петербургъ, написалъ въ альбомѣ свои прощальныя строки:

„Волею непостижимаго Промысла, оставляю мою родину на вѣки; но ваша родственная дружба ко мнѣ пребудетъ навсегда лучшимъ залогомъ моей приверженности къ ней и къ вамъ особенно“.

Этотъ дядя Максимовича дѣйствительно любилъ и цѣнилъ его: онъ велъ съ нимъ постоянную дружескую переписку, ходатайствовалъ о немъ, помогалъ ему деньгами безъ возврата, присылалъ подарки и проч.

Въ слѣдующемъ году профессоръ А. И. Селинъ, послѣ перваго знакомства съ Максимовичемъ въ Кіевѣ, оставляетъ въ альбомѣ свое почтительное впечатлѣніе:

„Помню, съ какимъ наслажденіемъ бесѣдовалъ я съ Наумомъ въ ранніе годы моей юности; не забуду мгновеній, проведенныхъ съ вами на родинѣ вашей.“

„Властителя природы вижу въ художникѣ, жреца священнаго—въ ученомъ, творца нравственнаго человѣка и божественныхъ его дѣяній—въ женщинѣ“.

Послѣднія строки намекаютъ на сестру Максимовича, его питомицу, весьма даровитую и симпатичную.

Въ 1847 г. встрѣчаемъ стихи Жуковскаго, подъ которыми подписалась Марія Кирѣевская:

„Что вы пошлетъ судьба—все пополамъ!
 Безъ робости, дорогою одною,
 Въ душѣ добро и вѣра къ небесамъ,
 Идти—тебѣ впередъ, намъ за тобою;
 Лишь *вмѣстѣ-бы*; лишь только-бъ *за одно*,
 Лишь-бы *одна*, въ *одинъ часъ* намъ могила;
 Что-жь впрочемъ здѣсь ни встрѣтить—все равно!
 Я въ томъ за всѣхъ и руку приложила“.

И точно, на этомъ листѣ, вклеенномъ въ альбомъ, была положена крошечная ручка, съ раздвинутыми пальцами, и вся она аккуратно обведена чернильною чертою. Но самые стихи написаны рукою Жуковскаго—это мы положительно утверждаемъ,

очень хорошо зная его почеркъ. Въ изданіи сочиненій Жуковскаго (1878) эта пьеска помѣщена въ I томѣ (стр. 434); но приводимая нами копія отличается нѣкоторыми вариантами и пунктуациею, которые заслуживаютъ вниманія, какъ принадлежащія самому поэту.

Тогда-же докторъ В. А. Караваевъ вписываетъ въ альбомъ рецептъ глазныхъ капель, которыя были такъ необходимы и такъ полезны ослабѣвшему зрѣнію Максимовича.

Въ 1851 г. Максимовичъ посѣтилъ своего другаго дядю И. Ѳ. Тимковскаго (бывшаго нѣкогда директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи), жившаго въ своемъ помѣстьѣ Турановкѣ, глуховскаго уѣзда. Дядя набросалъ въ его альбомъ нѣсколько апофегмъ, на русскомъ, малорусскомъ и латинскомъ языкахъ, въ стихахъ и въ прозѣ; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Спереди—блаженъ мужъ, да сзади—вскую шаташася.

„Не будь правдивъ вельми, ни мудръ излишне.

„Сила правду на водѣ пишетъ.

„Много дива по свѣту, а дома лучше.

„Мы обмануты бываемъ
Часто мнѣніемъ своимъ,
Утро мудростью встрѣчаемъ,
Днемъ же глупости творимъ“.

„Горе вамъ, фарисеи, лицемеры, дуросвѣты!

„Вороги твои—„нехай“ и „абынкъ“.

„Память цвѣтетъ на могилѣ, а правда на дѣтяхъ.

„Лучше смолчать, какъ сказать; то послѣдняя наука“.

Въ 1852 г. Максимовичъ снова посѣтилъ его, и онъ опять пишетъ въ альбомѣ:

„Неотдѣлимо на умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и выросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ свѣта. Стихійно приходитъ часто на мысль—увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобы я могъ тамъ, хоть на недѣлю времени, подышать свободно... Илья Тимковскій“.

Желаніе почтеннаго старца не сбылось: онъ заболѣлъ и скончался (1853), успѣвъ не задолго до смерти составить драгоцѣн-

ныя историческія записки о И. И. Шуваловѣ, московскомъ университетѣ, о своемъ воспитаніи и времени ¹⁾).

Засимъ, почти 20 лѣтъ, не встрѣчаемъ въ альбомѣ ни одной строки: страсть къ альбомамъ въ 50-хъ годахъ уже вообще ослабѣла, кромѣ того въ 1853 году Максимовичъ женился, и жизнь семейная, съ ея заботами и радостями, неволью заставила и его забыть о своемъ альбомѣ. И только въ 1871 г. полувѣковой юбилей литературной дѣятельности его снова вызвалъ на сцену альбомъ, въ которомъ вписались тогда Михаилъ Погодинъ, попечитель Антоновичъ, профес. Гр. Е. Щуровскій—лица, наиболѣе близкія Максимовичу, наиболѣе согрѣвавшія его послѣдніе годы своимъ вниманіемъ и заботами о немъ.

Въ 1872 г. Максимовичъ посѣтилъ въ послѣдній разъ Москву и Петербургъ, и въ альбомѣ встрѣчаемъ подписи: Василій Тимковскій, Ап. Майковъ, Н. Барсуковъ... Майковъ, издавшій тогда свой переводъ „Слова о Полку Игоревѣ“, написалъ въ альбомѣ:

„Руководителю моему въ незнаемой землѣ за Игоремъ Сѣверскимъ—на память“.

Въ Москвѣ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ академикъ Я. К. Гротъ и тогда же писалъ намъ объ этой встрѣчѣ:

„Въ короткое пребываніе Максимовича въ Петербургѣ мы не успѣли познакомиться; узнавъ, что онъ въ Москвѣ, гдѣ я былъ проездомъ, я поспѣшилъ къ нему и засталъ его поправляющимся отъ болѣзни, которая задержала его въ Бѣлокаменной. При мнѣ навѣстилъ его Лебединцевъ (П. Г.). Какое пріятное впечатлѣніе произвели они на меня! Какой симпатическій человекъ Максимовичъ! У него я встрѣтилъ еще малороссійскаго уроженца Маслова, который пріѣхалъ совѣтоваться съ нимъ о біографіи Шевченка. Любопытно мнѣ было прослушать оживленные толки объ этомъ, мало извѣстномъ мнѣ, поэтѣ“.

Мы приводимъ эту выписку, какъ новое доказательство того, что Максимовичъ до конца жизни обладалъ рѣдкимъ даромъ возбуждать къ себѣ сердечное сочувствіе и что въ совѣтамъ его постоянно прибѣгали люди всѣхъ возрастовъ.

Давніе друзья его—московскія дамы—встрѣтившія его съ неизмѣнною любовію и выслушивавшія теперь его скорбныя тихія рѣчи о тернистомъ пути его, съ замѣчательнымъ мастер-

¹⁾ См. ихъ въ Москвитянинѣ 1851 г., № 9 и 10; 1852 г., №№ 17, 18 и 20; послѣднія перепечатаны въ исправленномъ видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

ствомъ и нѣжнымъ женскимъ тактомъ избрали для его альбома нѣсколько стиховъ изъ Хомякова; одна изъ нихъ, О. Θ. Кошелева, написала въ видѣ напутствія и какъ завѣтъ отъ друга—поэта, уже умершаго:

„Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Спасайся-жь, пахарь, надъ браздою!
Борись, борець, до поздней тьмы“.

Другая—Д. А. Беклемишева,—въ словахъ того же Хомякова, нашла весьма милое обращеніе, которое такъ близко подходило къ Максимовичу, такъ удачно выражало впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ:

„Твоей молитвы гимнь прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ“.

Это была послѣдняя встрѣча Максимовича съ его московскими друзьями и это—послѣдніе поэтическіе вклады въ его альбомъ: 10 ноября 1873 г. Максимовичъ скончался въ своемъ уединенномъ помѣстьѣ. Семейство и друзья его привесли ему еще одинъ вкладъ—соорудили на могилѣ его прекрасный надгробный памятникъ; а почитатели его таланта предприняли изданіе его сочиненій.

Всею своею литерагурною дѣятельностію Максимовичъ исполнилъ осуществилъ тотъ идеаль ученаго, который однажды развилъ въ своей бесѣдѣ преосв. Іаковъ, архіепископъ нижегородскій († 1850); онъ говорилъ: „Честное служеніе наукъ есть подвигъ евангельскій, ибо оно безкорыстно и требуетъ труда; а трудъ есть ангель-хранитель, прогоняющій всѣ пороки, рождаемые праздностію; наука же не даетъ суетнымъ мыслямъ глубоко вкореняться въ душу. Ученые—то-же, что монахи: тѣснымъ путемъ идутъ они“.

Признавая въ Максимовичѣ *перваго* дѣятеля на полѣ изученія кievской старины (послѣ митрополита Евгенія), мы считаемъ нравственнымъ долгомъ отдать ему *первому* честь въ новомъ изданіи—„Кievской Старинѣ“. И намъ и другимъ, вѣроятно, не разъ придется возвращаться къ его памяти, и потому считаемъ умѣ-

стнымъ привести здѣсь указанія на статьи, доселѣ посвященныя его имени.

1. Статьи, появившіеся о немъ до его кончины, почти всѣ перечислены въ составленномъ нами біографическомъ и историко-литературномъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „М. А. Максимовичъ“, Спб. 1872, приложение, стр. XIX. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

2. „Михайлова Гора“, Кіевлянинъ 1871 г., №№ 85 и 86.

3. Юбилей М. А. Максимовича, Кіевъ. 1871. перв. и второе изданіе, Спб. 1872.

4. „Труды Максимовича для русской филологіи и словесности“, статья Н. М. въ Филологическихъ запискахъ за 1871 г., вып. 5—6,

5. О 50-ти лѣтнемъ его юбилей: Иллюстрація 1871 г. № 46, съ портретомъ М—ча; Голосъ № 255-й, Моск. Вѣдом. № 201; Народ. Школа № 5.

6. Некрологи: Нов. Время 1873 г., № 24; Петерб. Листокъ, № 231; Извѣстія Географ. Общества 1874 г., № 5, стр. 280.

7. Письмо Д. В. Давыдова къ нему—въ Сочин. Давыдова, М. 1860, ч. III, стр. 169.

8. Письма къ нему Богородскаго, Кіевлянинъ 1881, № 93.

9. Въ настоящее время печатается обширное собраніе писемъ къ нему Погодина въ Сборникъ II отдѣленія Импер. Академіи Наукъ.

10. Некрологи его: Кіевлянинъ 1873, №№ 137, 138.

11. Вѣстникъ Европы 1874 № 3, ст. М. Драгоманова.

12. Русскій Архивъ 1874, № 12, біографическій очеркъ Н. Чаева, стр. 1055.

13. Сборникъ Отдѣленія Р. Языка и Словесности, т. XI, № 3, стр. 13—18 (1875 г.), А. Нибитенко.

14. Памятникъ Максимовичу. Послѣдніе дни его. Портреты въ его помѣстьѣ. Библіотека,—Кіевлянинъ 1875, № 108 (См. также 1877, № 65).

15. Альбомъ сестры его, Кіевлянинъ 1881, № 236.

16. Отзывъ о немъ О. М. Бодянскаго въ книгѣ „О происхожденіи славянскихъ письменъ“, М. 1855, стр. LXXII.

17. Въ книгѣ проф. А. А. Котляревскаго „Библіологическій опытъ о древней русской письменности“, Воронежъ 1881, стр. 43, 76, 158, 160, 165 и 166.

18. О новомъ изданіи „Сочиненій Максимовича“ (Кіевъ 1876—1880) намъ извѣстны статьи: въ Кіев. Унив. Извѣстіяхъ 1877,

№ 7, стр. 254, въ Кіевлянинѣ 1877, №№ 5 и 129; въ Сѣверн. Вѣстникѣ 1877, № 25, статья Н. И. Костомарова.

Издателямъ сочиненій Максимовича можемъ указать еще на двѣ статьи его, доселѣ незамѣченныя:

19. Рецензія на соч. Двигубскаго, въ Сѣв. Пчелѣ 1829, № 131 (при этомъ уяснимъ мѣсто его рецензіи на физику М. Г. Павлова, Сѣв. Пч. 1833, №№ 192 и 207).

20. Рецензія на книгу «Піитическая Игрушка», Моск. Телеграфъ 1830, ч. I, с. 194, подпись: „—ховъ“; это—псевдонимъ Максимовича.

21. Въ заключеніе напоминаемъ его статью «*Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича*», хранящуюся въ Моск. Обществѣ Любителей Россійской Словесности, гдѣ статья лежитъ безъ движенія *двадцать одинъ годъ* (съ 1859 г.). Весьма желательно было бы видѣть ее поскорѣ напечатанною хоть гдѣ-нибудь, чтобы можно было потомъ помѣстить ее въ „Собраніи сочиненій Максимовича“, издаваемыхъ въ пользу его сиротъ.

С. Пономаревъ.

Ковтопъ.

5 ноября, 1881 г.

Посмертный рассказ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губерніи 1855 года).

Авторъ этого разсказа, о. Антоній Ковальскій, священствовалъ въ с. Мионовкѣ, кievской губерніи, каневского уѣзда, и умеръ въ 1875 году. Онъ очевидецъ происшествій, о которыхъ говоритъ, и самъ является много пострадавшимъ въ описываемое имъ время. Его разсказъ простъ, богатъ фактами, чуждъ всякихъ сен-тенцій и выводовъ. Тѣмъ онъ и дорогъ. Разсказъ лишь отчасти касается волненія крестьянъ, но главнымъ образомъ рисуетъ то трудное, мучительное положеніе, въ которое попалъ самъ авторъ и другіе священники охваченной волненіемъ мѣстности, благодаря весьма печальному и, какъ увидитъ читатель, невольному недоразумѣнію со стороны прихожанъ. Такъ называемыя волненія крестьянъ происходили тогда, въ 1855 году, въ нѣсколькихъ уѣздахъ кievской губерніи; авторъ разсказа говоритъ только о томъ, что происходило въ районѣ его благочинія и что касалось его и потерпѣвшаго съ нимъ духовенства.

Въ основѣ волненій описываемаго авторомъ времени лежали наболѣвшее въ крестьянахъ до послѣдней крайности чувство крѣпостнаго гнета и рѣшительное стремленіе ихъ выбиться изъ-подъ него на волю, и въ этомъ случаѣ, какъ казалось многимъ изъ нихъ, на призывъ самого Царя. Поводомъ къ такому стремленію послужило своеобразное пониманіе Высочайшаго манифеста 14 декабря 1854 года, въ которомъ выражалась увѣренность, что всѣ сыны Россіи „съ жельзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“ станутъ на защиту отечества. Что первое броженіе возникло отсюда, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но оно должно было совершить свой кругъ, свой внутренній процессъ, чтобы явиться потомъ въ извѣстной формѣ. Лабораторія народнаго чувства и мысли не доступна для насъ и мы не можемъ съ точностью опредѣлять, какъ народъ отъ помянутыхъ словъ манифеста дошелъ до мысли о собственной свободѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ искалъ отвѣта на вопросъ, чѣмъ и какъ откликнуться на призывъ Царя. Единичныя мнѣнія, высказывавшіяся на разные лады то тамъ, то здѣсь, переходили въ массу народную, обращались, перерабатывались въ ней. Вспомнилось уцѣ-

лѣвшее неясное преданіе о козачествѣ... Въ какой другой формѣ украинскій народъ могъ проявить свою готовность помочь Царю?—Вѣрный и преданный Ему, но неспособный витать въ области однихъ чувствованій, какъ бы возвышенны они ни были, и не зная, какъ отъ слова перейти къ дѣлу, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ Царь зналъ о его рѣшимости стать на помощь, а въ народѣ каждый выступаетъ самъ собою. Отсюда это поголовное настойчивое желаніе каждого крестьянина записаться въ козаки, даже просто въ какой-нибудь списокъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ такіе списки посылались... Царю. Этого добивались крестьяне отъ священниковъ, причетниковъ и просто писарей, за это деньги платили, а при отказѣ дѣлали угрозы и разныя оскорбленія. Пока прошла свой кругъ эта первая опредѣленная мысль, созрѣла другая. Кто записался въ козаки, тотъ, значить, будетъ служить Царю и слѣд. не долженъ болѣе работать помѣщику. Мысль воплощалась въ слово, отъ слова переходили къ дѣлу: волновались, не шли на барщину; но являлось усмиреніе, наказаніе. Въ одномъ мѣстѣ утихали, въ другомъ поднимались. Слова превращались въ слухи, слухи облетали большія пространства, видоизмѣнялись, переимчивались, пока не явился слухъ, потомъ убѣжденіе, что и указъ на вольность отъ Царя пришелъ. Но указа не читаютъ... Гдѣ же онъ?—У священниковъ, въ церквахъ. Вѣдь не давно „правила *инвентарныя*“ имъ отдали при всѣхъ, и они сперва читали, потомъ перестали читать. Кто же виноватъ теперь, что указа не читаютъ?—Паны-помѣщики. Ихъ прямой интересъ: они подкупили священниковъ. Надо истребовать, вымолить у священниковъ указъ,—не отдадутъ,—силою взять. И вотъ толпами собираются къ священникамъ крестьяне и требуютъ несуществующаго указа на вольность, ищутъ его въ церквахъ, въ числѣ бумагъ, въ евангеліяхъ и пр. и проч. Тѣ не могутъ дать, чего нѣтъ; эти не вѣрятъ. Раздраженіе растетъ, священниковъ держатъ въ арестѣ, водятъ отъ села до села, ругаются, грозятъ, бьютъ, подвергаютъ истязаніямъ, пока не наступаетъ кровавая развязка.—*Д—съ.*

Въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ „Кіевской Старины“ мы надѣемся помѣстить еще одинъ такой рассказъ священника—очевидца, а затѣмъ полный очеркъ крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г., основанный на официальныхъ свѣденіяхъ и дополненный личными наблюденіями (въ уѣздахъ васильковскомъ, таращанскомъ, каневскомъ и сквирскомъ) того лица, которому мы обязаны сообщеніемъ настоящаго разсказа и которое само было представителемъ духовной власти въ дѣлѣ умиротворенія мятушагося народа. *Ред.*

Въ 1855 году я былъ благочиннымъ церковей 4-го округа каневского уѣзда. Округъ мой состоялъ изъ селъ—Выграева, Сытниковъ, Самородни, Сотниковъ, Корниловки, Бровахъ, Сахновки, Нетеребки, Гарбузина, мѣстечка Корсуна (2-хъ церковей—спасской и

ильинской) и села Мирановки. Всѣ эти села, кромѣ Мирановки, принадлежали свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, Мирановка-же, гдѣ я священствовалъ, принадлежала графу Константину Владиславовичу Браницкому.

Возмущеніе крестьянъ въ 1855 году въ кievской губерніи началось въ *сквирскомъ уѣздѣ* ¹⁾, въ селѣ *Березнѣ*; отсюда стало распространяться въ таращанскій и каневскій уѣзды. Въ каневскомъ уѣздѣ волненія оказались сперва въ мѣст. Медвинѣ и селѣ Карапишахъ; въ послѣднемъ прихожане продержали своего священника Гавріила Яворскаго въ церкви цѣлый день, требуя выдачи имъ грамоты о своей вольности, съ золотыми печатами.

О волненіи крестьянъ въ с. Карапишахъ я узналъ частно, на страстной недѣлѣ, во вторникъ. Въ среду, выходя изъ церкви по окончаніи утрени, вижу — на церковномъ погостѣ стоятъ человекъ 50 моихъ прихожанъ съ хозяйственными орудіями (сокирами, цѣпами и т. п.); когда я съ ними поровнялся, они преградили мнѣ дорогу. Я смекнулъ въ чемъ дѣло, но дабы не показать вида, что догадался, я обратился къ нимъ съ такимъ упрекомъ: „развѣ вамъ мало было поста, что вы теперь собираетесь говѣть?“ Они отвѣчали: „мы говѣли уже; но пришли по другому дѣлу, — просить васъ, чтобы вы выдали намъ указъ на вольность“. Я отвѣчалъ, что указа на вольность въ церкви нѣтъ. Долго еще мнѣ пришлось говорить имъ, что такихъ указовъ нѣтъ нигдѣ, и, казалось, удалось разуверить. Всѣ пошли изъ погоста, а я отправился домой. Но не прошло минутъ десять, какъ все подворье мое было уже полно людей; я къ нимъ вышелъ и началъ говорить, что „это до добра не доведетъ; вы знаете, что экономъ мнѣ недоброжелатель; узнавши о вашемъ сборищѣ у меня, донесетъ своему начальству, а то далѣе отрепортуетъ и мнѣ выйдетъ плохо“. Они обѣщали призвать сюда эконома. Черезъ небольшое время пріѣхалъ подъ арестомъ экономъ и мы всѣ пошли въ церковь. Здѣсь я читалъ яввентарныя правила; но крестьяне симъ недовольствовались и начали шуметь въ церкви. Во избѣжаніе безчинія въ церкви, я благословилъ читать часы и они разошлись; остались только одни говѣльщики.

Послѣ сего, ни въ праздниги Пасхи, ни послѣ праздника ничего мнѣ прихожане не напоминали про указъ и барщину от-

1) Невѣрно: въ сквирскій уѣздъ волненіе перешло изъ васильк. уѣзда. П. Д.—вт.

работывали исправно; списки впрочемъ писали и посылали въ Кіевъ; но въ сихъ спискахъ не было ничего противнаго,—писали, что въ случаѣ надобности, всѣ согласны идти на защиту поголовно.

Въ Корсунскомъ имѣніи, до праздника Пасхи (до 27 марта), незамѣтно было никакого волненія. На свѣтлой недѣлѣ начали уже въ нѣкоторыхъ селахъ собираться крестьяне толпами — толковать про вольность, писать списки, посылатъ ихъ въ Кіевъ и разсылать нарочныхъ въ другія имѣнія для разспроса; но возмущенія еще не поднимали, требованія помѣщичьи выполняли, къ священникамъ не привязывались. Волненіе въ имѣніи князя Лопухина началось собственно съ еоминной недѣли — съ „проводъ“, и первоначально оказалось въ селѣ Бровахахъ.

По смерти священника села Бровахъ Леонтія Григоровича, умершаго 22 февраля 1855 года, приходъ бровахскій поручень мвою въ наблюденіе священнику села Корниловки Дмитрію Подгаецкому, который, отслуживши въ еоминъ поведѣльникъ панихиды въ своемъ приходѣ, во вторникъ прѣѣхалъ въ Бровахи для той-же дѣли и здѣсь засталъ уже на служеніи новорукположеннаго въ село Сахновку священника Іосифа Гордіевскаго. Послѣ литургіи священникъ Подгаецкій и Гордіевскій пошли на общее кладбище отпѣвать панихиды; оттуда вдовая священника попросила ихъ отпѣть панихиду въ ея домѣ и пригласила на обѣдъ, на который были приглашены и прихожане. Народа собралось довольно. Когда прихожане подпили, то начали спрашивать священника Подгаецкаго, гдѣ указъ на ихъ вольность, потомъ просили идти въ церковь и выдать имъ сей указъ. Къ счастью, въ это самое время принесли крестить дитя; священникъ Подгаецкій, видя, что крестьяне къ нему сильно пристають, упросилъ св. Гордіевскаго крестить дитя здѣсь, въ домѣ священника, а самъ, улучивши время, когда крестьяне, собравшись въ зучу, толковали между собою, вышелъ изъ дому другими дверями на товь (гумно) и чрезъ огородъ и левяду ушелъ лѣсомъ домой, въ Корниловку, на разстояніи трехъ верстъ. Побѣга его крестьяне не замѣтили до тѣхъ поръ, пока уже воспріемники вышли и объявили, что дитя окрестилъ священникъ молодой, а корниловскій священникъ давно ушелъ домой. Нѣкоторые крестьяне бросились догонять его, но не догнали; къ священнику-же молодому не привязывались. Когда свещ. Подгаецкій пришелъ въ Корниловку, то въ его приходѣ не слышно было еще никакого возмущенія.

Бровахскіе крестьяне, догонявшіе Подгаецкаго, прибывъ сюда, взволновали и его прихожанъ. На другой день рано собрались на дворъ священника нѣсколько прихожанъ; нѣкоторые вошли въ домъ и просили священника выдать имъ указъ на вольность. Священникъ на первый разъ успѣлъ убѣдить ихъ, что такого указа нѣтъ въ церкви, и они разошлись по домамъ. На слѣдующій день крестьяне опять пришли къ священнику и уже настоятельно требовали идти въ церковь и выдать имъ указъ. Священникъ принужденъ былъ идти; читалъ манифестъ касательно ополченія и инвентарныя правила, но они тѣмъ не довольствовались. Въ это самое время пріѣхалъ въ Корниловку помощникъ пристава Заграйскаго. Узнавши о волненіи крестьянъ, онъ пошелъ въ церковь и сталъ увѣщевать ихъ, но они сказали: „мы теперь васъ слушать не будемъ“ и просили его удалиться изъ церкви, что онъ и исполнилъ. Между тѣмъ какъ помощникъ пристава разговаривалъ съ крестьянами, священникъ Подгаецкаго успѣлъ какъ-то выйти изъ церкви, чрезъ пономарню, перелѣзъ чрезъ ограду, потомъ сѣлъ на повозку съ вышедшимъ помощникомъ пристава и уѣхалъ въ Корсунъ. Крестьяне, видя себя обманутыми, по выходѣ изъ церкви, заперли ее и ключи отдали не старостѣ церковному, а стороннему человѣку. Потомъ всѣ двинулись въ село Гарбузинъ, гдѣ застали уже на дворѣ священническомъ много крестьянъ, состояющихся съ своимъ священникомъ и домогающихся выдачи указа на вольность. Священникъ (Михаилъ Кудревичъ) сперва говорилъ съ своими прихожанами строго и не хотѣлъ идти съ ними въ церковь, но они насильно одѣли его и повели въ церковь; тутъ заставляли его читать разные прежніе манифесты и пробыли вообще въ церкви до полудня. Въ полдень, узнавши, что въ мѣстечкѣ Таганчѣ собираются крестьяне таганческаго имѣнія, положили идти туда и вести съ собою своего священника. Священникъ ушелъ было въ домъ и заперся; но крестьяне выломали дверь, взяли его насильно, сняли сапоги и повели босаго въ Таганчу ¹⁾, забравъ въ мѣшки всѣ бумаги изъ церкви.

Между тѣмъ въ селахъ Выграевѣ, Сытникахъ, Сотникахъ, Самороднѣ крестьяне также начали собираться къ священникамъ

¹⁾ М. Таганча, канев. уѣзда, въ 20 верстахъ отъ Корсуни, принадлежало полковнику Августу Осиповичу Понятовскому. Въ Таганчу вели священниковъ крестьяне изъ нѣсколькихъ селъ, получивши въ ночь предъ тѣмъ свѣдѣніе, что туда прибыла коммисія по усмиренію волненія. П. Д.—въ.

и требовать выдачи имъ указа на вольность. 6-го апрѣля священники села Выграева Іоаннъ Загородскій и Сытниковъ Іоаннъ Чернодубравскій прислали ко мнѣ репорты о волненіи въ ихъ приходахъ. Надобно знать, что предъ тѣмъ былъ указъ консисторіи, чтобы въ случаѣ волненія крестьянъ въ какомъ-либо приходѣ, священники этихъ приходовъ должны репортовать благочинному, а благочинный долженъ немедленно являться туда для увѣщанія. Нарочному, принесшему репорты, я словесно сказалъ, что завтра рано буду въ тѣхъ приходахъ; и на другой день рано поѣхалъ одинъ, одною лошадыю, безъ погонщика. Около с. Яновки узнаю, что въ Таганчѣ возмущеніе, и что тамъ былъ благочинный Николай Дашкевичъ и воротился уже домой. Благочинный Дашкевичъ, священникъ с. Яновки, мой зять, сестра моя родная за нимъ. Я заѣхалъ въ Яновку; но не успѣлъ разспросить подробно о возмущеніи таганскомъ, какъ пріѣхали туда командированные для умиротворенія крестьянъ: законоучитель бѣлоцерковской гимназіи и благочинный, свящ. Петръ Лебединцевъ, состоящій при генераль-губернаторѣ подполковникъ Аеанасьевъ и совѣтникъ кіевскаго губернскаго правленія Янкулію, въ сопровожденіи пристава Саара. Благоч. Дашкевичъ разсказалъ имъ подробно про таганское дѣло; при семъ и я объявилъ, что въ моемъ вѣдомствѣ, въ селѣ Корниловкѣ, уже началось возмущеніе крестьянъ. Г. Аеанасьевъ просилъ благ. Дашкевича сейчасъ поѣхать въ Таганчу; и когда тотъ отказывался неимѣніемъ лошадей, то Аеанасьевъ просилъ меня дать свою лошадь благоч. Дашкевичу ¹⁾, а мнѣ предложилъ ѣхать въ Корсунъ съ становымъ приставомъ Сааромъ и тамъ, разузнавши подробно, донести ему, въ Таганчу, или явиться лично. Я оставилъ Сытники и Выграевъ, куда намѣревался ѣхать изъ дому, а поѣхалъ въ Корсунъ съ пр. Сааромъ. Тамъ, въ домѣ священника Тимоея Стрижевскаго, засталъ священника с. Корниловки Димитрія Подгаецкаго, который подробно разсказалъ о волненіи крестьянъ въ Бровахахъ и Корниловкѣ. Главное корсунское экономическое управленіе кн. Лопухина, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, извѣстило меня, что въ с. Гарбузинѣ крестьяне взяли своего священника и повели въ Таганчу, а потому просило меня поѣхать въ Гарбузинъ для

¹⁾ Благочинный Дашкевичъ остался все-же дома, не совѣтуя и намъ ѣхать въ Таганчу, явился туда утромъ слѣдующаго дня и тамъ былъ задержанъ крестьянами. П. I—въ.

подробнаго разузнанія. На другой день, рано, діаконъ м. Корсуна Яковъ Костецкій вызвался ѣхать со мною въ Гарбузинъ на его лошадахъ, и мы съ нимъ поѣхали; но только что выѣхали на дорогу, идущую изъ Гарбузина въ м. Таганчу, какъ увидѣли, что по той дорогѣ идетъ толпа народа. Приблизясь къ идущимъ, мы спросили, куда они идутъ. Тѣ отвѣчали, что вчера прихожане корниловскіе пришли къ нимъ въ Гарбузинъ, взяли ихъ священника и повели въ Таганчу, забрали и бумаги изъ церкви, а они будто идутъ выручать своего священника. Мы не поѣхали уже въ Гарбузинъ, а направились къ Таганчѣ. Приѣхавши въ деревню Кичинцы, узнали, что священника Кудревича вечеромъ привели въ Кичинцы, гдѣ онъ переночевалъ въ коморѣ у крестьянина, а сегодня повели его въ Таганчу. Въѣзжая въ Таганчу по улицѣ, гдѣ сходятся дороги изъ с. Голяковъ и Мельниковъ, видимъ толпу крестьянъ и между ними священниковъ—с. Сытниковъ Чернодубравскаго и с. Гарбузина Кудревича, сидящихъ порознь одинъ отъ другаго. Когда мы приблизились, священники начали кричать къ намъ, прося защиты, и хотѣли подойти къ намъ, но ихъ не пустили, а намъ свазали: „ѣдьте, куда ѣдете, а то и вамъ будетъ такая-же честь.“ Поѣхали мы далѣе и когда въѣхали въ мѣстечко, то ужаснулись, увидѣвъ здѣсь больше народа, чѣмъ бываетъ во время ярмарки; все народъ мужескаго пола, пѣшій. Въѣхавши на средину мѣстечка, я спросилъ: „есть-ли тутъ чиновники изъ Кіева и гдѣ они квартируютъ?“ Мнѣ отвѣчали, что есть и что они ночевали въ трактирѣ. Я всталъ съ повозки, а діаконъ поѣхалъ къ тамошнему діакону. Я шелъ между народомъ и здоровался, но никто не отвѣчалъ мнѣ. Вошелъ я въ комнату, гдѣ былъ подполковникъ Аѳанасьевъ; онъ стоялъ у окна, глядѣлъ на площадь—на народъ, слезы были на его глазахъ. Онъ не замѣтилъ моего прихода. Сейчасъ-же вошли въ комнату съ площади о. Петръ Лебединцевъ и г. Янкуліо и начали спрашивать меня, что слышно въ Корсунѣ. Я объявилъ, что въ Корсунѣ пока все благополучно, но въ сосѣднихъ селахъ сильное возмущеніе и что двухъ священниковъ моего вѣдомства привели крестьяне въ Таганчу. Когда я началъ просить пособія освободить ихъ, г. Аѳанасьевъ сказалъ мнѣ на это: „мы сами въ опасности, и мнѣ непріятности дѣлали крестьяне; мы сами придумываемъ средства, какъ-бы убраться въ Корсунъ“. Потомъ прибавилъ: „вы, какъ можно скорѣе, старайтесь убраться отсюда, ибо здѣсь опасность большая и для васъ; только не унывайте, ибо не сегодня, то завтра приѣ-

дутъ войска для усмирения, Если можно, пойдите къ мѣстному священнику и скажите ему отъ насъ, чтобы онъ ушелъ изъ дому и до времени схоронился“¹⁾).

Я вышелъ изъ трактира, но не успѣлъ пройти десяти шаговъ, какъ толпа народа окружила меня, стиснула и начала кричать: „берить его, вяжить его, винъ все знае, винъ насъ продавъ, уже сѣмый годъ, якъ винъ за насъ забравъ гроши отъ панивъ; пристаньте до него лучше, винъ отдасть наше добро; винъ команда всихъ попивъ“. Я спросилъ: „какое добро?“ Тутъ посыпались на меня всякаго рода ругательства; называли меня хриstopродавцемъ, кровопійцею, панскимъ попухачемъ. Трудно выразить всѣ хулы, какими порицали меня въ сіе время. Я сильно испугался, особенно, когда натискомъ ударили меня въ спину такъ сильно, что я упалъ-бы, если-бы не былъ въ толпѣ. Я спрашивалъ окружающихъ меня крестьянъ, изъ какихъ они селъ; говорю: „можетъ быть вы меня не узнали?“ Тутъ поднялся опять крикъ: „вяжить его, душить, винъ насъ продавъ, ёму паны очи золотомъ позалывалы“. Я просилъ ихъ умолкнуть, дабы узнать, чего имъ собственно отъ меня хочется. Тутъ изъ толпы народа выходитъ большой, рыжій человекъ; онъ взялъ меня за руку и крикнулъ толпѣ: „молчать!“ Немного утишились. Державшій меня за руки говорилъ мнѣ: „пиши до священниковъ, щобъ вони отдали намъ наше добро“. Я спросилъ: „какое добро?“ Но чуть я проговорю слово, какъ вдругъ опять подымается крикъ: „лучше ёго берить, не жалуйте!“ Я увѣрялъ, божился, клялся, чѣмъ только могъ, что такого указа, какого они требуютъ, нѣтъ въ церквахъ; но моя божба ничего не помогала, а еще больше ихъ раздражала. Вижу, что это не шутка; я началъ говорить имъ: „какъ же я могу писать къ вашимъ священникамъ, когда я захожусь въ невольѣ, и у меня нѣтъ ни бумаги, ни пера, ни чернилъ?“ Вдругъ выходитъ человекъ небольшого роста, (какъ я послѣ узналъ, это былъ крестьянинъ с. Корниловки, Корнилій Самуйловичъ Кудликъ, онъ же Заиченко, грамотный и состоялъ писаремъ въ экономической конторѣ), вынимаетъ изъ кармана чернильницу, перо и бумагу и даетъ мнѣ. Я спросилъ: „куда я буду писать?“ Одинъ кричитъ: „нашему священнику“, другой— „нашему“ и т. д. Но тотъ рыжій человекъ крикнулъ, все держа

1) Этого священника прихожане держали предъ тѣмъ два дни въ церкви. П. Л.

меня за руки: „гуды хочь пиши, а до насъ идемъ, то самъ намъ выдасы изъ церкви наше добро“. Я спросилъ: „а ты-же изъ какого села?“ Онъ отвѣчалъ: „изъ Бровахъ“. При сихъ словахъ я еще больше испугался и отъ испугу упалъ-бы, но меня такъ стиснули, что я стоялъ, какъ столбъ. Село Бровахи находится въ концѣ каневскаго уѣзда, въ концѣ курсунскаго имѣнія и въ концѣ моего благочинія, въ большомъ черномъ лѣсу, и отъ села сего очень мало сообщенія съ другими селами; посему я опасался туда идти, ибо думалъ, что какъ меня туда поведутъ, то тамъ, хотя и войско прійдетъ, не скоро дадутъ мнѣ защиту. Поэтому я всячески старался отклонять отъ того, чтобъ туда меня вели, и началъ говорить: „хотя къ вамъ и пойдемъ, то ничего въ вашей церкви не найдемъ. У васъ и за жизни вашего священника не было порядку въ церкви, а теперь тѣмъ болѣе“. Къ счастью моему, кто-то изъ толпы народа крикнулъ: „нема чога ити въ нашу церкву. Димитрій якъ утикавъ на проводы, то забравъ вси бумаги важнѣйши изъ нашої церкви, то ваше добро въ корниловской церкви“. Тутъ поднялся крикъ: „ведемъ его въ Корниловку“. Я при сихъ словахъ немного обрадовался.

Когда все это происходило со мною, вижу—ѣдутъ Аеанасьевъ, Янкуліо и о. Петръ Лебединцевъ, а съ ними два жандарма. Двое разсылныхъ разгоняли толпу, я насильно вырвалъ у того рыжаго человѣка руки, поднялъ обѣ вверхъ и кричалъ, прося помощи; но тѣ, на чью помощь я могъ рассчитывать, сами были въ большомъ страхѣ; они посмотрѣли на меня и уѣхали въ Курсунъ.

Тогда люди начали еще горше меня тиснуть и пихать въ спину, ругаясь самыми срамными словами. Подступили ко мнѣ новые люди, требовали писать къ ихъ священнику и давали мнѣ бумагу; я молчалъ, а они толкали меня подъ бока кулаками. Наконецъ рѣшили идти; я проговорилъ, что у меня есть лошадь. При семъ посыпались новыя ругательства, толпа народа разступилась и меня повели тою дорогою, которою я въѣзжалъ въ Таганчу. За мною ринулась вся толпа. Не много прошли, вижу—на встрѣчу мнѣ ведутъ священника с. Гарбузина Михаила Кудревича. Поровнявшись, мы остановились. Я говорилъ тѣмъ, что вели этого священника: „вы говорили, что идете выручать его, а теперь насмѣхаетесь надъ нимъ“. Вдругъ выбѣгаетъ изъ той толпы человѣкъ и съ размаху бьетъ меня по шеѣ; но рыжій не далъ больше бить меня и сказалъ: „бейте своего, а съ

симъ мы знаемъ, що зробить, якъ не выдасть намъ указа“. Тутъ немного постояли и рѣшили обоихъ насъ вести въ Корниловку, только не вмѣстѣ, дабы не сговаривались. Около о. Кудревича шли гарбузинскіе люди, а около меня изъ разныхъ селъ; рыжій постоянно шелъ около меня.

Вышли изъ м. Таганчи въ лѣсъ; тамъ были перекрестныя дороги: вижу, по ней идутъ двѣ женщины; я узналъ, что это моя родная сестра, жена свящ. Дашкевича, и ея дочь. Они узнали меня и остановились, встали съ повозки и хотѣли подойти ко мнѣ, но ихъ отпихнули и не допустили. Спрашивала сестра: „гдѣ мой мужъ?“ Я отвѣчалъ: „не знаю, не видѣлъ.“ А одинъ человѣкъ отвѣчалъ: „твого благочиннаго повели въ Мартыновку, твой ще въ чести—помхавъ повозкою, а цей нехай иде, якъ собака, пишки.“ Свящ. Кудревичъ спросилъ мою сестру, нѣтъ-ли у нихъ хлѣба. Погонщикъ вынулъ кусокъ хлѣба и далъ. Сестра и я заплакали и разошлись.

Насъ повели далѣе. Свящ. Кудревичъ ослабъ и не могъ идти скоро; его повели торною дорогою, а меня по крайнѣ дороги. Я шелъ-бы скоро, но караульные около меня не позволяли; шло впереди человѣкъ десять и сзади меня тоже человѣкъ десять; шли гуськомъ, я среди ихъ. Если я хотѣлъ ступить шире и идти шибче, передній караульный спиной пихалъ меня назадъ, а задній караульный пихалъ въ спину. Я шелъ какъ арестантъ, и такъ меня вели до деревни Кичинець на разстояніи 8 верстъ.

Проходимъ чрезъ Кичинцы, женщины и дѣти выходили изъ домовъ, ругали меня, плевали, бросали щепками и соромъ. Подойдя къ корчмѣ, остановились, поджидая свящ. Кудревича. Предлагали мнѣ пить водку, но я не пилъ. Изъ нихъ никто не пилъ водки, кромѣ Кудлика (грамотнаго); онъ былъ очень пьянъ. Здѣсь присоединился къ караулу моему новый человѣкъ — молодой и слѣпой на одинъ глазъ. Только-что начали отходить отъ корчмы, какъ слѣпой ударилъ меня палкою по спинѣ, приговаривая: „отдай, проклятый, наше добро, не мучь насъ“; хотѣлъ ударить другой разъ, но рыжій не позволилъ. Изъ Таганчи шли лѣсомъ, потому не видно было, сколько идетъ народа. Изъ Кичинець до Корниловки шли полемъ подымаясь на гору, оглянувся я и ужа-снулса, увидѣвши сколько народу—больше пяти сотъ.

Въ Корниловкѣ остановились около церкви. Я сѣлъ на ступенькахъ и началъ говорить: „люди добрые, намъ всѣмъ въ церковь нѣтъ чего идти: будетъ только безпорядокъ и шумъ;

изберите человѣкъ десять и пойдемъ. Я вамъ покажу всѣ бумаги, ищите себѣ вашего указа.“ На мое предложеніе согласились, въ церковь вошло немного людей. Я взялъ эпитрахиль и приказалъ старостѣ церковному вынести изъ ризницы всѣ бумаги; староста вышелъ съ бумагами; тогда въ церковь вошелъ и Кудликъ (писарь), сильно пьяный. Всякую бумагу я перелистывалъ и отлагалъ въ сторону; нашелся одинъ манифестъ, такъ чисто сохраненный, какъ-бы сейчасъ изъ типографіи. Увидѣвши этотъ манифестъ, Кудликъ громко закричалъ: „есть наше добро!“ На его крикъ набѣжало людей полная церковь. Кудликъ взялъ манифестъ: „ни, це не воно, це о новорожденномъ изъ царской фамиліи.“ Послѣ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: „наше добро въ Евангеліяхъ.“ Поднялся крикъ: „шуйте тамъ.“ Я вошелъ въ алтарь, взялъ Евангеліе и началъ перелистывать; Кудликъ стоялъ съ одной стороны престола, а съ другой — другой человѣкъ и смотрѣли. Осмотрѣли одно Евангеліе и другое. Кудлику пьяному стало трудно стоять и онъ говоритъ: „мабуть наше добро сховано пидъ престоломъ, пиднимить одежду.“ Я ему отвѣчалъ: „сего я не могу для тебя сдѣлать — разоблачать св. престолъ.“ Стоявшій на сѣверныхъ вратахъ слѣпой крикнулъ на меня: „якъ ты смієшь нашого благородного человека Корнилія Самуиловича называть *ты*; ты его не стоишь; перепроси въ нашихъ очахъ.“ Поднялся шумъ въ церкви, я испугался; но Кудликъ отозвался: „я имъ прощаю, вони ще не знають, що я за человекъ.“ Вижу—входитъ въ алтарь человекъ пожилой и говоритъ мнѣ: „О. благочинный, не шуйте нашого добра тутъ. О. Димитрій, якъ утикавъ изъ церкви, то взявъ наше добро, бо бачили у його за пазухою бумагу.“ Услышавши это, люди подняли крикъ въ церкви, вытащили того человекъ изъ церкви, начали бить кулаками и ногами, приговаривая: „а чому-жъ ты не сказавъ сего тоди?“ Рыжій входитъ въ алтарь и говоритъ мнѣ: „нема чого тутъ намъ сидить, ходимъ въ гарбузинску церковь.“ Я закрылъ св. престолъ, снялъ эпитрахиль и пошелъ изъ церкви. Св. Кудревичъ сидѣлъ подъ колокольнею. Направились идти въ Гарбузинъ.

Въ Корниловѣ жилъ лѣсничій—капитанъ; когда шли мимо его квартиры, онъ вышелъ и началъ увѣщевать народъ не дѣлать замѣшательствъ. Человекъ нѣсколько погналось за нимъ и онъ ушелъ въ квартиру.

Пришли въ Гарбузинъ (на разстояніи 3-хъ верстъ отъ Корниловки), а шли такимъ-же порядкомъ, какъ изъ Таганчи (я—подъ

карауломъ). Около церкви вышла жена священника Кудревича съ груднымъ младенцемъ, мать священника съ хлѣбомъ, падали предъ людьми на колѣни, плакали, прося не мучить меня и ея мужа. Люди не обращали на слезныя ихъ просьбы никакого вниманія, а еще смѣялись. Въ дверяхъ церкви стоялъ заштатный священникъ, отецъ мѣстнаго священника, Лука Кудревичъ. Церковь была отворена. Я вошелъ въ церковь. На аналоѣ лежали епитрахиль и ризы, приготовленные священникомъ; я надѣлъ ризы и вошелъ въ алтарь. Толпа народа вошла за мною въ церковь и закричала: „теперь мы пропали! кто давъ ризы?“ Старосту церковнаго вытолкали въ шею изъ церкви. Я сталъ предъ престоломъ, взялъ Евангеліе и началъ читать. Въ церкви происходили шумъ, крикъ и даже ругательства—зачѣмъ меня впустили въ церковь и дали ризы? Нѣсколько человекъ входили въ алтарь, просили и требовали, чтобы я сбросилъ ризы и вышелъ къ нимъ. Я не отвѣчалъ на ихъ слова, а читалъ Евангеліе. Священникъ—старикъ стоялъ на клиросѣ; къ нему не привязывались. Пришелъ въ церковь не скоро и свящ. Михаилъ Кудревичъ, но не долго сидѣлъ,—обомлѣвъ и его отнесли на рукахъ въ домъ. Стѣпой нѣсколько разъ вбѣгалъ въ алтарь, хватался за ризы и хотѣлъ снять съ меня. Я держался, и онъ уходилъ съ ругательствами и похвалками на меня. Я подозвалъ къ себѣ заштатнаго священника и просилъ его (дьячекъ ушелъ въ гарбузинскій монастырь) замѣнить отсутствующаго дьячка при служеніи вечерни, которую я располагалъ тотчасъ начать, причемъ просилъ его пѣть протяжно. Священникъ—старикъ согласился и пошелъ на клиросъ. Пономарь, тоже заштатный, Ѳедоръ Радзивиловскій, глубокой старикъ, взялся прислуживать мнѣ въ алтарѣ. Начали вечерню, отправляли какъ можно медленно; люди въ церкви смолкли, шуму не было; людей сначала было много, а послѣ меньше. Я замѣтилъ, что караулъ стоялъ около церкви подъ окошками, и у иконостаса—на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ. Вратъ царскихъ я не отворялъ и кадилъ только около престола, а на средину церкви не выходилъ. Такъ отправлена была вечерня; отслужили и утреню, тропари пѣли, какъ на Свѣтлое Воскресеніе. Когда утреня приходила къ концу, меня занимало, что я буду дѣлать дальше? меня обнималъ страхъ. Ноги у меня подгибались, руки тряслись; присѣсть было не на чемъ, стулья и скамейки повынесли. Я пригласилъ старика Кудревича и просилъ пособлять еще при чтеніи акаѳистовъ Спаси-

телю и Божіей Матери. Въ это время заштатный пономарь Радзивиловскій успѣлъ принесть мнѣ секретно просфоры и вино; сперва за нимъ не присматривали, а послѣ начали слѣдить. Въ Гарбузинѣ жилъ землемѣръ экономическій (Толкуновъ), мнѣ знакомый. Я написалъ секретно записку карандашемъ и вложилъ оную за галстукъ Радзивиловскому, чтобы онъ отнесъ землемѣру. Въ запискѣ я просилъ послать кого-нибудь въ сосѣдній монастырь, дабы пріѣхалъ духовникъ исповѣдать меня, ибо со мною по временамъ дѣлалось дурно. Заштатный свящ. Кудревичъ былъ въ запрещеніи богослуженія, а молодой сынъ его былъ больной. Вскрости Толкуновъ прислалъ мнѣ отвѣтъ, что никто изъ іеромонаховъ не соглашается ѣхать исповѣдывать меня,—боятся возбужденныхъ крестьянъ, и при семъ извѣстилъ, что солдаты уже идутъ въ Корсунъ. По прочтеніи акаѳистовъ, старикъ священникъ попросился идти отдохнуть, а я прислалъ на полу предъ престоломъ; тихонько входитъ въ алтарь какой-то чело-вѣкъ и, полагая, что я дремлю, схватилъ ризы, бывшія на мнѣ, и хотѣлъ снять, но я удержалъ. Послѣ этого я всталъ и началъ читать молитвы ко св. Причащенію.

Среди народа начался сперва шумъ, а далѣе разговоръ; караульнымъ принесли ужинъ и они сѣли ужинать около клироса. Мнѣ было уныло и тяжело на сердцѣ; я ослабъ, потъ катился съ меня, ноги подкосились и я упалъ; сторожевые вбѣжали въ алтарь и хотѣли меня поднять, но я самъ приподнялся. На стукъ набѣжало много людей въ церковь, а слѣпой вбѣжалъ въ алтарь, схватилъ за ризы и нахально тянулъ меня изъ алтаря; я взялъ въ руки Евангеліе, слѣпой увидѣлъ и оставилъ меня; только идучи изъ алтаря, осыпалъ меня ругательствами и проклятіями.

Вѣрный слуга, пономарь Радзивиловскій сумѣлъ приготовить мнѣ подризникъ, поручи и поясъ. Подъ горнимъ мѣстомъ была скамеечка; пользуясь случаемъ, когда сторожевые вздремнули, я одною рукою поднялъ эпитрахиль и ризы на себѣ, а другою набросилъ на себя подризникъ на ряску. Эту мою находчивость замѣтилъ караульный чрезъ окно алтарное, сейчасъ вбѣжалъ въ церковь, потревожилъ лежавшихъ на сѣверныхъ и южныхъ вратахъ, и тутъ-же завелся между ними споръ и чуть не дошло до драки за то, какъ они допустили мнѣ облачиться во все священническое облаченіе.

Около того времени пришелъ въ церковь землемѣръ Толкуновъ съ своимъ семействомъ и просилъ меня отслужить акаѳистъ

Божіей Матери и молебень великомученику Георгію. Я сему случаю очень былъ радъ, чтобы мнѣ не спать и неунывать. Пригласили старика священника Кудревича и я служилъ какъ можно медленнѣе. Спросилъ я сего господина, скоро ли будетъ разсвѣтать. Онъ отвѣчалъ, что чрезъ полчаса. Тогда-же входятъ два человекъ—старика: вошли въ церковь безъ всякаго уваженія ко храму Божію, поздоровались съ караульными и спрашиваютъ: „ащо ничего не помагається? не отдае добра? говорятъ, що голякивскій пидъ отдавъ своимъ паравіанамъ добро, а наше и всихъ насъ и насъ сей благочинный сховавъ пидъ престоломъ въ сотницки церкви и тамъ вси попы присягли не выдавать нашего добра ¹⁾; але возьмимся до нѣго лучше, винъ розришить клятбу и выдасть наши указы“. Землемѣръ при семъ глупомъ разсказѣ засмѣялся. Крестьяне это замѣтили и насильно выгнали его изъ церкви съ семействомъ.

Начало свѣтать; я позвалъ Радзивиловскаго пономаря, благословилъ ему звонить и звонить долго, а литургію общалъ начать позже. Время до начатія литургіи я провелъ въ чтеніи Евангелія. Послѣ проскомидіи я опасался выходить съ кадиломъ на церковь, а кадилъ одинъ алтарь; выходя изъ алтаря для малаго входа, я увидѣлъ, что людей было довольно въ церкви и стояли всѣ чинно, на большомъ входѣ я уже кадилъ всю церковь. По окончаніи литургіи (которую я, въ сей разъ, служилъ съ такимъ чувствомъ и благоговѣніемъ, какъ никогда не служилъ во все время моего священства), я раздробилъ просфоры и, раздавая антидоръ, христосовался со всѣми, какъ на праздникъ Воскресенья Христова; послѣ просилъ ихъ забыть все, что происходило между нами недобраго. Но разоблачатся я не думалъ, не довѣряя имъ, и не хотѣлъ выходить изъ церкви; вдругъ сотскій подноситъ мнѣ записку, писанную становымъ приставомъ Деркачевымъ, въ которой строго предписывалось сотскому удерживать крестьянъ отъ ихъ нахальства и нелѣпыхъ претензій къ священникамъ подъ сильною отвѣтственностію. Я прочиталъ записку и отдалъ сотскому. Въ это время нѣсколько человекъ—стариковъ вошли въ алтарь съ благоговѣніемъ, положили по земному поклону, испросили у меня благословенія и просили разоблачиться и выходить изъ церкви, общаясь и клявись не дѣлать мнѣ никакихъ неприятностей. Я повѣрилъ ихъ клятвѣ, разоблачился и вышелъ изъ цер-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ здѣсь священники моего благочинія выполняли присягу на вѣрность и подданство Государю Императору Александру Николаевичу.—*Авт.*

кви, меня провожали и просили благословенія; я ихъ увѣщеваль и просилъ забыть все прошедшее. Но вдругъ, чуть я вышелъ изъ логоста церковнаго, какой-то старикъ, въ грязной свитѣ, ухватилъ меня за рясу и ударилъ по шеѣ. Отъ внезапнаго испугу, удара, а всего больше отъ усталости, я упалъ на землю и обомлѣлъ; народъ испугался, принесли воды, облили мнѣ рясу и немного привели въ чувство. Я опомнился, но не былъ въ силахъ идти, и сидѣлъ на землѣ, въ грязи. Я еще не совсѣмъ опомнился, какъ опять кто то ударилъ меня ногою въ спину такъ сильно, что я упалъ животомъ на землю и опять обомлѣлъ; подняли меня на рукахъ и замѣтно испугались, ибо стала тишина въ народѣ,—никто не говорилъ ничего. Смотрять, прѣвѣжаетъ верхомъ чело-вѣкъ (послѣ оказалось изъ с. Сотниковъ); вся толпа къ нему, долго что то говорили тихо; верховой поѣхалъ обратно, а народъ обратился опять ко мнѣ, взяли меня подъ руки и начали вести, не дорогою, а полемъ рабочимъ. Куда вели, я сперва не зналъ. Я просилъ отступить отъ меня, чтобы я шелъ самъ; но слѣпой опять явился, ударилъ меня кулакомъ по спинѣ и сказалъ: „тутъ тобі буде аминь (смерть).“ Вели меня все въ гору; я задыхался и спотыкался, случалось, и падалъ; народъ смѣялся. Вышли на гору; тогда я узналъ, что мы около доревви Кичинець. Слышу, говорятъ: „поведимъ его, да покупаемъ въ ставу; винъ подужчае“; но одинъ изъ толпы выходитъ и говорить: „ему вода не страшна, винъ рыбалка, уміе плавать добре“. Говорившій былъ житель с. Бровахъ, Петръ Канобасъ; по мастерству онъ былъ рѣщикъ, дѣлалъ иконостасъ въ мионовскую церковь и потому зналъ меня.—Постоявши немного на горѣ, опять пошли полемъ, а куда, я не спрашивалъ. Только показалось село, я сейчасъ узналъ, что это Корниловка. „А що радостно тобі стало, якъ побачивъ Корниловку? не радій, не будешъ бачиться съ своєю ріднею“¹⁾. Тутъ-же другой подхватилъ: „ему родня буде сю нічъ—булава, а постеля—сыра земля“. Подошли къ селу не дорогою, а чрезъ огорода, пришли къ одному хозяину. Я истомился, не могъ далѣе идти и сѣлъ на землѣ подъ хатою. Хозяинъ вынесъ мнѣ свитку, положилъ окого меня и просилъ прилечь (хозяинъ назывался Волкъ). Я легъ и тотчасъ уснулъ, и уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Долго-ли я спалъ, не скажу; только послышался крикъ. Я проснулся, открылъ глаза и вижу: около меня женщины съ кіями.

¹⁾ Села Корниловки священникъ Подгаецкій—двоюродный братъ моей жены; при немъ жили двѣ его сестры.—*Авт.*

Женщинъ было около десяти и одна тотчасъ же ударила меня по спинѣ „истыкомъ“¹⁾. Поднялся крикъ: „чоловики (мужья) тоби блажить, а мы не будемъ миловати тебе, проклятый; ты нашъ збавитель (губитель), ты насъ мучишь, ты насъ продавъ“—приговариваютъ и бьютъ меня то по головѣ, то по спинѣ; сняли съ меня сапоги, рясу, облили водою, на голову насыпали земли; мужчины смотрять и ничего не говорятъ имъ. Потомъ немного успокоились и начали совѣтоваться, что со мною далѣе дѣлать? Одни говорятъ: „посадить въ сажь—къ свиньямъ;“ другіе: „посадить въ яму, гдѣ на зиму хоронять картофель и гдѣ лѣтомъ много жабъ“, третьи говорили: „посадить въ колодезь“, и много еще выдумывали, какъ одна женщина—большаго росту и немолодая—громко крикнула: „беримъ ёго та пидемъ въ переваги зъ нымъ“²⁾ и при сихъ словахъ схватила меня за ноги и потянула по землѣ—по кочкамъ. Я обомлѣлъ и не помнилъ, что со мною дѣлали. Отрезвили меня опять водою, обливши рясу на мнѣ и измаравши грязью; кровь лилась у меня изъ носа и ушей. Придя въ себя, я замѣтилъ, что лежалъ не далеко церкви, подъ частоколомъ, на улицѣ. Какъ меня туда перевели, я не помню. Около меня теперь не было крестьянъ, только стояла женщина, не изъ простыхъ. Сперва я не узналъ ее, такъ у меня въ глазахъ потемнѣло; а послѣ узналъ, что это вдовая священница, сестра двоюродная моей жены. Я сълъ подъ частоколомъ; начали собираться опять люди, сперва мужчины, а потомъ женщины; чрезъ частоколъ дѣти сыпали мѣ на голову землю и всякую гадость, а женщины начали дѣлать надо мною разныя издѣвательства и насмѣшки. Меня томилъ голодъ и жажда. Жена дьячка принесла мнѣ въ мисочкѣ борщу; одна женщина подбѣжала и разлила. Староста церковный принесъ мнѣ въ ведрѣ безоваго соку; подбѣжали женщины, сокъ выпили, а ведро загадили. Вижу—ѣдетъ воловая подвода и на ней кто-то лежитъ; это былъ свя-

1) Родъ лопатки для очистки земли на плугѣ.

2) Перевага или перевѣшиваше— дѣтская игра. Она состоитъ въ томъ, что двое мальчиговъ или дѣвочекъ, взявъ длинную доску и положивъ ее поперекъ толстаго бревна или просунувъ чрезъ плетень такъ, чтобы серединой она опиралась на плетень, садятся по краямъ доски и попеременно то поднимаются отъ земли, то опускаются внизъ, качаются и какъ-бы перевѣшиваютъ другъ друга. Въ шутку подростки пробуютъ положить кого-нибудь изъ своей среды вмѣсто доски; но далѣе шутки такая продѣлка, конечно, не идетъ. Бабы задумали замѣнить доску благочиннымъ, авторомъ разсказа, а онъ былъ очень длиненъ и, что называется, поджаристый. Въ этомъ и высшее озлобленіе и юморъ національный.

щеникъ с. Гарбузина Кудревичъ — пелумертвый. Для чего они его сюда привезли?—Для одного посмѣянiя; онъ и не вставалъ съ повозки. Немного спустя привезли дьячка изъ села Бровахъ Максима Григоровича и принесли мѣшокъ бумагъ, взятыхъ изъ бровахской церкви, положили эти бумаги предо мною и приказывали искать между ними ихъ указа; я отказался, но велѣлъ дьячку пересматривать всякую бумагу, въ виду всѣхъ. Между бумагами нашлись вѣнчики раззолоченные; увидѣли женщины и закричали отъ радости: „оце наша грамота, зъ золотыми печатями; бачъ, де цей проклятый, нашъ христородавецъ, зховавъ“. Я при семъ засмѣялся. Замѣтивши это, женщины схватили меня за ноги и поволокли по дорогѣ, въ колючки. Дьячекъ Григоровичъ хотѣлъ меня защитить, тогда одинъ человекъ схватилъ его за волосы и, поваливши, такъ сильно ударилъ о землю, что тотъ обомлѣлъ; всѣ испугались, вскорости принесли воды и освѣжили его; онъ подползъ къ частоколу, гдѣ я сидѣлъ, и легъ, меня-же бросили въ колючкахъ. Начали любопытствовать вѣнчиками, которыхъ былъ цѣлый листъ. Староста церковный, доброй души человекъ, началъ имъ объяснять, что это вѣнчики, которые полагаются на умершихъ. Тутъ слѣпой подбѣгаетъ (его долго не было), схватилъ за волосы старосту и повалилъ на землю; послѣ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за ноги и, при пособii другихъ, приволокъ меня на прежнее мѣсто подъ частоколь. Голова у меня закружилась, я не могъ сидѣть и прилечь; онъ схватилъ меня за бороду, поднялъ мнѣ голову и посадилъ; гдѣ взялась женщина (говорили, что слѣпаго жена) съ большою палкою и ударила меня по головѣ. Я руками хотѣлъ закрыть голову, меня схватили за руки и кричали: „убій за собаку, де винъ сховавъ те добро, що виграевскій дякъ возивъ по всихъ поцахъ“¹⁾). Какой-то молодой человекъ выступилъ изъ толпы и началъ просить, чтобы меня не мучили; женщины кулаками прогнали его далеко. Я сидѣлъ и какъ собака смотреть на убивающаго ее, такъ я смотрѣлъ пристально на женщинъ, стоявшихъ предо мною съ палками. Какими словами они меня ругали, нельзя выразить. Жена поручика, сестра свящ. Подгаецкаго, женщина пожилая, пришла на позоръ сей и начала увѣщевать ихъ не дѣлать такихъ безчинiй и посмѣянiй,—ее прогнали съ безчестiемъ.

Послышался въ далекѣ лошадиный топотъ. Всѣ туда обратили взоры; прiѣхалъ верховой. Вся толпа бросилась къ нему; что

¹⁾ Возилъ онъ одинъ консисторскiй указъ по благочинiю.—*Авт.*

тамъ было говорено, мнѣ неизвѣстно, только послѣ сего свиданія всѣ впали въ какое-то уныніе. Женщины начали расходиться. Я принялъ дерзновеніе и началъ говорить къ нимъ: „идите да варите ужинъ для гостей“. „Для явихъ гостей?“ спрашивали меня. Я отвѣчалъ: „и я вашъ гость, а еще, можетъ быть, и другіе будутъ (я разумѣлъ здѣсь солдатъ)“. Женщины разошлись, а мужчины остались.

Въ такихъ истязаніяхъ прошелъ цѣлый день; одна благодать Божія меня укрѣпляла! Уже солнце начало заходить за дѣсу и слышался звонъ въ гарбузинскомъ монастырѣ. Крестьяне начали креститься. Слышался звонъ и въ Корсунѣ. Ко мнѣ подходитъ нѣсколько человекъ, просятъ благословить ихъ, просятъ идти служить. Это было въ субботу. Но я сильно ослабъ, съ трудомъ всталъ. Принесли воды—я умылся, рясу вычистили, принесли сапоги, а шляпы не было (у хозяина Волка осталась). Дьячекъ бровахскій лежалъ больной; пономарь Волошинъ увѣхалъ въ Корсунъ,—не съ кѣмъ было служить. Привели грамотнаго мальчика крестьянскаго. Я пошелъ въ церковь, людей собралось полная церковь. Началась всенощная. Мальчикъ опытный, хорошо читалъ и пѣлъ; люди стояли чинно и молились. На утрени, на 9-й пѣснѣ, слышался на колокольнѣ необыкновенный звонъ,—какъ-бы на какую тревогу. Я послалъ старосту узнать; возвратившись, онъ сказалъ мнѣ тихо: „ратники вошли“. Я при семъ извѣстіи какъ-бы вновь родился; люди всѣ побѣжали изъ церкви и начался опять необыкновенный звонъ. По окончаніи утрени, остались въ церкви только грамотный мальчикъ, староста и поручикъ Гарасименко. Я сталъ совѣтоваться съ ними, что мнѣ теперь дѣлать? они совѣтовали не выходить изъ церкви. Я полагалъ, что солдаты или ратники пришли въ с. Корниловку; но узнаю, что рота солдатъ пришла въ Корсунъ, а сюда пріѣхалъ разсылный съ извѣстіемъ. Долго я стоялъ въ раздумьѣ; входятъ человекъ около десяти и требуютъ, чтобы я шелъ къ нимъ на дворъ. Я думалъ не идти; но они сказали: „поведемъ по неволі“ и я пошелъ. Людей было многое множество; уже смерклось, гулъ отъ говору по дѣсу раздавался страшно; крикъ женщинъ и плачь дѣтей—все это придавало ужасъ всѣмъ, и особенно мнѣ. Только-что я показался предъ толпою, такъ и закричали: „звяжимъ ёго, або спутаймо, а то винъ одъ насъ утиче“. Я спросилъ: „куда вы думаете идти?“ они отвѣчали: „мы то знаемъ, куда“. Но не очень уже занимались, пвидимому, мною,

и я началъ ихъ уговаривать, чтобы они оставили худую мысль—идти противъ войска, а чтобы смирились и послали отъ себя понятыхъ въ Корсунъ просить прощенія; то же говорилъ и поручикъ Гарасименко (онъ изъ крестьянъ, былъ отданъ въ солдаты еще въ 1807 году). При сихъ словахъ, внезапно схватили меня за руки, поворотили спиною, связали поясомъ и поручили какому-то человѣку Кузмѣ меня караулить. Гдѣ взялся рыжій (его долго не было) и говорить мнѣ ласково: „вы знаете, що у насъ уже все начальство нове, управляющимъ уже Петро Кукла (крестьянинъ изъ Выграева), секретаремъ—Корнилій Самуйловичъ. Князя завтра не буде, не буде и Бирона (управляющаго). А вамъ доступъ на добру волю; якъ пидете зъ нами, то даруемъ жизнь; а не пидете, то поведемъ силою и завтра повисимо на тымъ шпигли, що, якъ у князя балъ, то вывишуютъ флагъ“. Я спросилъ: „да куда-же съ вами идти?“. „Мы знаемъ, куда пидемъ“, отвѣчали. „Если на добро, то я согласенъ“,—отвѣчалъ я. Вдругъ слышался крикъ: „то мы зле думаемъ?“ и на меня посыпались кулаки со всѣхъ сторонъ и по спинѣ, и по головѣ, и въ животъ. Я содрогнулся. Поручикъ Гарасименко, стоя около меня, крикнулъ: „меня бейте и убейте; я кровь за васъ проливалъ, а его не бейте, онъ невиновенъ предъ вами; онъ за васъ Богу молился“. Слова сего старика война сильно подѣйствовали; сейчасъ заговорили: „берить его, Несторъ Гарасимовичъ до себе, пидкрѣпить его, а мы будемъ радиться, що робить“. Я обрадовался и пошелъ съ поручикомъ въ домъ священника. Не успѣлъ я закусить, какъ входятъ три человѣка въ домъ и требуютъ, чтобы я шелъ къ людямъ. Поручикъ вытолкалъ ихъ изъ дому; но чрезъ минутъ пять уже вошло въ домъ человѣкъ нѣсколько и нахально требовали, чтобы я шелъ къ людямъ. Я взялъ кусокъ хлѣба и заплакалъ, жена поручика дала мнѣ и сала; я попрощался со всѣми ими и пошелъ.

Была ночь темная; дулъ вѣтеръ, народъ шумѣлъ, гудъ страшный раздавался по всему селу и по лѣсу.

(Окончаніе будетъ).

Архивъ Малороссійской Коллегіи

при Харьковскомъ Университетѣ.

Въ послѣдніе годы въ русской ученой литературѣ поднятъ вопросъ о необходимости устройства въ провинціяхъ центральныхъ архивовъ, съ цѣлью ихъ научной разработки. Надъ этимъ вопросомъ особенно много работалъ Н. В. Калачевъ, управляющій центральнымъ архивомъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ. Благодаря его же стараніямъ въ Петербургѣ учрежденъ Археологическій Институтъ для приготовления ученыхъ архивистовъ и, кромѣ того, подъ его предсѣдательствомъ, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учреждена особая коммисія для правильнаго и единообразнаго веденія архивнаго дѣла въ Россіи. Н. В. Калачевъ ожидаетъ особенной пользы отъ устройства въ разныхъ мѣстностяхъ отечества ученыхъ архивовъ и историческихъ обществъ. „Польза эта, по его словамъ, заключается не только въ поощреніи, которое будетъ дано означенными архивами и обществами разработкѣ отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ— въ возвышеніи въ средѣ народа какъ образованія вообще, такъ и любви къ своей родинѣ и, въ особенности, къ своей мѣстности, которую такъ сильно развиваетъ наглядное изученіе ихъ исторіи и памятниковъ“ (т. IV-й Сборника государственныхъ званій: Архивы, ихъ государственное значеніе). Въ виду подобной высокой пользы отъ провинціальныхъ научныхъ архивовъ, нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія мысли г. Калачева о распространеніи у насъ хранилищъ подобнаго рода, по крайней мѣрѣ въ такихъ центрахъ науки, какъ университетскіе города. Это тѣмъ болѣе желательно, что до сихъ поръ наша интеллигенція совершенно равнодушно относилась къ какимъ бы то ни было древлехранилищамъ.

На нашемъ югѣ, на примѣръ, можно сказать, вовсе почти нѣтъ частныхъ хранилищъ письменной и печатной старины, собираемыхъ ея любителями. Даже общественныхъ архивовъ старыхъ дѣлъ, существующихъ съ специально-научной цѣлью, у насъ всего одинъ: мы разумѣемъ центральный архивъ юго-западнаго края, состоящій при кievскомъ университетѣ въ завѣдываніи особой археографической комисіи. Въ Одессѣ, правда, есть также крайне интересный архивъ, но онъ, къ сожалѣнію, составляетъ недоступную для постороннихъ собственность одного лица, хотя, по всей справедливости, ему слѣдовало бы сдѣлаться общимъ достояніемъ. Это часть запорожскаго архива, приобрѣтеннаго г. Скальковскимъ изъ екатеринославскаго губернскаго правленія. Конечно, нельзя не быть признательнымъ г. Скальковскому за сохраненіе упомянутаго архива, который, не попади въ его руки, очень легко могъ-бы погибнуть, какъ погибло много малороссійскихъ архивовъ при разнаго рода присутственныхъ мѣстахъ; при всемъ томъ нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ будущемъ, перешелъ въ завѣдываніе какого либо ученаго общества ¹⁾. Г. Харьковъ до послѣдняго времени также не имѣлъ историческаго архива. Но въ 1879 г. вслѣдствіе моего доклада, историко-филологическое общество, состоящее при университетѣ, возбудило вопросъ о приобрѣтеніи архива старыхъ дѣлъ, находившагося въ г. Черниговѣ при губернскомъ правленіи. Подлежащее вѣдомство, къ которому харьковскій университетъ обращался съ просьбой о передачѣ ему упомянутаго архива для научной разработки, изъявило полное свое согласіе на такую передачу. Въ томъ-же году архивъ былъ перевезенъ мною изъ Чернигова и сданъ харьковскому университету.

Переданный университету архивъ носить названіе Архива Малороссійской Коллегіи. Въ составъ его вошли дѣла Генеральной Войсковой Канцеляріи, состоявшей при малороссійскихъ гетманахъ почти со времени присоединенія Малороссіи къ Россіи, и затѣмъ дѣла собственно Малороссійской Коллегіи, которая существовала съ 1722 по 1727 г. и потомъ съ 1764 по 1786 г. Кроме того тамъ-же есть часть дѣлъ черниговскихъ полковой канцеляріи и гродскаго суда. Первоначально упомянутый архивъ

¹⁾ Остальная часть архива Сѣчеваго, какъ говорятъ, хранится въ Петербургѣ при Военномъ Министерствѣ, куда онъ отправленъ былъ генер. Текелли. Очень желательно, чтобы кто либо изъ интересующихся южно-русской стариной навелъ справки на мѣстѣ о существованіи и положеніи этого архива.

находился въ г. Глуховѣ, какъ резиденціи гетмановъ и мѣсто-пребыванія Малороссійской Коллегіи. По закрытіи послѣдней въ 1786 г. архивъ ея, вмѣстѣ съ дѣлами генеральной войсковой канцеляріи, былъ переведенъ въ Черниговъ, въ учрежденный тогда „губернскій архивъ“, переименованный впослѣдствіи въ архивъ губернскаго правленія. Въ томъ-же 1786 г. были переданы въ черниговскій губернскій архивъ рѣшенные дѣла черниговской полковой канцеляріи и городскаго суда, закрытыхъ при учрежденіи намѣстничествъ (см. Топографич. Описаніе чернигов. намѣстничества, составл. въ 1786 г. Шафонскимъ, ч. 1, стр. 135) ¹⁾.

Размѣръ поступившаго въ вѣденіе харьковскаго университета архива довольно значителенъ, но опредѣлить его количествомъ дѣлъ невозможно, такъ какъ при архивѣ имѣются описи только части дѣлъ. Всѣхъ дѣлъ всего около 600 пудовъ, а если разложить дѣла въ одинъ рядъ, высотой въ полулистъ бумаги, то они займутъ пространство длиной въ 120 сажень.

Этотъ архивъ уже тронуть рукой изслѣдователя. Въ теченіи столѣтняго его нахождения въ Черниговѣ покой его, вѣроятно, тревожили еще съ прошлаго вѣка разнаго рода любители старины и лица, собиравшія матеріалы для исторіи Малороссіи, въ родѣ Теплова и т. п. А что имъ пользовались разные изслѣдователи съ начала нынѣшняго столѣтія, это положительно извѣстно. Такъ, къ упомянутому архиву обращались за матеріалами южно-русскіе историки Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ. Первый упоминаетъ объ архивѣ черниговскаго губернскаго правленія въ числѣ источниковъ для своей исторіи Малороссіи (изд. 3-е т. 1-й стр. X). Второй, хотя и не упоминаетъ въ своей исторіи объ этомъ источникѣ, но, что онъ работалъ въ архивѣ, это видно изъ его статьи „Черниговъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніи“, помѣщенной въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 годъ. Затѣмъ черниговскимъ архивомъ пользовались: бывшій предсѣдатель кіевской временной

¹⁾ Нѣкоторые изъ ученыхъ, какъ мнѣ приходилось читать, смѣшиваютъ архивъ Малорос. Коллегіи съ знаменитой Румянцевской Описью Малороссіи, и думаютъ, что она именно передала харьковскому университету. Но это не вѣрно. Послѣдняя хранится въ г. Черниговѣ при тамошнемъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что нѣкоторыя книги ея уже исчезли послѣ того, какъ опись была взята изъ Казенной Палаты и передана на храненіе въ Стат. Комитетъ.

археографической комисіи М. Судіенко, издавшій два тома »Матеріаловъ по отечественной исторіи«, извлеченныхъ изъ дѣлъ этого архива; архіепископъ Филаретъ, авторъ историко статистическаго описанія черниговской епархіи; А. М. Лазаревскій, авторъ прекраснаго изслѣдованія по исторіи малорусскаго крестьянства, доставившій много мѣстнаго историческаго матеріала въ разные спеціальныя журналы, и любитель старины, врачъ С. Д. Носъ, состоящій нынѣ на службѣ въ г. Люцинѣ, витебской губ. Авторъ настоящей замѣтки также работалъ въ архивъ и опыты своихъ трудовъ помѣщалъ въ особомъ прибавленіи къ Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ за 1877 и 1878 годы.

Какъ извѣстно, много дѣлъ изъ черниговскаго архива перешло въ руки частныхъ лицъ. Намъ сообщалъ г. Лазаревскій, что часть дѣлъ попала даже въ Москву въ румянцевскій музей; туда дѣла были переданы замлевладѣльцемъ полтавской губ. Лукашевичемъ, вмѣстѣ со всѣми матеріалами бібліотеки историка Маркевича, приобретенными Лукашевичемъ.

Хотя часть дѣлъ и ускользнула изъ нашего архива, но можно утѣшаться тѣмъ, что это главнымъ образомъ были дѣла, касавшіяся внѣшней исторіи Малороссіи, т. е. исторіи событій, которыя только однѣ и интересовали нашихъ прежнихъ историковъ. Да, кромѣ того, если дѣла *извлекали* историки, то они, конечно, не преминули внести болѣе интересное изъ почерпнутыхъ такимъ образомъ фактовъ въ свои изслѣдованія. Собственно-же для внутренней, бытовой исторіи юга, доселѣ у насъ не разрабатанной, хотя и болѣе важной, нежели исторія событій, упомянутый архивъ представляетъ неоцѣненный, единственный въ своемъ родѣ источникъ. Мы не можемъ здѣсь перечислить всего богатства этого архива, такъ какъ нѣтъ ни одной бытовой стороны въ прошломъ, которая не отразилась-бы въ его дѣлахъ. Скажемъ только, что въ немъ найдетъ для себя много любопытнаго и историкъ, и филологъ, и статистикъ, и экономистъ, и этнографъ, и юристъ, интересующійся исторіей права.

Къ сожалѣнію, описываемый архивъ до сихъ поръ не открытъ для занятій и вообще не приведенъ въ порядокъ. Правда, городскимъ обществомъ отведено помѣщеніе для архива вблизи университета, но не совсѣмъ удобное, такъ какъ въ одной и той-же залѣ должны помѣститься и архивъ, и музей техническаго общества. Правда, однимъ изъ мѣстныхъ сахарныхъ заводчиковъ (г. Харитоненко), вслѣдствіе просьбы Н. В. Калачева, принимаю-

щаго живое участіе въ судьбѣ архива, пожертвовано 2000 руб. на предварительную разборку дѣлъ и устройство шкафовъ. Но въ будущемъ положеніе архива остается не обезпеченнымъ, такъ что врядъ-ли вскорѣ начнется правильная разборка дѣлъ, не говоря уже объ ихъ разработкѣ. Архивъ не имѣетъ и, при отсутствіи средствъ, не можетъ имѣть постояннаго архиваріуса; изъ официальныхъ ученыхъ или изъ частныхъ лицъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который высказывалъ бы особенное желаніе работать въ архивѣ; университетъ много лѣтъ не имѣетъ даже профессора русской исторіи, котрый, по одному своему положенію, былъ-бы обязанъ заботиться о разборѣ и разработкѣ архива или лично, или посредствомъ привлеченія къ этому дѣлу студентовъ.

По моему мнѣнію, архивныя дѣла въ относительно небольшихъ архивахъ, каковъ настоящій, должны быть разбираемы по отдѣльнымъ предметамъ, для удобства разработки ихъ, и чѣмъ частіе предметъ и дробнѣе группы дѣлъ, тѣмъ лучше. Между тѣмъ лице, присланное отъ археологическаго института для предварительнаго ознакомленія съ архивомъ, работавшее въ теченіи нынѣшняго лѣта, разбило дѣла каждаго отдѣльнаго тюка лишь на три большія группы—дѣла собственно историческія, юридическія и экономическія, т. е. на такія общія группы, которыя очень мало могутъ облегчить изслѣдователя. Но за то упомянутымъ лицомъ составленъ списокъ болѣе интересныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ. Надо надѣяться, что этотъ списокъ будетъ помѣщенъ въ Трудахъ археологическаго института. Послѣ такой предварительной работы предстоитъ еще большой трудъ—разбить дѣла на мелкія группы по отдѣльнымъ предметамъ и составить имъ подробную опись, что, конечно, потребуетъ новыхъ расходовъ. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ состоятельныхъ лицъ, раздѣляющихъ мысль историка, что *„уваженіе къ своему прошлому есть первый признакъ цивилизованнаго человѣка“*, оказалъ дальнѣйшую поддержку этому возникающему у насъ учрежденію.

П. Ефименко.

Послѣ составленія настоящей замѣтки появилось въ газетѣ „Новое Время“ разъясненіе г. Рагозина, разбиравшаго архивъ Малороссійской Коллегіи, по порученію Археологическаго Инсти-

тута, въ которомъ онъ говоритъ, что въ настоящее время въ архивѣ хранится едва 20-я часть того, что заключалъ въ себѣ черниговскій губернский архивъ (изъ 478 тыс. дѣлъ сохранилось лишь 30 тыс.), остальное неизвѣстно гдѣ находится.

По этому поводу считаю необходимымъ заявить, что часть дѣлъ черниговскаго губернскаго архива была передана въ Кіевъ и Полтаву, какъ видно изъ того, наприм., что знаменитая Румянцевская Опись Малороссіи хранилась по частямъ и въ Черниговѣ, и въ Кіевѣ, и въ Полтавѣ. Затѣмъ, часть старыхъ дѣлъ оставлена мною въ Черниговѣ въ архивѣ губернскаго правленія (наприм. дѣла новгородъ-сѣверскаго намѣстничества, дѣла, касающіяся первой или второй турецкой кампаніи, веденной при Екатеринѣ 2-й). Этыхъ дѣлъ я не могъ перевезти въ Харьковъ по недостатку суммы, отпущенной университетомъ и историко-филологическимъ обществомъ на перевозку архива и потому еще, что мнѣ было поручено взять собственно дѣла бывшей Малороссійской Коллеги. Наконецъ, остальная часть дѣлъ погибла въ той половинѣ архива черниговскаго губернскаго правленія, которая находилась не при самомъ губернскомъ правленіи, а въ отдаленномъ зданіи, извѣстномъ подъ именемъ мазепинскаго дворца, что на валу. Это зданіе совершенно приспособлено для разложенія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ. Оно состоитъ изъ трехъ этажей, въ которыхъ въ лѣтнее время обнаруживается три различныхъ климата. Въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ—холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ—умѣренный и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, необыкновенно жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени проникалось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду. Если-же дѣла оттуда переносились для просушки въ верхній этажъ, то они вскорѣ засыхали и принимали видъ бурыхъ плитокъ, совершенно похожихъ на плитки татарскаго чаю. Говорятъ, что въ прежнее время въ нижнемъ этажѣ хранились именно старыя дѣла (разумѣется, невозвратно погибшія); въ мое же время тамъ находились лишь дѣла недавно упраздненныхъ административныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Въ виду такихъ и подобныхъ изчезновеній старыхъ дѣлъ желательно-бы, чтобы были приведены въ извѣстность всѣ мѣста, гдѣ хранятся старыя дѣла и чтобы остатки прежнихъ архивовъ были сосредоточены въ нашихъ центрахъ просвѣщенія, въ университетскихъ городахъ.

П. Е.

Библіографія.

I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ПО ИСТОРИИ ЮЖНОЙ РОССИИ ЗА 1881 Г.

Считаю излишнимъ оговариваться, что предлагаемый библіографическій указатель не имѣетъ претензіи на полноту даже и въ намѣченной имъ сферѣ. Наша цѣль будетъ достигнута, если мы укажемъ наибольшее число сочиненій и статей за прошлый годъ, относящихся въ исторіи и этнографіи южной Россіи, и вызоветъ дополненія и поправки спеціалистовъ по этому предмету. Указатель составленъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, если они извѣстны, или-же сочиненій, если неизвѣстны ихъ авторы.

Авсѣнко В. Г.—Школьные годы,—отрывки изъ воспоминаній (Историческій Вѣстникъ, Апрѣль, 1881 г.). Здѣсь говорится о Кіевскомъ Университетѣ въ 1860-хъ годахъ.

Александровичъ М. Н.—Остерскій уѣздъ. Выпускъ 1. Историческое описаніе. Часть 1. До окончанія смутъ въ Восточной Украинѣ (1669 г.). Кіевъ. 1881.

Амвросій Келембетъ, архіепископъ тобольскій и сибирскій, какъ проповѣдникъ (Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № 12 и слѣд.).

Антоновичъ В. Б.—О произведеніяхъ Т. Г. Шевченка, касающихся историческихъ событій (газета »Трудъ«, 1881 г., № 10).

Антоновъ В., священникъ.—Кіево-Печерская Ольгинская церковь (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 34 и 35).

Аполлосъ Терешкевичъ, слободско-украинскій епископъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Архимандритъ Августинъ Полонскій, 1791—1865 г. (Тамъ же, № 11).

Багалъй.—Исторія Сѣверской Земли до половины XIV вѣка (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1881 г., №№ 2—10).

Балабушевичъ В.—Каменецкій столбъ (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 24 и 25).

Бартошевичъ Ю.—Князь Курбскій на Волыни (Историческій Вѣстникъ, Сентябрь, 1881).

Бахталовскій Г.—Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ. 1881. (Изъ Кишиневскихъ Епарх. Вѣдомостей).

Березинъ В.—Описаніе рукописей почаевской лавры. Кіевъ. 1881.

Beseda na jarmarku w Żaszkwowi Sawy iz Monastyrisz chrystyjanynom iz Humanszynu. Ukrainec iz Humania. Krakow. 1881.

Биберштейнъ Г.—Народныя преданія въ Подоліа. Каменецъ-Подольскъ. 1881.

Богоявленскій М.—Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій. Историческая монографія (Литовскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 № 34 и слѣд.).

Брикнеръ А. Г.—Путешествіе Императрицы Екатерины въ Могилевъ въ 1780 году (Русскій Вѣстникъ, августъ и Сентябрь, 1881 г.).

Будиловичъ А.—Порядокъ образованія недвижимой собственности церковной въ Западной Россіи (Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ, 1881 г., №№ 3, 4, 6 и 8).

Великановъ А. С.—Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-славянскаго народа. Москва. 1881.

Веселовскій А.—1) Южно-русскія былины. С.Петербургъ. 1881 г., 2) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. III—V. С.Петербургъ. 1881.

Владиміровъ А.—О введеніи русскаго языка въ богослуженіе католической и протестантской церкви въ сѣверо-западномъ краѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881 г.).

Гаврилковъ М. протоіерей;—Письма о штундизмѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Ганицкій М.—Бессарабская Старина (Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3 и 4).

Гаркави А. Я.—Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ. С.Петербургъ 1881.

Гербель Н. В.—1) Игорь князь сѣверскій. Переводъ слова о Полку Игоревѣ. Изданіе 6-е. С.Петербургъ. 1881., 2) Гимназія вышихъ наукъ и Лицей князя Безбородко (въ Нѣжинѣ). С.Петербургъ 1881., 3) Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова. Украинская дума. Стихотвореніе (Русскій Вѣстникъ, октябрь, 1881 г.).

Гиляревскій А. К.—Русскій паломникъ Барскій. Изслѣдованіе. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Гладкій В. О.—Осипъ Ивановичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи 1789—1866 г. Біографическій очеркъ. (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Годовой отчетъ о составѣ и дѣятельности историческаго общества Нестора Лѣтописца за 1880 годъ. Кіевъ. 1881.

Голубевъ С. Т.—Нѣсколько новыхъ данныхъ относительно побѣдки Мелетія Смотрицкаго на Востокъ и перехода его въ унію (газета »Кіевлянинъ«, 1881 г., №№ 6, 9 и 11).

Голубинскій Е.—Исторія русской церкви. Томъ 1. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Вторая половина тома. Москва. 1881.

Горжковскій Маріанъ.—Monumenta ruthenica. Краковъ. 1881.

Григоровичъ. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени (въ 29 т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. С.Петербургъ 1881).

Григоровичъ П.—Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о модрынской святопокровской церкви, люблинской губерніи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 12).

Де-Пуле М. Ѳ.—Къ исторіи украинофильства (Русскій Вѣстникъ, мартъ 1881).

Ефименко А.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ (журн »Слово«, январь, 1881).

Ждановъ И.—Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. Кіевъ 1881. Залѣскій Брониславъ. *Żywot księcia Adama Jerzego Czartoryskiego*. Т. 1. Познань. 1881.

Знаменскій П. В.—Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881.

Зотовъ В.—Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Томъ III: литература Франціи, Румыніи и Славянскихъ земель. С.Петербургъ. 1881. Здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ помѣщенъ обзоръ »русинской литературы«

И. X.—Изъ записокъ Юліана—Урсина Нѣмцевича о Костюшкѣ. (Русскій Архивъ, 1881 г., т. 1).

Иловайскій Д.—Вопросъ о народности руссовъ, болгаръ и гуноновъ. (Журналъ Мннистерства Народнаго Просвѣщенія, Мартъ, 1881).

Истомянъ М. П.—О князьяхъ Всеволодѣ и Игорѣ Ольговичахъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 6).

Корженевскій І.—Состояніе варшавской епархіи подъ управленіемъ пресвященнаго Іоаннія (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 13).

Костомаровъ Н. И.—1) Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. С.Петербургъ. 1881. 2) Малорусское слово (Вѣстникъ Европы, январь, 1881); 3) Украинофильство (Русская Старина, февраль, 1881); 4) По вопросу о малороссійскомъ словѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881); 5) Еще по поводу малорусскаго слова Московскимъ Вѣдомостямъ (тамъ же, апрѣль); 6) »Изъ поѣздки въ Батуриинъ въ 1878 г. (газета »Порядокъ«, 1881 г., въ одномъ изъ апрѣльскихъ №).

Котляревскій А. А.—1) Библиологическій опытъ о древней русской письменности. Введеніе. Воронежъ, 1881., 2) Исторія русской жизни съ древѣйшихъ

время, сочиненіе И. Е. Забѣлина. Т. 1 и 2. М. 1876—79 г. Критическая оцѣнка. Кіевъ. 1881., 3) Рѣчь объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній (Газета »Трудъ«, 1881 г., № 8).

Крамаренко І.—1) Пробываніе пресвященнаго Іереміи въ Переяславѣ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 5. Допол., 2) Свято-Троицкая церковь въ и. Великихъ Будищахъ, полтавской епархіи, зѣньковскаго уѣзда (тамъ же, № 9).

Крашевскій.—Безумная (Szalona). Повѣсть изъ жизни социалистическаго кружка, мѣсто дѣйствія и сходки котораго происходятъ въ Кіевѣ на Подолѣ. Переводъ, съ польскаго. С.Петербургъ. 1881.

Крыжановскій Е. М.—Князь В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 18).

Крыловъ.—Драма страстей Христовыхъ (Вѣстникъ Европы, мартъ и апрѣль 1881).

Кулишъ П. А.—Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ,—изъ воспоминаній П. А. Куляша (газета »Трудъ«, 1881 г., № 6).

Ластивка Е.—Гавна, поэма—былица. Кіевъ. 1881.

Левицкій И. С.—1., Бурлячка. Повесть І. Левицкаго. Кіевъ. 1881., 2. Пріятели (въ альманахѣ »Луна« на 1881 годъ, ч. 1. Кіевъ. 1881); 3., Шевченкова могила (тамъ-же).

Линейкинъ (псевдонимъ).—Гимназическая переписка, собранная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи Иваномъ Линейкинымъ, съ дополненіями, почерпнутыми изъ юридической практики судебного слѣдователя Петра Линейкина. Кіевъ. 1881.

Лукьяновичъ Н.—Къ вопросу объ острожской школѣ XVI вѣка (Волинскія Епархіальныя Вѣдомости, 1881 г., № № 23—27).

Луна (эхо). Украинскій Альманахъ на 1881 р. Частына перша. Выданіе Л. В. Ильвицкаго, Кіевъ. 1881.

М. П.—Дополнительныя свѣдѣнія о Гавриилѣ Бодони, впоследствии митрополитѣ кишиневскомъ (Херсовскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № № 13 и 14).

Маврицкій В. А.—Штундисты (Православное Обзорѣніе, февраль и мартъ, 1881 года).

Макарій м. московскій.—Исторія русской церкви. Т. X. Москва. 1881. Этотъ томъ заключаетъ, между прочимъ, исторію западно-русской митрополіи въ борьбѣ съ уніею, подъ гнетомъ уніатскихъ митрополитовъ.

Макушевъ.—1. Чтенія о старопольской письменности. Варшава. 1881 г., 2. Южно-русскія сказанія по рукописи бібліотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (Журн. Минист. Народ. Просвѣщенія, май, 1881 г.).

Малышевскій И. И.—1. Реченія на исторію русской церкви Е. Е. Голубинскаго, удостоенная Академіей Наукъ большой золотой медали (въ Запискахъ Академіи Наукъ), 2. Слово Будавка (Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № № 46—47).

Матеріали для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи (Екатеринославскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1 и 2).

Матеріали для исторіи полтавскаго духовнаго училища (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 21).

Матусякъ С.—*Historya Polska w opowiadaniu ludu Kraków*, 1881.

Махно А. и М.—Сборникъ малороссійскихъ узоровъ, Кіевъ. 1881 г.

Милюковъ А. П.—Встрѣча съ Гоголемъ.—отрывокъ изъ воспоминаній (Истор. Вѣстникъ, январь, 1881 г.).

М. Е.—О древнѣйшемъ существованіи русской народности въ Галиціи, въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и другихъ мѣстностяхъ Привислянскаго края (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 2).

Мозговой В. Г.—Очеркъ кіевской губерніи. Кіевъ. 1881.

(Продолженіе будетъ).

II.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Историческіе Матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ I, издалъ редакторъ неофициальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ А. А. Кіевъ 1882.

Въ послѣднее время неофициальная часть „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ приняла характеръ гораздо болѣе интересный и полезный, чѣмъ обыкновенно имѣютъ губернскія вѣдомости. Новая редакція „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ сумѣла отнестись къ своему дѣлу не какъ къ формальной и скучной обязанности, а какъ къ изданію, которое въ скромныхъ рамкахъ губернскаго листка можетъ собрать и сгруппировать многія данныя, весьма цѣнныя для всесторонняго изученія той области, официальнымъ органомъ которой изданіе должно служить. Въ числѣ другихъ рубрикъ, назначенныхъ для сохраненія научнаго матеріала, относящагося къ губерніи, редакція предназначила мѣсто и для историческаго матеріала, который извлекала изъ той части архива губернскаго управленія, которая не вошла въ опись и потому недоступна или съ трудомъ доступна для изслѣдователей мѣстной старины. Извлекая постепенно изъ кучи полуистлѣвшихъ дѣлъ отдѣльныя связки, редакторъ печаталъ ихъ въ извлеченіяхъ или *in extenso*, иногда передавая въ своемъ изданіи только краткое содержаніе бумагъ, стараясь сохранить отъ гибели „всѣ крупныя историческаго матеріала“, попадавшіеся ему при поискахъ въ архивѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ извлеченій этихъ собралось столько, что издатель нашелъ возможнымъ составить изъ нихъ небольшой сборникъ, который и вышелъ отдѣльно подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Документи и извлеченія изъ дѣлъ не сгруппированы по сюжетамъ и связаны между только собою общностью территоріи и единствомъ источника, изъ котораго они извлечены; по времени они всѣ относятся ко второй половинѣ прошлаго столѣтія. Большинство дѣлъ и актовъ относятся къ исторіи кievскихъ монастырей и духовенства, кievскаго городского хозяйства, кievской губернской администраціи, а такъ-же къ пограничнымъ отношеніямъ съ польскимъ государствомъ, котораго границы въ прошломъ столѣтіи примыкали близко къ городской чертѣ Кіева. Сверхъ перечисленныхъ дѣлъ, нѣкоторые документы относятся къ отдѣльнымъ событіямъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе важный интересъ для края. Такъ мы встрѣчаемъ: цѣлый очеркъ дѣйствій русскихъ властей, направленныхъ къ тому, чтобы обезопасить польскую границу отъ вторженія гайдамакъ (1752 г.), описаніе голода, постигшаго кievскую область въ 1799 г., и мѣръ, предпринятыхъ для облегченія голодавшихъ, свѣдѣнія о скотскомъ падежѣ, открывшемся въ чертѣ города въ 1790 г., и т. д.

Среди документовъ историко-статистическаго характера, встрѣчаемъ интересные свѣдѣнія о переписи евреевъ, произведенной въ кievской губерніи въ 1792 году, съ указаніями на занятія и происхожденіе еврейскаго населенія (которое передвигалось въ Кіевщину частью изъ Польши, частью изъ Бѣлоруссіи, принадлежавшей тогда уже къ Россіи). Вообще все еврейское населеніе губерніи въ тогданемъ ея составѣ не достигало цифры 1000 человекъ (въ томъ числѣ въ городѣ Кіевѣ только 73 души) и по большей части „упряжнялось въ мастерствѣ“.

Нѣсколько документовъ относятся къ разнымъ отраслямъ мѣстной промышленности: есть намеки на шелководство, винодѣліе, приготовленіе варенья, которое выписывалось изъ Кіева въ большомъ количествѣ къ „Высочайшему двору“, и т. д.

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не представляютъ особенно крупныхъ историческихъ данныхъ, но мы не можемъ не выразить глубокой признательности скромному губерискому лѣтску за сохраненіе хотя разрозненныхъ, но весьма цѣнныхъ бытовыхъ историческихъ чертъ, которыя несомнѣнно найдутъ себѣ мѣсто при составленіи общаго очерка жизни въ XVIII столѣтіи нашего города и области.

Остерскій уѣздъ Вып. 1-й. Историческое описаніе. ч. 1-я. До окончанія смуты въ Восточной Украйнѣ. 1669 г. М. Н. Александровича. Кіевъ. 1881. 8° 109 стр.

Передъ нами книжка, принадлежащая автору, печальная кончина котораго въ Кіевѣ въ прошломъ году, еще на свѣжей памяти тѣхъ, кто его звалъ. Митрофанъ Николаевичъ Александровичъ былъ безспорно очень даровитый человекъ; но частію личный характеръ, а частію та среда, въ которой проходила его общественная дѣятельность, препятствовали полезному выраженію дарованій умершаго.—Литературныя занятія покойный Александровичъ началъ, сколько помнится, сотрудничествомъ въ „Основѣ“, гдѣ онъ помѣщалъ небольшіе, но исполненные наблюдательности

этнографическіе очерки, подписываясь подъ ними Митромъ Олельковичемъ. Отвлеченный впоследствіи отъ литературы общественною дѣятельностью, Александровичъ, кажется, ничего уже болѣе не печаталъ до изданія, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, книжки, заглавіе которой приведено выше. Изъ заглавія видно, что умершій авторъ имѣлъ въ виду представить системное и подробное описаніе той мѣстности, которой посвящена была большая половина его общественной дѣятельности. Уже по началу работы видно, что авторъ приступилъ къ ней послѣ обстоятельнаго знакомства съ литературой предмета, не только печатной, но и рукописной, архивной.

Историческое описаніе уѣзда авторъ начинаетъ съ IX в., объясняя, что по своему положенію территорія остерскаго уѣзда долженствовала быть поприщемъ историческихъ событій, какъ пограничье сначала трехъ великихъ княжествъ древней Руси: Кіева, Переяслава и Чернигова, а потомъ польско-литовскаго королевства, московскаго царства и татаръ. Главный интересъ книжки Александровича заключается въ совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ въ печати, свѣдѣніяхъ о заселеніи остерскаго уѣзда въ нач. XVI и нач. XVII в. При этомъ авторъ приводитъ въ подлинникахъ люстраціонныя описи Остра и его староства: 1552, 1616, 1622, 1628 и 1633 г. Эти описи заключаютъ въ себѣ въ высшей степени интересныя подробности какъ о времени возникновенія отдѣльныхъ поселеній, составившихъ остерское староство, такъ и объ отношеніяхъ ихъ жителей къ польскому панству. Съ помощью напечатанныхъ въ книжкѣ Александровича матеріаловъ, исторія народнаго быта Малороссіи лѣваго берега Днѣпра восполняется положительными данными тамъ, гдѣ до настоящаго времени приходилось имѣть дѣло большею частью съ одними лишь догадками. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ—откуда взяты имъ приводимыя люстраціонныя описи, за исключеніемъ одной—1552 г., взятой изъ Литовской Метрики. Можно догадываться, что оттуда-же заимствованы и остальные описи; но такъ какъ мы до сихъ поръ не имѣемъ полного описанія Литовской Метрики, хранящейся въ сенатскомъ архивѣ и почему то забытой Археографической Коммиссіей, то догадка наша такъ и должна остаться догадкой.

Описывая тѣ историческія событія, которыя касаются территоріи остерскаго уѣзда, авторъ представляетъ обстоятельный разсказъ о послѣднемъ вторженіи поляковъ въ восточную Малороссію—о походѣ Яна Казимира 1663—64 г., сообщая при этомъ особенно интересныя подробности объ осадѣ Глухова. При описаніи глуховской осады, мѣстные историки обыкновенно кратко говорятъ о какой-то особенной храбрости генер. судьи Животовскаго, который, задержавъ короля пять недѣль подъ Глуховымъ, далъ тѣмъ возможность собраться русскимъ войскамъ, которыя затѣмъ и заставили поляковъ поспѣшно уходить изъ Малороссіи. Не болѣе подробностей сообщено о глуховской осадѣ и Костомаровымъ въ его „Руинѣ“. Между тѣмъ болѣе двадцати лѣтъ уже, какъ изданы гр. Брѣлемъ—Платеромъ въ его

сборникѣ „Памятниковъ“¹⁾ подробныя свѣдѣнія какъ объ осадѣ Глухова, такъ и вообще о походѣ Яна Казимира, заключающіяся въ частныхъ письмахъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ похода, писанныхъ къ одному изъ Любомирскихъ²⁾). Письма эти ни словомъ не упоминають о Животовскомъ, приписывая неудачу глуховской осады распорядительности одного Дворецкаго (кіевскаго полковника), который, по тѣмъ-же письмамъ, былъ и начальникомъ глуховскаго гарнизона.—Дворецкій родомъ былъ острянинъ, что и подало поводъ Александровичу распространиться объ осадѣ Глухова. Во всякомъ случаѣ, книжка Александровича впервые сообщаетъ на рускомъ языкѣ обстоятельныя свѣдѣнія о послѣдней попыткѣ поляковъ уничтожить дѣло Богдана Хмельницкаго.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники умершаго автора описанія остерскаго уѣзда сохранили тотъ матеріалъ, который былъ имъ собранъ для продолженія такъ обстоятельно начатой монографіи.

Памятная книжка кубанской области, изданная 1881 года.—Составилъ дѣйствительный членъ кубанскаго областного статистическаго комитета Е. Д. Фелицынъ. Екатеринодаръ, 1881.—Изданіе статистическаго комитета.

Названная книга занимаетъ почетное мѣсто среди лучшихъ изданій русскихъ статистическихъ комитетовъ какъ по разносторонности содержанія, такъ и по обработкѣ предлагаемаго матеріала. Составитель ея, Е. Д. Фелицынъ, извѣстенъ русскимъ археологамъ и антропологамъ какъ составитель прекрасной археологической карты кубанской области, которую онъ представилъ на антропологическую выставку въ Москвѣ въ 1879 г., и какъ дѣятельный членъ 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Среди многочисленныхъ статей статистическаго и справочнаго характера, при составленіи памятной книжки кубанской области отведено мѣсто и для историческихъ изслѣдованій. Такъ, при статистическомъ описаніи городовъ: Екатеринодара, Ейска, Темрюка и Майкопа рассказана исторія ихъ основанія и постепеннаго развитія, затѣмъ помѣщена статья г. Кравцова *«Наказные атаманы бывшаго кавказскаго линейнаго козачьяго войска»*, содержащая краткія біографіи и характеристики атамановъ; наконецъ въ составъ книжки вошла весьма обстоятельная и подробная статья г.І. Бентковскаго: *«Заселеніе Черноморія—матеріалы для колонизаціи сѣвернаго Кавказа»*. Статья эта, составленная главнымъ образомъ по архивнымъ источникамъ, сообщаетъ весьма точныя, подтвержденныя

¹⁾ Zbiór Pamietników do dziejów polskich. Wydał Wł. St. hr. de Broel-Flater. Warszawa. 1858—59. 4 pe тома.

²⁾ Томъ 4-й, стр. 133—158.

статистическими цифрами данныя о постепенномъ приливѣ южно-русскаго населенія въ кубанскую область послѣ того, какъ ногайцы выселились изъ нея къ берегамъ Каспійскаго моря. Первые поселенцы, занявшіе кубанскую область, были козаки бывшаго запорожскаго войска, которымъ императрица Екатерина II пожаловала для поселенія земли между рѣками Кубанью и Ею, грамотою 30 іюня 1792 года переименовавъ запорожцевъ въ „черноморское войско“. Уже 25 августа 1792 года первый отрядъ запорожцевъ, около 4000 человекъ, высадили въ Тамани подъ начальствомъ войскаго полковника Саввы Билого: за нимъ послѣдовалъ кошевой атаманъ Захарь Чепига, зимовавшій въ ханскомъ городкѣ на рѣкѣ Еи и впослѣдствіи (1794 г.) основавшій кошъ черноморскаго войска на Кубани (нынѣшній Екатеринодаръ), и войскаго писарь Тимофей Котляревскій. Вообще въ теченіи трехъ лѣтъ (1792—1795) въ кубанскую область переселилось 17,000 душъ мужескаго пола; въ томъ числѣ были и остатки запорожской общины и бужскіе козаки, сформированныя Потемкинымъ во время второй турецкой войны, и, наконецъ, многочисленныя крестьяне изъ намѣстничествъ: екатеринославскаго, кievскаго, черниговскаго, харьковскаго, воронежскаго и новгородъ-сѣверскаго, бѣжавшіе отъ крѣпостнаго права и, подъ видомъ бывшихъ козаковъ, примкнувшіе къ новымъ поселеніямъ и вошедшіе въ составъ черноморскаго войска съ согласія козаковъ и ихъ старшинъ. Въ этомъ отношеніи особенно усердно заботился объ успѣшномъ ходѣ колонизаціи войскаго судья Антонъ Головатый, давшій императрицѣ на прощальной аудіенціи обѣтъ отъ имени войска: „воздвигнуть грады, населять села и сохранить безопасность предѣловъ“. Въ теченіи цѣлаго года онъ оставался въ новороссійскомъ краѣ, на рѣкѣ Слободзеи, и отправлялъ на Кубань постоянно новыя партіи переселенцевъ.

Послѣ прибытія въ пожалованную имъ область, черноморцы основали городъ Екатеринодаръ, въ которомъ, кромѣ общественныхъ зданій и частныхъ домовъ, выстроили 40 куреней по образцу запорожской сѣчи, для козаковъ бездомныхъ и холостыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ разныхъ урочищахъ края основали 40 куренныхъ селъ (переименованныхъ впослѣдствіи въ станицы). Не смотря на бѣдствія, постигшія переселенцевъ въ первые годы пребыванія ихъ на новыхъ мѣстахъ: неурожаи, падежи скота и эпидемическія болѣзни, похитившія до 15% населенія, приливъ новыхъ охотниковъ, записывавшихся въ войско, былъ столь значителенъ, что количество черноморцевъ не только не уменьшалось, но, напротивъ безпрестанно усиливалось. По сохранившимся даннымъ статистической переписи, народонаселеніе области въ 1802 году достигло уже цифры 33,000 душъ. Но не смотря на этотъ постоянный приростъ народонаселенія, количество его было далеко не достаточно какъ для защиты границы вдоль Кубани отъ нападенія горцевъ, въ чемъ и состояла главная задача службы черноморскаго войска, такъ и для успѣшнаго водворенія земледѣльческаго хозяйства въ обширной области, заключающей площадь въ 30,000 квадратныхъ верстъ. На пространствѣ всей области народонаселеніе было

столь жидко, что въ среднемъ выводѣ приходился почти 1 только житель на каждую квадратную версту и каждое куренное село владѣло по среднему разсчету 80,000 десятинъ земли. Потому, уже съ первыхъ годовъ XIX столѣтія, и мѣстныя областныя власти и высшее начальство хлопочуть о переселеніи въ Черноморскую землю малоземельныхъ козаковъ и крестьянъ изъ малороссійскихъ губерній. Въ 1880 году, по инициативѣ войсковаго атамана, Федора Бурсака, и по ходатайству херсонскаго генераль-губернатора, герцога Ришельё, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на переселеніе изъ малороссійскихъ губерній въ Черноморье 25,000 душъ мужескаго пола; въ слѣдующемъ году новые переселенцы стали прибывать въ Черноморье и были распределены по куренямъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, 1809—1811 г. число переселенцевъ явившихся изъ Малороссіи для усиленія контингента Черноморскаго войска, достигло цифры 41,500 душъ обоого пола. Очевидно, что результаты переселенія оказались весьма выгодными какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для усиленія производительныхъ силъ области и для умноженія доставляемаго ею военнаго контингента, потому что въ 1820 году главнокомандующій кавказскою арміею, генераль Ермоловъ, получившій въ управленіе и черноморское войско, немедленно вступилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи новаго переселенія малоземельныхъ козаковъ черниговской и полтавской губерній въ землю войска черноморскаго. Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о добровольномъ переселеніи 25,000 малоземельныхъ козаковъ изъ малороссійскаго генераль-губернаторства. Самое переселеніе началось въ слѣдующемъ году и продолжалось въ теченіи пяти лѣтъ (1821—1825); оно усилило народонаселеніе области новыми 48,000 душъ обоого пола. Въ 1831 году главнокомандующій кавказскою арміею, графъ Паскевичъ, вошелъ съ новымъ ходатайствомъ о разрѣшеніи третьяго переселенія въ размѣрѣ равномъ двумъ первымъ, но неблагоприятныя для переселенія условія — неурожай и холера, свирѣпствовавшіе въ 1831 году, заставили отложить исполненіе этого ходатайства. Оно было возобновлено графомъ Воронцовымъ и, вслѣдствіе исходатайствованнаго имъ разрѣшенія, въ 1848 году послѣдовало новое и послѣднее переселеніе въ землю войска черноморскаго 2,000 семействъ изъ губерній черниговской, полтавской и харьковской, доставившее контингентъ въ 5,000 душъ мужскаго пола и, вѣроятно, столько-же женскаго. Такимъ образомъ вслѣдствіе четырехъ послѣдовательныхъ колонизаций, привлекавшихъ жителей въ нынѣшнюю Кубанскую область цѣлыми массами, а также вслѣдствіе постоянной спорадической эмиграціи людей, искавшихъ въ этой области убѣжища отъ крѣпостнаго права, и образовался главный элементъ ея народонаселенія, превратившій въ теченіи 90 лѣтъ пустынный кочевья ногайцевъ въ область населенную, культурно-воздѣланную, обладающую нынѣ двумя портовыми городами и постоянно развивающую земледѣльческую производительность, благодаря выгоднымъ условіямъ климата и почвы и трудолюбію южно-русскаго населенія, вснахавшаго плугомъ почву, долго попираемую лишь копытами стадъ кочевниковъ.

Главные факты колонизаціи, вкратцѣ намѣченные нами, въ статьѣ г. Бентковскаго разсказаны весьма подробно и подтверждены многочисленными статистическими таблицами о состояніи народонаселенія страны въ различные моменты его существованія и прироста, а также многочисленными документами, которые подробно излагають мѣры, принимавшіяся властями для регулировки переселенія и устройства переселенцевъ.

Гальшка княгиня Острожска, оповѣдане историчне, д-ри Из. Шараневича, у Львовѣ, 1880 г.

Профессоръ львовскаго университета, г. Исидоръ Шараневичъ, извѣстенъ давно въ русской исторіографіи, какъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ труженниковъ на полѣ южно-русской исторіи. Кромѣ принадлежащаго ему капитальнаго труда „Исторіи Галицко-Володимірской Руси до 1453 года“, г. Шараневичъ издалъ понинѣ много монографій и изслѣдованій о галицко-русской исторіи, между ними важнѣйшія: „Критическій взглядъ на исторію карпатскихъ народовъ“; „Критическій разборъ ипатской лѣтописи“; „Изслѣдованія о стародавнемъ Львовѣ и Галичѣ“; „Очеркъ внутренняго состоянія Галицкой Руси въ XV столѣтіи“ и т. д. Всѣ труды г. Шараневича отличаются основательнымъ изученіемъ источниковъ, критическими приемами, стоящими на уровнѣ современной исторической науки, и яснымъ логическимъ изложеніемъ. Такими-же качествами отличается и послѣдняя монографія, изданная редакціею львовскаго „литературнаго и ученаго“ журнала „Заря“. Сюжетомъ монографіи послужила судьба извѣстной княжны Гальшки Ильиничной Острожской, внучки знаменитаго гетмана Константина Ивановича и племянницы славнаго въ исторіи южной Руси поборника православія, кievскаго воеводы князя Константина Василія Константиновича. Братъ послѣдняго, князь Илья Константиновичъ, староста брацлавскій и винницкій, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ громадное состояніе единственной наслѣдницѣ—дочери своей, Гальшкѣ (Елисаветѣ). Обширныя помѣстья, принадлежавшія молодой княжнѣ, и были причиною бѣдствій, преслѣдовавшихъ ее въ теченіи всей жизни. Вдова князя Ильи—Беата Костелецкая, руководившаяся исключительно эгоистическими расчетами, воспитывая дочь, постаралась лишить ее всякой самостоятельности и сдѣлать совершенно пассивнымъ орудіемъ для того, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ опеки надъ дочерью и управленія ея обширными помѣстьями. Между тѣмъ, уже съ 13-ти лѣтнаго возраста Гальшки, многочисленные женихи стали добиваться ея руки; мать употребляла всевозможныя усилія для того, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, при чемъ по отношенію къ болѣе знатнымъ, пускала въ ходъ всевозможныя, иногда весьма сложныя, интриги, опираясь главнымъ образомъ на покровительство короля Сигизмунда Августа. Наконецъ, дѣло сватовства кончилось самымъ неожиданнымъ образомъ: одинъ изъ жениховъ, князь Дми-

трій Федоровичъ Сангушко, получившій было согласіе матери и, вслѣдъ за тѣмъ, отказъ, рѣшился добиться брака какими-бы то ни было средствами. Опираясь на дружбу и помощь дяди невѣсты, князя Василія Константиновича, князь Дмитрій Сангушко овладѣлъ, частью хитростію, частью силою, острожскимъ замкомъ и повѣнчался съ Гальшкою, не смотря на протестъ матери. Но княгиня Беата не считала свое дѣло проиграннымъ; она принесла жалобу королю, который кассировалъ бракъ, какъ насильственный и приговорилъ князя Сангушка къ потерѣ чести, имущества и къ смертной казни. За исполненіе этого приговора взялись многочисленные польскіе друзья Беаты, въ числѣ которыхъ были многіе сонскатели руки ея дочери. Чувствуя грозу, князь Сангушко бѣжалъ вмѣстѣ съ женою за границу, но за нимъ направлялась погоня. Въ чешскомъ мѣстечкѣ Лысой бѣглецовъ нагнали воевода Мартинъ Зборовскій съ сыномъ, братья Гурки и другіе польскіе паны, и послѣ долгихъ звѣрскихъ истязаній, продолжавшихся въ теченіи нѣсколькихъ дней, убили князя Сангушка въ городѣ Яромирѣ. Княжна Гальшка, искренно привязавшаяся къ погибшему мужу, была возвращена матери. Опять начался новый періодъ сватовства и опять княгиня Беата противудѣйствовала женихамъ всевозможными интригами. Въ числѣ жениховъ выступаютъ на первомъ планѣ два самыя дѣятельные гонители князя Сангушка: Мартинъ Зборовскій и Лука графъ Гурка; послѣдній, заручившись покровительствомъ короля, успѣлъ повѣнчаться въ придворной королевской церкви съ Гальшкою, не смотря на то, что княжна заявляла о своемъ несогласіи вступать въ бракъ; немедленно послѣ вѣнца, молодая убѣжала къ матери и обѣ княгини, послѣ разныхъ странствованій, нашли убѣжище въ львовскомъ Доминиканскомъ монастырѣ. Но и здѣсь онѣ не долго наслаждались спокойствіемъ: спустя 4 года послѣ вѣнчанія, графъ Лука Гурка явился во Львовъ съ королевскимъ приказомъ львовскому старостѣ о выдачѣ ему жены. Когда-же княжна отказалась отправиться къ насильно навязанному ей мужу, то графъ Гурка вмѣстѣ со старостою осадили монастырь и стали бросать въ ограду его бомбы; нѣсколько разъ пытались взять его приступомъ, наконецъ, перерѣзали водопроводныя трубы и жаждою принудили осажденных къ сдачѣ. Между тѣмъ оказалось, что княгиня Беата приняла мѣры другого рода. Пока гр. Гурка осаждалъ монастырь, туда пробрался по призыву княгини Беаты, переодѣвшись нищимъ, князь Симеонъ Одельковичъ; княгиня Беата перевѣнчала его съ дочерью, вытребовавъ предварительно у зятя запись, по которой онъ предоставлялъ тещѣ въ пожизненное владѣніе всѣ имѣнія жены. Когда, послѣ сдачи монастыря, графъ Гурка вступилъ въ него, оказалось, что уже 6 дней, какъ жена его была повѣнчана съ другимъ. Начался безкопечный процессъ гражданскій, уголовный и духовный, который затянулся до самой смерти графа Луки Гурки. Въ теченіи всего этого времени жертвою процесса оказалась невѣста. Графъ Гурка, овладѣвъ ею, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, заточилъ ее въ тюрьму, въ одномъ изъ своихъ замкомъ въ окрестности Познани, и продержалъ въ темницѣ 14 лѣтъ; только послѣ его смерти, несчастная Гальшка

выдана была ея дядѣ, князю **Константину** **Острожскому**, и поселилась въ **Острогѣ**; но печальная судьба не прошла для нея даромъ: она страдала постоянною меланхоліею, переходившею по временамъ въ припадки помѣшательства, и, девять лѣтъ спустя послѣ своего освобожденія скончалась, отказавъ свои имѣнія дядѣ и его сыновьямъ.

Всѣ указанные факты разсказаны г. Шараневичемъ весьма живо и картинно, и обставлены точными ссылками на весьма тщательно разработанные имъ источники. Весьма хорошіе эпизоды разсказа составляютъ прекрасныя историко-топографическія описанія городовъ **Львова** и **Острога** въ половинѣ **XVI** столѣтія. Весь очеркъ оканчивается любопытною главою, въ которой разсказана исторія послѣднихъ князей **Острожскихъ**, дѣтей и внуковъ князя **Константина**, и судьба громадныхъ, принадлежавшихъ имъ имѣній.

А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.

Въ числѣ рукописей, хранящихся въ институтѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 113 находится записная книга, принадлежавшая неизвѣстному намъ лицу, вписывавшему въ нее въ половинѣ XVII столѣтія историческіе отрывки изъ прочтенныхъ книгъ и рукописей, документы, рѣчи, письма и т. п. Среди многихъ другихъ статей и замѣтокъ составитель желалъ внести въ свою книгу ходившую по рукамъ грамоту Кромвеля къ Хмельницкому, но, къ несчастью, списалъ только (на 831 страницѣ книги) первыя три строки, содержавшія титулъ или обращеніе, самой же грамоты или письма не переписалъ, по неизвѣстной причинѣ. Учѣлѣвшія три строчки открываютъ совершенно новый и въ высокой степени любопытный фактъ сношеній Кромвеля съ Хмельницкимъ; но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній—на время, предметъ и продолжительность этихъ сношеній. Тѣмъ не менѣе учѣлѣвшія строки до того наглядно обрисовываютъ взглядъ Кромвеля на значеніе Богдана Хмельницкаго, что мы рѣшаемся предложить ихъ вниманію любителей отечественной исторіи, интересующихся данною эпохою. Вотъ это оригинальное обращеніе:

Theodatus Chmielnicki, Dei gratia generalissimus ecclesiae Graecorum, imperator omnium cosacorum Zaporoviensium, terror et exstirpator nobilitatis Poloniae, fortalitiiorumque expugnator, exterminator sacerdotum Romanorum, persecutor ethnicorum, Antechristi et Iudaeorum.

(Богданъ Хмельницкій, Божією милостію генералиссимусъ греко-восточной церкви, вождь всѣхъ козаковъ запорожскихъ, гроза и искоренитель польскаго дворянства, покоритель крѣпостей, истребитель римскаго священства, юнктель язычниковъ, антихриста и іудеевъ).

б) *Властная гетманша.*

Власть гетмановъ малороссійскихъ была вообще весьма значительна. Исключительныя обстоятельства доводили ее до широкихъ размѣровъ, давали ей высшія прерогативы. Было время, когда Хмельницкій велъ сношенія съ сосѣдними державами, въ качествѣ независимаго владѣтеля, принималъ ихъ пословъ, отправлялъ своихъ и ни одна держава не находила такого его положенія ненормальнымъ,—имѣлъ пословъ даже отъ своего короля въ ту пору, когда еще не порвалъ съ нимъ всѣхъ связей. Вообще же гетманъ былъ полновластный пожизненный правитель страны, по избранію народа, въ лицѣ войска запорожскаго, не ограниченно и безотчетно распоряжавшійся ея силами, средствами и всѣмъ достояніемъ. Онъ объявлялъ походы, заключалъ миръ, имѣлъ право жизни и смерти, каралъ и миловалъ, жаловалъ чины и маестности.

Правительскую свою волю гетманы выражали обыкновенно въ формѣ универсаловъ, которые исходили отъ нихъ непосредственно и скрѣплялись ихъ подписью.

Власть свою гетманъ могъ передать временно тому или другому лицу изъ войсковой старшины, которое въ такихъ случаяхъ титуловалось наказнымъ гетманомъ. Случаевъ, когда гетманъ могъ-бы передавать свою власть женѣ, пообычаямъ „*Войска Запорожскаго*“, повидимому быть не могло. А между тѣмъ такой случай былъ и гетманская власть была передана жевѣ никѣмъ другимъ, какъ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ одномъ старинномъ перечнѣ грамотъ и универсаловъ, данныхъ густынскому монастырю на маестности, мы нашли слѣдующее упоминаніе объ универсалѣ гетманши: „1655 году іюля 22 дня. Унѣверсалъ отъ гетмановой Богдановой Хмельницкой Анны, приказующій обывателямъ прилуцкимъ, въ грунта бы до монастыря отъ князатъ Вишневецкихъ наданные и унѣверсаломъ малжонка (мужа) еи, гетмана Хмельницкаго конфирмованніе, не втручались и жадныхъ бы перешкодъ не чинили, подъ виною тысячи талярей до скарбу войскового и подъ суровымъ каранемъ. Виправиль иумень Іосифъ Θεодоровичъ“. Былъ ли этотъ универсалъ единичнымъ случаемъ, или же бывали и другіе случаи выдачи универсаловъ, хотя-бы тою-же Анною Хмельницею,—рѣшить трудно. Тѣмъ не менѣе выдача и одного универсала гетманшею—фактъ очень интересный, указывающій на то значеніе, которымъ пользовалась третья жена Богдана

Хмельницкаго— Анна Никифоровна, урожденная Золотаренкова, такъ какъ универсалъ 22 іюля 1655 г. былъ выданъ ею ¹⁾).

Интересно было бы найти самый универсалъ. Земельные документы густынскаго монастыря хранятся, сколько мы знаемъ, въ архивѣ черниговской казенной палаты, вмѣстѣ съ такими-же документами другихъ монастырей.

Ал. Лазаревскій.

в) Петръ I въ Русской Равъ въ 1698 году.

Помѣщенный ниже разсказъ принадлежитъ современнику и участнику описываемаго событія, русскому (т. е. червонорусскому) воеводѣ Яну-Ставиславу Яблоновскому, изъ записокъ котораго онъ извлеченъ. Записки эти хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 437) и обнимаютъ собою только 3 года: 1698—1700. Отрывокъ, о пребываніи Петра Великаго въ Червонной Руси, сообщаемъ въ точномъ переводѣ.

Русскій царь Петръ, по условію съ королемъ, хотя совершенно неожиданно для насъ, явился въ Раву на обратномъ пути изъ Вѣны. Мѣстечко это лежитъ въ 5 миляхъ отъ Львова, въ воеводствѣ белзскомъ; принадлежитъ роду Глоговскихъ. Оба монарха условились встрѣтиться въ этомъ мѣстѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Извѣстно всѣмъ, что царь Петръ возымѣлъ безпримѣрное дотогдѣ въ Россіи желаніе посѣтить чужіе края. Съ этою цѣлью онъ снарядилъ большое посольство, во главѣ котораго находился французъ Дефорть (исслѣдователь Кальвина), бывшій некогда учитель фехтованія и выдвинутый царемъ на мѣсто перваго министра. Другой посланникъ, товарищъ Дефорты, былъ русскій—канцлеръ Головинъ. Ихъ окружала свита, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 200 лицъ; самъ царь находился среди свиты подъ именемъ простаго дворянина и для виду даже прислуживалъ посланнику, хотя и свои, и иностранцы хорошо знали, кто скрывается подъ принятымъ incognito; но государю угодно было стать товарищемъ и даже слугою посланниковъ. Отправившись кораблемъ изъ Архангельска, посольство высадилось прежде всего въ Пилявѣ, въ Пруссіи брандебургской (т. е. восточной). Здѣсь устроилось свиданіе царя съ Фридрихомъ, электрономъ брандебургскимъ, и оба монарха гостили вмѣстѣ въ Кенигс-

¹⁾ Соч. Максимовича, I, 430.

бергъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ то именно время, когда подъ Варшавою происходили совѣщанія избирательнаго сейма. Изъ Кенигсберга царь писалъ настоятельныя письма къ штатамъ рѣчи постолитой и къ примасу, поддерживая кандидатуру Августа, курфирста саксонскаго, и даже угрожая войною, въ случаѣ, если-бы избранъ былъ сеймомъ его соискатель, герцогъ Конти. Это послужило основаніемъ дружбы и довѣрія, установившихся между царемъ и королемъ Августомъ.

Русское посольство вмѣстѣ съ царемъ Петромъ отправилось въ дальнѣйшій путь и, посѣщая многія земли и государства, странствовало въ теченіи 2 $\frac{1}{2}$ лѣтъ. Оно объѣхало Данію, Англію, Голландію. Въ амстердамскомъ портѣ царь самъ занимался плотничествомъ при постройкѣ корабля; оттуда онъ отправился въ Вѣну, желая потомъ посѣтить Венецію и Римъ. Но во время пребыванія въ Вѣнѣ, гдѣ императоръ Леопольдъ принималъ царя съ величайшими почестями, послѣдній получилъ извѣстіе о сильномъ возмущеніи противъ него, произшедшемъ въ Москвѣ, которое подавилъ весьма удачно Шереметьевъ; однако царь, не зная послѣдняго обстоятельства, рѣшился лично поспѣшить, черезъ Польшу и Литву, для укрощенія мятежа. Бросивъ свиту и багажъ, онъ вмѣстѣ съ Лефортомъ и Головинымъ, на десяти простыхъ повозкахъ, нанимая лошадей отъ города до города, даже не взявъ для себя коляски, пріѣхалъ въ Краковъ, а оттуда въ Раву.

Отецъ мой ¹⁾ въ то время, ожидая пріѣзда короля во Львовъ, призвалъ туда своего товарища, гетмана польнаго короннаго, Феликса Потоцкаго, и многихъ сенаторовъ, пановъ и военныхъ чиновниковъ. Вдругъ къ нему явился саксонскій офицеръ съ собственноручнымъ письмомъ короля Августа, извѣщавшимъ о неожиданномъ пріѣздѣ царя въ Раву. Король писалъ, что постарается удержать царя, и приглашалъ гетмана пріѣхать для свиданія съ нимъ.—Любопытство и желаніе видѣть царя въ Польшѣ, особенно такого царя, котораго называли чудомъ среди монарховъ, заставили пановъ гетмановъ поторопиться; мы собрались поспѣшно и прилично. Случилось это въ 1698 году, послѣ праздника св. Іоанна (т. е. послѣ 24 іюня). За $\frac{1}{4}$ мили передъ Равою гетманы и сопровождавшіе ихъ паны сѣли на верховыхъ лошадей, ихъ окружилъ отрядъ отборной конницы до полуторы тысячи. На рынокъ города Равы мы увидѣли королевскія палатки, примыкавшія къ еврей-

¹⁾ Станиславъ Яблоновскій, гетманъ великій коронный.

скимъ домамъ, въ которыхъ квартировали царь и король. Король ожидалъ насъ въ палаткѣ и, поговоривъ немного съ отцомъ моимъ, сказалъ: „Мой гость немного своенравный, потому пойду спрошу: много-ли лицъ онъ пожелаетъ принять вмѣстѣ съ вашею милостію?“ Возвратившись, король сказалъ, что царь желаетъ видѣть только гетмановъ и сенаторовъ; потому пригласили насъ только 8 человекъ (меня въ качествѣ русскаго воеводы) и король провелъ насъ частнымъ ходомъ чрезъ заднюю улицу въ домъ, гдѣ царь остановился. Отецъ мой сказалъ привѣтственную рѣчь по польски, благодарилъ за честь, оказанную посѣщеніемъ королю и всей рѣчи посполитой, и вспомнилъ о древней дружбѣ и союзѣ между обоими государствами. Во время этой рѣчи царь какъ-будто нѣсколько отстранялся. когда-же мой отецъ кончилъ рѣчь, онъ быстро подошелъ и сказалъ: „благодарю *вашей милости, шосьте брата моего Августа королемъ обрами*“¹⁾; затѣмъ онъ увѣрялъ насъ въ дружбѣ своей къ полякамъ. Вслѣдъ затѣмъ король пригласилъ царя и всѣхъ насъ присутствовавшихъ къ обѣду, приготовленному въ другомъ домѣ. Въ серединѣ стола сидѣли король и царь; послѣдній съ лѣвой стороны, потому—что онъ все таки настаивалъ на своемъ incognito. Затѣмъ возлѣ короля мой отецъ и всѣ мы, польскіе сенаторы; возлѣ царя его посланники, а за ними саксонскіе генералы. За обѣдомъ случилось три происшествія: первое—всѣ мы до пьяна напились; второе—царь приказалъ принести драгунскій барабанъ и исполнилъ на немъ всѣ сигналы такъ искусно, какъ не съумѣлъ-бы исполнить ни одинъ музыкантъ въ арміи. Виновникомъ третьяго происшествія былъ панъ Потоцкій, тогда стражникъ коронный, а впоследствии воевода белзскій; разсердившись за то, что его не допустили къ царю и не пригласили къ столу (хотя та же участь постигла и моихъ братьевъ, обознаго и хорунжаго коронныхъ), онъ побилъ пана Пребендовскаго, управлявшаго въ то время дворомъ королевскимъ. Его насилу успокоили тѣмъ, что допустили его послѣ обѣда въ царскую комнату.

Цѣлую недѣлю прожили мы на глазахъ у обоихъ монарховъ, наши-же собственные глаза были слишкомъ слабы для того, чтобы прозрѣть дѣла, занимавшія вѣщевосцевъ; они очень секретно, безъ вѣдома рѣчи посполитой, трактовали тогда о тяжелой войнѣ со Швеціею и обязались дѣйствовать совмѣстно. Для того,

¹⁾ Подчеркнутыя слова въ подлинникѣ по русски—оставлены безъ переводу.

чтобы прикрыть свои переговоры благовиднымъ предложеньемъ, король пригласилъ однихъ только гетмановъ, будто на тайное совѣщаніе, миѣ же предоставилъ честь быть на этой конференціи въ качествѣ переводчика, знающаго французскій и русскій языки. На совѣщаніи король жаловался царю на германскаго императора за то, что онъ, безъ вѣдома своихъ союзниковъ, подписалъ предварительныя условія мира съ Турціею въ Карловичѣхъ, весьма для насъ тягостныя, именно условіе, по которому каждому признавалось право на тѣ области, которыми онъ владѣлъ; между тѣмъ мы не завладѣли никакою турецкою областью, а турки сохраняли Каменецъ. Затѣмъ онъ спросилъ царя, какія инструкціи онъ далъ своимъ уполномоченнымъ въ Карловичѣхъ: подписать ли трактатъ совмѣстно съ императоромъ, принявъ это условіе, или продолжать войну съ турками въ случаѣ, если императоръ, оставши отъ союзниковъ, заключить трактатъ только отъ своего имени?—Царь отвѣтилъ: „хотя указанный пунктъ для меня не вреденъ, ибо я овладѣлъ славнымъ приморскимъ городомъ Азовомъ и двумя турецкими крѣпостями, расположенными на Днѣпрѣ: Асланъ керменомъ и Кизикъ-керменомъ, однако, ради любви къ брату моему Августу и ради интересовъ рѣчи посполитой, я готовъ продолжать войну съ турками, хотя-бы императоръ и заключилъ отдѣльный миръ безъ нашего участія.“ Все это говорилъ онъ, согласившись предварительно съ королемъ, для того, чтобы скрыть условленную войну противъ Швеціи, предполагая вести ее безъ согласія рѣчи посполитой. Кончилъ онъ рѣчь свою увѣреніемъ, что онъ останется вѣрнымъ союзникомъ речи посполитой и братомъ и другомъ короля Августа и т. п. Такимъ образомъ мы, поляки, не имѣли и тѣни подозрѣнія относительно шведской войны и заключеннаго съ королемъ по этому поводу союза, пока дѣло это не разразилось два года спустя.

Между тѣмъ мы провели цѣлую недѣлю среди пынства и маневровъ саксонскаго войска, котораго отъ 7 до 8,000 кавалеріи и пѣхоты король собралъ подъ Равою. Оба монарха забавлялись ежедневно маневрами и потомъ сильно пили. Царь, одѣтый въ простое сѣрое платье, страшно бѣгалъ по полямъ во время маневровъ. Однажды въ толпѣ на него нечаянно натолкнулся лошадей конюшій польнаго гетмана, Феликса Потоцкаго. Царь немедленно ударилъ его нагайкою. Тогда конюшій (не знаю, узнали ли онъ лице или нѣтъ) обнажилъ саблю; то-же сдѣлали его товарищи и быстро бросились на него. Царь бѣжалъ отъ нихъ, пока

кто-то, узнавъ его, не крикнулъ: „остановитесь, это царь“. Царь прибѣжалъ запыхавшись къ королю, возлѣ котораго стояли мы съ отцемъ, и сказалъ моему отцу: „*Твои Дяхи хотили мене розрубати!*“¹⁾. Отецъ мой хотѣлъ немедленно произвести слѣдствіе и наказать виновныхъ; но царь остановилъ его, утверждая, что онъ первый кого-то ударилъ; вѣроятно онъ не желалъ придавать дѣла огласкѣ. Моего отца царь полюбилъ чрезмѣрно и повторялъ ему нѣсколько разъ: „еслибы ты былъ моимъ подданнымъ, то я бы уважалъ тебя и выслушивалъ, какъ отца“. Меня всегда называлъ „*сусидомъ*“ по поводу Бѣлой Церкви²⁾, и ради этой чести я долженъ былъ пить вмѣстѣ съ нимъ водку, пока отъ нея не заболѣлъ. Наконецъ, кончивши частные переговоры съ королемъ, царь уѣхалъ въ королевской коляскѣ, въ сопровожденіи своихъ тележекъ, направляясь черезъ Литву въ Москву, а гетманы возвратились во Львовъ, ожидая прибытія туда короля.

г) Осиротѣлы колокола.

Осенью минувшаго года, въ Черниговѣ сдѣлана слѣдующая случайная находка. Во дворѣ чиновника Терлецкаго, по воздвиженской улицѣ, находящемся между домомъ Крайца и садомъ Оришкевича, рыли погребъ и на глубинѣ трехъ съ половиною аршинъ открыли три старые колокола. Форма ихъ не представляетъ ничего особеннаго, надписей на нихъ нѣтъ никакихъ. Въсь большаго изъ колоколовъ около двухъ пудовъ. Колокола значительно повреждены: у того уши отбиты, у другого языки, или кольца нѣтъ. Замѣтно, что они были въ огнѣ, и уши ихъ немного повреждены отъ этого. Всѣ колокола покрыты внутри мѣдною окисью.

Первый изъ колоколовъ найденъ лежащимъ на боку, а два остальные, въ разстояніи полъ аршина отъ него, найдены стоящими почти вмѣстѣ одинъ съ другимъ. Не далеко отъ нихъ найдены и два желѣзные языка. Внутри и вокругъ колоколовъ значительное количество золы и древеснаго угля; ниже этого глина—материкъ, выше, до трехъ съ половиною аршинъ, черная насыпная земля.

¹⁾ Въ подлинникѣ по русски—слова оставлены безъ измѣненія.

²⁾ Авторъ былъ стрелостомъ бѣлоцерковскимъ, слѣдовательно староство его принадлежало къ тогдашнимъ границамъ Россіи. Слово „сусидомъ“ въ текстѣ по русски.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это колокола церковные, т. е. принадлежали когда-то какой-то церкви; но какой именно и какъ они попали въ землю на такую глубину?—Смотря на планъ бывшей черниговской крѣпости архитектора Дитерихштейна, мы можемъ отмѣтить, что мѣсто, гдѣ найдены колокола, находилось въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, около крѣпостнаго вала, недалеко отъ западныхъ крѣпостныхъ воротъ. Но въ этомъ мѣстѣ на планѣ не обозначено никакой церкви, а значатся вообще въ бывшей черниговской крѣпости только слѣдующія церкви: 1) соборная преображенская, 2) архангело-михайловская на востокъ за соборомъ; 3) кафедральный каменный монастырь съ архіерейскимъ домомъ (нынѣ борисоглѣбскій теплый соборъ) и 4) каменная церковь великомученицы Варвары (нынѣ церковь Екатерины).

Между тѣмъ по лѣтописямъ значитса, что въ черниговскомъ замкѣ, т. е. крѣпости болѣе ранняго времени, была церковь деревянная во имя князя *Михаила* и боярина его *Феодора* и что она пользовалась ругою московскаго правительства съ 1500 года ¹⁾, т. е., со времени подчиненія черниговскаго княжества московскому государству, а слѣдовательно и построена раньше 1500 г. По описи 1766 года значитса: „въ замку (въ Черниговѣ) церковь деревянная во имя черниговскихъ чудотворцевъ кн. Михаила и боярина его Феодора“ ²⁾. По епархіальному-же списку всѣхъ церквей г. Чернигова и числа пвхожанъ ихъ, за 1770 годъ, церкви кн. Михаила и боярина его Феодора уже вовсе нѣтъ ³⁾. Когда-же именно церковь эта могла уничтожиться или сгорѣть такъ, что даже не позаботились взять изъ пепла колокола и они оставались до настоящаго времени въ землѣ?

Гаятовскій, въ „Скарбницѣ“⁴⁾, рассказывая о томъ, какъ поляки въ 1611 году взяли обманомъ Черниговъ и сожгли острогъ его, пишетъ слѣдующее: „Черниговъ од Горностаю (региментара польскаго войска) спаленный былъ и през многіе лѣта пустый заставалъ.... По Горностаю въ 12 лѣтъ почали знову до Чернигова люде збиратися и будуватися“.

Сгорѣла-ли деревянная церковь, въ честь черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и боярина его Феодора, еще во время

¹⁾ Черн. Епарх. Изв. за 1863 г. ч. неоф. стр. 340.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibid. p. 351.

⁴⁾ Ibidem. p. 67.

погрома „*маскаваго пана*“ Горностая, и въ числѣ другихъ была потомъ вновь отстроена и существовала еще въ 1766 г., на что указываетъ опись церковей этого года, или она погибла отъ пламени 1766—1770 г., остается неизвѣстнымъ для насъ.

Когда-бы ни случилось это, съ достовѣрностію полагать можно, что мѣсто храма, которому принадлежали найденные колокола, находилось долго въ запустѣніи и получило наслоеніе земли, а впослѣдствіи, при уравниеніи мѣстности, еще болѣе засыпано землею, особливо въ то время, когда разрывали валъ черниговской крѣпости. Отъ того такъ глубоко подъ землею и остались колокола.

Какъ-бы то ни было, мѣста всѣхъ прежде бывшихъ въ Черниговѣ церковей хорошо извѣстны. Извѣстно одно только мѣсто бывшей деревянной церкви черниговскихъ мучениковъ князя Михаила и боярина его Феодора, и никто изъ старожиловъ не знаетъ, чтобы на мѣстѣ, гдѣ найдены колокола, была когда-нибудь церковь, и никто не знаетъ мѣста, гдѣ была церковь въ честь черниговскихъ мучениковъ. Найденные колокола, обруженные слоемъ золы и угля, какъ кажется намъ, и открываютъ то мѣсто, гдѣ была церковь въ честь князя Михаила и боярина его Феодора.

К.

д) *Скоромная водка.*

1809 года 12 ноября изъ духовной консисторіи молдавской митрополіи разославо было предписаніе: „подтвердить всѣмъ благочиннымъ и священникамъ, дабы они отнынѣ впредь никакъ не дерзали служить на винѣ, продаваемомъ жидами, ниже покупать отъ жидовъ никакихъ напитковъ; а притомъ объявляли-бы въ церквахъ, чтобы христіане остерегались отъ напитковъ, продаваемыхъ жидами: ибо доказано, что они оскверняютъ напитки, продаваемые ими христіанамъ, запрещенными веществами, какъ напримѣръ: *мѣстами* (или плодомъ), что родильницы послѣ младенцовъ выбрасываютъ, и другими скверностями, каковыя найдены въ сосудахъ (бочкахъ), которые отъ нихъ проданы съ дрожжами виноградными“.

Особеннаго впечатлѣнія не произвело это предписаніе; о немъ въ Бессарабіи забыли: тамъ каждый хозяинъ, владѣтель ви-

винограднаго сада, имѣлъ свое вино и изъ виноградныхъ выжимокъ выкуривалъ свою водку. Но вотъ Бессарабія присоединена къ Россіи; помѣщики получили исключительное право выдѣлывать и продавать водку. Это право они переуступали арендаторамъ евреямъ и евреи со всею свойственною имъ страстію нажились на водочный гешефтъ. Въ казенныхъ имѣніяхъ, въ городахъ правительство предоставляло водочное право откупщикамъ, которыми были преимущественно евреи. Никто не только не имѣлъ права выдѣлывать водки, но и покупать въ предѣловъ откупа или аренды. Откупщики и арендаторы врываются въ дома, производили обыски, печатали погреба. Тогда-то возникъ своеобразный народный протестъ среди крестьянъ нынѣшняго аккерманскаго уѣзда, гдѣ особенно было развито виноградарство. — Въ с. Таракліи заложили церковь; закладку нужно было, по обычаю народному, вспрыснуть. Арендаторъ отпустилъ водки *въ зориктъ*.

Не будемъ пить, проклятый жидъ оскоромилъ водку, замѣтилъ кто-то изъ людей, собравшихся на закладку.

— Неправда, сказала баба, державшая чарку.

— Да въ этомъ горшкѣ жидъ мясо варилъ. — Дѣло было въ Петровку, 21 іюня 1813 года.

— Вотъ по краямъ горшка видны куски мяса. Развѣ не видишь, глупая баба?

— Да мы давно уже примѣчаемъ, что нашъ арендаторъ съ умысломъ въ постные дни скоромить всѣ напитки, отозвался церковный староста.

Въ тотъ-же день отвезли горшокъ съ водкой въ Аккерманъ къ цинутному протопу.

— Жалуемся вамъ, а вы, панотче, донесите, куда слѣдуетъ. Можно-ли жидамъ ругаться такъ надъ нашею вѣрою?

— Да, и у насъ вотъ аккерманскій откупщикъ *евреинъ* запечаталъ погребъ у отца благочиннаго. Донесу обо всемъ этомъ архіерею, сказалъ протопопъ.

„Поступокъ аккерманскаго откупщика послѣдовалъ въ противность *мнѣнію*, учиненному по имянному повелѣнію бывшимъ бессарабскимъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурзою, и сообщенному генваря 14 дня 1813 года, при отношеніи къ его высокопреосвященству святѣйшаго правительствующаго синода члену и ексарху Гавріилу митрополиту, коего *мнѣнія* въ 7 пунктѣ между прочимъ сказано: „священникъ или діаконъ не свободны держать вино или

другіе напитки въ домахъ своихъ для продажи: ибо сіе право одному только помѣщику принадлежитъ; но вино изъ собственныхъ своихъ виноградонъ и другой напитокъ, для собственнаго своего дому, а не для продажп, можетъ держать безъ всякаго препятствія со стороны помѣщика. Такое отношеніе къ священникамъ и діаконамъ должны бююсти и арендаторы вотчины. Свободно также священнику или діакону, когда не будетъ имѣть своихъ виноградонъ, покупать вино или другіе напитки, откуда хочетъ, собственно для своего дому, а не для другихъ". Поэтому „бессарабскаго областнаго правитальства 1-й департаментъ строго приказалъ откупщикамъ, дабы они священникамъ и діаконамъ отнюдь не дѣлали никакихъ притѣсненій и не препятствовали имъ имѣть для домашняго ихъ обихода все дозволенное помянутымъ пунктомъ".

Съ погребѣ аккерманскаго благочиннаго печати, наложенныя откупщикомъ, были сняты; а народъ православный вынужденъ былъ, по прежнему, пить еврейскую водку—скоромную!

1-е января 1882 г.
Кишиневъ.

Notus.

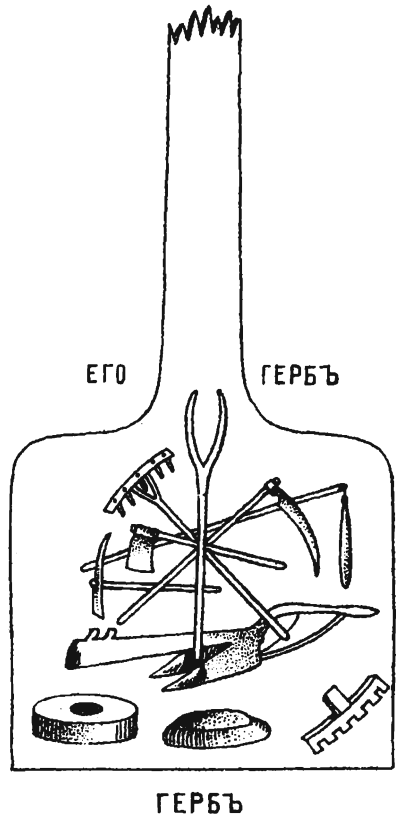
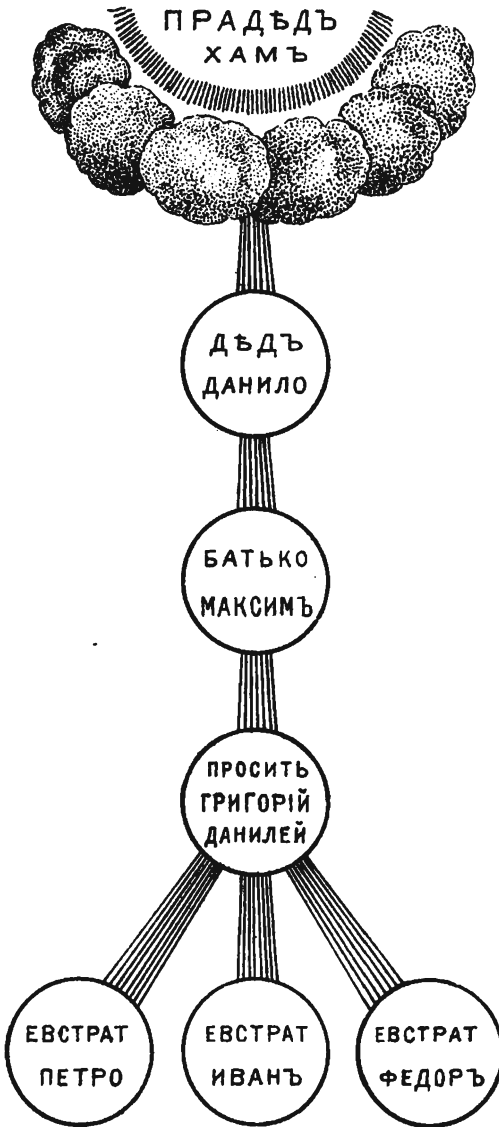
е) Процессъ стариннаго церковнаго суда, выраженный въ малорусскихъ междометіяхъ.

Прошлое нашего церковнаго суда пользуется, какъ это всѣ знаютъ, не совсѣмъ хорошею репутаціею. Консисторская судная процедура оставила по себѣ не лестныя слѣды въ историческомъ преданіи... Ивѣстенъ курьезный комментарий термина *докладъ*, примѣняемый вообще къ прежнему русскому суду и въ особенности—къ консисторскому. Не мѣшаетъ здѣсь вспомнить этотъ комментарий:

Докладъ — канцеляріи,
Окладъ — секретарю,
Кладъ — члену,
Ладъ — отвѣтчику,
Адъ — истцу.

Въ дополненіе къ этому историко-бытовому, юридически-грамматическому курьезу сообщаемъ другой подобный. Въ немъ посредствомъ характерныхъ, звучныхъ малорусскихъ междометій выражена исторія жертвы—какого-нибудь сельскаго священника

Родословная и доказательство Хамы
ДАНИЛЕЯ КУКСЫ
потомственны

или дьячка, имѣвшаго несчастье попасть въ горнило прежняго церковно-суднаго процесса. Начинается дѣло съ *тихонькаго* „доношенія“ отца благочиннаго и кончается *иромкимъ* ниспаденіемъ жертвы въ преисподняя какого-нибудь монастыря—на »черныя работы“... Вотъ эта старинная звукоподражательная церковно-судная послѣдовательность:

Благочинный — *шу-шустъ* въ правленіе!
 Правленіе — *тарáхъ* до архіерея!
 Архіерей — *бѣбѣхъ* въ консисторію!
 Консисторія — *ге - - гѣнь* въ монастырь!..

Это бытовое преданіе мы записали въ Кишиневѣ, со словъ рѣдкаго знатока стариннаго южнорусскаго быта—Л. С. Радкевича. Онъ владѣетъ богатѣйшимъ запасомъ всевозможныхъ народно-бытовыхъ анекдотовъ, и съ нѣкоторыми изъ нихъ намъ еще не разъ прійдется знакомить читателей „Кіевской Старины“. Уроженецъ Подолія, воспитанникъ подольской духовной семинаріи, взятый за тѣмъ въ Петербургъ—въ придворную пѣвческую капеллу и получившій здѣсь прекрасное музыкальное образованіе, перешедшій наконецъ на службу въ Каменецъ и проходившій здѣсь многоразличныя должности какъ по гражданскому, такъ и по духовному вѣдомству,—Л. С. Радкевичъ, при природномъ своемъ юмористическомъ талантѣ, имѣетъ за собою продолжительный и разнообразнѣйшій жизненный опытъ, и его *воспоминанія*, которыя онъ давно уже началъ писать, представляютъ собою любопытнѣйшіе историко-бытовые эскизы...

Левъ Мацѣвичъ.

ж) *Забавная родословная.*

(Рисунокъ и стихи).

Помѣщаемое ниже стихотвореніе по многимъ признакамъ принадлежитъ концу XVIII или вѣрнѣе началу XIX ст. и относится къ разряду памятниковъ весьма распространенной въ это и болѣе раннее время обличительной малорусской литературы. Оно сообщено намъ А. М. Лазаревскимъ, а имъ получено отъ одного изъ черниговскихъ его знакомыхъ, которымъ случайно найдено въ одномъ изъ тамошнихъ архивовъ, если не ошибаемся, въ

„дѣлѣ“ о дворянскихъ правахъ какого-то рода. Стихотвореніе представляетъ собою ѣдкую сатиру на нарождавшуюся тогда уже изъ поспольства мелкую чиновную буржуазію, не уходившую далѣе своего русла, но выбивавшуюся изъ узкой своей тропы на дворянскую стезю, къ привилегированному дворянскому положенію, посредствомъ нехитраго ученія и полученія чина регистратора (*евстрата*) съ помощію подарковъ и подкуповъ. Стихотвореніе писано, или переписано безъ знаковъ препинанія и занимаетъ двѣ страницы обыкновеннаго листа, а на первой его страницѣ помѣщенъ прилагаемый здѣсь отдѣльно рисунокъ, представляющій краткую генеалогію измышленнаго рода и гербъ въ видѣ лопаты со всѣми принадлежностями быта крестьянскаго рабочаго класса. Мы удерживаемъ и оригинальное заглавіе стихотворенія и отчасти его ороеграфію.

„Доказательства Хама Данилея Вуксы
потомствены.

Да вжешъ наши дворяне гербы посылають,
 А що я бувъ дворяниъ, то то й не знаютъ.
 Я надумався й соби пѣсенку спивати
 И дворянство по своему гербу доказати.
 Онъ у мене гербъ якій—въ дереванімъ цвѣти,
 Що ни в кого не було в остерськѣмъ повити:
 Лопата написана держаломъ у гору
 (Побачивши, скаже всякъ, що воно безъ спору),
 У середини грабли, вила и сокира,
 Якими було роблю, хоть яка сквира;
 Также ципомъ молотывъ, скажу правду матку,
 Що ажъ скинешъ було шапку;
 Взявши косу на плечи, ходивъ въ косовицю,
 А щобъ не голодный бувъ, бравъ и молодицю,
 Якъ же витерьъ, то бижу до млина из поля,
 Бо й худоба тамъ моя,—отъ мѣни неволя!
 Далижъ трохи, якъ розживсь, той годи робыти,
 А надумавсь одати въ школу свои дѣти.
 Якъ вивчились, въ судъ упхавъ—учиця писати,
 Да вже того й гляди—гостинци давати,
 Щобъ воны такъ, якъ люде, *Евстраты* *) получили,

*) Чини калѣзєи регистрат.

Бо мене розумные на те паны вчили,
 Хочъ було и имъ даси борошна потроху,
 А инколи, якъ уродить, той чвертку гороху.
 Якъ винницю поставивъ, ставъ гнаты горилку
 И за купця у Остеръ отдавъ свою дивку,
 Зъ казенного мужика зробився я паномъ
 И дворянство доказавъ, хотъ уже й недаромъ.
 А дали сыны мои стали вси Евстраты,
 За старшого взявъ дочку з маіорской хаты:
 Защожъ мене неговать, за що волочити,
 Коли стали панами ужей мои диты?
 Кажуть, що я у винници робити не буду,
 Сталось лихо на старость, не знаю видкуду;
 Греблю до Жуковки зробивъ черезъ воду,
 Да й тутъ сказали, що я мужикъ зроду.
 Нехай же й такъ, що паномъ мини не буваты;
 Дайте ридъ свий до конца спершу розказаты.

Якъ стари вики бували,
 Якъ прадидъ мий бувъ,
 Его вси Хамомъ звали,
 Дай самъ того я не забудъ;
 И дидъ у мене бувъ Данило,
 Ни що було ему не мило,
 Якъ тилько у млини сидить,
 А батько мій Максимъ звався
 И Данилеемъ прозивався,
 Чого и я хочу просить—

Щобъ я хамовимъ бувъ внукомъ,
 И Данилеемъ прозивавсь,
 Щобъ такъ горилку пивъ кубкомъ,
 Якъ батько мій впивавсь,
 Щобъ минъ добре пани зробыли,

И такъ щобъ гербъ мій утвердили,
 Якъ есть въ гаи столитній дубъ,
 Щобъ гербовимъ Хамомъ звався,
 Щобъ бильше биди не сподивався
 И щобъ нихто не бравъ зачубъ.

3) *Къ портрету Хмельницкаго.*

Выступая съ изданіемъ, посвященнымъ всецѣло исторіи южно-русскаго народа, мы сочли наиболѣе сообразнымъ съ цѣлями его, въ видѣ перваго приложенія, представить вниманію нашихъ читателей наилучше обставленный образъ того лица, которому принадлежитъ первенствующая роль въ судьбахъ южно-русскаго народа и которому теперь вся Россія воздвигаетъ памятникъ въ древнемъ Кіевѣ, матери градовъ русскихъ, гдѣ приносилъ онъ благодарную молитву Господу Богу за побѣду надъ врагами, подготовившую соединеніе двухъ разрозненныхъ половинъ великаго нынѣ русскаго народа.

Готовилась фототипія портрета;—она не удалась и вмѣсто нея приходится предложить фотографію, правда болѣе отвѣчающую цѣлямъ археологическимъ и стоящую гораздо дороже, но имѣющую нѣкоторыя другія неудобства. Не наша въ томъ вина: таковы мѣстные средства, а другихъ подыскать мы не могли за крайне позднимъ разрѣшеніемъ изданія.

Переходя къ самому портрету, скажемъ, что прилагаемый фотографическій снимокъ сдѣланъ съ стариннаго подлинника, обязательно сообщеннаго намъ В. В. Тарновскимъ изъ его богатой коллекціи всякаго рода памятниковъ южно-русской старины, которые собраны имъ съ достойною уваженіемъ любовію, съ затравою большихъ денежныхъ средствъ и хранятся въ его имѣніи, Качановкѣ, борзен. уѣз., черниг. губерніи.

Подлинникъ портрета, по свѣденіямъ, несомнѣнности которыхъ мы не могли провѣрить, находился въ субботовской церкви, построенной Хмельницкимъ; оттуда онъ попалъ въ сосѣдній медвѣдовскій монастырь, изъ него въ монастырь кіево-выдубицкій и уже отсюда перешелъ къ нынѣшнему его владѣльцу. Какъ-бы ни было, подлинникъ происхожденія давняго и во всякомъ случаѣ не позднеѣ ковца XVII в. Писанъ на холстѣ масляными красками. Вышина его 1 арш. 9 в., и ширина 1 арш. 3 1/2 в. Работа вѣскольکو простая, но тщательная. Собственно это даже не портретъ въ строгомъ смыслѣ, а картина, на которой любимый гетманъ представленъ со всеми знаками его достоинства, власти и славы. Хмельницкій изображенъ въ сравнительно молодые годы его жизни: художникъ или не имѣлъ подъ рукою другаго образца, или не хотѣлъ нарушать основной цѣли своего изображенія,

рисуя гетмана-батяка нѣсколько старымъ, осунувшимся, какимъ мы видимъ его на другихъ портретахъ и гравюрахъ.

Но прежде объ этихъ портретахъ, а потомъ о нашей картинѣ.

Въ былое время, сравнительно даже весьма недавнее, портреты Хмельницкаго составляли предметъ благодарной памяти весьма распространенный. Гетманъ, „*свободивій церковь Божию и отечество отъ враговъ и онихъ до основанія поколебавій*“, встрѣчался, въ большихъ и малыхъ изображеніяхъ, не только въ частныхъ домахъ, но и въ церквахъ. Покойный М. А. Максимовичъ видѣлъ еще въ 1834 г. прекрасный портретъ Хмельницкаго, во весь ростъ, въ кіево-печерской лаврѣ, на сѣверной стѣнѣ великой церкви, подлѣ мощей митрополита Михаила; но въ этомъ же году портретъ былъ замазанъ, по поводу Высочайшаго повелѣнія объ устраниеніи изъ церквей вообще изображеній не святыхъ лицъ. Съ того, кажется, времени портреты Хмельницкаго начали рѣдѣть, пока не стали достояніемъ любителей. Тѣмъ не менѣе и теперь находится еще значительное число ихъ, какъ писанныхъ масляными красками, такъ и гравированныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ XVII-му вѣку. Вотъ они-то и требуютъ особаго изслѣдованія. Но печатныя свѣдѣнія объ этихъ портретахъ такъ кратки и недостаточны, что нужно сначала собрать матеріалы. Къ этому мы приглашаемъ тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые обладаютъ или свѣденіями о портретахъ, или самими портретами, предлагая въ свою очередь имѣющимъ у насъ свѣденія.

Отмѣтимъ прежде всего весьма цѣнный портретъ Хмельницкаго масляными красками, XVII в., бывший у М. А. Максимовича. Объ этомъ пишетъ намъ извѣстный бібліографъ нашъ С. И. Пономаревъ, видѣвшій этотъ портретъ не разъ, за достоинства же его ручаются намъ вкусъ и пониманіе такого знатока южно-русской старины, какимъ былъ М. А. Максимовичъ. Къ сожалѣнію, ничего болѣе пока объ этомъ портретѣ сказать не можемъ и ждемъ обстоятельныхъ о немъ свѣденій.

Интересно было-бы получить болѣе подробныя свѣденія о другомъ портретѣ Хмельницкаго, писанномъ масляными красками и относящемся также къ XVII в., о которомъ упоминаетъ польскій журналъ *Kłosa* (томъ XXIV, № 604). Вотъ это упоминаніе: „w galerji Króla Stanisława zachowywał się z natury wizerunek (Bohdana Chmielnickiego) w połowie figury, olejno malowany, w pasowej czapce, z dwoma piórami, w *delii* futrzanej téjże barwy, w białym bogatym na żupanie pasie, trzymającego w prawej ręce buławę

ozdobną, jako znak godności hetmana Ukrainy, lewą ściskającego rękojeść szabli.—Образъ ten z galeryi Królewskiej przeszedł w posiadanie Tomasza Święckiego, autora „Starożytnej Polski“, a teraz znajduje się w zbiorach K. Wł. Wójcickiego“¹⁾).

(Въ картинной галлерей короля Станислава сохранилось изображение съ натуры въ половинѣ фигуры Богдана Хмельницкаго, писанное масляными красками,—лѣ красной шапкѣ съ двумя перьями, въ мѣховой *киреи* того-же цвѣта, держащаго въ правой рукѣ разукрашенную булаву, какъ знакъ достоинства гетмана Украины, лѣвою рукою сжимающаго рукоятку сабли.—Портретъ этотъ изъ королевской галлерей картинъ перешелъ къ Ѳомѣ Свѣицкому, автору „Starożytnej Polski“, а въ настоящее время находится въ коллекціи К. В. Войцickaго).

Гравированныхъ портретовъ Хмельницкаго въ Словарѣ Ровинскаго (стр. 171) перечислено—16-ть; но описаніе ихъ сдѣлано до того кратко, что трудно разобрать, къ какому времени относятся гравюры, названныя подѣ №№ 2, 4, 5, 11 и 13—16. Повидимому, наиболѣе интересный портретъ представляетъ гравюра, такъ описанная у него подѣ № 1: „поясв. G. Hondius Sculp. P. очень рѣдк. у Мюсаера 10 ф.“. Эта гравюра есть, между прочимъ, въ собраніи В. В. Тарновскаго. Судя по внѣшности этого портрета, она *вполнѣ* сходна съ только что приведеннымъ описаніемъ портрета, о которомъ говорятъ Кюсю. На этой гравюрѣ имѣется слѣдующая подпись: „*Bohdan Chmielnicky Exercitus S. R. M-tis Zaporohscensis Praefectus. Guilh Hondius sculpsit Genadi at. MDCLII*“. Кругомъ герба, сдѣланнаго на гравюрѣ вверху лѣвой стороны—русскія буквы: „В. Х. Г. В. Е. К. М. За“. Изъ подписи такимъ образомъ видно, что гравюра сдѣлана за шесть лѣтъ до смерти Хмельницкаго и, очень можетъ быть, что сдѣлана на основаніи того портрета, о которомъ говорятъ Кюсю, такъ какъ описаніе одежды, приведенное этимъ журналомъ, вполнѣ сходится съ тою одеждою, въ которой изображенъ Хмельницкій и на гравюрѣ Хондіуса. Послѣдняя важна и въ томъ отношеніи, что несомнѣнно она служила прототипомъ наиболѣе извѣстныхъ русскихъ *печатныхъ* портретовъ Хмельницкаго, въ томъ числѣ напр. приложенныхъ къ книгамъ Бантышъ-Каменскаго и Ригельмана. Во всѣхъ этихъ портретахъ выглядываетъ изъ подѣ шапки даже и тотъ клокъ *чуба*, который ясно видѣнъ на гравюрѣ Хондіуса. Гравюра портрета Хмельницкаго 1683 г., описанная у Ровинскаго подѣ № 3, представляетъ черты лица совсѣмъ уже другія и нужно полагать, что эта гравюра, помѣщенная въ книгѣ *Ellogii di Capit. illustr.*, сдѣлана по рисунку фантастическому.

¹⁾ Замѣтка эта сдѣлана по поводу помѣщенія въ томъ-же номерѣ журнала портрета Хмельницкаго работы Матейко.

Въ собраніи А. М. Лазаревскаго, котораго указаніями и свѣденіями на этотъ разъ мы пользуемся, имѣется снимокъ съ гравюры, какъ полагать надо, той самой, которая у Ровинскаго, показана подъ № 11. Надпись на ней: „Boguslaus Chmielnicki Cosasorum dux generalis“. Гравюра по внѣшнимъ признакамъ принадлежитъ также XVII вѣку. Портретъ поясной; Хмельницкій изображенъ въ шапкѣ безъ перьевъ; булавы также нѣтъ; руки опущены. Едва ли не фантазією рисовальщика изображенъ и этотъ портретъ.

Болѣе свѣденій о портретахъ Хмельницкаго на этотъ разъ представить не можемъ, потому переходимъ къ тому портрету, снимокъ съ котораго предъ глазами читателя.

У ногъ Богдана Хмельницкаго изображена á vol d'oiseau система рѣкъ, орошающихъ Украину: Днѣпръ, съ притоками, Днѣстръ и Бугъ, а лежащими на берегахъ этихъ рѣкъ булавами (собственно, должны были быть изображены не булавы, а перначи, какъ знаки полковничьяго достоинства) отмѣчены казацкіе полки, находившіеся подъ управленіемъ гетмана. У каждой булавы надпись обозначаетъ названіе полка. На низовьяхъ Днѣпра изображена палатка, съ воткнутыми у входа ея бунчукомъ и булавою. Палатка эта изображаетъ Сѣчь Запорожскую; булава и бунчукъ могутъ быть приняты, какъ атрибуты власти кошеваго; но, быть можетъ, живописецъ имѣлъ въ виду этими знаками гетманской власти припомнить, что выборъ въ гетманы Богдана Хмельницкаго состоялся именно въ Запорожьѣ весною 1648 года. Перечень полковъ заставляетъ предполагать, что композиція портрета должна быть отнесена не ко времени, близкому Хмѣльницкому, а къ болѣе позднему, когда козачество сосредоточилось на лѣвой сторонѣ Днѣпра и было почти совсѣмъ вытѣснено изъ правой, т. е. по крайней мѣрѣ къ концу XVII столѣтія. Къ такому предположенію приводятъ слѣдующія данныя: въ числѣ полковъ названы: 1) лубенскій, возникшій уже въ гетманство Выговскаго 1659 года, вмѣсто бывшаго при Хмельницкомъ кропивянскаго; 2) стародубскій, учрежденный гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., и 3) богуславскій, возникшій только въ 1685 и теряющійся въ 1712 г., во время попытки Самуся и Палія возстановить козачество на правой сторонѣ Днѣпра. Какъ стародубскій, такъ и богуславскій полки не существовали при Хмельницкомъ. Сверхъ того въ перечнѣ полковъ есть ошибки, которыя могли быть сдѣланы только въ то время, когда изгладилось ясное

вспоминавѣ о состояніи Украины при Хмельницкомъ; такъ на берегу Днѣстра названы два полка: подольскій и могилевскій, составлявшіе постоянно одинъ полкъ подольскій съ полковымъ городомъ Могилевомъ; за то пропущены, существовавшіе нѣкоторое время при Хмельницкомъ, полки: лисявскій, паволоцкій, овручскій, звягельскій, брагинскій, гадячскій и пчавскій.

На предлагаемомъ портретѣ Хмельницкаго, фигура гетмана окружена нѣсколькими группами и эмблемами. По правую руку гетмана виднѣтся группа козаковъ, идущихъ съ распущенными знаменами; группа состоитъ изъ 23 человекъ, отвѣчающихъ 23 полкамъ, обозначеннымъ булавами на картѣ. Впереди группы выступаетъ войсковою „*довбыш*“, ударяющій въ лежащіе передъ нимъ 2 котла, замѣнявшіе въ козацкомъ войскѣ барабаны. Надъ этою группою въ медальонѣ читается слѣдующая надпись въ 12 строкъ: *»Бонданъ. Зиновій. Хмельницкій. Малой—Росіи. войскъ. Запорожскіхъ. козацкіхъ. гетманъ свободівий. церковъ. Божію. и отечество отъ враговъ. о нихъ до основанія поколѣбавій вѣчно да славится: Преставился. 1657 года: Августа 17 числа, погребенъ Суботовъ полку Черинскомъ«.*

По лѣвую руку гетмана, у ногъ его помѣщена группа, состоящая изъ трехъ поляковъ; одинъ изъ нихъ упалъ на колѣни, всѣ три выпустили изъ рукъ сабли и изображаютъ жестами и выраженіемъ лица (на сколько оно видно въ рисункѣ) страхъ, смущеніе и безпокойство. Подъ этою группою слѣдующая надпись въ 4 строки: *»А Длхамъ такъ страшно, что идъ либо повѣють вѣтри, вси яко Хмилникій идетъ разумють«.*

Надъ группою поляковъ изображена гетманская палатка, охраняемая двумя сторожевыми козаками съ мушкетами и освѣщенная многочисленными знаменами и бунчуками, водруженными за нею; черезъ открытую портьеру палатки виднѣтъ внутри ея войсковою писарь (вѣроятно, Иванъ Выговскій), сидящій на креслѣ у стола и внимательно пишущій—грамоту или универсалъ. На горѣ, возвышающейся сзади за палаткою, на второмъ планѣ, виднѣтся каменное одноэтажное зданіе съ башнею на одномъ крылѣ,—можетъ быть субботовскій каменный домъ Богдана Хмельницкаго. Наконецъ еще выше, на одномъ уровнѣ съ медальономъ противоположной стороны, среди арматуры, составленной изъ знаменъ, пушекъ, сабель и булавъ, изображенъ „гербъ войска запорожскаго“—козакъ съ мушкетомъ на плечѣ.

Такова композиція портрета—картины. Самые анахронизмы въ ней доказываютъ сильнѣйшее желаніе неизвѣстнаго творца представить Хмельницкаго въ такомъ видѣ, чтобы память о немъ не ослабѣвала въ народѣ. Достойны вниманія заключительныя слова приведенной выше надписи на медальонѣ: *„вѣчно да славится“*. Не мѣшаетъ и нынѣшнему времени помнить эти глубоко правдивыя слова.

Мы не сопровождаемъ приложенія никакимъ другимъ текстомъ, въ видѣ какой либо монографіи о Хмельницкомъ. Такая монографія не можетъ быть дѣломъ краткаго времени, да едва ли въ ней и есть надобность послѣ блестящей монографіи знаменитаго исторіографа нашего Н. И. Костомарова. Къ ней и отсылаемъ желающихъ за подробностями о жизни и подвигахъ Хмельницкаго, суть-же его дѣлъ обозначена здѣсь, на портретѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

въ 1882 году

будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей** и съ пересылкою **шесть рублей 50 коп.** Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20 %.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданиями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова),

Каждая книжка **Извѣстій**, за исключеніемъ текущихъ официальныхъ свѣденій посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которые распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій*; отдѣлъ II—*юридическій*; отдѣлъ III—*физико-математическій*; отдѣлъ IV—*медицинскій*; отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности учебныхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библиографическій*. Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обзорѣ выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ:

Выпускъ 1-й. Отдѣлъ Историко-Филологическій. Содержаніе: Объ основахъ для критики текста Динарховыхъ рѣчей. Карла Томазина. Осетинскіе этюды. Всеволода Миллера. Цѣна 1 р. 75 к.

Выпускъ 1-й Отдѣла Юридическаго. Содержаніе: Формальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи. И. П. Боголѣзова. Цѣна 2 руб.,

Выпускъ 1-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содержаніе: Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными. П. С. Назимова.— Изъ теоріи электричества (по Кирхгоффу и Гельмгольцу) А. П. Соколова. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ 1-й Отдѣла Естественно-историческаго. (Съ 10-ю таблицами рисунковъ) Содержаніе: О корпускулахъ и половомъ процессѣ у голосѣменныхъ. И. Н. Горожанкина.—*Tetrastes griseiventris* n. sp. М. А. Мензбира цѣна 2 руб.

Выпускъ 2-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содержаніе: Курсъ теоретической механики. Профессора Ѳ. А. Слудскаго. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ 2-й Отдѣла Юридическаго. Содержаніе: О соучастіи въ преступленіи Г. Е. Колоколова.— Исслѣдованія о Русской Правдѣ. П. Мрочекъ-Дроздовскаго. Цѣна 2 р. 75 к.

П Е Ч А Т А Е Т С Я :

Выпускъ 3-й Отдѣла Физико-Математическаго. Содежаніе: Курсъ теоретической механики. (Окончаніе). Ѳ. А. Слудскаго.

„ЮГЪ“

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ „ЮГЪ“ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ десяти до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *Словесность*: романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя.)

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологии, исторіи, искусствамъ, философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критика и библиографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественная жизнь — преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб.; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнал „Югъ“: Надеждинская ул. д, Савича, въ книжныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, библиотекъ для чтенія Бортневскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Яковлевъ.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

ВЫХОДИТЪ

Ежемесячный Политическій, Литературный, Научный и Экономическій Журналь.

„МИРЪ“

по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

1. Статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачей, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ.

2. Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни.

3. Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи.

4. Словесность: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія и другія произведенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.

5. Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библиографія).

6. Слѣсь: корреспонденціи и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — к.
Полгода	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
Четверть года	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „
Мѣсяць	1 „ 25 „	„ „ — „	1 „ 50 „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи при Книжномъ Магазиנѣ В. А. Сыхра, по Екатеринославской улицѣ № 1-й, въ Харьковѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Издатель В. А. Сыхра.

Редакторъ А. П. Шимковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА“

съ приложеніемъ

„ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилье, Е. Волк въ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, П. Кузнецовъ, Л. Лагорио, К. Лемозъ, В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясопдовъ, В. Польшовъ, И. Прянишниковъ, И. Рьиникъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шимовъ и Штрелманъ.*

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ.** Повѣсти, рассказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ.** Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. 3) **Слѣсь.** Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ и

школь существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія заѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница.** Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложение.** „**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ**“.

„Художественный Альбомъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большого альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ“ исполняются посредствомъ фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до чстырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и отдѣльнаго большого альбома, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получаютъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ“ (ПРЕМІЯ) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $\frac{3}{4}$ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковского.

Второй листъ — Утро стрѣлцкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ -- Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородніе подписчики для пересылки премій— „Художественнаго Альбома“ за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выховѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«Художественный Альбомъ» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „Художественнаго Альбома“ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе трехъ и не болѣе пяти.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ номеромъ.

О Ф О Р Т Ъ И. И. Ш И Ш К И Н А.

Величина этого офорта одинъ аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка вышины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности исполнѣ художественнаго выполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи— „Художественнаго Альбома“ по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелають получить премію съ доставкою на домъ .

Цѣна „Художественнаго Журнала“ съ приложеніями и съ „Художественнымъ Альбомомъ“ остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

**6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою
за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій
7 рублей 50 копѣекъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъездъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Бегрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Даціаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель Н. Александровъ.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ МОДЪ И РУКОДѢЛІЙ
„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“
НА 1882 ГОДЪ.**

(г о д ъ т р е т і й.)

„ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ“ будетъ издаваться въ 1882 г. по той-же программѣ какъ и въ 1881 г. Объемъ каждаго номера журнала состоитъ не менѣе 32 стр.

Программа журнала слѣдующая:

1. Моды дамскія, дѣтскія, бѣлья и шляпъ.
2. Рукодѣлья: тамбурныя, канвовыя, филейныя, гипюрныя, филе-гипюрныя и вязанія на спицахъ.
3. Монограммы.
4. Романы, повѣсти и рассказы.
5. Разныя общепользныя свѣдѣнія въ домашнемъ быту.
6. Ребусы и загадки.

КАКЪ ПРИЛОЖЕНІЯ БУДУТЬ:

а) листы выкроекъ; б) листы узоровъ; в) вырѣзныя выкройки въ натуральную величину; г) изящныя, раскрашенныя картинки дамскихъ и дѣтскихъ модъ; д) раскрашенные рисунки канвовыхъ работъ; е) монограммы.

Подписная цѣна на 1882 г., остается та-же что 1881 г., т. е.

НА ГОДЪ:

Безъ доставки 3 р. 50 к.

Съ доставкой и пересылкой 4 „ — „

НА ПОЛГОДА:

Безъ доставки 2 р. — к.

Съ доставкой и пересылкой 2 „ 50 „

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ С. Петербургѣ, Моховая ул., д. № 24; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова и въ провинціи у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Для служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, по особому соглашенію съ конторою редакціи, допускается рассрочка платежа подписныхъ денегъ.

Издатель Гетце.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Съ будущаго 1882 года «Церковно-Общественный вѣстникъ» превращается въ **ПОЛУЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ** и будетъ выходить аккуратно черезъ день; исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать

въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Рядомъ съ вопросами о духовенствѣ, и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающемся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ бесплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду, помѣстить собраніе узаконеній, относящихся какъ къ организаціи, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, заимствуя ихъ, частью изъ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи», частью изъ дѣйствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «календарѣ» будетъ приложенъ также подробный адресъ-календарь лицъ служащихъ по духовному вѣдомству, пресвященныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подписки на «Церковно-Общественный Вѣстникъ» тѣ-же какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на три мѣсяца 2 рубля 50 копѣекъ, на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 рублей—Отдѣльные № № по 10 копѣекъ.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: «въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», мѣ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 коп. за мѣсто занимаемое строкой пегита. За разсылку отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

ВЪ 1882 ГОДУ.

Журналъ »Странникъ« издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Общедоступныя статьи по *русской церковной исторіи*.
- 2) Общедоступныя статьи по *общей церковной исторіи*.
- 3) Церковныя слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія.
- 4) *Разказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.
- 5) *Бытовые очерки*.
- 6) Стихотворенія.
- 7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.
- 8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.
- 9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.
- 10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ
- 11) *Иностранное обозрѣніе*: церковно-религіозной жизни на Востокъ и Западъ, особенно у славянъ.
- 12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.
- 13) *Святскіе журналы*, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.
- 14) *Новыя книги*: критическія и библіографическія статьи.
- 15) *Книжная мѣтопись*: ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; библіографическія новости.
- 16) Разныя отрывочныя *извѣстія и замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, учебныхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи.
- 17) Объявленія.

Журналъ выходитъ въ началѣ каждаго мѣсяца, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургъ шесть рублей; съ пересылкою за границу восемь рублей.

Гл. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 105 кв. № 1).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.

“ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ”

въ 1882 году.

будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго - православномъ духѣ и въ томъ же ученomъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“ на 1882 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемые при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1882 г. два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна «Извѣстій» для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ «Православнаго Собесѣдника» четыре руб., б) а для

выписывающихъ и « Православный Собесѣдникъ » три руб. Всего за оба изданія десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи « Православнаго Собесѣдника ».

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1882 году

будетъ издаваться на преннихъ основаніяхъ.

Православное обозрѣніе, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библиографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграницныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою 7 рублей. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала священника при церкви ΘεодораСтудита, у Навкитскихъ воротъ, П. Преображенскаго и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Иногородніе благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію Православнаго Обозрѣнія въ Москвѣ.

Просимъ обратить особенное вниманіе: желая облегчить пополненіе церковныхъ библиотекъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, для коихъ „Православное Обозрѣніе“ рекомендовано учебнымъ начальствомъ, редакція „Православнаго Обозрѣнія“ находитъ возможнымъ доставить подписчикамъ это изданіе за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг., по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ для выписывающихъ его за одинъ какой либо годъ—пять руб. за два года—семь руб. за три—десять руб., за четыре—тринадцать руб., за пять лѣтъ—пятнадцать руб. съ пересылкою.

Редакторъ Свящ. П. Преображенскій.

ВЪ 1882 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, газета. Программа ея въ общемъ слѣдующая: Отдѣлъ официальный: Высочайшіе манифесты и повелѣнія, сенсдальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ Кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. Отдѣлъ неофициальный: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія по до-

стопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его толкованія на ветхозавѣтныя книги; изъ твореній бл. Августина—его твореніе о градѣ Божіемъ.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2, *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить *два раза* въ мѣсяцъ, въ 8 долю, *не меньше двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить *ежедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не меньше одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12 листовъ*, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Іеронима и Августина и не менѣе 7—оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній бл. Августина, одинъ томъ твореній бл. Іеронима и три тома статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.;

Воскреснаго Чтенія—4 р; Трудовъ Киевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Киевской духовной Академіи, въ Киевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Киевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

— — — — —

Открыта подписка на 1882 годъ экономической, общественной, политической и литературной газеты „ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Официальный отдѣлъ: Правительственныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управления. **II. Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправления. **III. Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и социальному положенію Южнаго и Югозападнаго края.** **IV. Статьи по вопросамъ городского хозяйства и управленія. Хроники городскихъ событій и происшествій.** **V. Статьи по части исторіи, статистики, педагогійи, этнографіи и другимъ отраслямъ человеческого знанія** **VI. Критика и библиографія.** **VII. Отдѣлъ „Среди газетъ и журналовъ“.** **VIII. Фельетонъ.** Очерки и рассказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обозрѣнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. **IX. Корреспонденціи.** **X. Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. **Отдѣльныя статьи** по разнымъ вопросамъ иностранной политики. **XI. Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гавась и собственныхъ корреспондентовъ. **XII. Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. **XIII. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.**

XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета **ВЫХОДИТЬ** въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: **по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6 руб.	— коп.	на полгода	4 руб.
Безъ доставки	» » »	4 »	50 »	» »	3 »
Съ пересылкою иногороднимъ»	»	8 »	— »	» »	5 »

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ:** въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова, Москва, Софійка, церкви. домъ.—Въ **Парижѣ**, Agence Navas et C-ie—Place de la Bource 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ**, аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ**, у г. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** и г. Войно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. МENCHИЦА, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомирѣ** у г. Будкевича.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія).

Программа газеты: I. Руководяція статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзоръніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства.

IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальных корреспондентов «Южного Края» и телеграфных агентств. VI. Последние известия. VII. Внутренние известия: корреспонденции «Южного Края» и известия других газет. VIII. Политическое обозрение. IX. Вышние корреспонденции. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиография. XIII. Смѣсь. XIV, Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовъ, Александровскъ, Ахтыркъ, Бердянскъ, Богодуховъ, Бѣлгородъ, Бирючь, Бахмутъ, Валкахъ, Волчанскъ, Воронежъ, Гадячь, Грайворонъ, Елизаветградъ, Екатеринославъ, Зѣньковъ, Зміевъ, Изюмъ, Кіевъ, Кишиневъ, Кобелякахъ, Константиноградъ, Кременчугъ, Купянскъ, Курскъ, Керчи, Кутаисъ, Лебединъ, Миргородъ, Мелитополь, Мариуполь, Нѣжинъ, Новочеркасскъ, Новомосковскъ, Одессъ, Остротъ, Полтавъ, Павлоградъ, Поти, Переяславъ, Путивль, Пурятинъ, Ромнахъ, Ростовъ-на-Дону, Славянскъ, Славяносербскъ, Ставрополь, Старобѣльскъ, Старомъ Осколь, Симферополь, Севастополь, Суджъ, Сумахъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Таганрогъ, Херсонъ, Черниговъ и Ялтѣ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	Нѣ 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой . . .	12 " — "	7 " — "	4 " — "	1 " 40 "
Съ перес. иногород. . .	12 " 50 "	7 " 50 "	4 " 50 "	1 " 60 "

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского Университета, № 7-й при „Публичной библіотикѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакция получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренней. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправления; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорнiе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни за границей.

VI. Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорнiе и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговныя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торгovyя и биржевыя обзорнiя.—Жельзнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Жельзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ - обруга кievской судебной палаты: списокъ назначенныхъ въ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставкн.
На годъ . . .	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца . . .	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ . . .	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается рассрочка годоваго взноса, причеиъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го юня 2 р. и 1-го сентабря 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года рассрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учреждений, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатицкѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ся, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *И. А. Андреевскій.*

годъ 2-й.

Открыта подписка

годъ 2-й

на литературную и общественную
газету

„ПОДОЛЬСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(второй годъ изданія).

„Подольскій Листокъ“ будетъ выходить въ 1882 г., какъ и прежде, три раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа, по нижеслѣдующей программѣ:

а) Распоряженія Правительства и мѣстной администраціи. б) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней жизни края. в) Хроника каменецъ-подольской городской жизни. г) Судебная хроника (мѣстная).

д) Фельетонъ: рассказы, повѣсти, научныя свѣдѣнія и т. п. е) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ края. ж) Среди газетъ. з) Краткія свѣдѣнія изъ политической жизни иностранныхъ державъ. и) Телеграммы. і) Смѣсь: анекдоты, случаи и т. п. к) справочный листокъ (*перечень должъ, назначенныхъ къ слушанію въ Каменецъ-Подольсконъ Окружномъ Судѣ, краткія резолюціи по дѣламъ, свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, и т. п.*) л) Объявленія.

Подписная цѣна „Подольскаго Листка“.

на годъ. на полг. на 3 м. на 1 м.

Для иногороднихъ подписчиковъ съ пересылкою.

6 р. 50 к. 4 р. 2 р. 50 к. 1 р. 30 к.

Иногородніе обращаются съ своими требованіями: въ Каменецъ-Подольскъ, въ редакцію газеты „Подольскій Листокъ“.

Редакторъ-издатель **Б. Сторожевскій**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на газету

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(3-й годъ существованія).

НА 1882-Й ГОДЪ

Какъ сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), такъ и размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ 6 руб.
на полгода 3 руб. 50 к.
одинъ мѣсяць „ 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркасскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ-издатель **Е. Жигмановскій.**

ОТКРЫТА
ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ
„ВРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“
НА 1882 ГОДЪ.

Газета будетъ выходить въ 1882 году, какъ и прежде, три раза въ недѣлю:

ПО СРЕДАМЪ, ПЯТНИЦАМЪ И ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Согласно принятой программѣ, работа «Воронежскаго Телеграфа» состоитъ:

1) въ обсужденіи вопросовъ пзъ жизни общественной, нравственной и умственной; 2) выясненіи нуждъ и потребностей общественныхъ; и 3) своевременной передачи всѣхъ событій и новостей общественной жизни, въ возможной полнотѣ и разнообразіи.

Подписная цѣна на „Воронежскій Телеграфъ“:

ЗА ГОДЪ:

ЗА ПОЛГОДА:

въ Воронежѣ безъ доставки 4 р. 50 к.		въ Воронежѣ съ доставкой 2 р. 75 к.
» » » съ доставкой 5 р. — к.		
съ пересылкою въ др. город. 6 р. — к.		съ пересылкою въ др. гор. 3 р. — к.

ЗА ТРЕТЬ ГОДА:

въ Воронежѣ съ доставкой 2 руб. 25 коп.
съ пересылкою въ др. гор. 2 руб. 75 коп.

Подписка на «Воронежскій Телеграфъ» принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столля, на Большой Дворянской улицѣ.

Редакторъ-издатель В. И. Исаевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на общественную и литературную газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ, 1882).

Въ газету войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. 2) Общія политическія извѣстія и полити-

чекія телеграммы. 3) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. 4) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. 5) Фельетонъ: въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. 6) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральныя репертуаръ, почтовые и календарныя свѣдѣнія, мѣстный и метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. 7) Прибавленіе къ „Оренбургскому Листку“

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеніямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкою и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносъ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакціи просятъ адресовать въ Оренбургъ, въ редакцію газеты „Оренбургскій Листокъ“, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго—Мировицкаго.

Редакторъ-издатель **Ив. Евфимовскій—Мировицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Тамбовскія Губернскія Вѣдомости“ 1882 года.

«Тамбовскія Губернскія Вѣдомости» будутъ издаваться въ 1882 году по слѣдующей программѣ, разрѣшенной правительствомъ:

I. Часть официальная. II. Отдѣлъ неофициальный.

Программа неофициальнаго отдѣла:

1. Правительственныя распоряженія. Придворныя извѣстія. Телеграммы. Статьи о предметахъ внутренняго управленія и внѣшней политики, а также о выдающихся явленіяхъ и потребностяхъ мѣстной общественной жизни; вопросы городского благоустройства.

2. *Мѣстная хроника.* Текущія событія въ г. Тамбовѣ и въ губерніи. Корреспонденціи и извѣстія изъ различныхъ мѣстъ губерніи. Свѣдѣнія и матеріалы, касающіеся мѣстнаго края: историческіе, географи-

ческие, топографическіе, археологическіе и проч. Статьи о сельскомъ хозяйствѣ, урожаѣ, промыслахъ, торговлѣ, фабрикахъ, ярмаркахъ, рынкахъ, состоявшихся торговыхъ и другихъ обществахъ. Некрологи извѣстныхъ въ губерніи лицъ. Извѣстія (былевые очерки) изъ прошлой жизни губерніи.

3. *Внутренній отдѣлъ*, посвященный обзорѣннѣ важнѣйшихъ событій въ Россіи, имѣющій общій и одинаковый интересъ для всѣхъ.

4. *Внѣшнія извѣстія*, посвященные обзорѣннѣ выдающихся событій иностранной жизни.

5. *Разныя извѣстія*. Полезныя и интересныя извлеченія изъ журналовъ и газетъ; общепользныя свѣдѣнія изъ жизни, наукъ и искусствъ.

6. *Справочный отдѣлъ*. Метеорологическія и календарныя свѣдѣнія. Биржевыя извѣстія. Движенія желѣзныхъ дорогъ.

Неофициальный отдѣлъ будетъ занимать **цѣлый особый печатный листъ**. Газета будетъ печататься только на **хорошей бѣлой бумагѣ** и выходить по прежнему три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней праздничныхъ и послѣ праздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою на домъ въ	На годъ	На полг.	На 3 м.	На 1 м.
Тамбовѣ	5 р.	3 р.	2 р. — к.	1 р. 75 к.
Съ пересылкою	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.	1 р. — к.

Отдѣльные №№ газеты продаются въ редакціи по 10 коп.

Подписка принимается въ редакціи „Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, у всѣхъ уѣздныхъ исправниковъ и городскихъ головъ тамбовской губерніи.

Редакторъ неофици. отдѣла **Мих. Григоровскій**.

ВЪ ЕКАТЕРИНОГРАДѢ

издается

„КУВАНЪ“

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты— отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ		для иногороднихъ
съ доставкою на годъ 6 р.		съ пересылкою на годъ 7 р.
на полгода 3 р. 50 к.		на полгода 4 р.

для служащихъ допускается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просятъ адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель **Н. Г. Мойсеенко**.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 58. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина «Новаго Времени», Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа »Историческаго Вѣстника«: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ »Историческому Вѣстнику« прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

Ф Е В Р А Л Ъ .

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1882 г.

- I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городского самоуправления въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. **Вл. Антоновича**. 233
- II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ. 262
- III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). **Л. Мацѣвича**. 301
- IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ. (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ **П. И. Петрова**. 313
- V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЩЕНІА, съ предисловіемъ **В. А. (Продолженіе)**. 366
- VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІА КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л-въ. (Окончаніе)**. 386
- VII. БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи россійской Россіи за 1881 г. (*Окончаніе*). 2) Библиографическія замѣтки: а) Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Соч. **Ивана Попка**. Выпускъ первый—гребенское войско. В. А.—б) Исторія стверской земли до половины XIV в. **Петра Голубовскаго**. В. А.—в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. **К. Я. Грота**. — г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію **В. Прохоровымъ**. В. И. 397
- VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ въѣсто собора (къ исторіи кіевскихъ соборовъ). — б) Православный монастырь и его униатская лѣтопись (къ исторіи сатановскаго монастыря польской епархіи). — в) Компанейскія иголки. — г) Покрытка. Ст. **Фонт-Носъ**. — д) **Илія Човшля**, бѣсѣвъ въ службу занецавціи (Изъ области народныхъ суевѣрій). — е) **Gau leamuz igitar** кіевской академіи. — з) Запорожское расхищеніе (два вѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли). — 4) Объясненіе приложения. 413
- ПРИЛОЖЕНІЕ: Кіевская академія и ея студенты (1697—1702 г.).
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

Ф Е В Р А Л Ь .

1882 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. докъ

Дозволено цензурою. Київ, 20-го февраля 1882 года.

LABAKVM Trophei TRIADOS
 per Tres Dignissimos Tutores cetera
 Kievy Mohylarum Pallas institutio
 in Christo Patri P. Frocopa Koharynska
 E nobilitissimi Inter forula a deumetissimo sup

Titulo Virtutu Theologiaru Choro
 p illustre sub Signis Almae Orthodoxae
 p reffixum Ac finalis Recepti discipuli
 sigdem Almae Orthodoxae Collegii P.ctoris
 Nominu Imo certido Alexeyevsk. Invenacio V.D.B.

Quae Vexilla micat? tonat signis et in a Major? **SPES A** ; Fides, refertur quae Sitmate Dicit:
 Est Labakv Triados, dant usi Signa Tua **Sub quois Krossadi, vralia P. N. r. aqib.**

Кіевская Академія и ея студенты
 (1687—1702 г.).

ПАНЫ ХОДЫКИ,

ВОРОТИЛЫ ГОРОДСКАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ВЪ КІЕВѢ

въ XVI—XVII ст.

Въ исходѣ XV вѣка городъ Кіевъ получилъ отъ великаго князя литовскаго Александра Казимировича уставную грамоту, дававшую мѣщанамъ полный самосудъ и самоуправленіе по магдебургскому праву, а также предоставлявшую кіевской общинѣ многія льготы и привиллеги, которыя поощряли развитіе городской торговли и промышленности. Благосостояніе города, и до того значительное, вслѣдствіе выгоднаго въ торговомъ отношеніи его географическаго положенія, должно было значительно возвыситься; благодаря самостоятельности городской общины, ея самоуправленію и полученнымъ льготамъ, мѣщане должны были получить значительный просторъ дѣйствія, обеспеченность труда и легкость сбыта его продуктовъ; можно было ожидать развитія города во всѣхъ отношеніяхъ и полнаго процвѣтанія городской общины. Ожиданія эти однако не вполне оправдались. Правда, торговля оживилась, капиталы умножились, многіе мѣщанскіе роды разбогатѣли, стали пріобрѣтать поземельныя владѣнія и переходить въ сословія: землянское, а послѣ 1569 года въ шляхетское; но богатство и значеніе были достояніемъ только немногихъ избранныхъ. Новыя льготы не отозвались плодотворно на поднятіи уровня благосостоянія всей массы городского населенія; образовалась городская аристократія, кружокъ, тѣсно связанный интересомъ и заботившійся лишь о расширеніи своего богатства и вліянія; кружокъ этотъ не только не обращалъ вниманія на нужды болѣе бѣдныхъ согражданъ, но, напротивъ, употреблялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы, захвативъ въ свои руки городскія должности и опираясь на авторитетъ городского

уряда, эксплуатировать остальное народонаселение. Причина этого ненормального явления въ жизни кievской городской общины лежала не исключительно въ эгоистическихъ инстинктахъ и побужденіяхъ къ захвату лицъ, успѣвшихъ выдвинуться въ передовые ряды; стремленія къ наживѣ находили богатую почву въ самомъ устройствѣ городского самоуправления. Магдебургское право, по статьямъ котораго должно было управляться и судиться кievское мѣщанство, представляло кодексъ, сложившійся въ другое время, среди другаго племени и при другихъ историческихъ условіяхъ; его юридическія понятія, формы городского суда и самоуправления могли быть въ полнѣ примѣнимы къ быту саксонскихъ городовъ X—XI столѣтій, гдѣ сложилось и магдебургское право, какъ результатъ понятій и нуждъ своего времени и своей страны, но право это не имѣло ничего общаго съ русскими городами вообще, развивавшимися на другихъ началахъ, стремившимися къ порядку вѣчевому, а не коллегіальному, и слѣдовавшими въ обычномъ правѣ другимъ юридическимъ понятіямъ и воззрѣніямъ. Не вытекая изъ мѣстныхъ потребностей, не выработавшись на мѣстной почвѣ, магдебургское право представляло юридическую почву незнакомую, непонятную для жителей русскихъ городовъ и, притомъ, весьма часто противурѣчившую ихъ убѣжденіямъ и взглядамъ; право это оставалось для нихъ чуждымъ кодексомъ, истинною чисто формальною, — мертвою, хотя обязательною буквою, не согласною съ тѣми понятіями о юридической правдѣ, какія сложились въ мѣстныхъ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Случилось то, что бываетъ обыкновенно въ странахъ, управляемыхъ по законоположеніямъ заимствованнымъ, не выросшимъ на данной почвѣ; формальная истина противуполагалась правдѣ по народному пониманію и, никѣмъ не считаясь дѣйствительною правдивою, послужила лишь оружіемъ въ рукахъ дѣльцовъ, пожелавшихъ воспользоваться ею для личныхъ выгодъ, во вредъ массѣ, которой навязана была эта чуждая ей юридическая норма, уснащенная безконечнымъ количествомъ статей и параграфовъ, мало понятныхъ и еще менѣе симпатичныхъ.

Для того, чтобы воспользоваться такого рода положеніемъ юридическихъ отношеній, конечно, каждое лице, желавшее поживиться и стать въ ряды городской аристократіи, должно было представлять извѣстный, мало привлекательный нравственный образъ; для этого необходимо было отречься отъ народныхъ воззрѣній и народной морали, — отказаться отъ правилъ совѣсти, при-

нести все нравственное свое достоинство въ жертву личному интересу и стремленію къ наживѣ, искать точки опоры внѣ своей общины, постоянно враждебно настроенной къ кружку своихъ заправителей, въ силахъ внѣшнихъ, чуждыхъ или враждебныхъ ей, и только при такихъ условіяхъ можно было, пользуясь то буквою писаннаго закона, то внѣшними связями, то солидарностью между собою членовъ небольшого кружка знатныхъ сотоварищей, производить всевозможныя дѣйствія, правда, весьма выгодныя для усиленія богатства и значенія дѣльцевъ, но далеко не отвѣчавшія ни законамъ даже азбучной справедливости, ни интересамъ всей городской общины.

Понятно, что стать въ ряды на такихъ началахъ зарождавшейся городской аристократіи труднѣе было туземнымъ, старожилымъ кievскимъ мѣщанамъ, которыхъ родственныя связи, пріобрѣтенныя отъ своей среды понятія и привычка къ уваженію общественнаго мнѣнія сограждавъ, значительно сдерживали; препятствій этихъ не существовало для инородцевъ и для лицъ, примкнувшихъ къ мѣщанству изъ другихъ сословій края; тѣ и другіе поступали въ составъ городской общины исключительно съ цѣлью захватить должности, скопить состояніе и потомъ бросить вскормившій ихъ городъ для того, чтобы продолжать карьеру на болѣе выгодномъ поприщѣ. Дѣйствительно, пересматривая дошедшія до насъ документы XVI столѣтія, мы среди городской знати встрѣчаемъ множество именъ иноземныхъ: литовцевъ, поляковъ, армянъ, грековъ, крещенныхъ татаръ, а также лицъ, приписавшихся къ городу изъ сословій землянскаго и боярскаго. Коренные кievскіе мѣщане, составлявшіе значительное большинство кievскаго населенія, находятся въ постоянной борьбѣ съ кружкомъ пришельцевъ, но кievляне дѣйствуютъ гораздо менѣе солидарно и болѣе застѣнчиво; они менѣе способны на интригу, менѣе нахальны и потому имъ рѣдко удается выдвинуть своего кандидата въ войты или райцы. Между тѣмъ пришельцы исключительно лишь заняты тѣмъ, чтобы держать городское управленіе въ своихъ рукахъ; для этого они пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства: роднятся съ болѣе богатыми кievлянами и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ свою партію, другихъ склоняютъ обѣщаніями доли въ своихъ выгодахъ, на иныхъ вліяютъ связями съ воеводою и застрачиваютъ авторитетомъ королевской власти, съ которою они будто находятся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ ихъ противники, наконецъ, стараются поселить

раздоръ и личные ссоры среди старожилонъ и такимъ образомъ ослабить ихъ силы.

Какъ эпизодъ, характеризующій всѣ вышенамѣченныя явленія въ жизни кievской городской общины XVI—XVII столѣтій, мы представляемъ рассказъ, извлеченный изъ документовъ, хранящихся частью въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, частью въ кievскомъ центральномъ архивѣ. Это рассказъ о судьбѣ знатной мѣщанской семьи, составившей въ Кіевѣ колоссальное для того времени состояніе и выдвинувшей изъ среды своей трехъ кievскихъ войтовъ. Семья эта, по мѣрѣ того, какъ перемѣнялось ея положеніе въ обществѣ, носила разныя фамильныя названія, въ городѣ-же, въ періодъ своего преобладанія, носила прозвище: *Ходыки*.

Въ началѣ XVI столѣтія среди боярѣ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызь ¹⁾ находился въ числѣ татарскихъ пленниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестности Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, пріобрѣвъ небольшую боярскую землю: „третину земли Боковскіе, фольварокъ Пашковщину и Чортковщину, а въ нихъ 4 волокъ поля“. Земля эта возлагала на владѣльцевъ обязанность военной службы и не подлежала дѣлежу между сонаслѣдниками; поэтому, когда представителями семьи въ началѣ XVI вѣка оказались два родные брата, Федоръ и Иванъ, то староста мозырскій отдалъ землю во владѣніе старшему брату Федору, младшій-же, Иванъ, получилъ только половину движимаго наслѣдства и долженъ былъ искать занятія на сторонѣ, почему отправился въ Кіевъ. Не знаемъ, какимъ промысломъ онъ занялся здѣсь, но въ теченіи 30 лѣтъ онъ разбогатѣлъ, купилъ домъ на Боричевомъ Току и оставилъ сыну обезпеченное состояніе. Сынъ этотъ Устимъ, принявшій новую фамилію „Фиць“, занималъ уже одну изъ важныхъ магистратскихъ должностей—райцы и держалъ отъ города въ арендѣ „мѣстскіе корчмы“, т. е. городскіе шинки. Въ 1578 году Устинъ Фиць-Кобызевичъ умеръ безпотомственно.

¹⁾ Слово *Кобызь* или *Кобузь* по татарски означаетъ музыкальный инструментъ, заимствованный у нихъ впоследствии казаками подъ именемъ *кобзы*.

Между тѣмъ какъ Иванъ и Устинъ Кобызевичи богатѣли въ Кіевѣ, представитель другой вѣтви ихъ рода, Федоръ, оставался на родинѣ, въ мозырскомъ повѣтѣ. Обстоятельства его были далеко не блестящи; судьба надѣлила его весьма многочисленною семьею; у него было 10 душъ дѣтей: 8 сыновей и двѣ дочери, и его небольшая боярская вотчина оказалась недостаточною для содержанія семейства. Федоръ Кобызевичъ долженъ былъ искать новыхъ средствъ для усиленія своихъ доходовъ. Возложивъ обязанность военной службы и завѣдываніе боярскимъ помѣстьемъ на старшихъ сыновей, онъ перебрался съ младшими дѣтьми въ Мозырь. Здѣсь онъ приобрѣлъ дворъ съ маленькимъ участкомъ „поля на косогорѣ“ и лавку въ городскомъ рынкѣ и занялся торговлею. Въ 1569 году умеръ Федоръ Кобызевичъ, и многочисленная его семья приступила къ дѣлежу наслѣдства; но братья и сестры не могли уладить дѣла миролюбиво и потому обратились къ мозырскому старостѣ, пану Федьку Балакиру, съ просьбою распредѣлить между ними отцевское имущество. По рѣшенію старосты, послѣдовавшему 8-го февраля 1569 г., состоялся дѣлежъ на слѣдующихъ основаніяхъ: боярская поземельная вотчина досталась старшему изъ братьевъ Кузьмѣ, находившемуся въ то время въ походѣ, лавка и дворъ въ Мозырь отданы другому брату Лазарю, приписавшемуся уже давно къ мозырскимъ мѣщанамъ и завѣдывавшему торговлею еще при жизни отца; Лазарь уплатилъ при этомъ въ пользу братьевъ и сестеръ излишекъ стоимости доставшейся ему собственности; затѣмъ въ пользу незамужней сестры Авдотіи, выдѣлено было, въ качествѣ приданнаго 39 копѣ грошей литовскихъ ¹⁾, остальными-же деньгами и движимымъ имуществомъ должны были подѣлиться поровну 6 остальныхъ братьевъ, 1 сестра замужняя и мать ихъ, вдова Федора Кобызевича, Зоя. Изъ движимаго имущества староста выдѣлилъ одинъ полный мужескій костюмъ и полный наборъ оружія и приказалъ эти вещи оставить „при дому для господарской службы“. Когда сонаслѣдники приступили къ дѣлежу остальной движимости, то оказалось, что на долю каждого пришлось лишь слѣдующее: по 1 копѣ и 6¹/₂ грошей денегъ, по одной серебряной ложкѣ, по двѣ оловяныя тарелки („цвині: одна миса и 1 талеръ“), по одному мѣдному котлу, по саблѣ, съдлу и сагайдаку; сверхъ того каждый изъ сонаслѣдниковъ получилъ по одному коню, волю, коровѣ и свинѣ и по 2 овцы.

¹⁾ Копя равняется 7¹/₂ руб.

Получивъ скудныя доли своего наслѣдства, молодые Кобызевичи должны были немедленно подумать объ устройствѣ своей будущей судьбы. Трое изъ нихъ: Василій, Федоръ и Ювъ рѣшились отправиться искать счастья въ Кіевъ, гдѣ на первое время рассчитывали найти поддержку въ лицѣ своего двоюроднаго брата, тогда уже магистратскаго райцы—Устина Фица-Кобызевича. Шлавъ этотъ предложилъ братьямъ старшій изъ выселявшихся Василій. Это былъ человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ энергіи, предприимчивости и находчивости: онъ рѣшился во что бы то ни стало сдѣлать карьеру и добиться значенія и богатства. Для достиженія своей цѣли Василій Кобызевичъ намѣренъ былъ не разбирать средствъ и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, не стѣсняясь ни моралью, ни совѣстью; онъ чувствовалъ, что при такихъ нравственныхъ данныхъ онъ найдетъ въ Кіевѣ широкое поприще для дѣятельности и съ полною увѣренностью устремился на это поприще. Оставляя родной городъ, онъ хотѣлъ скопить возможно большую сумму въ запасъ для начала будущихъ оборотовъ; всѣ три брата продали съ этою цѣлью доставшуюся на ихъ долю движимость, но вырученная сумма оказалась слишкомъ ничтожною и потому Василій принялъ мѣры для ея увеличенія. Заручившись согласіемъ матери, онъ отправился въ домъ, принадлежавшій отсутствующему брату Кузьмѣ, взломалъ двери его „свѣтлицы“ и присвоилъ себѣ все его имущество: деньги, одежду, оружіе, скоть и т. д. Между прочими вещами Кузьма, перечисляя впослѣдствіи въ жалобѣ убытки, указываетъ на то, что у него были взяты даже два десятка стрѣлъ, которыя „коштовали копу и четыре гроши литовскіе“. Продавъ все захваченное, Василій немедленно вмѣстѣ съ братьями „подъ присудъ замку Кіевского зѣхаль“ и отмалчивался потомъ на всѣ жалобы брата, до смерти послѣдняго, и не являлся въ судъ мозырскаго старства, не смотря на многократные вызовы.

Въ Кіевѣ братья Кобызевичи были радушно приняты родственникомъ. Богатый, пріобрѣвшій значеніе и вліяніе, но бездѣтный Устинъ Фицъ радъ былъ на старости лѣтъ обществу лицъ, связанныхъ съ нимъ кровными узами; онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы доставить братьямъ выгодныя занятія и долю въ торговыхъ предпріятіяхъ. Но медленное, постепенное приращеніе благосостоянія было не по нраву Василю Кобызевичу, мечтавшему о быстрой и блестящей карьерѣ. Въ теченіи нѣсколь-

нихъ лѣтъ, промышляя службою у богатыхъ купцовъ, то мелочною торговлею, то отдачею въ ростъ небольшихъ своихъ денегъ, Василій Кобызевичъ выжидалъ случая, который позволилъ бы ему повести дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Случай такой доставило ему общественное бѣдствіе. Съ 1569 года въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Литвѣ и южной Руси свирѣпствовалъ голодъ; въ 1571 году урожай былъ обильный, но вдругъ лѣтомъ случился во время цвѣтенія хлѣба трехдневный морозъ, уничтожившій всѣ надежды на новый сборъ; осенью хлѣба вовсе не было. По свидѣтельству лѣтописей, въ Польсѣ, на Волыни, въ Подоліи и Литвѣ люди умирали и вообще сильно страдали отъ голода; въ началѣ слѣдующаго года отъ истощенія, гнилой и нездоровой пищи появилось во многихъ мѣстностяхъ „моровое повѣтріе“ (чума). Зараза коснулась и Кіева, хотя не въ особенно сильныхъ размѣрахъ. Въ числѣ жертвъ, пострадавшихъ отъ моровой язвы, было богатое семейство купцовъ Митковичей. Митковичи принадлежали къ числу кіевскихъ старожиловъ мѣщанъ и уже въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній вели богатую торговлю сукномъ и тканями; имъ принадлежало нѣсколько „крамныхъ коморъ“ (т. е. лавокъ) въ рынкѣ, нѣсколько домовъ въ городѣ и за городомъ, большіе склады сукна и различныхъ тканей и т. д. На фамильной печати Митковичей красовались эмблема ихъ торговли—два „локтя“, лежашіе крестообразно, и двѣ буквы: *Θ. М.* въ воспоминаніе предка *Θедора Митковича*, положившаго основаніе торговой фирмѣ. Въ 1572 году надъ этою семьей разразилась бѣда: въ теченіи нѣсколькихъ дней чума, посѣтившая ихъ домъ, унесла отца—*Митка (Дмитрія) Богдановича*, мать *Татьяну Кругликовну*, четырехъ дочерей и сына, а также многихъ слугъ и челядниковъ; изъ многочисленной семьи остались въ живыхъ только молодая дѣвушка *Пося (Евфросинія)* и малолѣтній братъ ея *Федоръ Митковичъ*. Прежде чѣмъ прошла паника, поразившая городъ при появленіи чумы, прежде чѣмъ магистратъ успѣлъ принять мѣры для охраненія имущества Митковичей и назначить опеку надъ оставшимися дѣтьми, *Василій Кобызевичъ* уже воспользовался положеніемъ ихъ семьи. Онъ предложилъ *Посѣ* свои услуги для того, чтобы временно завѣдывать торговыми дѣлами, не побоялся посѣщать домъ, пораженный чумою, отъ котораго бѣжали друзья и родственники Митковичей, и постепенно сблизился и подружился съ дѣтьми. Не прошло и мѣсяца со времени катастрофы, постигшей Митковичей, какъ сосѣди узнали, что наследница ихъ

обвѣчалась съ новымъ своимъ прикащикомъ. Василій Кобызевичъ, немедленно послѣ брака, обратился въ магистратъ съ просьбою поручить ему и его женѣ, какъ ближайшимъ родственникамъ, опеку надъ малолѣтнимъ Федоромъ и его имуществомъ; магистрату ничего не оставалось, какъ принять это предложеніе, и такимъ образомъ Василій сталъ представителемъ одной изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ въ Кіевѣ. Изъ распоряженія магистрата по этому поводу мы узнаемъ, что братья Кобызевичи носили уже тогда новую фамилію, данную имъ въ видѣ клички въ Кіевѣ, именно фамилію „Ходыкъ“, и магистратъ выдаетъ распоряженіе о врученіи опеки „славетному Василю Кобызевичу Ходыкъ“. Въ послѣдствіи всѣ три брата подписываются исключительно этою послѣднею фамилією, вѣроятно желая предать забвенію свое первоначальное, не знатное происхожденіе.

Въ теченіи одинадцати лѣтъ Василій Ходыка управлялъ безконтрольно добромъ Митковичей ¹⁾ и, помимо половины имущества, принадлежавшей по наслѣдству его женѣ, скопилъ изъ торговыхъ оборотовъ значительныя суммы. Сверхъ того, онъ приобрѣлъ значеніе и огромное вліяніе въ городѣ: овъ породнился или вошелъ въ сдѣлки со всѣми болѣе вліятельными членами маги-

¹⁾ Въ 1582 году Федоръ Митковичъ достигъ совершеннолѣтія и потребовалъ у Ходыки возврата своего имущества и отчета за время опеки; но Василій Ходыка отказалъ въ томъ и другомъ, и магистратъ, состоявшій изъ друзей, родственниковъ и союзниковъ Ходыки, до того вѣло относился къ жалобамъ Митковича, усложнялъ формальности и путался въ казуистическихъ отвѣтахъ Ходыки, что, годъ спустя, Митковичъ предпочелъ покончить дѣло съ зятемъ миромъ и принять всѣ предложенныя имъ условія. Сдѣлка состоялась на слѣдующихъ условіяхъ: Ходыка выдѣлилъ Митковичу по своему усмотрѣнію половину отцовскаго имущества, Митковичъ-же выдалъ ему квитанцію, въ которой призналъ себя вполне удовлетвореннымъ и принималъ обязательство, подъ опасеніемъ штрафа въ 1500 копъ грошей, никогда не заявлять претензіи и не требовать отчета за время опеки. Перечень предметовъ, составившихъ долю Митковича, сохранился и мы приведемъ изъ него извлеченіе для характеристики обстановки, въ которой жила зажиточные кіевскіе мѣщане XVI столѣтія. Федоръ Митковичъ получилъ во владѣніе въ 1583 году: „два дома: одинъ въ рынку и одинъ на Болоню (Оболоня), двѣ крамныя коморы въ рынку, готовыхъ денегъ 544 копъ грошей литовскихъ, векселей разныхъ лицъ на 98 копъ грошей, серебра: кубковъ позлотистыхъ 4, кубковъ срибныхъ 5, ложки позлотистыхъ 12, поясъ кованный серебряный 1; одежды: шубъ 5 (2 соболія, 2 ласія, одна бѣличья), суконъ и жупановъ 7, всѣ съ позлотистыми пуговицами, кофры восточныя 2, —посуды: циви (оловяной): мисъ и полумисковъ 10, талеровъ (т. е. тарѣлковъ) 36, конвей 3, фляшъ 2, —мѣди: котель медосытный великій 1, котловъ побелиныхъ 7, мѣдица 1, панвей медяныхъ 6, —оружіе: конь, сѣдло, панцерь, 2 сагайдаки, лузь, стрѣлы“ и т. д. (слѣдуетъ перечень разныхъ мелочей), наконецъ товаровъ въ складѣ на 300 копъ грошей литовскихъ.

страта и заручился такими связями, при которыхъ всякое за-тѣянное имъ дѣло рѣшалось по его волѣ, было ли оно спорно или даже явно незаконно. Вліяніе свое Ходыка направилъ къ тому, чтобы вывести въ люди своихъ родственниковъ, но еще болѣе къ тому, чтобы всякими правдами и неправдами увеличивать собственное состояніе. Теперь онъ намѣчаетъ новую цѣль для своихъ стяжаній: свое вліяніе и средства онъ стремится употребить на приобрѣтеніе поземельной собственности, которая дала бы ему возможность занять видное мѣсто въ рядахъ „плянхты“ кievской земли, получившей послѣ люблинскаго сейма 1569 года громад-ное политическое значеніе и привилегированное положеніе въ краѣ.

Въ 1583 году Василій Ходыка засѣдалъ уже въ магистратѣ въ качествѣ „райцы“. Большая часть членовъ верховной город-ской коллегіи была съ нимъ связана родствомъ или общностью интересовъ: братъ его Федоръ женатъ былъ на внукѣ войта, Ва-силія Черевчея, рядомъ съ нимъ сидѣли: райцы Мартынъ Жол-неръ, женатый на сестрѣ Ходыки, Федоръ, Гаврило Рай и Федоръ Левонувичъ, породнившіеся тоже съ Ходыкою, хотя степени ихъ родства документы не указываютъ; остальные члены магистрата или находились въ кумовствѣ съ нимъ, или, подобно бурмистру Стефану Кривковичу, состояли его должниками. Не удивительно, что члены магистрата по тѣмъ или инымъ причинамъ поддержи-вали постоянно во всѣхъ дѣлахъ Ходыку и составляли прочную точку опоры для дальнѣйшихъ его предпріятій. Вслѣдствіе того, что польскій строй общества, введенный *de jure* послѣ люблинской уни, не успѣлъ еще прочно установиться и только постепенно вытѣснялъ понятія, привычки и обычаи, сложившіеся въ литов-ское время, въ юридическихъ отношеніяхъ царствовалъ въ краѣ значительный беспорядокъ; разныя судебныя учрежденія не уста-новили еще точныхъ границъ своего вѣдомства и каждое считало себя компетентнымъ въ дѣлахъ, выходящихъ по смыслу ново-установленнаго закона за районъ его подсудности; такимъ хаоти-ческимъ положеніемъ дѣлъ и пользовались ловкіе люди для того, чтобы получать выгодныя для себя судебныя рѣшенія, въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ они пользовались протекціею или вліяніемъ, даже въ такихъ дѣлахъ, которыя не были подсудны данному учрежденію. Положеніемъ этимъ воспользовался и Василій Хо-дыка для приобрѣтенія поземельной собственности. Мы увидимъ, что большинство дѣлъ, касавшихся захвата имъ помѣстій у раз-ныхъ лицъ, онъ умѣлъ направить въ судъ магистратскій, въ бла-

гопріятномъ рѣшеніи котораго онъ былъ вполне увѣренъ. Но прежде, чѣмъ Ходыка выступилъ на это поприще, онъ позаботился о томъ, чтобы обезпечить за собою право владѣть земскою собственностью, а это право, по литовскому статуту, признавалось исключительно за лицами дворянскаго происхожденія. Не оставляя занятія торговлею и должности райцы магистрата, онъ началъ собирать документы, о своемъ будто-бы дворянскомъ происхожденіи. Такъ, въ 1586 году, онъ невѣдомыми путями владѣлъ уже свидѣтельствомъ, выданнымъ будто еще въ 1568 году литовскимъ гетманомъ, Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ (умершимъ въ 1569 г.), въ томъ, что „земявинъ господарскій повѣту овруцкога, Василей Ходычичъ-Кобызевичъ, отбылъ службу военную въ два коня“, ¹⁾ и кievскій магистратъ посвидѣтельствовавалъ достовѣрность этого документа. Три года спустя, въ 1589 г., у него является уже другой, гораздо болѣе важный документъ,— онъ предъявляетъ королевскую привилегію, которая гласила, что, по представленію гетмана Яна Замойскаго, сеймъ призналъ „кievскихъ жителей“: Василя, Федора и Юва Ходыкъ-Кобызевичей потомственными дворянами за услуги, оказанныя ими при покойномъ королѣ Стефанѣ Баторіѣ во время московской войны, въ которой они принимали будто участіе на свой счетъ. Хотя братья Ходыки въ продолженіе московской кампаніи (1579—1581 г.) не отличались изъ города и занимались торговлею, хотя документъ, заявленный Ходыкою былъ весьма сомнительнаго достоинства, магистратъ призналъ его безъ всякаго колебанія дѣйствительнымъ.

Запасаясь постепенно документами, которые должны были со временемъ открыть ему доступъ въ шляхетство, Василій Ходыка сталъ пріобрѣтать и поземельную собственность: въ 1586 году онъ купилъ у шляхтича Гулевича село Криниччи, „въ четырехъ миляхъ отъ замку кievскаго“, и съ того времени сталъ именоваться Ходыкою-Криницкимъ, а впоследствии сынъ его подписывался просто Федоромъ Криницкимъ, положивъ такимъ образомъ начало новому дворянскому роду. Подробности о пріобрѣтеніи Ходыкою Криничъ не сохранились въ документахъ, но о способѣ пріобрѣтенія слѣдующаго помѣстія—Юревичъ мы имѣемъ весьма характеристическія данныя. Село Юревичи издав-

¹⁾ Изъ предыдущей біографіи Ходыки мы знаемъ, что въ 1568 году онъ былъ бояриномъ, не земляниномъ, жилъ въ Мозырѣ, не въ овруцкомъ повѣтѣ, и не носилъ вовсе еще фамиліи Ходыки.

на принадлежало въ качествѣ „выслуги“ старому роду землянъ кievскихъ—Суринамъ. Въ 1579 году два брата Сурины: Гордей и Потей продали это имѣніе кievскому мѣщанину Ваську Кривковичу, который и владѣлъ имъ спокойно до 1593 года; но въ этомъ году Василій Ходыка рѣшился овладѣть имъ тѣмъ или другимъ способомъ. Затѣявъ ссору съ Кривковичемъ, поводъ которой намъ неизвѣстенъ, Ходыка съ толпою вооруженныхъ слугъ напалъ на домъ Кривковича въ Юревичахъ, овладѣлъ имъ и посадилъ самого Кривковича въ тюрьму, находившуюся при квартирѣ кievскаго подвоеводія, Яна Аксакъ. Всѣ протесты Кривковича оставались тщетными, такъ какъ Аксакъ, подкупленный Ходыкою, не внималъ его жалобамъ, кievскій-же воевода, князь Константинъ Острожскій, проживалъ на Воляни: только послѣ 14 недѣль заточенія Кривковичъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы и немедленно принесъ жалобу на насиліе, причиненное ему Ходыкою; но предсѣдательствующій въ судѣ, тотъ-же Аксакъ, опираясь на свидѣтельскія показанія членовъ кievскаго магистрата, нашелъ, что жалоба Кривковича о нападеніи на его домъ и самовольное лишеніе свободы, совершенная ложь, и приговорилъ Кривковича за клевету къ уплатѣ штрафа въ 20 копъ грошей литовскихъ въ пользу Ходыки. Кривковичъ апеллировалъ на это рѣшеніе въ трибуналъ, куда между прочимъ представилъ свидѣтельство отъ кн. Константина Острожскаго въ томъ, что Аксакъ поступалъ въ его дѣлѣ пристрастно. Но у Ходыки, какъ оказалось, была рука и въ трибуналѣ, дѣло по апелляціи затянулось на дѣсятки лѣтъ. Ходыка скоплялъ между тѣмъ приговоры къ штрафамъ въ свою пользу, высчитывалъ отъ нихъ проценты и на считывалъ судебныя издержки, пока наконецъ утомленный и разорившійся Кривковичъ не согласился покончить дѣла миромъ. Въ 1607 году онъ призналъ за собою обязательство уплатить въ пользу Ходыки 120 копъ грошей литовскихъ и выдалъ на эту сумму закладную запись на село Юревичи; три года спустя кончился срокъ закладной записи, Кривковичъ оказался несостоятельнымъ плательщикомъ и Юревичи, по приговору кievскаго земскаго суда, были признаны потомственною собственностью Ходыки. Пока продолжалось дѣло съ Кривковичемъ, Ходыка купилъ еще одво имѣніе, село Шульжинцы, въ двухъ миляхъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ, и оттягалъ часть земель, принадлежавшихъ кievскому кириловскому монастырю, сопредѣльныхъ съ его владѣніями.

Всѣ эти пріобрѣтенія составляли впрочемъ лишь мелочи въ сравненіи съ крупнымъ дѣломъ, которое намѣтилъ Василій Ходыка, засѣдая въ качествѣ райцы въ магистратѣ, и которое рѣшился преслѣдовать съ свойственною ему настойчивостью; оно должно было, правда не безъ большихъ усилій и препятствій, доставить ему въ собственность столь обширныя владѣнія, какими могли располагать лишь потомки удѣльныхъ князей. Дѣло это заключалось въ пріобрѣтеніи имѣній басавскаго и быковскаго и требуетъ болѣе подробнаго разъясненія.

Еще въ концѣ XV столѣтія, послѣ окончательнаго опустошенія южной части кіевскаго княженія Менгли-Гиреемъ въ 1482 г., переяславскій повѣтъ представлялъ одну изъ областей болѣе всего пострадавшихъ отъ татарскаго погрома; повѣтовый городъ и его замокъ были разрушены татарами; народонаселеніе или уведено въ рабство, или бѣжало въ сѣверную часть Кіевщины; на протяженіи всего повѣта оставались только рѣдкіе хутора и пасѣки, сель не было вовсе. Оставшюся впускъ землю долго никто не хотѣлъ брать ни за службу, ни въ выслугу. Наконецъ въ 1503 г. великій князь Александръ грамотою, данною на имя кіевскаго воеводы, князя Дмитрія Путятича, пожаловалъ всю сѣверную половину переяславскаго повѣта, лежавшую по Трубежу и Супою, въ качествѣ выслуги, дворянину своему Дашку Ивановичу, котораго сынъ, извѣстный своими подвигами черкасскій и каневскій староста Остафій Дашковичъ, прочною организаціею фармировавшагося тогда козачества создалъ надежный оплотъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и далъ быстрый ходъ новой колонизаціи южныхъ частей Кіевщины, а вмѣстѣ и собственныхъ переяславскихъ „выслугъ“, въ которыхъ „на грунтахъ басавскомъ и быковскомъ“ вскорѣ явилось 2 мѣстечка: Басань и Быковъ и 9 сель¹⁾. Обширныя имѣнія эти, по смерти Остафія Дашковича, перешли къ старшей племянницѣ его по сестрѣ, Духнѣ, вышедшей замужъ за землянина Стефана Дублянскаго въ 1530 г., сынъ котораго Григорій, по причинѣ большихъ долговъ, продалъ, въ 1578 году, эти вотчины разбогатѣвшему кіевскому мѣщанину (изъ крещеныхъ татаръ) Андрею Кошколдовичу, зятю кіевскаго войта Василя Черевчей. Когда между тестемъ и зятемъ послѣ этой покупки возникъ споръ и Черевчей потребовалъ отъ Кошколдовича возврата

¹⁾ Старая Басань, Марковъ, Юрковъ, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинь, Карпиловка и Воронковъ.

какихъ-то векселей, выданныхъ 11 лѣтъ назадъ еще Григоріемъ Дублянскимъ на имя кievскаго войта Семена Мелешкевича, пріобрѣтенныхъ вполсѣдствіи Черевчеемъ и заставившихъ главнымъ образомъ Дублянскаго продать свои имѣнія, то, по позву Черевчея противъ Кошколдовича, кievскій магистратъ снарядилъ для разбора дѣла комиссію, которая состояла изъ райцевъ: Гаврила Рая, Василія Ходыки и Леона Федоровича. Райцы потребовали отъ Кошколдовича документы, на основаніи которыхъ онъ владѣлъ Басанью и Быковымъ, и когда документы были представлены, они не отдали ихъ Кошколдовичу, требуя, чтобы онъ прежде удовлетворилъ претензію Черевчея, а на протесты Кошколдовича отвѣчали побоями, во время самаго засѣданія, и заключеніемъ его въ тюрьму, въ которой продержали нѣсколько мѣсяцевъ. Хотя, по жалобѣ Кошколдовича къ кievскому воеводѣ князю Константину Острожскому, назначенная, по ходатайству сего послѣдняго, отъ короля особая комиссія, разсмотрѣвъ дѣйствія магистрата, приговорила райцевъ къ уплатѣ 4,000 золотыхъ штрафа за обиды, нанесенныя Кошколдовичу, и воевода приступилъ было уже ко взысканію этой суммы изъ имущества виновныхъ; но неожиданно, потерпѣвшій заявилъ, что онъ вслѣдствіе посредничества „зацныхъ пановъ и добродѣевъ“ отказывается отъ полученія присужденной ему суммы. Оказалось, что въ промежуткѣ Василій Ходыка далъ дѣлу совершенно неожиданный оборотъ: съ одной стороны онъ припряталъ документы, отнятые у Кошколдовича въ магистратѣ, и пріобрѣлъ у Черевчея право на векселя, составлявшіе главную причину спора, съ другой — успѣлъ сблизиться съ Кошколдовичемъ и женить на его единственной дѣчери и наслѣдницѣ, Богданѣ, своего брата Федора. Затѣмъ попеременно, то оказывая на него вліяніе, какъ на близкаго родственника, то угрожая нескончаемымъ процессомъ, вслѣдствіе захваченныхъ документовъ и векселей, онъ довелъ Кошколдовича постепенно къ заключенію сдѣлки, въ силу которой послѣдній за возвратъ векселей и обязательство, данное Ходыкою не подымать процесса, а также оказывать постоянную помощь своему брату Федору; переуступалъ ему всѣ свои права на имѣнія басанское и быковское и оставлялъ за собою лишь право владѣнія ими до смерти. Въ 1592 году Кошколдовичъ умеръ и Василій Ходыка предъявилъ свои права на пріобрѣтенныя имѣнія. Вдова Кошколдовича, Палагея Черевчевна, и дочь его, Богдана Ходыкова, признали подлинность предъявленной имъ уступочной записи. Такимъ образомъ Василій Ходыка-Кривницкій сталъ

самымъ богатымъ шляхтичемъ-землевладѣльцемъ кievскаго воеводства. Теперь онъ переуступилъ свое мѣсто въ магистратъ и свои торговыя дѣла брату своему Федору, самъ-же, проживая по большей части въ Басани и Переяславль, занялся устройствомъ и округленіемъ своего имущества. Съ этою цѣлію прежде всего онъ перезывалъ въ свои села крестьянъ изъ разныхъ полѣсскихъ имѣній и велъ по этому поводу нескончаемыя тяжбы съ ихъ бывшими владѣльцами: Лозками, Тышами, Ратомскими и т. д. Замѣтивъ, что остерское староство врѣзывается клиномъ въ его владѣнія, онъ съ вооруженнымъ отрядомъ, занялъ мѣстечко Дѣвицу, избилъ, ограбилъ и прогналъ старостинскихъ слугъ и урядниковъ, и присоединилъ мѣстечко къ своимъ владѣніямъ, не смотря на продолжительную тяжбу съ остерскими старостами. Получая изъ своихъ помѣстій значительные доходы, онъ сталъ сосѣдямъ шляхтичамъ занимать крупныя суммы подъ залогъ имѣній и, при неустойкѣ плательщиковъ, отбиралъ ихъ имѣнія въ свое владѣніе, за суммы, далеко не отвѣчавшія ихъ стоимости; такъ онъ приобрѣлъ: села Варевичи и Рыжки отъ Харленскихъ, Бугаевку и Давидковичи отъ Солтановъ и т. п. Въ самомъ городѣ Кіевѣ, сверхъ трехъ домовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ Митковичей и отъ двоюроднаго его брата Устина Фица, Василій Ходыка-Кривницкій выстроилъ большой домъ на улицѣ, соединявшей рынокъ съ Днѣпромъ, и другой въ оградѣ замка; сверхъ того онъ приобрѣлъ въ разныхъ частяхъ города 10 дворовъ, на которыхъ построилъ „халупъ для кувачниковъ“ (т. е. наемныхъ помѣщеній), 6 сѣножатей на „кievскомъ Болонью“, нѣсколько садовъ на Кудрявцѣ и т. д.

Впрочемъ всѣмъ этимъ добромъ Василій Ходыка не сразу могъ владѣть совершенно спокойно; темные пути, которыми онъ приобрѣлъ басанское и быковское имѣнія, возбудили сомнѣніе въ законности этого владѣнія и раздражили инстинкты стяжанія нѣсколькихъ предприимчивыхъ соперниковъ, отъ притязаній которыхъ Ходыка отдѣлался лишь съ крайними усилиями, благодаря своей неистощимой настойчивости и изворотливости. Первымъ такимъ соискателемъ явился королевскій секретарь, Захарій Еловицкій. Въ 1596 году онъ выпросилъ у короля жалованную грамоту на Басань и Быковъ, какъ на помѣстья, составлявшія выслугу Дашковичей и послѣ прекращенія ихъ рода не подлежавшія отчужденію безъ королевскаго разрѣшенія; но Ходыка не допустилъ Еловицкаго къ владѣнію имѣніемъ и въ теченія возникшаго процесса успѣлъ столь прочно обставить свои права на спорныя имѣ-

ніа, что самъ король въ 1605 году кассировалъ свою жалованную грамоту и взаи́мнъ ей выдалъ Еловицкому другую на имѣніа въ остерскомъ повѣтѣ.

Пока Василій Ходыка велъ процессъ съ Еловицкимъ, права на Басань и Быковъ предъявилъ новый, совершенно неожиданный соискатель, опиравшійся на права почти фантастическія, но тѣмъ не менѣе, причинившій Ходыкѣ гораздо больше хлопотъ и безпокойства. Новый этотъ соперникъ, называвшій себя княземъ Юріемъ Семеновичемъ со Сквиря Рожыновскимъ-Половцемъ, выдвинутъ былъ кіевскимъ подвоеводіемъ, Яномъ Аксакомъ, мирволившимъ нѣвогда Ходыкѣ, но теперь съ завистью смотрѣвшимъ на его неимовѣрный успѣхъ.

Янъ Аксакъ, кіевскій подвоеводій, впоследствии судья земскій кіевскій, представлялъ типъ весьма близкій къ Василю Ходыкѣ. Происходя изъ захудавшаго землянскаго рода, владѣвшаго лишь небольшимъ сельцомъ Путиловщиною въ овруцкомъ повѣтѣ, онъ упорно, не разбирая средствъ, всю жизнь скоплялъ имущество и оставилъ дѣтямъ въ собственность 4 мѣстечка съ замками и 15 сель въ воеводствахъ кіевскомъ и волынскомъ. Карьерою своею Аксакъ былъ обязанъ главнымъ образомъ своимъ юридическимъ познаніямъ и способностямъ. О немъ установилось мнѣніе, какъ о самомъ опытномъ знатокѣ судопроизводства по литовскому статуту, и современники высказываютъ наивно въ похвалу Яну Аксаку то, что онъ умѣлъ всякій приговоръ такъ обставить, что его не рѣшался кассировать ни трибуналь, ни королевскій задворный судъ, хотя-бы онъ явственно противурѣчилъ справедливости. Исполняя обязанности кіевскаго подвоеводія и судьи, Аксакъ, опираясь на свою репутацію первокласснаго юриста, всегда готовъ былъ, конечно за соотвѣтственное вознагражденіе, покривить душею, оправдать виновнаго и обвинить праваго, примѣръ чему былъ выше представленъ въ дѣлѣ Ходыки съ Крывковичемъ; но, не ограничиваясь посулами, Аксакъ сталъ самъ высматривать сомнительныя дѣла и подставлять лицъ для вчинанія исковъ, если при этомъ онъ ожидалъ скольконибудь крупной для себя прибыли. Зная отлично пріемы и юридическія данныя своего бывшаго кліента, Василя Ходыки, Аксакъ рѣшился вступить въ дѣло покупки имъ басанскаго и быковскаго имѣній, въ полной увѣренности, что такъ или иначе онъ изъ этого дѣла извлечетъ для себя барышъ. Обдумавъ обстоятельства дѣла, онъ выдвинулъ

подставное лице, именовавшее себя княземъ Юріемъ Половцемъ-Рожыновскимъ.

Въ кievскомъ княженіи съ весьма давняго времени существовалъ родъ князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ. По фамильному преданію этого рода, овъ происходилъ отъ половецкаго хана Тугорхана (тестя Святополка II Изяславича), сынъ котораго Карыманъ переселился въ русскую землю, принявъ крещеніе подъ именемъ Льва и получилъ обширный удѣлъ въ кievскомъ княжествѣ, будто еще отъ Владиміра Мономаха. Трудно рѣшить, на сколько было достовѣрно это фамильное преданіе князей со Сквира Половцевъ-Рожыновскихъ; несомнѣнно однако то, что въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ родъ владѣлъ обширными землями въ кievскомъ княжествѣ, на которыя получилъ подтвердительныя грамоты отъ князей: Владиміра Ольгердовича и Олелька Владиміровича. Земли эти лежали частью около самаго Кіева, частью же распредѣлялись по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Одна большая половина земель ихъ находилась между рѣками: Стугною, Теревомъ и Росью, вдоль по бассейнамъ рѣкъ: верхняго Ирпеня, Растваицы и Каменки, и центромъ этой части, а равно резиденціею князей Половцевъ былъ ими-же основанный замокъ Сквирь (нынѣ городъ Сквира). Другая также обширная половина ихъ владѣній находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ повѣтахъ остерскомъ и переяславскомъ, между рѣками: нижнимъ теченіемъ Десны, Сновью, Остромъ и Удаемъ; центромъ этой половины владѣній былъ замокъ Рожыновъ, лежавшій въ остерскомъ повѣтѣ. Къ этой половинѣ владѣній князей Половцевъ со Сквира Рожыновскихъ принадлежали города: Нѣжинъ, Басанъ и Быковъ съ окружавшими ихъ грунтами и селами. Татарское разореніе, постигшее Кіевщину въ концѣ XV столѣтія, легло всею своею тяжестью на имѣнія князей Половцевъ: замки ихъ были разграблены и разрушены, села разорены, народонаселеніе угнано въ полонъ или бѣжало, словомъ, по выраженію грамоты великокняжеской: „помѣстія ихъ вельми спустошали отъ недруговъ нашихъ“. Два послѣдніе представителя рода, князья: Михайло Юрьевичъ и сынъ его, Яцко Михайловичъ напрасно пытались, „не литуючи здоровья и маетностей“, отражать нападенія хищниковъ; они были почти совершенно разорены и числились лишь *de jure* владѣльцами обширныхъ земель, не приносившихъ имъ теперь никакой дѣйствительной пользы. Въ 1536 году умеръ князь Яцко Михайловичъ, поручая опеку надъ своими дѣтьми и иму-

ществомъ своимъ пріятелямъ, землянамъ кіевскимъ: Ивану Немиричу и Юрію Скобейку. Въ дошедшемъ до насъ его духовномъ завѣщаніи онъ проситъ опекуновъ заложить немвогія, оставшіяся въ окрестности Кіева свои помѣстья, а деньги употребить на выкупъ сына Демьяна, попавшаго въ татарскую неволю, и на обезпеченіе другаго малолѣтняго сына Семена, въ заключеніе-же, какъ-бы предчувствуя скорое прекращеніе своего рода, онъ отказываетъ, въ случаѣ бездѣтной кончины своихъ дѣтей, все оставшееся имущество Ивану Немиричу. Не знаемъ, возвратился-ли князь Демьянъ Половецъ изъ плѣна, но во всякомъ случаѣ какъ онъ, такъ и братъ его, Семень, скончались безпотомно, потому что 30 лѣтъ спустя послѣ смерти князя Яцка, сынъ Ивана Немирича—Іосифъ, предъявилъ великому князю Сигизмунду Августу завѣщаніе Яцка съ просьбою передать ему права на всѣ владѣнія вымершаго рода князей Половцевъ. Такъ какъ заявленіе Немирича послѣдовало до люблинской уніи, когда дѣйствовало еще литовское право по отношенію къ землевладѣнію, то требованіе его не было удовлетворено; имѣнія вотчинныя и выслуженныя, въ случаѣ прекращенія рода владѣльцевъ, должны были поступить въ государственную собственность; на этомъ основаніи имѣнія князей Половцевъ-Рожыновскихъ были частью приписаны къ господарскимъ староствамъ, частью розданы, въ качествѣ службъ, новымъ лицамъ, въ томъ числѣ вѣзвначительная доля и Іосифу Немиричу.

Всю эту давно уже минувшую и забытую исторію вспомнилъ, около 1600 года, Янъ Аксакъ и рѣшилъ сдѣлать изъ нея оружіе противъ Ходыки. Онъ ознакомился съ документами и генеалогіею послѣднихъ представителей рода князей Половцевъ и рѣшилъ воскресить его. Замокъ Рожыновъ и окружавшее его мѣстечко были приписаны еще въ 1568 году къ остерскому староству; въ числѣ другихъ жителей мѣстечка было нѣсколько боярскихъ семействъ, несшихъ службу въ пользу остерскаго замка и, по мѣсту жительства, называвшихся боярами Рожыновскими. Одинъ изъ этихъ бояръ: Юрій Семеновичъ Рожыновскій въ 1592 году оказался причастнымъ къ козацкому возстанію Косинскаго и за эту вину остерскій староста, Ратомскій, конфисковалъ его боярскую отчину. Возвратившись въ Остеръ, Юрій Рожыновскій долженъ былъ въ качествѣ „рукодайнаго слуги“ поступить въ услуженіе къ старостѣ. Конечно, положеніе его было далеко не блестящее; между тѣмъ, случайное созвучіе его фамиліи и

отчества обратили вниманіе Аксака, по совѣту котораго, вѣроятно въ отсутствіи Ратомскаго, Юрій Рожыновскій взломалъ двери въ комору, гдѣ хранился архивъ старостинскій, и похитилъ всѣ хранившіеся въ немъ документы, относившіеся къ роду князей Половцевъ-Рожыновскихъ и къ ихъ имѣніямъ, и сбѣжалъ съ ними въ Кіевъ. Здѣсь онъ передалъ документы Аксаку и, выдавая себя за сына князя Семена Яцковича Половца-Рожыновскаго, поручилъ Аксаку хлопотать о восстановленіи своихъ правъ на наслѣдственныя имѣнія своихъ предковъ. Въ 1602 году Аксакъ и Рожыновскій заключили формальный договоръ, по которому Аксакъ обязывался на свой счетъ „доходить“ имѣній, растраченныхъ опекунами мнимаго отца Рожыновскаго, послѣдній-же, не имѣя возможности „ложить великихъ коштвъ и накладвъ, для своего убожества“, уступаетъ Аксаку половину „дойденнаго“ имущества. Вооружившись этою сдѣлкою, Аксакъ велъ одновременно искъ и противъ остерекаго старосты Ратомскаго, и противъ Василя Ходыки, требуя возвращенія своему кліенту наслѣдства князей Половцевъ-Рожыновскихъ; онъ предъявлялъ въ поддержаніе иска грамоты князей Владиміра Ольгердовича-Олелька Владиміровича, завѣщаніе князя Яцка Михайловича Половца и документы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что кліентъ его есть дѣйствительно Юрій Семеновичъ Рожыновскій.

Какъ ни было сомнительно родство послѣдняго съ князьями Половцами, дѣло въ рукахъ столь опытнаго дѣльца, какъ Аксакъ, становилось грознымъ для его противниковъ. Дѣйствительно, пользуясь тѣмъ, что староста Ратомскій, принявшій горячее участіе въ дѣлѣ перваго лже-Димитрія, находился въ отсутствіи изъ староства, Аксакъ успѣлъ выиграть дѣло во всѣхъ инстанціяхъ и въ 1606 году вступилъ во владѣніе замкомъ Рожыновымъ и окружающими его селами и засчиталъ эти имѣнія въ свою долю, въ пользу же мнимаго князя Половца обязался возвратить имѣнія быковское и басанское. Онъ повелъ дѣло съ Ходыкою такъ, что, не вникая въ правильность покупки имъ имѣній у Кошколдовича и не оспаривая правъ прежнихъ владѣльцевъ, доказывалъ, что самъ Остафій Дашкевичъ владѣлъ этими имѣніями неправильно и что отецъ его получилъ жалованную на нихъ грамоту только потому, что великій князь Александръ не зналъ, что пустынные въ то время земли принадлежали по праву князьямъ Половцамъ-Рожыновскимъ, предкамъ его кліента. Встрѣтивъ сильнаго и опаснаго противника въ лицѣ Аксака, Ходыка употребилъ всѣ

силы для защиты; онъ и доказывалъ несостоятельность генеалогіи Рожыновскаго, и выхлопоталъ изъ литовской метрики копіи документовъ Дашкевичей, и наконецъ, несмотря на всевозможные приговоры, не допускалъ противника къ фактическому владѣнію имѣніями, причемъ онъ находилъ опору въ протекціи кіевскаго воеводы, князя Константина Острожскаго, не любившаго Аксака и считавшаго его злостнымъ казуистомъ и лихоимцемъ. Собразивъ положеніе дѣла, не нуждаясь притомъ болѣе въ своемъ кліентѣ, такъ какъ остерскія волости уже находились въ его рукахъ, Аксакъ, желая отдѣлаться вмѣстѣ и отъ Ходыки, и отъ Рожыновскаго, присовѣтовалъ послѣднему, вмѣсто продолжительнаго и безплоднаго процесса, удовлетвориться небольшимъ, но дѣйствительнымъ вознагражденіемъ. Слѣдуя его совѣту, мнимый князь Половецъ-Рожыновскій уступилъ въ началѣ 1605 года за нѣсколько сотъ копъ грошей свои притязанія на Басань и Быковъ переяславскому старостѣ, князю Янушу Константиновичу Острожскому, сыну кіевскаго воеводы. Такимъ образомъ Ходыка лишился важнѣйшей своей опоры и приобрѣлъ могущественнаго противника. Немедленно, въ 1605 году, князь Янушъ Острожскій завялъ съ помощью вооруженнаго отряда Басань и Быковъ и на жалобу Василія Ходыки отвѣтилъ встрѣчнымъ искомъ. По совѣту Аксака, вмѣсто того, чтобы доказывать свои права на спорныя имѣнія, князь Острожскій напалъ на самую слабую сторону Ходыки: онъ обвинилъ его въ незаконномъ присвоеніи себѣ шляхетскаго званія, за что тотъ по закону долженъ былъ подлежать конфискаціи имущества; притомъ кн. Острожскій утверждалъ, что если-бы Ходыка даже и могъ доказать дворянское происхожденіе, то онъ потерялъ дворянскія права, такъ какъ въ теченіи многихъ лѣтъ живя въ городѣ, занимался торговлею и отдавалъ деньги въ ростъ. Ходыка долженъ былъ предъявить документы, доказывавшіе его дворянство; онъ и представилъ вышеупомянутыя свидѣтельства: гетмана Ходкевича 1568 года и короля Стефана 1589 г., но, въ виду столь сильныхъ противниковъ, какъ князь Острожскій и Аксакъ, онъ не осмѣлился показать сомнительныхъ, вѣроятно, подлинниковъ, а представилъ лишь копіи, посвидѣтельствованныя кіевскимъ магистратомъ, утверждая, что подлинныя грамоты сгорѣли въ 1600 году во время пожара, истребившаго въ замкѣ домъ Ходыки, въ которомъ хранились будто всѣ его документы. Къ копіямъ этимъ Ходыка присоединилъ свидѣтельство, выданное ему кіевскимъ войтомъ Яцкомъ Балыкою

и всѣмъ магистратомъ, въ томъ, что, хотя онъ и велъ нѣкоторое время торговлю, но не занимался ею лично, а поручалъ ея веденіе факторамъ, со времени-же полученія грамоты о дворянствѣ въ 1589 году и вовсе ее оставилъ.

Среди юридическихъ препирательствъ процессъ затягивался все дальше и дальше, а между тѣмъ переяславскія помѣстья находились во владѣніи князя Острожскаго. Для Ходыки важнѣе всего было получить возможность завѣдыванія ими, и для того, чтобы достигнуть этой цѣли, въ 1607 году онъ предложилъ князю Острожскому кончить дѣло миромъ. Обѣ стороны согласились на слѣдующія условія: Ходыка продалъ князю Янушу свои права на басанское и быковское имѣнія, получилъ въ задатокъ 3,000 золотыхъ, а остальную сумму долженъ былъ получить при окончательномъ совершеніи крѣпостнаго акта; между тѣмъ, впредь до его совершенія, князь Острожскій возвратилъ ему имѣнія для приведенія въ порядокъ движимаго имущества. Получивъ обратно помѣстья, Василій Ходыка сталъ оттягивать подъ разными предлогами совершеніе продажной записи, пока въ 1608 году не умеръ кievскій воевода князь Константинъ Острожскій. По смерти отца, князь Янушъ Константиновичъ былъ постоянно занятъ то раздѣломъ волынскихъ имѣній съ братомъ, то сенаторскими обязанностями въ качествѣ краковскаго кастеллана; онъ проживалъ постоянно то въ столицѣ, то въ Острогѣ и сталъ мало заботиться о переяславскихъ помѣстьяхъ: Ходыка воспользовался этимъ положеніемъ, не совершилъ вовсе продажной записи и даже отказался возвратить задатокъ. Послѣдніе 8 лѣтъ жизни Василій Ходыка прожилъ относительно спокойно: онъ выдавалъ многочисленныхъ своихъ дочерей замужъ, частью за богатыхъ мѣщанъ, частью за дворянъ кievскаго воеводства, и заботился главнымъ образомъ о выплатахъ имъ приданнаго, всю-же поземельную собственность, умирая въ 1616 году, отказалъ единственному сыну Федору Васильевичу, который подписывался уже Крыницкимъ, а не Ходыкою. Федоръ этотъ, отличавшійся безпокойнымъ нравомъ и склонностью къ самоуправству, встрѣчается въ многочисленныхъ тяжebныхъ дѣлахъ до 1640 года. Громадное наслѣдство онъ еще увеличилъ новыми приобрѣтеніями, по большей части захваченными насильно. Впрочемъ это большое состояніе, прибрѣтенное не трудомъ, а темными средствами, оказалось непрочнымъ; козацкая гроза, поднявшаяся въ 1648 году, захватила всю территорію, на которой помѣщались маестности пановъ Крыниц-

нихъ и уничтожила безслѣдно ихъ благосостояніе; Быковъ и Басань вошли, въ качествѣ сотенныхъ мѣстечекъ, въ составъ переславскаго козачьяго полка; а внуки Василя Ходыки-Крыницкаго должны были искать убѣжища на Волыни и проживать тамъ на весьма скудныхъ средствахъ.

О братьяхъ Василя Ходыки и потомствѣ ихъ до насъ, къ сожалѣнію, дошло гораздо менѣе документовъ, чѣмъ объ основателѣ знатности ихъ рода. Постараемся извлечь, на сколько дозволяютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія, данныя о судьбѣ другихъ представителей рода Ходыкъ, остававшихся въ средѣ кievскаго мѣщанства. Когда Василій Ходыка пріобрѣлъ переславскія помѣстья, онъ передалъ свою городскую торговлю брату Федору, успѣвшему еще раньше подъ его покровительствомъ скопить довольно значительное состояніе. Федоръ Ходыка, уступавшій брату въ способностяхъ, не отличался отъ него ни нравственными качествами, ни приемами въ достиженіи практическихъ цѣлей. Занимая должность кievскаго райцы, онъ постепенно расширялъ свои связи и вліяніе въ кружкѣ городской аристократіи и въ началѣ XVII столѣтія сталъ добиваться избранія въ войты. Впрочемъ достигъ этого избранія было не легко: войтомъ кievскимъ съ 1592 года былъ представитель партіи старожилыхъ мѣщанъ, Яцко Балыка, котораго, при нормальномъ теченіи дѣлъ въ теченіи 18 лѣтъ не могли сдвинуть съ мѣста приверженцы Ходыки. Но съ конца XVI столѣтія борьба мѣщанскихъ кievскихъ партій осложнилась весьма важнымъ вопросомъ, имѣвшимъ широкое значеніе для жизни всего края,—это былъ вопросъ о введеніи церковной уніи, горячо покровительствуемой польскимъ правительствомъ. Лишь только унія была превозглашена на брестскомъ соборѣ, она немедленно отразилась на жизни Кіева; этотъ городъ, вмѣщавшій въ себѣ важнѣйшіе храмы и святыни православныя и бывшій мѣстомъ пребыванія православнаго митрополита, необходимо было уніятамъ завоевать для упроченія своего дѣла; не удивительно поэтому, что усилія іерарховъ, подписавшихъ унію, и поддерживавшаго ихъ правительства въ самомъ-же началѣ устремились къ тому, чтобы овладѣть вievскими церквами и духовными учрежденіями. Уже съ 1597 года встрѣчаемъ распоряженія: объ отнятій кievской архимандріи у ревностнаго поборника православія, архимандрита Никифора Тура, о передачѣ митрополичьихъ и монастырскихъ имѣній въ распоряженіе принявшаго унію митрополита Михаила Рогозы и его

пріемника Іпатія Потея, о передачѣ уніятъ кіевскихъ церквей и монастырей и т. д. Но распоряженія эти долго оставались безъ послѣдствій: кіевское какъ бѣлое, такъ и монашествующее духовенство не признало уніи и не хотѣло подчиниться власти уніятскихъ митрополитовъ; попытки овладѣть церквями были отражены при помощи кіевского населенія, дружно поддерживавшаго свое духовенство; правительству необходимо было прежде опереться на какую-нибудь вліятельную партію въ городѣ и попытаться провести съ ея помощью задуманное дѣло. Оно и обратилось къ кружку городской аристократіи, состоявшему по преимуществу изъ лицъ пришлыхъ, не связанныхъ ни происхожденіемъ, ни солидарностью убѣжденій съ массою жителей и готовому служить всякому направленію изъ-за удовлетворенія личнаго корыстолюбія и честолюбія. Главнымъ представителемъ этого кружка въ данное время былъ райца Федоръ Ходыка, давно уже ожидавшій удобнаго случая для того, чтобы съ помощью правительства усилить свое вліяніе въ городѣ; онъ сразу заявилъ себя горячимъ поборникомъ уніи и вѣрнымъ слугою правительства и не переставалъ подстрекать какъ уніятскаго митрополита, такъ и польскаго воеводу къ примѣненію строгихъ мѣръ для проведенія насильно задуманной религіозной перемѣны.

Между тѣмъ заботы правительства о введеніи уніи, равно какъ и начавшіяся смуты крестьянскія и козацкія, дѣлали положеніе края все болѣе и болѣе тревожнымъ. Среди неудовольствія народонаселенія, крутыя дѣйствія польскаго правительства и покровительствуемыхъ имъ партій вызывали все болѣе и болѣе рѣзкія вспышки въ народныхъ массахъ. Собиралась медленно гроза, которая должна была разразиться черезъ сорокъ лѣтъ страшною катастрофою; но для людей такого закала, какъ Ходыка, будущее страны было безразлично; обыкновенно люди безпринципные, стремящіеся къ удовлетворенію исключительно личнаго интереса, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и всю дѣятельность на сегодняшнемъ днѣ, о будущемъ они не думаютъ; чѣмъ болѣе общее положеніе общества смутно и тревожно, тѣмъ съ большимъ удобствомъ они бросаются на поживу. Среди накопившагося раздраженія и въ городѣ, и въ кіевской области, въ 1609 году назначенъ былъ кіевскимъ воеводою человекъ рѣшительный и крутой по характеру, но весьма распорядительный, энергичный и пользовавшійся репутаціею опытнаго администратора и искуснаго длоко-

водца. То былъ Станиславъ Жолкевскій. Федоръ Ходыка умѣлъ свискать его милость, выставляя своихъ противниковъ—войта Балыку и поддерживавшую его городскую партію людьми злонамѣренными, склонными къ смутамъ и бунту, ищущими популярности и потому мирволящими незаконнымъ инстинктамъ городской черни. Между прочимъ было два дѣла, въ которыхъ войтъ и магистратъ пассивнымъ поведеніемъ навлекли на себя неодобреніе властей: одно изъ нихъ состояло въ бездѣйствіи городского уряда въ вопросѣ о передачѣ православныхъ церквей униатамъ, и даже въ косвенной поддержкѣ православнаго духовенства, другое—въ томъ, что магистратъ уклонялся отъ расходовъ на возобновленіе укрѣпленій кievскаго замка. Въ виду смутнаго положенія края, на сеймѣ 1607 г. постановлено было вновь отстроить и укрѣпить въ Кіевѣ замокъ и воеводѣ поручено было возложить расходы на жителей воеводства, главнымъ же образомъ на богатую городскую общину; но ни народонаселеніе, ни магистратъ не желали расходовать своей казны на постройку укрѣпленій, возведеніе которыхъ конечно они не считали для себя особенно желательнымъ. Оба дѣла сразу поставили магистратъ въ холодныя отношенія къ воеводѣ и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ точками сближенія между нимъ и Федоромъ Ходыкою и его партією.

Между тѣмъ, надѣясь на поддержку новаго воеводы, униатское духовенство рѣшилось дѣйствовать смѣлѣе. Уже нѣсколько лѣтъ проживавъ въ Кіевѣ уполномоченный официалъ униатскаго митрополита Потей, нѣкто Антоній Грековичъ. Въ 1605 году, Грековичъ, бывшій тогда еще діакономъ, подлежалъ духовному суду за какой-то скандалъ, „екссессъ“, совершенный въ стѣнахъ монастыря. Вѣроятно онъ и поплатился-бы за свой проступокъ, если-бы Потей, въ виду его преданности униі, не защитилъ его своимъ покровительствомъ. Вскорѣ милость къ нему Потей усилилась до того, что, быстро повышая въ должностяхъ своего любимца, онъ, наконецъ, сдѣлалъ его своимъ официаломъ и поручилъ ему важное дѣло—отнять у православныхъ въ Кіевѣ церкви и монастыри. Въ первое время порученіе это оказалось весьма труднымъ; Грековичъ успѣлъ завладѣть, и то не безъ большихъ препятствій, однимъ только выдубицкимъ монастыремъ и, постоянно встрѣчая отказъ духовенства и ропотъ жителей, не зналъ, что дальше предпринять. Но послѣ назначенія воеводою Жолкевскаго, онъ заручился поддержкою свѣтскаго уряда и рѣшился поступать энергичнѣе. Въ воскресенье, на первой недѣлѣ великаго поста, въ

1610 годѹ, когда всѣ приходскіе священники города собрались для совершенія соборомъ церковной службы въ храмъ святой Софіи, туда явился съ конвоемъ Грековичъ; онъ предъявилъ грамоту Потей, назначавшую его митрополичьимъ намѣстникомъ и, когда духовные не согласились признать его, онъ выгналъ ихъ изъ церкви, принялъ храмъ въ свое вѣденіе и опечаталъ его. Дѣйствія эти возбудили въ народѣ страшное негодование: находившіеся въ церкви: войтъ Яцко Балыка, бурмистры Матвѣй Мачоха и Денисъ Мартыновичъ, а также другіе члены магистрата, протестовали противъ поступка Грековича, объявили, что городъ не признаетъ его духовной власти, и съ угрозами удалились изъ церкви. Въ тотъ-же день вечеромъ толпа народа собралась у выдубицкаго монастыря и изъ среды ея одинъ изъ козаковъ выстрѣлилъ изъ мушкета въ Грековича; послѣдній едва успѣлъ спастись, выбѣжавъ изъ монастырской ограды и укрывшись на берегу Днѣпра. Духовенство, магистратъ, православные дворяне кievскаго воеводства и находившіеся въ Кіевѣ козаки подали жалобы на Грековича въ гродскій судъ о насиліи и буйствѣ въ церкви; съ своей стороны Потей жаловался на духовенство и на членовъ магистрата за самоуправство, и послѣднихъ упрекалъ въ томъ, что они состоятъ въ сношеніяхъ съ козаками и подстрекаютъ ихъ къ бунту; въ доказательство Потей предъявилъ письмо, полученное кievскимъ подвоеводіемъ отъ козацкаго гетмана, Григорія Тискиневича, въ которомъ послѣдній угрожалъ „оного ростригу (Грековича), еслибы умыслу своего отмѣнити не мѣлъ, гдѣжъ колвекъ здыбавши, якъ пса убити“. Начался продолжительный процессъ, исходъ котораго намъ неизвѣстенъ, но до конца его не дожилъ кievскій войтъ Яцко Балыка. Въ 1613 году должность войта была уже вакантною и за нее вступили въ борьбу двѣ сильныя партіи: большинство мѣщанъ выбрало одного изъ сыновей послѣдняго войта—Дениса Балыку¹⁾, но воевода настоялъ на утвержденіи не его, а кандидата меньшинства—Федора Ходыки. Впрочемъ положеніе новаго войта въ магистратѣ было не особенно удобно; большинство райцевъ и бурмистровъ принадлежали къ числу его противниковъ и городское населеніе вообще относилось къ нему враждебно. Немедленно послѣ своего

¹⁾ Яцко Балыка оставилъ 4 сыновей: Александра, Созона, Дениса и Богдана; послѣдній составилъ весьма интересныя записки о своемъ участіи въ московскомъ походѣ 1612 года, которыми вскорѣ подѣлимся съ читателями „Кievской Старинѣ“.

назначенія, Ходыка поднялъ вопросъ о постройкѣ замка на городской счетъ, но представители цеховъ и городскихъ корпорацій отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ; въ то-же время выдвинуто было другое, совершенно противоположное предложеніе, и магистратъ, согласившись съ нимъ, показалъ, что идетъ не по одной съ паномъ войтомъ дорогѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ занятія Гревовичемъ софійскаго храма православные лишены были соборной церкви; желая восполнить этотъ недостатокъ, магистратъ рѣшилъ возобновить древнюю каменную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, развалины которой находились въ рынкѣ (на Подольѣ). Церковь эта построена была еще при кievскихъ князьяхъ, но въ 1482 году ее сожгли татары. Магистратъ, цехи, богатые граждане и „поспольштво“ приняли участіе въ сборѣ денежныхъ средствъ и усердно принялись за дѣло подъ руководствомъ архитектора, италіянца Севастіана Брачи, жившаго уже давно въ Кіевѣ¹⁾), на дозорцею той работы былъ панъ Сосонъ Балыка, упрошенный отъ всего мѣста“. Отстройка началась 13 мая, а 1 октября была уже окончена. Войтъ совершенно устранился отъ этого общаго городского дѣла и не переставалъ хлопотать о постройкѣ замка, но только послѣ трехлѣтнихъ усилій, благодаря безпрестаннымъ настояніямъ воеводы, успѣлъ наконецъ начать ее. Въ 1616 году подъ его руководствомъ принялись планировать гору Уздыхальницу, господствовавшую надъ замкомъ²⁾), но вскорѣ работа эта была прекращена и Ходыка долженъ былъ отказаться на время отъ должности войта. Въ 1618 году Жолкевскій получилъ должность канцлера и мѣсто его на кievскомъ воеводствѣ занялъ чело-

1) Дочь Севастіана Брачи была замужемъ за Богданомъ Балыкою.

2) Замокъ находился на горѣ *Киселевкѣ*, которая господствовала надъ Подоломъ со стороны нынѣшняго флоровскаго монастыря, а гора *Уздыхальница*—лежащая противъ *Киселевки*, находится нынѣ по правую сторону андреевскаго спуска. Въ ту пору она была значительно выше, а понижена частію тогда-же, частію въ позднѣйшее время, особливо въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ генераль-губернаторство Бибикова. Свѣдѣнія о постройкѣ успенской церкви и о планировкѣ Уздыхальницы заимствованы изъ неизданной кievской лѣтописи Ильи Коцаковскаго. Вотъ что говоритъ лѣтопись о послѣднемъ сооруженіи: „Року 1616 при воеводѣ кievскомъ Станиславѣ Жолковскомъ, старанемъ и коштомъ пановъ мешанъ кievскихъ: пана войта на тотъ часъ Федора Ходыки и бурмистра Матвея Мачохи и всего поспольштва мѣста Кіева, копали гору Уздыхальницу, которая стоитъ предъ замкомъ кievскимъ; а выкопали полшеста сажня у звышъ, а нашли тамъ печерку трохъ сажней у гору, и вишь сажень; тамъ наша горцякъ порожній и написано на стѣнѣ имя: Павелъ; зная, же то колись былъ пустелинъ“.

въѣтъ болѣе мягкій и терпимый—Ома Замоискій; притомъ въ томъ же году Кіевъ, благодаря политическому такту Петра Сагайдачнаго, подчинился вліянію козацкаго гетмана; одновременно съ этими событіями въ городѣ произведены были новые выборы и должность войта занялъ, въ качествѣ представителя народной партіи, Семень Мелешкевичъ.

Пока живъ былъ Сагайдачный и пока надъ православною и народною партіею въ Кіевѣ простиралось его покровительство, мы не находимъ въ документахъ упоминаній о Федорѣ Ходыкѣ. Но послѣ смерти славнаго козацкаго гетмана, когда польское правительство нашло возможнымъ возвратиться къ продолженію въ Кіевѣ насильственныхъ мѣръ противъ православія, онъ опять является на сцену въ прежней роли пособника и рачителя правительственныхъ заботъ о расширеніи уни. Уже въ концѣ 1621 года Ходыка вновь занимаетъ должность войта и начинаетъ исправленіе своего уряда жалобою королю на кіевскихъ мѣщанъ въ томъ, что они уклоняются отъ обязанности „прикладатися до муніциі замка“, очевидно, онъ продолжаетъ прежнюю тактику, подымая старый вопросъ о возведеніи и содержаніи кіевскихъ укрѣпленій на счетъ города; точно также отнесся онъ и къ другому щекотливому вопросу—о передачѣ уніятамъ кіевскихъ православныхъ церквей. Исполнить это намѣреніе теперь было значительно труднѣе, чѣмъ во время занятія софійскаго собора Грековичемъ. Теперь, благодаря дѣятельности Сагайдачнаго, возстановлена была церковная православная іерархія; притомъ православіе приобрѣло многочисленныхъ и усердныхъ защитниковъ въ усилившемся козачествѣ. Опасность рѣзкихъ мѣръ испыталъ на себѣ самъ Грековичъ. Въ 1618 году онъ предъявилъ королевскую грамоту, выданную еще въ 1612 г., о подчиненіи михайловскаго златоверхаго монастыря уніятскому митрополиту, и собирался овладѣть имъ насильно, но 15-го февраля на Звѣринцѣ былъ задержанъ квартировавшими тамъ козаками и „противъ Выдубицкаго монастыря подъ ледъ посаженъ воды пити“¹⁾.

Наученный опытомъ Грековича, Ходыка медлилъ исполненіемъ передачи церквей уніятамъ, выжидая удобныхъ для того обстоятельствъ; наконецъ таковыя по его мнѣнію представились въ 1624 году. Въ концѣ предъидущаго года погибъ въ Витебскѣ подъ ударами выведенныхъ имъ изъ терпѣнія мѣщанъ, гонитель

¹⁾ Также изъ лѣтописи Илья Кодаковскаго.

православія Іосафатъ Кунцевичъ; смерть его вызвала въ польско-католическомъ обществѣ страшное раздраженіе и побудила правительство къ крайне репрессивнымъ мѣрамъ противъ православія. Желая воспользоваться удобною минутою и оказать правительству услугу, соответствующую его настроенію, Федоръ Ходыка рѣшился покончить дѣло передачи церквей въ Кіевѣ. Въ сопровожденіи бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ своей партіи и какого-то священника Ивана Юзефовича, перешедшаго въ унию, онъ отправился опечатывать православныя церкви. Но оказалось, что въ средѣ кіевскихъ мѣщанъ страхъ передъ правительственною реакціею, грозно и жестоко покаравшею Витебскъ, былъ слабѣе преданности своей церкви и своей народности. Ходыку окружила толпа мѣщанъ и квартировавшихъ въ городѣ козаковъ; среди нареканій и попрековъ войтъ и его товарищи были схвачены: священнику Юзефовичу отрубили голову, войтъ-же Федоръ Ходыка раздѣлилъ участь Грековича, — его также бросили въ Двѣпръ „воды пити“.

Послѣ трагической смерти Федора Ходыки осталось три сына его: Іосифъ, Иванъ и Андрей. Свѣдѣнія о нихъ въ архивныхъ источникахъ весьма скудны и разрознены, но, хотя до нѣкоторой степени, даютъ характеристику ихъ дѣятельности: всѣ три брата продолжаютъ играть въ городѣ видную роль и слѣдуютъ направленію отца, они постоянно находятся въ рядахъ той, слабой числомъ, но сильной поддержкою польскаго правительства городской аристократической партіи, которая стремилась къ проведенію антинаціональныхъ цѣлей среди кіевского городского населенія. Братья Ходыки являются не только, подобно отцу, борниками униі, они, по примѣру большинства дворянъ кіевской земли, стараются примкнуть къ господствовавшей народности, усваивая себѣ ея національныя характеристическія черты. Всѣ дошедшіе до насъ акты, составленные Ходыками, даже въ официальныхъ сношеніяхъ ихъ съ магистратомъ, писаны по польски, а не по русски, всѣ подписи ихъ, въ качествѣ райцевъ и свидѣтелей также на польскомъ языкѣ. Данныя, собранныя нами о судьбѣ ихъ, заключаются въ слѣдующихъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя мы перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Въ 1631 году всѣ три брата занимали должности райцевъ въ магистратѣ, что видно изъ процесса, который они вели съ

своимъ двоюроднымъ братомъ Федоромъ Васильевичемъ Крыницкимъ, пограбившимъ у нихъ лошадей и возы съ товарами въ своемъ имѣніи Басани, а также изъ подписей ихъ на купчихъ рѣшностяхъ, совершенныхъ въ этомъ году.

Въ 1637 году Іосифъ Ходыка занималъ уже должность кievскаго войта, а братъ его Андрей—должность райцы; имя Ивана не упоминается среди членовъ магистрата. Вскорѣ потомъ умеръ Іосифъ Ходыка и на его мѣсто избранъ былъ войтомъ Самуиль Мехидовичъ, но въ 1644 г., и этотъ войтъ скончался и король Владиславъ IV грамотою, данною 18-го мая, утвердилъ кievскимъ войтомъ Андрея Ходыку. Выбирая его изъ числа 4 кандидатовъ, предложенныхъ магистратомъ, король слѣдующимъ образомъ мотивируетъ оказанное имъ предпочтеніе: „потвержаемъ Андрея Ходыку, сына славетнаго негды Федора Ходыки, войта кievскаго, добре намъ и мѣсту заслуженнаго мужа, который, противъ бунтовъ козацкихъ крѣпко стоячи при достоинствѣ нашемъ господарскомъ, горломъ запечатовалъ, а брата родного зощлого негды Іосифа Ходыки, войта также кievскаго, добре урядъ справуючаго“. Притомъ король указываетъ на опытность Андрея Ходыки, которую онъ пріобрѣлъ, „засѣдаючи зъ молодыхъ лѣтъ своихъ на вряде помененнаго мѣста Кіева“. Въ дальнѣйшемъ текстѣ грамоты король поручаетъ новому войту: „бунтовникамъ и шкодливимъ замишкомъ въ мѣстѣ нашомъ Кіевѣ вчасно забѣгати, и выкротныхъ и непослушныхъ въ войтовскомъ присуду водлѣ права карати“. Инструкцію эту усердно исполнялъ Андрей Ходыка до 1648 года, пока не вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Не сообразивъ послѣдствій и не предугадавъ его размѣровъ, Ходыка продолжалъ усиленно преслѣдовать въ городѣ лицъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи козакамъ и принималъ строгія мѣры противъ мѣщанъ „зуфалыхъ“ (непокорныхъ). Между тѣмъ событія слѣдовали съ поразительною быстротою и скорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что на этотъ разъ козацкое движеніе восторжествуетъ; кievское населеніе стало заявлять все болѣе и болѣе свое сочувствіе движенію и козаки приближались къ городу. Положеніе войта и его партіи сдѣлалось весьма труднымъ. Нѣкоторые члены магистрата, жаловался впоследствии Андрей Ходыка, составили заговоръ противъ войта и рѣшились не только лишить его уряда, но даже отнять имущество и самую жизнь. Долгое время войтъ принужденъ былъ скрываться и, наконецъ, въ на-

чалъ 1649 года, онъ подписалъ отреченіе отъ должности и письменно призналъ незаконными все свои дѣйствія въ теченіе четырехлѣтняго управленія городомъ. Мѣсто войта занялъ представитель народной партіи—Богданъ Сомковичъ.

Въ 1651 году, послѣ берестецкой битвы и занятія Кіева Радзивилломъ, появляется еще разъ Андрей Ходыка и спѣшитъ возбудить искъ противъ лицъ, заставившихъ его отречься отъ должности; но съ удаленіемъ польскаго войска, онъ исчезаетъ навсегда изъ города. Имущество, скопленное мѣщанскою вѣтвью рода Ходыкъ, разсѣялось также безслѣдно, какъ и имѣнія, захваченныя ихъ родственниками Крыницкими. Ходыки должны были оставить Кіевъ вмѣстѣ съ тѣмъ иноземнымъ правительствомъ, въ угоду которому они попирали интересы своихъ согражданъ. Дальнѣйшая судьба ихъ рода намъ неизвѣстна, но въ рядахъ кіевскаго мѣщанства послѣ 1651 года имени Ходыкъ болѣе не встрѣчается.

В. Антоновичъ.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

Поставивъ заглавіе статьи, прежде чѣмъ дать слово автору оной, считаемъ нужнымъ по поводу ея сказать отъ себя нѣсколько словъ. Предлагаемая статья, по намѣренію автора, должна быть руководящею или пояснительною къ тѣмъ дорогимъ и доселѣ неизвѣстнымъ документальнымъ свѣдѣніямъ о состояніи народнаго образованія въ періодъ раздѣловъ Польши на обширныхъ пространствахъ Украйны, Волины, Подолія, Бѣлоруссіи и Литвы, Подляся и Холмщины, съ которыми онъ намѣренъ познакомить читателей «Кіевской Старины», въ видѣ подлинныхъ донесеній и отчетовъ тогдашнихъ инспекторовъ или ревизоровъ школьныхъ. Но, помимо этой ближайшей и, такъ сказать, случайной цѣли, она имѣетъ самостоятельное, весьма важное значеніе. Она даетъ намъ глубоко задуманный, и съ точки высшаго взгляда освѣщенный очеркъ той системы общественнаго образованія и воспитанія, которая создана была въ Польшѣ въ эпоху ея политической агоніи въ прямыхъ видахъ возрожденія отчины, которая представляетъ собою первый въ Европѣ опытъ перехода народнаго образованія отъ вольной профессіи подъ опеку государства и въ разрядъ его задачъ, была прииѣнена на всемъ протяженіи польско-русскихъ областей и вмѣстѣ съ ними перешла къ намъ и вами принята и поддержана.... По этой системѣ воспитались цѣлыя поколѣнія въ сѣверо и юго-западномъ краѣ нашемъ, по ней многіе годы слагалось здѣсь умственное и политическое настроеніе открытыхъ для нея сферъ, ею пропитаны были всѣ вновь зарождавшіяся подъ вліяніемъ событий симпатіи и стремленія интеллигентной массы, она проникала во всѣ изгибы строя общественнаго, отпечатлѣвалась на всемъ складѣ и характерѣ жизни, ея духъ царилъ и тогда, когда измѣнились ея формы. Помѣщаемая статья обнимаетъ эту систему въ ея основаніяхъ, открываетъ ея идею, духъ и характеръ, чего мы не имѣемъ относительно послѣдующихъ господствовавшихъ у насъ системъ образованія. О другихъ сторонахъ и качествахъ настоящаго изслѣдованія представляемъ судить самимъ читателямъ,—мы-же сочли нужнымъ сказать эти нѣсколько словъ лишь съ цѣлію предупредить читателя о значеніи статьи и отношеніи, какое она имѣетъ къ программѣ журнала. Только ознакомившись по ней

съ системой національнаго польскаго образованія, господствовавшем долгое время на территоріи сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, мы можемъ уяснить и правильно оцѣнить въ ихъ прошломъ многія явленія внѣ сферы народнаго образованія и тѣмъ болѣе въ самой этой сферѣ, равно проникнутыя сознаниемъ необходимости и желаніемъ собрать уцѣлѣвшія свѣденія о состояніи у насъ образованія въ такой періодъ, о которомъ мы почти или совсѣмъ ничего не знаемъ, а собравъ ихъ постепенно, произвести потомъ правильную группировку и оцѣнку. Уважаемый авторъ статьи полагаетъ солидное начало такому дѣлу и мы глубоко признательны ему какъ за поднятіе такого первостепенной важности вопроса въ исторіи нашего недавняго прошлаго, такъ и за твердую и широкую его постановку. Ждемъ обѣщанныхъ имъ «визитъ» и «рапортовъ»; всѣхъ-же, кому вѣдомы и доступны такіе и подобные имъ матеріалы, просимъ подѣлиться ими съ читателями «Кіевской Старины».

Ред.

Въ судьбахъ русскаго народа, входившаго въ составъ польской рѣчи посполитой, одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежитъ безъ сомнѣнія школамъ. Это были тѣ могучія орудія ассимиляціи русскаго народа съ польскимъ, которыя неизмѣнно и вѣрно дѣлали свое дѣло, не смотря на бурю потрясающихъ политическихъ событій, не смотря на отчаянное противудѣйствіе цѣлямъ ихъ со стороны духовенства, запорожья и простаго народа, не смотря на могущественное заступничество со стороны русскаго царства. Польскія школы поглотили сперва древніе русскіе княжескіе роды, потомъ дворянство, высшее духовенство, измѣнили сельское духовенство, мѣщанъ¹⁾. Новый духъ и бытъ руководящихъ классовъ неизбѣжно вліялъ на бытъ остальнаго, простаго народа. Благодаря преимущественно школамъ, Польша вернула Россіи древнее достояніе ея, Русь сѣверо и юго-западную, только въ видѣ нищаго духомъ и тѣломъ, невѣжественнаго и забитаго крестьянства, которое смутно представляло свое родство съ вели-

¹⁾ Конечно, уважаемый авторъ не отвергаетъ въ этомъ дѣлѣ значенія и другихъ историческихъ факторовъ, каковы: система внутренней, въ своемъ родѣ международной политика въ Польшѣ, со времени городельской и люблинской уніи, уніи церковная съ орудіями ея распространенія, социальное подчиненіе массы русскаго населенія польскому землевладѣльческому классу, отношенія экономическія, строгаго-общественныя и семейныя, особливо смѣшанные браки въ высшихъ классахъ, на что указывалъ еще авторъ „Пересторон“ (Акты зап. Рос. т. IV).

Ред.

нимъ сѣверно-русскимъ населеніемъ и предстало въ такомъ складѣ своего быта, своихъ симпатій и антипатій, что русское правительство вынуждено было употреблять и доселѣ употребляетъ чрезвычайныя усилія для измѣненія этого быта, а русскіе публицисты принуждены время отъ времени напрягаться въ доказательствахъ того, что „это край русскій, русскій, русскій“....

Школа—лучшій и наиболѣе надежный другъ семьи и общества, церкви и государства. Но она можетъ быть наиболѣе злымъ и наиболѣе опаснымъ врагомъ ихъ. Не смотря на потерю въ сѣверо и юго-западномъ краѣ вышихъ, руководящихъ классовъ, Россія получила въ нихъ болѣе прочную опору, чѣмъ какую вѣками создала себѣ въ нихъ Рѣчь Посполитая, опору въ національности и церковномъ обрядѣ народа, и если бы мы сознавали могущественную силу школы, какъ создала ее польская Рѣчь Посполитая, намъ не пришлось-бы видѣть потрясающихъ событій въ этомъ краѣ, искусственныхъ средствъ къ обрусѣнію его, не пришлось-бы теряться въ доказательствахъ о національности „этого края“, не пришлось-бы смущаться пугаломъ (дѣйствительнымъ, или мнимымъ) сепаратизма. Къ сожалѣнію, вышло наоборотъ: созданная и одушевленная послѣднимъ напряженіемъ Польши школы въ сѣверо и юго-западномъ краѣ продолжали существовать и даже получать поддержку до 1831 года! Затѣмъ всѣ онѣ разомъ закрыты, и медленно, туго, съ боязнію появлялись вмѣсто ихъ русскія учебныя заведенія, а низшія, сельскія школы казались невозможными до самаго 19 февр. 1861 года....

Исторія польскаго общественнаго образованія раздѣляется на два періода—первымъ раздѣломъ Польши. До 1773 года оно было дѣломъ свободной профессіи, католическая церковь успѣла соединить въ своихъ рукахъ всѣ нити его, наложить на него печать свою; съ этого-же года оно строго подчиняется государству, становится гражданскимъ, національнымъ. То, что извѣстно русской публикѣ о просвѣщеніи въ Польшѣ, относится почти исключительно къ первому періоду его. Учебники исторіи русской литературы теребятъ этотъ періодъ на всѣ лады, чтобы опредѣлить характеръ южно-русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII в. и объяснить значеніе его въ тогдашней литературѣ сѣверно-русской. Насколько въ самомъ началѣ своемъ наука исторіи русской литературы раздувала значеніе польскаго образованія для Россіи, такъ что Гречъ называетъ XVII вѣкъ „польскимъ періодомъ“ въ исторіи просвѣщенія Россіи и даже Теофана Прокоповича относить

къ „польскимъ писателямъ Россіи“, настолько нынѣшніе изслѣдователи исторіи русской литературы умаляютъ это значеніе его, сводя его къ іезуитскимъ школамъ и относясь къ нему съ презрительною улыбкою. Наши учебники и руководства ничего не знаютъ о борьбѣ іезуитскихъ школъ съ стариннымъ представителемъ образованія въ Польшѣ — краковскою академіей, открытою въ 1401 году, по образцу парижскаго и англійскихъ, а не итальянскихъ университетовъ. Эта почти двухвѣковая борьба была не менѣе ожесточенная, чѣмъ борьба іезуитовъ съ школами диссидентовъ, и сопровождалась всѣми приѣмами іезуитства: обличеніями въ неправомыслии и безвѣріи, пасквилями, уличными свалками и т. п. Въ основаніяхъ этой борьбы заключается объясненіе многихъ противоположностей, которыя такъ поражаютъ насъ въ польскомъ характерѣ XVII вѣка. Не іезуиты, но краковская академія, не смотря на свой упадокъ, поддерживала въ Польшѣ связь съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Тогда какъ іезуитское образованіе сполна проникнуто было практическимъ характеромъ, стремленіемъ къ господству надъ совѣстью и чувствомъ населенія, традиціи краковской академіи, даже во времена полнаго ослабленія ея, держали ее преимущественно на интересахъ науки и въ связи съ своими прототипами, на которые она указывала соотечественникамъ, искавшимъ высшаго образованія. Въ учрежденіи южно-русскихъ училищъ того времени, особенно кievской академіи, странно сошлись оба эти теченія тогдашней польской образованности. Отсюда внутреннее противурѣчіе и несостоятельность ихъ.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Польшѣ появляется малочисленная и скромная по виду духовная община, такъ же поставившая своею задачею общественное образованіе. Король Владиславъ IV, такъ много сдѣлавшій для южно-руссовъ возстановленіемъ православной кievской митрополіи, поддержкой плановъ Петра Могилы, покровительствомъ народа, вызвавъ въ Польшу эту общину, не обманулся въ своихъ надеждахъ на нее. Піаристы сразу обнаружили въ своихъ школахъ стремленія, рѣзко расходившіяся съ іезуитскими. Далеко уступая іезуитскимъ школамъ въ численности, въ широтѣ курса и въ богатствѣ, піаристскія школы, своими учебными планами, своими методами преподаванія и задачами обученія, болѣе соответственными потребностямъ просвѣщенія, скоро пошатнули громадное зданіе іезуитской образованности. Съ реформою, произведенною въ піарскихъ школахъ *Конарскимъ* (въ 1740 г.), звѣзда іезуитской образованности закатилась въ Польшѣ

Ея не могли поддержать появившіяся на помощь ей съ конца XVII вѣка базилианскія училища. Учрежденный съ тою же цѣлію въ отношеніи къ русскому народу, съ какою ордень іезуитовъ установленъ былъ въ католическомъ мірѣ, возбужденномъ реформацией, базилианскій ордень въ самомъ началѣ своемъ поставленъ былъ въ тѣсныя отношенія съ іезуитами. Намѣренія папства, выраженные въ учрежденіи уни, не допускали самостоятельности въ учрежденіи базилианскихъ школъ и требовали близкой опеки надъ ними. Поэтому базилианскія школы не имѣли оригинальности и всегда находились въ хвостѣ іезуитскихъ школъ.

Школы въ Польшѣ учреждали и другіе монашескіе ордена, какъ то: бенедиктины, миссіонеры, цистерны, каноники регулярные, доминикане, театины, тринитары, коммунисты, реформаты; но онѣ были весьма незначительны, то открывались, то закрывались, и не имѣли вліянія на ходъ образованія въ Польшѣ.

Школы диссидентовъ, въ томъ числѣ и православныя, преслѣдуемыя религиознымъ фанатизмомъ, существовали не долго (исключая академію кievскую). Однѣ протестанскія школы удержались до раздѣла Польши.

Всѣ эти школы, различаясь между собою количествомъ классовъ и учебныхъ предметовъ, имѣли одинъ основной типъ, грамматико-риторическій, къ которому, смотря по средствамъ, прибавляли еще: математику, иногда философію, право, или богословіе. Полный составъ школъ, учреждаемыхъ краковскою академіей (*filia academia cracoviensis*), былъ слѣдующій: *грамматика, риторика, математика, философія и право*. Въ самой академіи за этимъ курсомъ слѣдовали факультеты: *богословскій, философскій, медицинскій и юридическій*. Въ іезуитскихъ школахъ было пять классовъ: *инфима, грамматика, синтаксисъ, риторика и поэзія*. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ за этимъ курсомъ слѣдовали: *философія и богословіе*. Въ іезуитской виленской академіи были факультеты: *философскій и богословскій*, впоследствии и *юридическій*. Піарскія школы, до реформы Конарскаго, имѣли одинъ типъ и состояли изъ семи классовъ: *pro forma* или *parva infima, infima maior, грамматика, синтаксисъ, поэзія, риторика и философія*. Въ каждой пятиклассной и въ піарскихъ семибланныхъ школахъ курсъ каждого класса продолжался одинъ годъ и учителя были классные. Въ іезуитскихъ коллегіяхъ философіи (этика, физика, логика, метафизика и математика) обучали три года, богословію четыре года.

Всѣ эти школы подвѣдомственны были только тому учрежденію, которое устроило ихъ. По старинному праву, краковская академія открывала свои филии, или принимала подъ свое покровительство школы, по желанію частныхъ лицъ—ихъ устроителей. Эти школы носили названіе *академическихъ*. Орденскими школами завѣдывали *провинціалы* каждаго ордена.

Всѣхъ такихъ школъ въ Польшѣ, ко времени перваго раздѣла ея, было около 116, именно: академическихъ 10, іезуитскихъ 67, піарскихъ 27, протестантскихъ 5 и базилианскихъ 7 (въ *Бучачъ, Умань, Любаръ, Шаргородъ, въ Вильнѣ, Владимірѣ, Жировицахъ*)¹⁾. Изъ этого числа школъ не меньше половины приходилось на русскія области Польши²⁾.

Ни краковская академія, ни монашескія ордена не заботились начальнымъ обученіемъ и не имѣли въ своемъ вѣдѣніи ни одной первоначальной школы. Это обученіе сполна принадлежало приходскому духовенству и устроено было сообразно приходскимъ нуждамъ его. Такія школы первоначально устроились при главныхъ церквахъ или соборныхъ (*fara*) и назывались *фарными*. Въ нихъ обучали латинскому языку и порядкамъ католическаго богослуженія, съ цѣлію готовить органистовъ, которымъ въ прежнее время открыта была дорога и къ духовному сану. По образцу этихъ школъ открывались, по милости благодѣтелей, школы и въ нѣкоторыхъ приходахъ. Лукашевичъ (1, 455) насчитываетъ ихъ въ 1740 году до 1500, но безъ всякихъ основаній. Ко времени перваго раздѣла Польши ихъ оказалось въ Малопольшѣ 60, въ Великопольшѣ 45 и, судя по многимъ даннымъ, особенно по школьнымъ рапортамъ и визитамъ послѣдующаго времени, ихъ было въ цѣлой Польшѣ не болѣе 400. Въ русскихъ

¹⁾ *Historja szkół w Koronie i w Wielkiem Ks. Litewskiem, od najdawniejszych czasów aż do roku 1794 r. Przez Józefa Łukaszewicza. IV t. Poznań 1851 r.* Трудъ обширный и весьма добросовѣстный, но безъ надлежащей критики, особенно во второмъ томѣ, въ которомъ означается реформа, произведенная Конарскимъ въ піарскихъ школахъ, а затѣмъ особою комиссіей въ цѣломъ составѣ школъ.

²⁾ Въ это число школъ не входятъ такъ называемыя *Studia*, съ курсомъ философіи и богословія, называемыя еще *новинятами*, для приготовленія молодыхъ людей, получившихъ образованіе, къ поступленію въ монашескій орденъ. Такихъ *studij* базилиане имѣли въ эту пору 11, именно: въ Вильнѣ, Львовѣ, Лавровѣ, Сержнѣ, Полоцкѣ, Жировицахъ, Витебскѣ, Владимірѣ, Луцкѣ, Жидичинѣ и въ Холмѣ.—Не входятъ въ это число школъ и духовныя семинаріи (*seminarium*) для приготовленія приходскихъ священниковъ. Изъ всѣхъ попытокъ основать отдѣльную семинарію для униатовъ удалось только холмскому епископу *Рылу*, который открылъ семинарію въ Холмѣ въ 1760 г.

(православныхъ и униатскихъ) приходяхъ въ это время повсюду почти видимъ при церквахъ школы, въ которыхъ церковный дякъ обучаетъ охотниковъ чтенію и пѣнію церковному. Въ XVIII вѣкѣ это были послѣднія и единственныя убѣжыща русской народности въ Польшѣ, а потому простой народъ и низшее, сельское духовенство чрезвычайно дорожили ими и не жалѣли на поддержку ихъ своихъ приношеній хлѣбомъ, зерномъ и т. п., тѣмъ болѣе, что при школахъ въ это время пріючивались и нищіе, калѣки, сироты.

Но если о первомъ періодѣ польскаго общественнаго образованія мы получаемъ недостаточныя свѣдѣнія, то о второмъ періодѣ его въ русской литературѣ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Что извѣстно ей о реформѣ народнаго образованія, послѣдовавшей за первымъ раздѣломъ Польши и долженствовавшей между прочимъ окончателно ассимилировать въ Польшѣ русскую народность? Что извѣстно ей о дѣятельности „эдукаціонной избы“ варшавскаго герцогства, закрѣпившей за польскимъ общественнымъ образованіемъ начала, выработанныя этою реформою, и завѣщавшей созданному Россіей Царству Польскому опредѣленный типъ польскаго національнаго образованія, ставшій школьнымъ культомъ поляковъ? Что мы знаемъ о противудѣйствиі этому культу въ самомъ польскомъ обществѣ, со стороны польскихъ славянофиловъ, не мало вліявшемъ на возникновеніе событій 1831 года? Этотъ культъ руководилъ и учебною реформою маркиза Велепольскаго....

Между тѣмъ, реформа учебныхъ заведеній въ Польшѣ и вообще этотъ второй періодъ польскаго общественнаго образованія успѣлъ перевоспитать поляковъ въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, господствуя въ немъ до самаго 1831 года, и не безслѣдно прошелъ въ исторіи русскихъ учебныхъ заведеній. Одинъ изъ близкихъ друзей и совѣтниковъ молодого императора Александра I, сынъ Адама Чарторыйскаго, главы польскихъ реформаторовъ временъ раздѣловъ Польши, не мало вліялъ на систему преобразованія русскихъ учебныхъ заведеній при учрежденіи въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія, и, если сравнить тогдашніе протоколы, записки, журналы и самую организацію учебныхъ заведеній съ уставами польской комисіи народнаго просвѣщенія 1783 года, то окажется не мало заимствованій изъ нихъ.

Намѣреваясь познакомить читателей „Кіевской Старины“ съ состояніемъ учебныхъ заведеній въ сѣверо и юго-западномъ краѣ

въ періодъ раздѣловъ Польши по рапортамъ визитаторовъ ихъ, нигдѣ еще не напечатаннымъ ¹⁾, считаемъ нужнымъ предварительно сообщить свѣдѣнія объ учебной организаціи въ Польшѣ того времени или о послѣдовавшей тогда реформѣ общественнаго образованія ²⁾.

Въ 1773 году въ католическихъ странахъ произошло событіе, давшее сильный толчекъ правительственнымъ заботамъ объ общественномъ образованіи. Это было уничтоженіе іезуитскаго ордена. Послѣ іезуитовъ оставались огромные капиталы, поземельныя владѣнія, зданія, назначенныя на содержаніе учебныхъ заведеній. Нужно было распорядиться этимъ наслѣдствомъ, нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ іезуитскихъ школъ, составлявшихъ большинство почти въ каждой изъ этихъ странъ. Стали появляться первые проекты ближайшей опеки государства надъ общественнымъ образованіемъ и общаго типа учебныхъ заведеній.

Въ Польшѣ это событіе совпало съ другимъ событіемъ, потрясшимъ ее до основанія, именно съ первымъ раздѣломъ ея.

¹⁾ Одинъ изъ этихъ рапортовъ, именно: *Ks. Szczepana Hołowczyca Raport wizyty generalnej południowo-wschodnich wydziałów szkolnych... w roku 1782*, напечатанъ въ *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ 1877 г. т. I, стр. 21—70.

²⁾ Источниками этихъ свѣдѣній служили для насъ:

а) *Ustanowienie komisyyi nad edukacją młodzi narodowej szlacheckiej dozornajęcej. W Warszawie 24 października 1773 r.*

б) *Mowa w dzień rocznicy otwarcia towarzystwa do ksiąg elementarnych na sessyi dnia 7 marca 1778—1786 r. Przez Ks. S. Piramowicza. Warszawa*. Эти рѣчи Пирамовича, бывшаго секретаремъ комиссіи просвѣщенія и означеннаго общества, а на самомъ дѣлѣ душою обохъ этихъ центральныхъ учреждений, были публичными отчетами о ходѣ реформы общественнаго образованія и служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для объясненія побужденій и цѣлей, вообще смысла преобразованій. Онѣ печатались ежегодно отдѣльными брошюрами. Одна изъ рѣчей, именно 1780 года, принадлежатъ піаристу Полавскому, члену того-же общества.

в) *O rozporządzeniu i wydoskonaleniu edukacji obywatelskiej. Projekt podany... komisyyi edukacji w marcu 1774 r.; напечатано w Warszawie 1775 r.; 184 стр. in 8°*. Принадлежитъ тому-же піаристу Полавскому. Проектъ Полавскаго легъ въ основу уставовъ комиссіи просвѣщенія, въ составленія которыхъ авторъ проекта принималъ съ Пирамовичемъ самое дѣятельное участіе.

г) *Przepisy dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodzkie i do szkół parafijalnych. Warszawa 1776 r.*

д) *Ustawy komisyyi edukacji narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane. W Warszawie 1783 r. in fol. 64 стр.*

Въ одномъ и томъ-же мѣсяцѣ (августѣ) появились и булла Кли-
мента XIV объ уничтоженіи іезуитскаго ордена, и опредѣленіе
сейма объ „уступкѣ“ сосѣднимъ государствамъ значительныхъ
областей. И прежде, со времени поселенія б. польскаго короля
Станислава Лещинскаго въ Парижѣ, съ огромнымъ дворомъ, при-
влекавшимъ изъ Польши множество посѣтителей, особенно со
времени реформы піарскихъ школъ, произведенной воспитанни-
комъ этого двора Конарскимъ, въ Польшѣ раздавались голоса
противъ іезуитскаго образованія и вообще противъ существую-
щаго устройства школъ. Кружокъ піаристовъ дружно работалъ
въ направленіи и духѣ новыхъ идей о воспитаніи, распростра-
нявшихся по Европѣ, надъ разрушеніемъ іезуитской риторики,
метафизики, „альваровскихъ“ методовъ, толковалъ о *правѣ природы*
и морали, какъ основаніяхъ для воспитанія человѣка, составлялъ
учебники. Ловкъ, Кондильякъ и Гельвецій наиболѣе приходились
по душѣ польскимъ мыслителямъ. Съ королемъ Станиславомъ
Понятовскимъ при дворѣ установился цѣлый кругъ новыхъ лю-
дей, въ которомъ подвергалось осмѣянію все іезуитское и вмѣстѣ
съ нимъ все старое, начиная отъ кунтушей. Какъ въ средѣ ари-
стократіи гордо поднимали напудренные головы свои маркизы,
доморощенные Вольтеры и т. п., такъ въ средѣ духовенства обра-
щали на себя вниманіе свои Кондильяки, аббаты философы, по-

текста и нѣсколько листовъ съ образцами рапортовъ, распредѣленіемъ учебныхъ пред-
метовъ по классамъ, по днямъ и часамъ и т. п.

Въ русскомъ переводѣ этотъ уставъ (не въ полномъ видѣ) напечатанъ въ *Сбор-
никѣ административныхъ постановленій Царства Польскаго, вѣдомства нар.
просвѣщенія*. Т. I, 1868 г. Варшава.

Въ дополненіе къ уставу комисія просвѣщенія издала еще: *Przepis dla dy-
rektorów*, и особо *dla professorów*, а въ 1787 г. *Powinności nauczyciela, mianowicie
zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia*. Warszawa. 211 стр. и 13
стр. предисловія. Это послѣднее (безъ сомнѣнія и первыя два) наставленіе составлено
Пирамовичемъ.

е) *Wizyty* и *Rapporta* о состояніи учебныхъ заведеній того времени, храня-
щіяся въ варшавскомъ центральномъ архивѣ, которымъ мы пользуемся благодаря про-
свѣщенному вниманію старшаго предсѣдателя варшавской судебной палаты, г. с. Герарда.

Изъ сочиненій по этому предмету можно указать только на *Historya szkół*—
Лукашевича. Изложеніе этого періода заключается во второмъ т. стр. 166—492, съ во-
сторженными похвалами реформѣ.

Упомянемъ еще о напечатанномъ въ 1878 г. въ Варшавѣ *Dawne wychowanie
szkolne* (въ Польшѣ), *przez Jana Zaruskiego*—только для того, чтобы предостеречь
читателя отъ этой компіляціи, переполненной собственными измышленіями. лживыми
цифрами и крайне пристрастными сужденіями автора.

ковчившіе съ „предразсудкомъ“, принявшіе духовный костюмъ и объѣтъ безженства единственно ради всецѣлаго посвященія себя наукѣ. И въ прежнее время, начиная еще съ короля Іоанна-Казимира, появлялись хотя и робкіе голоса о шаткости польскаго общественнаго и государственнаго строя, о шляхетской разнузданности, угнетенномъ и бѣдномъ положеніи низшихъ классовъ, въ особенности крестьянъ и т. п. Теперь, въ виду тяжкаго удара и грозной опеки со стороны трехъ сильныхъ державъ, всѣ голоса соединились въ напряженныхъ поискахъ за панацеей отъ всѣхъ золъ, за средствомъ поддержать и укрѣпить государство, восторжествовать надъ политикою сосѣднихъ державъ. Быстро всѣ сошлись въ убѣжденіи, что главною причиною всѣхъ золъ была прежняя система воспитанія, что отнынѣ государство, доселѣ считавшее школу постороннимъ для себя, частнымъ и свободнымъ занятіемъ, должно взять ее въ исключительное свое вѣдѣніе и въ основу всѣхъ своихъ улучшеній положить правильное образованіе. Тотъ-же сеймъ, который утвердилъ „уступку“ значительныхъ областей сосѣднимъ державамъ, по предложенію литовскаго подканцлера Хребтовича, постановилъ: учредить особую комиссію (министерство) для завѣдыванія какъ всѣмъ имуществомъ по-іезуитскимъ, такъ и всѣми учебными заведеніями въ краѣ, „не исключая ни одного“. Предсѣдателемъ этой комиссіи сеймъ назначилъ виленскаго епископа князя *Иматія Масальскаго*, членами: плочскаго епископа князя *Понятовскаго* (дядю короля), гнѣзненскаго воеводу *Сулковскаго*, подканцлера литовскаго *Іоакима Хребтовича*, писаря литовскаго *Иматія Поточкаго*, генерала *Адама Чарторыйскаго*, ордината *Андрея Замойскаго* и старосту копаницкаго *Понинскаго*. Это были люди различныхъ партій политическихъ, но слывшіе за самыхъ образованныхъ въ средѣ аристократіи и, исключая перваго, третьяго и послѣдняго, которые готовы были ловить въ мутной водѣ рыбу, за самыхъ преданныхъ интересамъ Польши¹⁾. Изъ среды всѣхъ этихъ членовъ наиболѣе выдѣлялся всецѣлымъ посвященіемъ себя

¹⁾ До 1793 г. комиссія не получала для себя самой подробнаго устава. Такой уставъ составленъ былъ членомъ этого сейма, извѣстнымъ въ Польшѣ математикомъ, краковскимъ профессоромъ *Яномъ Снядецкимъ*, при сотрудничествѣ ректора виленскаго университета *Тогобута*, и утвержденъ сеймомъ. Этотъ уставъ напечатанъ въ исторіи Лукашевича, т. II, стр. 169—180, въ примѣчаніи. Весьма любопытнымъ комментариемъ къ нему служатъ письма самого Снядецкаго изъ Гродна къ своимъ приятелямъ (*Listy Jana Śniadeckiego. Poznań 1878 r.*).

трусамъ комисіи, 24 лѣтній Игнатій Потоцкій. Хилый, болѣзненный, онъ рано сталъ было мечтать о посвященіи себя на служеніе церкви; но домашній учитель его, эксъ-іезуитъ *Григорій Пирамовичъ*, отклонилъ его отъ этого намѣренія и убѣдилъ посвятить себя покровительству и реформѣ образованія въ Польшѣ. Игнатій Потоцкій является потомъ во главѣ всѣхъ начинаній и важнѣйшихъ дѣлъ комисіи. Въ польской литературѣ онъ признается душою всей дѣятельности комисіи (Лукаш. 11, 257). На самомъ дѣлѣ душою комисіи и самого Потоцкаго былъ секретарь ея, тотъ-же домашній учитель и другъ Потоцкаго, эксъ-іезуитъ Пирамовичъ ¹⁾, принадлежавшій къ той новой религиозной школѣ, которая примиряла христіанство съ философіей Локка и Кондилляка (сенсуализмъ). Преданный до энтузіазма идеѣ возрожденія Польши, безпредѣльно вѣрившій въ силу новыхъ идей, въ возможность быстрого созданія „новыхъ людей“, необыкновенно дѣятельный, даровитый, пылкій, Пирамовичъ постоянно стоялъ за спиною своего друга, постоянно выдвигалъ его впередъ для вліянія въ аристократическихъ сферахъ въ пользу всѣхъ проектовъ комисіи, авторомъ которыхъ былъ по преимуществу онъ самъ. Впослѣдствіи, при измѣнившемся составѣ комисіи, когда по выраженію Снядецкаго, „одни изъ членовъ ея скучали (въ засѣданіяхъ), другіе, занятые иною службою, не могли удѣлить своего вниманія для такой важной отрасли государственнаго управленія, а третьи присутствовали только для вида (*dla figurowania*) ²⁾, Пирамовичъ одинъ съ своимъ другомъ аристократомъ несъ на себѣ трудъ комисіи просвѣщенія.

Для приѣма и устройства имущества, оставшагося послѣ іезуитовъ, сеймъ назначилъ двѣ комисіи, одну для Короны, другую для Литвы. Понятно, что это были комисіи, огромныя по числу

¹⁾ Пирамовичъ род. во Львовѣ въ 1735 г. Онъ происходилъ отъ русскихъ родителей, обучался у іезуитовъ и самъ сталъ іезуитомъ, но скоро почувствовалъ къ своему ордену глубокое отвращеніе. Братъ его Михаилъ Пирамовичъ былъ кievскимъ каноникомъ и officialомъ; онъ хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомирѣ унійской духовной семинаріи, для которой пожертвовалъ двѣсти тысячъ злотыхъ, а король подарилъ мѣсто подъ постройку зданій; но событія 1789 года на Волни и посѣдовавшіе затѣмъ раздѣлы Польши остановили это дѣло въ самомъ началѣ. Григорій Пирамовичъ написалъ много педагогическихъ сочиненій, имѣвшихъ большое значеніе въ польской литературѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы встрѣтимся ниже. Умеръ въ 1801 году въ Куровѣ, въ должности пробоща куровскаго и каноника каменецкаго.

²⁾ *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 16.

членовъ. Въ составъ ихъ втерлось много такихъ лицъ, которыя искали случая поправить свое состояніе, разстроенное послѣдними событіями или слишкомъ широкою живнію. По повѣркѣ имущества, оказалось, что представители іезуитовъ, въ ожиданіи своей участи, не ушли изъ Польши съ пустыми руками: наличныя суммы, серебро и драгоценности большею частію исчезли, вѣковыя лѣса вырублены или проданы, многія земельныя угодья и поля оказались въ чертѣ другихъ владѣній. Но гораздо больше іезуитовъ причинили ущербъ этому имуществу, предназначенному служить основнымъ и пока исключительнымъ фондомъ для расходовъ по устройству общественнаго образованія, эти сами комиссіи и во главѣ ихъ самъ предсѣдатель комиссіи просвѣщенія, епископъ Массальскій, съ членомъ ея Сулковскимъ. Комиссіи должны были обезпечить по-іезуитскія имущества такимъ образомъ: хранившіяся въ разныхъ рукахъ суммы раздать желающимъ магнатамъ и шляхтичамъ за опредѣленный вѣчный процентъ, подъ залогъ ихъ имѣній, а имѣнія, по оцѣнкѣ ихъ, отдать въ вѣчную аренду. Началось грабительство этихъ денегъ и имѣній самими членами комиссій (*rozdawniczuch*), полученіе большихъ суммъ подъ залогъ разоренныхъ или не стоющихъ имѣній, полученіе земель за ничтожную аренду и безъ всякой гарантіи въ уплатѣ ея. Однихъ капиталовъ разграблено такимъ образомъ болѣе семи милліоновъ злотыхъ. Одинъ Сулковскій взялъ 584,658 злотыхъ, и эти деньги пропали! Епископъ Массальскій истратилъ гораздо больше ¹⁾. Оставшіеся при школахъ іезуиты, не получая содержанія, бросили занятія, школы закрылись, ученики разбѣжались.

Но это грабительство государственнаго эдукационнаго имущества, такъ быстро смѣнившее благородные порывы къ возрожденію государства посредствомъ образованія, эта мрачная картина разоренія тѣхъ средствъ, на которыхъ главнымъ образомъ опиралась дѣятельность комиссіи просвѣщенія, не остановили и не ослабили намѣреній другихъ дѣятелей этой комиссіи, хотя во главѣ ея продолжалъ оставаться тотъ-же Массальскій, а также и многихъ частныхъ лицъ. Ходили разныя теоріи и планы устройства учебныхъ заведеній. Болѣе и болѣе оживлялись піаристы и одерживали верхъ началами своихъ школьныхъ преобразованій.

¹⁾ *Historya szkół*—Лукашевича, т. II, стр. 189—248. Впослѣдствіи Массальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ, на улицѣ, возмущавшеюся чернію, по подозрѣнію въ продажности непріятелямъ Польши.

Въ комиссію просвѣщенія стали поступать письменныя сообщенія о необходимости поспѣшить преобразованиемъ учебныхъ заведеній и самыя проекты реформы ихъ. Изъ нихъ всего болѣе обратилъ на себя общее вниманіе проектъ, поданный въ мартѣ 1774 года піаристомъ Поплавскимъ, бывшимъ учителемъ и префектомъ варшавскихъ піарскихъ школъ. Это было упомянутое нами сочиненіе его: *O rozporządzeniu i wydoskonaleniu edukacyi (оь организации и улучшеніи обученія)*, напечатанное въ слѣдующемъ году. Поплавскій развиваетъ въ немъ тѣ начала, какія уже проводились въ піарскихъ школахъ со времени Конарскаго. Признавая всю прежнюю систему только драпировкою образованія, прикрывавшею внутреннюю пустоту и распущенность, онъ требуетъ дѣйствительнаго воспитанія и усовершенствованія физическаго и нравственнаго. Чтобы стать дѣйствительнымъ, воспитаніе должно быть какъ можно болѣе *естественнымъ* и основываться на изученіи *естества* (*jestestwo*—модное въ то время слово въ польскомъ ученомъ кругѣ), т. е. наукъ естественныхъ, математики, науки о правѣ природы и о естественной нравственности. Греческій языкъ, преподававшійся во всѣхъ прежнихъ школахъ, онъ находитъ излишнимъ, латинскій—полезнымъ по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ римскихъ писателей, и по историческимъ причинамъ. Изученіе новѣйшихъ языковъ, французскаго и нѣмецкаго, считаетъ полезными въ быту. Изученіе религіи въ объемѣ курса прежнихъ школъ находитъ совершенно излишнимъ и замѣняетъ его воспитаніемъ въ духѣ общей религіозной идеи, оставляя только самыя элементарныя свѣдѣнія о христіанской религіи, необходимыя для присутствованія при главныхъ богослуженіяхъ и при исполненіи важнѣйшихъ обрядовъ, и какъ можно болѣе требуетъ заботъ о моральномъ руководствѣ воспитанниковъ. Въ преподаваніи рѣшительно требуетъ замѣнить латинскій языкъ польскимъ и все направленіе образованія строго сообразовать съ благомъ отечества. Эту идею Поплавскій прилагаетъ къ высшимъ, среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и къ частнымъ училищамъ, и проектируетъ сообразныя съ нею новыя курсы и порядки въ каждомъ изъ этихъ училищъ¹⁾. Въ концѣ своего проекта онъ обращается съ горячимъ словомъ ко всему народу польскому. Онъ говоритъ (между прочимъ): „присмотрись только и

¹⁾ Между прочимъ онъ предлагалъ открыть четыре университета: въ Познани, Калишѣ, Острогѣ и Вильнѣ, и въ каждомъ сельскомъ приходѣ школу.

разсуди, есть ли совѣщаніе въ сеймахъ, есть ли справедливость въ судахъ? какова исполнительность высшаго правительства и чиновниковъ? Многосложна наша конституція, но мало въ ней благодѣтельныхъ установленій. Въмѣсто свободы—своеволіе, благородство—въ почетномъ имени, добродѣтель и заслуга—не только въ забвеніи, но и въ пренебреженіи. Страна—безъ войска, народъ—безъ уваженія, отечество—безъ сыновъ, собственность—безъ свободы и увѣренности, обширныя поля—безъ обработки, обширныя провинціи—безъ населенія! Откуда-же этотъ упадокъ, это несчастіе? Слѣдствіе не бываетъ безъ причины, а плодъ безъ сѣмени. Если станешь постепенно и вѣрно идти отъ причины къ причинѣ, то придешь къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ эти потери и страшныя послѣдствія произошли отъ пороковъ въ цѣломъ строѣ нашего общественнаго управленія“.

„Что преимущественно служить источникомъ зла, то прежде всего нужно и поправлять. Ты согрѣшилъ, несчастный народъ, установленіемъ дурнаго управленія, ты и терпѣлъ отъ него; устройствомъ надлежащаго управленія ты поднимешь твое благополучіе и станешь высоко счастливымъ. *Къ этому ничто не приводитъ тебя такъ вѣрно и успѣшно, какъ надлежащее народное образованіе и воспитаніе“*.

Этотъ сильный голосъ простаго ксендза произвелъ большое впечатлѣніе въ цѣломъ польскомъ обществѣ. Онъ заглушилъ всѣ другіе голоса, тѣсно совпалъ съ убѣжденіями главныхъ дѣятелей комиссіи просвѣщенія и самого короля, и задача учебной реформы рѣшена была быстро и окончательно. Заманчивая картина естественности воспитанія, возстановленія счастья въ цѣлой странѣ, побѣда надъ политикою сосѣднихъ державъ, находившихъ нужнымъ обезсилить Польшу, льстила всѣмъ партіямъ. Противные голоса, не имѣя силы краснорѣчія Поплавскаго, довольствовались ворчаніемъ по угламъ или отрывочными и тощими фразами ¹⁾). Какимъ образомъ исторія подготовила поляковъ къ увлеченію философій Локка и

¹⁾ Изъ другихъ тогдашнихъ проектовъ напечатаны были: 1) *Edukacya obywatelska, przez A. K. Warszawa 1774 r.* 186 стр. Авторъ этого проекта, пиаристъ *Адольфъ Каменскій*, совѣтуетъ не дѣлать крутаго перехода въ системѣ образованія и соблюсти постепенность. Онъ настаиваетъ на необходимости основать школу по философій съ древними языками, хотя въ курсъ его входятъ и естественныя науки съ самою модною въ то время изъ наукъ—, *правомъ природы“*, и требуетъ, чтобы устройствъ былъ особый классъ философій съ преподаваніемъ: логики, психологій, онтологій, космо-

Кандильяка, какимъ образомъ изъ прежней пылкой поклонницы и любимой дочери папскаго Рима встала теперь поклонница верховнаго права натуры, обезличивающаго христіанство и подчиняющаго церковь служенію политическимъ и патріотическимъ задачамъ, мы не будемъ объ этомъ говорить. Но несомнѣнно, что глубокое потрясеніе въ цѣлой странѣ и тяжкій ударъ, нанесенный самолюбію пляхты раздѣломъ,—съ одной стороны, съ другой пропасть, раскрывшаяся предъ глазами поляковъ, были причиною того быстраго вихря идей, который привелъ ихъ въ заколдованный рай и закрѣпилъ въ немъ мечты ихъ. Политика и школа заключили между собою священный союзъ въ стремленіи къ одной и той-же цѣли, съ полной увѣренностью въ скоромъ и прочномъ исполненіи ея.

Впечатлѣніе, произведенное проектомъ Поплавскаго, высоко поставило шариетовъ въ общественномъ мнѣніи. Они стали ближайшими сотрудниками комисіи просвѣщенія по устройству новой учебной организаціи; ихъ школы должны были прежде всего осуществить идею реформы, представить новыя программы, методы, учебники и т. п. Тѣмъ временемъ возстановлялись закрытыя іезуитскія школы, выбирались охочіе и способные изъ бывшихъ іезуитовъ и назначались на должности учителей; базилианскіе монахи привлечены къ большому участию въ общественномъ образованіи и въ нѣсколькихъ мѣстахъ сдѣланы наслѣдниками школьныхъ іезуитскихъ зданій подъ условіемъ содержать школы; разыскивались и призывались *академики* (учившіеся въ краковской академіи) для занятія учебныхъ должностей, особенно въ средѣ католическихъ священниковъ. Чтобы успѣшнѣе возстановить школы и пока установить въ нихъ какой-нибудь порядокъ, постепенно обновляя и упрочивая его, комисія просвѣщенія прежде всего раздѣлила всю тогдашнюю Польшу на десять учеб-

логи и т. п. Способамъ изложенія мыслей онъ совѣтуетъ учить только тогда, когда самая мысль ученика будетъ уже достаточно содержательною и прочною, такъ что обученіе краснорѣчивъ въ проектѣ его относится къ послѣднему классу. Каменскій даетъ между прочимъ совѣтъ учредить „Общество для изданія учебниковъ“, пригласивъ къ нему лучшія силы. 2) *Sposob edukacyi w XV listach opisany, ktore do komisyyi edukacyi narodowej od bezimiennego autora byly przesyłane. R. P. 1775 244 стр.* Авторъ, писарь коронный *Францисекъ Бѣлинскій*, сильно нападаетъ на всегдашнее увлеченіе Польши иностраннымъ воспитаніемъ и въ послѣднее время французскимъ. Проектъ Бѣлинскаго, заключающій въ себѣ мало оригинальности относительно самаго устройства учебныхъ заведеній, заботится преимущественно о приготовленіи хорошихъ учителей и гувернеровъ для дѣтей и объ уваженіи къ національнымъ началамъ.

ныхъ округовъ (wydziałów); въ каждомъ изъ этихъ округовъ значила одно учебное заведеніе окружнымъ (szkoły wydziałowe), прочія назвала подокружными (szkoły podwydziałowe), сельскія—приходскими (parafialne). Ректоръ окружной школы поставленъ былъ во главѣ цѣлаго округа, проректоръ подокружной школы имѣлъ въ своемъ ближайшемъ вѣдѣніи находившіяся въ районѣ ея школы сельскія ¹⁾. Такими округами и окружными школами были назначены: 1) *великопольскій*—въ Познани, 2) *малопольскій*—въ Краковѣ, 3) *мазовецкій*—въ Варшавѣ, 4) *волинскій*—въ Кременцѣ, 5) *украинскій*—въ Винницѣ, 6) *піарскій*—обнимавшій школы піаристовъ, разбросанныя по цѣлой Польшѣ. Эти шесть округовъ носили общее названіе коронныхъ. Прочіе четыре назывались литовскими и были слѣдующіе: 7) *литовскій*—въ Гроднѣ, 8) *русскій*—въ Новогрудкѣ, 9) *польскій*—въ Брестѣ литовскомъ и 10) *жмудскій*—въ Крожахъ. Всѣхъ окружныхъ и подокружныхъ школъ было 70, считая въ томъ числѣ и піаристскій конвентъ подъ Варшавой. Ректоры окружныхъ школъ обязаны были заботиться о пріисканіи кандидатовъ на учительскія мѣста и о руководствѣ какъ ихъ, такъ и бывшихъ учителей въ подготовкѣ къ новому курсу и способу обученія.

За этими заботами послѣдовали заботы о приготовленіи учебниковъ, на основаніи предположенныхъ учебныхъ плановъ. Предстоялъ трудъ огромный. Сразу замѣнить въ цѣломъ преподаваніи и изученіи латинскій языкъ польскимъ, когда доселѣ не было даже польской грамматики, предупредить въ школахъ появленіе той варварской смѣси словъ польскихъ съ латинскими, которая въ то время господствовала во всѣхъ польскихъ канцеляріяхъ, составить польскую учебную терминологію и т. д., все это требовало соединенія многихъ и опытныхъ рукъ и работы продолжительной. Коммисія просвѣщенія воспользовалась совѣтомъ піариста Адольфа Каменскаго и учредила общество для изданія учебниковъ (*Towarzystwo elementarne*, иначе *Towarzystwo do ksiąg elementarnych*). Предсѣдателемъ этого общества назначенъ былъ Игнатій Потоцкій, секретаремъ Пирамовичъ. Главный контингентъ членовъ его давали піаристы,

¹⁾ Коммисія просвѣщенія удержала старыя названія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Словомъ *школа* (schola) обозначался собственно классъ. *Школа*—училище съ однимъ классомъ (элементарное), а всякое учебное заведеніе, имѣющее болѣе одного класса, называлось *школами*; имѣющее не менѣе трехъ классовъ именовалось *школами высшими* (szkoły wyższe).

изъ которыхъ особенно дѣятельными были: Поплавскій, Копчинскій, Клюкъ и др. Въ составѣ этого общества появился тогда еще молодой, прославившійся блестящими успѣхами своими въ наукахъ въ Римѣ, уроженецъ Волыни *Гуго Колонтай*, каноникъ краковскій; онъ сразу выдвинулся своими высокими дарованіями, необыкновенною энергіей и непоколебимою вѣрою въ возможность быстрого обновленія всего строя государственнаго посредствомъ реформы образованія. Впослѣдствіи это былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ политическихъ дѣятелей Польши и противниковъ политики сосѣднихъ государствъ. Ему главнымъ образомъ принадлежитъ „конституція 3-ю мая“. Когда Польша окончательно уже погибала, когда всѣ видные дѣятели ея или сложили оружіе для мирной жизни, или искали теплаго пріюта при новыхъ дворахъ, онъ одинъ оставался неукротимымъ съ своею вѣрою въ воскресеніе Польши, въ силу новой школы польской и свою вѣру завѣщаль послѣдующимъ вождямъ ея ¹⁾. Общество торжественно открыто было 7 марта 1776 года, въ присутствіи короля, многихъ магнатовъ и поборниковъ учебной реформы. Пирамовичъ произнесъ восторженную рѣчь: онъ говорилъ преимущественно на тему, что „вся надежда государства—Рѣчи Посполитой—въ направленіи воспитанія молодежи“. На учебники и руководства онъ указывалъ въ этой рѣчи, какъ на главные основы и орудія школы и къ дѣлу ихъ привязывалъ весь смыслъ и духъ реформы. Съ этихъ поръ „Общество для изданія учебниковъ“ становится главнымъ дѣтелемъ по исполненію реформы. Коммисія просвѣщенія, члены которой мало знакомы были съ техникой школы, охотно уступила обществу всю учебную и воспитательную часть и скоро превратилась въ бюрократическое учрежденіе, которое такъ громилъ Снядецкій въ своихъ письмахъ къ Колонтаю ²⁾. Всѣ проекты, инструкціи, уставы и наставленія, приготовляемые обществомъ, разсматривались въ коммисіи просвѣщенія и издаваемы были отъ ея имени.

Общество объявило на составленіе учебниковъ конкурсъ, а само преимущественно занялось разработкою уставовъ и подроб-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи изъ многочисленныхъ сочиненій его выдаются: *Listy do Stanisława Małachowskiego i Thadeusza Czackiego*, о предметахъ политики и образованія. Krakow 1842. 4 тома; *O stanie oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III. Poznań 1841*; *Uwagi o Księstwie Warszawskim. Warszawa 1808 r.*

²⁾ *Listy Jana Śniadeckiego*, стр. 14—51.

ныхъ наставленій о преподаваніи и воспитаніи. Въ томъ-же 1776 году оно приготовило, а комиссія издала *Przepis dla rektorów, prefekta, dyrektorów, na szkoły wojewodskie i do szkół parafialnych* (Наставленіе для ректоровъ, префекта, директоровъ для школъ воеводскихъ и приходскихъ), опредѣляющей общія отношенія и задачи главныхъ органовъ воспитанія въ школахъ. Въ 1777 г. Чарторыйскій осматрѣлъ всѣ школы на Украинѣ и Подоли. Въ слѣдующемъ году въ первый разъ осматрѣны были всѣ школы визитаторами, назначенными комиссіей изъ среды членовъ общества для изданія учебниковъ ¹⁾. Въ 1781 году комиссія просвѣщенія издала выработанный Пирамовичемъ *Projekt ustaw dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej* (Проектъ устава академій и друмихъ школъ въ областяхъ Рѣчи Посполитой) и предписала, чтобы съ началомъ учебнаго 178½ г. ученіе во всѣхъ школахъ открыто было по новымъ планамъ. Въ то-же время Колонтай командированъ былъ въ Краковъ для лучшаго руководства преобразованіемъ академіи. Въ 1782 года комиссія командировала четырехъ членовъ „Общества изданія учебниковъ“, для осмотра всѣхъ учебныхъ заведеній и для соображеній на мѣстѣ, насколько въ каждомъ изъ нихъ примѣненъ учебный планъ и насколько этотъ планъ соотвѣтствуетъ своему назначенію на дѣлѣ. Визитаторы (между которыми былъ и Пирамовичъ, осматривавшій школы на Подлясьѣ и въ Бѣлоруссіи ²⁾), ректоръ виленской академіи *Почобутъ* (иезуитъ, извѣстный въ свое время астрономъ) и Колонтай, въ качествѣ ректора краковской академіи, составили, по порученію комиссіи просвѣщенія, особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Игнатія Потоцкаго для разсмотрѣнія результатовъ этой ревизіи. „Въ теченіи шести недѣль, ежедневно по нѣсколько часовъ“, по словамъ Пирамовича (въ рѣчи 7 мар. 1783 г.), эта комиссія въ полномъ засѣданіи разсматривала всѣ подробности ревизіи, исправила и дополнила первоначальный проектъ устава, который, по разсмотрѣніи его въ полномъ засѣданіи комиссіи просвѣщенія, изданъ былъ въ 1783 году (*Ustawy komisyyi edukacyi narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane* (Правила, предписанныя комиссіею народнаго образованія для академій

1) Объ этихъ двухъ осмотрахъ упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1777 г.

2) Визитаторомъ школъ украинскихъ и волынскихъ былъ въ это время Кс. Головчицъ; о визитѣ его мы упомянули выше. Отчетъ Пирамовича доселѣ не отысканъ. Предполагается, что это долженъ быть одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ отчетовъ.

и *всѣхъ школъ Рѣчи Посполитой*). Такимъ образомъ, насколько быстро рѣшены были общія основанія реформы и направленіе образованія, настолько медленно и осторожно подвигалась разработка самой системы обученія, и окончательная регламентация этой системы послѣдовала только послѣ тщательной повѣрки ея на самомъ дѣлѣ. Такъ заботились реформаторы о томъ, чтобы каждое правило и каждое явленіе въ школьной жизни исполнѣ проникнуто были направленіемъ и духомъ реформы.

Въ рѣчи своей 7 марта 1786 года, Пиравовичъ, коснувшись существовавшаго въ нѣкоторыхъ польскихъ кругахъ недовольства новымъ обученіемъ въ школахъ, говорилъ: „кто хочетъ судить о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ и духѣ комисіи просвѣщенія, тотъ долженъ судить объ этомъ только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія и на основаніи утвержденныхъ ею положеній. За этотъ документъ мы отвѣчаемъ“. Пиравовичъ выражаетъ увѣренность, что отечество наградитъ ихъ похвалою за принятую систему образованія. Дѣйствительно, поляки доселѣ съ гордостью указываютъ на этотъ уставъ и выражаютъ несомнѣнное убѣжденіе, что если бы три державы не вмѣшались во внутреннія дѣла Польши и не прекратили самаго существованія ея, новая система образованія скоро и вѣрно обновила бы все государство и высоко поставила бы его въ Европѣ. Послѣдуемъ совѣту Пиравовича и разсмотримъ не только уставъ, но и всѣ дополненія къ нему.

Общую задачу образованія уставъ полагаетъ нравственное и физическое воспитаніе учащихся.

Академіи краковская и виленская именуются *главными школами* (*Szkoła główna*) и каждая заключаетъ въ себѣ четыре факультета: богословскій, философскій (съ математическими науками), медицинскій и юридическій. Всѣ дѣла главной школы рѣшаются въ совѣтъ, состоящемъ подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ предсѣдателей коллегій, заслуженныхъ профессоровъ, ординарныхъ или дѣйствительныхъ (*aktualnych*) профессоровъ и „имѣющихъ степень профессора“. Этому совѣту подчиняются и всѣ школы, находящіяся въ краѣ (въ Коровѣ—краковскому, въ Литвѣ—виленскому), для ревизіи которыхъ онъ избираетъ изъ среды своихъ членовъ *визитаторовъ*, на два года, наблюдая главнымъ образомъ за точнымъ исполненіемъ въ школахъ установленій комисіи просвѣщенія и единствомъ духа и направленія ихъ. Для непосредственнаго наблюденія за преподаваніемъ въ главной школѣ и для рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ состояніемъ его

учреждены двѣ коллегіи—наукъ физическихъ (медицины, естествознанія, математики) и моральныхъ (богословія, философіи, исторіи, литературы и права), изъ всѣхъ преподавателей соотвѣтственныхъ предметовъ. Коллегіи разсматриваютъ также ученныя сочиненія и присуждаютъ ученныя степени. Предсѣдатель коллегіи обязанъ посвѣщать лекціи профессоровъ по предметамъ ея. Ректоръ главной школы избирается на четыре года—особымъ, оригинальнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ всѣхъ профессоровъ и изъ депутатовъ отъ студентовъ всѣхъ факультетовъ и даже отъ учениковъ (!) школы, состоявшей при главной школѣ. Ректору поэтому предоставлены и особыя полномочія: онъ былъ судьей всѣхъ профессоровъ, учителей и всѣхъ служащихъ въ округѣ главной школы; онъ имѣлъ право по своему усмотрѣнію устранить отъ должности каждаго профессора и учителя, лишить его жалованья, уволить учителя безъ права поступленія вновь на учительскую службу. Предсѣдатели коллегій избираемы были совѣтомъ также на четыре года. Профессорскій кругъ составляли: *заслуженные* профессора, окончившіе срокъ на пенсію (за видный срокъ—всего шестнадцать лѣтъ службы!),—они пользовались отъ главной школы квартирою, получали двѣ трети послѣдняго своего содержанія, состояли непрѣмѣнными членами совѣта и коллегій и могли, если бы пожелали, быть вновь назначены къ преподаванію; *ординарные* профессора, ихъ *товарищи*, избираемые для помощи профессорамъ въ преподаваніи, и *вице-профессоры*, заступающіе въ необходимыхъ случаяхъ мѣсто профессоровъ. Всѣ профессора избираются совѣтомъ по конкурсу. Кандидаты представляютъ сочиненія по предмету, на который объявленъ конкурсъ; мѣсто предоставляется тому, чье сочиненіе окажется лучшимъ. Ректоръ, предсѣдатели коллегій и профессора утверждаются въ своихъ должностяхъ комиссіей просвѣщенія. Выборъ ректора комиссія могла кассировать по своему усмотрѣнію.

Главная школа должна была служить не только образовательнымъ центромъ своего округа, но и ученнымъ учрежденіемъ, обязаннымъ распространять науки въ цѣломъ краѣ. поддерживать ихъ на высотѣ, которой онѣ достигли въ Европѣ, для чего издавать ученныя сочиненія, учреждать публичныя лекціи и публичныя ученныя засѣданія, производить ученныя изслѣдованія въ краѣ, сносятся съ заграничными академіями и т. п. Главная школа, говоритъ Цирамовичъ въ своей рѣчи 1783 года, будетъ

вмѣстѣ и ученою академіей, по подобію заграничныхъ, и прибавляетъ: „между заграничными и нашими академіями будетъ та разница, что наши будутъ служить исключительно пользѣ отечества“.

Какимъ-же образовательнымъ и ученымъ интересамъ главнымъ образомъ должна служить главная школа? Что именно она должна поставить центромъ образованія и мѣрою учености? „Науку о природѣ“, отвѣчаетъ Пирамовичъ въ той-же рѣчи, объясняя главную мысль организаціи главныхъ школъ. Онъ сильно нападаетъ на противниковъ этой науки и глубоко вѣритъ въ могущественную силу ея. „Естественная исторія, говоритъ онъ, одною рукою указываетъ намъ на Творца, возбуждая къ Нему почтеніе, удивленіе и благодарность, другою—на способы пользованія этими дарами для нуждъ, удобства и удовольствія разумнаго существа (jestestwa)... Если она еще многое не открыла въ природѣ, то это для того, чтобы поумѣрить (zatomować) слишкомъ смѣлые порывы человѣческаго ума къ постиженію высшихъ тайнъ, обнаружить слабость его и посредствомъ ограниченія излишняго любопытства побудить его употреблять свои силы и время на добываніе своего счастья изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми она надѣлила его въ достаточной для этого мѣрѣ... Наука о природѣ, которая, преимущественно предъ всѣми науками, въ самой высокой степени усовершенствовалась открытія древняго и новаго міра, освобожденная отъ заблужденій, такъ долго связывавшихъ искренность ея, эта наука, заключающая въ себѣ *физику, химию, естественную исторію и математику*, станетъ давать изъ своего лона неизмѣримыя богатства на пользу цѣлаго края и cadaго человѣка. *Наука права*, въ неразлучномъ товариществѣ съ политикой и общественной экономіей, озаренная свѣтомъ здраваго разсудка и предводительствуемая наукою о *правѣ природы и нравственности* (obyczajów), страхнетъ съ себя ту мерзость, которую набросили на нее дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ, а также невѣжественные, прямо противные естественной правдѣ приемы, существующіе подъ именемъ права (prawości). Въ изученіи божественныхъ тайнъ и откровеній (въ природѣ), при руководствѣ основаній вѣры, безбожіе будетъ посрамлено, побѣждено и потеряетъ силу сбивать философію съ истиннаго пути. Религія, поставленная въ своемъ дѣйствительномъ (!) видѣ, освѣщая умъ высшимъ свѣтомъ, даетъ сердцу самыя сильныя побужденія къ добродѣтели,—скрѣпляя узы общественности, удерживаетъ людей въ предѣлахъ обязан-

ностей ихъ,—дѣлая ихъ вѣрными своему долгу, приводитъ къ неизмѣнному счастью. Эти виды, прибавляетъ ораторъ, управляли всѣми нашими усиліями, при разсужденіи о томъ предметѣ, о которомъ мы сказали“ (*объ организаціи учебной части въ главной школѣ*).

Польскіе школьные реформаторы черпали такимъ образомъ свои идеи изъ первыхъ источниковъ. Не естественныя науки, которыя въ то время отнюдь не предъявляли подобныхъ претензій, а философскія мечтанія, сулившія свѣту новую породу людей, скорое обновленіе всего міра, управляли воззрѣніями ихъ. Дѣлаемъ польскимъ реформаторамъ честь и соглашаемся, что они не были слѣпыми подражателями Базедова, воспитательная система котораго быстро распространилась тогда въ Германіи и обѣщала сдѣлать людей добродѣтельными и мудрыми безъ всякаго труда и напряженія, полагаясь единственно на природу. Нѣтъ, они *самостоятельно* опирались на Руссо. Аббатъ Кондильякъ пособилъ польскимъ аббатамъ-реформаторамъ выйти съ этою основою на гладкую дорогу. „Духъ человѣческой есть продуктъ природы; въ природѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ Богъ“. Этими двумя основными положеніями философіи Кондильяка польскіе реформаторы вполнѣ достигали своихъ цѣлей: удовлетворяли старое, ревнивое чувство вѣры, которое іезуиты въ Польшѣ только разжигали и фонатизировали, а не просвѣщали и укрѣпляли, и тѣмъ успѣшнѣе прививали на польской почвѣ идею естественнаго развитія, какъ лучшаго средства скоро получить новыхъ людей и обновить государство. Оставалось только обратить всѣ усилія на *направленіе* образованія и воспитанія.

Мы именно сомнѣваемся, чтобы польскіе реформаторы, сосредоточивая университетскую науку на физическихъ предметахъ и на естественной нравственности, имѣли въ виду прямую учебную разработку этихъ предметовъ и приложеніе ея къ тѣмъ „дарамъ природы, которыми Творецъ надѣлилъ Польшу“, какъ выражается Пирамовичъ въ той-же рѣчи. Безъ сомнѣнія отдѣльныя личности, подобно Снядецкому, Сташицу и др., понимали значеніе этихъ наукъ въ прямомъ смыслѣ. Быть можетъ даже цѣлый составъ профессоровъ краковской главной школы глядѣлъ на эти науки глазами Снядецкаго, ненавидѣвшаго Канта за его „критику чистаго разума“. Но тотъ-же Снядецкій, въ своихъ письмахъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали, впадаетъ въ сильное раздраженіе при одномъ воспоминаніи о комисіи просвѣщенія, за

ея нерадѣніе и небрежность въ отношеніи къ научнымъ потребностямъ краковской главной школы, особенно по предметамъ естественныхъ наукъ, за преслѣдованіе профессоровъ, преданныхъ своему дѣлу, за измѣну ея ею-же изданнымъ уставамъ, за назначеніе лицъ, негодныхъ къ дѣлу, за тормозъ всѣхъ дѣлъ, за то, что комиссія просвѣщенія совсѣмъ иного ожидала отъ главной школы, а не спокойнаго служенія наукъ. Не можемъ не привести нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ. По поводу протеста отъ имени всѣхъ профессоровъ краковской главной школы противъ дѣйствій комиссіи просвѣщенія, въ 1788 г., Снядецкій пишетъ: „мы всѣ, исполняя свои обязанности, спокойно ожидаемъ рѣшенія, отъ котораго для многихъ изъ насъ будетъ зависѣть, продолжать-ли службу или бросить ее. Таково уже несчастное назначеніе въ Польшѣ академіи, что самыя старательныя заботы ея не могутъ доставить корпораціи ея вниманія, ни довѣрія; заботятся гораздо болѣе о преслѣдованіи честныхъ труженниковъ, чѣмъ о поддержкѣ и поощреніи ихъ“ (стр. 8). Упомянувъ объ увольненіи комиссіей безъ всякой причины профессора Богдановича и о назначеніи ею, по собственному усмотрѣнію, на должность предсѣдателя физической коллегіи никуда негоднаго Тщцияскаго, чѣмъ оскорблены были всѣ профессора, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „далъ бы Богъ, чтобы Рѣчь Посполитая дала другое какое-либо назначеніе учебнымъ суммамъ, когда ихъ употребляютъ на униженіе труда и заслуги и на прямой ущербъ наукъ и краю“ (стр. 11). „Ты самъ, пишетъ онъ Колонтаю, наилучше знаешь, что комиссія просвѣщенія то какъ-будто спитъ, то работаетъ, но всегда извращая то, что установила, и не держась настоящей и твердой системы въ своихъ работахъ. Уже три года мы испытываемъ на себѣ крайнюю нерегулярность ея; касса ея не только нерегулярно отпускаетъ жалованье, но даже не удостоиваетъ отвѣтомъ; не знаю, что дальше будетъ. Нужно установить законы, чтобы сдѣлать комиссію болѣе дѣятельною, но не такъ смущающею людей своими противурѣчіями и постояннымъ нарушеніемъ своихъ уставовъ, какъ то было досель¹⁾. Неустойчивость въ законахъ, досель бывшая заразою и даже характеромъ польскаго правительства, никогда не привяжетъ талантливыхъ людей къ дѣлу обра-

¹⁾ Выше мы уже упоминали, что на гродненскомъ сеймѣ Снядецкій добился утвержденія устава для самой комиссіи. изъ составленнаго.

зованія. Эта неустойчивость извратила все, что было въ нашей академіи хорошо устроено, и такъ глубоко, что если не наступитъ еще одна прочная реформа, именно относительно трехъ сотъ тысячъ (положенныхъ на содержаніе ея), расходуемыхъ ежегодно, то можно сказать, что большая половина этой суммы погибла и обращена во вредъ наукамъ и образованію“ (стр. 17). Часто упоминавая о своихъ долгихъ и тщетныхъ просьбахъ и стараніяхъ исходатайствовать необходимую сумму на пріобрѣтеніе математическихъ инструментовъ, „совершенно необходимыхъ для лекцій“, Снядецкій восклицаетъ: „измучила меня эта медленность и это недовѣріе“ (стр. 34). То же самое было, по его словамъ, съ другими снарядами, о которыхъ ходатайствовала главная школа. Инструментовъ и пособій по другимъ предметамъ, о которыхъ ходатайствовалъ совѣтъ, комиссія не пріобрѣла; ботаническій садъ оставался въ запущеніи; клиника отдана была по распоряженію комиссіи въ синекуру любимцу нѣкоторыхъ членовъ ея, какому-то ксендзу Мирошевскому, который поселился въ ней съ комфортомъ и, „ничего не дѣлая и не умѣя дѣлать“, широко тратилъ средства ея на содержаніе себя, цѣлаго штата прислуги при себѣ, своихъ собакъ, лошадей, чѣмъ глубоко возмущены были всѣ профессора (стр. 39—44). Снядецкій завѣряетъ, что „въ цѣломъ краѣ установилось мнѣніе, что комиссія ни о чемъ не заботится по нерадѣнію“ (przez leniwość). Члены комиссіи позволяли себѣ писать ректору главной школы оскорбительныя письма; профессора назначаемы были не по выбору, а по протекціи лицъ, служащихъ въ комиссіи; такъ-же точно производилась раздача окладовъ, прибавокъ и т. п. „Профессоры были того мнѣнія, что комиссія поступаетъ съ академіей, какъ со стадомъ скота“ (стр. 49). Протесты совѣта и ходатайства оставались безъ вниманія. Ко времени втораго раздѣла Польши цѣлый совѣтъ рѣшился занести въ сеймъ жалобу на дѣйствія комиссіи (что Снядецкій и сдѣлалъ на гродненскомъ сеймѣ).

Мы увѣрены, что между комиссіей и главною школою существовало только простое недоразумѣніе: послѣдняя хлопотала исключительно въ интересъ науки, тогда какъ комиссія заботилась главнымъ образомъ о направленіи и духѣ, во имя котораго предпринята была реформа. Не академіи съ ихъ наукою, но среднія и низшія школы, выпускающія главный контингентъ молодыхъ силъ для края, были главнымъ предметомъ заботъ комиссіи. Къ нимъ мы и перейдемъ.

Мы сказали, что школы раздѣлены были на окружныя и подокружныя. Это раздѣленіе основывалось преимущественно на недостаткѣ учителей. Въ окружныхъ школахъ было положено шесть классовъ, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, исключая пятого класса, курсъ котораго былъ двухгодичный. Въ подокружныхъ школахъ полагалось три класса, каждый съ двухгодичнымъ курсомъ, и предметы преподаванія положены были въ нихъ тѣ-же самыя и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ школахъ окружныхъ. Въ окружныхъ школахъ штатъ былъ слѣдующій: ректоръ, префектъ, шесть учителей, проповѣдникъ и два учителя иностранныхъ языковъ; въ подокружныхъ: проректоръ, три учителя, проповѣдникъ и учителя иностранныхъ языковъ. Въ окружной школѣ въ первомъ и второмъ классѣ, а въ подокружной въ первомъ классѣ учителя были классныя, въ прочихъ классахъ предметныя.

Въ *уставѣ* намѣчены были лишь самыя общія опредѣленія каждаго курса. Въ дополненіе къ уставу комиссія издала наставленія (Przeriszy) для учителей съ болѣе подробнымъ изложениемъ предметовъ преподаванія, но преимущественно со стороны воспитательной. Учебники издавались медленно. Поэтому, какъ подтверждаютъ и школьные рапорты, составъ программъ на дѣлѣ далеко не всюду былъ одинаковъ. Представимъ основныя начала ихъ.

Въ *первомъ классѣ* положено было проходить: грамматику (склоненія и спряженія), ариметику (до дробей), нравственность (обязанности дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, учителямъ и товарищамъ), начатки географіи и естественной исторіи. Всякія письменныя упражненія, кромѣ чистописанія, запрещены были для этого класса. Упраженія изустныя требовалось преимущественно сосредоточивать на выговорѣ, который долженъ быть „громкимъ, ровнымъ, выразительнымъ и приличнымъ (przuzwoity).

Во *второмъ классѣ*—продолженіе тѣхъ-же наукъ: грамматика съ общими правилами синтаксиса, ариметика до тройнаго правила, по естественной исторіи оканчивается ботаника, по нравственности объ отношеніи слугъ къ панамъ своимъ и обратно, о добрыхъ и дурныхъ поступкахъ¹⁾; по географіи не указанъ предѣлъ для этого класса.

¹⁾ Учебникъ нравственности для этихъ двухъ классовъ составленъ и изданъ прежде всѣхъ другихъ—тѣмъ-же пiarомъ Ант. Поплавскимъ, проектъ котораго о реформѣ школъ имѣлъ наибольшій успѣхъ. Это была книжечка въ 92 стр., изданная въ

То-же самое положено было пройти въ первомъ классѣ окружающихъ школъ.

Далѣе учителя раздѣлялись по предметамъ, точнѣе — по группамъ предметовъ, которые они преподавали.

Учитель краснорѣчя (wypowu) въ III, IV и V классахъ продолжалъ съ учениками *грамматику* и занималъ ихъ переводами латинскихъ авторовъ; въ VI классѣ преподавалъ *краснорѣчье* и *поэзію*. Учебникомъ по грамматикѣ служила: *Grammatyka dla szkół narodowych przez X. Onufrego Korczyńskiego, zawierająca prawidła języka polskiego i łacińskiego*. (*Грамматика для народныхъ школъ кс. Онуфрія Копчинскаго, содержащая правила польскаго и латинскаго языка*). Въ первый разъ она напечатана была въ 1778 г. и тотъ часъ предписана къ употребленію въ школахъ. Это была не только первая грамматика польскаго языка, но и первая проба присвоенія польскому языку того мѣста, которое занималъ доселѣ въ польскихъ школахъ языкъ латинскій. Въ отношеніи къ общему духу и характеру новой учебной системы, это была попытка не только отнять у латинской грамматики значеніе дрессировки мысли, пріученія къ труду, и низвести латинскій языкъ въ рядъ другихъ, живыхъ языковъ, изучаемыхъ для обыкновенныхъ практическихъ потребностей, но и отнять это значеніе у грамматики вообще, направивъ ее преимущественно на матеріальную, а не формальную сторону языка. По словамъ Копчинскаго, грамматика его имѣетъ основою общую грамматику, или природу (*natura*) языка, а „природный и единственный способъ изученія всякаго языка есть слушаніе, чтеніе и повтореніе его“. На этомъ основаніи онъ помѣстилъ въ своей грамматикѣ только тѣ правила, которыя свойственны каждому языку. Конечно, что такимъ образомъ первая польская учебная грамматика вышла крайне скуднымъ и поверхностнымъ руководствомъ къ изученію этого языка, лишивъ его оригинальности и самобытности. Но что должно было въ такой грамматикѣ остаться отъ латинскаго языка, въ особенности послѣ знаменитаго Альвара ¹⁾, на которомъ глав-

первый разъ въ 1776 году подъ заглавіемъ: *Nauka moralna dla szkół narodowych na klasse I i II*. Всѣ статьи имѣютъ характеръ просныхъ наставленій. Все основывается на *правѣ природы*, которая производитъ и потребности, и соответственныя имъ обязанности. Наставленія ученикамъ занимаютъ 24 стр., въ остальной части изложены наставленія учителямъ о преподаваніи этой науки.

¹⁾ *Emmanuelis Alvares e societate Jesu de institutione Grammatica, libri tres*. Изданій этой грамматики было много десятковъ.

нымъ образомъ покоилось зданіе іезуитскаго школьнаго образованія! Учители, воспитанники прежнихъ школъ, засыпали комиссію просвѣщенія возраженіями противъ этой грамматики. Копчинскій писалъ опроверженія, объясненія ¹⁾, въ концѣ которыхъ въ сущности выходило, что этихъ недоумѣній и возраженій не было бы, если бы учителя знакомы были съ новою философіей и съ логикою Кондилляка! Изученіе польскаго языка въ грамматикѣ Копчинскаго идетъ сравнительно съ латинскимъ и первый служитъ цѣлю, второй пособіемъ. Такимъ образомъ латинскій языкъ не составлялъ отдѣльнаго предмета изученія. Въ наставленіяхъ (przeriszy) учителямъ комиссія предписывала кромѣ того въ преподаваніи грамматики „первѣе всего заботиться объ отечественномъ языкѣ, а потомъ о латинскомъ“ и наблюдать, чтобы дѣти на лекціяхъ говорили „чистымъ польскимъ языкомъ“. „Отсель, прибавляетъ наставленіе, ученики къ школахъ будутъ говорить попольски“ (а не полатыни, какъ было дотолѣ). Не меньшій, но умный и благодѣтельный переворотъ произведенъ и въ наукѣ краснорѣчія. Наставленіе учителямъ выясняетъ различіе между краснорѣчіемъ и риторикой и доказываетъ, что риторика можетъ пособить, но не сдѣлаетъ краснорѣчивымъ. „Краснорѣчіе не должно быть краснословіемъ (krasomówstwo). Нужно хорошо изучить движенія, управляющія человѣческимъ сердцемъ, которое нужно возбуждать, склонять, побѣждать“. Наставленія особенно предостерегаютъ учителей отъ упражненія учениковъ въ диспутахъ, опугнахъ, доказательствахъ и опроверженіяхъ, данныхъ положеній и т. п. іезуитскихъ школьныхъ приемовъ краснорѣчія. Къ сожалѣнію учебникъ въ этомъ новомъ духѣ вышелъ только въ 1792 г. ²⁾, когда въ цѣломъ краѣ уже окончательно рушился всякій порядокъ. Учителямъ все время предоставлено было въ этой наукѣ руководствоваться частными наставленіями Квинтиллиана и Лонгина и образцами изъ Цицерона, Тита Ливія,

²⁾ Эти объясненія Копчинскаго напечатаны у Лукашевича т. II, стр. 456—464 въ примѣчаніи.

¹⁾ Это было сочиненіе самого Пирамовича: *Wytwora i poezya dla szkół narodowych pierwszy raz wydana. W Krakowie 1792 г. 403 стр.* Разсылая его по школамъ, комиссія просвѣщенія отзывалась о немъ, какъ о „прекрасно составленномъ и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающемъ своему назначенію“. Учебникъ Пирамовича пользуется въ польской учебной литературѣ большою славою и, вмѣстѣ съ Грамматикой Копчинскаго, приняты были въ школахъ Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго.

Тацита, Фенелона и Роллена, а также—что было тоже новостью—изъ „отечественныхъ ораторовъ“. Для поэзіи также не было учебника до 1792 года. Наставленія учителямъ требовали составлять (zbięgać) свои руководства „по Аристотелю, Горацию, Виду, Боало, Дюбоа, Ришпеню и Фенелону“. Требовалось сообщать ученикамъ только общія свѣдѣнія о стихосложеніи и не терять времени на занятія частными стихотворными формами, которыя въ іезуитскихъ школахъ составляли главную статью поэтическихъ упражненій. Требовалось дать понятіе прежде о польскомъ стихосложеніи, потомъ о латинскомъ и при разборѣ образцовъ указывать „сходство между Виргиліемъ и Тассомъ, между Горациемъ и Кокановскимъ и т. д.“. Письменные упражненія, задаваемые на домъ (zabawę domowę), должны были состоять въ составленіи рассказовъ и писемъ различнаго рода. Предписывалось также заохочивать учениковъ составлять стихи, но не принуждать ихъ къ тому.

Учитель нравственности и права преподавалъ: нравственность (наука obyczajów), право природы, право политическое, экономію, исторію и географію. Всѣ эти науки выстѣ, по мысли комисіи просвѣщенія, должны были имѣть одну основу—природу человѣка, одинъ общій предметъ—справедливость и одну цѣль—усвоить ученику основаніе и духъ естественной правды въ личныхъ поступкахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ политикѣ и въ исторіи. Впереди очевидно должна была идти наука о естественномъ правѣ (prawo natury). До конца этого періода комисія не издавала учебника по этому предмету, если не считать: *Nauka prawa przyrodzonego, politycznego, ekonomiki politycznej i prawa narodów* (Наука о правѣ естественномъ и политическомъ, политическая экономія и право международное), изданной въ 1785 году въ Вильнѣ профессоромъ главной школы Стройновскимъ и назначенной для студентовъ, а не для учениковъ. По отрывочнымъ опредѣленіямъ этой науки въ уставѣ и въ наставленіяхъ учителямъ трудно составить себѣ понятіе о полной системѣ этой науки въ школахъ. Въ школьныхъ рапортахъ (отчетахъ) о ходѣ преподаванія говорится объ этой наукѣ вскользь, или туманно и неопредѣленно, въ формѣ разсужденія о пользѣ и значеніи этой науки, того или другого предмета въ ней и т. п., такъ что нѣтъ возможности составить себѣ программу занятій и бесѣдъ учителя съ учениками. Въ рапортѣ петроковскихъ школъ, считавшихся между лучшими піарскими школами, за 1784 г., говорится объ этой нау-

кѣ нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ въ другихъ, просмотрѣнныхъ нами: „естественнымъ правомъ называется все то, что предписываетъ человѣку внутренній инстинктъ и здравый умъ, указывая ему, что для него полезно, что вредно, дабы, повинаясь этимъ указаніямъ, онъ могъ сдѣлать себя счастливымъ. Естественное право получило свое начало отъ вѣчнаго права—самой премудрости Божіей. Изъ разсматриванія состава человѣка и душевной дѣятельности его ясно видно, что онъ имѣетъ въ себѣ все то, что нужно для познанія естественныхъ правъ и для пользованія ими“. Эти права и правила пользованія ими даны человѣку самимъ Богомъ. Эти права и правила, „это Божіе распоряженіе въ себѣ чедовѣкъ познаетъ посредствомъ внутренняго вдохновенія (pacthnieńia) и таинственнаго побужденія своей воли къ добру“. Это опредѣленіе въ устахъ учителя—монаха естественно вызывало сомнѣніе въ необходимости искупленія чедовѣчества отъ первороднаго грѣха и самой откровенной религіи. О первомъ учитель умалчиваетъ (естественное право не признавало его), о второй онъ замѣчаетъ: „поелику природный умъ самъ собою не могъ установить различныхъ обрядовъ богослуженія, то отсюда слѣдуетъ, что естественная религія сама по себѣ недостаточна и нужна религія откровенная“. Просто и ясно! Широкое поле для мечтаній учителя, широкая дорога для „природныхъ“ потребностей и симпатій ученика! На этомъ-то основаніи долженствовала быть построена и наука о нравственности. Кромѣ учебника для перваго и втораго классовъ, тотъ-же Поплавскій издалъ, уже въ 1787 году, учебникъ для третьяго класса: *Moralna nauka dla szkół narodowych na trzecią klasę pierwszcy raz wydana. W Krakowie 1787 r.* Она содержитъ въ себѣ трактатъ о личныхъ поступкахъ каждаго чедовѣка, или объ общихъ отношеніяхъ къ товарищамъ (добродѣтели и пороки). Для дальнѣйшихъ классовъ вовсе не было руководства ¹⁾. По рапортамъ нужно полагать, что болѣе или менѣе общими предметами въ дальнѣйшихъ занятіяхъ этою наукою служили обязанности каждаго чедовѣка въ отношеніи къ самому себѣ и къ другимъ людямъ; о собственности, ея происхожденіи, разныхъ способахъ приобрѣтенія, о духовномъ завѣщаніи, о просрочкахъ

¹⁾ Піаристы напечатали въ 1788 году для своихъ школъ французскій текстъ съ польскимъ сочиненія: *La véritable politique de Qualité.* Varsovie. 1788. Эта книжка не была распространена въ другихъ училищахъ.

и т. п.; объ общественности и обязанностяхъ въ отношеніи къ ней. Къ этому прибавляли иныя о христіанскихъ добродѣтеляхъ въ отношеніи къ самому себѣ, ближнимъ и къ Богу. Объясненія сопровождались переводами изъ латинскихъ авторовъ о разныхъ добродѣтеляхъ, причемъ, конечно, въ большей части школъ эти переводы служили альфою и омегою нравственныхъ наставленій. Преимущественно переводили изъ Цицерона: *de officiis, de prudentia, de justitia, de fortitudine*, а также нравственные отрывки изъ Овидія и Виргилія. Если принять во вниманіе, что латинскій языкъ вообще поставленъ былъ въ школахъ своею матеріальною, а не формальною стороною, то приходится удивляться, какимъ образомъ реформаторы рассчитывали создать изъ учениковъ „новую породу людей“ по нравственнымъ наставленіямъ Цицерона, Овидія, Виргилія. Въ высшемъ классѣ наука нравственности сливалась съ наукою *права политическаго и экономіей*. Уставъ ограничивается только слѣдующимъ замѣчаніемъ о преподаваніи этого предмета. „Въ наукѣ права нужно быть какъ можно осмотрительнѣе, дабы всѣ начала его основаны были на правѣ естественномъ и строжайшей справедливости и дабы молодые умы подготовлены были къ пониманію *недостатковъ въ законахъ каждой страны и способовъ усовершенствованія законодательства* (przygotowywać umystry młodzi do postrzegania w szczególnych ustawach każdego kraju ich niedostatki i upatrywania sposobów wydoskonalenia prawodawstwa (1)). Наставленія учителю ограничиваются изложеніемъ значенія этой науки и направленія въ преподаваніи ея. Онѣ придають главную силу общимъ рассужденіямъ о достоинствѣ такой или иной политики, доказательствомъ, что „всѣ почти неурядицы, заблужденія, анархія происходятъ отъ *незнанія своихъ правъ и обязанностей*“, что „ничего нѣтъ проще и легче политики правды“ и т. п. Учитель обязывается всячески и ежеминутно оберегать эту *политику правды*, основанную на правѣ естественномъ, подвергая съ учениками критикѣ всѣ политическія событія въ краѣ. „Тако, поясняетъ наставленіе, когда появится новое постановленіе, учитель будетъ разбирать его на основаніи правилъ (политики правды); когда онъ услышитъ о какой-либо несправедливости, покажетъ, откуда она произошла и какъ вредна для всѣхъ; когда случится говорить о какомъ-либо правительствѣ, долженъ показать, въ чемъ оно не согласуется съ счастьемъ народа“ и т. п. Изъ этихъ наставленій можно видѣть, что главными пунктами ея были: понятіе объ управленіи

въ государствѣ, назначеніе правительства, обязанности его (на основаніи естественнаго права)—обезпеченность собственности и правъ каждаго гражданина, счастье всѣхъ и каждаго, обязанности гражданъ—исполненіе законовъ (praw), уплата податей и т. п. Усердіе, способности и благоразуміе учителя должны были составить по этимъ указаніямъ планъ цѣлой науки. Въ лучшихъ школахъ показывается пособіемъ для учителя по этому предмету: *Essais sur divers sujets interresants de politique*—Ваттера. Въ нѣкоторыхъ школахъ находимъ, вслѣдъ за трактатами о взаимныхъ обязанностяхъ правительства и гражданъ, трактатъ о политикѣ международной, который состоялъ изъ чтенія и разбора договоровъ, начиная съ вестфальскаго и оканчивая версальскимъ (или и далѣе). Затѣмъ знакомили учениковъ съ организаціей Рѣчи Посполитой польской (король, сенатъ, шляхта, сеймы, финансы, войско и т. п.), по книгѣ піариста Скъшетульскаго: *O samowładności rządu w narodzie polskim* (1785 г.).—Наука экономіи должна была познакомить учениковъ съ обязанностями человѣка въ отношеніи къ дому и хозяйству (*powinności człowieka w rządzie domowym, gospodarskim*). Въ наставленіи учителю эта наука представляется благодѣтельною для края, въ которомъ хозяйство находилось въ первобытномъ состояніи, шляхта тратила свои средства на разгульную жизнь, ремесла и производства были въ младенчествѣ отъ пренебреженія къ нимъ въ шляхетскомъ сословіи. Но учителю не дана даже общая программа этой науки и только внушалось „тѣмъ временемъ собирать, что найдетъ лучшаго по этому предмету для нашего края“, да рекомендовалось водить учениковъ къ ремесленникамъ для ознакомленія ихъ съ разными орудіями, ихъ назначеніемъ, способомъ производства и т. п.,—въ лавки, гдѣ продается одежда, разная посуда, мебель и т. п.,—на базары для ознакомленія съ цѣнами на зерновой хлѣбъ, причинами повышенія и паденія цѣнъ на него и т. п. Преподаваніе исторіи и соединенной съ него географіи требовалось соединять съ чтеніемъ источниковъ. Всеобщая исторія оканчивалась паденіемъ западной римской имперіи. Польская исторія преподаваема была по книгамъ: *Widok królestwa polskiego*—Бѣлинскаго, а потомъ по *Historya książąt i królów polskich*—Ваги. Лучшие учителя у піаровъ сначала читали съ учениками лѣтопись Кромера, потомъ *Historya narodu polskiego*—Нарушевича (начинается введеніемъ христіанства въ Польшу, оканчивается домомъ піастовъ) и затѣмъ переходили къ учебнику Ксендза

Ваги.—Главною цѣлью исторіи наставленія (przerisuy) полагають „обученіе добродѣтелямъ и нравственности“.

Учитель физики также соединялъ въ своихъ рукахъ нѣсколько наукъ, каковы: огородничество, земледѣліе, наука о сохраненіи здоровья, естественная исторія, физика, химія и наконецъ исторія искусствъ и ремеслъ, особенно о строительномъ искусствѣ. Эти науки шли въ такомъ порядкѣ: въ III классѣ преподавалось огородничество, при чемъ читаемы и переводимы были отрывки о томъ-же предметѣ изъ латинскихъ авторовъ. Въ IV классѣ проходили земледѣліе съ такими-же статьями изъ латинскихъ авторовъ. Обѣ эти науки должны были служить „введеніемъ въ физику“. Въ V классѣ (двухгодичномъ) положена была: физика, минералогія, ботаника и наука о сохраненіи здоровья. Первая, вторая и четвертая также сопровождались чтеніемъ латинскихъ авторовъ. Требовалось также ознакомить учениковъ съ зоологіей, но только желающихъ. Въ VI классѣ оканчивалась физика и проходила химія и исторія искусствъ и ремеслъ. Последняя требовала отъ учениковъ письменныхъ упражненій (разказовъ, писемъ и даже разсужденій) „о болѣе любопытныхъ предметахъ“. При совершенномъ недостаткѣ учебниковъ и программъ (кромѣ зоологіи, изд. въ 1789 г., ботаники, изд. въ 1785 г. и физики, о которыхъ см. у Лукашевича т. II, стр. 454 и 455), уставъ не преминулъ указать и для этихъ предметовъ статьи (wypisy) изъ римскихъ авторовъ, которыя учителя съ учениками должны были переводить на лекціяхъ, въ особенности изъ Плинія. Изъ искусствъ преимущественное вниманіе обращалось на постройки и подъ громкимъ именемъ архитектуры сообщались свѣдѣнія объ общихъ требованіяхъ постройки жилищъ, сараевъ и т. п. Относительно ремеслъ, учитель долженъ былъ прибѣгать къ тому-же способу обученія, какой рекомендованъ учителю права по части экономіи, именно—посѣщенію съ учениками мастерскихъ, базаровъ и т. п. Что касается физики, то наставленіе учителю, въ ожиданіи выхода задуманнаго комиссіей учебника (Губе, директоръ варшавскаго кадетскаго корпуса вызвался составить ее, но медлилъ и едва издалъ первую часть ея въ 1792 году), даетъ такой совѣтъ: „чтобы восполнить недостатокъ содержанія физики (brak w materjachъ fizycznych), учитель поставитъ для себя правиломъ—сообщать ученикамъ то, что наиболѣе полезнаго открыли въ природѣ великіе философы (wielcy filozofowie)“(!), и какъ во всѣхъ наукахъ естественныхъ, такъ въ частности и въ

физикъ совѣтуетъ учителю не входить въ то, что мало извѣстно ему и останавливаться только на свѣдѣніяхъ ему извѣстныхъ, обращая вниманіе учениковъ на практическую пользу этихъ свѣдѣній и „тѣмъ самымъ дѣлая эту науку полезною“

Учитель математики преподавалъ: въ III и IV кл. геометрію, въ IV и V амебру, въ VI тригонометрію и логику. Преподаваніе геометріи требовалось примѣнять къ практическимъ цѣлямъ, для чего ходить съ учениками за городъ для измѣреній. Въ преподаваніи логики, по мнѣнію наставленія учителямъ, „немного требуется времени на изложеніе основныхъ правилъ, но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, въ каждомъ практическомъ случаѣ“. Направленіе этой науки достаточно опредѣляется руководствомъ, которое рекомендуетъ для нея уставъ,—логикой Кондильяка, хотя она не была переведена на польскій языкъ до 1802 года. Учители пользовались ею преимущественно въ обработкѣ, сдѣланной піаристомъ Казиміромъ Нарбутомъ и напечатанной въ первый разъ въ 1766 г. (*Logika—Kaz. Narbuta*).

Языки французскій и нѣмецкій были обязательными. Греческій языкъ конечно не былъ положенъ ни обязательнымъ, ни не-обязательнымъ.

Наконецъ *религія*, которой долженъ былъ обучать *проповѣдникъ* (*kaznodzieja*). Соответственно новымъ идеямъ, она перемѣщалась съ классной кафедры на церковную. То, что приписывалось въ то время праву природы, конечно дѣлало излишнимъ обученіе религіи откровенной, потому-что нельзя-же было вводить ее въ кругъ учебныхъ предметовъ ради однихъ обрядовъ, для которыхъ она появилась, по словамъ петроковскаго учителя-піариста, выражавшаго общее убѣжденіе реформаторовъ. Только признаніе первороднаго грѣха и догмата объ искупленіи ведетъ за собою цѣлую систему истинъ, не похожихъ на естественныя свѣдѣнія и требующихъ изученія. Одна религіозная мораль, на которую сведено было тогда христіанство (сколько и теперь къ тому попытокъ подъ видомъ благочестія и добродѣтели!), достаточно могла быть внушена богослуженіемъ и проповѣдію.—Въ польскихъ школахъ разсматриваемаго времени классное обученіе религіи полагалось только для I и II классовъ. Оно производилось въ праздничные и воскресные дни предъ литургіей по получасу и ограничивалось обученіемъ: символу вѣры, молитвѣ Господней, ангельскому поздравленію Богоматери, десяти заповѣдямъ, заповѣдямъ церковнымъ и таинствамъ. Послѣ обѣда въ тѣ-же дни ученики

слушали чтеніе изъ священной исторіи. Вотъ и все обученіе! За то всѣ ученики должны были ежедневно въ 7 часовъ утра собираться въ костелъ на литургію и каждый мѣсяць исповѣдываться!

Вотъ курсъ, которому предназначено было обновить молодя поколѣнія Польши и возродить польское государство къ новой жизни. Это курсъ, выражаясь языкомъ нашего времени, реальный. Существенное отличіе его отъ современнаго намъ реализма заключается въ господствѣ идеи надъ фактомъ, отвлеченной теоріи надъ явленіемъ. Въ основѣ этой системы лежитъ, проходя по всему строю ея, не индукція—основное орудіе естественныхъ наукъ, но тотъ-же старый, такъ злоупотребляемый іезуитами силлогизмъ, дедукція. Это система идей о природѣ, полученныхъ путемъ умозрѣнія и имѣющихъ слишкомъ отдаленныя и поверхностныя отношенія къ дѣйствительной природѣ Сенсуализмъ на христіанской почвѣ превратился въ натурализмъ, вселившій Бога въ природу и поклонявшійся ей,—поэтический, мечтательный, обнаружившій много прекрасныхъ, благородныхъ порывовъ, но еще больше горькихъ заблужденій (мистическія секты). Живая, пылкая натура поляковъ, съ своею традиціонною порывистою преданностью религіи, въ виду своеволія шляхты, составлявшей главную опору общественной и государственной жизни, въ виду извращенія религіи іезуитами, обратившими ее въ роскошную декорацію и подавшими руку шляхетской распущенности, эта натура, чувствуя, какъ шатается и быстро уходитъ подъ ногами ея традиціонная почва, легко увлеклась ученіемъ, которое было въ то время едва ли не самымъ искреннимъ и чистымъ въ своихъ стремленіяхъ и задачахъ и обѣщало сохранить самое дорогое достояніе ея—государство и религію ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что реформаторы польской школы, рѣшаясь замѣнить всѣ существовавшія дотогѣ системы образованія одною и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ, исключительно, открывавая первый примѣръ въ Европѣ государственной школы, должны были взвѣсить всю важность своей задачи и послѣдствія ея. Нужно отдать имъ справедливость: они старались сдѣлать свой курсъ гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ тѣ легкомысленныя си-

¹⁾ Въ Польшѣ никогда не прививалась философія и не было самостоятельныхъ философскихъ системъ. Приведенные длиннымъ ходомъ событій въ эту философскую сферу, поляки остались въ ней надолго. Попытки самостоятельной философіи оказались только результатами и развѣтвленіями этой сферы (Товіанскій).

стемы обновленія человѣчества, которыя быстро распространялись тогда въ Германіи. Но тѣмъ не менѣе голоса, въ родѣ голоса Адольфа Каменскаго и Бѣлинскаго (см. выше въ примѣчаніи), вниманіе къ смыслу оппозиціи, въ рядахъ которой могли быть и люди серьезные, показавшіе свои заслуги въ наукѣ, какъ напр. ректоръ виленскаго университета Почобуть ¹⁾, могли бы вывести польскихъ реформаторовъ на болѣе прямую дорогу. Извращеніе іезуитами классическаго міра было глубоко; нравственные результаты школьной системы ихъ были весьма печальны; эти результаты сильно вліяли на весь гражданскій бытъ, и всѣ католическіе государства соединились въ требованіи уничтоженія іезуитскаго ордена. Если и въ наше время, сто лѣтъ спустя послѣ этого событія, многіе мучатся призракомъ іезуитизма при одномъ имени классицизма, то что-же было въ цѣлой Европѣ тотъ-часъ послѣ прекращенія двухвѣковаго плѣна у іезуитовъ? Что было въ Польшѣ въ тотъ историческій моментъ, когда предъ нею съ одной стороны раскрылась бездна, въ которую толкали ее іезуиты, какъ увѣрены были тогда всѣ благомыслящіе люди ея, съ другой стороны быстро очистилось поле, занимаемое этимъ чорнымъ воинствомъ? Свѣжія тяжкія раны страны требовали быстрой помощи, изъ Европы приливали идеи, обѣщавшія не только быстрое излеченіе, но и полное обновленіе государства въ слѣдующемъ-же поколѣніи. Пылкая натура не выдержала: стыдъ предъ потомками, стыдъ предъ Европою, опасность оковчательной гибели порѣшили дѣло, основа и направленіе школьной реформы принята быстро, порывисто. Въ роковой моментъ поляки поторопились...

Послѣдствіемъ торопливости были внутреннія противурѣчія новой учебной системы, которыя должны были дать послѣдствія, противоположныя возбужденнымъ ею надеждамъ.

Стараясь поставить свою систему возможно серьезнѣе, реформаторы ввели въ нее цѣлую фалангу предметовъ. Даже при наилучшихъ учителяхъ и учебныхъ пособіяхъ эта многопредметность могла скорѣе подавить и ослабить, нежели оживить и развить молодые умы, и дать имъ желанный реформою просторъ.

¹⁾ По свидѣтельству Коломъта (Лукаш. т. II, стр. 264 въ примѣчаніи), Почобуть, оставаясь ректоромъ до конца этого періода, никогда не сочувствовалъ реформѣ и никогда не исполнялъ ея всецѣло.

Отъ этихъ многообразныхъ свѣдѣній получается просторъ скорѣе для воображенія и чувства, чѣмъ для молодого ума. При недостаткѣ системы и основательности, возбужденіе молодыхъ умовъ ведетъ къ претензіямъ на знанія и всестороннія свѣдѣнія, что далеко болѣе приноситъ вреда, чѣмъ пользы, обществу и государству.

Въ дѣйствительности этотъ вредъ долженъ былъ прости- раться далеко. Не говоря о крайнемъ обремененіи учителей многочисленными предметами, которое могло подавлять даже наилучшихъ изъ нихъ, учителя, которыми располагала новая школа, и учебныя средства ея были почти противоположны успѣху ре- формы. За весьма рѣдкими исключеніями, которыя достигались путешествіемъ за границу, новыя школы наполнены были ста- рыми учителями. Благая рѣшимость открыть учительскія семи- наріи могла быть исполнена только въ 1786 году. Открыты были учительскія семинаріи при университетахъ: краковскомъ на 16 воспитанниковъ, виленскомъ на 8 воспитанниковъ. Но до конца разсматриваемаго періода семинаристы отличались отъ студен- товъ только тѣмъ, что получали на свое содержаніе учительскія стипендіи; посѣщая избранные ими факультеты на ряду со всѣми студентами, они не слушали ни педагогики, ни методики, не было даже школы для практики ихъ. Дѣятельность Поплавскаго, какъ руководителя краковскихъ стипендіатовъ, ограничена была только наблюденіемъ за квартирою и общимъ столомъ ихъ и за исправностью факультетскихъ ихъ занятій. Піаристы, имѣвшіе свою, хотя и скромную учительскую семинарію, выславъ въ Кра- ковъ и Вильно своихъ кандидатовъ, скоро возвратили ихъ оттуда и предпочли продолжать образованіе ихъ въ собственной семи- наріи и за гравидей ¹⁾). Проектированный для семинаріи трехлѣт- ній курсъ на дѣлѣ замѣненъ былъ такимъ образомъ четырех- лѣтнимъ, факультетскимъ, и первые учителя, „спеціально“ при- готовленные къ своей службѣ, стали появляться въ школахъ только съ 1790 года, когда по цѣлому краю начинался уже по- слѣдній безпорядокъ. Въ теченіи всего этого періода только въ піарскихъ школахъ и въ нѣсколькихъ другихъ, облагодѣтель- ствованныхъ мѣстнымъ покровительствомъ (напр. краковская, ви- ленская, кременецкая), собирались „академики“, любившіе свой

¹⁾ Лукашевичъ т. II, стр. 268, въ примѣчаніи.

кружокъ и ненавидѣвшіе старыхъ учителей. Въ остальныхъ школахъ преобладали или исключительно учили старые пробощи и заматорѣлые на Альварѣ іезуиты. Всего типичнѣе выступала эта система въ школахъ базиліанскихъ, продолжавшихъ пользоваться учителями изъ *студій* и *новіціатовъ*. Въ 1782 году, т. е. спустя годъ послѣ разсылки во всѣ школы проекта новаго устава съ предписаніемъ точно сообразоваться съ изложеннымъ въ немъ курсомъ ученія и росписаніемъ учебныхъ предметовъ, визитаторъ школъ, участникъ реформы, ксендзъ Головчицъ такъ отзывается объ уманскихъ базиліанахъ: „на собраніяхъ всего болѣе я занимался съ ними (ректоръ, префектъ, учителя) чтеніемъ уставовъ комисіи. Цѣлый уже годъ лежать у нихъ эти уставы, а они доселѣ не знаютъ, что въ нихъ написано. Я долженъ былъ употребить при этомъ и убѣжденія, и угрозы“¹⁾. Визитаторы въ теченіи всего этого періода, тщательно описывая всѣ стороны школьнаго быта, о преподаваніи отзываются неопредѣленно и уклончиво: „исполняется по уставу комисіи“, на лекціяхъ ученики „отвѣчали (*porisywali się*) хорошо“, —общія всѣмъ визитаторскимъ рапортамъ выраженія.

Что касается учебныхъ пособій, которыхъ такую массу предполагаетъ эта многочисленность естественныхъ предметовъ, то, кромѣ учебниковъ, появившихся уже къ концу этого періода, мы не видимъ въ школахъ почти ничего, исключая самыхъ простыхъ геометрическихъ приспособленій для измѣреній полей и въ нѣкоторыхъ съ десятокъ инструментовъ для математики, физики и химіи. Не одна скудость матеріальныхъ средствъ препятствовала комисіи снабжать школы пособиями. „Нѣсколько сотъ тысячъ, говоритъ Слядецкій²⁾, бросается (комиссіей) на фабрики; стыдно жалѣть нѣсколькихъ тысячъ на инструменты, существенно необходимые для преподаванія“. Если такъ было съ университетами, то, понятно, что было со школами. Обыкновенный приѣмъ занятій во всѣхъ, даже лучшихъ школахъ, было чтеніе и объясненіе учебника, потомъ заучиваніе его. — При недостаткѣ учебника, болѣе способный и образованный учитель бралъ въ руки иностранное пособіе, переводилъ ученикамъ выбранные отрывки, тѣ записывали ихъ и заучивали. Наиболѣе

¹⁾ *Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce*. Краковъ. 1877 гольт. I, стр. 49.

²⁾ *Listy J. Śniadeckiego*, стр. 34.

общимъ въ этомъ случаѣ было чтеніе классическихъ писателей, отрывки изъ которыхъ и цѣлыя трактаты ученики заучивали то въ латинскомъ подлинникѣ, то въ польскомъ переводѣ, который дѣлали въ классѣ. Настойчивое указаніе наставленія учителямъ, дабы отнюдь не требовать отъ учениковъ заучиванія на память того, чего они не поняли, очевидно понято было учителями своеобразно: про заучиваніе сплошь и рядомъ говорится въ школьныхъ рапортахъ.

Не можетъ также не поражать это рѣшительное отрицаніе образовательнаго значенія классическихъ писателей и вмѣстѣ съ тѣмъ обращеніе къ нимъ за свѣдѣніями естественными и поученіями нравственными,—эта ботаника и минералогія по Плинію, это земледѣліе и огородничество по Овидію и Горацию, хотя бы и Катону, — эта мораль, долженствовавшая возродить общество и государство, по римскимъ стоикамъ и эпикурейцамъ! Если бы даже это была временная уступка старымъ учителямъ, не владѣвшимъ живыми языками, но хорошо владѣвшимъ латинскимъ языкомъ, или неизбежная дань шляхтѣ, въ огромномъ большинствѣ скучавшей за іезуитами и враждовавшей противъ новой школы, на половину мирившейся съ нею на Virgiliѣ, Горациѣ, Цицеронѣ и т. п., то и тогда оставалось-бы отложить надежды на „обновленіе“...

Но чѣмъ ближе къ основаніямъ учебнаго курса, тѣмъ глубже противурѣчія его съ главною его задачею. Что могло принести Польшѣ право природы и основанная на немъ добродѣтель? Ничего больше, кромѣ тѣхъ-же, только на новый ладъ, произвола и распущенности, противъ которыхъ она направлена была. Ученіе объ инстинктахъ, какъ откровеніи божества въ природѣ человѣка, о здоровомъ смыслѣ, какъ сознаніи этихъ инстинктовъ, о долѣмости ихъ для счастья человѣка—въ своемъ конечномъ результатѣ имѣетъ только грубое развитіе своего я, самопоклоненіе, упругія эгоистическія отношенія, которыя только разрушаютъ и общественность, и государственность, а не укрѣпляютъ ихъ. Съ этимъ самоувѣніемъ, такъ легко воспламеняющимся, 14—16-лѣтній юноша принимается трактовать о „политикѣ правды“, подвергать критикѣ, по указаніямъ этой политики правды, всѣ законы своей страны, всѣ распоряженія своего правительства, всѣ общественныя явленія, высказывая свои мнѣнія въ классѣ точно на сеймѣ, ищетъ „неправды“ въ законодательствахъ другихъ государствъ, строитъ идеаль польскаго государства и

т. д., съ полнымъ убѣжденіемъ, по внушенію самой комисси просвѣщенія, что „нѣтъ ничего проще и легче политики правды“!..

Далѣе, эта система прямо противурѣчила тому пылкому патриотизму, который возбудилъ ее для своего блага. Нельзя дѣйствительно не сочувствовать всею душою той глубокой печали, которою поражались лучшіе люди Польши, при взглядѣ на ея внутреннія болѣзни и раны. Нельзя не отдать полного уваженія этимъ благороднымъ заботамъ объ исправленіи мѣстнаго зла. Но что-же давала новая школа, эта политика правды, основанной на правѣ природы, эта естественная нравственность съ общими добродѣтелями? Она давала, такъ сказать, общечеловѣковъ, всемірныхъ гражданъ, съ пренебреженіемъ относившихся ко всему національному, самобытному, имѣющему право на уваженіе со стороны другихъ народовъ. На этихъ началахъ, идеалъ отечества долженъ былъ складываться не по дѣйствительнымъ условіямъ и нуждамъ его, но по отвлеченнымъ стремленіямъ, слишкомъ удаленнымъ отъ всего того, чѣмъ дѣйствительно болѣла и чѣмъ дѣйствительно могла-бы оздоровѣть страна. Чѣмъ глубже и сильнѣе укрѣпляются такіе идеалы, тѣмъ тяжелѣе для страны послѣдствія ихъ. Польскіе школьные реформаторы такъ и поступили; они съ особенною заботою, съ большею чѣмъ къ подробностямъ учебной программы, отнеслись къ воспитанію учениковъ въ духъ и направленіи этой системы.

Послѣдуемъ и мы за ними и рассмотримъ эту воспитательную систему.

(Окончаніе будетъ).

Поляки и русины.

(Нъ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній).

Въ бытовой исторіи южно-русскаго народа есть область отношеній, достойныхъ особеннаго вниманія изслѣдователя старины. Это—отношенія южно-руссовъ къ полякамъ. Политическая судьба этихъ двухъ народностей, весьма близкихъ и родственныхъ, заключающая въ себѣ что-то роковое, провиденціальное, какъ для нихъ самихъ, такъ и для *третьяю*—старшаго члена этой великой славянской группы—великорусса, достаточно разработана и извѣстна. Но бытовое, внутреннее ихъ взаимоотношеніе еще ждетъ разработки и освѣщенія, на основаніи частныхъ изслѣдованій тѣхъ или другихъ сторонъ ихъ совмѣстной жизни. Въ высшей степени было-бы интересно прослѣдить это бытовое взаимоотношеніе поляковъ и южно-руссовъ съ временъ древнѣйшихъ.

Мы дѣлаемъ попытку положить начало такого рода изслѣдованіямъ или очеркамъ. Людей, болѣе насъ свѣдущихъ, приглашаемъ продолжить начатое нами, пояснить или поправить насъ, вообще сказать больше и лучше, чѣмъ мы можемъ. Въ претензіи ни въ какомъ случаѣ мы не будемъ;—выиграетъ одна лишь исторія. А исторія намѣчаемыхъ нами отношеній и любопытна, и поучительна. Оговариваемся: мы удаляемся въ область исторіи, не касаясь настоящихъ отношеній.

Для южно-русса полякъ былъ вообще *ляхомъ*, иногда *ляшкою*, въ смыслѣ уменьшительномъ, шутливомъ, саркастическомъ,—по временамъ *ляшурою*, въ смыслѣ увеличительномъ, тонъ бранномъ, сердитомъ; для поляка—южно-руссъ всегда былъ только *русинъ*, развѣ съ прибавленіемъ *pies*, или другаго ласкающаго слова. Эти названія сами по себѣ, безъ всякихъ измѣненій или приставокъ къ нимъ, опредѣляли національно-практическое различіе двухъ род

ственныхъ народовъ. Тотъ и другой терминъ заключалъ уже въ себѣ, какъ данная, норму отношеній одного народа къ другому. и особый образъ ихъ взгляда одного на другаго. Названія: *ляхъ* и *русинъ* опредѣляли собою двоякій *народный типъ*, никогда не смѣшивавшійся одинъ съ другимъ и не могшій, *при существованіи основныхъ своихъ чертъ*, взаимно уничтожить одинъ другаго. Различіе, полагаемое этимъ типомъ, рѣзко раздѣляло и раздѣляетъ оба народа на два этнографическіе стана и нѣсколько напоминаетъ собою то различіе, которое выражено древнею поговоркою: *не прикасаются жидове самаряномъ*. Интересно найти черты этого различія, этой *неприкасаемости* двухъ народныхъ типовъ, насколько онѣ проявились и запечатлѣлись въ историческомъ преданіи. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ, какъ черты эти выразились въ народномъ словесномъ творчествѣ. Между южно-русскими пѣснями есть много такихъ, гдѣ рисуются бытовые взгляды одной народности на другую, съ разнообразныхъ сторонъ, даже до отношеній любовныхъ. Такъ напр. въ одной пѣснѣ говорить *русинка*:

„Не тупай, не тупай, ляшку, ногою;
Не ляжу, не ляжу, спати зъ тобою,
А хотъ и ляжу,—не поцілю,
До своего серденька не примилую....

А въ другой представляется говорящую уже *полька*:

А ты—русинъ, а я—полька,
Не торкайся до камзолька!...

А сколько есть народныхъ анекдотовъ, шүтокъ, пословиць, въ которыхъ такъ или иначе представляется *ляхъ* въ воззрѣніяхъ южно-русса! Въ свою очередь и въ области польскаго народнаго творчества есть много свидѣтельствъ о томъ, какъ смотрѣли поляки на южно-руссомъ въ народно-бытовомъ отношеніи *). Едва-ли не самымъ древнѣйшимъ памятникомъ въ такомъ рядѣ надо считать извѣстную поговорку, идущую по крайней мѣрѣ съ XVI в., обращавшуюся въ устахъ обоихъ народовъ и дошедшую до насъ въ двухъ текстахъ—русскомъ и польскомъ:

Якъ свѣтъ свѣтомъ
Не буде русинъ ляху братомъ.
Jak świat światem
Nie będzie rusin polakowi bratem.

*) Вотъ именно такіе памятники народнаго творчества, особливо незаписанные, неизвѣстные, представляютъ наиболѣе цѣнный матеріалъ для выясненія исторически-бытовыхъ взаимоотношеній того и другаго народа, и мы просимъ какъ почтеннаго автора настоящей статьи, такъ и другихъ, владѣющихъ запасомъ такихъ памятниковъ, сообщать онне намъ для помѣщенія на страницахъ нашего изданія. *Ред.*

Есть старинный сборничек *Пословиць польскихъ*, составленный иезуитомъ *Григоріемъ Кнанскимъ*, съ различными, очень любопытными къ нимъ комментаріями. Тамъ можно найти много указаній на предметъ, о которомъ у насъ теперь рѣчь¹⁾.—Выходя изъ области народной литературы, укажемъ на старинныя польскія „казанья“ (проповѣди), какъ на богатую сокровищницу народныхъ польскихъ воззрѣній на русиновъ и обратно. Эти казанья, по обычаю того времени, изобиловали анекдотами, шутками, остротами— и вотъ здѣсь-то подчасъ и запечатлѣвались, сюда вносились самыя рельефныя проявленія воззрѣній одного народа на другой. Польская проповѣдь XVII и первой половины XVIII в. замѣняла собою то, что у насъ теперь зовется *публицистикой*, и представляла возможность „казнодѣямъ“ — ораторамъ касаться всевозможныхъ сторонъ политической и общественно-бытовой жизни. Когда мы занимались изслѣдованіемъ проповѣдей характернѣйшаго польскаго „казнодѣя“ XVII в. иезуита *Томи Млодзяновскаго*, то находили у него много мѣстъ, гдѣ говорится о полякахъ и русинахъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ и проводятся параллели между этими народностями, бывшими тогда подъ одной польской Короной. Намъ припоминается теперь одно мѣсто изъ Млодзяновскаго, гдѣ онъ, выставляя на видъ то, что праздникъ пасхи называется у поляковъ *Wielka-noc* (великая ночь), а у русиновъ *Великъ-день*, дѣлаетъ поэтому поводу нѣкоторые политическіе намеки и съ грустью говоритъ о національной розни обоихъ народовъ. Ибо, замѣчаетъ онъ, что у поляковъ *ночь*, то у русиновъ *день*.—Переходя отъ національныхъ отношеній къ *соціальнымъ*, встрѣчаемъ уже другую бытовую терминологию. Послѣ того, какъ всѣ древнерусскіе, княжескіе и дворянскіе роды, съ Чарторыйскими, Сапѣгами, Тышкевичами во главѣ, перешли въ католичество и совсѣмъ ополячились, а русскаго помѣщика замѣнилъ польскій, для русина ляхъ былъ большею частію *паномъ*, а потому и встрѣчаемъ постоянно такое сопоставленіе въ народной литературѣ: *ляшки-панки*; для поляка русинъ опять таки вообще былъ *хлопомъ*. Если въ національномъ отношеніи, при всемъ различіи народнаго типа, все-таки предполагалась и бывала въ дѣйствительности *терпи-*

¹⁾ Полное заглавіе труда Кнанскаго таково: *Thesaurus latino-polono-graecus*, три тома. Томъ третій называется: *Thesauri polono-latino-graeci adagia* и заелю часть въ себѣ *польскія пословицы*, сравненная съ русинскими, латинскими, греческими и друг. Этотъ томъ есть въ кшиневской семинарской библіотекѣ. Л. М.

мость между двумя сторонами, двумя этнографическими лагерями, все-таки оказывалась возможность солидарности между ними и въ некоторых соглашениях, то социальная терминологія уже ясно указываетъ на очевидный симптомъ образовавшейся *вражды* между двумя народностями. Полякъ всегда изъяснялъ притязаніе на *панство*, на господство надъ русиномъ—*хлопомъ* и этимъ возбуждалъ въ послѣднемъ ненависть, всасываемую съ молокомъ матери. Въ полякъ всегда преобладала аристократическая тенденція, въ русинѣ-же всегда билась демократическая жилка. Полякъ, особенно шляхтичъ считалъ для себя приличными только военныя, *рыцарскія* занятія. Онъ уклонялся отъ труда промышленнаго, земледѣльческаго. Эту уклончивость отъ полевой, земледѣльской работы раздѣляли и польскія женщины. И бѣда приходилась русину, если какъ-нибудь доставалась ему въ жены полька. Вотъ какъ изображаетъ такой супружескій союзъ народная пѣсня:

Видѣ польку спокусила,
 Выйшла полька за русина.
 Русинь каже: » ходимъ жаты «,
 Полька каже: » ляжмо спати «.
 Пишла полька въ поле жати.
 Та забула серпа взяти.
 Серпъ узяла, хлибъ забула,
 Таки полька дома була.

Свивши себѣ гвѣздо на Руси, польское шляхетство представило торговлю и промышленность жидамъ, а всякія *черныя работы* возложило на русиновъ—*хлоповъ*, а *хлопъ* и въ самой Польшѣ назывался *быдломъ*, т. е. трактовался на равнѣ съ домашнимъ скотомъ. Мыслящіе изъ поляковъ еще въ старыя времена предвидѣли дурной конецъ отъ праздної жизни шляхты и отъ притѣсненія *хлоповъ*. Таковъ былъ упомянутый нами Млодзяновскій. Вотъ напр. что доворить онъ въ одной своей проповѣди: „Панове шляхта сдѣлали для себя всѣ дни *недѣлей* (воскресеньемъ)“, которая на польскомъ языкѣ называется такъ отъ *недѣланія*; ибо дѣлать, работать въ этотъ день не годится „Иностранцы упрекають насъ за то, что наша шляхта вѣчно въ праздности... Вѣдь вы слышали слѣдующіе стишки:

Nobiles poloni
 Equites boni;

Gens bellicosa,
Sed otiosa¹).

Проводя такимъ образомъ время постоянно въ праздности, шляхта и сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Не хочу я упрекать въ этомъ шляхетскій народъ, но все-таки настаиваю на своемъ, именно, что шляхта сдѣлала для себя всѣ дни *недѣлей*. Какъ-же это? Нужно позаимствовать науки и у инфимистовъ.—Милые инфимисты, какъ по латыни *недѣля* (воскресенье)? Инфимисты отвѣчаютъ: *dies Dominicus*, до слова значить: *панскій день*. И такъ *недѣля* это панскій день. А поѣдь-ка, хлопъ, на торгъ, на мельницу, а иногда и по дрова, вѣдь это *недѣля*, день панскій, *день панщины*; въ поведѣльникъ будешь орать (пахать), во вторникъ молотить, и такъ день за днемъ—все *день панскій*, день панщины. А вѣдь такое положеніе дѣлъ не можетъ нравиться Господу Богу... Ибо хлопъ суть только подданные, а не рабы, невольники. Нужно имѣть въ виду, чтобы такое обращеніе съ ними не надобло уже имъ слишкомъ... *Sapienti sat!*“—Да, оно надобло, оно не могло не надобеть, въ особенности русинамъ, при ихъ національной и вѣроисповѣдной розни съ поляками. Унижаемый и оскорбляемый въ качествѣ *хлопа* русинъ сдѣлался по отношенію къ поляку—*пану* сначала *козакомъ*, а потомъ и *гайдамакомъ*. *Козакъ*—это былъ представитель *выдѣлявшіюся* изъ южнорусскаго народа *рыцарства*, въ противовѣсъ рыцарству или шляхетству польскому, для защиты народной чести и свободы... *Гайдамакъ*—это уже былъ представитель *поголовнаю* народнаго возстанія противъ угнетателей—пановъ и ихъ сподручниковъ—жидовъ. Козачество и гайдамачество русинское и подрѣзало корни польскаго государства. Такимъ образомъ, *соціальныя* бытовыя отношенія поляковъ и русиновъ подготовили политическое паденіе Польши, а религіозныя притѣсненія первыми послѣднихъ довершили оное. Значеніе русиновъ въ составѣ польскаго государства было очевидно, какъ и ихъ рознь съ поляками. Явилась мысль для упроченія государственнаго единства *ополячить* русиновъ. Избранъ для этого путь, по тогдашнимъ понятіямъ казавшійся наиболѣе дѣйствительнымъ, именно путь объединенія *въ вѣрѣ*. Но вмѣсто единенія, мира, согласія возникла вражда и ненависть

¹) „Благородные поляки—прекрасные всадники; народъ воинственный, но правдивый“.

религіозная, завязалась ожесточенная борьба на жизнь и смерть. Въ этотъ періодъ образовались особые бытовые термины, выражавшіе взаимныя отношенія сторонъ въ этой области. Со стороны поляковъ пошли въ ходъ бранныя слова: *отщепенцы*, *схизматики*. Польскіе іезуиты особенно были щедры на эти попреки и раздували пламя религіозной вражды. Мюдзяновскій бросалъ ими направо и налево. Такъ, въ своей проповѣди на праздникъ св. двѣвъ, объясняя евангельскую притчу *о десяти двѣвахъ*, онъ говоритъ между прочимъ: „между этими десятью двѣвами были, вѣроятно, польки, литовки, прусачки, а также двѣвы изъ другихъ польскихъ земель; ибо, дѣйствительно, есть между ними и мудрыя, и глупыя. Св. писаніе не докладываетъ намъ, къ какой собственно странѣ принадлежали тѣ десять двѣвъ, и поэтому даетъ свободу думать, что тамъ были двѣвы изъ всякихъ странъ. Все таки однако прилично будетъ спросить: были-ль между ними и русскія по вѣрѣ? Glossa отвѣчаетъ: не было! Но вѣдь и между русскими есть, положимъ, глупыя, но есть же и мудрыя: почему-же онѣ не искали Господа?—Потому что онѣ *схизматички*. Вотъ что говоритъ Глосса: *Exierunt obviam Sponso et Sponsae, id est concordaverunt voluntati sponsi et matris Ecclesiae*¹⁾. Да, кто не послушенъ св. костѣлу, тотъ не пойдетъ на встрѣчу Іисусу Христу!“ Вотъ какими инсинуаціями тогдашніе польскіе политическіе мудрецы подготовляли государственное единство Польши! Они стали проповѣдывать и насильственно навязывать *русинамъ унию*, которая, по мысли этихъ мудрецовъ, имѣла быть только переходнымъ мостомъ къ *католичество* и за тѣмъ къ *ополяченію*, т. е. къ потерѣ не только вѣры, но и языка. Противясь *унии*, русинъ сталъ защищать вѣру отцовъ, какъ *благочестіе*. Равнодушный до тѣхъ поръ къ *польской вѣрѣ*, онъ сталъ постепенно впитывать въ себя ненависть къ *уніатамъ* и *католикамъ*. Во времена гайдамачества эта ненависть достигла поражающихъ размѣровъ. При нѣкоторомъ равенствѣ силъ, двѣ народности, составлявшія одинъ государственно-общественный организмъ, могли бы совершенно уничтожить другъ друга. Кажется, что къ этому періоду ихъ взаимоотношеній должно относить, правда, не возникновеніе, но пол-

¹⁾ Вышли на встрѣчу Жениху и Невѣстѣ, т. е. подчинились волю Жениха и Матери-Церкви.

ную популяризацію бытовыхъ терминовъ: *psia wiara, psia krew!* съ переводомъ для отвѣта: *собака вира, собака кровь!* Поражающее своимъ сопоставленіемъ извѣстное присловье: *пань, жидь та собака—все вира однака!* принадлежитъ несомнѣнно этому времени. Понятное дѣло, что при такихъ взаимоотношеніяхъ двухъ главныхъ столповъ польскаго государства, оно не могло долше существовать. Русинъ долженъ былъ оставить поляка—угнетателя. Онъ рѣшился отойти жить къ другому брату, съ которымъ разлучила его когда-то давно злая судьбина. И онъ отошелъ, въ полной надеждѣ, что этотъ единовѣрный братъ не погубитъ его вѣры и языка. Онъ отошелъ и вотъ, вмѣсто *русина*, *называемый уже то *малоруссомъ*, то *южморуссомъ*, то *черкасомъ* или *черкешаниномъ*, а то и просто *холомъ*, онъ подперъ своей головой московское царство, помогъ ему превратиться въ *Россійскую Имперію* и въ концѣ концовъ поспособствовалъ ему *покорить подь нош* и третьяго брата, прежняго своего пана. Гордый полякъ жестоко былъ наказанъ за свое презрѣніе къ меньшему брату. Польша была разорвана на части. Но что-же? Національную государственную корону полякъ потерялъ, а панская корона ему все-таки оставлена. Надъ русиномъ ему все таки предоставили быть паномъ! Австрія предоставила ему быть паномъ въ Галиціи, а Россія въ западной и юго-западной своей части. Отношенія соціальныя не измѣнились и національныя остались въ прежнемъ видѣ. Правобережные русины, отошедшіе къ московскому брату и думавшіе найти у него защиту отъ поляка-пана-брата, принуждены были сложить новую печальную *тѣсню рабства* и не на рѣкахъ вавилонскихъ, а на своихъ родныхъ рѣкахъ, ручейгахъ и пригоркахъ... Вотъ начало этой пѣсни про новую *польскую панщину* подъ скипетромъ Россіи:

Була, була Польша, та стала Вкраина;

Не одбуде сынъ за батька, а батько за сына!

Полякъ по прежнему тѣшилъ себя фантомомъ аристократизма и по прежнему питалъ презрѣніе къ русину — плебею, хлопцу, *иречкосію*..., даже больше: онъ какъ будто вымещалъ на русинѣ паденіе Польши и покореніе себя москалемъ. Онъ по прежнему удалялся производительнаго труда, по прежнему считалъ только себя *рыцаремъ* по природѣ, которому одному прилично носить оружіе....

Сова сову плодитъ,

Мечта мечту родить....

Полякъ, оставался все тѣмъ-же паномъ и ему мечталась старая Польша въ прежнемъ *шляхетскомъ* видѣ и въ прежнемъ пространствѣ—*отъ моря до моря*. Явилось возстаніе 1830 года... Полякъ велъ себя еще какъ истый старо-польскій панъ, полный сознанія своихъ старыхъ правъ надъ русиномъ; но и чувства послѣдняго не измѣнились. Вотъ къ этой-то эпохѣ и относится одно не записанное преданіе о двухъ письменныхъ памятникѣхъ, живо рисующее подогрѣтыя вновь чувства поляковъ и русиновъ. Это преданіе мы расскажемъ въ такомъ видѣ, какъ оно сообщено намъ однимъ почтеннымъ любителемъ и знатокомъ южно-русской старины¹⁾.

Дѣло происходило въ Каменцѣ-Подольскомъ. Въ одно утро на всѣхъ главныхъ улицахъ города, на болѣе видныхъ мѣстахъ, появились афиши. На каждой изъ нихъ, на большомъ листѣ бѣлой бумаги, большими буквами были написаны по-польски слѣдующіе стихи:

Ty polaku,
Stój w szyszaku
Z orężem do boju!
Ty, rusinie,
Sk..... synie.
Z widłami—do gnoju!

Очевидно, что это было дѣло польскихъ рукъ, въ насмѣшку надъ русскими и для возбужденія духа въ полякахъ. Преданіе прибавляетъ: идутъ по улицѣ два поляка и видятъ афишу. „Co to? Co to? Czytaj!“ -- говорятъ одинъ другому. Начинаютъ читать: „Ty, polaku, stój w szyszaku z orężem do boju“.... О, jak to slicznie, panie, „z orężem do boju“! О, tak, tak!—Coż to dalej?— „Ty, rusinie, sk..... synie, z widłami do gnoju!“—О, jak to do řadu napisano! О, tak, tak tym szelmam rusinam i trzeba“!.. Въ городѣ толки, насмѣшки надъ русскими! Поляки высоко стали поднимать головы. Пасквиль попалъ въ тѣтъ съ ихъ задушевыми историческими чувствами и мечтами. Призывъ на бой, напоминаніе о столь драгоценной привилегіи стоять съ оружіемъ въ рукахъ и защищать свой гоноръ такъ льстило ихъ рыцарскимъ идеаламъ! Съ другой стороны, обреченіе измѣнника—русина на черныя и самыя низкія работы такъ согласовалось съ ихъ давнишнимъ аристократическимъ презрѣніемъ къ хлопцу, къ мужику! И вотъ, во

¹⁾ Федоромъ Владим. *Цимирскимъ* въ Кишиневѣ.

всемъ Каменецъ волненіе, возбужденіе... Русскимъ досадно, стыдно, неловко. Какъ тутъ быть? Сейчасъ-же стали вездѣ срывать пасквильные листы, донесли губернатору. Начали разыскивать, кто писалъ и наклеивалъ афиши... Но все это ни къ чему не привело. А впечатлѣніе отъ пасквиля росло все больше и больше... Составился совѣтъ изъ русскихъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Совѣтовались, совѣтовались и порѣшили, что нужно отомстить не иначе, какъ *тѣмъ-же самымъ способомъ*, т. е. отвѣтить на стихи стихами-же и этимъ сгладить впечатлѣніе, сбить спѣсь полякамъ. Въ совѣтѣ предложили написать тому—другому изъ среды его-же членовъ и другихъ лицъ. Явилось нѣсколько отвѣтовъ, стали читать: нѣтъ, все какъ-то вяло, безжизненно, не мѣтко... Тогда представитель семинаріи сказалъ: „есть у насъ одинъ семинаристъ, онъ любитъ писать стихи и пишетъ бойко—остро. Не предложить ли ему? Авось онъ отвѣтитъ, какъ слѣдуетъ“. Согласились. Призвали семинариста. Фамилія его была, кажется, *Гербановскій*. Предложили ему,—говорятъ: такъ и такъ... Тотъ согласился написать отвѣтные стихи, но только не иначе, какъ *по малороссійски*. „Ничего, пиши и по малороссійски“, сказали ему, только чтобъ вышло хорошо. Написалъ. Приноситъ. Читаютъ:

Ты, поляку,

Цілуй въ с....

Русина и грека!

Гляди жь себе,

Буде зъ тебе....

Стій, свине, зъ далека!

На пасквиль вышелъ пасквиль, только болѣе рѣзкій, настоящій хлопскій, мужицкій, плебейскій, демократическій. Многимъ въ совѣтѣ онъ не понравился, особенно архіерею... Но обсудили и нашли, что онъ какъ-разъ кстати, что лучшаго въ данномъ случаѣ и желать нельзя. Рѣшено—расклеить его по всѣмъ улицамъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ былъ наклеенъ польскій пасквиль. И вотъ, опять таки по тому-же комментарію, рано утромъ павы нечаянно натыкаются на новую афишу. Co to? Znów coś napisano. Czytaj! Czytaj! To już coś po ruszku... A nu, nu—czytaj. И они начинаютъ разбирать по слогамъ, какъ говорится *сылلابизовать*: „Ты, по-ля-ку, ці-луй въ....“ To coś kiersko, czart wie co.... To pewnie jakiś knysz napisal.... И они ушли со злобой. Читаютъ другіе, третьи и т. д. Къ вечеру контръ-пасквиль произвелъ свое дѣйствіе и прежняго возбужденія среди поляковъ, прежняго

поднятія головъ какъ не бывало... То было время обоюднаго возбужденія, раздраженія, взаимной страстности въ отношеніяхъ между двумя издревле враждующими народностями. Этимъ я объясняется циничность выраженій въ обоихъ пасквиляхъ. Но для исторіи все интересно знать... Интересно и это слово: *грека*. Оно цѣликомъ выхвачено изъ живаго преданія, или недавнихъ сравнительно актовъ и указываетъ на рознь вѣроисповѣдную. Въмѣсто „православной вѣры“ говорили „греческой“ и православнаго величали грекомъ. „А нутежь, нуте, лучше того грека“...., приговаривалъ униатскій офиціалъ Мокрицкій, когда въ 1766 г., по его приказанію, въ м. Корсунѣ били нещаднымъ боемъ одного православнаго священника, сказавшаго о себѣ, что онъ вѣры греческой, и не желавшаго принять униі. Характерно и это слово: *кнѣшиць*, т. е. поповичъ, котораго поляки считаютъ авторомъ русскаго пасквиля. Они хорошо чужали, что отъ поповичей, отъ дѣтей церковническихъ, главнымъ образомъ идетъ, какъ и прежде шла, нравственная защита народности русинской противъ всяческихъ ея враговъ и притѣснителей. Не даромъ поэтому къ поповичамъ этимъ поляки были особенно неприязненны. Не даромъ поэтому въ извѣстномъ польскомъ *прозѣтїи* прошлаго вѣка объ искорененіи русинской народности въ Украйнѣ, особенныя репрессіи предполагались противъ священниковъ и ихъ сыновей—*поповичей*. Это былъ интеллигентный слой южно-русскаго народа, не оторвавшійся отъ него, бывший за одно съ нимъ...

И такъ къ 30 годамъ еще вполнѣ, во всей неприкосновенности, сохранялись взаимныя отношенія и чувства поляковъ и русиновъ, выработанныя прошлымъ тяжелымъ временемъ ихъ совмѣстной политической жизни—подъ польской Короной.

Изъ ближайшаго къ этому времени сохранился слѣдующій характерный рассказъ и относящійся къ нему неписанный памятникъ. Дѣйствіе происходитъ въ Украйнѣ. Въ воскресный день въ одномъ селѣ шла „служба Бога“. Въ церкви присутствовали мѣстный панъ-экономъ. При выходѣ крестьянъ отъ обѣдни, онъ остановилъ ихъ у крыльца колокольни для какихъ-то внушеній. Долго длились нотации. Вышелъ священникъ, но его путь былъ прегражденъ столпившимся народомъ. Поглядѣлъ онъ на пана въ свѣромъ кунтушѣ, съ гладкими и свѣтлыми металлическими пуговицами, и на понуро стоявшихъ вокругъ него крестьянъ, поднялъ глаза къ небу и произнесъ такую краткую рѣчь: „украсивъ Богъ небо звѣздами, а землю людьми, а ляха *удзями* (пуговицами)“.

Народъ разступился при видѣ священника и тотъ спокойно пошелъ домой.

Взаимныя отношенія поляковъ и русиновъ на родной землѣ сихъ послѣднихъ не измѣнялись еще долгое время. Нѣкоторую перемѣну въ нихъ должны были произвести такъ называемыя инвентарныя правила, введенныя въ управленіе генераль-губернатора Бибикова и поего мысли. При объявленіи этихъ правилъ произошли два слѣдующіе извѣстные намъ случая, а что они говорятъ, понятно будетъ всякому. Въ одномъ селѣ кіевской губерніи, послѣ объявленія ихъ, мѣстный помѣщикъ, желая порисоваться предъ прибывшей комиссіею (исправникъ, предводитель дворянства и благочинный) своимъ патріотизмомъ, вздумалъ при выходѣ своихъ крестьянъ изъ церкви, сказать имъ по поводу событія *нѣсколько словъ*. Но лишь только онъ въ заключеніе затянулъ хриплымъ и ненатуральнымъ голосомъ продолжительное ура, какъ кто-то изъ толпы прокричалъ: „на свою голову“! Въ другомъ мѣстѣ исправникъ-полякъ желалъ поглумиться надъ старикомъ священникомъ, потребовавъ отъ него произнесенія приличной случаю проповѣди, но попалъ въ просакъ, какъ и полякъ-помѣщикъ со своими якобы вѣрноподданинскими чувствами, всю фальшь которыхъ понимаютъ простой мужикъ. Малообразованный, никогда ничего не писавшій священникъ робкимъ голосомъ сказалъ то, что подсказало ему сердце: „благочестивые прихожане! Какъ нѣкогда Господь избавилъ евреевъ отъ работы египетскія, такъ нынѣ Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій Государь нашъ Императоръ избавляетъ васъ отъ работы зяхамъ“. Народъ молчалъ, не смѣя выразить своихъ чувствъ; комиссія (тотъ-же составъ съ придачею становаго) смутилась. Священникъ почтительно обратился къ предсѣдателю со словами: „ваше благородіе! извольте читать“ (самыя т. е. правила).

„Правила“ не измѣнили положенія дѣла и, по многимъ причинамъ, весьма мало облегчили тяжелый яремъ русина-крестьянина. Господствующій полякъ распорядился, какъ прежде, народомъ, въ народѣ-же возникли толки, недоразумѣнія, волненія, тяжело отразившіяся на его-же спивѣ. Въ находящемся у насъ дневникѣ священника Фоки Струтинскаго есть очень интересныя объ этомъ свѣденія и мы не замедлимъ подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины“.

Отношенія двухъ народностей, державшіяся все это время на почвѣ соціальной, обострились до крайности и ближайшимъ

свидѣтелямъ этихъ отношеній можно было опасаться трагической ихъ развязки. Украинскій народъ свое положеніе подъ русскою державою считалъ не естественнымъ и ждалъ ему конца; по мѣстамъ оны хранилъ оружіе дѣдовъ и прадѣдовъ, и вѣрилъ, и открыто выражалъ, что встанетъ время, когда оно пригодится... Оружіе было отобрано въ 1849 г. случайно, при отобраніи онаго у пановъ, которымъ Кошутъ внушалъ много не сбывшихся надеждъ. Паны вымещали и эту неудачу на хлопахъ—русинахъ, а они, не зная своего прошлаго, въ недоумѣніи вопрошали: „за що насъ Царь въ неволю дякамъ отдавъ“?

„Кіевскія народныя волненія“ 1855 г. легли всею своею тяжестью вмѣсто панскихъ на поповскія плечи, по особому недоумѣнію; но поголовное стремленіе въ народъ къ давно вымершему козачеству и то ожесточеніе, съ кѣкимъ незлобивые пасомые старались мучами и пытками исторгнуть у своихъ пастырей несуществовавшій указъ о вольности, ясно показали, что народъ не можетъ сносить далѣе двойнаго вѣковаго ярма.

1861 г. положилъ конецъ напряженнымъ до крайности отношеніямъ поляковъ и русиновъ и открылъ имъ возможность забыть старые счеты, устроить новый *modus vivendi*, положить начало новымъ отношеніямъ и новымъ чувствамъ. Какъ обозначились и въ чемъ выразились эти новыя отношенія, объ этомъ надѣмся со временемъ сказать свое слово.

Л. Мацѣвичъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей.

(Литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка).

Стихотворное произведеніе подъ этимъ заглавіемъ мы имѣемъ въ трехъ неполныхъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ, заключающій меньше половины сохранившагося текста „Разговора“, найденъ г. П. Ефименкомъ въ рукописномъ сборникѣ второй половины XVIII вѣка, писанномъ, судя по одному заключающемуся въ немъ прошенію дьяка коропской школы, 1761 года, въ глуховской сотнѣ, нынѣшней черниговской губерніи. Другіе же два списка, болѣе полные, но все таки безъ окончанія и съ пропускомъ въ серединѣ, хранятся въ Румянцевскомъ Музеѣ, куда они поступили вмѣстѣ съ другими бумагами И. Е. Бецкаго. Изъ нихъ одинъ относится тоже ко второй половинѣ XVIII вѣка, а другой сдѣланъ въ 1833 году. Впрочемъ, разница между послѣдними двумя списками состоитъ только въ томъ, что въ древнѣйшемъ спискѣ не сохранилось начала „Разговора“, которое, надо полагать, утрачено уже послѣ снятія втораго списка, въ которомъ сохранилось это начало. Затѣмъ, новѣйшій списокъ представляетъ изъ себя буквальное воспроизведеніе древняго, съ нѣкоторыми искаженіями и значительными промахами противъ него. Копистъ 1833 года до того рабски слѣдовалъ своему оригиналу, что не обратилъ вниманія на путаницу въ пагинаціи его и переписалъ его въ безпорядкѣ, перенесши середину въ конецъ, а конецъ въ середину. По видимому, переписчикъ признавалъ этотъ „Разговоръ“ законченнымъ, между тѣмъ какъ по тщательномъ разсмотрѣніи его оказывается, что онъ дошелъ до

нась безъ конца¹⁾). Но этотъ позднѣйшій списокъ важенъ замѣтками И. Е. Бецаго о происхожденіи и судьбѣ рукописи.

О происхожденіи и судьбѣ списковъ Румянцевскаго Музея И. Е. Бецкій говоритъ слѣдующее: „сочиненіе получено было мною отъ В. Т. Анастасевича съ слѣдующею надписью: „копія списана для г. Домонтовича и послана 29 іюля 1833. Къ митрополиту Евгенію послалъ выписку изъ оной о Шереметевѣ; онъ въ отвѣтъ своемъ называетъ ее прелюбопытною“. Сочиненіе это получено было г. Анастасевичемъ въ проѣздъ его изъ Вильны обратно въ С.-Петербургъ чрезъ *Смтло* (полтавской губ., романскаго уѣзда). Должно думать, писано въ царствованіе Елизаветы, послѣ 1739-хъ годовъ, кои явно упоминаются прошедшими“.

Бецкій придавалъ этому „Разговору“ большое значеніе и хотѣлъ издать его въ своемъ альманахѣ „Молодикъ“, выходившемъ въ 1843—1844 годахъ. „Самъ Нарушевичъ, писалъ онъ,—столь важнѣйшій имѣвшій сокровища для своей исторіи, часто ссылается на современныя съ описываемыми имъ событіями пѣснотворенія. У насъ-же и рудникъ едва начать. Есть множество списковъ различныхъ въ журналахъ, въ этомъ кладбищѣ русской прошедшей жизни... Доказано древнѣйшими примѣрами, что исторія началась стихами и что первые историки были поэты; всякій народъ вачиваетъ свою исторію пѣснями, сочиненными задолго до принятія письма и изображающими событія; всякое племя имѣетъ своихъ баяновъ, какъ греки имѣли своего Омира. Сѣверные исторіографы и теперь прибѣгаютъ къ помощи рунъ и сагъ. Въ семъ отношеніи найпаче малороссійская исторія достопамятна; пѣсни до сихъ поръ не всѣ изданы“. Но желаніе Бецаго издать „Разговоръ“ не увѣнчалось успѣхомъ. Начальникъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи Дубельтъ, имѣвшій сильное давленіе на тогдашнюю цензуру и литературу, на цензурномъ спискѣ этого „Разговора“ написалъ слѣдующее: „Если-бы я былъ цензоръ, то не допустилъ-бы къ напечатанію, потому что тутъ обида Россіи, обида и Малороссіи: первая дѣлаетъ глупые вопросы, вторая хвастаетъ, какъ старая баба и наконецъ—сердце ея изнемогаетъ отъ нашего ига!??“

¹⁾ Краткія свидѣнія объ этихъ спискахъ „Разговора“ сообщены въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, за май 1881 г., стр. 199—200.

Къ удивленію, самъ г. Бецкій не замѣтилъ спутанности пагинаціи и текста „Разговора“, который вслѣдствіе этого доходитъ, мѣстами, до положительной темноты и бессмыслицы. Г. Дубельтъ увидѣлъ въ этомъ „Разговорѣ“ что-то нескладное и неладное и понялъ это въ дурную сторону, будто-бы сердце Малороссіи, по ея словамъ, изнемогаетъ отъ нашего, т. е. великорусскаго ига. Въ самомъ дѣлѣ, въ обоихъ румянцевскихъ спискахъ „Разговора“ онъ заканчивается выраженіемъ какой-то глубокой скорби со стороны Малороссіи,—скорби, которую можно принять за скорбь о потерѣ Малороссіей своей самостоятельности. Вотъ какъ она плачется здѣсь на свою участь:

Глаза имѣя, безъ глазъ стоимъ опѣнѣвъ,

Безъ рукъ кажемя храбри, прежде руки имѣвъ.

Уже и лица наша потупились, слезы

Падаютъ колеблющися и колѣна дрожа,

Изнемогають сердца каменемъ утѣшена.

Послѣднія слова, подчеркнутыя Дубельтомъ, онъ и понялъ въ смыслѣ сѣтованія Малороссіи на московское будто-бы иго. А между тѣмъ они суть не что иное, какъ только продолженіе стихотворнаго плача Малороссіи по поводу смерти любимаго ея гетмана Богдана Хмельницкаго, оторванное отъ естественнаго своего начала и поставленное не кстати въ самомъ концѣ рукописи, гдѣ оно имѣетъ какой-то неопредѣленный, загадочный смыслъ.

Возстановивъ естественный порядокъ и смыслъ рукописи, мы, напротивъ, не находимъ въ „Разговорѣ“ ничего обиднаго ни для Россіи, ни для Малороссіи: первая спрашиваетъ Малороссію объ ея происхожденіи, историческихъ судьбахъ и заслугахъ ея для Россіи; вторая рассказываетъ свою исторію и перечисляетъ заслуги свои, оказанныя русскому народу и государству. Вотъ краткое содержаніе „Разговора“.

Малороссія ведетъ свой родъ отъ древнихъ козаровъ (хазарь) и рассказываетъ, что она сначала управлялась своими вождями, потомъ подчинилась польскимъ королямъ, а наконецъ добровольно отдалась подъ власть російскихъ государей и оказывала, и оказываетъ имъ важныя услуги. Послѣдовательная исторія Малороссіи ведется только съ 1506 года, съ гетманства Леслава Ляцкоронскаго. За нимъ слѣдовали: Венжикъ Хмельницкій, поразившій въ 1534 году крымскую орду подъ Заславлемъ; Свирговскій, одержавшій надъ турками 14 побѣдъ; Богданко, разбившій въ 1576

году на голову крымскихъ татаръ; Шахъ, побившій въ 1577 году молдаванъ, и Петръ Конашевичъ, взявшій городъ Кефу и сражавшійся съ турками подъ Хотиномъ. Всѣ эти гетманы дѣйствовали въ согласіи съ поляками и имѣли общіе съ ними интересы. Но попытки поляковъ привести козаковъ къ западной церкви и обложить ихъ данью вызвали дѣльный рядъ козацкихъ возстаній, подъ предводительствомъ Наливайка, Тараса Трясила и др. Упомянувъ кратко объ этихъ возстаніяхъ, Малороссія съ подробностію касается эпохи Богдана Хмельницкаго, перечисляетъ всѣ его побѣды надъ поляками: на Желтыхъ Водахъ, подъ Корсуномъ, Пилявцами, Збаражемъ, Жванцемъ и въ другихъ мѣстахъ, восписываетъ похвалу этому гетману и оплакиваетъ его кончину. Послѣ Богдана Хмельницкаго Малороссія входитъ въ общую жизнь Россіи; она не хочетъ уже говорить о своихъ подвигахъ, которые совершаются теперь на глазахъ самой Россіи и потому должны быть извѣстны ей; но Великороссія желаетъ отъ самой Малороссіи слышать правдивый рассказъ о послѣдней ея судьбѣ. Малороссія исполняетъ ея желаніе и рассказываетъ объ отраженіи польскаго короля Яна Казимира отъ Глухова при гетманѣ Брюховецкомъ (1664 г.), о побѣдѣ того-же Брюховецкаго надъ Яблоновскимъ подъ Бѣлой-Церковью (1665 г.), о пораженіи татаръ переяславскимъ полковникомъ Думитрашкомъ надъ Ташлыкомъ (1674 г.), о сожженіи очаковскаго уѣзда козаками (1690 г.), объ осадѣ Очакова (1692 г.) и вообще о сторожевой службѣ козаковъ противъ татарскихъ набѣговъ. Особенное сочувствіе высказываетъ Малороссія къ бѣлоцерковскому полковнику Семѣну Палѣю, борзенскому уроженцу, который съ охотнымъ отборнымъ войскомъ своимъ оберегалъ границы русскія отъ татарскихъ набѣговъ. Онъ ходилъ въ Бендерщину и въ Бѣлогородчину (Аккерманъ), посылалъ своихъ козаковъ въ Буджакъ, дважды добывалъ Очаковъ и при этомъ однажды ворвался въ крѣпость на плечахъ самихъ турокъ. Схватенный коварно поляками и сосланный въ Магдебургъ, онъ бѣжалъ оттуда, поразилъ поляковъ подъ Фастовомъ и обратилъ въ бѣгство польскаго полковника Рустича. Въ 1695 году всѣ малороссійскіе, слободскіе и запорожскіе козаки участвовали въ походѣ Бориса Петровича Шереметева противъ татаръ и турокъ, взяли четыре каменные города, плѣнили множество турокъ, разорили Кази-Керменъ и Мубережъ и въ 1696 году много содѣйствовали взятію Азова. Подъ Азовомъ было козацкаго войска пятнадцать тысячъ, подъ начальствомъ полковниковъ гадячскаго Михаила Бо-

роховича, лубенскаго Леона Свѣчки, прилущкаго Дмитрія Горленка и черныговскаго Якова Лизогуба, который былъ въ то время наказнымъ гетманомъ. Въ то-же время запорожскій атаманъ Яковъ Чалый съ малымъ числомъ козаковъ ходилъ по морю и взялъ восемь турецкихъ кораблей. Черезъ 37 лѣтъ послѣ взятія Азова, т. е. 1733—4 г., полковникъ Галаганъ разбилъ приверженцевъ *ex*-короля польскаго Лещинскаго подъ Солодковцами, а въ 1735—1739 годахъ козаки участвовали въ осадѣ Очакова и Хотина.

Перечисливши всѣ эти подвиги и заслуги козаковъ въ хронологическомъ порядкѣ, Малороссія хотѣла оглянуться назадъ и припомнить заслуги престарѣлаго Палѣя во время полтавской битвы 1709 года. По этому поводу Великороссія укоряетъ свою собесѣдницу измѣной Мазепы. Малороссія отвѣчаетъ:

... Измѣна тогда не всей меня была,
Отъ одного Мазепы только произошла,
Съ коимъ никогда о томъ не соглашалась я,
Если-же сіе меня не можетъ оправдать,
И буди то, что онъ былъ, станешь вѣкъ твердить,
То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ.

Затѣмъ слѣдуетъ перечень всѣхъ этихъ измѣнниковъ, къ числу коихъ въ „Разговоръ“ отнесены: стрѣльцы, князь Василій Голицынъ, сосланный въ Сибирь за взятый ими отъ татаръ подкупъ (1689 г.), Шереметевъ, отданный во время чудновской битвы поляками татарамъ въ неволю (1660 г.), въ которой пробылъ больше 20 лѣтъ. Лопухинъ, казненный Петромъ I по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, Шейнъ, не подавшій козакамъ помощи въ сраженіи ихъ съ татарами на Черной Долинѣ въ 1736 году, генераль-адмиралъ и кабинетъ-министръ Андрей Остерманъ, оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ, канцлеръ Михайло Головкинъ, коммерцъ-коллегіи президентъ Менгденъ и др. Въ противоположность этимъ русскимъ якобы измѣнникамъ, Малороссія указываетъ, за послѣднее время, на Разумовскихъ, оказавшихъ важныя услуги русскимъ государямъ:

Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мнѣ?
Какъ Елисаветѣ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринѣ другой вѣрность открылъ?

На этомъ и прерывается „Разговоръ“ по имѣющимъ у насъ спискамъ его, очевидно составленный не ранѣ царствованія Еквтерины II.

Большая часть исторических свѣдѣній, заключающихся въ „Разговорѣ“, заимствована авторомъ изъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленнаго неизвѣстнымъ авторомъ около 1734 года ¹⁾; но есть и такія свѣдѣнія, которыя или несогласны съ извѣстіями „Краткаго описанія“, или представляются совершенно новыми. Несогласно съ „Краткимъ описаніемъ Малороссіи“ авторъ „Разговора“ говорить о происхожденіи козаковъ отъ козаровъ или хазаръ и представляетъ неудачныя битвы Богдана Хмельницкаго съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлоу-Церковью въ благоприятномъ для козаковъ свѣтѣ. Новыми являются свѣдѣнія о Семенѣ Паліѣ, ворвавшемся въ Очаковъ на плечахъ турковъ, о подвигахъ Якова Чалаго подъ Азовомъ въ 1696 году, географическія подробности о пораженіи полковникомъ Галаганомъ поляковъ подъ Солодковцами въ 1734 году, а также свѣдѣнія о посылкѣ, въ царствованіе Анны Іоанновны, избранныхъ козаковъ въ Пруссію для обученія воинскому искусству, объ участіи козаковъ въ осадѣ Очакова и Хотина въ 1735—1739 годахъ и проч.

Но главный интересъ разсматриваемаго „Разговора“, по намѣренію его автора, состоятъ не въ сообщеніи новыхъ свѣдѣній, а въ группировкѣ уже извѣстныхъ и освѣщеніи ихъ опредѣленною мыслию.

Уже само „Краткое описаніе Малороссіи“, легшее въ основу нашего „Разговора“, не есть собственно хроника, но задается опредѣленною историческою мыслию. „Строго говоря, *Краткое описаніе Малороссіи*, пишетъ его издатель, нельзя назвать хроникой или лѣтописью, т. е. погодной запиской о прошлыхъ событіяхъ; скорѣе это краткая систематическая исторія Малороссіи съ эпохи великокняжеской до 30-хъ годовъ XVIII вѣка, хотя и изложенная по годамъ. Составленіе ея указываетъ на тотъ любопытный моментъ въ исторіи общественнаго развитія въ южной Руси, когда здѣсь періодъ лѣтописанія приходилъ къ концу, и въ средѣ болѣе образованныхъ слоевъ малороссійскаго общества явилась потребность въ систематически связанной исторіи края. Первой попытки удовлетворить эту потребность нельзя не видѣть въ замѣчательномъ для своего времени трудѣ гадяцкаго

¹⁾ Оно издано въ книгѣ: „Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ, съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ „Хмельницкой“, „Краткаго описанія Малороссіи“ и „Собранія историческаго“. Кіевъ. 1878.

полковника Григорія Грабянки, челоуѣка ученаго и книжнаго, близко знакомаго съ малороссійскимъ и польскимъ лѣтописаніемъ. Составляя около 1710 года свою „Исторію о презѣльной брани“, онъ предпослалъ ей введеніе „о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени, купно-же и древнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ“, послѣ чего слѣдуетъ у него сказаніе, „како Малая Россія подпаде лядскому игу“, начинающееся отъ стараго Владиміра и междуособія его сыновей. Но Грабянка не сумѣлъ до конца выдержать роли историка: съ эпохи Богдана Хмельницкаго его исторія болѣе и болѣе впадаетъ въ тонъ лѣтописи. Можетъ быть поѣтому, а вѣрнѣе вслѣдствіе разбросанности и многорѣчивости, трудъ Грабянки не вполне удовлетворялъ требованіямъ земляковъ, желавшихъ имѣть сваяную исторію своей родины. И въ отвѣтъ на эти требованія явилось „Краткое описаніе Малороссіи“. Основная мысль этого сочиненія — поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта мысль, помимо содержанія, видна уже въ самомъ заглавіи „Краткаго описанія“, гдѣ неизвѣстный историкъ Малороссіи ставитъ себѣ задачей показать, „какъ она, послѣ самодержавія великаго князя Владиміра, была подъ польскимъ владѣніемъ, и какъ не скоро послѣ того, по изгнаніи изъ оной ляховъ гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ, приведена подъ высокодержавную руку государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійскаго“, и проч. Исходя изъ этой мысли и въ виду цѣлей преимущественно систематизаціи, автору „Краткаго описанія“ не было нужды собирать историческія свѣдѣнія, подобно своему предшественнику, „зъ разныхъ лѣтописцовъ и изъ діаріушовъ и самобитныхъ старожиловъ свидѣтельствъ“: воспользовавшись довольно обстоятельнымъ трудомъ Грабянки, онъ выбралъ изъ него все, что считалъ болѣе важнымъ въ исторіи Малороссіи, и передалъ это въ формѣ простаго и чрезвычайно сжатаго, но яснаго разсказа, доведя изложеніе событій по 1734 годъ. Что „Краткое описаніе“ есть компиляція или, вѣрнѣе, выборка изъ лѣтописи Грабянки, въ этомъ легко убѣдиться, сличивъ эти сочиненія между собою; но, нужно отдать справедливость, компиляція эта составлена весьма искусно, такъ что представляетъ гораздо болѣе стройности и цѣлостности, чѣмъ ея оригиналъ. Языкъ „Описанія“ гораздо болѣе приближается къ русскому литературному языку XVIII вѣка, нежели

въ другихъ малороссійскихъ лѣтописяхъ; въ немъ нѣтъ подражательности польско-латинскому стилю, какая замѣчается въ лѣтописи Велички, и оно совершенно чуждо вычурности и церковно-славянской риторикѣ лѣтописи Грабянки. Собственно въ немъ отброшена многорѣчивость послѣдней и принято только фактическое ея содержаніе, отчего „Описаніе“, будучи по объему вдвое меньше лѣтописи Грабянки, немного уступаетъ въ полнотѣ содержанія своему оригиналу... Не смотря на множество фактическихъ и хронологическихъ ошибокъ, „Краткое описаніе Малороссіи“, благодаря краткости и ясности своего изложенія, вполне, какъ видно, пришлось по вкусу современникамъ и вскорѣ получило широкое и довольно разнообразное употребленіе. Такъ, историкъ Малороссіи Н. Маркевичъ свидѣтельствуетъ, что гетманъ Разумовскій приказалъ сдѣлать съ этой хроники копію, оригиналъ которой онъ подарилъ потомъ академіи наукъ. Копія впоследствии находилась въ яготинской бібліотекѣ князя Василія Николаевича Рѣпина, а имъ получена по наслѣдству отъ матери его, княгини Варвары Алексѣевны, урожденной графини Разумовской, родной внуки гетмана. Этимъ же спискомъ пользовался и самъ Н. Маркевичъ, постоянно называя его въ своихъ ссылкахъ „лѣтописью гетмана Разумовскаго“. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1777 году, членъ Вольнаго Россійскаго Собранія при московскомъ университетѣ Василій Григорьевичъ Рубанъ издалъ свою „Краткую лѣтопись Малыя Россіи“, будто-бы полученную имъ отъ преосвященнаго Георгія Конисскаго; но эта лѣтопись есть не что иное, какъ буквальный почти списокъ „Краткаго описанія“. Небольшая разниця между ними замѣчается въ томъ, что языкъ лѣтописи Рубана новѣе и чище, и кромѣ того нѣкоторыя событія (напр. войны Хмельницкаго) переданы болѣе сжато, иныя-же дополнены по другимъ записямъ; но для насъ ясно, что эти, чисто стилистическія, впрочемъ, измѣненія должны быть приписаны кіевскому полковнику, впоследствии канцлеру и свѣтлѣйшему князю, Александру Андреевичу Безбородку, который, какъ видно изъ предисловія, дополнилъ лѣтопись Рубана изложеніемъ событій съ 1734 по 1776 годъ, а также составилъ „Изъявленіе образа правленія въ Малой Россіи“ и приложилъ списокъ гетмановъ и другихъ старшинъ. Спустя 16-ть лѣтъ послѣ изданія лѣтописи Рубана, та-же самая хроника „Краткое описаніе“ послужила основой и для другаго историческаго сочиненія о Малороссіи, издавнаго въ 1788 году въ Парижѣ Шереромъ,

подъ заглавіемъ: "Annales de la Petite Russie". Между прочимъ, этой хроникѣ суждено было войти, хотя отчасти, въ составъ одного изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ малороссійской исторической письменности — лѣтописи Самовидца. Это случилось въ половинѣ прошлаго вѣка. Одинъ изъ переписчиковъ лѣтописи Самовидца, желая округлить ее, списалъ изъ „Краткаго описанія“ начало, гдѣ рассказывается о событіяхъ въ Малороссіи до войнъ Хмельницкаго, причюилъ къ лѣтописи Самовидца въ видѣ историческаго введенія къ ней, и продолжилъ эту лѣтопись, прерывающуюся 1702 годомъ, рассказомъ о событіяхъ по 1734 годъ, списавъ его изъ того-же „Описанія“. Въ такомъ видѣ одинъ изъ списковъ лѣтописи Самовидца попалъ въ руки Бодянскаго, который при изданіи лѣтописи слѣдовалъ этому списку преимущественно ¹⁾).

Авторъ „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“, очевидно, тоже принадлежалъ къ числу почитателей „Краткаго описанія Малороссіи“; но онъ не ограничился лишь заимствованіемъ историческаго матеріала изъ этого описанія и восполненіемъ его изъ доступныхъ ему источниковъ, а повелъ дѣло далѣе, подчинивъ этотъ матеріалъ опредѣленной, тенденціозной мысли и придавъ ему посильную литературную отдѣлку.

Мы уже знаемъ, что основною мыслию „Краткаго описанія Малороссіи“ было поставить собственно козацкій періодъ исторіи Малороссіи въ непосредственную связь съ эпохой болѣе ранней—великокняжеской. Эта-же мысль отражается и на разсматриваемомъ нами „Разговорѣ“; но ближайшею, непосредственною задачею его было показать исконныя родственныя связи Малороссіи съ Великороссіей, существовавшія уже при первыхъ русскихъ князьяхъ, которыя временно нарушены были польскимъ владычествомъ надъ Малороссіей, но тѣмъ не менѣе всегда побуждали послѣднюю воссоединиться съ Великороссіей, а по воссоединеніи оказывать ей и русскимъ государямъ важныя услуги. Отсюда самъ собою слѣдуетъ выводъ, что Малороссія заслуживаетъ полной признательности и справедливости со стороны Великороссіи. Ближайшимъ поводомъ къ составленію „Разговора“ могла быть перемѣна правительственныхъ отношеній къ

¹⁾ Лѣтопись Самовидца съ приложеніями, Кіевъ, 1878 г., предисловіе стр. III—VIII.

Малороссія, послѣдовавшая со смертію Елизаветы Петровны, когда Екатерина II задумала уничтожить гетманское достоинство въ Малороссіи и сравнить послѣднюю съ Великороссіей и въ другихъ отношеніяхъ. Изъ „Разговора“ видно, что на Малороссію теперь стали уже смотрѣть довольно косо, какъ на авантюристку, переходившую отъ одного государства къ другому, которая присоединилась къ Россіи только по необходимости, вслѣдствіе крайняго истощенія своихъ силъ въ борьбѣ съ врагами, и подъ владычествомъ Россіи запятнала себя измѣною въ лицѣ Мазепы. Чины малороссійскіе считались ниже соотвѣтствующихъ чиновъ великорусскихъ, да и самая Малороссія признавалась какъ бы вассальною странюю по отношенію къ Великороссіи. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II нѣкоторые изъ малорусскихъ архіереевъ жаловались на приниженіе малорусскихъ духовныхъ лицъ предъ великорусскими въ это время. Въ 1763 году бѣлгородскій епископъ Іоасафъ Миткевичъ писалъ одному полтавскому пріятелю своему слѣдующее: „Бѣда да горе! всѣ теперь малороссіяне вездѣ въ крайнемъ презрѣніи; самые честные люди остаются съ нашихъ, а въ Тѣерь, а въ Владимірѣ промованы, которіи еще и недавно монахами съ русскихъ, однакъ добріе люди и достойные. Сіе по прочетѣ прошу сожечъ; а я разсуждая теперь пребѣдное отчества состояніе, плачу и воздыхаю. Господи помилуй“¹⁾. Въ виду такихъ обстоятельствъ, авторъ „Разговора“, какъ малорусскій патріотъ, старается доказать историческими фактами, что Малороссія искренно и чистосердечно присоединилась къ московскому государству и оказала ему громадныя услуги, что на нее не должно падать нареканіе за измѣну Мазепы, какъ единичнаго лица, которому не сочувствовала Малороссія, и что подобныхъ Мазепѣ измѣнниковъ своимъ государямъ въ самой Великороссіи было гораздо больше, чѣмъ въ Малороссіи. А какъ добровольно присоединившаяся къ московскому государству и постоянно остававшаяся ему вѣрною, она имѣетъ права на нѣкоторыя своеобразныя особенности, унаслѣдованныя отъ прежнихъ временъ, и на равенство съ Великороссіей въ чинахъ. Вотъ какъ отвѣчаетъ Малороссія Великороссіи въ „Разговорѣ“:

¹⁾ Нѣсколько страницъ изъ хроникъ вѣнорусской епархіальной жизни въ прошломъ вѣкѣ, въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“, 1880 г., т. II, стр. 344.

Не тебѣ, государю твоему поддалась,
 При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
 Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
 Но государь твой и мой общій повелитель.
 А разность наша есть въ приложеніяхъ именахъ.
 Ты Великая, а я Малая живемъ в смежныхъ странахъ.
 Что-жь я Малой называюсь, а ты Великой,
 То какъ тебѣ, такъ и мнѣ ни мало не дико.
 Ибо твои предѣлы пространнѣе моихъ,
 А мои обширностями поменше твоихъ...
 Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ
 Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
 Почему почитаю тебя равну себѣ.
 Не говори: какъ обществу поддалась и тебѣ!
 Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя я меня,
 Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
 А не ты республикою повелѣваешь мною.
 Ничѣмъ не умаленна царемъ я предъ тобою,
 Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
 Обнадежена и впредь милостію тѣхъ.

Послѣднія слова даютъ понять, что „Разговоръ“ составленъ до упраздненія гетманскаго достоинства, съ отказомъ Разумовскаго отъ гетманства въ 1764 году. Это отчасти подтверждаетъ и самый языкъ „Разговора“, по словамъ Бецкаго, значительно „омоскалившійся“, который на этомъ пути занимаетъ середину между „Краткимъ описаніемъ Малороссіи“ 1734 года и „Краткою лѣтописью Малыя Россіи“ Рубана, 1777 года.

Въ видахъ публицистическихъ, авторъ придалъ своему „Разговору“ литературную форму и отдѣлку. „Разговоръ“, очевидно, писанъ лицомъ, получившимъ образованіе въ южно-русскихъ школахъ прошлаго вѣка и, можетъ быть, въ кievской академіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ силлабическія вирши „Разговора“, также нѣкоторыя излюбленные южно-русскими школьниками сюжеты, попадающіеся въ „Разговорѣ“, наконецъ и самая литературная форма этого произведенія. Послѣ появленія тоническаго стихосложенія Ломоносова, силлабическія вирши продолжали употребляться только въ южнорусскихъ школахъ и употреблялись здѣсь приблизительно до 1767 года¹⁾. Здѣсь, съ легкой руки Θεофана Прокопо-

¹⁾ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занатіяхъ въ кievской академіи“ отъ начала ея до преобразованія въ 1819 году“, въ „Трудахъ Кiev. Дух. Академіи“, за іюль, 1866 г., стр. 330.

вича, седмая элегія Овідія въ 1-й книгѣ его *Tristium* передѣлывалась южнорусскими стихотворцами на разные лады¹⁾. Подобную передѣлку той-же самой элегіи мы встрѣчаемъ и въ „Разговорѣ Великороссіи съ Малороссіей“, влагаемую здѣсь въ уста козаковъ, оплакивавшихъ смерть Богдана Хмельницкаго. Самая форма произведенія,—разговоръ или діалогъ, тоже очень нерѣдко встрѣчается въ южнорусской школьной литературѣ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ, между произведеніями южнорусскихъ ученыхъ: „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ или пѣвцомъ“ и „Разговоръ гражданина съ тектономъ или древодѣлемъ“ Ѳ. Прокоповича, Діалогъ двухъ учениковъ предъ Елизаветою Петровою въ 1744 году, Діалогъ пастырей, писанный послѣ 1750 года, Разговоръ священника съ іеромонахомъ объ ожидаемомъ улучшеніи быта духовенства, послѣ 1775 года²⁾, Стихотворный сатирическій разговоръ кіево-печерскихъ монаховъ, 1 мал, 1786 года, по поводу предстоявшаго отобранія монастырскихъ имуществъ въ казну³⁾, и др. По своему строю и складу, „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ ближе всего подходитъ къ разговорамъ Ѳеодана Прокоповича и отчасти къ „Разговору священника съ іеромонахомъ“, отличаясь отъ нихъ только стихотворнымъ размѣромъ. Что-же касается содержанія и характера, то въ этомъ отношеніи нашъ „Разговоръ“ стоитъ гораздо выше означенныхъ разговоровъ Ѳ. Прокоповича и „Разговора священника съ іеромонахомъ“ и можетъ быть поставленъ рядомъ съ замѣчательнымъ по своему времени драматическимъ произведеніемъ кіевской академіи, подъ заглавіемъ „Милость Божія“, 1728 года. Последняя пьеса написана по поводу возшествія на престолъ Петра II и восстановленія гетманскаго достоинства въ лицѣ Данила Апостола и съ благоговѣніемъ воспоминаетъ Богдана Хмельницкаго, какъ идеальную личность въ козацкой исторіи⁴⁾. Равнымъ образомъ и „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“, пробѣгая всю почти исторію Малороссіи, съ особливою внимательностію и любовію останавливается на эпохѣ Богдана Хмельницкаго и ставитъ его въ центрѣ мало-

¹⁾ Тамъ-же за январь, 1867 г., стр. 101. См. моя „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, 1881 г., стр. 17.

²⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, 1881 г., стр. 26 и др.

³⁾ Издавъ въ „Русской Старинѣ“ за 1880 годъ.

⁴⁾ „Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка“ 1880 г., стр. 51 и слѣд.

русской исторіи. Сходенъ нѣсколько и анализъ чувствъ дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ. Но авторъ „Разговора“ писалъ уже его не на школьной скамьѣ и присматривался къ дѣламъ внутренней политики Россіи не изъ-за школьныхъ стѣнъ, а болѣе близко и непосредственно. Очень можетъ быть, что онъ и самъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ воинскихъ дѣлахъ, о которыхъ въ первый разъ сообщаются свѣдѣнія въ его „Разговорѣ“.

Передаемъ самый текстъ „Разговора“, насколько онъ сохранился, съ подстрочными примѣчаніями къ нему, допустивъ въ орфографію его, въ мѣстахъ потребныхъ, и вм. господствовавшего и.

Н. Петровъ.

Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею.

Великорос- Кто ты такова родомъ, откуда взялася?

сія.

Скажи, скажи начало, съ чего произвелася?

Малороссія. Отъ древнихъ вазаровъ родъ веду и начало ¹⁾,

Названій сперва было у меня немало;

Ибо, по полунощныхъ разсѣянна странахъ,

Въ готскихъ, жмудскихъ и другихъ слыла я именахъ.

В.-Р. И нынѣ какъ зовешся—обяви точно мнѣ,

Подъ кимъ прежде жила, иль кто подлежалъ къ тебѣ?

М.-Р. Отъ разсѣяній Мадой Россіею слыву ²⁾,

Издавна своими было вождями живу

И неприятелямъ многимъ сопротивлялась,

Силою, храбро и бодро съ ними сражалась,

Потомъ къ полскимъ королямъ стала ужъ надлещать,

А оттуда отдалась другихъ царей искать.

¹⁾ О казарскомъ происхожденіи козачества довольно любопытную статью г. Изопольскаго помѣстилъ Виленскій сборникъ *Athenaeum*, издав. г. Крашевскимъ. См. »Исторію Новой Сѣчи«, А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., ч. 1, стр. 23.

²⁾ О производствѣ названія Россіи отъ »россѣянкія« см. »Синописисъ« Иннокентія Гизеля, Кіевъ, 1678 г., лист. 7.

- В.-Р.** Кому послѣ в защиту себя привернула
И кому повѣкъ уже служить присягнула?
- М.-Р.** Россійскаго Государя предъ всеми почла,
Ему добровольно себя вѣчно предала
- В.-Р.** Зачимъ было тебѣ отъ Полши отдилая,
Зачимъ другому государю предаваца?
Видно, что не можешь при одномъ долго служить,
Рвешься толко туда и сюда переходить;
Одна самовольность тебя к тому доводитъ,
Которая ненависть к тебѣ другихъ родить.
- М.-Р.** Сего вправду сказать ты не можешь про меня,
Будто по самовольности перехожу я:
Но видя толь славнаго Россійскаго царя,
Поддалась ему вѣчно, на турковъ несмотря,
Кои много разъ ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей имъ всемѣрно желали.
Я-жъ христіанскаго государя предпочла.
Ему в защищеніе повѣкъ себя дала:
Ибо тамъ силы мои много истощались,
Когда поляки злобно надо-мною здѣвались,
Почему здѣсь я уже на вѣкъ утверждена,
Силною рукою отъ враговъ будучи спасенна.
- В.-Р.** Такъ ты толко видно тѣмъ вздумала поддаци,
Что не могла своею тамъ силою защищаться,
А не по усердію и вѣрности прямой,
И сидя спокойно ползуешься толко мной?
- М.-Р.** Усердіе мое и вѣрность видишь явну,
Добровольну поддаци почета за вещь главну,
Чего ежелибы во мнѣ вправду не было,
Войско бы мое себя ему не поддало,
Но искало-бъ въ защиту свою власти другой.
Вспомни, что представила я выше предъ тобой!
И сего не можешь промолвить ты устами,
Будто одними живу твоими трудами;

Ибо в мирно толко время спокойно сижу,
А в воинское и своихъ есѣхъ силъ не щажу.

В.-Р. Да гдѣ и какіе твои силы и сколко?

М.-Р. Войска моего считается нынѣ столко,
Что можно сто иль болше еще тысячь набрать.
Ежели просто толко числомъ полки считать,
Но имѣю десять весьма доволныхъ полковъ),
Кои изъ самихъ лучшихъ состоятъ козаковъ.
А о мѣстѣ и качествѣ спрашивать странно,—
Оно въ своихъ предѣлахъ стройно и пространно.

В.-Р. Есть ли экзерциція воинская у нихъ,

И были-ль гдѣ в походахъ и именно в какихъ,
Кто надъ ними былъ и есть комендиръ главной,—
Представъ, буди знаешь ты, свой видъ какой явной.

М.-Р. Хотя экзерциція далной у мене нѣтъ,

Однакъ к воинскимъ дѣламъ привыкла з давнихъ лѣтъ
И неутомимой храбростію своей
Притупила непріятельскихъ много мечей.
Про проворство-жь мое воинское в походѣ
Скажу тебѣ, что было в трицять пятомъ годѣ.
Анны імператрици послѣдовалъ указъ
Выбрать изъ козаковъ сто для пробы одинъ разъ
И отослать онихъ до пруского короля,
Чтобъ обучить военной регули немедля,
Дабы из того лучше было можно усмотрѣть,
Какихъ козацкая храбрость есть въ себѣ примѣть,
Кои за одинъ годъ такъ остро обучены,
Что когда в Санктъ-Питербурхъ были приведены
И предъ самимъ Государыни оной лицемъ
Регулу воинскую оказали, во всемъ;

1) Въ 1776 году были слѣдующіе 10 полковъ: стародубскій, Черниговскій, кіевскій, вѣжинскій, прилукскій, переяславскій, лубенскій, гадячскій, миргородскій и полтавскій. См. »Изясненіе настоящаго образа правленія Малыя Россіи«, при »Краткой дѣтониси Малыя Россіи«, Рубана, 1777 года.

То Государыня при многихъ тамъ господахъ
 Дивуясь, изволила открытся в сихъ словахъ:
 Доволна-бъ я была,
 Когда-бъ гвардія моя такъ явится могла.
 И такъ онимъ козакамъ награжденіе давъ,
 Бъ Глухову означенны (х) при указѣ пославъ ¹⁾.
 Бросили козаковъ учить регули съ поръ тѣхъ,
 Разсуждая, что природна храбрость у нихъ всѣхъ.
 За той же Государыни на четвертой годъ (1739)
 Минихъ, ненавдя малороссійской народъ,
 Когда на вопросъ отъ Ея Величества данъ
 Злобно похулить вздумалъ всѣхъ малороссіянъ,
 То притомъ другой фельтмаршалъ Лессій обличилъ
 Оную Миниха неправость и обвинилъ,
 Что малороссійской народъ во всомъ усердній,
 Россійскому государству неслестно верній
 И въ сопротивленіяхъ воинскихъ такъ открытъ,
 Что никто себя тамъ по вѣрности нещадить ²⁾.
 В.-Р. С нетерпеливостію жду отъ тебя отвѣта,—
 Бывала-ль въ походахъ и которого дѣта!
 Скажи мнѣ и про своихъ начальниковъ главнихъ!
 А стройность твою уже вижу въ видахъ явнихъ.

¹⁾ Въ полномъ собраніи законовъ российской имперіи мы не нашли такого указа.

²⁾ О неблагопріятныхъ отзывахъ Миниха насчетъ козаковъ см. »Исторію Россіи«, Соловьева, т. XX, стр. 98, 117 и др. По словамъ же Географическаго Словаря (ч. II, стр. 18), »нѣсколько тысячъ человекъ (запорожскихъ козаковъ) ходили въ 1736 году съ фельдмаршаламъ графомъ Лассіемъ въ Крымъ и чинило арміи вспоможеніе при завоеваніи Перекопа, Козлова и ханской столицы Бахчисарая. За что фельдмаршалъ храбрые ихъ поступки при дворѣ такъ выхвалялъ, что имъ присланы были отъ Ея Величества, вмѣстѣ съ милостивою грамотою, одинъ большой и четыре малыхъ штандарта, съ государственнымъ гербомъ, бунчукъ, обшитый золотомъ парчею, серебрянная позолоченная булава для кошевого и другіе позолоченные серебряные и каменьями осыпанные знаки, также знатная сумма денегъ въ подарокъ«. См. Исторію Новой Сѣчи А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 101.

М.-Р.

Тысяча пятьсотъ шестого года

Первой гетманъ мой былъ сенаторскаго рода
Леславъ Ляцкоронскій. Сей когда мною управлялъ

Многократно съ козаками турковъ побиждалъ.

Двацять восьмь лѣтъ спустя Венжикъ Хмелницкій былъ:

Сей гетманъ подъ Заглавемъ орду мною поразилъ,

Которая какъ многочисленна ни была,

Храбрости однакъ моей одолѣть не могла.

Послѣ сорока лѣтъ потомъ гетманъ Свѣрговскій,

С которымъ вмѣстѣ былъ и господарь волоскій,

Одержалъ надъ турками четырнадцать побѣдъ,

Побивъ и плѣнныхъ много погнавъ за собою вслѣдъ.

Году тысяча пятьсотъ семьдесятъ шестого

Гетманъ Богданко татаръ крымскихъ плѣнилъ много,

А остальныхъ тамже наголову побилъ всѣхъ,

Повоевавъ разорилъ в татарскихъ странахъ тѣхъ ¹⁾.

В.-Р.

Знаю ужъ, что начальники твои гетманы.

Скажи еще признави (про знаки) и вимъ прежь имъ даны,

О побѣдахъ также, естли болше имѣла,

Скажи, надъ вимъ и съ какимъ при комъ гдѣ успѣла!

М.-Р.

Я въратцѣ выше сего объявила тебѣ,

Много распространять не хотѣла о себѣ

И тѣмъ побѣдъ своихъ пропустила не мало;

Но когда хочешъ слушать, скажу и начало.

¹⁾ О первыхъ гетманахъ здѣсь сказано на основаніи > Краткаго описанія Малороссіи < 1734 г. Мы приводимъ изъ него соотвѣтствующія мѣста по кievскому изданію 1878 года. > И въ року 1506 первый былъ гетманъ войскъ запорожскихъ изъ фамиліи сенаторской именуемый Прецлавъ Ляцкоронскій. Сей многократно землю турецкую съ козаками щастливо воевалъ... 1534. Послѣ того былъ гетманомъ запорожскимъ козакъ Венжикъ Хмелницкій и побилъ великую орду подъ Заславямъ на Волинѣ. 1574. Опослѣ же, при королѣ полскомъ Генрикѣ французѣ, былъ гетманъ запорожскій Свѣрговскій, который з Иванею, господаремъ волоскимъ, по 14 щастливихъ имъ войнахъ на турковъ, на остатокъ от турковъ в Волохахъ убитъ zostалъ со всѣмъ войскомъ. 1574. Послѣ былъ гетманъ Богданко. Сей повоевалъ Крымъ. (стр. 212 и сл.).

Козаки издавна воинскими дѣлами

Бывали весьма храбри своими полками.

На вѣрпкой тотъ городъ Цариградъ наступали,

Турковъ и татаръ безчисленно поражали,

Самоволно ходили в помочь царствамъ инимъ,

Безъ платежа служили королевствамъ другимъ,

По воинской охотѣ себе не щадили,

Рѣки переплавали, моря переходили.

Одна та в принятію великихъ нуждъ гнала,

Одна та войной прославляется понуждала,

Не могла терпѣть и лѣта моя живна кровь,

Чтобъ не послать куда на брань своихъ козаковъ.

Да и сами они нарѣкали на меня,

Если когда сврою войну, в дому ихъ держа.

С великимъ стремленіемъ бѣжали сражаться,

В несвязанніи труды горѣли вдаваться,

За отечество, вѣру и вѣрность всѣ бились.

В многихъ опасностяхъ безстрашни находились.

„Доставъ, доставъ, небо, предковъ нашихъ цѣлость намъ!

Доставъ,—кричали,—чтобъ мы не служили врагамъ“!

Россія Малая в цѣлости своей зовусь,

За сыновъ своихъ з неприятелиа в кровь бьюсь.

Сыновя мои вѣрни пребудутъ в вѣкъ при мнѣ,

Додержать до конца добру храбрость при себѣ

Самопалы, обухи, луки, колчаны стрѣлъ

И списы—оружіе ихъ было из давнихъ временъ.

Тѣмъ однѣмъ предѣлы свои прежь защищали,

С тѣмъ однѣмъ и вдалъ к неприятелю ступали.

А о множествѣ толь храбрыхъ козаковъ моихъ

Напомню тебѣ то, что нѣкто сказалъ про нихъ.

Когда салтанъ турецкій объ нихъ спрашивать сталъ,

Именемъ всего общества одинъ отвѣчалъ:

„У насъ что лоза или байракъ, то и козакъ“.

Ибо в малыхъ буреняхъ жили по сту, двѣстѣ

И поболше козаковъ согласно всѣ вмѣстѣ,

Коихъ упражненіе состояло въ войнѣ.
 Гнали непріятелей звнутрь себя и внѣ
 И такимъ образомъ славились побѣждая,
 Богатились, воински добычи взимая.
 В тысяча пятьсотъ пятомъ году татаръ збили,
 Огнемъ и мечемъ всю землю ихъ поразили.
 До тѣхъ поръ козаки с выборными своими
 Продолжали брань кровну з землями чужими.
 Потомъ Стефанъ Баторій король полскій славній
 Привелъ козаковъ еще в лучшей строй и главный;
 Ибо чрезъ годъ гетмана над ними поставилъ,
 Волности вновь надалъ и прежніе доставилъ,
 И прислалъ ему арматы, бунчукъ з булавою
 И всякіе воинскіе припасы з корогвою,
 Учредивъ тожъ по гетманѣ обозныхъ судей,
 Асауловъ, здѣлавъ порядокъ в ихъ странѣ всей,
 Опредѣливъ также и полковниковъ в полбахъ,
 Привилегіями ствердилъ въ вѣчныхъ временахъ.
 При семъ королѣ первій гетманъ опредѣленъ,
 Кой в исчисленіи краткомъ выше объявленъ.
 На тысячу миль Азію повоевали,
 Тогда и Трапезонъ в турковъ козаки взяли
 И подъ Константинополемъ с своими браты
 Побрали тожъ добычи многія богаты.
 А при гетманѣ Шаху (1577 года) молдавцовъ побили,
 Тагъ что все ихъ войско в крайней бѣдѣ стѣснили.
 Гетманъ Петръ Канашевичъ Кефу городъ досталъ
 И многихъ плѣнныхъ своихъ отъ турковъ назадъ взялъ.
 Онъ же и подъ Хотѣню тагъ ихъ преодолѣлъ,
 Что из всего войска едва полкъ остался цѣль ¹⁾.

¹⁾ О гетманахъ со времени Стефана Баторія, упоминаемыхъ въ ›Разговорѣ‹, въ ›Краткомъ описаніи Малороссіи‹ говорится слѣдующее: ›При Стефанѣ-же Баторія королѣ полскомъ, в томъ же 1576 году, козаки въ лучшей порядокъ устроены, который, ради ихъ мужества, поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то есть рицеръ с самопаломъ,

Видишь, какъ силна я войскомъ своимъ была
Прежде, и какъ подъ полскою короною жила!
Сего объявленія храбрости отъ меня

Довольно уже, думаю, будетъ для тебя.

В.-Р. Ахъ, какъ ты скучна! уже-ль тебѣ говорить лѣнь?

Для сихъ забавъ пожалуй, проводи со мною день!

М.-Р. Достанется и ночи, какъ загремлю войною.

Храбрость моя пространна,—бодрствуй только со мною!
Я тебе къ той точкѣ привела своею рѣчью,

Какъ жила подъ Полщею з Запорожской Сѣчю
И на войнахъ была з своими козаками,
Побѣждая и обладая городами.

А нынѣ объявлю ужъ со славой то время,

Какъ сложивъ зъ себя ляховъ несносное бремя,
Воевала с ними и з другими народы,

Проходя многотрудно горы, поля, воды;
Покажу и причину, зачѣмъ отдалилась;

Представлю, что не безъ обиды съ нею билась.

Начали ляхи к западной церквѣ приводить,

Несносни дани налагать, за недачу-жъ бить;

Козацкихъ дѣтей в котлахъ тирянско варили,

Женамъ сосцы отрѣзвали и мертвили ¹⁾.

на голубѣ колпакъ перекирвленый, и рогъ при боку... Да тотъ же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ... В то время козаки, напавши в Азию, на 1000 миль повозвали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и под Константинополью користи побрали (стр. 214)... Да въ томъ же 1577 году былъ гетманъ запорожскій... Шахъ, при которомъ козаки... многие бѣды волохамъ нападками дѣлали... Петръ Конашевичъ Сагайдачный гетманомъ отозвался, который съ козаками Кафу, турецкій городъ надъ моремъ (нынѣ Феодосія), завоевалъ и, многихъ христьянъ оттуду свободивши, съ богатыми користми вернулся... Року 1621 Сагайдачный пакъ учиненъ гетманомъ, который..., собравши 6000 реестровыхъ козаковъ, ходилъ съ ляхами подъ Хотынъ на турка, котораго тамъ и побѣдили « (стр. 215—216).

¹⁾ Соответствующее мѣсто въ «Краткомъ описаніи Малороссіи» читается такъ: поляки «великую свободу козакамъ отняли и тѣжкіе и вымыслные подати

И что только ко озлобленію вздумать могли,
 Производили въ дѣло: грабили дома, жгли.
 Для того за такое нарушеніе церквей
 И страшное мученіе козацкихъ дѣтей,
 Выбравъ гетманомъ Тараса надъ собой всѣми,
 Сыграли войну подъ Переясловомъ съ тѣми,
 Гдѣ поляковъ побито премногое число;
 Не мало тожъ и в полонъ въ мою страну пришло ¹⁾.
 До тогожъ за трицать одинъ годъ в полскихъ странахъ
 Гетманъ Наливайко Слуцкъ и Могилевъ сжегъ въ прахъ
 И безиѣрное побилъ тамъ множество ляховъ,
 Приводившихъ къ западу восточныхъ козаковъ ²⁾,
 Кои с тѣхъ поръ начало в войнѣ возимѣли,
 На ляховъ с полками своими запумѣли.
 Почему тѣ со мною то лестно примирились,
 То опять, нарушая миръ, драгся вновь рвались.
 И какъ ни начинали жестокою войну, —
 Поражали козаки силу ихъ не одну.
 По переясловской войнѣ десять лѣтъ спустя,
 Ляхи козаковъ войною погубить всѣхъ хотя,
 Не только успѣху в мысляхъ не получили,
 Но и сами еще себя тамъ погубили;
 Ибо в презестокомъ вимерзли всѣ морозѣ
 И с лошадей падая погибли в обозѣ ³⁾.

наложили необычно, церкви и образы церковные жидамъ распродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, жонкамъ перси деревомъ витискали и прочая « (стр. 218).

¹⁾ » 1628. Ради великихъ тягостей и озлобленій не токмо козакамъ, но и церквамъ русскимъ, отъ поляковъ творимыхъ, повставши козаки на ихъ, обрали гетмана Тараса и, учинивши съ ляхами баталію подъ Переясловомъ, множество ихъ побили и примирились «. Тамъ-же, стр. 217.

²⁾ » За тую ж унѣю (1594) взявшись потомъ противъ ляховъ, гетманъ запорожскій Наливайко съ козаками Слуцкъ и Могилевъ спалилъ и ляховъ многихъ спалилъ «. Тамъ же, стр. 215.

³⁾ » Въ томъ року 1638 собралися—били козаки с Полторакожухомъ гетманомъ на Мерлѣ, но тамъ розбѣглися, послыхавши о приходѣ князя Вишневец-

А при свободители всей Малой Россіи
 Какъ славно пораженны были ляхи сіи!
 / Храбрій тотъ Хмелницкій козаковъ предводитель
 Много разъ оставался надъ ними побѣдитель.
 Онъ отдалилъ отъ Полши всю козаковъ силу,
 Окружилъ ляховъ войскомъ среды и стылу.
 Тамъ отъ ревучого треску стогнала земля,
 Пала на мѣстѣ не одна тысяча етенья.
 Звугъ огненныхъ оружія давалъ эхо лѣсамъ,
 Стался густой дымъ в поляхъ по полскимъ головамъ;
 Рвы, долины ровнялись съ холмами, горами,
 Наполнены были кровавыми рѣками.
 А кои имѣли щастіе в живихъ остаться,
 Начали все отъ страху въ бѣгство обращаться.
 Почему тогда Потоцкій гетманъ коронный,
 Ободряя всякой полкъ свой пѣшой и конный,
 Принуждалъ къ сопротивленію козакамъ тѣмъ:
 Стыдно, говорилъ, не защищать себя намъ всѣмъ.
 И хотя ляхи оправиться опять рвались,
 Однакъ какъ снопи при силныхъ мечехъ валялись.
 Причемъ преужасному дождю быть случилось,
 Итакъ все ружье ихъ огненно помочилось.
 Симъ образомъ поляки главно пораженни,
 Такъ что все ужъ къ послѣдней бѣдѣ приведенни.
 Сынъ Потоцкого, два рази раненъ стрѣльбою,
 Палъ с лошадей и умеръ на ономъ же бою.
 Обозъ ихъ разграбленъ, протчіе побраны в плѣнъ.
 Одна толко мертвихъ осталась на поляхъ тѣнь,
 Да Грешинскій, который по щастію убѣжалъ,
 Но и тотъ отъ козаковъ много ранъ тамъ досталъ ¹⁾.

кого. Однакожь тогда и безъ войны поляковъ многое число погибло от жестокихъ морозовъ«. Тамъ-же, стр. 218.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о битвѣ надъ Желтыми Водами, 1648 г. > По веснѣ гетманъ коронный и каштелянъ Павелъ Потоцкій командировалъ сына своего Стефана въ 6,000 ляховъ полемъ, а Барабаша, учинивши за присягою гетманомъ

Потомъ того-жъ шестьсотъ сорокъ осмого году
 Ляхи, ваявъ еще своего много народу,
 Собрались подъ Корсуномъ съ арміею другой,
 Гдѣ услышавъ о славной козацкой силѣ той,
 Стали было отъ страху проломомъ уходить,
 Чтобъ и другой арміи также не погубить.
 Но козаки приспѣвъ ляховъ с лошадей збили
 А пѣхоту полску такъ крѣпко воспятили,
 Что поляки и нехотя зсѣдши съ лошадей
 Войну имѣли с козаками нѣсколко дней,
 Гдѣ побити на голову многіе изъ нихъ,
 И обозъ также весь тамъ бѣдно разграбленъ ихъ.
 Здѣсь козаки, при помочѣ кримскаго хана,
 Плѣнили Потоцкого полскаго гетмана
 И другого Калѣновскаго въ полонъ взяли,
 Причемъ и полководцовъ много тежъ побрали ¹⁾.

запорожскимъ, въ 6,000 реестровыхъ козаковъ водою днѣпровскою при жолнѣрахъ нѣмецкихъ, зовемыхъ гусария, на Запорожьѣ виправилъ ловить тамъ и разгромить Хмельницкаго... Но Хмельницкій вишолъ з луговъ въ поле на Жолтые Воды, первѣ послалъ Ганджу до реестровыхъ козаковъ къ Днѣпру перемовлять ихъ на свою сторону и перемовилъ, где заразъ Барабаша Хвиловъ Дженджелѣй скололъ сонного, а потомъ и всю старшину ихъ и лядскихъ полковниковъ то побили, то потопили, и из драгунѣю нѣмецкою, ляхамъ измѣнившею, до Хмельницкаго пришли. И такъ, когда генераль сынъ Потоцкого наспѣлъ съ войскомъ своимъ до Жолтихъ Водъ, тотъ часъ баталѣя сдѣлалась и прогнаны ляхи къ Княжимъ Байракамъ, где Потоцкій убитъ zostалъ, а с нимъ и комѣсаръ казанкій, и войско его иное въ полонъ взято..., а иныхъ посѣчено съ помощью татаръ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220. Но здѣсь ничего не говорится о Грешинскомъ, упоминаемомъ въ »Разговорѣ«.

¹⁾ »Того жъ року (1648), якъ собралися гетмани полскіе, самъ Потоцкій коронній и Калѣновскій полный, съ войскомъ полскимъ отъ Стеблева, за мило будучи къ Корсуну, и начали битися съ козаками и татарами«. Обманутые ложнымъ извѣстіемъ о приближеніи большихъ силъ татарскихъ и козацкихъ, они пошли было на проломъ и заведены провожатымъ козакомъ въ долины, яруги и болото. »Когда ляхи одни на гору ступали, а другіе въ болото входили, тогда Хмельницкій вдарилъ на нихъ и обозъ разгромилъ весь, и ихъ посѣкши, козаки користи забрали, гетмановъ-же обѣихъ съ прочими панами полскими взяли татаре въ полонъ«. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 220—1.

Заставляла поляковъ кровна побѣда та
 Просить у козаковъ оставшимся живота.
 В томъ же годѣ тотъ-же гетманъ Зѣновій Богданъ
 Подъ Пилявцами городомъ имѣлъ с ними брань,
 Гдѣ онъ с четырма тысячами козацкихъ силъ
 Да татаръ столко жъ ужасно ляховъ поразилъ.
 Шестъдесять тысячъ рядовихъ поляковъ пало,
 А и знатнаго шляхетства также не мало ¹⁾.
 Страхъ и трепеть Хмельницкій полскаго народа,
 Побѣдилъ ихъ и подъ Збаражемъ того-жъ года,
 Онъ же и подъ Зборовомъ далъ себя славно знать,
 Вѣчно будутъ ляхи тотъ проиграшъ вспоминать.
 Во время ужаснаго бою на мѣстѣ томъ,
 В пророчество бѣды полякамъ, ударилъ громъ.
 И когда трѣскучіе облака наступили,
 То и знамена и корогви ихъ разбили.
 Не было пищи имъ, ни корму ихъ лошадямъ,
 Для того всѣхъ оныхъ отогнали къ козакамъ,
 А сами по неволѣ той пѣши остались,
 Не бились уже, но жизни отчаевались.
 Ибо окопалъ ихъ Хмельницкій округъ валомъ
 И стѣснилъ войско оныхъ в одномъ мѣстѣ маломъ,
 Такъ что послѣдній конецъ приходилъ имъ уже.
 Поѣли бывшіе съестные припаси всѣ,
 Почему здѣлался великой голодъ у нихъ:
 Начали ляхи искать у полѣ костей гнилихъ;
 З жадностію ѣли мясо смраднихъ лошадей;
 Ловили для пищи кошегъ, собакъ и мишей.

¹⁾ » Да того жъ 1648 року, сентеврия послѣднихъ чисель, под Пѣлявкою городкомъ страшная война была съ превеликою ляховъ бѣдою, где шестъдесять тысячъ ляховъ пановъ, а слугъ и пахолковъ ихъ стройно шесть тысячъ, ружейныхъ втрое противъ того числа, Хмельницкій съ козаками и съ 4000 татаръ при Карачѣ бею Мурзѣ, побѣдивши, однихъ порубилъ, другихъ прогналъ « Тамъ-же, стр. 222.

За одну песю лапку другъ зъ другомъ въ кровь бились.
 Страшно и жалко смотрѣть было, какъ жилились:
 За маленькую криху (по другому списку — *крису*) на
 поединокъ шли,

Одну оную на тысящия части влекли;
 Ини-жь жарку землю кусали зубами,
 С конскимъ навозомъ рвали оную устами ¹⁾.
 Смотри, до чего храбрость козацка привела!
 Разуждай, какъ Полца отъ ней стѣснена была!
 Но сего недоволю,—скажу еще много,
 Чтò было ей того-жь году сорокъ осмого.
 Козаки подъ Берестечкомъ с помочю татаръ
 Вступили с ляхами в сильной сраженія жаръ,
 Гдѣ славны ротмистри с полковникомъ Стаднѣцкимъ
 И прочие знатнѣйшіе побити Хмелницкимъ.
 Знатнѣйшихъ число до пятисотъ простиралось,
 А рядовихъ всѣхъ нѣсколко тысячь считалось.
 Одинъ же тотъ годъ и подъ Бѣлу-Церковъ водилъ,
 Одинъ тотъ-же ляховъ и тамъ сильно поразилъ.
 Хмелницкого предводителство и тамъ было,
 Хмелницкого щастіе и тамъ войнѣ помогло.
 Онъ безстрашно и горячо вступилъ въ брань с ними,
 Разбилъ тожь все ихъ войско полками своими.

¹⁾ » Ханъ крымскій съ ордою самъ до Хмелницкаго пришолъ въ 1649 року, съ которымъ когда войско козацкое совокупилось подъ Збаражемъ, то и поляки, виведши полки, обози свои валомъ обнесли. Однако въ окопѣ многіе отъ стрѣлбы козацкой пропали, чего ради тѣснѣйше другіе вали здѣлали себѣ и потомъ еще узшіе, далѣе же конѣ свои за окопъ къ козакамъ вигнали, а на остатокъ для стѣсненія ихъ самъ Хмелницкій велѣлъ окопать вокругъ валомъ, где поляки, по истощаніи живности, съ голоду конские мяса и собачие и кошечие и миши ѣли, землю спеклую кусали зубами; тамъ козаки ляховъ облеженцовъ, близко къ нимъ приходячи, исповѣдимо ругали и укоряли по-своему «. Поляки дали тайно знать о своемъ положеніи королю, который съ 20,000 отборнаго войска уже приближался къ Збаражу. » Но Хмелницкій, туда съ комонникомъ и с татарами пошедши противъ короля и нечаянно вдаривши на обозъ подъ Зборовонъ, первѣе пѣхоту, раздѣлившуюся въ маршѣ, а потомъ конницу лодскую посѣкъ «. Тамъ-же, стр. 224—225.

Мертвыми тѣлами поля были покрыты,
 Тысячи самихъ знатнѣйшихъ ляховъ побиты,
 Чего и Воловичъ главнѣй ихъ не избѣжалъ,
 Силною рукою весь избѣченъ мертвъ на землю палъ.
 Стенаніе раненыхъ отдавала земля,
 Шумѣла горячей побитыхъ кровю кипя.
 Тамъ солнечніе лучи тупо проходили,
 Густыя тѣни тѣлъ мертвыхъ холми покрыли;
 Поля багряннымъ были залиты все блескомъ,
 Рвались лѣса козацкимъ огненнымъ трескомъ;
 Усугублялъ облаки тамъ густой дымъ с огнемъ;
 Грозилъ еще козагъ ляхамъ кровавымъ мечемъ,
 Рвался, ярился или самому в конецъ пасть,
 Иль до остатку избить всю области ихъ часть;
 Свивалась пѣна бѣлымъ клубкомъ въ устахъ его,
 Казаля еще громъ на ляха врага того,
 Искалъ онъ по вертепамъ, пропастямъ земнымъ, рвамъ,
 Хотѣлъ и память истребить к вѣчнымъ временамъ¹⁾.
 Такимъ убѣжденни будучи ляхи страхомъ,
 Даби не пошла вся земля ихъ въ конецъ прахомъ,
 Слезно козаковъ начали о мирѣ просить,
 Обѣщая имъ все волности возстановить,
 Почему Хмельницкій со всемъ козацкимъ зборомъ
 И заключилъ с ними миръ с онимъ договоромъ.
 Но и слѣдующему лѣту понеже опять
 Лестніе ляхи стали козаковъ утѣснять
 И препятствовали сыну его во всю мочь
 Взять за себя волоского (вар. молдавского) госпо-
 даря дочь;

¹⁾ Здѣсь говорится о битвахъ козаковъ съ поляками подъ Берестечкомъ и Бѣлою-Церковію, происходившихъ не въ 1648 году, какъ значится въ «Разговорѣ», а въ 1651 году. Битвы эти были несчастны для козаковъ; но «Разговоръ» умалчиваетъ объ этомъ и даже, вопреки всемъ источникамъ, представляетъ козаковъ побѣдителями. Ничего подобнаго нѣтъ въ «Краткомъ описаніи Малороссіи», которыми авторъ «Разговора» преимущественно пользовался въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія.

Для того Хмельницкій, с татарами согласясь,
 Мечемъ порубилъ ляховъ, с Калѣновскимъ сразясь,
 Которій полскою оной короны тотъ гетманъ
 На семь страшномъ сраженіи также смерти преданъ,
 И Собецовъ староста Красноставскій скончался
 Побѣжденъ и убитъ, какъ сильно ни опирался.
 Калѣновскому татаринъ голову срубилъ,
 На копья принесъ и Хмельницкому сообщилъ.
 А Самуилъ, синъ Калѣновскаго гетмана,
 Побѣжавъ отъ бозаковъ и крымскаго хана,
 Утонулъ в Бубновки, на мосту обвалился, —
 Такъ погубивъ жизнь, с ними и не сразился.
 Здѣсь ни одинъ изъ ляховъ не остался в живихъ,
 Пали все на Батозѣ в немощахъ силъ своихъ ¹⁾.
 По той побѣдѣ нѣсколко времени спустя
 Побиты и под Жванцемъ, сами побить хотя ²⁾.

¹⁾ «По веснѣ (1652 г.) Хмельницкій... повелѣлъ войску в поле выходить и послать къ молдавскому господарю, требуя по уговору дочери его сыну своему в жену, инакоже грозя въ 100,000 войска прийти къ нему въ гостину; чего ради волохи все, боясь разоренія землѣ своей, настояли на своего господаря, дабы не отрѣкалъ Хмельницкаго сыну дочери своей, и хвалились самого его, естли того не учинить, видать. Господарь же тайно послать къ королю полскому, просячи препятствія, и потому Калѣновскій, гетманъ полный, притягнулъ, сталъ на Батозѣ с войскомъ конницѣ 6,000, а регулярной пехоты 3,000, кромѣ охотнаго, и заступили дорогу Хмельницкому до Волохъ; куда къ Калѣновскому и брать его, в Пѣжинѣ квартировавшій, прибилъ съ войскомъ... Тогда жъ, какъ сошлись козаки и татаре съ ляхами, тотъ часъ козаки и нехотя ударили на обозъ лядскій, а татаре на войско лядское, которое, не вѣдая козаковъ, опановавшихъ обозъ ихъ, туда обратились; ажъ козаки, запаливши обозъ ихъ, противу нихъ бросились, а тутъ рѣка Бугъ. И такъ ляховъ всехъ висѣкли, въ томъ числѣ и самого гетмана Калѣновскаго, котораго и голову до Хмельницкаго на копья принесено, и Собецова старосту красноставскаго; прочіихъ же избѣгшихъ посполство, изволькая от бодота, убивали нещадно, а сынъ Калѣновскаго въ Бубновцѣ, бѣжа мостомъ, обвалился, утонулъ; иныхъ же многочисленныхъ татаре были-побрали, но и сихъ Хмельницкій, встачисъ за Берестецкое надъ козаками немилосердіе, всехъ велѣлъ порубать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 234—235.

²⁾ «Въ 1653 году король знову похотѣлъ самъ ити войною на Хмельницкаго, котораго съ войскомъ увидячи онъ Богданъ Хмельницкій под Жванецъ, скупъ

Такимъ образомъ они в безмѣрной страхъ пришли,
 Чтобъ къ послѣдней бѣдѣ козаки не привели:
 Бросили жилища свои пусты в городахъ,
 Разбѣжались всѣ по пустынямъ, горахъ (вар. поляхъ)
 и рвахъ
 И мертвія тѣла, кои уже сотлѣли,
 Вигребали, какъ звѣри, отъ гробовъ и ѣи.
 »Жрѣте тлѣнны человѣческіи приправи!
 Кричали козаки,—всѣ вы ляхи лукави!
 Такимъ бушанемъ кормить васъ давно достойно!
 Не умѣли вы нами управлять спокойно.
 Зачимъ было вѣру нашу ламать стараться?
 Зачимъ било над нами явно издѣваться?
 Для того-ль мы с войскомъ своимъ жили под вами,
 Чтобъ пожитки наши грабили вы з жидами ¹⁾.
 Дадѣте отвѣтъ за тиранскія мученія,
 Отмститъ еще болше небо за озлобленія.
 Уже-ль вамъ не ставало пищи, чѣмъ жизнь прожить,
 Что начали и дѣтей нашихъ в котлахъ варить?
 Вспомнѣте, сколько вы с нами миръ заключали!
 Представте-жъ, какъ скоро и часто нарушали!
 Лестъ ваша одна съ злобою дѣйствовала во всемъ.
 Хотѣли истребить насъ, смучить, побить мечемъ.
 (Справедливость однако наша побѣдитель,
 Предсталъ намъ Хмельницкій, общій нашъ свободитель.
 Пребудеть память его у насъ в роди родовъ,
 Пребудеть во вѣкъ и слава, храбрость козаковъ.

ное на все мѣсто, пустилъ вѣсти, что будто-бы, не вѣдая о смерти сыновей,
 ѣдетъ въ Волощину своимъ въ помощь; которому путь воспящая, король сталъ
 на Жванцѣ. Куда какъ Хмельницкій, нечаянно съ ханомъ пришедши, обступили
 полское войско, такъ оное въ тѣснотѣ отъ голоду изнемогать стало, отчего изъ
 15,000 пѣхоты полской толко 4,000 осталось, и конного многое число отъ меча
 и голода пропало«. Тамъ-же, стр. 238.

¹⁾ Доселѣ текстъ »Разговора« сохранился въ спискахъ Румянцевскаго Музея
 и г. Ефименка: слѣдующія-же страницы найдены колько въ спискѣ г. Ефименка.

Защита ваша правда не отъемлется вамъ,
 Послѣдуетъ всегда погибель нашимъ врагамъ.)
 Только ушь полно вамъ сили наши в. страхъ истощать!
 Найдемъ державу, которая будетъ защищать.
 Утѣснялъ Булканъ троянъ,—вступился Аполлонъ.
 Злилась Юнона на Енея, вожда троянъ;
 Однако овъ отъ Венери к обидѣ не данъ.
 Свирѣплъ Нептунъ хотѣлъ отнять Улиссовъ животъ,
 Но Минерва вступила за него въ кривавій потъ.
 Поидеть солнце прежде отъ запада на востокъ,
 Нежели мы преступимъ, ужъ давъ, оной свой зарокъ.
 Воды в рѣвахъ своихъ скорѣе назадъ потекутъ,
 Нежели воины наши себя вамъ предадутъ.
 Звѣзды на землѣ прежде крѣпко утвердятся,
 Земледѣльцы на небѣ съ сохою населятся,
 Вода вспламенится, отъ огня пойдутъ воды,
 Нежели обратимся к вамъ въ вѣчные роды»¹⁾.
 Затѣмъ, какъ Хмельницкій от Полши вовся отсталъ,
 Салтанъ турецкій Османа-агу прислалъ,
 Дабы со всѣмъ войскомъ своимъ ему поддался,
 К полскому королю вѣчно не возвращался,
 И в знакъ милости чрезъ того-жъ Османа-агу
 Прислалъ ему саблю, булаву и корогву²⁾.
 В.-Р. Ты же про турковъ говорила со мною,
 Скажи, кто еще хотѣлъ обладати тобою?
 М.-Р. Не разъ и не два должно-бъ про нихъ еще сказать;
 Ибо премного тѣ старались меня склонять.

¹⁾ > Въ елегіи Овидій славній ромскій стихотворецъ, посланъ будучи в силку и идучи моремъ, окруженъ волнами, такимъ образомъ написалъ въ книгѣ 1 своей, въ елегіи 2, стих. 5—10, гдѣ сию рѣчь проводилъ онъ к Августусу Цесарю, которимъ сославъ билъ, также жалуясь на друга своего въ 1 книгѣ, в елегіи стих. 1—4«. Примѣч. автора.

²⁾ > Того-жъ року (1650) Асманъ—ага, от турецкого султана чаушъ, присланный къ Хмельницкому, привезъ шаблю, хоругвь и булаву, совѣтуя ему съ Україною, отъ полского короля отступивъ, подклонится под турецкую область«. См. > Краткое описаніе Малороссіи «, стр. 229.

Да и крымскому хану хотѣлось мною владѣть,
 И другимъ думалось то склонить, то одолѣть.
 Однакъ ни на ково изъ всѣхъ онихъ не смотря,
 Хмельницкій созвавъ войско свое и ободря,
 Російскому Государю себя извѣстилъ,
 Ему со всею Украинною поддалъ и покорилъ
 И предъ російскимъ бояриномъ Бутурлиномъ
 В Переясловлѣ тогда-жъ присягнулъ вѣчно в томъ.
 Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ главнѣй,
 Добровольной поддачи видя мой знакъ явнѣй,
 Монаршую грамоту волностямъ доставилъ,
 Всѣ прежние статьи утвердилъ и возставилъ ¹⁾).

И такъ, когда Россіи надлежать ужъ стала,
 Покажу, какъ и при ней храбра прежде бывала.

В.-Р. Знаешь-ли, с кимъ говоришь, иль ты забиваешь?

Вить я Россія! Зачимъ меня пропускаешь?
 Для чего не придаешь мнѣ точно подачу
 И отнимаешь у меня свою удачу?

Будто въ другой Россіи, не во мнѣ принадлежишь,
 И при мнѣ, будто без меня, войнами гримишь!

М.-Р. Знаю, что ты Россія, да и я такъ зовусь.

Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусъ.
 Не тебѣ, Государю твоему поддалась,
 При которыхъ ты съ предковъ своихъ и родилась.
 Не думай, чтобъ ты сама была мой властитель,
 Но государь твой и мой общій повелитель.
 А разность наша есть в приложенныхъ именахъ.
 Ты Великая, а я Мала живемъ в смежныхъ странахъ.

¹⁾ »Приславъ ближній бояринъ и дворецкій Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ иными боярами и столниками и дворянами до гетмана Хмельницкаго и всего войска для постановленія статей и съ обѣщаніемъ великой милости государевой. И тогда Хмельницкій со всею старшиною, приехавъ въ Переяславль, на Богоявление Господне 1654 года, позволилися быть всѣ обще под единовѣрнымъ монархомъ всероссійскимъ..., на чемъ и присяги учинили«, и проч. См. »Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 239.

Что-жъ я малой называюсь, а ты великой,
 То какъ тебѣ, такъ и мнѣ нимало не дико.
 Ибо твои предѣлы пространнѣ моихъ,
 А мои обширностями поменше твоихъ.
 Уже-ль гора собою надо мной обладаетъ?
 Нѣтъ, нѣтъ! но какъ сей (?), такъ та къ тому при-
 надлежить.

Такъ мы с тобою равни и одно составляемъ,
 Одному, не двумъ государямъ присягаемъ,—
 Почему почитаю тебя равну себѣ.
 Не говори: какъ обществу, поддалась и тебѣ!
 Самодержецъ твой и мой шлетъ тебя и меня,
 Одинъ онъ отзываетъ изъ походу шля,
 А не ты республикою повелѣваешь мною.
 Ничѣмъ неумаленна царемъ я предъ тобою,
 Оставленна также я при своихъ чинахъ всѣхъ,
 Обнадежена, и впредь милостію тѣхъ.
 А ты при своихъ достоинствахъ пребываешь,
 Кои отъ того-жъ Государя получаешь.
 И такъ не можешь и въ семъ всю меня обидѣть;
 Какъ бы ни тщилась чины мои ненавидѣть;
 Отъ ково ты получаешь, и я отъ того.
 Не достанетъ толко у насъ с тобою одного
 Того, что чины твои инако зовутся,
 А мнѣ также инимъ названіемъ даются.
 Но сіе-ль для тебя можетъ казаться странно?
 Обойди умомъ всѣ государства пространо,
 Во всякомъ почти найдешь различіе в чинахъ...¹⁾

Здѣсь слѣдуетъ небольшой перерывъ въ спискахъ „Разговора“. Малороссія должна была рассказывать Великороссіи о заслугахъ, оказанныхъ Богданомъ Хмельницкимъ русскому государству. Въ имѣющихся у насъ спискахъ мы имѣемъ только

¹⁾ На этомъ прерывается списокъ г. Ефименка. Дальнѣйшій текстъ »Разговора« изложенъ по спискамъ Румянцевскаго Музея.

окончаніе этого разсказа, которое заключаетъ въ себѣ плачь по умершемъ Богданѣ Хмельницкомъ и прославленіе его подвиговъ!

Какъ Геркулесъ древній пройшолъ бы с войскомъ скори,
Широкій и пространній путь для всѣхъ даль бы тамъ,
Брвной побѣдой грозилъ-бы тамошнимъ жильцамъ:
Но ниже слѣдовало ити туда ему.

Ни онъ старался нанести войну свѣту всему,
А бился столко с неприятелми такими,

Коиыхъ ко обществу своему узнавалъ злими.
Мужъ имени и чина того достойнѣйшій

Побѣждать враговъ, нежелъ вступать, былъ скорѣйшій.
Гетманъ многоразсудный, бодрый и дерзновенній,

Скоропостижный въ трудахъ, нуждахъ невтомленій,
Ко всякимъ злоключеніямъ воинскимъ обившій,

Холодъ, жаръ и нужды вдобъ носить первѣйшій
И протчія многотрудныя неспокойства;

Испыталъ трудовъ различныхъ перемѣнъ свойства
Мало радилъ о себѣ, толко-бъ всѣмъ угодилъ,

Общество-бъ и отечество цѣло сохранилъ:
Первой на войну, послѣдней сходилъ с оной ¹⁾,

Дрался, боролся своей храброй обороной.

По многихъ наконецъ славныхъ воинскихъ дѣлахъ

Умеръ, оставивъ память и по днесъ в козакахъ.

Печаль, жалость в послѣдніе роди незабвенна

Базалась тогда всѣмъ ввѣкъ быть неумаленна.

Слезили осиротѣвшіе мои дѣти,

Являли другъ другу печальніе привѣты,

Оплакивали з жалосты неутѣшимой,

Не чаяли никакой отрады любимой,

¹⁾ » Краткое описаніе Малороссіи « такъ характеризуетъ Хмельницкаго: » мужъ по прямому имени гетманскаго достойный, дерзновенный, многоразсудный, бодрый и трудолюбивый, всякое злоклученіе, и холодъ, и жаръ, и голодъ, и прочіе неспокойства и хлопоти легко терпѣть приобикшій и о себѣ какъ-бы припребрегшій, толко-бы обществу угодилъ; первій на баталію, послѣдній по баталіи исходилъ « (стр. 249).

Не думали себѣ ужь быть отцу такому,
 Не мыслили, чтобъ такъ удавалось другому.

» Пала уже вся надежда наша, — кричали, —

Не воскреснетъ защита, вѣчно потеряли.

Вселябезній отче нашъ, любезній!

Чего-ль дождали мы, чтобъ ты намъ лиль токъ
 слезній?

Отче нашъ любезній, вселябезній отче нашъ!

Уже-ль оставшихся сыновъ своихъ врагамъ дашь?

Отецъ нашъ вселябезній, любезній нашъ отецъ!

Уже-ль хищнымъ волгамъ попустишь вроткихъ овецъ?

Любезній нашъ отецъ, отецъ нашъ любезнѣйшій!

Уже-ль будетъ намъ безъ тебя гонитель злѣйшій?

Не страшень былъ ни одинъ супостатъ при тебѣ,

Нынѣ-жь боимся многихъ оставшіеся в себѣ.

Уже-ль стануть менять насъ за хлѣбъ, соль и воду.

Какъ то было от ляховъ намъ одного году?

Когда-бъ естли-бъ не ты нами храбро управлялъ,

И память-бы нашу непріятель давно скончалъ.

Пробудись в радость намъ хоть на малое время!

Ощутись, встань, облегчи тоски нашей бремя,

Посмотри хоть собравшихся дѣтей своихъ всѣхъ,

Взглянь еще хотя послѣдній разъ уже на тѣхъ,

Которія утѣшенія не имѣють,

Какъ овцы заблудши по пастырѣ жалѣють!

Они не для того всѣ вмѣсто собрались,

Дабы с тобою отцемъ своимъ на-вѣкъ прощались,

Но чтобъ руководствовалъ ты, какъ прежде, имъ,

Казал-бы, училъ, какъ противиться врагамъ злымъ.

Молви хоть одно, отче любезній, намъ слово!

Вотъ все войско твое пришло, слушать готово!

Собери его вмѣсто, защищай, охраняй,

Покровителствуй, милосердуй и соблюдай,

Поднимись, естли ручей слезъ нашихъ жалѣешь!

Иль ты уже любви к намъ прежней не имѣешь?
 Введись, естли отчаяннымъ хочешь пособить,
 Встань, естли оставленныхъ желаешь ободрить!
 Да! завтра устанеть, завтра ободрить, утѣшить насъ!
 Прерывалъ хлипкими словами общества гласъ.
 Не такъ, видно, заснулъ онъ, чтобъ встать уже к намъ
 могъ.

Встанеть разви, какъ затрубить при послѣднѣмъ рогу.
 Тогда ушь сберемся къ отцу своему с полками
 И тогда разви разговоримся с нимъ и онъ с нами.
 А нынѣ послѣдній свой долгъ отдадимъ ему,
 Которой вѣкъ незабвенъ будетъ войску всему.
 Но ахъ! всѣ силы наши превосходить печаль, —
 Не можемъ и тѣла твоего несть отсель вдаль.
 Мы бы хотъ на оное со страдою смотрѣли,
 Желали-бъ, чтобъ тебя пред собою вѣкъ имѣли.
 Грозилъ-бъ еще и тѣнь твоя нашимъ врагамъ,
 Боялся-бъ непріятель при ней приступить к намъ.
 Ахъ, отче! оставилъ дѣтей осиротѣлыхъ,
 Оставилъ в уныніи бывшихъ тобой смѣлыхъ.
 Всѣ веселія утѣхи отсель насъ минуютъ!
 Пособи! вотъ уже враги с нами воюютъ,
 Напустятъ грусти, скуки, скорби и гоненія.
 Отврати намъ непріятелей нападенія!
 Вотъ всадятъ насъ в разженного мѣдного вола.
 Скончай мученія наши, дай радость, что была!
 Мы на тебя глядя вздохъ тяжкій испущаемъ,
 От тебе спасенія своего ожидаемъ:
 Оставившаго спящаго тревожимъ, будимъ,
 Трудившагось, потѣвшаго еще томимъ, трудимъ.
 Не отступимъ отъ ногъ твоихъ, ходившихъ с нами!
 Пробудись и води насъ прежними стезями!
 Забудимъ безъ тебя, разбредемся разно овцы.
 Не встаешь, пастыръ? поразятъ насъ миродомцы,

Ищезнетъ слава наша, бывшая при тебѣ.

Увяялъ цвѣтъ нашъ, увянетъ с тѣмъ и храбрость у
себѣ.

Которыхъ многіе прежь ужасались страны,—

И от малыхъ полковъ будутъ уже пограны.

Оставилъ полководецъ, отсталъ, пошолъ вождь прочь,

Не устоятъ безъ тебя одна уже наша мочь.

Которіе в сраженія смѣло входимъ было,

Тѣхъ сіе нещастіе нынѣ в робость вперед ввело.

Ну, куда ити намъ без тебя и что начать?

Потерявъ голову, можно-ль ногами ступать?

Глаза имѣя, без глазъ стоимъ оцепенѣвъ;

Безъ рукъ нажемся храбры, прежде руки имѣвъ.

Уже и лица наша потупились слезя,

Падаютъ колеблющись и болѣна дрожа,

Изнемогаютъ сердца каменемъ утѣснена,

Пронзенна грудь, терзается духъ уязвеній,

Недоумѣваетъ умъ, страхъ мысль ужасаетъ,

Борущуюсь отраду скорбь одоливаетъ;

Проходитъ сквозь кости кровь з густотою смѣшена,

Поднимаетъ кожу, кипитъ в глазамъ червлена;

Встаютъ бурны вѣтры, рвутъ волосы нашихъ главъ;

Блѣднѣетъ видъ, даетъ перемѣны весь составъ.

Лишились мы отца, предводителя войны,

Остались осиротѣлы ужъ дѣти одни.

Коиыхъ его щастіе вскормило, возрастило.

Тѣхъ мнѣ нещастіе судьбою вѣкъ поразило!»

Симъ образомъ дѣти мои плабались надъ нимъ,

Давали вопль, стенаніе по вѣмъ полкамъ своимъ,

Одни казали жалость явными слезами;

Другіе в слихъ спивали, зѣвая устами;

Ивнне с необычнымъ шумомъ голосили;

Нѣкоторые по грудямъ сами себя били.

Часть в скрытомъ мѣстѣ лѣла токъ жалостныхъ ручей;

Часть предъ всѣмъ обществомъ рѣки пушала с очей:
 Часть от задумчивости такъ окамѣнѣла,
 Что какъ нѣма стоя и гласу не имѣла,
 А казала толго в лицѣ знаки различны,
 Безкровны, почернѣлы, робки, необычны.
 Прочіе стоя над мертвымъ тѣломъ кричали:
 Одинъ былъ у насъ отецъ, и того стеряли!
 Во всемъ томъ на послѣдокъ ставъ полками стройно,
 Проводили гробъ со всею старшиною достойно;
 Несли с Чигирива с церемонѣю войсковою,
 Погребли въ Субботовѣ въ каменной церкви той,
 Которую самъ от себя онъ сооружилъ ¹⁾
 еще тамъ положенъ быть ствердилъ.

Козаки, отвращая ту печаль помалу,
 Стали приходять опять в своему началу
 И въ различнымъ войнамъ вновь приготавлились,
 Прежнюю храбрость себѣ доставить старались.
 Но полно, думаю, свои силы представлять!

А намирена на Хмелницомъ всю рѣчь скончать.

В.-Р. Куда, право, ты каковъ имѣешь нравъ чудній!
 Хочешь, чтобъ тебя просилъ весь зборъ многолюдній!
 Приведши в самой жаръ, тутъ меня оставляешь.
 Больше говорила, в меншомъ изнемогаешь.
 Не облѣнись рѣчи до нашихъ временъ довести,
 Чтобъ достовѣрніе я могла правду почести!
 Я бы такъ уже, чемъ ближе до насъ доходить,
 Яснѣе понимать стала, что слухъ мнѣ родить.

М.-Р. Довольно мнѣ базалось до тѣхъ довести временъ,
 Какъ російскому цару Хмелницкій покоренъ,
 И какою оказывалъ онъ вѣрность ему,

¹⁾ > Умершаго Хмелницкого тѣло старшина и чернь съ войсковою церемонією и с сожаленіемъ проводили изъ Чигрина въ Субботовъ и тамъ въ церкви каменной, от самого его ж сооруженной, в неделю погребли «. См. > Краткое описаніе Малороссіи «, стр. 249.

Войскомъ своимъ обществу угождая всему.
 А послѣ ево что происходило во мнѣ,
 Спроси подругъ своихъ, тѣ объявятъ тебѣ.
 Ибо когда сюда стала надлежать,
 С кимъ и какъ воевала—могутъ и оны знать.

В.-Р. Не томи-жь меня ссылкой, отсылая в моимъ!
 Я и сама знаю, что всякъ пристрастенъ к своимъ.
 Они про храбрость твою хоть и знаютъ точь в точь.
 Однакъ свою болше прославлять стануть мочь,
 А твоей не изяснить силы совершенно,
 Пропустятъ, можетъ быть, в тебѣ незабвенно.
 И такъ не можно вовсе положится на нихъ,
 Скажи еще, пожалуй, сама мнѣ про своихъ!
 Ни прекословить не буду, ниже не вѣрять,
 Справедливою стану все мѣрю мѣрять.

М.-Р. Добуду твою тѣмъ болѣе признаю милой,
 Чимъ меншь могу остатся в славѣ своей силой;
 Почему и не хотя продолжу еще рѣчь,
 Представлю и далнюю воинскую свою сѣчь.
 Прибылъ под Глуховъ король полскій Казимиръ Янъ,
 Минуя протчихъ, какъ былъ Бруховецкій гетманъ,
 Которого чрезъ пять недель сряду доставалъ
 И на жестокость зимы не смотря воевалъ.
 Но козаки, выскочивъ из города сего,
 В скоромъ времени одолѣвъ силу его,
 Порубили, плѣнили, разграбили обозъ,
 А остальное войско храбро прогнали сквозь.
 Былъ тогда судя генералній Животовскій.
 Онъ командовалъ, онымъ прогнанъ король полскій.
 Такимъ образомъ король города не доставъ,
 Бежалъ со стыдомъ, войска не мало потерявъ¹⁾.

¹⁾ > Въ 1664 годѣ Янъ Казимѣръ, король полскій, прибывши под Глуховъ зимою, чрезъ 5 недель тамъ затворившихся съ Животовскимъ, судиею генералнымъ, козаковъ крѣпко подкопами и гранатами доставалъ; но козаки, противясь и на одпоръ исходя, многочисленныхъ ляховъ и нѣмцовъ ихъ убивали «. Услышавъ о

Тотъ-же гетманъ Бруховецкій годъ потомъ спустя,
 Балмыковъ с казаками в войски совокуця,
 Подъ Бѣлу Церковь противъ поляковъ самъ ходилъ,
 Гдѣ Яблонского армію силно побѣдилъ,
 Которой какъ ни казалось великъ и силой золь,
 С малымъ числомъ шляхты насилу в Польшу ушолъ ¹⁾.
 Полковникъ переясловскій Дмитрашко потомъ
 Побѣдилъ многихъ татаръ, возвратился съ торжествомъ,
 Кой посланъ от Самойловича гетмана,
 И не мала команда была ему дана.
 Тамъ на четыре мили пестрѣли в даль поля,
 Лежали побитіе неприятелей тѣла.
 А вторіе из нихъ остались в живыхъ,
 Забраны всѣ в неволю от козаковъ моихъ ²⁾.
 За того-жъ гетмана на четвертой потомъ годъ
 Козаки поступали на турецкій народъ.
 Тогда под Чигириномъ былъ ужасной туркамъ страхъ:
 Гнали ихъ, мертвили, истребляли память в прахъ,—
 И такое ужасное сраженіе было,
 Какого в тотъ вѣкъ нѣгдѣ случиться не могло.
 Под самимъ везиромъ двоихъ лошадей убили,

приближеніи московскихъ войскъ и гетмана Бруховецкаго, » король съ под Глухова уступилъ съ великимъ войска урономъ, на котораго тотъ-часъ козаки з города устремительно наскакивая, остальцовъ поляковъ били и людей разграбляли«. См. » Краткое описаніе Малороссіи«, стр. 262.

¹⁾ «Еще гетманъ Бруховецкій, 1000 колмыковъ зятягъ, съ козаками под Бѣлую-Церковь ходилъ року 1665, съ которыми Яблонскій, послѣ Чернецкаго рейментаръ, многократную войну дѣлалъ, послѣди же, уронивъ много знатныхъ товарищей, въ Польшу помаршировалъ.» Тамъ же стр. 264.

²⁾ » Въ Маѣ (1674) Самуиловичъ гетманъ командировалъ съ 20,000 войска Думитрашка, полковника переяславскаго, съ двумя полками великороссійскими и съ 15 арматами подъ Смѣлую, где, когда новый салтанъ съ 20,000-ми орды и съ Андрѣемъ Дорошенкомъ многолюднымъ под Орловцемъ тайно на полки гадяцкій, уманскій и торговицкій напали, Думитрашко, почувши о стрелбѣ и тудажъ приспѣвши, татаръ и Дорошенка над Ташликомъ такъ поразили, что труповъ на четири милѣ поле услали, а прочихъ живыхъ побрала«. Тамъ же, стр. 277.

А рядовыхъ турковъ безчислено побили.¹⁾
 Не щитая, какъ бились ружейною палбою,
 Дрались и руками, какъ на кулачномъ бою.
 Неприятелей войска такъ мало осталось,
 Что едва в третьей части оногo считалось.
 Почему премногихъ тѣ втерывъ своихъ людей,
 Богатства запасы и подемныхъ лошадей,
 Ничего уже иного въ спасеніе не ждали,
 Только что в свою землю безчестно бежали¹⁾.
 Послѣ-жь десяти лѣтъ то дѣйство произвели.
 Что очаковскій уѣздъ весь козаки сожгли,
 Разорили плачевно тамошнихъ людей всѣхъ,
 Плѣнили бѣдствено кто ни былъ зъ жителей тѣхъ²⁾
 Черезъ два года опять подѣ Очаковъ ходили,
 Гдѣ жилиа многихъ татаръ вовсе понапали;
 Брали скотъ и самихъ ихъ поражали мечемъ;
 Били женъ и младенцевъ не щадили ни в чемъ³⁾.
 Козаки, собравшись, ходили в сѣхъ годахъ
 Для защищенія границъ своихъ в дикихъ степяхъ
 И чтобъ оберегать и освобождать крестіянъ
 От нападенія и плѣненія бусурманъ,

¹⁾ 1678 года московскія и малороссійскія войска, послѣ неуспѣшной осады Чигирина, отступили къ Днѣпру, »при великомъ от неприятеля наступленіи, и толко двѣ милѣ за два дни вошли и во вторникъ при Днѣпрѣ окопалися, за которыми тотъчасъ прійшовши, вейзѣръ и ханъ и Хмельниченко (Юрій Хмельницкій) цѣлую неделю ихъ доставали, хотячи обозъ съ вождями взять, Но тамъ наставленіемъ гетманскимъ такую баталію съ турками свели, якая въ сей вѣкъ нѣгде не случается, и подѣ самымъ вейзѣромъ, прі убіиствѣ безчисленныхъ турковъ, коней двухъ убили: где, кромѣ стрелбы, и рукопашъ козаки съ ними билися, чего для они принуждены от войскъ россійскихъ назадъ съ ненаградимымъ убыткомъ уступить до Чигирина, оттуда же и далѣ какъ вайскорѣ во свояси чуть у третьей части войскъ бюсурмавскихъ ушли«. Тамъ же, стр. 284—285.

²⁾ » Въ року 1690-мъ войско козацкое ходило под Очаковъ, где жилиа поналяли и обиды татарамъ подѣлали«. См. »Краткое описаніе Малоросіи«, стр. 289.

³⁾ » Въ року 1692-мъ .. войско городовое и компанія знову подѣ Очаковъ пошедши, посады сожгли и з яссіромъ прішли«. Тамъ же, стр. 291.

Коихъ отбивали от татаръ сильной рукой,
 Отпущали ихъ в отечество сами собой,
 И малыми людьми на оныхъ нападая,
 Разбивая татаръ, многихъ побѣждая,
 И на томъ бою плѣннвъ немалое число,
 Гнали в Москву и въ Польшу, куда ближе было.
 Ибо ляхи видя, что войной не успѣли,
 С россійскимъ государемъ миръ тогда имѣли.
 За что велику себѣ милость получала
 И жалованя много отъ монарховъ брала ¹⁾.
 Здѣсь и о Палѣю вспомянуть не премину,
 Кой гналъ непріятелску партію не одну.
 Полковникъ тотъ бѣлоцерковскій Семенъ Палѣй,
 Родомъ изъ Борзны, казалъ ревность Россіи всей.
 Онъ охотное войско при себѣ имѣя,
 Прогонялъ от Россіи не одного злодѣя
 И выборнымъ войскомъ не только не допускалъ,
 Чтобъ татары и с Россіи и Польшу воевалъ,

¹⁾ » По задѣпрскомъ гетманѣ Могилѣ король Собецкій устроилъ гетманомъ Самуся, а въ которомъ году—неизвѣстно, и далъ ему привилеи и клеймоты, плату же войску и зъ скарба папѣжскаго, и резидовалъ Самусь в Вѣнницѣ на Подиѣстру. Въ тѣхъ городахъ многіи, прибравши къ себѣ охотныхъ козаковъ запорожцовъ или городовыхъ и подѣлавшись ватагами то полководцами, безъ указа, своею охотою, ради защишенія христіянъ от нападенія бѣсурманскаго и для обороны границъ, го дикихъ степяхъ, на обѣихъ сторонахъ Днѣпра татаръ съ людьми, въ Польшѣ и Россіи набранными, поворочающихъ разбивали, отбивая конѣ ихъ и оружье себѣ, а христіянъ плѣненныхъ въ землѣ ихъ и въ отчества отпущали и проводили; ездячи же на тѣхъ пустоширокихъ степяхъ, иногда звѣриннымъ мясомъ кормилися, а иногда толокна только да сухарей толченымъ в сутки разъ вкушали, съ великимъ от татаръ опасеніемъ, не имѣя ни дороги, ни слѣда, и коньямъ ржати не допусая, и безъ огня, будто звѣры, по тернахъ и комышахъ кормилися и пути свои, порознившись, теряли, но паки познавая оне в день по солнцу и кряжахъ земныхъ и могилахъ, ночью же по звѣздахъ, вѣтрахъ и рѣчкахъ, сходилися и, тако высмотрѣвши татаръ, нечаянно малымъ людомъ великія ихъ купы разбивали и живыхъ въ Москву или въ Польшу (кому куда способнѣе) отвозили, получая за то милость монаршую«. Между сими ватажками былъ и Семенъ Палѣй. Тамъ-же, стр. 289—290.

Но въ Бендерщину ходилъ еще самъ собою
И въ Бѣлогородчину (Аккерманъ) ступалъ къ тому-жь
бою,
И на Буджаки посылалъ возаковъ своихъ.
Хотѣлося татарскихъ силъ ему не однихъ,
С которыхъ многіе и разорялъ главно,
Покорялъ города и побѣждалъ всѣхъ славно.
Да и Очаковъ дважды доставалъ с удачей,
Бралъ иногда отъ жилцовъ тѣхъ испусть с наддачей,
А иногда всѣ богатства забиралъ въ ономъ,
Что раздавалъ на войско с турецкимъ урономъ.
Такъ малое число возаковъ при немъ было,
Кои ихъ множество турковъ одолѣть не могло,
Воинское искусство ему пособляло,
Храбрость и щастіе славу побѣды давало.
Причемъ однажды такую смѣлость возимѣлъ,
Что на янычарахъ какъ-бы на лошадяхъ сѣлъ
И такимъ образомъ в саму крѣпость ввалился,
Гдѣ сѣдя на самихъ ихъ плечахъ с ними бился
И яничаръ многое число вырубилъ, збилъ,
И самого салтана чуть было не плѣнилъ.
Зачимъ турки, войну ту проклиная страшну,
Засыпали оную городскую башню,
Которой янычарми Палѣй в Очаковъ вдрался
И сидя тогда на ихъ плечахъ с ними-жь сражался,
И пенныѣ под самую крѣпостю башня та
Палѣева зовется, гдѣ туркамъ страсть была.
А однажды сражаясь с татарскими силы,
И самага ихъ хана возаки плѣнили.
Гдѣ мой-же Патѣй былъ главный предводитель.
Онъ оставался над ними главной побидитель.
Почему татары миръ с нуждой заключали
И великіе ему дары присылали.
Потомъ поляки, благодаренія забывъ
И всѣ услуги его в забвеніе пустивъ,

Взяли оного въ Майбургъ коварнымъ обманомъ.
 И такъ в сылку сосланъ былъ короннымъ гетманомъ,
 Гдѣ ему вѣрной его слуга лошадь поддалъ.
 И такъ онъ вырвался в желѣзахъ къ своимъ прибѣгалъ.
 Почему гетманъ тотъ, желая его достать,
 Выправилъ на него полскихъ гусаровъ опять,
 С коими немецка пѣхота шла,
 Да и артилерія тамже с ними была.
 Но Палѣй над Хвастовомъ всѣхъ оныхъ поразилъ,
 Побилъ, прогналъ и немалое число плѣнилъ.
 За что поляки, разгнѣванны необычно,
 Отправили войско на Палѣя вторично,
 Гдѣ такъ остались они побѣждены,
 Что и тысячей с мѣста не ушолъ спасеній.
 Заграбили тамже козаки весь обозъ ихъ,
 Великими добычами богатели своихъ.
 А Рустичъ полковникъ, видя таку свирѣпость,
 В Менжелѣвку бѣжалъ—былъ первіе въ крѣпость.
 Потомъ с оной тихонко чрезъ валъ спустился
 И такъ у Полцу убежалъ, от козаковъ свободился.
 Тотъ-же Палѣй послѣ того на четвертой годъ
 Собралъ кіевскаго полку козацкой народъ,
 С полковникомъ ихъ Очаковъ другой разъ досталъ.
 И с переяславскимъ тожъ какъ на нихъ воевалъ,
 По вѣсколбо партій турецкаго войска збилъ
 И триста человекъ турковъ живыхъ полонилъ,
 Коихъ знаменами ихъ в Батуринъ пригнали ¹⁾.
 Такимъ образомъ с туркомъ козаки играли.

¹⁾ Семень Палѣй, родищець борозенскій, оженився за Днѣпромъ въ Фастовѣ и держа при себѣ войско охотное, не токмо не допущалъ ордѣ Полцу и Россію воевать, но и самъ ходи и посылая жолнѣровъ на Бу(д)жаки и Бѣлагородчину, села татарскіе и Очаковъ разорялъ, и где нападали на него татаре, онъ мужественно ихъ побѣждалъ съ великою христьянскою ползкою: одиножды же самогъ ими командующаго салтана взялъ, и тогда татаре, примиряся с нимъ, знатными

Черезъ годъ потомъ всѣ малороссійскіе полки,
 Слободскіе и запорожскіе козаки,
 С Борисомъ Петровичемъ Шереметовымъ ставъ,
 Побѣдили турковъ, на оныхъ силно напавъ.
 Взяли каменніе четыре ихъ города,
 Сами-жъ в себѣ остались безъ дальнаго вреда.
 Начальниковъ тамошнихъ турецкихъ надъ Днѣпромъ
 И янчаровъ многихъ взяли жъ в городѣ томъ,
 Подѣлили богатство всей арміи своей,
 Побрали женъ, забрали также ихъ дѣтей,
 Пригнали в Россію Великую и Малу
 И подчинили всѣхъ къ россійскому началу.
 А Кази-Керминъ (Кизи-Кермень) с основаніемъ разорили,
 И Муберень тожъ городъ совѣмъ спустошили ¹⁾.

дарами обсылая его. Утишив же Заднѣпре, ожилъ былъ какъ удѣльный панъ, и располагая войско свое по Полѣсю, десятины с пасѣкъ в индукту почитай со всей оной Украины, даже до Днѣстра и Случи, на себе взималъ. Потомъ ляхи, запомнѣвши Палѣвыхъ благодѣяній, обманомъ взяли были его и въ Малборгъ заслали. Но онъ и оттуда, на подведеннаго коня всѣвши, къ своимъ въ кайданахъ прибѣглъ; за чимъ гетманъ коронный выправилъ на него гусарское войско съ пѣхотою нѣмецкою и полскою подъ Фастовъ при армятъ съ гранатами. Но Палѣй какъ сокрылъ войско свое въ лѣсахъ, самъ затворился въ городѣ, и какъ подступили к нему поляки, такъ войско оное з поля на лядскій обозъ, а Палѣй з города на шанцѣ ихъ ударивши, принудилъ ихъ же миръ з собою учинить и съ стыдомъ прочь пойти... Еще потомъ на Палѣя и друзей его полковниковъ ординовали ляхи рейментара Рустича съ великимъ войскомъ, въ которомъ и высокородныи панове были ради отбирания своихъ маестностей. Тогда Самусь, вмѣсто Палѣя, на войну не пошовшаго, съ войскомъ его Палѣвымъ и съ полковниками Абазиномъ и Искрою и иными пошедши, под Бердичевомъ оныхъ ляховъ збилъ и в замокъ манджалѣвскій вгналъ, где принужденъ Рустичъ, оставя свое войско козакамъ на зарѣзъ и весь обозъ на жакъ, з мурѣ спуститя и съ недоумѣніемъ о животѣ прочь бѣжать». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 290—291. Но въ «Описаніи» нѣтъ разказовъ о томъ, какъ Палѣй вѣхалъ въ Очаковъ на явычарахъ, и о другомъ походѣ его на Очаковъ съ полковниками кievскимъ и переяславскимъ. Кажется, авторъ «Разговора» воспользовался здѣсь устнымъ преданіемъ о Палѣѣ и самъ лично провѣрилъ его въ Очаковѣ.

¹⁾ 1695 года Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ разными великороссійскими и слободскими полками, также и Мазепа со всѣми полками городовыми и

Въ году-жъ тысяча шестьсотъ девяносто шестомъ,
 Кагъ еъ ужасномъ сраженіи козаки были томъ,
 Они с туркомъ въ Озовъ (Азовъ) невтомимо бились,
 В страшномъ огнѣ на непріятели валились,
 Казали государу вѣрность и прислугу,
 Достать города пособляли другъ другу;
 Палили тамъ своя ружя безпрерывно,
 Хватали турецкіе партіи отрывно.
 При вреву російскихъ бомбъ, свой огонь давали:
 Мечемъ вооружены, враговъ устрашали;
 Схватывались с копіями на градскія онія стѣны.
 Не искали в кровныхъ трудахъ перемѣны
 И турковъ убивали не только стрѣлкою,
 Но и безчисленныхъ ихъ хватали рукою.
 Громъ, туча, трескъ ужасной казался тогда и стукъ.
 Вырывали знамена ихъ силою из рукъ
 И бросали оніе в свое войско с валу.
 Великую тѣхъ силу збивали помалу
 Зацепляли *пали* канатами водными,
 Сворачивали с валу силами своими,
 Разбивали, ломали каменныхъ стѣнъ заборъ,
 Ступали неровной в большой еще задоръ,
 Такимъ образомъ в городъ пролазъ учинили.
 В которой одни другихъ ввалится тѣснили.
 Почему турки, видя своей палбы неуспѣхи,
 Зажигали с порохомъ цѣліе уже мѣхи
 И бросали за стѣны на упадъ козаковъ,
 Изрыли близ валу и глубокой там же ровъ.
 Но и то козаковъ воспятить не могло:
 Вели ихъ до побѣды весело.

охотными и низовыми козаками, четыре турецкіе города каменные над Днѣпромъ
 в спасовъ мясопустъ взяли и начальниковъ и янчаровъ съ людьми и женами и
 дѣтми и съ богатствомъ въ Великую и Малую Россію забрали, а Казикермень и
 Муберекъ до фундамента разорили. Тамъ-же, стр. 293.

И такъ турки чалмами в нуждѣ замахали

И, знамена навлонивъ, мира просить стали:

»Помилуй, російской государь побидитель!

Даруй оставшимся животъ, будь нашъ свободитель!

Обще просимъ, — брчали, — с монархией цѣлой.

Довольно для тебя хвалъ, превосходишь насъ силой! «

Почему, при полученіи милости той,

Здали со всею аммуницею городъ свой:

Отдали все бывшіе припасы, богатства,

Мечетніе и городовіе изрядства.

Пятнадцать тысячъ моего войска было здесь.

Которой къ Лизогубу надлежалъ корпусъ весь.

Черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ тотъ

В воинскомъ семъ дѣйстви проливалъ трудовъ потъ.

Онъ то время будучи гетманомъ навазнымъ,

В прислугу отечеству учинился способомъ разнымъ:

Управлялъ, показывалъ примеръ самъ собою,

При великороссійскихъ слылъ и в своемъ бою.

И с какимъ стремленіемъ твои рвались полки,

С толикою ревностью и мои бились козаки.

Гдѣ з Лизогубомъ были знатнѣйшіе в войнѣ

Три полковники, командующіе во мнѣ, —

Михайло Бороховичъ гадяцкой полковникъ,

Леонъ Свѣча лубенской такой-же чиновникъ,

Прилуцкій полковникъ Горленко Дмитрій,

Все сіи отбывали турковъ проэкть хитрій.

Государь, видя вѣрность с усердіемъ моихъ,

Пятнадцать тысячъ рублей роздалъ на рядовыхъ,

А знатнѣйшимъ сотвикамъ і полковымъ старшинамъ

По пятнадцати червонцовъ указалъ и самъ.

Полковники-жъ з Лизогубомъ большъ награждены,

Собоями и денгами обогащены¹⁾.

1) «1696 года... выправился повторно под Азовъ его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ съ множайшими войсками и запасомъ строино, куда повелѣлъ и малороссійскаго войска 15000 ступать, которое тотчасъ гетманъ вы-

Напомяну еще, вакъ турковъ корпусъ не малый
 Розбилъ атаманъ запорожкій Яковъ Чалый.
 С малымъ числомъ козаковъ онъ по морю ходилъ,
 Восѣмъ вораблей взялъ, самыхъ ихъ много плѣвилъ ¹⁾.
 А чрезъ тридцать семь лѣтъ по сраженіи ономъ
 С какимъ отошли ляхи отъ меня урономъ!
 Ибо какъ въ Полщѣ баталѣя учинилась
 И подъ Солодковцами моя часть сразилась,
 То партизаны Ля(е)щинского прогнаты прочь,
 Не могли управитя, употребя всю мочь.
 И все войско полское отъ козаковъ збито,
 Такъ что поля на десять версть было покрыто,
 По которымъ мертвіе и тѣла лежали,
 Кои какъ снопы все пространство устилали.
 А особливую заслуживаетъ хвалу
 Галаганъ полковникъ, оказавшійся въ войну ту.

правиль, опредѣлить над ними командира чернѣговскаго полковника Якова Лизогуба и съ нимъ полковниковъ: гадяцкаго Михайла Бороховича, прилуцкаго Дмитрия Горленка и лубенскаго Леона Свѣчку... Когда изъ города турки выпоромъ а и с поля орда на козацкій обозъ шкодливо нападать стали, тогда козаки, нѣмецкихъ подкоповъ и штурмовъ не дожидаясь, сами дерзновенною охотою чрезъ валь азовскій съ турками великій бой вчиняли и цѣлый день в огнѣ страшномъ на неприятеля валячися, прислугу свою государю являли тамъ, з оружья палачи непохибно и с конями на стѣну скачучи, не токмо турковъ стрелбою, но и зручъ ламали и убивали, хоругви ихъ хватали и, канатами водними за палѣ градскіе закидая, з валу оные ворочали, и въ городъ дыру дѣлали, и на дыру тую одни предъ другими въ городъ ввалитися тщились и захочивали себе. А такъ турки, не могучи козаковъ оружіемъ отбить, мѣшкаки съ порохомъ, приправляя огонь, за стѣны кидали и козаковъ обжигали; потомъ ровъ глубокой въ городѣ близъ штурму ископали на упадъ козакамъ. Но ни мѣшки, ни ровъ не помогли туркамъ; козаки бо, когда турецкій блякавзъ 17 іюля подкопали, и оного ночью доставши, четыре орматы тамъ и прочего взяли, тогда турки рано, увидѣвши сіе, также и тое, что еще они-жъ смѣлѣе собираются въ великіе партіи и, нещадя себе, сильно нападать на городъ начинаютъ, предъ очима его царскаго величества, оня 18 іюля замахали шапками и, хоругви наклонивши, стали на миръ взывать и милость у государя просить, что и получили». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 294—5.

¹⁾ О Чаломъ ничего не сказано въ «Краткомъ описаніи Малороссіи». Что въ 1696 г. онъ былъ кошевымъ атаманомъ, объ этомъ см. «Исторію Новой Сѣчи» А. Скальновскаго, 2 изд. 1846 г., т. II, стр. 133.

Онъ своимъ полкомъ протчихъ славою превосходилъ,
 Страшилище и грозу полякомъ наводилъ¹⁾.
 Ужрощали козаки турковъ тожь свирѣность,
 Когда доставали и Очаковъ ихъ крѣпость.
 Тогда какъ похулилъ моихъ преданность Минихъ,
 Помниш-ли, какъ оправдалъ Лессій сихъ невинныхъ?
 Да и подъ Хотѣню козаки бодрость и вѣрность
 Возобновляли прежню храбру свою древность.
 Не думай, что не могу похвалится славою.
 Какъ и з шведами была война подъ Полтавою,
 Гдѣ славной тотъ мой, хотя дряхль уже былъ, Палѣй
 Грозилъ непріятельской шведской арміи всей³⁾.
 В.-Р. Ага, такой-то в тебѣ храбрости примѣта,
 Что измѣнила ты около того лѣта!
 М.-Р. Ахъ, ахъ! куда какая спесь и строгитивость права!
 Если опомвишся, не останешся права.

¹⁾ «Король польскій Августъ Второй въ 1733 году умерлъ, и того ради, къ воспященію умысла короля Станѣслава Лѣщинскаго (францкому королю тестя) и къ усмиренію многихъ поляковъ—партизентовъ, а къ возведенію на тронъ Августово сына Фридерика, командированы от ея величества государини императрицы войска великороссійскіе и малороссійскіе въ Польшу, где оные войска и зимовали на 1734 годъ и далѣй; а надъ малороссійскимъ войскомъ и надъ бунчуковыми былъ въ томъ походѣ главнымъ командиромъ обозный генеральный Яковъ Ефимовичъ Лизогубъ... Да тогда-жъ зимою еще пошли многіе полки великороссійскіе и малороссійскіе, съ полковникомъ прилуцкимъ Галаганомъ, при князѣ Алексѣи Шаховскомъ, въ польскую сторону для разоренія маестностей партизантовъ или конфедератовъ короля Станѣслава, и имѣли съ ляхами баталію и побѣдили ихъ; тамъ Галаганъ мужественно показался». Тамъ-же, стр. 316—7. Но въ «Описаніи» нѣтъ подробностей и мѣста сраженія.

²⁾ Объ отзывѣ Миниха относительно козаковъ см. выше. Объ участіи козаковъ во взятіи Хотина въ 1739 году см. «Исторію Россіи», Соловьева, т. XI, стр. 156—157. См. «Исторію Новой Сѣчи», Скальковского, 1846 г., т. II, стр. 105 и 109.

³⁾ «1709 року напередъ указомъ государевимъ Палѣя з Сѣбѣра сискаво и милость къ нему показано, который удостоился видѣть побѣду надъ шведами подъ Полтавою и самъ тамъ же на конѣ, хотя уже поддерживанный, ездилъ, побуждая войско, дабы непріятелю сламанному не дали ободритись (вар. обозрѣтись), пока весма ослабѣють и сдадутся». См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 301.

Ты сама общалась ужъ мнѣ вѣрить,
 Непрекословить и праведной мѣрой мѣрить.
 А за чимъ опять злобной начинаешь задоръ,
 Вступаешь в ненавистной и враждебной вновь споръ?
 Вся несправедливо язвись и обидно.
 Тебѣ-бъ и думать такъ про меня, право, стыдно.
 Ибо измѣна тогда не всей меня была —
 Отъ одного Мазелы толко произойшла,
 С коимъ никогда о томъ не соглашалась я.
 Если же сіе меня не можетъ оправдять
 И буди то, что онъ былъ, станешь вѣль твердить:
 То вспомни ты сама всѣхъ измѣнниковъ своихъ
 И разныхъ государственныхъ преступниковъ злыхъ!
 Ты одного такого с жаждой нашла во мнѣ,
 А я легко видѣла сто подобныхъ въ тебѣ.
 А естли еще стрѣльцовъ и другихъ мѣлкихъ счастье,
 То и к болшимъ порокамъ могу тебя довести.
 И то ты поступаешь; мнѣ-жъ двоихъ сотъ лѣтъ еще
нѣтъ.
 Какъ поддавалась, да такихъ не видишь во мнѣ примѣтъ.
 И буди не знаешь иль забыла родъ связныхъ
 Измѣнниковъ своихъ и преступниковъ разныхъ,
 Кои казненны во вѣчной ссылке по смерти жиди.
 Разжалованы и под карауломъ были;
 То я здесь-же пред тобою считать стану,
 Представлю, какъ было, и скажу без-обману.
 Кои противъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичевъ в
змѣни обличень
 И князь Василій Голицынъ на Сибирь сосланъ,
 Потому что когда былъ противъ татаръ посланъ,
 Воротился назадъ празденъ, Перекопъ оставилъ,
 Чтѣ онъ здѣлалъ для татаръ, обрадовавшись вдругъ,
 Какъ скоро поднесли ему червонцовъ бурдюгъ,
 Въ которомъ сверху толво добри лежали

А в средину ложніе в обманъ наполняли ¹⁾.
 Да и Шереметевъ что получилъ,
 Когда російскому государю изменивъ?
 Не отъ самихъ-ли ляховъ отданъ былъ в неволю,
 Гдѣ болшь двадцати лѣтъ проплакалъ свою долю!
 Коего багъ самого, такъ и войско его
 Держали татаре во утѣсненіи всего.
 Ибо бояринъ оной великороссійской,
 Кагъ напалъ на него и козаковъ ханъ крымской
 И поляки, то с ними усовѣтовался онъ,
 Чтобъ войско російское ис Кіева вывезть вонъ
 И ляховъ туда пустить, а козаковъ бы всѣхъ,
 Бывшихъ при себѣ, выдать татарамъ в мѣстахъ тѣхъ.
 Какой Шереметовой измѣны не стерпѣвъ,
 Цицюра наказній мой гетманъ, кой сколко зрѣвъ,
 Какъ начали уже татарскому народу
 Отдавать всѣхъ козаковъ за хлѣбъ, соль и воду,
 Почему, оставивъ его, сквозь татаръ пробились
 И такъ от нихъ хотя с урономъ свободились.
 Дали-жъ Шереметева ляхамъ тѣмъ,
 Что не вдоволствовалъ ихъ в договорѣ своемъ:
 Ибо не токмо не могъ впустить въ Кіевъ ляховъ,
 Но недопущень туда и самъ от козаковъ.
 Такимъ образомъ хотѣлъ онъ моихъ погубить,

¹⁾ «Въ року 1689 повторно на Крымъ князь Василій Василіевичъ Голицинъ и гетманъ Мазела и боярины—Шейнъ, Долгоруковъ, Жижевъ, Шереметевъ и Шепелевъ, съ обоенародными войсками пошедши, под Самарю въ апрѣлѣ стали», а отсюда пришли под Перекопъ. Но татаре, «вдавшись до хитростей, когда войска начали под Перекопъ шанцами приступати,...—мира искаая, поступили князю Голицину искупъ и ложными червонцами, въ бурдюги насыпанными, его обманули, сверху толко добрыми прикрывши. И тако все войско, хотя съ трудомъ, однакъ охотно, ради користи и славы, Крыму достигшее, принуждено от стѣнъ градскихъ съ жалемъ и руганіемъ на гетмана отступитъ, который мусѣвъ предъ войско висехать и, его невинность показивая, лагодно ихъ укротитъ». Бояре за измѣну были казнены и Голицынъ на Сибирь сосланъ. Тамъ-же, стр. 288—289.

Но самъ попалъ в неволю, какъ вздумалъ измѣнить ¹⁾).
 Что-бъ россійскіе наши цари здѣлали с нимъ,
 Если-бъ не татарамъ, но достался бъ тогда имъ?!
 Но сего недоволю: еще былъ злой навѣтъ,
 Пребывъ только послѣ сего пятьдесятъ осмь лѣтъ.
 И вспомни, и кого и за что Петръ первій казнилъ,
 Какъ с иностранныхъ землей в отечество прибылъ!
 Не Лопухина-ль и другихъ сверстниковъ того?
 Не за измѣну-ль противъ Величества Его?
 Свидителемъ чему Скоропадскій мой гетманъ,
 Бывшій с полковниками своими тогда тамъ,
 Кой с Москвы за государомъ ѣздилъ в Питербургъ,
 Отъ кого с милостію отпущенъ обратно в мой кругъ ²⁾).

¹⁾ «Юрій Хмельницкій, учинивши на Кодачку совѣтъ съ бояриномъ Василіемъ Васильевичемъ Шереметьевымъ ступать войною в Польшу, въ року 1660, сам Гончарихою особенно, а бояринъ з Цюцюрою, наказнимъ гетманомъ, на Котелю пошли, намѣревая оба подъ Львовомъ сойтись». Но король польскій и ханъ крымскій неожиданно «напали на великороссіанъ и козаковъ под Чудновомъ и Слободищами и, побѣдивши, многихъ осадили. Где Хмельницкій, въ особенности будучи, многократно бой дѣлалъ. Видя-же неприятелскую силу великую и умножающуюся, смирился предъ ляхами; а Шереметьевъ, не во время познавши, что напрасно съ гетманомъ порознился, по долгомъ своемъ и нуждномъ и холодномъ и безводномъ съ Цюцюрою облежени, утрактовалъ съ поляками, чтобъ козаковъ, при немъ сущихъ, выдать татарамъ, войско россійское съ Киева выведши, ляховъ туда впустить и прочая. Якой неправости не терпя Цюцюра, — ибо уже начали татарамъ за хлѣбъ, за соль, за воду козаковъ отдавать, — оставивъ Шереметьева, и хотя съ потеряниемъ войска своего, сквозь татаръ пробился. Тогда убо Шереметьевъ, какъ не возмоглъ статей мирныхъ въ дѣло привести, понеже князь Барятинскій, въ Киевѣ съ войскомъ обрѣтаясь, не токмо ляхамъ, но ему Шереметеву не далъ и близко до Киева приступить, — а таки ляхи, его атаковани, живого самого и войско его в награжденіе татарамъ отдали, у которыхъ въ неволѣ онъ Шереметьевъ болше дванадцати лѣтъ сидѣлъ; офицеровъ-же его для окупу себѣ поляки оставили». Тамъ-же, стр. 256—257.

²⁾ «Возвратясь з Франціи, его царское величество государь Петръ Алексѣевичъ въ 1718 году билъ въ Москвѣ со всѣмъ дворомъ его монаршимъ, когда сужено Лопухина и другихъ казнено за измѣну, куда и гетманъ Скоропадскій съ полковникомъ чернѣговскимъ Павломъ Полуботкомъ, да съ лубенскимъ полковникомъ-же Андреемъ Марковичемъ и съ писаромъ войсковымъ Семеномъ Савичемъ и

А чрезъ десять потомъ лѣтъ кто подъ караулъ взять
 И кого велено из твоихъ в ссылку послать?
 Не графъ-ли Петръ Андреевичъ Толстой прозывался?
 Не тотъ-ли за преступленіе туда попался? ¹⁾
 Въ тысяча семьсотъ тридцать шестомъ году потомъ,
 Какъ козаки в сраженіи съ татарами были томъ,
 Кое происходило на Черной Долинѣ,
 По перемѣнной с обохъ сторонъ судьбинѣ
 Гдѣ многихъ тѣхъ прежъ мон было порубили,
 Потому когда татаре себя укрѣпили,
 То оныхъ запорожскихъ козаковъ прогнали.
 У слободскихъ полкахъ премногихъ погубляли,
 Куда бывшій в тебѣ Шейнъ генераль посланъ былъ,
 Чтобъ російску партію ту отъ татаръ приерылъ;
 Но понеже, могучи, онъ помочи не далъ,
 То суди сама, не в змѣну-ль чрезъ то попалъ
 И не в вѣчнiе-ли былъ садаты осужденъ ²⁾?

прочими ездилъ до государя, а зъ Москви онъ-же гетманъ зъ старшиною ездилъ за государемъ до Санктъ-Петербурга для повиданія строенія онаго, — и съ милостию монаршою отпущены. См. «Краткое описаніе Малороссіи», стр. 304.

¹⁾ 1721 года «напередъ, по взятіи старого Толстого съ товарищи за караулъ и въ ссылку, велено и сыну его, полковнику нѣжинскому, сехать з Малой Россіи на житло въ Великую Россію». Тамъ же, стр. 311—312.

²⁾ О сраженіи у Черной Долины извѣстно слѣдующее: въ 1736 году, во время крымскаго похода, бывшій кошевой Иванъ Малашевичъ съ охотниками окруженъ былъ татарами у Черной Долины (урочище Черная Долина, нынѣ станція на перекопской почтовой дорогѣ, днѣпровскаго уѣзда), но не только спасся самъ со многими козаками, но еще и сотни плѣнныхъ татаръ—ногайцевъ къ Миниху представилъ. См. «Исторію Новой Сѣчи», А. Скальковскаго, 2 изд. 1846 года, ч. II, стр. 95. Но едва-ли была какая-либо измѣна со стороны Шейна, хотя онъ и могъ подвергнуться какому-либо штрафу или наказанію отъ вспыльчиваго и опрометчиваго Миниха. Въ 1742 году послѣднему ставили въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ, въ «свою при армія бытность не токмо съ меньшими російскими офицерами. и многожды и безъ суда, не по достоинству офицерскому, въ штрафахъ поступалъ, но и на штабъ-офицеровъ солдатской штрафъ налагалъ; и въ первомъ перекопскомъ походѣ нѣкоторыхъ изъ старыхъ шляхетскихъ фамилій російскихъ полковниковъ, ругаясь, подъ ружье ставилъ, и такъ

Но и еще не весь зборъ таимъ в тебѣ сочинень.
 Напомню тебѣ генерала-адмирала
 И кабинетъ-министра, коего ты знала,
 Андрея Остермана, графа бывшего тежъ;
 Напомню фелтмаршала въ годенъ тѣжъ,
 Но сего помилованного уже оставлю.
 Левенвольда-жъ оберъ-гофъ-маршала представляю!
 Спрошу тебя,—гдѣ Михайло Головинъ дѣвался,
 Тотъ, которій еще канцлеромъ твоимъ считался!
 Гдѣ Мейгденъ комерцъ-колежской президентъ бывшій?
 Да гдѣ и с тѣми развѣ в чести прежде жившій,
 Кой дѣйствительнй статской былъ уже совѣтникъ?
 Не здѣлался-ль и сей помянутымъ причетникъ?
 И не всѣ-ли оны в измѣнѣ обличены?
 Не всѣ-ль къ смертной казни были осуждены
 За погрѣшность противъ государева лица
 И зъ государственнй многя воровства?
 Но всемилостивѣйша однакъ Елисаветъ,
 Чтѣ присудилъ—было тѣмъ весь генералъветъ,
 По милосердію изволила то унять
 И вмѣсто смертной казни вѣчно в ссылку сослать¹⁾.

ихъ предъ всею арміею водилъ, изъ нихъ-же нѣкоторыхъ п скованныхъ держалъ: свойственниковъ-же своихъ и адгерентовъ не по ихъ достоинству производилъ». См. Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. XI, манифестъ 22 генваря 1742 г., стр. 572.

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ измѣнникахъ основаны исключительно на высочайшемъ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны отъ 22 генваря, 1742 года, объ отмѣнѣ смертной казни приговореннымъ къ оной генеральнымъ судомъ государственнымъ преступникамъ Остерману, Миниху, Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темиряеву, изобличеннымъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ къ устраненію отъ наслѣдія императорскаго всероссійскаго престола императрицы Елизаветы Петровны и къ доставленію онаго потомству принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской. Генеральный судъ положилъ всѣхъ этихъ государственныхъ преступниковъ казнить смертію, «а именно: Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а Головкину, Левенвольду, Менгдену и Темиряеву отсѣчь головы, а движимыя и недвижимыя ихъ имѣнія взять» на государыню. Но императрица Елизавета Петровна всемилостивѣйше

Вотъ, смотри! однимъ ты меня попрекнула разъ,
А я сколько сосчитаю твоихъ къ царямъ уразъ!
Мазепу толко твердишь, а своихъ забыла,
Недавно тысячными глаза заслѣпила.
Ибо одного легче помнить и усмотрѣть,
Многими-жъ глаза можно помрачить, какъ глядѣть.
Упомяну противъ того славной в себѣ:
Знаешь-ли Разумовскихъ, родившихся во мѣѣ,—
Какъ Елисаветъ одинъ изъ тѣхъ услужилъ,
Какъ и Екатеринъ другой вѣрность открылъ?..

вѣйше «указала ихъ отъ той приговоренной смертной казни освободы, сослать въ заточеніе, а именно: Андрея Остермана въ Березовъ, Миниха въ Пелымъ, Головкина въ Германгъ, Мендена въ колымской острогъ, Левенвольда къ Соли-Камской, Темпрязева въ ссылку въ Сибирь, въ которыя мѣста, какъ его Остермана, такъ и прочихъ жепъ, ежели похотятъ, отпустить-же съ мужьями, а всѣ ихъ собственныя движимыя и недвижимыя имѣнія взять» на ее—государыню. Сж. Полное собраніе законовъ Росс. Имперіи, т. XI, стр. 567 и слѣд.

Дневникъ Станислава Рсвѣцима

(в ъ и з в л е ч е н і и)

1643—1651 г.

(Продолженіе).

1650 г.

Начало года посвящено описанію засѣданій сейма, собравшагося въ Варшавѣ, при чемъ записано слѣдующее извѣстіе о посольствѣ, явившемся на сеймъ отъ Хмельницкаго ¹⁾.

Января 6. Прибыли въ Варшаву послы отъ войска Запорожскаго. Присылка ихъ была давно обѣщана: ихъ ожидали и, наконецъ, надежду уже потеряли. вмѣствъ съ послами возвратился стольникъ варшавскій, Станиславъ Гульчевскій, который посланъ былъ къ козакамъ по настоянію Хмельницкаго, для того, чтобы присутствовать при составленіи переписи войска запорожскаго въ количествѣ 40,000, согласно статьямъ договора, заключеннаго подъ Зборовымъ. Пословъ козацкихъ было пять: первымъ былъ Максимъ Несторенко, старый и заслуженный въ ихъ войскѣ козакъ, отъ всей души ненавидящій ляховъ, что онъ многократно доказалъ, особенно-же при взятіи Кодака. Послѣ долгой осады гарнизонъ этой крѣпости сдался, полагаясь на слово и торжественную присягу Несторенка, обѣщавшаго сохранить сдавшимся жизнь и имущество; но онъ слова не сдержалъ и присягу нарушилъ, ибо, когда солдаты разошлись уже по селамъ, онъ напалъ на нихъ, однихъ отдалъ въ тяжелую неволю, другихъ жестоко перебилъ. Другой посолъ былъ Ясько Войченко изъ Крылова; третій—Иванъ Креховецкій, писарь войска запорожскаго; четвертый—Нагнитъ изъ Черкасъ; пятый—Щербина изъ Канева.

¹⁾ Стр. рукописи 1017—1019.

7 числа. Вышеупомянутые козаціе послы изложили порученное имъ въ частной аудіенціи у короля и отъ имени своего гетмана передали вновь составленный, согласно съ условіями зборовскаго договора, регистръ войска запорожскаго. Составленіе этого регистра было лучшимъ доказательствомъ искренности и повиновенія Хмельницкаго, а также гарантіею хотя кое какого замиренія. Большинство пановъ нашихъ, опытныхъ въ политикѣ, были убѣждены, что Хмельницкій не имѣлъ желанія и, еслибы даже желалъ, то не былъ въ состояніи исполнить этого условія, до того казалось труднымъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ оставшихъ хлоповъ столь малое число признать козаками, всѣхъ же остальныхъ вновь обратить въ крѣпостное состояніе. Однако въ этомъ дѣлѣ онъ выказалъ столько ума и сообразительности (мы это признать должны), что умѣлъ совершить то, что обѣщалъ, хотя дѣло всѣмъ казалось невозможнымъ. Книга, въ которой списаны регистры, форматомъ въ листъ и довольно толстая, ибо столько именъ и фамилій должно было занять много мѣста. Такъ какъ вся книга для скорого прочета неудобна и по своему объему и потому, что вся написана русскимъ письмомъ, то послы, для удобства короля и другихъ лицъ, которымъ необходимо было ознакомиться съ дѣломъ, представили краткое извлеченіе, скрѣпленное гербовою печатью и подписью Хмельницкаго, заключающее въ себѣ перечень полковъ и сотенъ съ обозначеніемъ количества козаковъ въ каждой.

Въ рукописи приложена копія этого перечня; мы ее не помѣщаемъ, потому что полный регистръ былъ уже напечатанъ покойнымъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году. Въ перечень Освѣщима общая цифра козаковъ выставлена 40,477.

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ описаніе засѣданій сейма, дневникъ путешествія Освѣщима въ Венецію и обратно и описаніе приѣма московскаго посольства, пріѣхавшаго въ Варшаву 16 Марта. Дневникъ продолжается только до 1 апрѣля, остальные 9 мѣсяцевъ 1650 года утеряны и продолженіе начинается только съ 24 января 1651 года.

1651 г. ¹⁾).

Января 24. Вчера выѣхалъ изъ Львова кастелянъ браковскій, гетманъ великій коронный (Николай Потоцкій); передъ выѣздомъ онъ получилъ письма отъ ротмистра Мазовецкаго, от-

¹⁾ Дневникъ за 1651 годъ занимаетъ страницы рукописи 1088—1250.

правленныя 28 декабря минувшаго года изъ Турціи. Мазовецкій еще осенью отправленъ былъ въ качествѣ агента въ Турцію и ему поручено было стараться отклонить турокъ отъ союза съ Хмельницкимъ, убѣдить Порту, чтобы она не допустила брака Тимофея на дочери господаря и попытаться выхлопотать официальный приказъ татарамъ, для удержанія ихъ отъ войны. По сообщенію его въ упомянутомъ письмѣ, турки не довольны союзомъ татаръ съ козаками, но не могутъ ему воспрепятствовать, такъ какъ силы ихъ заняты войною съ Венеціею, почему они должны смотрѣть сквозь пальцы на эту дружбу и притворно ее разрѣшать; они также сильно не одобряютъ предполагаемый бракъ и отправили приказъ господарю молдавскому, чтобы онъ не отдавалъ дочери въ супружество бунтовщику; вообще всѣ дѣйствія турокъ въ пользу Хмельницкаго предпринимается лишь для того, чтобы выиграть время, ибо въ настоящемъ они не имѣли-бы возможности сопротивляться его могуществу. Мазовецкій прислалъ притомъ вполне вѣрное извѣстіе, что Хмельницкій, желая привлечь хана къ участию въ предпріятіи относительно женитьбы сына (на свадьбу-же онъ не желалъ отправляться безъ оружія), жаловался ему черезъ своихъ пословъ, будто мы, нарушая статьи договора, нападаемъ на него и готовимъ ему гибель. Но посольство это возвратилось съ неблагоприятнымъ отвѣтомъ, ибо ханъ нашелъ невозможнымъ для себя прійти ему въ помощь со всѣмъ своимъ войскомъ, такъ какъ силы его были значительно ослаблены потерей людей и лошадей, какъ во время осенней экскурсіи въ Волощину, такъ и вслѣдствіе сраженія съ калмыками, случившагося зимою; онъ совѣтовалъ Хмельницкому не выступать изъ своихъ границъ и выдержать натискъ до весны, забавляя ляховъ посольствами и напоминаніями о заключенномъ договорѣ; въ случаѣ крайности онъ обѣщалъ прислать въ помощь 12,000 орды, весною-же явиться со всѣми своими силами.

Въ то-же время король получилъ предостереженіе отъ императора о томъ, что изъ числа солдатъ, распущенныхъ послѣ водворенія мира въ имперіи, 4,000 отборныхъ воиновъ поступили на жалованье къ Хмельницкому, и что они намѣрены вторгнуться въ Польшу со стороны Спизжской земли, поднять тамъ крестьянское возстаніе въ горахъ, и затѣмъ напасть на Краковъ и попытаться такимъ образомъ развлечь наши силы.

Въ это-же время, какъ это обыкновенно случается во время войны, заразы и другихъ общественныхъ бѣдствій, стали рас-

пространяться различныя неблаговидныя слухи и подозрѣнія на счетъ разныхъ особъ, въ томъ числѣ и на счетъ князя Вишневецкаго. Завистливые люди утверждали, будто онъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ враги лишили его всѣхъ помѣстій, обращался съ просьбою о займѣ значительной суммы къ Ракочію (князю семиградскому), тайному врагу нашего отечества и неизмѣнному союзнику Хмельницкаго, и предлагалъ ему отдать въ залогъ своего сына ¹⁾.—Удивительно злословіе коварныхъ людей! Будто сынъ столь знатнаго и славнаго вельможи, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ отечествѣ, единственное украшеніе своего рода, зѣвица ока своего отца, могъ быть отданъ подъ залогъ денежной суммы явному врагу отечества! Будто князь Вишневецкій лишенъ былъ въ отечествѣ друзей и родственниковъ, которые-бы не отказали ему въ помощи. Въдъ мы видѣли, что многіе, совершенно ему посторонніе люди, не связанные съ нимъ узами родства, руководимые лишь уваженіемъ къ его славѣ и заслугамъ, представляли въ его распоряженіе и пользованіе свои дома и помѣстья. Поводомъ къ этимъ толкамъ злонамѣренныхъ людей послужило, между прочимъ, то обстоятельство, что князь, получивъ отъ короля порученіе нанять 700 людей для предстоящей войны, отказался отъ этого и возвратилъ полномочіе; князь поступилъ такимъ образомъ потому, что онъ хотѣлъ отрядъ этотъ доставить на службу Рѣчи-Посполитой на свой счетъ и не желалъ отдавать въ наемъ собранной имъ милиціи. Поскупокъ этотъ былъ перетолкованъ людьми, привыкшими вмѣшиваться въ чужія дѣла, и послужилъ основаніемъ приведенныхъ подозрѣній и сплетенъ.

Февраля 12. Въ Украинѣ собиралась страшная гроза. Хмельницкій, не успѣвши устроить брака своего сына въ Волощивѣ, по причинѣ препятствій, встрѣченныхъ имъ со стороны нашего войска, рѣшился силою осуществить свое намѣреніе и возобновить съ нами войну, расторгнувъ договоръ, скрѣпленный присягою и отстранивъ комиссію, назначенную для разсмотрѣнія этого дѣла; болѣе заслуженные козаки высказывали однако въ тайнѣ, что они удовлетворены королемъ, что Хмельницкій посягаетъ на то, что ему не слѣдуетъ и долженъ самъ нести отвѣтственность за свое предпріятіе, они-же готовы отстать отъ него, лишь бы пользоваться спокойствіемъ.

¹⁾ Будущаго польскаго короля—Михаила.

Желая обезпечить себя, Хмельницкій всѣми силами хлопоталъ о томъ, чтобы ханъ далъ ему вспомогательное войско и чтобы онъ самъ принялъ участіе въ походѣ. Но такъ какъ ханъ не могъ лично явиться по вышеизложеннымъ причинамъ, то отправилъ въ походъ своего брата, султана Нуредина, съ 10,000 отрядомъ, давъ ему притомъ тайный наказъ избѣгать сраженій и состоять лишь въ качествѣ стражи при Хмельницкомъ, въ случаѣ-же большой опасности немедленно о томъ извѣстить его, обѣщая, въ такомъ случаѣ, двинуться на помощь со всею ордою съ наступленіемъ весны. Полагаясь на это обѣщаніе и на вспомогательный отрядъ султана Нуредина, Хмельницкій выступилъ изъ Чигрина 16 февраля и направился въ Баръ. За недѣлю до его выступленія поднялась вся почти Уврайна—взрослые и малолѣтніе, старые и молодые, помышляя объ истребленіи насъ, не думая вовсе о предположенной комисіи и желая лишь предупредить соединеніе нашихъ войскъ. Но въ этомъ отношеніи надежда ихъ не оправдалась, ибо польный коронный гетманъ Калиновскій, которому поручено было въ то время главное начальство надъ войскомъ (великаго гетмана, Николая Потоцкаго, король удержалъ при себѣ подъ предлогомъ необходимости пользоваться его совѣтами, но правдоподобнѣе, какъ носились слухи, потому, что не довѣрялъ его распорядительности), совокупилъ все войско у Бара, какъ о томъ выше было сказано, и, узнавъ о томъ, что крестьяне возстаютъ въ Брацлавщинѣ и собираются въ отряды, рѣшился заблаговременно предупредить ихъ и не дозволить имъ соединиться. Онъ выступилъ 19 февраля изъ Бара по направленію къ Линцамъ, съ цѣлью преградить путь врагамъ, и того-же числа вечеромъ остановился въ мѣстечкѣ Станиславовѣ. Здѣсь онъ узналъ, что брацлавскій полковникъ Нечай, одинъ изъ главнѣйшихъ бунтовщиковъ, котораго козаки считали первымъ лицомъ послѣ Хмельницкаго, вопреки статьямъ договора, которыя воспрещали обѣимъ сторонамъ переходить пограничную черту, занялъ мѣстечко Красное, лежащее за назначенною чертою, и расположился въ немъ. Гетманъ Калиновскій воспользовался этимъ предлогомъ для нападенія и 20 февраля, въ понедѣльникъ на масляницѣ, выступилъ изъ Станиславова, отправивъ впередъ часть войска подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, Станислава Лянцкоровскаго. Послѣдній съ тремя козацкими хоругвями (старосты черкаскаго Киселя, старосты улановскаго Казимира Пьсечинскаго и Криштофа Корицкаго) неожиданно за-

хватилъ въ расплохъ врага, не помышлявшаго объ опасности, и, ворвавшись въ мѣстечко, привелъ козаковъ въ большое смятеніе. Нечай, бывшій въ то время на-веселѣ, когда его извѣстили о приходѣ войска, полагалъ, что въ Красное прибылъ съ козаками сотникъ Шпакъ изъ Мурахвы; потомъ, убѣдившись, что дѣло не шуточное, вскочилъ на коня, сталъ сражаться, какъ подобало храброму юнаку, и первачомъ своимъ подгонялъ козаковъ въ битву; но среди безпорядка и суматохи онъ не могъ организовать сопротивленія и, храбро защищаясь, палъ въ битвѣ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ легло много козаковъ. Между тѣмъ болѣе знатные сотники: Гавратынскій, Красносельскій, братъ Нечая, Кривецкій, Степко ¹⁾ и другіе съ значительнымъ количествомъ стрѣлковъ отступили въ замокъ. Хотя крѣпость эта была неприступна съ трехъ сторонъ, съ четвертой-же стороны охранялась прорубями, подѣланными во льду, гетманъ, желая сразу воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, приказалъ немедленно иноземной пѣхотѣ идти на штурмъ; но враги отбили приступъ съ успѣхомъ; затѣмъ польская кавалерія, охотно сѣвшившись, стала поддерживать въ штурмѣ отступившую пѣхоту и вбѣжала съ развернутыми знаменами на валы; но Провидѣнію угодно было иначе распорядиться и наши, не одержавъ успѣха, должны были продолженіе сраженія отсрочить до слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ кавалерія выстроилась въ боевой порядокъ, иноземному-же (наемному) войску, какъ пѣхотѣ, такъ и драгунамъ, гетманъ приказалъ опять идти на приступъ. Между тѣмъ враги ночью сожгли всѣ зданія, мѣшавшія защитѣ, и солдаты

¹⁾ Изъ „регистра войска запорожскаго“, составленнаго въ 1649 году и представленнаго королю въ 1650, мы знаемъ, что брацлавскій полкъ принадлежалъ къ числу болѣе многолюдныхъ и обширныхъ; въ немъ числилось 2,662 козака, и въ составъ его входило 22 сотни. Изъ числа лицъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ Освѣцима, въ регистрѣ, кромѣ полковника Данила Нечая, въ сотнѣ брацлавской записаны были два брата его: Матвѣй и Иванъ. Погибшій въ Красномъ, вмѣстѣ съ братомъ Даниломъ, былъ Матвѣй, такъ какъ Ивана мы встрѣчаемъ впоследствии (1654) въ званіи белорусскаго полковника въ Быховѣ. Романъ Шпакъ былъ въ 1649 сотникомъ брацлавскимъ, съ того-же времени очевидно перешелъ на сотничество въ Мурахву. Солтанъ Красносельскій уже въ 1649 году былъ, по всему вѣроятію, сотникомъ полковой брацлавской сотни; упоминаемый-же у Освѣцима Степко—это Степко Белоченко, сотникъ баглановскій. Василь Кривецкій и Грицько Кривенко числились въ 1649 году козаками брацлавской-же сотни. Въ селѣ Салиндахъ, райгородской сотни записанъ Василь Жидовчичъ,—можетъ-быть его разумѣть Освѣцимъ подъ именемъ Жидкевича; наконецъ Гавратынскаго мы не нашли въ регистрѣ брацлавскаго полка.

наши, по причинѣ усталости не имѣли успѣха, не смотря на то, что и кавалеристы польскіе, соскочивъ охотно съ лошадей, пѣшкомъ до поздняго вечера шли на валы на приступъ. Самъ гетманъ, цѣня мужество солдатъ и раздѣляя ихъ опасности, сошелъ съ коня и, поддерживая рѣшимость солдатъ, лично ходилъ на приступъ; даже конь его былъ раненъ выстрѣломъ. Во время штурма раненъ былъ полковникъ Денгофъ и многіе товарищи; нѣсколько офицеровъ и до 150 челяди и пѣхотинцевъ убиты. Наконецъ ночь раздѣлила сражавшихся и наши хоругви расположились вокругъ замка. Между тѣмъ козаки потеряли самоувѣренность и стали ночью перескакивать черезъ палисадъ, желая спастись бѣгствомъ; но это не удалось имъ и многіе сложили голову: шляхтичъ Гавратынскій, занимавшій у нихъ должность сотника, попалъ въ плѣнъ и потомъ былъ разстрѣлянъ въ Мурахвѣ; Жидкевичъ, писарь Нечая, также былъ взятъ въ плѣнъ, но онъ былъ впоследствии освобожденъ. Степко палъ въ сѣчѣ, Красносельскій пропалъ безъ вѣсти, братъ-же Нечая и Кривенко погбли вмѣстѣ со многими другими во время штурма (второго дня). Гетманъ тотчасъ отправилъ однѣ хоругви въ погоню за убѣжавшими, другія-же послалъ въ замокъ, куда ворвавшись, онъ изрубили всѣхъ остававшихся тамъ враговъ. Такъ счастливо кончилось это первое столкновение,

Февраля 23. Гетманъ сжегъ городъ и замокъ въ Красномъ и отправился въ Мурахву, зная, что тамъ собралось 2,000 козаковъ подъ начальствомъ сотника Шпака; но они, узнавъ о движеніи войска и не полагаясь на свои слишкомъ слабыя силы, заблаговременно отступили по направленію къ Днѣстру. Мѣщане и крестьяне изъ окрестныхъ селъ затворились въ городъ и упорно защищались, не желая впустить нашего войска, но потомъ должны были отступить изъ города и затворились въ замокъ, который очень сильно укрѣпили. На слѣдующій день осажденные сдались, выдали пушки и порохъ и принесли присягу, равно представили одного изъ среди себя, утверждая, что онъ былъ зачинщикомъ бунта; наконецъ они обратились къ гетману съ просьбою, чтобы онъ оставилъ гарнизонъ въ замкѣ для охраны отъ своевольныхъ людей, вслѣдствіе чего и былъ оставленъ отрядъ пѣхоты. Между тѣмъ войсковая челядь стала ходить въ замокъ, будто для покупки припасовъ, дѣйствительно-же солдаты привялись разбивать коморы, грабить провизію, медъ и другіе предметы. Гетманъ, желая вначалѣ-же пресѣчь этотъ беспорядокъ,

приказалъ, для примѣра другимъ, повѣсить пойманнаго на мѣстѣ преступленія одного солдата изъ отряда воеводы брацлавскаго (Лянцворонскаго). Хотя распоряженіе это и раздосадовало воеводу, но онъ принужденъ былъ на этотъ разъ проглотить обиду въ молчаніи.

Февраля 27. Усмиривши жителей Мурахвы, на сколько это возможно было въ то время, войско двинулось въ Шаргородъ. Мѣщане этого города заблаговременно озаботились о своей безопасности, за два дня до прихода войска, они прислали къ гетману изъясненіе своей покорности и высказали готовность, какъ вѣрныя королевскіе подданные, допустить войско въ городъ. Общія свои они дѣйствительно сдержали. Когда войско занимало въ теченіи нѣсколькихъ дней квартиры въ Шаргородѣ, пріѣхала къ гетману депутація мѣщанъ изъ Чернівець съ заявленіемъ готовности выдать оружіе и принести присягу вѣрности; точно также поступили и другіе близлежащіе города.

Марта 1. Гетманъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ до конца зимы и распредѣлилъ квартиры для войска, но потомъ, по неизвѣстной причинѣ, перемѣнилъ намѣреніе и войско, не занявъ назначенныхъ квартиръ, выступило въ Чернівцы, гдѣ и остановилось на ночлегъ 2 марта.

Марта 3. Оттуда войско двинулось къ мѣстечку Стину, въ которомъ затворились козаки и крестьяне изъ разныхъ мѣстечекъ. Во время похода пріѣхали къ войску двое мѣщанъ изъ упомянутаго мѣстечка, посланные, какъ кажется, войтомъ безъ вѣдома черни; они просили мира отъ имени всѣхъ жителей и взялись проводить войско въ Стину. Но едва наши приблизились, изъ мѣстечка въ лежащіе на пути хутора выбѣжало множество хлоповъ, вооруженныхъ самопалами, луками и другимъ оружіемъ. При приближеніи войска они стали стрѣлять, произносить угрозы, преподносить кукиши и, забывъ всякое приличіе, выставляютъ заднія части тѣла. Довольно долго они защищали входъ въ хутора и въ нижній городъ; наконецъ нѣсколько козацкихъ¹⁾ хоругвей, бросившись впередъ съ рѣшимостью, прогнали хлоповъ въ городъ и овладѣли хуторами; съ другой стороны воевода брацлавскій, принявъ на-

¹⁾ Упоминаемая въ составѣ польскаго войска козацкія хоругви не состояли изъ козаковъ; это были отряды легкой конницы польскаго войска, вооруженные по образцу козаковъ, почему и носили названіе хоругвей козацкихъ, въ противоположность тяжелой конницѣ, называвшейся: гусарами и панцырниками.

начальство надъ пѣхотою и частью конницы, атаковалъ нижній городъ и вскорѣ, съ Божьею помощью, заставилъ враговъ отступити въ городъ верхній. Послѣдній защищенъ неприступнымъ мѣстоположеніемъ и доступъ къ нему возможенъ лишь съ одной стороны. Потому хотя гетманъ и покушался взять его приступомъ, но не имѣлъ никакого успѣха; пальба изъ пушекъ также мало вреда наносила осажденнымъ; послѣдніе-же отказались рѣшительно сдаться и выдать свою старшину. Начались переговоры; осажденные предлагали дать для удовлетворенія войска 4,000 злотыхъ и просили гетмана не проливать ихъ крови, увѣряя, что они вѣрные подданные калусскаго старосты, пана Яна Замойскаго. Гетманъ, видя что невозможно ничего добиться силою, согласился принять такое доказательство ихъ покорности и удовлетворился лишь тѣмъ, что потребовалъ у нихъ присяги.

Марта 4. Послѣ принесенія присяги, изъ города прислали вмѣсто обѣщанныхъ 4,000 злотыхъ только 1,000. По опредѣленію общаго совѣта гетманъ отправилъ обратно эти деньги черезъ товарища хоругви брацлавскаго воеводы и отпустилъ назадъ тѣхъ хлоповъ, которые ихъ принесли.

Марта 5. Приказано было войску выступать въ Черніевцы, но въ одной лощинѣ вблизи города оставлены были въ засадѣ три хоругви. Когда войско наше удалилось, хлопы, ничего не опасаясь, вышли изъ города въ оставленный нами лагерь. Тогда хоругви высочили изъ засады, отрѣзали хлоповъ отъ города и, бросившись на нихъ съ крикомъ: „Галла! Галла!“; перебили ихъ до 150. Въ тотъ-же день гетманъ послалъ полки князя воеводы русскаго (Іеремія Вишневецкаго) и пана хорунжія короннаго въ мѣстечко Ямполь. Они ночью захватили Ямполь въ расплохъ, перерѣзали поголовно всѣхъ жителей, мѣстечко сожгли и овладѣли богатою добычею. Между тѣмъ войско, отступивъ отъ Стины, расположилось на трехдневный отдыхъ въ Черніевцахъ.

Въ тотъ-же день кievскій воевода, Адамъ Кисель ¹⁾, назначенный комиссаромъ короля и Рѣчи Посполитой для обсужденія

¹⁾ Адамъ Кисель принадлежалъ къ древнему русскому дворянскому роду и былъ православный, вслѣдствіе этого польское правительство поручило ему сношенія съ Хмельницкимъ. Въ перепискѣ съ козацкимъ гетманомъ Кисель постоянно выставляетъ на видъ свое русское происхожденіе и даже привѣшиваетъ къ польскому тексту своихъ писемъ малорусскія слова и выраженія. Желая сохранить эти особенности рѣчи въ переводѣ, мы, въ письмѣ Кисели, будемъ подчеркивать и приводить въ выноскахъ слова подлинника.

всякихъ претензій обѣихъ сторонъ, обратилъ вниманіе на то, что гибель Нечая и многихъ козаковъ и нападеніе на нихъ гетмана, вѣроятно, сильно раздражаетъ Хмельницкаго и вызовутъ месть съ его стороны, а потому рѣшился, хотя до нѣкоторой степени, успокоить его, указавъ, что причину въ столкновеніи подали исключительно своевольные козаки. Съ этою цѣлью онъ написалъ къ Хмельницкому слѣдующее письмо:

Милостивый панъ гетманъ, мой любезный панъ и братъ! Отъ начала вселенной случается такъ, что среди пшеницы попадаются плевелы и часто рядомъ съ церковью *Божіею* ¹⁾ злой духъ устраиваетъ свою капеллу. Помазанныкъ Божій, король его милость, прилагалъ постоянно и теперь прилагаетъ всѣ старанія для того, чтобы доставить спокойствіе своему государству; я *несчастный* ²⁾ со времени сейма, въ теченіи трехъ лѣтъ безпрестанно нахожусь въ разбѣздахъ и хлопотахъ, вслѣдствіе чего я совершенно потерялъ силы и здоровье; я постоянно нахожусь въ сношеніяхъ съ вашею милостью, моимъ милостивымъ паномъ и братомъ, желая снискать облегченіе угнетенному нашему отечеству и спасти отъ гибели послѣднюю горсть нашего русскаго народа. Ваша милость также не мало *печаловалась* ³⁾ и трудились, какъ подобало вѣрному королевскому подданному и слугѣ, принесшему присягу, для того, чтобы потушить вспыхнувшій пожаръ. Между тѣмъ Нечай, которому нынѣ да оставить Господь его прегрѣшенія, привыкъ было безъ вѣдома вашей милости творить всякое зло: звать татаръ противъ соотечественниковъ, проливать кровь, избивать дворянъ. Такъ и въ послѣднее время онъ овладѣлъ артиллеріею въ Брацлавѣ, двинулся къ Линцамъ и напалъ на квартиры польскаго войска, понося письмами и на словахъ знатныхъ вождей и гетмановъ; потому, по справедливому изволенію Господа, онъ и нашелъ то, чего искалъ и получили награду по заслугамъ. Узнавъ объ этомъ столкновеніи и имѣя въ виду данное мнѣ порученіе о сохраненіи мира, я королевскимъ именемъ удержалъ польнаго гетмана и воеводу брацлавскаго отъ дальнѣйшаго движенія за пограничную черту и вашу милость извѣщаю о томъ, что комиссія, назначенная для умиротворенія, спокойно ожидаетъ начала своего дѣйствія, о чемъ и гетманъ польный извѣщаетъ вашу милость отдѣльнымъ письмомъ. Отправляя къ вашей милости это посланіе, отъ себя удостоверяю васъ именемъ короля, что *миръ считаю ненарушеннымъ и что комиссія готова по прежнему приступить къ своимъ дѣйствіямъ* ⁴⁾. Когда она откроется, брацлавскій воевода предъявитъ въ ея засѣданіи *обидныя* ⁵⁾ письма и угрозы, присланныя ему Нечаемъ. Король его милость глубоко сожалѣетъ объ этомъ поступкѣ и о возникшей ссорѣ, но онъ увѣренъ, что все это случилось

¹⁾ Въ текстѣ: „*При костелъ, а по нашему при церкви Божіей*“. ²⁾ „*Неборакъ*“. ³⁾ „*Горовалъ*“.

⁴⁾ „*Что миръ—миромъ и комиссія—комиссією*“. ⁵⁾ „*Плюавія*“.

безъ вѣдома вашей милости, и пребываетъ къ вамъ по прежнему благосклоннымъ; онъ желаетъ, чтобы комиссія поскорѣе начала свои дѣйствія и счастливо довела ихъ до конца во избѣжаніе новыхъ вспышекъ и кровопролитія, — и чтобы собранныя военныя силы соединились противъ общаго врага, вмѣсто того, чтобы взаимно себя истреблять. Извѣщая объ этомъ вашу милость, прошу, чтобы вы изволили, согласно съ даннымъ обѣщаніемъ, назначить въ возможно скоромъ времени день сѣзда въ Паволочи. Мы будемъ ожидать въ Линцахъ. Всемогущій Богъ властенъ покончить въ одинъ часъ дѣло, которое мы не могли рѣшить въ теченіи года. Слѣдуетъ лишь обратиться къ Нему съ молитвою отъ всей души и благословеніе Его будетъ намъ ниспослано, враги-же наши не возрадуются отъ паденія нашего. Моля объ этомъ Господа, заключаю письмо мое просьбою о скоромъ и благосклонномъ отвѣтѣ. Гонцу своему я назначилъ срокъ возврата 12 марта (по римскому календарю) и если къ этому сроку не получу отвѣта, то долженъ буду самъ потерять всякую надежду на комиссію и миролюбивое окончаніе дѣла. Не дай того Господи! Вѣдь отъ этого зависитъ судьба святой нашей вѣры, судьба русскаго народа и пролитіе христіанской крови. При семъ случаѣ поручаю себя благосклонности вашей милости. Изъ Гоци, марта 3-го дня 1651 года. Кіевскій воевода (Адамъ Кисель).

Марта 6. Гетманъ собралъ совѣтъ для того, чтобы опредѣлить выборъ главной квартиры, такъ какъ нужно было на время пріостановить военныя дѣйствія, ибо вскорѣ ожидалась оттепель и необходимо нужно было дожидаться прихода подвѣрженій, сформированныхъ изъ вновь на вербованныхъ солдатъ, о приближеніи которыхъ не было пока никакихъ извѣстій. На совѣтъ рѣшили провести остатокъ зимы въ Винницѣ, какъ въ городѣ болѣе обширномъ. Въ это-же время король, предчувствуя угрожающую Рѣчи Посполитой опасность и не довѣряя прочности мира, заключеннаго съ бунтовщиками, вашель необходимымъ созвать сеймъ и потому къ 9 марта созвалъ сеймики во всемъ королевствѣ.

Между тѣмъ гетманъ, согласно съ постановленіемъ военнаго совѣта, выступилъ 6 марта изъ Черніевецъ въ Винницу. Войско направилось черезъ Мурахву и Красное и 10 марта остановилось на вочлегъ въ Сутискѣ. Въ ту-же ночь гетманъ отправилъ впередъ къ Винницѣ брацлавскаго воеводу съ его полкомъ на рекогносцировку; послѣдній узналъ на пути отъ захваченныхъ языковъ, что въ Винницѣ расположился въ качествѣ гарнизона калъвицкій полковникъ Богунъ съ отрядомъ въ 3,000 козаковъ; вслѣдствіе этого онъ ускорилъ походъ, не смотря на очень глубокой снѣгъ. Такъ какъ козаки не поставили сторожеваго отряда за мостомъ, то наши ворвались въ предмѣстья неожиданно и если-бы

они шли въ большемъ порядкѣ, то безъ сомнѣнія захватили-бы городъ, подобно Красному. Когда хоругви наши приблизились къ городу, козаки замѣтили ихъ и какъ пѣшіе, такъ и конные вышли на встрѣчу на ледъ на рѣкѣ Бугѣ, гдѣ они заблаговременно надылали было кругомъ города прорубей. Проруби эти, высѣченныя нѣсколько дней назадъ, успѣли покрыться тонкимъ слоємъ льда и занесены были снѣгомъ и потому незамѣтны; козаки выстроились на льду позади ихъ. Брацлавскій воевода съ двумя хоругвями (пана Киселя и пана Мелешка) бросился на нихъ, не осмотрѣвъ мѣстности. Онъ и самъ попалъ въ прорубь, и оба ротмистра погибли, и много людей изъ обѣихъ хоругвей. Козаки взяли знамя воеводы и оба знамени хоругвей; изъ хоругви пана Киселя погибло семь товарищей, а изъ хоругви пана Мелешка три; притомъ много лошадей потонуло или погибло отъ выстрѣловъ. Хоругви отступили въ безпорядкѣ къ замку, который между тѣмъ заняли драгуны, и расположились вокругъ его укрѣпленій, гдѣ впрочемъ сильно страдали отъ выстрѣловъ козацкой артиллеріи. Затѣмъ уже отыскиали брацлавскаго воеводу, который едва выкарабкался изъ проруби и лежалъ на льду, сильно избитый прикладами самопаловъ. Его уложили въ сани, чтобы согрѣть, и онъ отправилъ гонца къ гетману съ приглашеніемъ ускорить приходъ главнаго отряда.

Марта 11. Подъ вечеръ пришелъ съ войскомъ гетманъ и, расположивъ его въ опредѣленныхъ позиціяхъ, осадилъ городъ. Онъ однако не предпринималъ военныхъ дѣйствій, ожидая прихода артиллеріи; войско оставалось постоянно въ строю. Козаки, не довѣряя своимъ силамъ, въ полночь съ субботы на воскресенье зажгли городъ во многихъ мѣстахъ, сами-же затворились въ монастырѣ. Наши немедленно вступили въ городъ и, лишь только разсвѣло, пошли на приступъ, но козаки дѣятельно отстрѣливались изъ за полисада, такъ что бой длился цѣлый день въ воскресенье и слѣдующую ночь, съ небольшими перерывами.

Въ понедѣльникъ, когда наши стали готовиться къ новому штурму, козаки сомкнулись внутри второй линіи укрѣпленій, оставивъ первую линію полисада. Съ наступленіемъ ночи на нихъ повели приступъ со всѣхъ сторонъ при безпрестанной пальбѣ; но и они очень храбро защищались какъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, такъ и отбиваясь косами, дубинами и камнями; при этомъ съ обѣихъ сторонъ погибло много людей. Штурмъ продолжался до полуночи, пока наконецъ обѣ стороны не отправились на отдыхъ. Съ нашей стороны погибло до 20 охотниковъ и болѣе ста пѣхотинцевъ, между

прочими два поручика: панъ Либишовскій и панъ Холоневскій (изъ хоругвей князя Дмитрія Вишневецкаго и старосты калусскаго). Во вторникъ козаки вступили въ переговоры; они прислали къ гетману своихъ сотниковъ, которые предлагали дать въ качествѣ выкупа 4,000 воловъ и 50 бочекъ меду. Гетманъ потребовалъ, чтобы они кромѣ того выдали свои пушки и знамена и своего полковника Богуна. Они соглашались на первое, но выдать полковника или кого-либо изъ старшины отказались на отрѣзъ. Переговоры кончились тѣмъ, что они обязались возратить взятыя у насъ знамена и удовлетворить убытки житомирскаго старосты, имущество котораго они было разграбили; въ удостовѣреніе сего они должны были дать заложниковъ, а также возратить лошадей, взятыхъ у насъ въ стычкѣ у прорубей, или уплатить ихъ стоимость деньгами. Когда условія эти были заключены, они собирались выйти въ среду и требовали, чтобы войско наше очистило поле передъ монастыремъ. Войску нашему дѣйствительно приказано было отступить съ поля и укрыться въ замкъ, а также въ улицахъ и среди домовъ въ городѣ, но оставаться въ строю. Предполагалось употребить слѣдующую хитрость: когда козаки выйдутъ изъ укрѣпленій, окружить ихъ въ полѣ со всѣхъ сторонъ и потребовать выдачи старшинъ и оружія, а если они не согласятся, разгромить ихъ окончательно. Но намѣреніе это не удалось исполнить; козаки, замѣтивъ-ли сами засаду или получивъ о ней предостереженіе, отказались выходить: возобновивъ переговоры, они потребовали отъ насъ заложниковъ (посланы были: панъ Залевскій и панъ Лыткевичъ) и дали намъ въ замѣнъ своихъ. При переговорахъ требовали, чтобы гетманъ со всѣмъ войскомъ отступилъ за милю отъ города, а когда овъ не согласился исполнить это условіе, прекратили переговоры, объявивъ, что всѣ готовы погибнуть въ бою. Дѣйствительно козаки немедленно пошли было на проломъ, но были съ большимъ урономъ отбиты. Тогда они отступили въ третью черту фортификацій, укрѣпили ее и храбро въ ней засѣли; при этомъ часть лошадей своихъ они выгнали и когда челядь наша покушалась овладѣть ими, многихъ перестрѣляли. Наши окружили ихъ укрѣпленія валами и постоянно сторожили, но не могли отрѣзать ихъ отъ воды; громили осажденныхъ пушками и бросали въ ихъ станъ бомбы, но бомбы козаки успѣвали тушить и въ сущности мы ничего не могли имъ сдѣлать. Между тѣмъ войско наше вымилось изъ силъ, такъ какъ все время солдаты и лошадей не разсѣдывали, и сами не оставляли оружія.

18 марта въ субботу обозный коронный (единственный сынъ польнаго гетмана) отправился въ Кальникъ на рекогносцировку съ частью войска, желая собрать точныя свѣдѣнія какъ о томъ, гдѣ находится Хмельницкій, такъ и о томъ, не подходитъ-ли какое подкрѣпленіе на выручку Богуну. Возвратился 20 числа въ четыре часа вечера безъ успѣха: дошелъ лишь до Липовца, лежащаго въ 5 миляхъ отъ Винницы; оттуда отправилъ по направле- нію къ Кальнику для развѣдокъ пана Кондрацкаго; но послѣдній, едва выступилъ въ поле, наткнулся на передовой козацкій отрядъ и замѣтилъ въ сторонѣ большое войско. Въ то-же время другіе козаки (полтавскаго полка) напали на нашихъ, расположившихся въ Липовцѣ, и привели ихъ въ немалое замѣшательство. Только выбѣжавъ въ поле, панъ обозный успѣлъ привести въ порядокъ хоругви, но всѣ разсѣдланныя лошади были потеряны; притомъ козаки, прежде чѣмъ напали на Липовець, заняли дорогу въ Кохановку и потому та часть отряда, которая сопровождала обозъ съ припасами, потерпѣла также значительный уронъ. Панъ Кондрацкій едва успѣлъ спастись, потерявъ много товарищей и солдатъ изъ разныхъ хоругвей (отправляясь въ развѣздъ, онъ взялъ съ собою изъ каждой хоругви по 5 человѣкъ челяди). Панъ обозный привелъ нѣсколько человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ запорожскихъ козаковъ, которые показали, что Хмельницкій былъ въ Бѣлой Церкви и уже выступилъ оттуда на встрѣчу нашему войску. Въ виду этого извѣстія, гетманъ, считая свои силы недоста- точными, рѣшился отступить въ какую-либо мѣстность болѣе удобную для продовольствованія войска, ибо ледъ на Бугѣ уже тронулся, а по сію сторону рѣки невозможно было найти фуража. Но прежде онъ хотѣлъ попытать счастья, не удастся-ли взять приступомъ осажденныхъ. Штурмъ начался съ разсвѣтомъ; козаки немедленно произвели вылазку, при чемъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ попало въ плѣнъ, они-же захватили двухъ нашихъ. Вообще козаки сражались храбро и съ каждой стороны пало до 20 человекъ. Пока продолжался штурмъ, нѣсколько часовъ послѣ восхода солнца, подоспѣлъ на выручку Богуну уманскій полковникъ (Іосифъ Глухъ) съ отрядомъ козаковъ въ 10,000 человѣкъ. Хотя о его приближеніи войско имѣло кое-какія извѣстія, но онъ появился неожиданно; козаки съ большимъ крикомъ заняли новый городъ и расположились въ немъ, отдѣленные отъ нашего войска только мостомъ на разстояніи одного выстрѣла изъ лука. Въ нашемъ войскѣ произошло страшное замѣшательство, солдаты не

слушали распоряженій и разорвали боевой строй; на трубахъ играли тревогу, что еще болѣе усиливало страхъ и смущеніе; наконецъ, наши, бросившись на лошадей, выбѣжали въ поле къ Якушинцамъ и здѣсь построились въ боевой порядокъ, часть же хоругвей осталась на мѣстѣ прежней стоянки передъ фронтомъ монастыря, въ которомъ затворились козаки. Панъ воевода съ нѣсколькими десятками драгунъ и съ нѣсколькими козацкими хоругвями бросился къ мосту, за которымъ стоялъ непріятель и вступилъ съ нимъ въ перестрѣлку. Вся эта тревога была совершенно напрасна, хотя-бы они явились и въ большемъ количествѣ, ибо Бугъ уже тронулся и они не могли переправиться на нашу сторону. Но челядь, бывшая у обоза, не обративъ на это вниманія, бросивъ возы и лошадей, обратилась въ бѣгство; примѣру ихъ послѣдовали и товарищи изъ разныхъ хоругвей; между тѣмъ другіе, увидѣвъ, что возы оставлены безъ присмотра, бросились къ нимъ и свои стали грабить своихъ. Дѣло вышло очень похожее на пилявецкую битву, съ тою развѣ разницею, что пѣхота и часть хоругвей, оставшаяся въ строю, сомкнулись и въ порядкѣ отступили по направленію къ Бару. На прощанье козаки, выбѣжавъ на валы, провожали нашихъ обычными криками, прилагая къ ляхамъ разные оскорбительные эпитеты: „цыгане, бѣглецы, безмозглые, пилявчики! кричали они, *утикайте дальше за Вислу, не тутъ ваше дѣло!*“¹⁾ Гетманъ былъ очень смущенъ по причинѣ этого безпорядка и слишкомъ поспѣшнаго отступленія; солдаты негодовали на него за отсутствіе распорядительности; они сами были страшно утомлены, лошади изнурены и въ заключеніе они лишились возовъ, запасныхъ лошадей, челяди, съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Въ большомъ смятеніи, усилившемъ самоувѣренность враговъ, отступило войско отъ Винницы, прекративъ осаду, и отправилось въ Баръ, куда пришло 24 числа.

Главною причиною смятенія и безпорядка нашего войска было соревнованіе и ссоры вождей, т. е. гетмана польнаго и брацлавскаго воеводы. Послѣдній желалъ распорядиться независимо отъ гетмана; притомъ онъ хотѣлъ удержать у себя серебряный перначъ Нечая, но долженъ былъ отдать его гетману, который выбранилъ его по этому случаю. Другой разъ они столкнулись въ Шаргородѣ: здѣсь, во время разговора, воевода упомянулъ о томъ, что онъ увѣщевалъ солдатъ повиноваться гет-

¹⁾ Подчеркнутыя слова въ текстѣ написаны по-русски.

ману, но послѣдній, всплывъ, отвѣтилъ: „*ваши увѣщанія имѣли столько-же вѣса, какъ этотъ кукшишъ*“, причемъ онъ показалъ кукшишъ воеводѣ. По истинѣ стыдно и позорно для вождей заниматься такими школьническими выходками! Воевода ничего не отвѣтилъ, но вышелъ изъ комнаты. Въ третій разъ гетманъ обругалъ воеводу, когда послѣдній попрекнулъ его въ томъ, что онъ въ письмахъ къ королю исключительно себѣ приписываетъ всякое успешное дѣйствіе.

Какъ образецъ безобразія, до котораго дошло войско вслѣдствіе этихъ ссоръ и неуваженія подчиненныхъ къ вождямъ, приведу одинъ грустный случай. Когда 18-го марта козаки очистили Прилуку, туда отправились для собранія фуража нѣсколько тысячъ войсковыхъ слугъ. На обратномъ пути, солдаты изъ полковъ гетманскаго и князя воеводы русскаго (Іереміи Вишневецкаго) ограбили солдатъ брацлавскаго воеводы. Утверждали, что зачинщикомъ безпорядка былъ какой-то товарищъ изъ хоругви князя Вишневецкаго. Брацлавскій воевода, требуя по этому поводу удовлетворенія у гетмана, попрекалъ указаннаго товарища; присутствовавшій при этомъ панъ Незабитовскій, поручикъ той роты, въ которой служилъ товарищъ, замѣтилъ воеводѣ: „*ваша милость постоянно къ намъ придирается*“. Разговоръ обострился; наконецъ, воевода сказалъ пану Незабитовскому: „*тебѣ пристало скорѣе быть быкомъ, чѣмъ солдатомъ*“; панъ Незабитовскій отвѣтилъ на это: „*а тебѣ подобаетъ скорѣе быть козымъ пастухомъ, нежели сенаторомъ*“. Воевода замолчалъ, а панъ Незабитовскій вышелъ. Разговоръ происходилъ въ присутствіи гетмана, но когда ему пожаловался воевода, то онъ не вступился за него и отвѣтилъ пословицею: „*адъ брѣють, тамъ и бѣють*“; потому воевода чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ данномъ случаѣ болѣе гетманомъ, чѣмъ Незабитовскимъ.

Между тѣмъ по всему государству пронеслась молва о пораженіи брацлавскаго воеводы во время перваго приступа къ Винницѣ по льду у прорубей; его неосторожности приписывали гибель многихъ заслуженныхъ людей, о которыхъ сожалѣли многочисленные родственники и друзья. Чувства эти выразилъ кievскій воевода (Адамъ Кисель) въ письмѣ къ кievскому кастеляну, въ которомъ онъ порицалъ неосторожность, погубившую столько добрыхъ воиновъ и въ томъ числѣ егo единственнаго брата ¹⁾). Вотъ текстъ этаго письма:

¹⁾ Кастелянъ кievскій Збигневъ Горайскій, къ которому адресовано это письмо, состоялъ членомъ комиссіи, назначенной подъ предѣлательствомъ Адама Киселя для

Да вознаграждать Богъ Вашу милость за сочувствіе, которымъ вы изволяете утѣшать безконечное горе, которое меня вгонить въ могилу. Единственный, дорогой братъ мой палъ въ битвѣ, подобно моему дѣду, прадѣду, пращурѣ, двумъ дядямъ и двумъ двоюроднымъ братьямъ; всѣ они легли въ боевыхъ могилахъ. Еслибы судьба позволила, слѣдовало бы мнѣ въ гробу замѣнить брата: онъ былъ въ нашемъ домѣ цвѣтущею розою, мѣжду тѣмъ какъ я представляю въ немъ тернъ, усохшій. Безбожные и завистливые люди, оклеветавшіе древнюю честь и славу нашего дома, были причиною тому, что братъ мой рѣшился устыдить ихъ, добровольно искалъ смерти и доказалъ нашу доблесть пролитіемъ собственной крови. Съ этою рѣшимостью онъ и отправлялся въ походъ и еслибы разрушенное здоровье не помѣшало мнѣ, я охотно раздѣлилъ-бы его участь; въ настоящее время отраднѣе пастъ въ битвѣ, чѣмъ смотрѣть на то направленіе, къ которому склоняется судьба отечества. Мы отвергаемъ благоразумные совѣты, затѣяли гибельную войну, то и дѣло налагаемъ лишь на нашу храбрость, а кровавыя ея послѣдствія ежедневно у насъ предъ глазами. Прійдетъ, хотя слишкомъ поздно, время, когда вспомнить мои дружественныя увѣщанія. Увы! нѣкогда цѣнили болѣе одного гражданина, чѣмъ тысячу хлопковъ, нынѣ-же безумный духъ времени производитъ то, что хлопцы, укрываясь за стѣнами, остаются невредимы, а сыны Короны, съ открытою грудью устремляясь на стѣны, погибаютъ смертью храброю, но бесполезною и причиняющею большое горе отечеству. Впрочемъ я уже потерялъ все, что могъ потерять, и болѣе объ этомъ предметѣ писать не буду. О комисіи и другихъ возложенныхъ на меня порученіяхъ я теперь и знать ничего не хочу; единственно о томъ молю Господа, чтобы онъ скорѣе дозволилъ мнѣ сомкнуть глаза послѣ того, какъ погибла единственная надежда моего дома. О кровавомъ наслѣдствѣ я заботиться не стану: Господь призритъ сироту, если отечество о немъ забудетъ; пусть утѣшаются наслѣдствомъ тѣ, которые послали жертву на гибель. Тяжелое горе не дозволяетъ мнѣ болѣе писать. Я распоряжусь о томъ, чтобы проводить отсюда остатки брата, погибшаго на глазахъ всего войска, и самъ, изнывая отъ горя, прощаюсь съ этимъ краемъ.—Изъ Гущи. Марта 23 дня, 1651 г.

Въ томъ-же письмѣ слѣдующая приписка:

Жена моего брата имѣетъ пожизненное право владѣнія на Черніевѣ. Относительно черкаскаго староства я не только не претендую на Вашу милость, но, напротивъ искренно желалъ-бы, чтобы Ваша милость получили его предпочтительно передъ другими соискателями; староство это намъ досталось послѣ другихъ, естественно, къ другимъ оно должно перейти отъ насъ; для меня отраднѣе будетъ, если наслѣдство брата перейдетъ во владѣніе друга, чѣмъ оно досталось-бы врагу. Ни изъ Кіева, ни отъ двора королевскаго, ни отъ Хмельницкаго я не

переговоровъ съ козаками; погибшій въ битвѣ братъ Адама Киселя—Николай, староста черкасскій, былъ также членомъ этой комисіи.

получаю никакихъ извѣстій; въ сношенія эти впередъ уже не хочу и не буду вмѣшиваться. Изъ словъ товарищей и слугъ покойнаго брата, которые сопровождали его останки, я сообразилъ, что въ войскѣ нашемъ дѣла идутъ плохо: Богуна еще не взяли, а ежедневно гибнетъ множество людей. Вообще затѣяли эту войну для истребленія лишь польской шляхты. Если Господь не помилосердствуетъ и ханъ съ ордою придетъ, тогда все погибло; вмѣсто того чтобы спасти потерянное, мы навлечемъ крайнюю опасность на всю Рѣчь Посполитую и останемся съ длинными ушами. Еще война не началась, а войско уже разстроено, лучшіе воины погибнуть и пораженіе явится скорѣе, чѣмъ мы ожидали. Войско наше, какъ мнѣ сказали, малочисленно, подкрѣпленія неизвѣстно гдѣ находятся; если враги это замѣтятъ и окружаютъ наши силы, то Господь одинъ знаетъ, какія могутъ быть послѣдствія.

Между тѣмъ польный гетманъ стоялъ въ Барѣ съ войскомъ сильно ослабѣвшимъ отъ неудачной осады Винницы и разграбленія обоза. Стѣняясь въ средствахъ для прокормленія войска въ предѣлахъ одного барскаго староства, онъ распредѣлилъ отряды въ окрестныхъ волостяхъ, желая дать солдатамъ отдыхъ и возможность нѣсколько окрѣпнуть послѣ перенесенныхъ трудовъ; но быстрое появленіе врага не дозволило осуществить это намѣреніе. Брацлавскій воевода, отправляясь въ Хмельникъ, гдѣ ему назначена была гетманомъ квартира, встрѣтилъ на пути, въ Летичевѣ, гдѣ онъ ночевалъ 30 марта, извѣстія о движеніи непріятелей. Въ Летичевѣ бѣжали изъ Новаго Константинова многіе жители, вслѣдствіе появленія татаръ и козаковъ. Желая собрать о нихъ болѣе точныя извѣстія, воевода отправилъ въ Константиновъ двѣ хоругви (пановъ Сапѣговъ и пава Янджула). Посланные достигли этого города въ полночь и съ большимъ крикомъ напали на хлоповъ (полковникомъ которыхъ былъ Крысенко) и татаръ, неожиданныхъ нападенія, расположившихся на ночлегъ безъ стражи и по большей части пьяныхъ. Эти немедленно пустились бѣжать, бросивъ свои знамена и лошадей какъ верховыхъ, такъ и вьючныхъ; убито ихъ немного, но гораздо больше постоуло въ Вугѣ; наши, захвативъ нѣсколько козаковъ, двухъ татаръ и до 20 татарскихъ лошадей, скоро отступили, опасаясь, чтобы непріатели не напали на нихъ, придя въ порядокъ. Послѣ отступленія нашихъ, непріатели лишь утромъ возвратились въ городъ, собрали оставшееся свое имущество, перерѣзали многихъ людей, городъ сожгли и отступили въ Хмельникъ, гдѣ расположились въ замкѣ и въ городѣ. Пѣвныя показали, что въ этомъ отрядѣ было до 300 татаръ и нѣсколько тысячъ козаковъ. Наши хоругвинѣ сколько разъ ходили на рекогносцировку къ Хемльнику, но имъ не удалось

болѣе захватить языка; враги стали осторожны; они сожгли постройки на нашей сторонѣ Буга и разрушили мостъ. Такимъ образомъ воевода вмѣсто Хмельника, долженъ былъ квартировать въ Летичевѣ, гдѣ отрядъ его сильно страдалъ отъ голода.

Апрѣля 3. Гетманъ, получивъ извѣстія съ разныхъ сторонъ о томъ, что враги, собравъ большія силы, быстро двигаются въ нашу сторону, предпочелъ ожидать ихъ въ болѣе удобномъ для защиты мѣстѣ, у Каменца. Потому онъ оставилъ въ Барѣ гарнизонъ: 300 человекъ нѣмецкой пѣхоты и 3 козацкія хоругви (брацлавскаго воеводы, каменецкаго старосты и пана Яскульскаго), остальнымъ-же полкамъ приказалъ двинуться на сборное мѣсто къ Зинькову. Оттуда онъ отправился въ дальнѣйшій путь и самъ съ своимъ полкомъ расположился въ Чернокозинцахъ, въ двухъ миляхъ отъ Каменца, остальные-же отряды размѣстилъ въ близъ лежащихъ волостяхъ. Полеъ брацлавскаго воеводы былъ отправленъ въ Гродокъ, гдѣ онъ сильно страдалъ отъ голода; здѣсь, въ ту ночь, когда войско заняло квартиры, задержавъ былъ развѣдомъ лазутчикъ, посланный Богунемъ; онъ на допросѣ показалъ только то, что Богунъ отправилъ его изъ Винницы слѣдомъ за войскомъ, поручивъ узнать, гдѣ оно остановится и какъ будетъ расположено. Этого лазутчика отправили въ Гусятинъ, къ гетману.

Апрѣля 12. Сборище хлоповъ напало на Баръ; нѣмцы затворились въ замкѣ, а ковыня хоругви отступили къ войску, не захвативши даже языка; они утверждали, что у враговъ огромныя силы. Гетманъ отправилъ 10 хоругвей для выручки осажденныхъ нѣмцевъ, но послѣдніе успѣли невредимо уйти изъ Бара, ибо хлопы, разграбивъ мѣстечко и не покушаясь на приступъ къ замку, пробывъ здѣсь лишь нѣсколько часовъ, ушли дальше. Гетманъ, негодуя на то, что хоругви безъ повода ушли изъ Бара, отдалъ поручиковъ, начальствовавшихъ ими, подъ военный судъ.

Апрѣля 13. Король ясно видѣлъ, что, вслѣдствіе происшедшаго столкновенія съ козаками, нечего уже думать о комиссіи, но слѣдуетъ принять мѣры для веденія войны; потому онъ поручилъ великому коронному гетману, кастеляну краковскому, собрать всѣ вновь на вербованныя войска и расположиться лагеромъ у Владиміра. Желая подать примѣръ другимъ, онъ и самъ лично выѣхалъ въ Люблинъ, въ четвергъ, на свѣтлой недѣлѣ.

Апрѣля 23. Между тѣмъ гетманъ польный, видя наступленіе военнаго времени и узнавъ, что кастелянъ краковскій основалъ лагерь у Владиміра, приказалъ всѣмъ хоругвямъ собраться у Каменца, гдѣ онѣ расположились лагеремъ по сю сторону рѣки, около замка. Каждый сталъ по возможности запасаться провіантомъ, который пришлось покупать по неизмовѣрно высокимъ цѣнамъ. Постоянно приходили извѣстія о томъ, что враги находятся уже въ сборѣ и вскорѣ подойдутъ, такъ что наши ожидали ихъ появленія ежеминутно. Такъ простояли въ лагерѣ цѣлую недѣлю; наконецъ собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: слѣдуетъ-ли враговъ ожидать у Каменца или постараться соединиться съ войскомъ великаго гетмана, собиравшимся у Владиміра. На совѣтѣ мнѣнія раздѣлились въ пользу обоихъ предположеній; гетманъ самъ долго колебался, опасаясь, чтобы отступленіе отъ Каменца не было истолковано въ дурную сторону; наконецъ онъ рѣшилъ двинуться въ королевскій лагерь, не избѣгая на пути стычекъ съ непріателемъ.

(Продолженіе будетъ).

Посмертный рассказ о. Антонія Ковальскаго.

(Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губерніи 1855 года).

(Окончаніе).

Когда меня вели къ толпѣ, страхъ меня обнялъ такой, что я какъ-бы не живой шелъ. Пройдя немного, встрѣтили посланцевъ за мною. Когда я подошелъ къ толпѣ, то замѣтилъ, что у многихъ были въ рукахъ или за поясами топоры и долота. Сейчасъ мнѣ вопросъ: „ащѣ идете зъ нами“? Я отвѣчалъ: „не пойду“. Тутъ подошелъ ко мнѣ человекъ въ чистой одеждѣ, не старій, взялъ благословеніе и далъ рубль серебр., проговоривши: „помолитесь за мене Богу“. Такіе и подобныя возгласы повторялись многими другими. Вдругъ вся толпа направилась въ лѣсъ, по дорогѣ къ Сотникамъ; женщины подняли плачь. Я безпрятственно воротился съ церковнымъ старостою въ домъ священника.

Что теперъ мнѣ предстояло дѣлать, я недоумѣвалъ; домой ѣхать? Боялся разстоянія;—35 верстъ и дорога лѣсомъ. Могъ я попасть въ руки или этихъ самихъ крестьянъ, или другихъ. Разсудилъ ѣхать въ Корсунъ. Пономарь воротился изъ Корсуна и далъ лошадей, а староста церковный повезъ меня проселочными дорогами. Приѣхали въ Корсунъ на разсвѣтѣ. Смотримъ—солдаты. На площади, вблизи церкви, поставивъ ружья въ козлы, они отдыхали, какъ потомъ я узналъ, послѣ длиннаго и быстрого перехода. Я заѣхалъ къ священнику Стрижевскому; здѣсь засталъ о. Петра Лебединцева, о. Димитрія Подгаецкаго, свящ. Михаила Кудревича и свящ. с. Сынниковъ Іоанна Чернодубравскаго. Сего послѣдняго солдаты привезли наканунѣ съ собою, со всѣмъ его семействомъ, и это случилось такъ. Солдаты шли

изъ Кагарлыка въ Корсунъ и шли шибко. Это была резервная рота; къ ней свѣжо было прикомандировано около ста рекрутъ изъ смоленской и витебской губерній. Рекруты молодые и слабосильные, идя шибко, поустили. Мимоходомъ отрядили нѣскольکو солдатъ въ с. Сытвики, лежащее недалеко дороги, взять подводы подъ ослабѣвающихъ рекрутъ. Солдаты вошли въ село въ то самое время, когда крестьяне сытниковскіе водили св. Черnodубравскаго босаго по колючкамъ. Солдаты бросились отнимать священника. Произошла схватка: одного крестьянина солдатъ ранилъ штыкомъ, а одному солдату крестьянинъ пробилъ голову коломъ. Но вошла вся рота, крестьяне бѣжали, куда попало. Семь человекъ спрятались на колокольнѣ; ихъ арестовали и привели въ Корсунъ, а съ ними привезли измученнаго священника Черnodубравскаго съ семействомъ. Подполковникъ Аенасевъ и совѣтникъ Янкуліо, узнавъ, что я прибылъ въ Корсунъ, позвали меня къ себѣ въ становую квартиру; я вкратцѣ рассказалъ про свое положеніе въ предшествовавшіе дни. Г. Аенасевъ просилъ меня указать виновнѣйшихъ изъ крестьянъ; я объяснялся, что въ чужихъ приходахъ не знаю людей и указалъ только на Корнилія *Кудлика рыжаго*, Василя изъ Бровахъ и *слѣпаго* Никиту изъ Кичинець. Меня отпустили отдохнуть. О. Петръ Лебедивцевъ, въ свою очередь, разспросивши меня обо всемъ, начертилъ рапортъ митрополиту Филарету.

Былъ недѣльный день, памятное 10-е апрѣля. Литургію въ спасской церкви совершалъ о. Петръ Лебедивцевъ; огромная церковь была полна народу. О. Петръ предполагалъ служить молебень соборнѣ и сказать проповѣдь; но Аенасевъ отклонилъ его отъ сказыванія проповѣди, а на молебень неприлично было нѣкоторымъ изъ насъ, священниковъ, и выходить, ибо о. Кудревичъ, Черnodубравскій и я ходили въ туфляхъ: въ сапогахъ отъ боли нельзя было ходить. Литургія окончилась въ 11-ть часовъ; священниковъ, вынужденныхъ оставить свои дома и приходы, собралось здѣсь больше 10 ти; всѣ мы пошли къ священнику Стрижевскому на чай и закуску, куда изъ княжеской кухни прислано было все потребное. Не успѣли выпить по стакану чаю, какъ послышался около церкви барабанный бой на тревогу. Кто-то побѣжалъ къ церкви и, возвратившись, принесъ вѣсть, что пріѣхалъ козакъ экономическій и объявилъ, что отъ Сотниковъ идетъ въ Корсунъ огромная масса народа. Мы бросили чай и побѣжали къ церкви; смотримъ, по дорогѣ отъ Таганчи къ Корсуну

выступаютъ несмѣтныя толпы. Солдаты были на обѣдѣ въ помѣщичьихъ казармахъ; по окончаніи обѣда, они, по барабанному бою, прибѣжали и стали къ ружью. Въ ротѣ считалось 250 человекъ, изъ нихъ 60 новыхъ рекрутъ, не обмундированныхъ еще по военному и не державшихъ ружья въ рукахъ. Капитанъ Лопатьевъ не молодой, но ни разу не бывшій въ сраженіи, недоумѣвалъ, какъ распорядиться; изъ солдатъ оказалось только семь бывшихъ въ венгерской кампаніи; офицеры молодые.

Совѣтовались, гдѣ лучше ихъ поставить. Шедшихъ къ Корсуну крестьянъ можно было считать тысячами. Что они думали, на что рѣшились, никто не зналъ. Мнѣ отданъ приказъ послать на колокольню причетника высматривать, много-ли идетъ людей и не имѣютъ-ли они при себѣ какихъ-нибудь орудій; съ тою-же цѣлю изъ становой квартиры посылались верховые. Причетникъ Евсевій Кротевичъ съ колокольни кричалъ: „народу, якъ хмари!“ да и намъ стало видно, что толпы его покрыли всю покатость горы. Страхъ объялъ всѣхъ, священство совѣтовалось идти въ церковь и тамъ затвориться. Пошли; вдругъ священникъ корсунскій Стрижевскій отъ испугу обомлѣлъ, его освѣжили водою и рѣшили быть при военной командѣ.

Я находился при комисіи, которую составляли: о. Петръ Лебединцевъ, подполковникъ Афанасьевъ и совѣтникъ Янкуліо. Меня уже не бралъ страхъ: я уже привыкъ къ мужицкимъ пріемамъ обращенія, а другимъ священникамъ все видимое казалось страшнымъ. Князь Лопухинъ прислалъ просить дать ему отрядъ солдатъ для защиты,—онъ опасался, что крестьяне изъ села Каравины чрезъ его садъ пробѣгутъ на островъ и нападутъ на его домъ. Ему отказано. Онъ прислалъ изъ своего склада 15 ружей, подъ разную оправку, для обороны. Одно ружье дано было и мнѣ, совсѣмъ безъ надобности, и я ложе отнялъ и отбросилъ, а стволъ оставилъ у себя. Всѣ мы, т. е. комиссія, священство, полиція и солдаты находились на площади предъ спасскою церковью. Сюда отъ базарной посреди мѣстечка площади шла широкая улица, спускавшаяся позади церкви къ острову, образуемому рукавами р. Роси, на которомъ расположены дворецъ и садъ князя Лопухина. На линіи площади, противоположной церкви, находился, на углу улицы и площади, большой двухъ-этажный домъ для княжескихъ музыкантовъ и пѣвчихъ, за нимъ станова я квартира, а рядомъ домъ священника о. Тимофея Стрижевскаго. По всему выходило, что сюда направятся приближавшіеся крестья-

яне; тутъ мы ихъ и ждали. Между тѣмъ страхъ увеличивался между солдатами и между присутствующими часъ отъ часу. Солдатъ поставили за угломъ дома, гдѣ помѣщались музыканты и пѣвчіе княжескіе; съ улицы ихъ не видно было; оставалась открытою дорога, идущая на островъ, гдѣ жилъ князь Лопухинъ. Съ колокольни причетникъ Кротевичъ далъ знать, что крестьяне вошли уже въ мѣстечко и идутъ на базарную площадь. Скоро съ церковной площади можно было видѣть массы народа, двигавшіяся отъ базара къ церкви. Капитанъ Лопатьевъ строилъ солдатъ и замѣтно самъ робѣлъ. Приказъ былъ отданъ сперва на воздухъ стрѣлять для страха. Мы вышли на улицу. Исправникъ надѣлъ шинель на рукава и ходилъ какъ живой мертвецъ. Массы народа придвигались къ намъ все ближе. Впереди шли семь человекъ рядомъ и одинъ изъ нихъ несъ хлѣбъ въ рукахъ на бѣломъ платкѣ, это былъ крестьянинъ с. Выграева, по прозванію Святенко; въ другомъ ряду шло человекъ 12-ть и т. д., а послѣ уже шли въ беспорядкѣ. Подполковникъ Аѳанасьевъ, видя, что идутъ съ хлѣбомъ, пошелъ имъ на встрѣчу; съ нимъ вмѣстѣ пошли о. Петръ Лебединцевъ, совѣтникъ Янкулію, исправникъ и капитанъ Лопатьевъ; слѣдовалъ за ними и я. Издали Аѳанасьевъ вскричалъ: „на колѣни“? всѣ люди пали на колѣни: онъ подошелъ къ нимъ ближе, на разстояніи 3-хъ сажень, началъ ихъ спрашивать: „зачѣмъ пришли“? Они объявили, что пришли жаловаться за обиды отъ князя и что хотятъ быть вольными. Аѳанасьевъ требовалъ покорности, раскаянія, говорилъ, что никакой воли не будетъ, пригрозилъ тяжелымъ наказаніемъ. Разговоръ длился минутъ десять. Вдругъ съ правой стороны, въ толпѣ, кто-то, схватившись на ноги, поднялъ дубинку вверхъ и вскрикнулъ: „гикъ“! такой-же сигналъ сдѣланъ и на лѣвой сторонѣ, и мигомъ вся толпа поднялась на ноги и ринулась впередъ. Всѣ стоявшіе предъ ней, какъ-то: Аѳанасьевъ, Янкулію, исправникъ, о. Петръ Лебединцевъ и я побѣжали за уголъ, проскакивая за солдатъ, которые, выдвигаясь впередъ, перегородили собою улицу отъ пѣвческаго корпуса до воротъ діакона Костецкаго. Крестьяне, подбѣжавъ къ солдатамъ, бросились на нихъ и стали отнимать ружья. Унтеръ-офицеръ командовалъ: „ли“, но въ тоже мгновеніе надъ нимъ блеснулъ топоръ и онъ палъ замертво,—голова распалась надвое и мозги выпали. Между тѣмъ раздались выстрѣлы: толпа заколыхалась, мгновенно порѣдѣла, много человекъ повалилось на землю, иные

замертво, другіе отъ ранъ. Рядомъ съ унтеръ-офицеромъ лежалъ проколотый насввозъ штыкомъ крестьянинъ. При видѣ убитыхъ и раненыхъ, при звукѣ выстрѣловъ, жужжаньи пуль, толпа бросилась бѣжать, куда попало. Выстрѣлы продолжались, хотя и на воздухъ; летѣли шапки вверхъ, спасался всякій, кто какъ могъ. Убѣгая, многіе говорили: „се чортъ и бачивъ,—стриляють на живыхъ людей“. Солдаты преслѣдовали бѣгущихъ, стрѣляя вверхъ. Но скоро ударили въ барабанъ отбой, и солдаты воротились на свое мѣсто. Тутъ выпустили рекрутъ и приказали бѣжать за уходившими крестьянами, ловить ихъ и приводить на позицію. Ловили большею частью раненныхъ. На позиціи сейчасъ связывали пойманнымъ руки насадъ, заковывали ноги въ желѣзныя пута и отправляли въ пѣвческой корпусъ, на второй этажъ. Здѣсь въ корпусѣ уже содержалось семь человекъ, приведенныхъ изъ с. Сытниковъ. Послѣ ухода крестьянъ насобирали козьева два воза, на нѣкоторыхъ изъ нихъ были насажены долота—въ родѣ пикъ; но сего незамѣтно было, когда крестьяне шли въ мѣстечко, ибо шли они тѣсно одинъ съ другимъ. Когда все окончилось, насчитали на мѣстѣ убитыхъ 11-ть, раненыхъ 23. Г. Аѳанасьевъ подозвалъ къ убитымъ меня и священника. Подгаецкаго и сказалъ: „узнавайте, вѣтъ-ли здѣсь между убитыми вашихъ пріятелей“. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что тутъ лежитъ и тотъ *слпной*, что такъ много мучилъ меня. Священникъ Подгаецкій сказалъ, что это его прихожанинъ; посмотрѣлъ на другаго убитого и говоритъ: „и это мой прихожанинъ, первый хозяинъ въ Корниловкѣ“. (То былъ тотъ самый, что далъ мнѣ рубль сер. на молитвы). Кровь изъ убитыхъ лилась, лежали они въ безпорядкѣ. Я пошелъ къ діакону напиться воды; жена діакона даетъ мнѣ кій дубовый вершка 1½ толщины—осмаленый. Г. Аѳанасьевъ, увидѣвъ этотъ кій у меня, взялъ себѣ для памяти. Вдругъ послышался съ колокольни крикъ причетника: „ловить, ловить Кудлика!“ По указанію причетника, рекруты побѣжали въ огородъ, поймали Кудлика и привели его на площадь. Г. Аѳанасьевъ спросилъ меня, точно ли это Кудликъ? Я отвѣчалъ: „онъ“; тоже подтвердилъ и св. Подгаецкій. Г. Аѳанасьевъ самъ вложилъ руку свою въ его карманы, вынулъ изъ нихъ кипу бумагъ, перо и чернильницу и передалъ становому приставу, самого-же Кудлика взялъ за волоса, привелъ къ лежащимъ убитымъ и наклонивъ его къ нимъ, проговорилъ: „это твоя работа, это ты ихъ кровь пролилъ“. Сейчасъ Кудлика заковали по ногамъ и рукамъ и отвели въ корпусъ. Веревочъ и

путь желѣзныхъ привезли изъ лавки цѣлый возъ. Послѣ сотскій привелъ съ десятскими и *рыжю*, равнаго; онъ хотѣлъ скрыться у еврея въ сараѣ; его заковали по рукамъ и ногамъ. Вскорѣ десятскіе напши еще одного убитаго, найденнаго въ мѣстечкѣ. Арестованныхъ было 53.

Г. Аенасьевъ пошелъ въ станovou квартиру, туда позвали и меня; составили журналъ и мнѣ дали приказъ — вызвать въ Корсунъ причетниковъ изъ ближайшихъ сель: на ночь составляли караулъ изъ солдата, причетника и десятскаго и разставляли на большихъ дорогахъ и въѣздахъ въ Корсунъ и для ночнаго обхода по мѣстечку. Для моей квартиры назначень караулъ изъ двухъ солдатъ ¹⁾. Въ эти дни въ комисіи полученъ доносъ отъ св. Чернодубраускаго, что дьячекъ сытницкой церкви Кириллъ Ѳедоровичъ—виновникъ возмущенія крестьянъ въ Сытникахъ. Приказано мнѣ представить сего дьячка и чрезъ десятскихъ онъ представленъ; но оказалось, что доносъ несправедливъ и дьячекъ освобожденъ былъ отъ ареста.

Въ тотъ-же день кн. Лопухинъ прислалъ за мной; я пошелъ; онъ разспрашивалъ о всемъ происходившемъ; рассказалъ, какъ онъ испугался, когда прошли чрезъ садъ его крестьяне изъ села Карашины, и какъ они, видя, что нельзя изъ сада переправиться чрезъ Росъ въ мѣстечко, потому что всѣ лодки и баркасы были прикованы со стороны княжескаго дворца, ругали его и дѣлали разныя похвалки. Не окончился рассказъ князя, какъ входитъ въ его кабинетъ офицеръ, кажется, жандармскій. Онъ подалъ князю какія-то бумаги и при этомъ спросилъ: „считаете-ли себя безопаснымъ отъ домашней вашей прислуги“? Князь отвѣчалъ, что его прислуга вполне предана ему. Офицеръ развернулъ какую-то бумагу, на которой были подписи крестьянъ м. Корсуна. Была-ли это жалоба, или одна изъ тѣхъ записей въ козаки, которыя составлялись тогда вездѣ, не знаю. Бумага передана была отъ губернатора и первымъ изъ подписавшихся тутъ былъ Несторъ Березовый. Князь оторопѣлъ, слезы показались на глазахъ и онъ плачевно сказалъ: „это первѣйшій мой камердинеръ“. Тутъ-же въ списокъ были подписи и другихъ крестьянъ изъ княжеской прислуги.—Отпуская меня на квартиру, князь просилъ сдѣлать распоряженіе о погребеніи на его счетъ

¹⁾ Если это и было, то не болѣе, какъ для одной ночи съ 10 на 11-е апрѣля.
П. Л.

убитаго унтеръ-офицера со всевозможной торжественностію. Тутъ же отданъ приказъ княземъ его дворецкому—выдавать все нужное ястіе и питіе духовенству, которое собралось въ Корсунъ въ числѣ 14 священниковъ.

Возвращаясь отъ князя, я замѣтилъ между солдатами и всѣми присутствующими новое смятеніе. Оказалось, что крестьяне селъ Сотниковъ, Выграева, Сытниковъ и Кичинець, бѣжавшіе изъ Корсуна послѣ побоища, встрѣтились на дорогѣ за мѣстечкомъ съ идущею въ Корсунъ толпой крестьянъ изъ м. Таганчи и другихъ селъ помѣщика Понятовскаго. Причетникъ, наблюдавшій на колокольнѣ за направленіемъ разбѣгавшихся, замѣтилъ этихъ крестьянъ, направлявшихся къ мѣстечку по той же дорогѣ, по которой двигались бѣжавшіе изъ Корсуна, и сдѣлалъ тревогу. Солдатъ начали опять ставить къ ружью. Сдѣлалась опять суматоха, стало страшнѣе прежняго. Но, къ счастью, обѣ толпы, постоявъ нѣкоторое время на горѣ, двинулись вмѣстѣ обратно къ с. Сотникамъ. Стало веселѣе, а особенно, когда къ вечеру пришелъ дивизіонъ уланъ изъ Умани.

Тѣло убитаго унтеръ-офицера было перенесено въ пожарную башню, что среди мѣстечка; гробъ убрали, какъ наилучше, я приставилъ двухъ причетниковъ для постоянного чтенія псалтыри. Погребеніе происходило на 3-й день, во вторникъ. Выносъ въ спасскую церковь и отпѣваніе совершено о. Петромъ Лебединцевымъ соборнѣ съ 12 священниками; пѣли пѣвчіе князя, играла музыка его и военная; стеченіе народа было необыкновенное, провожалъ отрядъ солдатъ и была, по окончаніи погребенія, пальба изъ ружей. Тѣла убитыхъ крестьянъ, по распоряженію комисіи, отвезены безъ всякаго церковнаго обряда за мѣстечко и погребены въ одной ямѣ, справа дороги въ Богуславль, въ урочищѣ, называемомъ *Фошанка*.

Въ то-же воскресенье, 10 апрѣля, поздно вечеромъ, пришла въ Корсунъ еще рота солдатъ. То были саперы изъ Триполья. Съ ними прибыли въ Корсунъ моя жена и сестра (жена бл. Дашкевича). Сестра моя видѣла, какъ вели мѣня изъ Таганчи, дала знать о семъ моей женѣ и та поспѣшила въ Корсунъ. Въ полночь ходилъ я съ ефрейторомъ осматривать караулы. На заставѣ, по дорогѣ въ Корсунъ изъ Богуслава, задержанъ крестьянинъ, села Яблуновки житель, на верховой лошади, съ запасомъ сѣна и овса. Оказалось, что это одинъ изъ разсыльныхъ, которые разсылались тогда изъ всякаго села разузнавать, гдѣ что дѣлается. Въ

полночь-же посѣщаль я арестованныхъ и раненыхъ. Одинъ изъ раненыхъ особенно страдалъ: двѣ пули прошли у него насквозь чрезъ животъ и спину; онъ былъ почти въ безпамятствѣ: отъ нестерпимой боли разорвалъ животъ, внутренности вывалились, и такъ валился на полу, пока не испустилъ духъ. Осматривая камеры, я предлагалъ раненымъ и арестованнымъ исповѣдываться. Многіе просили выполнить это таинство, и я послалъ двухъ священниковъ, какъ раньше сего о. Петръ Лебединцевъ. Исповѣдывались всѣ, не захотѣлъ одинъ только Кудликъ. При разбирательствѣ слѣдственной комиссіей оказались виновными болѣе прочихъ Кудликъ Корнилій, староста приписной церкви кичинской Георгій Шаблинъ (онъ-же Писмененко) и сынъ выграевского крестьянина Петра Кукли Григорій (грамотный); этотъ послѣдній скрылся и не отысканъ. Кромѣ ихъ, указали еще на другихъ не арестованныхъ и находившихся по домамъ. По распоряженію комиссіи всѣ были представлены въ Корсунъ; многіе были отпущены домой, изъ виновныхъ одни подвергнуты были наказанію розгами при полиціи, другіе отправлены въ тарашанскую тюрьму. Въ послѣдствіи судъ уголовный рѣшилъ: шесть послать въ Сибирь на поселеніе, десять наказать по военному и разослать по тюрьмамъ въ другіе уѣзды на четыре года.

Въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Корсунъ священникъ села Выграева Іоаннъ Загородскій; молодой, слабый здоровьемъ, онъ явился совершенно изможденнымъ. Крестьяне выграевскіе взяли его дома, 10 апрѣля, тотъ-часъ послѣ обѣдни, и повели къ пруду; тутъ выбрали челоуѣка большаго ростомъ и поручили ему въ кафтанѣ и рясѣ купать священника въ прудѣ. До такой степени его измучили, что онъ чуть не утонулъ; полумертваго принесли на церковный погостъ и бросили; здѣсь онъ лежалъ до вечера, а потомъ взяли ѣзъ домъ свой и едва приведенъ въ чувство.

Во вторникъ я поѣхалъ домой; меня уволили, но съ тѣмъ, чтобы въ среду опять я прибылъ въ Корсунъ. Затруднило меня, какою дорогою ѣхать мнѣ домой: разнесся слухъ, что крестьяне поставили отъ себя нарочыхъ по дорогѣ, идущей изъ Корсуна въ Мионовку, дабы схватить меня, почему я съ женою поѣхалъ на м. Стеблевъ и Богуславъ, прибавивши болѣе пятнадцати верстъ пути. Пріѣхавши домой на разсвѣтѣ, застали дѣтей въ плачѣ, ибо разнесся слухъ, что меня крестьяне убили.

Сельскій сотскій, придя ко мнѣ, объявилъ, что крестьянинъ мионовскій Иванъ Собка въ субботу ночью, противъ воскре-

сенья, въ которое была стычка въ Корсунѣ, отвезъ какого-то ляшка, шедшаго пѣшкомъ изъ Кіева, въ Корсунѣ и что сей ляшокъ хорошо заплатилъ Собкѣ за то, что тотъ своевременно доставилъ его въ Корсунѣ. Позванный Иванъ Собка сознался, что возилъ какого-то человѣка въ Корсунѣ и что, пріѣхавши въ Корсунѣ, этотъ человѣкъ не захотѣлъ ѣхать по большой улицѣ, а приказалъ свернуть въ сторону, причемъ они ѣздили по глубокимъ переулкамъ и въѣхали въ какой-то дворъ чрезъ проломъ въ плетнѣ. Это обстоятельство наводило меня на нѣкоторыя подозрѣнія и я донесъ объ немъ комисіи въ Корсунѣ. Было разслѣдованіе, но ничего не открылось, и человѣка того не отыскали, а подозрѣніе возникало изъ того, что, нанимая подводу у Ивана Собки, онъ говорилъ, что ему необходимо быть въ Корсунѣ въ воскресенье, ибо тамъ въ этотъ день будетъ что-то особенное. Сидѣлецъ въ мионовской корчмѣ Иванъ Куць тоже донесъ, что побилетный солдатъ изъ села Роскопинець въ корчмѣ распускалъ слухи, что воля крестьянамъ давнымъ давно дарована, но что начальство скрываетъ это отъ крестьянъ. Солдатъ этотъ былъ арестованъ, отосланъ въ Корсунѣ и оттуда отправленъ въ Кіевъ въ острогъ.

Оказалось послѣ, что изъ Мионовки былъ нарочно отряжаемъ въ м. Таганчу крестьянинъ мионовскій Иванъ Лешенко, который слѣдилъ за мною, когда меня водили по селамъ; только онъ не былъ въ Корсунѣ, а привозившій въ Корсунѣ ляшка былъ тамъ во время самой стычки.

Въ Корсунѣ возвратился я въ среду ночью, спустя двѣ недѣли послѣ побоища. Во все это время повсюду въ окрестностяхъ разыскивали виновниковъ и участниковъ волненія. Ихъ арестовывали и доставляли въ Корсунѣ и Таганчу. На этотъ разъ имѣла прибыть въ Корсунѣ изъ Таганчи большая партія арестованныхъ. Мнѣ предложено было присутствовать при встрѣчѣ и пріемѣ ихъ дежурнымъ офицеромъ.

Тяжелое было это для меня зрѣлище. Когда стало извѣстно о приближеніи арестантовъ,—людей, а особенно евреевъ собралось за заставой безчисленное множество. Дежурный офицеръ и унтеръ-офицеръ вышли за мѣстечко, пошелъ съ ними и я. Арестованныхъ вели по той самой дорогѣ, по которой прежде шли бунтовщики. Впереди ѣхалъ уланскій офицеръ, за нимъ горнисты на лошадяхъ; далѣе отдѣленіе пѣшихъ солдатъ съ ружьями, въ полномъ вооруженіи; тутъ шли арестанты-крестьяне, всѣ почти

старики съ длинными сѣдыми бородами, закованные по ногамъ; впереди ихъ шелъ дьячекъ изъ села Мельниковъ Іоакимъ Левитскій (не закованный); вокругъ крестьянъ шли пѣшіе солдаты съ ружьями на перевѣсъ, потомъ ѣхали уланы съ обнаженными саблями, а за ними опять отрядъ пѣшихъ солдатъ и далѣе эскадронъ уланъ на лошадяхъ. При вѣздѣ въ мѣстечко горнисты протрубили маршъ. Подошли къ башнѣ; тутъ офицеръ, приведенный арестантовъ, всталъ съ лошади, вынулъ списокъ и по списку передавалъ приведенныхъ имъ; дежурный унтеръ-офицеръ принималъ и отправлялъ въ башню.

Еще болѣе тяжелый видъ имѣла произведенная вслѣдъ за симъ военно-полицейская экзекуція надъ виновными. Въ видахъ устрашенія и приведенія къ покорности всего населенія крестьянскаго предварительно вызвано было изъ ближайшихъ селъ (на разстояніи 50 верстъ) въ Корсунъ по два человѣка. Собралось множество народа. Виновнѣйшимъ опредѣлено было давать по 800 розогъ, другимъ по 600, инымъ по 500, но меньше 300 не было ¹⁾. Всякаго наказываемаго вляли на землю; два крестьянина держали: одинъ, сидя на головѣ, другой, на ногахъ; два солдата били; для перемѣны стояли еще по два солдата; били березиною тонкою; однако человѣкъ четырехъ понесли полумертвыми съ мѣста наказанія.

Горько было заблужденіе сихъ людей, тяжело ихъ наказаніе; но страшно подумать о томъ, что могъ-бы произвести разъяренный народъ, если бы не былъ остановленъ во-время и приведенъ къ повиновенію.

Дьячка села Мельниковъ Іоакима Левитскаго, арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника и приведеннаго вмѣстѣ съ крестьянами изъ Тагавчи, и дьячка села Сытниковъ Ѳедоровича, тоже арестованнаго по донесенію мѣстнаго священника, вскорѣ освободили, такъ какъ противъ нихъ не было ясныхъ уликъ.

Не участвовали въ семъ волненіи жители м. Корсуна и селъ: Нетеребки, Сахновки и деревни Набутова; ни одинъ человѣкъ не присталъ къ общему движенію. Объясняли это тѣмъ, и кажется правдоподобно, что, когда въ 1800 г. корсунское имѣніе переходило во владѣніе князя Лопухина и жители упомянутыхъ

¹⁾ Размѣры наказанія сильно преувеличены. П. Л—въ.

мѣстностей подняли бунтъ, то понесли такое наказаніе, что оно было въ памяти не только отцовъ, но и внуковъ.

Крестьяне корсунскіе, бывшіе 10 апрѣля въ церкви (а ими была полна церковь), тотъ-часъ по окончаніи литургіи разошлись по домамъ и не являлись ни во время стычки солдатъ, ни послѣ; всѣ они сидѣли по домамъ при своихъ семействахъ.

Замѣчательно: въ приходахъ, гдѣ волновались крестьяне и гдѣ притѣсняли священниковъ, во все время волненій не было ни одной требы; въ теченіи всего этого времени въ тѣхъ приходахъ не родилось ни одного дитяти, никто не умеръ и никто не требовалъ исповѣди.

Священники, надъ которыми производили издѣвательства ихъ прихожане, именно: села Сытвиковъ Іоаннъ Черnodубравскій, с. Сотниковъ Рафаилъ Туробольскій, села Пишекъ Симеонъ Смирницкій, села Самородни Александръ Борлѣвичъ, села Выграева Іоаннъ Загородскій, села Корниловки Дмитрій Подгаецкій и м. Корсуна Тимошей Стрижевскій--всѣ померли, почти преждевременно. Остаемся въ живыхъ, по милости Божіей, я и св. с. Гарбузина Михаилъ Бударевичъ; но и я уже по слабости здоровья уволенъ въ запштатъ.

Библіографія.

1.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И СТАТЕЙ ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ЮЖНОЙ РОССИИ ЗА 1881 Г.

(О к о н ч а н і е).

Народный календарь для южной Россіи на 1882 годъ. Харьковъ. 1882.

Незначный Борисъ.—Еврейскій кагалъ, организація еврейскихъ общинъ, ихъ могущество, способъ дѣйствій и т. д. по указаніямъ покойнаго Брафмана. Кіевъ. 1881 г.

Некрасова Е. С.—Изъ воспоминаній Вельмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ, 1881).

Носовичъ.—Дополненіе къ бѣлорусскому словарю, С.-Петербургъ. 1881.

Обычай молдаванъ въ дни рождественскихъ святокъ и въ первый день новаго года (Кишиневскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 1).

Одинъ, или два были монастыри въ с. Четвертиѣ, луцкаго уѣзда, основанныхъ князьями Четвертинскими (Волинскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 25).

О Кирилловской церкви въ Кіевѣ (газета «Трудъ», 1881 г., № 61).

Очеретяный Н.—Оповиданія. Кіевъ 1881.

Пероговскій В.—Отрывокъ изъ исторіи г. Старокопчанова (Волинскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 3, 4, 6, 7, 9 и 10).

П. И. Федюшка.—Очеркъ изъ южнорусскаго быта (Вѣстникъ Европы, январь, 1881).

П—чь Л.—Село Мокрець (Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости, 1881 г., №№ 51—52).

Павловскій И. Д.—1) Симонія въ украинскомъ духовенствѣ первой четверти XVIII в. (Историч. Вѣстникъ, мартъ, 1881); 2) Консисторско-судныя мытарства,—къ біографіи протоіерея Андрея Прокоповича (тамъ-же, іюль); 3) Иванъ Ивановичъ Мартыновъ за время ученія его въ славенской дух. семинаріи (Полтавскія

Епарх. Вѣдомости, 1881 г., № 4); 4) О календаряхъ польскихъ, злостію вымышленныхъ (тамъ-же, № 7).

Петровъ Н. И.—1) Извѣстія церковно-археологическаго общества при кievской дух. академіи за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 2) Отчетъ того-же общества за 1880 годъ. Кіевъ. 1881. 3) Миньютюры и заставки въ греческомъ евангеліи XI—XII в. и отношеніе ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ кievсо-софійскомъ соборѣ. Кіевъ. 1881. (Изъ Трудовъ кievской дух. академіи); 4) О степени самобытности украинской литературы (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 38, 39, 44, 52, 63, 64, 69 и 89); 5) Очерки изъ исторіи украинской литературы нынѣшняго вѣка (Историч. Вѣстникъ, августъ, сентябрь и октябрь, 1881).

Польскій колдунъ панъ Твардовскій. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Изданіе книгопродавца Прѣснава. Москва. 1881.

Пономаревъ А.—Рождественскіе обряды—мистеріи въ средніе вѣка (Странникъ, декабрь, 1881).

Повомаревъ С. И.—1) Историко-литературный календарь (въ Русскомъ Календарѣ на 1881 годъ, А. Суворина); 2) Письма Л. И. Боровиковскаго къ М. А. Максимовичу (Историческій Вѣстникъ, май, 1881); 3) Еще изъ писемъ м. Евгения (Кіевлянинъ, 1881 г., № 92); 4) Кіевская старина и новина (тамъ-же, №№ 93, 236 и 272).

Порфирьевъ.—Исторія русской словесности. ч. II. Новый періодъ. Отдѣлъ I. Казань. 1881. Здѣсь дано сравнительно больше мѣста южнорусской литературѣ XVIII вѣка.

Потапенко И.—Новый. Изъ хроники южно-русскаго села (Дѣло, апрѣль, 1881 г.).

Потебня А. А.—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава, 1881 г.

Прозоровскій Д.—1) Собраніе польскихъ и другихъ печатей, принадлежащее академіи художествъ. С.-Петербургъ. 1881. 2) Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о полку Игоревѣ. С.-Петербургъ. 1881.

Прохоровъ В.—Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высочайшему соизволенію В. Прохоровымъ. С.-Петербургъ. 1881. Рѣчь идетъ о скифахъ—славянахъ, населявшихъ нынѣшній югъ Россіи.

Прусское посольство въ Крымъ въ семилѣтнюю войну (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Пчѣлка Олена.—Переклады зъ Гоголя. Кіевъ. 1881.

Пыпинъ А. Н.—1) Исторія славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича. 2 изданіе. 2 т. С.-Петербургъ. 1879—1881; 2) Малорусско-галицкія отношенія (Вѣстникъ Европѣ, январь, 1881).

Ровинскій Д.—Русскія народныя картинки, собранныя и описанныя Д. Ровинскимъ. С.-Петербургъ. 1881.

Розовъ А.—Отношенія православныхъ югозападной Россіи къ протестантамъ въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка (Литовскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 15, 16, 21, 25 и др.).

Рудченкова Зинаида.—Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень, собранныхъ въ гомельскомъ уѣздѣ, черниговской губ., и изданныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіана.

Самоквасовъ Д. Я.—Вещественные памятники древности въ предѣлахъ Малороссіи. Изъ протоколовъ антропологической выставки. Москва.

Сахаровъ В.—Очерки русской мистеріи въ ея представителяхъ (Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, октябрь, 1881).

Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Выписки I—III. Кіевъ. 1881. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія, Голубовскаго, и Вѣче въ кіевской области. Линниченка.

Семеновичъ Ст.—Начало уніи въ холмской епархіи (Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ, 1881 г., № 21).

Сементовскій Н.—Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ, и проч. 6-е исправленное и дополненное изданіе. Кіевъ. 1881.

Серафимовъ С.—Историческое описаніе херсонскаго успенскаго собора (Херсонскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 1, 3—5, 9, 15—18).

Смирновъ П.—Свят. Іоакимъ патріархъ московскій. Москва. 1881.

Собѣсскій.—О львовской русской гимназій. 1881.

Соколовъ Н.—Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь въ г. Ченстоховѣ. Вильна. 1881.

Сокологорская Е.—Сборникъ древнеславянскихъ и южнорусскихъ народныхъ узоровъ. Кіевъ. 1881.

Спасовичъ В. Д.—Маркизь А. Велепольскій, его жизнь и политика въ польско-русскомъ конфликтѣ и вопросѣ (Вѣстникъ Европы, февраль, май, іюнь и іюль. 1881).

Старицкій М.—1) Пісні і думи. Переклавъ Старицкій. Виданне Ильницького. Кіевъ. 1881.

Стасовъ.—О національности руссовъ арабскихъ писателей. С.-Петербургъ. 1881 г.

Стефановскій Т.—Матеріалы для біографіи царскаго духовника протоіерея Феодора Дубянскаго (Черниговскія Епарх. Извѣстія, 1881 г., №№ 27—28).

Сулимовка въ Кіевѣ (Кіевлянинъ, 1881 г., №№ 247 и 248).

Сумцовъ Н.—О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881 г.

Т. Ал.—Василій Игнатьевичъ Пероговскій. Некрологъ (Кіевлянинъ, 1881 г., № 156).

Тарановскій Н. Г.—Кіевъ и его окрестности, съ топографическимъ планомъ города Кіева. 9 видами, 2 плапами театровъ, адресъ-календаремъ и мѣсяцесловомъ на 1881 г. Кіевъ.

Тихомировъ Е.—Полтавскій бой. Историческій очеркъ. Москва. 1881.

Тихомировъ Н.—О составѣ западно-русскихъ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей,—рукопись, удостоенная академіей наукъ преміи въ 500 р.

Толстой М. В., графъ.—Посмертныя записки іеромонаха кіево-печерской лавры о. Антонія (Русскій Вѣстникъ, май, іюнь и ноябрь. 1881).

Толстой Ю. В.—Записки о возсоединеніи греко-уніатскаго духовенства и народа въ Бѣлоруссіи и на Волини съ православною церковію, Василя, архіепископа полоцкаго (Русскій Архивъ, 1881 г., т. II).

Томашенко.—О черноморскихъ готахъ. Вѣна. 1881.

Уваровъ А. С., графъ.—Каменный вѣкъ въ Россіи. Москва. 1881. Здѣсь рѣчь идетъ и о кіевскихъ пещерахъ, существовавшихъ задолго до христіанства.

Украинофильство и г. Костомаровъ (Русскій Вѣстникъ, апрѣль, 1881).

Украинскимъ дітямъ. Кіевъ. 1881.

Уманецъ Ѡ. М.—Малороссіане въ Польшѣ XVII вѣка (Историч. Вѣстникъ, сентябрь, 1881).

Фелицынъ.—Памятная книга Кубанской области. 1881.

Филевичъ И. П.—Забутый уголь (о Холмской Руси. Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Хойнацкій А. Ѡ., протоіерей.—1) Святитель Михаилъ греческій, нетлѣнно почивающій въ нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Кіевъ. 2) Варлаамъ Пшачацкій, архіепископъ могилевскій. Изъ исторіи 1812 года (Историч. Вѣстникъ, іюль, 1881); 3) Почаевская лавра подъ властію уніатовъ (Христіанское Чтеніе, 1881 г.).

Хорошунъ Ѡ., свящ.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій. Историко-біографическій очеркъ (Русская Старина, 1881 г., т. 1).

Хрушовъ А. П.—Отрывки изъ дневника (Историч. Вѣстникъ, май, 1881).

Чапковскій А. Т.—Н. В. Гоголь. Воронежъ. 1881.

Чистовичъ И. А.—Уніатская церковъ въ Россіи при императорѣ Николаѣ I (Православное Обзорѣніе, январь и апрѣль. 1881).

Шайноха К.—Ядвига и Ягайло, перев. съ 2-го полнаго изданія В. Чуйко. 2 т. С.-Петербургъ. 1881.

Шевченко Т. Г.—1) Батрачка. Повѣсть. С.-Петербургъ. 1881 г. 2)—Несчастныи. Неизданная повѣсть Т. Г. Шевченка (Историческій Вѣстникъ, январь, 1881); 3)—Хустына (въ альманахѣ »Луна«, на 1881 годъ. Кіевъ. 1881);

4) Изъ неизданной повѣсти Т. Г. Шевченка (газета >Трудъ<, 1881 г., № 122 и приложенія 12, 17 и 29 декабря).

Щелковъ К. П. — Харьковъ (историко-статистическій опытъ). Харьковъ. 1881 г.

Щербина Ф. — Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Одесса 1881 г.

Эльцинъ. — Рѣчи звенигородскаго раввина Эльцина. Звенигородка. 1881.

Юго-западный общедоступный календарь на 1882 годъ. Кіевъ. 1881.

Южный Алексѣй. — На Днѣпровскихъ порогахъ и два дня у штундистовъ. Запѣтки путешественника (Вѣстникъ Европы, июль, 1881).

Юшкевичъ. — Литовскія народныя пѣсни. Выпуски 3—4. Казань. 1881.

Яворскій Н. — Подольская старина: посмертная легенда о князѣ Петрѣ Христіановичѣ Витгенштейнѣ (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881, №№ 20 и 21. Дополненіе къ этой статьѣ — тамъ-же, № 35).

Яновскій И. — Мѣстечко Бѣлоперковка и его приходъ. Историко-статистическій и этнографическій очеркъ (Полтавскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 8 и 18).

Z. Z. — Яковъ-Іосифъ Лейбовичъ Франкъ. Изъ исторіи іудейства XVIII вѣка (Подольскія Епарх. Вѣдомости, 1881 г., №№ 33 и 34).

II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. — Историческій очеркъ, соч. Ивана Попко. Выпускъ первый. — Гребенское войско. С. Петербургъ 1880 г.

Въ началѣ октября минувшаго года, терское козацкое войско праздновало 300 лѣтній юбилей своего существованія. Къ этому времени, одинъ изъ старыхъ и заслуженныхъ офицеровъ этого войска, генералъ Иванъ Попко, приготовилъ историческій очеркъ судьбы терскаго козачества. Г. Попко извѣстенъ уже въ литературѣ прекраснымъ и первымъ по времени очеркомъ быта черноморскихъ козаковъ, ихъ судьбы, устройства и этнографіи, изданнымъ еще въ 1858 году. Новый трудъ г. Попко составленъ съ полнымъ знаніемъ литературы своего предмета, и притомъ основанъ на многочисленныхъ рукописныхъ источникахъ, собранныхъ авторомъ въ архивахъ городовъ: Ставрополя, Кизляра, Астрахани, въ терскомъ войсковомъ архивѣ, въ рукописныхъ запискахъ Федюшкина и Буткова и т. д. Сверхъ того г. Попко близко и наглядно знакомъ съ мѣстностью притерскаго края, съ его этно-

графією и пользуется многими преданіями и воспоминаніями, уцѣлѣвшими въ памяти народа; этнографическій и бытовой матеріалъ въ значительной степени оживляетъ разсказъ и придаетъ изображаемымъ авторомъ картинамъ большую живость и рельефность. Собранный г. Попко матеріалъ оказался на столько обильнымъ и разсказъ его на столько подробенъ, что первый выпускъ сочиненія, составляющій впрочемъ весьма объемистый томъ, заключаетъ въ себѣ лишь исторію гребенскаго войска, т. е. одного только изъ десяти полковъ, входящихъ въ составъ терскаго козацкаго войска; исторію остальныхъ полковъ г. Попко обѣщаетъ разработать въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего сочиненія, теперь-же, чтобы ознакомить читателя хотя въ общихъ чертахъ съ планомъ своего сочиненія, онъ предпослалъ исторію гребенскаго войска «Вступительный очеркъ трехвѣковой жизни терскихъ козаковъ», въ которомъ намѣтилъ главные моменты его исторической жизни, указалъ его составныя части и время и обстоятельства возникновенія каждой изъ нихъ. Все терское войско составилось изъ 10 разновремено возникшихъ козацкихъ группъ, которыя носили слѣдующія названія: гребенское войско, терско-кизлярское войско, терско-семейное войско, моздокскій полкъ, волгское войско, горскій полкъ, два владикавказскіе полки 1-й и 2-й и два сунжинскіе.

Древнѣйшее козацкое поселеніе на Кавказѣ составили *гребенскіе* козаки: явились они на Терекѣ и у подножія кавказскихъ горъ еще въ началѣ XVI столѣтія. Послѣ присоединенія великаго княжества рязанскаго къ московской державѣ, рязанскіе козаки, населявшіе Червленый Яръ и охранявшіе юго-восточныя предѣлы княжества, опасаясь принудительнаго выселенія въ сѣверо-восточныя области государства, сѣла на струги, поднялись по Дону, переволоклись въ Волгу и приплыли къ устьямъ Терека; здѣсь они вошли въ сношенія съ кабардинскими владѣльцами и получили отъ нихъ для поселенія земли у подножія горной цѣпи. Послѣ подчиненія кабарды русскимъ царямъ, козаки гребенскіе зачтены были въ царскую службу: они нѣсколько разъ мѣняли мѣсто жительства, пока наконецъ не основались окончательно на лѣвомъ берегу Терека, гдѣ въ 1712 году они построили пять городковъ, существующихъ по нынѣ: Червленскій, Шадринскій, Новогладковскій, Старогладковскій и Курдюковскій.

Въ концѣ XVI столѣтія (1580) въ устьяхъ Терека появилась новая группа козацкаго населенія, это была часть волжскаго козацкаго войска, почему-то опасающаяся опалы на родинѣ и бѣжавшая по морю на югъ. Новые переселенцы построили у самаго устья Терека городокъ Трехстѣнный и поселились въ немъ, подъ именемъ *терскаго* козацкаго войска. Впослѣдствіи Петръ Великій пытался перевести это поселеніе къ югу, но попытка его не увѣчалась успѣхомъ. Въ 1736 году, послѣ возврата Персіи завоеванныхъ у нея областей, русскіе поселенцы, въ томъ числѣ и терскіе козаки, возвратились на прежнія мѣста жительства и заняли берега Терека отъ его устья до Кизляра; съ этого времени они и стали называться терскимъ-кызлярскимъ войскомъ.

Въ томъ-же 1736 году, для того чтобы сожнуть цѣпь козацкихъ поселеній на Терекѣ—между терско-кизлярскимъ и гребенскимъ войсками организовано было правительствомъ новое козацкое войско, получившее названіе *терско-сѣмейнаго*; для этой цѣли вызвана была изъ донской области одна тысяча козацкихъ семействъ и поселена въ трехъ новыхъ городкахъ. По другую восточную сторону поселеній гребенскихъ козаковъ въ 1763 году построено было небольшое укрѣпленіе на урочищѣ Мриздогъ (дремучій лѣсъ) и правительство приступило къ образованію вокругъ него новаго козаческаго войска. Въ составъ его вошли въ значительномъ количествѣ выходцы изъ разныхъ горскихъ племенъ, къ которымъ присоединены были 350 козацкихъ семействъ, выведенныхъ изъ Дона, и 517—съ Волги, также 200 семействъ калмыковъ и 335 семействъ козацкой саратовской милиціи; всѣ эти разнородные элементы образовали *моздокскій* козацкій полкъ.

Подвигая козацкія поселенія дальше въ томъ-же направленіи отъ востока къ западу, въ 1777 году, правительство переселило на средній Терекъ и на притокъ его—Малку, а также въ окрестности Пятигорска остававшихся еще на Волгѣ козаковъ, и образовало изъ нихъ 5 станицъ, которыя и составили новый отдѣлъ терскаго козачества подъ именемъ *волскаго войска*; составъ этого войска усилился въ послѣдствіи припискою нѣсколькихъ селъ, населенныхъ однодворцами и государственнымъ крестьянами.

Въ 1824 году, генералъ Ермоловъ, желая увеличить козацкій контингентъ на Кавказѣ, выдѣлилъ нѣсколько станицъ изъ состава моздокскаго и волскаго полковъ и, присоединивъ къ нимъ 2 селенія осетинскія и 4 селенія малорусскія, выселившіяся по причинѣ малоземельности изъ уѣздовъ курской и воронежской губерній, образовалъ новый козацкій полкъ *горскій*.

Всѣ шесть полковъ составляли отдѣльныя единицы въ военномъ и административномъ отношеніяхъ до 1832 года; тогда они, по представленію главнокомандующаго на Кавказѣ, графа Паскевича, были объединены подъ однимъ управленіемъ и получили общее названіе *кавказскаго линейнаго войска*. Впрочемъ послѣ этого преобразованія, козачество продолжало еще нѣкоторое время развиваться на Кавказѣ и колонизировать новыя пространства. Такъ въ 1837 году на верхнемъ Терекѣ поселены были два малороссійскіе полка, сформированные въ 1831 году для дѣйствій противъ поляковъ и въ послѣдствіи передвинутые на Кавказъ; они составили *1-й владикавказскій полкъ*, увеличивъ въ послѣдствіи свой составъ многочисленными переселенцами, бѣжавшими отъ крѣпостнаго права изъ губерній: черниговской, харьковской, полтавской, воронежской и др. Наконецъ, въ послѣднее уже время, съ 1845 по 1860 годъ, образовались три новые полка, занявшіе территорію между Владикавказомъ и Моздокомъ по рѣкамъ Камбилею и Сунжѣ. Эти полки образовались частью изъ семействъ, выведенныхъ изъ болѣе старыхъ козацкихъ поселеній, частью изъ приписанныхъ къ козачеству крестьянъ, солдатъ и т. д.

Вотъ вкратцѣ очеркъ колонизаціи сѣверовосточнаго Кавказа, подробное раз-
витіе котораго г. Попко намѣренъ представить въ своемъ сочиненіи. Первая часть
его—исторія гребенскаго полка выполнена весьма тщательно и удовлетворительно.
Авторъ рассказываетъ подробно исторію поселенія гребенскихъ козаковъ, участіе
ихъ какъ въ внутреннихъ смутахъ, бывшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтія, такъ и
въ войнахъ, которыя вело на Кавказѣ русское правительство, затѣмъ представ-
ляетъ весьма интересный очеркъ распространенія среди гребенцевъ старообрядче-
ства и разныхъ толковъ церковнаго раскола и даетъ весьма полную картину:
управленія, служебныхъ обязанностей, хозяйства, промысловъ, быта, нравовъ, во-
оруженія, костюма и т. д. Несомнѣнно, книга г. Попки занимаетъ видное мѣсто
среди историческихъ монографій, посвященныхъ областной русской исторіи и мы
съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ выпусковъ столь хорошо начатаго предпрія-
тія. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что книга г. Попки значительно выигра-
ла-бы, если бы авторъ удержался отъ субъективнаго, нѣсколько тенденціознаго
взгляда, вслѣдствіе котораго онъ по временамъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія совре-
меннаго публициста событія давно минувшихъ дней, происходившія въ другое время
и при историческихъ условіяхъ, не примѣнимыхъ къ нашему времени и къ совре-
меннымъ намъ взглядамъ. По временамъ также авторъ склоненъ увлекаться исто-
рическими гипотезами, не основанными на точныхъ данныхъ, и очень упорно от-
стаиваетъ эти гипотезы, не смотря на отсутствіе фактической почвы; такова, по
нашему мнѣнію, попытка автора связать происхожденіе козачества съ княжескими
дружинами въ качествѣ двухъ непосредственно преемственныхъ явленій; между тѣмъ
какъ явленія эти ни по времени существованія, ни по характеристическимъ чер-
тамъ своимъ не представляютъ аналогіи. Во всякомъ случаѣ эти небольшія, чисто
теоретическія, погрѣшности почти незамѣтны, благодаря живости разсказа, изоби-
лію фактическаго матеріала и новизнѣ и высокому интересу содержанія книги.

Въ заключеніе г. Попка приложилъ къ своей книгѣ довольно объемистыя
примѣчанія и весьма интересныя приложенія, состоящія изъ документовъ, извлечен-
ныхъ имъ изъ архивовъ, которые констатируютъ разнообразныя данныя, относя-
щіяся къ исторіи управленія, къ промысламъ, къ общественному хозяйству, статисти-
кѣ народонаселенія и т. п. Наконецъ, въ числѣ приложеній мы находимъ 7
народныхъ гребенскихъ пѣсень историческаго и бытоваго содержанія и два патріотиче-
скія стихотворенія современнаго намъ поэта изъ гребенскихъ козаковъ, г. Пар-
фонія Кулебякина.

В. А.

*Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго.
Кіевъ, 1881 г.*

Названное сочиненіе написано на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ кіевского университета. Нельзя не признать выбора подобной темы очень удачнымъ. Изученіе удѣльнаго періода русской исторіи въ настоящее время подвинулось много впередъ сравнительно съ недалекииъ прошлымъ. Изложеніе Карамзина и Соловьева насъ не удовлетворяетъ болѣе. Теперь уже никто, подобно Карамзину, не разсматриваетъ Руси удѣльнаго періода, какъ единое государство со столицей Кіевомъ; мало по малу теряетъ свое значеніе и теорія исключительно родовыхъ отношеній, рельефно выраженная въ соч. Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Все большее и большее право гражданства получаетъ теорія областная, которая въ удѣльно-вѣчевой Руси видитъ рядъ областей, связанныхъ единствомъ княжескаго дома, происхожденіи, быта, но стремившихся и достигавшихъ внутренней автономіи. Фундаментъ для себя областная теорія нашла въ этнографической, представителями которой являются Ёшевскій, Щаповъ, Костомаровъ. Въ результатъ получились труды, представляющіе богатый вкладъ въ русскую историческую литературу: цѣлый рядъ областныхъ монографій—Костомарова, Иловайскаго, Корсакова, Зубрицаго, Шаранѣвича; въ послѣднее время появилось также нѣсколько цѣнныхъ монографій—Антоновича «Очерки исторіи В. К. Литовскаго», Дашкевича «Болоховская земля», Никитскаго «Очерки изъ исторіи Новгорода и Пскова», Полежаева «Московское княжество въ I половинѣ XIV в.» Сюда же нужно отнести и трудъ г. Голубовскаго.

Источники по исторіи сѣверской земли довольно разнообразны, хотя очень отрывочны. Основнымъ источникомъ является лѣтопись въ разныхъ ея спискахъ и редакціяхъ; наиболее свѣдѣній доставляетъ такъ называемая ипатьевская лѣтопись, заключающая, какъ кажется, отрывки не дошедшей до насъ сѣверской. Раскопки въ черниговской губерніи г. Самоквасова даютъ богатый матеріалъ для характеристики погребальныхъ обрядовъ и культуры сѣверянъ; извѣстія арабскихъ и византійскихъ писателей не менѣе любопытны; кое-какія данныя доставляютъ и памятники словесности; современнымъ этнографическимъ матеріаломъ крайне затруднительно пользоваться по разбросанности его. Но не смотря на сравнительное обиліе матеріала до сихъ поръ не было ни одной сколько-нибудь удовлетворительной попытки написать исторію черниговской области; это тѣмъ болѣе удивительно, что она, сравнительно съ другими землями, отличалась особеннымъ характеромъ. Мы можемъ только указать на сочиненіе бывшаго профессора кіевского университета Домбровскаго «Очеркъ города Чернигова и его области въ древнее и новое время», совершенно не соответствующее своему заманчивому заглавію. Это—тощая брошюрка, передающая нѣкоторыя обще-извѣстныя лѣтописныя извѣстія. Гораздо больше значенія имѣетъ недавно вышедшее сочиненіе г. Иловайскаго «Исторія Рос-

сіи. Владимірскій періодъ», гдѣ одна глава посвящена історіи чернигово-сѣверской земли; жаль только, что этотъ прекрасный очеркъ не достаточно полонъ и систематиченъ.

Такимъ образомъ книга г. Голубовскаго является весьма кстати. Вся она состоитъ изъ 12 главъ, изъ коихъ первыя двѣ посвящены вступленію общаго содержания.

Въ 1-й главѣ, посвященной колонизаціи, г. Голубовскій старается доказать фактъ наступательнаго колонизаціоннаго движенія сѣверянъ на югъ къ черноморскому и азовскому побережьямъ и на сѣверо-востокъ въ область Муромы, Мери, радимичей и вятичей. Очень вѣроятна гипотеза о славянскомъ (собственно сѣверянскомъ) населеніи бассейна Дона, которое г. Голубовскій ставитъ въ связь съ бродниками—прототипомъ козачества. Не менѣе любопытны соображенія объ этнографическомъ сродствѣ населенія Тмуторакани съ населеніемъ Подесенья и Посемья. Въ слѣдующей главѣ г. Голубовскій на основаніи археологическихъ раскопокъ и арабскихъ писателей старается опровергнуть извѣстіе нашей лѣтописи о первоначальной дикости сѣверянъ, радимичей и вятичей. Оказывается, что рядомъ съ звѣроловствомъ существенную роль играло земледѣліе; процвѣтали гончарное, бондарное и столярное ремесла; торговля велась съ Новгородомъ, Византіей и отдаленнымъ востокомъ. Другихъ сторонъ внутренняго быта сѣверянъ г. Голубовскій къ сожалѣнію не касается. «Должно сознаться, говоритъ онъ, что по необходимости въ нашемъ сочиненіи мы должны были оставить два пробѣла, именно ничего не сказать о «религіи и бытѣ» сѣверянъ и выпустить «историко-топографическое описаніе» ихъ страны. Это произошло по недостатку научныхъ средствъ. Для очерка религіи сѣверянъ мы имѣемъ рѣдкія указанія, рассыпанныя по Губернскимъ и Епархіальнымъ Вѣдомостямъ черниговской губерніи, но собрать ихъ невозможно въ полномъ составѣ; притомъ сѣверяне занимали не одну черниговскую губернію, а курскую, часть харьковской и Подонье. Собрать матеріалъ изъ всѣхъ этихъ областей невозможно, какъ по недостатку времени, такъ и средствъ. *Извѣстія лѣтописи и арабскихъ писателей даютъ общія мѣста, которыя могутъ относиться ко всемъ славянамъ вообще.* Историко-топографическое изслѣдованіе, хотя и при существованіи матеріала въ видѣ списковъ населенныхъ мѣстъ, книги «Большаго Чертежа» и т. д., невозможно было по неизбѣжнѣ подъ руками картъ». Мы признаемъ эти опущенія главнымъ недостаткомъ труда г. Голубовскаго, и при томъ ихъ не два, а нѣсколько больше. Не сказано ничего о городищахъ въ черниговской губ., которыя перечисляетъ г. Самоквасовъ въ приложеніи къ своему сочиненію «Древніе города Россіи»; нѣтъ характеристики погребальныхъ обрядовъ языческихъ сѣверянъ, между тѣмъ какъ богатѣйшія данныя по этому вопросу заключаются въ замѣчательной статьѣ г. Самоквасова «Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для історіи»; не говоря уже объ извѣстіяхъ Ибнъ-Фоцлана, которыя также можно сюда приурочить. Историко-топографическое описа-

ніе земли сѣверянъ могло быть исполнено тѣмъ легче, что начало такой работы положено трудами Погодина, Арцыбашева, Барсова. Желательно было-бы болѣе подробное изложеніе вопроса о предѣлахъ сѣверянскихъ поселеній и колонизаціи въ разныя эпохи существованія сѣверской земли. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи можно было-бы провести такія грани: 1) до половины XI ст., т. е. до обособленія Сѣверщины въ самостоятельное княжество, 2) до половины XIII ст., т. е. до татарскаго нашествія, когда центральнымъ пунктомъ являлись Подесенье и Посемье съ городами Черниговомъ и Новгородъ-Сѣверскомъ, 3) до половины XIV ст., когда значеніе Чернигова и Новгородъ-Сѣверска падаетъ, центръ исторической жизни переносится на сѣверъ въ Брянскъ, дробленіе княжествъ достигаетъ maximum'a своего развитія. Очень жаль также, что не сгруппированы хотя отрывочныя и немногочисленныя данныя о внутреннемъ бытѣ сѣверской земли въ періодъ удѣльный: о церковной іерархіи, храмоустройствѣ и т. д.

Очень любопытна 3-я глава, изображающая отношенія къ сѣверянамъ хозарскаго каганата. Конечно, не одни сѣверяне жили въ Хозаріи, но и другія славяно-русскія вѣтви; но несомнѣнно, что по своему географическому положенію сѣверяне находились въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ хозарамъ; нѣкоторые факты убѣждаютъ насъ, что сѣверянское населеніе въ видѣ оазисовъ сохранилось въ хозарской (тогда уже половецкой) землѣ даже въ XII в.

Слѣдующая 4-я глава названа «Христіанскимъ періодомъ», хотя въ соотвѣтствіи съ предъидущей ее лучше было-бы назвать «Кіевскимъ періодомъ» (до 1054 г.).

Въ слѣдующихъ 8 главахъ г. Голубовскій даетъ намъ очеркъ жизни, дѣятельности и историческаго значенія сѣверскихъ князей. Нельзя не признать этого очерка внѣшней политической исторіи очень удачнымъ. Характеристики написаны живо и смѣло; всѣ политическія комбинаціи, отдѣльные эпизоды объяснены болѣе или менѣе удовлетворительно. Такovy характеристики Олега и Давида Святославичей, Всеволода Ольговича и др. И здѣсь съ нѣкоторыми утверженіями и объясненіями автора согласиться нельзя, но въ общемъ получается вѣрная картина событій. Заключивается сочиненіе подпаденіемъ сѣверской земли подъ власть Литвы въ половинѣ XIV ст.

Въ концѣ концовъ нельзя не воздать должной благодарности автору за усердный и кропотливый трудъ, освѣтившій первые вѣка жизни лѣваго берега Днѣпра. Да будетъ оно началомъ послѣдующихъ трудовъ по исторіи лѣвобережной Украйны отъ XV—XVIII ст.

Д. Багалъй.

Моравія и мадьяры съ половины ІХ до начала Х вѣка К. Я. Грота.
Спб. 1881. 436. II. 2 р.

Еще недавно авторъ означеннаго сочиненія издалъ свой первый трудъ: »Извѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ«, историко-этнографическое изслѣдованіе (Спб. 1880 г.), вызвавшее весьма подробныя замѣчанія со стороны г. Флоринскаго въ Журналѣ мин. нар. проsv. (ССХІV и ССХV). Новый его трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше, составляетъ диссертацию на степень магистра по славянской филологіи и пополняетъ обширную серію трудовъ по исторіи славянъ, изданныхъ въ послѣднее время учеными петербургскаго университета (гг. Успенскимъ, Соколовымъ, Флоринскимъ). Такимъ образомъ, въ видѣ этихъ трудовъ русская наука пріобрѣтаетъ весьма цѣнные вклады въ исторію славянства. Нельзя не порадоваться и не привѣтствовать такого дружнаго участія новыхъ силъ въ разработкѣ этой исторіи, все еще мало извѣстной у насъ, не смотря на позднѣйшія политическія отношенія наши къ южному славянству.

Новый трудъ г. Грота имѣетъ для »Кіевской Старины« иной интересъ. Въ немъ затрогиваются вопросы, близкіе къ исторіи кіевской земли въ ея древнѣйшій періодъ. Мы разумѣемъ вопросы о происхожденіи и переселеніи угровъ, занимающихъ видное мѣсто въ изслѣдованіи автора. Укажемъ сначала общее содержаніе этого труда, а затѣмъ остановимся, на сколько позволяютъ размѣры библиографической замѣтки, на означенныхъ вопросахъ.

Разсматриваемое изслѣдованіе состоитъ изъ *четырёхъ* обширныхъ главъ. *Первая* изъ нихъ представляетъ вступительный очеркъ, посвященный обзору судьбы средне—и ниже-дунайскихъ земель до начала ІХ вѣка; *вторая* даетъ очеркъ политическихъ отношеній на среднемъ Дунаѣ передъ мадьярскимъ погромомъ; *третья*—посвящена переселеніямъ мадьяръ до водворенія ихъ на среднемъ Дунаѣ; въ *четвертой* авторъ разсматриваетъ поселеніе мадьяръ на среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ и ихъ торжество въ борьбѣ съ Моравіей и восточно-франкской державой. Въ заключеніи авторъ дѣлаетъ общіе выводы о переворотѣ, произведенномъ мадьярами на среднемъ Дунаѣ. Къ книгѣ приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

Понятно, что III-я глава, притомъ самая обширная (149—304 стр.), имѣетъ для насъ главный интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляется болѣе обстоянною и болѣе полною. Прослѣдимъ результаты изслѣдованій автора въ этихъ вопросахъ.

Къ даннымъ, основаннымъ на толкованіи именъ »мадьяръ« и »угровъ« именами, передаваемыми древними греческими и латинскими писателями, и къ догадкамъ средневѣковыхъ историковъ авторъ относится скептически. Только съ конца ІХ в. онъ находитъ возможнымъ слѣдить за исторіею этого народа. Также

сомнѣвается онъ въ возможности удачно объяснить означенныя имена и найти ихъ корень и первоначальное значеніе. Но во всякомъ случаѣ корни имени >мадьярь< всего естественнѣе, по его мнѣнію, искать или въ самомъ мадьярскомъ языкѣ, или въ другихъ родственныхъ уральскихъ нарѣчіяхъ финскаго языка. Имя-же >угры< несомнѣнно находится въ непосредственномъ родствѣ съ нашею „югрою“ и >югричами< русскихъ лѣтописей, съ именемъ народа, къ которому принадлежали предки вогуловъ, остяковъ и ихъ родичей, и имѣть такую-же прямую связь съ нѣкоторыми географическими названіями въ предѣлахъ Россіи. Сравнительно-лингвистическими изслѣдованіями наука пришла уже довольно давно къ признанію финскаго, точнѣе восточно-финскаго (финно-уральскаго) происхожденія мадьярь. Это положеніе стало съ нѣкоторыхъ поръ уже общепризнаннымъ и окончательнымъ ея достояніемъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дознано и существованіе въ мадьярскомъ языкѣ (кромя другихъ разнородныхъ элементовъ) значительныхъ элементовъ языка турецкихъ народностей, въ близкомъ сосѣдствѣ и подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ которыхъ когда-то очевидно жили угры. Турецко-татарскія черты въ языкѣ, исторіи и нѣкоторыхъ сторонахъ жизни мадьярь сказываются на столько сильно, что есть ученые (Вамбери), считающіе мадьярь, ихъ языкъ и древнюю культуру просто результатомъ смѣшенія финно-угорскихъ элементовъ съ турецко-татарскими. Еще въ средніе вѣка (съ XIII в.) предпринимались путешествія въ восточную Россію съ цѣлю изысканія слѣдовъ родины и родичей угровъ. Такъ, монахъ Юліанъ, отправленный королемъ Бѣлою IV, побывавъ въ Волжской Болгаріи, нашель народъ, говорившій на языкѣ, понятномъ для мадьярь. Съ тѣхъ поръ не прекращались изслѣдованія въ этомъ направленіи; но только послѣ долгихъ усилій удалось восторжествовать этому мнѣнію надъ предположеніемъ о гунскомъ, турецкомъ и даже еврейскомъ происхожденіи мадьярь. Необходимо также замѣтить, что въ XV вѣкѣ молва о существованіи на сѣверо-востоцѣ Россіи племени, говорящаго на языкѣ сходномъ съ мадьярскимъ, была сильна въ Угріи при Матвѣѣ Корвинѣ, который собирался даже отправить людей для собиранія свѣдѣній объ этомъ народѣ, и что въ XVI в. извѣстный путешественникъ по Россіи, Герберштейнъ, въ описаніи >Московіи< сообщаетъ о землѣ Югаріи, изъ которой происходили будто-бы угры и въ которой говорятъ на языкѣ, понятномъ для мадьярь.

Авторъ подробно слѣдитъ за всѣми перипетіями этого вопроса въ XVII, XVIII и XIX столѣтіяхъ, снабжая свои сопоставленія обстоятельнымъ указаніемъ на его литературу (стр. 155—167). Установивъ такимъ образомъ племенную связь мадьярь съ древнею Югрою, и позднѣйшими, родственными ей, вогулами и остяками, авторъ, на основаніи цѣлага ряда существующахъ данныхъ и мнѣній (при чемъ онъ признаетъ извѣстія венгерскихъ хронистовъ не заслуживающими вниманія), опредѣляетъ приблизительно древнія жилища мадьярь по сосѣдству съ болгарами и башкирами); затѣмъ говоритъ объ ихъ древней культурѣ и образѣ жизни; на-

ронецъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на переселеніяхъ мадьяръ на нижній Дунай и, между прочимъ, на пребываніи ихъ въ южныхъ степяхъ Россіи. Въ общей сложности это странствованіе по Россіи длилось едва-ли болѣе семи десятковъ лѣтъ.

Отвергнувъ свидѣтельство Анонима объ этомъ странствованіи, какъ позднѣйшую національную тевденцію, основанную на постороннихъ данныхъ (авторъ разбираетъ это въ особомъ примѣчаніи, стр. 181—184, а также 203—204), г. Гротъ останавливается главнымъ образомъ на извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, Ибнъ-Даста (араб. писат. нач. X в.) и древней русской лѣтописи (Нестора), » не многія строки которой объ уграхъ, по его словамъ, имѣютъ для насъ все-таки первостепенное значеніе«. Въ извѣстіи Константина о мадьярахъ онъ видитъ отчасти хозарскій, отчасти славянскій источникъ.

Основываясь на общей связи событій, выходъ мадьяръ изъ ихъ прародины приходится отнести къ началу IX вѣка; а будучи полукочевымъ народомъ, они, подобно другимъ кочевникамъ, безъ особеннаго труда перемѣщались съ мѣста на мѣсто. Поводомъ-же къ такому передвиженію должно признать какой-либо внѣшній толчокъ, напр. напоръ съ востока турецкихъ племенъ, быть можетъ и печенѣговъ, кочевавшихъ уже тогда въ степяхъ между Волгой и Яикомъ, но также весьма вѣроятно, что выселеніе это могло произойти вслѣдствіе какого нибудь неизвѣстнаго намъ движенія или давленія русскихъ славянъ на финновъ (Ламанскій, Объ изуч. греко-славян. міра, Спб. 1871, 313). Путь ихъ лежалъ въ юго-западномъ направленіи и весьма вѣроятно, что самое движеніе совершилось при участіи сосѣднихъ имъ турецкихъ кочевниковъ (башкиръ и др.). Историческія свидѣтельства застаютъ угровъ уже въ южныхъ степяхъ Россіи, въ сосѣдствѣ съ хозарами, потомъ около днѣпровской Руси, на берегахъ Чернаго моря, и далѣе на юго-западъ. При этомъ авторъ разсматриваетъ извѣстія объ уграхъ К. Багрянороднаго, Ибнъ-Даста, Паннонскаго житія Константина философа и русской лѣтописи (о проходѣ угровъ мимо Кіева подъ 898 годомъ; въ другихъ мѣстахъ ея упоминается—о бѣлыхъ уграхъ, объ уграхъ черныхъ и Угорское подъ Кіевомъ). Эти извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о пребываніи мадьяръ на берегахъ Понта и ихъ набѣгахъ вплоть до нижняго Дуная (около половины IX вѣка). Извѣстіе русской лѣтописи о *прохожденіи* угровъ мимо Кіева показываетъ, что они оставили по себѣ у днѣпровской Руси воспоминаніе какой-то странствующей орды, прослѣдовавшей мимо и только временно располагавшейся кочевьями въ ея сосѣдствѣ. Путь, по которому двигались мадьяры (угры), авторъ обозначаетъ такъ: по Камѣ и Волгѣ на Оку и вверхъ по Окѣ къ верховьямъ Дона, по которому продолжая идти, они вступили во владѣнія хозаръ, съ которыми имѣли прежде торговые связи. Страна, занятая мадьярами, называется у К. Багрянороднаго Лебедіей (авторъ указываетъ на сохранившіяся до сихъ поръ подобныя-же названія мѣстностей въ этомъ районѣ и здѣсь-же рѣчка Угринъ по Больш. Чертежу). Затѣмъ авторъ указываетъ

на вліяніе хозарь и славянъ на бытъ мадьярь. Вліяніе послѣднихъ отразилось преимущественно въ сферѣ внутренняго, домашняго и семейнаго быта; такъ, названія предметовъ, относящихся къ земледѣлію, заимствованы мадьярами у славянъ. Ибнъ-Дасть рассказываетъ, напротивъ, о набѣгахъ мадьярь на славянъ, плѣнниковъ которыхъ они вымѣнивали у грековъ на греческія матеріи и товары. Вліяніе хозарь отразилось преимущественно на военномъ устройствѣ. Другія извѣстія сообщаютъ свѣдѣнія о набѣгахъ мадьярь на берега Чернаго моря вплоть до Дуная. Наконецъ авторъ подробно разбираетъ свидѣтельства русскаго лѣтописца объ уграхъ, изъ которыхъ главное относится къ 898 г. и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о передвиженіи всей мадьярской орды на западъ, по вытѣсненіи ея изъ «Лебедіи» печенѣгами, причемъ онъ касается смысла лѣтописнаго указанія о бѣлыхъ и черныхъ уграхъ (во вступительномъ разсказѣ къ лѣтописи), опредѣляя его какъ *видовое* различіе одного и того-же народа, на что существуютъ указанія въ другихъ источникахъ (235—248).

Это переселеніе авторъ относитъ къ 80-мъ годамъ IX вѣка, признавая хронологическое показаніе русской лѣтописи совершенно невѣрнымъ (250). Относительно-же самаго разсказа лѣтописца объ этомъ передвиженіи онъ говоритъ такъ: «изъ этого свидѣтельства мы имѣемъ, кажется, право заключить, что мадьяры, по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ихъ, на своемъ пути къ Дунаю были подъ Кіевомъ и стояли нѣкоторое время «вежами» неподалеку отъ него. По всей вѣроятности главная ихъ масса проходила черезъ Днѣпръ южнѣе, а отдѣльные отряды, предпринимая набѣги въ сторону, подходили и къ Кіеву». Но онъ признаетъ несостоятельность разсказа лѣтописи о дальнѣйшемъ странствованіи угровъ «черезъ горы великія», т. е. Карпаты. Какъ извѣстно, г. Иловайскій (Ист. Рос. II, 514—515), въ слѣдъ за Шлецеромъ (Несторъ, II, 236), производитъ названіе «угорское» отъ «горы» и полагаетъ, что угры не могли быть вовсе подъ Кіевомъ.

Въ связи съ этимъ, авторъ касается нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ, какъ-то: соотвѣтствія года прохожденія угровъ подъ Кіевомъ съ показаніемъ К. Багрянороднаго, мнѣній объ угорскомъ происхожденіи Аскольда и Дира, направленіи дальнѣйшаго пути угровъ (къ устьямъ Дуная, а не черезъ Карпаты), о составныхъ элементахъ мадьярскаго языка на новыхъ жилищахъ мадьярь и т. п.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ изложеніемъ автора, такъ какъ оно выходитъ уже за предѣлы вопросовъ, составляющихъ предметъ изслѣдованія мѣстнаго изданія. Дальнѣйшей судьбѣ угровъ до начала X вѣка посвящена IV-я глава.

Утвердившись на среднемъ Дунаѣ, они наносятъ рѣшительный ударъ съ одной стороны Моравіи, а съ другой—нѣмцамъ. Но какъ ни тяжелъ былъ онъ для западной Европы вообще, для славянъ, по мнѣнію автора, онъ имѣлъ иное значеніе. Вся тяжесть мадьярскаго погрома обрушилась въ особенности на германскій міръ. Славяне-же, напротивъ, силою вещей должны были сблизиться съ мадьярами, такъ какъ одинаково-враждебныя отношенія къ западу дѣлали ихъ интересы

нѣкоторымъ образомъ общими. «Если мадьяры, говоритъ авторъ, своимъ вторженіемъ въ дунайскую равнину и поселеніемъ въ ней и нанесли глубокую рану славянамъ и стали для нихъ причиною многихъ бѣдствій и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, за то своимъ своевременнымъ внимательствомъ въ жестокую борьбу нѣмецкой народности съ дунайскими славянами и неизмѣримымъ вредомъ, нанесеннымъ Германіи и всему западу, они въ концѣ концовъ дали благоприятный оборотъ славянскому дѣлу на Дунаѣ въ IX вѣкѣ и надолго остановили дальнѣйшій ростъ политическаго, культурнаго и всякаго вообще преобладанія нѣмцевъ на среднемъ Дунаѣ, принимавшаго тогда уже весьма значительные размѣры и грозившаго великимъ и роковымъ для всего западнаго славянства несчастіемъ».

Таковъ заключительный выводъ автора по вопросу объ исторической роли угровъ въ ряду народныхъ переселеній въ западную Европу. Считаеиъ необходимымъ повторить, что какъ по рассмотрѣннымъ нами вопросамъ, такъ и въ остальныхъ авторъ подкрѣпляетъ свои доводы множествомъ указаній на ихъ литературу и источники.

В. И.

Матеріалы по исторіи русскіхъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ. Спб. 1881 г. Ц. 15 р.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько изданій, имѣющихъ цѣлью ознакомиться съ внѣшнимъ бытомъ русскаго народа въ его историческомъ развитіи. Къ сожалѣнію до сихъ поръ ни одно изъ нихъ не представляетъ достаточной полноты и до сихъ поръ не доведено до конца. Настоящее изданіе представляетъ обширный выборъ предметовъ древности, добытыхъ путемъ раскопокъ, или святыхъ съ другихъ памятниковъ. При томъ авторъ воспользовался и позднѣйшими разгѣсканіями, ставшими уже достояніемъ науки. Снимки сдѣланы отчетливо, а отчасти раскрашены. Правда, они выполнены не такъ изящно, какъ въ изданіи Стрекалова (Русскія одежды, 1876 г.), подходящемъ болѣе къ альбому, но гораздо лучше, нежели атласъ Погодина, составляющій приложеніе въ извѣстной его исторіи.

Изданіе г. Прохорова сопровождается обширнымъ текстомъ. Въ немъ рассмотрѣны: скискіе памятники, славяно-русскія языческія могилы, курганы черниговской и кievской губерніи, изображенія въ лицевыхъ минеяхъ (визант.) X вѣка, фрески на лѣстницѣ кievо-софійскаго собора, сборникъ Святослава XI вѣка, матеріалы русской одежды XII вѣка, матеріи. Изъ этого перечня видна уже вся неполнота и недостатокъ опредѣленной системы въ распредѣленіи и описаніи предметовъ внѣшняго быта; о нѣкоторыхъ авторъ дѣлаетъ обширныя выписки изъ того или другаго источника, о другихъ вовсе не упоминаетъ, а предоставляетъ догадываться читателю. Вообще текстъ изданія страдаетъ отрывочностью, а иногда и небрежностію въ изложеніи (напр. на стр. 27: «У славянъ былъ обычай сожигать покойника, а у финскихъ племенъ похоронять безъ сожженія» и т. п.).

В. И.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

СОБОРЪ ВМѢСТО СОБОРА.

(Изъ исторіи кіевскихъ соборовъ).

Не многимъ изъ нынѣшнихъ жителей г. Кіева, переполненнаго, какъ и въ старыя годы, разношерстнымъ людомъ, извѣстно, что на Подолѣ есть старая, очень старая церковь во имя Успенія Божіей Матери. Если-бы кому-либо изъ ея нынѣшнихъ прихожанъ, или вообще тѣмъ изъ кіевлянъ, которые видѣли и знаютъ ее, напомнить слова древняго сказанія о томъ, что стоитъ она въ рынкѣ,—это имъ показалось-бы очень страннымъ. Никакого тутъ рынка теперь нѣтъ: по сторонамъ не мало кабаковъ, противъ алтаря красныя ряды, небольшая вокругъ площадь вся свободна. Изъ ряда другихъ церквей Кіево-Подола церковь успенская ничѣмъ не выдѣляется, если не считать того, что разъ въ году, въ день *Преполовенія*, т. е. когда проходитъ половина времени отъ Пасхи до Вознесенія, въ ней совершается торжественно, большею частію архіерейское богослуженіе и отсюда совершается крестный ходъ на Днѣпръ для водоосвященія. Еще недавно въ официальной перепискѣ она значилась „градскимъ“ соборомъ и значитъ, кажется, и теперь; но какъ давно и по какому случаю она получила это названіе и значеніе, оставалось неизвѣстнымъ. А было время, когда успенская церковь была единственнымъ православнымъ соборомъ въ Кіевѣ и отъ того, конечно, времени идетъ ея названіе, какъ собора, ставшее нынѣ анахронизмомъ.

Когда и по какому случаю она стала соборомъ, объ этомъ сообщаются свѣденія въ статьѣ „*Пани Ходьки*“, помѣщенной въ

началъ этой книжки, но какъ приспособлена къ своему новому назначенію, о томъ сохранилось современное сказаніе ея-же священника Кирилла Ивановича, съ которымъ мы и хотимъ познакомить здѣсь нашихъ читателей. Эпизодъ этотъ изъ исторіи Кіева интересенъ по той энергіи, какую обнаружила кіевская городская община въ виду облежавшей ее со всѣхъ сторонъ уніи. Для полноты его мы приведемъ въ связь сказанія „о церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, яко поправлена на старомъ фундаментѣ“, съ свѣдѣніями о превращеніи ея въ соборную.

Уже потому, какъ глубоко теперь сидитъ успенская церковь въ землѣ, можно догадываться о ея древности. Названное нами современное сказаніе относитъ одно изъ ея освященій, но не постройку, къ XV в., упоминаетъ и о разореніи ея Менгли-Гиреемъ, вскорѣ послѣ того (1482 г.) послѣдовавшемъ, съ каковаго, вѣроятно, времени церковь эта находилась въ развалинахъ до втораго десятилѣтія XVI в. Подолъ изобиловалъ и въ ту пору церквами, въ большей части деревянными; о возобновленіи успенской церкви, лежавшей въ центрѣ Подола, никто не заботился. Требовалось особое испытаніе Божіе, въ видѣ своего рода чумы—римской уніи, чтобы заставитьъ горожанъ возстановить церковь столь долго лежавшую въ запустѣніи и дать ей первенствующее въ городѣ значеніе. Тяжело было положеніе Кіева и его православныхъ жителей съ введеніемъ уніи. Уже съ перваго ея появленія въ 1596 г. Кіевъ лишился своего митрополита; оставшіеся вѣрными православію два епископа: Гедеонъ львовскій и Михайлъ перемышльскій умерли къ концу перваго десятилѣтія XVI в. и съ наступленіемъ втораго десятилѣтія на всемъ пространствѣ обширной кіевской митрополіи не было ни одного православнаго архипастыря. Православное населеніе повсюду стѣснено было до крайности въ своихъ исконныхъ правахъ, претерпѣвало жестокія, невыносимыя преслѣдованія. Повсюду церкви и монастыри переходили во власть уніатовъ, не выдерживало по мѣстамъ и священство, оставляя вѣру отцевъ, ради сквернаго прибытка, и народъ русскій на своей родной землѣ оставался безъ „службы Божіей“, безъ наученія вѣрѣ, безъ святыхъ таинъ и требъ. Та-же участь готовилась Кіеву. Уже отъ нѣсколькихъ лѣтъ къ богатѣйшимъ и древнѣйшимъ монастырямъ и церквамъ Кіева, къ св. Лаврѣ и св. Софіи, простирались жадныя и своевольныя уніатскія руки. Въ Кіевѣ преобладала не числомъ,

но богатствомъ и вліяніемъ польская партія. Намѣстникъ и войтъ тянули въ сторону правительства, всѣми средствами вводившаго унію. Кіевлянь заставляли копать гору, строить замокъ себѣ-же на страхъ и гибель. Намъ, спокойно живущимъ теперь въ своей вѣрѣ, не понятны эти тревоги за вѣру и сила такого ощущенія. Не то было тогда. Начало надвигавшейся грозы разразилось „гвалтовнымъ“ отнятіемъ у православныхъ св. Софіи, среди торжественнаго служенія въ недѣлю православія, и позорнымъ изгнаніемъ изъ нея собравшагося со всего Кіева священства. Михайловскій монастырь стоялъ на очереди; церкви: десятинная, Спаса на Берестовѣ и св. Василія лежали въ развалинахъ.

Что оставалось дѣлать кіевлянамъ, гдѣ пріютиться имъ, гдѣ служить службу Божію въ тѣ великіе дни, когда она совершалась соборомъ всего священства и такъ торжественно? Иновѣріе торжествовало; шагъ за шагомъ оно все могло отнять и оставить древнее православіе ни съ чѣмъ.

Встрепевулась кіевская община: вспомнили церковь, „иже въ рынку на Подолѣ“, собрали деньги, испросили привиллегію короля (тогда и это нужно было), благословеніе патріарха (митрополита, епископовъ не было), устроили собственный дозоръ, пригласили строителя иностранца, родственника бурмиистра, устранили войта Ходыку. Въ февралѣ или мартѣ потеряли св. Софію, въ половинѣ апрѣля „почали изъ фундаменту церковь Успенія Пречистой поправляти“, а къ половинѣ августа слѣдующаго года окончили и „почали служить, ажъ и до днесь“. Потерпѣвшему священству гарантирована безопасность „отъ мятежныхъ и бурливыхъ геретиковъ“, свобода отъ податей, наѣздовъ и постоя, независимость отъ военной силы и самого пана воеводы. Сказаніе, содержаніе котораго мы передали, вошло въ составъ двухъ лѣтописныхъ сборниковъ, писанныхъ въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи: въ сборникъ Ильи Коцаковскаго, составленный около 1690 года и въ сборникъ, принадлежавшій семейству мѣщанъ Морозовъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Оба рукописные варианта весьма близки другъ къ другу и взаимно себя дополняютъ. Мы приводимъ текстъ этого мѣстнаго кіевского сказанія, исправленный посредствомъ сличенія обѣихъ рукописей.

„О церкви соборной мурованой, иже есть въ Кіевѣ, на Подолѣ, якъ поправлена на старомъ фундаментѣ“.

„Зъ первого початку старого нигдѣ у кройникахъ (лѣтописяхъ) не обрѣтохомъ, токмо сей антиминосъ на томъ-же престолѣ

старомъ, еще подписанный: „осветися олтарь великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, пресвятая Богородица честного Ея Успенія преосвященнымъ архіепископомъ и митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси Мисаиломъ при великомъ короли Казимери, и положонъ бысть здѣ, въ лѣто 6982 (1474) иудикта 7, марта 30 дня, на память преподобного отца нашего Іоанна Лѣтвиннига.“ Изъ обычнаго всемогущаго милосердія Спасителя нашего Бога, найпаче-же нынѣ, за нашихъ родовъ (sic) посети насъ благостію своею, аще и мало что отъ нашихъ исправленій, но помощь и молитвы святыхъ древнихъ богоносныхъ отецъ о насъ дѣйствоваша ко Богу и ваше прошеніе не бысть тощю.—

За фортунаго (счастливаго) панованія найяснейшаго господаря и великого короля нашего Жигимонта, а за держанія воеводства кіевского велможнаго его милости пана Станислава Жолковскаго, а во отступленіи митрополитовъ кіевскихъ вдовствующи митрополіи кіевской, понеже они въ то время вси уклонишася во купе ку западу; мы-же оныхъ мерзость возненавидѣвше, наслаждаемся пророческихъ словесъ, глаголющихъ: „отъ Сіона изыде законъ и слово Господне изъ Іерусалима, а не зъ Рима.“ Въ тоже время во освещенныхъ кврѣхъ патріарха константеннопольскаго Тимофея, а здѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ всихъ обще живущихъ православныхъ христіанъ, сыновъ святыхъ восточныхъ церкви, присныхъ во вѣрѣ, найпаче пана войта, Деонисія Балыки, а по немъ наставшаго войта пана Феодора Ходыки, а за бурмистра пана Созова, сына того-жъ войта Балыки, року 1613, месеца априля 15 дня, на память стятыхъ апостолъ: Трофима, Пуда, Аристарха, за привиліемъ найяснейшаго господаря нашего, великого короля Жигимонта, а за благословенемъ вышмененаго патріарха Тимофея, почали изъ фундаменту поправляти церковь святой Пречистое Успеніе соборную, стоячую в рынку мѣстѣ Кіевскомъ, внутри и зъ надворя, бо опала и ошарпалася была велми и рсзвлялася: верху всего не было; старый муръ по верхніе окна весь верхъ збивали и знову муровали; самую баню (куполъ) и тые 4 бани около—знову робили, бо прежде тыхъ малыхъ бань не было, толко было дощамы покрыто. А поправлялъ тую церковь майстеръ зъ Влохъ (Италіи) Савостіанъ Брачу. Почали месеца мая 13 дня на Вознесеніе Господне: выношено все изъ церкви и вси обряды церковные; почали изъ середины робити зъ исподу и заробили болшую баню месеца сентебря 4 дня, на память святаго мученика Вавилы. Тогожъ месеца 28 дня во второкъ поставили

крестъ на церкви, тойжъ таки, што и прежде былъ, але позлотили знову. Месеца октоврія 1 дня домуровали и остатней бани на рогу отъ Урмянское церкви. Тогожъ року декабрия 5 дня, на память преподобного отца Саввы, почали служить всенощное и службу Божую и служили презъ всю зиму, же не лѣтъ было зимою робить майстрамъ аж до недѣли Мироносиць. И опять вси обряды были выношены до Воскресенія Христова з церкви. И през тое лѣто робили и доробили за помочю Божию месеца августа 14 дня, образы постановили и почали служити, аж и до днесъ.

Обретохомъ въ кройнице, ижъ первой того сія Божественная церковь была изнищена и ободрона и все побрано: серебро, и злото, кресты, иконы полуплены и все попалено отъ поганого царя перекопского Менди-Гиря и отъ нечестивыхъ его агарянь.

А былъ приставомъ и дозорцею до той работы цанъ Созонъ Балыка, упрошоныи отъ всего мѣста.

Да не возми никто сихъ словъ ложно, но вѣруй, истинна бо есть все; и азъ недостойный во іереехъ—Кирило Ивановичъ, на тотъ часъ будучи мнѣ уставникомъ при той церкви, огледахъ все очима своими и написахъ достовѣрно.

А сама церковь вышки отъ земли до самого верху болшей бани—30 локоть и 3 локти и четверть локтя.

А въ то время въ томъ-же богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ быша служители святыхъ церквей, священницы: Василей матеробозскій, Мина притискій, Іоаннъ воскресенскій, Никита спаскій, Климентей наберезскій, Матвей доброникольскій, Михайло борисоглыбскій, Климентей рождественскій и діаконъ Деміянъ. А вси тые вышешенные священницы каждый недѣлю свою служили въ той церкви соборной святой Пречистое, за господаря короля Бога просили и за пана воеводу кіевского, и за ктиторовъ, и за всихъ православныхъ христіанъ; а оны за тое отъ господаря короля и отъ пана воеводы кіевского и отъ всихъ намѣстниковъ его тымъ были пожалованы тогда и в потомыи часы, жебы отъ мятежныхъ и бурливыхъ на церковь Божю геретиковъ во вшелякомъ покою зоставали и мешкали и отъ вшелякихъ подачокъ, и ваѣздовъ, и станцѣй (постоя) околичныхъ, и войскъ, и отъ самого пана воеводы, жебы были волны“.

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО УНИАТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи).

Въ проскуровскомъ уѣздѣ подольской губерніи, на берегу рѣки Збруча, отдѣляющей русское Подоліе отъ австрійскаго, расположено мѣстечко Сатановъ. Въ двухъ верстахъ къ югу отъ мѣстечка находится древній свято-троицкій православный монастырь, называемый, по имени мѣстечка, сатановскимъ. Ни время его основанія, ни первоначальная исторія намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что онъ существовалъ, уже въ 1600 году, затѣмъ въ 1707 имъ завладѣли униаты и только послѣ 1793 года онъ былъ возвращенъ въ православіе. Такихъ монастырей и церквей, которые получили свое начало во времена повсемѣстнаго въ южной Руси господства православія, переведены были въ унию, пережили ея мятежную судьбу и потомъ снова возвратились въ нѣдра православія,—найдется не мало на обширномъ пространствѣ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края Россіи, даже Холмщины и Подлясы; одиѣ лишь яблочинскій монастырь, лежащій въ послѣднемъ, никогда не былъ въ униі. Извѣстна каменная церковь св. Николая въ Замостѣѣ, издревле православная, потомъ бывшая церковью униатскаго базилианскаго монастыря и мѣстомъ засѣданій памятнаго въ лѣтописяхъ униі замостскаго собора 1720 г., а съ 1875 г. ставшая опять православною. Были даже деревянныя церкви, срубленныя еще до униі, т. е. 1596 г., и пережившія всѣ бури униі до послѣдняго времени. Одна изъ такихъ церквей находилась еще въ 1865 г. въ с. Бабицахъ, люблинской губерніи, съ 1847 г. ставшая вновь православною, другая тамъ-же въ м. Тарногродѣ, остававшаяся въ 1865 и послѣдующіе годы въ униі. Обѣ замѣнены потомъ каменными, послѣдняя не доживъ до православія лишь нѣсколькихъ лѣтъ.

Наши православныя обители рѣдко ведутъ свои лѣтописи. Ихъ записи и архивы однообразны и скучны, какъ и самая ихъ жизнь, въ большей части строго подвижническая, иногда очень простая и грубая съ такими-же пороками. Обители униатскія, постепенно устроившія свой бытъ по образцу польскихъ кляшторовъ, входили въ большее соприкосновеніе съ міромъ; ихъ представители усваивали приемы лучшаго обращенія, пробирались въ панскіе дома, собирали вообще обильную жатву и жили съ большимъ удобствомъ и большею свободою, чѣмъ православныя

ихъ собраты. Въ обителяхъ уніатскихъ водка замѣнялась венгерскимъ, рыба мясомъ; иноки уніатскіе держали постъ по очереди—одинъ за всѣхъ, изощряя вкусъ свой въ венгерскомъ, то чали басни въ родѣ той, какъ волкъ былъ обреченъ судомъ обиженныхъ имъ крестьянъ на монашескую пипу,—ѣсть лишь то, что въ водѣ, и какъ потомъ, вытащивъ свинью изъ болота и попавъ на тотъ-же судъ, оправдывался въ такихъ выраженіяхъ: „przepraszam, panowie, nigdy nie byłem zakonnikiem, nie wiedziałem, co to jest ryba“.... (т. е. извините, господа; никогда я не былъ монахомъ и не зналъ, что такое рыба); измышляли огромныя рюмки безъ подставокъ съ оригинальными надписями: *dogodzając ludzie odjęli mi nogę; więc ja lepiej im dogodzę, gdy odbiorę u nich obie*“ (т. е. угождая мнѣ люди, лишили меня ноги; но я имъ лучше угожу, отобравъ у нихъ обѣ), вообще-же жили весело и игриво. Но и ихъ жизнь омрачаема была суровыми карами, способными напомнить сажаніе на колоду и „чепъ“ и нещадный бой ремнями и плетью въ обителяхъ православныхъ. Таковы сатанинскія клязуры сатановскаго монастыря.

Эти немногія свѣдѣнія мы сочли нужнымъ предпослать исторіи сатановскаго монастыря, которая извѣстна только за время пребыванія его въ уніи. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ уніатскихъ игуменовъ, управлявшихъ сатановскимъ монастыремъ, Модестъ Сильницкій, въ 1770 году возымѣлъ мысль вести монастырскую лѣтопись; для этого онъ собралъ всѣ преданія какъ среди братіи, такъ и у окрестныхъ старожиловъ о предшествовавшей судьбѣ монастыря и записалъ ихъ въ книгу въ видѣ введенія; затѣмъ какъ онъ самъ, такъ и его преемники вносили въ эту книгу по годамъ всѣ событія, относявшіяся какъ къ жизни монастыря, такъ и къ судьбѣ ближайшей области. Лѣтопись продолжалась до 1793 года, на которомъ и прекращается. Такимъ образомъ уцѣлѣли свѣдѣнія объ исторіи сатановской обители почти за цѣлое XVIII столѣтіе. Въ настоящее время лѣтопись эта хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ (№ 2106); это небольшая книга in folio въ 56 листовъ сѣрой бумаги, писанная по польски нѣсколькими почерками конца XVIII вѣка и носящая слѣдующее заглавіе: „книга исторіи сатановскаго монастыря, ордена св. Василя, русской провинціи—сооружена 5 іюня, 1770 года“¹⁾.

1) Księga historii monasteru Satanowskiego, Z. S. Bazylego w prowincji Ruskiej—roku 1770, die 5 miesiąca Czerwca sporządzona.

Между листами лѣтописи въ книгу вставлены циркуляры провинціаловъ базилианскаго ордена, рукописныя ихъ письма и распоряженія, а также копіи монастырскихъ документовъ; вставки эти составляютъ 17 листовъ, такъ, что только остальные 39 заняты собственно лѣтописью. Мы передадимъ вкратцѣ ея содержаніе, такъ какъ сообщаемыя ею извѣстія, помимо мѣстнаго интереса, представляютъ бытовыя черты для характеристики отношеній, существовавшихъ въ краѣ въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1770 году монахи помнили, что старая церковь, деревянная, находилась у подножія горы, на которой стоитъ нынѣшняя каменная церковь; она была разрушена только въ 1744 году за ветхостью; на куполѣ ея былъ вырѣзанъ „1600 рокъ“. Отъ старой церкви остались лишь прилежавшія къ ней, высѣченныя въ скалѣ пещеры. Во время турецкаго господства въ Подоліи (1672—1699) монастырь не переставалъ существовать и къ этому времени относится первое упоминаніе въ памяти монаховъ имя игумена—это былъ Исаія Рудыка, скончавшійся въ 1701 году; семьдесятъ лѣтъ спустя монахи указывали еще въ монастырскомъ саду посаженную имъ яблоню. Преемникомъ его былъ Сильвестръ, утонувшій въ рѣкѣ Збручѣ, о чемъ еще въ 1770 году свидѣтельствовала надпись на каменномъ крестѣ, стоявшемъ на его могилѣ на монастырскомъ огородѣ. Послѣ смерти Сильвестра уніаты завладѣли монастыремъ и первымъ уніатскимъ игуменомъ былъ Вареоломей Холодискій, сынъ приходскаго священника сатановскаго предмѣстія: „*святопокровскіе фольварки*“. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ, отецъ Вареоломея былъ обезглавленъ татарами въ церкви, во время отправленія литургіи; это обстоятельство потрясло сына и заставило его поступить въ монахи. Въ игуменство Холодискаго сатановскій монастырь посѣтилъ Петръ Великій. Возвращаясь изъ прутскаго похода, онъ гостилъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ сатановскомъ замкѣ у его владѣльца, великаго короннаго гетмана, Адама Сенявскаго. При посѣщеніи монастыря, царя встрѣтилъ весьма краснорѣчивою рѣчью іеромонахъ Іосифъ Чижевскій. Рѣчь его была прервана довольно страннымъ образомъ; къ оратору подкрался царскій шутъ, и обрѣзалъ ему бороду. Петръ припринувъ на шута и приказалъ вознаградить іеромонаха за обиду. Пострадавшій Чижевскій считался въ то время лучшимъ преподавателемъ базилианскаго ордена; благодаря своему краснорѣчію, онъ имѣлъ большое вліяніе на гетмана Сенявскаго, у котораго

выхлопоталъ въ пользу сатановскаго монастыря дарственную запись на садъ, огородъ, 180 дней поля и 100 дней сѣнокоса (всего до 200 десятинъ), а также на право пользованія владѣльческимъ лѣсомъ.

Затѣмъ лѣтопись сообщаетъ, почти безъ всякихъ подробностей имена четырехъ игуменовъ: Леонтія Ординскаго родомъ изъ Гусятина, Моисея Стопчанскаго, служившаго долго въ чинѣ поручика въ панцырной хоругви Сенявскаго, на старости лѣтъ постригшагося въ монахи и внесшаго значительные вклады въ монастырскую кассу, Добржанскаго, изъ дворянъ теремовельской земли и Діонисія Вишньовскаго. Съ 1732 по 1762 годъ игуменомъ сатановскаго монастыря былъ Варлаамъ Савицкій, человекъ весьма дѣятельный и энергическій; на собранныя имъ пожертвованія построена была новая (понынѣ существующая) каменная церковь, оконченная въ 1744 году, затѣмъ выстроено новое каменное двухэтажное зданіе для монастыря, приобрѣтено много церковной утвари, ризъ и т. д. Послѣ перехода Савицкаго игуменомъ въ первоклассный унечевскій монастырь, въ Сатановѣ былъ игуменомъ (1762—1765) Бонифатій Рыхловскій, но въ 1765 г. Савицкій уступилъ ему свое мѣсто въ Унечевѣ, а самъ возвратился въ Сатановѣ, гдѣ и скончался въ 1766 году; погребенъ въ церкви у праваго клироса. Преемникомъ его былъ составитель лѣтописи Модестъ Сильницкій (1766—1771), успѣвшій впрочемъ записать за время своего игуменства только два болѣе крупныя событія: пожертвованіе въ пользу монастыря суммы въ 30,000 золотыхъ извѣстнымъ каневскимъ старостою, Николаемъ Потоцимъ, и извѣстіе о чумѣ, свирѣпствовавшей въ Подоліи въ 1770 году. Зараза посѣтила и монастырь, въ которомъ жертвами ея пали 6 монаховъ и до 150 монастырскихъ крестьянъ. Послѣ перехода Сильницкаго въ Каменецъ, игуменомъ въ Сатановѣ былъ (1771—1772 г.) Анатолій Водлицскій; онъ очень подробно вносилъ въ лѣтопись описанія церковныхъ церемоній, циркуляры и распоряженія орденскаго базилианскаго начальства, свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, о посѣщеніяхъ монастыря знатными панами, о своихъ спорахъ съ управителями сатановскаго имѣнія и т. д.; но среди этихъ мелкихъ извѣстій мы не встрѣтили ничего особенно интереснаго. Преемникъ его Константинъ Улашевичъ (1772—1775) почти не оставилъ слѣда въ лѣтописи; послѣ его перехода игуменомъ въ люблинскій униатскій монастырь, въ Сатановѣ сталъ игуменомъ Левъ Заславскій (1775—1777). При этомъ игуменѣ въ лѣтописи записанъ очень ха-

рактерный фактъ: на провинціальномъ съѣздѣ представителей базилианскаго ордена рѣшено было избрать сатановскій монастырь мѣстомъ для вѣчнаго заточенія монаховъ, приговоренныхъ судомъ ордена къ погребенію за-живо; игумень внесъ въ лѣтопись копію присланной ему по этому поводу провинціаломъ инструкціи. Онъ долженъ былъ приготовить келью опредѣленныхъ размѣровъ въ концѣ монастырскаго корридора: устройство келіи, размѣры окна и желѣзной въ немъ рѣшетки, устройство отхожаго отверстія въ стѣнѣ, составъ постели, одежды, бѣлья и пищи узниковъ опредѣлены въ ней съ кропотливою точностью. Вскорѣ оказалось, что келія была заказана не даромъ: въ 1775 году въ Сатановъ присланъ былъ, убѣжавшій изъ одного изъ униатскихъ монастырей, іеромонахъ Филимонъ Витошинскій, впоследствии арестованный и, по опредѣленію властей ордена, приговоренный къ пожизненному тюремному заключенію. 12 октября онъ былъ введенъ въ келію и, съ соблюденіемъ всѣхъ предписаній инструкціи, заживо похороненъ. Препровождая его въ келію, совершали погребальное богослуженіе и отпѣвали, какъ покойника; призванные игуменомъ каменщики задѣлали двери кирпичною кладкою, оставивъ лишь маленькое отверстіе, черезъ которое узникъ долженъ былъ получать пищу и въ опредѣленные сроки исповѣдываться и причащаться. Изъ приложенной къ лѣтописи копіи приговора не видно, за какія проступки наказанъ былъ Витошинскій; въ приговорѣ указана только его самовольная отлучка изъ монастыря и прибавлена общая фраза о томъ, что вообще поведеніе его неисправимо („super incorrigibilitate vitae“). Послѣ акта погребенія, въ теченіи 18-ти лѣтъ лѣтопись умалчиваетъ о немъ совершенно; такъ какъ не внесено въ нее извѣстія ни о его смерти, ни о помилованіи, то можно предположить, что онъ дожилъ до 1793 года и, въ такомъ случаѣ, вѣроятно былъ освобожденъ при переходѣ края подъ власть русскаго правительства. Преемникомъ Заславскаго былъ игумень Амвросій Гнатовичъ (1777—1785), оставившій самыя подробныя замѣтки въ лѣтописи. Изъ помѣченныхъ имъ фактовъ болѣе интересны слѣдующіе: 1778 года произведенъ первый рекрутскій наборъ въ Галиціи (съ 1772 г. она присоединена была къ Австріи); въ томъ-же году 4 іюня громъ разрушилъ куполь монастырскаго церкви; 1779 года сооружена серебрянная риза на образъ. Въ 1780 отлитъ новый колоколъ 38¹/₂ пудъ вѣсомъ; отливалъ его „мастеръ, людвисаръ (литейщикъ) въ Черномъ Островѣ, Василій Островскій“. Въ сентябрѣ того-же года саранча налетѣла

изъ-за Днѣстра и зарылась въ землю въ Подоліи. Въ октябрѣ появилась въ Волочискахъ чума, завезенная туда изъ Балты. Весною 1781 года саранча развилась, ее стали очень усиленно уничтожать, но новыя массы ея пришли изъ-за Днѣстра и покрыли поля слоемъ „толщиною въ полъ колѣна“. Она улетѣла на западъ, но въ августѣ возвратилась и вновь зарылась въ землю. Въ томъ-же году польскій король Станиславъ выѣзжалъ въ Вишневецъ на Волыни на встрѣчу наслѣднику русскаго престола, великому князю Павлу Петровичу, проѣзжавшему въ Вѣну. Въ 1782 г. въ Австріи закрыты были женскіе монастыри. Записано наконецъ, что Юсифъ II посѣтилъ Галицію, проѣхалъ на границу въ Жванецъ и оттуда осматривалъ мѣстоположеніе и укрѣпленія Хотина.

Подъ 1782 годомъ помѣщена интересная замѣтка о смерти каневского старосты: это тотъ извѣстный Николай Потоцкій, староста каневскій, который такъ прославился неукротимымъ самодурствомъ, жестокостью и развратомъ. Многочисленные рассказы о подвигахъ „пана каневского“, какъ называетъ его народъ, остались по нынѣ въ памяти всѣхъ сословій югозападнаго края, особенно въ Каневѣ и его окрестностяхъ. Староста каневскій поочередно то затворялся въ одинъ изъ уніатскихъ монастырей, гдѣ предавался особаго рода богомолію, соединяя аскетизмъ, кощунство и развратъ, то переселялся въ каневскій замокъ, и, окружившись слугами шляхтичами и надворными козаками, проводилъ время въ оргіяхъ, среди которыхъ стрѣлялъ въ пѣль въ людей, топталъ народъ лошадыю, душилъ евреевъ, укладывая ихъ въ видѣ сноповъ на возы и придавливая до смерти „рублемъ“ (шестомъ) и т. д. Одно изъ любимыхъ развлеченій его состояло въ томъ, что онъ приказывалъ похищать дѣвушекъ, вечеромъ вѣнчался на нихъ, а на другой день приказывалъ бросать ихъ въ рѣку, зашивъ въ кожаный мѣшокъ. Одинъ изъ такихъ подвиговъ послужилъ основою для прекрасной народной пѣсни: „Бондаривна“. Въ старости панъ каневскій сталъ помышлять о будущей жизни и щедростью въ пользу монастырей католическихъ и особенно базилианскихъ старался искупить грѣхи своей жизни. Упомянутая замѣтка характеризуетъ отношеніе къ нему облагодѣтельствованнаго имъ уніатскаго духовенства. Вотъ его текстъ: „скончался ясновельможный Николай Потоцкій, воеводичъ белзскій, кавалеръ мальтанскаго ордена, вельможа, отличавшійся неимовѣрною щедростью въ пользу монастырей, особенно нашихъ (т. е. уніатскихъ), находящихся въ Польшѣ. Отъ

его щедротъ и нашъ сатановскій монастырь получилъ значительную поддержку—капиталь въ 30,000 злотыхъ. Вельможа этотъ, проживъ 76 лѣтъ, переселился въ вѣчность 13 дня апрѣля въ Почаевѣ, гдѣ онъ былъ неизмовѣрно щедрымъ ктиторомъ и основателемъ монастыря. Всѣ ордена и монастыри, особенно-же наши, неизмовѣрно о немъ сожальютъ и за его многочисленныя благодѣянія обязаны вѣчной благодарностью и должны неусыпно молиться о душѣ его. Погребенъ онъ въ Почаевѣ съ должнымъ благолѣпіемъ при стеченіи многочисленныхъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ двухъ епископовъ, украсившихъ своимъ присутствіемъ погребальную церемонію: латинскаго униатскаго епископа е. м. Стецкаго, и латинскаго викарнаго епископа Качковскаго. Надгробныя рѣчи говорили священники: Порфирій Скарбекъ-Важинскій, бывшій генералъ базилианскаго ордена, нынѣ архимандритъ жидичинскій и Иосафатъ Охоцкій, нареченный архимандритъ овручскій. Въ нашемъ монастырѣ, помимо поминальнаго богослуженія, обязательнаго какъ за ктитора, отправленъ былъ парастасъ и соборное служеніе всею братією. Колокола неумолкаемо звенѣли въ теченіи цѣлой недѣли“.

Послѣ перевода Гнатовича игуменомъ въ Мильчѣ, въ Сатановѣ должность игумена занялъ Ипатій Кухальскій (1785—1788). Многочисленныя завися, внесенныя имъ въ лѣтопись, посвящены почти исключительно подробностямъ его спора съ управляющимъ сатановскимъ имѣніемъ, только подъ 1786 годомъ помѣчена кончина генерала базилианскаго ордена, Иосифа Моргульца, а подъ 1788 свѣдѣніе о взятіи Хотина русскими и австрійскими войсками. Въ заключеніе Кухальскій помѣстилъ польское двустипіе и латинскій къ нему комментарий слѣдующаго содержанія:

Dzban gdy wypil wieczorem, rano bolał Janek;

Wolałby sto wieczorów niżli jeden ranek.

Mihi hoc applicui P. Nypatius Kuchalski

(Вая, выпивъ вечеромъ кувшинъ, утро проболѣлъ!

Предпочель-бы онъ сто вечеровъ утру одному.

Это я примѣняю къ себѣ—Ипатій Кухальскій).

Преемникомъ этого веселаго игумена былъ Онуфрій Тучанскій (1788—1793). При немъ, подъ 1793 годомъ, записано, что 4 апрѣля русскій капитанъ Ильинъ пріѣзжалъ въ монастырь приводить монаховъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Екатеринѣ II,

а 16 іюня того-же года назначенъ былъ въ Сатановскій монастырь новый игумень Бенедиктъ Орачевскій. На этомъ извѣстіи и прекращается монастырская лѣтопись.

В. А.

КОМПАНЕЙСКІЯ ИГОЛКИ.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ любопытный универсалъ, объявляющій полкамъ малороссійскимъ, что, въ силу Высочайшаго указа, монопольное право продажи иголокъ въ Малороссіи, подобно какъ и въ другихъ областяхъ государства, пожаловано товариществу рязанскихъ купцовъ: Томила и Рюмина. Документъ выписанъ изъ подлинной книги генеральной войсковой канцеляріи за 1722 годъ;— сообщаемъ текстъ его съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

„Пану полковнику N, старшинѣ его полковой, сотникомъ и всѣмъ градскимъ и селскимъ урядникамъ, и кому-бы колвекъ вѣдати надлежало, симъ универсаломъ нашимъ ознаймуемъ, ижъ принесена до насъ Монаршая, всепресвѣтлѣйшаго Императорскаго Величества грамота зъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи, на имя еще покойного ясневельможнаго его милости пана гетмана Скоропадскаго писанная, зъ тимъ объявленіемъ, что Его Императорское Величество указалъ компанѣйщикамъ: Сидору Томилину и Панкрату Рюмину въ россійскомъ своемъ государствѣ, въ уѣздѣ рязанскомъ, или гдѣ похотятъ, размножити иголный заводъ и оніе игли во всей Его Величества державѣ продавати одни; а другихъ зъ заграницы и зъ ившихъ порубѣжныхъ мѣсть отнюдъ не вивозити подъ запрещеніемъ взята тихъ иголь в казну и зверхъ того наложеніемъ великаго штрафа. А поневаж помянутый компанѣйщикъ, Сидоръ Томилинъ, в государственную бергъ-коллегію подавалъ таковое довошеніе, что хоча именнимъ Его Императорскаго Величества указомъ запрещено игли зъ иностранныхъ государствъ привозити, однакъ многіе тотъ Императорскій Его Величества указъ презрѣвши, зъ Гданска и зъ Шліонска ¹⁾ и зъ прѣтчихъ порубѣжныхъ мѣсть в Россію и через малороссійскіе города отъ Азова в черкасскій городъ игли тайно привозятъ и въ продажу потребляют, от чего ихъ, компанѣйщиковъ, россійскаго дѣла игламъ продажи нѣтъ, и черезъ тое

¹⁾ Изъ Данцига и изъ Силезіи.

имъ немалая ест остановка и убитокъ, того ради Его Императорское Величество, яко повелѣлъ вездѣ в государствѣ своемъ, и до насъ в Малую Россію одправити Монаршіе свои указы, чтобы такихъ иголь разныхъ чиновъ люде з зарубѣжа не привозили, но всеконечно покупали-бы овые російскаго дѣла, в вѣдомъ предречонныхъ компанѣйщиковъ будучого. Такъ мы, на мѣстцу гетманскомъ правленіемъ всякихъ російскихъ дѣлъ нынѣ вѣдающе, дозлетворачи тому премоощнѣйшему Его Императорского Величества указовѣ, и по оному во всѣ полки надлежащіе наши увѣршали одправивши, предлагаемъ симъ-же универсаломъ и в полкъ N. И вишеизображеннымъ монаршимъ указомъ всякимъ торговимъ и гандлями бавлячимъся людемъ, якіе в томъ полку N суть: з заграниць иголь от сего времени вывозити весма запрѣщаемъ, а вмѣсто оныхъ в Малую Россію ввозити-бъ и продавати игли російскаго дѣла, которые дѣлаются на заводахъ више объявленныхъ компанѣйщиковъ. А хто з нихъ, торговниковъ, до сего настоящего указу вывозни з заграници имѣть у себе игли, тимъ на спродане оныхъ дается сроку, в той-же Монаршой грамотѣ означонного, на полгода; ежели-жъ и в полгода будутъ неспроданы, то послѣ того сроку оніе игли торговимъ малоросійскихъ городовъ промишленникамъ вивезти за границу или тыхъ-же заводоу компанѣйщикамъ: Томилину и Рюмину продати; самимъ засъ имъ, по вийстю полрочного сроку, отнюд уже чужосторонними иглами не торговать под штрафомъ. А если хто по нынѣшнему явиться вперед в преступленіи, таковой всякъ, узнавши якую за тое себѣ непомислност и страту, не отговорувадъся невидѣіемъ оноу указу; чогу ради, абы панъ полковникъ N зараз в полку своемъ сей универсалъ наш вездѣ опублѣковалъ и о собитыи выраженного в нем Монаршого Его Императорского Величества указу тщательное имѣлъ и подкомондной своей старшиѣ приказалъ имѣти должное прилѣжаніе, пилно жадаемъ. Данъ в Глуховѣ з войскоу енералной канцеляріи, августа 15 дня, року 1722.

Звышь менованный полковникъ и наказній гетманъ (Павель Полуботокъ) рукою власною (М. П.).

Войскоу енералний писар Семень Савичъ.

Василій Жураковскій, асаулъ енералный“.

„ПОКРЫТКА“.

Это имя въ нашемъ народѣ носить женщина, утратившая свою дѣвичью честь и которой вслѣдствіе того покрываютъ голову платкомъ, какъ и прочимъ замужнимъ женщинамъ. Не какъ о лицѣ хотимъ мы сказать здѣсь о „покрыткѣ“, но какъ объ обычаѣ народномъ, который связанъ съ этимъ именемъ,—обычаѣ мудромъ, благодарѣтельномъ, прежде повсемѣстномъ, теперь утрачивающемъ свою силу, отживающемъ свой вѣкъ, подѣ вліаніемъ новыхъ измѣненій въ жизни народной.

„Покрытка“, „скрытка“, „накрытка“—одинъ изъ обыкновенныхъ бытовыхъ терминовъ въ южнорусскомъ народѣ и ни въ комъ онъ не вызываетъ особаго осужденія или презрѣнія. Это не значить, что бы и самое явленіе, имъ обозначаемое, было обыкновенно и такъ сказать заурядно. Относительное цѣломудріе малороссіанокъ, строгость народныхъ возрѣній на святость брачнаго союза и преступность всякихъ иныхъ отношеній двухъ половъ—слишкомъ извѣстны, чтобы объ нихъ говорить; но жизнь мирится съ случаями вольнаго и невольнаго увлеченія, беретъ виновныхъ, падшихъ, несчастныхъ подѣ свою опеку и только отмѣчаетъ ихъ особымъ способомъ—„скрываньемъ“ или „покрываньемъ“, дабы отвратить другихъ отъ такого-же увлеченія, а самихъ виновныхъ отъ болѣе тяжелой вины и ея ужасающихъ послѣдствій.

Обычай, о которомъ говоримъ, требуетъ покрытія платкомъ головы той „дѣвицы“, которая имѣла несчастье „прошкодить“, „прогрѣшить“, т. е. лишиться невинности. Это прежде всего знакъ того, что виновная въ потерѣ дѣвичьей чести недостойна носить названія дѣвушки и должна примкнуть къ разряду замужнихъ женщинъ, но подѣ особымъ именемъ „покрытки“. Коса—честь, краса дѣвушки, по народному возрѣнію; и по Апостолу „*власы жены—слава ей*“¹⁾. И вотъ эта честь, краса и слава „скрывается“, по винѣ прогрѣшившей. Самый обрядъ „скрыванья“ совершается скоро и просто. Въ селѣ не то, что въ городѣ: тутъ жизнь каждой и каждого открыты для всѣхъ и каждый шагъ ихъ извѣстенъ. Когда станетъ извѣстнымъ, что какая-либо дѣвушка утра-

¹⁾ 1-е Коринѳ., гл. II, ст. 15.

тила свою честь, двѣ или болѣе степенныя (пожилыя) женщины приходятъ къ ней и, объявивъ ей ея вину, тутъ-же „скрываютъ“ ее, т. е. повязываютъ голову по замужному¹⁾). Сила нравственнаго чувства и закона такъ велика, такъ глубоко пустила корни въ народѣ, что подъ вліяніемъ ихъ виновныя въ потерѣ своей невинности иногда сами спѣшатъ себя покрыть, прежде, чѣмъ исполнятъ это другіе. „Якъ проходила я“, объясняла одна изъ такихъ своей подругѣ,—„сама себе покрыла“.

Обычай этотъ оглашаетъ новое воздѣйствіе жизни и въ этомъ-то оглашеніи вся мудрая сила его къ предупрежденію дальнѣйшихъ послѣдствій преступленія.

Дѣвушка, или, по совершеніи обряда, „покрытка“ не выдѣляется изъ семьи, или дома, гдѣ до того находилась; она продолжаетъ свою обычную жизнь и только называется покрытою. Надъ ней посмѣются, ее при случаѣ попрекнутъ, не выйдетъ она на „улицу“, не пойдетъ на „вечерниці“, сама съ собой потужить, помучится стыдомъ и угрызениями совѣсти и терпѣливо будетъ ждать того, что должно послѣдовать неизбежно. Ничто уже не предрасположитъ ее къ мысли о сокрытіи плода, а тѣмъ болѣе дѣтубійствѣ. И то и другое становится для нея безцѣльнымъ, да и не можетъ она посягнуть на подобный рискъ;—за нею всѣ слѣдятъ, она оглашена въ своемъ поступкѣ, объ немъ предъувѣдомлено все село, какъ о совершившемся фактѣ. Ея пригнетенное положеніе заранѣе предрасполагаетъ въ ея пользу, привлекаетъ къ ней состраданіе, участіе. Стыдъ и нравственное угнетеніе не настигаютъ ее внезапно *въ моментъ родовъ*, — довода до преступленія, но гораздо раньше, не въ такихъ тяжкихъ условіяхъ, потому сами собою притупляются, или смягчаются участіемъ—готовымъ ко времени родовъ. И второе слѣд. обстоятельство, вызывающее на преступленіе,—*безпомощность* также преграждается. Не то въ другихъ народностяхъ: подъ угнетающимъ давленіемъ беременности какъ часто видимъ гибель двухъ существъ, выкидыши и смерть роженицы! Благоговѣемъ предъ симъ мудрымъ обычаемъ! Благоговѣютъ предъ нимъ

¹⁾ Въ предѣлахъ поселенія южнорусскаго народа есть мѣстности, гдѣ повязываютъ головы и замужныя и не замужныя женщины, но неодинаково: какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ повязка чалмою,—по турецки, но у дѣвушекъ середина головы, *макушка*, открыта и волоса видны; когда „скрываютъ дѣвчину“, то завязываютъ голову „пидъ листоу“, т. е. макушку головы также покрываютъ.

и сами „прогрѣшившія“ и, какъ сказано уже, сами добровольно подчиняются иногда его силѣ и дѣйствию.

Невольно припоминается намъ при этомъ картина подобнаго жизненнаго явленія, начерченная украинскимъ пѣснотворцемъ Т. Г. Шевченкомъ въ его поэмѣ „Катерина“ также просто, какъ просто оно проходитъ въ народной жизни.

.... Не счулася, та-й байдуже,
Катрью накрыли!...

И потомъ

Не здужае Катерина,
Ледви, ледви дыше...
Вычуняла, та въ запичку
Дытуну колыше!...

(Кобз. стр. 26 и 27).

Обычай „скрыванья“, какъ и прочіе, съ поглощеніемъ живаго обычнаго права схоластикою, буквою суда, самъ собою падаетъ. Нельзя не пожалѣть о семъ. Чтобы понять мудрость и благотѣльную силу этого обычая, надо присутствовать при судебно-медицинской криминалистикѣ. И теперь видится мнѣ торжественно-печальная нравственная исповѣдь одной провинившейся (себежскій уѣздъ, витеб. губ.), когда она повинялась во грѣхѣхъ и присутствующихъ при слѣдствіи молила: „*простите мене, добрі люди, простите*“, на всѣ четыре стороны кланяясь и у ногъ падая!

Ст. фонъ-Носъ.

ИЛІЯ ЧОВПИЛА, БЪСАМЪ ВЪ СЛУЖБУ ЗАПИСАВШІЙСЯ.

(Изъ области народныхъ суевѣрій).

Не знаемъ, уцѣлѣло-ли еще гдѣ-либо въ нашемъ народѣ древнее суевѣріе, считавшее возможнымъ войти въ ближайшее сношеніе съ нечистою силою и приобрѣтать ея содѣйствіе цѣною записи во власть оной собственной души и тѣла. Кужда и безпомощность людская породили это дикое суевѣріе и держали его долго въ средѣ нашего, какъ и другихъ народовъ. Тамъ, гдѣ теперь и самый простой человѣкъ раскинетъ своимъ умомъ и поможетъ своей бѣдѣ, въ прежнее время не видѣли другаго средства, какъ записаться чорту съ душою и тѣломъ,—совершенный контрастъ *обѣтамъ* Богу и святымъ у людей вѣрующихъ.

Въ дѣтствѣ мы слышали, какъ неясное уже преданіе, разсказъ о фактѣ подобнаго суевѣрія. По этому преданію, желавшій пользоваться услугами сатаны, дѣлалъ себѣ надрѣзъ на мизинцѣ, своею кровію записывалъ на клочкѣ бумаги во власть его свою душу и тѣло или только душу, на срокъ или на всю вѣчность, выходилъ съ этой запиской на перекрестокъ или кладбище, призывалъ трижды имя бѣса и, бросая въ воздухъ записку, быстро уходилъ. Съ того момента, по повѣрью, все ему удавалось. что-бы онъ ни задумалъ.

Въ наше время фактъ подобнаго суевѣрія не привлекъ-бы вниманія даже урядника или иной сельской власти. Не то было лѣтъ сто назадъ или немного болѣе: о такихъ случаяхъ велась переписка, доходившая до высшихъ властей, виновные подвергались продолжительному суду и заключенію и тяжелымъ наказаніямъ. Извѣстны суровыя мѣры Петра I-го противъ чародѣйства, колдовства и вообще суевѣрій, даже вѣры въ ложныя чудеса, — простиравшіяся на лѣвобережную Украину. Законодательство польское, дѣйствовавшее въ остальныхъ частяхъ южной Россіи, относилось къ такимъ явленіямъ народной жизни еще съ большею жестокостію: уличенные напр. въ колдовствѣ сожигались живьемъ и намъ извѣстны изъ архивныхъ дѣлъ два такіе случая изъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Архивы лѣвобережные переполнены дѣлами о судившихся за суевѣрія. Вотъ отрывокъ изъ одного такого дѣла первой половины XVIII в.

„Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійскія изъ святѣйшаго правительствующаго синода во обрѣтающуюся въ Глуховѣ войсковую генеральную канцелярію.

По указу ея императорскаго величества святѣйшій правительствующій синодъ слушали доношенія пресвященнаго Рафаила, архіепископа кievскаго о содержащемся въ полковомъ лубенскомъ секвестрѣ полковника лубенскаго Петра Апостола служителѣ Ильѣ Човпилѣ, записавшемся кровію своею князю бѣсовскому и всѣмъ бѣсомъ въ службу с душою и тѣломъ на тридцать лѣтъ, и приобщенной с того его своеручнаго писма и произведеннаго ему въ полковомъ лубенскомъ судѣ о томъ допросу копіи, из коего допросу показуется, что онъ объ ономъ отвѣтствовалъ весьма несправедливо. Приказали: онаго Илью Човпила из вышереченнаго полковаго суда, для надлежащаго в пополненіе с подобающимъ о показаніи самыя истинны увѣщаніемъ допроса, и по нему со всякимъ испытаніемъ изслѣдованія и учиненія, какъ святыхъ

ЗАПОРОЖСКОЕ РАСХИЩЕНІЕ.

(Двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли).

Извѣстно запорожское разсѣяніе, едва-ли извѣстно запорожское расхищеніе. Никто не можетъ назвать уничтоженіе Запорожья безвременнымъ: оно сослужило свою славную, вѣковую службу, но отжило свой вѣкъ, стало анахронизмомъ. Формы его быта не согласовались съ новымъ развитіемъ жизни, само оно утратило свой исключительный духъ; наступали событія, которыя самое существованіе его дѣлали излишнимъ. Оно должно было или измѣнить свой строй и быть, или быть уничтожено. Совершилось послѣднее, и нѣтъ въ томъ исторической ошибки или неправды. Иное дѣло судьба упраздненныхъ рыцарей и ихъ земель, убитанныхъ ихъ же кровію. Послѣдній сѣчевой атаманъ Калнишевскій попадаетъ въ Соловки и тамъ томится до глубокой старости, а Запорожье, какъ поется въ первой изъ помѣщаемыхъ пѣсенъ, плачется на него за свое разореніе и безильное въ своей судьбѣ питаетъ надежду на короля Польши, также доживавшей послѣдніе годы свои. Разоренные въ своемъ гнѣздѣ сѣчевики разбрелись, куда могли и хотѣли — въ Украйну, Турцію и даже Австрію, а земли ихъ раздѣлили „паны сенатори, пребольшіи генерали“, такъ что оставшіеся на мѣстѣ и вновь сформированные Потемкинымъ запорожцы, сослуживъ послѣднюю службу во вторую турецкую войну, не имѣли уже и клочка земли и съ немалымъ трудомъ выпросили себѣ пустынную и болотистую Тамань. На земли и не настолько свободныя, какъ бывшія запорожскія, всегда были охотники. Вкушеніе отъ казеннаго пира, хищеніе не новость для насъ. Такъ было съ Бѣлоруссією, такъ стало и съ Запорожьемъ. Вскорѣ мы надѣемся представить болѣе обстоятельныя по этому предмету свѣдѣнія, а теперь приводимъ пѣсни, вѣрно воспроизводящія минувшую дѣйствительность.

1.

Та-же не світъ, та-же не світъ,
 Та-же не світае,
 Га хитрый москаль запорожську землю
 А кругомъ обѣзжае.

Та об'їхавши запорожську землю,
 Став степъ межувати,
 Ой ставъ городи, панські слободи
 По річкахъ сажати.

Ой обсадивши панські слободи,
 Та не буде владіти,
 Ой очисте Кроль сюю Украйну
 А по саму линію.

Та летить крячокъ—по той бочокъ,
 Та летячи кряче,
 Та уже військо запорожське
 На Калниша плаче.

II.

Ой з-підъ города Елисавета
 Сизі орли вылітали,
 Ой стали собиратись паны сенатори
 Пребольшіи генерали.
 Вони думали-гадали:
 Ой якъ-бы намъ панамъ сенаторамъ
 Запорожську землю взяти,
 Ой якъ-бы намъ, ой якъ-бы намъ
 Всі волости одібрати.
 Ой якъ одібрали всі волости запорожськи
 Зачали на плани ділити.
 Ой Січь мати, ой Січь мати,
 Та въ Січи добре жити,
 Ой тильки спати, спати та лежати
 Та горілочку кружати. *)

Сообщ. И. Манжура.

*) Обѣ пѣсни записаны въ с. Богатой ново-москов. уѣзда, екатеринослав. губ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Кіевской Старины“ фототипный снимокъ съ старинной гравюры представляетъ намъ зданіе кіевской академіи и группу ея питомцевъ, — „спудеевъ“, какъ они тогда назывались. На гравюрѣ не означены ни время, ни мѣсто ея изданія; но первое опредѣляется временемъ управленія академіею того лица, для котораго гравюра была предвзначена и относится къ промежутку 1697—1702 г., а второе именемъ ея автора Иннокентія Ширскаго, лучшаго изъ кіевскихъ граверовъ XVII в., монаха ордена св. Василія В. ¹⁾).

Эта драгоценная въ археологическомъ отношеніи гравюра вѣскольکو лѣтъ назадъ отыскана кіевскимъ кафедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ на одной изъ старыхъ латинскихъ книгъ софійской бібліотеки, которыхъ покоя, за ненадобностію ихъ, никто не тревожилъ, и въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ была фотографирована для любителей мѣстной старины; одинъ экземпляръ ея достался и церковно-археологическому музею при кіевской духовной академіи. Но фотографическій снимокъ не давалъ вполне отчетливаго представленія обо всѣхъ деталяхъ гравюры; — потребовалось много усилій и осторожности, чтобы очистить гравюру отъ многолѣтнихъ наслоеній и получить ее въ настоящемъ ея видѣ.

Гравюра грубымъ способомъ была наклеена на толстой обложкѣ книги *in folio*, подъ заглавіемъ: *Arbor omnium opinionum moralium* (нѣчто въ родѣ нравственной философіи), составленной медиоланскимъ кармелитомъ XVII в. Кассіаномъ и посвященной тридентскому епископу Іосифу Виктору Альберти, а изданной въ Болоньѣ въ 1691 г. Появленіе на ней гравюры можно объяснять простою случайностію: кто-нибудь наклеилъ ее для лучшаго сбереженія; но можно допускать, что самъ Ширскій, поднося ректору тогдашней кіевской академіи, Петру Колачинскому, въ день его рожденія, указанное сочиненіе, имѣвшее вѣроятно, интересъ новости и авторитета въ наукѣ, приложилъ къ нему и гравированное имъ изображеніе академіи. Такъ думать остается, за неимѣніемъ какихъ-либо указаній на другое, самого-

1) Такъ назывались не одни уніатскіе, но и православные монахи XVII в. XVIII ст.

ли Щирскаго, или инаго автора сочиненіе, къ которому эта гравюра была-бы приложена. Что гравюра изготовлена какъ подарокъ ко дню рожденія ректора, это прямо сказано въ подписи. Принадлежалъ-ли Щирскій къ составу академіи, неизвѣстно; но его близость къ ней и сочувствіе очевидны изъ всего содержанія гравюры и подписи на ней. Композиція гравюры довольно сложная и требуетъ нарочитаго разъясненія.

На первомъ планѣ въ гравюрѣ—группа студентовъ академіи, стоящихъ впереди новаго тогда, только что отстроеннаго Мазепою, зданія академическаго. Стоять они подъ знаменемъ, водруженнымъ на гербъ ректора Колачинскаго, а знамя держитъ Паллада или Мниерва—богиня мудрости. На обширномъ знамени, покрывающемъ собою академію, изображенія трехъ святыхъ, а вверху ихъ эмблемы отличающихъ cadaго изъ нихъ добродѣтелей и вмѣстѣ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей. По срединѣ апостоль Петръ, патронъ славнаго митрополита Петра Могилы, основателя академіи, съ лѣвой стороны преподобный Прокопій Декаполитъ, съ правой св. мученикъ Прокопій, — соименники и патроны тогдашняго ректора академіи Прокопія Колачинскаго. Надъ первымъ вѣнокъ съ видомъ скалы, обуреваемой волнами, и подписью: *non praevalent, ne odolunt*, — символъ вѣры, твердой, какъ каменная скала; надъ вторымъ—въ вѣнѣ якорь, символъ надежды или упованія, съ надписью: *non movebor, ne devinuss*; надъ третьимъ опять вѣнокъ, а въ срединѣ его пламя и простирающій къ нему руки человѣкъ, — эмблема всеогрѣвающей любви, съ надписью: *accedunt, dum extinguunt, приступаютъ пока не потушатъ*. Вверху знамени, Троица святая, источникъ названныхъ добродѣтелей; внизу его двѣ надписи, указывающія на воинствующее положеніе академіи, боровшейся съ римскою куріею въ лицѣ Польши и унии, и на ея безопасность подъ изображеннымъ знаменемъ. Справа значится: *Cur aquilas tollis! tollis quid Roma leones! зачѣмъ дразнить орловъ? зачѣмъ, о Римъ, будишь львовъ?* (т. е. эти молодья, народныя силы въ лицѣ студентовъ, будущихъ воителей, во славу народа); слѣва слѣдуетъ: *Tu flos hoc Signo Mohila Pallas erit*, т. е. подъ этимъ знаменемъ могилянская Минерва (академія, храмъ науки) будетъ безопасна.

Находящаяся подъ картиной подпись объясняетъ ея назначеніе и происхожденіе и еще болѣе доказываетъ ея внутренній, глубоко-патріотическій замыселъ. Приведемъ ея текстъ, нѣсколько

поврежденный на самой гравюрѣ, но восстановленный нами по смыслу рѣчи и уцѣлѣвшимъ частямъ буквъ и словъ.

Labarum triumphale Triados, trino virtutum theologiarum choro, per divinissimos tutelares adumbrato illustre, sub signis Almae orthodoxae Kiiowo-Mohylanae Palladis militantibus praefixum, ac natales reverendissimi in Christo patris Procopii Kołaczyński ejusdem almi orthodoxi collegii rectoris emeritissimi intra ferias a divinctissimo suo nomini Innocentio Szczyrski, monacho O(rdinis) D(ivi) B(asilii) praesentatum.

Торжественное знамя Троицы, славное хоромъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, освѣяннымъ божественными покровителями, водруженное впереди воинства, собраннаго подъ стягомъ православной кіево-могилянской Паллады—кормилицы, предоднесенное въ день рожденія высокоуважаемаго отца во Христвъ, Прокопія Колачинскаго, ректора этой православной коллегіи—кормилицы, предавѣйшимъ ему Иннокентіемъ Щирскимъ, монахомъ ордена св. Василія.

Сказавъ все, что слѣдовало, подносителъ, увлеченный своимъ презвѣтомъ, его завѣтною основною мыслию, *злостью* такъ сказать тогдашняго дѣя, еще разъ возвращается къ излюбленному сюжету картинны, спрашиваетъ и отвѣчаетъ слѣд.:

Quae vexilla micant? tonat et quis classica mavors?

Какія знамена развѣваются? Какой богъ войны подаетъ сигналъ на трубѣ?

Est labarum Triados, dant cui signa tua: Spes, Amor, Fides, referunt quas stemmate Divi.

Это знамя Троицы, отмѣченное твоими символами, Богомъ вѣнчанными: Надеждою, Любвию, Вѣрою.

Sub quis Rossiadum proelia Pallas agit.

Подъ стягомъ ихъ сражается Россійская Паллада.

Это изображеніе поистинѣ народнаго и всенароднаго храма науки (академія тогда не была сословною, какъ теперь, но все-сословною), это воспроизведеніе воинствующаго народа, отстаивающаго свою вѣру и самобытность и всю надежду и спасеніе свое полагающаго въ образованіи, освѣщаемомъ, согрѣваемомъ и укрѣпляемомъ христіанскими добродѣтелями, эти лучшіе его представители, его цвѣтъ, краса, надежда и утѣха, эти орлы и львы, которыхъ опасно затрогивать, эти типы, живьемъ выхваченные изъ народной жизни, эти питомцы матери-кормилицы и сама эта

Alma Mater—все это полно самаго высокаго интереса, самаго глубокаго смысла. Да, это вполне живое и живущее учрежденіе, сознающее свою связь съ народомъ, свое назначеніе, свое положеніе, свою крѣпость и силу. И посмотрите, съ какимъ достоинствомъ и сознаниемъ своихъ силъ стоятъ эти спудеи и какъ отразились въ нихъ народное настроеніе и характеръ. Судить легче по первому изъ нихъ, болѣе очерченному, выдающемуся. Высокій, стройный, широкоплечій, поза нѣсколько искусственная, но граціозная: онъ отставилъ одну ногу впередъ, правую руку заложилъ за поясъ, придерживая платокъ, въ лѣвой держитъ отороченную барашкомъ шапку, едва способную прикрыть горячую голову; на немъ кунтушъ, какой носили тогда зажиточные классы, туго подвязанный поясомъ, сверху кирея, слегка накинутая, застегнутая на пряжки, голова высоко подстрижена, если даже не подбрита. И такъ у всѣхъ; у иныхъ—усы, а бороды, конечно, брились.

Зданіе?—Оно только-что отстроено, вмѣстѣ съ церковію, гетманомъ Мазепою: нижній этажъ каменный, верхній деревянный, въ обоихъ галереи; крыша черепичная, на ней три башни. Нижній этажъ существуетъ и доселѣ, верхній снесенъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ, а въ замѣнъ его построены каменный съ прекрасною колоннадою, къ сожалѣнію, заложенной въ недавнее время для устройства помѣщенія бібліотеки.

Настоящій снимокъ объясненной гравюры—фототипія, около половины величины оригинала.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

—
ВЪ ХАРЬКОВѢ
ВЫХОДИТЪ

ежемесячный политическій, литературный, научный и экономическій журналъ

„М И Р Ъ“

по слѣдующей, утвержденной правительствомъ, программѣ:

1. Статьи по различнымъ отраслямъ знанія, имѣющія своей задачей, въ доступной формѣ, знакомить читателей съ текущими вопросами и пріобрѣтеніями въ области наукъ.

2. Внутреннее и иностранное обозрѣніе главнѣйшихъ явленій политической и общественной жизни.

3. Экономическая, земская и промышленная хроника, преимущественно по отношенію къ югу Россіи.

4. Словесность: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія и другія произведенія литературы русской и въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ.

5. Обозрѣніе текущей литературы русской и иностранной (критика и библіографія).

6. Смѣсь: корреспонденціи и другія сообщенія касательно текущей жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

7. Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ журналъ принимаютъ участіе слѣдующія лица: М. М. Алексѣенко (проф.), С. Я. Бѣликовъ, Н. Василенко, Кн. Н. Волконскій, К. Гаттенбергеръ (проф.), Даневскій (проф.), Е. Дубровина, Ф. Зеленогорскій (проф.), В. Кандиинскій, А. И. Кирпичниковъ (проф.), В. Лашкевичъ (проф.), А. Лебедевъ (проф.), М. Неручевъ, А. Орловскій, Л. Павловичъ (проф.), Н. Сумцевъ, Ценковскій (проф.), А. П. Шимковъ (проф. и редакторъ журнала), Г. Юрко и мног. др.

Въ вышедшихъ трехъ книжкахъ журнала (октябрь, ноябрь и декабрь 1881 года) „Миръ“, составляющихъ I томъ (болѣе 45 листовъ, до 800 стр.), помѣщены, между прочимъ, слѣдующія произведенія:

„Въ болотѣ“, сцены изъ жизни провинціального захолустья, въ пяти дѣйствіяхъ, Г. Юрко.—„Поздняя любовь“, повѣсть А. Орловскаго.—„Юнкеръ Дубяга“, рассказъ Г. Юрко.—Дорогая партія на биллиардѣ, рассказъ Альфонса Доде.—„Кто виноватъ?“ эскизъ А. Д-иной.—„Чаша переполнилась“, рассказъ Г. Шаллямель.—„Раздвоенное сердце“, рассказъ П. Гейзе.—„Роковая ссора“, рассказъ Линдау.—„Два креста“, повѣсть Конрада Мейера.—„Благодатный край“, кн. Н. Волконскаго.—„Реформа гражданскихъ законовъ“, Ст. Бѣликова.—„Реально-психологическая политическая экономія“, Г...—„Положеніе; сельскаго хозяйства въ харьковскомъ районѣ“, Л. Павловича.—„Къ вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей“, М. Неручева.—„Вечерницы“, культурно-историческій очеркъ, Н. Сумцова.—„Современный монизмъ“, популярно-философскій этюдъ Виктора Кандинскаго,—„Запасы энергіи въ природѣ“, А. Шимкова.—„О товариществахъ земледѣльцевъ“, Н. В-ико.—„По поводу высшаго техническаго училища въ Харьковѣ“, П.—„Политическая проза“, Рейнбота.—„Церковныя отлученія“ въ бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣгѣ. А. Лебедева.—„Памяти Н. И. Пирогова“, W.—„Податная реформа и земская статистика“, М. А.—Внутреннія обзоренія. — Литературная хроника. — Библиографія. — Корреспонденціи. — Смѣсь и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
Годъ	10 р. — к.	11 р. 50 к.	12 р. — в.
Полгода	6 „ — „	7 „ — „	7 „ 50 „
Четверть года	3 „ — „	3 „ 50 „	4 „ — „

ПРИ ПОДПИСКѢ НА ГОДЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

для иногородныхъ: при подпискѣ 6 руб., по полученіи четвертой книги 3 руб. и по полученіи шестой книги 3 руб., для городскихъ—по соглашенію съ контрой редакціи

Для подписывающихся одновременно на вышедшія три книжки 1881 г. и на весь 1882 годъ (всего 15 книгъ) цѣна журнала 15 руб. съ пересылкою и 12 р. 50 к. безъ пересылки.

ВЪ 1882 Г.

журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 12—15 листовъ, по той-же программѣ, стараясь давать въ каждой книжкѣ статьи, по возможности, разнообразнаго содержанія. Годовой экземпляръ журнала будетъ состоять изъ 12 книжекъ, которыя составятъ къ концу года—четыре большихъ тома, болѣе 2500 страницъ плотной и четкой печати.

Гг. подписчики, при подпискѣ на годъ, благоволятъ увѣдомлять редакцію желаютъ-ли они получать его съ октября 1881 года, т. е. съ первой книжки, или съ января 1882 года.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Харьковѣ, (Екатеринославская, 1), при книжномъ магазинѣ Владиміра Александровича Сыхра.

Для ознакомленія съ журналомъ, первая книжка разослана во многіе книжные магазины и библіотеки столичныхъ и провинціальныхъ городовъ.

Объявленія всякаго рода для печатанія въ журналѣ „Миръ“ принимаются въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: одна страница — 10 р., $\frac{1}{2}$ стр.—6 р. и $\frac{1}{4}$ стр.—3 р. 50 к.

Издатель В. А. Сыхра

Редакторъ А. П. Шимковъ.

„ЮГЪ“

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Журналъ „ЮГЪ“ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ десяти до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *Словесность*: романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія и стихотворенія (оригинальныя и переводныя.)

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологии, исторіи, искусствамъ, философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ.

III. Критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественная жизнь—преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнала „Югъ“: Надеждинская ул. д, Савича, въ книж-

ныхъ магазинахъ: В. И. Бѣлаго, Е. П. Распопова, бібліотекѣ для чтенія Бортневскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Яковлевъ.

ВЪ 1882 ГОДУ
ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
будутъ издаваться

ПО ПРЕЖДЕ УТВЕРЖДЕННЫМЪ ПРОГРАММАМЪ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ официальный:** Высочайшіе манифесты и повелѣнія, сенсдальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся Кіевской епаркіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неофициальный:** мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально*. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію Слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеронима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его толкованія на ветхозавѣтныя книги; изъ твореній бл. Августина—его твореніе о градѣ Божіемъ.

Такимъ образомъ изданія Кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1, своевременнаго

знакомства съ текущими церковными событіями (газетное чтеніе, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2, *религиозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“), и 3, научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить два раза въ мѣсяць, въ 8 долю, *не менѣе двухъ листовъ*. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить *еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, *не менѣе одного листа въ недѣлю*. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12 листовъ*, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній блаж. Иеронима и Августина и не менѣе 7 — оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній бл. Августина, одинъ томъ твореній бл. Иеронима и три тома статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Кіевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(Еженедѣльное изданіе, отъ 2-хъ до 4-хъ печатаныхъ листовъ въ номерѣ) и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24-хъ печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ) будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1882 году на прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается болѣе 260 листовъ убористаго шрифта. При „Христіанскомъ Чтеніи“ въ слѣдующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

Толкованій на Ветхій Заветъ

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1882 года составитъ *четвертый* выпускъ „Толкованій“ (въ четвертомъ выпускѣ будетъ продолжаться печатаніе „Толкованія на книгу Псалмовъ“).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ „Толкованіями на Ветхій Заветъ“—*семь руб.* съ пересылкою: отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“—*пять руб.*, за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“—*пять руб.* За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р.

Номера „Церковнаго Вѣстника“ по 15 коп.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ печатаются *стороннія объявленія*: авторовъ и книгопродавцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банковъ объ ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д., по опредѣленной и съ прошлаго года пониженной таксѣ, именно *по 15 коп.* за строчку петита (въ 5½ квадратовъ), если объявленіе печатается въ одномъ номерѣ, и *по 10 к.*, если повторяется въ двухъ и болѣе номерахъ. При „Церковномъ Вѣстникѣ“ рассылаются отдѣльныя объявленія и прейсъ-куранты—по *пяти руб.* съ каждой тысячи.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: *Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургъ.*

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльныя изданія редакціи: Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской улиц., домъ Иванова № 5, квар. № 3-й.

Кромѣ того можно подписываться у комисіонеровъ редакціи *въ Петербургъ* при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева), *въ Москвѣ*—при книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

Запросины до вредилаты на малоруску часопись

„ДѢЛО“

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійской Имперіи).

Удостоившись Выс. призову на допускъ нашей часописи „Дѣло“ въ границѣ Россійской Имперіи, запрашуемо симъ письмомъ до предплаты на „Дѣло“ зъ слѣдующимъ рокомъ 1882.

„Дѣло“ буде и въ р. 1882 выхидати *два* разовъ въ тыждень, що среды и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла“ ось яки:

- I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.
- II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.
- III. Политичный переглядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ увзглядненьемъ славянскихъ народовъ.
- IV. Новинки и дробны вѣсти.
- V. Литературни вѣсти и замѣтки.

VI. Послѣдні вѣсти политичні и телеграммы.

VII. Фейлетонъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малорусской литературы и штуки, повѣсти и оповѣданья.

Яко литературный додатокъ „Дѣла“ выходить:

„Библіотека повѣстій“ подае передъ всѣмъ повѣсти зъ другихъ европейскихъ литаратуръ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаются зъ програмы и оригинальни малоруски повести.

Предплата на „Дѣло“:

безъ додатку: Библ. повѣстій	зъ литер. додаткомъ:
на цѣлый рокъ 8 рублей.	12 рублей.
на $\frac{1}{2}$ року 4 рубля.	6 рублей.
на $\frac{2}{3}$ року 2 рубля.	3 рубля.

Предплата на „Библіотеку повѣстій“ (безъ „Дѣла“):

на цѣлый рокъ 5 рубл.
на $\frac{1}{2}$ року 2 р. 50 к.

Предплату такъ на „Дѣло“ якъ и на „Библіотеку повѣстій“ треба присылати въ оплаченныхъ листахъ подъ адрессою: *Въ администрацію Дѣла во Львовѣ* (Галичина—Австрія).

Всѣ письма до редакціи „Дѣла“ треба высылати: Въ редакцію „Дѣла“ во Львовѣ, ул. Академична ч. 8 (Галичина—Австрія).

Володимиръ Барвѣньскій редакторъ „Дѣла“.

Открыта подписка на 1882 годъ экономической, общественной, политической и литературной газеты

„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Официальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управления. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ: экономической, образовательной и въ сферѣ самоуправленія. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и социальному положенію Южно и Югозападнаго края.* IV. *Статьи по вопросамъ городского хо-*

звѣства и управленія. Хроники городскихъ событій и происшествій. V. Статьи по части исторіи, статистики, педагогій, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія VI. Критика и библиографія. VII. Отдѣлъ „Среди газетъ и журналовъ“. VIII. Фельетонъ. Очерки и рассказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обзорнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ мѣстной общественной жизни и мѣстныхъ событій и происшествій. IX. Корреспонденціи. X. Политическія заграничныя новости, заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. Телеграммы международного телеграфнаго агентства, Гавастъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XIII. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника. XIV. Справочный отдѣлъ: базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлища и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. Объявленія.

Газета **ВЫХОДИТЪ** въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: по **понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6 руб.	— коп.	на полгода	4 руб.
Безъ доставки	»	»	»	4 » 50	» » 3 »
Съ пересылкою иногороднимъ	»	8 »	—	»	» » 5 »

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **С.-Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ **Москвѣ**: въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидиной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова. Москва, Софійка, церковн. дождь.—Въ **Парижѣ**, Agence Navas et Cie—Place de la Bourse 8, à Paris.—Въ **Варшавѣ**, аген. объявл. Райхмадъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ **Черниговѣ**, у г. Кранца и Данюшевскаго, въ **Нѣжинѣ** у г. Куриленка, въ **Стародубѣ** у г. Неронова, въ **Харьковѣ** у г. Сыхры, въ **Екатеринославѣ** у г. Голубовскаго, въ **Полтавѣ** у г. Бойно-Родзевича, въ **Елисаветградѣ** у г. Н. К. Менчица, въ **Каменецъ-Подольскѣ** у г. Симоновскаго, въ **Житомирѣ** у г. Будкевича, въ **Немировѣ** у г. Шерра, въ **Тифлисѣ** въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель **Г. Т. Корчакъ-Новицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія).

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последнія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзорѣніе. IX. Внѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Смѣсь. XIV, Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковского военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ Азовъ, Александровскъ, Ахтыркъ, Бердянскъ, Богодуховъ, Бѣлгородъ, Бирючь, Бахмутъ, Валкаха, Волчанскъ, Воронежъ, Гадячь, Грайворонъ, Елисаветградъ, Екатеринославъ, Зньковъ, Змievъ, Изюмъ, Кіевъ, Кишиневъ, Кобелякаха, Константиноградъ, Кременчуть, Кулянкъ, Курскъ, Керчи, Кутаисъ, Лебединъ, Миргородъ, Мелитополь, Мариуполь, Нѣжинъ, Новочеркасскъ, Новомосковскъ, Одессъ, Острогъ, Полтава, Павлоградъ, Поти, Переяславъ, Путивль, Пирятинъ, Ромнаха, Ростовъ на-Дону, Славянскъ, Славяносербскъ, Ставрополь, Старобѣльскъ, Старомъ Осколь, Симферополь, Севастополь, Суджъ, Сумаха, Тамбовъ, Тифлисъ, Таганрогъ, Херсонъ, Черниговъ и Ялтъ.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

■ Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. ■

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского Университета, № 7-й при „Публичной библіотекѣ“ А. А. Іозефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель А. А. Іозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„**КІЕВЛЯНИНЪ**“

НА 1882 ГОДЪ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ВЪ 1882 Г.

ВЪ УВЕЛИЧЕННОМЪ ФОРМАТЪ:

Редакція увеличивая форматъ „Кіевлянина“ до средняго формата столичныхъ газетъ, предполагаетъ расширить въ особенности отдѣлы корреспонденцій и беллетристики.

Для ГОДОВЫХЪ подписчиковъ ГОРОДСКИХЪ допускается разсрочка по третямъ или по соглашенію съ конторой „Кіевлянина“; ИНОГОРОДНІЕ годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, могутъ вносить: къ 1 января 4 руб., къ 1 апрѣля 3 руб., и къ 1 іюля 3 руб. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международн. Телеграфнаго Агентства“, редакция получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренній. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городскаго и крестьянскаго самоуправления; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорнѣе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни за границей.

VI. Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорнѣя и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговныя корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Бурсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговныя и биржевыя обзорнѣя.—Железнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Железно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кіевской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западу. жел. дор. и свѣдѣнія о налоговыхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ . . .	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца . . .	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяць . . .	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету *съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ* допускает-ся **разсрочка** годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учреждений, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатицкѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *П. А. Андреевскій.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА въ мѣсяць, 1 и 15 чиселъ наждаго мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Екатеринославской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб. серебромъ.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ три раза въ мѣсяць въ г. Кременецѣ Волынской губ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 23-й).

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

*Адресъ: въ городъ Одессу.*Годъ 8-й.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА.

Годъ 8-й.

политико-литературная, художественная и ремесленная,

иллюстрированное изданіе, въ объемѣ 2-хъ, 3-хъ листовъ въ недѣлю,

въ важныхъ случаяхъ выходитъ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торговли и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ области ремеслъ, искусствъ и наукъ, такъ что, кромѣ телеграммъ, она во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ замѣнить и ежедневныя газеты и отчасти журналы.

Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы преимущественно историческіе, и стихотворенія.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцукъ“ помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также *Критика*, *Библиографія* и *Моды* съ рисунками. Въ теченіи года газета дастъ въ текстѣ до 400 худож. исполненныхъ рисунковъ.

Въ газетѣ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники (О. М. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ и друг.)

Годовые подписчики на 1882 годъ получаютъ прекрасный *олеографическій портретъ Государя Императора Александра III*, въ концѣ-же года—*Крестный календарь на 1883 г.* на лучшей бумагѣ и 3-й выпускъ иллюстрированныхъ драмъ Шекспира.

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ 5 руб., на 1/2 г. (съ Янв. и Юля) 2 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 75 коп.

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцукъ; отдѣленіе ея— Кузнечій мостъ д. Торлецкаго. Редакторъ А. А. Гатцукъ.

ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ

ИЗДАЕТСЯ

„КУВАНЪ“

газета общественная, литературная и политическая

Срокъ выхода въ свѣтъ газеты— отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ одного газетнаго листа средняго формата. Въ экстренныхъ случаяхъ будутъ выходить особыя прибавленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для городскихъ подписчиковъ		для ивгородскихъ
съ доставкой на годъ 6 р.		съ пересылкою на годъ 7 р.
на полгода 3 р. 50 к.		на полгода 4 р.

для служащихъ допускается разсрочка.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи на Красной улицѣ, при типографіи Н. Г. Мойсеенко, куда просить адресовать статьи, письма и мелкія сообщенія.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

ОБЪ ИЗДАНІИ КІЕВСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
въ 1882 году.

КІЕВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1882 году, будутъ выходить три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, заключаая въ себѣ двѣ части: официальную и неофициальную, изъ которыхъ каждая будетъ представлять особый листъ средняго газетнаго размѣра.

Въ официальной части печатаются распоряженія правительства и мѣстной администраціи, а также казенныя объявленія разнаго рода.

Въ неофициальной части будутъ помѣщаться:

1) *Мѣстный отдѣлъ*: Сообщенія о текущихъ новостяхъ мѣстной жизни, имѣющихъ общій интересъ, статьи и матеріалы по статистикѣ, этнографіи, топографіи и исторіи края, статьи, замѣтки объ экономической жизни губерніи, о сельско-хозяйственной, фабричной и кустарной промышленности, о дѣятельности городскихъ думъ и крестьянскихъ обществъ, словомъ все то, что относится ко всѣмъ сторонамъ мѣстной жизни (природы и человѣка).

2) *Общій отдѣлъ*: Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ и явленіяхъ жизни русской вообще, краткіе очерки—сельско-хозяйственные, этнографическіе, статистико-экономическіе и т. п. другихъ, преимущественно сосѣднихъ съ кievскою губерніею мѣстностей, а равно краткія извѣстія о наиболѣе крупныхъ событіяхъ иностранныхъ государствъ и о тѣхъ или другихъ сторонахъ жизни ихъ, имѣющихъ общій интересъ.

3) *Общепользныя свѣдѣнія* по сельскому и домашнему хозяйству и общедоступной медицинѣ.

4) Частныя объявленія.

Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, заботиться о полнотѣ мѣстнаго отдѣла, редакція неофициальной части, обѣщая съ своей стороны употребить всѣ усилія, чтобы придать этому отдѣлу возможно большій интересъ, обращается съ покорнѣйшею просьбою къ своимъ читателямъ помочь ей въ исполненіи этой задачи сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній о мѣстной жизни.

Подписка принимается въ газетномъ столѣ губернскаго правленія.

Годовая плата съ пересылкою и доставкою 5 р. 40 к.

Желающіе получаютъ *одну лишь неофициальную часть* платятъ за годовое изданіе съ пересылкою и доставкою три рубля пятьдесятъ коп., за полугодовое 2 р.; безъ пересылки и доставки: годовое 2 р. 50 к. и полугодовое 1 р. 50 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

М А Р Т Ъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1882 г.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА	I—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ. (Окончаніе). Е. Крыжановскаго .	441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Милорадовичи). А. Лазаревскаго	479
IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Никокентія 1820—1825 г., съ предисловіемъ Л. М.	499
V. ОПИСАНІЕ БѢДСТВІЯ, ПОСТИГШАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году	520
VI. СКАЗАНІЕ О БОНДАРЕНКѢ по народныхъ преданіяхъ	530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. П. Ефименко	538
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія скатеринославской епархіи. — б) Описаніе рукописей виленьской публичной бібліотеки. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г.	560
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора—лѣтописца въ 1881 г.—б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ Сѣверскъ.—в) Древній способъ публикаціи.—г) Одинъ изъ протестовавшихъ.—д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторія и древностей въ 1881 году	581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упомянутыхъ въ I томѣ.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

М А Р Т Ъ.

1882 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 19-го марта 1882 года.

Тысячелѣтіе Кіева.

«И сѣде Олегъ, княжа въ Кіевѣ,
и рече Олегъ: «се буди *мати* гра-
домъ русскимъ».

Это было въ 882-мъ году.

Значить, проходитъ ровно тысяча лѣтъ.

Такъ какъ Олегъ спустился къ горамъ кіевскимъ по *Днѣпру*, то начало княженія его въ Кіевѣ можно относить, приблизительно, къ маю мѣсяцу, вообще къ лѣтней порѣ. Вотъ когда совершится тысячелѣтіе Кіева, какъ *столицы*, какъ *матери* градовъ русскихъ.

Читатель, вамъ хочется думать, что эта историческая годовщина возбудитъ васъ, чѣмъ-бы вы ни были заняты, и повѣсть на васъ ощущеніемъ величія, святости, образованія, тяжелой борьбы и страданія. Судьбы Кіева—это нѣкоторымъ образомъ судьбы всей Россіи, преимущественно ея духовной жизни, и вамъ кажется, что тысячелѣтіе Кіева должно быть праздникомъ не только кіевлянъ, но и всѣхъ русскихъ....

Пробѣгая мыслию прошедшее тысячелѣтіе Кіева, поражаюсь обиліемъ и значеніемъ событій, въ немъ совершившихся, мы знаемъ свое безсиліе представить полный и яркій историческій очеркъ ихъ. Нужны усилія многихъ, чтобы привести въ извѣстность и уяснить самыя событія.

Мы теперь представляемъ только простое оповѣщеніе о наступающемъ тысячелѣтій и попытаемся сдѣлать лишь бѣглый очеркъ судебъ кіевскихъ, внимательно слѣдуя старѣйшимъ дѣтелямъ, изучавшимъ его исторію.

Оглядываясь на минувшее, невольно поражаемся прежде всего тѣмъ, какъ измѣнился Кіевъ, самая мѣстность его, въ теченіе тысячелѣтняго существованія. Гдѣ былъ лугъ и боръ, тамъ

городъ; гдѣ былъ городъ, тамъ поле; легли горы, встали бездны; устье Почайны нѣтъ и слѣдовъ; самый Днѣпръ измѣнилъ свое русло; вѣка изгладили стѣны и башни, дворцы и храмы до самаго основанія. Остались только свитыя пещеры, середина церкви Спаса на Берестовѣ, „Нерушимая Стѣна“, гробница Ярослава, остатки Золотыхъ Воротъ... только тамъ вы вполнѣ можете переноситься въ вѣкъ Владиміра святаго и Ярослава мудраго. Всѣ остальные слѣды прежней жизни и величія Кіева можно только разгадывать, а отъ многого уцѣлѣли одни лишь старыя имена...

Переходя къ жизни Кіева, мы невольно прежде всего оставливаемъ свой взоръ на его первыхъ князьяхъ, руководителей его судебъ. Вотъ вѣщій, мудрый Олегъ: это нашъ первый *историческій* князь. Едва завязъ Кіевъ, онъ, словно вдохновенный, именуетъ его *матерію городовъ русскихъ*. И дѣйствительно, отъ этой матери произошло вся русская земля. Уже при его ближайшихъ преемникахъ—Игорь, Ольгъ, Святославъ, имя Кіева становится извѣстнымъ и грознымъ въ Хозаріи, Тмуторокани, у подножія Кавказа, на азіатскихъ берегахъ Чернаго моря и въ Дунайской Болгаріи. При удалствѣ и предприимчивости Святослава, побѣда слѣдуетъ за побѣдой. Это сильно возвышаетъ народное чувство и внушаетъ уваженіе къ Кіеву, ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. При Святославѣ Кіевъ наполняется богатою и разнородною добычею. Владиміръ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Волынь и Галицію. Кіевъ становится центромъ управленія городовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Принявъ христіанство, Владиміръ просвѣщаетъ имъ народъ свой, велитъ кіевлянамъ учить дѣтей грамотѣ, и народъ, уразумѣвъ просвѣтительное значеніе дѣйствій князя, величаетъ его *Краснымъ Солнышкомъ* русской земли. Чѣмъ сталъ Кіевъ во времена Владиміра, видимъ изъ словъ нѣмецкаго историка Титмара; въ своей хроникѣ подъ 1018 г. онъ говоритъ, что Кіевъ обширный и богатый городъ, что въ него во множествѣ стекаются инсезмцы, что въ немъ болѣе 400 церквей и 8 рынковъ. Пусть это и преувеличенные рассказы торговцевъ—гостей кіевскихъ, но несомнѣнно то, что Кіевъ, какъ издавна торговое мѣсто, былъ уже городомъ обстроенымъ и богатымъ, который обогащался еще и данью: одинъ Новгородъ ежегодно платилъ ему 2000 гривенъ. Ярославъ обнародываетъ первые на Руси писанные законы, разбиваетъ окончательно печенѣговъ и украшаетъ Кіевъ болѣе всѣхъ князей: онъ распространяетъ Кіевъ на югъ, воздвигаетъ Золотыя Ворота, закладываетъ

и освящаетъ софійскій храмъ, обводитъ городъ землянымъ валомъ, каменными стѣнами, строитъ княжій дворъ, закладываетъ дѣтинець, полагаетъ основаніе народному книгохранилищу при софійскомъ соборѣ. При немъ сталъ заселяться Подоль. Кіевъ развивается и хорошеетъ такъ, что современникъ Ярослава, историкъ Адамъ Бременскій, называетъ Кіевъ соперникомъ константинопольскаго скипетра.

Знаменательно, что въ христіанскомъ Кіевѣ первый князь получаетъ названіе *святаго*, а его преемникъ—имя *мудраго*: такимъ образомъ вѣра и мудрость какъ-бы подаютъ другъ другу руки, чтобы воспитывать Кіевъ. Всему старокіевскому добру полагаетъ *начало* св. вѣра; она даетъ тонъ всей послѣдующей жизни Кіева: лучшіе люди усердно приходятъ и поступаютъ въ его пещерскую обитель; князья пріѣзжаютъ туда для душевнаго отдыха, для назиданія; игумены обители примиряютъ враждующихъ бояръ и князей; иноки пишутъ лѣтописи, переводятъ творенія св. отцевъ, составляютъ житія своихъ предшественниковъ; списки всѣхъ этихъ трудовъ расходятся во всѣ концы Руся, и такимъ образомъ пещерскій монастырь является обильнымъ источникомъ народнаго просвѣщенія.

Много добраго возникаетъ и въ политической жизни княжества кіевскаго: княжескіе сѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча, церковныя соборы, выборное начало въ управленіи, словесный присяжный судъ, народное ополченіе. Всѣ другіе города развиваются по образцу Кіева: отъ него заимствуютъ они вѣру, законы, князей, служителей церкви, грамоту и языкъ княжій; по образцу его строятъ палаты, храмы, монастыри. Но къ великому горю, кіевская Русь не имѣетъ спокойнаго времени, чтобы окрѣпнуть и развиваться окончательно. Скоро послѣ смерти Ярослава въ землѣ кіевской посѣялись и выросли усобицы, вельдствіе того, что кіевскіе князья дробили свою землю и отдавали города дѣтямъ въ удѣлы. Князья размножаются, начинаютъ ссориться и воевать другъ съ другомъ за распространеніе своихъ удѣловъ, за родовое старшинство, за титулъ великаго князя; золотой престолъ Кіева влечетъ ихъ неодолимо. Они сознаютъ, что въ Кіевѣ *стоить отень и дѣдень*, что это *старѣйшій городъ въ землѣ во всей*, что отсюда *естъ пошла земля русская* и что сама земля эта называется Кіевомъ; но въ ослѣпленіи злобы и вражды не замѣчаютъ, какъ сами нищаютъ мать земли родной, городъ дѣдовъ и отцевъ. Князья родятся съ польскими и венгерскими королями, зовутъ ихъ къ себѣ

на помощь въ своихъ семейныхъ распряхъ... и платятъ имъ своими городами. Внутренніе раздоры открываютъ путь въ Россію дикимъ ордамъ половцевъ, а часто ихъ призываютъ и сами русскіе князья. Свои и чужіе какъ-бы наперерывъ ослабляютъ обширное и могущественное княжество кіевское и готовятъ паденіе Кіева.

«Не долго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь».

Въ 1169 г. князья сѣверо-восточной Руси берутъ Кіевъ приступомъ и отдаютъ его войску на разграбленіе. Великимъ княземъ является князь владимірскій, и столицей Руси становится Владимір на Клязьмѣ.

Кіевъ столицей Руси пробылъ всего 286 лѣтъ. И въ теченіе ихъ какъ часто онъ терпѣлъ бѣды за бѣдами и едва выходилъ изъ своихъ развалинъ, какъ опять обращался еще въ горщія. Затѣмъ наступаютъ гораздо болѣе тяжкія времена татарщины... Больно вспоминать, не только рассказывать, весь рядъ страданій Кіева отъ печенѣговъ, половцевъ, поляковъ, торковъ, берендѣевъ, монголовъ и самихъ русскихъ. Сколько разъ онъ былъ завоевываемъ, отбираемъ, опустошаемъ, сжигаемъ, разрушаемъ! Подлинно—*многострадаемый, святой городъ!*...

И во время невзгоды татарской Кіевъ имѣетъ однако своихъ князей. Пало его политическое значеніе, другіе политическіе центры формируются на его глазахъ; но въ дѣлахъ вѣры онъ остается главою всехъ древне-русскихъ областей и, безсильный по внѣшней жизни своей, онъ остается сильнымъ своею вѣрою и сохраненными имъ началами древне-русской жизни. Незамѣтно и быстро растетъ рядомъ съ нимъ другая столица—юнаго могучаго государства литовскаго, съ которымъ Кіеву суждено было связать свою жизнь; но его вѣра, его языкъ, культура скоро превратили это государство и столицу въ чисто-русскія, православыя, и потомки Редимина и Ольгерда замѣняютъ для Кіева потомковъ Владиміра св. Подъ покровомъ первыхъ, эти послѣдніе выдвигаютъ снова Кіевъ, какъ центръ исконной русской жизни, въ противоязъ польскимъ стремленіямъ, послѣ того, какъ Польша соединилась съ Литвою. Въ это время Кіевъ слишкомъ два вѣка, болѣе или менѣе спокойно, развиваетъ свою внутреннюю жизнь, но съ паденіемъ Литвы и усиленіемъ стремленій Польши слить съ собою коренныя русскія области, подавивъ ихъ вѣру и языкъ, —Кіевъ, едва отдохнувъ отъ борьбы съ востокомъ, на-

чинаеть новую, тяжкую, кровавую борьбу съ западомъ, за право жить своею жизнію и вѣровать своею вѣрою. На защиту Кіева является козачество, братство; духъ народа увлекаетъ за собою представителей духовенства и власти. Кіевъ является великимъ поборникомъ православія и одерживаетъ побѣду съ честію. Онъ становится средоточіемъ народной дѣятельности и источникомъ духовнаго просвѣщенія Россіи. Богоявленское Братство показываетъ въ тогдашнемъ кіевскомъ обществѣ замѣчательную силу духовной самодѣятельности: братство заводитъ общественно-образовательную школу, съ цѣлію воспитанія духовныхъ пастырей церкви и защитниковъ православія; школа открываетъ свои двери для юношей всѣхъ званій, становится для нихъ училищемъ—и духовнымъ, и свѣтскимъ, и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ,— и скоро пріобрѣтаетъ себѣ широкую извѣстность и благодарную славу въ народѣ.

Каково было значеніе Кіева уже въ XVI вѣкѣ, видно изъ словъ, которыя сказалъ крымскій ханъ польскому королю (кажется—Баторію): „Взойди я на кіевскія горы, такъ однимъ глазомъ я смотрѣлъ-бы оттуда на свой Бахчисарай, а другимъ на твоей Краковъ“. Этому хану нельзя отказать въ смѣлостѣ.

Но вотъ загорается война съ Польшею за самое право спокойнаго существованія, и послѣ трехъ блистательныхъ побѣдъ, Хмельницкій вступаетъ въ Кіевъ торжествующимъ освободителемъ его. При видѣ Кіева, плачутъ козаки... плачутъ закаленные рыцари, сколько отъ радости, видя его святыню и красоту, столько отъ горя, что святыня его поругана, что краса его опозорена..

Наконецъ Кіевъ возвращается подъ крѣпкую руку единовѣрной Россіи и 17 января 1654 присягаетъ на вѣрнопопданство престолу русскому. Еще прежде сего онъ даетъ Москвѣ первыхъ насадителей тамъ просвѣщенія, справщиковъ церковныхъ книгъ, устроителей церковныхъ порядковъ. Просвѣщеніе растетъ, новыя силы приливаютъ изъ Кіева, сѣверъ и югъ Россіи связываются снова и начинается новая совмѣстная жизнь ихъ. Съ Петра Великаго положеніе и вліяніе Кіева постепенно и замѣтно растетъ. Кіевскіе люди помогаютъ Петру въ преобразованіи Россіи, истолковываютъ народу понятія и цѣли правительства. Закаленные въ борьбѣ съ папствомъ, развившіе въ себѣ побѣдительную силу мысли, кіевскіе ученые сдерживаютъ русскихъ людей отъ слѣпаго увлеченія западною Европою, укрѣпляютъ народный русскій смыслъ, развиваютъ общественную логику. И какъ много-

численны эти борцы за православіе, эти проводники образованія! Одишь списокъ ихъ занять-бы цѣлыя страницы. А сколько добра пронесли они по всей великой Россіи!...

Вѣра и наука идутъ объ руку въ Кіевѣ и въ позднѣйшіе годы. Въ 1834 г. въ немъ открывається университетъ и руководящей мыслию своею ставитъ слова: „*во сѣтѣ Твоемъ узримъ сѣть*“. Люди, съ глубокимъ пониманіемъ естествовѣдѣнія, сохраняютъ невозмутимый свѣтъ вѣры; среди обитателей встрѣчаются старцы, въ лицѣ которыхъ какъ-бы выгнули изъ отдаленныхъ вѣковъ первые печерскіе подвижники. „*Христіанамъ есмь*“—можетъ сказать о себѣ Кіевъ, вспоминая послѣднее слово своего послѣдняго князя среди мученій татарскихъ.

И нынѣ, не смотря на всѣ перемѣны, Кіевъ, Кіевъ! какъ имя твое любезно сердцу русскому! Отъ береговъ Балтійскаго моря и до Камчатки нѣтъ мѣста, гдѣ-бы имя твое не наполняло благоговѣніемъ сердца христіанъ, истинныхъ дѣтей твоихъ. Святою вѣрою, разлившешся изъ тебя, развилась, спаслась и утвердилась народная самобытность всего нашего отечества. Много на Руси славныхъ мѣстъ, но, по вліянію на весь народъ, не было и быть не можетъ равнаго тебѣ, святой и прекрасный Кіевъ!

И кромѣ этого, кромѣ твоей вѣковѣчной святости, сколько еще другаго добра въ тебѣ, сколько сдѣлаво тобою въ самые позднѣйшіе годы! Дома призрѣнія бѣдныхъ; руководящія школы; пріюты для дѣтей; пріюты для недостаточныхъ дѣвиць; дешевыя квартиры и столовыя; общества пособія студентамъ, ученикамъ и ученицамъ; лѣчебницы; общины сестеръ милосердія; попечительство ослѣпыхъ; ночлежный домъ... Все это и многое другое, ясно свидѣтельствуя о прямомъ вліяніи Христовой вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ громко говорятъ намъ, что ты, святопрекрасный, остаешься вѣренъ своему названію „*матери*“.

Въ живомъ сочувствіи къ такой дѣятельности, кто не порадуется твоей тысячелѣтней годовщинѣ, кто не скажетъ отъ всей души: да благословитъ тебя Богъ постоянно развиваться въ чувствіяхъ любви къ ближнимъ и прослыть въ новомъ тысячелѣтіи твоей жизни матерію не *городовъ* только, но и *селъ* русскихъ, а главное—*матерію* бѣдныхъ и дѣтей!...

Одинъ изъ народа.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Давая мѣсто въ нашемъ изданіи слѣдующему предъ симъ заявленію одного изъ сотрудниковъ нашихъ, мы вполне сочувствуемъ его глубоко патріотической мысли и желали бы ей полного и наилучшаго осуществленія.

Наступающее тысячелѣтіе Кіева, тысячелѣтіе его несомнѣннаго историческаго существованія и государственнаго значенія принадлежатъ къ тѣмъ великимъ историческимъ моментамъ нашей жизни, которые способны со дна души нашей поднять и всколебать наше народное чувство. Напряженный скептицизмъ, микроскопическая переверстка въ хронологіи лѣтописной не можетъ имѣть здѣсь мѣста; пока не утверждены наукою на нашемъ историческомъ пути новые хронологическіе знаки, мы въ-правѣ по старымъ вести счетъ вашей исторической жизни, а нынѣшній годъ, какъ мы сказали, пестъ тысячный годъ жизни Кіева въ качествѣ матери градовъ русскихъ.

Но не одно чувство будятъ въ насъ желаніе, что-бы этотъ годъ въ жизни первопрестольнаго Кіева былъ отмѣченъ особымъ торжествомъ; судьбы Кіева и его участіе въ общей жизни Россіи оправдываютъ голосомъ исторіи движеніе сердца. Исторія Кіева даетъ основаніе, внутреннее чувство—побужденіе къ тому, чтобы этотъ годъ не прошелъ незамѣченнымъ въ нашей жизни.

Праздновалось семисотлѣтіе Москвы (1847 г.), тысячелѣтіе Россіи (1862 г.), трехсотлѣтіе Сибири (1881 г.), праздновались столѣтніе юбилея разныхъ нашихъ городовъ и разволѣтніе юбилеи отдѣльныхъ лицъ. Ужели древнѣйшая столица Россіи, *мати градомъ русскимъ*, колыбель православія, купель крещенія всего народа русскаго, — славный, многострадальный Кіевъ лишенъ былъ-бы такой чести? - Не думаемъ, не вѣримъ.

Ни на минуту не сомнѣваемся, что праздникъ тысячелѣтія Кіева былъ бы по душѣ всѣмъ истинно русскимъ по всей Россіи, ободрилъ и поднялъ бы ихъ религиозное чувство, которое вотъ ужъ нѣсколько вѣковъ считаетъ Кіевъ *Иерусалимомъ земли русской*,

какъ и Царь-Освободитель назвалъ его, въ день своего коронаванія, въ рескриптѣ кіевскому митрополиту. Духовное торжество Кіева произвело бы подъемъ народнаго духа и хотя на время ослабило бы матеріальное, разлагающее направленіе нашихъ дней.

Праздникъ тысячелѣтія Кіева возбудилъ бы умственную дѣятельность нашихъ историковъ, археологовъ, вдохновилъ бы нашихъ писателей и художниковъ, освѣжилъ бы наши періодическія изданія, отвлекъ бы умы отъ напрасныхъ словопреній, отъ праздныхъ мечтаній, отъ этого шатанія, изменныхъ помысловъ и чувствъ, далъ бы случай и побужденіе еще разъ подняться до высшей ступени народнаго самосознанія и дохнуть полною широкою русскою грудью.. Словомъ: праздникъ государственнаго значенія Кіева могъ бы самъ имѣть значеніе государственное.

Мы поднимаемъ нашъ голосъ за осуществленіе этого праздника; но чувствуемъ, что голосъ нашъ слабъ, одинокъ и слишкомъ недостаточенъ. Мы надѣемся, что кіевское наше представительство приметъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и дастъ ему желаемое направленіе. Мы рассчитываемъ, что наши литературные органы, преимущественно газеты, соединятся въ одномъ съ нами чувствѣ благоговѣйнаго почтенія къ сѣдой древности Кіева, къ его тысячелѣтней жизни и дадутъ нашему замиленію необходимое и желаемое распространеніе. Мы даже просимъ тѣ изъ редакцій, которыя раздѣляютъ нашъ взглядъ на наступающій историческій моментъ, дать мѣсто нашему заявленію на страницахъ своихъ изданій,— въ какомъ угодно объемѣ и формѣ.

Скажемъ въ заключеніе всѣмъ, кто откликнулся бы на нашъ голосъ: не говорите—поздо. „На доброе дѣло не поздно никогда“ и „лучше поздно, чѣмъ никогда“. Времени довольно впереди.—мы хотимъ праздновать годъ, а не день или мѣсяць. Намъ кажется, что сентябрь былъ бы самымъ удобнымъ временемъ желаемаго праздника. Къ тому времени пройдутъ и выставка, и коронація, и зѣтнія экскурсіи ученыхъ, и знайныя работы трудящагося люда, и всякія прохладительныя путешествія и прогулки... Къ тому времени несомнѣнно поспѣетъ и столько ожидаемый памятникъ освободителю Кіева и всей тянувшей къ нему страны, Зиновію-Богдану Хмельницкому. Въ сентябрѣ храмовой праздникъ св. Софіи кіевской,—древнѣйшей кіевской и всероссійской святыни. Къ тому времени со всякими приготовленіями поспѣть можно.

Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши.

ВЪ ПЕРІОДЪ ЕЯ РАЗДѢЛОВЪ.

(Окончаніе).

Идеи, управлявшія стремленіями и надеждами на скорое обновленіе человѣчества, не согласовались ни съ данными, которыми располагала наука, ни съ научными методами. Поэтому наука, не входила въ систему образованія, опиравагося на эти идеи, какъ главное орудіе его, и должна была играть въ ней роль второстепенную. Развитіе умственныхъ силъ поставлено въ зависимость отъ простора и оживленія инстинктовъ природы, а потому средоточіемъ этой системы было воспитаніе. Наука должна была только возбуждать инстинкты природы и приводить ихъ въ сознаніе; воспитаніе должно было оживить ихъ, укрѣпить, дать имъ единство и направленіе дѣятельности. Наука казалась простою и легкою, воспитаніе считалось дѣломъ труднымъ, требующимъ большихъ усилій. Эти основанія разъясняютъ намъ недоразумѣнія между комиссіею просвѣщенія и главными школами, которыя и своимъ положеніемъ, и своими традиціями, и примѣромъ Европы тяготѣли къ наукѣ. Эти недоразумѣнія достаточно опредѣлились въ отношеніяхъ между краковскою академіею и *эдукаціонною дирекціею* Варшавскаго Герцогства, поставившей для себя священною задачею слѣдовать во всемъ примѣру своей предшественницы, комисіи просвѣщенія, но болѣе энергически¹⁾.

¹⁾ Предсѣдателя *эдукаціонной дирекціи* былъ родной братъ Игнатія Потоцкаго Станиславъ Потоцкій, имѣвшій домашнѣею своимъ учителемъ того-же Пиратовича. Станиславъ Потоцкій былъ женатъ на дочери Адама Чарторижскаго, одного изъ ревностныхъ поборниковъ реформъ во время раздѣловъ. Ему наиболѣе обязаны своими успѣхами школы Варшавскаго Герцогства и Царства Польскаго до 1821 года.

Въ противоположность другимъ, умножавшимся тогда въ Европѣ школьнымъ системамъ, польскіе школьные реформаторы не только не обрѣзывали учебнаго курса до минимума, но напротивъ старались включить въ него возможно большее число наукъ, признанныхъ новыми идеями. Это множество наукъ не пугало ихъ, потому что не могло обременять учениковъ; назначеніемъ ихъ было захватить возможно большій кругъ инстинктовъ, чтобы подвергнуть ихъ оживленію и всё сосредоточить въ одномъ направленіи, приготовить для одной цѣли, которою было польское государство.

При такомъ значеніи воспитанія, понятно, что комиссія просвѣщенія, не слишкомъ торопясь подробнымъ изложеніемъ учебныхъ программъ и изданіемъ учебниковъ, употребить всё усилія для развитія и точнаго исполненія воспитательной системы. Къ этому главнымъ образомъ направляемы были всё средства, которыми располагала школа.

Въ этомъ отношеніи новыя идеи далеко опередили свой вѣкъ и во многомъ могли-бы служить поученіемъ и для нашего времени. Что сдѣлали для законодательства идеи Монтескьё и Беккариа, то самое сдѣлали для воспитанія тогдашнія воспитательныя системы. Въ частныхъ, отдѣльныхъ ихъ положеніяхъ много глубокихъ поученій, прекрасныхъ правилъ, которыя слѣдовало-бы почтѣе напоминать нынѣшнимъ воспитателямъ; въ общемъ ихъ духъ высокая чело-вѣчность, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація, возбуждающая порывистость и страстность, при этомъ неперемѣнное условіе—быстрое практическое исполненіе, влекущее за собою нравственную драпировку, новое фарисейство. Воспитательная система польскихъ школьных реформаторовъ заключаетъ въ себѣ всё показанныя достоинства, но и всё приведенные недостатки новаго воспитанія. Она прибавляетъ къ нимъ чрезвычайную тщательность и заботливость о всестороннемъ бытѣ учителей и учениковъ, о развитіи въ особенности чувства чести и достоинства и, въ противоположность прорывавшимся тогда коммунистическимъ попыткамъ, уваженія къ собственности, но отличается отъ нихъ нагроможденіемъ наблюдательныхъ порядковъ и крайне себялюбивыми практическими приложеніями. „Всемирные граждане“, создаваемые новымъ воспитаніемъ на западѣ, стремились ко всемірному благу, тѣ-же граждане, вырастающіе на польской школьной системѣ, обязаны были заботиться

только о Польшѣ. Думалось, что легко втиснуть всемірнаго гражданина въ тѣсныя рамки Польши, — что легко разомъ поднять тогдашнюю Польшу на точку міровыхъ государственныхъ идеаловъ. Реформаторы не падали къ тому никакихъ мѣръ и потому часто хватали черезъ край или удалялись въ сторону. Отсюда внутреннія противорѣчія въ воспитательной системѣ и ея несостоятельность. Остановимся на болѣе характеристическихъ чертахъ этой воспитательной системы.

Прежде всего, школы подвержены были строгому контролю. Проректоръ под-окружной школы обязанъ былъ въ теченіе каждаго учебнаго года посѣтить находящіяся въ районѣ этой школы элементарныя училища. Ректоръ окружной школы долженъ былъ осмотрѣть все подьокружныя школы, а такъ-же и элементарныя, находящіяся въ округѣ его, въ теченіе октября и ноября. Визитаторъ академическій обязанъ былъ осмотрѣть все окружныя, подьокружныя и по возможности элементарныя школы, составляющія округъ главной школы. Независимо отъ сего комиссія просвѣщенія назначала особыхъ визитаторовъ изъ среды своихъ членовъ и членовъ общества для изданія учебниковъ, которымъ поручала осмотръ нѣсколькихъ округовъ. Члены комисіи имѣли право во всякое время, по собственному усмотрѣнію, осматривать каждую школу. Ревнителямъ и патропамъ просвѣщенія всегда открыты были школьныя двери. Наконецъ вся публика разъ въ году приглашаема была въ школу, на *публичный экзаменъ*, причемъ она пользовалась правомъ осмотра всей школы и ея дѣятельности, правомъ запросовъ, рѣчей, похвалъ, порицаній.

Въ каждой школѣ система наблюденія развита была до крайности. Можно сказать, что все находилось на каждомъ шагѣ подъ наблюдениемъ всехъ. Ректоръ былъ главою школы; свободный отъ уроковъ, онъ обязанъ былъ преимущественно наблюдать надъ исполненіемъ всеми своихъ обязанностей. Префектъ, также свободный отъ уроковъ, долженъ былъ неотступно слѣдить за всемъ во время уроковъ, часто посѣщать классы для наблюденія, исполняютъ-ли учителя свои обязанности по уставу, каждый мѣсяцъ съ ректоромъ производить экзамены. Въ свою очередь учителя обязаны были наблюдениемъ надъ ректоромъ, или проректоромъ. Въ случаѣ увлоненія отъ своихъ обязанностей того или другаго, старшій лѣ-

тами службы учитель напоминает ему объ этомъ. Когда личныя напоминанія не дѣйствуютъ, учитель дѣлаетъ виновному предостереженіе въ собраніи всѣхъ учителей. Если и за симъ ректоръ будетъ не исправенъ, старшій учитель передаетъ его суду совѣта учителей, опредѣленія котораго посылаютъ ректору главной школы. Ближайшее наблюденіе надъ учениками, кромѣ ректора, префекта и учителей, имѣютъ въ классѣ—*декуріоны*, въ квартирахъ *директоры*, тѣ и другіе избираемые изъ лучшихъ учениковъ. Директоръ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи учениковъ разныхъ классовъ, имѣетъ право относиться къ учителю по дѣламъ уроковъ; въ случаѣ несогласія съ учителемъ, жалуется префекту и ректору, а при обидѣ со стороны этихъ послѣднихъ имѣетъ право жалобы на нихъ въ комиссію просвѣщенія.

Эта система взаимныхъ наблюденій, произведенная особенною заботливостью комиссіи просвѣщенія объ охрaнѣ дорогаго для ней дѣла, проникнута въ уставѣ добрыми намѣреніями единодушія, общей любви къ благу школы и общей заботы о немъ. Но сами служащіе были воспитанниками прежней воспитательной системы, на которую іезуиты имѣли большое вліяніе. Въ результатѣ добрыхъ намѣреній оказались частыя ссоры въ учебномъ составѣ, шпіонство, доносы, судебныя разбирательства и т. п. Въ этомъ отношеніи польская почва оказалась наиболѣе неблагоприятною для новыхъ идей.

Комиссія просвѣщенія, послѣнно замѣщая учительскія должности лицами прежняго строя, хорошо понимала несоответствіе ихъ съ новымъ духомъ и задачами школы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко вѣруя въ силу новыхъ идей, она надѣялась на скорое перерожденіе учительскаго состава, когда онъ сплошнa будетъ введенъ въ духъ этихъ идей. „Всѣ почти несправедливости, заблужденія и неурядицы происходятъ отъ *незнанія* каждымъ своихъ правъ и обязанностей“, говорится въ наставленіи учителю права и нравственности. Поэтому комиссія озаботилась подробнымъ изложеніемъ учительскихъ правъ и обязанностей. Эти права и обязанности изложены въ уставѣ и въ особой инструкціи. Какихъ послѣдствій ожидала комиссія просвѣщенія отъ своихъ правилъ и наставленій, это видно изъ рѣчи Пирамовича въ публичномъ собраніи 7 марта 1781 года, по случаю изданія проекта устава и наставленій, когда еще далеко было до учрежденія учительскихъ семинарій и до выпуска студен-

товъ главныхъ школъ, въ которыхъ преобразованія начаты съ 1780 года. Устраняя типъ прежняго учителя, Пирамовичъ мечтаетъ, что учитель, котораго приготовляетъ комиссія („którego kształcimy“) будетъ совершенною противоположностью ему. „Нашъ учитель это почтенный и просвѣщенный гражданинъ. Поставленный образованіемъ на высшую точку, онъ смотритъ на отечество, какъ на общую мать, которая, поручивъ ему для образованія своихъ дѣтей, получаетъ отъ него добрыхъ и полезныхъ сыновей. Все, что составляетъ личное счастье человѣка: здоровье, честь, добрая жизнь, здравый умъ, домашній порядокъ, любовь, пріязнь и почтеніе къ другимъ,— все, что составляетъ общественное благополучіе: равная ко всѣмъ и самая точная справедливость, защита края, достоинства гражданина, крѣпость убѣжденій, самое святое уваженіе къ чужой собственности, все это онъ ставитъ цѣлю своего призванія и своей службы. На физическія и нравственныя науки, о преподаваніи которыхъ онъ получилъ отъ высшей власти полную инструкцію, онъ смотритъ не иначе, какъ на средства къ тому, чтобы просвѣщенный и честный гражданинъ зналъ, какъ онъ долженъ поступать въ домашнемъ и гражданскомъ быту. Зная, что свойства его вліяютъ на душу ученика, онъ употребитъ всѣ усилія къ тому, чтобы самому прежде стать такимъ, какимъ хочетъ его видѣть. Онъ мыслить, говорить и поступаетъ такъ, чтобы его вліяніе на умъ и сердце молодаго питомца охраняло его отъ порчи и соблазна свѣта, отъ заразы заблужденій и подлости, отъ безпечности и пустой траты лѣтъ“.

Чтобы удобнѣе достигнуть этого идеала, комиссія просвѣщенія обратила учительскій кругъ въ особое сословіе въ государствѣ (stan akademicki), всецѣло посвященное своему призванію, на подобіе католическихъ орденовъ. Поступающій на учебную службу долженъ былъ отказаться отъ всякихъ другихъ занятій и носить особый костюмъ (suknia akademicka, на подобіе костюма ксендзовъ). Всѣ учителя непременно должны были жить въ зданіи школы (безплатно), имѣть общій столъ (женатымъ дозволялось имѣть отдѣльный столъ, но жить они должны были въ томъ-же зданіи) и общую кассу: на пищу, прислугу, свѣчи и больницу. Касса хранилась у ректора, расходы производились по постановленіямъ совѣта *провизоромъ*, избираемымъ совѣтомъ изъ среды своихъ членовъ на

полгода. Въ кассу положено было высчитывать изъ жалованья каждаго учителя по 650 злотыхъ въ годъ. Это сословіе имѣло свой отдѣльный судъ, всѣ дѣйствія котораго покрыты были строгой тайной. Привлеченіе къ суду учителей производилъ ректоръ или проректоръ; послѣднихъ, а также и префекта подвергалъ суду, какъ мы уже сказали, старшій лѣтами службы учитель. Предварительно долженъ быть три раза прочитанъ въ собраніи всѣхъ служащихъ, исключая обвиняемаго, обвинительный актъ, составленный лицомъ, привлекающимъ къ суду. Затѣмъ приглашали обвиняемаго, которому ставились вопросныя пункты и предоставлялось защищать себя. По окончаніи разбирательства, обвиняемый удалялся и присутствовавшіе подавали голоса письменно, на особыхъ карточкахъ, безъ подписи своей фамиліи, но обвинитель не имѣлъ при этомъ права голоса. Большинствомъ голосовъ опредѣлялось наказаніе виновному. Немедленному исполненію надъ виновнымъ подвергались приговоры: запрещеніе выхода изъ школьнаго дома или изъ квартиры въ теченіе положеннаго срока, лишеніе права голоса въ совѣтѣ на одинъ годъ (это послѣднее наказаніе неизбѣжно было для того, кто выдавалъ секретъ судебныхъ засѣданій), денежныя штрафы за манкировку, именно: за выѣздъ безъ позволенія главной школы больше чѣмъ на шесть дней ректоръ платилъ дневное свое жалованье; проректоръ тоже платилъ за отъѣздъ больше чѣмъ на четыре дня; проректоръ и префектъ за небытность на экзаменѣ платили половину дневнаго жалованья; учитель, опоздавшій на урокъ на полчаса, платилъ полудневной окладъ, а на часъ—дневной. Эти штрафы распредѣлялись между тѣми изъ служащихъ, которые не были замѣчены въ манкировкѣ. Дальнѣйшія наказанія исполнялись только послѣ утвержденія протокола суда ректоромъ или совѣтомъ главной школы. Это были: лишеніе прибавки къ жалованью, лишеніе жалованья на срокъ (кромѣ части, поступающей въ кассу), лишеніе права голоса въ совѣтѣ на три года и болѣе, временное устраненіе отъ должности и совершенное увольненіе изъ учебнаго званія.

Учебная служба по времени вполне была обезпечена. Ректоръ получалъ 1800 злотыхъ, учитель по 1200 злотыхъ. Это жалованье, по истеченіи шести лѣтъ службы, увеличивалось ежегодно на 100 злотыхъ, до 20 лѣтъ службы, когда оканчивался срокъ на пенсію.

Если по истеченіи 20 лѣтъ учитель выходилъ въ отставку, онъ получалъ названіе эмерита, получалъ отъ школы квартиру и двѣ трети своего содержанія, если-же онъ пожелалъ продолжать службу и былъ вновь утвержденъ въ ней, то къ послѣднему окладу его прибавляемо было 1000 злотыхъ и онъ получалъ названіе *заслуженнаго учителя*.—Ректоръ, проректоръ и префектъ избираемы были совѣтомъ учителей на 4 года и утверждались въ своей должности комиссіей просвѣщенія. Всѣмъ служащимъ въ школахъ предоставлено было исключительное право на особенныя занятія съ учениками за условленную съ родителями плату. Награды состояли главнымъ образомъ въ сокращеніи срока на пенсію и на званіе заслуженнаго, а также въ полученіи бенефицій и прелатуръ, т. е. доходовъ съ имѣній, составлявшихъ собственность церквей, которые правительство и епископы во множествѣ предоставили для этой цѣли въ распоряженіе комиссіи просвѣщенія. Часто такая бенефиція или прелатура приносила учителю въ пять и десять разъ больше, чѣмъ давало жалованье. Въ общемъ, если принять во вниманіе тогдашнія цѣны и кругъ потребностей, матеріальному положенію тогдашняго польскаго учителя позавидуютъ нынѣшніе учителя всей Европы.

Лишившіеся здоровья, при выходѣ въ отставку, получали, если прослужили меньше 10 лѣтъ, 400 злотыхъ; прослужившіе-же болѣе 10 лѣтъ получали 600 злотыхъ и при этомъ почти всегда бенефицію, въ которой могли поселиться на жительство.

За то учитель долженъ былъ сполна проникнуться тѣмъ идеаломъ, который онъ призванъ осуществить на ученикахъ. „Учитель, говоритъ инструкція, долженъ быть философомъ, ясно сознать свое дѣло, знать основы человѣка, привычки, свойственную каждому возрасту воспримчивость, понимать связь всѣхъ наукъ, быть чуткимъ, спокойнымъ, справедливымъ, заботливымъ о благѣ учениковъ и общемъ благѣ человѣческаго рода. Рѣшившись посвятить себя на это служеніе отечеству, хорошо взвѣсь принимаемыя на себя обязанности и свои силы, которыя ты посвящаешь ему. 1) Читай книги нравственнаго содержанія, которыя, основываясь на религіи, заповѣдующей любовь къ ближнимъ, какъ основаніе всѣхъ поступковъ, учили-бы любить всѣхъ людей и никому не причинять обиды, оскорбленія. 2) Читай книги о способѣ ученія, хорошахъ рух

ководства по логикѣ, изъ которыхъ можешь узнать ходъ и связь мыслей человѣка. 3) Давай отчетъ самому себѣ о школѣ, разсуждай о твоихъ поступкахъ и обязанностяхъ. 4) Гораздо больше размыслий, чѣмъ читай.“ Въ этомъ духѣ продолжаютъ наставленія учителю о самоусовершенствованіи.

Всѣ свои силы и заботы учитель долженъ посвятить воспитанію ученика, для его „личнаго и общаго счастья“. Учитель долженъ проникнуться убѣжденіемъ, что „въ воспитаніи все отъ него зависитъ.“ По Кондильяку, главному учителю польскихъ школьныхъ реформаторовъ, духъ человѣка вырастаетъ изъ ощущеній, всѣ духовные процессы, въ томъ числѣ комбинація идей и хотѣніе, должны быть разсматриваемы только какъ видоизмѣненные ощущенія. Ощущенія, т. е. внѣшнее и внутреннее чувство ученика—вотъ сфера, которою главнымъ образомъ долженъ быть озабоченъ учитель, по требованію инструкціи. Возбуждать благородныя ощущенія, инстинкты, совершенствовать и направлять ихъ къ личному и отечественному благу, устранять дурныя, вотъ къ чему должна быть сведена вся дѣятельность учителя и все преподаваніе его. Наставляя учителя въ томъ, какъ дѣйствовать на ученика примѣромъ и словомъ въ каждомъ случаѣ, *инструкція* въ особенности заботится о томъ, чтобы все преподаваніе и классное обученіе проникнуть воспитательнымъ духомъ и направленіемъ и каждую науку обратить въ строго воспитательное орудіе. Знаніе, свѣдѣніе само по себѣ не имѣетъ никакого значенія, если оно не служитъ всецѣло возбужденію добрыхъ инстинктовъ, къ утвержденію ученика во всѣхъ добродѣтеляхъ, необходимыхъ для его личнаго и общаго счастья. „Иначе, прибавляетъ *инструкція*, лучше вовсе не имѣть школьнаго образованія“.

Въ частности, *инструкція*, намѣчая главнѣйшія части каждой науки, или только основныя методы ея, внушаетъ:

Учителю математики „постоянно имѣть въ виду усовершенствованіе душевной дѣятельности въ отношеніи не только ясныхъ представленій въ понятіяхъ и сужденіяхъ, но также и передачи другимъ того, что извѣстно“. Ему-же, какъ учителю логики, внушается: „изложеніе основныхъ правилъ логики не много потребуетъ времени; но приложеніе этихъ правилъ должно быть постоянное, неразлучное на практикѣ съ каждымъ дѣломъ“, въ чемъ—дается подробное указаніе.

Учителю краснорѣчія предписывается „не выпускать изъ виду, что наука краснорѣчія обязана возбуждать и развивать добродѣтель, почтеніе и добрую жизнь“.

Учитель физики, химіи и естественной исторіи „долженъ соображать, чего въ нихъ остерегаться, съ чѣмъ и какъ обращаться“, ограничиваясь только такими свѣдѣніями, которыя „приносятъ прямую пользу, и тѣмъ дѣлая эту науку полезною“.

Учитель исторіи обязанъ помнить, что „главнѣйшая задача ея есть обученіе добродѣтели и добрымъ обычаямъ“. „Преподаваніе исторіи, не направленное къ воспитанію сердца, къ возбужденію любви къ добродѣтели, къ исправленію поступковъ,—преподаваніе, выставяющее предъ учениками величіемъ то, что было пустымъ дѣломъ, храбростію — что было насиліемъ, политикою — хитростію, ставящее въ примѣръ то, что служитъ соблазномъ, такое преподаваніе исторіи заражаетъ сердце и даетъ молодому уму направленіе вредное для общественности“. Передавая событіе, учитель долженъ тутъ-же присовокупить похвалу или порицаніе“. „Напримѣръ, тотъ или другой монархъ *завоевалъ край*: сейчасъ нужно присовокупить, что завоевалъ несправедливо; не говори, что его политика восторжествовала, но скажи лучше, что онъ поступилъ вѣроломно, или обманулъ, или нарушилъ честное слово“. Этотъ оригинальный способъ преподаванія исторіи и особенная цѣль его, которую опасно было открыто называть въ публичныхъ инструкціяхъ, такъ какъ посланники сосѣднихъ державъ зорко слѣдили за всѣмъ, дѣлаются понятнѣе изъ слѣдующаго наставленія о томъ-же предметѣ въ уставѣ: учитель долженъ „отмѣчать въ дѣяніяхъ человѣческихъ все то, что несогласно съ справедливостію, чело-вѣчностію, довѣріемъ и вѣрностію своему слову. Поэтому онъ никогда не долженъ называть политикою, т. е. искусствомъ правительства, ни богатырскимъ подвигомъ того, что было *хитростію, измѣною, подлостію, грабежемъ, насиліемъ, наяздомъ, присвоеніемъ чужой собственности*“. Понятно, что дѣло идетъ о раздѣлѣ польскихъ областей. Это придаетъ своеобразный отгѣнокъ частымъ и порывистымъ упоминаніямъ въ уставѣ и инструкціи объ уваженіи къ чужой собственности, какъ одной изъ важнѣйшихъ добродѣтелей, которыя требуется внушать ученикамъ, и о хитрости, какъ объ одномъ изъ самыхъ дурныхъ свойствъ

Наибольшія надежды инструкторъ возлагаетъ, безъ сомнѣнія, на *право и мораль*. Въ подробностяхъ ея по этому предмету много прекрасныхъ правилъ, въ общемъ — черты духа, внутренняго расположения, а не виѣшней обрядности, мягкость и теплое участіе— свойства, отличающія преобразовательныя идеи XVIII вѣка, но въ конечной цѣли и задачѣ та-же односторонность, составляющая общую болѣзнь польской школьной реформы и въ частности воспитанія. Наука морали обращается въ практическое руководство. Отъ учителя требуется „не обременять учениковъ пространными объясненіями нравственности, не ограничивать своихъ занятій поученіями... не откладывать нравственнаго обученія до назначенныхъ часовъ, но на каждомъ мѣстѣ, во всякое время и при каждомъ случаѣ обращаться къ нему, возбуждая учениковъ противъ какой-либо несправедливости и подлости, напротивъ увлекая ихъ примѣромъ должнаго поступка, справедливости“. Тотъ-же приѣмъ внушается и въ преподаваніи права, причемъ на урокахъ требуется: „говоря объ обязанностяхъ, подтверждать объясненія примѣрами, какъ это предписано въ наставленіяхъ о преподаваніи исторіи“.

Дабы ученики никогда не оставались безъ надзора, вліянія добрыхъ примѣровъ и постояннаго нравственнаго руководства, коммисія просвѣщенія установила квартирное *директорство*. Въ этомъ учрежденіи, вызванномъ крайнею заботливостью реформаторовъ о воспитаніи учениковъ въ цѣляхъ и задачахъ новой системы, еще больше высказалась глубокая вѣра ихъ въ силу своихъ наставлений и крайній идеализмъ воспитанія. Не будемъ говорить о различіи этого учрежденія отъ прежней системы цензоровъ, центуріоновъ, декуріоновъ,—оно, конечно, устроено на совершенно новыхъ началахъ.

„Директоры“ избираемы были изъ лучшихъ учениковъ двухъ старшихъ классовъ, а часто и четвертаго класса (въ подокружныхъ школахъ изъ втораго и третьяго классовъ). Каждая ученическая квартира ввѣрялась особому директору, который жилъ съ своими кліентами и не отлучался отъ нихъ, развѣ на лекціи въ школы. Квартиродержатель и родители учениковъ обязаны были принять на себя содержаніе директора и кромѣ того послѣдніе давать ему плату. Коммисіею просвѣщенія издано подробное изложеніе обязанностей директоровъ (*Przepis dla dyrektorów*). „Директоры должны

помнить, что примѣръ ихъ будетъ служить для дѣтей самымъ сильнымъ побужденіемъ къ добру или злу. Что будетъ видѣть дитя на своемъ директорѣ, то легко будетъ усваивать, цѣнить, или оставлять безъ вниманія, считать зломъ.... Поэтому директоръ долженъ увлекать дѣтей примѣромъ своимъ къ опрятности, воздержности въ пищѣ и питіи, разсудительности и осторожности въ поступкахъ, терпѣнію въ неудачахъ, старанію въ наукахъ, любви къ труду, вѣрности слову и обѣщанію, вѣжливости къ равнымъ себѣ, почтенію къ старшимъ, снисхожденію къ меньшимъ, благодарности къ родителямъ и благодѣтелямъ, справедливости ко всѣмъ, благотворительности, почитанію и благодарности къ Богу“ (§ 1). За этимъ общимъ опредѣленіемъ слѣдуютъ подробныя указанія разнообразныхъ ученическихъ обязанностей, дѣтскихъ поступковъ, свойствъ и расположеній, а также способовъ, при помощи которыхъ директора успѣшнѣе могутъ пользоваться своимъ примѣромъ, наставленіями, объясненіями, замѣчаніями и наказаніями.

Директоръ обязанъ хорошо изучить каждаго изъ порученныхъ ему учениковъ, его „темпераментъ, состояніе здоровья, способности, характеръ, добрыя и дурныя свойства, безъ чего нельзя знать, какъ относиться къ нимъ“ (§ 12). Для этого директоръ долженъ держать себя такъ, чтобы его кліенты совершенно свободно вели себя въ его присутствіи, что даетъ ему возможность „узнать желанія и склонности ихъ“ (§ 2). Въ особенности онъ долженъ быть внимательнымъ къ привычкамъ ихъ, исправлять и направлять ихъ (§ 4). „Если дитя сдѣлаетъ какой-либо добрый поступокъ, директоръ тотъ-часъ долженъ похвалить его, даже поставить его въ примѣръ другимъ. Этимъ способомъ будетъ вкореняться въ сердцѣ чувство чести (punkt honoru), то благородное и приличное челоуѣку побужденіе, которое, имѣя основаніемъ самолюбіе, не позволяетъ ему унижать себя и позорить какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ другихъ. Чтобы не ослаблять и не убивать этого чувства, директоръ не долженъ дѣлать высканій съ виновнаго при другихъ. Предъ посторонними онъ долженъ только объяснить, что въ поступкѣ достойно наказанія... Если ученикъ провинился словомъ или дѣломъ въ присутствіи другихъ, благоразумный директоръ долженъ выразить знакомъ или фізіономіей, что онъ осуждаетъ его поступокъ, расправу-же произвести наединѣ“ (§ 4). Ди-

ректоръ долженъ беречь ученика отъ дурнаго товарищества и дружбы; инструкція обращаетъ особенное вниманіе родителей и директоровъ на выборъ слугъ (каждому ученику дозволилось имѣть свою прислугу) (§ 6). Онъ не долженъ оставлять дѣтей безъ занятій или безъ опредѣленныхъ игръ и развлеченій и безъ надзора за ними (§ 7). Дѣйствуя на ученика предостереженіемъ, объясненіями, примѣромъ и убѣжденіемъ, директоръ долженъ постоянно обращать вниманіе его на плоды, происходящіе отъ его поступковъ для него самого, и дать ему на дѣлѣ почувствовать такіе плоды. Приводятся примѣры и даже формулы изреченій, въ которыхъ директоръ можетъ дать ученику почувствовать плоды его поступковъ. „Привыкаетъ дитя лгать, пускай на себѣ самомъ испытаетъ плоды лжи, именно, что *лжецу никто не вѣритъ*. Хочетъ ученикъ поиграть, проситъ позволенія, общія приложить потомъ всѣ старанія къ приготовленію урока, директоръ можетъ сказать: *„кто трудится, долженъ постъ труда отдохнуть и развлечься.—Развѣ я могу вѣрить твоимъ обещаніямъ и словамъ, когда ты столько разъ рѣшался обманывать меня?—Заслужи довѣріе — и я буду тебя вѣрить.—Какъ ты хочешь, такъ люди и поступаютъ съ тобою.—Частая твоя ложь возбудила во мнѣ недоувѣріе къ тебѣ и, можетъ быть, большую, чѣмъ слѣдуетъ, непріятную для тебя осторожность. — Убѣдись-же, что, причиняя другимъ обиду, самъ на себя несешь ее“* (§ 8). Директоръ будетъ пользоваться привязанностью и послушаніемъ со стороны дѣтей, если самъ будетъ обходиться съ ними „съ полною нѣжностью, справедливостью, осторожностью, вѣжливостью и любовію“. Строго запрещается ему въ отношеніяхъ къ своимъ кліентамъ „брань, порывистость, злость или мщеніе, употребленіе оскорбительныхъ словъ, прозвищъ, проклятій, побоевъ и насилій“ (§ 9). Директоръ долженъ строго выдерживать свое достоинство; „только-бы въ собственномъ примѣрѣ и поступкахъ не давалъ никакого соблазна (*ładnej okazy i zaszerki*), легко тогда можетъ руководить дѣтей и управлять ими“ (§ 10). „Принявъ свою должность, директоръ тотъ-часъ долженъ смотрѣть на своихъ кліентовъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣя къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ (*„jak na własne dzieci, okazując ojcowskie ku nim serce rzeczą samą“*) (§ 12). На директорѣ сполна лежитъ забота о приученіи дѣтей ко всему домашнему порядку, чистотѣ и

приличіи въ цѣлой виѣшности ихъ, объ исправномъ приготовленіи ими уроковъ, о соблюденіи должнаго такта въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ къ нимъ отношеніе. Онъ долженъ также съ тѣмъ или другимъ изъ кліентовъ его „часто дѣлать визиты старшимъ, ровесникамъ, роднымъ, навѣщать больныхъ въ госпиталяхъ, оказывать съ нимъ помощь и утѣшеніе несчастнымъ“ (§ 13)...

Полагаемъ, что этихъ выписовъ достаточно для того, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ крайней заботливости школы о воспитаніи и глубокой гуманности воспитательныхъ пріемовъ, съ другой стороны—въ крайней идеализаціи воспитанія и въ глубокихъ противурѣчіяхъ его. Всякій родитель и воспитатель нашего времени поднимется подъ этимъ гуманизмомъ и въ то-же время останется въ недоумѣніи предъ цѣлою воспитательною системою. Крайняя идеализація, напрасная вѣра въ силу наставленій и предписаній выступаетъ со всею яркостью, когда просматриваемъ тогдашніе списки учениковъ и вѣдомости о директорахъ. Возрастъ учениковъ по этимъ спискамъ оказывается весьма разнообразнымъ, отъ 6 до 28 лѣтъ. Въ каждомъ классѣ лучшіе изъ учениковъ—меньшаго и средняго возраста. Огромное число директоровъ—въ возрастѣ отъ 14 до 16 и 17 лѣтъ, а не мало директоровъ, имѣвшихъ всего по 13 и 12 лѣтъ! И вотъ изъ какихъ отроковъ составляется воспитательный орденъ, который всецѣло долженъ посвятить себя своему призванію и въ точности выполнять идею воспитанія! Эта-то первая юность и отрочество обязывается прощипнуться отеческими чувствами къ ученикамъ, хотя-бы и меньшимъ себя, „смотреть на нихъ, какъ на собственныхъ дѣтей, имѣть къ нимъ отеческое сердце на самомъ дѣлѣ“! Это-то дѣтство возводится въ священное учрежденіе, имѣющее право несогласія и апелляціи не только въ отношеніи къ учителямъ, но и къ префекту и къ ректору! Что могло быть плодомъ этого учрежденія, кромѣ извращенія чувства чести и собственнаго достоинства—того самаго чувства, о которомъ такъ тщательно и наиболѣе заботится вся эта система! Что могло произойти въ цѣломъ поведеніи директоровъ и учениковъ, кромѣ яркихъ декораций всѣхъ возможныхъ добродѣтелей, педантизма, самоопианія, напускнаго благородства! Не говоримъ о противурѣчіи въ самомъ основаніи нравственности, которая требуетъ воспитывать дѣтей на христіанской любви къ ближнимъ и къ Богу

и вмѣстѣ съ тѣмъ вкоренять въ сердцахъ ихъ то „чувство, которое имѣетъ основаніемъ самолюбіе“.

Наконецъ—ученики, эта среда, на которую направлены все эти напряженные заботы о самоотверженіи и силѣ вліянія учительскаго состава, о направленіи всего преподаванія, о значеніи директоро́въ, — это́тъ матеріалъ, изъ котораго должна возникнуть новая порода людей, имѣющихъ преобразовать и спасти отечество. Послѣ сказаннаго о направленіи и духѣ преподаванія, о задачахъ института директоро́въ, понятенъ типъ примѣрнаго ученика. Это́тъ типъ окончательно обрисовывается въ изложеніи обязанностей ученико́въ, заключающемся въ уставѣ (преимущественно въ главахъ 18, 19, 21, 24, 25) и въ инструкціяхъ ректорамъ, учителямъ и директорамъ.

Въ школы (среднія и высшія учебныя заведенія) принимались только шляхетскія дѣти. Какъ ни глубоко проникнуты были школьные реформаторы идеями равенства, но, до реформы государственнаго строя, должны были сдѣлать эту уступку закоренѣлому сословному предразсудку шляхты. Тѣмъ рѣшительнѣе однако была коммисія просвѣщенія въ своихъ требованіяхъ отъ ученико́въ—будущихъ гражданъ, во имя отечества. Въ историческомъ характерѣ шляхты школьная система находила много полезнаго для своихъ цѣлей матеріала: гоноръ, честолюбіе, значеніе гражданина Рѣчи Посполитой и защитника отечества. Первый параграфъ спеціальной главы устава объ ученикахъ (18) внушаетъ новопробылому, какъ первую обязанность, смотрѣть на себя, какъ на молодаго гражданина, который долженъ, „стремиться къ тому, чтобы стать гражданиномъ зрѣлымъ“. Въ силу такого взгляда на ученика, послѣдній обставленъ все́ми гарантіями шляхетскаго права и гонора. Онъ имѣлъ право самъ о себѣ хлопотать, начиная съ записи себя въ число ученико́въ до личныхъ жалобъ не только на директора, но и на учителей, префекта, даже на ректора (предъ визитаторомъ) (18, 4). Внушая учителю отвѣчать ученикамъ на урокахъ „вѣжливо, съ предупредительностью“, уставъ напоминаетъ ему, что онъ „имѣетъ дѣло съ людьми разсудительными, хотя и дѣтьми“ (14, 2). Въ наставленіяхъ все́мъ служащимъ и директорамъ требуется особенно заботиться объ осторожности въ отноше́ннн къ чувству чести и собственнаго достоинства ученика.

При поступленіи въ школу, молодой шляхтичъ былъ освобожденъ отъ всякихъ формальностей: достаточно было явиться къ ректору и записаться въ число учениковъ, на все предметы и классы, начиная съ перваго, или только на нѣкоторые предметы. Никакого экзамена при поступленіи въ школу не требовалось. Никакой платы за право ученія не полагалось. За неуспѣхъ въ наукахъ не полагалось исключеніе изъ школы; шляхтичъ воленъ былъ сидѣть за скамьею, сколько ему угодно, лишь-бы велъ себя хорошо. Возрастъ для поступленія въ школу не былъ опредѣленъ: въ спискахъ встрѣчались даже семи и шестилѣтнихъ дѣтей и въ то-же время въ одномъ съ ними классѣ видимъ пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ. Въ старшихъ классахъ, наряду съ 14—15 лѣтними сидѣли двадцатисеми и двадцативосьми-лѣтніе. Удаленіе изъ школы допускалось, послѣ предувѣдомленія родителей, но „безъ оглашенія“. Исключенія изъ школы допускались только за нѣкоторые нравственные проступки. Но и въ этомъ случаѣ, ученикъ былъ гарантированъ правомъ апелляціи къ визитатору и тѣмъ болѣе могъ рассчитывать на успѣхъ своей апелляціи, что протоколъ совѣта школы объ исключеніи не подлежалъ немедленному исполненію, а представляемъ былъ предварительно на усмотрѣніе академическаго визитатора, или ректора главной школы, который могъ утвердить или отмѣнить это постановленіе совѣта школы (Уст. гл. 26, 11).

За это уваженіе къ достоинству гражданина, ученикъ обязанъ былъ всецѣло отдаться въ распоряженіе новой системы воспитанія. Непослушаніе начальникамъ и учителямъ считалось въ числѣ четырехъ грѣховъ (другіе три: воровство, пьянство и распущенность), въ случаѣ которыхъ либеральнымъ идеямъ повязывали глаза и молодого гражданина сбѣли розгами (о семь безъ опредѣленія числа ударовъ, гл. 26, 6—9). Самыми обыкновенными наказаніями, послѣ замѣчаній и выговоровъ, были также не идуція въ тактъ съ чувствомъ чести и самолюбіемъ, именно: стояніе въ классѣ на колѣняхъ, стояніе въ коридорѣ при проходѣ учениковъ съ таблицей въ рукахъ, на которой было написано: *лживъ, неуживчивъ, непослушенъ и т. д.* Ученикъ обязанъ былъ учиться въ теченіе десяти мѣсяцевъ въ году безъ перерыва и не выѣзжать къ родителямъ ни на какіе праздники, кромѣ лѣтнихъ каникулъ, положенныхъ съ 29 іюля по 29 сентября (по новому стилю). Пакануи: Рождества Хри-

стова уроки прекращались и возобновлялись на третій день праздника. Равнымъ образомъ ученіе прекращалось въ страстной четвергъ и возобновлялось на третій день пасхи. Родители видѣли въ этомъ распоряженіи неуваженіе къ религіи и, по старому обычаю, забирали дѣтей на праздники. Но коммисія просвѣщенія ревниво оберегала это требованіе: директорамъ, учителямъ и начальствующимъ предписывалось объяснять родителямъ благотворность этого порядка, а учениковъ за отъѣздъ на праздникъ положено было оставлять въ томъ-же классѣ на второй годъ безусловно, а за вторичный отъѣздъ не принимать въ тѣ-же школы.

Ежедневно въ семь часовъ утра всѣ ученики должны были присутствовать въ костелѣ на литургіи. Изъ костела расходились по классамъ. Ежедневно, кромѣ вторника и четверга, полагалось по четыре часовыхъ урока, отъ 8 до 10 и отъ 2 до 4 часовъ. Отъ 10 до 11 часовъ положены были необязательные предметы — иностранные языки. По вторникамъ и четвергамъ полагалось только утреннихъ два урока, и эти дни назывались поэтому рекреационными. Если въ одинъ изъ прочихъ четырехъ дней случится праздникъ, то въ слѣдующій рекреационный день уроки полагались и послѣ обѣда.

Въ квартирахъ каждый ученикъ долженъ былъ все время непремѣнно быть чѣмъ-нибудь занятъ. Послѣ приготовленія уроковъ и другихъ работъ, данныхъ учителями на домъ, ученики должны были заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ: наблюдать за храненіемъ и выдачею стѣстныхъ припасовъ, непремѣнно чистить свое платье, обувь, стлать постель, содержать всѣ свои вещи и себя самихъ въ чистотѣ и опрятности, устраняя всякую роскошь въ одеждѣ, равно какъ и скупость въ ней, ежедневно провѣтривать квартиру, сами должны (малые—съ директоромъ) ходить къ своимъ портнымъ, сапожникамъ и под., въ случаѣ необходимости заказать или починить платье, обувь и т. под., вообще должны были укрѣплять себя въ быту, свойственномъ мушкетѣ, въ упражненіяхъ, закалывающихъ силу, и стыдиться въ себѣ „нѣжности и деликатности женской“ (nie-*wieŃciej*). По приведеніи въ порядокъ всѣхъ своихъ дѣлъ, ученики занимались играми по назначенію директора, или подъ предводительствомъ его отправлялись на базарь, въ лавки, аптеки, мастерскія и

под., сообразно указаніямъ въ инструкціи для учителей экономіи, искусствъ и ремеслъ. Въ девять часовъ ложились спать.

Въ дни рекреационные, а такъ-же въ праздники, послѣ обѣда, всѣ ученики, во главѣ своихъ директоровъ, должны были отправляться на прогулку „безъ отговорки непогодой, развѣ префектъ отиѣнитъ“. Прогулка происходила за-городомъ и состояла въ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ префекта или учителя. „Эти упражненія, говоритъ уставъ (гл. 25, 2), должны служить для развитія крѣпости, гибкости, ловкости тѣла, мужества и отваги, и соответствовать цѣлм. Таковы: игра въ мячъ, при которой нужно живо убѣгать и возвращаться; игра въ балонъ или большой мячъ, бросаніе камней въ воду, бѣгъ въ перегонку до назначеннаго мѣста, верховая ѣзда, измѣреніе огородовъ; полей, трудныхъ для пристуца мѣсть и т. п.“. „Но наиболѣе предписываются *упражненія военныя*, которыя, развивая гибкость и ловкость тѣлесную, вмѣстѣ съ тѣмъ развиваютъ силу и крѣпость духа, вдохновляютъ чувствомъ чести“ (глава 21, 3). „Своими свойствами шляхетской молодежи должны считаться упражненія, состоящія въ солдатской выправкѣ, въ интурмъ и оборонѣ какаго-либо мѣста, вообще научающія *военному строю, порядку и военному закону*. Ничто болѣе не помогаетъ возбужденію мужества, силы духа, благороднаго великодушія и стародавняго рыцарскаго духа, какъ эти упражненія молодежи. Юноши, надлежаше руководимые, научатся различать благородную отвагу отъ истиннаго мужества и храбрости, заранѣе убѣдятся въ той истинѣ (и приготовятся къ исполненію ея), что каждый гражданинъ во всѣхъ странахъ, особенно въ республикѣ (*gzeszy repolitej*) долженъ быть солдатомъ, т. е. охранителемъ своего отечества, не глядящимъ вслать, но руководимымъ справедливостью и честью. Начальствующіе и руководящіе воспитаніемъ должны самымъ тщательнымъ образомъ предохранять молодежь въ этихъ играхъ и развлеченіяхъ отъ всякаго коварства, вѣроломства, притѣсненія и обиды слабыхъ сильными, отъ цустаго удалства, и строго наказывать за подобные поступки. Съ другой стороны, много поможетъ дѣлу, когда отважныхъ, безстрашныхъ, храбрыхъ, побѣдителей на играхъ и упражненіяхъ они будутъ открыто хвалить, не унижая другихъ, награждать ихъ вѣтками или вѣнками, ставить ихъ на челѣ другихъ во

время подобныхъ упражненій; когда будутъ при этомъ заохочивать учениковъ воспѣвать своего товарища (побѣдителя) въ стихахъ. Такое нераздѣльное, физическое и нравственное воспитаніе способно будетъ дать обществу почтенныхъ людей, а отечеству добрыхъ гражданъ“ (гл. 25, 2).

Приходится сказать при этомъ, въ заключеніе нашего обзорѣнія системы среднихъ школъ: „а ларчикъ просто открывался!“ Всѣ эти разсужденія о значеніи военныхъ упражненій для шляхетской молодежи, для развитія великодушія и рыцарства, сами собою падаютъ, при сравненіи ихъ съ наставленіемъ учителю сельской школы, воспитывавшей не гражданъ, но безправныхъ лицъ, въ строго крѣпостномъ духѣ;—ему внушалось коротко, лаконически— въ играхъ сельскихъ дѣтей соблюдать всѣ установленія, какія предписаны для среднихъ школъ. Эти разсужденія очевидно нужны были только для отвода глазъ зоркихъ наблюдателей—посланниковъ сосѣднихъ державъ, которыя не могли бы ожидать равнодушно (какъ это потомъ и случилось), пока вся страна превратится въ одинъ сплошной военный лагерь и все молодое поколѣніе, безъ различія сословій, въ сплошную армію. Къ сожалѣнію, нужно признать, что это именно было завѣтною мыслию тогдашнихъ школьныхъ реформаторовъ, это было отдаленною и конечною цѣлію системы ихъ. Наставленія учителю исторіи, права и морали относительно политики завоеваній, эти пылкія и настойчивыя внушенія возбуждать учениковъ противъ того, „что было хитростью, подлостью, насиліемъ, грабежомъ, наѣздомъ, присвоеніемъ чужой собственности“, все это, въ соединеніи съ порывистостью заботъ о военныхъ упражненіяхъ, отравляло новую школьную систему въ самомъ источникѣ ея ¹⁾: образованіе стало неразлучно съ задорной

¹⁾ Любопытны мотивы, къ которымъ прибѣгли впоследствии для защиты этой системы и основной ея задачи поборники ея во времена Варшавскаго Герцогства, когда на вѣнскомъ конгрессѣ рѣшенъ былъ вопросъ объ учрежденіи Царства Польскаго. Въ организаціонномъ комитетѣ, учрежденномъ по этому случаю, поднялись сильныя нареканія на систему образованія за ея враждебность истинной религіи, за матеріализмъ, за солдатчину. Одинъ изъ членовъ этой коммисіи и тогдашнихъ министровъ, другъ главнаго представителя этой системы Станислава Потоцкаго, извѣстный своимъ панъшенинымъ краспорѣчіемъ Матусевичъ, отвергая упреки въ аяты-релягіозности и матеріализмѣ, о военныхъ упражненіяхъ учениковъ такъ от-

политикой и съ мечтами о возстановленіи Польши въ старыхъ границахъ...

Первоначально военныя упражненія, какъ и прочія игры, производились дѣйствительно подъ руководствомъ префектовъ. Забавно было это молодое воинство подъ командою ксендза-префекта! Странны были эти почтенные монахи-піаристы, наиболѣе ретиво упражнявшіе своихъ питомцевъ въ военныхъ „муштрахъ“. Но скоро дѣло вышло на болѣе прямую дорогу: для военныхъ упражненій нанимаемы были отставные унтеръ-офицеры, появились деревянные сабли, ружья, пушки, даже военная форма на ученикахъ, во время упражненій, устраивались примѣрныя сраженія, взятіе и оборона крѣпостей. Даже каневскіе базилиане, содержавшіе съ ничтожнымъ пособіемъ отъ комиссіи просвѣщенія едва-ли не самую плохую въ цѣломъ краѣ школу, не нашли чѣмъ лучше встрѣтить прибывшаго въ 1787 году на свиданіе съ императрицею Екатериною II польскаго короля Станислава Понятовскаго, какъ выставкою своихъ учениковъ, спошна одѣтыхъ и вооруженныхъ по-солдатски. („Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę“ г. 1787.—*Дневникъ поѣздки короля Станислава Августа на Украину 1787 г.*—

звался: > польскій народный характеръ отличаютъ двѣ важныя черты: рыцарскій духъ и любовь къ отечеству. Онѣ не противны религіи и потому итъ нужно укрѣплять. Радуются для насъ новыя обязанности благодарности къ монарху, котораго справедливо можно назвать коронованнымъ ангеломъ. Чѣмъ-же мы отвѣтимъ ему на благодаренія, если не станемъ для него щитомъ, который могъ-бы защищать его (!). Нынѣшнее состояніе края таково, что неизбежно ведетъ его къ уменьшенію войска. Чтобы за этимъ не послѣдовалъ упадокъ воинваго духа, надлежитъ еще въ школахъ впасть его въ сердца молодежи и даже играмъ учениковъ давать рыцарскій характеръ, дабы всегда имѣть солдата, наименѣе обременительнаго для страны и наиболѣе притоговленнаго на случай нужды (do potrzeby). Пускай будутъ на челѣ образованія обязанности добраго христіанина, но, вмѣстѣ съ правилами религіи, пускай оно проникается тѣмъ, что возбуждаетъ обязанности обывателя и солдата, словомъ—пускай девизомъ его будетъ: Богъ, отечество, слава». (Изъ дѣлъ архива варшавскаго учебнаго округа 1815 г. Акта... nstaw organizacyjnych № 1, vol. 1, lit. A). Предсѣдателемъ организаціонной комисіи былъ Ланской, одинъ изъ членовъ Новосильцовъ.—Поборники школьной системы, завѣщанной временемъ реформы, успѣли отстоять ее для Царства Польскаго, но въ 1820 году она пала вмѣстѣ съ Станиславомъ Потоцкимъ, послѣ чего началось сильное броженіе въ краѣ.

Лукаш. 11, 327 и 328 въ примѣчаніи). Молодое войско, воспитанное въ новыхъ идеяхъ, гордое своимъ предначначеніемъ, рвалось сразиться съ врагами идеальнаго отечества. Такихъ враговъ въ то время Польша имѣла внутри себя гораздо больше, чѣмъ извнѣ. Молодое войско, особенно въ большихъ городахъ, такъ-же имѣло предъ собою живыхъ враговъ отечества. То была для нихъ главнымъ образомъ *Палестра*—пріютъ многочисленной, большею частию не окончившей курса шляхетской молодежи, практически обучающейся канцелярской судебной казуистикѣ. Для школьничковъ палестранты были представителями дикой старины, противниками новаго духа, въ особенности послѣ того, какъ приготовленное, по порученію сейма 1776 г., однимъ изъ членовъ комиссіи просвѣщенія, Андреемъ Замойскимъ, новое судебное уложеніе¹⁾ было отвергнуто послѣдующимъ сеймомъ, какъ неблаговременное. Вспомнимъ рѣзкій отзывъ Пирамовича объ этомъ старомъ польскомъ судопроизводствѣ (*prawnictwo*), какъ о мерзости, подъ которою скрыли истинное право „дикія понятія и обычаи грубыхъ вѣковъ“ (въ рѣчи 1783 г.). Визиты и школьные рапорты жалуются, что палестранты первые нападали; молодое войско принимало бой. Но вслѣдъ за тѣмъ на сторонѣ палестры появлялись толпы праздношатающихся молодыхъ шляхтичей—кунтушниковъ и городскихъ мѣщанъ, и бой принималъ такіе размѣры, что для прекращенія его часто требовалось содѣйствіе дѣйствительныхъ войскъ.

Новыя идеи сильно враждовали съ сословностью, съ привилегіями высшихъ классовъ и проповѣдывали равенство всѣхъ, братство. Школьные польскіе реформаторы не могли помириться съ старшиною, сдѣлавшею образованіе исключительною принадлежностью шляхты. Они хорошо понимали эту застарѣлую болѣзнь Польши, исключавшую всю массу мѣщанъ и крестьянъ изъ числа гражданъ—защитниковъ отечества. Въ кружкѣ этихъ реформаторовъ давно уже бродили мысли о надѣленіи мѣщанъ правами гражданства и даже объ освобожденіи крестьянъ, какъ наилучшемъ способѣ усилить организмъ Польши. Но они понимали, что шляхта составитъ неборимую стѣну противъ этихъ попытокъ и скорѣе

¹⁾ *Zbiór praw sądowych. Warszawa, r. 1788.*

разрушить Польшу, чѣмъ откажется отъ своихъ правъ, потому что, по убѣжденію ея, Польша—это она. Потому-то только робко, сторонною высказывались тогда эти мысли. Реформаторы школы нашли средство, не трогая правъ шляхты, приложить могущественную силу школы ко всѣмъ низшимъ, безправнымъ классамъ, чтобы обратить ихъ въ надежныхъ защитниковъ отечества. Нужна была ловкость Пирамовичей, чтобы не возбудить въ шляхтѣ подозрѣнія и не уничтожить этого дѣла въ самомъ началѣ. Вотъ какъ объясняетъ идею сельской школы Пирамовичъ въ рѣчи своей 7 марта 1786 г., по случаю выхода въ свѣтъ перваго полнаго учебника для этихъ школ¹⁾. „Въ составѣ и въ цѣломъ содержаніи этого учебника издатели руководились тѣмъ правиломъ, чтобы все направлено было къ истинному (?) просвѣщенію, которое опредѣляется потребностями народа и его обязанностями въ отношеніи къ своимъ панамъ, сельскому быту и къ самимъ себѣ. Если посполитые люди пойдутъ по указанію наукъ, назначенныхъ для нихъ, то они не могутъ стать иными, какъ только вѣрными краю и своимъ панамъ, старательными въ исполненіи своихъ обязанностей, справедливыми, полными любви и милосердія къ ближнимъ, любящими правду, трезвость, добрый домашній порядокъ и трудъ. Нѣтъ ничего желательнѣе, чтобы образованіе равномерно распространялось по всему краю и изливало свои благодѣянія на всѣ сословія народа. Ревность побуждаетъ распространять свѣтъ просвѣщенія во всѣхъ слояхъ, на которые Провидѣніе подѣлило человѣческій родъ. Высшіе классы, призванные къ управленію страной, имѣютъ свои науки, которыя должны руководить ихъ въ законодательствѣ и судѣ, возвышать души ихъ къ благородству, свойственному имъ по самому рожденію, укрѣплять въ нихъ сознаніе того, что они—опекуны и охранители страны, совѣтники и стражи отечества. Тѣ-же, которымъ свыше предопредѣлено посвящать свой трудъ на продовольствіе правителей и охранителей своихъ и воздѣлывать плоды земные для общей пользы и выгоды, или заниматься приготовленіемъ ремесленныхъ издѣлій и предметовъ, необходимыхъ для владѣтелей, землевладѣльцевъ и для всѣхъ тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, тѣ найдутъ въ назначенныхъ для дѣтей ихъ наукахъ нрав-

¹⁾ 0 нежъ будетъ ниже

ственные и физическія свѣдѣнія, соответственные призванію ихъ. Осторожность всегда должна управлять рукою, которая берется раскрывать истину,—осторожность, основанная на ясномъ пониманіи обстоятельствъ и взглядовъ страны. Опасно было-бы вдругъ ниспровергать общее убѣжденіе. Истина должна приводить только къ добродѣтели и ни къ чему другому. Если-бы блескъ ея разомъ ударилъ на слабыя и непритовленные очи, то могъ-бы лишить ихъ и остатка свѣта, навсегда ослѣпить“.

Приготовляя новую организацію для низшихъ школъ, комиссія просвѣщенія 1) тщательно развѣдывала, гдѣ имѣлись школьные фондуши и спѣшила взять ихъ въ свое вѣдѣніе; 2) при распредѣленіи по-іезуитскихъ костеловъ и зданій между епархіальными учрежденіями, она постановляла непремѣннымъ условіемъ содержаніе при нихъ первоначальныхъ школъ; 3) обращалась къ содѣйствию помѣщиковъ для учрежденія школъ въ имѣніяхъ ихъ; 4) открыла нѣсколько школъ на счетъ общихъ эдукационныхъ суммъ. По установленіи организаціи этихъ училищъ, названныхъ *парафіальными*, комиссія сдѣлала распоряженіе о воспрещеніи училищъ инаго типа и о немедленномъ закрытіи таковыхъ, если-бы онѣ гдѣ нибудь появились, о чемъ должны развѣдывать проректоры, ректоры и визитаторы школъ.

Уставъ постановилъ лишь самыя общія правила о *парафіальныхъ* школахъ (гл. 22). Въ развитіе этихъ правилъ издано было особое распоряженіе (Przepis) объ организаціи ихъ. Парафіальныя школы раздѣлялись на большія и меньшія (większe i mniejsze). Въ первыхъ положено было обучать: религіи, нравственности, чтенію и письму, счету, началамъ измѣренія, огородничеству, земледѣлію, сохраненію здоровья, леченію скота, сообщать свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ, промыслахъ, ремеслахъ, хозяйственныхъ орудіяхъ, постройкахъ и т. п. „Въ меньшихъ школахъ, въ которыхъ обыкновенно учатся только сельскія дѣти, эти науки преподаются въ меньшемъ размѣрѣ, приспособительно къ мѣстнымъ потребностямъ“ (глав. 22, 4). Для обученія этому курсу какъ въ большихъ, такъ и въ меньшихъ школахъ, положенія (Przepis) назначаютъ ни больше, ни меньше, какъ 12 лѣтъ! „А потому, говорятъ онѣ, дѣти должны начинать первое свое обученіе съ четырехъ и пяти лѣтъ, дабы въ семнадцать или восемнадцать лѣтъ они уже могли быть

приготовленными на службу отечества.“—Время ученія для деревенскихъ школъ назначается отъ св. Михаила до св. Войцѣха (29 сент. до 23 апр. по нов. ст.); въ городскихъ училищахъ тотъ-же срокъ, что и для „высшихъ школъ“.—Коммисія выражала желаніе, чтобы такія школы устроены были въ каждомъ городѣ и въ каждомъ сельскомъ приходѣ.

Но если могло быть обойдено затрудненіе съ предубѣжденіемъ шляхты, то какъ обойти его съ учителями? Какимъ образомъ не только надѣлать каждый приходъ учителями новаго духа, но и преобразить хотя нѣсколькихъ наличныхъ учителей—органистовъ по идеямъ Руссо и Кондильяка? Хотя коммисія просвѣщенія постановила учредить учительскіе институты въ Ловичѣ и въ Кѣльцахъ, хотя въ 1787 году примасть Польши Михайлъ Попятовскій приступалъ къ учрежденію этихъ институтовъ на свой счетъ, а Пиравовичъ тогда-же составилъ планъ организаціи ихъ, но добросовѣстный (Лукашевичъ) сознается, что онъ нигдѣ не нашелъ какихъ-либо документовъ, доказывающихъ дѣйствительное существованіе этихъ институтовъ, хотя ему доступны были всѣ бумаги тогдашней коммисіи просвѣщенія и документы всѣхъ школъ. Коммисія просвѣщенія, издавая *Положеніе* (Przepis) о парафіальныхъ школахъ, хотя и выразила свой идеальный взглядъ на начальнаго учителя, однако благоразумно покорилась необходимости. „Коммисія народнаго просвѣщенія, говорится въ самомъ началѣ этого *положенія*, желала-бы, чтобы каждый, посвятившій себя учительству, прежде всего поступалъ на должность учителя парафіальной школы и, начиная съ этого перваго ступеня, постепенно восходилъ по лѣстницѣ учительской до самыхъ высшихъ степеней въ академіяхъ. Но, пока это осуществится, пока не устранено будетъ лож-

1) *Historja szkół* т. II, стр. 417 и 418. Не смотря на ясное указаніе Лукашевича, не смотря на то, что доселѣ не найдены какихъ-либо документовъ дѣйствительнаго существованія этихъ институтовъ, послѣдующіе польскіе историкъ и обозрѣватели этого періода доселѣ продолжаютъ утверждать, что институты не только существовали, но приносили краю ожидаемые отъ нихъ плоды, а г. *Запуцкій* (*Dawne wychowanie w Polsce*. 1878 г.) насчитываетъ десятокъ тысячъ школъ, появившихся будто-бы въ Польшѣ спустя всего пять лѣтъ послѣ открытія институтовъ!..

ное мѣстѣ о низкомъ уровнѣ поста парафіальнаго учителя, пока не будутъ приготовлены для этихъ мѣстъ способные кандидаты, тѣмъ временемъ приходскіе священники поставятъ на эти мѣста такихъ лицъ, какихъ найдутъ способными“ (§ 1 и 2). Первые парафіальныя школы съ новымъ курсомъ могли появиться только въ 1786 году, такъ какъ въ 1785 году комиссія просвѣщенія издала первый учебникъ основнаго курса ихъ. Это былъ: *Elementarz dla szkół parafialnych parodowych*“ (*Букварь для приходскихъ народныхъ школъ*), напеч. въ Краковѣ и заключающій въ себѣ: 1) *Обученіе чтенію и письму*, съ статьями для чтенія и наставленіями для учителя, состав. піаристомъ Копчинскимъ, 2) *Krótka katechizys*, 3) *Pravstvennyia nastrojenia* (*наука obuczajów*), состоящая въ изложеніи общихъ обязанностей ученика и человѣка низшаго класса, составл. самимъ Пирамовичемъ, 4) *Sticzenie* (*наука rachunków*), составл. піаристомъ Гавронскимъ и заключающее въ себѣ первые четыре дѣйствія ариѳметики съ понятіями о мѣрѣ, вѣсѣ и т. п.¹⁾. По основному своему духу, по приемамъ обученія, какъ и по составу своему, этотъ учебникъ такъ-же далеко отстоялъ отъ тогдашнихъ букварей, съ неизбѣжными въ нихъ пѣжными похвалами розгѣ, какъ желанные комиссіей просвѣщенія учителя—отъ наличныхъ тогда сельскихъ органистовъ. Кроме того, этотъ учебникъ далеко не обнималъ собою всѣхъ предметовъ, положенныхъ въ курсѣ начальныхъ школъ и требовавшихъ для прохожденія его двѣнадцать лѣтъ. Пылкій Пирамовичъ, глубоко вѣрившій въ силу наставленій, рѣшился съ одной стороны восполнить учебникъ, съ другой стороны приготовить наличныхъ учителей къ исполненію мыслей комиссіи въ возможной полнотѣ ихъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ: „*Rowinności nauczyciela, niianowicie zaś w szkołach parafialnych i sposoby ich dopełnienia*“, (*Обязанности учителя, главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ и способы выполненія ихъ*), сочиненіе напечатанное въ 1787 г. и предписанное комиссіей въ руководство для всѣхъ парафіальныхъ учителей.

Едва-ли какая либо педагогическая литература представить другое, такое же полное и всестороннее наставленіе начальному

¹⁾ О липахъ, участвовавшихъ въ составленіи Букваря, упоминается въ рѣчи Пирамовича 7 мар. 1786 года. — *Nauka obuczajów*—Пирамовича издава была особо въ 1862 году редакціей варшавской *Gazety rolniczej*, служившей органомъ извѣстнаго тогда земледѣльческаго общества.

учителю, какое даст эта книга Пирамовича (13+211 стр. in 8)— Это писалъ не только человѣкъ просвѣщенный, хорошо соображавшій всё, даже самыя мелкія подробности своей задачи и имѣвшій обширныя свѣдѣнія о предметѣ, но энтузіастъ, фанатикъ идеи, безпредѣльно преданный ей и безусловно вѣрившій въ силу ея, въ возможность для тогдашняго сельскаго учительскаго типа проникнуться духомъ ея и осуществить ее на крестьянскихъ дѣтяхъ, съ помощію только напряженія воли. Это не простое изложеніе наставленій, не рядъ спокойныхъ объясненій и указашій, но одна непрерывная педагогическая проповѣдь, горячая, идущая отъ сердца; авторъ направилъ все свое вниманіе на чувство и воображеніе учителя, онъ старается увлечь его, покорить, проникнуть духомъ своей идеи. Польская деревня представляется ему крѣпостническимъ раемъ, въ которомъ благодѣтельные паны сходятся въ благородномъ и самоотверженномъ служеніи счастію крестьянина и высоко ставятъ честь сельскаго учителя,—учитель, просвѣщенный образецъ всѣхъ нравственныхъ достоинствъ, возлагаетъ на алтарь отечества всѣ свои силы,—крѣпостной человѣкъ, надѣленный всѣми добродѣтелями своего званія, охотно несетъ ихъ на службу своимъ панамъ и отечеству! Каждое положеніе и наставленіе въ отдѣльности проникнуто гуманистостью, многія изъ нихъ глубоко педагогичны и приложимы къ сельской школѣ во всякое время и въ каждомъ мѣстѣ, не мало такихъ наставленій и правилъ, которыя слѣдовало бы зарубить каждому современному учителю начальной, особенно сельской школы; но всё онѣ вмѣстѣ, въ своемъ духѣ и направленіи, производятъ тяжелое впечатлѣніе напряженныхъ усилій позолотить польское крѣпостное ярмо, сдѣлать тѣло и душу крестьянина возможно лучшею машиною панскихъ выгодъ и политическихъ видовъ Польши. И здѣсь Пирамовичъ строитъ все свое педагогическое зданіе на *правѣ природы*, въ которой сокрыта, по тогдашнему міровоззрѣнію, воля Божія, а натура крестьянъ—крѣпостное состояніе! „Божія воля, говоритъ онъ, предопредѣлила имъ такое состояніе“ ... Если бы авторомъ руководила дѣйствительно христіанская мысль, состраданіе къ угнетенному и приниженному классу, забота о воспитаніи человѣка—христіанина, который и въ неволѣ сознаетъ себя свободнымъ, сыномъ Божиимъ, тогда вся филиппика Пирамовича получила бы иное направленіе и иное освѣщеніе. Но это холодное

предопредѣленіе, эта воля природы, дающая только обязанности и никакихъ *правъ*, освящающая рабство, это есть нѣчто единственное въ христіанскомъ педагогическомъ мірѣ, обнаруживающее всю страстность постороннихъ, политическихъ видовъ, орудіемъ которыхъ сдѣлана школа.

Безъ сомнѣнія, потребуется большое усиліе, чтобы воспитать учителя, способнаго исполнить эту задачу. Пирамовичъ хорошо зналъ человѣка и способы возбужденія его. Онъ сразу поднимаетъ учителя на такую высоту, на которой и у современнаго учителя закружилась бы голова. „Человѣкъ, призванный къ завѣдыванію парафіальною школою и къ обученію дѣтей въ деревняхъ и мѣстечкахъ, долженъ смотрѣть на свою службу, какъ на дѣло величайшей важности во всѣхъ отношеніяхъ. Задача призванія его состоитъ въ томъ, чтобы въ своемъ обученіи онъ обнялъ все, что составляетъ благо вѣранныхъ ему учениковъ, какъ въ дѣтствѣ ихъ, такъ и въ дальнѣйшей жизни“. Для лучшаго уразумѣнія своихъ обязанностей, Парамовичъ требуетъ отъ учителя: 1) „прежде всего обращайся съ молитвою къ отцу свѣта Богу, чтобы Онъ поддѣрпывалъ тебя въ твоихъ трудахъ и занятіяхъ, поддерживалъ твое усердіе и улаждалъ горечь“; 2) „употреби все усиліе, чтобы въ разговорахъ съ умными и опытными людьми почерпнуть для себя необходимыя для тебя свѣдѣнія, получать рѣшеніе твоихъ недоумѣній, какъ лучше поступать съ учениками во всѣхъ отношеніяхъ; 3) совѣтуетъ читать педагогическія книги, изъ которыхъ однако не указываетъ ни одной ¹⁾), „а пока добудешь другія книги, читай эту,

¹⁾ На польскомъ (и на латинскомъ) языкѣ печатались въ то время преимущественно рѣчи при открытіи ученія въ высшихъ школахъ, на публичныхъ экзаменахъ, рѣчи профессоровъ при вступленіи въ должность и под., проэкты и уставы школьной организаціи и т. п. Общій педагогическій интересъ, но слишкомъ отдаленный для сельскаго учителя, имѣли слѣдующія книги: *Rozmowa filozofu z politykiem o trojakiem w Polsce młodzi wychowaniu*, 1756, графа Тарновскаго; *Rozmowa o celu i najpierwszym edukacyi końcu*, 1757, — прозвѣдѣніе учениковъ піарскихъ школъ (конечно выправленное); *Przyjaciel młodych*, 1781 г., перев. съ французскаго; *O edukacyi dzieci*, 1781, Локка, переводъ съ франц. изданія; *Adela i Theodor*, 1787, — письма о воспитаніи M-me de Gentes; *O publicznej edukacyi porównanej z prywatną*, 1789, *O domowym ćwiczeniu dzieci w naukach*, 1784, Роллея, переводъ Толочки; *Spo-*

она достаточно поможет тебѣ въ твоей задачѣ, если ты будешь часто, внимательно совѣтоваться съ нею и повѣрять ея все твоё поведеніе“. Четвертое и пятое правило внушаетъ предварительно обдумывать каждый свой урокъ, всякое слово, поступокъ, движеніе и т. п. на урокахъ. Какъ учителямъ высшихъ школъ, такъ и начальному учителю въ особенности онъ внушаетъ болѣе всего размышленіе съ самимъ собою. Онъ даетъ ему даже формулу ежедневныхъ размысленій съ самимъ собою: „размыслий самъ съ собою ежедневно: волею Бога, любвеобильнаго Отца всѣхъ людей, я призванъ посвятить всѣ свои силы обученію дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ людьми набожными, добродѣтельными, знающими въ своемъ хозяйствѣ, здоровыми и крѣпкими, вообще счастливыми. О, Боже, какъ велика, какъ похвальна задача моего служенія! Вижу, каковъ мой долгъ и мои обязанности“.

Эти обязанности весьма сложны. Учитель долженъ хорошо знать тѣ предметы, которыми будетъ обучать дѣтей; онъ долженъ имѣть ясное и полное пониманіе всѣхъ нуждъ селянина, или горожанина, каждой работы, cadaго ремесла и орудій, всякаго сельскаго производства, торговли, садоводства, земледѣлія, всѣхъ домашнихъ принадлежностей и т. п., и всему научить ученика, что нужно для его личнаго счастья и счастья отечества, отнюдь не выводя его за черту крѣпостнаго быта, дабы не возбудить противныхъ обязанностямъ его стремленій. Учитель—„все“ для ученика. „Провидѣніе поставило его отцомъ и опекуномъ для дѣтей“. Онъ долженъ имѣть къ ученикамъ: „любовь, отеческое сердце, заботливость, стараніе о благѣ ихъ“. Онъ главный распорядитель ихъ не только въ школѣ, но и дома; онъ долженъ часто посѣщать ихъ дома и наблюдать, все-ли исполняютъ они по указаніямъ его, имѣютъ-ли необходимое платье, постель, здоровую пищу, пробѣтривается-ли ежедневно изба, достаточно-ли родители даютъ имъ времени для прогулокъ и т. п., и, если-бы замѣтилъ неисправность за

sób zaszczerpienia w dzieciach obyczajów i nauk, podany rodzicom i tym, którzy się zatrudniają perwiaszkowym ich przysposobieniem do tych dwóch zamiarów, 1787. Последнія два сочиненія ближе всѣхъ касаются интересовъ начальнаго учителя, но только образованнаго. Не упоминаеть здѣсь о французскихъ перепечаткахъ того времени.

самими родителями. долженъ имъ замѣтить о томъ „наединѣ“ и т. п. „Но недостаточно умѣть исполнять обязанности учителя, нужно еще имѣть свойства и надлежащія качества сердца, воли и быта“. „Цѣлою своею жизнію и цѣлымъ своимъ бытомъ онъ долженъ давать дѣтямъ примѣръ набожности, почтенія, трезвости и чистоты“ и т. д., „въ словахъ, движеніяхъ, во всемъ поведеніи свосмъ сохранять приличіе и достоинство, не придавая себѣ смѣшной манеры въ походкѣ, говорѣ“ и т. д. Если-бы учитель нашелъ необходимымъ наказатъ кого-либо изъ учениковъ, въ особенностъ обратиться къ тѣлесному наказанію (до *chlosty i plag*), онъ „долженъ предварительно дать понять провинившемуся и другимъ ученикамъ, что онъ вынужденъ взяться за розгу, заклинать ихъ и просить, чтобы не давали ему поводовъ къ тому“, долженъ показывать „съ тяжелою скорбію“ (*z smartwieniem*), „пускай болѣетъ сердцемъ (*ubolewa*) надъ виновнымъ и ожидающимъ наказанія“. Подобные приемы доброты учителю диктуются во всѣхъ другихъ положеніяхъ. Облегчая такимъ образомъ учителю исполненіе его задачи, Пирамовичъ не забываетъ главнаго рычага естественной нравственности, самолюбія и всюду обращается къ нему, какъ лучшему средству возбудить и укрѣпить энергію его. Всего болѣе онъ старается проникнуть его чувствомъ собственнаго достоинства, мыслію о высокой важности его призванія, о чемъ внушаетъ ему ежедневно размышлять и съ самимъ собою, черпая въ собственномъ чувствѣ и совѣсти главное утѣшеніе для себя. „Что за радость, что за утѣшеніе для того человѣка, которому собственная совѣсть даетъ доказательство того, что онъ своимъ стараніемъ и трудомъ содѣйствовалъ благу людей“! Онъ увѣряетъ также учителя—этого прежняго слугу приходскаго ксендза, униженно выпрашивавшаго на панскомъ дворѣ то кусокъ поля, то мѣрку *збожа*, подобострастно лозившаго улыбку панскаго *жюнама*,—что „всѣ разумные и почтенные гражданае, родители дѣтей, даже пастыри духовные, равно служащіе при панскомъ дворѣ, помѣщики и всѣ паны, зная, какою великою заботою о людскомъ благѣ занятъ учитель, будутъ имѣть службу и личностъ его въ почтеніи и уваженіи“.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ самой программы обученія по руководству Пирамовича, отмѣтимъ только болѣе характеристическія черты его.

Общею чертою наставленій по каждому предмету служить непремѣнное указаніе выгодъ этого предмета и занятій имъ для дѣтей и для родителей ихъ. вмѣстѣ съ указаніемъ такихъ сторонъ, которыя мѣтко совпадаютъ съ нуждами сельскаго быта, Пирамовичъ въ каждомъ случаѣ выражаетъ и заботу о томъ, чтобы учитель не выступилъ за черту крѣпостнаго сословія и не возбудилъ въ дѣтяхъ стремленій къ тѣмъ понятіямъ и ощущеніямъ, которыя не свойственны ихъ „званію“.

Обученіе чтенію и письму рекомендуется совмѣстное, что было цѣлымъ переворотомъ сравнительно съ прежнимъ *силлябизованіемъ*. Для чтенія требуется дѣлать строгій выборъ книгъ и статей, сообразно „званію“ дѣтей и ихъ родителей. Всего лучше читать: „наставленія объ обязанностяхъ“, изложенныя въ Букварѣ 1785 г., статьи религіозныя, а также „отрывки изъ священной исторіи, о хозяйствѣ, огородничествѣ, о нѣкоторыхъ болѣзняхъ людей и скота, о леченіи ихъ и т. п., ничего не сообщая при этомъ, что выше ихъ пониманія и состоянія“. Для упражненій въ письмѣ полагается составленіе „просьбъ, документовъ и разказовъ, краткихъ и ясныхъ, притомъ о такихъ дѣлахъ, которыя случаются или могутъ случиться въ деревняхъ и мѣстечкахъ, какъ напримѣръ нужда пойти съ просьбою во дворъ (къ помѣщику) или къ другимъ властямъ (сельскимъ). Толковый учитель долженъ дать имъ образцы на эти случаи. Смотри по времени и обстоятельствамъ хозяйственнымъ, пускай записываютъ, сколько на которомъ полѣ посеяно, сколько и какого зерна собрано, умолочено, продано и под. Иногда прикажетъ имъ написать свойственныя ихъ возрасту и сословію письма, содержаніемъ которыхъ долженъ быть или спросъ о чемъ-нибудь, или донесеніе, или совѣтъ. Такимъ способомъ учитель сдѣлаетъ эту науку и полезною, и безупречною“. „Грамотность, наставляетъ Пирамовичъ, тогда только была-бы вредною, когда крестьянинъ, считая себя грамотнымъ, пренебрегалъ-бы своими обязанностями, опускалъ-бы хозяйство, оставлялъ отцовское жилище, бросалъ-бы земледѣльческое, ремесленное или торговое сословіе и уносился-бы напраснымъ любопытствомъ въ чтеніе книжекъ, бесполезныхъ для него“. „Красивое письмо, заключаетъ онъ наставленіе, для этихъ людей не нужно, напрасно ушло-бы на это много времени и принужденія... Прикажетъ имъ только писать чисто, не пачкать бумагу“.

При обученіи *счисленію*, требуется брать примѣры исключительно изъ крестьянскаго быта и особенно упражнять учениковъ въ составленіи реестровъ хозяйственныхъ предметовъ, для чего „брать у хорошихъ дворскихъ счетчиковъ образцы счетовъ зерноваго хлѣба и денегъ, по которымъ ученики должны составлять свои реестры“.

Выгоды обученія *измѣренію* Пирамовичъ указываетъ въ томъ, что при немъ удобнѣе соразмѣрить количество посѣва и сбора и что знатока этого дѣла могутъ „взять во дворъ“, такъ какъ помѣщики въ то время всюду приступали къ измѣренію своихъ полей. Обученіе должно было идти исключительно практическимъ способомъ. „Показавши ученикамъ инструменты и давши понятіе о каждомъ изъ нихъ, учитель выходитъ съ ними въ поля, огороды, на площади и на дѣлѣ показываетъ употребленіе ихъ и способы измѣренія“. Въ школѣ ученики будутъ чертить эти инструменты, причемъ не должно заботиться о красотѣ рисунка: „черченіе хотя и неловкое будетъ для нихъ упражненіемъ (забава), для красивыхъ чертежей есть школы“ (выспія). При измѣреніи требуется обучать мѣрамъ и вѣсамъ—краевымъ и пограничнымъ.

Наука о *постройкахъ* также производилась практическимъ или нагляднымъ способомъ. Учитель, объяснивъ ученикамъ, каковъ долженъ быть матеріалъ для построекъ, какъ его обрабатываютъ, складываютъ, заставляя дѣтей чертить сельскія строенія, также не заботясь „о красотѣ чертежа“; потомъ обходитъ съ дѣтьми деревню, указывая удобства или неудобства постройки того или другаго предмета, какъ-то: домовъ, сараевъ, крышъ, стѣнъ, оконъ, дверей и т. п., входитъ съ ними въ мельницы и т. д. „Но наиболѣе принесетъ пользы, говоритъ Пирамовичъ, если ученики, во время работы при костелѣ или на пансовомъ дворѣ, будутъ присматриваться, какъ складно строятъ деревянныя зданія філиппоны (русскіе раскольники) и горали“ (жители карпатскихъ горъ). Пирамовичъ надѣется, что этимъ способомъ обученія школы будутъ доставлять деревнѣ и цѣлому краю „мельниковъ, пильщиковъ, бочарей, плотниковъ“ и т. п.

Совершенно въ томъ-же духѣ и тѣмъ-же способомъ должно производиться обученіе: торговлѣ, промысламъ, земледѣлію и огородничеству, причемъ то-же внушается учителю „не говорить съ

учениками о такихъ предметахъ, которые не имѣютъ отношенія къ ихъ званію и средѣ.

Что касается *физическаго воспитанія*, то для него предписываются тѣ-же приемы и способы, какіе положены для „выспихъ школъ“, тѣ-же прогулки, игры, тотъ-же „военный мундиръ“. Различіе только въ томъ, что при военныхъ упражненіяхъ не упоминается о возбужденіи чувства чести, рыцарскихъ доблестей и т. п. а требуется исключительно закалывать (*hartować*) силы учениковъ, съ употребленіемъ и нѣкоторыхъ особенныхъ приемовъ, „свойственныхъ ихъ званію“, напр. „пріучать ходить босыми, безъ обуви, развѣ ужъ слишкомъ холодно. или болѣзнь случится, или приключится что-либо другое, требующее обуви“.

Нравственное воспитаніе, выходя изъ признанія крѣпостнаго состоянія Божиимъ предопредѣленіемъ, имѣло задачею все добродѣтели, свойственныя этому званію, именно: „справедливость, любовь къ ближнему, милосердіе, терпѣніе, стыдливость, трезвость, повиновеніе закону, панамъ своимъ и всему высшему начальству“. Безъ сомнѣнія, при этомъ не упоминается ни о какомъ нравѣ природы крѣпостнаго человѣка. Если Пирамовичъ говоритъ иногда объ уваженіи къ самолюбію крестьянскихъ учениковъ, то, не имѣя для него опоры въ натурѣ крѣпостнаго человѣка, онъ часто самъ себя противурѣчитъ, напр. когда совѣтуетъ учителю „наиболѣе употреблять тѣ наказанія, которыя пристыжаютъ виновнаго“. Нравственное воспитаніе ставилось выше всего и безусловно подчиняло себя все прочія задачи школы. „Если-бы учитель, говоритъ Пирамовичъ, напрягалъ все свои усилія къ достиженію этой цѣли (т. е. воспитанію учениковъ въ указанныхъ добродѣтеляхъ) и успѣвалъ въ ней, то хотя бы ему не удалось научить дѣтей чему-либо другому, онъ не имѣлъ-бы въ чемъ винить себя предъ Богомъ и людьми и былъ-бы достоинъ похвалы и награды“. Крестьянскія дѣти воспитываются въ добродѣтеляхъ иначе, чѣмъ шляхетскія. „Вся наука, говоритъ Пирамовичъ, должна состоять, выражусь такъ, въ заправѣ ихъ къ добру посредствомъ навыка“. Предлагаются разные способы этой заправы, состоящіе въ пользованіи разными случаями, чтобы дѣтей натолкнуть на доброе дѣло и отвлечь отъ порока. Большою новостью въ начальной школѣ являлось пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ, замѣнявшихъ собою прежде совершенствованіе въ пѣніи латинскихъ

стиховъ, литаній и т. п. Пирамовичъ находить, что пристойныя и веселыя пѣсни много помогаютъ воспитанію. Пѣсня развеселить, оживить, дать пріятносъ развлеченіе; „посредствомъ пѣсни можно даже влгать въ душу дѣтей набожность, любовь къ ближнему, охоту къ труду, разныя добродѣтели, отвращать отъ проступковъ, праздности и т. п.“

Проектъ парафіальной школы остался неисполненнымъ, — не потому, какъ думаютъ польскіе историки, что раздѣлъ Польши помѣшалъ исполненію его, но по неприложимости его на дѣлѣ. Кромѣ внутренняго противурѣчія, какое представляетъ система воспитанія идеальнаго крѣпостнаго человѣка, важнымъ препятствіемъ къ учрежденію школъ служило отсутствіе опредѣленныхъ средствъ къ существованію школы и учителя, расчетъ исключительно на великодушіе и милость пановъ и ксендзовъ. Только по границамъ Пруссіи, успѣвшей въ это время, при помощи простаго практическаго способа (пикольные эффораты и обязательность школьныхъ съладокъ), быстро распространить школы по деревнямъ, стали появляться парафіальныя школы, содержимыя при костелахъ по старому типу. Достаточно заглянуть въ тогдашнія «wizyty», чтобы убѣдиться въ крайней фантастичности школьной статистики г. Зарудкаго (*Dawne wychowanie szkolne w Polsce*), насчитывающаго въ Польшѣ въ 1790 году 9,316 парафіал. школъ и 296,400 учащихся въ нихъ.

Намъ остается сказать о женскомъ образованіи. Но о немъ мы можемъ сказать не многое. Комиссія просвѣщенія оказалась совершенно безсильною въ преобразованіи воспитанія славившейся тогда въ цѣлой Европѣ польки. Тутъ всѣ старанія комиссіи разбились о примѣры въ семействахъ даже самихъ членовъ ея, какъ напр. одного изъ наиболѣе видныхъ Адама Чарторыжскаго, жена котораго была извѣстною въ Европѣ красавицей и куртизанкой, или—въ домѣ предсѣдателя ея, епископа Массальскаго, племянница котораго, герцогиня де-Линь, обратила епископскій домъ въ пріютъ едва-ли не самой веселой жизни на Литвѣ и наиболѣе содѣйствовала растратѣ дядей ея огромныхъ суммъ изъ по-іезуитскихъ капиталовъ,—или жена даже самаго преданнаго учебной реформѣ Игнатія Потоцкаго, его брата Станислава Потоцкаго, бу-

душаго продолжателя плановъ комисіи... Широкиѣмъ потокомъ разливалось въ высшихъ кругахъ тогдашней Польши модное воспитаніе, такъ тѣсно совпадавшее съ слабыми сторонами польской женщины, любившей веселиться и нравиться. Французскіе пансіоны, французскія гувернантки низвели все воспитаніе до умѣнья читать, писать, говорить по-французски, играть на клавикордахъ и гитарѣ, прелестно танцовать, всего-же болѣе—нравиться ¹⁾. „Что сказать о женскомъ воспитаніи?—пишетъ Колонтай къ Малаховскому. Жалкое подражаніе намножило въ столицѣ пансіоновъ. Модѣ принесены въ жертву добрые обычаи; хорошій тонъ превратилъ благородныхъ панепокъ въ комедіантокъ, въ искусныхъ танцовницъ... Мы трудимся надъ воспитаніемъ женщины только для того, чтобы она развлекала насъ и кружила намъ головы, нисколько не думая о томъ, чтобы она заботилась о нашемъ характерѣ и нашихъ обычаяхъ, чтобы она укрѣпляла въ насъ мужество и содѣйствовала доброму управленію...“ Большинство шляхты продолжало держаться противоположной крайности, лишавшей женщину всякаго знакомства со свѣтомъ и дѣлавшей ее крайне не опытною и не твердою въ отношеніи къ соблазнамъ свѣта, именно—монастырскаго воспитанія. Главными воспитательными пріютами служили для этой части шляхты ²⁾ монастыри *оузитоукъ* и *сакраментоукъ*. Въ 18 вѣкѣ является стремленіе къ воспитанію женщины низшихъ классовъ, чѣмъ занялись специально *шаритки* (сестры милосердія) и *фелицианки*. Эта заботливость о бѣдныхъ классахъ сосредоточилась преимущественно на русскихъ областяхъ, на русской простой женщинѣ, начиная отъ границъ сплошнаго польскаго населенія, по которымъ расположены были школы шаритоукъ (Холмъ, Бѣла, Бѣлостокъ). Въ половинѣ 18 вѣка появились *маріанитки*, съ специальною задачею обращенія евреекъ въ христіанскую вѣру; но онѣ поселились и развили свою дѣятельность исключительно въ Бѣлоруссіи, подъ руководствомъ ксендза Іосифа Турчиновича. Онѣ имѣли свои монастыри и школы: въ Минскѣ, Мстиславлѣ, Слонимѣ, Полоцкѣ, Оршѣ, Головчинѣ, Витебскѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Мозыри, Пинскѣ, Бобруйскѣ и др. На Волыни и Украинѣ напротивъ невидимъ ни одного

¹⁾ Лукашевичъ, т. II, стр. 439.

²⁾ Лукашевичъ, т. II, стр. 435, 436.

изъ этихъ пріютовъ.—монахины пугались казацкихъ бунтовъ и народнаго настроенія.

Коммисія просвѣщенія, не имѣя никакихъ средствъ къ учрежденію общественныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, ограничивалась заохочиваніемъ монахинь къ развитію учебной дѣятельности и подчиненіемъ всѣхъ частныхъ пансіоновъ вѣдѣнію ректоровъ окружныхъ школъ и визитаторовъ, постановивъ при этомъ, чтобы 1) содержаніе пансіоновъ разрѣшаемо было только способнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ дамамъ, 2) курсъ обученія составляли: чтеніе и письмо по-польски, счисленіе, ручныя работы, исторія, особенно отечественная, географія, религія и нравственность. Но визитаторы доносили, что нѣтъ возможности заставить содержательницъ подчиниться требованію коммисіи. Последняя рѣшилась испробовать для услѣха женскаго образованія средство, съ помощію котораго Пруссія въ концѣ этого столѣтія успѣла сильно распространить первоначальныя школы, именно—*эффораты*, т. е. мѣстныя общества для содѣйствія успѣхамъ школъ, для ближайшаго надзора за ними и т. п. Дамскіе Эффораты—надѣялась коммисія—привлекутъ дамъ высшаго круга, измѣнятъ взгляды высшаго общества на воспитаніе женщины. Но эта рѣшимость пришла уже тогда, когда три державы направляли свои арміи для превращенія въ Польшу всякихъ проектовъ и самаго бытія ея.

Надежды польскихъ реформаторовъ не исполнились: школа не спасла Рѣчь Посполитую отъ полнаго разрушенія. Поляки жалуются, что имъ не дали достроить начатое зданіе по уставамъ 1783 года и по конституціи 3-го мая; они выражаютъ полную увѣренность, что завершеніе этого зданія поставило-бы Польшу въ ряду самыхъ цвѣтущихъ государствъ Европы. Но учебные уставы, планы, наставленія, способы ихъ исполненія, цѣли и задачи воспитанія, ходъ и успѣхи его, словомъ, наиболѣе жизненный нервъ предложеннаго польскаго государства, полный и ясный обликъ идеальнаго зданія—на лицо: система, полная внутреннихъ противурѣчій, не могла внести единства въ разрозненныя и враждующія общественныя силы, напротивъ только увеличивала антагонизмъ ихъ; естественная, эгоистическая нравственность не могла примирить

двѣ враждующія народности, обуздать произволъ шляхты, поднять низшіе классы на степень живыхъ органовъ общества и государства; безсвязное нагроможденіе наукъ, съ ослабленіемъ¹⁾ образовательнаго элемента въ пользу узкаго, поверхностнаго практицизма, дрессировка воли подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства и воображенія приводили не къ сознанію дѣйствительныхъ болѣзней и нуждъ общества и государства, но къ постройкѣ воздушныхъ замковъ, отвлеченнаго, призрачнаго отечества,—не къ дѣйствительному, спокойному и упорному труду надъ обновленіемъ народныхъ силъ, но къ мечтаніямъ о легкой возможности осуществить идеаль сильнаго польскаго государства и къ постояннымъ нареканіямъ на препятствія извнѣ. Европа охотно уступитъ Польшѣ честь „перваго примѣра устройства отдѣльной государственной магистратуры надъ общественнымъ образованіемъ“ (министерства народнаго просвѣщенія)²⁾ и перваго объединенія системы образованія въ государствѣ. Въ замѣнъ того Европа получаетъ отъ Польши первое доказательство того, какъ опасно обращать школу въ орудіе политическихъ видовъ.. Отдаемъ полную честь попыткамъ Польши приложить къ школъ то, что было лучшаго въ воспитательныхъ идеяхъ XVIII вѣка, и распространить благо просвѣщенія на все свое населеніе. Понимаемъ всѣ трудности первой пробы этого важнаго дѣла и неизбежность увлеченій и ошибокъ, цѣнимъ усилія дѣятелей реформы. Польшѣ выпала трудная доля созидать эту реформу среди взыволнованныхъ страстей цѣлаго края, среди грома шумехъ, глядя въ раскрытую предъ нею бездну... Тѣмъ глубже и ошибки! Тѣмъ непростительнѣе было-бы повторять эти ошибки, воздвигать на нихъ алтарь національнаго образованія, какъ это сдѣлано во времена Варшавскаго Герцогства и въ первые годы Царства Польскаго, указывать на эту реформу, какъ на извѣстный памятникъ національной дѣятельности, какъ это доселѣ видимъ въ польской литературѣ (и въ исторіи школъ—Лукашевича).

Въ частности, что обѣщала эта реформа въ виду долгой и упорной борьбы между двумя основными народностями бывшей Польши? То, что такъ рельефно представлено было извѣстнымъ

¹⁾ Это выраженіе взято нами изъ докладовъ Станислава Потоцкаго саксонскому королю—варшавскому герцогу и императору Александру I въ 1814 году. Эти доклады являюся въ дѣлахъ архива варшавскаго учебнаго округа.

организаторомъ новой общественности въ Галиціи, гр. Голуховскимъ въ знаменитомъ его изреченіи: „мазуръ+русинъ=полякъ“. Въ этомъ отношеніи польская, дореформенная старина была несходительнѣе и благоразумнѣе просвѣтительной новизны. Реформа, безусловно исключающая всѣ другіе типы школы на всемъ пространствѣ Рѣчи Посполитой, не сдѣлала ни единой уступки въ пользу русской народности; народность, составлявшая половину государства, такъ ярко доказавшая преданность своимъ началамъ продолжительною и упорною борьбою съ нимъ, почеркомъ реформаторскаго пера уничтожена; реформа видитъ на ея мѣстѣ только поляка, громающаго политику русскаго царства въ отношеніи исконныхъ, родныхъ областей ея именемъ „хитрости, наѣзда, насилія, грабежа, присвоенія чужой собственности“. Даже базилиане, наиболѣе соответственные слуги Рѣчи Посполитой, нашлись вынужденными вступить въ борьбу со школьною реформою. Если первоначальное невниманіе къ ней со стороны какихъ-нибудь уманскихъ, или каневскихъ базилианскихъ монаховъ могло быть только послѣдствіемъ невѣжества, то дальнѣйшая оппозиція и распространеніе ея во всѣхъ базилианскихъ школахъ должны были имѣть иной смыслъ. Оппозиція усилилась до того, что коммисія просвѣщенія угрожала закрыть всѣ базилианскія школы, если они не будутъ исполнять уставы ея въ точности. Угроза подѣйствовала и въ 1785 году. Провинціалъ базилианскій увѣдомилъ коммисію, что отселѣ базилиане будутъ исполнять эти уставы во всѣхъ отношеніяхъ¹⁾. Но и послѣ этого базилиане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжали упорствовать. Не можетъ быть, чтобы эта оппозиція имѣла основаніемъ, какъ думаетъ Лукашевичъ, слѣпое пристрастіе къ Альвару и старой риторикѣ. Въ визитаторскихъ рапортахъ часто попадаются нареканія, что базилиане не хотятъ праздновать въ своихъ школахъ римско-католическихъ праздниковъ. Одинъ изъ числа первыхъ четырехъ визитаторовъ, посланныхъ отъ имени коммисіи просвѣщенія, Головицъ, выражается о любарскихъ базилианахъ, что они „портятъ своимъ греческимъ обрядомъ и соблюденіемъ своихъ праздниковъ единство (въ религіозномъ обученіи), указанное въ уставахъ коммисіи“²⁾. Какъ въ той-же визитѣ, такъ и другихъ выражается

¹⁾ Historia szkół II, стр. 444 въ прилѣжаніи.

²⁾ Archivum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. 1877. Краковъ.

сожалѣніе, что хотя большинство базилианскихъ учениковъ, а иногда и всѣ почти ученики ихъ римско-католики, но базилиане празднуютъ и свои праздники, что, по мнѣнію визитаторовъ, отнимаетъ много времени отъ науки. Съ 1789 г.,—года народныхъ волненій на Волыни, эти жалобы визитаторовъ прекращаются или выражаются мягче. Это уже не религіозная нетерпимость прежняго, стараго времени, но фанатизмъ политическій, который, предпочитая нравственность естественную, подчинилъ политическимъ видамъ и свою римско-католическую религію¹⁾. — Съ другой стороны, комиссія просвѣщенія не дала никакого мѣста въ школахъ русскому языку. Что въ русскихъ областяхъ Польши было въ то время стремленіе къ изученію своего языка и къ усвоенію общерусскаго литературнаго языка, это показываетъ изданіе въ Полоцкѣ (въ 1770 г.) и въ Почаевѣ (въ 1778) русской грамматики. Авторъ послѣдняго изданія, базилианинъ Любавичъ, посвящая свою книгу: „Grammatyka rossyjska“ извѣстному Адаму Чарторыжскому, владѣльцу обширѣйшихъ имѣній на Волыни, говоритъ въ своемъ посвященіи, что русскій языкъ пользуется „особеннымъ вниманіемъ“ при дворѣ этого князя. Авторъ изданнаго въ Варшавѣ въ 1825 году русско-польскаго словаря, Якубовичъ, въ предисловіи къ нему говоритъ, что у него имѣлась рукопись подъ заглавіемъ: *Начальная наука польская съ російскою 1795 года*. Извѣстно такъ-же изданіе, напечатанное въ 1795 г. Микульскимъ: *Łatwy sposób nauczenia się po rossyjsku i po polsku* (Легкій способъ выучиться по-русски и по-польски).

Между тѣмъ, оставалось во всей силѣ постановленіе сейма 1764 года о томъ, чтобы сыновья русскихъ священниковъ (porowicze), не поступившіе до пятнадцатилѣтняго возраста на духовную службу или не записавшіеся въ ремесло, обращены были въ крѣпостные крестьяне мѣстнаго владѣльца—колятора. Какая духовная служба возможна для пятнадцатилѣтняго мальчика? Легко-ли было переходить въ податное сословіе—ремесленника? Лука-Т. I, стр. 47. Тамъ-же, см. отзывы Головчица объ этомъ предметѣ въ другихъ базилианскихъ школахъ, подъ рубрикою: *Nabożenstwo*.

¹⁾ Базилианскихъ школъ было въ это время 13, именно: въ югозападномъ краѣ 9: въ Барѣ, Бучачѣ, Умаи, Каневѣ, Любарѣ, Овручѣ, Острогѣ, Шарогородѣ и Владимірѣ волынскомъ, въ сѣвероападномъ краѣ четыре: въ Вильтѣ, Жировцахъ, Березвечѣ и въ Борунахъ.

певичъ признаеть этотъ законъ „варварскимъ“, но утѣшается тѣмъ, что онъ побудилъ священниковъ къ крайнимъ усиліямъ, чтобы дать своимъ сыновьямъ образованіе, и что новыя школы, особенно базилианскія, наполнялись священническими сыновьями, которые потомъ поступали или въ священники, или въ канцеляріи, въ учителя, или наконецъ въ частную службу (къ помѣщикамъ). Но неизвѣстный авторъ сочиненія: „Uwagi polityczne do prawideł religii i zdrowej filozofii zastosowane“ (Варшава, 1789 г.) свидѣтельствуеть, что послѣдствіемъ этого закона, „свойственнаго XI и XII, а не XVIII вѣку“, была вражда священниковъ къ Польшѣ и бѣгство священническихъ сыновей „за границу“, т. е. въ русское царство, „для избавленія отъ крѣпостнаго состоянія“. Итакъ, одна часть единственной въ то время свободной русской молодежи (исключительно униатская), поступающая въ школы, принуждаема была въ нихъ чуждаться своего обрада и языка, чтобы потомъ окончательно потеряться въ канцеляріяхъ и панскихъ дворахъ, другая (преимущественно православная) предпочитала этому образованію бѣгство изъ родныхъ пепелищ! Но стало затруднительнымъ для русскаго мальчика научиться даже грамотѣ. Комиссія просвѣщенія не успѣла распространить въ русскихъ областяхъ узаконеннаго ею типа парафіальныхъ училищъ; но она строго наблюдала посредствомъ визитаторовъ, дабы все школы иного образца не были допускаемы. Церковныя школы, эти единственныя пріюты русской народности въ краѣ, прекращали свое долговѣчное существованіе и свою послѣднюю поддержку русской народности! Становилось невозможнымъ въ цѣломъ краѣ научиться даже церковно-славянскому чтенію, чтобы церкви не оставались безъ богослуженія. Бунтъ на Волини (1789 г.), испугавшій визитатора того времени до того, что онъ поспѣшилъ вернуться въ Краковъ, вѣроятно не даромъ заставилъ польскіе суды искать главныхъ виновниковъ его въ средѣ русскихъ священниковъ...

Но визитъ 1789 года мы и начнемъ знакомство съ школами, существовавшими въ южной Руси, т. е. на Украинѣ, Подольи и Волини, на пространствѣ отъ Холма до Винницы и Бара. Къ этому времени окончены почти все приготовленія комиссіи просвѣщенія къ точному исполненію новыхъ уставовъ во всехъ школахъ. Визита 1789 г. польше визитъ другихъ лѣтъ (визиты оканчиваются 1792 годомъ). 1789 годъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ судьбѣ юго-западнаго края.

Е. Крыжановскій.

Люди Старой Малороссіи.

2. МИЛОРАДОВИЧИ.

Милорадовичи вышли въ Малороссію изъ Сербіи около 1713 г., въ числѣ трехъ братьевъ: Александра, Михаила и Гавріида. Случилось такъ: въ началѣ 1711 г., Петръ Великій, готовясь къ войнѣ съ турками, искалъ искусныхъ агентовъ между подчиненными Турціи славянами, для возбужденія послѣднихъ противъ мусульманъ. Однимъ изъ такихъ агентовъ вызвался быть сербъ Михаилъ Милорадовичъ. Въ отвѣтъ на предложеніе Милорадовича—служить царю, Головкинъ, въ письмѣ 3 марта 1711 г., отвѣчалъ, что царь, „познавъ искусство и вѣрность Милорадовича въ воинскихъ дѣлахъ противъ враговъ христіанскаго имени и св. креста, опредѣлилъ его полковникомъ христіанскихъ войскъ“, при чемъ Милорадовичу послано было пятьсотъ червонцевъ, съ обѣщаніемъ, что если онъ успѣетъ „возбудить христіанъ къ брани противъ врага креста Христова, то получитъ высокую милость и награжденіе“. Въ концѣ 1712 г. Милорадовичъ прѣвѣжалъ въ Москву „отъ черногорскаго народа“ за жалованьемъ для войны съ турками ¹⁾, а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ братьями, переѣхалъ въ Россію искать обѣщанныхъ „милостей“, такъ какъ, по его словамъ, въ войнѣ съ турками онъ потерялъ все свое состояніе.

Въ это время Петръ Великій началъ уже вводить въ Малороссіи новыя порядки, желая лишить гетманскую власть прежняго значенія и тѣмъ сдѣлать гетманщину на будущее время безопасною. Съ этою цѣлью, Царь старался полковничьи уряды замѣщать людьми по личному своему выбору, на вѣрную службу которыхъ онъ могъ-бы рассчитывать болѣе, чѣмъ на службу

¹⁾ Опись Сенатскаго Архива, Баранова, № 247.

людей мѣстныхъ, получавшихъ уряды отъ гетмана. Видя въ Милорадовичѣ человекѣна способнаго, Царь рѣшилъ — дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи, надѣясь, что бездомный выходецъ постарается заслужить эту милость. Хотя свободныхъ полковничьихъ урядовъ въ это время и не было, но тогдашній гадацкій полковникъ Чарнышъ легко могъ быть смѣщенъ за свои насилія, на которыя давно уже жаловались его полчане. Затрудненіе было только въ томъ, что Чарнышъ былъ женатъ на падчерицѣ Скоропадскаго, котораго царю не хотѣлось обижать. Но когда умеръ генеральшій судья Туравскій, царь приказалъ на мѣсто послѣдняго перевести Чарныша, а гадацкое полковничество отдалъ Михаилу Милорадовичу.

Гадацкіе полчане, терпѣвшіе уже передъ тѣмъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, „несносныя кривды“ отъ Чарныша, поборно приняли новаго полковника, хотя Чарнышъ попробовалъ было, чрезъ своихъ агентовъ, вооружать народъ противъ Милорадовича¹⁾. Скоро однакоже оказалось, что новый полковникъ, не заботясь объ устройствѣ „полковыхъ порядковъ“, поставилъ себѣ исключительною цѣлью — личную наживу на счетъ пѣлчанъ, для чего не стѣснялся никакими мѣрами. Встрѣтивъ сначала нѣкоторое противодѣйствіе въ своихъ насиліяхъ со стороны полковой старшины, Милорадовичъ постарался устранить послѣднюю отъ всякаго участія въ управленіи полкомъ, замѣняя, гдѣ нужно было, полковыхъ урядниковъ — своими слугами, тоже сербами. Извѣстный лѣтописецъ Григорій Грабянка, бывшій въ это время гадацкимъ полковымъ судьей, писалъ гетману, что „съ назначеніемъ Милорадовича, всѣ слуги его въ дѣла судейскія вмѣшиваются и сами суды судятъ, а къ настоящему судѣ и къ другой полковой старшинѣ запрещаютъ обращаться; сельскихъ урядниковъ кіями бьютъ, въ колодки забиваютъ и уряды отъ нихъ отнимаютъ. Теперь весь городъ нашъ въ большемъ смятеніи: полковничьи слуги толпами ходятъ съ кольями по рынку; хватаютъ людей, мучатъ ихъ, бросаютъ въ тюрьмы и держатъ тамъ пока не откупятся. А кто сталъ было жаловаться полковнику на своеволие его слугъ, то тѣхъ „Милорадовичъ самъ за лобъ

¹⁾ Вслѣдъ за назначеніемъ Милорадовича, „подписокъ“ Чарныша ѣздили по гадацкому полку, возбуждая козаковъ противъ Милорадовича: „дурніи козаки! для чего вы слушаете сего полковника (Милорадовича) — плута, цыгана, шальбера! — Сей такий, якъ и запорожци, — може я вась съ собою за море запровадити, альбо за границу выведши, вѣчне запропастити!“ Арх. генер. канц., № 369.

ворочаючи по двору и кіемъ бьючи немилостиво, примовляеть что и многимъ тутъ нужно дать знать себе“!

И дѣйствительно Милорадовичъ далъ знать себя гадяцимъ полчанамъ.

Черезъ три года послѣ назначенія его полковникомъ, гадяціе полковые урядники писали Скоропадскому: „въ счастливое рейментарство ясневельможности вашей, по всѣмъ полкамъ старшина и народъ, оправившись послѣ шведской руины, благодарятъ Бога, великаго государя и вельможность вашу. Только мы, гадяцкіе полчане, несчастливы: едва стали мы приходить въ себя, послѣ разоренія жилищъ нашихъ шведами, какъ „затурбовалъ“ насъ полковникъ своими строгостями; сталъ онъ отбирать на себя городскіе и старшинскіе доходы, отчего запусѣли въ полку ратуши, а потомъ отдалъ власть надъ полкомъ и судовое управленіе—слугамъ своимъ; а тѣ слуги чинятъ въ полку великія бѣдствія: козаковъ заставляють исполнять самыя низкія работы, позабъжали на смерть лошадей ихъ, бѣгая за добычами; разбѣиваютъ людей по дорогамъ и грабятъ по ярмаркамъ. И вотъ четвертый годъ ждемъ мы избавленія отъ этого арма!—Теперь мы, полковые урядники, только носимъ титулы, а въ дѣйствительности не имѣемъ никакого значенія, такъ какъ полковникъ, уничтоживъ общіе для козаковъ и крестьянъ ратушные суды, сдѣлалъ судилищемъ свой полковничій домъ, въ которомъ и отпавляетъ всякіе суды вмѣстѣ съ своими слугами, минуя насъ, старшину, чтобъ мы не мѣшали долга обдирать безвинныхъ людей. И стало теперь у насъ такъ: что слуга—то и судья, а полковые есаулы—слуги да возницы! полковничій приказчикъ—полковникъ наизвѣстный. И разоря такими порядками народъ, запрещають еще и жаловаться, говоря, что никто уже насъ не можетъ оборонить. А когда мы, видя уничтоженіе козацкихъ вольностей и тяжкія полчанамъ обиды, отважились было просить полковника, чтобы пересталъ онъ мучить козаковъ, чтобы не позволялъ женѣ своей и сыну мѣшаться въ полковыя дѣла и называть старшину полковую и сотниковъ собаками, а старшинскихъ женъ — „нецнотами“; то на просьбу нашу получили такой отвѣтъ: „дамъ, говорить, фискаламъ—старшинѣ по триста кievъ и какъ отобью кожу отъ костей, тогда скажу взять къ государю съ жалобою“!—Получивши такой „суровый“ отвѣтъ и потерявши уже всякую надежду на улучшение нашего горькаго положенія, рѣшились мы просить вашу ясневельможность избавить

насъ отъ такого тяжкаго ярма или дозволить подать жалобы царскому величеству, ибо не вѣдаемъ, что и чинить вамъ далѣе. Часть полковой старшины и теперь уже оставила полковой городъ, не смѣя оставаться въ домахъ, гдѣ приходилось запирались и мѣсяца по два сидѣть, не видя свѣта, какъ только въ окно. Умилосердися, ясновельможный пане, и не дай отъ такой враждебной завязотости нашего полковника въ конецъ вамъ разориться⁴!).

Просьба эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ гетманъ не имѣлъ власти судить поставленнаго царемъ полковника.

Однакоже Милорадовичъ, узнавъ объ этой жалобѣ, рѣшился принять мѣры, чтобы крѣпче утвердиться на мѣстѣ, и поѣхалъ въ Москву просить на свой урядъ царской грамоты. Зналъ, что гетманъ полученную имъ жалобу можетъ представить царю, Милорадовичъ пожелалъ заручиться свидѣтельствомъ мѣстнаго духовенства, въ которомъ послѣднее должно было опровергнуть обвиненія полковой старшины, заявивъ, напротивъ, о достоинствахъ своего полковника. Для этого Милорадовичъ самъ составилъ „благодарственный листъ“ о томъ, что гадяцкіе полчане, будучи вполне довольны своимъ полковникомъ, „чинятъ благодарствіе пресвѣтлѣйшему монарху за присылку такого расторопнаго и отважнаго „кавалера“¹⁾, добронравнаго, доступнаго и ко всѣмъ милостиваго полковника“. Листъ этотъ Милорадовичъ послалъ сначала въ сотенные свои городки — въ Зеньковъ и Ополью, къ тамошнимъ протопопамъ, предлагая имъ, вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ, подписать тотъ листъ, при чемъ увѣрялъ ихъ, что такой точно листъ уже подписанъ гадяцкимъ протопопомъ и всѣми сотниками. Получивъ листъ съ подписями зеньковскихъ и опольскихъ священниковъ, Милорадовичъ сталъ требовать подписей и отъ сотниковъ, изъ которыхъ многіе и подписались. Но гадяцкій протопопъ не только самъ отказался подписывать „благодарственный листъ“, но и священникамъ своей протопопіи запретилъ. Съ послѣдними Милорадовичъ расправился самъ, заставивъ ихъ подписаться на „листъ“ — побоями и грабежомъ имущества, а на протопопа пожаловался кievскому архіе-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Михаилъ Милорадовичъ въ своихъ подписяхъ называлъ себя почему-то „македонскимъ кавалеромъ“.

рею и „привелъ протопопа подъ запрещеніе, что отъ Богоявленія даже до Вознесенія не священнодѣйствовалъ, доколѣ при крестномъ дѣлованіи не выполнилъ воли полковника“. Добывъ наконецъ желаемый „благодарственный листъ“, Милорадовичъ отправился съ нимъ въ Москву и выхлопоталъ тамъ царскую грамоту, подтверждавшую за нимъ гадяцкое полковничество¹⁾. Такъ передаетъ современникъ Милорадовича подробности получения имъ грамоты, добавляя, что, возвратившись съ этою грамотою въ Гадячъ, Милорадовичъ „сталъ еще больше гнать тѣхъ, кто не хотѣлъ подписываться на томъ листѣ. Самъ Милорадовичъ рассказывалъ одному изъ своихъ сотниковъ, что, кромѣ грамоты, просилъ онъ у гр. Головкина еще и денежнаго награжденія за свои потери въ турецкую войну, но канцлеръ отвѣчалъ: „имѣешь теперь гадяцкій полкъ—такъ съ него и жививайся себѣ!“

Обезпечивъ себя царскою грамотою, Милорадовичъ „учинился въ полку самовластителемъ, какъ-бы въ своей отчинѣ“, не стѣсняясь уже ни чѣмъ въ своихъ преслѣдованіяхъ той старшины, которая не хотѣла вполне подчиниться его произволу. Вотъ одинъ изъ случаевъ, какъ Милорадовичъ безпричинно оскорблялъ своихъ сотниковъ, рассказанный очевидцемъ: „въ нынѣшній походъ подъ Царицынъ, полковникъ, въ виду всего войска, избилъ полковаго сотника, Ивана Пиратинскаго, почтеннаго и всѣми уважаемаго старика, за то только, что борзая собака сотника на охотѣ перегнала полковничьихъ собакъ и поймала зайца. Пойманнаго зайца сотникъ хотѣлъ было поднести полковнику, но лишь только подошелъ къ нему, какъ тотъ, не давши ему и слова вымолвить, ударилъ сотника оловянною фляжкою въ спину, а затѣмъ сталъ бить его кулаками по головѣ. Сотникъ обратился было къ находившейся тутъ-же старшинѣ съ просьбою написать объ этомъ случаѣ протестъ, но Милорадовичъ закричалъ: „писали вы уже челобитную гетману, такъ я ту челобитную употребилъ, какъ самъ зналъ“ (что срамно и пояснять),—„тоже будетъ и съ новою вашею жалобою!...“) Убѣдившись, вѣроятно, этимъ доводомъ, Пиратинскій никакой жалобы и не подавалъ.

¹⁾ Этою грамотою, царь, подтверждалъ Милорадовичу чинъ полковничества гадяцкаго, „повелѣвалъ гетману, генеральной старшинѣ и полковникамъ—Милорадовича въ томъ чинѣ надлежащимъ образомъ имѣть, а гадяцкаго полка старшинѣ в козакамъ оного почитать и всякое должное ему послушаніе отдавать и приваждати къ тому уряду маестностями и доходами владѣть“. Черниг. Губ. Вѣд. 1855 г., № 51.

²⁾ Арх. генер. канц., № 369.

Длишивъ полковую старшину всякаго значенія, Милорадовичъ сталъ распорядиться козаками, какъ своими „подданными“, заставляя ихъ нести личную себѣ службу.—Такъ козакъ полковой сотни жаловались, что загоняютъ ихъ поведѣльно—сторожить полковничій дворъ, чего прежде никогда не бывало, и заставляютъ при этомъ печи топить, дрова рубить, кони поить, воду таскать. Вдовъ козачьихъ также загоняютъ къ полковнику для всякой работы: бѣлье моютъ, посуду на кухню чистить, хаты бѣлятъ и всякое дѣло дѣлаютъ, что прикажутъ, наравнѣ съ наемными работницами“).

Прибывъ въ гадяцкій полкъ бѣднякомъ, Милорадовичъ поставилъ главною себѣ цѣлью—нажиться. Въ этомъ отношеніи полковничьи уряды были самыми выгодными мѣстами для наживы, такъ какъ полковникъ всегда получалъ большіе доходы отъ одного полковаго суда, председательствуя въ которомъ, онъ опредѣлялъ по своему усмотрѣнію размѣръ „судовыхъ накладовъ“, которые взыскивались съ подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ. Обыкновенно бывало такъ, что за всякое болѣе или менѣе важное преступленіе (разбой, кражу, прелюбодѣяніе) подсудимый отдавалъ на судей весь свой скотъ, а часто поступался и земельнымъ имуществомъ. Полковникъ дѣлил „выклады“ между полковыми урядниками, оставляя себѣ львиную часть. Кромѣ того полковники получали возможность пріобрѣтать отъ своихъ полчанъ земельные участки по низкой цѣнѣ, запрещая бѣднякамъ продавать ихъ участки другимъ, кромѣ его, полковника, лицамъ. При этомъ полковники впрочемъ старались по возможности давать этимъ покупателямъ хотя внѣшнюю законную форму. Но Милорадовичъ даже и этого не дѣлалъ: окруживъ себя слугами, выведенными изъ Сербіи, онъ открыто насильничалъ съ помощью этихъ слугъ надъ своими полчанами, ни чѣмъ не стѣсняясь. Не главною помощницею Милорадовича въ этихъ насиліяхъ была жена его, Ульяна Степановна, ~~собр~~ личная личность которой резко выдѣляется изъ современныхъ ей „паній“.

Милорадовичъ вышелъ изъ Сербіи вдовцомъ съ однимъ сыномъ, Степаномъ. Черезъ годъ послѣ полученія полковничества, онъ женился на дочери генеральнаго есаула Степана Бутовича—

¹⁾ Тамъ-же, № 754.

Ульянѣ. Между прочимъ браку этому предшествовали уже близкія отношенія между вѣнчавшимися, послѣдствіемъ которыхъ было то, что на пятомъ мѣсяцѣ послѣ брака Ульяна Степановна уже родила Милорадовичу сына, Николая. Не смотря на такое начало сближенія, Милорадовичъ нашелъ во второй женѣ ревностную помощницу въ заботахъ объ устройствѣ своего благосостоянія.

Ульяна Степановна была женщина замѣчательной энергіи, при чемъ вся эта энергія направлена была къ одной стяжательности, для удовлетворенія которой она, какъ и мужъ, тоже не разбирала средствъ. Заботясь объ умноженіи своего благосостоянія, Ульяна Степановна распорядилась въ полку, какъ хозяйка. На полковныя дѣла она имѣла такое влияніе, что гадыцкая старшина просила гетмана, чтобы „пани полковница въ дѣла полковныя не вмѣшивалась, старшину не безчестила, судовъ не судила, декретовъ старшиною писанныхъ не уничтожала, указовъ своихъ по полку не рассыдала и женъ ихъ не безчестила-бъ“¹⁾).

Получивъ отъ отца въ приданое слободку Бутовку (близъ Городни, черниговск. губ.), Ульяна Степановна сама распорядилась въ ней хозяйство изъ Гадыча, за 300 верстъ, письменно наставляя тамошняго своего старосту въ веденіи „господарства“, и не упускала при этомъ никакихъ мелочей. Сохранившіяся ея письма къ бутовскому старостѣ хорошо рисуютъ дѣятельную полковницу. Въ одномъ изъ нихъ напр. полковница пишетъ: „Семене, слуга нашъ, пишешь ты, что городняне очень тѣсятъ нашихъ бутовскихъ людей, въ ихъ поляхъ²⁾); поэтому крѣпко тебѣ приказываемъ не уступать городнянамъ и по возможности отбиваться отъ нихъ. Если случится, что наши люди застанутъ на своихъ поляхъ городнянъ, приказываемъ грабить ихъ лошадей и воловъ; да вообще дѣлай при этомъ такъ: если городняне заграбятъ у бутовчанъ десять лошадей,—ты заграбь у нихъ двадцать!—Да управляйся въ господарствѣ рачительно: смотри за хоромами, перекрой конюшню и амбаръ, чтобы крыша не протекала.—Слышно намъ здѣсь, что свиней у тебя совсѣмъ мало

¹⁾ Тамъ-же, № 369.

²⁾ Бутовка была поселена на земляхъ, отнятыхъ Бутовичемъ у жителей Городни, вслѣдствіе чего послѣдніе продолжали и въ это время спорить съ бутовскими слобожанами за отнятыя земли.

и то конечно отъ твоего нерадѣнія: какъ пригонять свиней съ поля, то вы сгоняете всѣхъ ихъ въ одну кучу и при этомъ свиньи ѣдятъ поросятъ. Ты долженъ досматривать, чтобъ этого не было. Если плохой свинарь попался, такъ прикажи войту, чтобы нанялъ хорошаго, за цѣну, какую и люди платятъ“.

Будучи такою рачительною хозяйкою, Ульяна Степановна требовала отъ слугъ безпрекословнаго исполненія своихъ приказаній и за малѣйшія провинности наказывала ихъ иногда съ ужаснымъ звѣрствомъ. Одинъ изъ ея „подданныхъ“, крестьянинъ с. Малыхъ Будищъ, Андрей Пугачъ, жаловался въ 1733 г. тогдашнему гадяцкому полковнику Грабянкѣ, что отдалъ ояъ малолѣтнюю свою дочь, Евросинью, бывшей полковницѣ Ульянѣ на прокормленіе и услугу, ради своего убожества и вдовства, у которой полковницы та дочь его и жила лѣтъ семнадцать, безъ всякой платы, занимаясь тканьемъ ковровъ. Случилось, что въ этомъ году, лѣтомъ, въ отлучку Ульяны изъ дому, дочь пришла къ нему, отцу, въ гости; но не пробыла она у него и трехъ дней, какъ прибѣжали за нею слуги Милорадовички и взяли ее въ Гадячь. И какъ только привезли дочь въ Гадячь, продолжаетъ Пугачъ, Милорадовичка сейчасъ-же приказала тѣмъ слугамъ, положивши дочь его на полу, бить кавчуками (нагайками) сначала по спияѣ и животу, а потомъ, раздвинувъ ноги, по прочимъ частямъ, сама-жъ Милорадовичка „черевиками“ очи ей выдавила и зубы повыбивала... Отъ такого безчеловѣчнаго истязанія изуродованная дочь его умерла на третій день. И хотя гадяцкій намѣстникъ и запрещалъ священнику хоронить Евросинью, пока не осмотрятъ ея гражданскія власти, однако тотъ священникъ, будучи подкупленъ Милорадовичкою, замученную Евросинью похоронилъ...

Съ такою женою Милорадовичъ успѣшно устранивалъ свое благосостояніе.

„На рангъ“ гадяцкаго полковника принадлежали два мѣстечка: Комышная и Рашавка, которыя при Мазепѣ присоединены были къ „гадяцкому замку“, (принадлежавшему „на булаву“ гетмановъ), а потомъ опять возвращены гадяцкимъ полковникамъ, при Чарнышѣ, по родству послѣдняго съ Скоропадскимъ) Крестьяне этихъ мѣстечекъ отданы были и Милорадовичу „въ послушаніе“.

¹⁾ Арх. генер. ганц., № 402.

Жители Комышной и Рапавки, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались своею зажиточностью; но уже Чарнышъ наложилъ было на нихъ руку, увеличивъ размѣръ прежнихъ повинностей, а Милорадовичъ, кромѣ того, привлечь къ „послушанію“ и козаковъ, жившихъ въ его ранговыхъ маестностяхъ, хотя козаки были всегда свободны отъ „подданныческихъ повинностей“, отбывая только воинскую службу.

Комышанскіе козаки жаловались гетману, что Милорадовичъ „лѣса ихъ рубить и пустошить самовольно, и то дерево на свои строенія употребляетъ, а ихъ принуждаетъ косить ему сѣво, орать, жать, молотить, и тѣ всѣ работы отбываютъ они полковнику, наравнѣ съ посполитыми“. — Посполитые комышанскіе терпѣли разумѣется еще больше: „они были замучены ежедневною панциною, такъ что на свое хозяйство не оставалось и времени.“ „Ежегодно даемъ, писали Комышане, осенциву—отъ вола и отъ коня по 12 шаговъ (грошѣй) и по четверику овса; силою заставляютъ насъ покупать цанскій сыръ, по 50 золотыхъ (20 к. ас.) за бочку, икру по полталера за 10 фунт., ягоды водочныя по гривнѣ за ведро“. — Тоже самое было и у рапавчанъ; но какъ послѣдніе были преимущественно ремесленники, то Милорадовичъ бралъ съ нихъ повинности натурою—тулубами, сапогами и прочими ихъ издѣліями.

Еще въ Сербіи Милорадовичъ занимался купеческимъ промысломъ¹⁾; тамъ онъ вѣроятно и пріобрѣлъ тотъ опытъ, который такъ легко и выгодно было ему прилагать къ дѣлу на гадяцкомъ полковничествѣ. Сынъ его, Степанъ, рассказываетъ о торговыхъ оборотахъ отца въ Гадячъ, что съ октября 1715 по 1719 г. по всему гадяцкому полку шинковалась водка только его отца; при этомъ каждая куфа (бочка) продавалась по 20 р. и болѣе, а покупалась у глуховскаго войта по 12 рублей, а у другихъ и дешевле,—что отецъ бралъ также подряды на поставку водки въ Москву, по нѣскольку тысячъ ведеръ, что въ 1724 г., когда отецъ назначенъ былъ командиромъ малороссійскаго отряда, посланнаго въ сулалцкій походъ, взялъ онъ съ собою 57 бочекъ водки и продалъ тамъ бочку по 140 рублей, да кромѣ того во-

¹⁾ Одинъ сербскій монахъ рассказывалъ въ 1721 г., что онъ пріѣхалъ въ Малороссію „по знаменности своей съ н. полковникомъ гадяцкимъ (т. е. Милорадовичемъ) въ Бухарештахъ, еще поди часть житія его тамъ купеческимъ способомъ“. Арх. генер. канц., № 191.

зилъ онъ туда-же для продажи табакъ, сало и масло. Въ 1725 г., туда-же выравлено было 30 бочекъ водки, которая продана была по той-же цѣнѣ. Торговалъ отецъ и волами, которыхъ ежегодно до самой смерти отправлялъ онъ въ Шліонскъ (Силезію) и въ Петербургъ партіями по пять и по шесть сотъ воловъ“^{*)} Такихъ размѣровъ торговые обороты для того времени были очень значительны, при чемъ Милорадовичъ получалъ тѣмъ большіе барыши, что весь механизмъ этихъ оборотовъ производилъ онъ даровымъ трудомъ своихъ полчанъ. Посылая на Сулакъ водку, Милорадовичъ за вырученныя деньги приказывалъ покупать тамъ мѣстныхъ товаровъ—шелковъ, сафьяновъ и проч., которые затѣмъ раздавалъ насильно своимъ полчанамъ, для мелочной продажи. При этомъ онъ назначалъ товарамъ цѣну высшую противъ стоимости и продавецъ волей-неволей долженъ былъ платить за распроданный товаръ цѣну, назначенную полковникомъ. Для мелочной распродажи этихъ товаровъ, Милорадовичъ выбиралъ изъ своихъ крестьянъ—людей зажиточныхъ, которые бы, на всякій случай, могли отвѣтить предъ нимъ и своимъ имуществомъ.

Приводимъ нѣсколько показаній тѣхъ крестьянъ, которымъ Милорадовичъ поручалъ распродажу своихъ товаровъ.

Григорій Моренецъ рассказываетъ, что Милорадовичъ поручалъ ему не разъ продавать шелкъ, цѣну которому назначалъ по десять золотыхъ за фунтъ, а онъ, Моренецъ, не могъ сбыть его и по два талера за фунтъ;^{*)} за сафьянъ назначалъ цѣну по 5 рублей за „бунтъ“, а продавалъ Моренецъ по семи копъ (3 р. 50 к.) за бунтъ; цѣна рису назначена была по рублю за камень (50 фунт.), а продавъ; по талеру за камень. Да кромѣ того вѣдиль онъ, Моренецъ, по приказу Милорадовича въ Крымъ за виномъ, на своихъ лошадяхъ и на своихъ же харчахъ, посыланъ былъ также въ „Шлѣнскую дорогу“ два раза, и говялъ туда по 200 быковъ, тоже на своихъ харчахъ и своими лошадьми, на что истратилъ 34 р. 73 к.

Андрей Туръ говоритъ, что Милорадовичъ принуждалъ его распродавать свои товары, при чемъ назначалъ имъ цѣны высшія противъ стоимости: шелкъ отданъ былъ полковникомъ по 1 р. 80 к.

^{*)} Арх. генер. канц., № 4206.

^{*)} Золотой=20 коп. асс., а талеръ=60 коп. асс. „Битый“ же талеръ равняется серебряному рублю.

за фунтъ, а продавъ по 1 р.; за „бунтъ“ сафьяна назначено было 5 р., а продавъ по 3 р. 50 к.; „китаю два тюма“—по 10 р., а продавъ по 7 р. Посылалъ полковникъ Тура и въ Крымъ—продавать тѣмъ его масло; а въ Крымѣ покупалъ онъ вино; а на дорожные расходы полковникъ денегъ не давалъ.

Семень Кириченко, козакъ м. Комышной, отца котораго Милорадовичъ повернулъ въ посполитые, также точно распродалъ полковничьи товары, при чемъ приходилось полковнику уплачивать гораздо больше, чѣмъ выручалось отъ продажи. Да возилъ Кириченко въ Царицынъ и въ Крымъ водку и масло, на своихъ подводахъ, и не получалъ отъ полковника за то никакой платы.—Такими способами наживался Милорадовичъ на счетъ своихъ крестьянъ, которые кромѣ того платили ему „чиншъ“ и отбывали усиденную „панщину“.

Земельныя свои богатства Милорадовичъ пріобрѣталъ и увеличивалъ на счетъ козаковъ, у которыхъ безнаказанно отнималъ разнаго рода угодыя. Какія насилія позволялъ себѣ при этомъ Милорадовичъ, примѣромъ можетъ служить исторія его съ козакомъ Баласнымъ. Въ 1720 г., Баласный устроилъ, съ позволенія гетмана, селитренный заводъ около м. Веприка и варилъ селитру два года свободно. Приготовился варить онъ селитру и на третій годъ, какъ неожиданно получилъ приказъ отъ полковницы (Милорадовичъ въ это время былъ въ Москвѣ) прекратить вареніе, такъ какъ она сама думаетъ устроить на томъ мѣстѣ, которое принадлежало Баласному, свою селитроварню. Баласный хотѣлъ было жаловаться въ Малороссійскую Коллегію (это было въ 1724 г.) но, припомнивъ, какъ много полковница коувѣчала людей, рѣшился терпѣть насиліе, „здоровья ради“, и найдя удобное мѣсто, подъ с. Цѣпками, сталъ устраивать другой заводъ. Но Ульяна и здѣсь не позволила Баласному варить селитру, объявивъ, что право селитроваренія въ гадяцкомъ полку должно принадлежать одному полковнику. Баласный пробовалъ было просить полковницу не мѣшать ему варить селитру подъ Цѣпками, уступая за то уже отнятый веприцкій свой заводъ, но позволенія не получилъ. Тогда имѣя въ рукахъ позволеніе гетмана, подтвержденное и Коллегіей, Баласный сталъ варить селитру въ своемъ новомъ заводѣ, не обращая вниманія на запрещеніе. Вскорѣ затѣмъ возвратился въ Гадячъ и самъ Милорадовичъ. Призвавъ Баласнаго къ себѣ, полковникъ предложилъ ему—или прекратить селитровареніе подъ Цѣпками, или уступить ему, Милорадовичу, веприцкій заводъ, выдавъ

уступочный актъ. Балясный согласился на послѣднее условіе и выдалъ полковнику актъ на веприцкій заводъ, оговоривъ, что уступаетъ одинъ заводъ, безъ буртовъ. Вслѣдъ затѣмъ Балясный умеръ, а Милорадовичъ отправился въ Сулацкій походъ. Пользуясь отсутствіемъ полковника, Балясный-сынъ пожаловался Вельяминову, описавъ, какъ у отца его отнять былъ веприцкій заводъ, на которомъ селитровареніе разрѣшено было Балясному —отцу самою Коллегіей. Въ отвѣтъ на жалобу Вельяминовъ спросилъ у гадяцкаго наказнаго полковника, варить ли Балясный селитру. Наказный Штишевскій отвѣчалъ, что ни Балясный —отецъ не варилъ послѣдніе годы, ни сынъ его не варить, „того ради, что полковникъ своею волею тотъ заводъ изволилъ занять на свою особу“.

Возвратившись изъ похода и узнавъ о поданной жалобѣ въ Коллегію, Милорадовичъ призвалъ Баляснаго и приказалъ ему до-полнить полученный отъ отца его на веприцкій заводъ актъ прибавкою объ уступкѣ и тамошнихъ буртовъ. Балясный не согласился. Затѣмъ Милорадовичу случилось быть въ м. Опошнѣ, гдѣ жилъ Балясный. Придравшись къ послѣднему, что тотъ не выѣхалъ къ нему на встрѣчу, полковникъ „приказалъ Баляснаго оковать на арматѣ (пушкѣ) двумя цѣпами, въ самый праздникъ сошествія св. Духа, и велѣлъ держать подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ, что и нужды ради человѣческой пускать не велѣлъ“. Отпустивъ наконецъ съ арматы Баляснаго, Милорадовичъ снова сталъ требовать уступки веприцкихъ буртовъ; но Балясный не уступалъ. Желая добиться требуемой уступки, полковникъ приказалъ посадить Баляснаго „на самой бездѣльной лошади и гналъ его передъ собою въ свой хуторъ, за 30 верстъ отъ Опошни. А пріѣхавъ въ хуторъ, держалъ Баляснаго въ яничникѣ два дня, подъ тайнымъ карауломъ. Но Балясный все не соглашался на уступку буртовъ. Тогда Милорадовичъ отослалъ непокорнаго полчавина въ Гадячь, гдѣ Баляснаго снова приковали къ пушкѣ. Въ это время Милорадовичъ получилъ указъ Малороссійской Коллегіи ѣхать въ Глуховъ „для отвѣтствія противъ челобитчиковъ“ —Балясный, изъ опасенія, былъ освобожденъ.

Въ Глуховъ однакожъ Милорадовичъ не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнями. По возвращеніи изъ Сулацкаго похода онъ дѣйствительно сталъ болѣть и написалъ въ это время свое завѣщаніе, по которому всѣ свои гадяцкія имѣнія, городскіе дворы, мель-

ницы, хутора и разныя земли, назначилъ жевѣ и сыну Николаю вмѣстѣ. Сыну Степану Милорадовичъ ничего не оставлялъ потому, что, какъ объяснилось въ завѣщаніи, опъ ему „досталъ мѣстность своимъ стараніемъ“ и кромѣ того выдѣлить уже часть, когда Степанъ женился.

Въ сентябрѣ 1726 г. Михайло Милорадовичъ умеръ. Имѣніи умершаго, на основаніи духовнаго завѣщанія, завладѣла вдова его вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ. Старшій сынъ Милорадовича — Степанъ въ это время жилъ въ с. Позынкахъ (около Лохвицы), которое получилъ за женою отъ тестя своего, Михаила Гамалѣи, и которое утверждено было за нимъ, по старавію отца, и царскою грамотою.

Находя, что братъ Николай, какъ незаконный сынъ отца, не имѣетъ права на завѣщанное ему наслѣдство, Степанъ Милорадовичъ обратился въ генеральную канцелярію съ просьбою, чтобы вдова отца выдала ему часть отцовскаго наслѣдства. ¹⁾ Но Ульяна Степановна поспѣшила помириться съ пасынкомъ; миръ со-

¹⁾ Приводимъ здѣсь перечень этихъ требованій. „Вѣдніе добръ отца моего, полковника гадяцкаго Михаила Милорадовича, колюе число требую я отъ павей, кромѣ того, що дѣляю моимъ леговано въ духовницѣ отческой.—Портретъ его императ. величества (Петра В.), отцу моему еще не жоватому пожалований.—Крестъ широзолотный, зъ Македоніи вивезенный.—Грамоту его импер. величества, даную на чинъ полковничества.—Писма его-жъ императ. величества, въ нашу сторону (въ Сербію) до отца писаніе.—Денегъ тысячу рублей.—Дворъ въ Гадячу, который еще не жемившея отецъ мой мало бувъ не достроивъ.—Два шинка, одинъ въ Гадячомъ, а другій въ с. Бабкахъ — Вѣлчуру лампартовую, подшитую песками, зъ гузиками большими срібными позлоцаними, которые отецъ у мене взялъ.—Соболей паръ трохъ.—Шабель двѣ, которые отецъ изъ собою въ Гадячъ привезъ: одна каменіями осажена, а другая среброчъ окована, турецкая. — Кубковъ два срібныхъ позлоцаныхъ большихъ и кружку сребраную позлоцаную большую жъ, что привезъ зъ собою зъ Москвы.—Коней двохъ верховыхъ зъ кулабами и рондами, а именно: тую кулабаку, что отецъ мой зъ Москвы привезъ зъ собою, подъ срібро оправную и рондъ камішиемъ осажованной, а другую кулабаку зъ рондомъ, что гетманъ съ коней далъ.—Пистолтовъ паръ трохъ, пару французскихъ, а двѣ тулской работи.—Флинту турецкую оправную подъ сребро и подъ позлоту.—Гвинтовку тулской работи.—Ковей четверо стада покойнаго отца моего.—Кобыль девять и дриганта (жеребца).—Воловъ 20, коровъ 10 и бугая.—Двѣ сичяхъ футеръ шليمовихъ заводковихъ двѣ жъ, съ тихъ лисецъ, что отецъ мой зъ Сулагу прислалъ.—Овецъ съ баранами 70.—Барсовъ два—коней верховыхъ покривать.—Алембикъ одинъ.—Казанковъ дворовыхъ три.—Вишпячихъ казановъ два.—Тарфловъ цѣнованихъ 12 и полумисковъ 12. Селѣтри зъ обохъ заводовъ 2 куфи (бочки).—Жива осмачокъ—15, пшеницы 10. гречки —8 и овса—6. Степанъ Милорадовичъ“. Архивъ генер. канцел., № 4206.

стоялся при посредствѣ тогдашняго Глуховскаго дѣльца Валькевича и Степанъ Милорадовичъ выдалъ мачихѣ обязательство „о нечелобитствованіи впредь объ отцовскихъ имѣніяхъ“. Въ послѣдствіи Степанъ утверждалъ, что росписку эту онъ выдалъ „по своему чужестранству, въ невѣдѣніи малороссійскихъ правъ и порядковъ,“ при чемъ и былъ обманутъ мачихою. Однакоже дѣло этимъ и кончилось. Вдова Милорадовича скоро вышла вторично замужъ, за Петра Черныша, и продолжала владѣть имѣніями Милорадовича, болѣе двадцати лѣтъ, пока не явились новые претенденты на эти имѣнія, въ лицѣ сыновей Степана Милорадовича.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, многіе сыновья малороссійскихъ пановъ стали начинать свою службу при дворѣ, поступая туда камеръ-лакеями. Мѣста эти получались вѣроятно при посредствѣ Алексѣя Разумовскаго, который не отказывалъ въ покровительствѣ своимъ землякамъ. Камеръ-лакеемъ при дворѣ началъ службу и старшій сынъ Степана Милорадовича—Петръ. Живя при дворѣ, Петръ Милорадовичъ имѣлъ возможность получить совѣты знающихъ людей относительно возможности вачать новое дѣло объ имѣніяхъ дѣда съ его вдовою. Знающіе люди находили, что можно вачать дѣло о незаконномъ рожденіи Николая Милорадовича и на этомъ основаніи можно и отобрать у него отцовскія имѣнія. Но такъ какъ право на этотъ споръ принадлежало жившему еще старшему брату Николаю—Степану, то требовалось, чтобы послѣдній свое право на отысканіе отцовскаго наслѣдства передалъ сыновьямъ, что и было сдѣлано, съ помощію извѣстнаго по Литовскому Статуту „улиточнаго“ акта. Заручившись этимъ актомъ, Петръ Милорадовичъ подалъ въ 1747 г., вмѣстѣ съ братьями, въ сенатъ челобитную, въ которой объяснялъ, что „дѣдъ ихъ, истцовъ, въ 1716 г., въ послѣднихъ числахъ іюля, по причинѣ своего вдовства, женился въ Малой Россіи на дочери генеральнаго есаула Бутовича, бывшей въ дѣвкахъ Ульянѣ, которая, живя съ дѣдомъ ихъ въ законномъ супружествѣ, тогожь года въ декабрѣ противъ 6-го числа, то есть на пятомъ, по выходѣ своемъ въ замужество, мѣсяцѣ, родила не законно въ дѣвкахъ еще ею прижитаго сына Николая, который, будучи нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, считается между бунчуковыми товарищами и пишется рода ихъ прозваніемъ Милорадовичемъ; а повеже о не законномъ рожденіи бабою ихъ Ульяною сына Николая извѣстно почти во всей Малой Россіи и такыя не законнорожденные въ число степенныхъ фамилій не приемятся, того ради не законно-

рожденнаго сына Бутовичевны Наколая отъ наслѣдія имѣній Михайла Милорадовича истцы просили „отрѣшить“. Прося передать эту челобитную для рѣшенія въ генеральный судъ, истцы заявляли отводъ отъ участія въ рѣшеніи противъ есаула Валькевича, подскарбія Скоропадскаго и судьи Лысенка. Перваго Милорадовичи устраняли потому, что онъ, при рѣшеніи дѣла писаря генеральнаго суда Пиковца и бунчуковаго товарища Журавки, „обличенъ явнымъ плутовствомъ“; Скоропадскаго—потому, что „онъ Валькевичу другъ и одианъ съ другимъ при рѣшеніи дѣлъ, никогда не спорять и безъ взаимнаго согласія ничего не дѣлають“; наконецъ Лысенка—на томъ основаніи, что „онъ по своему простосердечію, при рѣшеніи дѣлъ не спорить, а соглашается съ сентенціею Валькевича и Скоропадскаго, о чемъ и сенату довольно извѣстно“. Просьба Милорадовичей была во всемъ сенатомъ уважена и дѣло передано было для рѣшенія въ генеральный судъ. Взявъ отпускъ, Петръ Милорадовичъ пріѣхалъ въ Глуховъ хлопотать, чтобы не было „волокиты“, хотя сенатъ и повелѣлъ суду „учинить по челобитной Милорадовичей рѣшеніе безъ наималѣйшаго продолженія“.

Въ концѣ января 1748 г. изъ суда посланъ былъ канцеляристъ Дембовскій „за сыскомъ отвѣтчицы Бутовичевны“. Но отыскать Ульяну Степановну было не легко; прослыхавъ о челобитной дѣтей пасынка, она стала переѣзжать съ мѣста на мѣсто и „ѣздила богѣе ночью, а не днемъ“, почему Дембовскій вернулся въ Глуховъ, не сыскавъ отвѣтчицы Милорадовичей. Судъ послалъ другаго канцеляриста, Леонтовича, приказавъ, „чтобъ онъ, гдѣ ее заслышитъ, туда и ѣхалъ“, для врученія указа о вызовѣ къ суду на 7 марта. Отвѣтчица наконецъ найдена была въ Прилукѣ, въ домѣ племянника своего, Якова Тарновскаго, но оказалась больною. Судъ предложилъ ей прислать вмѣсто себя повѣреннаго; но Ульяна Степановна хотѣла дѣло затянуть... Петръ Милорадовичъ съ своей стороны настаивалъ на скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла, указывая на то обстоятельство, что онъ „за несвоевременную свою явку изъ отпуска ко двору, опасуется отвѣта“. Судъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла безъ явки отвѣтчицы и допросилъ свидѣтелей о не законномъ рожденіи Наколая. Нѣсколько свидѣтелей положительно утвердили, что Михайло Милорадовичъ женился на Ульянѣ Бутовичевнѣ въ

концѣ іюля 1716 г., а въ декабрѣ того-же года Ульяна родила сына Николая. На освѣщеніи этихъ показаній, судъ въ іюлѣ 1748 г. рѣшилъ дѣло Милорадовичей тѣмъ, что Ульяна Степановна, какъ вышедшая замужъ вторично, должна быть лишена права на имѣніе перваго мужа, а сынъ ея Николай, какъ не законнорожденный, не имѣетъ права на наслѣдство Михайла Милорадовича и не долженъ зваться Милорадовичемъ. Отказалъ судъ только въ отобраніи отъ Ульяны Степановны села Козловки, которое она выхлопотала себѣ съ сыномъ, по смерти Милорадовича, за его службы; тутъ ужъ суду ничего нельзя было сдѣлать потому, что на Козловку Ульянѣ лично дана была царская грамота.

Генеральный судъ неправильно рѣшилъ это дѣло, такъ какъ и Ульяна Степановна и сынъ ея Николай имѣли законное право на имѣніи Михайла Милорадовича, на основаніи его духовнаго завѣщанія, о которомъ судъ ничего не сказалъ въ своемъ рѣшеніи. Лишенный не только имѣній, но и отцовскаго прозвища, Николай повхалъ было хлопотать о перевершеніи дѣла въ Петербургѣ, но не имѣя тѣхъ знакомствъ, какія были у его племянника Петра, ничего повидимому не добился и безслѣдно гдѣ-то потерялся¹⁾.

Придворная служба Петра Милорадовича дала ему возможность исполнѣ устроить свое благосостояніе: сначала онъ получилъ черниговское полковничество, а потомъ, въ 1763 г., женился на правнукѣ извѣстнаго Павла Полуботка, за которою взялъ въ приданое половину Полуботковскихъ имѣній и сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей черниговскаго намѣстничества. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1798 г., въдохвицкомъ своемъ селѣ Гамазѣвкѣ, гдѣ въ тамошней церкви и похороненъ.

Какъ только умеръ Михайло Милорадовичъ, младшій его братъ Гаврило немедленно отправился въ Москву — искать тамъ гадацкаго полковничества. Гаврило Милорадовичъ выѣхалъ въ Россію выѣсть съ Михайломъ; послѣдній награжденъ былъ полковничествомъ, а Гаврилу даны были въ Малороссіи два села: Нежаевка и Калюжинцы.

¹⁾ Въ дневникѣ Хауенка за 1749 г., во время пребыванія въ Петербургѣ, отмѣчено: „явился у насъ бывшаго полковника Милорадовича сынъ поименно Николай и о матерѣ своей спрашивалъ“.

Ставъ „державцею“, Гаврило Милорадовичъ немедленно началъ тѣснить козаковъ, жившихъ въ его маестностяхъ, чтобы на счетъ ихъ увеличить свои богатства. При этомъ онъ производилъ такія же насилія, какъ и братъ его надъ гадящими полчанами. Уже въ 1715 г. нехаевцы подали гетману длинный перечень тѣхъ обидъ, которыя имъ пришлось испытать отъ „полковника македонскаго“ въ первые же годы его „державства“. Вотъ эти обиды:

1) Нестора Доценка, козака, тирански истязалъ за то, что купилъ ниву у мужика (крестьянина Милорадовича) еще прежде его державы; ниву отнял и не только денегъ не возвратилъ, но еще сковалъ его съ тѣмъ мужикомъ за ноги и держалъ такъ недѣлю, пока Доценко не откупился, давъ талеръ.

2) Ивана Осовика, козака, такъ избилъ, что тотъ нѣсколько недѣль пролежалъ, а билъ за то, что тотъ „изволеиємъ Божиимъ“ погорѣлъ; да еще требовалъ и корову.

3) Яцка Хоменка, козака, безъ всякой вины, билъ такъ, что кровь сквозь одежду выступала, а потомъ отнял у него лѣсъ и вырубилъ его на свои постройки.

4) У Хвеська Манджоса, крестьянина, отнял лѣсъ, стоимпій золотыхъ 100; а пока не отнял, хотѣлъ Хвеська повѣсить, да только желѣзомъ оковалъ; и тотъ, не смогши носить на себѣ желѣза, долженъ былъ лѣсъ уступить, а самъ пошелъ въ другое село.

5) Ирину крестьянку тирански истязалъ и вѣшалъ за руки къ сволоку и за то только, что купила квартиру водки у солдата (а не въ шинкѣ Милорадовича; и отслуживаетъ теперь Ирина свою вину уже другой годъ.

6) Дмитра Свиначука „стремглавъ“ повѣсивши, по пятямъ такъ билъ, что недѣли три лазилъ на козвѣняхъ, пока раны зажили; а билъ безъ всякой вины.

7) Пива наварилъ много бочекъ; только то пиво прокисло и стало никуда негоднымъ: не пили его не только люди, но и свиньи; а онъ, Милорадовичъ, приказалъ то пиво раздавать крестьянамъ; и—принимали то пиво съ плачемъ и тутъ-же, при старостѣ, вонъ выливали, а платили за пиво, что хотѣлъ ¹⁾.

Получивъ эту жалобу, Скоропадскій написалъ Милорадовичу, чтобы онъ не обращался такъ „сурово“ съ людьми; но Милорадовичъ не признавалъ надъ собою власти гетмана, о чемъ ему

¹⁾ Арх. генер. канц., № 1018.

прямо и заявилъ. Не зная, что съ нимъ дѣлать, Скоропадскій писалъ въ 1718 г. царю: „полковники Василій Танскій и Гаврило Милорадовичъ, имѣя въ Украинѣ маестности, живутъ *ни подъ чією командою, самовольно*; и того-бъ ради объ оныхъ сдѣлать опредѣленіе, подъ чією командою имъ быть и кому ихъ, по челобитнымъ на нихъ въ разныхъ дѣлахъ, судить; а его де, гетмана, они не слушаютъ“¹⁾. Не получивъ никакого разрѣшенія на свою просьбу и получая постоянныя жалобы на Гаврила Милорадовича, за его насилія, Скоропадскій рѣшился наконецъ произвести по этимъ жалобамъ слѣдствіе; для этого посланъ былъ, въ 1720 г., въ Нехаевку бунчуковый товарищъ Чуйкевичъ. Но Милорадовичъ не призналъ за гетманомъ права производить надъ нимъ слѣдствіе. Чуйкевичъ изъ Нехаевки донесъ Скоропадскому, что Милорадовичъ, „при не укротимой своей противъ козаковъ завзятости“, не допускаетъ его къ слѣдствію. Призвалъ Чуйкевичъ одного козака для очной ставки, а Милорадовичъ приказалъ того козака забить въ колодки; а когда я сталъ возражать, говорить Чуйкевичъ, то Милорадовичъ, „оказавши противъ меня свои сарказмы“, захватилъ всѣ мои бумаги и ушелъ къ себѣ домой. Видя, что производство порученнаго ему слѣдствія невозможно, Чуйкевичъ вернулся въ Глуховъ²⁾. Послѣ этого Скоропадскій уже и не трогалъ „македонскаго кавалера“, который продолжалъ жить „ни подъ чією командою“ и самовластвовать въ своихъ маестностяхъ, пока не умеръ братъ его Михайло. Гаврило Милорадовичъ переѣхалъ въ Россію, какъ и старшій братъ его вдовцомъ. Бывая въ Москвѣ, онъ тамъ высваталъ себѣ вторую жену, какую-то Прасковью Андреевну, „служительку отъ двора князя Меншикова“. Узнавъ о смерти брата Михайла, Гаврило Милорадовичъ отправился въ Москву вмѣстѣ съ женою, которая должна была ему помочь въ искательствѣ гадацкаго полковничества. Но хлопоты о полковничествѣ оказались не легкими: около года пришлось жить Милорадовичу въ Москвѣ, пока наконецъ удалось ему выпросить у Меншикова гадацкое полковничество.

Прослыхавъ объ этомъ искательствѣ, гадацкіе полчане надѣялись, что только что поставленный гетманъ Апостоль сможетъ отстранить Гаврила Милорадовича и дать возможность

¹⁾ Чтенія моск. общ. ист. и др. 1859, I, 282.

²⁾ Арх. генер. канц., № 652.

гадячанамъ выбрать себѣ полковника „вольными голосами“. Съ такою просьбою и обратились къ гетману гадяцкіе полковые урядники, какъ только Апостолю провозглашенъ былъ гетманомъ. „Довольно натерпѣлись мы бѣдъ, писали они гетману, отъ Чарныша и Михайла Милорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая съ другими „застарѣлыми“ полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ „грунта“, чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустъ остается нашъ полкъ теперь. А теперь слышно, что о гадяцкомъ полковничествѣ старается Гаврило Милорадовичъ; этотъ пожелаетъ тоже прежде всего нажитья, какъ видно и изъ писемъ его, которыя онъ сюда пишетъ. Скупить онъ послѣдніе грунты у людей и станетъ работать остальныхъ козаковъ для работъ на тѣхъ-же грунтахъ. А порядковъ никакихъ въ полку онъ намъ не устроитъ. Если Гаврило Милорадовичъ назначенъ будетъ полковникомъ, то должно быть прійдется и намъ, старшинамъ, уступать ему свои грунты, потому что козаки, какіе имѣли грунтыки, уже распродали ихъ, а сами разошлись въ разные мѣста; а въ полку скоро некому будетъ и войсковую службу отбывать“. Въ заключеніе старшина просила гетмана—позволить гадяцкимъ полчанамъ выбрать полковника изъ среды себя вольными голосами. Исполнить эту просьбу Апостолю не имѣлъ права; впрочемъ и заявлена она была поздно: вслѣдъ за подачею ея гетману, изъ коллегій иностранныхъ дѣлъ полученъ былъ указъ о назначеніи гадяцкимъ полковникомъ Гаврила Милорадовича. При этомъ говорили, что полковничество выхлопотала Милорадовичу жена его черезъ Меншикова.

Вступивъ въ управленіе полкомъ, Гаврило Милорадовичъ скоро догадалъ на дѣлѣ, что опасенія полчанъ были вполне основательны.

Въ началѣ 1728 г., гадяцкій судья Штишевскій писалъ гетману, что, противъ желанія полчанъ, приславъ въ Гадячъ полковникомъ Гаврило Милорадовичъ, не имѣющій ни заслугъ, ни способностей („кромя—что онъ двора князя Меншикова служительку за собою держитъ“); пріѣхавъ въ полкъ, онъ сейчасъ-же сталъ „затѣвать полчанамъ нестерпимыя обиды, здирства и побои“. Затѣмъ Штишевскій перечисляетъ насилія Милорадовича,—какъ беретъ онъ взятки за судъ, отнимаетъ у козаковъ земли, рубить ихъ дѣса и проч. Донесеніе Штишевскаго подтверждали всѣ гадяцкіе полчане, подавшіе гетману особую жалобу, что

Милорадовичъ, „оставя правленіе полковыхъ дѣлъ, увхалъ въ ранговыя свой маестности и тамъ только тѣмъ и занимается, что однихъ полчавъ безмилосердно кіями бьетъ, а другихъ по тюрьмахъ и на арматахъ (пушкахъ) окованныхъ по нѣсколько недѣль истязуетъ“⁴. Правду этой жалобы засвидѣтельствовали своими подписаніями, между прочими, и игумены двухъ гадяцкихъ монастырей. Впрочемъ Апостолъ и не сомнѣвался въ правдивости жалобъ, такъ какъ, имѣя свой домъ въ Сорочинцахъ, поблизу ранговыхъ маестностей Милорадовича—Рашавки и Комышной, онъ зналъ все, что тамъ дѣлается. Повхавъ вслѣдъ затѣмъ въ Москву, Апостолъ просилъ коллегію иностранныхъ дѣлъ защитить гадяцкихъ полчанъ отъ Милорадовича. А между тѣмъ изъ Гадяча приходили новыя жалобы, которыя гетманъ препровождалъ въ ту-же коллегію. Насилія Милорадовича были такъ явны, что Головкинъ наконецъ разрѣшилъ Апостолу произвести слѣдствіе по жалобамъ гадяцкихъ полчанъ, а потомъ въ іюль 1728 г. распорядился, чтобы Милорадовича прислали въ Москву „для изслѣдованія показанныхъ отъ него козакамъ обидъ“¹). Произведенное по жалобамъ на Милорадовича слѣдствіе отослано было въ Москву чрезъ Штишевскаго, который долженъ былъ личными уликами еще болѣе подтвердить справедливость слѣдствія. Судъ надъ Милорадовичемъ въ Москвѣ тянулся около года; только въ іюнь 1729 г. гетманъ получилъ наконецъ указъ, что такъ какъ Милорадовичъ сознался въ своихъ преступленіяхъ, „того ради полковникомъ ему не быть, а жить ему, Милорадовичу, въ Нѣжинѣ и довольствоваться пожалованными маестностями—Нехавскою и Калюжинцами“²). Милорадовичъ однако-же поселился не въ Нѣжинѣ, а въ Калюжинцахъ, гдѣ, проживъ годъ, осенью 1730 г. умеръ³).

Гаврило Милорадовичъ оставилъ единственнаго сына — Антона, сыновья котораго были первыми предводителями дворянства въ глискомъ уѣздѣ полтавской губерніи⁴).

Ал. Лазаревскій.

¹) Матер. для отечеств. исторіи, Судіиска, I, 17, 39, 59, 86.

²) Арх. генер. вац.

³) Вдова его вышла вторично замужъ за кн. Ивана Шаховскаго.

⁴) Родословная графовъ и дворянъ Милорадовичей. Каменецъ-Подольскъ. 1880.

Матеріалы для исторіи кievской духовной академіи.

Кievская академія не имѣетъ своей исторіи за время отъ преобразования ея въ 1819 г., послѣ котораго она утратила свой въ-ковой общеобразовательный и общесловный характеръ и стала спеціальнымъ, высшимъ духовнымъ учебнымъ заведеніемъ. Хотя въ 1869 году она торжественно и съ глубокимъ сочувствіемъ всей Россіи отпраздновала 50-ти лѣтній юбилей этого новаго своего существованія, хотя этотъ юбилей вообще возбудилъ въ средѣ академіи интересъ къ изученію родной старины и далъ толчокъ къ открытію при ней церковно-археологическаго общества и музея древностей, хотя, наконецъ, и послѣ юбилея прошла уже больше, чѣмъ десятилѣтняя давность; однако все-таки объ исторіи кievской академіи, исторіи полной, систематической, до сихъ поръ ничего не слышно. Никто изъ современныхъ дѣателей академіи не рѣшился еще спеціально погрузиться въ ея архивъ и вынести оттуда хотя такой трудъ, какой сдѣлалъ для петербургской академіи г. Чистовичъ¹⁾, не говоря уже о такомъ, какимъ недавно почтилъ московскую академію воспитанникъ ея и нынѣшній почтенный ректоръ, о. протоіерей С. К. Смирновъ²⁾. Правда, есть книжка покойнаго В. И. Асоченскаго, посвященная исторіи новой кievской академіи³⁾. Но эта книжка представляетъ лишь внѣшній и бѣглый обзоръ академической жизни, притомъ доведенный только до 50-хъ

¹⁾ Исторія С.-Петербургской духовной академіи—сочиненіе *Иларіона Чистовича*. Спб. 1857 г.

²⁾ Исторія Московской духовной академіи—до ея преобразования (1814—1870). Москва, 1879 г.

³⁾ Исторія Кievской духовной академіи, по преобразованія ея въ 1819 г. Спб. 1863 г.

годовъ, и не можетъ идти въ сравненіе съ другимъ капитальнымъ его трудомъ, посвященнымъ старой кievской академіи и извѣстнымъ подъ заглавіемъ: *Кіевъ, съ древнѣйшимъ ея училищемъ—академією*¹⁾. Составленный проф. И. И. Малышевскимъ ко времени юбилея кievской академіи въ 1869 г. и тогда-же вышедшій очеркъ ея исторіи съ 1819 года написанъ, правда, рукою искусною, но основанъ не столько на изученіи первичныхъ источниковъ, сколько на обобщеніи хранящихся въ средѣ академіи мѣшій и преданій о характерѣ главныхъ руководителей ея въ это время. Почтенный во всякомъ случаѣ этотъ трудъ²⁾ уважаемаго профессора, въ связи съ другимъ его, болѣе уже документальнымъ, трудомъ: *Дѣятельность митр. Евгенія въ званіи председателя конференціи кievской духовной академіи*,³⁾ — будетъ имѣть важное руководительное значеніе для будущаго прагматическаго историка кievской академіи. Но все это болѣе матеріалы, или подготовительныя работы для исторіи академіи, а не сама желаемая исторія, которой давно-бы уже пора появиться на свѣтъ Божій, прежде всего—какъ желанному знаку любви современнаго академическаго поколѣнія къ старинѣ дорогаго для него учрежденія, затѣмъ—въ удовлетвореніе любознательности и въ поученіе новому студенчеству и наконецъ для опредѣленія и уясненія значенія кievской академіи въ общемъ ходѣ русскаго просвѣщенія въ текущемъ столѣтіи. Прежніе академическіе дѣятели (пр. митр. Макарій Булгаковъ и Аскоченскій) засвидѣтельствовали свою любовь къ воспитавшему ихъ заведенію капитальными трудами по исторіи *старой* академіи—до 1819 г. Новымъ дѣятелямъ, для которыхъ академія съ 1819 г. тоже сдѣлалась уже *старою*, пора вспомнить любовно своихъ отошедшихъ въ область исторіи предшественниковъ. Это было-бы дѣломъ и сердечной даніи *академическому братству*, которое, по самой идеѣ своей, должно помнить не только живыхъ, но и умершихъ своихъ членовъ и поминаетъ послѣднихъ и доселѣ ежегодной заупокойной молитвой 31-го

1) Вышелъ въ Кіевѣ—въ 1856 году, въ двухъ томахъ.

2) См. книгу: „50-лѣтній юбилей Кіевской д. Академіи“. Кіевъ. 1869 г.

3) См. въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ 1867 года. Вышелъ и отдѣльной брошюрой.

декабря, по установленію еще приснопамятнаго *Петра Могилы*. Рядомъ съ этою умилительною памятію объ отшедшихъ въ вѣчность братьяхъ—дѣятеляхъ науки и просвѣщенія—еще большій интересъ получали-бы ученые изслѣдованія ихъ жизни и трудовъ. Главнѣйшимъ источникомъ для желаемой исторіи кіевской академіи долженъ, конечно, послужить академическій архивъ: сюда существенно должно быть направлено вниманіе изслѣдователя прошлыхъ академическихъ судебъ. Но есть много матеріаловъ для этого и внѣ архива, и болѣе, можетъ быть, цѣнныхъ, чѣмъ матеріалы архивныя, болышею частью официальные, представляющіе дѣло только съ внѣшней формальной стороны. Болѣе интереса представила-бы академія внѣ официальныхъ рамокъ ея дѣятельности,—въ частномъ бытѣ ея служащихъ и студентовъ, въ судьбѣ и дѣятельности ея воспитанниковъ на различныхъ жизненныхъ путяхъ; но объ этомъ архивъ академическій очень мало или вовсе ничего не дастъ. Вотъ такіе-то матеріалы должны розыскивать и приводить въ извѣстность сами воспитанники академіи, гдѣ-бы кто изъ нихъ ни находился, чтобы приготовить побольше данныхъ для всесторонней исторіи своей *Almae matris*... И это должно дѣлать тѣмъ скорѣе и настойчивѣе, что представителей первыхъ курсовъ кіевской академіи почти вовсе не осталось. Есть-ли напр. еще въ живыхъ воспитанники перваго курса кіевской академіи, товарищи знаменитаго *Иннокентія*? А между тѣмъ личныя воспоминанія воспитанниковъ—это лучший матеріалъ для исторіи академіи... Но гдѣ эти воспоминанія? кто собиралъ ихъ?... Помнится, вскорѣ послѣ юбилея кіевской академіи, въ 1869 г., уважаемый нашъ библиографъ, С. И. Пономаревъ, котораго теплая душа отзывается на всякое выдающееся жизненное явленіе, не будучи воспитанникомъ кіевской академіи, пригласилъ всѣхъ ея воспитанниковъ собирать матеріалы для ея исторіи и присылать ихъ къ нему¹⁾. Чѣмъ кончилась попытка почтеннаго библиографа, мы не знаемъ; но тотъ-же юбилей навелъ и насъ на мысль—собирать матеріалы для исторіи кіевской академіи, и до сихъ поръ намъ удалось найти нѣкоторые цѣнные матеріалы, которыми время отъ времени мы намѣрены дѣлиться съ читателями „Кіевской Старины“.

¹⁾ Ст. *Кіевскія Еп.* В. 1870 г. №№ 5—6-я.

Приобрѣтеніемъ этихъ матеріаловъ мы обязаны главнымъ образомъ семейству такого лица, о которомъ, по связи предметовъ, приходится сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это также одинъ изъ воспитанниковъ кievской академіи перваго ея курса, Александръ Ивановичъ Бѣлюговъ, товарищъ извѣстнаго проповѣдника Иппокентія. Онъ, по окончаніи академическаго курса въ 1823 г., былъ назначенъ въ Кишиневъ профессоромъ духовной семинаріи по классу физико-математическихъ наукъ, но скоро оставилъ духовно-училищную службу для гражданской. Сначала (въ 1826 г.) онъ поступилъ чиновникомъ въ столь извѣстный изъ біографіи Пушкина попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, подъ начальствомъ хранителя и пѣтуна Пушкина, Ивана Никитича Инзова, ставшаго послѣднему *во отцѣ мѣсто*, во время его изгнаннической жизни въ Кишиневѣ. Съ 1840-хъ годовъ Бѣлюговъ служилъ въ бессарабской палатѣ государственныхъ имуществъ, а за упраздненіемъ оной, вышелъ въ отставку и жилъ въ Кишиневѣ, на покой, въ чинѣ статскаго совѣтника, получая пенсію. Умеръ онъ глубокимъ старикомъ въ 1878 г. Семейство Бѣлюговыхъ издавна пользовалось въ Кишиневѣ самымъ искреннимъ уваженіемъ и слыло здѣсь однимъ изъ наиболѣе интеллигентныхъ. Дочь Бѣлюгова, дѣвица Любовь Александровна, займетъ свѣтлую страницу въ исторіи просвѣщенія Бессарабіи: она первая основала въ Кишиневѣ на свои средства женскую гимназію и повела ее такъ хорошо, что земство взяло ее подъ свое вѣденіе, оставивъ въ ней начальницей Любовь Александровну, и теперь эта гимназія—*земская гимназія*. Смерть Любови Ал. Бѣлюговой (въ 1872 г.) была оплакана не одними ея родителями: на могилѣ ея кишиневское общество поставило памятникъ, а въ основанной ею гимназіи учредило стипендію ея имени. Съ Ал. Ив. Бѣлюговымъ намъ удалось познакомиться, къ сожалѣнію, только за годъ до его смерти. До конца жизни своей онъ интересовался своею родною академіею и въ день ея юбилея въ 1869 г. послалъ ей восторженную привѣтственную телеграмму ¹⁾. Вдова Александра Ивановича, многоуважаемая Вѣра Егоровна, по нашей просьбѣ, передала въ наше распоряженіе письма слѣдующихъ лицъ къ ея мужу: 1) сту-

¹⁾ См. „*Пятидес. юбилей кievской д. академіи*“, стр. 332.

дента петербургской духовной академіи *Луки Епифановича*—1818—1821 г., 2) инспектора кіевской академіи, архимандрита (впослѣдствіи архіепископа) *Смарагда*—1824—1825 г., 3) *Ивана Алексѣевича*, въ послѣдствіи *Иннокентія, Борисова*—1820—1825 г., 4) бакалавра кіевской академіи *Якова* (впослѣдствіи епис. *Іустина Михайлова*)—1823—1827 г., 5) учителя бѣлогородской семинаріи *Петра Иванецкаго*—1830—1831 г., 6) инспектора калужской д. семинаріи, игумена *Антонія (Жуминскаго)*—1830—1832 г., 7) академика *Юрія Венелина*—1832—1833 г., и 8) подполковника *Бородаевскаго*—1835—1836 г.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ писемъ мы сообщаемъ въ настоящій разъ письма *Иннокентія*, этого первенца кіевской академіи, перваго магистра перваго ея курса. Всѣхъ его писемъ шесть. Три писали еще во время его студенчества въ кіевской академіи; три другія изъ Петербурга, гдѣ Иннокентій сначала былъ инспекторомъ семинаріи, а потомъ—бакалавромъ академіи. Студенческія письма *Борисова* показываютъ, что между нимъ и Бѣлоговымъ существовала во время ихъ студенческой жизни самая нѣжная, сердечная дружба. Первое письмо писано изъ *Минска*, куда авторъ ѣздитъ на каникулы 1820 г. Письмо это не представляетъ особаго интереса: въ немъ описывается дорога отъ Кіева до Минска, бывшая не безъ приключеній, рисуются картины береговъ Днѣпра и Березины, по поводу послѣдней вспоминается извѣстный эпизодъ отечественной войны; вообще письмо дышетъ молодымъ, еще пахнущимъ школой, краснорѣчіемъ, но въ немъ уже виднѣн будущій великій ораторъ и стилистъ. Второе письмо 1821 года, писанное также изъ Минска въ Кіевъ, интересно лишь тѣмъ, что рисуетъ теплое отношеніе автора—студента къ академіи, не смотря на нѣкоторыя неудобства жизни въ ней, зависѣвшія „чаще всего отъ эконома“... Третье письмо писано въ каникулы 1823 г., значить—уже по окончаніи *Борисовымъ* академич. курса; оно писано изъ Харькова; въ немъ *Борисовъ* открылся своему другу, что *далъ обѣщаніе поступить въ монашество* и радуется данному обѣщанію. Къ сожалѣнію, отъ этого письма остался только копецъ, а начало опять возвратилось къ автору—уже *Иннокентію*, въ Петербургъ, какъ это узнаемъ мы изъ письма 4-го, писаннаго въ 1824 г. въ Кишиневъ изъ Петербурга, гдѣ авторъ былъ уже инспекторомъ

семинаріи. Поступленіе въ монашество и начавшаяся служебная дѣятельность охладилъ нѣсколько нилъ дружескихъ чувствъ бывшаго студента Борисова, теперь уже *Иннокентія*, къ его товарищу, и онъ цѣлый годъ не писалъ Бѣлюгову. Бѣлюговъ, вмѣсто того, чтобы самому писать, послалъ Иннокентію первую половину его собственнаго проплогодняго письма, какъ-бы въ уликъ измѣны чувствъ со стороны прежняго горячаго друга... Иннокентій понялъ такой пріемъ Бѣлюгова именно какъ слѣдствіе *„любви нѣжной, но раздраженной“*, и вотъ всѣми силами старается увѣрить друга, что онъ *тотъ-же*, преданный ему всѣмъ сердцемъ. Какъ ни задумывно это письмо, но видно, что жизненные интересы прежнихъ друзей разошлись. Для того, повидимому, чтобы опять соединить ихъ, Иннокентій дѣлаетъ тонкій намѣкъ другу о поступленіи въ монашество... Пятое письмо послѣдовало скоро за предъидущимъ и было отвѣтомъ на откровенную бесѣду друга, заявившаго о своемъ желаніи принять монашество. Иннокентій повидимому хвалитъ его за такое рѣшеніе; но въ сущности этотъ отказъ и былъ, вѣроятно, причиной, почему между прежними друзьями уже не могло быть прежнихъ отношеній... У Иннокентія были другіе идеалы... Онъ не безъ удовольствія шипеть о своихъ связяхъ съ членами синода... Монашество, какъ по всему видно, онъ принялъ по твердо-обдуманному намѣренію, — безъ страха передъ нимъ... Въ этомъ случаѣ онъ совершенно отличенъ отъ другаго своего товарища и земляка *Икова Евдокимовича Михайлова*, впоследствии *Иустина*. Письма этого послѣдняго къ Бѣлюгову, писанныя непосредственно послѣ принятія имъ монашества, полны самаго глубокаго трагизма... Иннокентій—это была натура болѣе крѣпкая, практическая. Шестое и послѣднее письмо писано чрезъ годъ, именно какъ-бы въ доказательство того, что между прежними друзьями разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось, вслѣдствіе установившейся у нихъ неодинаковости первѣйшихъ жизненныхъ интересовъ. На этомъ письмѣ и оборвалась переписка между бывшими задушевнѣйшими друзьями за студенческой скамьей. Между ними не пашлось новыхъ близкихъ точекъ соприкосновенія. Иннокентію хотѣлось имѣть друга, но уже не на почвѣ сердечныхъ отношеній, не на почвѣ прошлаго, юношескаго, а на почвѣ одинаковости стремленій въ будущемъ. На вопросъ Бѣлюгова: здоровъ-ли онъ, Иннокентій, съ понятнымъ

желаніемъ участія, рисуешь предъ академическимъ товарищемъ состояніе своего *умственного* здоровья. Эта страница Иннокентіевскаго письма—есть драгоценное автобіографическое показаніе. Она вводитъ насъ въ самую, такъ сказать, лабораторію тогдашней умственной жизни великаго русскаго богослова—мыслителя и проповѣдника, въ самую глубь его задушевныхъ думъ. Иннокентій въ это время перешелъ уже изъ семинаріи въ петербургскую академию—профессоромъ богословія и всецѣло погрузился въ мыслительную дѣятельность, въ умственное созерцаніе. Его пытливый умъ жаждалъ пищи. Начиная описывать это свое душевное состояніе, эту нравственную свою „скептику“, онъ называетъ ее *бользнію ума своего*; но въ концѣ концовъ находитъ эту постоянную неудовлетворенность ума, это вѣчное стремленіе его къ истинѣ—самымъ *здоровымъ*, самымъ привлекательнымъ и желательнымъ для себя состояніемъ. Для насъ дорогъ этотъ свѣжій, могучій голосъ въ защиту правъ человѣческаго разума даже въ религіозной области. Правда, въ немъ видно нѣкоторое увлеченіе господствовавшими тогда идеями Шеллинга, какъ сознается и самъ Иннокентій. Но безъ увлеченій въ *процессъ исканія* истины никогда не можетъ быть неостывающаго, всегда горячаго увлеченія и къ *самой истинѣ*,—положительной, уже найденной, откровенной... Безъ внутренней теоретической борьбы съ самимъ собою, — той борьбы, которую переживалъ Иннокентій и которую онъ описываетъ въ своемъ письмѣ,—безъ этой священной борьбы никогда не выходитъ крѣпкихъ умовъ, плодovitыхъ для человѣчества и церкви Божіей на землѣ. Приверженцы умственнаго застоя въ богословской области, къ которымъ отчасти принадлежалъ и положительный умъ митрополита Евгенія (на это намекаетъ и самъ Иннокентій въ письмѣ своемъ) упрекали Иннокентія въ *неологізмъ*. Но если-бы въ средѣ властныхъ представителей русской церкви и вообще среди русскихъ богослововъ было побольше такихъ неологовъ, такихъ горячихъ поборниковъ и талантливыхъ работниковъ живой, творческой богословствующей мысли, — тогда не закралась-бы въ нану церковно-богословскую область эта умственная апатія, эта приниженность, забитость мысли, и богословствующей, и проповѣдующей, это раболѣпство предъ рутинной, это мудрованіе сообразно съ обстоятельствами, „по стихіямъ міра“, а не по Христу... Тогда не могло-бы быть противъ нашей

церкви и тѣхъ упрековъ въ недостаткѣ *духа мудрости*, какіе теперь раздаются на страницахъ газеты „Русь“. Да, Иннокентій былъ великій геній отечественной церкви!

Помѣщаемыя теперь письма его представляютъ первые проблески его ума, таланта, стиля, краснорѣчія... Впрочемъ приглашаемъ самихъ читателей оцѣнить ихъ интересъ и значеніе.

Л. М.

I

ПИСЬМА ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА (А ПОСЛѢ ИНОКЕНТІЯ) ВОРИСОВА КЪ А. И. ВЪЛЮГОВУ.

1820—1825 г.

1).

Милой Сашинька!

Исполняя обѣщаніе, пишу къ тебѣ изъ Минска. Не знаю, съ чего начать? Описывать ли то, что я видѣлъ въ дорогѣ, или, не утомляя твоего воображенія бѣгомъ за нашею колесницею, прямо представить предъ него картину Минска. Последняя пріятнѣе, но и перваго нельзя оставить. Наша дорога къ Минску едва не содѣлалась путемъ къ Стиксу, и твой другъ былъ, можетъ быть, на одинъ шагъ отъ Хароновой лодки. Не спрашивай, какъ это могло быть; я самъ горю нетерпѣніемъ рассказать тебѣ сіе. Слушай!—Отъ Кіева до Чернигова мы ѣхали такъ покойно, такъ весело, какъ только можно было намъ желать. Ласковый пріемъ черниговскихъ профессоровъ заставилъ насъ забыть, что мы въ дорогѣ. Отъ Чернигова мы еще имѣли двѣ или три хорошія станціи, доколѣ не свернули съ петербургскаго тракта. Въмѣстѣ съ нимъ удалалось отъ насъ спокойствіе. Дорога наша длинными пещаными отлогостями вела насъ къ Днѣпру.¹⁾ Днѣпръ здѣсь совсѣмъ не тотъ, что въ Кіевѣ. Утесистые, покрытые дремучимъ лѣсомъ и пескомъ берега издали грозятъ путнику. Необыкновенный разливъ воды придавалъ ужаса картинѣ. Между тѣмъ мы переправились благополучно, ѣхавъ паромомъ около 5 верстъ по

¹⁾ Въ подлинникѣ вездѣ пишется *Днепръ*. чрезъ е.

большой дорогѣ. Слѣдующія станціи стоятъ всѣ на правомъ берегу Днѣпра. Какіе виды! Неопытные, мы любовались ими, не зная, что насъ окружаютъ тысячи опасностей, изъ коихъ каждая можетъ быть гибельною. Такъ мы начали думать, когда на одной изъ станцій рассказали намъ, что шайка разбойниковъ, составившаяся въ продолженіи 1812, 13 и 14 годовъ, и доселѣ ограничивавшаяся нападеніемъ на однихъ беззащитныхъ, нынѣ съ ужаснымъ остервененіемъ грабитъ и разбиваетъ самыя почты. Сіи рассказы насъ смутили: но мы немного успокоились, когда Днѣпръ, теперь уже неприятный спутникъ—началъ отходить отъ нашей дороги. Спокойствіе сіе продолжалось не долго. Предъ нами, какъ предъ богатырями въ сказкѣ, опять рѣка Березиня.¹⁾ Она не болѣе Десны, но ужаснѣе Днѣпра. Берега ея, особенно правой кругъ, лѣсисты, дикъ и неприступенъ. Намъ надобно было ѣхать около 40 верстъ по ея берегу: но мы рѣшились тутъ же переправиться чрезъ нее, промѣнявъ почтовую дорогу на проселочную. Краткость пути и то, что послѣдняя была нарочно дѣлана для Государя, насъ соблазнили. Перевѣздъ состоитъ изъ 40 верстъ, а мы при самомъ началѣ осмеркли. Я не суевѣръ: но желаю рассказать вамъ случай, встрѣтившійся намъ при переправѣ чрезъ Березиня. Переправившись, начали впрягать лошадей: одна изъ нихъ, вырвавшись изъ рукъ ямщика, ушла въ воду и поплыла назадъ. Тремя лодками едва могли ее воротить. Можетъ быть, это было случайнымъ слѣдствіемъ упрямства сего животнаго: только послѣдующее показало, что это можно было почесть предвѣстіемъ. Мы ѣхали около 4 часовъ по берегу. Глубокіе пески, казалось, тянули назадъ нашихъ тощихъ коней. Унылый звонъ колокольчика умножалъ меланхолію; мы, какъ бы предчувствуя угрожающее намъ несчастіе, сидѣли молча, утыкаясь тою мыслию, что удаляемся, какъ казалось, отъ береговъ Березина, на которые мы не могли взирать безъ ужаса. Вдругъ лѣсъ, насъ окружавшій, уступаетъ нашимъ взорамъ, мы видимъ себя на высокой горѣ, между двумя рѣками—Березиномъ и Днѣпромъ. Тѣни набережныхъ деревьевъ, отражаясь въ зеркальныхъ пучинахъ сихъ рѣкъ, кажутся, стерегли сіе ужасное мѣсто. Одинъ видъ, при полночной тишинѣ, могъ устрашить безстрашнаго. Таковъ театръ нашей

¹⁾ Авторъ употребляетъ это имя въ мужескомъ родѣ: *Березиня*, хотя ниже переходитъ и въ женское *Березина*.

опасности: вотъ она! Едва успѣли мы достигнуть середины сего ужаснаго мѣста, вдругъ сзади насъ раздается свистъ; изъ стремнины, прилегающей къ Днѣпру, выбѣгаетъ тройка и во весь опоръ скачетъ за нами! Я не могу описать вамъ того, что мы тогда чувствовали, пусть ваше воображеніе дополнитъ сіе. Скажу только, что сабля, вооружаясь коюю я считалъ себя неприступнымъ, теперь выпала изъ моихъ рукъ. Едва-ли не таже участь постигла пистолетъ въ рукахъ Александра Андреевича.¹⁾ Опомнившись отъ страха, мы всѣ трое принялись гнать лошадей, и быстротѣ ихъ ногъ обязаны тѣмъ, что злодѣи, видя невозможность догнать, свернули въ бездну, изъ которой выбѣгли. Одна опасность миновалась: но кто могъ увѣрить насъ, что другая, ей подобная, не ожидаетъ на пути? Таковыя расчеты заставили насъ, немедленно, искать скорого убѣжища, которымъ содѣлалась лежащая въ сторонѣ деревня. Здѣсь бутылка добраго вина подкрѣпила наше малодушіе, и мы предались мечтаніямъ о случившемся съ нами. Что, естлибы наши враги выбѣгли намъ на встрѣчу? Намъ не миновать-бы ихъ рукъ. Можетъ быть, сія ночь была бы послѣднею, и пучины Днѣпра служили бы для насъ могилою. Въ сихъ мрачныхъ мысляхъ мы продолжали путь, столь-же ужасный по мѣстоположенію. Приблизаясь къ Бобруйской крѣпости, мы встрѣчены были новостію, увеличившею и оправдавшюю наши опасенія. 10 человекъ изъ каторжныхъ работниковъ, коихъ присылаютъ въ сію крѣпость, ушли. Такихъ людей единственное убѣжище лѣсъ, а занятіе разбой, а мы путники: какъ же не бояться?—Въ семь страхъ достигли мы до Бобруйска. Сію крѣпость называютъ щитомъ средней Россіи. По сему не излишне будетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Она стоитъ на правомъ берегу Березина, и съ сей стороны кажется неприступна. Съ другой—ограждена валами земляными, точно такъ, какъ печерская. Только она пространнѣе печерской; а теперь еще распространяется вверхъ по теченію рѣки на версту. Внутренность крѣпости наполнена каменными, огромными и прекрасными зданіями. Онѣ всѣ казенныя. Обыватели живутъ въ форштатахъ, которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ крѣпость,

¹⁾ Кто былъ этотъ Александръ Андреевичъ? Въ одномъ письмѣ изъ Петербурга Инокентій тоже вспоминаетъ его, уже какъ живущаго въ Петербургѣ, и называетъ его своимъ единственнымъ другомъ.—Мы склоняемся думать, что это былъ Александръ А. Максимовичъ, бывший бакалавромъ кіевской академіи, а затѣмъ перешедшій въ Петербургъ на гражданскую службу.

разстояніемъ отъ нея на 1 версту. Въ сихъ форштатахъ стояла осадная французская армія, и по долговременномъ, безуспѣшномъ усилии, принуждена была отступить. Отъ Бобруйска оставалось намъ еще 180 верстъ пути. Березинъ, кажется, преслѣдовалъ насъ. Мы ѣхали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на одинъ сажень отъ воды. Мѣсто перехода французской арміи, которое по расчетамъ нашихъ полководцевъ должно было послужить для нея общею могилою, и которое въ самомъ дѣлѣ содѣлалось такою для третьей части его (sic!) многочисленнаго войска, удовлетворяя нашему любопытству, ослабило, естли не изгнало нашу страхъ. Березина воды, кажется, совершенно забыли громъ войны, на нихъ раздававшійся. Едвали какая рѣка сравнится съ нею въ тишинѣ теченія. Берега ея вообще унылы, дики и покрыты дремучими лѣсами. Они-то затрудняли болѣе переходъ для Наполеона, который безпрепятственно перешагивалъ Рейнъ, Ельбу, Гвадалквивиръ — въ сравненіи съ Березиною великааны. На семь мѣствъ нѣтъ никакого памятника, и, безъ указанія, трудно его узнать. Уже три года Березинъ разливается въ необыкновенной степени — какъ бы желая обмытъ берега свои, упоенные кровью убитыхъ. Съ умиленіемъ мы проѣхали сіе мѣсто. Березина ушла отъ насъ въ право. Одинъ лѣсъ остался неотлучнымъ спутникомъ нашимъ до самаго Минска. Около 500 верстъ проѣхать лѣсомъ, нигдѣ не прерывающимся, всегда густымъ, не рѣдко занимающимъ самую дорогу — это составляетъ разительный контрастъ съ російскими дорогами, гдѣ видишь себя непрестанно окруженнымъ желтѣющимися лѣвами, и ожидаешь лѣса, какъ пріятной защиты отъ палящаго солнца. Наконецъ, сквозь тысячи опасеній, мнимыхъ и дѣйствительныхъ страховъ, добрались мы до Минска, тому уже двѣ недѣли. Ласковый пріемъ заставляетъ забыть всѣ непріятности дороги. Городъ довольно хорошій, особенно садъ общественный. Онъ едвали не превосходитъ кіевского — разнообразіемъ. Жидовъ здѣсь столько, сколько ихъ нѣтъ во всѣхъ нашихъ губерніяхъ. Въ шабашъ городъ кажется пустынею. Каждый жидъ есть живая лавка. Вамъ стоитъ только сказать ему слово: и все, что угодно, предъ глазами. Мы имѣли довольно случаевъ видѣть ихъ услужливость и способность обманывать. Но для васъ это не новость. Приближающійся конецъ бумаги напоминаетъ о окончаніи письма: но заключить жидами не пріятно. Сважу еще нѣчто о себѣ. 7 или 8 мы примемъ обратный путь; — онять вступимъ въ длинную аллею опасностей. Предсталеніе ихъ такъ пугаетъ мое воображе-

ніе, что я желалъ бы не выѣзжать изъ Кіева. Если щастливо достигнемъ нашихъ пенатовъ; то вмѣстѣ съ тобою воскурю имъ оліамъ; если же... воспоминаніе друга есть единственная жертва, коей я отъ тебя требую. До свиданія!—Цѣлую тебя.

Тебя любящій студентъ Борисовъ.

1820. Августа 3.

Моимъ любезнымъ номерантамъ засвидѣтельствуйте мое почитаніе. Улянѣ Петровичу¹⁾ я имѣлъ намѣреніе писать особенно; но краткость времени, доказательствомъ и выраженіемъ коей служить сіе письмо, не допустили меня его исполнить. Дайте ему прочесть сіе письмо—а болѣе никому. Онъ добрый человѣкъ и искренній другъ.

Прощай, Сашичька!

2.

Любезный другъ!

Александръ Ивановичъ!

Пишу къ тебѣ не для того, чтобы занять тебя письмомъ симъ, но единственно въ томъ намѣреніи, чтобы исполнить данное при отъѣздѣ обѣщаніе писать къ тебѣ. А по сему не стану описывать того, что случилось съ нами въ дорогѣ, ни того, что мы видѣли въ Слуцкѣ, хотя то и другое стоило-бы Дювешотовыхъ мѣльницъ. Скажу только, что мы такую щастливую дорогу имѣли до Слуцка, что желали-бы и теперь найти ее таковою-же. Равнымъ образомъ въ Слуцкѣ семинарскіе экзамены заняли насъ такъ хорошо, что мы и не видѣли, какъ протекла цѣлая недѣля. Какъ пріятно и легко испытывать другихъ, и какъ трудно и скучно самому быть испытываему! Въ Минскѣ живемъ мы, кажется, болѣе двухъ недѣль; и думаемъ скоро выѣхать. Въ Кіевѣ, если не будетъ задержекъ на дорогѣ, надѣмся прибыть, по крайней мѣрѣ, къ 15 августа. Какъ ни хорошо, говорятъ, въ гостяхъ, но дома лучше. Мы истину сей пословицы теперь испытываемъ на себѣ. Кажется-бы--не къ чему сѣсть въ Кіевѣ—за дубовые столы, подъ визгъ колокольчика, а паче

¹⁾ Улянъ Петровичъ *Ильчиковскій*—товарищъ Воржова и Вязьмова, поступившій въ академію изъ *послушниковъ*. Онъ вышелъ изъ академіи, окончивши курсъ; куда, --не знаемъ.

подъ благотворительную протекцію отца эконома: между тѣмъ и сейчасъ желалъ бы перенестись въ вашъ кругъ и сѣсть съ вами за бранныя скатерти академическія. Вѣрно, опасности дорожныя тревожатъ тебя,—скажешь ты. Правда, онѣ стоятъ того, чтобы объ нихъ позаботиться, а паче съ моимъ живымъ воображеніемъ, которое привыкло черное рисовать вторе чернѣйшимъ. Впрочемъ, на меня и то уже много наводитъ скуки, что я—не въ своемъ кругѣ, то есть академическомъ: онѣ, при всѣхъ невыгодахъ, въ моихъ глазахъ имѣютъ какую-то особенную прелесть.

Я полагаю, что ко мнѣ есть письма, или отъ брата или отъ домашнихъ. Даю вамъ полное право ихъ взять и распечатать. Полагаю также, хотя не на вѣрное, что можетъ быть кто-либо изъ родныхъ, какъ они обѣщались въ письмѣ, пріѣдетъ въ Кіевъ на богомолье. Не нашедъ меня въ академіи и думая, что я не скоро пріѣду, онѣ могутъ рѣшиться на обратный путь, не дожидаясь меня. И такъ вы, еслили то нужно будетъ, постарайтесь увѣрить, что я скоро возвращусь.

Любящій тебя другъ Ив. Борисовъ.

1821, іюля 30 дня.

Приложенную при семь записку доставьте Уляну Петровичу. P.S. Моимъ любезнымъ землякамъ и Захару Ивановичу¹⁾ поклонитесь отъ меня.

З.²⁾

....Всѣмъ господамъ сономерантамъ засвидѣтельствуйте отъ меня глубочайшее почтеніе.

Будь весель, милой Саничка, будь весель до моего пріѣзда. Какъ жаль, что намъ доведется прожить вмѣстѣ съ тобою не болѣе полмѣсяца. По крайней мѣрѣ мы успѣемъ снова сблизить наши сердца, такъ что онѣ не разрознятся до послѣднихъ предѣловъ нашей жизни.

Я не сказалъ тебѣ, Саничка! что я далъ обѣщаніе поступить въ монашество. Я думалъ, что, увидѣвъ свѣтъ, пожалѣю о семь. А теперь, увидѣвъ его, радуюсь. Прощай. Цѣлую тебя сто разъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ знакомымъ. Еслили долго проживу здѣсь, то буду писать еще.

¹⁾ Товарищъ—Захаръ Ивановичъ *Тролюмовскій*.

²⁾ Отъ этого письма сохранился только конецъ—по причинѣ, которую мы помнили выше—въ предварительной замѣткѣ.

4.

Санктпетербургъ. 1824 г., августа 17 дня.

Твердо вѣрю, любезный Александръ Ивановичъ, что между *нашими* сердцами существуетъ какое-то непостижимое сострастіе, хотя не могу объяснить, въ чемъ именно оно состоитъ и отъ чего происходитъ. За недѣлю предъ тѣмъ, какъ я получилъ отъ васъ письмо, у меня родилась непреодолимая охота писать къ вамъ. Только мое отсутствіе (я былъ въ Сергіевой пустынь¹⁾) было причиною того, что я не осуществилъ моего желанія на самомъ дѣлѣ. Можетъ быть, уединеніе пустынной, при морѣ лежащей обители, заставившее невольна воспомануть о всемъ прошедшемъ, миломъ для сердца;—можетъ быть, возвращеніе того времени года, въ которое я, бывши въ Харьковѣ, мечталъ о васъ,—можетъ быть, возвращеніе сердца въ то состояніе, въ которомъ я любилъ находить успокоеніе въ васъ;—можетъ быть и другое что... только сдѣлало то, что мое сердце почитало необходимостію излиться предъ вами въ своихъ чувствованіяхъ. Какъ досадовалъ я на медленность нашего возврата въ городъ тогда, когда всѣ скучали его скоростію! — Приѣзжаю — и первый предметъ, представившійся моему взору, было полдюжины писемъ, лежащихъ на моемъ учебномъ столѣ. Вы не можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ, пробѣгая адреса, я замѣтилъ между ими новый, хотѣлъ сказать—неизвѣстный, нѣтъ! извѣстный, сто-кратъ извѣстный почеркъ вашъ. Сердце мое такъ забилось при семъ случаѣ, какъ-бы я долженъ былъ тотчасъ итти къ отвѣту. Но оно еще сильнѣе забилось, когда со всѣмъ нетерпѣніемъ раз печатавъ письмо ваше, я нашелъ пустой подлистъ, мало того пустой, наполненной такою колкою матеріею, каково должно быть для меня мое рукописаніе. Признаюсь, такъ писать свойственно только любви, любви вѣжной, но раздраженной, такой, какова ваша. Чѣмъ могъ-бы я оправдываться противъ себя самого? развѣ новою виною. Не хочу, раздраженный собственнымъ проступкомъ, даже осуждать себя. И судъ и осужденіе себѣ предоставляю вашей любви, той любви, которая умѣетъ цѣнить и вину и виновнаго. Болѣе говорить о семъ значило-бы не довѣрять ни себѣ, ни вамъ. Все, что я могу сказать въ семъ отно-

¹⁾ Троицко-Сергіева пустыня—въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа. Основана въ 1734 г.

шеніи, состоятъ въ томъ, что я готовъ загладить мою вину чѣмъ вамъ угодно.

Изъ всего сказаннаго мною (какъ оно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что я чувствую!) вы видите, что ваше время молчанія должно уступить времени глаголанія. Говорите, говорите, любезный Александръ Ивановичъ, все, что вамъ будетъ диктовать ваше сердце. Я весь для васъ ухо. Самъ не начинаю, и не могу начинать бесѣды съ вами потому, что для ней нуженъ будетъ не малый доскутокъ бумаги, а цѣлая жизнь. Теперь хочу только увѣрить васъ, что я тотъ-же преданный вамъ всѣмъ сердцемъ, коего видали вы въ извѣстныхъ, незабытыхъ для меня, и можетъ быть для васъ минуты нашего сердечнаго уединенія или лучше сказать единства. Опишите все, что почтете нужнымъ раздѣлить съ тѣмъ, который почитаетъ васъ принадлежащимъ къ собственному своему существу. Я не замедлю отвѣчать вамъ тою же искренностію, тѣмъ же раздѣломъ съ вами *себя самою*.

Вашъ Иннокентій.

P.S. Что за восклицаніе съ словами: китайская миссія?

Я слышалъ, что вы намѣрены поступить въ монашество. Увѣдомте подробнѣе о семъ намѣреніи. Я хочу и долженъ вамъ сообщить многое касательно сего...

Василію Григорьевичу ¹⁾ засвидѣтельствуйте мое искреннѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. Я всегда вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ.

Увѣдомте, чѣмъ кончились и кончились-ли ваши несогласія съ ректоромъ? ²⁾

5.

Санктпетербургъ. 1824. Сентября 26 дня.

Не вамъ однимъ, любезный Александръ Ивановичъ, не нравятся новое мое имя, и со мною бываютъ минуты, когда я охотно бы прѣмѣнялъ его на другое—прежнее. Но что дѣлать? Въ мірѣ много такихъ именъ, кои не по людямъ, ихъ носящимъ, или лучше—много такихъ людей, кои не по именамъ, которые они носятъ. Я почитаю себя въ числѣ первыхъ изъ сихъ людей. Не-

¹⁾ Вас. Гр. *Левчановскій*—товарищъ, поступившій вмѣстѣ съ Бѣлюговымъ профессоромъ въ епископ. семинарію.

²⁾ Ректоромъ свиницкой семинаріи былъ въ то время извѣстный *Ириней Нестеровичъ*.

винность, выражаемая моимъ наименованіемъ, такъ далеко отъ меня, какъ востокъ отъ запада; только Тотъ, Кто удаляетъ отъ насъ въ такой-же мѣрѣ беззаконія наши, можетъ приблизить его ко мнѣ, — и тогда имя вѣрно столько-же бы поправилось вамъ, сколько, хотѣлъ было сказать, нравится именуемый, — теперь по видимому не нравится. Для успокоенія васъ довольно, что я въ отношенія къ вамъ тотъ-же самый, какимъ вы нѣкогда меня видѣли, и признаюсь, что прежнее наименованіе, вами возобновленное, пробудило въ моей душѣ много такихъ чувствъ, какихъ давно въ ней не бывало, и какихъ я желалъ-бы имѣть гораздо чаще. Ахъ! Любезный Сащинька! для чего мы не всегда остаемся въ томъ возрастѣ, въ коемъ живемъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ? Для чего намъ суждено проходить хладное училище опыта? — Но приговоры судьбы не отвратимы; будемъ повиноваться имъ и хладность настоящаго согрѣвать воспоминаніемъ прошедшаго.

Вы любопытствуете знать, что происходитъ со мною? Ничего необыкновеннаго. Живу, учу, учуся, исправляю, исправляюсь, — и только. Друзей не имѣю, исключая Александра Андрееча, и не надѣюсь скоро имѣть. Знакомыхъ довольно. Съ академистами ладимъ. Преосвящ. *Григорій* ¹⁾ ко мнѣ весьма расположенъ, по крайней мѣрѣ такимъ кажется. Преосв. *Серафимъ* ²⁾ такъ-же, какъ я слышалъ, смотритъ на меня хорошо. Члены синода всѣ меня знаютъ; съ преосв. Іоною у насъ старая связь, еще сѣвская ³⁾. Вотъ вамъ и описаніе моихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Внутреннія я и самъ не совсѣмъ знаю. Непрестанныя развлеченія ужасно какъ разсѣваютъ. Одно утѣшеніе, что это развлеченіе должности, а не прихоти. Съ семинаріею своею, сколько можно судить, мы въ мирѣ; въ семинаристахъ нахожу къ себѣ и любовь и почтеніе, а это на моемъ мѣстѣ всего важнѣе ⁴⁾. Главное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ доставляютъ книги, коихъ я досталъ и достаю посредствомъ здѣшнихъ книго-

¹⁾ *Григорій Постниковъ* — сѣвской ревельскій, тогдашній ректоръ с.-петербургской дух. академіи, впоследствии петербургскій митрополитъ.

²⁾ *Серафимъ* — тогдашній митрополитъ с.-петербургскій.

³⁾ *Иона Навинскій* — архіепископъ таверской; — во время ученія Иннокентія въ орловской семинаріи, онъ былъ епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ. После переведенъ въ Казань.

⁴⁾ Иннокентій былъ въ это время инспекторомъ с.-петербургск. семинаріи.

продавцовъ изъ Германіи. Но пристрастіе къ нимъ сопровождается новою невыгодой; отъ сей покупки я такъ сдѣлался, не смотря на значительное жалованье, нищъ, какъ вы только можете вообразить.

Благодарю васъ, что вамъ понравились разсужденія въ нашихъ „Опытахъ“¹⁾. Только онъ не всѣ мои; среднее „о совѣсти“ принадлежитъ Василію Яковлевичу²⁾, и мнѣ, также какъ и вамъ, очень нравится. Жаль, что по окончаніи курса не выдали поправить. А болѣе жаль, что въ нихъ вкралось множество типографскихъ ошибокъ. При семъ случаѣ не могу не замѣтить, какъ люди вездѣ ищутъ своихъ-си. Безъ сомнѣній, корректорами были наши товарищи-сочинители. Въ ихъ сочиненіяхъ нахожу почти все исправленнымъ; въ моихъ, на каждомъ пунктѣ, встрѣчаются грубыя погрѣбности, отъ воихъ иногда происходитъ безсмыслица.

Въ Христіанскомъ Чтеніи дѣйствительно я участвую по силамъ. Статья о бытіи Божіемъ³⁾ и нѣкоторыя другія принадлежатъ мнѣ. Но я это говорю только для васъ; ибо хвастать такими бездѣлками стыдно.

Ректору вашему, по всей вѣроятности, здѣсь будетъ очень хорошо⁴⁾. Преосвященный Димитрій⁵⁾, безъ сомнѣнія, будетъ его и правую и лѣвую рукою. А съ такими руками много можно подѣлать. Касательно его будущаго преображенія предъ нами—вѣрю, ибо случалось уже видѣть здѣсь подобныя преображенія.

Вы почитаете пустыми происходившія у васъ размовки. Нѣтъ, онѣ не совсѣмъ-то пусты. Объ нихъ писано было къ преосв. Димитрію, а отъ него перешло и къ преосв. Григорію. Только

¹⁾ Разумѣется книга: „Собраніе опытовъ студентовъ Кіевской Академіи перваго курса“.

²⁾ Вас. Як. Орловъ—товарищъ—остался въ академіи кіевской бакалавромъ. Аскочевскій въ своей „Исторіи Кіевской Академіи“ тоже приписалъ разсужденіе о совѣсти Брисову.

³⁾ Христ. Чтеніе—1824. XIII, 144.

⁴⁾ Архимандритъ *Ириней* былъ тогда вызванъ въ С.-Пет. „на чреду“ и посвященъ послѣ въ епископъ.

⁵⁾ Это архіепископъ кнѣжескій *Димитрій Сулима*. Онъ тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Онъ издавна былъ покровителемъ *Ириней*, какъ своего родственника.

добродушіе преев. Дмитрія сдѣлало ихъ пустыми. Впрочемъ это буди сказано для однихъ васъ.

Весьма хорошо вы сдѣлали, что отложили свое монашество. Время еще не уйдетъ, а между тѣмъ вы можете лучше разсмотрѣть себя. Объ этомъ предметѣ мы съ вами поговоримъ въ послѣдствіи по-подробнѣе. Только прошу васъ, не увѣдомивши меня, не подавать просьбы.

Пишете ли вы въ Кіевъ и къ кому? У меня тамъ преисправный корреспондентъ Иванъ Дмитріевичъ¹⁾. Часто пишетъ и о. Смарагдъ. Прочихъ товарищей и я готовъ вмѣстѣ съ вами назвать спѣсивыми. Отвѣчая на ихъ письма, я даже просилъ ихъ писать: между тѣмъ до сихъ поръ не вижу ни пол-слова. Съ Михаиломъ Васильевичемъ²⁾ мы напротивъ постоянно переписываемся. Любезная душа!

Столица наша по отъѣздѣ Государи какъ тѣло безъ души. Съ возвращеніемъ его будутъ представлены кандидаты на казанскую архіепископію. Думаютъ, что она достанется калужскому Филарету³⁾

За секретъ: не пишеть-ли чего обо мнѣ—есть-ли только и къ нему пишеть—о. инспекторъ академіи къ Василию Григорьевичу?⁴⁾ Если можете звать, то увѣдомте меня. Для меня это нужно по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ вы узнаете послѣ.

По просьбѣ моей взять въ здѣшнюю академію недавно одинъ изъ прежнихъ моихъ товарищей семинарскихъ—Иродіонъ Ивановичъ Соловьевъ,⁵⁾ взять изъ одного монастыря, въ которомъ онъ заключилъ было себя послѣ своего учительства послушникомъ.

6.

Санктпетербургъ, 1825. Юня 10 дня.

Получивъ, любезный Сапилька, письмо твое, я долженъ былъ стыдиться самъ себя. Не смотря на краткость его, оно внятно

¹⁾ Ив. Дм. *Грузинъ*, товарищъ Инокентія, оставленъ при академіи бакалавромъ. Но скоро вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Карпомъ*, тоже бакалавромъ, должны были оставить академію по настояніямъ митр. Евгенія.

²⁾ Тоже по службѣ и землякъ—М. В. *Филипповъ*.

³⁾ Достиглась она упомянутому выше архіеп. *Гонъ Павинскому*; а *Филаретъ Амфитеатровъ* (послѣдствіи митр. кіевскій) получилъ Казань только по смерти Юмъ—въ 1828 г.

⁴⁾ Т. е. архим. *Смарагдъ* къ В. Т. *Левчиновскому*.

⁵⁾ Это послѣдствіи столь извѣстный Кіеву ректоръ семинаріи и академіи архіеп. *Геремія*, послѣ викарій кіевскій. Инокентій ему покровительствовалъ съ начала до конца. Назначенный ректоромъ кіевской академіи, Инокентій привезъ съ собою *Геремію* инспекторомъ ея.

говорило мнѣ, что я премного виновать предъ вами. Такъ! я слишкомъ даже виновать. Напрасно бы я сталъ искать извиненія для себя въ занятіяхъ и другіяхъ мѣлочахъ. Онѣ извинили-бы меня предъ всякимъ, но не предъ вами. Хотя-бы я съ Августомъ управлялъ всею вселенною, и тогда, не пиша къ вамъ, былъ-бы не извинителенъ. Вотъ какъ я думаю!

Вы желаете знать по крайней мѣрѣ, здоровъ-ли я? Чувствую всю цѣну сего желанія и тѣмъ болѣе стыжусь. Здоровъ для тебя, любезный Сашинька, мало—здоровъ, безсмертенъ. Повѣришь-ли? — Одна изъ главныхъ причинъ, почему я не писалъ къ тебѣ, состоитъ въ томъ, что я могу не писать къ тебѣ долго, не опасаясь однакоже, чтобы ты осердился на меня. Къ другимъ въ семъ отношеніи я бываю аккуратнѣе. Значить, я злоупотребляю твоимъ дружескимъ терпѣніемъ?—Такъ!—И когда я не злоупотреблялъ имъ? припомни! — Чувствую, что въ семъ случаѣ виноватый (я) нападаетъ на праваго (на себя): но что дѣлать? Развѣ не такъ бываетъ въ мірѣ человѣческомъ? — А мы развѣ не въ немъ? Будемъ говорить о томъ, что дѣлается; ибо мы иногда дѣлаемъ и то, о чемъ и не говоримъ.

Вашъ вопросъ: здоровъ ли я—заключаетъ въ себѣ множество вопросовъ. Есть-ли слушать даже обыкновенныхъ моралистовъ, то уже должно допустить два рода здоровья, тѣлесное и душевное. Но душа, по ихъ-же суду, слагается изъ ума и воли.

И такъ, здоровъ-ли я по уму?—Крайне не здоровъ. Вы знаете изъ обращенія со мною, что природа дала мнѣ пытливый умъ, который съ продолженіемъ времени сдѣлался еще пытливѣе. Сами можете судить, можно-ли быть здоровымъ, находясь подъ вліаніемъ безпокойнаго духа пытливости. Ахъ, любезнѣйшій Сашинька, для чего мы, люди, поставлены въ прискорбную необходимость давать самимъ себѣ отчетъ во всемъ томъ, что существуетъ, тогда какъ все существующее—и мы сами для себя—неразрѣшимая проблема! — Я говорю: неразрѣшимая! Ибо кто разрѣшитъ ее? И есть-ли надежда, чтобы кто разрѣшилъ? Что сказали въ разрѣшеніе ея великіе умы древняго и новаго міра?—Гдѣ-же искать усвоенія? Въ откровеніи. Такъ! Здѣсь успокоивается смиренное сердце, но бѣглый умъ? — Онъ равно невнятенъ, находится-ли въ училищѣ великаго откровенія—міра, или малаго—библіи. Тѣже недоумѣнія, которыя колебали его въ первомъ, срѣтять и во второмъ. Откровеніе дано для сердца, а не для ума, по крайней мѣрѣ не для ума философствующаго, или

что тоже—недовольнаго самимъ собою. Что-же дѣлать? Отказаться отъ умозрѣнія *безсердана* ума и предаться *чаяніямъ* умнаго сердца?—Тагъ присовѣтоваль роду человѣческому мудрецъ кенигсбергскій. Но каково слѣдовать сему совѣту? Не тоже-ли, что выколоть себѣ глаза потому, что, смотря на предметы, можно спотыкнуться,—и взяться за посохъ—въ надеждѣ, что онъ предохранитъ отъ падевія?—Нѣтъ! Еслии человѣку суждено на сей землѣ не видѣть истины—такой, которая могла-бы успокоить его умъ, то я всегда лучше соглашусь съ Шеллигомъ теряться въ *бесконечномъ*, нежели съ Кантомъ и ему подобными быть запертымъ, подобно птицѣ, въ клеткѣ категорій и другихъ формъ.

Прости, любезный Сашинька, что я вдался въ такія мечты. Отъ избытка сердца невольнао глаголютъ уста. Чувствую, что сей избытокъ хуже скудости иной. Но что дѣлать? *Sic pati sumus!*

Вы адресовались ко мнѣ—въ семинарію. Но я въ концѣ прошедшаго года оставилъ оную и бакалаврствую въ здѣшней академіи—по богословію. Къ несчастію моему, досталось мнѣ заниматься такою частію, которая еще болѣе разогрѣла во мнѣ охоту къ септикѣ—полемику. Слава Богу, что теперь я развязался съ сею скучною наукою. Писать на водѣ, или какъ говорили латиняне—*laterem candidum lavare*¹⁾,—непріятно.

Съ 25 прошедшаго мѣсяца у насъ началось испытаніе и теперь продолжается. Ревизоромъ нашъ-же преосв. Григорій. Въ комисіи духовныхъ училищъ давно идутъ совѣщанія касательно новаго преобразованія духовныхъ училищъ. Предполагаютъ перемѣнить многое. Вообще кругъ наукъ думаютъ сократить и понизить. Но дѣломъ!—Мы слишкомъ просвѣщены!—Думаютъ перемѣнить магистерскіе кресты, сдѣлать новыя правила для испытанія студентовъ, не вдругъ по выходѣ изъ академіи давать пенсію—и тому подобное.

Преосв. Евгеній²⁾ ко мнѣ довольно благосклоненъ. Я часто ѣзжу къ нему; служу съ нимъ и обѣдаю у него. Онъ благорасположенъ къ ученымъ; но ученіе ваше кажется ему подозрительнымъ.

¹⁾ *Laterem candidum lavare*—дѣлать кирпичъ бѣлымъ—или просто: *laterem lavare*—мыть кирпичъ—значить: *терять время напрасно, по пусту трудиться*.

²⁾ Митр. вѣевскій *Евгеній* тогда присутствовалъ въ св. синодѣ. Между прочимъ и онъ принималъ участіе въ вышеупомянутыхъ гоненіяхъ на духовное просвѣщеніе.

Отецъ Ириней вашъ находится, кажется, подъ крестомъ, который присталъ къ нему болѣе Владиміра и Анны. Впрочемъ, не теряетъ надежды. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь вытерпитъ ¹⁾.

Satis! Время итти на испытаніе.—Пиши чаще!

Странный случай!—письмецо сіе, которое я не думалъ видѣть, снова видѣть, опять въ моихъ рукахъ! Гг. почтмейстеры здѣшніе не разобрали, въ Кишиневъ-ли я посылаю его, или въ Кашиинъ,—и оно воротилось. Что-жъ мнѣ еще сказать вамъ? Да, вы когда-то просили извѣщать васъ о Христ. Чтеніи. Оно окончится совершенно съ настоящимъ годомъ. Sic aetas tulit! Въ семь году я помѣстилъ въ немъ своего *Кипріана* — *жизнь и ея сочиненія*. *Покайтесь*. Думаю помѣстить, если пропуститъ цензура, *жизнь и характеръ апостола Павла*. Можетъ быть, рѣшусь отдать на жертву публики и нѣкоторыя проповѣди.

Tuus usque ad cineres ²⁾.

Василію Григорьевичу — почтеннѣйшему — усердное мое почтвеніе.

(Помѣта Вѣлюгова: *получ. 20 іюня*).

¹⁾ Дѣйствительно, *Ириней* не скоро получалъ епископство, только въ 1826 г., а между тѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ еще въ 1824 г.—Назначенъ былъ въ Цезару.

²⁾ То есть: *твой до гроба*.

Описаніє бѣдствія, постигшаго Умань и всю Украину въ 1768 году. ¹⁾

Не смотря на относительно важное значеніе въ исторіи южно-русскаго края крестьянскаго волненія, разразившагося въ 1768 году такъ называемою «Колівинскою», событіе это пока мало изслѣдовано и количество изданныхъ, поясняющихъ его историческихъ матеріаловъ весьма скудно. До настоящаго времени приведены въ извѣстность лишь нѣсколько разрозненныхъ документовъ, напечатанныхъ спорадически въ разнородныхъ повременныхъ изданіяхъ, нѣсколько народныхъ пѣсень, нашедшихъ мѣсто въ этнографическихъ сборникахъ и, наконецъ, нѣсколько польскихъ мемуаровъ, представляющихъ пока самый связный и цѣльный, хотя конечно односторонній матеріалъ, такъ какъ составители, принадлежа къ заинтересованной и сильно пострадавшей сторонѣ, могли смотрѣть на данное событіе только съ точки зрѣнія исключительно субъективной. Изданные по нынѣ польскіе мемуары, числомъ пять, слѣдующіе:

- 1., *Литомана*. Бунтъ Гонты и Желѣзняка.
- 2., Павла *Младановича*. Уманская рѣзня.
- 3., *Тучапскаго*. Краткое описаніе уманской рѣзни.
- 4., Элеоноры *Кребсъ*. Автентическое описаніе уманской рѣзни.
- 5., Адама *Моцинскаго*. Записки, относящіяся къ польской исторіи за время королей Августа III и Станислава Августа.

Всѣ пять мемуаровъ изданы въ Познанѣ; первые три въ 1851 году отдѣльною книжкою, записка Кребсъ также отдѣльною брошюрою еще въ 1840 году, наконецъ записка Моцинскаго въ 1863 году. Изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ извѣстны только два: Тучапскаго (переводъ помѣщенъ въ приложеніи къ сочиненію г. Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ на западную Украину» и потомъ вторично въ «Основѣ») и Кребсъ (переводъ г. Ревы изданъ въ Кіевѣ отдѣльною книжкою въ 1879 г.):

¹⁾ Описаніе klęski Humańskiej i całej Ukrainy, w roku 1768 poniezionej.

Названные мемуары составлены были въ различное время и при различныхъ условіяхъ. Ближе всѣхъ по времени составленія къ описываемымъ событіямъ мемуаръ Тучапскаго; авторъ, если самъ и не былъ свидѣтелемъ событій, то во всякомъ случаѣ жилъ въ Украинѣ въ 1768 году и собралъ свои извѣстія отъ современниковъ и очевидцевъ. Младановичъ и Элеонора Кребсъ находились во время катастрофы въ самой Уманѣ и спасены были отъ смерти крестьянами съ разрѣшенія Генты,—во въ то время они были очень молоды и записки свои писали впоследствии, много лѣтъ спустя, по воспоминааніямъ. Липомаль и Мошинскій составили свои записки еще гораздо позже, по распросамъ у старожимовъ,—участниковъ и свидѣтелей событій, описываемыхъ ими, при чемъ Липомаль пользовался рукописями Тучапскаго и Элеоноры Кребсъ.

Но этими изданными мемуарами не исчерпывается ихъ запасъ. Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 163, хранится весьма интересный рукописный сборникъ, носящій слѣдующее заглавіе: «Исторія Польши, или важнѣйшія событія, случившіяся въ царствованіе свѣтлѣйшаго короля польскаго, Станислава Августа, съ 1768 по 1770 года.»¹⁾ Въ составъ сборника вошли копія всевозможныхъ документовъ, брошюръ, отчетовъ, записокъ и т. д. Въ томъ числѣ, на страницахъ 93—107, помѣщенъ мемуаръ, носящій вышеприведенное заглавіе.—Мемуаръ этотъ мы приводимъ въ возможно точномъ переводѣ. Онъ въ ряду другихъ имѣетъ, какъ намъ кажется, то достоинство, что написанъ во время самихъ событій, подъ непосредственнымъ ихъ впечатлѣніемъ. Въ послѣднихъ строкахъ записки авторъ выражается въ настоящемъ времени и рассказываетъ то, что происходитъ во время самаго составленія разсказа. Можно точно утверждать, что мемуаръ написанъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, т. е. послѣ взятія Умани гайдамаками (19 іюня) и раньше усмиренія возстанія русскими войсками (6 августа).—Объ управленіи въ это время Желѣзняка въ Уманщинѣ авторъ говоритъ, какъ о фактѣ текущемъ, обязательномъ для жителей уманской волости. Судя по тому, что главный интересъ разсказа сосредоточенъ на судьбѣ униатскаго духовенства, на разрушеніи униатскихъ церквей и на участи, постигшей монаховъ базилианскаго ордена, можно полагать, что анонимный составитель записки былъ униатскій священникъ въ одномъ изъ 120 приходовъ, насильно обращенныхъ въ унию владѣльцемъ Уманщины—Силезіемъ Потоцкимъ. Вотъ текстъ «Описанія».

¹⁾ Dzieje Polski, czyli przypadki znaczniejsze, za panowania najjaśniejszego Stanisława Augusta, króla Polskiego, W. X. L., zdarzone 1768—1770.

Это ужасное и горестное бѣдствіе началось и возникло въ Могренинскомъ монастырѣ, вслѣдствіе безбожнаго поступка игумена этого монастыря, который, подговоривъ нѣсколько десятковъ запорожскихъ козаковъ, призвалъ ихъ къ себѣ въ качествѣ зачинщиковъ и возбудилъ къ бунту громады сосѣднихъ селъ. Онъ благословилъ ихъ истреблять, безъ угрязенія совѣсти, всѣхъ ляховъ, уніатовъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, а также евреевъ,—не исключая ни преклонныхъ стариковъ, ни малыхъ дѣтей, дозволивъ оставлять въ живыхъ только тѣхъ поляковъ и уніатовъ, которые обратятся въ дизунію (православіе). Получивъ благословеніе игумена, собранная имъ сволочь тронулась съ мѣста для осуществленія предпринятаго тиранскаго намѣренія. Къ нимъ немедленно примкнули въ большомъ количествѣ козаки и хлопы изъ окрестностей: Чигрина, Черкассы, Смилы, Лысянки и Бѣлой церкви; они разбрелись по всей Украинѣ,—по мѣстечкамъ и селамъ, и принялись за убійства. Въ Лысянкѣ они опустошили монастырь францисканцевъ, однихъ ксендзовъ они повѣсили тутъ-же, другихъ, успѣвшихъ укрыться въ лѣсу, разыскивали съ помощью крестьянъ и убивали. Между тѣмъ дворяне и евреи со всей Украины бѣжали въ Умань, надѣясь спасти жизнь, укрывшись въ сильной уманской крѣпости. Узнавъ объ этомъ, гайдамаки стали всячески помышлять о томъ, чтобы произвести разбой въ Умани, однако не двинулись быстро въ этому городу, но стали мало по-малу появляться въ Уманьщинѣ, стараясь прежде снискать себѣ содѣйствіе крестьянъ, принадлежащихъ къ уманскому имѣнію. Однимъ они рассказывали, будто имѣютъ указъ русской Императрицы, разрѣшающій имъ безбожное предпріятіе; расположеніе другихъ снискивали то паптками, то обѣщаніемъ распределить между крестьянами должности по управленію краемъ; они похвалялись, что не допустятъ болѣе польскимъ панамъ господствовать надъ крестьянами и утверждали: „мы всю Украину отнимемъ у Польши и захватимъ Волинь и Подоліе!“ Дѣйствія свои въ Уманьщинѣ гайдамаки начали съ села Ризаной: здѣсь они явились неожиданно, захватили жившихъ въ этомъ селѣ шляхтичей въ расплохъ и перебили ихъ вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и слугами; нѣсколькихъ шляхтичей, защищавшихся въ своихъ домахъ, они истребили огнемъ, сжегши дома. Затѣмъ они отрави-

лись въ мѣстечко Буки, отстоящее въ одной только милѣ отъ Ризаной. Въ то время въ Букахъ отправляли миссію священники базилианскаго ордена; но крестьяне, узнавъ о волненіи, немедленно стали обнаруживать признаки бунта, осыпали монаховъ угрозами. перестали ходить въ церковь, слушать ихъ поученія и запретили дѣтямъ посѣщать проповѣди. Мѣстный приходскій священникъ тоже отшатнулся отъ уніи и сталъ поощрять къ бунту прихожанъ. Въ виду такого настроенія, базилианскіе миссіонеры, не окончивъ миссіи, должны были въ бѣгствѣ искать спасенія.—Гайдамаки между тѣмъ разбрелись по всей Уманщинѣ, разнося смерть и тиранство; изъ Буковъ они отправились въ Соколовку и другія близлежащія села, и убивали всѣхъ захваченныхъ поляковъ, въ томъ числѣ въ Соколовѣ они умертвили пана Гинювскаго, русина, но уніатскаго исповѣданія. Такимъ образомъ они свирѣпствовали въ Уманщинѣ въ теченіи пяти дней.

Раньше, чѣмъ эти бездѣльники приблизились къ Умани, оба полковника уманскихъ надворныхъ козаковъ, паны Обухъ и Магнушевскій, выпли на встрѣчу имъ, во главѣ вооруженнаго отряда конныхъ козаковъ, желая отразить отъ Умани этихъ убійцъ. Вѣроятно, они исполнили-бы это съ успѣхомъ, если-бы сотники, Гонта и Уласенко, остались вѣрны и не отказались-бы повиноваться полковникамъ; но упомянутые сотники вошли въ сношенія съ гайдамаками и согласились съ запорожцами, чтобы погубить Умань. Узнавъ, что гайдамаки выступили уже изъ Соколовки и грабятъ окрестности, сотники двинулись за ними, но не для того, чтобы разгромить ихъ, а единственно для того, чтобы соединиться съ ними. Гонта и Уласенко объявили полковникамъ, что не желаютъ болѣе оставаться подъ ихъ командою и присовокупили: „бѣгите, если хотите оставаться въ живыхъ; въ противномъ случаѣ погибнете, если не отъ руки гайдамаковъ, то отъ нашихъ!“ Лишь только полковники отѣхали въ сторону отъ своего отряда, они наткнулись на засаду: въ лѣсу на нихъ напали семь человѣкъ разбойниковъ, укрывшихся тамъ, долго ихъ преслѣдовали и убили двухъ трубачей, не успѣвшихъ спастись бѣгствомъ вмѣстѣ съ полковниками.

Въ городѣ Умани постоянно принимались военныя предосторожности. Мѣры эти теперь еще болѣе были усилены въ виду

предстоящаго несомнѣнно нападенія. Городъ былъ достаточно снабженъ пушками, гранатами и вооруженнымъ гарнизономъ. Въѣздъ въ городъ былъ оставленъ открытымъ только въ одни ворота, всѣ-же другія ворота были заграждены палисадами и баррикадами извнутри; у воротъ и на валахъ кругомъ поставлены были пушки, а у бойницъ размѣщены были многочисленныя стрѣлки: козаки, шляхтичи, жѣщане, слуги, студенты¹⁾, евреи и хлопы. Всѣ почти были хорошо вооружены, кромѣ евреевъ, у которыхъ не оказалось оружія; тѣмъ не менѣе и они въ большомъ количествѣ приняли участіе въ защитѣ города, вооружившись топорами, а также ножами и косами, которые придѣлали къ длиннымъ шестамъ. За день до появленія враговъ многіе паны, предчувствуя измѣну со стороны козаковъ, хотѣли уѣхать изъ города, чтобы избѣжать опасности, даже сами управляющія городомъ власти стали собираться въ путь; но еврей никого не выпустили и едва не убили пана губернатора:²⁾ „погибайте вмѣстѣ съ нами, говорили они, если вы насъ по нынѣ вводили въ заблужденіе относительно безопасности!“

Гайдамаки стали атаковать городъ съ утра, часу въ одиннадцатомъ. Желая начать приступъ, они бросились густою толпою къ воротамъ и попали неожиданно подъ выстрѣлы пушекъ; но артиллеристы не узнали ихъ, и полагая, что это отрядъ своихъ козаковъ, не воспользовались этою ошибкою.—Тогда гайдамаки разсѣялись кругомъ всего города, зажгли предмѣстья и стали въ нихъ обыскивать дома, винокурни и риги, разыскивая евреевъ и поляковъ и предавая ихъ смерти. Поль-часа спустя на помощь гайдамакамъ явился Гошта съ своимъ отрядомъ и, поклонившись Максиму Желѣзняку, начальнику бунтовщиковъ, переѣхалъ на другую сторону города; соединивъ свои силы для кроваваго дѣла, они совмѣстно стали готовить приступъ. О, Господи! какой страхъ

1) Ученія базиліанскаго ученица.

2) Губернаторами назывались управляющіе помѣщичьи имѣніями; въ качествѣ лица, заступавшаго пана, губернаторъ, кромѣ заведыванія хозяйствомъ, имѣлъ право суда гражданскаго и уголовнаго, съ правомъ смертной казни надъ крестьянами управляемаго имъ имѣнія. Если помѣстье было обширно и если владѣлецъ имѣлъ укрѣпленный замокъ и надворную милицію, то губернаторъ соединялъ должности коменданта крѣпости и главнаго начальника милиціи.

объялъ народъ, затворившійся въ городъ, когда стало очевидно, что измѣнили уманскіе сотники. Нѣсколько разъ они приносили присягу на вѣрность и обѣщали, въ случаѣ нужды, защищать городъ хотя-бы съ опасностью жизни; ихъ усиленно упрасивали начальники, задобивая ихъ тысячами рублей, подарками и напитками; сами они постоянно выдавали себя преданными и вѣрными; нынѣ тѣ-же сотники нарушили присягу и заключили союзъ съ разбойниками для истребленія и погибели осажденныхъ. Страшному горю предавались какъ міряне, такъ особенно монахи и все духовенство, въ виду столь грозной опасности, столь богопротивнаго презрѣнія къ костеламъ, столь тяжелаго разоренія своего имуществва и невозвратимой его потери.

Всѣ, находившіеся въ городѣ, приняли участіе въ защитѣ. Съ одиннадцати часовъ утра, лишь только началось нападеніе, до вечера и въ теченіе всей наступившей ночи не умолкала пушечная и ружейная пальба, продолжавшаяся до 10 часовъ сѣдующаго утра. Тѣ христіане, которые не сражались, проводили время въ молитвѣ въ костелѣ, въ церквахъ, въ храмѣ отцевъ базилиановъ; многіе исповѣдывались, другіе отправились крестнымъ ходомъ (процессією) вокругъ города, сопровождая образъ Богородицы, находившійся въ базилианскомъ костелѣ, котораго заступничество во многіхъ случаяхъ было испытано. Когда несли этотъ образъ, даже невѣрующіе евреи со слезами и глубокими вздохами падали на землю и вознося къ образу руки, взывали: „спаси насъ, пресвятая Богородица!“ До двадцати лицъ евреевъ при этомъ изъявили желаніе креститься, что и было исполнено. Съ помощію Божіею и пресвятой Богородицы не допустили-бы до кровопролитія, еслибы сотникъ Гонта дьявольскою хитростью не смутилъ защищавшихся. Онъ, замѣтивъ храбрость бойцевъ, хотя и не составлявшихъ регулярнаго войска, но защищавшихся хорошо и, видя, что всѣ пушки исправно дѣйствуютъ, сталъ бѣгать вокругъ города и кричать: „сдавайтесь, ничего вамъ не сдѣлаемъ!“ Вслѣдствіе этого въ городѣ произошло смятеніе: многіе кричали, что нужно положить оружіе. Отворили ворота и вышли на встрѣчу гайдамакамъ. Надѣялись, что жизнь будетъ спасена, были убѣждены, что въ этомъ отношеніи дана будетъ гарантія. Горькая ошибка! Лишь только оружіе было сложено и ворота добровольно отворены, часть гайда-

макъ бросилась съ одной стороны рубить палисады, другіе огромною толпою ворвались въ ворота и сразу принялись творить жестокости. Нужно-бы омочить перо не въ чернила, а въ горьвія слезы, чтобы описывать то страшное пролитіе христіанской и еврейской крови, то опустошеніе храмовъ Господнихъ, тѣ богохульные оскорбленія Господа и Его пресвятой Матери, которыя были совершены, когда убійцы ворвались въ городъ. Одни разсѣялись по улицамъ, площадямъ и домамъ, другіе у воротъ стали умерщвлять собравшихся тамъ. Войдя въ костелъ, они вывели оттуда на погостъ вѣрныхъ, пребывавшихъ въ молитвахъ, и стали ихъ варварски мучить и убивать. Тутъ были замучены: панъ Ржонжевскій, стольникъ брацлавскаго воеводства, съ женою, паны: Марковскій, скарбникъ Корженевскій, Лежинскіе, Завадскій, Винницкій, Цесельскій, Томашевскій, писарь государственной таможни, и многіе другіе, почтенные и именитые шляхтичи, числомъ около 2000. Здѣсь погибъ панъ губернаторъ уманскій Младановичъ съ женою и дѣтьми; одну дочь его четыре раза поразили копьемъ¹⁾. Изъ церкви также вытаскивали людей и убивали. Во время этихъ убійствъ, въ костелѣ отцевъ базилиановъ служили обѣдню съ пѣніемъ; разъяренные палачи, вбѣжавъ въ костелъ, удержались до конца службы. Но когда кончилась обѣдня и прочтены были другія, прибавочныя молитвы, они сейчасъ принялись стрѣлять въ людей въ костелѣ, истязать, вытаскивать на дворъ и тамъ убивать. Ксендза ректора базилианскаго ранили выстрѣломъ, потомъ стали его допрашивать о мѣстѣ храненія денегъ, отвели въ монастырь, тамъ кололи копьями, наконецъ на монастырскомъ дворѣ втолкнули въ канаву. Въ костелѣ они кололи вице-ректора и били его нагайками и дубинами. Отца закрістіяна, миссіонера, раздѣли до одной рубахи и всего изранили и окровавили; потомъ всѣхъ троехъ связали, водили кругомъ рынка, истязали безъ милосердія побоями и посадили подъ стражу; но и тамъ не долго оставили; они вновь ихъ вывели на улицу и закололи до смерти; тѣла ихъ нѣсколько дней валялись на улицѣ не похороненными. Монастырь базилиановъ разграбили совершенно.

¹⁾ Известіе это не справедливо: Говтѣ удалось спасти двое дѣтей Младановича: дочь Экономору (впоследствии по мужу Кребсъ) и малолѣтняго сына Павла. Оба они составили впоследствии описаніе какъ катастрофы уманской, такъ и собственнаго спасенія.

Многіе хлопы особенно настаивали на истребленіи базилиановъ и даже нѣкоторые мѣщане указывали студентовъ уніатовъ, побуждая разъяренныхъ убійцъ умерщвлять ихъ. Костелы, принадлежавшіе бѣлому духовенству, постигла таже участь. Приходскаго (католическаго) священника, послѣ всяческихъ истязаній, повѣсили. Св. дары разбросали, топтали, растирали руками, ѣли и клали въ свои трубки. Распятіе Иисуса Христа съ богохульными рѣчами повѣсили на веревкѣ. Образъ Богородицы кололи копьями, стрѣляли въ него, топтали, приговаривая: „пусть онъ васъ теперь защититъ, вчера вы таскались по городу, ожидая отъ него спасенія!“ Рѣзныя изъ дерева статуи святыхъ апостоловъ Петра и Павла они поставили у воротъ, обзывали ихъ конфедератами и стрѣляли въ нихъ; потомъ перенесли ихъ на болото, привязали къ нимъ цѣпи и съ кощунственными насмѣшками приглашали ихъ молотить грязь. Статую святаго Іоанна волокли по городу, привязавъ къ лошади, отрубили ей голову топоромъ и всю изрубили на куски. Всѣ образа и книги, латинскія и польскія изъ католическаго костела и русскія — изъ базилианскаго, сожгли. Одѣвшись въ ризы всендзовъ, ходили по улицамъ, по площади и заходили въ шинки, гдѣ напившись зазывали прохожихъ подходить къ нимъ подъ благословеніе или кощунствовали, представляя отправление миссы и другихъ церемоній и обрядовъ богослуженія. Однимъ словомъ: окончательно ограбили храмы, оставивъ въ нихъ лишь покойниковъ въ гробахъ. Затѣмъ опустошили весь городъ, роясь даже въ землѣ, чтобы разыскать спрятанныя деньги. Трудно исчислить всѣ совершенныя гайдамаками убійства: однихъ они разстрѣляли, другихъ искололи, третьихъ убивали топорами и дубинами, малыхъ дѣтей подкидывали на копья, беременнымъ женщинамъ распарывали животы. Крестьянамъ приказали совершать такія-же варварства въ селахъ и разыскивать дворянъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, на поляхъ и въ степи, и тѣ очень усердно исполняли это приказаніе. Они жестоко мучаютъ и убиваютъ тѣхъ крестьянъ и священниковъ русскихъ, которые, увлекаясь милосердіемъ, дали у себя пріютъ кому-либо изъ поляковъ, уніатовъ или евреевъ, или-же припрятали ихъ имущество. Уже многихъ священниковъ и престолюдиновъ постигла эта участь. Впрочемъ нѣкоторыхъ дѣвицъ и замужнихъ женщинъ, а также ихъ дѣтей и родственниковъ они пощадили: нѣсколько молодыхъ шлях-

тичей, учившихся въ школѣ, записали въ регистръ своего войска, предварительно крестивъ ихъ по своему обряду; многихъ дѣвицъ шляхетскихъ повѣнчали съ хлопами. Пѣсколько тысячъ убитыхъ труповъ вывезли за городъ и вблизи его бросили, не прикрывъ землею, на съѣденіе собакамъ. Въ самомъ городѣ колодезь въ 30 сажень глубиною наполнили трупами. Вообще страшно и вспомнить обо всѣхъ ужасахъ, страшно проходить у города живому человѣку: вездѣ опустошеніе, вездѣ валяются трупы; страшный смрадъ отъ ихъ разложенія заражаетъ окрестныя поля и лѣса. Они совершенно разграбили и опустошили какъ городъ, такъ и всю уманскую волость, причинили убытки на цѣлые милліоны и захватили несмѣтныя суммы денегъ.

Управившись такимъ образомъ, гайдамаки оставили гарнизонъ въ городѣ, главныя-же свои силы расположили лагеремъ за городомъ. Во всѣ мѣстечка и села они командировали по пѣскольку десятковъ козаковъ, которые продолжали тамъ производить убійства, отдали помѣстья въ управленіе хлопамъ, помѣщичія-же стада, лошади и пасѣки конфисковали. Отъ людей, бывшихъ въ ихъ лагерѣ и смотрѣвшихъ на преступный дѣлежъ ими добычи, я слышалъ, что они продолжительно мѣряли золото соусникомъ, а серебро огромною мѣдною чашкою; богатые шелковыя платья рвали на тряпки, нагрузивъ ими предварительно цѣлые возы; лошадей согнали громадное стадо; коляски и кованные возы продавали по рублю, сабли-же и солдатскіе палаши иностранныя торговцы покупали у нихъ за нѣсколько десятковъ грошей.

Максимъ Желѣзнякъ основалъ свою резиденцію въ уманскомъ замкѣ. Онъ отправилъ предписаніе ко всѣмъ священникамъ въ Уманщинѣ, чтобы они отправлялись къ переяславскому епископу отречься отъ церкви Божіей (т. е. отъ униі) и приносить присягу на благочестіе (т. е. православіе). Онъ объявилъ имъ, что если хотятъ сохранить жизнь и приходы, то должны запастись въ Переяславлѣ благословеніемъ епископа, его уставною грамотою и аятиминсомъ. Одни по собственной охотѣ, другіе по принужденію послѣдовали уже этому приказанію и даже тѣ, которые не имѣли ни малѣйшаго желанія переходить въ благочестіе, боясь за свою жизнь, уѣхали уже въ Переяславль рукополагаться у заграничнаго епископа.

Между тѣмъ разбойники продолжаютъ свирѣцствовать въ Уманщинѣ; они прїѣхали въ маньковецкій базилианскій монастырь, построенный въ лѣсу, и перебили въ немъ монаховъ. Вообще, по словамъ точнаго извѣстія, всѣхъ базилианъ погибло 12, а именно: въ Умани 4, въ окрестности города 3, въ маньковецкомъ монастырѣ 2 и на дорогѣ въ Умань 3. Остальные монахи какъ маньковецкаго, такъ и уманскаго монастырей убѣжали въ лѣсъ, но, какъ носится слухъ, были тамъ перебиты. Говорятъ, что видѣли на дорогѣ трупъ монаха ордена камедуловъ. Крестьяне изъ Уманщины бѣгутъ за границу. Вообще во всей Украинѣ господствуетъ страхъ и смятеніе.

Сказаніе о Бондаренкѣ по народнымъ преданіямъ.

Бондаренко принадлежалъ къ числу предводителей гайдацкихъ отрядовъ, сформировавшихся въ 1768 году. Въ то время, когда главныя силы возставшихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ Желѣзняка, двигались изъ Мотренинскаго монастыря на Умань, Бондаренко съ своимъ отрядомъ направился въ кіевское поле. По дорогѣ онъ пытался было овладѣть Бѣлоцерковскою крѣпостью, но встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны гарнизона и артиллеріи, которою крѣпость была достаточно вооружена, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Миновавъ Бѣлую Церковь, онъ направился къ сѣверу, сталъ занимать села и мѣстечка, истреблять пановъ и жидовъ и возбуждать народъ къ возстанію. Такимъ образомъ достигъ онъ до мѣстечка Макарова и овладѣлъ имъ; но здѣсь и кончились его подвиги. Въ Макаровѣ на Бондаренка наступила надворная милиція, отправленная противъ него владѣльцемъ Чернобыльскаго имѣнія, графомъ Ходкевичемъ; застигнутые върасплохъ, гайдамаки были разсѣяны; многіе, въ томъ числѣ и Бондаренко, захвачены въ плѣнъ; они были доставлены въ Чернобыль, гдѣ, по приговору домиціального суда, Бондаренко былъ казненъ смертью. Жители Чернобыля повныѣ указываютъ высокій курганъ, находящійся у выѣзда мѣстечка по дорогѣ въ село Залѣсье, на которомъ, по словамъ преданія, совершена была казнь; курганъ этотъ народъ называетъ «Бондаренковою могилою». Этотъ гайдацкій предводитель былъ родомъ изъ села Грузкой, лежащаго въ 50 верстахъ къ западу отъ Кіева. Преданіе о немъ сохранилось довольно живо на его родинѣ и послужило сюжетомъ многочисленныхъ рассказовъ и пѣсень. Въ 1867 году одинъ изъ крестьянъ—старожилъ села Грузкой, Иванъ Лобанъ, попытался свести сохранившіяся преданія въ одинъ связный рассказъ, который мы и предлагаемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ подъ пера составителя, позволивъ себѣ сдѣлать лишь самыя незначительныя и необходимыя стилистическія поправки. Конечно, рассказъ г. Лобана важнѣе не фактическими историческими подробностями, которыхъ богатства и точности и нельзя ожидать отъ народнаго преданія; весь интересъ рассказа, какъ намъ кажется, заключается въ воспроизведеніи того образа гайдамачества, который запечатлѣлся въ народномъ представленіи. Бонда-

ренко, какъ тнѣ гайдамацкаго ватажка, не носить въ народномъ воспоминаніи характера кровожаднаго бандита или беспощаднаго грабителя; онъ, напротивъ того, является веселымъ, разгульнымъ, исполненнымъ юмора и добродушія удалцемъ, преклоняющимся передъ правилами народной морали и народныхъ приличій, уважающимъ земледѣльческій трудъ крестьянина и даже, по отношенію къ шляхтичамъ, болѣе склоннымъ мстить имъ насмѣшками и шутками, чѣмъ кровавою расправою. Вотъ текстъ этого оригинальнаго сказанія:

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, во времена царицы Екатерины, въ селѣ Грузкой, кievскаго уѣзда, принадлежавшемъ тогда помѣщикамъ Харяинскимъ, жила вдова Бондариха. У нея былъ сынъ лѣтъ шестнадцати. Такъ какъ они не имѣли возможности вести хозяйство, то помѣщикъ взялъ сына въ услуженіе въ свой дворъ и опредѣлялъ его сторожемъ при кухнѣ. На его долю досталась очень тяжелая работа, которая въ равной мѣрѣ требовалась и въ праздничные дни и въ будни; притомъ за неисправность Бондаренко подвергался часто побоямъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ переносилъ свое тяжелое положеніе; но, наконецъ, терпѣніе его истощилось. Исполнившись злобы, онъ сказалъ себѣ: „дай Боже ноги, куда очи глядятъ, туда и дорога!“, тайно бѣжалъ съ помѣщичьаго двора и отправился на Украину искать себѣ пріюта. Здѣсь, вслѣдствіе нищенской обстановки своей, онъ не могъ поступить на работу къ зажиточному хозяину и потому присталъ къ ватагѣ гайдамаковъ Швачки и Желѣзнява. Среди нихъ, по словамъ нашихъ стариковъ, онъ нашелъ церазлучнаго товарища—Нечаевка и вскорѣ сдѣлался настоящимъ „лицаремъ и характерникомъ:“ онъ научился заговаривать оружіе, такъ что пуля его не брала.

Послѣ долгаго отсутствія, мать получила отъ него письмо съ обѣщаніемъ скорого посѣщенія, что онъ дѣйствительно и исполнилъ, какъ о томъ поется въ пѣснѣ:

Не захотѣвъ Бондаренко на Украинѣ жити,
 Да прихавъ до Бышова жидивъ, ляхивъ бити;
 Не багато винъ постоявъ на Бышевскомъ мости.
 Да прихавъ до Грузкой до матери въ гости.

Бондаренко прїѣхалъ въ Грузьку съ своимъ отрядомъ, поклонился матери, привѣтствовалъ родственниковъ и занялъ квартиру въ домѣ приходскаго священника. Онъ немедленно сталъ спрашивать священника о помѣщикахъ,—которые заблаговременно бѣжали изъ села.

— Гдѣ, отче, помѣщики?

— Ихъ дома нѣтъ, пане атамане.

— Жаль, мнѣ слѣдовало ихъ поблагодарить за службу; но если ихъ нѣтъ, то, такъ и быть, принимаю „волю“ и отъ отсутствующихъ. Теперь, отче, благослови меня повеселиться на своей родинѣ.

Священникъ осѣнилъ его крестомъ.—Да благословитъ тебя, чадо, Господь на всякое дѣло благое!

Бондаренко поцѣловалъ крестъ и отвѣтилъ: спасибо, отче, за благое, а на зло я и самъ „потраплю“.—Кто-же, отче, живетъ теперь въ панскомъ дворѣ?

— Остались только шапартъ (ключникъ) Ярошъ и господня (ключница) Марыська.

— Прекрасно! сказалъ Бондаренко и вышелъ къ своей ватагѣ.—Позовите ко мнѣ, хлопцы, говорилъ онъ, панскаго ключника!

Шапартъ пришелъ, снялъ шапку еще за воротами; о немъ доложили Бондаренку.

— Здоровъ бувъ, старый!

— Здоровъ, пане атамане! отвѣчаетъ шапартъ, дрожа какъ осиновый листъ.

— Что-же, ты узналъ меня?

— Узналъ, батьку!

— Прекрасно! теперь еще лучше познакоимся. Какъ-же тебѣ живется? Такъ какъ прежде?

— Какъ прежде.

— Ну, прекрасно! Не можешь-ли пока угостить насъ?

— Чѣмъ прикажете?

— Да что пожалуешь.—Пойдите, хлопцы, принесите, что онъ отпустить. Принесли изъ двора въ избѣли напитки и стѣстного.

— Да ты, старый, кугишь, сказалъ Бондаренко: ты не разстраивай хозяйства, оставь еще кое-что къ моей свадьбѣ, вѣдь знаешь, что мнѣ нужно жениться? Ну, да теперь угости насъ!

Налилъ шапарь чарку и поднесъ Бондаренку, но тотъ отклонилъ ее со словами: пей самъ прежде, а то, чего добраго, ты насъ околдуешь! Пошло затѣмъ угощеніе, но среди веселія вдругъ Бондаренко обратился къ шапару: что, старикъ! у тебя по прежнему много денегъ?

— „Нема!“ отрывисто отвѣтилъ шапарь.

— Не вѣрится, сказалъ Бондаренко. Хлопцы, крикнулъ онъ, пощите-ка пакли, окрутите ему руки, облейте смолою и зажгите!

Не успѣли еще хлопцы приступить къ старикеу, какъ онъ вскричалъ: „Постой, батьку! у меня есть кое-что заслуженное, не много, правда, да рублей сто старыми „карбованцями“ наберется; сверхъ того я припряталъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ, полученныхъ изъ шинка!

— Заслуженными ты подѣлился со мною по правдѣ:—вѣдь служили мы оба и моя работа была тяжелѣе твоей. Что-же касается мѣдныхъ панскихъ денегъ изъ шинковъ, то они больно тяжелы и чтобы тебя облегчить, я пошлю за ними. Ступайте, сказалъ онъ двумъ дюжимъ гайдамакамъ и принесите столько мѣди, сколько подымете, за остальную-же купите боченокъ водки такой, чтобы четверо изъ васъ могли его привести сюда. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ и другимъ сельскимъ урядникамъ: зовите сюда всѣхъ нашихъ людей, я желаю съ ними возобновить знакомство.

Вскорѣ на дворъ священника пришло нѣсколько человѣкъ; къ нимъ вышелъ Бондаренко и поклонился: здоровы, молодцы, мои стари знакоми!

Люди сняли шапки и поклонились.—Здоровъ, пане отамане!

— Откуда вы знаете, что я отаманъ?—А гдѣ вашъ панъ?

— Пана нѣтъ;—потому мы и знаемъ, что ты отаманъ.

— Значить, еслибъ паны исчезли, то всѣ были-бы козаками и атаманами.—Почему васъ такъ мало?

— Теперь жнива; люди въ полѣ убираютъ жито.

— Дѣло похвальное! пусть Богъ вамъ поможетъ! Собирайте хлѣбъ и свой и панскій. Что-бы ни случилось, даръ Божій не долженъ пропадать; хотя паны и не возвратятся,—хлѣбъ нуженъ будетъ.

Кто-то изъ толпы замѣтилъ, что маленькій панскій ребенокъ остался въ селѣ. Бондаренко услышалъ, приказалъ розыскать и

привести паныча. Привели его вмѣстѣ съ бабою Царихою, которая пріютила его въ своей хатѣ.

— Чей это, бабо, мальчикъ у тебя? спросилъ Бондаренко.

— Панскій, батьку! отвѣтила баба, низко кланяясь.

— Правда! сказалъ Бондаренко, всматриваясь въ мальчика: хотя онъ родился въ моемъ отсутствіи, но и глаза у него большіе, и носъ орлиный, и весь онъ въ отца. Онъ погладилъ дитя по головкѣ, далъ ему пряникъ и сказалъ бабѣ: бери его въ свой дождь и береги. Затѣмъ обратился къ людямъ и проговорилъ съ грустью: берегите мальчика и приласкайте его, вѣдь будетъ-же онъ нашимъ паномъ. Затѣмъ встрепенулся и крикнулъ Ярошу: подавай, старикъ, водки и закусокъ, угощай людей!

Выпили, повеселѣли. Бондаренко вскорѣ поднялся и поклонился: прощайте, панове громадо!—прошу на завтра къ себѣ въ гости, теперь пора отдыхать.

На другой день Бондаренко приказалъ раскинуть палатки передъ домомъ священника, призвалъ паларя и приказалъ ему доставить изъ панскаго двора водки, наливки, пива и закусокъ; затѣмъ потребовалъ къ себѣ ключницу Марысю,—ее привели.

— Здорова, старая вѣдьма!—узнала меня?

— Узнала, батьку! отвѣтила Марыся, низко кланяясь.

— Прекрасно! теперь еще лучше познакоимся! Ты вѣдь по старому за господиню?

— За господиню, батьку.

— Значить, въ твоёмъ распоряженіи много домашней птицы! Идите-же, хлопцы, съ нею и возьмите сколько нужно къ обѣду: куръ, гусей и индюковъ, и ее приводите назадъ, мнѣ нужно будетъ поблагодарить ее за прежнюю дружбу. Затѣмъ онъ обратился къ асауламъ: ступайте по всему селу, зовите ко мнѣ на ширь всѣхъ людей: стариковъ и парубковъ, старухъ и молодицъ, дивчатъ и мальчиковъ; просите, чтобы приходили въ праздничныхъ одеждахъ. Да призовите музыку, смотрите, чтобы была настоящая, *троиста*: скрипки, цымбалы и басъ. •

По приглашенію люди со всего села сошлись къ Бондаренку; онъ вышелъ къ нимъ въ козацкой одеждѣ: въ плисовыхъ шараварахъ, въ синемъ жупанѣ, въ барашкой шапкѣ съ краснымъ атласнымъ верхомъ; вышелъ онъ изъ палатки и поклонился на всѣ стороны.

— Здорови булы, старые и молодые—сказалъ онъ. Узнали вы меня, своего стараго знакомаго?

— Узнали, батьку! отвѣтили люди съ поклономъ и поднесли ему хлѣбъ и соль.

— Спасибо за хлѣбъ, за соль! Жаль только, что межъ вами нѣтъ вашихъ пановъ! Что дѣлать?—выпьемъ за панское здоровье; они вѣдь трудились, чтобы приготовить намъ угощеніе.

Пошелъ цирь горою, заиграла музыка. Бондаренко то двигался средь народа, угощая и упрасивая пить, то отплясывалъ съ молодницами. Въ пиру принимали участіе гайдамаки; Нечаенко танцевалъ безъ усталы, пригѣвая веселья, охочія пѣсни. Бондаренко схватилъ мѣшокъ съ мѣдными деньгами; „гей, диты, сюда!“ крикнулъ онъ и въ толпу дѣтей посыпались гривны, пятаки, гроши и копейки. Дѣти хватаютъ, дерутся—кутерьма страшная. Бондаренко хохочетъ. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ и обратился къ асауламъ: а гдѣ-же моя Марыся?—Есть, батьку! отвѣтили; она было сбѣжала, но мы ее поймали.

— Сбѣжала? значить, совѣсть ея не чиста; затворите-же ее въ „куну коло звиници“¹⁾. Марысю заперли въ куну; Бондаренко зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и направился къ колокольнѣ, въ сопровожденіи толпы народа. Пришли, отворили двери. „Ну, старая вѣдьма, сказала Бондаренко, приготовила ты мнѣ горячихъ „пляцковъ“ (сладкихъ лепешекъ) такихъ, какъ готовляла для пановъ?

— Не приготовила, батьку атамане!—отвѣтила, дрожа всѣмъ тѣломъ Марыся.

Бондаренко выхватилъ пистолетъ, взвелъ курокъ: бахъ! и—Марыся упала, какъ мертвая, съ крикомъ: „Иезусъ—Марія, змилуй се на де мно!“

„Чи бачъ? вона вже и померла“,—сказалъ Бондаренко. Нужно ее воскресить,—заряжайте другой пистолетъ, да подавайте скорѣе. Марыся вскочила на ноги и вскричала: „помилуй, пане атамане!“

— „Воскресла и заговорила! слава тебѣ, Господи!—сказалъ Бондаренко, среди всеобщаго хохота, и приказалъ отвести Марысю въ

¹⁾ Родъ карцера, находившагося обыкновенно у колокольни приходской церкви, въ видѣ желѣзной скобы, которую виновнаго приковывали за руку.

панскій дворъ и уложить въ постель, чтобы она отдохнула „вѣдь переляку“. Затѣмъ принесли изъ панскаго погреба старый медъ и, угощаясь, пировали до заката солнца. Подъ вечеръ Бондаренко созвалъ хозяевъ и сказалъ имъ: веселіе—веселіемъ, а дѣло дѣломъ; погуляли мы сегодня, да люди толкуютъ о жнивахъ; а потому, чтобы не сказали, что Бондаренко помѣшалъ всѣмъ работать, завтра я прошу васъ лишь зайти съ утра ко мнѣ „на поправку“, а потомъ какъ кому угодно: по желанію—оставайтесь гулять, а кому необходимо—идите работать.

Затѣмъ, призвавъ Нечасника, онъ снарядилъ его съ отрядомъ гайдамакъ въ походъ, приказавъ свозить къ себѣ всякое добро, но бѣдныхъ не трогать и избѣгать убійствъ. „До души намъ діла не має“,—сказалъ онъ въ заключеніе. Нечасникъ немедленно выступилъ въ походъ съ вооруженнымъ отрядомъ; Бондаренко-же приказалъ ключнику вновь приготовить угощеніе на слѣдующій день.

Съ утра сошлись люди и недоумѣваютъ, что имъ дѣлать. Вышелъ къ нимъ Бондаренко, поздоровался и спрашиваетъ: „а что, люди добрые, порѣшили, что будете дѣлать сегодня?“ — „Нѣтъ, не порѣшили!“ — „Такъ я вамъ посоветую: пусть съ каждаго двора одинъ человѣкъ идетъ на работу, остальные оставайтесь у меня въ гостяхъ“. Работники выступили впередъ; Бондаренко угостилъ ихъ прилично и отправилъ съ Богомъ на работу, обѣщавъ выслать имъ обѣдъ въ поле. Остальнымъ онъ задалъ такой-же пиръ, какъ на канунѣ.

Слѣдующаго дня возвратился изъ похода Нечасникъ; привезъ онъ много добычи съ собою. Во главѣ его отряда шелъ странный поѣздъ: четыре вола тащили сани, хотя дѣло было лѣтомъ, на саняхъ навалено было множество всякой живности: сало, масло и т. п.; среди узловъ и боченковъ повсюду торчали жерди, на которыхъ развѣшаны были колбасы; вѣнки изъ колбасъ украшали рога воловъ. За санями шли цѣлыя стада быковъ, коровъ, телятъ; затѣмъ везли мѣшки съ деньгами: тутъ было и золото, и серебро, и мѣдь.

Бондаренко взглянулъ на добычу и обратился къ гайдамакамъ: „спасибо, хлопцы! хорошо управились. Идите теперь, погуляйте на моей родицѣ“.—Гайдамаки отправились пить и плясать. Бондаренко между тѣмъ призвалъ свою мать и родственниковъ и сказалъ имъ: берите все это золото и серебро и уѣзжайте за Днѣпръ,

тамъ перемѣните свои фамиліи и живите мирно въ довольствіи. Здѣсь мнѣ не вѣчно можно будетъ распоряжаться, а когда меня не станетъ, бѣда обрушится на васъ. Такимъ образомъ онъ выселилъ весь свой родъ изъ села.

Между тѣмъ польское войско узнало о мѣстѣ остановки Бондаренка и въ Грузку отправленъ былъ отрядъ гусаръ, съ приказаніемъ взять Бондаренка и сжечь село. Про это нападеніе гусаръ и сказано въ пѣсни:

Наѣхали гусары Грузку палыти,
 Бондаренко зъ Нечасенкомъ стали боронити:
 Нечасенко на дзвиницю мѣхъ пороху тягне,
 Бондаренко въ прави руля рушвыцю готуе.
 Ой якъ стреливъ Нечасенко—коника видстреливъ,
 Ой якъ стреливъ Бондаренко—гусарина встреливъ.
 Ой рушили гусаре зъ Грузкою втякати—
 Бондаренко зъ Нечасенкомъ стали доганяти.

Гусары успѣли сжечь только одинъ дворъ въ концѣ села и отступили въ Макаровъ. Бондаренко послѣ того не долго уже оставался въ Грузкой; онъ раздалъ всѣ стада коровъ и быковъ—дѣвущкамъ на приданное, особенно щедро награждая тѣхъ, которыя понравились ему въ танцѣ; раздалъ замужнимъ все прибрѣтенное въ добычу—теани, одежды, мониста и выѣхалъ съ товарищами изъ Грузкой въ Макаровъ. Здѣсь онъ былъ взятъ въ плѣнъ козакомъ Щербиною ¹⁾ изъ Корнина и потомъ казненъ въ Чернобилѣ.

Конецъ исторіи Бондаренка. Писалъ Иванъ Лобанъ изъ села Грузкой, 7 генваря 1867 года.

¹⁾ Имя Щербина народное преданіе сохранило вѣрно. Въ запискахъ Липомана сказано также, что начальникъ нацвонныхъ козаковъ, взявшихъ въ плѣнъ Бондаренка въ Макаровѣ, назывался Щербина и былъ родомъ изъ мѣстечка Корнина. За эту услугу Щербинѣ на сеймѣ было пожаловано дворянство, а также нѣкоторая сумма денегъ для покупки имѣнія.

Образцы Обличительной литературы въ Малороссіи*).

Въ 16 и 17 столѣтіяхъ гласное обсужденіе общественной дѣятельности и общественныхъ дѣятелей Малороссіи было не мыслимо, такъ какъ обличительной печати не было и въ поминѣ. Конечно, это не исключало диэграмбовъ лицамъ, занимающимъ видное общественное положеніе.

Въ 16-мъ и первой половинѣ 17 вѣка общественные дѣятели, въ особенности духовныя власти, восхвалялись въ предисловіяхъ къ разнороднымъ изданіямъ, посвященнымъ этимъ лицамъ. Съ половины 17-го столѣтія появилась у насъ спеціальная литература панегириковъ, въ которыхъ воспѣвались добродѣтели, дѣйствительныя и мнимыя, сановныхъ людей—свѣтскихъ и духовныхъ. Максимовичъ, касавшійся этого рода литературы, радовался тому, что „вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стеклянный блескъ ума и слова выражался панегиристами по польски и по латыни, а не языкомъ южнорусскимъ“. Конечно, изслѣдователь языка и словесности можетъ утѣшаться подобнымъ обстоятельствомъ; но для изслѣдователя общественныхъ явленій оно едва-ли можетъ имѣть какое либо значеніе. Въ прошломъ столѣтіи литература панегириковъ продолжала развиваться, увеличивая изліяніе лести, въ особенности въ лѣснопѣвнѣяхъ, посвященныхъ высшимъ правителямъ Малороссіи. Въ извѣстномъ панегирикѣ послѣднему гетману Кириллу Разумовскому, лесть доведена до геркулесовыхъ столбовъ. Въ этомъ панегирикѣ авторъ безъ зазрѣнія совѣсти рѣ-

*) Читано 5 ноября 1880 г., въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

пился доказывать происхождение сына простаго козака Разума отъ извѣстной аристократической фамиліи князей Ружинскихъ, на основаніи измышленныхъ имъ генеалогическихъ данныхъ. Явная ложь не только была терпима, но и принималось официально: такъ, въ указахъ Елизаветы Петровны, писанныхъ гетману Разумовскому, во главѣ другихъ титуловъ всегда ставилось—„высоко и благоурожденному гетману, тавому-то“.

Съ литературой малороссійскихъ панегириковъ, въ особенности конца 17-го вѣка, знакомить насъ, хотя отчасти, Максимовичъ въ своей статьѣ „Книжная старина южнорусская“ (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 708). Но, кажется, еще никто не обращалъ вниманія на существовавшую издавна въ Малороссіи обличительную литературу, появляющуюся на свѣтъ Божій лишь въ письменной формѣ. Въ старой Малороссіи, какъ мы сказали, гласности въ печатной литературѣ не существовало. А между тѣмъ въ обществѣ проявлялась потребность дать общественную, гласную оцѣнку,—наложить, такъ сказать, штемпель—на факты, совершающіеся вокругъ, и на лица, отъ которыхъ исходятъ эти факты. Отыскивая выходъ, эта потребность и нашла его въ рукописныхъ обличительныхъ произведеніяхъ, которыя обращались по рукамъ въ разныхъ мѣстностяхъ и, вѣроятно, пользовались тамъ большею или меньшею популярностью. Такъ какъ эти обличенія составляли, такъ сказать, подпольную литературу, то они часто переходили за предѣлы приличій, принимали характеръ пасквилей, касаясь не только фактовъ общественной дѣятельности, но и нравственности, семейныхъ отношеній и чисто личныхъ чертъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которыхъ находила нужнымъ затрогивать рукописная обличительная литература: въ особенности въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, въ эпоху уничтоженія самоуправленія и общественной самодѣятельности нашей родины, литература этого рода стала принимать личный характеръ.

Объ обличительной литературѣ въ Малороссіи въ первый разъ мы узнаемъ, кажется, по поводу подметныхъ писемъ или „пашквилей“, направленныхъ противъ гетмана Мазепы. Первый пашквиль на Мазепу появился въ Кіевѣ въ 1690 году. Но по существу это былъ собственно безымянный подметный доносъ, предназначавшійся правительству. Мазепа въ упомянутомъ пасквилѣ обвинялся въ продажѣ людей правобережной Украины туркамъ, въ участіи въ

заговорѣ стрѣльцовъ и въ намѣреніи погубить государя. Въ составленіи пасквиля, по словамъ Маркевича, былъ заподозрѣнъ чернецъ Соломонъ, котораго пытали въ Москвѣ и казнили въ Батуриѣ „казню жестокою, смертною“. Не считая нужнымъ распространяться объ этомъ пасквилѣ, такъ какъ онъ напечаталъ въ Исторіи Малороссіи Маркевича (т. 4 стр. 145), переходимъ къ тѣмъ обличительнымъ произведеніямъ, которыя находятся у насъ въ рукахъ.

Вслѣдствіе слабаго развитія въ прошломъ столѣтіи книжной литературы и книжнаго дѣла, грамотные люди въ Малороссіи имѣли обыкновеніе заводить у себя тетради, въ которыя они вписывали болѣе интересовавшія ихъ разнородныя статьи изъ прочитанныхъ книгъ или изъ рукописныхъ-же сборниковъ; сюда-же вносились иногда и собственные произведенія переписчиковъ. Такіе-же сборники велись еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ числѣ выписокъ, помѣщаемыхъ въ подобныхъ сборникахъ, можно встрѣтить стихотворенія, статьи историческія, духовнаго содержанія, медицинскія наставленія, юридическія акты, письма и т. п. Тутъ-же попадаются и тѣ обличительныя произведенія, о какихъ мы говоримъ. Въ послѣднее время у меня было въ рукахъ три рукописные сборника: два я досталъ въ Черниговѣ, а третій полученъ изъ кievской губерніи. Изъ числа черниговскихъ сборниковъ одинъ относится къ первымъ годамъ настоящаго вѣка, другой къ двадцатымъ или тридцатымъ годамъ нашего столѣтія, а кievскій относится ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Въ каждомъ изъ перечисленныхъ сборниковъ оказалось по одному обличительному произведенію. Изъ этого можно заключать, что обличительная литература у насъ была значительно развита и распространена.

Въ кievскомъ сборникѣ находится стихотвореніе, обличающее злоупотребленія властей и сословные пороки вообще; оно имѣетъ такимъ образомъ болѣе общій характеръ, характеръ сатиры. Въ своей сатирѣ авторъ возвышается до признанія безотраднaго положенія своего „отчества“, т. е. Малороссіи. Впрочемъ, онъ свое произведеніе, такъ сказать, иллюстрируетъ указаніемъ на злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ и, такимъ образомъ, его стихотвореніе переходитъ въ личное обличеніе. Второе произведеніе касается одного лица, именно черниговскаго архіерея Виктора Садвовскаго, и обличаетъ его слабости и пороки, касаясь, какъ общественной

дѣятельности, такъ и частной жизни святителя. Третье, самое позднее, состоитъ изъ короткихъ указаній на общественные и личные недостатки многихъ лицъ, составлявшихъ, такъ сказать, цвѣтъ черниговскаго общества.

Первое произведеніе, какъ видно изъ подписи подъ нимъ, написано 23 декабря 1764 года. Незвѣстный авторъ его, обозначившій свое имя и фамилію только первыми буквами, К. З., называетъ себя сельскимъ учителемъ, Человѣкомъ не чиновнымъ, и не подвергнутымъ также вѣдомству войта, т. е. не мѣщаниномъ. Судя по тому, что стихотворецъ обличаетъ главнымъ образомъ властей города Зѣцькова, можно думать, что онъ былъ житель тамошнихъ мѣстъ. Языкъ сатиры представляетъ замѣчательную смѣсь тогдашняго книжнаго русскаго языка съ народнымъ малороссійскимъ. Стихи нескладные и темные, на столько, что общее содержаніе нуждается во многихъ предварительныхъ поясненіяхъ. Редакція стихотворенія плохая, многія мѣста испорчены, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что оно перешло чрезъ руки многихъ переписчиковъ.

Надобно сказать, что настоящая сатира появилась за нѣсколько мѣсяцевъ до прекращенія гетманскаго правленія въ Малороссіи, когда Разумовскій отказался отъ званія гетмана. Этотъ гетманъ въ послѣдніе годы своего правленія (именно въ 1761 году) издалъ универсалъ объ ограниченіи винокуренія въ Малороссіи. Нападениемъ на указанную мѣру и начинается авторъ свою сатиру. Авторъ сѣгуетъ на запрещеніе винокуренія крестьянамъ и находитъ, что отъ свободнаго производства водки поспольствомъ, т. е. народомъ, не было никакого вреда, тѣмъ болѣе, что въ народѣ не замѣчалось особаго расположенія къ пьянству, за исключеніемъ такихъ мѣстъ, какъ гг. Щогарь и Стародубъ и запорожской Сѣчи. По мнѣнію автора, лучше было-бы, если-бы сильные истребляли пороки вмѣсто того, чтобы запрещать производство горѣлки. Въ защиту автора, надобно сказать, что хотя упомянутое ранѣе распоряженіе гетмана относительно винокуренія издано, повидимому, съ благой цѣлью, съ цѣлью сохраненія лѣсовъ, сохраненія хлѣба и уничтоженія пьянства, но оно не достигало своей цѣли. Съ одной стороны, оно было несправедливо, потому что лишило извѣстныхъ правъ одни классы, не касаясь другихъ, и такимъ образомъ

вносило новую сословную привилегию; крестьянамъ, мѣщанамъ, разночинцамъ и великороссіянамъ винокурение вовсе воспрещалось, а у помѣщиковъ, духовенства и козаковъ лишь нѣсколько ограничивалось въ размѣрахъ. Съ другой стороны, хотя, вслѣдствіе винокурениа, дѣйствительно истреблялись лѣса въ Малороссіи, но за то оно давало возможность земледѣльцу имѣть въ зимнее время отличный кормъ для скота, въ видѣ барды, и такимъ образомъ содѣйствовало развитію скотоводства. По словамъ старожиловъ, свободное винокурение и оптовая продажа вина, при малыхъ размѣрахъ его у козаковъ, не отражалась вредно на населеніи; „пьянства не было, было только постоянное питье понемножку и честованье“. Историкъ нашей родины, Маркевичъ, приводитъ цѣлый рядъ аргументовъ противъ универсала Разумовскаго, считая его весьма стѣснительнымъ для тогдашней народной промышленности (т. 2-й, стр. 648). Такимъ образомъ, слова автора сатиры противъ запрещенія винокурениа у посполитыхъ людей нельзя считать неосновательнымъ обличеніемъ.

Далѣе авторъ сатиры намекаетъ на то, что водочныхъ промышленниковъ дѣлаютъ чиновными людьми. Здѣсь, конечно, заключается намекъ на произведенную въ 1763 году въ Малороссіи *вербунку* въ пикинеры, мысль о которой была подана Мельгуновымъ. При вербунгѣ бѣднѣйшіе люди и „великіе опіаки“ записывались въ рядовые, а грамотные пикиари и церковники становились ротмистрами и порутчиками. Но болѣе всего обличитель говоритъ о несправосудіи и взяточничествѣ въ судахъ, о господствѣ въ обществѣ людей порочныхъ и даже запятанныхъ преступленіями, но располагающихъ матеріальными средствами, о выборѣ такихъ-же людей на административныя должности. Бѣлое духовенство, по словамъ обвинителя, не только не обличаетъ пороковъ и злоупотребленийъ властей, не искореняетъ въ народѣ предрасудковъ, въ родѣ *понедѣльничья*, т. е. держанія поста по понедѣльникамъ, и воздержанія отъ работъ въ пятницу; оно, напротивъ, само погрязло въ любостяжаніи. Но особенно достается отъ автора черному духовенству: оно обвиняется въ объяденіи, пьянствѣ, развратѣ, роскоши, бродяжничествѣ и обдираніи монастырскихъ подсуздковъ, когда тѣ отходятъ на житье въ привольныя степи; сутяжничество и ябедничество въ судахъ также представляются, какъ пороки мо-

наховъ. Здѣсь-же описывается и то, какое впечатлѣніе произвело на монашество совершившееся въ тѣ годы распоряженіе правительства объ отобрании вотчинъ отъ монастырей. Въ заключеніи, авторъ выражаетъ упованіе на Управителя солища, луны, звѣздъ и земли, что онъ исправитъ все, жестоко наказавъ пороки, и что общественныя бѣдствія пройдутъ, подобно тому, какъ миновали смертельныя удары крымскихъ татаръ. По всей вѣроятности, авторъ считаетъ желаннымъ посланникомъ небесъ новое русское правительство (въ лицѣ Екатерины 2-й), которое должно было внести въ общество свѣжую струю законности и поднять нравственность. Прежде нежели перейти къ самому произведенію, нельзя не остановиться на одномъ интересномъ словѣ, употребляемомъ авторомъ. Какъ видно, общество всегда придумываетъ для себя слова, которыя служили-бы ему пугаломъ; такія слова у послѣдующихъ поколѣній теряютъ свое ужасное значеніе, а иногда принимаютъ даже самый обыденный смыслъ. Подобнымъ словомъ, соотвѣтствующимъ позднѣйшимъ „вольнодумецъ, вольтеріанецъ“ было первоначально слово „натуралистъ“, которое означало атеиста и матеріалиста въ самомъ грубомъ смыслѣ послѣдняго слова.

Приводимъ самую сатиру.

„Милостивый государь.

Вѣдая вашу къ наукамъ охоту,
 Посылаю отъ себе къ вамъ работу;
 Она похожа какъ-бы на сатиру,
 Только достойна-ли явиться міру?
 Ежели она недостойна того виду,
 Прошу не привести мене въ обиду:
 Ежели якая дурпа машкара
 Здѣсь—содрать, бросить,—пусть счезнетъ, какъ мара.

Не знаю, съ чего папамъ запретить пристало,
 Чтобъ люди не робили горѣлки нимаго:
 Или у нихъ толстые поспухаютъ брюхи,
 Ежели наробятъ немягкой сивухи,
 Или у нихъ въ корпусѣ умалится росту,
 Какъ гватиметь посольство горѣлку не просту?
 И предъ симъ всеѣмъ посполу горѣлку робляли,
 Равно люде хлѣбъ ѣли, а тѣ пановали.

Думаютъ-ли, что и въ насъ такъ, какъ у Погарѣ,
Иной можеть просидѣть съ видомъ дней три пары?
Или такъ, какъ въ Стардубѣ, закусьа литвину,
Что съ похмѣлья за вино отдашь-бы дитину
Хоть соборному дяку, хоть отцу Давиду?
Но изъ хоть-бы кто не зналъ, то видно изъ виду.
Въ насъ до ней не така охота, какъ въ Сѣчи,
Гдѣ иной выхмелется на годъ всего двѣчи,
А которой безилокъ, то только однажды,
И то въ страстну пятницу,—говорю безъ вѣжды.
Говорили-жь, что жида, народъ въ свѣтѣ гнусной,
Въ такомъ дѣлѣ только неискусной;
Но не видно съ нихъ такихъ, не такъ поступаютъ,
Кто волею не беретъ—силой навидають.
Хорошъ промыслъ, когда-бъ такъ усякому вольно,
Промышленниковъ такихъ было-бы довольно.
Такихъ еще становлять смотрѣть въ такомъ дѣлѣ:
Кто будетъ жить въ правду, кто будетъ смѣлый,
Кто будетъ по всему врагъ и въ дѣлѣ, и въ словѣ,
Всякой день ходить пьяный отъ людской крови,
Всего-жь горшъ, когда будетъ шибеницѣ годный,
Смотри—придають ему и чинъ благородный;—
Что хотя-бъ кто и схотѣлъ поискать расправы,
Такъ тотъ чортъ и въ судейской сидитъ-же на лавѣ.
Увы! отечество, отечество любезно,
Въ какой ты досталось часъ и горькой и слезной:
Было-ль тебѣ когда-нибудь тое на мысли,
Чтобъ тебе въ сіе время толь бѣды притисли!
Гдѣ твой мужественный духъ, гдѣ скоро расправа?
Счезла, вмерла, пропала, мовъ съѣла иржава!
Теперь, якъ кто съ патрономъ да денегъ довольно,
Тому убить, и грабить, и разбивать вольно;
И всякимъ, какимъ схочетъ, торгомъ промышленяги,
Быль-бы хоть мало моторъ, та къ тому богатый.
Когда-жъ такой кто рѣчи схочетъ посумнѣтись,
Тому хоть однимъ окомъ въ Зѣяковъ присмотрѣтись:
Тутъ испервоначала выйдеть панъ Розовскій,

А потомъ милостивецъ стрѣнетъ панъ Бурковскій,
 Что накормили людей и хлѣбомъ и силой,
 Не одного загнали съ дѣтьми въ богадѣльню,
 Но и тамъ не дали жить съ покоемъ, безъ лиха,
 Не осталось, съ чего спать и на сумку мѣха
 Въ того руки острѣйши, нежелъ когти въ чорта,
 Въ того зубы большіе, нежъ въ большаго хорта;
 Хоть-бы радъ погладить или поцѣловати—
 Тому нельзя не вколоть, тому треба вдрати.
 Тотъ, якъ былъ въ Зенковѣ тамъ на долгій часъ паномъ,
 Человѣкъ и со сто стѣлъ съ хатами, съ барканомъ.
 Иль далѣ за рѣку Пселъ, въ Сорочинецъ городъ,
 Сколько тамъ въ слезахъ сыщешь самихъ сѣдыхъ бородъ!
 Ни одного не сыщешь малого куточка,
 Чтобъ гдѣ лиха не была великая бочка.
 Но на такихъ жаль-не жаль, какъ-бы на природу,
 Иль на атеистъ, что зло дѣлаютъ народу;
 На такихъ жаль, что Бога и что правдъ знаютъ,
 Но какъ *натуральсты* во всемъ постукаютъ:
 Панъ сотникъ радуется, какъ ангелъ хранитель,
 Какъ проявится гдѣ воръ иль дѣвства губитель:
 До свѣта прибѣжить къ атаману поспѣшно,
 Какъ ужъ гдѣ есть ловля, нѣби что потѣшно.
 Добродѣю вѣрный: хлѣбъ, какъ Романъ прокрався,
 Гдѣ Иванъ Чечекало зъ дѣвкою попался.
 „Исполать де тебѣ, другъ, за такія вѣсти!
 Малой, подай скорѣй стулъ—атаману сѣсти,
 Да налей водки доброй по срѣбномъ стакану;
 Будетъ обонмъ, братецъ, по нову каптану,
 Какъ де тотъ уже въ смерку выломилъ тамъ стѣну,
 А той, прощайте, Химцѣ народивъ дитину.
 Но за сіе не треба великого датку:
 Пусть обидва принссутъ рублей по десятку,
 Да потомъ ихъ испросить: нѣтъ-ли чего горше?
 Такъ въ тѣ поры можно взятьъ съ нихъ еще и больше,
 Ой, было-бъ что взять у нихъ—есть добры коровы!
 А обидва плохія, лишъ робить здоровы;

А хоть-бы стали искать,—чи въ насъ не патрони—
 Судья, писарь, асаулъ, хорунжій, обозный?
 Для зачипу, искусныхъ воровъ выпускають
 И, будто сами втекли, въ народъ разглашаютъ.
 Для покупки лошадей, платья строевого,
 Козакамъ нельзя продать грунту никакого;
 Воровства-жъ или бою сотнику въ заплату,
 Продать вольно имъ зъ грунтомъ и самую хату.
 Говориль-бы и больше, но цѣту охоты;
 Пусть имъ кули, порохъ и войсковы клейноты!
 Попы молчатъ, какъ гости, будто и не знаютъ,
 Только и дѣла, что акафисты читають.
 Но пуцай-бы и тое съ трелями читали,
 Но хоть-бы простой рѣчью въ томъ ихъ обличали.
 Еще праздники кажутъ впередъ за седмицу,
 Чтобъ люде приносили для просфиръ пшеницу;
 Не такъ радъ нашъ батюшка середъ тижня святу,
 Какъ перепадетъ тоже, что отцу Кондрату.
 Кадить, молитву дѣветъ, маеть взоръ набожный,
 А мыслить, какъ-бы вынести карманъ не порожній.
 Однимъ глазомъ въ параклисъ умильно взираеть,
 Другимъ въ блюде, гдѣ деньги, быстро поглядаетъ;
 Какъ у попа къ серебру жаръ воспламенится,
 Ни кутьею, ни сытою не утолится;
 Того не зрить, какіе въ людяхъ забубони:
¹⁾
 „Ой, я понедѣлкую и осталась мужа,
 Не роблю и въ пятницу, бо була недужа“.
 Чернеци еще трохи духовные люде,
 Какъ они ужъ знакомы—довольно съ нихъ буде.
 Предъ симъ было въ подземныхъ пещерахъ кочуютъ,
 Теперь и каменными избами бракують,
 За одно ужъ добрыи—гордостью не пьяны,—
 Хоть въ роскопахъ погрязли, какъ мѣлъ въ океанѣ;

¹⁾ Здѣсь одна строка пропущена.

Какъ заморить себе бѣднѣй, выйдетъ изъ кельѣ,
 Въ силу мертвецъ за брюхомъ дойдетъ до вечернѣ.
 Не разсуждаютъ плотски, но мыслятъ по духу,
 На скрѣпленье стомаха пьютъ добре сивуху;
 Гдѣ старецъ стоитъ соборной, въ начальной скважнѣ,
 Рѣдью да горѣлкою смердитъ на три сажнѣ.
 То только держать они себѣ за святиню,
 Чтобы уврасить златомъ старую пустыню.
 Ставятъ въ иловахъ (?) часовнѣ и льютъ колоколи,
 Тамъ-же нищъ мразомъ таетъ, не одѣнуть, голій.
 Въ субботу да въ недѣлю старцамъ по полупенки,
 А для своей большъ рубля на всякій день души;,
 Но не вездѣ такъ, лишь гдѣ большія користи,
 Что иному въ годъ прійдетъ большъ рублей нежъ двести.
 Многи, однако, и тамъ щедро подавають,
 И ангельскія ризи въ полицю скидаютъ;
 Къ чему не могу пристать, ниже иму вѣру,
 Будто хлопцѣ ихъ крестятъ, только не чрезъ мѣру.
 Есть у нихъ тѣ, что читають за ихъ псалтири,
 Бо въ соборного такихъ есть два, три, четвери.
 За внутреню пустыню имѣють Триполья,
 Гдѣ отправляютъ добре свои богомолья,
 Комъ сильнѣйшимъ, идутъ и къ Василькову¹⁾,
 Потомъ возвращаются въ монастырь изнову,
 Какъ из-за Иордана, зъ глубокой пустинѣ,
 Полни плодовъ духовнихъ, полни благостини;
 Ини въ Римъ²⁾ странствуютъ, той что на Подолѣ,
 Но пацѣстовъ виводятъ оттоль поневолѣ.
 Якъ велитъ родѣтъ чернецъ бѣдного съ кожуха,
 Во имя Отца и Сина, говорить, и Духа.
 Якъ ѣздитъ въ степь, въ сусѣде, себѣ на погибель,
 Мнить, я синъ обителѣ, треба чинить прибилъ.

¹⁾ Триполье—мѣстечко, Васильковъ,—уѣздный городъ кievской губерніи. Для лѣвобережныхъ это были заграничныя мѣста—въ предѣлахъ Польши. Тутъ были монастырскія ижнїя.

²⁾ Не намекъ-ли на кievскую академію и ея якобы неправославїе?

Адамъ столько не плакалъ, какъ они ридали,
 Какъ изгнанье изъ отчинъ свое послыхали,
 Какъ де Адамъ былъ изгнанъ, но изгнанъ зъ женою,
 Имъ сидѣть было въ вельи зъ одной бородою.
 Тотъ имѣлъ въ своей власти вси полскіе звѣри,
 Имъ было досталися одни книги сѣри.
 Тотъ не изгнанъ, но загнанъ на земли пространство,
 А имъ лишь было-бъ глядѣть въ церквѣ убранство.
 Но сколько-же было плачу, сколько утрати,
 Какъ велѣли изъ вотчинъ скоть свой продавати:
 Что стояло трохъ рублей, за табу скотину
 Велѣли брать всего рубль и одну полтину.
 За позовъ такъ держатся, какъ чорти за душу,
 Въ росталь, снѣгъ, скрозь слѣту, идуць какъ-бы у сушу;
 Одинъ, знаю, и теперь лѣчитъ праву голень,
 Что бѣгиваль у Глуховъ, какъ до води олень;
 Но тотъ уломилъ ногу, другой скосилъ очи,
 Что сидѣлъ съ бумажками ноябрьскія ночи.
 Но пуцай би тотъ храмаль, другой смотрѣлъ криво,
 Чего-бъ уже языкомъ говорити лживо?
 Еще у нихъ іерей есть Давидъ набожный,
 А варманъ тридцать ябедъ лживыхъ не порожній.
 Въ монастырѣ—дряхліе только да калѣки,
 Всѣ жъ—гдѣ села, мельницѣ, гдѣ зъ хлѣбомъ засѣки;
 Иль така заслужена и честна особа,
 Что ужъ ей тамъ сидѣти крайне неподоба:
 Тотъ уже въ монастырѣ молитви читаетъ,
 То въ лавкахъ матерію, то чай покупаеть:
 „Что въ мене чай, такого ни въ самомъ Китаю,
 Дванадцати водами одинъ наливаю,
 Смотри-жъ какой травянистъ, какой де душистой,
 Да и сахаръ, посмотри, самой канаръ чистой.
 Еще одной покупкой тебѣ похвалюся,
 Да нѣтъ ли какой порчи и самъ подивлюся:
 Не матерьялъ, не квѣтъ, а вакая плотина“.¹⁾

¹⁾ Плотность.

Какъ ви сами скажете:—изрядна люстрина?
 — „Почему вуповали вы тую люстрину?“—
 „Сталь мнѣ локоть въ два рублѣ и одну полтину,
 Хотѣлъ было купити чего подороже,
 Хлопецъ сказаль, что и въ сей мнѣ будетъ пригоже.
 Сей-же, только свѣтлѣйшей, бралъ Инокентій,
 Сподѣюся, послати комуся въ презенти;
 Онъ поболпѣ меня взялъ—аршиновъ пятнадцать,
 А я себѣ, постаравшись, взялъ зъ лишкомъ двадцять“.
 Здаеця мнѣ, говорятъ въ пещерахъ святіи
 Къ вамъ, соборніи чернци, въ слухъ слова такіи:
 Хоть вапе вездѣ блещитъ сребро и злато,
 Но намъ яснѣше наше пещерное блато.
 Наши излежаліе власяніе ряси
 Дороже, нежелъ вапи штофи и отласи.
 Наши многшвеніи и худіе руби
 Крѣпше, нежелъ въ васъ люстрина, бархаги груби“.
 Сама ограда вричить, самый прахъ бездушной,
 Келіи, колоколья, на вапшъ уборъ бучный:
 „Чуть вы, отци святіи, отъ ризъ, что на тѣлѣ,
 Но внутреннему виду равно не счерпѣли“.

Казаль бы, какъ носится старинная мова,
 Что подражаютъ князю поддани до слова:
 Но въ насъ въ президенціяхъ вездѣ чинъ исправной
 Найпаче же живетъ всякъ зъ насъ безобавной.
 Всякой изъ насъ бережетъ только интереса,
 А другое дѣлаетъ горшъ самого бѣса.
 Одинъ только и важентъ намъ первій да вторій,
 А большъ многимъ не страшентъ уже ни которій.
 Убийство, нападенъе и всякое дѣло
 Съ деньгами да съ патронами отправлять смѣло.
 Бѣглою юристь, какъ перомъ нѣчего не зможетъ,
 Непорожвѣмъ карманомъ въ томъ себѣ поможетъ.
 Хоть учуетъ за вину далеску Камчатку,
 Но если воръ лишь ставитъ денежную взятку,

Знаеть, что набереть денегъ хоть и разбоемъ,
 По всей модѣ чаеть жить дома и съ покоемъ.
 На что на иностранныхъ враговъ мечъ острити,
 Когда внутреннимъ врагомъ попускати жити?
 Лучше одного спасти изъ своихъ подданныхъ,
 Нежели убити сто враговъ иностранныхъ—
 Иначе ибчимъ будетъ надѣлять калѣку,
 Бо послѣдню старшина отойметъ копѣйку (?).
 Ось слишно у насъ будутъ нови подкомори,
 Когдабъ лишь съ нихъ по прежнему не били вори:
 Какъ будутъ смотрѣть себѣ людскою користи,
 То хотя би и заразы побравъ ихъ нечистый.
 Лучше би пороки у сильныхъ истребляти,
 Нежели робить горѣлку бѣднымъ запрещати.
 Когда Богъ насъ милуетъ и казнить во свѣтѣ,
 Можно въ поправки худа надежду имѣти:
 Дѣлали предъ симъ бѣды крымскіе татары,
 А теперъ минули ихъ смертніе удары.
 Слонца, луни, звѣздъ, земли вѣрній Управитель
 Исправить все и бѣдныхъ будетъ защититель,
 Потрясетъ громомъ страшнымъ кругъ неба широкой,
 И пороки всемірно накажетъ жестоко:
 Казнь Божая, кажутъ намъ, ходитъ на костыляхъ,
 Но догонитъ, хоть бы билъ кто отъ ней въ сто мильяхъ.

Не громкая моя бѣдна коляда,
 Полно лежать въ селѣ, ступай въ города;
 Не очень робѣй, хоть не сзѣщенъ брата,
 Требууютъ того слѣдующи свята.
 Ежели кто спроситъ: „что въ городъ погнало?“
 Сказуй:—у селѣ користи мнѣ мало.—
 Не Картезіи философъ, не славній Виргилій,
 Но селянинъ трудился въ неважномъ семъ дѣлѣ:
 Ни умъ, ниже способность, но отъ самой скуки
 Захотѣлъ писать сіе, перо взявши въ руки;

Кто я таковъ,—не пишу; така мнѣ примѣта:
Хотя не живъ чиновникъ, не тягну до войта.

За сей палколь, а не сатиру,
Наругательній всему міру,
Издателя висѣкти кнудомъ,
Въ справедливость прочимъ шитомъ;
Послѣ чрезъ ката предать огню,
Такой заплати достоинъ, мню.

Второе обличительное произведеніе имѣетъ также стихотворную форму и носить заглавіе: „Епитафія Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Черниговскому и Нѣжинскому Виктору“. Оно, конечно, написано было въ годъ смерти этого архіерея, т. е. въ 1803 году. Авторъ его подписалъ свою фамилію—С. Крещеновскій. Изъ самаго стихотворенія видно, что это лицо было если не духовнаго званія, то, во всякомъ случаѣ, близкое къ духовной сферѣ. Произведеніе Крещеновскаго интересно тѣмъ, что оно раскрываетъ такую сторону дѣятельности и жизни Садковскаго, лица извѣстнаго въ исторіи малорусской іерархіи, о которой умалчивается въ другихъ источникахъ. Изъ источниковъ болѣе официальнаго характера (наприм. изъ Историко-статистическаго описанія черниговской епархіи Филарета, кн. 1 стр. 103 и изъ др.) извѣстно, что Викторъ Садковскій съ 1774 года, будучи игуменомъ Тупичевскимъ, служилъ при варшавскомъ посольствѣ, затѣмъ былъ намѣстникомъ кievской митрополіи и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ слуцкимъ и въ этомъ званіи, какъ завѣдывавшій многими церквами и монастырями польскаго королевства, далъ присягу на вѣрность королю и получилъ привилегію. Но въ 1789 г., во время волненій въ провинціяхъ, населенныхъ малорусскимъ народомъ, заподозрѣвъ поляками въ возбужденіи православнаго населенія Польши противъ поляковъ и за это арестованъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Послѣ второго раздѣла Польши, Садковскій наименованъ епископомъ минскимъ, а съ 1796 г. переведенъ въ Черниговъ, гдѣ „мирно почивъ 11 ноября 1803 года“, погребенъ въ кафедральномъ ильинскомъ монастырѣ. Портретъ его украшается надписью: „Ар-

хиерея зришь, который взятъ въ полонъ, премного пострадалъ за правду—свой законъ“. Подобные факты, какъ страданіе за вѣру, хотя оно совершилось и не добровольно, а, такъ сказать, по долгу службы, и аттестація на портретѣ, могутъ подкупить историка въ пользу Виктора и побудятъ его составить лишь одно свѣтлое представленіе. Между тѣмъ обличительное произведеніе указываетъ на такую тѣневую сторону въ дѣятельности Садковского, которая значительно ослабляетъ обаяніе вышеприведенныхъ фактовъ. *) Въ предлагаемой эпитафій Садковскій представляется лицомъ, довѣрявшимся во всемъ своимъ любимцамъ Юдѣ, или Юдицкому, докладчику Григорію и дьякону Левонькѣ; эти лица заправляли ходомъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ: по ихъ указанію, посвящали Садковскій священниковъ, назначали ихъ въ духовныя правленія и т. п., а его любимцы брали съ назначаемыхъ взятки. Священническія мѣста давались людямъ недостойнымъ, простымъ ремесленникамъ и т. п. Съ своими любимцами святитель ѣлъ, пилъ и упивался; они же, послѣ его смерти, захватили все его имущество, состоявшее въ разнородныхъ нажиткахъ и дорогихъ матеріяхъ. Наконецъ, Садковскій обвиняется въ сѣченіи какого-то Камлыкова, вѣроятно, сначала тоже любимца его, непочтившаго надлежащимъ образомъ Юдицкаго; при чемъ замѣчается, что послѣдствіемъ истязанія была смерть Камлыкова.

*) О строгости пр. Виктора Садковского, точнѣе, его раздражительности и суровыхъ наказаній, —наслѣдія временъ прежнихъ, сохранилась изустныя преданія, не придающія однако его личности никакихъ другихъ теплыхъ качествъ. Его довѣріе къ своимъ приближеннымъ и злоупотребленіе этимъ послѣднихъ—стишкомъ обыкновенное явленіе, встрѣчающееся и въ позднѣйшее время, при томъ не въ одной духовной сферѣ. Значеніе эпитафій сильно ослабляется «посланиемъ Виктора съ того свѣта», тѣмъ же авторомъ составленнымъ. Предпочитаніе кандидатовъ священства простыхъ, но вѣрующихъ и благоговѣйныхъ, такъ называемыхъ ученымъ, но маловѣрнымъ и заносчивымъ, указываетъ на какое-то странное направленіе тогдашней черниговской семинаріи, не дающей почему-то и въ настоящее время достаточнаго числа священниковъ для черниговской епархіи. Ответъ Виктора аналогиченъ съ мнѣніемъ о семъ же предметѣ, не рѣдко проводимымъ въ современной печати. Оба произведенія неизвѣстнаго писателя, былъ ли то конясторскій ярыжка, или семинаристъ, способный писать *pro* и *contra*, имѣютъ значеніе болѣе, какъ памятки вообще тогдашней особаго рода литературы. *Ред.*

*Епитафія высокопреосвященнѣйшему архіепископу черниговскому
и нѣжинскому Виктору.*

Кавалеръ молодой и пожилой святитель
 Се отлетѣлъ отъ насъ въ небесную обитель.
 Встань, архіерей! востани, генералъ!
 Се предстоитъ тебѣ Юдицкій совѣстьдралъ!
 Онъ всѣ сокровища твои съ великой честью
 Принесъ ужъ своему возлюбленному тестю,
 Ключи съ печатью онъ отъ кладовыхъ твоихъ
 Принесъ, чтобъ поручить другимъ съ рукъ въ руки ихъ.
 Нѣтъ въ погребахъ вина, нѣтъ полпива въ бутылкахъ,
 Ихъ отвезли туда-жъ, иль отнесли въ носилкахъ.
 Атласъ, плизъ, бархатъ, штофъ, и съ водкою бадьи
 Все вихремъ поднялось къ никольской попады.
 Встань, архіерей! возьми ключи съ печатью
 И будь Петромъ теперь, какъ Юда съ благодатью.
 Послушай, что тебѣ на ухо говорить
 Григорій, младый твой докладчикъ, фаворитъ:
 „Встань, Архіерей! еще живи ты съ нами,
 Еще не всѣхъ бродягъ мы сдѣлали попами,
 Есть много конюховъ, портныхъ, чеботарей,
 Которые могутъ служить у алтарей;
 А богословамъ вить вездѣ мѣста открыты,
 Они же могутъ быть и безъ поповства сыты....“
 —Такъ любушки*), такъ, такъ! архіерей сказалъ
 И въ исповѣди быть портному написалъ.
 На завтра нашъ портной идетъ изъ церкви въ расѣ,
 А на предбудущъ день и чеботарь въ запасѣ,
 И очередь давно ужъ конюху пришла,
 А отъ Григорія ловушка не уйшла:
 Портной далъ сто рублей, а конюхъ полтораста,
 Сапожникъ приноситъ по пятьдесятъ изчаста.
 И такъ Григорію златой открылся вѣкъ,
 Онъ полубогъ попамъ, не простой человекъ.
 Какъ ѣдетъ въ дрожечкахъ, схватившись у боки,
 Попы безъ шляпъ стоятъ, поклоны бьютъ глубоки,

*) Любимое выраженіе Садковского.

Но онъ летить, борзаясь, какъ быстренькой соколъ,
 И прилетѣль къ крыльцу, съ владыкой сѣлъ за столъ.
 Тутъ вытянулъ пукаль, и три, и пять до суха,
 Сталь такъ благовѣститъ владыкѣ въ оба уха:
 „Гаврило протопопъ, тотъ славный винокуръ,
 Что часто возить къ намъ свиней, гусей и куръ,
 Быть можетъ награжденъ палицей, скуфією,
 И въ дикастеріи за столъ сѣсть судією“.
 И въ тотъ же самый часъ сей золотой осель,
 Схвативъ всѣ почести, за столъ судейскій сѣлъ.
 О, милые друзья, Григорій и Левонька!
 Поймали Виктора за уши излегонька;
 Такихъ чудъ не творилъ Илья и Елисей,
 Какъ ради васъ творилъ владыка Викторъ сей.
 Левонька, вспомни, какъ въ бѣдахъ ты былъ по уши,
 Когда былъ на тебѣ чинокъ—полякъ, конюшій:
 Когда пришлось тебѣ и съ кожею пропасть,
 То ты умѣлъ свалить на Виктора напасть;
 А Викторъ, чтобъ сіе скорѣй окончить дѣло,
 Брякъ поляка тотчасъ въ діаконы на смѣло.
 „О чудо веліе, кричитъ полякъ, на мнѣ:
 Мнѣ быть діакономъ не снилось и во снѣ;
 Что дѣлать мнѣ теперь, какъ надѣвать мнѣ ризу,
 Откуда книгу честь—иль сверху или снизу?
 Я выросъ въ римарствѣ, семь ремеслѣ простомъ,
 Къ чему-жь годится мнѣ кадило со крестомъ?
 Я знаю починять коляски и кареты,
 И не могу входить въ церковные секреты.
 Какой-же чортъ меня въ діаконы поджоғъ?
 О Юда, чтобъ тебя перуномъ побилъ Воғъ!
 Григорій! проклять ты съ Юдицкимъ буди, буди,
 Вы сдѣлали мнѣ то, что не гожуся въ люди:
 Теперь ни римарь я, ни конюхъ, ни полякъ,
 А кто? Діаконъ?—Нѣтъ, изъ дураковъ дуракъ“.
 Ну! полно-же тебѣ, полякъ, сердиться столько;
 Архіерейскихъ вить дѣтей бранить неловко:
 Когда владыко самъ изволилъ ихъ женить,

Такъ смѣешь-ли ты ихъ злословить и бранить?
 Владыко съ ними жилъ такъ, какъ живетъ братъ съ братомъ,
 Любилъ ихъ какъ дѣтей, и былъ за ними сватомъ;
 Они, бывало, съ нимъ и кушаютъ, и пьютъ,
 Подъ пьяный вечерокъ, какъ по цѣкамъ не бьютъ,
 Напали молодцы на пастыря святого,
 Водили за носокъ, какъ старика слѣпого. •
 О Викторѣ! вагляни ты на своихъ дѣтей:
 Они слезать, что ты ушелъ изъ ихъ когтей;
 Когда-бъ пожилъ еще годокъ ты съ половиной,
 Изъ благодарности они къ тебѣ единой
 Женили-бъ и тебя, какъ оженилъ ты ихъ.
 Они-бъ были сваты, а ты бы былъ женихъ!
 Но видно, Камлыковъ на томъ заплакалъ свѣтъ,
 Что ты его въ своемъ сѣкѣ больно кабинетѣ.
 Не правда-ль, Камлыковъ, не правда-ль, милой другъ,
 Что розокъ триста тамъ тебѣ всыпали вдругъ?
 За что, скажи, за что? Иль говорить я буду:
 За то, что не почтилъ проклятого Іуду,
 За то ты сѣчень былъ, за то ты пострадалъ,
 Былъ въ силекѣ полгода и Богу духъ отдалъ.
 Такъ, видно, Камлыковъ челомъ ударилъ Богу,
 Богъ не стерпѣлъ—послалъ за Викторомъ смерть строгу;
 Смерть повлекла его тотчасъ въ извѣстный путь,
 Не разсмотрѣвъ, свою чѣмъ онъ украсилъ грудь.
 Но гдѣ посадить Богъ его послѣ суда?
 Пождите, Камлыковъ дастъ скоро знать куда!..

Посланіе Виктора съ тою свѣта.

Писатель молодой и стихотворецъ дерзкой,
 Ты изострилъ на смерть мою языкъ свой мерзкой!
 Почто воснулъ ты умерша старика?
 Я былъ тебѣ отецъ, моя тебя рука
 Отъ бѣды избавила и вытащила съ грязи,
 Устроила тебѣ, что ты живешь со съ князи.
 Таеъ ты благодаришь за хлѣбъ мою и соль?
 Надъ мертвымъ сынъ отцомъ таку играетъ роль!

Непрощены твои да будутъ наглы кости,
Что мертвыхъ ты костей съ одной коснулся злости!
Въ чемъ только погрѣшилъ я—Богу даль отвѣтъ;
И грѣшникъ не одинъ, во злѣ лежитъ весь свѣтъ.
Что не ученыхъ я большъ постригалъ попами,
Тому ученые причиною вить сами.
„Я не хочу попомъ, рече ко мнѣ, студентъ,
Вели дать аттестатъ—быть льщусь юрипрудентъ.
Какъ мнѣ за похоронъ пирогъ брать, паляницу?
Я чистый дворянинъ, поѣду я въ столицу;
Не лучше-ль быть мнѣ тамъ хотя-бъ секретаремъ,
Чѣмъ тутъ на поминкахъ сидѣть съ пономаремъ“?
Итакъ учены всѣ разсѣялись по свѣту,
Кому-же въ церкви пѣть и въ ризу быть одѣту?
Послушай, мой сынокъ, что я тебѣ скажу:
Лишь только простава я рукоположу,
Мнѣ въ защищеніе сіи слова годятся:
Богъ буя избра, да мудри постыдятся.
Апостолы тогда не книжные были,
На рыбу волоки и постолы плели,
Однако-жъ мудрецовъ подъ ноги покорили
И дивныя дѣла одни они творили.
Въ простѣйшихъ Богъ живетъ воистину сердцахъ;
Некнижные въ себѣ имѣютъ Божій страхъ,
Со трепетомъ они всѣ въ церкви поступаютъ,
И хульныхъ никакихъ блеять словъ не дерзаютъ.
Учены кракаютъ: на свѣтѣ Бога нѣтъ—
Ну? какъ-же таковымъ въ церквахъ священныхъ пѣтъ?
Напрасно ты бранишь моихъ питомцевъ смѣло:
Въ имѣніи моемъ твое какое дѣло?
Кто мнѣ усерденъ былъ и жизнь мою хранилъ,
Тому я отъ любви свое все подарилъ;
Родни нѣтъ у меня, родня моя Юдицейъ,
Оставилъ я ему, что въ домѣ есть пожитки.
Когда Григорію рублей десятковъ пять
Отъ чести кто дарилъ, скажи, кто виновать?
У свѣтскихъ большъ даютъ,—и то считаютъ жарты,

Когда прокидаютъ за ночь ста два у карты;
 Оставь-же, юноша, шутить со стариеомъ.
 Совѣтъ мой: не пиши худенькихъ словъ нишкомъ,
 Себя знай самого, о сотворенномъ майся,
 И къ мертвымъ болѣе уже не прикасайся.

Приведенный отвѣтъ Виктора съ того свѣта подписанъ буквами С. К., слѣдовательно, принадлежитъ тому-же автору, что и эпитафія.

Третье обличеніе написано прозой. Вышняя форма его—объявленіе о продажѣ новыхъ книгъ, будто-бы сочиненныхъ обличаемыми лицами. Эта форма придумана въ первый разъ не авторомъ настоящаго обличенія; онъ заимствовалъ ее у другихъ. Что подобныя-же формы обличенія существовали раньше, видно изъ указа сената отъ 24 января 1765 года, которымъ предписывалось „о созженіи разсѣянныхъ въ Москвѣ, подъ именемъ нѣкоторыхъ ругательныхъ сочиненій, состоящихъ въ каталогахъ на французскомъ и російскомъ языкахъ, пасквилей, какъ чтенію недостойныхъ, публично, на площади, чрезъ палача“. Наше обличеніе, или, вѣрнѣе сказать, пасквиль, написано въ Черниговѣ не позже тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Авторъ его не извѣстенъ; но можно предполагать, что имъ былъ Грембецкій, писавшій въ то время стихи, которые были распространены въ Черниговѣ и попадаютъ въ томъ самомъ сборникѣ, изъ котораго заимствовано настоящее обличеніе. По содержанію своему это произведеніе представляетъ обличеніе пѣлаго сонма административныхъ и частныхъ лицъ г. Чернигова,—первыхъ въ разнаго рода злоупотребленіяхъ, вторыхъ въ личныхъ недостаткахъ и порокахъ.

Объявленіе.

Безъ дозволенія начальства, въ Черниговѣ продаются новыя книги:

I.

1) Уроки строгости, самое обширное сочиненіе, съ разными новоизобрѣтенными способами, изданіе 16-е, сочиненіе Г. П. Милорадовича.

2) Опытъ супружескаго согласія, вѣрности и примѣрнаго благоразумія, съ разными картинами; сочиненіе С. Г. М.

3) Курсъ скорого обогащенія, сочиненіе совѣтника Ивана Павловича Масловича.

4) Продается совѣсть и честь за самую сходную цѣну. Спросить въ домѣ совѣтника Павла Фил. Боголюбова.

5) Езопъ девятого на десять вѣку. Спросить Ивана Яковлевича Лизогуба.

6) Уголовное право, на изнанку вывороченное. Спросить у президента перваго департамента.

7) Школа злословія, старинное изданіе; сочиненіе Аграфены Племянниковой, урожденной Дурасовой.

8) Опытъ любви или воинъ селадонъ, сочиненіе полковника Зыбина.

9) Сочиненіе Телемахиды; сіе сочиненіе само по себѣ удивительно, какъ и обширностію сочинительницы, Настасіи Петровны Бутовичевой; раздается оное безденежно и каждодневно.

10) Карточный игрокъ, совершенно знающій карточную игру, ищетъ себѣ занятія; объ немъ спросить въ домѣ вдовы Стоинской.

II.

1) Продается чистая книга, въ которой можно писать, что угодно; спросить у префекта черниговской губерніи.

2) Школа рокетства, по которой въ краткое время можно получить большіе успѣхи; сочиненіе Маріи Кузьминичны Должиковой.

3) Законы и права разнаго званія людей, у Дубровы продаются и въ наймы отдаются.

4) Необходимо нуженъ человекъ, который-бы взялся на десять лѣтъ поставлять бѣлилы и румяны цѣлыми обозами; благоволятъ явиться для торгу въ домъ Варвары Шафонской.

5) Нуженъ женихъ не свыше 69 лѣтъ, не дальняго ума, какой-бы наружности и происхожденія ни былъ, только-бы имѣлъ большое богатство; благоволятъ явиться въ домъ Маркова.

Желающіе познакомиться съ издателемъ сего объявленія могутъ найти меня, отъ 10-ти до 3-хъ часовъ, на Казанской большой площади, близъ церкви сего-же наименованія, подъ четырнадцатымъ столбомъ, по правую руку.

Приведенныя обличительныя произведенія указываютъ на существованіе у насъ издавна рукописной обличительной литературы,

которая вызывалась, съ одной стороны, господствомъ безнаказаннаго произвола въ средѣ правящихъ классовъ, съ другой стороны, потребностью, хотя письменно, оглашать передъ обществомъ этотъ произволъ, проявившійся въ различныхъ формахъ. Правда, въ произведеніяхъ этого рода иногда обличалось то, что, по современнымъ понятіямъ, не подлежитъ обличенію и суду общества, т. е. частная жизнь, какъ общественныхъ дѣятелей, такъ и частныхъ лицъ, и даже поведеніе женщинъ, стоявшихъ совершенно вдали отъ всякаго рода общественной дѣятельности. Но, съ какимъ-бы направленіемъ ни являлись эти рукописныя обличенія, они, во всякомъ случаѣ, имѣютъ большое значеніе для исторіи общества, такъ какъ, замѣняя собой современную гласность, они могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для характеристики нравовъ, возрѣній и потребностей всего стариннаго общества, въ томъ числѣ и самихъ обличителей. Въ виду указаннаго значенія подобныхъ произведеній, желательно, чтобы на собраніе ихъ было обращено вниманіе лицъ, интересующихся прошлымъ нашей родины.

П. Ефименко.

Библіографія.

Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи. Церкви и приходы XVIII ст. Вып. 1-й. Екатеринославъ. 1880. 8°. 573 стр.

Среди южной Россіи екатеринославская губернія представляет собою *мѣста новыя*, на которыхъ гражданская жизнь начинается лишь съ прошлаго вѣка. До того, вся территория этой губерніи состояла почти исключительно, по выраженію старинныхъ актовъ, изъ „яловыхъ полей“, которыхъ хозяевами считались запорожскіе козаки и крымскіе татары. И тѣ и другіе не знали границъ своихъ владѣній, потому что при отсутствіи населенія и знать ихъ было незачѣмъ. Еще въ началѣ XVIII в. случалось, что во время мирныхъ отношеній между запорожцами и татарами, послѣдніе безпрепятственно кочевали съ своими табунами по южному берегу Орели, т. е. около границы настоящей полтавской губерніи; и запорожцы имъ въ этомъ не мѣшали, потому что степныхъ пастбищъ ужъ слишкомъ было много сравнительно съ потребностью населенія.

Заселеніе этихъ степей начато было запорожцами, которые съ начала XVIII в. стали устраивать, по берегамъ рѣчекъ, свои „зимовники“, служившіе первоначально пристанищемъ въ зимнее время для табуновъ. Изъ зимовниковъ современемъ стали возникать „слободы“, когда тѣснимое державцами малороссійское крестьянство не находило уже болѣе свободныхъ отъ „панскаго начала“ мѣстъ въ гетманщинѣ. Тогда изъ послѣдней народъ сталъ двигаться за Орель, какъ говорилось—въ Запорожье. Но это движеніе было не велико: какъ ни заманчивы были запорожскія слободы, по отсутствію въ нихъ всякаго „панскаго начала“,

но жизнь въ этихъ слободахъ подвергалась постоянной опасности отъ татарскихъ грабежей.

Дѣйствительное заселеніе запорожскихъ степей началось послѣ уничтоженія Запорожья (1775 г.), когда правительство стало раздавать здѣсь земли разнымъ служебнымъ людямъ „въ ранговую дачу и по чину особо“. Земли раздавались подъ условіемъ немедленнаго заселенія полученнаго участка „народомъ семейнымъ и осѣдлымъ, вольнымъ и свободнымъ, изъ мѣстъ дозволенныхъ и незапрещенныхъ“. Получивъ земли, владѣльцы „осаживали слободы“, зазывая къ себѣ поселенцевъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ. Недостатка въ охотникахъ къ заселенію слободъ не было, крестьяне со всѣхъ сторонъ въ массѣ надвинулись въ эти слободы, рассчитывая найти здѣсь въ дѣйствительности тѣ льготы, въ обѣщаніи которыхъ конечно не скупились новые земельные собственники. Какъ только въ слободѣ поселилось нѣсколько десятковъ хатъ, собственникъ ея спѣшилъ устройствомъ церкви, такъ какъ при существованіи послѣдней, народъ селился въ слободѣ охотнѣе. Въ 1779 г. новороссійской губернской канцеляріи чиновникъ, губернской секретарь Петръ Папчинскій получилъ себѣ въ ранговую дачу участокъ земли въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Черезъ три года на этомъ участкѣ явилась уже слобода и въ началѣ 1782 г. Папчинскій писалъ въ славянское духовное правленіе: „по отдаленности слободы моей Петровской, состоящей сакаганскаго уѣзда на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, отъ всѣхъ таковыхъ мѣстъ, гдѣ имѣются церкви (ибо самое ближайшее къ оной село Карнауховка разстояніемъ до 35-ти верстъ), дабы отвлечь нужду въ полученіи христіанскихъ требъ поселеннымъ въ оной людямъ, кои, будучи недавно выведены изъ Польши ¹⁾ и другихъ позволенныхъ мѣстъ, не успѣли еще и нужнымъ домостроительствомъ обзавестись, возымѣлъ я намѣреніе своимъ копитомъ соорудить въ той моей слободѣ деревянную церковь во имя св. ап. Петра и Павла, для которой лѣсные матеріалы всѣ уже въ заготовленіи, а также нѣкоторыя церковныя книги и священническія облаченія имѣются; для священника жъ съ церковнослужителями 120 десятинъ земли отмежевано, на которую и планъ въ надлежащее время представить имѣю. Въ той же слободѣ моей состоитъ нынѣ дѣйствительно въ поселеніи 47

¹⁾ Здѣсь подъ Польшей разумѣется теперашній юго-западный край Россіи.

дворовъ, да и впредь поселеніемъ людей приумножить число оныхъ я намѣренъ; а сверхъ того, въ окружности моея слободы поселяются слободцы—отст. ротм. Бучивскаго, л.-гв. преображ. полка сержанта Ушакова, кинбургскаго драг. полка премьеръ-маіора Тутолмина, капитана Верменки, подпоруч. Сахновскаго и прочихъ помѣщиковъ, жители которыхъ могутъ безнужно отъ сей мною къ постройкѣ намѣреваемой церкви христіанскія требы получать; въ тѣхъ-же всѣхъ слободахъ въ поселеніи состоятъ кромѣ людей, до 100 дворовъ“. Осенью 1784 г. церковь въ слободѣ Петровской была готова, а въ февралѣ слѣдующаго и освящена. Такъ быстро селились и устраивались и другія слободы.

Какъ ни щедро производилась раздача запорожскихъ степей, но свободныхъ земель все еще оставалось много. И на этихъ земляхъ селились слободы, безъ всякаго съ чьей-либо стороны разрѣшенія. Мѣстами для поселенія этихъ вольныхъ слободъ служили большею частью прежніе запорожскіе зимовники. Вислѣдствіи слободы эти объявлены были „государственными казенными слободами“. Впрочемъ государственныя слободы селились и по распоряженію самаго правительства. Особенное стараніе о поселеніи ихъ прилагалъ азовскій губернаторъ Чертковъ, который болѣе другихъ потрудился въ дѣлѣ гражданскаго устройства теперешней екатеринославской губерніи.

Первый выпускъ „Матеріаловъ“ заключаетъ въ себѣ очерки возникновенія населенныхъ мѣстностей четырехъ уѣздовъ: екатеринославскаго, верхнедѣпровскаго, новомосковскаго и лавлоградскаго. Такъ какъ „Матеріалы“ извлечены почти исключительно изъ консисторскихъ архивовъ, то помѣщенные въ нихъ очерки касаются преимущественно свѣдѣній о времени построенія въ слободахъ церквей. Другія свѣдѣнія о слободахъ очень коротки и состоятъ большею частью изъ общихъ мѣстъ. Незвѣстный авторъ „Матеріаловъ“ жалуется на бѣдность мѣстныхъ архивовъ, сообщая при этомъ слѣдующія не безынтересныя свѣдѣнія о ихъ судьбѣ: „изъ разсмотрѣнныхъ и прочитанныхъ нами старинныхъ дѣлъ въ архивахъ консисторскомъ, древняго самарскаго монастыря и архіерейскаго дома ясно видимъ, что, по учрежденіи и открытіи, въ 1775 году, екатеринославской епархіи, подъ названіемъ Славенской и Херсонской, въ полтавскій крестовоздвиженскій монастырь, въ которомъ первоначально помѣщались каеэдра и епархіальная консисторія екатеринославскихъ епископовъ, въ теченіи 1776—78 гг., разновремененно, при проме-

меріяхъ, съ подробными описаніями доставлены были изъ консисторій—гѣевской и переяславской, воронежской и бѣлгородской—всѣ дѣла, справки и свѣдѣнія о всѣхъ тѣхъ поселенныхъ мѣстностяхъ и православныхъ приходахъ, кои, по географическому положенію своему, вошли въ первоначальныя границы новой екатеринославской епархіи. Но съ одной стороны, вслѣдствіе перенесенія екатеринославской епархіальной каѳедры, въ началѣ 1798 г., въ г. Новомиргородъ, а въ 1804 году — въ Екатеринославъ, многія изъ консисторскихъ епархіальныхъ дѣлъ, официальныхъ справокъ и документальныхъ свѣдѣній, при перевозкѣ ихъ изъ Полтавы въ Новомиргородъ и изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ, пропали, исчезли и улетучились безслѣдно; составленная въ Екатеринославѣ, въ 1807 г., по сему случаю коммисія ни къ чему не привела: виновниковъ растраты не указала, потерянныхъ бумагъ не отыскала и даже слѣдовъ преступленія не нашла. А съ другой стороны, по отдѣленіи изъ обширѣйшей, по пространству своихъ предѣловъ, екатеринославской епархіи и по образованіи, въ сосѣдствѣ съ нею, новыхъ самостоятельныхъ епархій,—въ 1795 г. подольской и брацлавской, въ 1799 г. слободско-украинской и харьковской, въ 1803 г. полтавской и переяславской, въ 1813 г. кишиневской и хотинской и въ 1837 г. херсонской и таврической,—всѣ дѣловые бумаги и письменные документы, касавшіеся мѣстностей, отъ екатеринославской епархіи отошедшихъ въ предѣлы новоучрежденныхъ епархій, разновремененно переданы и отправлены изъ екатеринославской консисторіи въ консисторіи новыхъ епархій.

Наконецъ пресловутое Запорожье и новороссійскій край собою, своею судьбою и положеніемъ своихъ жителей, нѣкогда интересовали многихъ и привлекали къ себѣ вниманіе любителей русской старины. Было время, 1830—1840 годы, когда не только мѣстные антикваріи терѣзливо рылись въ пыли екатеринославскихъ архивовъ и извлекали оттуда интересныя и любопытныя свѣдѣнія о русской старинѣ, но пріѣзжали въ Екатеринославъ даже изъ далекихъ мѣстъ любознательные изыскатели древностей, долго жили здѣсь, внимательно разбирали архивы и уѣзжали отсюда съ большими запасами и пріобрѣтеніями. При разборѣ бумагъ екатеринославскихъ архивовъ—консисторскаго, архіерейскаго дома и самарскаго монастыря — ясно видно, что бумаги эти, перемѣшанныя и перебитыя, были уже во многихъ рукахъ и потерпѣли не малую убыль: на многихъ бумагахъ раз-

ныхъ годовъ и различныхъ связей имѣются помѣтки разныхъ рукъ со многими замѣчаніями, соображеніями и указаніями; во многихъ дѣлахъ, по существу своему весьма интересныхъ, вырваны цѣлыя бумаги, въ нѣкоторыхъ связкахъ нѣтъ полныхъ, цѣликомъ дѣлъ. Не удивительно послѣ сего, что въ мѣстныхъ архивахъ мы не находимъ обстоятельныхъ свѣдѣній о древнихъ знаменитыхъ и славныхъ въ Запорожѣ городахъ, какъ наприм. Старая Самара, Старый Койдакъ, Романово и проч.

Такимъ образомъ краткость историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Матеріалахъ“, объясняется тѣмъ небреженіемъ, въ какомъ издавна находятся наши провинціальныя архивы. Не смотря однакожь на эту краткость, „Матеріалы“ представляютъ не мало интересныхъ свѣдѣній для исторіи колонизаціи и гражданскаго устроенія южной Россіи. Вообще дѣло разработки южнорусской церковной старины подвигается довольно успѣшно. Мы имѣемъ классическое описаніе харьковской епархіи, принадлежащее архіепископу Филарету (Гумилевскому), который напечаталъ въ этой книгѣ массу историческихъ документовъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Другое описаніе—черниговской епархіи хотя принадлежитъ тому-же автору, но далеко уступаетъ первому какъ по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ и по тѣмъ доспѣшнымъ выводамъ, которыми оно наполнено. Одна только полтавская епархіа хранивъ до сихъ поръ глубокое молчаніе о своихъ минувшихъ судьбахъ. Даже такой известный монастырь, какъ мгарскій (около Лубенъ), куда ежегодно приходитъ множество народа на поклоненіе мощамъ Аѳанасія сидящаго, по настоящее время не имѣетъ описанія. Книга Арандаренко, которой давно уже нельзя найти въ продажѣ, и отрывочныя статьи Максимовича—продолжаютъ оставаться единственными источниками для знакомства съ стариною полтавской епархіи.

Описаніе рукописей виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Составилъ Ф. Добрянскій. Вильна. 1882.

Въ послѣдніе годы начинаютъ мало по малу появляться описанія рукописныхъ коллекцій, находящихся въ юго-западной Россіи. Доселѣ извѣстны были слѣдующія описанія мѣстныхъ коллекцій рукописей: 1) Описаніе рукописей церковно-археологическаго

музей при кievской дух. академіи. Н. Петрова, въ трехъ выпускахъ. Кіевъ 1875—1879 гг. 2) Описаніе рукописей черниговской дух. семинаріи, Дилѣва. С.-Петербургъ. 1880 г., и 3) Описаніе рукописей почаевской лавры, хранящихся въ библіотекѣ музея при кievской дух. академіи, В. Березина. Кіевъ. 1881 г. Къ этимъ описаніямъ присоединилось въ настоящемъ году озаглавленное выше описаніе, представляющее значительный интересъ.

Въ рукописномъ отдѣленіи виленской публичной библіотеки, кромѣ документовъ историческаго и юридическаго содержанія, на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ, находятся въ настоящее время значительное количество рукописныхъ книгъ собственно литературнаго содержанія. Рукописи послѣдняго рода раздѣляются на два главные отдѣла: а) на рукописи иностранныя и б) рукописи церковно-славянскія и русскія. Второй изъ этихъ отдѣловъ и составляетъ собственно предметъ разсматриваемаго описанія.

Начало собиранія рукописей при виленской публичной библіотекѣ положено въ 1856 году, когда графомъ Е. П. Тышкевичемъ былъ основанъ музей древностей и при немъ образована Археологическая Коммисія. Въ отчетѣ музея за 1856 годъ показано уже 538 рукописей и 2077 древнихъ грамотъ, актовъ и автографовъ. Но послѣ преобразования музея въ 1865 году и послѣ перехода управленія въ руки русскихъ людей, нѣкоторыхъ рукописей изъ числа 538, показанныхъ въ отчетѣ, не оказалось, а рукописей на церковно-славянскомъ языкѣ не было никакихъ. Собираніе собственно церковно-славянскихъ рукописей началось послѣ основанія въ 1865 году виленской публичной библіотеки и поддерживалось попечителями виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловымъ, П. Н. Батюшковымъ и особенно Н. А. Сергіевскимъ. При первомъ изъ нихъ поступило въ рукописное отдѣленіе библіотеки 80 церковно-славянскихъ рукописей, изъ которыхъ большая половина (45) доставлена гг. Рачинскимъ и Соколовымъ. По почину П. Н. Батюшкова составленъ и изданъ въ 1871 г. въ Вильнѣ г. Гильтебрандомъ первый выпускъ „Перечневой описи рукописей виленской публичной библіотеки“, въ которомъ описано 82 церковно-славянскія рукописи. Всѣ остальные церковно-славянскія и русскія рукописи библіотеки, воихъ число доходить нынѣ до 329, поступили сюда уже при Н. А. Сергіевскомъ изъ литовской духовной семинаріи, наслѣдовавшей эти рукописи отъ жировицкаго монастыря, изъ сурапольскаго и витебскаго марковскаго монастырей и отъ част-

ныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, монастырскія рукописныя бібліотеки, составляющія нынѣ главный фондъ рукописнаго отдѣленія виленской публичной бібліотеки, еще до передачи ихъ сюда утратили многое изъ своихъ древностей. Особенно это нужно сказать о бібліотекѣ супрасльскаго монастыря, на которую наложилъ свою руку извѣстный ученый каноникъ Бобровскій, бывшій профессоръ виленскаго университета. Благодаря его безпечности, потеряна для Вильны и лицевая пергаменная псалтирь 1397 года, принадлежавшая виленской свято-ніколаевской церкви и взятая Бобровскимъ для изученія и научнаго описанія. Но эта рукопись не погибла совершенно, какъ думаетъ, по видимому, составитель описанія, и находится въ настоящее время въ Варшавѣ, въ бібліотекѣ графовъ Замоискихъ¹⁾.

Всѣ поступившія въ виленскую публичную бібліотеку рукописи описателемъ ихъ раздѣлены на слѣдующіе разряды: 1) рукописи на пергаменѣ, 2) тексты св. писанія, 3) творенія св. отцовъ, 4) исторія, 5) богослуженіе, 6) смѣсь, и 7) рукописи на русскомъ языкѣ.

Между пергаменными рукописями бібліотеки цѣльныхъ всего только три номера: мстижское евангеліе XIV в., бесѣды Григорія Двоеслова XIV в. и тріодъ XV в.; остальные же 16 номеровъ—отрывки и между ними извѣстный отрывокъ изъ туровскаго евангелія XI вѣка. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія отрывокъ изъ сборника XVI в., подъ № 6-мъ, заключающій слово Иринея, епископа Палинскаго (Лионскаго?), рѣдко встрѣчаемое между славянскими рукописями.

Разрядъ текстовъ св. писанія включаетъ 33 номера. Въ нихъ переводъ бібліи, особенно книгъ ветхозавѣтныхъ, примыкаетъ къ семьѣ переводовъ западно-русскихъ, сдѣланныхъ съ вульгаты. Языкъ большинства этихъ книгъ—языкъ бѣлорусскій, Скорининскій, съ немалыми, впрочемъ, отличіями отъ печатнаго изданія переводовъ Скорины. Между рукописями книгъ ветхозавѣтныхъ сохранился также переводъ псалтири Скорины съ его предисловіемъ. Печатный экземпляръ пражскаго изданія этой книги, по свидѣтельству г. Каратаева, не дошелъ до насъ, что придаетъ особую важность этой рукописи. Книги новозавѣтныя, особенно дре-

¹⁾ См. рефератъ г. Стамборовича о рукописной псалтири XIV в. въ трудахъ III археологическаго сѣзда въ Россіи. Киевъ, 1876 г., т. II, стр. 147—150.

вѣдѣній евангелія, носятъ слѣды болгарскаго происхожденія, въ позднѣйшихъ же замѣчаются слѣды влiянiя западно-русскаго нарѣчiя.

Въ отдѣлѣ „Творенiй св. отцевъ“ (20 №№) помѣщены творенiя Василiя Великаго, Григорiя Богослова 16 словъ, съ толкованiями Никиты Ираклiйскаго, Григорiя Двоеслова, Григорiя Синаита, аввы Дороея, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Иоанна Златоустаго, Кирилла Иерусалимскаго, Симеона Богослова и др. Большею частiю рукописи этого отдѣла писаны еще до введенiя уни и поэтому, происходя изъ одного источника съ восточно—и южно-русскими рукописями того-же рода, въ сравненiи съ ними не представляютъ никакихъ отличiй.

Гораздо своеобразнѣе отдѣлъ исторiи (39 №№), къ которому отнесены хронографы, палеи, четь-минеи и прологи, патерики, помянники и проч. Изъ нихъ нѣкоторые имѣютъ мѣстный историческiй характеръ, а другiе носятъ на себѣ слѣды западнаго влiянiя. Въ сборникѣ XVI в. (№ 103), къ похвальному слову Златоустаго на Зачатiе пресв. Богородицы, 9 декабря, сдѣлана замѣчательная прибавка, съ перечисленiемъ христiанскихъ народовъ: „Поистинѣ-бо, святая, кто тебе не славить? кто-ли не хвалить и молятъ? роцями-ли (римляне), или грецы, или болгаре, или роусь—новое Твое стадо, или римяне новазноу (?) и веризи и алани, перси-же и перои, индii, егiопи, алмази ж и испруци, серпи (сербы) же, тарвати (харваты), самъ-же и искри, оуандили и евицяди (вадалы и гелиды), пач варди и власи, сарди-же и внятцы (венециане), маравляне и различни словени, чули-же и еилни (финны) и ни мнози языци“ (стр. 216). Въ хронографѣ подъ № 109 есть, между прочимъ, не встрѣчающаяся въ другихъ хронографахъ статья о нѣкоемъ Совiи или объ обычаяхъ литовцевъ сожигать тѣла умершихъ (стр. 249—250). Въ Четь-Минеѣ XVII в., подъ № 80-мъ, въ концѣ житiя Кирилла философа, учителя славянскаго, читаемъ слѣдующую позднѣйшую прибавку: „потомъ, минувшимъ многимъ лѣтомъ, пришедъ Войтѣхъ, бискупъ латынскiй у Муравъ и въ чехи и въ ляхи, вѣру русскую, науку и писмо отверже, латынскую ж вѣру и грамоту устава, а право-вѣрные епископы и попы изсѣче, а иныхъ разогна, и иде у прускую землю, хотя ихъ у свою вѣру привести, и тамо вбiевъ бысть“ (стр. 122). Въ помянникѣ или синодикѣ 1631 г., представляющемъ коию съ древняго пергаменнаго супрасльскаго помянника, дополненную позднѣйшими памятниками, перечисляются

кіевскіе митрополиты, съ обозначеніемъ фамилій ихъ и годовъ кончины, а также епископы и различные цаны (№ 89). Въ другомъ жириковомъ помянникѣ XVIII вѣка (№ 91), послѣ поминовенія именъ усопшихъ, приложены аннотаціи или примѣчанія къ нимъ, съ историческими свѣдѣніями о поминаемыхъ лицахъ. Изъ этихъ аннотацій мы узнаемъ, напр., что уніатскій митрополитъ Іосифъ-Вельяминъ-Рутскій происходилъ „отъ родителей еретиковъ, которые незадолго передъ тѣмъ переселились изъ Москвы“, что холмскій уніатскій епископъ Александръ-Августинъ Лодзяла будто-бы отравленъ былъ въ 1691 году „схизматиками черезъ одного монаха кіевского“ и проч. (стр. 189—190). Въ нѣкоторыхъ анонимныхъ и псевдонимныхъ поученіяхъ есть довольно рѣзкія обличенія нравственнаго упадка высшаго духовенства передъ началомъ уніи и въ первые ея годы. „И въ насъ ставятъ митрополита по своей воли, а не по правилу св. отецъ; вчера съ псы по полю за зацемъ, а нынѣ свитительская свершаетъ, а не тако, какъ св. Василіе говоритъ: „дондеже вся степени священническія пройдетъ, тогда свититель бываетъ“ (стр. 254). Въ другой рукописи дѣлается такое сопоставленіе древняго духовенства съ воямъ: „они (т. е. древніе) сильни словомъ и дѣломъ, сіи-же илѣнѣмъ и скотомъ и коньми и стады, селами и повары и красными трапезами, сластолюбія яденіемъ и питіемъ исполнены, и о сихъ точію дню и ноцію бесѣдующе, а о словесахъ стадѣ безсловесни суть, о немъ же имуть слово воздати въ день онъ великій судный. Аще-ли кто вопрошаетъ ихъ о книгахъ, то отвѣщаютъ глаголюще: убози есмы, не имамы чимъ книгъ стаяти. Ходятъ же не яко убози, но ризы носяще свѣтлы и блещащеса, расширяюще воскрылія, или-же яко у телцовъ, иже на заколєніе упитавныхъ; ученикъ много, паче же поваровъ и поводицихъ множество, а другая-же студъ и глаголати, отъ многого богатства окупники приобрѣтоша извѣтомъ роботствія“ (стр. 243). Много есть также въ историческомъ отдѣлѣ памятниковъ литературныхъ и историческихъ мѣстнаго происхожденія, какъ-то: житіе преподобной Евфросиніи полоцкой, страданіе литовскихъ мучениковъ — Іоанна, Антовія и Евстафія, слова Григорія Цимвлака и проч. Между послѣдними особеннаго вниманія заслуживаетъ „Григоріи, архієпископа кіевского и всея Руси, слово похвалное иже у Фролентіи и у Костентіи собору галатомъ, италомъ и римлянномъ и всѣмъ галатомъ“ (стр. 226). Наконецъ, особую категорію повѣствовательно — историческихъ

сочиненій въ этомъ отдѣлѣ составляютъ сочиненія западнаго, католическаго происхожденія. Есть здѣсь хронографъ XVII в., особаго состава, въ которомъ заключаются свѣдѣнія о событіяхъ изъ исторіи разныхъ государствъ западной Европы и о папахъ, бывшихъ въ Римѣ (№ 110). Западный римско-католическій элементъ во времена уніи проникалъ замѣтно въ Четь-Миней, прологи, патерики и т. п. Въ Четь-Минейхъ (№ 81—82), писанныхъ въ XVII в. на бѣлорусскомъ нарѣчій, есть много памятней католическихъ святыхъ, со сказаніями объ ихъ жизни, напр. „Мука пахоляти св. Семеона преденскаго (тридентскаго)“, Іуара аквитанскаго, Авита вердюнскаго. Рукописный сборникъ XVII вѣка (№ 107) очень похожъ по своему составу на *legenda vitae Iacoba de-Varaswie*, *resculum exemplogum* и тому подобныя католическія сборники чудесъ и, вмѣстѣ со сказаніями восточныхъ патериковъ и собесѣдованій Григорія Двоеслова о жизни италійскихъ подвижниковъ, заключаетъ въ себѣ легендарныя рассказы въ католическомъ духѣ, напр. рассказъ о чудѣ въ Бононіи и рассказъ какого-то монаха о хожденіи его въ „пекло“ и о видѣнныхъ имъ тамъ мукахъ.

Отдѣлъ богослужебныхъ книгъ виленской публичной бібліотеки, самый обширный по числу рукописей (121 №), вмѣстѣ съ тѣмъ есть одинъ изъ самыхъ характеристичныхъ. Большая часть богослужебныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ догматическую и обрядовую сторону исповѣданія, имѣетъ совершенно особенный мѣстный характеръ сравнительно съ такими же книгами восточной Руси. Въ этихъ книгахъ мы встрѣчаемся съ молитвами, обрядами и цѣлыми службами, частью цѣликомъ заимствованными изъ латинскихъ богослужебныхъ книгъ, частію передѣланными и измѣненными сообразно съ требованіями римско-католической церкви и, въ послѣдствіи, уніи. Кромѣ службъ и обрядовъ, въ церковное чествованіе внесено также много святыхъ римской церкви, не признаваемыхъ греко-восточною церковію. Въ этомъ отношеніи рукописи виленской бібліотеки представляютъ богатый матеріалъ для изученія тѣхъ особенностей и перемѣвъ, которыя во время уніи постепенно были вводимы въ богослуженіе православной церкви, и значительно могутъ восполнить тѣ свѣдѣнія о состояніи уніатскаго богослуженія, какія мы имѣемъ въ книгѣ свящ. А. Ѡ. Хойнацкаго: „Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ. Кіевъ, 1871“. Изъ отдѣльныхъ рукописей этого отдѣла заслуживаютъ вниманія нѣкоторые потные ирмо-

логія, въ которыхъ встрѣчаются пѣсни и гимны, принадлежащіе болѣе западной церкви, чѣмъ восточной. Гимнъ Амвросія Медиоланскаго „Тебе Бога хвалимъ“, вошедшій въ наши богослужебныя книги сравнительно въ недавнее время, находится въ болѣе обширнѣйшемъ примологіевѣ вилевской бібліотеки. Въ нѣкоторыхъ попадаются и такія гимны, какъ напр. знаменитый requiem „Dies irae“, приписываемый Томъ Целако. Заслуживаютъ также вниманія нѣкоторые „чины исповѣданія“, встрѣчающіеся и въ видѣ отдѣльныхъ рукописей, и въ сборникахъ службъ. Въ нихъ особенно любопытно перечисленіе грѣховъ, не встрѣчающееся даже въ старинныхъ печатныхъ уніатскихъ изданіяхъ. Въ одной общей книгѣ XVIII в. (№ 137) помѣщено „слово о збуреніи пекла“, представляющее разговоръ Люцифера съ адомъ, въ стихотворной формѣ, на бѣлорусскомъ нарѣчій.

Отдѣлъ „Смѣсь“ (40 №№) заключаетъ въ себѣ различные сборники, кои авторъ описанія дѣлитъ на двѣ категоріи: сборники установившіеся съ опредѣленнымъ составомъ и содержаниемъ, какъ-то: Златоструи, Измарагды, Маргариты, Златыя Чепи и т. п., и сборники болѣе изи менѣе случайнаго происхожденія и характера. Изъ сборниковъ второй группы заслуживаютъ вниманія сборникъ Иосафата Куницевича (№ 261), состоящій изъ черновыхъ замѣтокъ и проповѣдей этого уніатскаго епископа; извѣстный переводъ латинской книги „Тайная Тайныхъ“ (*Secreta secretorum*). Въ нѣкоторыхъ сборникахъ встрѣчаются сочиненія извѣстнаго уже намъ Григорія Цимляка и Кирилла Туровскаго. Рукописные богослуженія вилевской публичной бібліотеки только отчасти сходны съ извѣстнымъ богослуженіемъ, изданнымъ уніатами въ почаевской лаврѣ; въ сущности, это—сборники духовныхъ, а иногда и мірскихъ народныхъ пѣсней, составленные совершенно самостоятельно.

Отдѣлъ рукописей на русскомъ языкѣ не великъ (57 №№) или, по крайней мѣрѣ, мало замѣчательнъ. Изъ рукописей этого отдѣла можно указать на „Книжку естествознанія“, съ прибавленіемъ извѣстной таинственной книги Альберта Магнуса и Михаила Скотта; тоже извѣстный лечебникъ „Вертоградъ прохладный“; мнѣніе смоленскаго дворянства по вопросу о переходѣ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, представленное Государю Императору Николаю Павловичу 4 февраля, 1849 г., чрезъ предводителя дворянства, князя М. Друцкаго-Соколинскаго; „О бѣлорусскомъ нарѣчій въ могилевской губерніи“, Ив. Носовича;

„Отрывки из литовской мѳеологіи“, изъ рукописей К. фонъ-Шмита; Отчетъ о состояніи раскола въ вижегородской губерніи, Мельникова, 1854 г.; Письма высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа херсонскаго и Таврическаго (№ 321), и др.

При описаніи каждой отдѣльной рукописи, составитель Описанія раскрываетъ ея содержаніе, указываетъ отдѣльныя статьи ея, или же только болѣе замѣчательныя, выписываетъ заглавія и начальный текстъ этихъ статей и часто передаетъ содержаніе болѣе интересныхъ статей, или же дѣлаетъ изъ нихъ точныя выписки. Мы не видимъ здѣсь указанія первоисточниковъ рукописей или отдѣльныхъ статей ихъ; не находимъ также указанія на соответствующіе памятники въ другихъ извѣстныхъ собраніяхъ рукописей, за небольшими развѣ исключеніями. Даже тождественныя статьи, встрѣчающіяся въ разныхъ рукописяхъ виленской публичной библіотеки, не указаны въ самомъ текстѣ Описанія и лишь отчасти только могутъ быть находимы по алфавитному указателю, приложенному въ концѣ Описанія. Но за это мы и не винимъ автора, не обладающаго такими научными средствами и эрудиціей, какія мы видимъ въ классическомъ „Описаніи рукописей синодальной библіотеки“ покойныхъ Горскаго и Новоструева. Намъ кажется, что авторъ „Описанія рукописей виленской публичной библіотеки“ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы вовсе не дѣлалъ попытокъ къ опредѣленію происхожденія и важности извѣстныхъ рукописей или статей, такъ какъ эти попытки часто оказываются весьма неудачными. Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 110 излагается содержаніе слова о св. Іоаннѣ Богословѣ, „како словомъ навчи чловѣка писати иконы“, какъ замѣчательнаго, между тѣмъ какъ это слово помѣщается въ печатномъ прологѣ. Излагая содержаніе „Исторіи скинійской“ Андрея Лызлова, авторъ Описанія не справился даже съ „Обзоромъ русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета черниговскаго и чуть-ли не считаетъ эту исторію новымъ откровеніемъ науки. Подъ 324 №, изложивъ кратко содержаніе комедіи „Тресотиніусъ“, авторъ Описанія замѣчаетъ о ней слѣдующее: „Очевидно, это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ комедій, интермедій и т. п., которыя въ прошломъ столѣтіи въ изобиліи сочинялись и разыгрывались студентами академій“. А между тѣмъ это есть извѣстная комедія Сумарокова, направленная противъ „профессора элоквенціи, паче-же шитическихъ хитростей“, Василія Кириловича Тредіаковскаго.

Въ виду такихъ промаховъ Описанія, мы совѣтовали бы начинающимъ свою дѣятельность ученымъ съ осторожностію относиться къ собственнымъ замѣчаніямъ составителя Описанія и смотрѣть на это Описаніе, какъ на сырой только матеріалъ, требующій тщательной разработки.

Н. П.

Ченстоховская чудотворная икона Богородицы и церковь во имя св. Кирилла и Мефодія въ г. Ченстоховѣ, св. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.

Озаглавленная книжка, по словамъ ея автора, есть „первый трудъ историческаго описанія ченстоховской иконы Богородицы на русскомъ языкѣ“ и слѣдовательно служить выразителемъ поступательнаго движенія русской исторической науки въ такую область, которая доселѣ для нея была недоступна и невѣдома. Авторъ старался доказать и, на нашъ взглядъ, доказалъ несомнѣнно, что ченстоховская икона, находящаяся теперь въ ченстоховскомъ латинскомъ монастырѣ ордена паулиновъ или павликианъ, есть достояніе православной церкви, а не католической, и находится, такъ сказать, лишь въ плѣну у латинянъ. Есть даже преданіе, которое связываетъ судьбу этой иконы съ судьбою города Кіева, что придаетъ книжкѣ о. С—ва еще большій интересъ въ нашихъ глазахъ. Вотъ въ общихъ чертахъ судьба этой иконы, по изслѣдованію автора разсматриваемой книжки:

Происхожденіе этой иконы преданіе приписываетъ евангелисту Лукѣ. Сначала она находилась будто-бы въ Іерусалимѣ, въ домѣ волюбленнаго ученика Христова, Іоанна Богослова; но въ 66 году по Р. Хр., предъ грознымъ нашествіемъ Веспасіана и Тита на Іерусалимъ, вынесена была отсюда христіанами и поставлена въ Цезарѣ, городкѣ, расположенномъ между горами, въ одной пещерѣ, гдѣ вѣрующіе собирались для совершенія богослуженій. Въ 326 году св. царица Елена вывезла этотъ святой образъ изъ Палестины въ Константинополь, гдѣ въ V вѣкѣ дочь императора Аркадія, благочестивая Шульхерія, соорудила въ честь ея особый храмъ. Во времена иконоборства, супруга Льва IV исаврянина Ирина сохранила св. икону сама, взявъ ее изъ храма къ себѣ въ царскія палаты, и тамъ соблюдала ее у себя все время, зановѣдавъ приближеннымъ и единомышленнымъ съ нею

людямъ благочестно и неприкосновенно беречь святыню и въ послѣдующія времена. О дальнѣйшей же судьбѣ св. иконы сказанія расходятся. По однимъ сказаніямъ, ея благословили въ 988 году греческую царевну Анну, супругу равноапостольнаго князя Владиміра, при отправленіи въ новопросвѣщаемую російскую страну, братья царевны Василій и Константинъ. Въ Киевѣ она находилась въ великокняжеской церкви и считалась фамильною, родоюю иконою блаженной кнѣгини. Отсюда, въ X же вѣкѣ, икона перешла въ Галицію, въ белзское княжество, въ г. Белзь или Безъ, Бѣльскъ, къ княжескому роду, владѣвшему белзскимъ замкомъ. Уніатъ Яковъ Суша прямо говоритъ, что св. образъ Богородицы, находящійся нынѣ въ Ченстоховѣ, посвященъ былъ г. Бѣльску или Белзу самимъ великимъ княземъ Василиемъ - Владиміромъ. По другимъ сказаніямъ, образъ Богородицы въ началѣ IX вѣка поднесенъ былъ греческимъ императоромъ Никифоромъ I Логоетомъ Карлу Великому, въ признательность за помощь въ войнѣ съ сарацинами, находился въ Аквигранѣ, въ надъ-рейнской провинціи, и переданъ былъ князю Льву Галицкому тоже въ благодарность за охраненіе западныхъ странъ отъ монголовъ, князь Левъ помѣстилъ св. икону въ своемъ белзскомъ или бѣльскомъ замкѣ, гдѣ она и оставалась до послѣдней четверти XIV вѣка. Каноникъ Н. Фелинскій въ своемъ „Описаніи св. иконы ченстоховской“ говоритъ, что эта св. икона, послѣ 500-лѣтняго находженія ея въ Константинополѣ, проходила по многимъ мѣстамъ славянскихъ княжествъ, находилась въ Галичѣ, Болгаріи, Моравіи, Чехахъ и на Руси; „перенесли ее туда св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій“, а въ послѣдствіи, чрезъ семейныя родственныя связи, она досталась въ руки Опольскаго князя Владислава, который и перенесъ ее на ясную гору ченстоховскую. Иные же говорятъ короче, что эту св. икону привезъ на Русь изъ Константинополя русскій князь Левъ, княжившій въ городѣ Львовѣ, и прямо поставилъ ее въ своемъ белзскомъ замкѣ. Авторъ книжки болѣе склоняется къ мнѣнію Фелинскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ.

Какъ-бы то ни было, ченстоховскій образъ Богоматери, попавши на Русь, долгое время находился въ г. Белзѣ, въ нынѣшнемъ жолковскомъ округѣ, въ сѣверо-восточномъ углу Галиціи. Въ XIV вѣкѣ Галиція перешла подъ власть польскаго короля Казиміра, — и этотъ Казиміръ, по сообщенію современныхъ лѣтописцевъ, „сотворилъ много зла православнымъ христіанамъ

и святая церквя претворилъ въ латинское служеніе⁴. Послѣ смерти Казимира, галицкая Русь хотя стала на нѣкоторое время самостоятельнымъ княжествомъ; но княземъ ея поставленъ былъ нѣкто Дадиславъ или Владиславъ Опольскій, изъ православія перешедшій въ латинство и называвшійся „апостоломъ латинства“, —вассалъ преемника Казимира Людвика Венгерскаго. Послѣдніе изъ белзскихъ русскихъ князей никакъ не могли свыкнуться съ подчиненіемъ своего княжества польскому владѣчеству и, при помощи литовскихъ князей, часто поднимались противъ поляковъ и угровъ. Во время этой борьбы, белзскій замокъ, гдѣ находилась икона Богородицы, не разъ подвергался осадѣ и даже не разъ бывалъ взятъ поляками и уграми. При такихъ-то обстоятельствахъ, въ 1377 году, по взятіи замка, захвачена была изъ него св. икона и увезена въ городъ Львовъ, уже состоявшій въ полномъ владѣніи поляковъ. Наконецъ Дадиславъ или Владиславъ, утомленный въ борьбѣ съ православными галичанами, рѣшился совсѣмъ удалиться изъ Галиціи и поселиться въ своихъ давнихъ западныхъ областяхъ, въ велюнскомъ княжествѣ, болѣе спокойномъ для него по отсутствію тамъ роковой борьбы за вѣроисповѣданіе и народность. Предоставивъ Галицію исключительному господству Людвика Венгерскаго, онъ въ 1382 году отправился изъ Львова въ велюнскую область, въ Ополье, и взялъ съ собою образъ Богородицы. На пути въ Велюнь, онъ остановился у селенія Ченстохова и рѣшился совсѣмъ остаться въ этихъ мѣстахъ на постоянное жительство, а образъ Богоматери помѣстилъ въ ченстоховской приходской деревянной церкви, на мѣсто которой устроилъ каменный храмъ съ монастыремъ и вызвалъ туда изъ венгерскаго монастыря Ноштры 16-ть монаховъ наулиновъ, латинскаго ордена св. Павла пустынника. Такъ св. икона Богородицы поступила въ вѣдѣніе павликианъ, у которыхъ съ тѣхъ поръ остается и поныѣ, именуясь отъ мѣстности Ченстохова ченстоховскою. Въ 1717 году эта икона коронована была по католическому обычаю и такимъ образомъ по наружному виду приняла католическій колоритъ. Въ 1872 году сооруженъ былъ въ Ченстоховѣ православный храмъ во имя св. Кирилла и Меѳодія, и въ немъ поставлена была въ 1878 году точная копія подлинной иконы Богородицы, напоминающая собою происхожденіе и судьбу этой св. иконы.

Къ тексту книжки о. Н. С-ва приложены примѣчанія, которыя занимаютъ болѣе двухъ третей ея. Изъ нихъ видно, что ав-

торъ долго и съ большимъ усердіемъ собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о ченстоховской иконѣ Богоматери изъ латинскихъ, русскихъ и особенно польскихъ источниковъ, не пренебрегая иногда и свѣдѣніями, заимствованными изъ учебниковъ по исторіи, напр. Иловайскаго. Но нельзя сказать, чтобы всѣ эти свѣдѣнія и источники были критически провѣрены авторомъ и служили твердымъ основаніемъ для его текста. Такъ напр., изслѣдуя судьбу описываемой имъ иконы въ Палестинѣ и Цареградѣ, о. С-въ не касается исторіи другихъ иконъ Богородицы, приписываемыхъ евангелисту Луцѣ, и возбуждаетъ въ читателѣ сомнѣніе, дѣйствительно ли эта самая икона, о пребываніи которой въ Цареградѣ говорятъ источники, или другая изъ многихъ съ именемъ евангелиста Луки, находящихся нынѣ въ православной и католической церквахъ. Не видно также твердыхъ основаній и для того, почему авторъ книжки присталъ къ мнѣнію каноника Феливскаго о принесеніи св. иконы къ славянамъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ одномъ изъ примѣчаній авторъ прямо называетъ переводную книжку Феливскаго безграмотною, а въ текстѣ старается подтверждать мнѣніе этой брошюры собственными доводами; но и эти доводы—чисто предположительнаго свойства и опираются чуть-ли не на желанія автора оправдать посвященіе православной ченстоховской церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія. По крайней мѣрѣ, слушая мнѣнія о появленіи иконы Богородицы въ Белзѣ или чрезъ кievскихъ князей, или же чрезъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, мы болѣе расположены склониться къ первому изъ этихъ мнѣній, т. е. о прибытіи иконы въ Белзѣ чрезъ Кіевъ. Противъ этого мнѣнія авторъ говоритъ слѣдующее: „Весьма трудно исполнѣ согласиться и съ тѣмъ, что св. ченстоховская икона Богородицы появилась въ г. Белзѣ чрезъ св. князя Владимира. Эта св. икона, по своей древности и святости, а также и по своему происхожденію изъ священной Палестины, вообще столь почтенна, что едва ли бы св. великій Князь или кто либо изъ дѣтей его рѣшился отпустить изъ стольнаго города Кіева, гдѣ, по самому положенію христіанства на Руси, особенно нуждались въ преимущественныхъ и древнихъ святыняхъ и, конечно, весьма дорожили ими. Если же и случились бы что либо подобное, то лѣтописцы, вообще столь чуткіе даже къ малѣйшимъ событіямъ въ жизни и исторіи князей и княжествъ, не преминули бы упомянуть объ этомъ, какъ упоминали о переходахъ и передачахъ другихъ наиболѣе важныхъ святыхъ иконъ изъ однихъ мѣстъ нахождения ихъ въ другія, и

такимъ образомъ навсегда сохранили бы свѣдѣнія о св. иконѣ Богородицы, которою мы заняты. Но именно такихъ-то свѣдѣній у кого изъ лѣтописцевъ нашей страны не имѣется“. На это замѣтимъ, что 1) нѣтъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о переходѣ изъ Кіева въ другіе города и другихъ иконъ Богоматери, напр холмской, тоже приписываемой евангелисту Лукъ, 2) о переходѣ нынѣшней ченстоховской иконы изъ Кіева въ Белзъ не могло быть лѣтописныхъ свѣдѣній и потому, что въ Кіевѣ она была родовою великокняжескою иконою, а не общественнымъ достояніемъ, 3) что недостатокъ лѣтописныхъ извѣстій объ этой иконѣ восполняется болѣе поздними о ней свѣдѣніями, приводимыми авторомъ книжки, и 4) что въ кіево-кирилловской церкви, основанной въ XII в., и повывъ есть и особо чтится древняя копія ченстоховской иконы Богоматери, которую можно считать отзвукомъ преданія о пребываніи когда-то этой иконы въ Кіевѣ. Мы, впрочемъ, не рѣшаемся твердо отстаивать мысль о пребываніи ченстоховской иконы Богоматери въ древнія времена въ Кіевѣ, и своими возраженіями хотѣли показать только непрочность основаній и выводовъ автора книжки.

Во всякомъ случаѣ, трудъ автора заслуживаетъ вниманія по своей добросовѣстности и полнотѣ матеріала, который не только даетъ возможность для критическаго разбора существующихъ мнѣній о происхожденіи ченстоховской иконы Богоматери, но и вообще освѣщаетъ исторію православія въ краѣ, котораго касается авторъ, говоря о мѣстопребываніи иконы.

Н. П.

Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Спб. 1881 г.

Съ настоящаго X-го т. „Исторія русской церкви“, какъ поясняется въ предисловіи къ нему, историкъ вступаетъ въ третій періодъ ея, начинающійся съ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и продолжающійся досель. Это „періодъ самостоятельности русской церкви, который можно назвать также и періодомъ постепеннаго воссоединенія разрозненныхъ частей ея“, а въ частности — „и періодомъ въ ней раскола, именующаго себя старообрядствомъ“. Такимъ образомъ историкъ остается вѣренъ тому взгляду на ходъ исторической жизни русской церкви, который высказанъ

имъ въ первомъ томѣ, при построеніи общаго плана исторіи русской церкви. Этотъ взглядъ имѣетъ свое основаніе; довольно можно быть оправданъ и та оригинальность его по отношенію къ третьему періоду исторіи русской церкви, что онъ начинается не съ вѣка реформы, а вѣкомъ раянѣ, и этимъ дается представленіе о болѣе близкой и существенной связи событій и явленій XVII вѣка съ событіями и явленіями послѣднихъ двухъ столѣтій, чѣмъ та, какую допускаетъ большинство другихъ нашихъ историковъ. Цѣлый третій періодъ раздѣляется далѣе на два частные періода или отдѣла, обнимающіе: а) время патріаршества и б) время синодальнаго управленія, а первый изъ нихъ еще на два частнѣйшіе отдѣла: первый съ 1589 до 1654 года, въ которомъ послѣдовало присоединеніе Малороссіи къ московскому государству, подготовившее и присоединеніе кievской митрополіи къ московскому патріархату, а второй съ 1654 до 1721 года, въ которомъ учрежденъ св. Синодъ. Настоящій десятый томъ обнимаетъ только часть перваго частнѣйшаго отдѣла, и именно время отъ учрежденія патріаршества въ 1589 г. и начала уни въ 1596 году до 1619—20 гг., т. е. до возстановленія московскаго патріаршества въ лицѣ патр. Фяларета и возстановленія западно русской іерархіи въ лицѣ митр. Іова Боревскаго и др. Послѣ ряда предыдущихъ томовъ, новый томъ „Исторіи русской церкви“ еще болѣе усиливаетъ слагающееся у читателя на основаніи всѣхъ ихъ представленіе о томъ, въ какой постепенности, съ теченіемъ вѣковъ, затѣмъ и десятилѣтій, нарасталъ подъ руками историка матеріалъ историческій, возрастало и усложнялось самое содержаніе церковной жизни, подлежавшее воспроизведенію въ его многотомномъ и многолѣтнемъ трудѣ. Для перваго періода исторіи русской церкви, обнимающаго время въ два съ половиною столѣтія (988—1240 г.) оказывалось достаточнымъ трехъ, сравнительно небольшихъ, томовъ. Для втораго періода — въ три съ половиною столѣтія (1240—1588 г.) потребовалось уже шесть томовъ и притомъ все болѣе и болѣе объемистыхъ. Теперь небольшой промежутокъ времени въ 25—30 лѣтъ далъ содержаніе цѣлому тому въ 500 страницъ. Такой же небольшой промежутокъ времени (1620—1654 г.) далъ еще болѣе обильное содержаніе уже вышедшему XI тому въ 628 стр.

Десятый томъ, о которомъ теперь рѣчь у насъ, начинается исторіею учрежденія патріаршества въ Россіи. Затѣмъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ тома въ первомъ изложена исторія московскаго патріаршества при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ, Игнатіѣ и въ

междупатріаршество, заключааясь общимъ взглядомъ на состояніе церкви въ это время. Во второмъ, нѣсколько болѣе обширномъ, излагается исторія кievской митрополіи въ борьбѣ съ униєю, подъ гнетомъ уніатскыхъ митрополитовъ Михаила Рагозы, Ипатія Поцѣя и Вельямила Рутскаго, съ общимъ заключительнымъ взглядомъ на борьбу православія съ униєю въ данный періодъ.

Общепризнаванныя достоинства громаднаго историческаго труда преемв. Макарія слишкомъ извѣстны, чтобы здѣсь еще говорить о нихъ, по поводу настоящаго X тома. Ближе интересующая насъ въ этомъ томѣ исторія западно-русской церкви или кievской митрополіи въ то тяжелое и бурное время, какимъ было время съ 1596 по 1620 г., представлена здѣсь полнѣе и цѣлостнѣе, чѣмъ гдѣ либо доселѣ. Историкъ соединяетъ и обобщаетъ здѣсь результаты цѣлаго ряда монографическихъ изслѣдованій и другихъ ученыхъ трудовъ и изданій, касающихся настоящаго времени, воспоминаетъ ихъ и новыми изысканіями, новыми болѣе точными или болѣе вѣрными разъясненіями, какъ относительно историческаго матеріала, такъ и относительно дѣйствующихъ лицъ и событій эпохи, благодаря, между прочимъ, близкому знакомству съ такими хранилищами памятниковъ, какъ виленская публичная бібліотека и архивъ бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ при св. синодѣ. Видное мѣсто въ общей исторіи западно-русской церкви этого времени занимаютъ кievскія событія. Роль Кіева въ начавшейся тогда напряженной борьбѣ православія съ униєю была нѣсколько особенною. Далекое не такъ доступное оное было насильственнымъ дѣйствіемъ уніатской и латино-польской пропаганды. даже власти самого короля, ее поддерживавшаго, какъ Вильно, Новогродекъ, Минскъ, Львовъ и др. Блестательный отпоръ давали здѣсь затѣямъ пропаганды, а митрополиты уніатскіе, титулуясь кievскими, не смѣли, вопреки желаніямъ, показаться и глазъ сюда, не исключая самого Поцѣя, которому не удалось побывать здѣсь и на короткое время и котораго весь успѣхъ ограничился занятіемъ на унию полуопустѣлаго софійскаго собора и издавна принадлежавшаго митрополитамъ выдубицкаго монастыря. А относительно лавры сами король и папѣ нашлись вынужденными разстаться съ мыслию о много разъ обѣщанномъ и провозглашенномъ подчиненіи ея уніатскому митрополиту. Это болѣе независимое и смѣлое положеніе Кіева въ борьбѣ съ униєю и съ самою властію короля—фанатика объясняется и большею отдаленностью его отъ центровъ литовско-

польскаго государства и большею силою въ Кіевѣ многовѣчныхъ преданій родной вѣры и святыни исторической, и наконецъ еще тѣмъ, что здѣсь на защиту родной вѣры и религіозно-народной свободы, кромѣ другихъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ прочихъ городахъ и областяхъ, ближе и вѣстнѣе заавляла себя формирующаяся новая сила общенародной обороны въ лицѣ козачества. Благодаря такому болѣе независимому положенію Кіева въ борьбѣ съ униатскою и латинско-польскою пропагандою, сюда, еще съ первыхъ десятилѣтій XVII в., начинаютъ призывать изъ другихъ мѣстностей юго-западной и западной Руси и духовныя силы для борьбы съ пропагандою, имѣвшія затѣмъ развить свою дѣятельность и въ болѣе широкихъ интересахъ историческаго развитія церкви и страны, и въ частности въ интересахъ просвѣщенія, первоначально направленныхъ къ поддержанію той-же борьбы съ пропагандою. Основалось въ 1615 г. кіевское богоявленное братство съ его школою, ставшею потомъ главною и для всего края, оказавшею великую услугу не ему только, но и дѣлу образованія всей Россіи въ вѣкъ реформы. Но здѣсь, въ связи съ сейчасъ сдѣланнымъ указаніемъ на подготавливавшееся уже съ даннаго времени сосредоточеніе въ Кіевѣ духовныхъ силъ для борьбы съ чуждою пропагандою, отмѣтимъ, въ заключеніе настоящей замѣтки, одно изъ знаменательныхъ общихъ изденій въ этой исторіи, констатируемыхъ историкомъ. После той закоснѣлости и распущенности, которыми характеризуется печальное состояніе церкви предъ временемъ уніи и о которыхъ такъ сильно горевалъ тогдашній попечитель церкви князь Острожскій, теперь, съ первыхъ десятилѣтій возникшей тяжелой церковно-общественной борьбы, ощущается наступающій подъемъ нравственный, порывъ къ духовному обновленію, сказывающійся то въ подвигахъ благочестія людей простой, но глубокой вѣры, то въ трудахъ для просвѣщенія людей, болѣе развитыхъ, то наконецъ вообще въ стремленіи къ лучшему благоустройству церковному. Смѣло и съ надеждою, немного смутя, говорили объ этомъ лучшіе современники, какъ знаменитый Лаврентій Древинскій. Слѣдуетъ признать обнаруженіе подобныхъ явленій и въ униатской сторонѣ, особенно со времени Вельмица Рутскаго, болѣе своихъ предшественниковъ сознававшего, что не на вѣншней защитѣ короля и польскаго правительства должна покоиться вся надежда уніи, а что послѣдняя нуждается въ развитіи внутреннихъ духовныхъ силъ въ своей средѣ. И то, что дѣ-

лазось въ этомъ направленіи для униі. дѣлалось не для нея одной, дѣлалось отчасти и для цѣлой среды, ее окружавшей. На этомъ знаменательномъ фактѣ сказывалось торжество исторіи или Высшей Силы, ея управляющей, и въ самыхъ потрясеніяхъ, постигающихъ народъ въ критическія эпохи, открывающей ему средства къ выходу на лучшій путь историческаго самовоспитанія и саморазвитія и дальнѣйшаго движенія его исторической жизни. Знаменателенъ и самый фактъ одновременности сильнаго потрясенія въ обѣихъ половинахъ Руси,—здѣсь увіею, тамъ самозванщиной и иноземнымъ вторженіемъ. Онъ указывалъ и на одинаковую потребность духовнаго обновленія въ ихъ обѣихъ и на потребность союза ихъ для выполненія предстоящей задачи общими силами и при взаимной помощи. Въ этомъ, быть можетъ, наиболѣе общій историческій смыслъ событій того 25—30-лѣтняго момента нашей церковной исторіи, который составляетъ содержаніе X тома труда глубокаго-ученаго и неутомимаго архиепископа-историка. Этимъ значеніемъ даннаго историческаго момента наиболѣе освѣщается та ближайшая, внутренняя связь его и съ вѣкомъ реформы и дальнѣйшимъ временемъ до настоящаго включительно, по которой и можетъ быть съ указаннаго момента начать новый періодъ исторіи русской церкви, какъ именно и начиняеть его исторякъ.

М.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НЕСТОРА-ЛѢТОПИСЦА ВЪ 1881 Г. ¹⁾

Существующее въ Кіевѣ Общество Нестора-лѣтописца, особымъ публичнымъ собраніемъ въ одной изъ университетскихъ залъ, 14-го февраля с. г., праздновало девятую годовщину своего существованія и научной дѣятельности.

Въ исторіи Общества этотъ годъ будетъ отмѣченъ, какъ годъ тяжелой утраты. Въ теченіи этого года оно лишилось своего предсѣдателя и двухъ членовъ. Въ памяти членовъ сохранится надолго энергичное, живое слово его предсѣдателя, проф. А. А. Котляревскаго, которымъ онъ не разъ одушевлялъ собранія Общества и украшалъ скромныя годичныя его празднованія. Въ теченіе своего почти четырехлѣтняго служенія въ должности предсѣдателя Общества Нестора-лѣтописца, и ранѣе, Александръ Александровичъ Котляревскій много потрудился на пользу его, представивъ не мало интересныхъ сообщеній и обстоятельно отмѣчая движеніе исторической и филологической литературы въ Россіи и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Его заслуги на поприщахъ научномъ, литературномъ и преподавательскомъ признаны всѣми и оцѣнены съ полнымъ единодушіемъ ²⁾.

¹⁾ Читано въ формѣ отчета секретаремъ общества Н. П. Дашкевичемъ въ торжественномъ собраніи общества, 14 февраля 1882 г.

²⁾ См. «Вѣстникъ Европы» 1881, № 11; «Миръ» 1881, № 1, «Журналъ мнѣст. народнаго просвѣщенія» 1881, № 11; «Югъ» 1882, № 1; «Archiv f. Slavische Philologie» 1881; «Sbornik Slovansky» Ielínek'a 1881, str. 173—174, и цѣлый рядъ газетныхъ некрологовъ.

Кромѣ А. А. Котларевскаго, Общество Нестора еще два имени должно исключить изъ списка своихъ членовъ, именно: Андрея Николаевича Попова, секретаря московскаго общества исторіи и древностей російскихъ и Василя Игнатьевича Пероговскаго. Если въ первомъ понесла крупную утрату вообще русская историческая наука, то смерть послѣдняго представляетъ значительный ущербъ для исторіи мѣстной. Онъ тщательно собиралъ матеріалы для нея и написалъ цѣлый рядъ монографій по археологіи, исторіи и этнографіи Волыни. Къ сожалѣнію, эти монографіи были помѣщены въ мало распространенныхъ провинціальныхъ изданіяхъ — въ Волынскихъ Вѣдомостяхъ, Губернскихъ и Епархіальныхъ ¹⁾. Конечно, статьи Пероговскаго не исчерпывали весь матеріаль, не представляли строгой обработки его, но онѣ сообщали много интересныхъ данныхъ, въ томъ числѣ не изданные до того времени документы, списанные собирателемъ въ архивахъ. Да не останется достойный примѣръ Пероговскаго единственнымъ! Въ новоначавшемся періодическомъ изданіи, „Кіевская Старина“, мы имѣемъ теперь свой мѣстный историческій органъ, могущій стать средоточіемъ трудовъ по южнорусской исторіи.

¹⁾ Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ статей Пероговскаго: 1) «Городъ Старо-константиновъ, исторія его и настоящее состояніе» («Волынскія губ. вѣд.» 1867, №№ 105, 106, 108, 116—118 и 1868, №№ 3—7. Отд. оттискъ: Житомиръ, 1868; 155 и 3 стр. in—12°), 2) «Историческія воспоминанія о Волыни» («Волынск. губ. вѣд.» 1867, № 12. Отд. оттискъ—6 стр.), 3) «Анна-Алоизія, княжна острожская, вдова по воеводѣ вилецкомъ, гетманѣ великаго княжества литовскаго, Янъ-Карлъ Ходкевичъ, фундаторша іезуитскаго коллегіума въ Острогѣ» («Вол. губ. вѣд.» 1868, №№ 53—59, 62 и 63. Отд. оттискъ—Житомиръ, 1868, стр. 110 in—16°), 4) «Мѣстечко Берестечко и битва 1651 г.» («Вол. губ. вѣд.» 1869. Отд. оттискъ—стр. 63, in 16°), 5) «Городъ Заславъ» (Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. отт. 28 стр. in—16°), 6) «Мѣстечка заславскаго уѣзда: Славута, Шенетовка, Судяковъ, Гряцовъ, Бѣлогородка, Корница, Лабунь, и селенія: Гордиче, Полохова и Зѣлици» («Вол. губ. вѣд.» 1868; въ отд. оттискѣ 31 стр. въ 16 л.), 7) «Новоградволыньскъ» (въ отд. оттискѣ 26 стр. въ 12 л.), 8) «Городъ Дубно», 9) «Историческія и статистическія свѣдѣнія о Житомирѣ», 10) «Волынскія украинскія пѣсни», 11) «Изъ исторіи присоединенія на Волыни уяітовъ къ православію» и 12) «Историческій очеркъ волынской духовной семинаріи». — Краткое воспоминаніе о В. И. Пероговскомъ напечатано въ № 46 газеты «Трудъ» 1881 г.

Почтивъ память А. А. Котляревскаго сочувственными словами въ особомъ засѣданіи ¹⁾, а также панихидой и посылкой вѣнка на гробъ его, въ Москву, Общество избрало въ должность предсѣдателя на трехлѣтіе съ 11 октября минувшаго года профессора университета св. Владиміра, В. Б. Антоновича. Въ члены совѣта общества, сверхъ числящихся въ немъ, избраны М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Ѳ. Я. Фортинскій, Н. П. Дашкевичъ и С. Т. Голубевъ; послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ вновь принялъ на себя должность казначея общества.

Въ 1881 году Общество приобрѣло 1 почетнаго и 6 дѣйствительныхъ членовъ. Включеніемъ въ число почетныхъ членовъ львовскаго ученаго, каноника А. С. Петрушевича, Общество выразило свое уваженіе къ неуставной дѣятельности его по разработкѣ галицко-русской исторіи и къ многочисленнымъ, важнымъ трудамъ его въ этой области. Въ дѣйствительные члены избраны: И. М. Каманицъ и А. А. Андриѣвскій, занимающіеся изслѣдованіемъ архивныхъ матеріаловъ, и молодые ученые А. В. Стороженко, Д. И. Багалъй, П. В. Голубовскій и И. А. Линниченко, заявившіе себя достойными вниманія научными работами.

Въ настоящее время Общество числитъ въ своемъ составѣ 75 членовъ, 12 почетныхъ и 63 дѣйствительныхъ; изъ нихъ иногородныхъ—33.

Въ научной дѣятельности Общества принимали участіе только члены, жительствующие въ Кіевѣ и при томъ не отвлеченные занятіями въ другихъ ученыхъ обществахъ.

Въ собраніяхъ Общества вниманіе референтовъ сосредоточивалось преимущественно на вопросахъ и данныхъ русской исторической науки, при чемъ нѣкоторыя изъ сообщеній касались матеріаловъ, не подвергавшихся доселѣ изслѣдованію или бывшихъ не извѣстными.

Значительное количество чтеній относилось къ древне-русской исторіи.

Товарищъ предсѣдателя, И. И. Малышевскій, ознакомилъ Общество съ началомъ своего обширнаго труда „О брачныхъ союзахъ

¹⁾ Некрологъ А. А. Котляревскаго и поминальныя рѣчи напечатаны въ 10 № «Университетскихъ Извѣстій» и отдѣльно брошюрою, которая войдетъ во II-й выпускъ Чтеній Общества.

русскихъ княжескихъ фамилій съ иностранными владѣтельными фамиліями въ кievскій періодъ нашей исторіи“. По словамъ почтеннаго изслѣдователя, „въ тѣ начальные вѣка русской исторіи, когда нашъ Кіевъ многовѣчный былъ во главѣ городовъ русскихъ, а великій князь кievскій во главѣ князей русскихъ, русскія княжескія фамиліи находились въ гораздо болѣе широкихъ семейныхъ союзахъ съ иностранными владѣтельными домами, чѣмъ то было потомъ... На этихъ союзахъ болѣе или менѣе отражались національныя, политическія, вѣроисповѣдныя и культурныя отношенія Руси къ другимъ націямъ и странамъ. Знакомство съ этими союзами можетъ, до нѣкоторой степени, въ извѣстныхъ случаяхъ, освѣщать для насъ черты семейнаго и нравственно-общественнаго быта среды, въ которой они славились“. Указанію на эти интересныя данныя до конца XI-го стол. и была посвящена рѣчь г. Малышевскаго.

Д. чл. П. В. Голубовскій подвергъ подробному разбору новую гипотезу г. Стасова о томъ, будто извѣстія Ибнъ-Фодлана о руссахъ не относятся собственно къ руссамъ. Г. Голубовскій призналъ невозможнымъ согласиться съ доводами г. Стасова и подтвердилъ свое мнѣніе цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Д. чл. А. В. Стороженко предложилъ критическія замѣчанія на монографію преподавателя исторіи русскаго права въ московскомъ университетѣ г. Мрочекъ-Дроздовскаго: „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды“. Онъ указалъ на крупный недостатокъ этого труда, состоящій въ томъ, что авторъ сталъ разсматривать вопросъ объ оборотныхъ цѣнностяхъ и денежной системѣ въ древней Руси въ эпоху „Русской Правды“, не разсмотрѣвши предварительно торговли и ея орудій въ эпоху, предшествовавшую „Русской Правдѣ“. Менѣе важныя промахи объясняются незнакомствомъ автора съ лучшими трудами по русской исторіи, а также и языкознанію. Г. Стороженко передалъ затѣмъ сущность сообщенія г. Усова, читаннаго 6 ноября минувшаго года, въ засѣданіи московскаго археологическаго общества, по вопросу о древнерусской денежной системѣ, и высказалъ мнѣніе, что, въ случаѣ подтвержденія гипотезы г. Усова еще нѣсколькими изслѣдованіями, она будетъ самымъ простымъ изъ всѣхъ существующихъ рѣшеній этого вопроса.

Съ этимъ мнѣніемъ не согласились д. чл. *Θ. Я. Фортинскій* и *В. Б. Антоновичъ*, отмѣтивъ неточности и натяжки въ объясненіи названій монетныхъ единицъ, предложенномъ г. *Усовымъ*.

Исторіи древней сѣверской земли было посвящено три сообщенія.—Д. чл. *М. П. Истомина*, въ своемъ очеркѣ „Князья Всеволодь и Игорь Ольговичи въ Кіевѣ“, старался показать, что въ сѣверской землѣ въ XII в. установилась болѣе прочная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Руси (исключая, быть можетъ, суздальской области), связь между князьями и землей. Сѣверяне, въ особенности-же вятичи, были, по его мнѣнію, преданы своимъ князьямъ и почти всегда оказывали имъ сильную поддержку. Сѣверскіе князья являлись какъ-бы весьма состоятельными собственниками, и богатство было въ рукахъ ихъ орудіемъ для поддержанія притязаній ихъ. На сѣверскую землю они смотрѣли, какъ на наслѣдственный удѣлъ. Все это даетъ поводъ думать, что въ сѣверской землѣ княжеская власть достигла сравнительно значительнаго развитія; послѣднее подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что у нѣкоторыхъ князей этого рода, начиная съ самаго Олега, не разъ проглядываетъ высокое понятіе объ авторитетѣ княжеской власти. Въ Кіевѣ, гдѣ было развито вѣчевое начало, Олеговичи рано или поздно должны были столкнуться съ проявленіями общественныхъ стремленій. Такъ, дѣйствительно, и случилось, когда Всеволодь Олеговичъ захотѣлъ ввести въ Кіевѣ право наслѣдованія великокняжескаго стола по завѣщанію. Результатомъ этихъ стремленій—съ одной стороны усилить свою власть, съ другой отстоять стародавній порядокъ—и была извѣстная катастрофа съ Игоремъ Олеговичемъ. Олеговичи Всеволодь и Игорь являются, такимъ образомъ, одними изъ первыхъ князей, пытавшихся усилить княжескую власть и ограничить право вѣча.

Д. чл. *Д. И. Багалъй* охарактеризовалъ внутренній строй сѣверской земли въ удѣльный періодъ (отъ половины XI до половины XIV стол.). Сѣверская земля стремилась, подобно другимъ областямъ, къ обособленію и къ удержанію самостоятельной вѣтви княжившаго дома. Выстѣ съ тѣмъ Святославичи постоянно пытались овладѣть кіевскимъ столомъ, что объясняется географическимъ положеніемъ сѣверской земли (близостью къ Кіеву), размноженіемъ рода Святослава и неясностью родовыхъ правъ претендентовъ на

Кіевъ. Постоянное тяготѣніе сѣверскихъ князей въ Кіеву препятствовало установленію обособленности этой земли. Еще болѣе ослабили ее неудачныя попытки князей ея утвердиться въ Галичѣ. Татарское нашествіе окончательно подорвало ея силы. Черниговъ и Новгородъ Сѣверскій отошли на второй планъ; на мѣсто ихъ возвысился Брянскъ, но онъ не обладалъ надлежащею силою и въ половинѣ XIV-го стол. подпалъ подъ власть Литвы; князья остальныхъ городовъ постепенно превратились въ служилыхъ московскихъ. Независимо отъ размноженія княжеской семьи, на ослабленіе княжеской власти вліяло непосредственно монгольское иго. Князья огрубѣли и стали почти атаманами разбойничьихъ шаекъ. Авторитетъ князей упалъ также вслѣдствіе усиленія вѣча въ татарское время. Сѣверское вѣче, мало чѣмъ проявлявшее себя до татарскаго нашествія, приобрѣло послѣ него силу и мощь и начало успѣшно бороться съ княжескою властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дошли до крайности раздробленіе и децентрализація, и это окончательно уничтожило силу земли¹⁾.

Товарищъ предсѣдателя И. И. Малышевскій разобралъ замѣтку г. Похилевича о мѣстоположеніи города Вщижа.

Секретарь Общества Дашкевичъ, въ сообщеніи о половецко-персидско-латинскомъ словарѣ 1303 г., изданномъ въ 1880 г. венгерскою академіею наукъ, представилъ выборку словъ, интересныхъ для исторіи иностраннаго элемента въ русскомъ языкѣ (въ частности въ малорусскомъ нарѣчій). Уже здѣсь встрѣчается слово *возакъ* въ смыслѣ стража и т. п. По нѣкоторымъ словамъ можно судить о культурномъ вліяніи русской народности на половцевъ.

Остальныя сообщенія историческаго содержанія касались позднѣйшаго періода южно-русской исторіи.

Предсѣдатель В. В. Антоновичъ познакомилъ общество съ результатами своихъ изслѣдованій во Львовѣ и съ крайне интересными матерьялами, найденными имъ въ львовскихъ хранилищахъ рукописей. Имъ открытъ важный сборникъ лѣтописей XV и XVI столѣтій, а также списаны важные источники для исторіи позднѣй-

¹⁾ Очеркъ г. Багалія напечатанъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1881 г. и отдѣльно въ его книгѣ: »Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія«, Кіевъ, 1882.

шаго времени. Въ южной Руси существовала очень долго, въ силу особенностей ея культуры, областная литература. Города, даже мѣстечки имѣли свои лѣтописи. Въ ряду ихъ лѣтопись Юзефовича займетъ видное мѣсто. Г. Антоновичъ сообщилъ также о серіи неизданныхъ мемуаровъ, принадлежащихъ перу князей Яблоновскихъ, занимавшихъ видные посты въ Рѣчи Посполитой*).

Д. чл. И. М. Каманинъ въ сообщеніи, составленномъ по документамъ здѣшняго центрального архива, о движеніи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ прошломъ столѣтіи (1765—1790), изложилъ слѣд. весьма интересные выводы: 1) возрастаніе еврейскаго населенія и уменьшеніе его зависѣли отъ политическихъ событій, происходившихъ въ краѣ; смуты вліяли на пониженіе количества евреевъ и наоборотъ; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ приращеніе его совпадало съ тяжестью крестьянскихъ повинностей; оно было прямо пропорціонально имъ; 3) въ селахъ евреи занимались арендаторствомъ и шинкарствомъ; послѣднее являлось преобладающимъ занятіемъ евреевъ и въ городахъ; торговля занимала второе мѣсто; всѣ легкія и прибыльныя ремесла также находились въ рукахъ евреевъ, на долю же христіанъ выпадалъ тяжелый, бездоходный трудъ; 4) со времени переписи 1787 г. по 1873 годъ еврейское населеніе увеличилось почти въ 6 разъ, а христіанское только вдвое. Референтъ не нашелъ данныхъ для рѣшенія вопроса, произошло-ли самое увеличеніе евреевъ естественнымъ путемъ или чрезъ наплывъ ихъ изъ другихъ мѣстъ; во всякомъ случаѣ изъ наблюденія надъ числомъ рождающихся видно, что приращеніе еврейскаго населенія совершалось гораздо быстрѣе, чѣмъ возрастаніе христіанскаго **).

Д. чл. И. В. Лучицкій сообщилъ свѣдѣнія о „Румянцевской Описи“ Малороссіи. Это одно изъ самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ описаній поземельной собственности, съ которымъ не могутъ сравняться сохранившіяся за границей. По Румянцевской Описи

*) Прочитанный въ засѣданіи общества г. Антоновичемъ въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ мемуаровъ Станислава Яблоновскаго, воеводы русского, повѣствующій о пребываніи Петра В. въ 1698 г. въ Галичѣ, въ г. Русской Равѣ, напечатанъ въ № 1 »Кіевской Старины«.

**) Болѣе подробное изложеніе содержанія сообщенія г. Каманина, см. въ № 114 »Труда« 1881 г., а также въ газетѣ »Кіевлянинъ« и »Заря«.

можно возстановить передвиженіе земель за все время XVIII стол. и отчасти цѣны на землю. Въ Описи сохранились указанія и на способы, какими переходили земли изъ рукъ въ руки. Въ виду богатства матеріаловъ, заключающихся въ Описи, г. Лучицкій предложил на статистическомъ сѣздѣ въ Полтавѣ, въ іюнѣ минувшаго года, издать извлеченіе изъ нея въ видѣ особыхъ таблицъ. Для образца тѣхъ выводовъ относительно экономическаго строя, какіе могутъ быть сдѣланы на основаніи Описи, г. Лучицкій прослѣдилъ постепенное развитіе землевладѣнія въ золотоношскомъ уѣздѣ и указалъ на особую форму общиннаго землевладѣнія, тамъ существовавшую.

Нѣкоторыя изъ сообщеній относились къ исторіи русской словесности.

Д. чл. Д. И. Багалъй въ своей статьѣ „Догадка объ авторѣ Слова о полку Игоревѣ“, старался установить *возможность* того предположенія, что въ сѣверской землѣ издавна существовала литературная дѣятельность. Развитіемъ такой мѣстной литературы объясняется, по его мнѣнію, появленіе тамъ „Слова о полку Игоревѣ“. Имя автора этого произведенія неизвѣстно, но можно установить съ большою вѣроятностью его происхожденіе. Основываясь на близкомъ знакомствѣ автора Слова со степью и кочевниками, со взаимными отношеніями южно-русскихъ князей, на его желаніи воспѣть *несчастный* походъ сѣверскаго князя, на его симпатіи къ Ольговичамъ, пользовавшимся на Руси недоброю славою, референтъ пришелъ къ заключенію, что авторъ Слова скорѣе всего могъ быть сѣверянинъ. Никто другой не могъ такъ вѣрно понять отношеній сѣверскихъ князей къ половцамъ. Слово всѣми силами ратуетъ противъ политики ихъ, которая не могла, или не умѣла, или не хотѣла возвыситься до идеи единства всей русской земли. Въ этомъ отношеніи взглядъ поэта-дружинника совершенно подходитъ къ воззрѣнію сѣверянина—Даніила паломника и одного проповѣдника, также по всей вѣроятности, сѣверянина. Подобный же взглядъ замѣтенъ въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, относящейся также къ Чернигову. Такимъ образомъ, дружинникъ (въ „Словѣ“), проповѣдникъ (въ проповѣди) и народъ (въ былинѣ) сошлись въ своемъ воззрѣніи на отношенія сѣверскихъ князей къ половцамъ.—Гипотеза

г. Багалѣя была встрѣчена въ засѣданіи общества цѣлымъ рядомъ возраженій.

Д. чл. В. Н. Малининъ представилъ сравнительное изслѣдованіе *житія св. Аганія и хожденія его въ рай*, по четыремъ спискамъ, изъ которыхъ доселѣ былъ извѣстенъ одинъ, по прологу XIII вѣка (см. Памятники старинной русской литературы, графа Куселева-Безбородко, вып. III, стр. 134). Открытые списки распадаются на двѣ редакціи: полную, извѣстную по сборникамъ юго-славянской и русской редакціи (2 списка), и краткую, проложную, представляющую видимое сокращеніе первой. По своему характеру и содержанию житіе относится къ области тѣхъ-же легендъ востока, къ которымъ примыкаютъ житія св. Макарія и Зосимы, и составляетъ какъ-бы дополненіе послѣднихъ. Г. Малининъ имѣлъ въ виду въ своемъ сообщеніи объяснить составъ и происхожденіе легенды путемъ сопоставленія ея содержанія какъ съ однородными легендарными и апокрифическими сказаніями о раѣ, такъ и однородными воззрѣніями на рай и загробную жизнь.—Древность легенды доказывается упоминаніемъ о ней въ извѣстномъ посланіи Василия, архіепископа новгородскаго, спискомъ пролога XIII вѣка и очевиднымъ пользованіемъ ею на западѣ въ XII вѣкѣ¹⁾.

Д. чл. В. Б. Антоновичъ, по случаю двадцатилѣтія, исполнившагося со дня смерти Шевченка, посвятилъ особое чтеніе оцѣнкѣ историческаго значенія тѣхъ произведеній поэта, въ которыхъ описаны историческія событія. Высоко художественное воссозданіе минувшей жизни въ поэмахъ Шевченка обаятельно дѣйствовало на читавшую публику, которая готова была видѣть въ нихъ точное фактическое изображеніе историческихъ событій. Но нельзя отождествлять поэта съ историкомъ. У Шевченка встрѣчаемъ замѣчательную художественную обрисовку воспроизведенныхъ имъ эпохъ, характеръ которыхъ всегда вѣрно угаданъ поэтомъ; историческое изслѣдованіе подтвердило правдивость его картинъ и, безъ сомнѣнія, еще подтвердитъ многое въ нихъ въ будущемъ; но въ подробностяхъ немало неточностей и фактическихъ ошибокъ, происшедшихъ отъ того, что у поэта было немного историческаго матеріала; нужно

¹⁾ Статья г. Малинина появится въ »Трудахъ кievской духовной академіи«.

удивляться, какъ онъ сумѣлъ предъугадать многое, что было установлено потомъ историческимъ изслѣдованіемъ на основаніи данныхъ, приведенныхъ позже въ извѣстность. Подобныя мелкія ошибки, въ которыхъ неповиненъ поэтъ, не имѣютъ значенія въ виду правдивыхъ историческихъ картинъ, мастерски нарисованныхъ поэтической кистью художника¹⁾.

Въ качествѣ вступленія въ этому чтенію, покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій предпослалъ нѣсколько словъ объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній²⁾.

Древней исторіи славянства касалось сообщеніе д. чл. А. Д. Воронова о новооткрытомъ сборникѣ папскихъ писемъ, принадлежащемъ британскому музею. По мнѣнію г. Воронова, эти документы заимствованы непосредственно или посредствомъ изъ папскихъ регистровъ или книгъ, въ которыя съ древнихъ временъ вносились копии всѣхъ официальныхъ декретовъ папскихъ. Тѣ изъ новооткрытыхъ документовъ, которые имѣютъ отношеніе къ исторіи славянства и преимущественно къ исторіи св. Меодія, архіепископа Моравскаго, подтверждаютъ отрицаемый нѣкоторыми рассказъ пространнаго житія св. Меодія о гоненіи противъ него со стороны латино-нѣмецкаго духовенства и его заточенія въ Швабіи, обогащаютъ этотъ рассказъ новыми подробностями. Самъ папа Стефанъ VI былъ виновникомъ разрушенія того дѣла, которое оберегали его предшественники; самъ папа уничтожилъ православно-славянскую церковь Моравіи и Панноніи и враждебно отнесся къ ея основателю³⁾.

Д. чл. Ѳ. Я. Фортинскій высказалъ несогласіе съ предположеніемъ, что новоизданныя письма были заимствованы изъ регистровъ папской канцеляріи.

Во многихъ засѣданіяхъ Общества удѣлялось вниманіе обзору современнаго движенія исторической науки.

¹⁾ Изложеніе содержанія рѣчи г. Антоновича напечатано нами въ № 10 «Труда» 1881 г.

²⁾ Рѣчь А. А. Котляревскаго напечатана въ № 8 «Труда» 1881 г.

³⁾ Чтеніе А. Д. Воронова напечатано въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи» 1881 года, № 8, подъ заглавіемъ „Научное движеніе по вопросу о свв. Кириллѣ и Меодіи“.

Покойный предсѣдатель Общества, нынѣшній предсѣдатель В. Б. Антоновичъ и д. чл. В. С. Иконниковъ неоднократно сообщали о новыхъ книгахъ и статьяхъ по археологіи и русской исторіи. Секретарь Общества Дашкевичъ отмѣчалъ замѣчательнѣйшія явленія иностранной научной литературы, представлявшія интересъ для русской исторіи и исторіи русской словесности.

Предсѣдатель В. Б. Антоновичъ оставилъ вниманіе Общества на рефератахъ тифлискаго археологическаго съѣзда, выдававшихся новизною взглядовъ или фактовъ, по отдѣламъ первобытныхъ древностей, христіанскихъ искусствъ и художествъ и исторической географіи¹⁾.

Д. чл. В. С. Иконниковъ, въ особомъ засѣданіи, посвященномъ памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, прочелъ рѣчь объ успѣхахъ историко-филологическихъ наукъ въ его царствованіе.

Покойный предсѣдатель А. А. Котляревскій въ особыхъ рѣчахъ указалъ на заслуги въ русской литературѣ и наукѣ скончавшихся предъ тѣмъ писателей и ученыхъ: О. Б. Миллера, А. О. Писемскаго, О. М. Достоевскаго, проф. Колосова и Лешкова. Научная и литературная дѣятельность самого Котляревскаго была помянута въ обществѣ секретаремъ, а д. чл. А. В. Стороженко предложилъ собранію воспоминаніе о дѣятельности А. А. Котляревскаго, какъ профессора славяновѣдѣнія въ университетѣ св. Владимира.

Сообщались по временамъ извѣстія объ археологическихъ находкахъ.

Такова была дѣятельность Общества Пестора въ истекшемъ году.

Главная задача Общества—поддержаніе взаимнаго научнаго общенія лицъ, заботящихся объ успѣхахъ исторической науки, и разработка вопросовъ, выдвигаемыхъ ею. Общество наше сдѣлало, что могло, въ предѣлахъ имѣющихся у него средствъ. Оно объединило мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ историческаго изслѣдованія.

¹⁾ Содержаніе доклада г. Антоновича изложено нами въ №№ 105 и 106 «Труда» 1881 г.

Многія работы членовъ были предназначены именно для Общества, а не являлись лишь случайнымъ вѣладомъ. Многія сообщенія вызвали весьма оживленный обмѣнъ мыслей со стороны присутствовавшихъ членовъ и иной разъ весьма обстоятельныя дополнителныя замѣчанія.

Къ сожалѣнію, Общество не могло разширить своей дѣятельности научными предпріятіями, какъ-то: научными экскурсіями, раскопками, изданіемъ памятниковъ, историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ¹⁾ являлся въ этомъ случаѣ помѣхой.

Но Общество можетъ утѣшаться вниманіемъ, какое встрѣчаютъ его труды въ просвѣщенной публикѣ. Одной изъ задачъ его является распространеніе интереса къ изученію старины, въ широкомъ смыслѣ слова. Русская историческая наука можетъ быть силою, объединяющею общество: она равно дорога и равно интересна для всѣхъ. По словамъ нашего знаменитаго историка, исторія есть народное самопознаніе. Развитіе въ возможно большей степени такого самопознанія составляетъ конечную цѣль нашей науки и первое условіе процвѣтанія народной жизни. Если Общество наше поддерживаетъ, хотя-бы и въ скромныхъ размѣрахъ, интересъ къ отечественной исторіи и любовь къ родной старинѣ, то оно трудится не безслѣдно.

НЕОСУЩЕСТВИВШИЙСЯ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ НОВГОРОДЪ-СЪВЕРСКЪ.

(Два письма о немъ 1802—1803 г.)²⁾

Помѣщаемыя здѣсь два письма по предмету учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскъ получены нами отъ одного изъ родственниковъ Ивана Ивановича Халанскаго, бывшаго сначала директоромъ новгородсѣверскаго училища, которое существо-

¹⁾ Въ настоящее время въ кассѣ общества состоитъ 419 р. 72 коп.

²⁾ Письма эти съ необходимыми къ нимъ поясненіями обязательно сообщены намъ Н. В. Шугуровымъ.

вало въ этомъ городѣ до учрежденїя гимназїи, а потомъ съ образованїемъ гимназїи — первымъ директоромъ новгородсверской гимназїи. При этомъ первое письмо есть подлинникъ, подписанный бывшимъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ кн. Куракинѣмъ и полученный отъ него Халанскимъ, а второе — исправленная Халанскимъ и подписанная имъ копія, которую Халанскій оставилъ у себя, отославъ подлинникъ письма по принадлежности кн. Куракину. Какой дальнѣйшїй ходъ имѣла мысль объ учрежденїи университета въ Новгородсверскѣ, намъ неизвѣстно.

Едва-ли впрочемъ и могла имѣть большой ходъ эта странная мысль — учредить университетъ въ глухомъ городкѣ, бывшемъ губернскимъ безъ году недѣлю и лежавшемъ не вдалекѣ отъ Кіева, предназначеннаго для той-же цѣли высшимъ правительствомъ. Не сама эта мысль имѣетъ какое-либо значенїе въ исторїи мѣстнаго просвѣщенїя, но то развитїе, какое давали ей два почтенные мужа того времени, печаловавшїеся по самой должности своей о нуждахъ народнаго образованїя, одинъ — высшїй администраторъ, другой — популярный въ свое время и въ своемъ мѣстѣ педагогъ. Оба они очень заняты мыслью объ университетѣ; но ни одного изъ нихъ не озабочиваетъ вопросъ, для кого нуженъ проектируемый университетъ и откуда онъ могъ получать необходимый контингентъ питомцевъ. Въ обоихъ письмахъ ни слова о томъ, для какого района онъ предназначается, какъ велико пространство этого послѣдняго, его населенїе, каково положенїе въ немъ средняго и низшаго образованїя, какое число среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенїи и учащагося въ нихъ юношества, чѣмъ вызывается и вызывается-ли потребность въ высшемъ образованїи для данной мѣстности, и пр. и пр. По тогдашнимъ социальнымъ условїямъ и возрѣвїямъ не могло быть и рѣчи о потребностяхъ и благѣ всего населенїя, — имѣлись въ виду лишь классы привилегированные; но насъ поражаетъ эта легкость, съ какою смотрятъ эти прожекторы на дѣло такой великой важности, какъ университетъ. Кн. Куракинъ желаетъ „проектъ полныхъ“, но мѣру ихъ полноты едва-ли и самъ могъ-бы опредѣлить; директоръ Халанскій брался за вопросъ: „о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванїя“ и пр., во потомъ самъ „обуялъ свою мысль“, т. е. нашелъ ее пустою и не его касающеюся. Все сводится за тѣмъ на вопросы о средствахъ содержанїя и устройства помѣщенїя для университета. И

посмотрите, съ какииъ усердіемъ „состарѣвшійся“ педагогъ, вооружившись чувствами благочестія и вѣрнопопданства, силится подвести своего патрона подъ монастырь новгородъ-сѣверскій, съ цѣлію овладѣть его имуществомъ для осуществленія излюбленной мысли, и игнорируя даже архимандрита „со словесностію“⁴. Интересно и то, что многорѣчивый педагогъ въ пользу учрежденія университета въ Новгородъ-Сѣверскъ не представилъ ничего, кромѣ свѣжаго воздуха и большой церкви.

I. Письмо малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Куракина къ директору новгородъсѣверскаго училища Халанскому.

Милостивый государь мой, Иванъ Ивановичъ.

Относительно устройства предполагаемаго вами университета въ Новгородѣ - Сѣверскомъ, при изясненіи вамъ искренней признательности, о дѣлѣ толико споспѣшествующемъ благу общему, покорно васъ, милостивый государь мой, прошу принять на себя трудъ, сочинивъ полные проекты, съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе его издержекъ, и съ нужными постановленіемъ въ немъ порядка, доставить ко мнѣ для дальнѣйшаго заключенія о средствахъ сіе намѣреніе исполнить. Между тѣмъ почитаю нужнымъ васъ увѣдомить, что плановъ и фасадовъ, снятыхъ вами съ домовъ Осипа Степановича¹⁾, я не получаю.

Есмь впротчемъ съ истиннымъ почтеніемъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорный слуга кн. Алексѣй Куракинъ.

№ 3358. Полтава. Декабря 5 дня 1802 года.

II. Письмо Халанскаго къ кн. Ал. Б. Куракину.

(по титулу слѣдующее):

Представляя о сообщеніи мнѣнія вашего сіятельства графу Петру Васильевичу, г. министру народнаго просвѣщенія, чтобы учредить въ Новгородѣ - Сѣверскѣ университетъ, по случаю Высочайше даннаго указа правительствующему сенату въ 8-й день сен-

¹⁾ Вѣроятно—Судіенка. Н. III.

тября прошлаго 1802 года ¹⁾, докладывавъ я вашему сіятельству объ одномъ только, извѣстномъ мнѣ съ лишкомъ черезъ 14 лѣтъ моего служенія директоромъ, что положеніе сего города здоровое, выгоды хозяйственныя не нужны, а сверхъ сего и паче всего то преимущество, что по немногочисленному сему городу ни что не будетъ отвлекать учащихся и учащихся отъ упражненія въ наукахъ, кои безъ сумнѣнія доставятъ просвѣщенныхъ гражданъ для всѣхъ родовъ службы и должностей общественныхъ. Ваше сіятельство, милостиво сіе одобривши, яко дѣло споспѣшествующее общему благу, изволили приказать мнѣ, сочинивъ полныя проэты съ расположеніемъ всѣхъ потребныхъ на содержаніе издержекъ и съ нужнымъ постановленіемъ въ немъ порядка, доставить къ вашему сіятельству, для дальнѣйшаго заключенія сіе памѣреніе исполнить. Вслѣдствіе чего я, какъ состарѣвшійся съ нетерпѣливымъ желаніемъ учрежденія университетовъ, дѣлалъ всѣ мои соображенія, дабы написать положеніе о наукахъ, языкахъ и о искусствахъ, о способѣ преподаванія, о времени окончанія ученія, объ испытаніяхъ и о другихъ необходимостяхъ: но прочитавши Высочайшій указъ правительствующему сенату, данный 24-го генваря сего года и при ономъ предварительныя правила народнаго просвѣщенія ²⁾, обуялъ я мою мысль; а посему и имѣю честь представить объ одномъ только выгоднѣйшемъ зданіи, яко первѣйшей и немаловажной по-

¹⁾ 8 сентября 1802 г. послѣдовалъ указъ сенату объ учрежденіи министерствъ (Собр. зак., т. XXVII, № 20. 406).

²⁾ 24 января 1803 г. былъ данъ указъ сенату объ учрежденіи учебныхъ заведеній, съ назначеніемъ для каждаго губерній (Собр. зак. т. XXVII, № 20598), а 26 того-же января послѣдовалъ указъ объ устройствѣ училищъ, который вѣроятно разумѣлъ Халанскій, сдѣлавъ ошибку въ обозначеніи числа. Указомъ этимъ утверждались «предварительныя правила народнаго просвѣщенія», которыя приложены къ указу. Этими правилами опредѣляются четыре рода училищъ «для нравственнаго образованія гражданъ, соответственно обязанности и пользѣмъ каждаго состоянія»: 1) училища приходскія (которыя должны были существовать въ каждомъ церковномъ приходѣ, или по крайней мѣрѣ одно на два прихода), 2) уѣздныя, 3) губерскія, или гимназіи и 4) университеты. Для университетовъ, кромѣ существовавшихъ въ Москвѣ, Вильно и Дерптѣ, и учреждавшихся въ С.-Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, предназначались города: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ Великій и «другіе, по мѣрѣ способовъ, какіе найдены будутъ къ тому удобнѣй» (Собр. зак., т. XXVII, № 20597).

требности, могущей быть удобнымъ способомъ къ учрежденію университета въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Для надлежащаго и выгоднаго помѣщенія университета потребно зданіе пространное, выгодное и прочное, на сіе нужна великая сумма денегъ, но время на построеніе онаго, на приуготовленіе его такъ, чтобы оно могло быть для живущихъ въ немъ безвредно, болѣе всякой неисчетной суммы; а потому для сохраненія драгоцѣннаго времени докладываю, какъ вѣрноподанный моего государя императора, слѣдующее: благочестивые люди, отдавая монастырямъ свое богатство, хотѣли безъ сомнѣнія, чтобы оно было употреблено на благодѣтельныя заведенія. Великая Екатерина, зная, что строгій монашескій чинъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ земныхъ попеченій, столь несообразныхъ съ его святостію, совершила намѣреніе Петра Великаго, отдавъ монастырскія деревни подъ начальство свѣтское, опредѣливъ достаточныя суммы для всѣхъ потребностей духовенства и для благолѣпія церквей, а прочіе доходы повелѣла употребить на успокоеніе престарѣлыхъ воиновъ и на содержаніе духовныхъ училищъ. Такимъ образомъ исполнилось съ одной стороны желаніе благочестивыхъ людей: но какъ учрежденіе университетовъ было и есть благочестивыхъ людей желаніе, то съ благоговѣніемъ почитая Высочайшее соблагонизволеніе, чтобы учредить тамъ университеты, гдѣ оныхъ еще нѣтъ, осмѣливаюсь для споспѣшествованія исполненію намѣреній правительства народнаго просвѣщенія мыслить, что можно испросить Высочайшую волю, дабы занять на университетъ находящійся въ Новгородѣ-Сѣверскѣ спасо-преображенскій монастырь, обращенный, за упраздненіемъ новгородско-сѣверской губерніи и бывшаго въ немъ дому архіерейскаго, въ первоклассный. Положеніе сего монастыря на горѣ, при портовой рѣкѣ Деснѣ, самое здоровое; а что потребитѣ, какъ воспитывать сыновъ отечества въ здоровыхъ мѣстахъ, не отдавая ихъ отъ мѣстъ своего рожденія, и жить имъ въ такихъ зданіяхъ, которыя многими лѣтами осушены? Монастырь, мною указываемый, довольно вашему сіятельству извѣстенъ, какъ равно и то, что онъ окруженъ садами, имѣетъ каменную ограду, внутри которой великолѣпный храмъ, Великою Екатериною созданный, но онъ отдѣланъ только вчернѣ, цѣною съ липнимъ семьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ да осчастливятся питомцы новгородско-сѣверскаго университета воспитать по достоянію вѣчную па-

мять въ Бозѣ почивающей Великой Екатерины, основательницы народнаго просвѣщенія, и вкупѣ да проліють теплыя свои молитвы ко Господу о продолженіи благоденственной жизни нынѣ царствующаго нашего государя императора, пекущагося о усовершенствованіи ихъ просвѣщенія, содѣлывающаго родителей ихъ благополучнѣйшими. Сверхъ сего великолѣпнѣйшаго храма имѣются еще двѣ каменные теплыя церкви, пачальничій домъ о двухъ этажахъ прегромный, каменныхъ тоже, не включая деревянныхъ флигелей, много, въ которыхъ жилали монахи великимъ числомъ и не тѣсно, да особо каменное-же строеніе о двухъ этажахъ, которое было занимаемо духовною семинаріею, состоявшею изъ 8-ми классовъ, въ немаломъ числѣ учениковъ; но теперь, сіятельнѣйшій князь, во всемъ этомъ обширномъ устроеніи великаго числа зданій, вѣками устроенныхъ, дерзая сказать, живетъ только одинъ архимандритъ, мужъ виротчемъ со словесностію, и съ нимъ монаховъ съ небольшимъ десять, которые весьма удобно могутъ быть перемѣщены съ ихъ достояніемъ въ рыхловскій пустынно-Николаевскій монастырь, также великимъ иждивеніемъ воздвигнутый; положеніе его не далѣе 50-ти верстъ отъ Новгорода - Сѣверска среди лѣсу, ему-же принадлежащаго, садовъ и при всѣхъ выгодахъ для пустынножительствовающихъ. Коллежскій совѣтникъ Иванъ Халанскій.

Марта числа 1803 года. Новгородъ-Сѣверскій.

ДРЕВНІЙ СПОСОБЪ ПУБЛИКАЦІИ.

Часто возникающая, какъ для властей, такъ и для частныхъ лицъ, необходимость доводить о чемъ-либо до всеобщаго свѣдѣнія должна была издревле вызвать установленіе обычаемъ извѣстныхъ правилъ и формальностей для всенароднаго объявленія. Такою формальностью оказывается въ древней Руси „заповѣданіе“ или „закликаніе“, т. е. провозглашеніе, которое должно было происходить въ мѣстѣ наибольшаго скопленія народа, именно „на торгу“. Обычай этотъ, съ характеромъ обязательно-юридическимъ, былъ настолько общеизвѣстенъ еще въ XI в., что „Русская Правда“ находитъ излишнимъ дѣлать о немъ какія-либо поясненія, а упоминаетъ только мимоходомъ, какъ объ общепринятой предварительной формальности въ нѣко-

торыхъ случаяхъ. Этимъ способомъ публиковалось о потеряхъ: „Аще кто коя погубить, или оружіе, или портно (одежу), а *заповѣдаетъ на торгу*, а послѣди познаеть въ своемъ градѣ, свое ему лицемъ взяти“¹⁾; такъ-же объявляли и о бѣгломъ рабѣ: „Оже челядинъ крывается, а *закличють ѿ съ торгу*“²⁾, а за три дни не выведуть его, а познають ѿ въ третій день, то свой челядинъ пояти“.

Тотъ-же самый обычай упоминается позднѣе, въ литовскихъ статутахъ, но также безъ всякихъ поясненій. Здѣсь публичное объявленіе называется „заказомъ“ или „заповѣдью“. Въ статутѣ 1529 года, разд. XI, арт. 10, сказано: „Если-бы отъ кого челядинъ втекъ, мужикъ або жонка невольная, а который-бы, ведаючи *черезъ заказъ або заповѣдь*, илѣ то чужая челядь бежитъ, вказалъ имъ дорогу, або хлеба далъ, або ихъ въ себе переховалъ,... тогда маеть тому, чья челядь, платити“. Статутъ 1566 года, повторяя то же правило (разд. XII, артик. 10), дополняетъ его (разд. XIII, арт. 5) особымъ постановленіемъ: „Яко челядь невольная *втекая* маеть быти *заповѣдана*“, гдѣ, между прочимъ, указано и мѣсто для такихъ публикацій: „Если-бы кто чю челядь въ себе ховалъ, а тотъ по колко кротъ заповѣди (чинилъ) и *по торгу закликалъ*, оповѣдаючи се“ и т. д. Такое-же постановленіе о заклинаніи на торгу находимъ и въ послѣднемъ статутѣ 1588 года, въ разд. XII, арт. 17. Такимъ образомъ мы видимъ, что статуты удерживали въ силѣ постановленія „Русской Правды“, но только по одному предмету публикацій, именно о бѣглыхъ невольникахъ. Извѣстно однако по памятникамъ, что тотъ-же способъ объявленія употреблялся и въ другихъ случаяхъ, напр. при основаніи слободъ, причемъ „закликали волю“. Такъ, при основаніи слободы на опустѣвшемъ въ XVI вѣкѣ Старомъ Кіевѣ, бывший тогда воеводою кн. Константинъ Острожскій „казалъ волю обволати именемъ его королевское милости на леть двадцать и чотири, до того столпъ поставити на месте горнемъ Кіевскомъ около церкви святого Софѣя (sic)³⁾“. Преданія

¹⁾ Карамз. Списокъ, ст. 29.

²⁾ Тамже, ст. 27. По изданію 1799 г. подчеркнутая фраза правильнѣе: «а закличеть на торгу» (стр. 35).—Ср. Карамзина Ист. Гос. Рос. (по изд. Эйнерлинга), т. II, стр. 31.

³⁾ Актовая книга кіев. центр. архива № 8, листъ 206 на оборотѣ.

о такомъ способѣ объявленія объ основаніи слободъ въ XVIII вѣкѣ сохранялись еще недавно, и на основаніи ихъ г. Кулишъ говоритъ: „Обыкновенно осадчіе кликали кличъ въ разныхъ сборныхъ пунктахъ,—на *ярмаркахъ*, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ празднигахъ,—и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смѣляничины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что кто придетъ къ нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, а за такого будетъ стоять“).

Мало по малу, обычай объявленій „на торгахъ“ исчезаетъ изъ законодательства, по крайней мѣрѣ такое объявленіе, сдѣланное частнымъ лицомъ, теряетъ свою обязательно-юридическую силу. Уже въ „Сводѣ правъ, по которымъ судился малороссійскій народъ“, хотя упоминаются „публикаціи“ о бѣглыхъ крѣпостныхъ (гл. XXVII, арт. 21, § 3), но публикаціи эти должны были совершаться черезъ посредство суда: „если-бы чии люди невольные бѣжали, а тотъ, отъ кого ушли, *въ судъ* объявилъ о нихъ для публикованія“; „кто же чинхъ бѣглыхъ людей и невольныхъ, *вѣдая* объ нихъ *съ суда публикацію*, поймавъ задержать“ (тамъ-же, арт. 20, § 1 и 2). Но въ практикѣ неофициальной, въ области права обычнаго, закликаніе или, по позднѣйшей терминологіи, *выкликаніе* на *ярмаркахъ*, какъ способъ публикаціи, удерживалось до самаго послѣдняго времени, а можетъ быть мѣстами сохранилось еще и теперь. Считаю полезнымъ привести упоминающій объ этомъ обычай народный рассказъ, записанный мною въ с. Красномъ Кутѣ уманскаго уѣзда, интересный еще и по выраженному въ немъ взгляду на „справедливый“ дѣлежъ находки.—Шли по дорогѣ мужикъ и беременная женщина, и нашли деньги: панъ потерялъ „велику силу“ денегъ. Спустились въ ровъ и стали дѣлиться. Мужикъ разложилъ деньги на три кучки и говорить: „бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна часть: можетъ мнѣ будетъ на счастье, можетъ тебѣ, а можетъ тому, что въ тебѣ,—такъ бери себѣ двѣ части, а мнѣ одна“. Пришли они „на *ярмарокъ*“, а тамъ паны *выкликають* (т. е. о потерѣ),—они и хотѣли сказать о находкѣ. Но слетѣлъ ангелъ съ неба и говорить: „Мол-

1) Записки о южной Руси, т. I, стр. 85.

чите! Я и самъ сказалъ бы, да потому молчу, что по правдѣ передѣлились“.

Объявленія посредствомъ „вызыванія“ на ярмаркахъ производились по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Я лично помню, какъ лѣтъ 25—30 назадъ этимъ способомъ, въ центральной части кievской губерніи, помѣщики созывали рабочихъ для уборки хлѣба, если пространство засѣянныхъ „лановъ“ превышало силы наличныхъ крѣпостныхъ имѣнія. При этомъ обыкновенно объявлялось, „за какой снопъ“ сдается уборка,—дешежная плата тогда вовсе еще не была въ ходу. Такой способъ вознагражденія за жатву употребляется мѣстами еще и теперь, только норма вознагражденія сильно понизилась: вмѣсто обычнаго прежде пятого, шестого, а при хорошемъ урожаѣ четвертаго и иногда даже третьяго снопа, теперь считается хорошимъ вознагражденіемъ восьмой и девятый, а иногда плата за жатву падаетъ до $\frac{1}{12}$ и $\frac{1}{13}$ собраннаго.

Приведенныя нами свидѣтельства памятниковъ не содержатъ никакихъ указаній на самую процедуру закликанія. По недавнему обычаю происходило оно такъ: объявляющій о чемъ нибудь становился на возу, снималъ шапку и, вертя ее на рукѣ или на пальцѣ надъ головой, громкимъ голосомъ троекратно произносилъ особую призывную формулу, съ цѣлью обратить на себя вниманіе „ярмаркующаго“ народа, а потомъ уже сообщалъ сущность дѣла. Такая формула, хотя въ очень краткомъ видѣ, напечатана въ сборникѣ малорусскихъ пословицъ и поговорокъ М. Г. Симонова (Номиса, стр. 119 № 6124): „Эй миряне, шевці—кравці, крамарі—паларі, сходіться, сходіться, рады послухати, табаки понюхати!“ Обыкновенно, она была гораздо обширнѣе; привожу ее здѣсь, какъ она была записана Ѳ. Т. Панченкомъ въ кievской губерніи, въ концѣ пятидесятихъ годовъ: „Коноводы, воловоды, люлелники, табашники, пилники, мылники, селяне, городяне, міцане, крамарі, пинкарі, дехтарі, торговці, покупці, шаповалы, коновалы, шевці, кравці, проіжжі, прохожі, домові, ярмаркові, миряне, жида, цыгане,—добрі люди! А сходьтесь, сходьтесь, сходьтесь! Рады послухаете, табаки понюхаете, а я щось скажу!“ Повторяя этотъ призывъ три раза, каждый разъ прибавляютъ. „Отò скажу, отò скажу!“

Существованіе такой формулы, которую удержать въ памяти могъ, конечно, не всякій, наводитъ на мысль, что для закликанія должны были быть своего рода специалисты; они были необходимы, когда объявленіе приходилось дѣлать женщинѣ или вообще лицу, необладающему зычнымъ голосомъ и замѣтной фігурою; не рѣдки бывали случаи, когда заинтересованное лицо не находило для себя приличнымъ дѣлать объявленіе непосредственно, напр. если это былъ помѣщикъ, священникъ и т. под. Памятники не даютъ намъ указаній о томъ, кто именно дѣлалъ провозглашенія отъ имени частныхъ лицъ. Власти имѣли для этого особыхъ герольдовъ, „бирючей“. Такъ напримѣръ, въ лѣтописномъ разсказѣ о единоборствѣ въ 993 году русскаго „отрока“ съ печенѣжскимъ богатыремъ на берегахъ Сулы говорится, что Владиміръ, получивъ вызовъ печенѣжскаго князя, „приде въ товары (лагерь), посла бирючи по товаромъ, глаголя: иѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ печенѣжиномъ?“¹⁾ На обязанности бирючей лежало, между прочимъ, и собираніе вѣча; въ новгородской лѣтописи, цитируемой Карамзинымъ²⁾, подъ 1148 годомъ сказано: „Послаша подвойскіе и бирючи..., повелѣ (Изяславъ) звонити вѣче“. Въ статутное время обязанность производства публикацій возлагалась на возныхъ, но публиковали они только постановленія и приговоры судовъ, въ помѣщеніи послѣднихъ. Исключеніе составляли только случаи убійства, о которыхъ возный, по освидѣтельствованіи трупа, публиковалъ *на рынкѣ* и въ другихъ мѣстахъ города. Кто дѣлалъ объявленія о бѣглыхъ невольникахъ, мы не знаемъ. Въ приведенномъ выше преданіи о слободахъ упоминается о какихъ-то *окмичникахъ*. Желательно было бы получить отъ старожиловъ, хорошо помнящихъ ярмарочныя выкликанія, разъясненіе о томъ, кто именно производилъ ихъ, и не составляло-ли такое производство публикацій спеціальнаго занятія, въ видѣ особой профессіи?

Ив. Новицкій.

¹⁾ Полн. собр. лѣтоп., т. I, стр. 53.

²⁾ Т. II, примѣч. 315.

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОТЕСТОВАВШИХЪ.

Съ окончательнымъ уничтоженіемъ гетманства, которое сопровождалось назначеніемъ въ правители Малороссіи гр. Румянцева—въ 1765 году,—прекратила свое существованіе политическая автономія Малороссіи. Дѣло исторіи—безпристрастно оцѣнить, на сколько гетманство соотвѣтствовало своему назначенію, на сколько оно стремилось къ общему благу малороссійскаго народа, на сколько порядки и формы жизни послѣдующей эпохи были для Малороссіи сравнительно лучше, прогрессивнѣе и благодѣтельнѣе. Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ,—остается открытымъ, не смотря на то, что онъ былъ поставленъ къ рѣшенію болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Тогда онъ вызвалъ два противоположныхъ мнѣнія, высказанныхъ П. А. Кулишомъ и покойнымъ Максимовичемъ¹⁾. Пусть этотъ важный историческій вопросъ будетъ снова возбужденъ и поставленъ. Новая постановка можетъ вызвать и новыя рѣшенія, лучше прежнихъ обставленные фактами.

При постановкѣ и рѣшеніи этого важнаго вопроса, нельзя не остановиться на одной любопытной сторонѣ его, которую я и дѣлаю предметомъ настоящей замѣтки. А именно, какъ отнесся малороссійскій народъ къ факту уничтоженія гетманства: привяль-ли онъ радостно этотъ фактъ, или-же покорился ему, какъ печальной необходимости; были-ли протесты противъ уничтоженія гетманства и заявленія о необходимости его возстановленія; если были протесты и заявленія, то изъ какой среды они шли? Относительно этой стороны мы, къ сожалѣнію, также мало, или, точнѣе сказать, почти ничего не знаемъ, хотя и можно было-бы освѣтить ее нѣсколько при посредствѣ матеріала, скрывающагося въ нашихъ архивахъ.

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь предисловіе П. А. Кулиша къ Запискѣ члена малороссійской коллегіи Теплова » о неурядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновѣній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи«. (См. Записки о южной Руси, Кулиша, т. 2-й, стр. 169) и отвѣтъ Максимовича въ статьѣ » О Григоріѣ Николаевичѣ Тепловѣ и его Запискѣ о неурядкахъ въ Малороссіи«, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ за 1858 г. Кн. IV, стр. 61; перепеч. въ сочиненіяхъ Максимовича, т. 1, стр. 545—564.

Черезъ полтора года послѣ уничтоженія гетманства представился, такъ сказать, легальный поводъ всѣмъ малороссійскимъ сословіямъ, за исключеніемъ крестьянъ, высказаться въ пользу или противъ недавно уничтоженной формы управленія малороссійскимъ краемъ. Мы говоримъ о призывѣ въ началѣ 1767 года представителей отъ дворянства, горожанъ и козаковъ для участія въ выборѣ депутатовъ въ надѣлавшую столько шуму „комисію для сочиненія проекта новаго уложенія“ и для составленія наказовъ депутатамъ, въ которыхъ требовалось заявить о нуждахъ и недостаткахъ какъ отдѣльныхъ сословій, такъ и всего общества. Какъ-же высказались представители разныхъ сословій Малороссіи въ своихъ наказахъ по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь?

„Всѣ почти шляхетскіе указы начинаются обращеніемъ ко временамъ присоединенія Малой Россіи къ державѣ русскихъ государей и просятъ подтвержденія старинныхъ правъ и привилегій, удержанныхъ малороссійскимъ краемъ по переяславскому договору“¹⁾. Но эти просьбы выражались въ черезъ-чуръ общихъ фразахъ, въ родѣ слѣдующихъ: „всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянуть былъ и край малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся дѣлъ, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ“²⁾. Надо думать, что, говоря о подтвержденіи договорныхъ пунктовъ, малороссійское шляхетство вмѣстѣ съ тѣмъ подразумѣвало и возстановленіе гетманскаго достоинства, безъ возстановленія котораго было немислимо выполненіе пунктовъ. Только, кажется, одно нѣжинское шляхетство прямо рѣшилось просить объ избраніи гетмана. Но, какъ извѣстно, за эту рѣшимость многіе были арестованы и преданы суду. Замѣчательно, что сами-же паны выдавали начальству участникомъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, наприм., когда въ деревню къ отставному генеральному подскарбію Якову Марковичу явился, съ цѣлью укрыться отъ преслѣдованія, тулигуловскій сотникъ Щигловскій, замѣняемый въ этой исторіи, то Марковичъ, какъ самъ пишетъ въ своихъ запискахъ, „представилъ его при старостѣ въ коллегію съ доношеніемъ моимъ“³⁾.

¹⁾ > Малороссія въ 1767 году». В. Авсеенко. Кіевъ. 1864 г. стр. 36.

²⁾ Тамъ-же, стр. 37.

³⁾ Дневныя записки Якова Марковича М. 1859 г., ч. 2-я, стр. 410.

Городскія сословія не дѣлали даже и такихъ скромныхъ заявленій, какъ шляхетство; однако и тамъ находились отдѣльныя лица, которые не видѣли ничего хорошаго въ предпріятіи правительства и враждебно высказывались противъ его начинаній, считая ихъ пустымъ пововеденіемъ. Такъ, въ г. Цогарѣ войтъ Панасъ уговаривалъ жителей „новины не слушать и къ оной не склоняться и не смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, говоря, что новинѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться,—новина-де того, что въ старину сдѣлано, не точію поправить, но и сдержать не можетъ“¹⁾. Но вотъ козаки прилуцкаго полка не убоались въ своемъ наказѣ прямо заявить себя сторонниками гетманскаго правленія: „въ Малой Россіи, говорятъ они, первый недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у ея императорскаго величества, дабы повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетмана вольными голосами“²⁾. Какой отвѣтственности были подвергнуты прилуцкіе козаки за это заявленіе—неизвѣстно. Недовольство отмѣнной гетманства и мысль о восстановленіи гетманскаго званія продолжали проявляться между козаками и въ послѣдующіе годы, какъ показываетъ приводимый ниже эпизодъ³⁾.

Въ половинѣ прошлаго вѣка, въ выбельской сотнѣ⁴⁾, черниговскаго полку, былъ сотеннымъ асауломъ нѣкто Матвѣй Новикъ. По происхожденію онъ принадлежалъ къ выборнымъ козакамъ своей сотни, исправлялъ должность куреннаго атамана. Въ сотенные асаулы онъ попалъ въ награду за долговременную службу и за „сгодность“. Болѣе двадцати лѣтъ исполнялъ онъ „добропорядочно“ свои обязанности по асаульству. Наконецъ за старостью и калѣцтвомъ попросился въ отставку. Отставка была дава Новіку въ мартѣ 1768 года; а въ іюлѣ того-же года случилось съ старикомъ неожиданное приключеніе, которое окончилось для него очень печально, хотя могло кончиться и еще печальнѣе.

¹⁾ Малороссія въ 1767 году, стр. 22.

²⁾ Тамъ-же, стр. 129.

³⁾ Эпизодъ изложень по дѣлу, производившемуся въ малороссійской коллегіи въ 1768 г.

⁴⁾ Село Выбли близъ Чернигова, по дорогѣ на Швабъ.

1 iюля утромъ Матвѣй Новикъ пришелъ на домъ къ выбельскому священнику Савичу и просилъ, чтобъ онъ дозволялъ школярамъ зачитать ему псалмы. Для пѣнiя позвалъ въ домъ священника дьячка и „великороссiйскаго“ подлекаря Чепелева, который жилъ въ школѣ и былъ нанятъ другимъ дьячкомъ дьячковать вмѣсто него. Прочѣли одну псалму. Матвѣй Новикъ пригласилъ священника и подлѣкаря Чепелева въ шинокъ госпожи Полуботчихи. Пришли, выпили по чаркѣ, а вѣроятно, и не по одной. Новикъ, какъ человѣкъ бывалый, заводитъ рѣчь о своихъ старыхъ походахъ. Какъ-то дѣло доходить и до Малороссiи. Подвыпившiй старикъ держитъ рѣчь въ такомъ родѣ.

— Липнiлась Малороссiя своей прежней вольности, и запорожцы немало утѣшены! А когда господинъ Скуропадскiй будетъ гетманомъ¹⁾, но прежней вольности восстановлено не будетъ, то малороссiйскiе козаки съ запорожцами—а можетъ быть призовутъ въ помощь и татаръ—ударятъ на москалей, при чемъ съ перваго Румянцева голову снимутъ.

— А гдѣ-же запорожцы и малороссiйскiе козаки возьмутъ людей на уронъ?“—спросилъ хитрый подлекарь, который насторожилъ уши на эти рѣчи, и хотѣлъ повывѣдать что-нибудь и еще.

— Уронъ гдѣ взять—умѣютъ,—отвѣчалъ асаулъ.

Священникъ ничего не говорилъ, но слушалъ. Вышли изъ шинка. Чепелевъ пошелъ со священникомъ къ нему въ домъ. Онъ уже рѣшилъ воспользоваться пьяной откровенностью отставнаго асаула; но чтобъ воспользоваться ею, необходимо было втянуть въ дѣло священника. Ничего не могло выйти, если-бы священникъ,—единственный свидѣтель, вздумалъ отречься отъ того, что онъ слышалъ.

— А какъ вы думаете, и въ правду не можетъ-ли сдѣлаться это великое дѣло?“—начинаетъ свой подходъ къ священнику подлекарь.

— Какъ знать!—простодушно отвѣчаетъ священникъ: можетъ быть, и подлинно сiе произойдетъ! Малороссiяне и запорожцы давно вели-

¹⁾ Мы не знаемъ, котораго изъ двухъ Скоропадскихъ, народная молва прочла въ гетманы: генеральнаго-ли асаула Ивана Михайловича, который былъ избранъ депутатомъ въ Москву, въ комисiю для сочиненiя проекта новаго уложенiя, или Якова, генеральнаго бунчужнаго. Вѣроятно, перваго.

кое притѣсненіе терпятъ; а при томъ-же запорожцы ни откуда икуда, какъ болѣе изъ людей малороссійскихъ, и какъ ихъ, запорожцевъ, дѣды, батьки и братья, такъ бабы, матки и вся родня состоятъ въ Малой Россіи.

Изъ этихъ рѣчей подлекаръ Чепелевъ могъ понять, что священникъ неохотно вступилъ-бы въ роль свидѣтеля противъ Новика. Надо было его къ тому принудить. Чепелевъ наединѣ разсказалъ о рѣчахъ, которыя онъ слышалъ отъ асаула, другому дьячку и сообщилъ ему, что онъ хочетъ донести объ этомъ куда слѣдуетъ. Дьячекъ передалъ все священнику. Священникъ, видя, что дѣло получаетъ огласку, и укрывательство можетъ повлечь и для него крайне невыгодныя послѣдствія, сказалъ, что и онъ тѣ рѣчи Новика слышалъ.

Узелъ былъ завязанъ... За подлекарскимъ доносомъ тотчасъ-же воспослѣдовало соотвѣтствующее распоряженіе, и прикосновенные къ дѣлу были забраны и доставлены въ Глуховъ въ малороссійскую коллегію.

Показанія Чепелева бросали сильную тѣнь и на священника Савича. Поэтому священникъ, по видимому человекъ крайне робкій, заботился только о томъ, чтобы выгородить себя, обнаруживая полную готовность выдать Новика съ руками и ногами. Онъ подтверждалъ всѣ подлекарскія показанія и чтобы выставить рельефнѣе свою благонамѣренность, сдѣлалъ на Новика добавочный доносъ. Суть этого доноса заключалась въ слѣдующемъ. Когда асаула и священника везли вмѣстѣ въ Глуховъ, Новикъ напелъ какъ-то случай, во время перемѣны лошадей, говорить съ священникомъ. Новикъ просилъ священника „не осиротить дѣтей“ и ничего противъ его, Новика, не показывать,—при этомъ онъ говорилъ, что самъ будетъ заператься во всемъ, если даже будутъ приводить къ присягѣ.

И дѣйствительно, асаулъ Новикъ запирался во всемъ. Старый воробей, умудреннѣйшій своимъ многолѣтнимъ должностнымъ опытомъ, онъ не могъ не знать всей цѣны прекрасной формулы: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Но послѣ нѣсколькихъ допросовъ и увѣщаній, онъ наконецъ сознался во всемъ, оправдываясь тѣмъ, что былъ пьянъ. Онъ показалъ, что одна женщина, возвратившись въ Выбли изъ Глухова, разсказывала о томъ, какъ въ Глуховѣ народъ ожидаетъ пріѣзда господина Скоропадскаго, который пріѣдетъ гет-

маномъ). Все это женщина рассказывала публично, въ присутствіи многихъ людей, въ числѣ которыхъ былъ и онъ, Новикъ. Всего-же остального о запорожцахъ и о прочемъ онъ ни отъ кого не слыхалъ, а вымыслилъ все это самъ съ пьяна.

Дѣло это повергалось на Высочайшее разсмотрѣніе. По разсмотрѣніи послѣдовалъ слѣдующій указъ Екатерины II на имя Румянцева:

Секретно.

Графъ Петръ Александровичъ!

Присланный отъ васъ въ сенатъ отъ 5-го числа августа рапортъ и при томъ подлинное дѣло по доносу подлекаря Гаврилы Чепелева о содержащихся въ Глуховѣ черниговскаго полку сержантъ Вибѣль отставномъ сотѣнномъ асаулѣ Матвѣ Новикѣ, попе Яковѣ Савичѣ, дьячке Никитѣ Андрѣевѣ и казацкой женѣ Палагѣ Толстаго, Мы разсматривали; изъ котораго оказалось, что асаулъ Новикъ говорилъ показанныя по тому дѣлу дерзкіе слова, кои онъ вымыслилъ самъ собою, такъ какъ и самъ онъ наконецъ показалъ, что ни отъ кого никогда и ни гдѣ оныхъ словъ не слыхалъ, теми-жъ вымышленными имъ словами осмѣлился онъ и объ васъ, какъ о своемъ начальникѣ, говорить непристойныя слова, и что онъ-же показаннаго по дѣлу попа, яко свидѣтеля, уговаривалъ и склонялъ, чтобъ при слѣдствіи истинны на него не показывалъ. За которое его преступленіе по законамъ достоинъ онъ Новикъ, яко нарушитель между тамошнимъ народомъ спокойствія, тяжкому осужденію! Но поелику существо сихъ дерзкихъ словъ ничего иного въ себѣ не содержитъ, какъ одно самое пустое, да еще и вымышленное и збыться не могущее вранье, то сего ради отъ тапкаго осужденія его Новика избавляемъ. А чтобъ однако-жъ сіе его вымышленное и дерзкое разглашеніе вовсе безъ наказанія оставлено не было, да и впредь бы онъ и ему подобныя такихъ развращающихъ плевелъ вымышлять и рассказывать, равно и начальниковъ своихъ поносить не осмѣливались, повелѣваемъ за сіе вранье, вымыселъ и ложное сплетеніе учинить ему публичное наказаніе батоги, и послѣ сего изъ подъ караула свободить. Попъ Яковъ Савичъ, слыша отъ

¹⁾ Вѣроятно, народъ ожидалъ возвращенія изъ Москвы Пв. М. Скоропадскаго, находившагося тамъ депутатомъ въ комисію для сочиненія проекта новаго уложенія.

означеннаго асаула объявленныя дерскія слова, объ оныхъ по долгу присяги своей, и такъ какъ человекъ свѣдущій законы, не донестъ! за что и дабы онъ впредь, буде иногда отъ него услышитъ какіе непристойныя и дерскія слова, доносилъ въ свое время безъ наималѣйшаго ущущенія, посадить его подъ началь въ монастырь на двѣ недѣли, и потомъ освободить. Дьячка Никиту Андрѣева, такъ-же и жонку Палагѣю изъ подъ караула освободить: ибо показанные на оную жонку отъ асаула Новика слова сами по себѣ ничего не значать. Показанной-же доносителю подлекаръ Чепелѣвъ за правой его извѣтъ по справедливости заслуживаетъ награжденіе, которое ему вмѣстѣ учинить вы по вашему разсмотрѣнію.

Екатерина.

Сентября 3-го дня.

1768 года.

С.-Петербургъ.

Въ силу настоящаго повелѣнія, Матвѣй Новикъ былъ наказанъ батогами на площади въ городѣ Глуховѣ публично, съ барабаннымъ боемъ, а священникъ Савичъ отправленъ съ нарочнымъ компанейцемъ къ кіевскому митрополиту Арсенію, для исполненія назначеннаго ему наказанія.

П. Ефименно.

ИСКЛЮЧЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ЗА САМОВОЛЬНУЮ ОТЛУЧКУ.

Шевченко, передъ своимъ арестомъ въ 1846 году, состоялъ въ качествѣ рисовальщика при кіевской „Временной Коммисіи для разбора древнихъ актовъ“, издававшей тогда мѣстныя „Древности“, получая въ годъ 150 р. жалованья. Послѣ его ареста, состоялось такое журнальное постановленіе коммисіи:

„1847 марта 1 дня. Временная коммисія для разбора древнихъ актовъ, имѣя въ виду, что сотрудникъ коммисіи Шевченко безъ всякаго согласія коммисіи (sic) отлучился изъ Кіева и по коммисіи не занимается,—опредѣлили: исключить его изъ числа

сотрудниковъ комисіи, съ прекращеніемъ производившагося ему жалованья по 12 руб. 50 коп. серебр. въ мѣсяцъ“.

Подписи: Предсѣдатель К. Писаревъ.—Членъ комисіи В. Чеховскій.—Членъ комисіи Ал. Ставровскій.—Членъ комисіи А. Селинъ.—Дѣлопроизводитель комисіи Н. Иванишевъ.

Сообщилъ Ив. Н.

МѢСТОРОЖДЕНІЕ СЕМЕНА ПАЛІЯ.

Счастливыи случай, при разборѣ склада бумажной рухляди въ мѣстечкѣ Красный Колядинъ (конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи), въ домѣ Николая Николаевича Забѣлы, потомка извѣстнаго нѣжинскаго полковника, навелъ меня на судебный актъ, въ которомъ выясняется стоявшее въ туманѣ мѣсторожденіе столь виднаго въ украинской старинѣ лица, Семена (какъ значителся, по акту, *Филиповича*) Палія.

И теперь вижу предъ собою любителя украинской старины, архіерея черниговскаго, Филарета Гумилевскаго, любимымъ героемъ котораго былъ Семенъ Палій. Сколько онъ трудовъ и поисковъ предпринималъ для уясненія родины Семена Палія! Въ бесѣдахъ со мною высокочтимый трудовникъ и изслѣдователь какими только предположеніями, соображеніями и догадками не задавался по занимавшему его долгое время вопросу! При одномъ свиданіи узнаешь, что „по всѣмъ имѣющимся доводамъ Палій долженъ быть родомъ остерскаго уѣзда, деревни Пуховки“, при другомъ иное. Теряясь въ догадкахъ и предположеніяхъ, съ какимъ-бы восторгомъ встрѣтилъ онъ такой доказательный документъ, какъ приводимый здѣсь отрывокъ изъ судебного процесса—объ *отчистомъ* домѣ—брата Семена Палія, Федора, съ Тимошемъ Шевцемъ. Вотъ подлинныя слова изъ этого документа, не оставляющія болѣе сомнѣнія въ мѣсторожденіи и отчествѣ славнаго украинскаго героя.

„Року тысяча шестсотъ девяностъ четвертого, мѣсяца ноеврія кг дня.

По злеценію его милости, пана Стефана Петровича Забѣлы, полковника нѣжинскаго, на вряде напомъ борзенскомъ, передо мною Та-

расомъ Тарасовичемъ Забѣлю, сотникомъ борзенскимъ, Петру Макаровичу отаману городовомъ, Кирилу Марковичу войту, Савѣ Даниловичу бурмистру. Постановившія очевидно Федоръ Филиповичъ, *его милости, пана Семена Палья, рожной братъ*, сполне зъ Тимошемъ Шевцемъ, *жителю наши борзенскіе*, претендовали намъ о томъ свою праву: ижъ яко будучи они в заводѣ и алтернаціи промежду собою выпъ помененіе Федоръ Филиповичъ з онимъ Тимошемъ о той отчистый ихъ над речкою Соркою столчий....“

По этому поводу позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ вообще о нашихъ письменныхъ памятникахъ, собраніе и сбереженіе которыхъ такъ важно для исторіи южной Россіи.

Большой грѣхъ лежитъ на душѣ тѣхъ, которые не берегутъ рукописныхъ сокровищъ, перѣдко валяющихся въ домашней рухляди, и хранящихъ въ себѣ подъ-часъ такія драгоценныя свѣдѣнія, какихъ не найти въ официальныхъ хранилищахъ. Не въ однихъ казенныхъ, но и частныхъ архивахъ находятся массы документовъ, которые обнимаютъ собою всю внутреннюю минувшую жизнь нашу, свѣдѣнія о которой у насъ такъ бѣдны; топографію, экономическій бытъ, медицину народа, обычаи, обычный судъ, матеріалы для изученія украинскаго слова и проч, и проч. Съ упраздненіемъ старыхъ формъ жизни и вѣдавшихъ ее учреждений, съ введеніемъ въ частности размежеванія—всѣ прежнія дѣла остались не нужными, и должны погибнуть безвозвратно, а съ ними и всѣ свѣдѣнія о внутренней нашей жизни прежняго времени. Опредѣляя многообразное значеніе ихъ для исторіи по тѣмъ выводамъ и соображеніямъ, которыя черпаются изъ прочтенія ихъ, можно бы составить обширную статью. Сколько припосится жертвъ отъ богатыхъ, торговыхъ дѣятелей и прочихъ видныхъ людей на заурядные предметы, уже до-сыта пользующіеся дарами припоменій! Но объ образованіи капитала, о сборѣ пожертвованій на учрежденіе хранилища къ сбереженію историческихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ, въ видахъ самоизученія въ прошедшей жизни, въ жизни нашихъ предковъ, со скорбію сказавши, нѣтъ и почину. Потому съ сердечною радостію примешь вѣсть, въ родѣ заявленной газетно въ прошломъ году, что почтенный цѣлитель старины и изслѣдователь. Гр. А. Милорадовичъ, беретъ на себя половину средствъ для уст-

ройства дома къ помѣщенію документовъ, куда заявляетъ желаніе передать и свои. На такое заявленіе сочувственно отозвался черниговскій городской голова В. М. Хижняковъ. Будемъ ожидать благого начинанія! Мнѣ кажется, что починъ обыкновенной складчины и подписки, прошедшій по всей странѣ, даль-бы соотвѣтственный капиталъ!

Ст. фонъ-Носъ.

ЛЕГЕНДА И ТРИ ПѢСНИ О СЕМЕНѢ ПАЛІѢ.

Приводимая легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ представляютъ намъ въ общихъ, особою фантазіею приукрашенныхъ чертахъ -- и свѣтлый образъ украинскаго рыцаря Семена Палія, вѣрно служившаго своей родинѣ и общему отечеству -- Россіи въ памятный день полтавской битвы, и мрачную тѣнь Мазепы, какъ она отпечатлѣлась въ фантазіи и памяти народной, и взаимныя ихъ отношенія, и Паліеву опалу, и первоначальную близость Мазепы къ царю, и послѣднюю судьбу немногихъ увлеченныхъ имъ козаковъ. Для насъ драгоцѣнны эти общія черты двухъ выдающихся дѣятелей нашей исторіи, сохранившіяся на мѣстѣ бывшаго Запорожья. Любопытно это объясненіе народною фантазіею близости Мазепы къ царю и способа превращенія его въ царскаго отступника. Подъ конецъ 2-й пѣсни хронологическая вѣрность теряется въ памяти народной и она придвигаетъ Палія едва-ли не ко времени Екатерины II и послѣднихъ годовъ Запорожья. *Ред.*

Л Е Г Е Н Д А.

Мазепа якъ народивсь—то ёго хрестивъ Петро Первий. Отъ якъ гуляли хрестини, а тамъ и Семень Палій бувъ, то Семень Палій и каже: гляди, царю, бо сей Мазепа тебе з царства ссадить!— „Що ты кажешь!... озьмить ёго та завезить за Піскове море“! А те Піскове море, Богъ ёго святий знае, де воно вже, а переїхати, кажуть, можно тильки меделянами! ¹⁾).

¹⁾ Порода собакъ. Указаніе на йаду на собакахъ въ мѣстѣ смысла Палія.

Отъ якъ ставъ шведській король підмовлять Мазепу, щобъ той йшовъ Петра Первого воювать, Мазепа й каже: якъ-же я піднімусь на ёго, то вінъ мені хрещений батько? (то, бачь, зна—шо гріхъ). А ты, каже шведській король, піди у церкву, та на царськихъ вратахъ поточи евангелію—будешь ты тоді провлятьтй,—тоді тобі не гріхъ. Мазепа послухавъ тай поточитавъ евангелію; за те-жъ теперъ ёго и звуть проклятымъ.

Отъ якъ зачали підійматись,—той с цієї сторони, а той с тіі, посідають Полтаву. А Петро Первий и жаліється: шо якъ-бы хто одстоявъ Полтаву, то не пожалівъ-бы Богъ знае чоґо.—Ә, кажуть ёму, Семень Палій—вінь може одстояти. Подать ёго сюди!—Такъ вінь, кажуть ёму, за Пісковимъ моремъ, треба меделянами іхать, не вистигне ¹⁾). Виспівайте ²⁾), а я тутъ поки самъ одбиватимусь!—Заразъ метнулись—привозять ёго. А вінъ уже старий та сідий—аж трімтить ³⁾).—А шо, каже, царю, не правда моя?—Отъ сіди, пообідали, Семень Палій и каже: піду я, на ёго військо подивлюсь. Та перекинувсь собакою тай побігъ у ёго лагері. А Мазепа та взявъ до себе джуру ⁴⁾ Семенового; то той джура побачивъ, тай каже: онъ, шось собака біга, то не спроста. А Мазепа каже: адже намъ істи хочется, такъ и ёму, хай біжить!—Отъ якъ Семень Палій все вже розглядивъ, чоґо ёму було треба, побігъ до своїхъ тай хвалитя: трохи було мене джура мій не пізнавъ—та добре, шо я—якъ вчивъ ёго—одного ше слова не сказавъ. Та якъ взявъ стрілу, якъ пустивъ, а вона прямо у борщъ Мазепі.—Ә, тікаймо, каже, бо вже старий собака тутъ!—Військо-жъ лягло, а вони десь, кажуть, ажъ у Турцію подались, та тамъ одинъ одного й порізали!

Сл. Богатая, екатериносл. губ., новомосковск. уѣзда, на р Богатой и Орелі, отъ старика лѣтъ 90.

пѣсня 1-я.

Ой з-за гаю, гаю зеленого
 Та орелъ вилітає,
 От тамъ же проклятьтй Мазепа—
 Та намъ розбиває:
 Шовковими все килимами
 Та столи застеляє,

¹⁾ Не посібеть. ²⁾ Поспівайте. ³⁾ Трясетя, дрожить. ⁴⁾ Слугу, оруженосца.

Та Семена, Семена Палія
 У гостоньки зазивае:
 „Просю ж тебе, Семене Палію,
 Та на бенкетъ до себе“.
 —Ой боюся, проклятый Мазепо,
 Щобъ ты мене не зрадивъ.
 „Ой далєбі, Семене Палію,
 А далєбі не зрадю,
 Ой я тебе, Семене Палію—
 На все добре порадо:
 Ой ти будешь, Семене Палію,
 Королемъ королювати,
 А я буду, Семене Палію,—
 Та царемъ царювати!“
 —„Не достоїнь, проклятый Мазепо,
 Та царемъ царювати,
 Ты достоїнь, проклятый Мазепо,—
 Въ ката въ стовца постояти!“
 Ой садовить та свои гайдуки—
 Тай усе по за стилю,
 А Семена, Семена Палія—
 Тай усе по ослонахъ.
 Ой напувае та свои гайдуки
 Все медомъ солоденькимъ.
 А Семена, Семена Палія—
 Все виномъ зелененькимъ,
 Ой не много та Семенъ Палій,
 А не много випивши,
 А буйною та головочкою—
 На скално схилився.
 Ой як крикне проклятый Мазепа
 Та на свои гайдуки:
 Берить, берить Семена Палія
 Та все стиха підъ руки,
 Ой узявши истиха підъ руки—
 А залийте в кайданы,
 А заливши та у ті кайданы—

Закидайте въ темницю,
 А я жъ хочу з королемъ швецкимъ
 До царя на скалницю!
 Ой змовивъ та Семень Палій
 Та сидячи в темниці:
 Ой брешешъ, брешешъ, проклятый Мазепо,
 Та въ царя на скалниці!

Сл. Богатая, новом. уѣзда. Пѣль тотъ-же дѣдъ, я какъ поясненіе, розказаль
 предъядущее преданіе.

п ѣ с н я 2-я.

Ой пють, тай пють та два козаченьки,
 Вони пють та гуляють,
 Та вони съ собою Семена Палія
 На охоту підмовляють.
 Та поїдьмо, Семене Палію,
 На охоту изъ нами,
 Бо вже не буде, Семене Палію,
 Тобі зрізновьки падь нами.
 Та не вспівъ же та Семель Палій
 Та меду вина напиться,
 Ой поспішився проклятый Мазепа
 До Палія примоститься.
 Ой та беріте, хлопці Харпавці,
 Семена Палія під руки,
 Та забийте Семена Палія—
 Та у кріпкі заліза,
 Ой посадіте Семена Палія—
 Та у темну темницю,
 Та в залізную клітку,
 За залізні двері.
 А як огляділась та наша цариця
 Та не звечера в ранці:
 Ой десь немає Семена Палія
 В моему білому царстві.—
 Ой дай же намъ, та наша цариця,
 Тай двойное жалування—

И шей красну одежу:
Тоді можемъ знати, можемъ розіськати
Тай Семена Палія—
Ой Семена, Семена Палія—
Превеликаго лицаря.

Сл. Старая Водолага, харьк. губ. валковскаго уѣзда.

ПѢСНЯ 3-я.

Ой ты Семене, Семене Палію,
Ти преславный козаче,
За тобою, Семене Палію,
Та вся Україна плаче.
Ой не такъ же тая Україна—
А якъ городъ Полтава,—
Тамъ торгує проклятый Мазепа
А виномъ зелененькимъ,
Та частує Семена Палія
А кубочкомъ повненькимъ.
Баче, баче проклятый Мазепа,
Що Семенъ Палій спився,
Вінъ своєму коню вороному
Та на гривочку схилився.
Ой якъ крикне проклятый Мазепа
Та на своїхъ гайдарівъ:
Беріть его, превражого сына,
Заливайте в кайданы,
Ой заливши ёго у кайданы,
Закидайте в темницю,
А закинувши ёго у темницю
Бийте з руживъ, пістолетівъ,
Щобъ Семена, Семена Палія—
Щобъ на світі було *нѣту*,

Сл. Банная,—противъ Святогорскаго монастыря, харьковск. губ., язюмскаго уѣзда. Записана отъ бабы.

Сообщ. И. Манжура.

ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ 1881 ГОДУ. *)

Это уже 42-й годъ существованія Общества. Къ концу этого года въ составъ Общества, состоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора, входили: 17 почетныхъ членовъ, 4 должностные члена, 82 дѣйствительныхъ и 42 сотрудниковъ и корреспондентовъ,—всего 146 лицъ. Общество имѣло пять засѣданій, на которыхъ предложены были слѣдующіе матеріалы и статьи:

Н. Н. Мурзакевича: 1) Ходатайство французскаго негодіанта А. Антуана въ 1786 году у князя Потемкина-Таврическаго. объ открытіи торговыхъ сношеній г. Херсона съ Марселью; 2) два письма генераль-маіора Мих. Илар. Голенищева-Кутузова 1790 и 1791 годовъ; 3) Аванасій Ѳедоровичъ Колшакъ, новороссійскій колонизаторъ, и 4) Свѣдѣнія о Гавріилѣ Бодони, митрополитѣ—эксархѣ кишиневскомъ.

В. П. Юревича—изъясненія: 1) Воспорской надписи царя Аспурга 301—309 повтійской эры, 5—13 по Р. Хр.; 2) надписи царя Асандра; 3) памятника Алемна, сына Агаеоклова; 4) пяти надписей эллинскихъ и трехъ римскихъ, принадлежащихъ повтоевкинскому городу Томи, и 5) древне-греческой надписи, найденной въ 1881 году въ Херсонесѣ, посвященной Аристону, сыну Артина.

А. П. Чиркова—Описаніе строеній, бывшихъ въ херсонской крѣпости и адмиралтействѣ при состояніи ихъ съ 1806 по 1825 годъ, съ планомъ.

К. Е. Гемшльмана—фотографическіе снимки: 1) древней надписи, посвященной херсонитянину Аристону, сыну Артина, найденной 28 мая отчетнаго года; 2) императора Зинола о построеніи въ древнемъ Херсонѣ бапти въ 512 году по Р. Хр. адмираломъ Диогеномъ.

*) Не установивъ еще непосредственныхъ сношеній для своевременнаго сообщенія ближайшихъ обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣятельности Общества въ области мѣстной исторіи, мы ограничиваемся на этотъ разъ передачею такихъ свѣдѣній по отчету его за минувшій годъ, издаванному отдѣльною брошюрою въ этомъ году въ Одессѣ. Вскорѣ мы представимъ свѣденія по отчетамъ другихъ нашихъ обществъ, дабы имѣть возможно полный очеркъ ученыхъ работъ, сгруппированныхъ въ отдѣльныхъ кружкахъ на прострѣствѣ южной Россіи. Желательно-бы имѣть свѣденія о хранилищахъ южнорусскихъ письменныхъ и другихъ памятниковъ древности; но это дѣло дальнѣйшаго времени. *Ред.*

А. К. Накко—Свѣдѣніе о находкѣ древняго глинянаго сосуда, выкопаннаго въ 1881 году около р. Бендеръ.

Г. П. Алексѣева—копія герба правителя екатеринославскаго намѣстничества Н. И. Синельникова, убитаго подъ Очаковомъ въ 1788 году.

О. Ф. Ретовскаго—Отчетъ о состояніи есодосійскаго музея древностей въ 1880 году.

А. П. Недзельскаго—Заявленіе объ открытіи слѣдовъ древности херсонесскаго водопровода, идущаго къ нынѣшнему монастырю св. Владимира, съ чертежомъ.

П. А. Катильмина—Городъ Кобеляки, полтавской губерніи, нѣкогда числившійся въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ.

Священники І. Пля—Описаніе старинной молдавской церкви XVI в. въ м. Каушанахъ, кишиневской епархіи.

Г. И. Попандопуло—Планъ и фасадъ севастопольскаго путеваго дворца Екатерины II въ 1787 году.

М. П. Паризо—Планъ села свято-троицкаго и землянаго укрѣпленія при р. Бугѣ, насыпаннаго въ 1709 году шведскимъ королемъ Карломъ XII.

В. Н. Цикулenco—Актъ о находкѣ у села Троицкаго, что при устьѣ р. Тилигула, древней ольвійской амфоры съ гончарнымъ клеймомъ.

А. Н. Кудрянцева—Переводъ турецкой измаильской надписи 1209—1791 года.

Большая часть этихъ рефератовъ вошла въ составъ изданнаго въ 1881 году XII тома Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей, гдѣ помѣщено, между прочимъ, „Топографическое описаніе самарскаго николаевскаго монастыря, находящагося екатеринославской губерніи въ двухъ верстахъ отъ города Новомосковска“, Чиркова.

Дѣятельность Общества въ отчетномъ году выразилась также въ археологическихъ изысканіяхъ и сохраненіи мѣстныхъ памятниковъ. Раскопки, произведенныя съ нѣкоторыми перерывами въ Херсонесѣ, доставивъ незначительное количество мѣдныхъ вещицъ и монетъ, увѣнчались весьма важной находкой. По случаю расчистки прямой улицы отъ приморской базилики съ востока на западъ къ новостроенному монастырскому собору, 28 мая открыто на бывшемъ

древнемъ городскомъ водопроводѣ мраморное подножіе статуи, поставленной нѣкогда здѣсь въ честь херсонитянина Аристоня за разнообразныя, оказанныя имъ городу Херсонесу общественныя услуги, исчисленныя въ десяти изсѣченныхъ рельефно на камнѣ оливковыхъ вѣткахъ, по примѣру, существовавшему въ Аѳинахъ. Надпись эта принадлежитъ времени римскаго императора Адриана (132—153 г. по Р. Х.), у котораго Аристонъ, между прочимъ, ходатайствовалъ о восстановленіи въ Херсонесѣ издревле бывшаго въ немъ самоуправленія. Аристоновъ памятникъ есть четвертый письменный мѣстный документъ, послѣ сказаній греческаго географа Страбона (глава 7), непосредственно касающійся города Херсонеса. Кромѣ того, въ находящемся неподалеку отъ херсонскаго монастыря виноградникѣ севастопольскаго жителя случайно открыты слѣды *водопровода*, въ древности снабжавшаго Херсонесъ прѣсною водою. Во время осады Корсуна (какъ называется Херсонесъ съ IX в. у русскихъ) кіевскимъ великимъ княземъ Владиміромъ I Святославичемъ, въ 988 году, этотъ водопроводъ, по указанію грека Анастаса, былъ перекопанъ, чѣмъ великій князь и вынудилъ жителей города сдаться. Съ конечнымъ разореніемъ Херсонеса литовскимъ княземъ Ольгердомъ въ 1398 году, водопроводъ забить; лишь его слабыя отрасли питали виноградники, существовавшіе до 1783 года, т. е. до начала заселенія Севастополя.

Въ вѣдѣніи Общества состоятъ музеи: одесскій, еоодосійскій и керченскій, и бібліотека Общества.

Въ 1881 году въ бібліотеку Общества поступило до 40 названій, а въ одесскій музей свыше 500 предметовъ. А затѣмъ, коллекціи общества представляютъ слѣдующую числимость: а) по бібліотекѣ 4200; б) по музею—памятниковъ эллинскихъ, римскихъ, венеціано-генуэзскихъ, монголо-татаро-турецкихъ, отечественныхъ, литовско-польскихъ, инородныхъ, египетскихъ—2183, и монетъ, медалей, жетоновъ и знаковъ отличія 12757,—всего 21140. Въ еоодосійскій музей поступило въ 1881 году 152 предмета, кои съ прежними поступленіями доходятъ до 2378 №№.

На первой страницѣ Отчета помѣщенъ снимокъ съ серебряной монеты кіевскаго князя св. Владиміра (980—1015 г.).

Н. П.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ
въ I томѣ „Кіевской Старины“, 1882 г.*)

- Августинъ Полонскій, архим., 199.
Августъ, король польскій, 215—218.
Австенко В. Г., 199.
Агапитъ, архим. печерскій, 5.
Академія виленская, 266, 280.
Академія краковская, 265, 267, 280.
Аксакъ Янъ, подвоедїи кїевскій, по-
томъ судья, 243, 247, 249, 250.
Александровичъ М. Н., 199, 204.
Александръ-Августинъ Лодзяла, еписк.
уніатскій, 568.
Александръ Казимировичъ, в. кн. ля-
товскій, († 1507), 22, 23, 35,
37, 39, 233, 244.
Александръ Ярославичъ, Невскій, кн.
кїевскій (1249—1263), 5.
Алексій, митр. моск., 11.
Амвросій Келембетъ, архіеп. тоб., 199.
Анастасевичъ В. Г., библіографъ, 314.
Анастасія, дочь в. кн. моск. Вас. Дм.,
жена кїевск. кн. Олелько, 17.
Андрей Боголюбскій, кн., 7.
Андреевъ Никита, дьячокъ, 607.
Андріевскій А., ред. Кіев. Губ. Вѣд., 203.⁴
Антоній Жуминскій, писпект. калужск.
сем., 503.
Антоновичъ Вл. Б., проф. к. ун., его
статья: »Кіевъ, его судьба и зна-
ченіе съ XIV по XVI ст.«, 1—48;
»Петръ I-й въ Равѣ«, 214—218;
»Паны Ходыки«, 233—261; пре-
дисловіе къ Дневнику Освѣцима,
126—129; »Православный мона-
стырь и его уніатская лѣтопись,
418—425; рецензія, 209—211,
401—404; рефераты 586, 589,
591; упомян. 199.
Антоновичъ П. А., бывш. попечят.
кїев., 170.
Антоповъ В., свящ. 199.
Аполосъ Терещевичъ, еписк. укр. 199.
Апостоль Д., гетманъ, 117, 120, 122,
496, 497, 498.
Арандаренко Н. И., полт. губ., писа-
тель, 564.
Арцишевскій, начальн. польск. артилл.
141.
Аскоченскій В. Ип. 499.
Аванасьевъ, подполковн., 179, 180,
182, 387—391.
—
Багалъ Д. И., его рецензія 405—
407; рефераты 585, 588; упомян.
199.
Базановскій Дм., козакъ, 39.
Байранъ-Казн, предвод. орды, 131.
Балабанъ Григ. (Гедеевъ), архим. жиди-
чинск., 74—86.
Балабанъ Федоръ, 81.
Балабушевичъ В., 199.
Балакиръ Федька, староста мозырск. 237.
Балакиры, 30.
Балыка Богданъ, 256.
— Денсь 256, 416.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Балыка Созоя, 257, 416.
 — Яцко, съ 1592 г. войтъ кievск.
 251, 253, 256.
 Баласный, козакъ, 489, 490.
 Бантышъ-Каменскій Дм. Н., 195.
 Бартеневъ Юр., 167.
 Бартолевичъ Ю., 200.
 Ватюшковъ П. Н., 565.
 Бахталовскій Г., 200.
 Безбородко, кн. Адръ Андр., 201, 320.
 Беклежшева Д. А., 171.
 Бепедиктовъ Влад. Гр., его стихи, 166.
 Бевтковскій І., 206.
 Березинъ В., 200, 365.
 Березовый Несторъ, 391.
 Бецкій. Ив. Е., издат. » Молодика «,
 313—315, 323.
 Биберштейнъ Г., 200.
 Библюковъ Дм. Гавр., ген.-губ., 311.
 Билоченко Степко, сотникъ багланов-
 скій, 371.
 Бялый Савва, полк. войсков., 207.
 Бобровскій, каноникъ, профес. вилен.
 ул., 566.
 Богданко, гетманъ, 315, 329.
 Богдановичъ, проф. краковск., 284.
 Боголюбовъ П. Ф., 558.
 Богородскій С. Ос., проф., 172.
 Богоявленскій М., 200.
 Богуль, полк. кагальницк. 376, 378,
 384.
 Бодянский Ос. Макс. 172, 367.
 Бона, королева польск. (итальянка),
 53.
 Бовдаренко, предводит. гайдамаковъ,
 530—537.
 Борзобогатый Крисенскій Ив., управл.
 лупкой епарх., 51.
 Борковский Вас., генеральн. обозный,
 107.
 Борлявичъ Адръ, свящ. 396.
 Боровиковскій Л. И., 398.
 Бородавскій, подполк., 503.
 Бороховичъ Мих., полк. гадячск., 317.
 Врачи Севастіанъ, архит., 257, 416.
 Брель-Платеръ, графъ, 205.
 Бржухайскій, панъ, 144.
 Бригнеръ А. Г., 200.
 Броневскій, королевск. секретарь, 63, 65.
 Брюховецкій, гетм., 316, 349, 350.
 Будяловичъ А. С., проф. варш. унив.
 200.

Бурковский, чин. зѣйков., 545.
 Бурсакъ Федоръ, войсков. атаманъ, 208.
 Бутовичева Наст. Петр., 558.
 Бутовичъ Степ., сотн. седневскій 106;
 генеральн. есаулъ, 484, 485.
 Бѣгановскій, послан. польскій, 131.
 Бѣлинскій Францисекъ, писарь корон.
 276, 296.
 Бѣлоровскій Квр., артилл. экономъ 118.
 Бѣллогова В. Е., 502.
 Бѣллогова Люб. Адр., 502.
 Бѣлоговъ А. И., товарищъ преосв.
 Иннокентія. 502—519.
 Бюргеръ А., издат. » Радуги «, 159.
 —
 Вага, ксендзъ, 292.
 Валькевичъ Петръ, ген. есаулъ, 114,
 492, 493.
 Вардаамъ Шишацкій, архіеп. могилев.
 400.
 Василій Дм., в. кн. моск., 12, 17.
 Василій Ив., в. кн. моск., 24.
 Великавовъ А., 200.
 Велинскій Анд., пріятель М. А. Макси-
 мовича, 164.
 Величко Ил., атам. сосновскій, 111
 —113.
 Вельяминовъ, 116, 490.
 Вельямины Рутскій, митр. униатскій,
 568, 579.
 Велятицкій Ив., писарь пясскій, 61,
 65, 86, 99.
 Венелинъ Юр. Ив., 503.
 Вертѣй Грицько, козакъ, 103.
 Веселовскій А., 200.
 Вигель Ф. Ф., 167.
 Викторъ Садковский, архіеп. черниг.
 540, 551—557; Епитафія ему,
 553—555; отвѣтъ отъ имени его,
 555—557.
 Вижка—венгрия, 89.
 Вижовскій, шляхтычъ, 63.
 Виняцкій, панъ, 526.
 Витовтъ Кейстутовичъ, кн. литовскій,
 10, 12—14, 26, 29, 35, 37,
 43, 236.
 Витоминскій Филанмонъ, іером., 422.
 Вишневскій Іоаннъ, постриженецъ Аю-
 на, 54, 56—59, 81, 94.
 Вишневецкіе Дм. и Мих., старосты
 украинскіе, 34.

- Вишневедкий Іеремія, кн., 130, 135,
 141, 142, 145, 146, 369, 374,
 381.
 Вишняковский Діон., игум. саташовск., 421.
 Владиміровъ А., 200.
 Владиміръ Васильковичъ, кн. волин-
 ский, 5.
 Владиміръ Ольгердовичъ, кн. кievскій,
 5, 11, 12, 37, 43.
 Владиміръ св., кн., 8, 573, 575.
 Владиславъ IV, кор. польск., 56, 265.
 Водяинскій Аватолій, игум. саташ., 421.
 Войницьовъ В. И., майоръ, 118.
 Войтѣхъ, биск. лат. 567.
 Войченко Ясько, посолъ Хмельницка-
 го, 366.
 Волинскій, п. 144.
 Волчковичи, 30.
 Вороновъ А. Д., 590.
 Воронцовъ гр. М. С., 208.
 Вороны, кн., 30.
 Вороны-Боронинскій А., шляхтичъ, 63.
 —
 Гавративскій, сотникъ, 371, 372.
 Гаврилковъ М., протер., 200.
 Гавріилъ Ванулеско, митроп. бессар.,
 221.
 Галаганъ, полк. прилуцк., 317, 318,
 358, 359.
 Галацкій, кн. Левъ. 573.
 Галатовскій І., 219.
 Гамалія Мнх., 491.
 Ганицкій М. 200.
 Ганна, дочь Терлецаго, 61.
 Гарасименко, поруч., 191, 192.
 Гарсави А. Я., 200.
 Гаштольдъ М. Я., воевода кievск., 20,
 40.
 Гаштольдъ Янъ, воевода вил., 17.
 Гванци, 2, 42.
 Гдешинскій М., панъ, 145.
 Гедиминъ, кн. лит., 8.
 Гедройтъ Флоріанъ, кн., 61.
 Гейдештеинъ, 2, 42.
 Герардъ, предсѣд. варш. суд. палаты,
 270.
 Гербаповскій, семнар. кам-подольск.,
 309.
 Гербель Н. В., 200.
 Герберштеинъ, 2, 42.
 Гижовскій Петръ, шляхтичъ люблин.,
 65, 66.
 Гильтебрандъ П., 565.
 Гиллревскій А. К., 200.
 Гишовскій, п., 523.
 Гладкой В. О., 200.
 Глянскій кн. Вас., 24.
 Глянскій кн. Ив., 24.
 Глянскій кн. Мнх. Льв., 20, 22, 24, 25.
 Глухъ Іос., полк. уманск., 379.
 Гнязовичъ Амвр., игум. саташ., 422.
 Гоголь Н. В., 400.
 Голдиковскій, п., 138.
 Гойскій, шляхтичъ, 97.
 Голицынъ кн. Вас., 317, 360.
 Головатый Апт., войск. судья, 207.
 Голованъ А. И., вице-адмиралъ, 118.
 Голованъ, канцлеръ, 214.
 Головкинъ Мнх., канцлеръ, 117, 317,
 364, 479, 483, 498.
 Головчиць, ксендзъ, 269, 279, 298,
 477.
 Голубевъ С. Т., 201.
 Голубинскій Е. Е., проф. моск. акад.,
 201.
 Голубовскій П. В., 399, 403—407,
 584.
 Гольшанскіе, князья, 21.
 Гольшанскій Сем., кн., 16.
 Гонта, полк., 523—525.
 Горайскій Збигнѣвъ, кастелянъ кiev.,
 381.
 Гордіевскій Іос., свящ., 177.
 Гордогъ, 105.
 Горжковскій М., 201.
 Горленко Дм., полк. прилуцк., 317,
 357.
 Горностая, 30.
 Горностая, п. въ Кіевѣ, 41.
 Горностая, региментаръ польскаго вой-
 ска, 219—220.
 Готовцева Марія, ея стихи, 158.
 Готовцева Н., ея стихи, 157—158.
 Грабовскій М., 2.
 Грабянка Гр., полк. гад., 319, 480.
 Грековичъ Антоній, 255, 256, 258.
 Грембецкій, сатирикъ, 557.
 Гречъ Н. И., 264.
 Григорій Постниковъ, еписк. рев., послѣ
 митроп. слб., 514, 515.
 Григорій Цимлякъ, митр. кiev., 43,
 44, 568.
 Григоровичъ, дячокъ, 190.
 — П., 201.

Григоровичъ, 201.
 Гродзичкій. нач. артл., 141, 144, 145.
 Гротъ К. Я., магистръ спб. унвер.,
 408—412.
 Гротъ Я. К., академикъ, 170.
 Грузины братья Ив. и Карпъ, 516.
 Губе, директ. варш. кад. корп., 293.
 Гулевиць Демьянъ, трибун. депутатъ,
 83.
 Гулевиць, шляхтичь, 242.
 Гульчевскій, 130.
 Гульчевскій Станисл., стодляникъ варш.
 366.
 Гурко, гр. Лука, 210.
 —
 Давидъ, архим. печ., 5.
 Давыдовъ, Д. В., 172.
 Давидъ Романовичъ, кн. галлиц., 4.
 Давыдовъ А., адвокатъ лунк., 67.
 Дашкевичъ Н. И., 581, 586, 596.
 Дашкевичъ Н., свящ., 179.
 Дашковичи, 30.
 Дашковичъ Остафій, староста черк. и
 кан. 24, 34, 244, 250.
 Дворецкій, полк. кievскій, 206.
 Дедовичи, 30.
 Дежбовскій, канцеляристъ, 493.
 Демянь, дякъ Терлецкаго, 89.
 Денгофъ, полк., 144, 372.
 Де-Пуле М. О., 201.
 Деркачевъ, становой, 187.
 Дмитрій Ивановичъ, в. кн. моск., 5.
 Дмитрій Суляма, архіеп. кишин., 515,
 516.
 Дятрихштейнъ, арзютект., 219.
 Добрянскій, игум. сѣтяновск., 421.
 Дионисій, нареч. митр. кiev., 5, 12.
 Другошь, историкъ польск., 12.
 Добрянскій Никол., 89—92.
 — Стеф., свящ., 87, 88, 93.
 Добрянскій Ф., 564.
 Должикова М. К., 558.
 Домбровский В. Ф., проф. кiev. унв.,
 405.
 Домонты Черкашенины князья, 30.
 Доценко Несторъ, козакъ, 495.
 Драгомановъ М. И., 172.
 Древанскій Лаврентій, 579.
 Друцкіе, князья, 25.
 Друцкій-Соколянскій, кн. М., 570.
 Дубельтъ Л. В., нач. III отд., 314,
 315.

Дублянскій Гр., 244, 245.
 — Стеф., 244.
 Дуброва, черниг. житель, 558.
 Дублянскій Феоdorf, духовн. царск., 399.
 Думитрашко-Райчъ, полков. переясл.,
 102, 108, 316, 350.
 —
 Евгеній Болховитиновъ, митр. кievск.,
 314, 398, 500, 516, 518.
 (Ейковичъ) Дмитрій, воевода кiev., 2.
 Екатерина II, 322, 607, 608.
 Елагина А. П., 155, 156.
 Еловицкій Захар., королевск. секре-
 тарь, 246, 247.
 Ельцы, 30.
 Епифановичъ Лука, 503.
 Ерличъ, истор., 56.
 Ермоловъ А. П., генер., 208, 403.
 Едковичи, 30.
 Ефименко А., 201.
 Ефименко П., его статьи: «Архивъ Ма-
 лор. коллегій», 193—198; «Образ-
 цы отличит. литературы», 538—
 559; «Одинъ изъ протестовавшихъ»,
 602—608; упоминан. 313.
 —
 Ждановъ И., 201.
 Желѣзнякъ Макс., предвод. козан.
 521, 524, 528—531.
 Жытовскій, судья генер., 205, 206,
 349.
 Жидкевичъ (Жидовичъ Вас.), 371,
 372.
 Жижка Янъ, предвод. таборитовъ, 47.
 Жолкевскій Стан., воевода кiev., по-
 томъ канцлеръ, 256, 257, 416.
 Жолковскій Стан., памѣстникъ старо-
 ства Белзскаго, 51.
 Жолнеръ Март., райца, 241.
 Жоравицкій Маркъ, шляхтичь, управл.
 лупкой епархіей, 51, 57, 62, 63.
 Жуковскій В. А., 165, 168 (стихи его).
 Журавкова, г-жа, 114.
 Журавко Арт., 115.
 — Ивась, 116.
 — бунч. товарищъ, 493.
 Журавовскій, асаулъ генер., 116, 426.
 —
 Заберезинскій Янъ, воевода троцкій,
 23, 24.
 Забокряцкій (Жабокряцкій?), полк.
 корс., 134.

Забѣла Н. Н., 609.
 Завадкій, п., 526.
 Заграйскій, помощник пристава, 178.
 Загородскій Іоаннь, свящ., 179, 393, 396.
 Зайцова Ольга, нев. Максимовича, 167.
 Закревскій Адамъ, шинкарь, 66, 69.
 Закржевскій, полк. чигир., 133.
 Залевскій, п., 378.
 Залѣскій Брониславъ, 201.
 Замоискій Андр., ординаръ, 271, 460.
 — Ома, воев. кiev., 258.
 Заморенки, 30
 Заруцкій Янъ, 270, 463.
 Заславскій, игум. сатан., 421.
 Заславскій, кн. Доминикъ, 138.
 Заувилюховскій Никол., комиссаръ, 130.
 Збируйскій Діонис., еписк. холмскій, 52, 57.
 Зборовскій Мартинъ, 210.
 Зиваній Стеф., 93.
 Злоба Тимофей, архим. супрасльск., 51.
 Знаменскій П. В., 201.
 Зетовъ Вл. Р., 201.
 Зубринъ, бояр., 39.
 Зыбинъ, полк., 558.
 —
 Иванецкій П., 503.
 Иванилевъ Н. Д., проф. к. ун., 73, 609.
 Ивановичъ Кирилль, свящ. усп. церквн въ Кіевѣ, 414—417.
 И. В., его рецензія, 408, 412, 591.
 Игнатій, архим. печ., 45.
 Изопольскій, 325.
 Иловайскій Д., 201.
 Ильинъ, капит., 424.
 Інокентій Борисовъ (преосв. архіеп. терс.), 166, 503—506; письма его къ А. И. Бѣлюгову, 506—519.
 Іпатій Потѣй (Потѣй), 60, 74, 76, 92, 93, 254—256, 578.
 Іриней Нестеровичъ, рект. кишин., еписк. лев., 513, 515, 519.
 Исидоръ, митр., отгушнякъ, 17, 44.
 Истоминъ М. В., 201, 585.
 И. Х., 201.
 —
 Іаковъ, архіеп. нижегор., 171.
 Іаковъ, еписк. влад., 5.
 Іеремія, патр. ковст., 52.

Іеремія Соловьевъ, рект. кiev., еписк. полт., нижегор., 516.
 Іоаннь Альбрехтъ Казимировичъ, 22.
 Іоаннь Альгимунтовичъ, кн. гольшанскій, 14.
 Іоаннь Борисовичъ, кн. кiev., 5.
 Іоаннь III, в. кн. моск., 20.
 Іоаннь-Казимиръ, кор. польск., 271.
 — Ольгердовичъ Свйргайла, 17.
 Іосафъ Миткевичъ, еписк. бѣлг., 322.
 Іова, митр. моск., 17.
 Іона Навинскій, архіеп. тверск., кав. 514, 516.
 Іосафатъ Кунцевичъ, еписк. униат., 259, 569.
 Іосифъ II, имп. австр., 423.
 Іустинъ Михайловъ, бакалавръ к. ак., 503, 504.
 —
 К., 218—220.
 Казановскій, воеводичъ брацлавскій, 144.
 Казимиръ Ягайловичъ, в. кн. литов., 12, 17—20, 29, 37.
 Казимиръ, кор. польскій, 573.
 Калачовъ Н. В., 193.
 Калитовскій Мартинъ, воевода черниг., 142, 144.
 Калитовскій, гетм. коронн., 339, 370.
 Калскій, п., 145.
 Калитшевскій, послѣдній съчевой атаманъ, 435.
 Каманинъ И. М., 583, 587.
 Каменскій Адольфъ, пiаристъ, 275, 277, 296.
 Камыковъ, 552—555.
 Кандиба Федоръ, 103.
 Кандиба Станис., писарь владим., 85.
 Канобасъ Петръ, рѣзчикъ, 188.
 Кантарини Амврос., посльъ венц., 40, 41.
 Капусты, князья, 30.
 Караваевъ В. А., докторъ, 169.
 Каратаевъ, библиофилъ, 556.
 Карчевскіе, 30.
 Карыманъ Левъ, 248.
 К. З., сатирикъ, 541.
 Кириванъ, митроп. кiev., 5, 6, 11, 42.
 Кирилль, митроп. кiev., 5.
 Кирилль Терлецкій, см. Терлецкій.
 Киряченко Сем., козаць, 489.
 Кирѣевскій Ив. В., 155, 161—162.

Кларъевскій П. Вас., 161.
 Клясья Адамъ, воевода кiev., 40, 374;
 письма его къ Богдану Хм., 375—
 376; къ Горайскому, 381—383.
 Клясья Николай, староста черкасскій,
 370, 382.
 Кіевъ, 233—261; замокъ кievскій,
 255, 257.
 Клятичи, 20.
 Кляпскій Гр., іезуитъ, 303.
 Кобызевичева Авдотья, 237.
 — Зоя, 237.
 Кобызевичи, 236.
 Кобызевичъ Вас., 238—240; см. Хо-
 дыка.
 — Иванъ, 236—244.
 — Іовъ, 238.
 — Кузьма, 237.
 — Лазарь, 237.
 — Устинъ, 236—238(Фиць).
 — Феодоръ, 236—237.
 Ковальскій Ант., свящ., его разсказъ
 о крестьянск. волненіяхъ 1855 г.,
 стр. 175—192, 386, 396.
 Колазинскій Петръ, ректоръ кievск.,
 437—438.
 Колонтай Гуго, каноникъ краковскій,
 278, 279, 296, 473.
 Комаровскій Петръ, комьясарь, 130.
 Конарскій, 265, 270.
 Конашевичъ, см. Сагайдачный.
 Кондильякъ, 448.
 Кондрацкій, панъ, 379.
 Ковецпольскій Александръ, 150.
 — Станиславъ, гетманъ,
 панъ краковскій (отецъ предыдуща-
 го), 127—151.
 Ковотопъ, 103, 104, 110, 114.
 Коняскій Онуфрій, ксендзъ, 287,
 288.
 Копыстенскій Мих., владыка перемышль-
 скій, 52.
 Корецкій, кн., 144
 Корженевскій І., 201.
 Корженевскій, скарбникъ, 526.
 Корицкій Криштофъ, 370.
 Корняловъ И. П., 565.
 Коростель Вас., 76.
 Костелецкал Беата, вдова кн. Острож-
 скаго, 209—210.
 Костецкій Як., діаконь, 180.
 Костомаровъ Н. И., 173, 201, 231.

Костюшковичи, 30.
 Костюшковичи-Хоболтовскіе, 86.
 Котлиревскій А. А., проф. к. унив.,
 172, 201, 581, 590, 591.
 Котляревскій Тимофей, писарь вой-
 ском., 207.
 Кочубей, генер. судья, 113.
 Кошелева О. О., 171.
 Кошколдовичъ Андрей, 244, 245.
 Кошачковскій Ілья, 257, 415.
 Коляовичъ М., 58, 60.
 Кравцовъ, 206.
 Крамаренко І., 202.
 Красенскій Іона, владыка луцкій, 57,
 60, 74.
 Красносельскій Солтанъ, сотнякъ, 371,
 372.
 Краткое описаніе Малороссіи, 318—
 320.
 Крашевскій, 202.
 Кребсъ Элеонора, 520, 521, 526.
 Креховецкій Ів., посолъ Хмельницка-
 го, 366.
 Кречовскій, полк. чигиринскій, 134.
 Крещеновскій С., 551, 557.
 Кривецкій Вас., сотнякъ, 371.
 Кривковичъ Васильо, 243.
 — Стефанъ, бурмястръ, 241.
 Крикуновичи, 58.
 Крипникіе, 38.
 Крипяцкій Феодоръ (сынъ В. Ходьки),
 242, 252, 260.
 Кромвель, 212.
 Кропивницкая, 137.
 Кротевичъ Евсеvій, причетникъ, 388,
 389.
 Крыжановскій Е. М., 202; его статья:
 > Учебныя заведенія въ русскихъ
 областяхъ Польши, въ періодъ ея
 раздѣловъ, 262—300, 441—478.
 Кудликъ Корнелій, крестьян. (Рыжій),
 181, 183, 184, 192, 387, 390,
 393.
 Кудревичъ Лука, свящ., 185.
 — Мих., свящ., 178, 180,
 182, 183, 185, 190, 386,
 387, 396.
 Букля Григорій, 393.
 Букля Петро, 192, 393.
 Букса Хамъ, 224.
 Буляшь П. А., 2, 202, 599, 602.
 Булябка Якияъ, 115.

Куракинъ, кн. А. Б. 593—594.
 Кутновскій, драгоманъ, 137.
 Кухальскій Ишт., игум. сатав, 424.
 Куць Ив., сидѣлецъ, 394.

—

Лазаревскій А. М., его статьи: Лизогубы, 101—125; Вольная гетманша, 213—213; Милорадовичи, 479—498; упомин. 196, 223, 229.

Лазкевичъ Ив., 69, 70.

Ластивка Е., 202.

Лашинскій Леонтій, 114.

Лебединцевъ П. Г., свящ. (нынѣ каведр. протоіерей), 170; его предисловіе къ разсказу А. Ковальскаго, 174—175, 176, 178, 179, 180, 182, 386—389, 391, 392, 395, 437.

Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, 317, 364.

Левитскій Іоакимъ, дьячекъ, 395.

Левинскій И. С., 202.

Левинскій Ор., его статья: »Южно русскіе архіереи въ 16 и 17 в.«, 49—100.

Левоничъ О., райца, 241, (Слнчи 245)

Левчановскій В. Т., 513, 516.

Лежннскіе, 526.

Лешети, 30.

Леньковичи, 30.

Леонтовичъ, канцеляристъ, 493.

Леопольдъ, имп. австр., 215.

Лессій, фльдмарш., 328.

Лефортъ, 214, 215.

Лещенко Ив., крестьянинъ, 394.

Либншовскій, поруч., 378.

Лигнековичи-Мстиславскіе, князья, 25.

Лизогубы, о нихъ статья, 101—125; ихъ родословная, 123—125.

Лизогубъ Андрей, сотникъ козопольскій, 106, 109—114.

— Ефімъ, 104, 106.

— Иванъ, полковн. уман., 101, 158.

— Илья, 120.

— Семень, 106, 121, 122.

— Яковъ Кондратъ, полковникъ каневск., 101, 103, потомъ

— полк. черниговск., 104, 105, 317, 357.

— Яковъ (внукъ), 106, 115, гевер. обозный, 117—119.

Лилѣевъ, 565.

Линейкинъ (псевдонимъ), 202.

Линиченко И., 399.

Липоманъ, 520, 521.

Лобанъ Ив., 530; его сказаніе о Бондаренкѣ, 531—537.

Лодзяла, см. Александръ-Августинъ Л.

Лозенскій Θεодосій, еп. холмскій, 57.

Лозки, 30.

Лозовой, козакъ, 122.

Лопатыевъ, капитанъ, 388, 389.

Лопутичъ, кн. Ш. П., 176, 388, 389, 391.

Лукашевичъ, бібліофилъ, 196.

— ксендзь, историкъ, 267, 463.

Лукомскій Степ., сотникъ, 118.

Лукиловичъ П., 202.

Лучинскій И. В., 587.

Лызовъ А., 571.

Лысенко, судья, 493.

Лытквичъ П., 378.

Лѣтопись Самовидца, 321.

Лѣць Самуилъ, корон. стражникъ, 56.

Любовичъ, базиліанинъ, 477.

Любомирскій Ксаверій, 599.

Любомирскій Стан., воевода крак., 144.

Людвикъ венгерскій, 574.

Ляницкоронскій, староста укр., 34.

Ляницкоронскій Леславъ (Прецлавъ), гетманъ, 315, 329.

Ляницкоронскій, Стан., воевода брацлавскій, 370, 373, 377, 380, 382.

Лясота, путеш., 2, 42.

—

М., 576—580.

Маврицкій В., 202.

Магнушевскій, полк. уманскій, 523.

Мазепа Ив., гетманъ, 103—105, 109, 115, 116, 440, 539, 611—615.

Мазовецкій, ротмістръ, 367—368.

Майковъ А. Н., 170.

Макарій Булгаковъ, митр. моск., 202, 576—580.

Макарій Евлашевскій, еписк. пинскій, 58.

Макарій, митр. кievск., 48.

Максимовичъ М. А., статья о его аль-

- Бояѣ, 152—173; упомн. 227, 539, 602.
- Максимъ, митроп. кiev., 5.
- Макушевъ, 202.
- Малашевичъ Ив., кошевой, 363.
- Маливиць В. Н., 589.
- Малышевскій Ив. Игн., проф. кiev. ак., труды его, 202, 500; его рецензія 576—580, рефераты 583, 586.
- Малышка Ив., 63.
- Манджось Хвесько, коз., 495.
- Мажура П., сообщилъ двѣ пѣсни о запорожскомъ расхищеніи, 435—436, легенду и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ, 611—615.
- Маркевичъ Н. А., историкъ, 195, 540, 542.
- Марковичъ Як., 117, 122, 603.
- Марковский, п., 526.
- Мартинка, хлопецъ Терлецкаго, 89.
- Мартиновичъ Дея., бурмистръ, 256.
- Мартыновъ Ив. Ив., 397.
- Марыська, ключница, 532—535.
- Масловичъ И. П., 558.
- Масловъ, біографъ Шевченка, 170.
- Массальскій кн. Игн., вил. еписк. 271, 273.
- Матусевичъ, членъ комитета, 458.
- Матусякъ С. 203.
- Мацво А 203.
- Мацѣвичъ Л. С., его статья »Поляки и русины«, 301—312; сообщ. Процессъ стар. церк. суда, 222—223; »Gaudeamus igitur« К. д. ак., 431—434 (на стр. 434, грубая опечатка: знай, должно быть: злой); его »Матеріалы для исторіи К. д. ак.«, 498—506 и письма пресоа. Иннокентія, 506—519.
- Мачоха Матвѣй, бурмистръ, 256, 257.
- М. Е., 203.
- Мелешкевичи, 38.
- Мелешкевичъ Сем., войтъ кiev., 245.
- Мелешко, паяѣ, 377.
- Мельгуновъ. 542.
- Меягденъ, комм. коллегія президентъ, 317, 364.
- Менгль-Грпей, ханъ, 25, 35, 40, 41, 244, 414, 417.
- Междовичъ Самуиль, войтъ. 260.
- Мякашевскій Н., полк. старод., 109.
- Милорадовичи, 479—498.
- Милорадовичъ Антовъ, 498.
- Гаврило, 494—498
- Григорій, 557.
- Михайль 479—491.
- Николай, 485, 491—494.
- Петръ, 492—494.
- Степанъ, 484, 487, 491.
- Ульяна Степ., 485, 486, 489, 491—494.
- Милорадовичъ. гр. Г. А., 610.
- Милоновъ А. П., 203.
- Мировичъ, полк. переея., 116.
- Мировичъ Дм., 118.
- Мирошевскій, ксендзь, 285.
- Мисаиль, митр. кievск., 44 (опечатка: Михайль), 416.
- Мятковичи, купцы, 239.
- Мятковичъ Ѳ. Б., 239.
- Ѳ. Д. 239 240.
- Евфросинія, 239.
- Татьяна, 239.
- Михайль. кн. черниг. 219—220.
- Михайль Омельковичъ, намѣстникъ Казимира въ Новгородѣ, 20, 21.
- Михайль Рагоза, митроп. 59, 78, 79, 253.
- Михалочъ Литвинъ, 37.
- Мицкевичъ Ад., 173.
- Младановичъ, губерн. уман., 526.
- Павель, сынь, 520, 521, 520, 521, 303, 306.
- М. Н., 202.
- Могыла Петръ, митроп. кiev., 50.
- Мозговой В. Г., 203.
- Мокрицкій, оффиціалъ унiвт., 310.
- Монастыри:
- Выдубицкій, 255.
- Кирилловскій, 243.
- Михайловскій, 258.
- Монтовтовичъ Юрій, литвинъ, 24, 46.
- Моренець Григ., крестьян. 488.
- Морозовичи, 30.
- Морозовы, мѣщане, 415.
- Морочка, слуга Терлецкаго, 63.
- Мошинскій Адамъ, 520, 521.
- Мрочекъ Дроздовскій, проф. моск. ун. 584.
- Мстиславъ, сынь кн. Боголюбскаго, 7.
- Мужиловскій Ант., игумень, 50.
- Мужуха, коз. 122.
- Муравьевъ А. П., 156.

Мюллеръ (опечатка: Мюсаера), 228.
Мясковскій, пань, 135.

Нагнать, посоль Хмельницкаго, 366.
Надеждинъ П. Ив., его стихи, 157,
164, 165.

Налявайко, гетманъ, 3 33.
Нарбутъ Казимиръ, пiаристъ, 294.
Нарушевичъ, историкъ польск. 292.
Незабитовскій, пань. 381.

Некрасова Е. С., 397.
Немпричь Ив., 249.
— Иосифъ, кiev. судья, 75; 249.

Немировичи, 30.
Немировичъ Андрей, кiev. воевода, 46.
Несторенко Макс., посоль Хмельницк.,
366.

Нечаенко, товарищъ Бондаренка, 531,
536, 537.
Нечай Дан., полк. брацлавск., 370, 371.
— Иванъ, 371; Матвѣй, 371.

Никитенко А. В., 172.
Никифоръ, протосингелъ, 93.
Низифоръ Туръ, архим. печерск., 253.
Н. М., 172

Новикъ Матвѣй, асаулъ, 604—608.
Новицкій Ив. П., его статья: » Древнiй
способъ публикации «, 597—601;
»Исключенiе Шевченка за само-
вольную отлучку«, 608—609.

Носовичъ, 397.
Нось Ст. Д., его статья: » Покрытка «,
427—429; Мiсторожденiе Семена
Палiя, 609—611; упоми. 196.

Notus, 220—222.
Нурединъ, султанъ, 138, 151.
Нѣжинъ, 248.

Обузи, 30.
Обуховичъ Якимъ, шляхтичъ, 73.
Обухъ, полк. уманск., 523.
Одичъ изъ народа (псевдонимъ), его
статья: » Тысячелѣтiе Кiева «, книга
3-я, стр. I—VI (между 440 и
441 стр.).

Одоевскій, кн. Вл. О., его статья въ
альбомѣ Максимовича, 153—154.
Одржывольскій, староста винницк., 143.
Олдаковскій, пань, 143.
Оленько Влад., кн. кievскій, 17, 18.
Оленьковичъ, кн. Симеонъ, 210.

Оленьковичъ Митро—псевдонимъ Ш.
П. Александровича, 205.
Ольгердъ Гедиминовичъ, кн. литов.,
7, 8.

Опнсифоръ Дѣвочка, митр. кiev., 51, 52.
Опольскій Владиславъ, 574.
Ординскій Леонт., игум. сатан. 421.
Орловъ В. Я., 515.

Освицинь Стая., дневникъ его (въ
извлеченiи), 126—151, 366—385.
Осовикъ Ив., козакъ, 495.

Остерманъ Андрей, 317, 364.
Острожская, княжна Гальшка, 209—
211.

Острожскій, кн. Конст. Ив., староста
украинскій, 34, 42, 74, 76, 88, 89.
Острожскій, кн. Конст. Конст. († 1608),
243, 251, 598.

Острожскій, кн. Янушь Конст., 251,
252.
Острожскій, кн. Оедоръ Данил., 46,
47, 48.

Охрѣменко Ив., козакъ, 104.
Очеретяный Н., 397.
Оцовскій Ефимъ, 69.

Павель Петровичъ, в. кн., 423.
Павель, кузнецъ, 88.
Павель, пѣвчій, 76.
Павловскій Ив. Дап., 397.
Павловъ М. Г., проф. моск. ун., 154,
163.

Палажка, дѣвка Циципскаго, 54, 66
— 73.

Палѣй Семень Филипповичъ, мiсто-
рожденiе его, 609—610; легенда
и три пѣсни о немъ, 611—615;
упом. 316—318, 353—355, 359.

Палѣй Оедоръ, 609—610.

Панасъ, войтъ, 604.
Панченко О. Т., 600.
Палчинскій Петръ, 561.
Паскевичъ, графъ П. О., 203, 403.

Пачъ, бискупъ кiev., 54.
Нельчацкій Леонтиѣ, еписк. панск., 52.
Пероговскій В. И., 397, 400, 582.
Петрашесята Ювка, 67.

Петровъ Н. И., профес. к. ак., его
предисловіе къ » Разговору Велико-
росси съ Малороссiєю «, 313—325;
рецепци 564—572—576; извле-

ченіе изъ Одесск. Общества, 616—618; труды его 398.
 Петрушевичъ А. С., каноникъ, 583.
 Петръ Великій, 214—218, 420, 611—612.
 Пиковецъ, писарь генерал. суда, 493.
 Пирамовичъ Григ., ксендзь, 269, 272, 277—282, 288, 444, 460, 461, 464, 465, 468—472.
 Пирамовичъ Мих., 272.
 Пиратинскій Ив., полков. сотн., 483.
 Писаревъ К., 609.
 Племянникова Аграфена, 558.
 Погодавъ М. П., 1, 170, 172.
 Погорецкая, 66.
 Погорекій, шляхтичъ, 70.
 Подгаецкій Дам., свящ., 177, 179, 386, 390, 396.
 Покорскій Ал., 115.
 Подозовичи, 30.
 Помуботки Авдр. и Яковъ, 122.
 Полуботокъ Пав., наказн. гетм., 116, 426.
 Полуботчица, 605.
 Повинскій, староста компанцк. 271.
 Пономаревъ А., доцентъ слб. д. ак. 398.
 Пономаревъ Ст. Ив., его статья: »Альбомъ М. А. Максимовича«, 152—173; труды его 398; упомин. 227, 501.
 Понятовскій Мих., примаць Польши, 463.
 Попко Ив., 401.
 Поплавскій Ант., піаристъ, 274—276, 286, 290, 297.
 Порфирьевъ И. Я., проф. каз. д. ак., 398.
 Потапенко И., 398.
 Потенія А. А., проф. харьк. ун., 398.
 Потоцкій Игнатій. писарь лят. 271, 272.
 — Николай, гетм. корон., 144, 149, 151, 334, 335, 367, 370—385.
 — Николай, староста каневскій, воеводичъ белзскій, 421, 423—424.
 — Сялезій, 521.
 — Станиславъ, 441, 459, 475.
 — Фелпась, 215, 217.
 Похилевичъ Л. И., 586.
 Почобуть, 277, (опечатка: Тогобуть), іезуитъ, ректоръ вилевск., 279, 296.

Пребендовскій, панъ, 216.
 Пржезовскіе, князья, 30.
 Прозоровскій Д., 398.
 Прокоповичъ Авдр., протоі. харьк. 397.
 Пронскій, кн. Александръ, 74.
 Проскуры, 30.
 Прохоровъ В., 398, 412.
 Пугачъ Андрей, крестьян., 486.
 Путятичъ, кн. Дмитрій, воевода кiev., 23, 39, 244.
 Пчілка Олена, 398.
 П—чъ Л. (Похилевичъ?), 397.
 Пыпинъ А. Н., 398.
 Пѣшковскій У. П., 510, 511.
 Пясецкій Пав., еписк. каменецк. 151.
 Пясецнскій Алдръ, кастелянъ кiev., 141.
 —
 Рагозинъ, разб. Архивъ Мал. Колл. 197.
 Рагузинскій, гр. Гаврило, 121.
 Радевичъ Л. С., 223
 Радзивилловскій Фед., 185—187.
 Радзивиль, кн. Ялупъ, 151.
 Разумовскіе, 117, 317, 365.
 Разумовскій Ал—ій, 117, 119, 492.
 — К. Гр., гетманъ, 320, 323, 538, 541, 542.
 Рай Гаврило, райца, 241, 245.
 Раичъ Дия., полк. персяск., см. Дуни-трашко-Раичъ.
 Раичъ С. Е., его стихи, 156—157.
 Ракочій, кн. семиградскій, 369.
 Ратомскій, староста остерскій, 249, 250.
 Рачинская Татьяна Ив., въ замужествѣ Лязогубъ, 120, 124.
 Рачинскій, 565.
 Рева, его переводъ, 520
 Ровинскій Д., 228, 398.
 Рожыновскій Половецъ Демянъ, 249.
 — — Мих., 248.
 — — Сем., 249.
 — кн. Юрій Сем., 247—250.
 — Яцко Мих., 248.
 Розовскій, 544.
 Розовъ А. 398.
 Ротчевъ А. Г., его переводъ съ арабск., 159.
 Рубанъ В. Гр., 320.
 Рудченкова Зинаида, 399.
 Рудыка Исаія, игум. сатан., 420.

- Ружинскіє кн., 539.
 Ружанцовъ гр. П. А., 602, 605, 607.
 Рыдла, еп холмскій, 267.
 Рыдловскій Бон., игум. сатан., 421,
 Рѣпнякъ, кн. В. Н. 320.
 Рюхинъ, ряз. купецъ, 425—426.
 Рюрикъ Ростиславичъ, кн. кiev., 7.
 —
 Сааръ, приставъ, 179.
 Савицкій Варлаамъ, игум. сатан., 421.
 Савичъ Семень, генер. писарь, 426.
 — Яковъ, свящ. выбельскій, 605
 — 608.
 Сагайдачный Петръ, гетм., 258, 316,
 331.
 Самойловичъ, гетманъ, 102, 104, 350.
 Самоквасовъ Д. Я., 399, 405, 406.
 Сангушко, кн. Дм. О., 210.
 Сахаровъ В., 399.
 Свиригаило Ольгердовичъ, 14—16,
 47.
 Свиначукъ Дм., козакъ, 495.
 Свириговскій гетманъ, 315, 329.
 Свящовскій Фед., шляхтичъ, 85.
 Свѣчка Леонъ, полк. лубяск., 317,
 357.
 Святенко, крестьян., 389.
 Селигъ А. И., проф., 168, 609.
 Селицкий Богдавъ, ротм., въ монаш.
 Наонаилъ, полоцк. владыка, 50.
 Семашко Александръ, староста лудскій,
 64, 65, 79, 81, 84, 85, 96.
 Семашко Николай, сынъ его, 96—97.
 Семеновичъ Ст., 399.
 Семеновскій Н. М., 349.
 Сенскіє, князья, 30.
 Селяюта (Семеняюта?) Тимоф., судья чер-
 вяг., 123.
 Сенивскій Адамъ, корон. гетм., 420.
 Серапионъ, архим. печ., 5.
 Серафимовъ С., 399.
 Серафимъ Глаголевскій, митр. сб., 514.
 Сергiевскій Н. А., 565.
 Сигизмундъ, кн. литовск., 23, 25.
 Сигизмундъ III, король польскій, 49,
 50, 63, 74, 75, 78, 84.
 Сигизмундъ Кейстутовичъ, кн. старо-
 дубскій, 16, 17, 47.
 Сигизмундъ Корибутовичъ, 46.
 Сильвестръ, игум. сатан., 420.
 Сильницкій Модестъ, игум. сатан., 421.
 Симеонъ Омельковичъ, кн. кiev., 19.
 Симеонъ Ольгердовичъ, 12, 18.
 Симоновъ М. Т., 600.
 Синопеусъ, докторъ, 118.
 Смальковский, историкъ, 194.
 Сквирайло Ольгердовичъ. кн. кiev., 5,
 6, 12—14.
 Скобейко, кievлянинъ, 17.
 Скобейко Юрій, кiev., 249.
 Скорина, 566.
 Скоропадская Наст. Марь., 121, 122.
 Скоропадскій Ив., генер. бунч., потомъ
 гетм., 107, 110, 111, 116, 121,
 362, 495, 496.
 Скоропадскій Ив. Мях., депутатъ, 650
 — 607.
 Скоропадскій, подскарбій, 493.
 Скоропадскій Як., 605.
 Скушетульскій, діаристъ, 292.
 Служки, 30.
 Смарагдъ Крыжановскій, архим., ня-
 сисекторъ кiev. ак., потомъ архіеп.
 ряз., 503.
 Смирницкій Симеонъ, свящ., 396.
 Смирновъ П., 399.
 Смыковская, шляхтянка, 73.
 Снядецкий Янъ, проф. крак., 271, 278,
 283—285, 298.
 Собко Ив., крестьян., 393, 394.
 Соколовъ Н., свящ., 399, 572—576.
 Сологоровская Е. И., 399.
 Соломонъ, чернецъ, 540.
 Сошковицъ Богданъ, войтъ, 261.
 Соснянскій, п., 138.
 Спасовичъ В. Д., 399.
 Ставровскій А. И., проф., 609.
 Стадниций, полк., 337.
 Станиславъ Понятовскій, кор. польскій,
 270, 459, 521.
 Станишевскій Войтехъ, адвок. луцк., 90.
 Старицкий М., 399.
 Стасовъ В., 399.
 Стефановскій Т., 399.
 Стефанъ Баторій, кор. польск., 50,
 51, 58, 63, 74, 531.
 Стефанъ, поль., 59.
 Стоковский, панъ, 138.
 Стопанскій Мойс, игум. сатан., 421.
 Сторженко А. В., 584, 591.
 Стрижевскій Тимоф., священ., 179,
 386—388, 396.
 Стройновскій, профес. виленскій, 289.
 Струтинскій Фока, свящ., 311.

Стрыбели, кн., 30.
 Стурдза С. Д., бессар. губери., 221.
 Суденко М. О., 196.
 — Ос. Ст., 594.
 Судковский, воевода гнзнен., 271, 273.
 Сумароковъ А. П., 571.
 Сумцовъ Н., 399.
 Сурицы, 30
 Сурявъ Гордей, 243, Потай. 243.
 Суша Яковъ, унѣтъ, 573.
 Сѣраковскій, нач. артиллеріи, 141.

—

Тавскій Вас., полк., 496.
 Тарановскій Н. Г., 400.
 Тарновскій В. В., 226, 228.
 — Яковъ, 493.
 — графъ, 466.

Тарасій, еписк. рост., 5,
 Текелли, генер., 194.
 Темиръ-Кутлукъ, 5.
 Теплова Над., 162.
 Теплова Серафима, ея стихи, 160, 162.
 Тепловъ Гр. Н., 602.
 Терлецкая Ганна, дочь Кирилла, 61.
 — Марива, жена Яроша, 62.
 Терлецкій Андрей, 94.
 — Афанасій, архіеп. полоцк., 50.
 — Вас. Гр., 62.
 — Ивалъ, урядякъ, 61, 94, 95, 96.
 — Кириллъ, еписк. лужк., 54, 57—100.
 — Проконъ. 62.
 — Ярошъ, 62, 85, 98.

Тяжковскій Е. О., 168.
 Тяжковскій Илья Оед., 169.
 Тискиневичъ Гргг., гетманъ коз., 256.
 Титовъ В. П., 155.
 Тихомировъ Е. 400.
 — Н. 400.

Товіаскій, мистикъ, 295.
 Толкуновъ, землѣръ, 186.
 Толстой, графъ М. В., 400.
 — — Ю. В. 400.
 — — Петр. Андр. 317, 363.

Томашевскій, п., 526.
 Томашенко, 400.
 Томялявъ, риз. куп., 425—426.
 Тредьяковскій В. К., 571.
 Трояновскій З. И. 511.

Тугай-бей, предвод. татаръ, 139—147.
 Турорзанъ, полов. ханъ, 248.
 Туробайскій Рафаяль, свящ., 396.
 Турчиновичъ Іос., ксендзъ, 473.
 Туръ Андрей, крест., 488.
 Тучапскій Онуфрій (опечатка: Тучапскій), игум. сатан. 424, 520, 521.
 Тщинскій, проф. крак. 284.
 Тыши, 30.
 Тышкевичъ, воевода кiev., 56.
 Тышкевичъ, графъ Е. П. 565.
 Тышковичи, князья, 30.

—

Уваровъ, графъ А. С. 400.
 Уздыхальница, гора, 257.
 Уласенко, товарищъ Гопты, 523.
 Улашевичъ Копст., игум. сатан., 421.
 Уманецъ. О. М., 400.

—

Фалицкій Сава, свящ., 63.
 Федоровичъ Лсопъ, райца, 245 (сличя 241).
 Фелинскій, каноникъ, 573, 575.
 Фелицынъ Е. Д., 206, 400.
 Филаретъ Гумилевскій, архісп. черниг., 196, 400, 564, 609.
 Филевичъ И. П., 400.
 Филлипъ, маляръ, 59, 93.
 Фицъ, см. Кобызевичъ Устиць.
 Фотій, мятр. моск., 43.

—

Халанскій И. И., директоръ новгородъ-сѣв. гяиц., 592, 594—597.
 Халецкіе, князья, 30.
 Харитопенко, 196—197.
 Хвостова А. П., 166, 167.
 Хижнякъ В. М., черн. гор. голова, 611.
 Хмельницкая Анна, 213.
 Хмельницкій Богданъ, въ представленіи Кромвели, 212; къ портрету В. Х., 226—231; упомян., 213, 316, 324, 329, 334—342, 344—348, 366—370, 375, 379.
 Хмельницкій Великъ, 315, 329.
 — Юрій, 362.
 Ходкевичъ, графъ, 530.
 — Ив., кiev. воев., 40.
 Ходыка-Криницкій Вас. (Кобызевичъ), райца, 39, 41, 238,—252.
 Ходыка Іовъ, 238 242.
 Ходыка Федоръ, райца и войтъ, 241, 245, 246, 253, 254, 256, 258,

- 259, 416; его дѣти—Андрей, 260, 261; Иванъ, Иосифъ, 259, 260.
 Ходыки, паны, 233—261.
 Ходыкова Богдана, 245.
 Хойнацкій А. О., протоіер., 400, 569.
 Хонискій, нач. артил. польск., 141.
 Холодисскій Варѣ, игум. сатан., 420.
 Холоновскій, поруч., 378.
 Хоменко Яцко, коз., 495.
 Хорошунувъ О., свящ., 400.
 Хребтовичъ Іоакимъ, подканцлеръ лит., 271.
 Хребтовичъ Мелетій, еп. влад., 51, 75.
 Хрущовъ А. П., 400.
- Церковь успенская на Подолѣ, 257, 413—417.
 Цегельскій, п., 526.
 Цимисскій, шляхтичъ, 66—68, 70.
 Цицюра, гетманъ вак., 361.
- Чаевъ Н., 172.
 Чалый Яковъ, атаманъ запор., 317.
 Чапковскій А. Т., 400.
 Чарнецкій, поруч., 145.
 Чарнынь, полк. галицк., 116, 121, 480, 486, 487, 497.
 Чарторыйскіе, князья, 17.
 Чарторыйскій Адамъ, 271, 477, 479 (жена его, 472).
 Чепельскъ, подлекарь, 605—608.
 Челнга Зах., кошеи. атаманъ, 207.
 Черевчей Вас., войтъ кievскій, 241, 244, 245.
 Черевчівна Палагея, 245.
 Черпиговъ, 194, 195, 405, 540.
 Черпынь Петро, 492.
 Чернодубравскій Іоаннъ, свящ., 179, 180, 386, 387, 396.
 Четвертинскій, кн. Теодоръ, 138.
 Чечкало Ив., 545.
 Чижевскій Іосифъ, іером., 420.
 Чистовичъ И. А., 400, 501.
 Човпила Ілья, 429—431.
 Чуйкевичъ, бунчукъ товарищъ, 496.
- Шаблявъ Георгій, крестьян., 393.
 Шавула, 38.
 Шайноха, истор., 2, 126, 400.
 Шаликова Ал.—ра, 157.
 Шараневичъ Из., проф. львов., 209—211.
- Шафонская Барвара, 558.
 Шаховской, кн. Ив., 498.
 Шахъ, гетм., 316, 331.
 Шевченко Т. Г., 170, 400, 589—590, 608.
 Шевырвѣ С. П., 160—161.
 Шелякъ, генер., 363.
 Шемберкъ, ротм., 142.
 Шереметевъ, Бор. Петр., 314, 316, 355, 361.
 Шибяскій Никод., архим. жидич мон., 54, 85.
 Шивковичъ Шклипскій Томашъ, шляхтичъ, 69.
 — Теодоръ, 85.
 Шкуренко гр., коз., 110.
 Шляхтингъ, аріапинъ, 151.
 Шпостаченко Ден., коз. 111, 112.
 Шпакъ Романъ, сотникъ, 371, 272.
 Штмипевскій, наказ. гадяцк. полк. 490; судья, 497, 498.
 Шугуровъ Н. В. 592.
- Щелковъ К. П. 401.
 Щеневскіе, князья, 30.
 Щербина, козакъ, 537.
 — посолъ Хмельницкаго, 367.
 — Ф., 401.
 Щигловскій, сотникъ туляголов. 603.
 Щирскій Інноцентій, граверъ, 437, 438.
 Щуровскій Гр. Еф., проф. моск. ун., 170.
- Эдигей, предвод. татаръ, 19, 41.
 Эльдинъ, равнинъ, 401.
- Юдицкій, фаворитъ Виктора Садковскаго, 552, 553
 Юзефовичъ Ив., свящ., 259.
 Юзефовичъ, 587.
 Юрша, воевода кiev., 16.
 Юшкевичъ, 401.
- Яблоновскій Явъ Стан., воевода червонорусск., 214.
 Яворовскій, 401.
 Яворскій Гавр., свящ., 176.
 Ягайло, в. кн. лит., кор. польск., 9, 13.
 Ядвига, супруга Ягайлы, 9, 12, 15, 16.
 Языковъ Н. М., 63.
 Яковичкіе, 86.

Янкулю, совѣтникъ, 179, 180, 182,
387—389.

Яновскій И., 401.

Ярославъ Владиміровичъ, в. кн. кiev.,
40.

Ярославъ Всеволодовичъ, кн. кiev., 5.

Ярославъ Ярославичъ, кн. кiev., 5.

Ярошъ, ключн., 532.

Ясновскій, другъ М. А. Максимовича,
158.

Яснопольскій Гряг., 115.

Яцкирскій Фед. Вл., 308.

Федоровичъ Кирилль, дьячекъ, 391,
395.

Федоровичъ Іосифъ, игум., 213.

Феодоръ Ив. Бѣльскій, 21.

Феодоръ, кн. кiev., 5.

Феодоръ, кн. острожскій, 46—48.

Феофанъ грекъ, еписк. меглянск. 74,
75.

Феофанъ Прокоповичъ. 324.

Фона, намѣстн. кiev., 6.

—
Z. Z., 401.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ I. 1882 г.

Январь.

- I. КІЕВЪ, ЕГО СУДЬБА И ЗНАЧЕНІЕ СЪ XIV ПО XVI СТ., **Вл. Антоновича**. 1
- II. ЮЖНО-РУССКІЕ АРХІЕРЕИ XVI.—XVII В. **О. Левицкаго** 49
- III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ (Лизогубы), **А. Лазаревскаго**. 101
- IV. ДВЕННИКЪ ОСВѢЩИМА (въ явлеченіи и переводѣ), съ предисловіемъ **В. А.** 126
- V. АЛЬБОМЪ **М. А. Максимовича, С. Пономарева**. 152
- VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (въ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губ. 1855 г.), сообщ. **П. Л.-въ**. 174
- VII. АРХИВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ КОЛЛЕГИИ при харьковскомъ университетѣ, **М. Ефименко**. 193
- VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ и статей по исторіи южной Россіи за 1881 г. 2) Библиографическія замѣтки: а) Историческіе матеріалы изъ архива кievскаго губернскаго правленія, выпускъ 1-й.—б) Остерскій уѣздъ. Вып. 1-й, ч. 1-я. **М. Н. Александровича**.—в) Памятная книжка кубанской области, **Е. Д. Феляцына**.—г) Гальшва княгиня Острожка, оповѣдане историчне д-ра **Из. Шараневича** 199
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля.—б) Властная гетманша.—г) Петръ 1-й въ русской Равѣ въ 1698 г.—г) Осиrotѣлье колокола.—д) Скоромная водка.—е) Процессъ церковнаго суда въ малорусскихъ междоуметіяхъ.—ж) Забавная родословная (рисунки и стихи) и з) Къ портрету Хмельницкаго 212
- ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Хмельницкаго (снимокъ съ оригинала XVII в.).

Февраль.

I. ПАНЫ ХОДЫКИ, воротилы городского самоуправления въ Киевѣ въ XIV—XVII ст., Вл. Антоновича	233
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ въ періодъ ея раздѣловъ	262
III. ПОЛЯКИ и РУСИНЫ (къ исторіи ихъ бытовыхъ отношеній). Л. Мацѣвича	301
IV. РАЗГОВОРЪ ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ (Литературный памятникъ 2-й пол. XVIII в.) съ предисловіемъ Н. И. Петрова	313
V. ДНЕВНИКЪ ОСВѢЩИМА, съ предисловіемъ В. А. (Продолженіе)	366
VI. ПОСМЕРТНЫЙ РАЗСКАЗЪ О. АНТОНІЯ КОВАЛЬСКАГО (къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кievской губ. 1855 г.), сообщ. Н. Л-въ. (Окончаніе)	386
VII. БИБЛІОГРАФІЯ: 1) Указатель книгъ по исторіи южной Россіи за 1881 г. (<i>Окончаніе</i>). 2) Библіографическія замѣтки: а) Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Соч. Ивана Цолко . Выпускъ первый—гребенское войско. В. А. —б) Исторіи сѣверской земли до половины XIV в. Петра Голубовскаго . Д. Б. —в) Моравія и мадьяры съ половины IX до нач. X вѣка. К. Л. Грота .—г) Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемые по Высоч. соизволенію В. Прохоровымъ . В. И.	397
VIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Соборъ вмѣсто собора (къ исторіи кievскихъ соборовъ).—б) Православный монастырь и его уніатская лѣтопись (къ исторіи сатавовскаго монастыря подольской епархіи).—в) Комнавейскія иглаки.—г) Покрытка. Ст. Фовъ-Посъ .—д) Илія Човпилла , бѣсамя въ службу записавшійся (изъ области народныхъ суевѣрій).—е) <i>Gaudeamus igitur</i> кievской академіи.—ж) Запорожское расхищеніе (двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли.—з) Объясненіе приложенія	413
ПРИЛОЖЕНІЕ: Кievская академія и ея студенты (1697—1702 г.).	

Мартъ.

I. ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ КІЕВА	1—VI
II. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ РУССКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ ПОЛЬШИ, въ періодъ ея раздѣловъ (<i>Окончаніе</i>). Е. Крыжановскаго	441
III. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. (Малорадовичи), Ал. Лазаревскаго	479
IV. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. Письма Иннокентія 1820—1823 г., съ предисловіемъ Л. М.	499

V. ОПИСАНІЕ ВѢДСТВІЯ, ПОСТИГНАГО УМАНЬ И ВСЮ УКРАИНУ въ 1768 году	520
VI. СКАЗАНИЕ О БОНДАРЕНКѢ по народнымъ преданіямъ.	530
VII. ОБРАЗЦЫ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. II. Ефименко	538
VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Матеріалы для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи.—б) Описаніе рукописей виленьской публичной бібліотеки. Составилъ Ф. Добринскій. Вильно. 1882 г.—в) Ченстоховская чудотворная икона Богоматери. Свящ. Н. С—лова. Вильно. 1881 г.—г) Исторія русской церкви. Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго. Т. X. Сиб. 1881 г.	560
IX. ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Историческое общество Нестора лѣтописца въ 1881 г.—б) Неосуществившійся университетъ въ Новгородъ - Сѣверскѣ.—в) Древній способъ публикаціи. — г) Одинъ изъ протестовавшихъ. — д) Исключеніе Т. Г. Шевченка за самовольную отлучку.—е) Мѣсторожденіе Семена Палія.—ж) Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ.—з) Одесское общество исторіи и древностей въ 1881 году.	581
АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ жѣсть и предметовъ, упоминаемыхъ въ I томѣ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ
„ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА“
съ приложеніемъ
„ХУДОЖЕСТВЕННОГО АЛЬБОМА“.

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: *И. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилле, Е. Волковъ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, П. Кузнецовъ, Л. Лаврѣо, К. Лемока, В. Маковскій, В. Масаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоедовъ, В. Полтыновъ, И. Пранишниковъ, И. Рипинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишкова и Шарлемань.*

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) **Беллетристическій отдѣлъ.** Повѣсти, рассказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣателей въ искусствѣ. 2) **Критическій отдѣлъ.** Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензія и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. **Смѣсь.** Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. 3) **Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ, школъ существующихъ въ Россіи.** Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) **Послѣдняя страница.** Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на вопросы публики и художниковъ. 5) **Приложеніе.** „ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ“.

„Художественный Альбомъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Рисунки и портреты въ „Художественномъ Журналѣ“ исполняются посредствомъ фототипіи, фотогравюры и гравюры на мѣди (офортъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и отдѣльнаго большого альбома, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получаютъ журналъ съ рисунками и портретами, но безъ преміи.

„Художественный Альбомъ“ (ПРЕМІЯ) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $\frac{3}{4}$ арш.

Первый листъ — Крахъ банка. Картина В. Маковского.

Второй листъ — Утро стрѣлцкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ -- Подъ липами. Картина В. Каульбаха.

Иногородные подписчики для пересылки премій — „Художественнаго Альбома“ за 1881 г., благоволятъ дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ.

«Художественный Альбомъ» (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „Художественнаго Альбома“ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе трехъ и не болѣе пяти.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ номеромъ.

О Ф О Р Т Ъ И. И. Ш И Ш К И Н А.

Величина этого офорта одинъ аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка вышины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины.

Офортъ этотъ печатается въ Берлинѣ, въ знаменитой мастерской Л. Беккера. Чтобы судить о трудности исполненія этого громаднаго офорта, мы должны указать на то обстоятельство, что г. Беккеръ взялся исполнить этотъ офортъ при печатаніи его не болѣе двадцати экземпляровъ въ сутки.

Иногородные подписчики на 1882 г. для полученія преміи— „Художественнаго Альбома“ по третью благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ Москвы и Петербурга, которые пожелаютъ получить премію съ доставкою на домъ.

Цѣна „Художественнаго Журнала“ съ приложеніями и съ „Художественнымъ Альбомомъ“ остается та-же. Съ пересылкою и доставкою на годъ:

**6 рублей и на полгода 4 рубля; съ пересылкою
за границу 8 рублей. Съ пересылкою премій
7 рублей 50 копѣекъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невскаго и Троицкаго (подъвѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ д. № 58, и Мамонтова, на б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Дацаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголъ Невскаго и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ издатель Н. Александровъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА

въ 1882 году.

Подписка на 1882 г. (4-ый годъ изданія) открыта.

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

Варшава. Въ редакцію Русскаго Филологическаго Вѣстника. Русскій Филологическій Вѣстникъ выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (XN) отъ 10 до 15

листовъ каждая. (Двѣ книги (два NN) составляютъ томъ). Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племень, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библиографія, научная хроника.

Къ каждому N журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) Педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

a) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробныя листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности;

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

ПОДПИСКА

на ежедневную общественную, литературную и политическую газету

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1882 ГОДА.

(Второй годъ изданія)

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обзоръіе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ »Южнаго Края« и телеграфныхъ агентствъ. VI. Последние извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи »Южнаго Края« и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Политическое обзоръіе. IX. Внѣшнія корреспонденціи. X. Фельетонъ научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библиографія. XIII. Смѣсь. XIV. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Объявленія.

Редакція имѣеть собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ южной Россіи: въ *Азовъ, Александровскъ, Ахтыркъ, Бердянскъ, Богодуховъ, Вьлгородъ, Бирючь, Бахмутъ, Валкасъ, Волчанскъ, Воронежъ, Гадячь, Грайворонъ, Елисаветградъ, Екатеринославъ, Зньковъ, Зміевъ, Изюмъ, Кіевъ, Кишиневъ, Кобелякасъ, Константиноградъ, Кременчуть, Куплинскъ, Курскъ, Керчи, Кутаисъ, Лебединъ, Миргородъ, Мелитополь, Мариуполь, Ньжинъ, Новочеркасскъ, Новомосковскъ, Одессъ, Остропъ, Полтавъ, Павлоградъ, Поти, Переяславъ, Путивль, Пуриятинъ, Ромнасъ, Ростовъ на-Дону, Славянскъ, Славяносербскъ, Ставрополь, Старобольскъ, Старомъ Осколь, Симферополь, Севастополь, Суджъ, Сумахъ, Тамбовъ, Тифлисъ, Талакротъ, Херсонъ, Черниловъ и Ялтъ.*

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція позаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы и Америки.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	Нѣ 1 мѣс.
Безъ доставки . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою . . .	12 „ -- „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается только, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Главная контора редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского Университета, № 7-й при „Публичной библиотикѣ“ А. А. Юзефовича, принимаетъ подписку и объявленія.

Издатель А. А. Юзефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Подписка на 1882 годъ
экономической, общественной, политической и литературной
газеты
„ТРУДЪ.“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. **Официальный отдѣлъ:** Правительственныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. II. **Руководящія статьи** по разнымъ государственнымъ вопросамъ въ сферахъ: законодательной, судебной и административной, а также обсужденіе вопросовъ, порождаемыхъ общественною жизнью, въ сферахъ экономической, образовательной и въ сферахъ самоуправления. III. *Статьи, относящіяся къ политическому, экономическому и соціальному положенію зяйства и управленія. Хроника городскихъ событій и происшествій.* IV. *Статьи по части исторіи, статистики, педагогич., этнографіи и другимъ отраслямъ человеческого знанія* V. **Критика и библиографія.** VI. Отдѣлъ „Среди газетъ и журналовъ“. VII. **Фельетонъ.** Очерки и рассказы беллетристическаго характера въ прозѣ и стихахъ. Обзорнія и статьи литературно-критическія. Рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Фельетонъ изъ жѣстной общественной жизни и жѣстныхъ событій и происшествій. IX. **Корреспонденціи.** X. **Политическія заграничныя новости,** заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ иностранной политики. XI. **Телеграммы** международнаго телеграфнаго агентства, Гававъ и собственныхъ корреспондентовъ. XII. **Судебная хроника** безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. XIII. **Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника.** XIV. **Справочный отдѣлъ:** базарныя цѣны, приходъ и отходъ пароходовъ и поѣздовъ, зрѣлаша и увеселенія; перечень дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ. XV. **Объявленія.**

Газета **ВЫХОДИТЬ** въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа три раза въ недѣлю: по **понедѣльникамъ средамъ и пятницамъ, съ ПРИЛОЖЕНІЯМИ ПО МѢРѢ НЕОБХОДИМОСТИ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Кіевѣ:	на годъ	6 руб. — коп.,	на полгода	4 руб.
Безъ доставки	»	»	»	3 »
Съ пересылкою иногороднямъ	»	8 » —	»	5 »

Пріемъ подписки и объявленій въ главной конторѣ редакціи, въ Кіевѣ, на Михайловской ул., въ д. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Кромѣ того, подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Н. Г. Мартынова.—Въ Москвѣ: въ отдѣл. варшавск. агентства Райхмана и Френдлера, малая Лубянка, д. Обидной, при Славянской библ., въ центр. конторѣ объявленій, бол. Дмитровка, и въ конторѣ Плетникова, Москва, Софійка, церкви. докъ.—Въ Парижѣ, Agence Navas et Cie—Place de la Bourse 8, à Paris.—Въ Варшавѣ, аген. объявл. Райхманъ и Френдлеръ, Сенаторск., № 22.—Въ Черниговѣ, у г. Кранца и Данюшевскаго, въ Нѣжинѣ у г. Куриленка, въ Стародубѣ у г. Неронова, въ Харьковѣ у г. Сыхры, въ Енатеринославѣ у г. Голубовскаго, въ Полтавѣ у г. Бойно-Родзевича, въ Елисаветградѣ у г. Н. К. Мечнида, въ Каменецъ-Подольскѣ у г. Симоновскаго, въ Житомирѣ у г. Будкевича, въ Немировѣ у г. Шерра, въ Тифлисѣ въ главномъ агентствѣ газетъ г. Петрова.

Редакторъ-издатель Г. Т. Корчанъ-Новицкій.

Запросины до предплаты на малоруску часопись

„ДѢЛО“

выдавану во Львовѣ (въ Галичинѣ—Австрійской Имперіи).

Удостоявшись Выс. призову на допускъ нашей часописи „Дѣло“ въ границѣ Россійской Имперіи, запрошуемо сямъ письмомъ до предплаты на „Дѣло“ зъ слѣдующимъ рокомъ 1882.

„Дѣло“ буде и въ р. 1882 выходити два разовѣ въ тыждень, що среды и суботы въ великомъ листѣ печатномъ (in folio).

Головни отдѣлы „Дѣла“ ось яки:

- I. Вступни артикулы о справахъ, дотычачихъ малоруского народа.
- II. Дописи зъ Галичины, Буковины, Угорщины и Украины.
- III. Политичный переглядъ всѣхъ европейскихъ державъ, зъ особеннымъ увзглядньемъ славянскихъ народовъ.
- IV. Новинки и дробны вѣсти.
- V. Литературни вѣсти и замѣтки.
- VI. Послѣдни вѣсти политични и телеграммы.
- VII. Фейлетовъ: литературни и наукови розвѣдки, критики, литературни и артистични перегляды малоруской литературы и штуки, повѣсти и оловѣданя.

Яко литературный додатокъ „Дѣла“ выходятъ:

„Библіотека повѣстій“ подае передъ всѣми повѣсти зъ другитъ европейскитъ литаратуръ переложени на малорускій языкъ; однако тѣмъ не выключаются зъ програмы и оригинални малоруски повнсти.

Предплата на „Дѣло“:

безъ dodatku: Библ. повѣстій	зъ литер. додаткомъ:
на цѣлый рокъ 8 рублей.	12 рублей.
на $\frac{1}{2}$ року 4 рубля.	6 рублей.
на $\frac{3}{4}$ року 2 рубля.	3 рубля.

Предплата на „Библиотеку повѣстій“ (безъ „Дѣла“):

на цѣлый рокъ 5 рубл.
на $\frac{1}{2}$ року 2 р. 50 к.

Предплату такъ на „Дѣло“ якъ и на „Библиотеку повѣстій“ треба присылать въ оплаченнѣхъ листахъ подъ адресомъ: *Въ администрацію Дѣла во Львовѣ* (Галичина—Австрія).

Всѣ письма до редакціи „Дѣла“ треба высылать: Въ редакцію „Дѣла“ во Львовѣ, ул. Академична ч. 8 (Галичина—Австрія).

Володимиръ Барвѣньскій редакторъ „Дѣла“.

ВОСТОКЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Газета ВОСТОКЪ служитъ органомъ православныхъ восточныхъ народовъ, выходитъ два раза въ недѣлю.

ПОДПИСКА

	съ доставкою и пересылкою	За границу
За годъ	8 р. — к.	10 р. — к.
За полгода	4 р. 50 к.	5 р. — к.

Въ Москвѣ въ редакціи, у Малаго Каменнаго моста, д. Полякова; Ферапонтова на Никольской и др., въ С.-Петербургѣ на Большой Садовой ул. д. Коровина № 16, въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тулова и въ Одессѣ у И. Ю. Вучина, на Итальянской улицѣ и у г. Омиро-Георгіади.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ,
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

„**ЗАРЯ**“.

Открыта подписка на 1882-й годъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

I. Телеграммы. Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни.

Кромѣ телеграммъ „Международнаго Телеграфнаго Агентства“, редація получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ Юга Россіи.

II. Отдѣлъ внутренней. А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предложеніяхъ, Б) руководящія статьи, по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщения, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправления; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевъ; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзорнiе русской и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской. А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный. А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный. А) Руководящія статьи по вопросамъ внѣшней политики; Б) корреспонденціи изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

VI. Фельетонъ. Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обзорнiя и статьи литературно-критическія, рецензіи театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смѣсь. Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый. Свѣдѣнія объ урожаахъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговля корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ внутренихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюллетени. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Періодическія торговля и биржевыя обзорнiя.—Жельнодорожная хроника.

IX. Отдѣлъ справочный. Жельно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюллетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кievской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ рассмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западн. жел. дор. и свѣдѣнія о наложныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или пересылкой.	Безъ доставки.
На годъ . . .	10 руб.	8 руб.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	6 руб.	5 —
„ 3 мѣсяца . . .	4 руб.	3 —
„ 1 мѣсяцъ . . .	1 руб. 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годового взвosa, причемъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб., 1-го іюня 2 р. и 1-го сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается чрезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ главной Конторѣ газеты „ЗАРЯ“, на Крещатикѣ, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородніе благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ Главную Контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель *И. А. Андреевскій.*

ПОДОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна съ пересылкою 5 р.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ три раза въ мѣсяцъ въ г. Кременецъ Волынской губ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою 5 руб.,—безъ перес. 4 руб.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА въ мѣсяць, 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца, въ объемѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей при Екатеринославской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 руб. серебромъ.

ХЕРСОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 23-й).

Выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Адресъ: въ городъ Одессу.

КИШИНЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

выходятъ два раза въ мѣсяць 1-го и 15-го чиселъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ 6 р.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ 20-й),

выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна съ пересылкою 5 р. 60 к.

„ЧЕНСТОХОВСКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОГОРОДИЦЫ.

**Историческое изслѣдованіе, съ изложеніемъ находенія
этой иконы въ г. Ченстоховѣ. Г. Вильно. 1881 года“.**

*Въ книгѣ нѣсколько рисунковъ, каждый въ цѣлую страницу
книги.*

ПРОДАЕТСЯ: въ Вильнѣ, у законоучителя учительскаго института
Никодима Соколова, на Большой улицѣ,—по 40 коп. съ пересыл-
кою (можно высылать марками), а за 3 экз. 1 р. съ перес.

